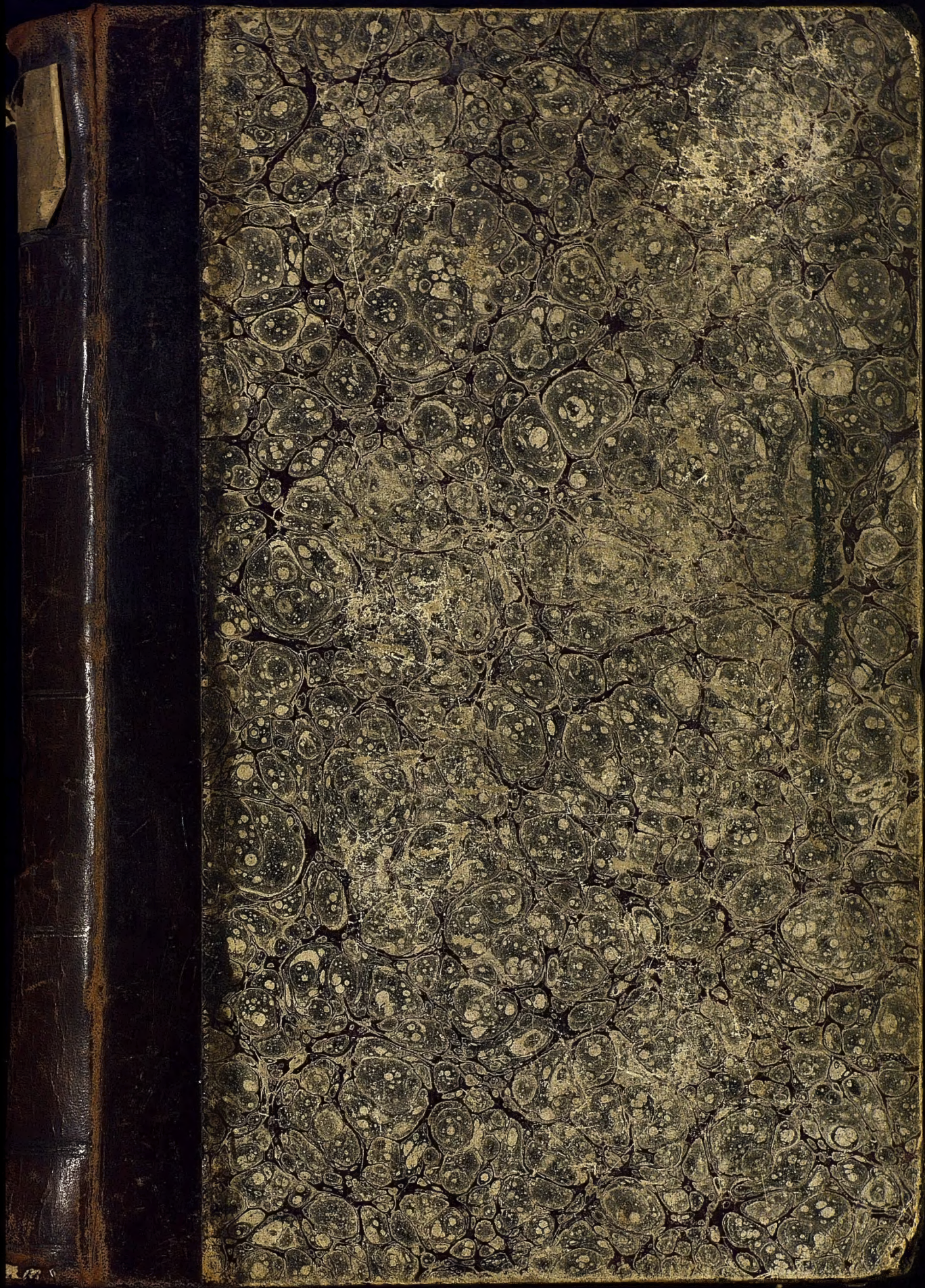


456
4-5-6

299.

9(47)
Р88с 46

1 - 27 - 27

9(47)
Р 88С46

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. АПРѢЛЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **За полстолѣтія. 1841 — 1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго.** Часть первая (1841 — 1854). Гл. V. . . . . 1—35

II. **Записки Василія Антоновича Инсарскаго.** Гл. X—XII . . . . . 36—59

III. **Баронъ Николай Александровичъ Корфъ,** въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. М. Л. Песковскаго. 60—98

IV. **Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія.** Книга первая. Гл. III. . . . . 99—123

V. **Изъ воспоминаній А. А. Хариточова.** — Служба при князѣ Воронцовѣ. 1849-й, 1850-й, 1851-й и 1852-й годы . . . . . 124—156

VI. **Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.** Сообщ. В. А. Бильбасовъ . . . 157—178

VII. **Записки Мухаммеда-Неджати-эфенди,** турецкаго плѣннаго въ Россіи въ 1771—1775 гг. Професс. В. Д. Смирнова . . . . 179—208

VIII. **Обозрѣніе историческихъ журналовъ и статей.** Н. Ѳ. Д—ина . . . . . 209—228

IX. **Тридцать третія годовщина дня освобожденія крестьянъ. 1861—19-е февраля—1894 гг.** . . . . . 229—236

X. **Матеріалы и замѣтки.** Письмо кіевскаго военнаго губернатора М. А. Милорадовича черниговскому губернскому предводителю дворянства Н. М. Стороженкѣ 237

XI. **Библіограф. лист.** (на оберт.)

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ барона Н. А. Корфа. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1894.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1894 г.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

IV.

С. П. Боткинъ, его жизнь и медицинская дѣятельность. Біографическій очеркъ доктора А. Н. Бѣлоголоваго. Съ портретомъ Боткина, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

Составитель этого очерка пользовался сорокалѣтнею дружбою С. П. Боткина; они въ одинъ день поступили въ пансіонъ Эннеса, вмѣстѣ перешли въ Московскій университетъ и одновременно кончили университетскій курсъ; связь между ними никогда не прерывалась и поддерживалась постоянной перепиской. Обстоятельства сложились такъ, что и послѣдніе дни жизни Сергѣя Петровича они провели вмѣстѣ въ Ментонѣ; „на моихъ глазахъ онъ умеръ“— говоритъ д-ръ А. Н. Бѣлоголовый въ предисловіи къ своему очерку.

Въ первой главѣ авторомъ даются свѣдѣнія о семьѣ Боткина, первоначальномъ его образованіи (изъ пансіона Эннеса онъ поступилъ въ Московскій университетъ). Говоря о пребываніи Боткина въ университетѣ, д-ръ Бѣлоголовый довольно подробно останавливается какъ на отрицательныхъ, такъ и положительныхъ сторонахъ преподаванія на медицинскомъ факультетѣ.

Окончивъ экзаменъ на докторскую степень, что въ то время было сопряжено съ большими трудностями, Боткинъ рѣшилъ отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій, чтобы принести посильную помощь раненымъ, погибавшимъ отъ недостатка медицинской помощи. Послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Крыму, желая пополнить существенные пробѣлы въ своихъ медицинскихъ познаніяхъ, онъ отправился за границу (Вюрцбургъ, Берлинъ, Вѣна, Парижъ) и занимался различными отраслями медицины подъ руководствомъ корифеевъ науки. Возвратившись въ сентябрѣ 1860 года въ Петербургъ и защитивъ диссертацію, онъ былъ назначенъ исполнять должность адъюнкта при академической клиникѣ 4 курса, которой завѣдывалъ профессоръ Шипулинскій, а затѣмъ, спустя годъ, былъ выбранъ ординарнымъ профессоромъ (2-я гл.).

Въ третьей главѣ говорится о дѣятельности Боткина, какъ клинициста, объ устройствѣ лабораторіи и пріема для приходящихъ больныхъ въ клиникѣ, объ отношеніи къ слушателямъ, лекціяхъ и лѣтнихъ его занятіяхъ.

Четвертая глава трактуетъ о дѣятельности Боткина, какъ практическаго врача, его домашнихъ пріемахъ больныхъ и консультативной практикѣ. Здѣсь же авторомъ обрисованы нѣкоторыя черты характера Сергѣя Петровича, и говорится объ его учено-литературныхъ трудахъ (3 выпуска „Курса клиники внутреннихъ болѣзней“, „Общія основы клинической медицины“, „Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней“). Слѣдующая глава очерка г-на Бѣлоголоваго озаглавлена такъ: Придворная служба.—Поѣздка на театръ военныхъ дѣйствій. — Ветлянская эпидемія. — Юбилей. — Дѣятельность въ качествѣ гласнаго думы.— Предсѣдательство въ коммиссіи оздоровленія Россіи. — Занятія въ петербургскихъ богадѣльняхъ.

Въ послѣдней, шестой, главѣ мы находимъ указанія на первые признаки болѣзни Боткина и потрясенія вслѣдствіе потери малютки-сына. Далѣе говорится о поѣздкѣ въ Біарриць, пребываніи въ Парижѣ и на Принцевыхъ островахъ. Получивъ значительное облегченіе отъ болѣзни, С. П. Боткинъ съ новою энергіею принялся за лекціи, и это были послѣднія его лекціи. Онъ умеръ въ Ментонѣ, 24 декабря 1889 года. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе интереснаго очерка д-ра Бѣлоголоваго.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ V. Судебныя рѣчи (1867—1874). Спб. 1893 г. 355+II.

Пятый томъ сочиненій В. Д. Спасовича заключаетъ въ себѣ пятнадцать защитительныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ періодъ времени съ 11-го апрѣля 1867 по 15-е іюля 1874 года.

Къ 1867 году относятся три рѣчи г. Спасовича: 1) По дѣлу о Павлѣ Гайдебуровѣ, судившемся по поводу изданнаго имъ перевода втораго тома Вундта „Душа человѣка и животныхъ“. Г-нъ Гайдебуровъ обвинялся въ томъ, что, издавая книгу Вундта, въ которой были мѣста, касающіяся религіи, отпечаталъ эту книгу, безъ представленія ея въ предварительную цензуру, и такимъ образомъ совершилъ проступокъ, предусмотрѣнный 1024-ю ст. Улож. о наказаніяхъ. Дѣло разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, затѣмъ въ С.-Петербургской судебной палатѣ, не вполнѣ согласившейся съ опредѣленіемъ окружнаго суда, и по кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе этой палаты разсматривалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, который отмѣнилъ это рѣшеніе, и въ концѣ концовъ г. Гайдебуровъ былъ признанъ по суду оправданнымъ, а второй томъ книги Вундта былъ выпущенъ въ обращеніе. 2) По дѣлу о дворянинѣ Евстафіи Шомбергъ-Колонтаѣ, который обвинялся: во-первыхъ, въ пріѣздѣ въ Россію и проѣздѣ отъ Вержболова до Баку съ завѣдомо чужимъ паспортомъ (на имя Гоммери Стифенсона), съ цѣлью скрыть свое настоящее званіе, имя и фамилію, и во-вторыхъ, въ привозѣ въ Россію и провозѣ въ предѣлахъ имперіи завѣдомо фальшивыхъ россійскихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти-рублеваго достоинства и выпускѣ ихъ въ обращеніе въ Баку. Въ виду сознанія подсудимаго, защитѣ предлежала единственная цѣль—уменьшить наказаніе подсудимаго, приведя смягчающія вину обстоятельства. По обсужденіи дѣла, судъ постановилъ: сослать Колонтая на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. 3) По дѣлу объ отставномъ инженеръ-штабсъ-

Дозволено цензурою. СПБ.. 15 марта 1894.

Тип. Высочайше утв. товар. „Общ. польза", В. Подъяч., 39.

Н. А. КОРФЪ.

род. 1834 г. † 1883 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1894 г.

АПРѢЛЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

2/1981.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1841 — 1854).

ГЛАВА V[1]).

Профессоры: Протопоповъ и Елачичъ.—Линдегренъ.—Скандовскій.—Лентовскій.—Посѣщеніе Казани министромъ.—Столкновеніе между профессорами.—Студентская жизнь.

Въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ курсахъ медицинскаго факультета, въ мое время, преподавали фармакологію и общую терапію ординарный профессоръ и деканъ факультета, Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ (онъ же во второмъ курсѣ преподавалъ: фармакогнозію, фармацію и рецептуру), теоретическую хирургію и офталмологію — экстра-ординарный профессоръ, Андрей Николаевичъ Бекетовъ; оперативную хирургію и хирургическую клинику — ординарный профессоръ, Францъ Осиповичъ Елачичъ; частную патологію и терапію — ординарный профессоръ Линдегренъ; діагностику, семіотику и терапевтическую клинику — ординарный профессоръ, Никаноръ Алексѣевичъ Скандовскій; акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и акушерскую клинику — ординарный профессоръ, Александръ Егоровичъ Лентовскій. Все это были личности весьма замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніяхъ, и о нихъ я теперь скажу нѣсколько подробнѣе.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 года, мартъ.

Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ. Кромѣ чтенія вышеизложенныхъ предметовъ, онъ былъ деканомъ медицинскаго факультета, весьма любилъ студентовъ и старался дѣлать все возможное для нихъ, чтобы съ одной стороны облегчить нелегкое изученіе медицинскихъ наукъ, а съ другой и пособить тѣмъ, кто имѣлъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Въ случаяхъ проступковъ со стороны студентовъ, грозившихъ имъ удаленіемъ изъ университета, онъ прилагалъ всѣ мѣры, чтобы уладить дѣло въ пользу студентовъ. Оказывая студентамъ всевозможное покровительство, онъ въ то же время былъ строгъ и требователенъ, но всегда оставался въ границахъ умѣренности, продиктованныхъ ему долгимъ опытомъ. Поэтому, если и случалось ему, такъ сказать, распечь студента, или сдѣлать ему внушенія и взысканія, онъ все-таки относился къ такому студенту съ должнымъ безпристрастіемъ и никогда не тѣснилъ его ни сбавленіемъ отмѣтокъ на экзаменѣ, ни другимъ способомъ, какъ это иногда случалось у другихъ профессоровъ. Слѣдовательно, безпристрастіе въ смыслѣ оцѣнки познаній студента было главнымъ достоинствомъ Дмитрія Ивановича. Преподаваемыя имъ лекціи отличались полнотою, современностію и демонстративнымъ направленіемъ, а потому посѣщались охотно, приносили пользу и обогащали умъ познаніями. Читая пять предметовъ, Дмитрій Ивановичъ сильно напрягалъ свое здоровье и нервныя силы и, будучи отъ природы слабаго сложенія, онъ часто прихварывалъ. Случилось, однажды, что онъ заболѣлъ тифомъ и едва не сдѣлался жертвою болѣзни: студенты, наперерывъ, выражали свои симпатіи къ любимому профессору и, когда онъ выздоровѣлъ, всѣ были несказанно рады. Это всего лучше характеризуетъ Дмитрія Ивановича, какъ профессора и декана. Отдавая ему должное, какъ хорошему и гуманному профессору въ тоже время, необходимо однако отдать дань и правдѣ. Какъ деканъ факультета, онъ не могъ не знать объ отсталомъ и въ высшей степени безалаберномъ преподаваніи физіологіи профессоромъ Берви, о совершенной непригодности профессора акушерства Лентовскаго (см. ниже) и т. п. Если бы онъ заблаговременно, какъ деканъ факультета, принялъ нужныя мѣры, то можетъ быть не случилось бы тѣхъ прискорбныхъ событій, которыя были слѣдствіемъ письма студентовъ къ Берви. Правда, было трудно

бороться ему, на томъ основаніи, что и тогда въ университетѣ были партіи русская и нѣмецкая. Послѣдняя была сильнѣе, потому что поляки, не имѣвшіе своей партіи, всегда примыкали къ нѣмецкой, какъ неблагопріятной для русскихъ. Не легко также было Дмитрію Ивановичу Протопопову бороться и съ Лентовскимъ, хотя безобразіе лекцій послѣдняго было ему хорошо извѣстно. Лентовскаго поддерживалъ ректоръ, почему у него и образовалась сильная партія приверженцевъ. Къ заслугѣ Дмитрія Ивановича, впрочемъ, принадлежитъ то, что онъ настоялъ при баллотировкѣ Лентовскаго на новое пятилѣтіе, несмотря на поддержку сильной партіи, чтобы Лентовскій представилъ сочиненіе, доказывающее, что ему извѣстно современное состояніе науки. Сколько намъ было извѣстно тогда, Протопоповъ за настойчивость свою въ этомъ случаѣ имѣлъ большія непріятности. Я сказалъ выше, что Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ былъ человѣкъ безпристрастный, и это справедливо но все-таки я долженъ замѣтить здѣсь, что безпристрастіе его иногда разбивалось о то, кажется, и временемъ несокрушимое препятствіе, которое нашъ безсмертный Грибоѣдовъ превосходно охарактеризовалъ словами: «какъ не порадѣть родному человѣчку». Дмитрій Ивановичъ не былъ женатъ, но при немъ жили двѣ его племянницы. Студенты, имѣя въ виду племянницъ, разумѣется, не упустили случая завести домашнее знакомство съ профессоромъ, а онъ, съ своей стороны, желая пристроить племянницъ (одна изъ нихъ впослѣдствіи вышла замужъ за молодаго, только-что окончившаго курсъ врача), оказывалъ двумъ, наиболѣе увивавшимся вокругъ племянницъ студентамъ пятаго курса особое благоволеніе, которое, хотя не приносило другимъ ущерба, но все-таки было не желательно въ такомъ человѣкѣ, какимъ былъ Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ, занимавшій кромѣ профессора и должность декана медицинскаго факультета. Я считалъ обязанностію описать здѣсь хорошія и слабыя стороны Дмитрія Ивановича: это нисколько не умаляетъ моего уваженія къ нему, какъ къ дѣльному профессору и хорошему человѣку, а между тѣмъ и не лишаетъ мои воспоминанія главной основы каждаго подобнаго труда — правды.

Андрей Николаевичъ Бекетовъ. Онъ прибылъ въ Казань въ началѣ 50-хъ годовъ весьма молодымъ экстра-ординарнымъ профес-

соромъ и былъ назначенъ, кажется, изъ Москвы. Тогда ему было не болѣе 23—24 лѣтъ. Появленіе столь молодаго профессора въ университетѣ, гдѣ было много устарѣвшихъ и отжившихъ личностей, было привѣтствуемо всѣми, какъ началомъ возрожденія. Чтеніе столь важныхъ предметовъ, каковы: теоретическая хирургія и офтальмологія, налагало на профессора и обязанности — удержаться на высотѣ своего призванія. Всѣ задатки для этого существовали, и профессору неустаннымъ трудомъ было бы легко осуществить возлагавшіяся на него надежды. Однако дѣло пошло иначе. Свалившаяся сразу хорошая частная практика, вслѣдствіе чего профессоръ, какъ молодой человѣкъ, попалъ въ среду, въ которой всего больше думали о томъ, чтобы связать его узами Гименея, помѣшала дѣлу; лекціи въ началѣ были хороши, полны, строго обдуманны; но по мѣрѣ того, какъ профессоръ втянулся въ водоворотъ общественной жизни, и самъ былъ не прочь отъ того, чтобы жениться, и лекціямъ его былъ нанесенъ самый чувствительный ударъ. Онъ, дѣйствительно, вскорѣ женился и на богатой невѣстѣ, а вмѣстѣ съ этимъ разбились и всѣ блистательныя надежды его слушателей. На лекціи теоретической хирургіи и офтальмологіи профессоръ сталъ являться съ книгою въ рукахъ, по которой и читалъ лекціи. При этомъ онъ постоянно смотрѣлъ на часы и видимо спѣшилъ куда-то. Дѣло кончилось тѣмъ, что лекціи перестали представлять какой-либо интересъ, и студенты мало-по-малу перестали ихъ посѣщать. Теоретическую хирургію онъ читалъ по руководству Хеліуса, офтальмологію—по руководству Юнгкена, прочитывалъ по книгѣ 2—3 страницы и уходилъ. Слушатели рѣшили, что они сами могутъ прочитывать эти книги, сидя дома. Какъ теперь помню, читая офтальмологію по Юнгкену, профессоръ дошелъ до глазныхъ операцій и при этомъ произнесъ слѣдующую тираду: «глазныхъ операцій очень много, а именно: операціи катаракты, искусственнаго зрачка, косоглазія, выворота и заворота вѣкъ, многія пластическія операціи на вѣкахъ и т. п. Описывать всѣ эти операціи считаю излишнимъ, потому что это ни къ чему не поведетъ... Чтобы хорошо производить эти операціи, совѣтую вамъ передѣлать ихъ на трупѣ, а еще лучше на живомъ человѣкѣ». Можно было подумать, что профессоръ потрудится показать, хотя на трупѣ, какъ дѣлаются глазныя опе-

раціи, но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Вообще, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, лекціи Бекетова не приносили намъ никакой пользы.

Францъ Осиповичъ Елачичъ. Онъ читалъ намъ оперативную хирургію на латинскомъ языкѣ и завѣдывалъ университетскою хирургической клиникой. Латинскій языкъ мы не знали въ той степени, чтобы свободно понимать эти лекціи. Лекціи были прекрасныя и современныя, какъ видно было изъ ходившихъ по рукамъ переводовъ этихъ лекцій на русскій языкъ; но живое и понятное слово имѣетъ громадное значеніе, особенно при изученіи столь сложнаго и важнаго предмета, какова оперативная хирургія. И этого живаго и понятнаго слова мы были лишены, единственно изъ каприза профессора. Однажды, утомленные латынью, мы отправили депутацію къ профессору. Онъ выслушалъ депутацію и ни слова не отвѣтилъ. Полагали, что онъ начнетъ читать по-русски. Однако, явившись на другой день на лекцію, онъ заявилъ, что не знаетъ хорошо русскаго языка, и снова сталъ читать лекціи по-латыни. Мы должны были примириться съ мыслію—изучить оперативную хирургію по ходившимъ переводамъ этихъ лекцій. Мы повѣрили профессору, что онъ не знаетъ хорошо русскаго языка, но каково же было наше удивленіе, когда, въ бытность въ Казани министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова, посѣтившаго и лекцію Елачича, послѣдній прочиталъ лекцію «объ остановленіи кровотеченія», въ присутствіи министра, превосходнымъ русскимъ языкомъ! Лекція, можно сказать, была «блистательно хороша». Несмотря на все это, по отъѣздѣ министра, лекціи читались опять по-латыни. Мы не рѣшались замѣтить профессору, что онъ отлично владѣетъ русскимъ языкомъ, такъ какъ понятно, что онъ не желаетъ читать по-русски. Загадка объяснилась очень просто: Елачичъ воспитывался въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, или въ Виленской медико-хирургической академіи, и прибылъ въ Казань въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Онъ былъ истый полякъ и не хотѣлъ читать по-русски. Другой причины не могло быть. Клиника велась Елачичемъ тоже на латинскомъ языкѣ, причемъ онъ эксплоатировалъ ее въ свою пользу. Будучи лучшимъ хирургомъ въ Казани и имѣя громадную практику со всего По-

волжья и сосѣднихъ губерній, даже сибирскихъ пацієнтовъ, пріѣзжавшихъ въ Казань собственно для оперативнаго лѣченія, Елачичъ наполнялъ клинику своими пацієнтами, гдѣ и дѣлалъ имъ операціи. Во многія палаты, занятыя больными, студенты не имѣли права входить, потому что больные не желали того. Такимъ образомъ университетская клиника, весьма малочисленная по числу кроватей (кажется, ихъ было не болѣе 12-ти), утратила характеръ клиники, назначенной для практическаго изученія хирургіи, и сдѣлалась какъ бы частной лѣчебницей Елачича. Студенты глухо волновались и роптали про себя, но сдѣлать ничего не могли. Елачичъ былъ въ громадной силѣ: не только всѣ аристократы казанскіе, но и начальствующія лица преклонялись предъ нимъ. Каждый изъ этихъ господъ думалъ, что съ Елачичемъ, какъ лучшимъ хирургомъ, на всякій случай ссориться не слѣдуетъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, имѣя громадную практику у всѣхъ аристократовъ и у властей города и университета, онъ былъ всесильнымъ человѣкомъ. Студенты, въ силу этого, не только свыклись съ своимъ положеніемъ, но и сами привыкли смотрѣть на Елачича, какъ на человѣка необыкновеннаго и недосягаемаго. Елачичъ отлично умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ: вся лучшая и дорого оплачиваемая практика по всѣмъ отраслямъ медицины была въ его рукахъ, всѣ врачи преклонялись предъ его авторитетомъ, и онъ наживалъ громадныя деньги какъ отъ практики вообще, такъ преимущественно отъ производимыхъ имъ операцій. За операціи платили ему по 1.000, по 500 рублей. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ въ Казани домъ, купилъ имѣніе и обладалъ громаднымъ капиталомъ. Вмѣстѣ съ этимъ быстро двигался и по службѣ: чины и ордена сыпались на него въ изобиліи, а бѣдный и достойный труженикъ Евменій Филипповичъ Аристовъ, который изъ принципа, что профессору не слѣдуетъ заниматься практикой—не имѣлъ никакой практики, былъ постоянно обходимъ наградами; но, будучи философомъ въ душѣ, онъ мало придавалъ значенія всѣмъ наружнымъ отличіямъ.

Елачичъ, при отличномъ знаніи медицины вообще и хирургіи въ особенности, производилъ самыя большія и сложныя операціи съ свойственною ловкостію и съ большимъ успѣхомъ. Камнесѣченіе (литотомію) дѣлалось имъ въ 5 минутъ и столь ловко, что, посѣ-

щая въ 1861—63 гг. заграничныя клиники, я видѣлъ тѣ же операціи, производимыя лучшими европейскими хирургами, каковы Лангенбекъ и Нелятонъ, и я долженъ отдать предпочтеніе Елачичу: онъ дѣлалъ камнесѣченіе, грыжесѣченіе, резекціи, ампутаціи и проч. гораздо быстрѣе, отчетливѣе и чище, нежели знаменитѣйшіе заграничные хирурги. Вмѣстѣ съ профессоромъ Китеромъ, Елачичъ произвелъ вылущеніе всей матки съ благопріятнымъ исходомъ—операція, считавшаяся въ то время невозможной.

Елачичъ производилъ и глазныя операціи, но здѣсь уже не замѣчалось той ловкости и отчетливости, потому что онъ не былъ спеціалистомъ по глазнымъ болѣзнямъ. Извлеченія катаракты Елачичъ никогда не дѣлалъ, а вмѣсто того н и з д а в л е н і е, которое было отвергнуто извѣстнымъ окулистомъ Грефе, доказавшимъ, что операція низдавленія катаракты не только вредна, но и опасна, потому что помраченный хрусталикъ, оставаясь въ глазу, дѣйствуетъ какъ инородное тѣло и влечетъ хроническія воспаленія въ глубинѣ глаза, которыя, рано или поздно, оканчиваются совершенною слѣпотою. Елачичъ, сколько мнѣ извѣстно, не послѣдовалъ совѣту Грефе, и это потому, что, будучи занятъ громадною практикою, онъ, привыкши къ операціи низдавленія катаракты, не хотѣлъ переучиваться. Это ему казалось излишнимъ и потому, что операція низдавленія катаракты, способная въ началѣ давать хорошій эффектъ (временное возстановленіе зрѣнія), оплачивалась хорошо его паціентами.

Елачичъ, какъ окулистъ, не имѣлъ особаго значенія, да онъ и не могъ угоняться за всѣмъ, а потому нерѣдко, при лѣченіи глазныхъ болѣзней, дѣлалъ непростительные промахи. Случай такого промаха стоилъ потери зрѣнія одному изъ его паціентовъ. Сынъ казанскаго предводителя дворянства, Алексѣя Гавриловича Осокина, былъ одержимъ г л а в к о м о ю. По изслѣдованіямъ Грефе, при главкомѣ можетъ помочь только операція искусственнаго зрачка (продектомія). Это совѣтовалъ молодому Осокину и профессоръ Адамюкъ, занявшій каѳедру офталмологіи, по отдѣленіи послѣдней отъ каѳедры теоретической хирургіи. Отецъ больнаго, Осокинъ (теперь уже покойный), однако, довѣрился больше Елачичу, находившему операцію ненужною, нежели Адамюку. Полагаютъ, что Елачичъ сдѣлалъ

это не только вслѣдствіе конкурренціи съ Адамюкомъ, сколько по незнанію. Между тѣмъ постепенно ослабѣвающее зрѣніе молодаго Осокина, несмотря на увѣренія Елачича, начало внушать серьезныя опасенія, и больной отправился заграницу искать помощи спеціалистовъ; но было уже поздно: заграницей нашли, что время для операціи упущено, и отказались отъ производства ея, и молодой Осокинъ ослѣпъ безвозвратно.

Елачичъ практиковалъ въ Казани около 50 лѣтъ и скопилъ громадное состояніе. Неурядицы въ клиникѣ, чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ и многія другія причины вызвали негодованіе студентовъ-медиковъ, и они написали Елачичу такое же письмо, какъ и Берви. Елачичъ, получивъ письмо, поступилъ не такъ, какъ Берви: онъ не желалъ себя компрометтировать, не обнаружилъ письма и подалъ въ отставку. До конца своей жизни онъ занимался еще практикой, но реноме его въ послѣднее время сильно пошатнулось, чему причиною была наступившая старость, многіе промахи и конкурренція молодыхъ и современно образованныхъ врачей. Еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, незадолго до своей смерти, Елачичъ ѣздилъ на практику за городъ уже за меньшее вознагражденіе, нежели то, которое получалъ въ бытность свою профессоромъ. Такъ велика была страсть его къ наживѣ! Этимъ же объясняется и то, что послѣдніе годы, по окончаніи профессорскаго поприща, онъ занялся коммерческими оборотами, которые давали ему больше прибыли, нежели сокращавшаяся день ото дня практика. Въ послѣдніе дни своей жизни Елачичъ осунулся и захирѣлъ, но не переставалъ дрожащими руками собирать и считать свои богатства. Sic transit gloria mundi!

Профессоръ частной патологіи и терапіи Линдегренъ. Онъ почти не зналъ русскаго языка, читалъ свои несовременныя, устарѣвшія, не представлявшія никакого интереса лекціи на латинскомъ языкѣ. На просьбу нашу читать лекціи по-русски, Линдегренъ объявилъ, что подумаетъ объ этомъ. Долго онъ ходилъ по корридору и обдумывалъ что-то. Наконецъ, онъ быстрыми шагами направился въ аудиторію, помѣстился на каѳедрѣ, протеръ свои очки, подумалъ еще минуты двѣ или три, бросилъ на насъ суровый, недовольный взглядъ и проговорилъ: «lingua latina medico maxime necessaria est»

(латинскій языкъ крайне необходимъ для врача); затѣмъ немедленно принялся за чтеніе лекціи на латинскомъ языкѣ. Имѣя дурной латинскій выговоръ и произнося вмѣсто латинскаго *s* вездѣ нѣмецкое *з*, напримѣръ вмѣсто сунтъ (sunt) — зунтъ, вмѣсто семенъ (semen), — земенъ, вмѣсто сифилисъ (siphilis) — зифилисъ, онъ еще больше затемнялъ свои лекціи. Кромѣ того, дряхлость мѣшала Линдегрену правильно и логично соображать. Однажды онъ среди лекцій вышелъ на короткое время освѣжиться, подъ предлогомъ вдругъ наступившей головой боли. Одинъ изъ студентовъ въ это время подошелъ къ каѳедрѣ и перевернулъ нѣсколько страницъ въ тетради, по которой профессоръ читалъ лекцію до выхода своего. Возвратясь, Линдегренъ продолжалъ лекцію. До выхода онъ читалъ намъ о скорбутѣ и не кончилъ еще объ этой болѣзни, а по возвращеніи онъ читалъ по перевернутой тетради уже о воспаленіи почекъ, чѣмъ и вызвалъ общее удивленіе. Это ясно указываетъ, что чтеніе лекцій частной патологіи и терапіи было машинальное, а не сознательное. Притомъ, Линдегренъ считалъ, подобно Блосфельду, русскихъ неспособными къ изученію высшихъ наукъ, а слѣдовательно и медицины. Читая намъ о воспаленіи мозга, онъ говорилъ, что «болѣзнь эта рѣдко встрѣчается между русскими учеными, но за-то весьма часто между нѣмецкими, у которыхъ мозгъ болѣе воспріимчивъ и болѣе приспособленъ къ умственнымъ занятіямъ». Вообще отъ лекцій Линдегрена мы не имѣли никакой пользы, а потому аудиторія чаще всего была пуста. Многіе предпочитали въ это время заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ, нежели слушать безтолковую болтовню на мертвомъ языкѣ.

Ординарный профессоръ діагностики, семіотики и терапевтической клиники, Никаноръ Алексѣевичъ Скандовскій, былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ тогдашняго времени. Теоретическія и практическія лекціи его по діагностикѣ и семіотикѣ были въ высшей степени хороши, замѣчательны и интересны. Терапевтическая клиника велась имъ въ высшей степени удовлетворительно. Онъ подробно разбиралъ замѣчательные случаи болѣзней, хорошо зналъ аскультацію и перкуссію (методъ выслушиванія и постукиванія), а равно и другіе методы изслѣдованія, имѣлъ отличный практическій опытъ и приносилъ намъ

большую пользу, какъ опытный клиницистъ. Что касается методовъ лѣченія, то Скандовскій, какъ намъ казалось, былъ нѣсколько трусливъ, а потому героическія средства, къ которымъ онъ причислялъ піявки и кровопусканіе,—назначалъ неохотно. Въ то время приставленіе піявокъ и кровопусканія были въ громадномъ ходу, потому что тогда господствовала метода лѣченія парижскаго профессора Bouilland, который, какъ извѣстно, былъ ярый приверженецъ кровопусканій и во всѣхъ воспалительныхъ болѣзняхъ дѣлалъ ихъ, какъ онъ выражался «coup sur coup». Скандовскій всегда относился съ малымъ довѣріемъ, съ большою осторожностію и даже съ трусостію къ этимъ средствамъ. Онъ намъ всегда говорилъ: «нельзя-съ кровь лить какъ воду... Избави Боже, больной возьметъ да и помретъ отъ большаго кровопусканія». Все это доказываетъ, что Никаноръ Алексѣевичъ Скандовскій былъ отличный терапевтъ, и то, что́ намъ тогда казалось трусостію въ немъ, теперь оправдываетъ только то, что онъ даже опередилъ свое время, такъ какъ метода лѣченія кровопусканіями давно окончательно пала и никогда не воскреснетъ. Слова Скандовскаго, его осторожность, какъ результаты глубокихъ наблюденій у постели больнаго, теперь оправданы всѣми лучшими терапевтами. Скандовскій отличался большою скромностію и только поэтому не выступилъ открыто противъ тогдашнихъ авторитетовъ, предлагавшихъ большія кровопусканія, но нужно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ былъ опытный профессоръ, превосходный практическій врачъ и хорошій человѣкъ. Осторожность его и заботы о больномъ не имѣли границъ. Случалось, что онъ, изслѣдуя клинически больнаго, назначалъ поставить ему 10 піявокъ, но, выйдя изъ палаты, по окончаніи визитаціи, минутъ черезъ 10, онъ возвращался и сбавлялъ двѣ піявки; потомъ, спустя нѣкоторое время, сходилъ внизъ по лѣстницѣ и опять возвращался, приказывая поставить только уже 6 піявокъ; а иногда возвращался и въ третій разъ, сбавляя еще одну или двѣ піявки. Многіе тогда смѣялись надъ трусостію профессора.

Спустя лѣтъ пять, по окончаніи курса, я завернулъ въ Казань и посѣтилъ Никанора Алексѣевича. Тогда уже метода пускать кровь и ставить піявки стала падать, и Скандовскій мнѣ сказалъ:

— Вѣроятно вы, бывши студентомъ, трунили надо мною, что я такъ боялся кровопусканій? Я всегда думалъ, что нельзя кровь человѣка лить какъ воду, и вотъ видите — я былъ правъ!..

Все это какъ нельзя лучше характеризуетъ Никанора Алексѣевича Скандовскаго, какъ дѣльнаго профессора, опытнаго врача, превосходнаго клинициста, добраго, скромнаго и честнаго труженика.

Частная практика его была не велика, но отличалась безкорыстіемъ, представляя совершенный контрастъ съ практикою гремѣвшаго въ то время въ Казани Елачича.

Ординарный профессоръ Александръ Егоровичъ Лентовскій. Это былъ одинъ изъ удивительнѣйшихъ феноменовъ своего вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что онъ психически былъ боленъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить по странности его поступковъ и по неудержимому потоку чепухи, которую онъ несъ на своихъ лекціяхъ. Такое явленіе въ настоящее время немыслимо, а между тѣмъ Лентовскій болѣе 30 лѣтъ оставался профессоромъ! Нужно замѣтить, что онъ, не получивъ никакой подготовки къ профессурѣ, не имѣлъ понятія о современномъ состояніи тѣхъ наукъ, по которымъ читалъ лекціи. У него на все былъ какой-то странный, своеобразный, превратный взглядъ. И этотъ человѣкъ столько лѣтъ занималъ столь важную каѳедру и имѣлъ большую частную практику, какъ акушеръ. И никому не приходило въ голову, что человѣкъ этотъ психопатъ! Все это не покажется страннымъ, если я приведу слѣдующія данныя о Лентовскомъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ и которыя могутъ подтвердить всѣ слушавшіе его лекціи и оставшіеся еще въ живыхъ.

Преподаваніе акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней начиналось съ 4-го курса.

Когда мы собрались въ первый разъ въ аудиторію, то профессоръ Лентовскій, явившись на лекцію и осмотрѣвъ внимательно всѣхъ, началъ слѣдующее:

«Для изученія акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, необходимы всѣ вспомогательныя медицинскія науки, а особенно физика и химія. Кромѣ того, желающій съ успѣхомъ изучать эти предметы долженъ знать физіологію, общую и частную терапію,

патологію, фармакологію и вообще всю медицину, а поэтому, прежде, нежели я начну преподаваніе акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, я долженъ убѣдиться въ томъ—въ какой степени вы ознакомлены съ вспомогательными медицинскими науками и съ медициной вообще. Итакъ, сегодня сдѣлаемъ экзаменъ изъ физики».

Сказавъ это, профессоръ подошелъ къ намъ. Онъ имѣлъ привычку складывать первые три пальца правой руки вмѣстѣ и, держа руку предъ лицомъ экзаменуемаго и слегка потряхивая ее, задавать вопросы. Принявъ такую позу и подойдя къ одному изъ слушателей, онъ задалъ ему слѣдующій вопросъ:

— Скажите пожалуйста, какъ вы объясните такое явленіе: въ ночь съ 12-го на 13-е іюля прошлаго года я былъ призванъ для поданія пособія одной роженицѣ въ городѣ, и я отправился по адресу ея, въ собственномъ экипажѣ. Проѣзжая Николаевскую площадь, я возымѣлъ странное, но непреодолимое желаніе упасть съ дрожекъ, удариться своимъ тѣломъ о землю и переломить ее пополамъ. И дѣйствительно, вдругъ я выпалъ изъ дрожекъ на землю, но земля предупредила меня, и переломилась не она, а моя ключица... Скажите—почему переломилась моя ключица, а не земля?

Какъ вопрошаемый студентъ, такъ и всѣ мы были озадачены такимъ вопросомъ и не могли удержаться, чтобы не улыбнуться.

— Смѣяться не чему-съ! Лекція — дѣло важное! Отвѣчайте на вопросъ!.. Это вопросъ чисто физическій, сказалъ строго профессоръ.

Вопрошаемый, сколько помню, отвѣчалъ, что «землю невозможно переломить такою ничтожною тяжестью, какъ тѣло человѣка... Земля обладаетъ большимъ сопротивленіемъ... На нее падаютъ и не такія тѣла, какъ тѣло человѣка, и она не ломается».

— Нѣтъ-съ, это не такъ! возразилъ профессоръ и продолжалъ:— подумайте хорошенько —почему земля не можетъ переломиться отъ паденія человѣческаго тѣла?

— Я не могу иначе объяснить, отвѣчалъ вопрошаемый.

— Объявляю вамъ сказалъ профессоръ,— вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о физикѣ...

Затѣмъ профессоръ началъ спрашивать другаго, третьяго и т. д.

Всѣ давали приблизительно такіе же отвѣты, и всѣмъ онъ заявилъ, что никто не имѣетъ понятія о физикѣ.

Спросивъ всѣхъ, профессоръ сѣлъ на свое мѣсто, иронически усмѣхнулся, подумалъ минуты двѣ и наконецъ сказалъ:

— Я объясню вамъ сейчасъ — почему при паденіи моемъ съ дрожекъ сломалась моя ключица, а не земля... Если вамъ извѣстенъ законъ тяготѣнія, то вы легко поймете — почему земля не можетъ сломаться отъ паденія на нее человѣческаго тѣла... Земля такъ прочно держится въ силу этого закона, и сопротивленіе ея столь велико, что паденіе на нее человѣческаго тѣла для нея все равно, какъ еслибы на ваше тѣло сѣла муха... Притомъ же твердость земли и огромная масса ея даютъ такой ударъ тѣлу, что оно, какъ составленное изъ малыхъ органическихъ частицъ, не обладающихъ значительною степенью сцѣпленія, должно непремѣнно уступить, и цѣлость его должна нарушиться... Все, конечно, зависитъ отъ того, какъ вы упадете, и отъ той высоты, съ которой упадете... Вы ничего не знаете о законѣ тяготѣнія...

Въ это время раздался звонокъ, оповѣщавшій окончаніе лекціи, и профессоръ, обѣщая въ слѣдующій разъ продолжить объясненіе, оставилъ аудиторію.

Наступила вторая лекція. Мы ждали продолженія означеннаго выше объясненія, коего не послѣдовало. Профессоръ, войдя на лекцію, иронически улыбнулся, сидя на своемъ мѣстѣ, потомъ сообразилъ что-то и наконецъ заявилъ, что сегодня онъ произведетъ намъ экзаменъ изъ химіи. Вставъ съ мѣста и подойдя къ столамъ, онъ произвелъ обычный маневръ рукой и, подойдя ближе къ столу, обратился къ одному изъ слушателей съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Если вы изучали химію, то скажите, пожалуйста, что такое кислородъ?

Студентъ отвѣтилъ такъ, какъ учитъ химія, т. е. что кислородъ есть газъ, и описалъ его свойства, добавивъ, что насъ такъ училъ профессоръ химіи, Клаусъ.

— Нѣтъ-съ! Это не такъ!... То, да не то! Вы не знаете химіи, вы понятія не имѣете о ней! отвѣчалъ профессоръ.

Затѣмъ онъ переспросилъ всѣхъ студентовъ, и всѣ давали одинъ

и тотъ же отвѣтъ, и каждому было заявлено, что онъ химіи не знаетъ.

Переспросивъ всѣхъ, профессоръ сѣлъ на свое мѣсто, иронически улыбнулся, подумалъ минутъ пять и наконецъ сказалъ:

— Новѣйшая химія, принимая кислородъ за газъ, рѣшительно заблуждается... Кислородъ вовсе не газъ! Хотите знать—я скажу вамъ, что такое кислородъ? Кислородъ есть уплотненный свѣтъ! Почему это такъ? Никто сказать не можетъ... Но это вѣрно, какъ дважды два четыре, а не пять!

Всеобщее изумленіе наше и трудно-сдерживаемый смѣхъ были нашимъ отвѣтомъ профессору.

— Смѣяться не чему-съ! заявилъ профессоръ.—Вы всѣ плохо изучали химію, плохо знаете ее... Я повторяю-съ, что кислородъ есть уплотненный свѣтъ!. Да-съ! Я повторяю это! Вотъ этотъ-то уплотненный свѣтъ и способенъ окислять и разлагать тѣла, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе... Я, господа, въ недоумѣніи и не могу объяснить себѣ, какъ вы явились слушать акушерство, не будучи знакомы съ такими элементарными вещами... Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Экзаменовать ли мнѣ васъ дальше?.. Посмотримъ въ будущій разъ, какъ вы знаете медицинскія науки — фармакологію, терапію и проч.

Въ третью лекцію происходилъ экзаменъ изъ фармакологіи, но профессоръ не подходилъ уже къ студентамъ, не принималъ обычной позы и не складывалъ трехъ первыхъ перстовъ правой руки, какъ это онъ дѣлалъ всегда, если задавалъ вопросъ. Онъ, сидя на своемъ мѣстѣ, предложилъ намъ слѣдующее:

— Кто знаетъ,—пусть встанетъ и скажетъ, какъ различаются лѣкарства по дѣйствію ихъ на организмъ?

Всѣ молчали. Никто не вставалъ.

— Что же вы, господа, молчите? Развѣ васъ не учили фармакологіи?

Одинъ изъ студентовъ всталъ и заявилъ, что мы изучали фармакологію въ 3-мъ курсѣ.

— Такъ говорите же—что́ знаете!

Студентъ сказалъ:

— Дѣйствіе лѣкарствъ на организмъ различно, смотря по со-

ставу ихъ. Всѣ средства, всасываясь въ кровь, измѣняютъ составъ ея и обнаруживаютъ вліяніе на организмъ, сообразно тѣмъ измѣненіямъ, которыя произошли въ крови, а черезъ нее во всѣхъ органахъ и тканяхъ. Одни дѣйствуютъ противупластическимъ образомъ, напримѣръ, ртуть и ея препараты...

— Довольно! Довольно! Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о дѣйствіи лѣкарствъ, сказалъ профессоръ.

Студентъ сконфузился, покраснѣлъ, но отвѣчалъ:

— Насъ такъ учили!..

— Въ томъ-то и бѣда, что васъ плохо учили! Я объясню вамъ— на чемъ основано дѣйствіе лѣкарствъ, сказалъ профессоръ, и продолжалъ:—всѣ лѣкарства дѣйствуютъ на систему нервную, а она, измѣняясь подъ вліяніемъ ихъ, дѣйствуетъ на всѣ органы тѣла, а поэтому лѣкарства измѣняютъ нервную систему и притомъ неодинаково во все время дѣйствія, а различно. Иныя средства въ началѣ возбуждаютъ нервную систему, а потомъ ослабляютъ ее, а потому вліяніе ихъ возбуждающе-ослабляющее. Ихъ можно назвать remedia excitantia-relafontia. Сюда нужно отнести опій и нѣкоторыя другія средства, которыя въ началѣ вызываютъ бредъ, указывающій на возбужденіе нервной системы, а потомъ сонливость, сонъ, спячку, указывающія на ослабленіе нервной дѣятельности... Другія лѣкарства дѣйствуютъ укрѣпляющимъ образомъ: это будутъ: roburantia. Въ дѣйствіи этихъ средствъ мы подмѣчаемъ, что укрѣпленіе организма совершается чрезъ возбужденіе нервной дѣятельности, напримѣръ, подъ вліяніемъ горькихъ средствъ —roburantia amara, или чрезъ усиленіе питанія нервныхъ элементовъ—roburantia nutrientia. То же самое нужно сказать и о разрѣшающихъ. Одни изъ нихъ вліяютъ, возбуждая нервную систему—resolventia excitantia, а другія,—ослабляя ее—resolventia-relafontia. Слабительныя средства или ослабляютъ нервную систему —lafontia-relafontia, каковы: Senna и ея препараты, или, возбуждая нервную систему, вызываютъ слабительное дѣйствіе, каковы: aloës, oleum crotonis и т. п. Это будутъ lafontia-excitantia. Ртуть и ея препараты принадлежатъ къ специфически-ослабляющимъ нервную систему и потому называются справедливо relafontia speci-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

fica и т. д. Но довольно объ этомъ: вижу, что вы фармакологіи не знаете, — въ заключеніе заявилъ профессоръ и продолжалъ: — перейдемъ теперь къ патологіи и частной терапіи...

— Скажите мнѣ, что такое чахотка легкихъ? вопросилъ профессоръ.

Всѣ молчали.

— Вижу, что не знаете! Чахотка легкихъ есть ослабленіе нервной силы, скрытой въ легкихъ, которое влечетъ постепенное ослабленіе и даже нерѣдко разрушеніе легочной ткани и исхуданіе тѣла. А что такое сухотка? — опять спросилъ профессоръ.

Всѣ молчатъ, какъ и прежде, и профессоръ продолжаетъ:

— Сухотка есть истощеніе нервной силы, конечная цѣль дѣйствія которой состоитъ въ произведеніи новыхъ организмовъ, а потому болѣзнь эта развивается всего чаще у невоздержныхъ людей, у онанистовъ и т. п., которые теряютъ важнѣйшую органическую влагу — сѣмя — въ огромномъ количествѣ, а такъ какъ сѣмя (sperma) есть не что иное, какъ наружное продолженіе нервной системы, то излишняя трата его отражается на всей нервной системѣ, которая чрезъ такую потерю большой части самой себя истощается, атрофируется, почему такіе люди часто дѣлаются глупыми и паралитиками...

— А что такое англійская болѣзнь? — опять вопросилъ профессоръ и продолжалъ: — Конечно, вы этого не знаете... Англійская болѣзнь есть прекращеніе дѣйствія силы на вещество, а такъ какъ кости есть цѣль дѣйствія силы на вещество, а дѣйствіе прекращено, то и цѣль дѣйствія не достигается: кости не развиваются, дѣлаются мягче и искривляются.

Таковы были понятія профессора Лентовскаго о физикѣ, химіи, фармакологіи, общей патологіи и терапіи!

Но такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то и этому экзамену также нужно было когда-нибудь прекратиться. Профессоръ заявилъ намъ:

— Я убѣдился, что вы совершенные слѣпцы въ медицинѣ, а потому при изученіи акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, въ виду вашей неподготовленности, намъ предстоитъ много труда. Съ будущей лекціи мы начнемъ изученіе означенныхъ предметовъ, и

дальнѣйшій экзаменъ вашихъ познаній излишенъ, потому что я убѣдился, что познанія ваши равны нулю.

Нужно сказать, что профессоръ Лентовскій принадлежалъ къ профессорамъ стараго времени, которые брались за все. Было время, что Лентовскій читалъ физіологію, фармакологію, частную патологію и терапію, и послѣдовательно дошелъ до акушерства, а такъ какъ каѳедра женскихъ и дѣтскихъ болѣзней была нераздѣльна съ акушерской, то ему пришлось читать и эти болѣзни. По всѣмъ упомянутымъ предметамъ Лентовскій написалъ гору сочиненій. Однажды я зашелъ къ нему (бывши еще студентомъ 4-го курса) на квартиру, чтобы взять программу и переписать ее. Онъ принялъ меня весьма радушно и, прежде нежели передать программу, повелъ меня въ свой кабинетъ и, раскрывъ громадный шкафъ съ многочисленными полками, указалъ мнѣ на цѣлую гору лежащихъ тамъ толстыхъ рукописей.

— Это все мои сочиненія по различнымъ отраслямъ медицины, сказалъ онъ. Здѣсь найдете вы не только акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, но и физіологію, патологію, терапію и фармакологію...

— Почему же, профессоръ, вы не печатаете вашихъ сочиненій? — дерзнулъ я его вопросить.

— Это-съ не ваше дѣло! Придетъ время, — они будутъ напечатаны... Только-съ, можетъ быть, черезъ 50, 75, 100 и даже болѣе лѣтъ.

Я уже не смѣлъ спрашивать его ни о чемъ; но онъ улыбнулся, подумалъ и сказалъ:

— У меня-съ понятія другія, нежели у современныхъ писателей-самохваловъ... Время печатать мои сочиненія еще не пришло съ... Ихъ никто не можетъ оцѣнить... Пусть прежде медицина достигнетъ тѣхъ понятій, которыя изложены здѣсь, въ моихъ сочиненіяхъ: тогда увидятъ, что я правъ.

Этимъ разговоръ кончился. Онъ передалъ мнѣ программу, и я вышелъ отъ него съ большимъ удивленіемъ.

Говорятъ, что всѣ рукописи Лентовскаго переданы въ университетскую библіотеку и хранятся въ ней. Было бы весьма любопытно

стряхнуть пыль съ этихъ рукописей и посмотрѣть, что̀ въ нихъ заключается.

Перейду теперь къ тому, какъ читались Лентовскимъ лекціи акушерства.

Необходимо сказать, что Лентовскій читалъ съ вопросами и отвѣтами, что лекціи его записывались студентами и ходили по рукамъ, потому что къ экзамену нужно было знать всѣ коньки его. И такъ устами профессора намъ было возвѣщено слѣдующее (то же было и въ запискахъ):

— Вопросъ: Что такое акушерство?

— Отвѣтъ: Акушерство есть наука, которая учитъ тому, чтобы организмы человѣческіе воспроизводились въ такомъ видѣ, въ которомъ они всего болѣе могутъ отвѣчать потребностямъ обитающаго въ нихъ духа; но эта задача акушерства только желаемая, но никогда не достигаемая, а потому приходится пока ограничиться одной грубою цѣлью акушерства, которая состоитъ въ поданіи пособія роженицѣ, какъ при естественныхъ, совершаемыхъ силою природы родахъ, такъ и при неправильныхъ, трудныхъ, уклоняющихся отъ нормы родахъ.

— Вопросъ: Что такое роды?

— Отвѣтъ: Роды суть изверженіе изъ организма беременной женщины плода, достигшаго полной зрѣлости, и окружающихъ его частей, послужившихъ для развитія и роста плода, чрезъ что̀ женщина дѣлается способною вновь понести, а рожденный ею плодъ пріобрѣтаетъ способность къ самостоятельной жизни.

— Вопросъ: Какимъ образомъ женщина дѣлается беременною?

— Отвѣтъ: Чрезъ плотское совокупленіе съ мужчиною, при чемъ она получаетъ отъ послѣдняго силу, скрытую въ сѣмени и необходимую для развитія человѣческаго яйца въ утробѣ ея въ новый самостоятельный организмъ.

— Вопросъ: Что такое совокупленіе (coitus)?

— Отвѣтъ: Это есть психико-динамико-вещественное соотношеніе мужчины съ женщиною и взаимное ихъ другъ на друга дѣйствіе чрезъ особыя правильно-устроенныя посредства или органы.

— Вопросъ: Почему мы разсматриваемъ совокупленіе въ акушерствѣ?

— Отвѣтъ: Это мы дѣлаемъ потому, что если бы не существовало совокупленія мужчины съ женщиною, то и не могли бы воспроизводиться человѣческіе организмы, а слѣдовательно не существовало бы и акушерства, какъ науки. И такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ. Я здѣсь передалъ то, что помню и что успѣлъ списать съ записокъ, или записать; но я полагаю, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о томъ, каковы были лекціи акушерства, читанныя профессоромъ Лентовскимъ.

Въ клиникѣ повторялись тѣ же странности. Студентъ-кураторъ, принимая больную, долженъ былъ считать системы тѣла по пальцамъ. По мнѣнію Лентовскаго, у человѣка пять системъ, которымъ соотвѣтствуютъ пять пальцевъ на рукѣ, а именно, костная – большому пальцу, мышечная—указательному, лимфатическая—среднему, кровеносная—четвертому, а нервная—пятому. Поэтому, принимая больную, необходимо разбирать всѣ системы организма, начиная съ костной, и замѣчать измѣненія въ каждой системѣ у данной больной, а чтобы не сбиться, необходимо сначала правую руку сжать въ кулакъ и потомъ выпрямлять и отводить палецъ за пальцемъ, по мѣрѣ разбора системъ. Если студентъ, принимая больную, не сдѣлалъ этого, то профессоръ заявлялъ ему:

— Вы не умѣете приступить къ больной!

Студентъ конфузился, краснѣлъ и молчалъ; профессоръ вызывалъ другаго и т. д., и если никто не производилъ означеннаго выше маневра съ рукою, онъ сжималъ правую руку въ кулакъ, отводилъ пальцы одинъ за другимъ, по мѣрѣ разбора системъ организма. Когда системы, одна за другою, были разобраны, тогда начиналось назначеніе лѣкарствъ. При этомъ, по мѣрѣ назначенія лѣкарствъ для укрѣпленія той или другой системы, пальцы одинъ за другимъ пригибались къ ладони, и когда противъ страданія всѣхъ пяти системъ было назначено лѣченіе, то всѣ пальцы, пригнутые другъ къ другу, т. е., вѣрнѣе сказать, вся ручная кисть, съ пригнутыми другъ къ другу пальцами, потряхивалась передъ лицомъ студента, и профессоръ тогда говорилъ:

— Вотъ, сдѣлавъ все это, вы успокоите больную — и дѣло будетъ-съ въ шляпѣ.

Изъ лѣкарствъ чаще всего назначалась слабительная вѣн-

ская вода (Aqua latativa Wienensis), которая была любимымъ средствомъ профессора. Если онъ назначалъ наркотическія, то въ самыхъ малыхъ пріемахъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, освободить силу, скрытую въ лѣкарствѣ, и дать ей возможность дѣйствовать на организмъ больнаго. Чаще другихъ назначался уксусно-кислый морфій (morphium aceticum) по $^1|_{60}$ грана черезъ 2 часа. Въ этомъ отношеніи профессоръ впадалъ какъ бы въ гомеопатію, но его вообще трудно было понять, потому что на лекціяхъ онъ ругалъ гомеопатовъ. Камфора также назначалась въ малыхъ пріемахъ, по $^1|_{60}$ грана и съ тою же цѣлью, т. е., чтобы освободить силу, скрытую въ лѣкарствѣ. Вообще, метода лѣченія у Лентовскаго была странная и показанія къ лѣченію тѣми или другими средствами самыя фантастическія.

Въ амбулаторной клиникѣ всѣхъ приходящихъ больныхъ женщинъ ассистентъ выстроивалъ въ рядъ. Профессоръ обходилъ больныхъ и каждую разспрашивалъ о болѣзни. Ни одна не помѣщалась на постель для изслѣдованія. У первой онъ обыкновенно спрашивалъ: «мѣсячныя очищенія бываютъ?» У второй—«крови бываютъ?» У третьей—«плотное носишь на себѣ?» Потомъ у всѣхъ спрашивалъ: «не страдаютъ ли запорами?» Рѣдко онъ смотрѣлъ языкъ или изслѣдовалъ пульсъ; выслушиванія, постукиванія, изслѣдованія спеціальныхъ органовъ никогда не дѣлалъ. Случалось по 5, 6, 7 и болѣе приходящихъ больныхъ. Разспросивъ всѣхъ, какъ замѣчено выше, профессоръ становился передъ ними и чаще всего объявлялъ:

— У всѣхъ у васъ—одна болѣзнь и всѣмъ вамъ нужно одно лѣкарство: идите въ москательную лавку (въ аптеку не ходите—тамъ дорого) и купите себѣ англійской соли, и принимайте, три раза въ день, по чайной ложечкѣ, съ отварною водой—и будете здоровы черезъ три или четыре дня.

Этимъ оканчивались пріемы въ амбулаторной клиникѣ.

Акушерскихъ операцій профессоръ не любилъ. Онъ всегда старался кончить роды силами природы, а если случалось сдѣлать операцію, то ее производилъ, въ присутствіи профессора, ассистентъ. И какія же производились операціи? Чаще всего проколъ

оболочекъ, весьма рѣдко наложеніе щипцовъ. Въ мое время даже ни разу не было произведено поворота на ножки.

На экзаменахъ профессоръ былъ очень придирчивъ, составлялъ обширную программу. Если студентъ ему не понравился и не зналъ его коньковъ, въ родѣ того—«что такое совокупленіе» (coitus), или—«какая высшая цѣль акушерства?»—то профессоръ не стѣснялся поставить такому студенту двойку или даже единицу, причемъ замѣчалъ:

— Вы не знаете того, что было говорено на лекціяхъ, и поэтому вамъ нужно все это прослушать еще годокъ-съ...

Часто онъ задавалъ экзаменующемуся такой вопросъ:

— Скажите-съ, что нужно для того, чтобы наложить щипцы?

Если экзаменующійся не попадалъ сразу на конекъ профессора, то послѣдній ставилъ ему двойку или единицу и при этомъ замѣчалъ:

— Для того-съ, чтобы наложить щипцы, нужно-съ, чтобы были щипцы, а если ихъ не будетъ, вы никогда ихъ не наложите... Вы не посѣщали-съ лекцій.

Все это показываетъ, какъ страненъ былъ профессоръ Лентовскій. Это еще больше будетъ видно изъ того, что я сейчасъ добавлю объ его лекціяхъ, на которыхъ часто говорилось о предметахъ, вовсе не идущихъ къ акушерству или къ медицинѣ вообще. Напримѣръ, однажды, войдя въ аудиторію, Лентовскій началъ такъ:

— Вчера вечеромъ я шелъ по Воскресенской улицѣ, мимо фруктовой лавки Госькова: на окнѣ лежалъ французскій черносливъ... Мнѣ такъ сильно захотѣлось отвѣдать черносливу, что слюна потекла, и я не утерпѣлъ... Зашелъ я въ лавку и съѣлъ всего-съ пять черносливинокъ... И что же? Сегодня испражненія были у меня черны, какъ уголь! Скажите-съ, что-за причина этого?

Мы молчали... Онъ тоже не нашелся, какъ объяснить это явленіе, которое, повидимому, не могло имѣть связи съ съѣденнымъ имъ черносливомъ.

Другой разъ профессоръ вошелъ въ аудиторію и долго не начиналъ лекцію. Наконецъ, повертѣвшись на стулѣ, онъ сказалъ:

— Странное дѣло-съ! Не могу начать лекціи... И какъ вы думаете, господа—почему? Очень просто-съ!.. Сегодня портной при-

несъ мнѣ новый вицъ-мундиръ, утромъ рано, когда я еще спалъ, и оставилъ его... за деньгами онъ не зашелъ... Я имѣлъ неосторожность надѣть этотъ вицъ-мундиръ... Вотъ онъ, на мнѣ! И я очутился въ чужомъ вицъ-мундирѣ! Да-съ, вицъ-мундиръ не мой: я за него еще не уплатилъ денегъ. Вдругъ войдетъ портной и скажетъ: а по какому праву вы надѣли вицъ-мундиръ, за который еще не уплатили денегъ? Что же, что я ему скажу? Что я буду дѣлать? Нѣтъ-съ, никогда не носите платья, за которое не уплатили денегъ!..

Однако, несмотря на то, что профессоръ былъ въ чужомъ, по его мнѣнію, вицъ-мундирѣ, онъ началъ лекцію и постоянно озирался назадъ, вѣроятно боясь, что войдетъ портной...

Помню, что однажды Лентовскій вошелъ въ аудиторію и казался очень взволнованнымъ. Онъ, почти плачущимъ голосомъ, сказалъ слѣдующее:

— Господа! Есть на свѣтѣ одно, весьма близкое ко мнѣ существо, которое я, по законамъ божескимъ и человѣческимъ, долженъ любить, но я это существо ненавижу... Да-съ! Просто ненавижу. Какъ вы думаете—кто это существо?

— Жена! жена! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да-съ! Совершенно справедливо, замѣтилъ профессоръ.

Всѣ подобныя выходки и странности не обличаютъ ли въ профессорѣ психически-больнаго.

Исполнилось 30 лѣтъ службы Лентовскаго при университетѣ, и пришло время баллотироваться на слѣдующее пятилѣтіе. Лентовскаго поддерживалъ ректоръ, но медицинскій факультетъ, до котораго не могли не дойти слухи о всѣхъ странностяхъ и чудачествахъ Лентовскаго, о его превратныхъ взглядахъ и т. п., заявилъ въ совѣтѣ, что Лентовскій устарѣлъ, а потому неиначе можетъ быть избранъ на новое пятилѣтіе, если представитъ на избранную имъ самимъ тему сочиненіе, отвѣчающее современному состоянію науки. Лентовскій вскорѣ представилъ сочиненіе «объ условіяхъ развитія и существованія дѣтскаго организма». Была назначена коммиссія, изъ трехъ членовъ факультета, для прочтенія, разбора сочиненія и для представленія своего заключенія о сочиненіи профессора. Въ сочиненіи. между множествомъ несообразностей, встрѣтилась еще и слѣдующая:

Одна глава сочиненія была озаглавлена: «зубы». Въ этой главѣ профессоръ говорилъ: «зубы служатъ для пережевыванія пищи, а пища для образованія крови, а слѣдовательно, если пища не будетъ пережевана зубами и не поступитъ въ желудокъ, то организмъ не получитъ матеріала для образованія крови, а поэтому зубы должны быть отнесены къ системѣ кровеносной, и въ самомъ дѣлѣ они суть не что иное, какъ наружное продолженіе этой системы».

Рецензенты сочиненія (кто они были—мнѣ неизвѣстно) сдѣлали въ этомъ мѣстѣ, на поляхъ, помѣтку: «Итакъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, и жерновъ на мельницѣ, который мелетъ муку, безъ чего она не можетъ послужить къ образованію изъ нея питательнаго матеріала, необходимаго для выработки въ организмѣ крови, долженъ быть причисленъ къ кровеносной системѣ, и если зубы составляютъ наружное продолженіе этой системы, то и жерновъ, на тѣхъ же основаніяхъ, долженъ быть почитаемъ за наружное продолженіе кровеносной системы».

Результатъ получился неутѣшительный: Лентовскій былъ забаллотированъ.

Въ одну изъ послѣднихъ лекцій онъ жаловался намъ, что съ нимъ поступили несправедливо. Нашелся одинъ студентъ, который заявилъ профессору, что «всѣ великіе люди не были оцѣнены надлежащимъ образомъ въ свое время; что творенія многихъ геніальныхъ людей не были признаны заслуживающими вниманія при ихъ жизни, что люди неблагодарны и завистливы». Это утѣшило Лентовскаго, но, однако, онъ прослезился, оставляя аудиторію послѣ 30-ти-лѣтней службы. На мѣсто профессора акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, временно былъ назначенъ факультетомъ профессоръ Бекетовъ, а потомъ прибылъ профессоръ Козловъ, который и занялъ каѳедру Лентовскаго.

Оканчивая записки мои о Казанскомъ университетѣ, за періодъ времени съ 1849—1854 г.г., я долженъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событіяхъ въ стѣнахъ университета и внѣ его, а равно о бытѣ студентовъ того времени и положеніи ихъ въ обществѣ.

Въ 1852 году, осенью, Казань посѣтилъ министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Министръ прибылъ въ Казань около 10-го сентября. Онъ посѣтилъ лекціи многихъ профессоровъ и въ томъ числѣ лекцію оперативной хирургіи Елачича, которою остался очень доволенъ. На другихъ факультетахъ онъ посѣтилъ, сколько мнѣ извѣстно, многія лекціи и между прочимъ лекцію профессора исторіи, Иванова, лекцію римскаго права, Комбека и многія другія. О лекціи Елачича, читанной въ присутствіи министра, уже упомянуто выше. Скажу нѣсколько словъ о лекціяхъ Иванова и Комбека.

Профессоръ Ивановъ зналъ свой предметъ превосходно и отлично читалъ всеобщую и русскую исторію, считался однимъ изъ лучшихъ профессоровъ того времени. Такъ какъ лекціи русской исторіи только-что начались (съ открытіемъ учебнаго года), то Ивановъ читалъ изъ русской исторіи въ это время удѣльный періодъ и, конечно, въ присутствіи министра долженъ былъ продолжать упомянутый періодъ. Каково же было изумленіе студентовъ, когда, въ присутствіи министра, профессоръ вдругъ сдѣлалъ огромный скачекъ къ царствованію императора Николая I и сталъ читать при министрѣ о декабрскихъ событіяхъ 1825 года. Читалъ онъ увлекательно и закончилъ лекцію словами: «но поступки этихъ людей нужно оплакать кровавыми слезами». При этомъ профессоръ вынулъ платокъ изъ кармана и сталъ утирать лившіяся изъ глазъ его слезы. Говорятъ, что примѣру профессора послѣдовалъ министръ, а затѣмъ утирали слезы свои попечитель, ректоръ и прочія лица, сопровождавшія министра. Можетъ быть легко, что эти слезы, по крайней мѣрѣ со стороны министра, были искреннія, такъ какъ онъ, сколько извѣстно, отличался не только въ высшей степени патріотическимъ, но и религіознымъ настроеніемъ и вообще принадлежалъ къ весьма впечатлительнымъ натурамъ. Результатъ пріема, употребленнаго профессоромъ Ивановымъ, былъ слѣдующій: министръ былъ въ высшей степени доволенъ лекціею Иванова, благодарилъ его и расцѣловалъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, профессоръ Ивановъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, кажется, съ императорскою короной. Разсказываютъ, что министръ былъ и на лекціи профессора Комбека, который чи-

талъ на юридическомъ факультетѣ римское право, а въ гимназіи, какъ извѣстно читателю, преподавалъ нѣмецкій языкъ. Нужно здѣсь замѣтить, что лекціи Комбека не отличались даромъ слова, да и русскій языкъ онъ не зналъ, хотя считалъ себя компетентнымъ въ этомъ языкѣ, почему даже ввелъ при чтеніи лекцій такой порядокъ, что студентамъ, записывавшимъ его лекціи, онъ часто напоминалъ—гдѣ слѣдуетъ писать строчную, гдѣ прописную букву, гдѣ поставить запятую, или гдѣ ставить точку. Говорятъ, что Комбекъ предупредилъ студентовъ, что при министрѣ онъ будетъ читать лекцію безъ грамматическихъ замѣчаній и чтобы студенты не записывали лекціи, которую онъ послѣ повторитъ. Однако, при министрѣ, будто-бы, Комбекъ забылся и, по свойственной ему привычкѣ, вдругъ сказалъ: «Римское право: *Р*—большое, *п*—маленькое, комма»... А потомъ вспомнилъ, спохватился, кашлянулъ и продолжалъ лекцію ломанымъ русскимъ языкомъ, безъ замѣтокъ о правописаніи. Министръ, прослушавъ лекцію, по окончаніи ея изъявилъ Комбеку свое полное неудовольствіе.

Кромѣ университета, министръ посѣтилъ и обѣ казанскія гимназіи, изъ которыхъ больше былъ доволенъ первою гимназіею, гдѣ ловкій инспекторъ Сахаровъ просто обворожилъ министра. Нужно замѣтить, что 14-го сентября, день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, храмовой праздникъ въ университетской церкви и въ церкви 1-й гимназіи. Поэтому министръ наканунѣ праздника былъ у всенощной въ гимназической церкви. Инспекторъ гимназіи Сахаровъ употребилъ всѣ усилія, чтобы выставить ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ въ высшей степени религіозными. Говорятъ, что послѣдніе не только усердно молились, но даже при пѣніи «великаго славословія» стояли на колѣняхъ, съ воздѣтыми къ небу руками и возведенными горѣ глазами. Результатъ былъ тотъ, что Сахаровъ вскорѣ по отъѣздѣ министра получилъ орденъ св. Анны второй степени.

Обѣдню въ университетской церкви 14-го сентября отстоялъ министръ, отъ самаго начала до конца, въ присутствіи всего начальства и многочисленнаго числа студентовъ. Службу совершалъ архіепископъ казанскій и свіяжскій Григорій (впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій). Послѣ обѣдни всѣ перешли въ актовый

залъ, гдѣ и совершился, въ присутствіи министра, торжественный актъ, на которомъ была произнесена рѣчь профессоромъ Котельниковымъ, читавшимъ въ университетѣ «чистую математику». Темой рѣчи была избрана разница между временемъ Казани и Петербурга. Котельниковъ заключилъ свою рѣчь словами: «И такъ, Казань счастливѣе Петербурга, потому что она раньше просыпается, раньше спѣшитъ въ храмы, чтобы принести молитву царю царей о здравіи и благоденствіи возлюбленнаго монарха и всего царствующаго дома». Конечно, рѣчь эта, не лишенная многихъ ораторскихъ пріемовъ, очень понравилась министру. Передъ отъѣздомъ изъ Казани министра, всѣ начальствующія лица и студенты университета были собраны въ актовомъ залѣ университета. Вошелъ министръ, въ сопровожденіи попечителя округа генерала Молоствова, и произнесъ при прощаніи приблизительно слѣдующее: «Я былъ свидѣтелемъ вашего усердія къ службѣ Божіей, вашего прилежанія къ лекціямъ и получилъ удостовѣреніе попечителя о вашемъ отличномъ поведеніи. Я весьма доволенъ вами, господа, и обо всемъ этомъ буду имѣть счастіе доложить Его Императорскому Величеству. Надѣюсь, что и впредь вы будете прилежать къ усердному посѣщенію божественной службы и лекцій вашихъ профессоровъ».

Безпорядки въ университетѣ произошли зимою 1852 года. Причина этихъ безпорядковъ была самая пустая, а именно: множество студентовъ собралось на свадьбу одной дѣвицы, по фамиліи Кудрявцевой, въ старую Покровскую церковь. Нужно замѣтить, что студенты того времени играли довольно выдающуюся роль въ обществѣ и были лучшими кавалерами на балахъ и вечерахъ, гдѣ блистала своею молодостію и красотой и m-lle Кудрявцева: поэтому-то на свадьбу ея и собралось такъ много студентовъ. Невѣста въ церковь долго не пріѣзжала... Въ ожиданіи начала брачной церемоніи, одинъ студентъ захотѣлъ присѣсть на окно, гдѣ уже сидѣли двѣ женщины. Онъ сѣлъ между этими женщинами и одну изъ нихъ толкнулъ неосторожно. Она вскричала и вмѣшавшейся въ дѣло полиціи умышленно заявила, что студентъ дозволилъ себѣ въ отношеніи ея непристойныя дѣйствія. Полиція, отъ излишняго усердія, хотѣла арестовать ни въ чемъ не повиннаго студента, несмотря на

наглую и очевидную ложь простой и необразованной женщины. Несмотря на увѣренія и заступничество товарищей, студентъ былъ выведенъ изъ церкви, за нимъ послѣдовали товарищи, въ числѣ до 150 человѣкъ, и на улицѣ произошла свалка между студентами и жандармами, въ руки которыхъ былъ переданъ арестованный студентъ. Жандармы препроводили его въ какое-то помѣщеніе, студенты выломали двери, ворвались въ помѣщеніе и побили жандармовъ. Немедленно было дано знать инспектору студентовъ Ланге. Первымъ дѣломъ Ланге было отправиться въ помѣщеніе казенно-коштныхъ студентовъ, и здѣсь онъ записалъ всѣхъ, кто не былъ дома. Помощники инспектора и Дементьевъ, о которомъ говорено выше, направились въ ближайшія къ университету квартиры студентовъ, и каждый, кто имѣлъ несчастіе отсутствовать изъ дому, оказался соучастникомъ побоища жандармовъ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Такимъ образомъ, участниками событія сдѣлались многіе студенты, которые не принимали въ немъ никакого участія. Началось дѣло. Главные виновники были исключены изъ университета и принадлежали къ числу тѣхъ, которые были захвачены полиціей при выходѣ изъ помѣщенія, гдѣ происходила схватка съ жандармами; другіе подверглись болѣе или менѣе сильнымъ наказаніямъ, состоявшимъ въ заключеніи въ карцеръ на болѣе или менѣе долгіе сроки. Въ числѣ участниковъ оказалось и нѣсколько студентовъ медицинскаго факультета. Когда это дѣло обсуждалось въ совѣтѣ университета, то члены его раздѣлились на два лагеря. Одни настаивали на исключеніи изъ университета главныхъ виновниковъ, другіе желали ограничиться слабыми, исправительными наказаніями. Къ числу первыхъ, изъ профессоровъ медицинскаго факультета, принадлежалъ молодой профессоръ Бекетовъ, къ числу вторыхъ — ветеранъ-профессоръ Аристовъ. Въ совѣтѣ дѣло дошло до крупныхъ объясненій между Аристовымъ и Бекетовымъ. Аристовъ выразился о Бекетовѣ въ такомъ смыслѣ, что онъ еще молодъ и некомпетентенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Другіе говорили, что Аристовъ употребилъ даже выраженіе «молокососъ», не называя прямо Бекетова этимъ именемъ, но Бекетовъ принялъ это на свой счетъ и рѣшился отомстить Аристову.

Въ это время у Аристова экзаменовался на степень доктора

медицины его прозекторъ Барминскій. Аристовъ поставилъ ему неудовлетворительный баллъ, чѣмъ Барминскій былъ очень возмущенъ и также рѣшился отомстить Аристову. Составилась компанія изъ недовольныхъ—Барминскаго и Бекетова. Они рѣшились отправиться на квартиру къ Аристову, и когда онъ вышелъ къ нимъ, то, говорятъ, Бекетовъ схватилъ его за волосы, приговаривая: «вотъ, молокососъ»; а Барминскій началъ наносить удары по спинѣ, со словами: «не рѣжь при экзаменѣ на доктора». Говорятъ, что Аристовъ заоралъ при этомъ: «караулъ», и хозяинъ дома, будтобы, заперъ ворота и далъ знать въ полицію. Дѣло кончилось тѣмъ, что попечитель Молоствовъ предложилъ всѣмъ тремъ участникамъ отставку, но былъ удаленъ только Барминскій, а Бекетовъ и Аристовъ остались. Какъ велось дѣло и какія были приняты мѣры со стороны университетскаго начальства—неизвѣстно. Кажется, что попечитель призвалъ къ себѣ Бекетова и крѣпко его распекъ. Относительно же Аристова—неизвѣстно, что̀ было. Но что вся эта исторія достовѣрна, самымъ очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ одна изъ анатомическихъ лекцій Аристова. Читая о мышцахъ руки, Аристовъ, дѣлая анатомическія и физіологическія заключенія о богатствѣ ручной мускулатуры, выразился такъ: «эта рука годилась бы какому-нибудь мальчишкѣ, чтобы наносить оскорбленія почтеннымъ и ни въ чемъ не повиннымъ людямъ». Это заключеніе сопровождалось судорожно-саркастической улыбкой профессора, и, какъ всѣ поняли, относилось къ инциденту съ нимъ, Бекетовымъ и Барминскимъ. Намекалось, конечно, на Бекетова.

Послѣ означенныхъ выше безпорядковъ, само собою разумѣется, строгости въ университетѣ усилились, военная дисциплина и выправка водворялись день ото дня больше и больше. Василій Ивановичъ Ланге съ утра до вечера ходилъ по главнымъ улицамъ Казани и ловилъ студентовъ. Несоблюденіе формы, малѣйшія отступленія отъ правилъ, отлучка изъ университета казенно-коштнаго студента безъ дозволенія, даже рѣзкія улыбки при встрѣчѣ съ инспекторомъ влекли заключеніе въ карцеръ, на хлѣбъ и водѣ, на болѣе или менѣе долгій срокъ. Грубость на словахъ, рѣзкіе отвѣты, частое непосѣщеніе лекцій, неотдача чести начальствующимъ лицамъ и т. п. влекли не рѣдко удаленіе изъ университета, особен-

но ежели повторялись часто, и студентъ, какъ говорилъ инспекторъ, отличается «закоренелостію, неисправимостію и упорствомъ относительно исполненія своихъ обязанностей и распоряженій начальства».

Эти наказанія и притѣсненія ожесточали студентовъ и постепенно привели къ серьезнымъ безпорядкамъ, которые вспыхнули въ 1855 году и были причиною того, что попечитель округа, генералъ Молоствовъ, инспекторъ студентовъ Ланге и профессоръ физіологіи Берви должны были выйти въ отставку.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о бытѣ студентовъ того времени и о положеніи ихъ въ обществѣ.

Важнымъ подспорьемъ въ это время было то, что въ университетѣ были студенты казеннокоштные, которые имѣли квартиру въ стѣнахъ университета, получали пищу и одѣвались на счетъ казны. Все это давало имъ возможность беззаботно предаваться занятіямъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Стипендіаты, которыхъ было тогда сравнительно мало, были уже поставлены въ менѣе благопріятныя отношенія, нежели казеннокоштные: стипендіи были очень скудны. Большинство получало по 15 руб. въ мѣсяцъ: сумма совершенно недостаточная для безбѣднаго существованія. Сравнительно лучше были поставлены многіе своекоштные, получавшіе изъ дому хорошія средства, но за то тотъ, кто не имѣлъ этихъ средствъ, часто, въ ожиданіи стипендіи, былъ поставленъ въ весьма критическое положеніе. Приходилось давать уроки, заниматься различными дѣлами, въ родѣ переписки бумагъ и т. п., чтобы добыть средства для насущныхъ потребностей. Такихъ бѣдняковъ было не мало, и въ средѣ ихъ именно всего чаще и начиналось броженіе, которое, будучи прямымъ отголоскомъ пролетаріата, въ началѣ имѣло цѣлію обратить вниманіе начальства на безвыходность положенія; но, къ несчастію, начальство того времени не отличалось дальновидностію и всѣ малѣйшія вспышки между недостаточными студентами, безъ всякаго разбора, склонно было считать политическими проявленіями. Стоило принять какія-нибудь мѣры, въ родѣ выдачи пособія недостаточнымъ студентамъ и т. п., и волненія недовольныхъ могли бы быть прекращены немедленно. Тогда и на мысль никому не приходило завести хотя

бы вспомогательную студенческую кассу, устроить что-нибудь въ родѣ общежитія студентовъ, дать нѣсколько благотворительныхъ спектаклей и концертовъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Начальству университета было извѣстно, что между студентами есть много бѣдняковъ, а потому, принимая ихъ въ число студентовъ, слѣдовало изыскать и мѣры—облегчить ихъ безвыходное положеніе, или уже вовсе не принимать такихъ бѣдняковъ въ число студентовъ.

Всѣ послѣдующіе безпорядки въ стѣнахъ не только Казанскаго, но и всѣхъ другихъ университетовъ, всегда имѣли своимъ основаніемъ безвыходное положеніе бѣдныхъ студентовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что начало безпорядковъ всегда было въ средѣ недовольныхъ своимъ собственнымъ положеніемъ и покоилось прежде всего на желаніи улучшить свой матеріальный бытъ. Если въ безпорядки вовлекаются и студенты, имѣющіе матеріальную обезпеченность, то это есть результатъ товарищескихъ отношеній, которыя между студентами имѣютъ громадное значеніе. Можно съ достовѣрностію сказать, что если нужды студентовъ будутъ правильно поняты, надлежащимъ образомъ оцѣнены, если начальство будетъ гуманное, если будутъ изысканы мѣры, обезпечивающія бытъ недостаточныхъ студентовъ, а особенно широкое распространеніе, подъ контролемъ, вспомогательныхъ студенческихъ кассъ, которымъ должно быть предоставлено самое обширное развитіе, то студенческіе безпорядки исчезнутъ какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Но обращаюсь къ быту студентовъ того времени.

Казеннокоштные студенты, имѣя все готовое и живя въ стѣнахъ университета, въ мое время успѣвали лучше своекоштныхъ, и это объясняется именно обезпеченностію ихъ быта, что̀ давало имъ возможность охотнѣе и прилежнѣе посѣщать лекціи и пользоваться примѣромъ и совѣтомъ товарищей, жившихъ съ ними въ одномъ помѣщеніи.

Казенный столъ, на который отпускалось въ день по 10 коп. на студента, былъ, благодаря существовавшимъ въ то время умѣреннымъ цѣнамъ, довольно хорошій; но, такъ какъ аппетитъ былъ у всѣхъ отличный, то въ обѣдъ съѣдалось и то, что положено на ужинъ. Къ ужину оставался пустой супъ или щи и черный хлѣбъ.

Однако, наѣвшись хорошо за обѣдомъ, къ вечеру многіе вовсе не имѣли позыва на пищу, а потому столовая за ужиномъ была относительно пуста. Платье шилось университетскимъ портнымъ по запискѣ инспектора, а именно каждый годъ новая сюртучная пара и каждые два года мундиръ. Обувь доставлялъ университетскій сапожникъ, и полагалось двѣ пары сапогъ въ годъ. Платье и обувь отдавались въ собственность студента, бѣлье было казенное и выдавалось каждую недѣлю по одной перемѣнѣ. Спальни были прекрасно устроены и помѣщались въ среднемъ этажѣ университетскаго зданія. На бумагу, перья и чернила выдавалось по 75 коп. серебр. въ мѣсяцъ, и деньги эти выдавались за каждые четыре мѣсяца, т. е. по-третно (3 руб. серебр. въ треть). Такъ какъ число казеннокоштныхъ студентовъ въ мое время было до 50 человѣкъ, то въ день выдачи этихъ денегъ, всѣ студенты имѣли довольно солидную сумму, около 150 р., въ своемъ распоряженіи и обыкновенно въ вечеръ того же дня, когда получались деньги, направлялись цѣлой гурьбой въ гостиницу «Китай», купца Бѣлозерова, на Воскресенской улицѣ, и тутъ происходила, обыкновенно въ складчину, хорошая попойка. Эту гостиницу студенты всегда посѣщали охотно, играли на бильярдѣ, пили чай, закусывали и ужинали. Содержатель гостиницы, чтобы оградить студентовъ отъ нашествія начальства, и особенно инспектора Ланге, отдѣлилъ большую комнату, въ которую вела дверь, устроенная въ видѣ большаго шкафа. Когда Василій Ивановичъ Ланге являлся въ гостиницу, чтобы поймать студентовъ, его водили по помѣщенію и, дойдя до шкафа, говорили: «здѣсь шкафъ для бѣлья». Онъ удовлетворялся этимъ заявленіемъ и уходилъ, довольный тѣмъ, что студентовъ въ гостиницѣ нѣтъ, между тѣмъ какъ въ завѣтной комнатѣ нерѣдко пировала веселая компанія студентовъ. Впослѣдствіи, однако, Дементьевъ узналъ этотъ секретъ и донесъ Ланге. Результатомъ были безконечныя заключенія въ карцеръ «за препровожденіе времени въ трактирѣ».

Своекоштные студенты жили на частныхъ квартирахъ, занимая, всего чаще, одну комнату, въ которой ютилось иногда по два и по три человѣка.

Студенты очень любили посѣщать театръ и, разумѣется, хо-

дили въ запрещенныя мѣста—въ раекъ и галлерею. Часто были очень шумныя овацiи артистамъ, или раздавались свистки: тогда Ланге отправлялся въ раекъ и галлерею, ловилъ нарушителей приказаній его—не ходить въ эти мѣста, а равно и нарушителей тишины,—и отправлялъ ихъ въ карцеръ.

Студенты, какъ я сказалъ выше, были хорошо принимаемы въ обществѣ и играли въ немъ выдающуюся роль. Многіе слыли хорошими танцорами и потому были видными дамскими кавалерами. Почти ни одинъ балъ или вечеръ, даже въ аристократическихъ домахъ, не обходился безъ значительнаго числа студентовъ. Въ маскарады тоже любили ходить студенты, несмотря на совѣтъ инспектора—избѣгать маскарадовъ. Но въ маскарады обыкновенно являлся инспекторъ и наблюдалъ, какъ онъ выражался, «за благонравіемъ студентовъ». Весьма часто случалось, что студентъ, замѣченный инспекторомъ въ чемъ-нибудь, по его мнѣнію, не сообразномъ съ званіемъ студента, отправлялся изъ маскарада прямо въ карцеръ.

Студенты любили посѣщать и многія другія запрещенныя мѣста. Въ эти мѣста Василій Ивановичъ обыкновенно разсылалъ своихъ помощниковъ, вмѣняя имъ въ обязанность ловить студентовъ и доносить ему. Но помощники инспектора, какъ я уже замѣтилъ выше, кромѣ Зоммера, были всѣ весьма хорошіе люди, и потому какъ-то все обходилось благополучно. Зоммеръ же, преслѣдовавшій студентовъ, однажды поплатился. Однако, онъ не осмѣлился вывести это наружу. Вѣроятно, онъ боялся за свою собственную персону, чтобы не потерять мѣста, такъ какъ потеря мѣста для такого бездарнаго человѣка была бы очень не выгодна.

Вообще, нужно замѣтить, что хотя студенты того времени и любили иногда побаловаться, но это баловство не выходило изъ границъ. Притомъ, такое баловство случалось, чаще всего, между студентами перваго курса, которые, какъ и теперь всего чаще случается, вырвавшись на волю, послѣ гимназическихъ стѣсненій, первое время необузданно пользуются своею относительною свободою. Все это, съ теченіемъ времени, укладывается въ самыя скромныя рамки. Духъ товарищества и дружбы въ тѣ времена цѣнился высоко, и этимъ объясняются многія непріятныя столкнове-

нія съ начальствомъ, какъ результаты заступничества за товарищей. Во всякомъ случаѣ, такое самоотверженіе, такое самоотреченіе должны быть цѣнимы, какъ способствующія выработкѣ добрыхъ отношеній, характера и воли людей, а поэтому, если гуманность, въ полномъ смыслѣ слова, подоспѣетъ на помощь и удержитъ разбушевавшіеся молодые порывы, то и дѣло всегда можетъ кончиться благополучно, а излишняя строгость, ожесточая молодыя натуры, наноситъ имъ нерѣдко непоправимый вредъ и вырываетъ изъ среды студенческой корпораціи такія личности, которыя впослѣдствіи могли бы оказаться хорошими дѣятелями, достойными тружениками, вѣрными и преданными слугами отечества и престола. Въ мои времена въ университетѣ жилъ духъ любви, мира и согласія между товарищами, всѣ любили правду, всѣ хотѣли служить отечеству и престолу. Духъ этотъ никогда не умретъ въ стѣнахъ университетовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА X [1]).

Юность князя Александра Ивановича.—Невѣроятныя шалости, разсказанныя имъ самимъ.—Появленіе его въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, подъ видомъ графа Келлера. — Погребеніе генерала Г—да. — Война съ мамками Воспитательнаго дома.—Наказанія, которымъ подвергался князь.

По прибытіи моемъ въ Петербургъ, я нашелъ князя Александра Ивановича въ Царскомъ Селѣ больнымъ корью. Онъ никуда не выѣзжалъ и выразилъ желаніе, чтобъ я каждый день пріѣзжалъ къ нему и обѣдалъ у него. И тутъ-то, во время ежедневныхъ и продолжительныхъ съ нимъ свиданій—онъ передалъ мнѣ повѣсть своей юности съ тѣмъ неподражаемымъ искусствомъ дивнаго разсказчика, которымъ онъ одинъ только и владѣлъ. Разсказы свои онъ, впрочемъ, началъ со времени своего появленія въ Петербургѣ. Какъ онъ первоначально попалъ въ Петербургъ, для меня оставалось не яснымъ, хотя впослѣдствіи, по нѣкоторымъ отрывочнымъ его словамъ, разбросаннымъ въ другихъ его разсказахъ, я убѣдился, что появленіе князя здѣсь и на военномъ поприщѣ, несогласное съ приведеннымъ выше желаніемъ отца, совершилось какъ-то бурно, самостоятельно и не согласно съ планами матери. Чтобъ уяснить этотъ вопросъ, я просилъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній у князя Анатолія Ивановича, который и вывелъ меня изъ неизвѣстности. По его словамъ, въ тридцатыхъ годахъ, и именно во время польской кампаніи, княгиня Марья Ѳедоровна Барятинская пріѣхала съ дѣтьми въ Москву съ главнѣйшею цѣлью

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1894 г.

приготовить и отдать князя Александра въ Московскій университетъ и тѣмъ положить начало исполненію плана, завѣщаннаго покойнымъ княземъ. До какой степени доведены были ученыя приготовленія князя Александра, неизвѣстно; но прежде, нежели они доведены были до конца, пріѣзжаетъ въ Москву изъ Петербурга блестящій конногвардеецъ, извѣстный Свистуновъ, который, посѣщая домъ Барятинскихъ, совершенно вскружилъ голову молодому князю своимъ великолѣпнымъ видомъ и особенно своими совѣтами идти прямо въ военную службу. Князь Александръ выразилъ рѣшительное намѣреніе послѣдовать этимъ совѣтамъ и поступить прямо въ дѣйствующія войска. Какія ни были употреблены средства со стороны княгини, ея приближенныхъ и знакомыхъ, чтобъ остановить этотъ порывъ, все было тщетно, и князь Александръ съ раннихъ еще лѣтъ проявилъ ту самостоятельность и то упорство, которыя были впослѣдствіи отличительною его чертою. Семейный этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ Петербургѣ, и покойная императрица приглашала княгиню не стѣснять молодаго князя въ его стремленіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагала зачислить его въ Кавалергардскій полкъ, котораго она была шефомъ. Бороться было не возможно, и князь Александръ въ августѣ 1831 г. поступилъ въ существовавшую тогда школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Приступаю къ изложенію собственныхъ разсказовъ самого князя. Нѣтъ нужды говорить, что, за невозможностью приводить эти разсказы князя собственными его словами, я буду относительно существа ихъ соблюдать ту же точность и правду, которыя составляютъ главное, а быть можетъ и единственное, достоинство моихъ записокъ. Считаю только нужнымъ предупредить, что хронологическаго порядка, въ какомъ происходили разсказанныя княземъ событія, я вовсе не помню, впрочемъ, здѣсь важно именно то, что было, а не то, когда это было. Точно также я весьма могу ошибиться въ указаніяхъ полковъ и другихъ военныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ разсказовъ князя. Военный міръ мнѣ вовсе не знакомъ, а помнить мѣста, числа, названія я всегда былъ не въ состояніи.

Князь Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что учился онъ

въ гвардейской школѣ самымъ отвратительнымъ образомъ. Время проходило въ кутежахъ и шалостяхъ, большею частью замысловатаго изобрѣтенія. Волокитство было тоже не послѣднимъ занятіемъ. Однажды, —это было въ Петербургѣ или въ Царскомъ Селѣ,— увлекшись какимъ-то хорошенькимъ личикомъ, князь, въ то время еще семнадцатилѣтній мальчикъ, и не замѣчалъ, что съ балкона какой-то дачи на его атаки смотрѣло цѣлое общество и во главѣ его, кажется, графъ Апраксинъ, бывшій въ то время, или прежде, командиромъ Кавалергардскаго полка. Когда князь, смущенный весь, остановился, чтобъ отдать честь, графъ Апраксинъ сказалъ ему съ балкона: «браво, браво молодой человѣкъ! не смущайтесь. Въ ваши лѣта у меня было уже четыре подруги». Когда наступило время выпуска, князь оказался совершенно несостоятельнымъ, и ему предложено было или поступить въ армію или, если хочетъ служить въ гвардіи, остаться еще на годъ въ гвардейской школѣ. Школа надоѣла князю, и онъ рѣшился выйти оттуда, тѣмъ болѣе, что тамъ уже не оставалось его друзей и пріятелей, съ которыми онъ кутилъ и которые большею частію поступили въ гвардію. Такимъ образомъ онъ поступилъ въ концѣ 1833 г. въ лейбъ-кирасирскій Гатчинскій полкъ; но этотъ переходъ нисколько не уничтожилъ самыхъ короткихъ его связей съ прежними товарищами, такъ что онъ только по формѣ принадлежалъ къ кирасирскому полку, но душой и сердцемъ Кавалергардскому. Ему дороги были интересы не кирасирскаго, но Кавалергардскаго полка. Все, что дѣлалось въ этомъ полку, для него было несравненно дороже, чѣмъ то, что происходило въ кирасирскомъ. Онъ считалъ себя принадлежащимъ къ обществу кавалергардскихъ офицеровъ и раздѣлялъ его воззрѣнія, убѣжденія и различныя демонстраціи. Все, что радовало Кавалергардскій полкъ—и его радовало; все, что не нравилось кавалергардскимъ офицерамъ—и ему не нравилось. Однимъ словомъ, онъ былъ самымъ усерднымъ членомъ кавалергардской семьи.

Надобно сказать, что въ гвардейской школѣ воспитывался и братъ князя—Владиміръ. Нѣтъ сомнѣнія, что объ этой личности мнѣ придется много говорить и болѣе рельефнымъ образомъ обрисовать ее. Здѣсь достаточно сказать, что по своимъ свойствамъ

онъ не только не походилъ на князя Александра, но едва-ли не представлялъ совершенной ему противуположности. Сколько Александръ былъ рѣшителенъ, столько Владиміръ былъ мнителенъ; сколько Александръ былъ щедръ, столько Владиміръ былъ экономенъ, сколько Александръ былъ самостоятеленъ, столько Владиміръ былъ, такъ сказать, безличенъ. Въ послѣдующихъ моихъ разсказахъ будетъ приведено много доказательствъ этому общему опредѣленію. Теперь дѣло въ томъ, что когда князь Александръ вышелъ изъ гвардейской школы, князь Владиміръ еще оставался тамъ. Въ отмщеніе ли школѣ за его неудачи по части образованія, или вообще вслѣдствіе побужденій своей богатой и пылкой натуры, князь Александръ, тотчасъ по выходѣ изъ школы, предпринялъ произвести, въ отношеніи къ ней, какую-нибудь скандальную штуку. У матери князя было нѣсколько братьевъ, графовъ Келлеровъ. Эти графы, кажется, жили большею частью въ Берлинѣ, но изрѣдка бывали и въ Петербургѣ. Князь Александръ Ивановичъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода изъ школы, придѣлываетъ себѣ большіе усы и бакенбарды, надѣваетъ парикъ, одѣвается въ какой-то импровизованный костюмъ, нанимаетъ карету и торжественно пріѣзжаетъ въ школу, подъ именемъ графа Келлера. Когда доложили о немъ, бывшій тогда начальникъ школы Шлипенбахъ страшно всполошился. Встрѣтивъ мнимаго графа, онъ повелъ его по всѣмъ комнатамъ показывать ему подробно все заведеніе. Когда конченъ былъ этотъ обзоръ, мнимый графъ Келлеръ выразилъ желаніе видѣть своего племянника, князя Владиміра Барятинскаго. Этотъ молодой человѣкъ былъ позванъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на не виданнаго имъ доселѣ дядю, хотя онъ хорошо зналъ всѣхъ своихъ дядей. Мнимый графъ продолжалъ отлично разыгрывать свою роль, съ величественною ласкою разговаривая съ племянникомъ. Когда Шлипенбахъ отвернулся и князь Александръ, улучивъ удобную минуту, шепнулъ князю Владиміру: «дуракъ, развѣ не узналъ меня?» тотъ обомлѣлъ отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Но князь Александръ, обратившись снова къ Шлипенбаху, началъ благодарить его за любезный пріемъ, потомъ, раскланявшись, торжественно вышелъ и сѣлъ въ карету. По словамъ князя, маскарадъ этотъ удался въ совершенствѣ, и онъ возвратился домой вполнѣ благо-

получно, никѣмъ не узнанный. Но, къ сожалѣнію, на другой же день, эта дерзкая шалость сдѣлалась извѣстною всему городу, и князь подвергнутъ былъ сильному взысканію. О наказаніяхъ, которыя переносилъ князь за свои отчаянныя продѣлки, я скажу въ заключеніи, ибо не помню, какое изъ нихъ и за что именно назначалось...

Другая шалость, разсказанная мнѣ княземъ, едва-ли не превосходила предъидущую своимъ отчаяннымъ характеромъ...

Приступая къ другому разсказу князя, я не могу не сожалѣть о рѣшительной невозможности передать его въ тѣхъ же прелестныхъ чертахъ, въ какихъ самъ князь мнѣ передалъ его—чертахъ, полныхъ съ одной стороны истиннаго драматизма, а съ другой самаго изящнаго комизма. Но буду дѣлать, что̀ могу. Дѣло въ томъ, что Кавалергардскій полкъ, гдѣ были всѣ друзья князя и гдѣ, какъ я выше сказалъ, сосредоточивались всѣ симпатіи князя, потерялъ любимаго своего командира, кажется, Арапова, и взамѣнъ его получилъ новаго командира, кажется, Гринвальда. Общее неудовольствіе полка противу этого назначенія было такъ сильно, что всѣ офицеры рѣшились заявить это чувство какою-нибудь демонстраціею. Кому принадлежалъ планъ этой демонстраціи, я не помню; но князь, хотя не принадлежалъ собственно къ полку, явился самымъ усерднымъ и дѣятельнымъ его исполнителемъ. Они рѣшились, ни болѣе, ни менѣе, похоронить Гринвальда и исполнить эту пріятную для него церемонію въ день его рожденія. Онъ жилъ на Каменномъ острову, и было извѣстно, что онъ собирался отпраздновать день своего рожденія торжественнымъ образомъ; но распоряженія его по этой части, безъ сомнѣнія, не отличались тою живостью и дѣятельностью, которыми сопровождались хлопоты и заботы о его погребеніи. На ряду съ распоряженіями Г—да объ устройствѣ всѣхъ праздничныхъ принадлежностей—шли распоряженія заговорщиковъ о пріобрѣтеніи всѣхъ погребальныхъ принадлежностей. Въ то время, когда тамъ все готово было къ празднику, здѣсь все готово было къ погребенію. Наконецъ, этотъ день насталъ, день лѣтній, свѣтлый и солнечный. Заговорщики также имѣли приглашеніе Гринвальда. Часовъ въ шесть или семь вечера, когда собралось все общество, приглашенное хозяиномъ, и расположилось въ саду, выхо-

дящемъ на Неву, вдали показалась большая лодка, на которой виднѣлись факела, факельщики въ своихъ траурныхъ костюмахъ и слышалось погребальное пѣніе. Лодка направлялась мимо дачи Гринвальда и, разумѣется, привлекла самымъ непріятнымъ образомъ общее вниманіе всѣхъ гостей его. Любопытство возбуждено было въ высшей степени. Когда эта процессія поравнялась съ дачею, съ нея послана была маленькая лодка, чтобъ узнать: что все это значитъ? Едва только сдѣланъ былъ этотъ вопросъ, какъ весь хоръ, находившійся въ лодкѣ, громко провозгласилъ: «погребаемъ Гринвальда». Общее смятеніе, произведенное этимъ отвѣтомъ въ собраніи гостей, было неописанно. Всѣ всполошились, суетились, не зная, что думать и что дѣлать. Между тѣмъ заговорщики мгновенно поворотили въ боковой ручей или канаву, сбросили съ себя погребальные костюмы, сѣли въ приготовленные заблаговременно на этомъ мѣстѣ экипажи и мгновенно пріѣхали на дачу Гринвальда съ другой стороны, при общей суматохѣ вовсе незамѣченные. Вмѣшавшись въ толпу гостей, они наивно раздѣляли ихъ изумленіе и страшно порицали дерзкую продѣлку неизвѣстныхъ шалуновъ, какою, по общему мнѣнію, признана вся эта исторія. Но, увы! надежды молодыхъ людей, что они не будутъ открыты, скоро разсѣялись. Среди гостей находился какой-то офицеръ, пользующійся общимъ уваженіемъ за его умъ и дѣловитость. Этотъ господинъ скоро приблизился къ нимъ и сказалъ тихо: «это ваша штука; вамъ не сдобровать». Молодые люди стали увѣрять, что онъ ошибается, что они ничего не знаютъ, наивно полагая обмануть его прозорливость. Но вслѣдъ за тѣмъ разнеслась вѣсть, что лодочникъ схваченъ и отправленъ въ полицію. Не трудно было сообразить, что онъ все и всѣхъ обнаружитъ, и тогда заговорщики сами обратились къ своему товарищу-дѣльцу, признались ему во всемъ и просили совѣтовъ и наставленій: что имъ дѣлать? «Признаться во всемъ, когда спросятъ» отвѣчалъ тотъ. Но тутъ и явились тѣ драматическія черты, о которыхъ я выше сказалъ. Вообще молодые люди мало тревожились послѣдствіями своего подвига, ибо, предпринимая его, они должны были ожидать удачи или неудачи; но среди ихъ былъ одинъ товарищъ, для котораго эта исторія особенно могла быть пагубна. Дѣло въ томъ, что въ тотъ са-

мый день, когда должно было происходить погребеніе, онъ былъ назначенъ дежурнымъ гдѣ-то; но именно для того, чтобъ участвовать въ этой церемоніи, онъ сказался больнымъ и отказался отъ дежурства. Люди военные поймутъ, до какой степени это важно въ военномъ быту; я, какъ человѣкъ не военный, и тогда это плохо понималъ, а теперь рѣшительно и не помню, въ чемъ заключалась важность. Помню только, что всѣ заботы молодыхъ людей сосредоточились на томъ, чтобъ спасти этого товарища отъ серьезныхъ послѣдствій, и собственно въ этомъ отношеніи имъ, болѣе всего, нужны были указанія, какъ дѣйствовать. Получивъ наставленія своего дѣловитаго товарища, они тотчасъ разъѣхались по домамъ, чтобъ ждать, что будетъ и когда ихъ потребуютъ. Князь въ то время жилъ на дачѣ, кажется, на Петергофской дорогѣ, вмѣстѣ съ матерью и занималъ верхнія комнаты. Убѣжденный, что его въ тотъ же вечеръ потребуютъ, князь весело сказалъ княгинѣ: «матушка! сегодня одинъ изъ товарищей хотѣлъ заѣхать ко мнѣ довольно поздно. Если услышите колокольчикъ—не безпокойтесь». Потомъ отправился къ себѣ наверхъ и сталъ ожидать грознаго вѣстника. И дѣйствительно—часу въ первомъ ночи раздался порывистый звонъ колокольчика. Вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ фельдъегерь, котораго князь весело встрѣтилъ словами: «а я васъ давно ужь жду». Фельдъегерь, смущенный нѣсколько такою оригинальною встрѣчею, пригласилъ князя отправиться тотчасъ съ нимъ къ коменданту. «Съ большимъ удовольствіемъ»,—отвѣчалъ князь,—«сейчасъ одѣнусь». Вообще, по словамъ князя, онъ сохранялъ такое веселое и спокойное расположеніе духа, и такъ былъ комически вѣжливъ и любезенъ съ фельдъегеремъ, что тотъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать: сохранять ли серьезный видъ или хохотать надъ проказами князя. Въ гардеробѣ князя былъ одинъ оригинальный сюртукъ или мундиръ. Онъ заключалъ въ себѣ какое-то соединеніе формы прежней съ формою новой и представлялъ собою вещественную насмѣшку надъ безпрерывными перемѣнами въ формѣ, которыя въ то время порождали много критики и много неудовольствія. Въ моментъ своего отправленія съ фельдъегеремъ, князю заблагоразсудилось надѣть этотъ именно мундиръ. Когда они вышли къ подъѣзду, прошло нѣсколько минутъ въ любезной и вѣж-

ливой борьбѣ между княземъ и фельдъегеремъ, кому первому садиться въ телѣжку. Фельдъегерь предложилъ эту честь князю, а тотъ, съ низкимъ поклономъ, уступалъ ее фельдъегерю. Помѣстившись наконецъ рядомъ съ нимъ, князь доставленъ былъ прямо къ коменданту. Комендантомъ былъ тогда знаменитый Башуцкій, который очень любилъ князя. Башуцкій встрѣтилъ князя словами: «какъ жаль, любезный князь». «Чрезвычайно жаль, ваше превосходительство! Вы знаете, какой я отличный офицеръ, какъ ѣзжу верхомъ»... и въ этомъ тонѣ началъ, въ миломъ и комическомъ разсказѣ, повѣствовать о своемъ послѣднемъ прегрѣшеніи. Башуцкій хохоталъ до упаду и, увлекшись заманчивымъ разсказомъ, продолжалъ ходить по комнатѣ, рядомъ съ княземъ. Наконецъ, вдругъ остановившись, Башуцкій сказалъ: «однакожъ, что жъ это такое? Вѣдь вы мой арестантъ, а я съ вами заболтался». Потомъ, вглядѣвшись въ костюмъ князя, Башуцкій воскликнулъ: «Боже мой, это что такое? Какая на васъ форма?» Князь самымъ смиреннымъ образомъ отвѣтилъ: «простите, ваше превосходительство! меня такъ скоро взяли, что я едва успѣлъ одѣться и не замѣтилъ, что надѣлъ». «Неисправимый вы шалунъ», замѣтилъ Башуцкій, «дайте вашу шпагу». «Извините, ваше превосходительство», отвѣчалъ князь, «второпяхъ я и шпагу забылъ; вотъ 25 р., прикажите купить». «Боже мой, что-за человѣкъ», вскричалъ Башуцкій и, передавъ деньги офицеру, который долженъ сопровождать князя на гауптвахту, приказалъ ему достать гдѣ-нибудь шпагу. Затѣмъ онъ спросилъ князя: «на какую гауптвахту хотите?» «Позвольте, ваше превосходительство, на гауптвахту Воспитательнаго дома. Тамъ, говорятъ, хорошенькія кормилицы». Башуцкій согласился, и князь отправился съ назначеннымъ офицеромъ, который оказался суровѣе фельдъегеря и отрывисто отдѣлывался отъ шутливыхъ атакъ князя. Когда они вышли на улицу, офицеръ сказалъ: «надѣюсь, князь, что вы честный человѣкъ и дойдете одни до гауптвахты; по вашей милости я долженъ еще хлопотать, чтобъ достать гдѣ-нибудь шпагу, которую вамъ угодно было оставить дома». Они разстались, и князь направился къ избранной имъ самимъ гауптвахтѣ. Приходъ его туда чрезвычайно удивилъ находившагося тамъ дежурнаго офицера, который былъ тоже изъ числа добрыхъ пріяте-

лей князя. На вопросы: какъ, почему онъ здѣсь явился, —князь отвѣчалъ: «я твой арестантъ». Осмотрѣвъ комнату, назначенную для него, князь тотчасъ распорядился, чтобъ на другой же день явились мебельщики, обойщики и т. д., и убрали эту комнату самымъ роскошнымъ и великолѣпнымъ образомъ. Одному изъ знаменитыхъ ресторатороvъ приказано было, чтобъ каждый день былъ готовъ изящный обѣдъ на 10 или 20 человѣкъ,—хорошо не помню. Князь говорилъ, что время этого ареста было для него самымъ веселымъ, но въ то же время и самымъ разорительнымъ временемъ. Онъ былъ постоянно окруженъ толпою пріятелей; каждый день совершались страшные кутежи. Если же князю случалось оставаться одному, то самою любимою его забавою была война съ нянъками Воспитательнаго дома. Война эта происходила слѣдующимъ образомъ. Надобно сказать, что гауптвахта находилась на обширномъ дворѣ этого учрежденія, но помѣщалась ниже уровня этого двора, такъ что къ ней надобно было спускаться на одну или двѣ ступени. По двору безпрерывно шмыгали различныя женщины, составляющія прислугу Воспитательнаго дома, и большею частью мамки. Когда князь бывалъ свободенъ—онъ садился въ дверяхъ гауптвахты и запасался извѣстнымъ количествомъ небольшихъ камешковъ. Когда проходила мимо гауптвахты одна изъ мамокъ или другихъ женщинъ, принадлежащихъ къ прислугѣ, князь искусно пускалъ одинъ изъ этихъ камешковъ, который, подпрыгивая, запутывался въ подолѣ или ногахъ женщины и производилъ, разумѣется, крикъ и ругательства, что и составляло забаву князя. Онъ до такой степени преслѣдовалъ ихъ, что онѣ рѣшились отмстить ему. Однажды, когда проходила мимо его значительная группа женщинъ, князь пустилъ въ дѣло всю свою артиллерію. Женщины остановились и стали отвѣчать ему своими башмаками. Завязалась жаркая перестрѣлка, и князь буквально былъ засыпанъ этими орудіями враждебной стороны. Когда всѣ заряды съ обѣихъ сторонъ были выпущены — женщины стали требовать обратно своихъ башмаковъ, но князь, притворяясь страшно израненнымъ, велѣлъ собрать всѣ башмаки въ кучу и объявилъ, что онъ рѣшительно не выдастъ ихъ. Поднялись новые крики, слезы, брань, которые вызвали участіе ближайшаго начальства этихъ воительницъ и, только послѣ про-

должительныхъ переговоровъ, князь рѣшился освободить свою добычу.

Я выше сказалъ о наказаніяхъ, которыя князь претерпѣвалъ за свои шалости. Когда какое именно наказаніе и за какую шалость слѣдовало — я не помню; но помню, что, по его собственнымъ словамъ, онъ проводилъ по нѣсколько недѣль въ конюшнѣ, что его водили какъ-то подъ ружьями и т. п., однимъ словомъ, затѣи его не проходили даромъ, и онъ платился за нихъ порядочно.

ГЛАВА XI.

Первая поѣздка князя на Кавказъ.—Знаменитый «Мамука Орбеліанъ».—Семья Мамуки.—Князь Эристовъ, кавказскій Несторъ.—Страшная рана, полученная княземъ.—Возвращеніе его въ Петербургъ.—Общее сочувствіе къ нему.—Величайшее событіе въ жизни князя: назначеніе состоять при наслѣдникѣ.—Нравственный переворотъ въ князѣ.

Само собою разумѣется, что предпріятія, княземъ совершенныя, какъ по количеству, такъ и по качеству, составили ему самую ужасную репутацію, и всѣ ожидали, что строгій государь, при всемъ снисхожденіи къ столь аристократическому семейству, вынужденъ будетъ поступить строго съ молодымъ княземъ. Но по счастію дѣло до того не дошло, а между тѣмъ сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ офицеровъ на Кавказъ. Тогда, по словамъ князя, Кавказъ представлялся чѣмъ-то, до такой степени ужасающимъ, что одна рѣшимость кого-нибудь отправиться туда — производила страшный шумъ и возвышала тотчасъ того, кто изъявлялъ эту рѣшимость, въ глазахъ всего военнаго Петербурга, тогда какъ впослѣдствіи, при самомъ уже Барятинскомъ, не было отбою отъ гвардейскихъ офицеровъ, самыхъ лучшихъ фамилій, желавшихъ служить на Кавказѣ. Счастливцы, которымъ это удавалось, съ восторгомъ ѣхали туда, осыпались крестами и возвращались флигель-адъютантами, какъ напр. князь Суворовъ, князь Львовъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, Шереметевъ, графъ Ностицъ и др. Тогда, по словамъ князя, было не такъ: вызывались ѣхать туда большею частію головорѣзы, которымъ здѣсь не предстояло уже никакой карьеры. Князь, одинъ изъ первыхъ,

объявилъ, что онъ желаетъ перейти на Кавказъ. Объявленіе это поразило всѣхъ: мать, братья, родные стали отговаривать его, но чѣмъ сильнѣе были ихъ настоянія, тѣмъ упорнѣе дѣлалась его рѣшимость. Кромѣ того, что это истекало изъ его гордой и самостоятельной натуры, князю, по его собственнымъ словамъ, чрезвычайно льстило то общее участіе, которое возбудилъ онъ и которое проникло даже въ среду царскаго семейства. На всѣ доводы, которыми старались отклонить его отъ этого намѣренія, онъ заносчиво отвѣчалъ: «скажите государю, что если я умѣю дѣлать шалости, то умѣю и служить». И дѣйствительно: въ концѣ 1835 г. состоялось первая поѣздка его на Кавказъ.

По собраннымъ мною потомъ на Кавказѣ свѣдѣніямъ видно, что онъ поступилъ въ составъ какого-то отряда, бывшаго подъ командою генерала Безобразова. Красавецъ собой, Безобразовъ, по словамъ князя, былъ плохимъ военнымъ человѣкомъ и вслѣдствіе своей страшной мнительности и нерѣшительности—дѣлалъ много ошибокъ и вообще не нравился подчиненнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ, впослѣдствіи, генералъ-адъютантомъ и корпуснымъ командиромъ, только не на Кавказѣ. Съ княземъ Барятинскимъ онъ былъ постоянно друженъ, вслѣдствіе чего и я имѣлъ случай сблизиться съ нимъ. Весь кругъ, въ которомъ стоялъ князь, порядкомъ таки пользовался моими дѣловыми способностями, и между другими князья К—и. Здѣсь только можно привести одну изъ безчисленныхъ остротъ извѣстнаго графа Соллогуба, надѣлавшую въ свое время много шума: «князья К—и,—острилъ онъ,—очень умные и дѣловые люди; они могутъ всякое дѣло обдѣлать: имъ стоитъ только призвать Инсарскаго...» Да замѣтить развѣ, мимоходомъ, что и этотъ острякъ, въ то же время самый безпорядочный человѣкъ, порядкомъ мучилъ меня своими собственными дѣлами до тѣхъ поръ, пока, по моему плану и при моемъ же участіи, мы съ его тестемъ, графомъ Михаиломъ Віельгорскимъ, не отобрали у него его собственнаго имѣнія и не отдали его въ распоряженіе графа Матвѣя Віельгорскаго. Такъ точно я имѣлъ возможность оказать нѣкоторыя услуги и Безобразову, и въ огромномъ собраніи писемъ, полученныхъ мною отъ всѣхъ этихъ господъ, предъ которыми князь какъ будто любилъ похвастаться мною, есть много самыхъ любезныхъ писемъ Безобра-

зова. Приведу одно или два, взятыхъ на удачу. «Довольно важное обстоятельство требуетъ непремѣннаго моего съ Вами свиданія. По болѣзни я не могу быть у Васъ и потому покорнѣйше прошу пожаловать ко мнѣ. 6-го декабря». Вотъ другое: «не предвидимый случай заставляетъ меня прибѣгнуть къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я очень нуждаюсь въ деньгахъ и, по знакомству Вашему съ денежными людьми, прошу пріискать человѣка, который могъ бы ссудить мнѣ извѣстную сумму..., жена ожидаетъ Вашего отвѣта. Умоляю Васъ—не откажите въ Вашемъ содѣйствіи. Признательность моя будетъ безпредѣльна, а чувство глубокаго уваженія останется то же. 24-го іюля 1847».

Ближайшимъ начальникомъ князя, въ первый его пріѣздъ на Кавказъ, былъ знаменитый въ той странѣ «Мамука», т. е. князь Макарій Орбеліани. Онъ былъ командиромъ того казачьяго полка, къ которому князь былъ прикомандированъ. Князь Орбеліани пріобрѣлъ огромную извѣстность тѣмъ, что былъ истиннымъ джигитомъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. по-русски молодцомъ, наѣзднікомъ, храбрецомъ и немножко разбойникомъ. Изъ удальства «Мамуки», какъ называетъ его народъ, составились цѣлыя легенды; но я повторять ихъ не буду, потому что это завлекло бы меня въ міръ туземной литературы, куда я и дороги не знаю. Скажу только, что во время перваго посѣщенія Кавказа нынѣшнимъ государемъ [1]), когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, Мамука, по словамъ князя, просто очаровалъ его и своимъ личнымъ удальствомъ, и огромнымъ вліяніемъ на народъ. Во то время Мамука, перейдя на поприще гражданской дѣятельности, былъ елисаветопольскимъ уѣзднымъ начальникомъ. Въ этой должности Мамука сгубилъ свою репутацію. Всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ кавказскимъ міромъ, не можетъ остаться неизвѣстнымъ знаменитое дѣло о разграбленіи почты хищниками. Равнымъ образомъ не можетъ не быть неизвѣстнымъ общее въ томъ краѣ убѣжденіе, что почту разбилъ и разграбилъ самъ Мамука и только свалилъ на хищниковъ. Дѣло это страшно шумѣло въ свое время, долго длилось и кончилось простымъ увольненіемъ Мамуки отъ должности и зачисленіемъ его по арміи. Не-

[1]) Александромъ Николаевичемъ.

смотря на сомнительность своей репутаціи, Мамука, какъ и вся фамилія Орбеліановъ, пользовался все-таки значительнымъ уваженіемъ со стороны самыхъ властей. Первая причина этого уваженія заключалась въ томъ, что это одна изъ древнѣйшихъ фамилій Грузіи, вышедшая когда-то, страшно давно, изъ Китая, вслѣдствіе чего они назывались: Джанбукеріанъ-Орбеліани. Въ глазахъ такихъ аристократовъ, какъ князь Воронцовъ и князь Барятинскій, такая древность рода не могла не имѣть сильнаго значенія. Соперниками съ князьями Орбеліани, по древности рода, считались одни князья Багратіонъ-Мухранскіе, которые въ своемъ гербѣ имѣли пращу Давида, считая его своимъ родоначальникомъ. Князь Барятинскій говорилъ мнѣ: «Вы знаете, что и я древняго рода; но предъ ними я мальчишка». Другая причина, по крайней мѣрѣ въ глазахъ князя Барятинскаго, заключалась въ томъ, что у него были дочери красавицы. Одна изъ нихъ, Александра, была замужемъ за княземъ Леваномъ Меликовымъ, бывшимъ начальникомъ Дагестанской области, человѣкомъ чрезвычайно пріятнымъ, но малодаровитымъ, какъ всѣ грузины. Это дѣйствительно была великолѣпная женщина и, по моему личному убѣжденію, она вполнѣ подходила къ тому идеалу, который мы себѣ составляемъ, читая въ романахъ розсказни о дѣвахъ горъ, о красавицахъ Грузіи. Другая, тоже красивая, хотя въ меньшей степени, дочь Мамуки, вышла замужъ за генерала Торханова-Моуравова, котораго князь называлъ «храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ» и который, ознаменовавъ себя необычайными подвигами, былъ главнымъ виновникомъ взятія Гуниба.

Сыновей у Мамуки было пропасть. Въ мое пребываніе на Кавказѣ всѣ они были дикими, очень красивыми, мальчуганами и только старшій изъ нихъ «Датико», т. е. Давыдъ, былъ уже офицеромъ, котораго князь скоро перевелъ въ гвардію, именно въ уваженіе древности этого дома. Но переводъ этотъ былъ крайне неудаченъ, и старикъ Орбеліани впослѣдствіи горько жаловался мнѣ на него. Молодой Датико, поступивъ въ уланскій полкъ, очутился среди всѣхъ всевозможныхъ соблазновъ и прелестей петербургской жизни. Съ замѣчательнымъ природнымъ умомъ, ловкій, красавецъ собой, онъ не могъ сдержать порывовъ жаркой и нѣсколько дикой своей натуры, увлекся роскошью и разорялъ отца, пока одно обстоятель-

ство не положило конца его петербургскимъ похожденіямъ. Петербургу, конечно, памятенъ скандалъ, учиненный имъ въ маскарадѣ Дворянскаго собранія. Дѣло въ томъ, что, немножко пьяный, онъ началъ приставать къ одной маскѣ, которая ходила подъ руку съ однимъ статскимъ господиномъ, именно Рѣпинскимъ, сыномъ того Рѣпинскаго, о которомъ я выше говорилъ,—предполагая въ ней, одну изъ своихъ знакомыхъ камелій. Рѣпинскому это не понравилось, и онъ замѣтилъ это Орбеліани; тотъ вошелъ въ азартъ, Рѣпинскій тоже, и вдругъ Орбеліани, среди безчисленной публики, выхватываетъ шашку съ намѣреніемъ изрубить Рѣпинскаго; но Рѣпинскій, какъ впослѣдствіи оказалось, служившій тоже на Кавказѣ и вѣроятно хорошо знакомый съ мѣстными правилами, не обратился въ постыдное бѣгство, а напротивъ, схватилъ шашку изъ рукъ Орбеліани, сломалъ ее и отвѣчалъ юному воину болѣе простымъ орудіемъ, которымъ природа надѣляетъ каждаго смертнаго. Разумѣется, общее смятеніе при этомъ оригинальномъ ратоборствѣ достигло высшей степени. Сражавшихся схватили, засадили по принадлежности, и начался судъ, который и продолжался довольно значительное время. Я тогда былъ въ Тифлисѣ и часто навѣщалъ стариковъ Орбеліани. Мать была просто въ отчаяніи. Это была очень умная, по-туземному, женщина, дочь того знаменитаго Нестора Кавказа, князя Григорія Евсѣевича Эристова, котораго нельзя было не знать никому изъ тѣхъ, кто имѣлъ какое-либо соприкосновеніе съ тою страною. Въ мое время ему считали уже около ста лѣтъ, но это былъ еще старикъ бодрый и живой.

Свадьба его внучки, дочери «Мамуки» съ княземъ Торхановымъ-Моуравовымъ, о которой я выше говорилъ, была въ его имѣніи, которое отстояло отъ Тифлиса въ ста верстахъ и называлось «Атени», т. е. Аѳины. Я видѣлъ, какъ этотъ старикъ почти цѣлый день плясалъ съ народомъ, и я самъ пѣлъ съ нимъ пѣсни въ его «марани», т. е. въ подземной залѣ съ земляным поломъ, куда врыты неизмѣримой величины кувшины съ виномъ. Онъ же считался народнымъ ораторомъ и въ силу этого не пропускалъ ни одного случая, гдѣ должно или можно произнести спичъ. Я помню, что на этой именно свадьбѣ, за парадным обѣдомъ, когда князь Барятинскій, сидѣвшій рядомъ съ старшею дочерью Орбеліани, княжною Александрою Ме-

ликовой, тою красавицей, о которой я выше говорилъ, сосредоточилъ на ней все свое вниманіе и, казалось, забылъ все остальное— вдругъ встаетъ старикъ Эристовъ и провозглашаетъ тостъ за здоровье намѣстника, который, прибавилъ онъ, «такъ любитъ Грузію и грузинокъ». Помню тоже очень хорошо, что князь сильно покраснѣлъ, а по выраженію его лица, на которомъ я такъ привыкъ читать, замѣтно было, что это прибавленіе крайне ему не понравилось. Вообще на этой свадьбѣ я видѣлъ такъ много оригинальнаго, такъ много патріархальнаго и въ то же время рыцарскаго въ туземныхъ обычаяхъ, что и объ этомъ можно бы много поговорить, если бы я не боялся окончательно сбиться въ страшно перепутанномъ лабиринтѣ моихъ разсказовъ. Дѣло въ томъ, что жена Мамуки, она же и дочь старика Эристова, сильно страдала во время суда надъ ея сыномъ и любила передавать мнѣ свои сѣтованія. Судъ этотъ рѣшилъ выдержать, кажется, какое-то время Орбеліани подъ арестомъ и, главное, перевести тѣмъ же чиномъ на Кавказъ. Молодой Орбеліани потомъ увѣрялъ меня, что по окончаніи ареста онъ вызвалъ Рѣпинскаго на дуэль, стрѣлялся съ нимъ и былъ раненъ въ животъ. Но я не очень-то довѣрялъ этимъ увѣреніямъ, зная общую слабость грузинъ— прихвастнуть.

Первая поѣздка князя Александра Ивановича на Кавказъ была кратковременна. Отрядъ или полкъ, къ которому онъ былъ причисленъ, скоро послѣ его туда поступленія, былъ атакованъ однажды, ночью, горцами, которые, по обыкновенію, скоро были и прогнаны. Но князь, увлеченный сколько пылкостью своей воинственной натуры, столько же и неопытностью въ подобныхъ стычкахъ, занесся черезъ мѣру въ преслѣдованіи непріятеля и былъ жесточайше раненъ пулею въ бокъ. Пулю нельзя было вынуть, и она осталась въ немъ. Въ теченіе двухъ сутокъ князь находился между жизнію и смертію, и оставался въ полномъ безпамятствѣ. Рѣдкія минуты сознанія отданы были на составленіе завѣщанія, которое потомъ было въ моихъ рукахъ подлинникомъ. Но молодость и великолѣпный организмъ побѣдили опасность, хотя послѣдствія этой страшной раны остались на всю жизнь князя и вмѣстѣ съ подагрою сильно содѣйствовали къ преждевременному расшатанію крѣпчайшихъ физическихъ силъ, которыми природа надѣлила его. Едва оправив-

шись нѣсколько, князь долженъ былъ оставить Кавказъ и возвратиться, для радикальнаго лѣченія, въ Петербургъ, куда и прибылъ въ концѣ того же 1835 г., въ началѣ котораго выѣхалъ изъ столицы.

По словамъ князя, въ то время княгиня Марія Ѳедоровна жила на Гагаринской пристани въ домѣ Кокошкина или Нарышкина (положительно не помню). Князь, разумѣется, остановился у ней. Княгиня помѣщалась въ бель-этажѣ, а ему отведены были комнаты наверху. Слабый и больной князь большею частію оставался въ своихъ комнатахъ. Скоро послѣ пріѣзда и быть можетъ на другой же день, князь не могъ не обратить вниманія на сильнѣйшее и безпрерывное движеніе экипажей предъ ихъ домомъ. Однѣ кареты пріѣзжали къ подъѣзду, другія отъѣзжали. Князь, убѣжденный, что въ этомъ необычайномъ движеніи должно заключаться что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ исполненіе обычныхъ визитовъ, не зналъ, что́ и думать, стараясь добиться у своей памяти: нѣтъ ли въ этотъ день какого-либо именинника въ ихъ семействѣ? Ему и въ голову не приходило, какъ онъ самъ говорилъ, остановиться на той мысли, что аристократическій Петербургъ взволновался единственно его пріѣздомъ съ кавказскою пулею въ боку. Но прежде, чѣмъ онъ могъ разрѣшить, такъ или иначе, свои недоумѣнія, ему вдругъ доложили, что пріѣхалъ государь наслѣдникъ. Вслѣдъ затѣмъ входитъ самъ цесаревичъ. Первыя его слова были: «Государь императоръ повелѣваетъ вамъ состоять при наслѣдникѣ». Прибытіе его высочества и особенно произнесенныя имъ слова произвели на князя потрясающее дѣйствіе. Князь говорилъ, что въ числѣ различныхъ мечтаній, которыми всѣ родители такъ любятъ украшать будущность своихъ дѣтей, въ его семействѣ лелѣялась, съ самаго дѣтства, мечта о томъ, какое было бы счастіе, еслибы онъ могъ воспитываться съ наслѣдникомъ или состоять при немъ. Мечта эта держалась преимущественно на сходствѣ ихъ именъ и ихъ возрастовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ее поддерживало сознаніе аристократическаго значенія Барятинскихъ. Но, по замѣчанію самого князя, никакихъ прочныхъ основаній эта идея не имѣла, а юношескія похожденія его, сдѣлавшія ему самую отвратительную репутацію, окончательно заставили забыть ее, какъ вещь, рѣшительно недостижимую. Когда

наслѣдникъ объявилъ повелѣніе государя—все это мгновенно озарилось въ памяти князя съ такою силою, что съ нимъ, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлался какой-то припадокъ счастія и восторга. Не отвѣчая ничего, онъ залился слезами и бросился на грудь наслѣдника, золотое и юное сердце котораго отвѣчало такому необычайному выраженію чувствъ тоже слезами. Они долго стояли обнявшись, не произнося слова. Князь говорилъ, что эта минута была торжественнѣйшею минутою во всей его жизни. Она же была и минутою очищенія. Въ душѣ его тогда же создалось сознаніе всѣхъ дурныхъ его поступковъ и твердая рѣшимость начать другую жизнь, достойную той зари величія, которая въ этотъ моментъ предъ нимъ загоралась.

И дѣйствительно, спустя много лѣтъ, когда я сошелся съ княземъ, я находилъ его болѣе похожимъ на красную дѣвушку, чѣмъ на адъютанта наслѣдника: до такой степени онъ былъ застѣнчивъ и конфузливъ. Для него было истиннымъ мученіемъ принимать какое-либо новое и незнакомое ему лицо и говорить съ нимъ. Между тѣмъ по моимъ дѣламъ это часто было необходимо, и мнѣ всегда стоило большаго труда уговорить его принять кого-нибудь. Если князь и соглашался, то съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ я находился при предстоящей аудіенціи. Такимъ образомъ, мнѣ часто приходилось быть свидѣтелемъ этихъ странныхъ и оригинальныхъ аудіенцій. Едва только войдетъ ожидаемое лицо — князь тотчасъ покраснѣетъ, и если скажетъ что-нибудь, подготовленное мною, то въ высшей степени несвязно и конфузливо. Мое посредничество являлось самою положительною необходимостью. Можно утвердительно сказать, что еслибъ его не было — ничего бы и не вышло. Я много разъ выражалъ князю мое удивленіе по этой части. Онъ сознавалъ самъ этотъ недостатокъ и говорилъ, что онъ происходитъ «отъ большаго его самолюбія». Выше я сказалъ уже, что, по его собственнымъ словамъ, онъ всегда заботился о томъ, чтобъ не было нарушено разстояніе, какое должно быть между имъ и тѣми, съ кѣмъ онъ говоритъ. Кромѣ того, у него было какое-то странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно сильное убѣжденіе, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Онъ дѣйствительно дѣлалъ нѣкоторыя ошибки, но рѣдкія и незначительныя, которыя мы привыкли встрѣчать въ

разговоръ большей части нашихъ аристократовъ, воспитанныхъ французскими и англійскими гувернерами. Какъ бы то ни было, но по всей вѣроятности эти двѣ причины преимущественно дѣлали его страннымъ, молчаливымъ и вообще чрезвычайно слабымъ по части разговоровъ, что̀ и составило ему въ молодости, сколько мнѣ извѣстно, репутацію столь же гордаго, сколько и ограниченнаго человѣка.

Съ той же торжественной минуты положенъ былъ рѣшительный конецъ всѣмъ бурнымъ шалостямъ и предпріятіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя онъ мнѣ самъ разсказывалъ... Въ этомъ отношеніи было одно только обстоятельство, въ свое время тоже надѣлавшее много шума.

ГЛАВА XII.

Петербургская обстановка князя.—Великолѣпіе шталмейстерской части.—Конюшня русская.—Конюшня англійская.—Дороговизна содержанія той и другой.—Неудачное пріобрѣтеніе знаменитой въ то время „Колибри". — Столь же неудачное пріобрѣтеніе арабской лошади.—Герцогъ Нассаускій, первый кучеръ въ Европѣ.—Бѣдственный скачекъ князя чрезъ барьеръ.

Князь былъ величайшій лошадникъ. При моемъ вступленіи въ управленіе его дѣлами, я нашелъ у него обширную и сложную въ этомъ отношеніи организацію. У него было двѣ конюшни: русская и англійская. На русской стояло двадцать рысаковъ, пріобрѣтенныхъ большею частію при посредствѣ князя Анатолія, который былъ еще бо̀льшій лошадникъ и, дѣйствуя среди Москвы, имѣлъ обширныя связи со всѣми заводчиками и со всѣми барышниками. Русскою конюшнею завѣдывалъ главный кучеръ, извѣстный въ то время всѣмъ лошадникамъ Петербурга, знаменитый Константинъ. Онъ не имѣлъ блестящей наружности, но былъ, какъ говорили, глубокимъ знатокомъ дѣла. У него были помощники и разные конюхи, такъ что все это составляло весьма порядочный штатъ. Экипажей было пропасть, парадныхъ и не парадныхъ, русскихъ и выписанныхъ изъ-за границы. Съ плутоватымъ каретникомъ Тацки мы никогда не могли расплатиться.

Онъ умѣлъ плодить нескончаемые счеты, что̀ было ему тѣмъ болѣе удобно, что князь, какъ истинный баринъ, утруждалъ себя тѣмъ только, что говорилъ, что онъ хочетъ, а того, что это стоитъ—онъ и знать не хотѣлъ. Но русская конюшня далеко не доставляла мнѣ тѣхъ мучительныхъ хлопотъ, какъ конюшня англійская. Этою конюшнею завѣдывалъ тоже извѣстный въ то время всему Петербургу англичанинъ Джоржъ Гарди, постигшій тотчасъ и безумную роскошь русскихъ баръ, и русскія средства, и пріемы обкрадывать ихъ. У Гарди тоже были помощники изъ англичанъ и кромѣ того нѣсколько мальчишекъ чистой англійской крови. Все это состояло на огромномъ содержаніи и, воруя по-русски, отличалось страшною британскою гордостью. На англійской конюшнѣ было тоже болѣе двадцати лошадей всевозможныхъ видовъ и назначеній, начиная отъ какой-нибудь великорослой, долговязой, англійской кобылы до маленькихъ англійскихъ пони. Экипажей, принадлежащихъ къ этому отдѣлу и все выписанныхъ изъ Лондона, было такъ много, что князь часто выражалъ удовольствіе, что самъ дворъ не можетъ съ нимъ соперничать по этой части. Подобно тому, какъ въ русскомъ отдѣлѣ находились чуть ли не единственныя сани, которыя могли вмѣщать необъятное число лицъ, такъ точно въ англійскомъ отдѣлѣ состояли какія-то невиданныя плетеныя корзинки, въ которыхъ князь, на удивленіе свѣту, любилъ катать придворныхъ дамъ на маленькихъ пони въ сопровожденіи маленькихъ англичанъ.

Князь былъ роскошенъ вообще, а въ этомъ отношеніи особенно. Въ своихъ безпрерывныхъ поѣздкахъ за границу онъ высматривалъ все, что̀ есть новаго и замѣчательнаго по этой части, и тотчасъ старался завести то же самое у себя. Я часто получалъ порученія слѣдующаго содержанія: «напишите такому-то, что я видѣлъ тамъ-то то-то и прошу мнѣ купить это и прислать». Понятно, что эти наши финансовыя сношенія, преимущественно съ Лондономъ, никогда не прекращались, и я такъ много выплачивалъ и переводилъ нашимъ иностраннымъ знакомымъ незнакомцамъ денегъ, что расплатиться съ ними когда-нибудь окончательно казалось просто невозможнымъ. Князь однажды сказалъ мнѣ: «Знаете, Василій Антоновичъ, у каждаго человѣка есть какая-нибудь слабость. Одинъ

любитъ женщинъ, другой вино, третій карты. У меня страсть къ лошадямъ, и вы на меня за это не сѣтуйте». Въ началѣ моихъ сношеній съ нимъ, когда я тоже былъ молодъ, я не только не сѣтовалъ, но еще немного поджигалъ князя, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ нерѣдко брать меня съ собою въ своихъ прогулкахъ въ англійскихъ экипажахъ и на англійскихъ лошадяхъ. Теперь уже то и другое не рѣдкость; но тогда мнѣ было пріятно сидѣть подлѣ князя на страшно высокомъ передкѣ какого-то англійскаго шарабана и смотрѣть, какъ искусно князь одною рукою управляетъ четверкою или шестеркою огромныхъ англійскихъ лошадей, запряженныхъ цугомъ.

Я помню какъ-то, при наступленіи царскосельскихъ скачекъ, я сказалъ князю: «Меня удивляетъ, ваше сіятельство, что въ нашихъ великолѣпныхъ и дорого стоющихъ конюшняхъ нѣтъ ни одной знаменитой скаковой лошади». «Ваша правда» отвѣчалъ онъ, «знаете, не купить ли «Колибри»? Я слышалъ, что она продается» «Колибри», ваше сіятельство, я не знаю, - отвѣчалъ я, точно также не знаю вовсе толку въ лошадяхъ; но думаю, что имѣть хорошую скаковую лошадь, которая брала бы призы, пріятно». Надобно сказать, что на предъидущихъ скачкахъ «Колибри», небольшая рыжая кобыла, пріобрѣла величайшую славу и выиграла большую часть призовъ. При предстоящихъ скачкахъ объ ней много говорили и много отъ нея ожидали. Принадлежала она въ то время, сколько помню, г-жѣ Пановой, вдовѣ заводчика или отчаяннаго охотника. «Колибри» стояла уже на скаковыхъ объявленіяхъ. Князь съ свойственною ему быстротою рѣшился ее тотчасъ купить. Посланному, котораго мы отправили для переговоровъ къ Пановой,— объявили рѣшительную цѣну 11 т. р. асс. Князь приказалъ заплатить эту сумму, а всѣ аффиши перепечатать. На нихъ «Колибри» стояла уже принадлежащею князю Барятинскому. Знаменитость лошади, славное имя Барятинскаго, быстрота покупки, перемѣна аффишъ—все это произвело страшные толки и особенно въ кругу нашихъ спортсменовъ, къ которому принадлежали и принадлежатъ почти всѣ молодые аристократы. Я, нѣкоторымъ образомъ, главный виновникъ всей этой операціи, съ чувствомъ далеко неспокойнымъ ожидалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Въ день скачекъ я былъ у

князя, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ скаковому кругу. Онъ пошелъ въ бесѣдку, назначенную для двора, а я смѣшался съ толпами, наполнявшими галлереи. Наконецъ наступилъ моментъ, когда «Колибри» должна была вступить въ состязаніе и скакать, кажется, шестиверстную дистанцію. Появленіе ея на скаковомъ кругу привѣтствовано было шумными восклицаніями; видно было, что «Колибри» была любимицей публики. И дѣйствительно, въ этой небольшой лошади было что-то особенное и чрезвычайно милое. Голова отличалась необычайною красотою и, если можно такъ выразиться, умомъ, который свѣтился въ ея глазахъ; ея ноги были необычайной тонины и нѣжности; во всемъ складѣ ея была какая-то легкость и воздушность. Скакъ ея тоже былъ необычайный, онъ скорѣе походилъ на скакъ «джейрановъ» или газелей, которыхъ я такъ много видѣлъ на Кавказѣ. Наконецъ данъ былъ условный знакъ, и «Колибри» поскакала съ своими соперниками и соперницами. Я видѣлъ и прежде и послѣ много скачекъ; но я не помню ничего подобнаго тому одушевленію, тому живому настроенію, которое овладѣло въ этотъ моментъ толпами зрителей. Казалось, каждый считалъ себя участникомъ дѣла и тревожно ожидалъ или своей погибели, или своего спасенія. «Колибри» вела себя превосходно и вполнѣ отвѣчала безпримѣрному сочувствію къ ней публики; но, увы! она все-таки проиграла! Пораженіе ея сдѣлалось тотчасъ предметомъ новаго шума и новыхъ толковъ, существо которыхъ, большею частію, заключалось въ томъ, что «Колибри» проиграть никакъ не могла, что если она проиграла, то оттого, что жокей былъ подкупленъ и т. п. Но въ виду совершившагося факта эти толки представляли для меня мало утѣшительнаго, и понятно, что я ожидалъ встрѣчи съ княземъ съ какимъ-то неяснымъ сознаніемъ какой-то вины. Когда, послѣ скачки, князь подошелъ ко мнѣ, онъ не могъ не замѣтить во мнѣ нѣкотораго замѣшательства и тотчасъ сказалъ: «не безпокойтесь, Василій Антоновичъ. Вся Императорская фамилія такъ любовалась этою милою лошадью, такое принимала въ ней участіе, что это для меня дороже всякаго приза. Мы сдѣлали прекрасно, кто купили ее». Князь скоро подарилъ «Колибри» брату, князю Анатолію, сдѣлавшемуся владѣльцемъ извѣстнаго коннаго завода въ Дробовѣ, о которомъ я выше гово-

рилъ, съ такимъ, однакоже, условіемъ, чтобы первый сынъ или первая дочь «Колибри» принадлежали князю Александру Ивановичу; но другія обстоятельства стерли это условіе, и оно осталось неисполненнымъ.

Былъ еще одинъ случай исключительнаго и тоже не совсѣмъ удачнаго пріобрѣтенія княземъ дорогой лошади,—случай, въ которомъ я уже, однако, не принималъ никакого участія. Нынѣшній государь, когда былъ наслѣдникомъ [1]), имѣлъ при себѣ кружокъ самыхъ приближенныхъ ему людей, которыхъ князь называлъ одною семьею. Въ этой семьѣ, разумѣется, самъ князь занималъ первое мѣсто. Затѣмъ членами ея были: графъ Александръ Адлербергъ, графъ Карлъ Ламбертъ, Иванъ Матвѣевичъ Толстой, князь Паскевичъ, графъ Кутузовъ и еще нѣсколько лицъ. Кому принадлежала иниціатива —я не знаю, но только кружокъ этотъ, при участіи самого наслѣдника, предпринялъ выписать чистокровныхъ арабскихъ лошадей изъ среды самаго Египта. Сдѣланы были всевозможныя оффиціальныя и неоффиціальныя сношенія, и можно было ожидать величайшаго успѣха въ этомъ предпріятіи. Успѣха, однако, не послѣдовало. Я помню—приведено было семь лошадей и всѣ неблистательнаго достоинства, хотя, разумѣется, въ частности одна лошадь была лучше другой. Чтобъ уравновѣсить шансы всѣхъ участвующихъ, признано было за лучшее всѣхъ этихъ лошадей разыграть по жребію, съ тѣмъ чтобы каждый и платилъ за ту лошадь, какая ему достанется, всѣ издержки, какія на ея пріобрѣтеніе были употреблены. Князю Александру Ивановичу достался гнѣдой жеребецъ до того малорослый, что онъ рѣшительно не былъ ни къ чему годенъ, стоилъ очень дорого и, сколько помню, до 8 т. р. асс. Видно было, что эта маленькая лошадка имѣетъ много огня и крови, но употреблять ее въ дѣло было нельзя ни подъ верхъ, ни въ упряжь. Впрочемъ, нѣсколько разъ она ходила подъ маленькимъ жокеемъ за экипажемъ, запряженнымъ пони, но и тутъ, кажется, по излишней горячности, оказалась малопригодною. Кончилось тѣмъ, что и эту лошадь князь подарилъ въ заводъ брату князю Анатолію.

---

[1]) Александръ Николаевичъ.

Этими разсказами о лошадяхъ, экипажахъ, жокеяхъ, я хочу показать, на какой степени высоты и совершенства стояла эта часть у князя и, кажется, доставляла ему соотвѣтственную въ этомъ отношеніи славу. Я помню, что иностранцы, посѣщая князя, всегда осматривали его спортсменскія богатства. Въ числѣ ихъ я особенно помню герцога Нассаускаго, который потомъ женился на дочери великаго князя Михаила Павловича и который, по словамъ князя, считалъ себя первымъ кучеромъ въ Европѣ. Онъ тогда почти ежедневно бывалъ у князя, и они вмѣстѣ катались то на тѣхъ, то на другихъ лошадяхъ. Герцогъ держалъ себя весьма просто и былъ со мною очень любезенъ и ласковъ... Считалъ ли себя самъ князь хорошимъ кучеромъ, я не знаю, хотя, катаясь нерѣдко съ нимъ видѣлъ, что онъ ловко и искусно, на англійскій манеръ, управляетъ лошадьми; но что онъ считалъ себя великимъ мастеромъ и знатокомъ верховой ѣзды — это не подлежало сомнѣнію. И дѣйствительно, впослѣдствіи, когда мы были съ нимъ на Кавказѣ, гдѣ верховая ѣзда считается первымъ условіемъ молодечества въ туземномъ воинственномъ народѣ и гдѣ съ другой стороны князя постоянно окружала толпа адъютантовъ, большею частію перешедшихъ изъ гвардейскихъ кавалеристовъ—всѣ безъ исключенія признавали несомнѣнное превосходство князя въ этомъ отношеніи. Какъ бы то ни было, но увѣренность князя въ своемъ искусствѣ была причиною безумной шалости, которою онъ прославился, конечно, невольно, послѣ уже назначенія своего состоять при наслѣдникѣ. Дѣло было до начала моихъ сношеній съ княземъ; но по разсказамъ его самого и другихъ— оно произошло слѣдующимъ образомъ. Между петербургскими кавалеристами имѣлъ большую знаменитость извѣстный Тетенборкъ, въ то время адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, а потомъ генералъ свиты. Случилось какъ-то, что Тетенборкъ и князь Александръ Ивановичъ съѣхались, въ одно время, на Царскосельскомъ скаковомъ кругу, сопровождаемые какъ тотъ, такъ и другой, нѣкоторыми своими знакомыми и друзьями. Князь былъ на превосходномъ англійскомъ скакунѣ, котораго звали «Лораномъ». За нимъ слѣдовалъ его главный англичанинъ Гарди. Вѣроятно, и у Тетенборка была испытанная лошадь, потому что онъ тотчасъ первый предложилъ князю скакать черезъ барьеръ. Гарди совѣтовалъ

князю уклониться отъ этого предложенія, замѣчая, какъ знатокъ дѣла, что «Лоранъ» не въ такомъ расположеніи, чтобъ можно было разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ. Князь не послушался этого совѣта и принялъ вызовъ. Тетенборкъ скакалъ первый и благополучно перенесся чрезъ барьеръ. Потомъ поскакалъ князь. «Лоранъ» зацѣпилъ ногами за барьеръ и грохнулся мертвый на землю. Князя подняли безъ чувствъ, и въ этомъ положеніи онъ оставался нѣсколько часовъ. Сильная и крѣпкая натура и здѣсь спасла князя. Единственнымъ воспоминаніемъ объ этомъ событіи осталось копыто несчастнаго «Лорана», оправленное въ серебро и постоянно находившееся на письменномъ столѣ князя. Но, по словамъ его, покойный государь чрезвычайно долго былъ гнѣвенъ на него и при каждой встрѣчѣ не иначе называлъ его, какъ «жокеемъ»...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

Въ исходѣ прошлаго года періодическая наша печать вспомнила и заговорила объ извѣстномъ русскомъ педагогѣ, баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ. Поводомъ къ тому послужило исполнившееся 13-го минувшаго ноября десятилѣтіе со дня его смерти. И, надо отдать справедливость, что въ этихъ воспоминаніяхъ печати, изъ десятилѣтней уже дали прошлаго, симпатичный обликъ барона Корфа, какъ энергическаго и просвѣщеннѣйшаго общественнаго дѣятеля, выступилъ въ особенно привлекательномъ и назидательномъ видѣ.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ подробную характеристику дѣятельности барона Корфа, его жизни, воспитанія и проч., такъ какъ все это сдѣлано уже. Вскорѣ послѣ смерти барона Корфа, въ «Русской Старинѣ» (III, IV и V книги за 1884 годъ) были напечатаны посмертныя его «Записки» (Изъ пережитаго), доведенныя имъ, къ сожалѣнію, лишь до окончанія курса въ Александровскомъ лицеѣ (въ Петербургѣ), т. е., до наступленія зрѣлаго возраста и вступленія въ практическую жизнь. Авторомъ же этихъ строкъ, въ концѣ прошлаго года, выпущена въ свѣтъ брошюра: «Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность» (одинъ изъ выпусковъ «Біографической библіотеки» Ф. Павленкова), гдѣ очерчена уже въ цѣломъ вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка—отъ момента рожденія его до смерти (1834—1883 гг.). Но время, когда происходила дѣятельность Н. А. Корфа, очень характерно и знаменательно; дѣло, которому онъ всецѣло посвятилъ себя, весьма обширно и важно въ государственномъ отношеніи; успѣхи, достигнутые имъ въ области народнаго образованія, просто поразительны. Въ виду этого, каждый новый штрихъ, касающійся столь близкой къ намъ эпохи, ея дѣятелей, а тѣмъ болѣе зарожденія у насъ идеи народнаго образованія и постепеннаго оформленія ея - заслужи-

ваетъ большаго вниманія, въ видахъ изученія проявленій нашего общественнаго самосознанія.

Въ этомъ отношеніи, не лишена серьезнаго значенія та замѣчательно обширная переписка, которую велъ баронъ Корфъ съ лицами самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, званій и состояній, разбросанныхъ, какъ онъ справедливо выразился въ своихъ посмертныхъ «Запискахъ», «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Въ числѣ 250-ти корреспондентовъ барона Корфа есть и лица высокопоставленныя, занимавшія въ то время высшіе посты въ служебной іерархіи, и скромные общественные дѣятели и, наконецъ, совершенно неизвѣстные частные люди. Такъ же разнообразны и спеціальности этихъ корреспондентовъ. Тутъ есть и администраторы, и педагоги разныхъ ранговъ, и литераторы, и разныхъ родовъ практическіе дѣятели. Эта обширная корреспонденція (около тысячи писемъ къ барону Корфу), обнимая періодъ времени съ половины 60-хъ годовъ до 1882 года включительно (т. е. не менѣе 17-ти лѣтъ), представляетъ собою внушительное отраженіе и указанной эпохи, со всѣми ея особенностями, и разнаго рода дѣятелей, съ ихъ желаніями и стремленіями.

Невольно является вопросъ: что могло побудить людей, столь различнаго общественнаго положенія и родовъ занятій, разбросанныхъ притомъ чуть не на всемъ громадномъ пространствѣ нашего отечества, обращаться къ барону Н. А. Корфу, остававшемуся всю жизнь частнымъ лицомъ, не занимавшимъ никакого чиновно-служебнаго поста? Это, конечно, будетъ видно изъ самыхъ писемъ къ барону Корфу. Но, чтобы сдѣлать понятными эти письма, нужно предварительно указать на нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни барона Корфа, занимающаго въ ряду всѣхъ другихъ выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятелей совершенно обособленное, даже уединенное мѣсто.

Сынъ вполнѣ обрусѣвшаго остзейца, женатаго на малороссіянкѣ, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, баронъ Н. А. Корфъ, однако, не пошелъ открытою передъ нимъ дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совершенно новой, вовсе даже не признанной въ то время роли общественнаго дѣятеля въ провинціальномъ захолустьи, правильнѣе—прямо въ сельской глуши. Блестяще окончивъ лицей (съ серебряною медалью) въ 1854 г., двадцати лѣтъ отъ роду, онъ, какъ не имѣвшій еще должнаго гражданскаго совершеннолѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстье по матери, вынужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до на-

ступленія полнаго совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ, конечно, хорошо сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и первые же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру до наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа его жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Нужно замѣтить, что еще въ пору самаго ранняго дѣтства (около девятилѣтняго возраста) баронъ Корфъ, хоть и не въ своемъ родномъ домѣ, но у истинно добрыхъ, хорошихъ и разумныхъ чужихъ людей, получилъ прекраснѣйшее домашнее первоначальное образованіе, при роскошнѣйшихъ условіяхъ малороссійской сельской обстановки. Съ той поры этотъ отпрыскъ обрусѣвшаго остзейскаго баронства такъ прочно прирось къ русской народности, что во всю послѣдующую пору ученія, вплоть до окончанія лицея, жизнь и дѣятельность въ деревнѣ были самою завѣтною и трепетною мечтою юнаго барона Корфа. Вотъ почему, какъ только наступило время полноправнаго унаслѣдованія своего родоваго помѣстья «Нескучнаго», въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, баронъ Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ и уѣхалъ въ свою деревню.

Этотъ крупный и важный шагъ для всей послѣдующей жизни и дѣятельности барона Корфа оказывается еще въ высшей степени характернымъ и для оцѣнки его воззрѣній, стремленій, пониманія общественныхъ и государственныхъ обязанностей и проч., словомъ—со стороны этической и практической. Въ виду этого, мы считаемъ необходимымъ предоставить слово самому барону Корфу. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ свой жизненный девизъ и тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ выработался этотъ девизъ:

„Время, проведенное мною въ лицеѣ, связывается для меня, по воспоминаніямъ, съ нѣкоторыми изъ моихъ родственниковъ, у которыхъ я бывалъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, и общество которыхъ на мнѣ отразилось. Къ числу такихъ воспитателей моихъ долженъ я отнести покойнаго графа М. А. Корфа, котораго я часто видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Помню, что его умъ и образованіе производили на меня впечатлѣніе въ особенности потому, что я считалъ его „изъ нашихъ“, такъ какъ дядя окончилъ курсъ въ томъ же лицеѣ въ одно время съ Пушкинымъ; уже 32-хъ лѣтъ отъ роду, если не ошибаюсь, былъ онъ тайнымъ совѣтникомъ, но это не производило на меня никакого впечатлѣнія; скажу болѣе, что я на двадцатомъ году не понималъ даже того, какимъ образомъ высокая человѣчность и разностороннѣйшее развитіе этого въ высшей степени даровитаго и честнаго государственнаго дѣятеля мирились съ угодливостью по отношенію ко двору. Его карьера не только не привлекала меня, а служила мнѣ какъ бы предостереженіемъ противъ государственной службы, успѣхъ на которой, какъ я тогда разсуждалъ, покупается только цѣною самостоятельности и независимости;

эти раннія размышленія, вѣроятно, не остались безъ вліянія на то, что впослѣдствіи, по окончаніи курса, я оставался на коронной службѣ, не считая выборной, всего полтора года за всю мою жизнь и что уже въ ранней молодости выработалось во мнѣ честолюбіе особаго рода: не быть ничѣмъ ex officio и чѣмъ-нибудь de facto. Но графъ Корфъ дѣйствовалъ на меня обаятельно, какъ директоръ Публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ и страстью, а во мнѣ уже рано развилась слабость къ книгамъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня и то, что мнѣ случалось присутствовать при чтеніи дядей въ своей семьѣ отрывковъ изъ дневника, который онъ велъ за десятки лѣтъ и хранилъ въ величайшемъ порядкѣ; независимо отъ интереса, возбуждавшагося самимъ содержаніемъ, во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что-нибудь для отечества; молодость всегда преувеличиваетъ свои силы, а потому и не опасна та молодежь, которая воображаетъ себѣ, что призвана къ чему-то великому, лишь бы обстоятельства направили эти силы на благо и дали исходъ избытку силъ". („Русская Старина", 1884 года, „Записки барона Корфа", кн. V, стр. 386 и 387).

Поселившись въ своемъ «Нескучномъ», баронъ Н. А. Корфъ женился 22-хъ лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой—и зажилъ завидно-разумною и симпатичною жизнью счастливаго семьянина и образцовѣйшаго помѣщика, въ смыслѣ передовой, культурной рабочей силы въ сельской глуши. Очутившись среди своихъ нескученскихъ крестьянъ, уважавшихъ память высоко-гуманнаго его отца, благоговѣвшихъ передъ памятью его матери, нянчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери, имѣя лишь около года,—баронъ Корфъ со всѣмъ увлеченіемъ розовой юности принялся за осуществленіе своей мечты, тянувшейся съ самой ранней поры дѣтства,—чтобы нескученцамъ жилось хорошо. Между нимъ и крестьянами сразу же установились самыя добрыя, сердечныя отношенія, которыя были такъ прочны, что не только до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы цѣлымъ обществомъ подносили ему хлѣбъ-соль, въ видѣ поздравленія, ежегодно въ день его именинъ, на Пасху и на Рождество.

Серьезно отдавшись заботамъ объ улучшеніи своего и крестьянскаго хозяйства, баронъ Корфъ очень дѣятельно и разумно трудился и надъ своимъ самообразованіемъ. Въ совершенствѣ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, онъ выписывалъ лучшіе изъ журналовъ и газетъ какъ на русскомъ, такъ и на трехъ названныхъ иностранныхъ языкахъ, и пріобрѣталъ наиболѣе выдающіяся сочиненія, главнымъ образомъ философскаго, политическаго и педагогическаго содержанія. Вслѣдствіе этого, у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библіотека, достигшая вскорѣ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ дѣтствѣ еще пріученный къ аккуратности,

усидчивости и методичности въ занятіяхъ, онъ много, серьезно и успѣшно работалъ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ. Появленіе дѣтей обратило его вниманіе въ сторону воспитанія, къ которому, нужно замѣтить, онъ имѣлъ большую склонность еще съ отроческихъ лѣтъ, благодаря случайно выпавшему на его долю цѣлому ряду дѣльныхъ воспитателей, съ высокою любовью и увлеченіемъ относившихся къ своимъ обязанностямъ. Обѣ его дочери преимущественно ему обязаны своимъ образованіемъ. Понятно, это требовало большой подготовительной работы съ его стороны. Изучая дѣло воспитанія и обученія въ собственномъ кабинетѣ, т. е. книжно, теоретически, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выѣзжалъ и за границу, для непосредственнаго изученія школьнаго дѣла на родинѣ Песталоцци.

На эту прекрасную, разностороннюю и серьезно научную подготовку было употреблено барономъ Корфомъ около десяти лѣтъ. Вслѣдствіе этого именно, какъ крестьянская, такъ равно земская и судебная реформы нашли въ его лицѣ не только горячаго, энергическаго и убѣжденнаго общественнаго дѣятеля, но и человѣка, замѣчательно глубоко и разносторонне подготовленнаго къ служенію на пользу общую въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Эта именно выдающаяся подготовленность придавала обаяніе и силу барону Н. А. Корфу, бывшему въ теченіе болѣе чѣмъ 20-ти-лѣтней общественной дѣятельности истинно просвѣщеннымъ и вполнѣ свѣдущимъ вожакомъ, на котораго смѣло можно было положиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что онъ не заблудится и не собьетъ другихъ съ вѣрнаго, прямаго пути. Мы указываемъ на барона Корфа, какъ на «вожака», потому что онъ въ теченіе своей общественной дѣятельности, помимо сложной и разносторонней работы на мѣстѣ, не переставалъ принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ печати, именно изъ-за нравственной потребности дѣлиться со всѣмъ читающимъ кругомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ своей общественной дѣятельности. Само собою понятно, что отдавать, такъ сказать, каждое новое движеніе души своей на судъ общества можетъ лишь тотъ, у кого, помимо литературнаго дарованія и огромнѣйшаго запаса нравственной энергіи, есть еще и неисчерпаемая сокровищница новыхъ и новыхъ положительныхъ знаній, при условіи которыхъ только и можно, работая перомъ, останавливать на себѣ, на своей дѣятельности вниманіе общества.

Въ этомъ отношеніи баронъ Н. А. Корфъ составлялъ очень счастливое и въ высшей степени рѣдкое, если не единичное, исключеніе въ ряду русскихъ дѣятелей. Ниже будетъ подробно охарактеризована разносторонняя литературная дѣятельность барона Н. А. Корфа, здѣсь же остановимся на собственно мѣстной его дѣятельности, съ перваго момента выступленія на общественное поприще.

Какъ членъ помѣстнаго дворянства, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, работая, конечно, неизмѣнно въ культурномъ и прогрессивномъ направленіи. Еще болѣе серьезное и важное значеніе имѣло также и участіе его, какъ человѣка, широко образованнаго и развитаго, въ подготовленіи, проведеніи и практическомъ осуществленіи на мѣстѣ крестьянской реформы. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ работалъ и непосредственно на мѣстѣ, и перомъ — на страницахъ періодическихъ изданій. Начало литературной его дѣятельности относится къ 1859 году, когда онъ печатался въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго, работая исключительно надъ вопросами, касавшимися улучшенія экономическаго положенія населенія и имѣвшими непосредственное отношеніе къ ожидавшемуся тогда освобожденію крестьянъ. Какъ увидимъ нѣсколько ниже, эта работа бойца, съ перомъ въ рукахъ, производила въ свое время очень сильное впечатлѣніе. Не менѣе горяча и плодотворна была также и работа его на мѣстѣ въ роли борца за наилучшее практическое осуществленіе крестьянской реформы. Вотъ что, напримѣръ, говорится объ этой сторонѣ дѣятельности барона Корфа въ «Воспоминаніяхъ» Д. Т. Гнѣдина, напечатанныхъ къ 5, 6 и 7 книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1893 годъ:

Незадолго до нашего очереднаго дворянскаго собранія въ первое трехлѣтіе освобожденія я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія, барономъ Н. А. Корфомъ. Эта замѣчательно свѣтлая личность высказывала полную симпатію всѣмъ моимъ посредническимъ дѣйствіямъ и изъявила готовность дать на собраніи отпоръ всѣмъ могущимъ быть на меня нападкамъ. Дворянское собраніе было замѣчательно бурное, вслѣдствіе озлобленія противъ положенія и желанія во что бы то ни стало вернуть старые порядки. Приверженцы старины замышляли жестоко пробрать нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и даже, если возможно, исключить ихъ изъ сословія дворянъ. Въ числѣ лицъ, предполагаемыхъ къ исключенію, былъ и я. Разумѣется, дѣйствія этихъ посредниковъ должны были разбираться по уѣздамъ, начиная съ перваго. Обвиненіе началось противъ одного изъ посредниковъ Екатеринославскаго уѣзда, очень дѣятельнаго и энергичнаго. Посредникъ бойко защищался. Въ качествѣ обвинителя выступилъ также и мой пріятель, отставной артиллерійскій полковникъ, арендовавшій въ моемъ участкѣ имѣніе. Онъ былъ яростный крѣпостникъ и требовалъ между прочимъ, чтобы въ адресѣ государю, по случаю манифеста объ освобожденіи крестьянъ, непремѣнно была выражена просьба, чтобы судъ надъ крестьяниномъ принадлежалъ помѣщику, съ правомъ наказывать за всѣ провинности. Противъ полковника выступилъ баронъ Корфъ. Въ блестящей рѣчи онъ защищалъ посредниковъ и между прочимъ указывалъ на то, что дворянское собраніе не имѣетъ права судить ихъ, такъ какъ ихъ служебная дѣятельность соотвѣтствуетъ духу положенія, а порицать послѣдній законъ значило бы идти противъ Высочайшей воли, ясно выраженной въ манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Рѣчь Корфа сильно повліяла на собраніе, о посредникахъ бросили говорить, и адресъ былъ составленъ по

редакціи Корфа и, кажется, Савельева. Это дворянское собраніе было предсмертной агоніей существовавшаго порядка: волей-неволей надо было сознать, что старые порядки рухнутъ, и что слѣдуетъ ждать новыхъ реформъ и присматриваться къ нимъ.

Особенно же рельефно, внушительно и симпатично опредѣлилась роль барона Корфа, какъ разносторонняго, неутомимаго и даровитаго общественнаго дѣятеля, лишь по введеніи земскихъ учрежденій. Въ этомъ новомъ, сложномъ и крупномъ дѣлѣ онъ сразу сталъ головою и душою мѣстнаго общества. Самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и вся послѣдующая организація земства происходили при непосредственномъ и очень дѣятельномъ его участіи, какъ гласнаго Александровскаго уѣзднаго и Екатеринославскаго губернскаго земства При началѣ же возникновенія земской дѣятельности, мы видимъ барона Н. А. Корфа въ роли секретаря земскихъ собраній, члена ревизіонной коммиссіи, почетнаго мироваго судьи, а затѣмъ—и предсѣдателя мироваго съѣзда. Все это, нужно замѣтить, очень обременительныя, многотрудныя должности, но совершенно безплатныя. И слѣдуетъ запомнить, кстати, что баронъ Корфъ, во все время своей земской дѣятельности рѣшительно никогда не занималъ никакого платнаго мѣста. Заглянувъ въ земскіе журналы той поры, каждый легко можетъ убѣдиться, что на всякомъ изъ постовъ общественнаго служенія баронъ Корфъ былъ на высотѣ оказываемаго ему общественнаго довѣрія. Въ сложномъ и разностороннемъ земскомъ хозяйствѣ и управленіи, равно и въ мировомъ институтѣ, несмотря на новизну этихъ установленій, онъ проявилъ твердое, ясное пониманіе дѣла въ соединеніи съ глубокимъ знаніемъ какъ бытовой жизни, такъ и легальной стороны. Какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ земства, а также и изъ «Воспоминаній» Д. Т. Гнѣдина (тоже бывшаго земскимъ гласнымъ, нынѣ умершаго), съ момента перваго же приступа къ выбору земскихъ гласныхъ и во всю послѣдующую земскую дѣятельность, баронъ Корфъ былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей, руководителей и заправителей во всемъ мѣстномъ земскомъ хозяйствѣ. Какой бы онъ ни занималъ общественный постъ, — одинаково проявлялъ удивительную энергію и поистинѣ просвѣщенное руководство—съ широкимъ и возвышеннымъ общественнымъ взглядомъ. Оставаясь все время простымъ земскимъ гласнымъ, онъ тѣмъ не менѣе игралъ самую вліятельную роль не только въ уѣздномъ, но и въ губернскомъ земствѣ,—какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ двухъ документовъ, относящихся къ самой первой порѣ дѣятельности земскихъ учрежденій.

Слѣдующее, напримѣръ, письмо графа А. Канкрина, какъ должностнаго земскаго лица (предсѣдателя уѣздной земской управы), служитъ характернымъ доказательствомъ, что, даже въ отношеніи мелочей

въ земской дѣятельности, признавалось необходимымъ совѣтоваться или просто дѣлиться съ барономъ Н. А. Корфомъ, такъ какъ онъ поистинѣ вкладывалъ душу свою въ это дѣло.

Григорьевка. 10 апрѣля 1866 г.

Многоуважаемый баронъ Николай Александровичъ!

По возвращеніи моемъ изъ Одессы 8-го этого мѣсяца, я заѣхалъ въ Екатеринославъ, съ цѣлію представиться начальнику губерніи и лично развѣдать его мнѣніе о нашихъ протоколахъ, которыхъ, повидимому, не читалъ, но тѣмъ не менѣе не отвергаетъ возможности и напечатать тотъ протоколъ, въ которомъ поминается лично о немъ. По всему вѣроятію, этотъ протоколъ онъ прочиталъ и, какъ кажется, имъ вполнѣ доволенъ, такъ какъ протоколъ лестно о немъ отзывается и не имѣетъ никакого неудовольственнаго направленія.

Итакъ, какъ вы усматриваете, многоуважаемый баронъ, письмо ваше я нашелъ на столѣ по возвращеніи въ деревню, гдѣ былъ проѣздомъ достопримѣчательный человѣкъ, Викторъ Егоровичъ Граффъ, къ глубокому моему сожалѣнію, не заставшій меня дома, но съ которымъ я случайно успѣлъ познакомиться въ Александровскѣ, куда я ѣздилъ для подготовительныхъ занятій по земству.

Возвращаюсь къ моей поѣздкѣ въ Одессу и въ Екатеринославъ.

Цѣль моей поѣздки въ Одессу заключалась въ томъ, чтобы узнать воззрѣніе генералъ-губернатора на будущія дѣйствія земствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дать понятіе о моей личности. Къ величайшему моему удовольствію, генералъ Коцебу, какъ человѣкъ глубоко современный, вполнѣ сочувствуетъ преуспѣянію земства, охотно вникаетъ въ этотъ вопросъ и обѣщаетъ полную съ его стороны поддержку. Съ моей же стороны было заявлено, что александровское земское собраніе никогда не выйдетъ изъ круга своихъ дѣйствій и навсегда сохранится образцовымъ собраніемъ по своему направленію и тому сліянію сословій, которое на первыхъ же порахъ основалось на прочномъ фундаментѣ.

Къ сожалѣнію моему, въ Екатеринославѣ еще не состоялось мое утвержденіе, хотя меня самъ губернаторъ лично поздравилъ. Не знаю, почему канцелярскій порядокъ не благоволитъ моему назначенію, задерживая утвержденіе.

Это замедленіе однако не безъ пользы; представьте себѣ, что, начиная отъ Одессы, Екатеринослава и Александровска, я никакъ не могъ отыскать хорошаго человѣка и дѣльнаго секретаря. Всѣ отговариваются однимъ и тѣмъ же затрудненіемъ для принятія мѣста, что это мѣсто безъ правъ службы, и что нѣсколько сотенъ рублей больше — слишкомъ малая заманка... Все однако устраивается къ лучшему: и само это затрудненіе пріискать опытнаго секретаря, и невозможность успѣть въ этомъ дѣлѣ, побудитъ насъ самихъ еще болѣе вникать въ нашу трудную обязанность, да, и столь трудную, что, повѣрьте, многоуважаемый баронъ, не знаешь, за что прежде взяться и какъ успѣшнѣе повести дѣло.

Протоколы, немедленно по утвержденіи меня въ должности, будутъ напечатаны, и приношу вамъ искреннюю благодарность за усердіе ваше и пріисканіе корректора. Объ этомъ я сообщу Чаусскому, который обязался въ счетъ платы имѣть своего корректора.

*

Вотъ, многоуважаемый баронъ Николай Александровичъ, все, что случилось, послѣ лестнаго моего избранія и тѣхъ дней, которые мы столь дружно провели вмѣстѣ. Надѣюсь скоро съ вами видѣться, а до того увѣрьтесь въ чувствахъ непзмѣнной привязанности и глубокаго уваженія преданнаго вамъ

графа А. Канкрина.

Десять и болѣе экземпляровъ немедленно будутъ вамъ высланы по отпечатаніи.

Еще болѣе выразителенъ слѣдующій фактъ. Осенью 1867 г. баронъ Корфъ, заваленный дѣломъ по своимъ прямымъ обязанностямъ, въ александровскомъ уѣздномъ земствѣ, не предполагалъ быть на очередномъ екатеринославскомъ губернскомъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, бывшіе уже на лицо губернскіе гласные, съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, послали ему «по эстафетѣ» слѣдующее знаменательное коллективное приглашеніе:

Екатеринославъ. 21 ноября 1867 года.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ!

Съ особеннымъ прискорбіемъ узнали мы, что вы не предполагаете быть въ настоящемъ земскомъ собраніи. Уважая васъ, какъ одного изъ первыхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего губернскаго земства, мы высоко цѣнимъ оказанныя уже вами услуги земскому дѣлу, дорожимъ вашимъ образованнымъ направленіемъ, любимъ васъ, какъ благороднѣйшаго человѣка, и, при такой душевной расположенности, рѣшаемся послать вамъ это письмо по эстафетѣ и усерднѣйше просить васъ не лишать насъ удовольствія имѣть васъ нашимъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ и въ настоящую сессію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что вы, настолько любя земское дѣло, примете къ сердцу нашу просьбу и не откажете исполнить ее къ общему нашему удовольствію. Собраніе откроется сегодня.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью имѣемъ честь быть, милостивый государь, вашими покорными слугами.

Слѣдуетъ длинный рядъ подписей, представляющихъ, конечно, по русскому обычаю, очень пестрое сочетаніе размашистыхъ черточекъ и крючковъ, удобочитаемыхъ однако исключительно для самихъ авторовъ этихъ фантастическихъ каллиграфическихъ упражненій. Въ «P. S.» же приведеннаго коллективнаго приглашенія значится: «Ожидаемъ прибытія г. губернатора — ежеминутно. Всѣхъ гг. гласныхъ явилось двадцать. Большинство изъ нихъ васъ проситъ».

Такъ высоко цѣнило екатеринославское губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на второмъ году по открытіи земскихъ учрежденій, когда только еще начиналась и не успѣла даже достаточно опредѣлиться педагогическая его дѣятельность, въ которой онъ былъ поистинѣ великъ и незамѣнимъ. Приведенное коллективное приглашеніе очень характерно еще и въ смыслѣ указанія на то обаяніе, которое

производилъ баронъ Н. А. Корфъ лично на всѣхъ, сталкивавшихся съ нимъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, гуманный, честный, безкорыстный, увлеченный общественною дѣятельностью и беззавѣтно преданный служенію общему дѣлу,—въ чемъ единственно онъ видѣлъ цѣль и смыслъ своей жизни, свое призваніе и назначеніе, какъ образованнаго русскаго человѣка изъ передоваго класса. Эти высокія личныя качества, въ связи съ общимъ характеромъ и направленіемъ его дѣятельности, какъ нельзя болѣе способствовали успѣху всѣхъ его начинаній,—въ чемъ многократно придется убѣждаться въ послѣдующемъ изложеніи изъ подлинныхъ писемъ разныхъ лицъ.

Разъяснивъ эти главнѣйшія обстоятельства, касающіяся общественной дѣятельности барона Н. А. Корфа, намъ ничего болѣе не остается, какъ предоставить мѣсто и слово самимъ его корреспондентамъ. Сколько бы кто ни пытался писать о дѣятельности барона Корфа, о производимомъ ею впечатлѣніи и о достигнутыхъ положительныхъ результатахъ,—онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ очертить этого съ тою убѣдительностью и наглядностью, какую придаетъ дѣлу подлинное документальное изложеніе, переносящее насъ въ прошлое, вновь заставляющее проходить передъ нами тѣ явленія и факты, тѣхъ лицъ, отъ которыхъ отдѣляетъ насъ промежутокъ времени уже около четверти вѣка и болѣе. Всматриваясь же въ это, воскресающее передъ нами, прошлое, мы, изъ почтенной уже исторической дали, можемъ съ несравненно большею безошибочностью и отчетливостью отличать справедливое отъ ложнаго, хотя бы только потому, что насъ умудряетъ опытъ протекшаго съ тѣхъ поръ времени.

Въ виду сложной и разносторонней дѣятельности барона Корфа и очень важнаго ея значенія не только въ прошломъ и настоящемъ, но даже и для отдаленнаго будущаго, нельзя не пожалѣть, что письма къ нему столь многочисленныхъ корреспондентовъ оставались до сихъ поръ не опубликованными, не разобранными, не обслѣдованными,—просто были оставлены безъ должнаго вниманія. Общеизвѣстный же фактъ, что невниманіе къ заслугамъ общественныхъ дѣятелей никогда не проходитъ въ жизни безнаказаннымъ,—какъ это дѣйствительно мы и видимъ въ настоящее время. Подъ вліяніемъ недостаточной разъясненности заслугъ барона Корфа въ области образованія, или даже нѣкоторой, болѣе или менѣе преднамѣренной затушеванности этихъ заслугъ, намъ приходится считаться со слѣдующимъ прискорбнымъ фактомъ. Даже теперь, когда русская народная школа имѣетъ уже болѣе чѣмъ четвертивѣковую исторію, какъ нормированное, регулярное учебное заведеніе, дѣло народнаго образованія все еще продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ споровъ, сомнѣній, колебаній и ошибокъ, нерѣдко крайне грубыхъ и прискорбныхъ, вообще же—такого тяжелаго

характера, какимъ не отличались они даже и въ пору зарожденія у насъ идеи о регулярномъ народномъ образованіи,—какъ это мы и увидимъ нѣсколько ниже.

I.

Первые годы общественной дѣятельности.

(1865—1869 г.).

Введеніе земскихъ учрежденій и новыхъ судебныхъ уставовъ застало уже барона Корфа очень виднымъ сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся и редактируемыхъ тогда В. Ѳ. Коршемъ и пользовавшихся въ ту пору большимъ вліяніемъ и уваженіемъ въ глазахъ всей читавшей Россіи. Начало публицистической дѣятельности его въ столичной періодической печати относится еще къ тому времени, когда вся русская печать находилась подъ предварительною цензурою. Писалъ же баронъ Корфъ, нужно замѣтить, всегда подъ своею подписью, безъ всякихъ псевдонимовъ. О самомъ характерѣ дѣятельности его въ это время даютъ понятіе слѣдующія письма къ нему В. Ѳ. Корша, безъ означенія на нихъ года, но относящіяся,—какъ видно изъ содержанія ихъ,—къ 1865 году.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Искренно благодарю Васъ за нѣсколько корреспонденцій, которыя были здѣсь замѣчены многими и дѣйствительно могутъ быть названы о б р а з ц о в ы м и. Къ сожалѣнію, цензура распорядилась съ ними варварски, и я спѣшу снять съ себя передъ Вами всякую отвѣтственность за тѣ сокращенія, которыя должны быть крайне непріятны Вамъ. Въ настоящее время цензура хуже и безумнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и мы не знали бы, что̀ дѣлать, если бы не ожидали къ 19-му февраля новаго цензурнаго устава.

Мнѣ остается только покорнѣйше просить Васъ о продолженіи Вашего сотрудничества въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, именно по части примѣненія новыхъ судебныхъ уставовъ и „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“.

Примите увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности Вашего покорнаго слуги

Спб., 11-го февраля. В. Корша.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Изъ Вашего послѣдняго письма, полученнаго мною сегодня, я убѣдился, что Вы не получили моего отвѣта о статьѣ Вашей: „Дворянство въ Западной Европѣ“. Между тѣмъ, я уже писалъ Вамъ, что статья эта была совсѣмъ набрана для газеты, но запрещена цензурою, и я оставилъ Вамъ одинъ оттискъ, который и передамъ при случаѣ.

Что касается Вашихъ корреспонденцій, то позвольте повторить Вамъ за нихъ искреннее спасибо редакціи. Всѣ онѣ интересны и дѣльны, хотя и возбуждаютъ противорѣчія съ разныхъ сторонъ. Конечно, Вы имѣете полное право защищаться въ случаѣ печатныхъ нападеній на Ваши статьи. Я, съ своей стороны, могу только пожалѣть о томъ, что онѣ появились въ видѣ корреспонденцій, а не въ видѣ передовыхъ статей, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ газетѣ. Вы очень обязали бы редакцію на будущее время, еслибъ не отказались давать Вашимъ статьямъ именно такой характеръ и видъ.

Примите увѣреніе въ полномъ уваженіи и т. д.

В. Коршъ.

Спб., 6-го іюня.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Вслѣдствіе Вашего письма отъ 18-го іюня, спѣшу сообщить Вамъ, что въ редакціи осталось одно только письмо Ваше о земскихъ учрежденіяхъ, которое и будетъ напечатано вскорѣ. Затѣмъ, кромѣ того, что уже появилось въ газетѣ, въ редакціи не останется уже ни одной Вашей корреспонденціи. Поэтому Вы можете узнать, что̀ именно нужно будетъ выслать вторично для печати. Письмо, которое еще не напечатано, говоритъ о закрытой и открытой подачѣ голосовъ—въ первой половинѣ, и о земскомъ хозяйствѣ Екатеринославской губерніи—во второй.

Статьи, предлагаемыя Вами „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, обѣщаютъ быть интересны, и я желалъ бы имѣть ихъ. Въ направленіи мы едва-ли разойдемся съ Вами. Я только попросилъ бы Васъ обратить вниманіе на статью объ англійскомъ государственномъ строѣ, которая появится въ завтрашнемъ № газеты (если не будетъ вечеромъ задержана цензурой), чтобы избѣжать противорѣчій съ нею въ Вашей статьѣ о томъ же предметѣ. Я боюсь, что трудно будетъ доказать отсутствіе въ Англіи аристократизма de jure.

Благодарю Васъ за обѣщаніе передовыхъ статей и за довѣріе къ нынѣшнему составу редакціи. Въ этомъ довѣріи Вы, конечно, не ошибетесь.

Примите и проч. В. Коршъ.

P. S. Если я рѣшусь не откладывать до новаго года изданіе газеты безъ цензуры, а начну съ 1-го октября, то Вы можете не бояться болѣе той непріятности, какая постигла Вашу статью о дворянствѣ въ Западной Европѣ.

Спб., 7-го іюля.

Слѣдующія письма редактора-издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», нынѣ покойнаго уже В. Ѳ. Корша, относятся къ реформированному положенію столичной печати, благодаря закону о ней 1866 г., который, какъ извѣстно, считался по общему убѣжденію, при опубликованіи его, временнымъ и лишь первымъ шагомъ къ свободной печати.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Я просто не знаю, что и подумать о судьбѣ моихъ писемъ къ Вамъ. Изъ Вашего послѣдняго письма, при которомъ Вы доставили мнѣ статью о „Вѣсти“, я вижу, что Вы не получили и того моего письма, въ которомъ я отвѣчалъ по пунктамъ на Ваши запросы. Съ тѣхъ поръ передъ моими глазами промелькнуло столько лицъ, писемъ и рукописей, что я затрудняюсь въ точности припомнить все, что было написано мною.

Мнѣ помнится, Вы спрашивали о судьбѣ двухъ Вашихъ статей. Одна изъ нихъ, о дворянствѣ въ западной Европѣ, была прислана Вами еще тогда, когда для газеты существовала предварительная цензура, запретившая ее безусловно. Поэтому, въ сентябрѣ, по освобожденіи отъ цензуры, я считалъ неловкимъ напечатать ее точно нарочно. Та малая доля свободы, какою мы пользуемся теперь, не давала мнѣ права раздражать бдительно наблюдающее за нами и теперь цензурное вѣдомство. Къ тому же, теперь стало возможнымъ писать о дворянствѣ прямѣе, т. е. о русскомъ дворянствѣ, что̀ и сдѣлано Вами въ статьѣ о „Вѣсти“, напечатанной мною на дняхъ. Сколько я слышалъ до сихъ поръ, статья эта произвела впечатлѣніе и понравилась многимъ.

Другая Ваша статья изъ ненапечатанныхъ касается поземельнаго кредита. Я не напечаталъ ее потому, что она не подходитъ къ направленію газеты въ этомъ вопросѣ. Ей пришлось бы предпослать обстоятельное возраженіе отъ редакціи, а мнѣ этого не хотѣлось, хотя я и увѣренъ, что разногласіе по тому или другому частному вопросу не можетъ испортить Вашихъ отношеній къ газетѣ, которая очень дорожитъ Вашимъ сотрудничествомъ. Все остальное, присланное Вами, напечатано, исключая одной корреспонденціи, которая появится на дняхъ.

Мнѣ остается поблагодарить Васъ за Ваше намѣреніе сообщить подробности о земскомъ собраніи, которыхъ я буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

Примите и проч.

Спб., 5-го марта 1866 г. В. Коршъ.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Мнѣ очень пріятно отвѣчать на Ваше послѣднее письмо, что публика, сколько я могъ это замѣтить, очень довольна Вашею полемикой съ „Вѣстью“ и вообще раздѣляетъ Ваши мнѣнія. Но у „Вѣсти“ есть сторонники въ аристократической партіи, которыхъ не убѣдишь никакими доводами. Эти сторонники теперь подняли голову и толкуютъ Высочайшій рескриптъ 13-го мая исключительно въ свою пользу. Поэтому я не могу согласиться съ Вами,

что продолжать полемику съ „Вѣстью“ не стоитъ, и буду очень радъ, если Вы согласитесь продолжать ее по другимъ вопросамъ. Заранѣе благодарю Васъ также за благое намѣреніе сообщить свѣдѣнія о занятіяхъ губернскаго земскаго собранія и прошу принять увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности Вашего покорнаго слуги

Спб., 30-го мая 1866 г. В. Корша.

Очевидно, такимъ образомъ, что баронъ Н. А. Корфъ выросталъ и выросталъ не только въ глазахъ редактора и редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», но и всей вообще читающей русской публики, какъ даровитая журнальная передовая и боевая сила. Очевидно также, что баронъ Корфъ успѣлъ уже пріобрѣсти въ это время довольно значительную популярность и вліяніе, какъ на это указываетъ, между прочимъ, и слѣдующее коротенькое письмецо къ нему:

М. Г.

Николай Александровичъ,

Отправляясь на югъ Россіи, нѣкто Владиміръ Христіановичъ Миллеръ пожелалъ имѣть къ Вамъ рекомендательное письмо, чтобы получить возможность познакомиться съ Вами.

Г-нъ Миллеръ командированъ туда по желѣзнодорожному дѣлу, и я не счелъ себя въ правѣ отказать ему. Быть можетъ, что и Вы не найдете безъинтереснымъ для себя знакомство съ этимъ человѣкомъ.

Душевно Вамъ преданный

20-го ноября 1867. В. Коршъ.

Тѣ затрудненія, на которыя приходилось наталкиваться барону Корфу въ своей кипучей публицистической дѣятельности, когда существовала только подцензурная печать, не вполнѣ утратили свою силу и послѣ закона о печати 1866 года. Въ этомъ отношеніи не лишено характерности нижеслѣдующее письмо:

М. Г.

Николай Александровичъ,

Совершенно вхожу въ Ваше тяжелое положеніе, какъ автора статей, которыя не всѣ появляются въ печати; но я увѣренъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и Вы не откажетесь войти въ положеніе редакціи, которой здѣсь, въ Петербургѣ, ближе извѣстно, что можно печатать въ данное время и чего нельзя. Живя далеко отъ правительственнаго центра, Вы лишены возможности соображаться съ этимъ барометромъ, безъ котораго пускаться въ путь до крайности опасно. Газету можно погубить въ три дня, но что пользы въ этомъ? Благоразуміе требуетъ осторожности. Петербургское собраніе, какъ Вы знаете, закрыто; предсѣдатель губернской управы, который имѣлъ въ виду строго придерживаться закона въ своихъ дѣйствіяхъ, отправленъ на жительство въ деревню. Что же прикажете дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ. Администрація вообще не терпитъ печатныхъ нападеній во имя

интересовъ земства, а нѣкоторыя Ваши корреспонденціи особенно рѣзки именно въ этомъ смыслѣ. Я долженъ былъ пріостановиться ихъ печатаніемъ на время, но онѣ не пропадутъ. Вы можете быть увѣрены, что я постараюсь современемъ извлечь изъ нихъ все возможное.

Принося Вамъ искреннюю мою благодарность за Ваше сочувствіе и дѣятельное сотрудничество, я прошу Васъ вѣрить, что цѣню и то и другое и принять увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности Вашего покорнаго слуги

Спб. В. Корша.
23-го января
1867.

Очень характеренъ какъ лично для барона Н. А. Корфа, такъ и для журнальной его дѣятельности слѣдующій фактъ. Проработавъ около трехъ лѣтъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», написавъ за это время десятки печатныхъ листовъ и сотни прекрасныхъ статей по самымъ животрепещущимъ вопросамъ, онъ только потомъ уже вспомнилъ и подумалъ, что, вѣдь, за эту работу можно и должно получать вознагражденіе, и поднялъ вопросъ по этому поводу. Вотъ отвѣтное письмо изъ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» по указанному предмету:

М. Г.

Николай Александровичъ,

На послѣднее письмо Ваше, отъ 12-го іюня, спѣшу отвѣтить, что гонорарій получается нашими сотрудниками въ разныхъ размѣрахъ, смотря по достоинству статей и лицъ пишущихъ, а также и по отдѣлу газеты, гдѣ статьи помѣщаются. Высшій гонораръ назначается за передовыя статьи и фельетонъ (5 или 6 к. за печатную строку); меньшій—за хронику и письма изъ провинцій (4 и 3 к. за строку). Само собой разумѣется, что онъ бываетъ постоянный, а не случайный, и что сроки его уплаты зависятъ отъ самихъ авторовъ. По прошествіи извѣстнаго времени, Вы всегда можете заявить въ письмѣ, что желаете получить немедленно Ваши деньги, и онѣ будутъ Вамъ высланы. Отнынѣ Вашему гонорару будетъ веденъ особый счетъ въ моей конторѣ. Не дѣлалось же это прежде оттого, что Вы сами отказывались отъ всякаго вознагражденія.

Преданный Вамъ

Спб. В. Коршъ.
23-го іюня 1867.

Къ этому же, приблизительно, времени относится и начало сотрудничества барона Н. А. Корфа въ «Вѣстникѣ Европы», а также и въ нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ; но объ этомъ, равно какъ и о послѣдующей перепискѣ В. Ѳ. Корша съ барономъ будетъ сказано въ особой главѣ, при оцѣнкѣ общихъ размѣровъ и значенія журнальной его дѣятельности. Здѣсь же мы остановились на письмахъ редактора-издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» лишь для того,

чтобы облегчить читателямъ пониманіе причины той, поистинѣ небывалой у насъ въ Россіи, популярности, которая, съ удивительной быстротою, выпала на долю барона Корфа. Но прежде, чѣмъ иллюстрировать документами эту популярность, считаемъ необходимымъ сдѣлать небольшое разъясненіе.

Какъ ни разностороння была земская и публицистическая дѣятельность барона Корфа, но въ той и другой съ перваго же раза стала явственно преобладать творческая, созидательная работа въ области собственно народнаго образованія. Эта работа впослѣдствіи всецѣло поглотила этого столь даровитаго и увлеченнаго общественнаго дѣятеля. Горячо, убѣжденно и искренно сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ, какъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ просвѣщенный и хорошо знакомый съ сельскимъ бытомъ, ясно понималъ, что великій актъ юридическаго освобожденія крестьянъ можетъ возымѣть должную силу въ жизни при томъ лишь условіи, если онъ будетъ дополненъ еще и освобожденіемъ народа отъ вѣковѣчной тьмы безграмотства, т. е. его образованіемъ. Съ отроческихъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, основательно—какъ было уже разъяснено выше — подготовленный теоретически и практически въ этомъ отношеніи десятилѣтнею самостоятельною работою, баронъ Н. А. Корфъ избралъ для себя не обще-педагогическую дѣятельность, а спеціально народное образованіе, какъ область совсѣмъ новую, непочатую, остававшуюся въ полномъ забвеніи, или же пренебреженіи. Этой великой гражданской работѣ всецѣло и посвятилъ себя баронъ Корфъ. Въ качествѣ земскаго гласнаго и члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ же, строго говоря, организованнаго и руководимаго, впервые выступилъ онъ въ роли созидателя народныхъ школъ въ своемъ родномъ уѣздѣ. Трудно это дѣло даже и въ настоящее время, а тѣмъ болѣе въ ту пору, т. е. около 30-ти лѣтъ тому назадъ: ни идеи и типа народной школы, ни руководствъ, ни учителей, ни порядка административнаго управленія и завѣдыванія школами — словомъ, рѣшительно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу именно съ самаго начала, т. е. прокладывать путь совершенно въ-цѣлину. И онъ своимъ единичнымъ починомъ и самодѣятельностью проявилъ такое высокое творчество, такой громадный организаторскій талантъ, что заставилъ обратить всеобщее вниманіе на свою выдающуюся созидательную дѣятельность въ провинціальномъ захолустьѣ.

Дѣйствительно, то, что дѣлалъ баронъ Корфъ въ своемъ родномъ уѣздѣ, очень скоро становилось достояніемъ буквально всей мыслящей, читающей Россіи. Съ полнымъ правомъ можно сказать, что Н. А. Корфъ, безвыѣздно прожившій въ сельской глуши около 13-ти лѣтъ,

притомъ именно вслѣдствіе крайняго увлеченія общественною дѣятельностью и обремененія себя очень сложнымъ, безмезднымъ трудомъ,— работалъ все это время для цѣлой Россіи. Достигалось это, прежде всего, тѣмъ, что, какъ было сказано уже, онъ имѣлъ прекрасное обыкновеніе немедленно оповѣщать въ печати о каждой своей новой мысли, предположеніи, починѣ, отдавая ихъ на судъ общества. Этому же въ значительной мѣрѣ способствовалъ еще и систематическій выпускъ имъ, одного за другимъ, цѣлаго ряда отдѣльныхъ изданій по учебно-школьной части, представлявшихъ полную новизну и оригинальность въ области первоначальнаго обученія, а тѣмъ болѣе — организаціи и постановки какъ собственно народной школы, такъ и вообще народнаго образованія.

Первыми появились въ свѣтъ отдѣльныя его изданія: 1) «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ» и 2) поистинѣ знаменитые «Отчеты Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта». Не довольствуясь широкимъ доступомъ для себя въ общую и педагогическую печать, баронъ Корфъ избралъ очень простой, остроумный и вполнѣ независимый способъ для пропаганды собственно народнаго образованія, какъ области, никому въ то время невѣдомой и не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ законоположеній. Начиная съ 1866 года, онъ сталъ ежегодно выпускать въ свѣтъ отдѣльными изданіями «Отчеты» своего училищнаго совѣта, въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ излагались: организація училищнаго совѣта, обязанность членовъ его и попечителей школъ, порядокъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распредѣленіе занятій, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ, наконецъ, даже самые планы школъ и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи. Прекрасная литературная обработка «Отчетовъ», простое, ясное, увлекательное изложеніе ихъ, особенно же та «искра Божія», которою они были согрѣты и проникнуты (какъ и все, что̀ выходило изъ-подъ пера этого замѣчательно даровитаго человѣка),—снискали скромнымъ «Отчетамъ» всеобщее вниманіе и сочувствіе въ имперіи, до Сибири и Кавказа включительно. Именно по этимъ «Отчетамъ» у насъ, въ Россіи, впервые начали думать и объ организаціи всего вообще народнаго образованія, и о постановкѣ собственно начальнаго образованія. Безспорно, барону Корфу всецѣло принадлежитъ какъ самая идея, такъ и практическое насажденіе у насъ дешевой и краткосрочной народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ. Этотъ остроумный типъ школы, съ позаимствованіями изъ заграницы только психолого-физіологическихъ основъ элементарнаго образованія, есть въ полномъ смыслѣ народная

русская школа, вполнѣ приспособленная къ потребностямъ первоначальнаго обученія и условіямъ сельскаго быта. Весною, лѣтомъ и осенью дѣти необходимы въ каждой крестьянской семьѣ, какъ рабочая сила,—и школа предъявляетъ на нихъ свои права только въ зимнее время, когда дѣти менѣе необходимы для сельскихъ работъ.

Теперь обратимся къ самымъ документамъ относительно того, какимъ именно путемъ должны были появляться въ свѣтъ «Отчеты Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта» и какое впечатлѣніе производили они въ обществѣ. Каждый «Отчетъ» обязательно долженъ былъ проходить спеціальную губернаторскую цензуру, какъ это видно изъ помѣщеннаго выше письма графа А. Канкрина, а также и изъ слѣдующаго письма г. Коленко (должностнаго лица министерства народнаго просвѣщенія, директора гимназіи), по поводу печатанія «Инструкцій для попечителей и учителей народныхъ училищъ», т. е. лишь небольшой части того, что̀ можетъ входить въ «Отчетъ» училищнаго совѣта.

Глубокоуважаемый баронъ Николай Александровичъ!

Инструкціи Ваши для попечителей и учителей я передалъ Чаусскому немедленно для напечатанія, еще разъ принявъ на себя не принадлежащее мнѣ право цензора, разрѣшающаго печатать даже такія невинныя и полезныя вещи, какъ эти „Инструкціи“. Но я это сдѣлалъ потому только, чтобъ не затормозить Вашего дѣла. На будущее же время убѣдительнѣйше прошу Васъ, Николай Александровичъ, всѣ статьи свои, которыя предполагаете печатать у г-на Чаусскаго, словомъ, въ Екатеринославѣ, адресовать не ко мнѣ, а или въ губернскій училищный совѣтъ, или прямо къ г. губернатору: такъ какъ только совѣтъ или губернаторъ имѣютъ право разрѣшать печатаніе. Позволилъ же я себѣ на этотъ разъ самому разрѣшить единственно потому лишь, что нахожусь въ добрыхъ пока отношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ.

Но Вы знаете, насколько прочны могутъ быть эти опоры на нашей планетѣ, вѣчно подверженной треволненіямъ и всякаго рода невзгодамъ! Итакъ, позволяю себѣ надѣяться, что Вы не захотите ставить меня въ затруднительное положеніе. Вашъ добрый пріятель, г-нъ Бѣлый, мой достопочтенный предмѣстникъ, и безъ того уже честитъ меня крайнимъ либераломъ, не признающимъ никакихъ законовъ и власти.

Смѣю думать, что настоящее откровенное объясненіе мое не примете, баронъ, за нежеланіе мое служить Вамъ и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ, Вашимъ великодушнымъ стремленіямъ.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугой

З. Коленко.

19-го сентября 1867 г.
Екатеринославъ.

Здѣсь умѣстно привести и другое письмо г-на Коленко, свидѣтельствующее о томъ, какимъ высокимъ авторитетомъ пользовался тогда баронъ Корфъ въ глазахъ мѣстной учебной администраціи по школьному дѣлу вообще.

Милостивый Государь, Николай Александровичъ!

Искреннее, душевное Вамъ спасибо за Ваши дѣльныя, изъ опыта выведенныя заключенія на проектъ о двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. Я ихъ посылаю попечителю округа, указывая, что они Ваши, и выставляя при этомъ побужденіе, заставившее меня обратиться именно къ Вамъ за мнѣніемъ объ этомъ проектѣ. Я удивляюсь только, почему попечителю не пришло на мысль обратиться къ Вамъ за тѣмъ же: ему небезъизвѣстна Ваша дѣятельность Нечего Вамъ, послѣ этого, объяснять, что я обратился къ Вамъ по собственной своей иниціативѣ, какъ твердо убѣжденный, что если кто можетъ сказать разумное и наиболѣе близкое къ дѣлу слово по вопросу о сельскихъ школахъ, то это именно Вы, баронъ Николай Александровичъ.

Перехожу къ другимъ вопросамъ Вашего письма отъ 24-го августа:

1) Дѣйствительно завязалась переписка о переходѣ моемъ въ Нѣжинъ; дѣло остановилось лишь за министромъ: изъявитъ и онъ согласіе—я тотчасъ оставляю Екатеринославъ.

2) Инспекторомъ училищъ для Екатеринославской губерніи назначенъ Иванъ Васильевичъ Середа, служившій при мнѣ въ Херсонѣ штатнымъ смотрителемъ. Изъ всѣхъ, назначенныхъ нашимъ попечителемъ округа инспекторовъ училищъ – это лучшій: Середа, по крайней мѣрѣ, грамотный и способный понимать педагогическое дѣло; умѣетъ притомъ относиться къ народу и способенъ возбудить къ себѣ довѣріе его. Это онъ доказалъ не разъ на дѣлѣ. Вы, конечно, поддержите его, а онъ, я увѣренъ, отнесется къ Вамъ съ большимъ довѣріемъ и сочувствіемъ. Думаю, поэтому, что Вы будете довольны его назначеніемъ, хотя для такого поста, какъ инспекторъ училищъ, слѣдовало бы ожидать назначенія людей съ болѣе обширнымъ образованіемъ и съ болѣе широкимъ взглядомъ на дѣло народныхъ училищъ. За всѣмъ тѣмъ, я считаю Екатеринославскую губернію еще очень счастливою, что она получила хоть Середу. Прочія губерніи получили совершенныхъ невѣждъ, умѣющихъ лишь смотрѣть за чистотою училищнаго двора и способныхъ лишь снимать съ плечъ начальника шинель. Вообще, назначеніе инспекторовъ въ Одесскомъ краѣ, какъ дѣло канцеляріи, оказалось крайне неудовлетворительнымъ. И вотъ какъ портятъ и уничтожаютъ всякое доброе дѣло при самомъ его зачатіи!

Еще разъ сердечное Вамъ спасибо за Ваше вниманіе къ моему обращенію и за Ваше расположеніе и добрую память.

Всегда Васъ уважающій и преданный Вамъ всей душой

З. Коленко.

18-го сентября 1869 г.
Екатеринославъ.

Большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее письмо Д. Гасаненко, какъ искренній, непосредственный голосъ человѣка образованнаго, объ «Отчетѣ», котораго онъ былъ первымъ читателемъ въ качествѣ лица, наблюдавшаго за печатаніемъ этой брошюры и корректировавшаго ее:

Милостивый Государь, Николай Александровичъ!

Печатаніе Вашей брошюры, наконецъ, окончено. Трудъ былъ немалый какъ для меня, такъ и для типографіи: для меня потому, что хотя я и зани-

маюсь, какъ преподаватель, русскимъ языкомъ уже шестнадцатый годъ, но все-таки корректура оказалась дѣломъ новымъ и, вслѣдствіе этой-то причины, можетъ быть, я не вполнѣ удовлетворилъ Вашимъ требованіямъ и ожиданію видѣть Вашъ отчетъ напечатаннымъ такъ вѣрно, такъ отчетливо, какъ бы Вы сами держали корректуру, и тѣмъ труднѣе было для меня это дѣло, что рукопись переписана неправильно: она, какъ видно, переписывалась весьма шибко—во всю руку—и потомъ неисправлена. Часто попадалась въ ней неясность, а подчасъ и связи нельзя было отыскать; поневолѣ приходилось, впрочемъ весьма рѣдко, переставить или выкинуть лишній знакъ препинанія, или отбросить лишній, иногда не идущій союзъ *и*, или замѣнить его союзомъ *а*. За всѣ таковыя вольности мои прошу Васъ извинить меня. Я зналъ, чей трудъ я корректирую; но, зная въ то же время Васъ за человѣка, извѣстнаго цѣлой губерніи, я не могъ допустить въ печатномъ докладѣ Вашемъ тѣхъ шероховатостей, которыя встрѣчались мнѣ въ рукописи. Въ томъ, что я не испортилъ, не исковеркалъ Вашего доклада, лучше всего убѣдитесь, сличивъ печатный съ рукописью.

Позвольте, вмѣстѣ съ симъ, выразить мое глубочайшее удивленіе передъ Вашимъ громаднымъ и полезнымъ трудомъ. Позвольте сказать, положа руку на сердце, что такой глубокой, всепроникающей до мелочности ревизіи я до сихъ поръ не встрѣчалъ въ продолженіе моей службы: вѣдь Вы изучили не только училища во всѣхъ отношеніяхъ, но разобрали, такъ сказать, до тонкости самыхъ учителей; неумѣнье, лѣнь, неспособность, рутина и жестокость не укрылись отъ Васъ; Вы даже улучшили или, вѣрнѣе сказать, изобрѣли азбуку для народныхъ школъ и дали къ ней наставленіе. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше я корректировалъ Вашъ докладъ, тѣмъ болѣе восхищался имъ, и говорилъ всѣмъ знакомымъ въ клубѣ и другимъ о важности Вашего труда. Объ этомъ можете спросить у Юр. Ал. Романова и у Н. Ив. Ломановскаго, который самъ состоитъ предсѣдателемъ нашего уѣзднаго училищнаго совѣта, и которому я обѣщалъ дать одинъ экземпляръ Вашего доклада для руководства: вѣдь въ нашемъ уѣздѣ училищный совѣтъ ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ еще.

Дай только Богъ, чтобы министерство наше рекомендовало Вашу брошюру, какъ самую раціональную, вѣрную и быстро достигающую цѣли формулу,—и тогда дѣло народнаго образованія, если не во всей Россіи, то, по крайней мѣрѣ, въ Екатеринославской губерніи, пойдетъ путемъ вѣрнымъ и скоро достигнетъ блестящихъ результатовъ. Извините великодушно, что, можетъ быть, этимъ длиннымъ письмомъ заставилъ Васъ извѣдать скуку, или противна покажется Вамъ моя навязчивость съ этимъ письмомъ къ Вамъ, но вѣрьте, что мною руководило чувство удивленія и уваженія къ Вашей особѣ и къ Вашимъ трудамъ. Какъ съумѣлъ, такъ и выразилъ Вамъ то, что чувствовалъ.

Позвольте остаться съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Дмитрій Гасаненко.

28-го августа 1867 г.
Екатеринославъ.

Хотя выше нами и было уже нѣсколько охарактеризовано содержаніе «Отчетовъ», но все же многимъ можетъ казаться не совсѣмъ понятнымъ, почему именно эти, собственно говоря, оффиціальные «доклады», какъ

справедливо выразился г-нъ Гасаненко въ только-что приведенномъ письмѣ, могли производить такое сильное, неотразимое, увлекающее впечатлѣніе. Такъ какъ эта сторона дѣла является, такъ сказать, центральною въ занимающемъ насъ вопросѣ, то да будетъ позволено привести здѣсь тѣ разъясненія, которыя были сдѣланы уже авторомъ этихъ строкъ въ названной выше брошюрѣ—«Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность»:

„Принимаясь, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, за насажденіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, баронъ Корфъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только руководствъ и учебниковъ, мало-мальски подготовленнаго педагогическаго персонала, но даже буквально никакихъ денежныхъ средствъ. Первое ассигнованіе Александровскаго уѣзднаго земства на народное образованіе составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать краснорѣчіемъ Корфа, чтобы вырвать согласіе на ассигновку. Повидимому, все это такія препятствія, которыя невозможно преодолѣть одному человѣку. Но Корфъ былъ чрезвычайно богатъ любовью къ новому начинаемому имъ дѣлу, вѣрою въ его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость, былъ полонъ энергіи и самоотверженія,—и побѣдилъ всѣ препятствія. Свое увлеченіе дѣломъ, свой необыкновенный гражданскій подъемъ духа онъ сумѣлъ передать и другимъ. Заботясь о разумной постановкѣ школы, какъ учебно-воспитательнаго заведенія для подростающихъ поколѣній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ее, какъ связующее звено между крестьяниномъ и помѣщикомъ,—какъ разумное и дѣйствительное средство для искренняго и солидарнаго сближенія бывшихъ обладателей крѣпостными съ освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокаго политическаго смысла, нашла большое сочувствіе. Увлеченные примѣромъ барона Корфа, мѣстные помѣщики охотно становились попечителями школъ, охотно жертвовали на это дѣло и свое время, и свои денежныя средства. Сельскія общества, извѣрившіяся въ пользѣ школъ, въ виду прежней возмутительной ихъ практики, и съ недовѣріемъ относившіяся на первыхъ порахъ къ новому почину, вскорѣ, однако, начали добровольно облагать себя школьнымъ налогомъ отъ 15 до 46 коп. съ ревизской души.

„Съ міру по ниткѣ—голому рубашка“. Въ распоряженіи училищнаго совѣта вскорѣ же составилась довольно круглая сумма, отъ двухъ до трехъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ на уѣздъ. Къ этому нужно прибавить еще даровой отводъ помѣщеній подъ школы то попечителями-помѣщиками, то сельскими обществами, съ предоставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отопленія. Наконецъ, былъ и приливъ пожертвованій со стороны. Въ общемъ, исходя изъ нуля, училищный совѣтъ быстро составилъ настолько солидныя матеріальныя средства, что получилъ возможность въ два-три года довести число благоустроенныхъ школъ въ уѣздѣ до 70-ти.

„Какъ ни важны матеріальныя средства, но это—лишь внѣшняя сторона Вызвавъ приливъ этихъ средствъ, баронъ Корфъ долженъ былъ уже добывать внутреннее содержимое насаждаемыхъ имъ школъ изъ себя самого. Онъ склікалъ способныхъ молодыхъ людей, и они являлись къ нему нерѣдко изъ довольно отдаленныхъ губерній: сѣверныхъ, восточныхъ и поволжскихъ. Радушно давалъ имъ пріемъ въ своемъ домѣ, производилъ провѣрку ихъ знаній, разъяснялъ имъ теоретическія основанія пріемовъ обученія, самъ давалъ

для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды—словомъ, создавалъ и самую школу, и разумный, сознательный педагогическій персоналъ ея, преданный дѣлу, любящій его, т. е. дѣлалъ даже больше того, что̀ дѣлаетъ въ учительской семинаріи цѣлый штатъ педагоговъ.

„Правильно смотря на учебно-воспитательное дѣло вообще, и тѣмъ болѣе на народную школу, какъ на дѣло соціальное по преимуществу, баронъ Н. А. Корфъ, выступивъ иниціаторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, ставъ центромъ и душою этого дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ имъ все, что̀ было мыслящаго въ уѣздѣ, вызвалъ необычайное движеніе на мѣстѣ въ пользу народной школы. Попечители школъ стояли на высотѣ своего призванія и назначенія. Благодаря усиліямъ барона Корфа, каждый изъ нихъ прежде всего твердо зналъ свои обязанности и права, до мелочей входилъ въ положеніе и нужды своей школы, слѣдилъ за ходомъ работы въ ней и живо интересовался всѣмъ, касающимся школы. Бывали случаи избранія попечителями неграмотныхъ крестьянъ, и эти послѣдніе оказывались обыкновенно едва-ли не самыми ревностными дѣятелями на пользу школы. Они начинали съ того, что являлись въ школу въ одиночку, или со своими дѣтьми, садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и затѣмъ съ необычайною любовью служили школѣ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и путемъ активнаго участія въ преподаваніи въ роли помощниковъ учителей. Члены училищнаго совѣта, хорошо освѣдомленные барономъ Корфомъ въ школьномъ дѣлѣ и разумно направляемые имъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжали школы своего участка, ревизуя ихъ, производя экзамены и представляя объ этомъ отчеты. На экзаменахъ присутствовали и родители учащихся, и мѣстные земскіе гласные, и мировые судьи, равно какъ и другія должностныя лица. Всѣ мѣстныя интеллигентныя силы такъ или иначе привлекались къ школьной работѣ, и каждый старался оказать ей посильное содѣйствіе: одни—своимъ вліяніемъ, другіе—добрымъ совѣтомъ и нравственною поддержкою, третьи—своимъ общественнымъ положеніемъ и матеріальною помощью.

„Во всей исторіи русскаго общественнаго управленія нѣтъ болѣе свѣтлой страницы, какъ эта дружная, увлеченная, сознательная работа всѣхъ сословій и классовъ цѣлаго уѣзда на пользу образованія, возвышавшая и облагораживавшая тѣхъ, которые отдавались ей. При условіи дружнаго, общаго содѣйствія, дѣло ширилось и росло. Помимо быстраго количественнаго возрастанія школъ, качественная постановка ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Всѣ школы уѣзда были благоустроены въ полномъ смыслѣ слова и притомъ поставлены такъ дѣльно и предусмотрительно, что въ корнѣ уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычнаго, почти даже неизбѣжнаго, въ постановкѣ школъ до-реформеннаго періода“ (стр. 36—38).

Именно обо всемъ этомъ и говорилось въ «Отчетахъ», поэтому, дѣйствительно, они производили удивительно сильное, увлекающее впечатлѣніе. Въ послѣдующихъ главахъ мы будемъ имѣть тому многочисленныя подтвержденія; здѣсь же ограничимся, для примѣра, лишь слѣдующими заявленіями, какъ болѣе ранними по времени.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько въ высшей степени характерныхъ заявленій со стороны земскихъ дѣятелей Екатеринославской и другихъ губерній:

М. Г. Николай Александровичъ!

Узнавъ объ изданіи Вашего труда по обозрѣнію училищъ въ Александровскомъ уѣздѣ, спѣшилъ, по пріѣздѣ домой изъ-за-границы, прочесть его, а теперь, подъ вліяніемъ прочитаннаго изъ доски-въ-доску, спѣшу поблагодарить Васъ за то истинное наслажденіе, которое доставило мнѣ это чтеніе. Не говоря уже о Вашемъ блестящемъ перѣ, никогда Вамъ не измѣняющемъ, сколько дѣльнаго, добросовѣстнаго и терпѣливаго труда стоило Вамъ это превосходное изученіе великаго дѣла народнаго образованія! Какъ все это превосходно осмыслено умомъ свѣтлымъ, яснымъ, разумнымъ и—важнѣе всего—практическимъ! Смѣло Вы можете гордиться тѣмъ, что создали, въ видѣ обзора школъ Александровскаго уѣзда, образцовое типичное наставленіе для всѣхъ сельскихъ школъ русскаго царства. Ни къ одному изъ вашихъ взглядовъ нѣтъ возможности придраться, а остается только всему русскому земству быть Вамъ истинно благодарнымъ за всю совокупность и Вашихъ взглядовъ, и Вашихъ совѣтовъ. Еслибы всѣ части нашего земскаго вѣдѣнія изучались такъ подробно и основательно, и освѣщались бы такимъ свѣтлымъ взглядомъ и согрѣвались бы такой любовью къ дѣлу,—далеко ушли бы мы даже съ тѣми цѣпями, которыми скованы. Мы должны, въ особенности, гордиться такимъ дѣятелемъ, какъ вы, и молить Бога, чтобы онъ дольше сохранилъ въ груди Вашей тотъ святой огонь разумнаго и любовнаго труда, который руководитъ Вашею дѣятельностью.

Вы знаете меня, что я льстить не люблю, и потому повѣрите искренности словъ моихъ.

Совѣтую Вамъ прочесть, прочитанный мною вчера „Бюджетъ Костромской губерніи“, Колюпанова. Тоже трудъ превосходный и крайне интересный земскому человѣку.

Жму Вамъ дружески руку и прошу Васъ считать меня въ числѣ искренно Вамъ преданныхъ покорныхъ слугъ и цѣнителей.

Савельевъ

8-го сентября 1867 г.
Екатеринославъ.

М. Г., баронъ Николай Александровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 23-го ноября и отчетъ Вашъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда за 1867—1868 учебный годъ. Признательнѣйше и искреннѣйше благодарю Васъ за Ваше ко мнѣ вниманіе и за доставленіе мнѣ удовольствія, которое я въ настоящее время испытываю, читая, не торопясь, Вашъ отчетъ. Съ Вашею плодотворною педагогическою дѣятельностью я знакомъ по составленному Вами „Руководству къ обученію грамотѣ“, по извлеченіямъ изъ отчета Вашего, которыя были напечатаны, если не ошибаюсь, въ здѣшнихъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, и по статьямъ Вашимъ, напечатаннымъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Для меня великій интересъ представляетъ подробное знакомство, при помощи Вашего отчета, съ состояніемъ завѣдываемыхъ Вами училищъ. Много Вамъ благодаренъ за честь, какую Вамъ угодно оказать мнѣ предложеніемъ сообщить Вамъ мое мнѣніе о Вашихъ педагогическихъ трудахъ. По прочтеніи

вполнѣ отчета, я постараюсь воспользоваться Вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ, буде найду что сообщить Вамъ. Теперь же искреннѣйше желаю Вамъ, какъ и всѣмъ дѣятелямъ по народному образованію, побольше способныхъ и усердныхъ учителей, побольше не только въ простомъ народѣ, но и (особенно) въ высшемъ сословіи пониманія истинной пользы отъ распространенія народнаго образованія, побольше сочувствія и содѣйствія этому дѣлу; болѣе же всего желаю, чтобы на дѣлѣ этомъ всегда почило благословеніе Божіе, безъ котораго посѣвъ не принесетъ истинно добрыхъ плодовъ, хотя бы всходъ былъ на видъ и хорошъ. Богъ въ помощь Вамъ въ дѣлѣ почтенномъ, хотя и нелегкомъ, по необилію того, что для преуспѣянія его необходимо!

Примите увѣреніе въ искренности глубокаго къ Вамъ уваженія и преданности Вашего покорнаго слуги

Николая Рындовскаго.

9-го декабря 1868 г.
Екатеринославъ.

М. Г., баронъ Николай Александровичъ!

Благодарю Васъ дружески за Ваше честное участіе къ моему дѣлу; душевно радъ, хотя, къ сожалѣнію, пока заочно познакомиться съ такимъ полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какъ Вы.

Отчетъ о дѣятельности Вашей, за присылку котораго выражаю Вамъ полную признательность, я прочелъ съ большимъ вниманіемъ и съ грустью сознаю, что ничего подобнаго предпринять въ нашемъ уѣздѣ, въ настоящее время, положительно немыслимо. Въ вашемъ уѣздѣ Вы нашли 45 попечителей школъ, которые, кромѣ участія къ святому дѣлу, вносятъ еще ежегодный, довольно значительный платежъ; у насъ же,—я не говорю про уѣздъ, гдѣ Вы не найдете ни одного человѣка, способнаго жертвовать своимъ просвѣщеннымъ трудомъ и частью карманомъ,—но и въ губернскомъ собраніи я самъ слышалъ такіе доводы: „къ чему намъ школы? Крестьянство одно обязано платить на нихъ?!..“ Та же казенная мертвечина, которая царила въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, царитъ и до сихъ поръ у насъ. Попробуйте явиться вѣрнымъ примѣнителемъ дарованныхъ правъ и учрежденій,—и Вы будете уличены въ нарушеніи общественнаго порядка, и Васъ отдадутъ подъ судъ, по ябедѣ какого-нибудь наслѣдственнаго кретина, служащаго несчастнымъ орудіемъ нѣсколькихъ мерзавцевъ!.. Прежде, нежели заняться у насъ дѣломъ, мы должны разбить, я не говорю партію, но шайку, стоящую въ настоящее время, по милости администраціи, во главѣ общественной жизни уѣзда. Такая борьба займетъ еще, вѣроятно, много времени, и свѣтлое теченіе общественной жизни, которое уже наступило для нѣкоторыхъ частей Россіи, для насъ—отдаленное будущее.

О моей дѣятельности по народному образованію я могу сказать немного. Въ мое время управа предложила собранію:

1) Открыть женскую прогимназію, на что отпущено 1.500 рублей.

2) Расширить курсъ преподаванія уѣзднаго училища, чтобы, такимъ образомъ, постепенно перейти отъ уѣзднаго училища къ мужской прогимназіи, съ педагогическимъ курсомъ при ней.

3) На поддержаніе школъ уѣзда 1.000 рублей. Наканунѣ отрѣшенія меня отъ должности, я былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта; но, разумѣется, не могъ принести никакой пользы. Теперь всѣ предложенія управы, добытыя въ

самомъ собраніи съ трудомъ и уже осуществленныя ею, живутъ—какъ мокрое горитъ.

Что же касается, уважаемый Николай Александровичъ, до Вашей педагогической дѣятельности, то не Вамъ получать отъ меня совѣты, а мнѣ учиться у Васъ, что́ я и буду дѣлать по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, куда я ѣду завтра, такъ какъ дѣло мое пошло на ревизію въ Сенатъ, а на слѣдующій годъ легкость сообщенія, вѣроятно, позволитъ мнѣ побывать у Васъ, чтобы на будущее время, поучившись у Васъ, быть полезнымъ своему уѣзду, когда онъ снова захочетъ имѣть меня своимъ слугой. А до тѣхъ поръ прошу усердно Васъ, Николай Александровичъ, присылать мнѣ статьи Ваши и постановленія совѣта, ежели это Васъ не затруднитъ.

Жалѣю очень, что не могу прислать Вамъ нашъ управскій отчетъ за первый годъ, т. е. все, что́ мы успѣли напечатать; всѣ экземпляры разосланы; но ежели онъ Васъ интересуетъ, то можете достать его въ Александровской уѣздной управѣ.

Почтенная и полезная дѣятельность Ваша, Николай Александровичъ, ставитъ меня въ число людей, горячо Вамъ сочувствующихъ и душевно Васъ уважающихъ, почему прошу Васъ вѣрить искреннимъ чувствамъ уваженія и дружеской преданности къ вамъ И. Каразина.

11-го декабря 1868 г.
Богодуховъ, Харьковской губ., дер. Основянцы.

М. Г., Николай Александровичъ!

Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я Вашъ отчетъ о школахъ въ 1868 году, которымъ Вамъ угодно было почтить меня. Я его прочелъ отъ начала до конца съ большимъ интересомъ и глубоко сожалѣлъ о томъ, что въ нашемъ уѣздѣ не сдѣлано и сотой части того, что́ въ Александровскомъ уѣздѣ. Въ послѣдній недавній созывъ для выбора мировыхъ судей, земское собраніе избрало меня членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Имѣя много другихъ занятій, какъ предсѣдатель управы, я не сѣтую, однако, на возложенную на меня новую обязанность, я даже нѣсколько радъ ей, но опасаюсь и сожалѣю объ одномъ, что я не смогу сдѣлать половины всего того, что желается для дѣла народнаго образованія. Будьте такъ добры, сообщите мнѣ не столько въ видѣ личнаго одолженія, сколько для пользы дорогаго намъ дѣла, всѣ тѣ свѣдѣнія и данныя, какія найдете нужными, по Вашему усмотрѣнію, основанному на опытѣ. Не соблаговолите ли Вы прислать въ нашъ училищный совѣтъ, для продажи, изданное Вами „Руководство“?

Я радъ, очень радъ обмѣниваться съ Вами письмами, ибо я, какъ земскій дѣятель, не могу Васъ не уважать за то, что́ мнѣ извѣстно о Вашей дѣятельности. За столь поздній настоящій отвѣтъ на Ваше обязательное и лестное для меня письмо—я не нахожу словъ, какъ и извиняться передъ Вами. Собирался я къ вамъ писать разъ двадцать, но все не приходилось по разнымъ причинамъ, о которыхъ долго бы и неинтересно было разсказывать. Постараюсь, чтобы подобнаго не случилось въ другой разъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренней преданности Вашего покорнаго слуги. П. Зеленый.

30-го января 1869 г.
Елисаветградъ.

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ слѣдующее письмо Н. А. Качалова, бывшаго предсѣдателемъ Новгородской губернской земской управы. Письмо это служитъ очень характернымъ выраженіемъ какъ того интереса, который былъ возбужденъ дѣятельностью барона Корфа во всей лучшей части земства, такъ и того высокаго, неподдѣльнаго уваженія, съ которымъ относились къ этому дѣятелю люди, вовсе незнавшіе его, но знакомые лишь съ печатными его трудами.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ!

Вы не можете себѣ представить, какое высокое удовольствіе доставило мнѣ полученіе почтеннѣйшаго письма Вашего. Я давно рѣшилъ писать къ Вамъ, но незнаніе Вашего адреса останавливало это. Приложенія къ письму вѣроятно идутъ по тяжелой почтѣ и до меня еще не дошли; заранѣе глубоко благодарю, съ величайшимъ вниманіемъ прочту труды Ваши, дамъ подробный отчетъ о произведенномъ впечатлѣніи, но до этого времени не могу утерпѣть, чтобы не выразить Вамъ глубочайшаго уваженія и полнѣйшей симпатіи.

Дѣятельность Ваша намъ коротко знакома. Вы—одинъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которыми бѣдно наше общество! Избравъ одинъ предметъ, изучивъ его, Вы употребили на него всѣ свои труды и дарованія. И предметъ-то выбрали самый производительный. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что труды Ваши принесутъ громадную пользу. Терпѣливая, настойчивая, разумная и энергичная дѣятельность, хотя бы и одного человѣка, непремѣнно пробьетъ свою дорогу! Дорогая вѣсточка отъ Васъ пришла чрезвычайно кстати. Въ настоящее время мы приготовляемся къ устройству школы для образованія сельскихъ учителей и въ каникулярное время открываемъ педагогическіе курсы для учителей, преподающихъ теперь въ народныхъ школахъ. Къ величайшему сожалѣнію, барона Николая Александровича у насъ нѣтъ, губернская управа состоитъ изъ лицъ, не подготовленныхъ къ этому дѣлу, притомъ мы завалены общими земскими дѣлами и, при всемъ усердіи и искреннемъ желаніи, не можемъ устроить и вести это дѣло съ должной отчетливостью. Письмо Ваше насъ сильно обрадовало. Труды и дарованія Ваши, баронъ, есть достояніе всероссійское. Помогите намъ совѣтомъ и, когда вы бываете въ Петербургѣ, заверните въ нашъ старичекъ-Новгородъ, земство котораго приметъ Васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и проситъ Вашей помощи—при первыхъ приступахъ прочно установить дѣло народнаго образованія.

Простите мою болтливость. Вашъ откликъ съ юга такъ для насъ дорогъ и общеніе между всѣми лицами, искренно сочувствующими устройству нашей родины до того важно, что я рѣшаюсь кратко очертить положеніе нашихъ сѣверныхъ губерній, познакомившись съ которыми только, можно правильно судить о дѣйствіяхъ земства въ этихъ губерніяхъ. При открытіи земскихъ учрежденій, мы нашли большинство помѣщичьихъ усадебъ закрытыми, по неимѣнію оборотныхъ капиталовъ и, наконецъ, по невозможности выручать деньги, затрачиваемыя на обработку. Потому землевладѣльцы были окончательно разорены и проживали остатки выкупныхъ свидѣтельствъ, или бѣжали изъ деревень на службу, бросивъ свои имѣнія. Крестьянскія общества, сгоряча перешедшія на оброкъ, по случаю прекращенія заработковъ, пьян-

ства и проч., пришли въ крайнюю бѣдность. Крестьянское самоуправленіе и управленіе крестьянами превратилось въ совершенную анархію. Къ тому присоединились, три года сряду, неурожаи, падежи скота, похищавшіе ежегодно на полмилліона животныхъ; а между тѣмъ магазины были пусты, и переданный капиталъ народнаго продовольствія составлялъ по 10 коп. на душу. Торговля и промыслы, находящіеся въ полной зависимости отъ благосостоянія обывателей, были также слабы.

Первыя земскія собранія, внимательно разсмотрѣвъ эти обстоятельства, видѣли необходимость помогать населенію, но для этого нужно собрать деньги съ того же населенія, а денегъ у него не было. У насъ земскихъ сборовъ получается недостаточно на покрытіе однѣхъ уѣздныхъ потребностей, а на губернскія не поступаетъ ничего, между тѣмъ на губернскіе сборы отнесены значительныя дорожныя сооруженія, страхованіе строеній, продовольственная часть, общественное призрѣніе, удовлетвореніе общихъ присутственныхъ мѣстъ и проч., всего на сумму около 100 т. руб. въ годъ.

Изъ ничего можетъ производить одинъ только Богъ, и потому губернской управѣ оставалось: или прекратить свое дѣйствіе, или помимо сборовъ съ разореннаго населенія изыскать средства на удовлетвореніе потребностей. Мы избрали послѣднее, и Господь благословилъ наши труды. На капиталъ народнаго продовольствія и на занятыя деньги у министерства прошлый годъ, по случаю неурожая и недостатка продажнаго хлѣба у торговцевъ, мы ввезли въ губернію около 120 т. четвертей хлѣба, продали его 2 рублями дешевле торговыхъ цѣнъ, содержали въ достаточномъ количествѣ запасы продажнаго хлѣба и нажили около 200 т. руб. Теперь нашъ капиталъ народнаго продовольствія настолько силенъ, что мы можемъ оказывать населенію по продовольствію серьезную помощь. Взаимное обязательное страхованіе строеній сборомъ 1% совершенно удовлетворяется, и частныя компаніи просятъ нашего союза по добровольному страхованію. Барыши отъ содержанія почтовыхъ станцій назначены на народное образованіе. Сумма эта составляетъ около 45 т. руб. въ годъ и назначена на устройство школъ для образованія учителей и педагогическіе курсы. Съ 1 генваря 1870 г. открываемъ земскій банкъ, прибыли отъ котораго предполагаемъ назначить на народное здравіе. Просимъ отдать намъ содержаніе ремонта казенныхъ путей, прибыли отъ котораго предполагаемъ употребить на дороги.

Изволите видѣть, баронъ, къ какимъ спекуляціямъ мы вынуждены прибѣгать, чтобы достать средства на земскія потребности. Въ Вашей благодатной губерніи этой бѣды нѣтъ, и Ваши дѣятели могутъ свои труды всецѣло отдавать прямымъ земскимъ занятіямъ. Товарищи мои, члены управы, поручили передать Вамъ ихъ почтеніе и привѣтъ. Адресъ мой: въ Новгородъ, Николаю Александровичу Качалову. Беру смѣлость приложить свою фотографическую карточку и просить о присылкѣ Вашей.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершеннѣйшей преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугой

15 февраля 1869 г. Николай Качаловъ.

Новгородъ.

Уставъ школы, по утвержденіи министерствомъ, доставлю.

Слѣдующія два письма Д. Каченовскаго могутъ служить недурною иллюстраціею, съ какимъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью барона

Корфа вообще образованные русскіе люди, не причастные къ земской дѣятельности.

10 ноября 1866 г. Харьковъ.

Многоуважаемый Николай Александровичъ!

Очень благодаренъ Вамъ за отчетъ. При первой возможности прочту его. Теперь очень занятъ статьею для „Вѣстника Европы", которую желалъ бы напечатать зимою. Какъ только окончу свой трудъ, ѣду въ Петербургъ на праздники. Поэтому въ Александровскѣ быть теперь не могу, но лѣтомъ надѣюсь видѣться съ Вами непремѣнно, если только Вы не уѣдете за границу. Какъ мнѣ хочется съ Вами познакомиться—трудно выразить. Дай Богъ, чтобы Ваши труды для народа увѣнчались успѣхомъ и были оцѣнены въ краѣ! Они уже и теперь цѣнятся кѣмъ слѣдуетъ, но этого мало. Вамъ, какъ видно, приходится бороться съ мѣстными трудностями. Ихъ можно побѣдить только упорствомъ и вѣрой въ дѣло.

Еще разъ благодарю за память. Вѣрьте, что отчетъ будетъ прочтенъ съ искреннимъ участіемъ.

Вашъ всегда Д. Каченовскій.

---

24 ноября 1869 г. Харьковъ.

Простите, что до сихъ поръ не успѣлъ поблагодарить Васъ за присланные мнѣ отчеты: занятія учебнаго года мѣшаютъ мнѣ быть аккуратнымъ въ письмахъ. Но Вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, въ моемъ сочувствіи и признательности къ Вамъ. Еще недавно, въ здѣшнемъ обществѣ грамотности, мы единогласно выразили наше общее уваженіе къ Вашей дѣятельности, о чемъ, вѣроятно, Вы уже знаете. Я даже имѣлъ намѣреніе къ Вамъ пріѣхать нынѣшнею зимою, именно во время рождественскихъ праздниковъ, но не знаю, удастся ли это сдѣлать. Кажется, станція Благодатная лежитъ далеко отъ желѣзной дороги и достать почтовыхъ лошадей въ степяхъ екатеринославскихъ не легко. Во всякомъ случаѣ, извѣстите, когда будете писать ко мнѣ, справедливы ли мои опасенія на этотъ счетъ. Рано или поздно, но я соберусь въ Ваши края и пріѣду провести съ Вами хоть два-три дня. Желаю Вамъ здоровья и полнаго успѣха во всѣхъ общеполезныхъ предпріятіяхъ Вашихъ. Примите увѣреніе въ неизмѣнномъ къ Вамъ сочувствіи и уваженіи.

Д. Каченовскій.

P. S. Здѣшнія земскія дѣла идутъ плохо. Недавно патриціи, какъ Вы могли видѣть изъ „СПБ. Вѣдомостей"—удалились на Священную гору, чтобы помѣшать рѣшенію вопроса о повинностяхъ. Любопытенъ еще проектъ банка, заготовленный этими господами, въ видахъ обратить крестьянскіе капиталы на исключительную пользу помѣщиковъ. Объ обществѣ грамотности могу сказать, что оно, хотя и не имѣетъ еще большихъ средствъ, но успѣло открыть нѣсколько школъ.

Въ виду сдѣланныхъ уже нами разъясненій, самъ собою понятенъ тотъ высокій интересъ, который должна была возбуждать дѣятельность барона Корфа (насколько она отражалась въ періодической печати и въ отдѣльныхъ его изданіяхъ) у непосредственныхъ работниковъ на педагогическомъ поприщѣ, отъ самыхъ низшихъ до наивысшихъ сту-

пеней. На этотъ разъ, однако, мы ограничимся лишь письмами извѣстнаго педагога Н. Ѳ. Бунакова и Е. Фесенко, штатнаго смотрителя трубчевскихъ училищъ. Вотъ, напримѣръ, по какимъ мотивамъ вступилъ въ переписку съ барономъ Корфомъ г. Бунаковъ.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ!

Постоянно слѣдя за Вашими превосходными земскими обозрѣніями, въ 5-ой книгѣ „Вѣстника Европы“ за этотъ годъ, я обратилъ особенное вниманіе на сообщенныя Вами свѣдѣнія о Времьевской школѣ, учрежденной Вами и представляющей, по ея организаціи и педагогическимъ началамъ, явленіе въ высшей степени отрадное. Такъ какъ въ тонѣ Вашей статьи замѣтна готовность радушно подѣлиться педагогическими опытами со всѣми интересующимися или занятыми дѣломъ обученія, то я рѣшился обратиться къ Вамъ письменно, не имѣя удовольствія знать Васъ лично, съ предложеніемъ о взаимномъ обмѣнѣ наблюденій и опытовъ, насколько это возможно путемъ переписки. Дѣло въ томъ, что въ августѣ 1867 года я открылъ въ Воронежѣ элементарную школу съ цѣлью улучшенія первоначальнаго обученія и подготовленія дѣтей для среднихъ учебныхъ заведеній. Само собой разумѣется, что моя школа для городскихъ дѣтей, готовящихся поступить въ какое-либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній, должна во многомъ разниться съ Вашей, но, тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что между ними найдется не мало и общаго; слѣдовательно, взаимный обмѣнъ наблюденій и опытовъ во всякомъ случаѣ долженъ быть очень полезенъ, не говоря уже о томъ, сколько интереса долженъ онъ представить для людей, занятыхъ педагогическимъ вопросомъ, какой бы сферой ни ограничивались ихъ занятія. На первый разъ я рѣшился препроводить къ Вамъ программу школы и первые два ея отчета, изъ которыхъ Вы увидите педагогическія начала и характеръ школы. Подобные отчеты будутъ печататься въ мѣстной газетѣ постоянно за три, четыре мѣсяца, а годовой отчетъ будетъ напечатанъ своевременно въ журналѣ „Педагогическій Сборникъ“. Если позволите, то я каждый разъ буду посылать ихъ Вамъ и въ тѣ изъ школъ Александровскаго уѣзда, на которыя Вы укажете, надѣясь, что и Вы, съ своей стороны, не оставите меня доставленіемъ отчетовъ Вашей школѣ и вообще свѣдѣній о ходѣ учебнаго дѣла въ томъ краю. Подобная моей школа въ настоящее время также устраивается въ Смоленскѣ, и учредительница ея уже вступила въ сношенія съ Воронежской школой. Я полагаю, что такія сношенія между людьми, преданными одному столь важному дѣлу, какъ улучшеніе обученія, будутъ въ высшей степени полезны для самаго дѣла.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи искренно уважающаго Васъ

Н. Бунакова.

Воронежъ
1868 г. мая 27.

Много благодаренъ Вамъ за письмо и отчетъ Вашъ за 1867 годъ. Нельзя не радоваться, какъ хорошо принялось Ваше земство за дѣло народнаго образованія. Получая такія свѣдѣнія, какъ сообщаемыя Вами въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ письмѣ, начинаешь вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ прошло время либеральныхъ фразъ, настало время дѣла. Сегодня для меня особенно счаст-

ливый день; вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ я получилъ письмо изъ Смоленска, отъ княжны Друцкой-Соколинской, которая разсказываетъ о своемъ „Дѣтскомъ Садѣ“ и предпринимаемой ею школѣ; видно столько любви къ дѣлу, что нельзя не радоваться. Она прежде, живя въ деревнѣ, имѣла школу для крестьянскихъ дѣтей, потомъ, по своимъ обстоятельствамъ переселившись въ городъ, сбирала бѣдныхъ дѣтей и занималась съ ними, наконецъ, устроила „Дѣтскій Садъ“ и теперь еще открываетъ школу, стараясь сгруппировать около нея людей, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія дѣтей. Хорошо сдѣлали бы Вы, если бы послали ей Вашъ отчетъ за 1867 г., а также и за 1868, когда онъ будетъ напечатанъ: я думаю, что ей это будетъ и полезно, и пріятно, такъ какъ она уже имѣла дѣло и съ крестьянскими дѣтьми. А право порадовать человѣка, который на дѣлѣ доказалъ свою любовь къ дѣлу, очень хорошо. Адресъ ея я сообщаю Вамъ на всякій случай: въ Смоленскъ, въ домъ Ивановской, въ Дѣтскій Садъ, княжнѣ Натальѣ Николаевнѣ Друцкой-Соколинской. Я отправилъ къ Вамъ на дняхъ отчетъ нашей школы за январь, февраль, мартъ и апрѣль по старому адресу. Теперь скажу нѣсколько словъ о Вашихъ замѣчаніяхъ. Ваше мнѣніе о необходимости быстраго обученія бѣглому чтенію по многимъ причинамъ справедливо въ примѣненіи къ сельскимъ школамъ: оно привлекаетъ расположеніе къ школѣ взрослыхъ; оно радуетъ дѣтей, которыя наслушались дома, что вся суть ученія—умѣнье читать да писать, при томъ читать не только по-гражданскому, но и по-церковному; оно важно и потому, что время обученія для крестьянскихъ дѣтей весьма кратко. Для воскресныхъ школъ эта быстрота—даже положительная необходимость. И тутъ, и у Васъ она вызывается особенными условіями, которыя не существуютъ для насъ. Въ педагогическомъ же смыслѣ эта быстрота—дѣло вовсе излишнее, такъ какъ педагогика не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ механическаго чтенія; звуковой способъ для насъ именно потому и важенъ, что даетъ возможность вовсе избѣгнуть механическаго чтенія, а въ то же время научить дѣтей читать и писать такъ, что этотъ процессъ обученія не будетъ для дѣтей ни скученъ, ни обременителенъ, напротивъ, научая читать и писать, одновременно способствуетъ ихъ умственному развитію. Сперва дѣти изучаютъ произносимые ими звуки—это ужь даетъ много для ихъ развитія, а между тѣмъ, при оживленномъ ходѣ урока, весело и занимательно; потомъ пишутъ эти звуки, лѣпятъ изъ глины, составляютъ слова, названія тѣхъ предметовъ, которые разсматривали на предметныхъ урокахъ, ихъ признаковъ и т. д., потомъ переходятъ къ чтенію по книгѣ, но непремѣнно къ чтенію сознательному, потому что безсознательность, механизмъ обращается въ привычку и не хорошо будетъ отзываться на дальнѣйшемъ обученіи. Намъ спѣшить не зачѣмъ, такъ какъ книжное ученіе у насъ не составляетъ сути дѣла, дѣти развиваются и пріобрѣтаютъ знанія, главнымъ образомъ, не путемъ чтенія, для котораго впереди еще будетъ много времени, а путемъ непосредственнаго наблюденія, изучая предметы въ отдѣльности и въ совокупности. Для старшаго отдѣленія мы назначили 2-ю ч. „Роднаго Слова“ потому, что 1-ая ч. должна быть прочитана въ младшемъ, такъ какъ съ новаго учебнаго года въ старшее отдѣленіе перейдутъ дѣти изъ младшаго. Во всякомъ случаѣ къ чтенію 2-ой части они перейдутъ только подъ тѣмъ условіемъ, если это позволитъ ихъ развитіе. Касательно предметныхъ уроковъ я долженъ Вамъ сказать, что мы не придерживаемся строго книги Перевлѣсскаго, во многихъ отношеніяхъ предпочитая руководство Дистервега (Начальное школьное обученіе) и дополняя его

„родиновѣдѣніемъ“, система и методъ котораго довольно порядочно проведены въ журналѣ „Дѣтскій Садъ“ за 1867 г. Еще разъ благодарю Васъ за сочувственное вниманіе и отъ души желаю, чтобы Александровское земство нашло себѣ подражателей, а все русское земство—побольше такихъ дѣятелей, какіе оказались въ Александровскомъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи преданнаго Вамъ

Н. Бунакова.

Воронежъ
1868 г., іюля 2.

Если г. Бунаковъ ощутилъ потребность общенія съ барономъ Корфомъ по мотивамъ, такъ сказать, высшаго порядка, для цѣлей взаимнаго обмѣна мыслями и взглядами въ области воспитанія и обученія, то громаднѣйшее большинство другихъ дѣятелей по народному образованію, находившихся—какъ увидимъ впослѣдствіи—въ дѣятельной перепискѣ съ барономъ Корфомъ, искали у него совѣта, нравственной помощи, поддержки, указаній и руководства. Считая невозможнымъ забѣгать впередъ, замѣтимъ лишь, что за этимъ обращались къ барону Корфу не одни только мелкіе, начинающіе педагоги, но даже и лица съ выдающимся положеніемъ въ области педагогической дѣятельности—административной, литературной, учебно-научной и практической. Уже изъ приведеннаго выше письма г. Гасаненко не трудно видѣть, какъ возбуждалъ и ободрялъ баронъ Корфъ людей педагогической профессіи примѣромъ личнаго своего почина и самодѣятельности. Особенно же характерно проглядываетъ это въ слѣдующихъ письмахъ г. Фесенко, человѣка совсѣмъ уже стараго.

Милостивый Государь,

господинъ Баронъ N. Корфъ!

Извините, что, не зная имени Вашего, я осмѣливаюсь безпокоить Васъ письмомъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ читая Ваши статьи, относящіяся къ народному образованію въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ журналѣ нашего министерства, я не разъ сожалѣлъ о томъ, что насъ раздѣляетъ такое большое пространство, что намъ лично невозможно высказаться, передать то, какъ мы оба любимъ наше народное образованіе. Я тоже, дожившъ уже почти до старости, взялся за перо и помѣщаю свои статьи въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, подъ псевдонимомъ Ш. С. Ф. и членъ совѣта. Мнѣ иначе нельзя выражать своихъ мыслей, такъ какъ я—человѣкъ зависимый, подначальный. Не во всѣхъ убѣжденіяхъ сходимся мы, но насъ связываетъ одна великая идея народнаго образованія. Изъ принципа этой общей намъ идеи я надѣюсь, что моя просьба къ Вамъ не останется безъ вниманія.

Въ 312 нумерѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ я прочелъ заявленіе отъ Вашего имени „Юморъ особаго рода“, гдѣ Вы, въ видѣ слуха, передаете дѣйствіе Новомосковскаго земскаго собранія, перемѣнившаго 300 р., назначенныхъ на содержаніе училищнаго совѣта, на 60 руб., по дикому

предложенію гласнаго отъ дворянъ N, который признаетъ какъ училищные совѣты, такъ и образованіе народа лишними. Въ Трубчевскомъ земскомъ собраніи было почти подобное, во вышелъ юморъ другаго рода. По прочтеніи доклада училищнаго совѣта, гласные положили, что, по причинѣ голоднаго времени, разсматриваніе вопроса объ образованіи оставить до другаго очереднаго собранія, составителя же доклада поблагодарить за трудъ и дѣятельность,—что немедленно было и исполнено, причемъ нѣкоторые изъ гласныхъ обратились къ составителю съ такою обидно-насмѣшливою улыбкой, какъ бы этимъ хотѣли сказать: „А что, много успѣлъ“... Когда же заговорили о содержаніи совѣта, то гласный изъ крестьянъ У. высказалъ, что такъ какъ училищному совѣту нечего дѣлать, то достаточно положить на содержаніе его 50 р., чему собраніе не противорѣчило. Такъ безслѣдно прошелъ у насъ вопросъ о народномъ образованіи.

На другой день обсуживался вопросъ объ увеличеніи содержанія канцеляріи управы, и тотъ же гласный У., который такъ скупъ былъ для народнаго образованія, съ жаромъ защищалъ необходимость прибавки средствъ на канцелярію и въ особенности на бухгалтерскую часть; и, какъ членъ коммиссіи, назначенной для обсужденія этого вопроса, самъ тащилъ изъ шкафа бухгалтерскія книги, чтобы поубѣдительнѣе доказать, какъ много работы по этой части.

Все бы это ничего. Одно только бросается въ глаза, что бухгалтеръ управы—родственникъ гласному У.

Прошу Васъ покорно предать гласности и наше заявленіе въ видѣ слуха. Подобныя обстоятельства не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, другаго же пути къ заявленію, какъ черезъ Васъ, Милостивый Государь, намъ найти трудно.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть къ Вамъ,

Милостивый Государь, покорный слуга

Штатный смотритель трубчевскихъ училищъ, Егоръ Фесенко.

24 ноября, 1867 г.

Трубчевскъ, Орловск. губ.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Благодаря Вашему вниманію ко мнѣ, я прочелъ отчетъ объ участкѣ, который порученъ Вашему наблюденію; читая, нельзя было не порадоваться тому отрадному явленію, что хотя гдѣ-нибудь въ нашей необъятной Россіи засвѣтился, какъ слѣдуетъ, огонекъ просвѣщенія для нашего бѣднаго народа.

Дѣйствительно, въ такое короткое время достигнуть такихъ счастливыхъ результатовъ, какъ Вы, рѣдко кто въ состояніи. Намъ не угнаться за Вами! Почему бы не такъ, отчего бы благому примѣру не послѣдовать? Или это потому, что такое дѣло намъ не по силамъ; или же потому, что „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Нѣтъ, право, тамъ, гдѣ земство за 4 года существованія своего едва соблаговолило дать на учебную часть 50 руб., владыки же міра сего, въ уѣздѣ, если не словомъ, такъ дѣломъ, явно показываютъ, что это дѣло у нихъ послѣднее и что кто за него берется, того они готовы въ ложкѣ воды утопить,—

тамъ трудно чего-нибудь отраднаго добиться, особенно намъ, людямъ подначальнымъ. И не потому, чтобы у насъ силъ не было, а потому собственно, что силы наши отнимаютъ. И что же изъ этого выходитъ? Какая жалкая картина!

У насъ изъ 32 училищъ во всемъ уѣздѣ едва-ли на 7 можно указать, какъ на хорошія, на 5 посредственныхъ, остальныя же почти всѣ изъ рукъ вонъ плохи. Къ прискорбію, этому горю мы и помочь не въ состояніи, потому что ни матеріальной помощи, ни книгъ у насъ нѣтъ; да еще наши „благочинные“ отняли у насъ даже время. Еще въ прошломъ году полученъ циркуляръ, который гласитъ такъ: до свѣдѣнія ихъ дошло, что нѣкоторые штатные смотрители не малое время употребляютъ на объѣзды въ уѣздѣ, оставляя училище въ городѣ безъ особаго наблюденія; поэтому поставляется имъ на видъ, чтобы для объѣзда они имѣли только опредѣленный свой участокъ и отнюдь не касались тѣхъ, которые предназначены другимъ членамъ совѣта. А кто у насъ другіе члены совѣта? Горе! И знаете ли, для какого дѣла насъ прикрѣпили къ городу? Чтобы мы слѣдили за своевременнымъ приходомъ учителей въ школы, какъ попы за дьяками; чтобы отписки наши были сколь возможно аккуратны, правильно велись входящія и исходящія, чисто сохранился архивъ; даже наши педагогическія совѣщанія, гдѣ позволили намъ какъ слѣдуетъ разсуждать, и тѣ наши „благочинные“ превратили своимъ педантизмомъ въ нѣчто форменное, канцелярское. Обидно!

Хотѣлъ писать иное, а вышла жалоба. Но кому же намъ теперь и жаловаться, какъ не Вамъ, такъ искренно преданному нашему лучшему дѣлу!

Когда я прочелъ Вашъ отчетъ, то не знаю, духъ ли противорѣчія, который, правду сказать, не мало обуреваетъ меня, или потому, что то, что наше, то и лучше,—только я было приготовился писать нѣкоторыя критическія замѣтки на Ваши школьные пріемы. Въ послѣднее время мысль моя перемѣнилась въ болѣе свѣтлую, именно—видѣть дѣло на мѣстѣ, чтобы не заблуждаться. Скажите, возможно ли будетъ по желѣзной дорогѣ проѣхать на Кіевъ и въ вашъ Александровскій уѣздъ, именно къ Вамъ, или туда, гдѣ Вы въ іюлѣ мѣсяцѣ будете. Если это возможно, если это не будетъ сопряжено съ большими издержками, и главное—если я въ половинѣ іюля мѣсяца буду имѣть возможность, не обременяя особенно никого, познакомиться съ двумя или тремя лучшими Вашими школами, то я бы пріѣхалъ къ Вамъ. Посовѣтуйте!

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга Е. Фесенко.

1869 года.
5 апрѣля.

Нужно замѣтить, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, дѣятельность барона Корфа встрѣчала самое полное сочувствіе и поддержку со стороны учебнаго вѣдомства, не исключая и министерства просвѣщенія, которое видимо интересовалось его дѣятельностью и старалось даже слѣдить за нею. Въ этомъ отношеніи не лишено значенія слѣдующее письмо изъ Петербурга на имя барона Н. А. Корфа:

Управляющій министерства народнаго просвѣщенія проситъ Васъ: прислать въ департаментъ М. Н. П. (въ С.-Петербургѣ) столько экземпляровъ Вашего интереснаго отчета (который оканчивается Вашимъ наставленіемъ—

какъ учить читать), чтобы министерство могло уплатить Вамъ о д н и м ъ рублемъ (1 экз.—для управляющаго министерствомъ, 1—для редакціи журнала М. Н. П. и 1—для С.-Пб. уч. округа). Столько же экземпляровъ прошу Васъ послать и мнѣ въ О м с к ъ, куда я отправляюсь управлять тамошнимъ учебнымъ округомъ. Сегодня я посылаю Вамъ 1 экз. моихъ послѣднихъ изданій. Въ Омскъ думаю поѣхать—около половины октября.

Вашъ Барановъ.

4-го окт. 1867 г.

Къ этому необходимо добавить, что не только «Отчеты», но даже и «Инструкціи попечителямъ и учителямъ народныхъ училищъ», изданныя Александровскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, воспроизводились на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія».

Живя въ сельской глуши, баронъ Н. А. Корфъ, очевидно, работалъ на пользу народнаго образованія всей имперіи, при томъ такимъ именно способомъ, что объ его дѣлѣ знала вся мыслящая Россія, живо интересовалась и поучалась имъ. Оставаясь въ роли скромнаго провинціальнаго общественнаго дѣятеля, онъ пользовался обширнѣйшею популярностью во всей Россіи и большимъ уваженіемъ. Съ этой именно стороны заслуживаетъ вниманія письмо академика Я. К. Грота, бывшаго профессоромъ барона Н. А. Корфа по лицею.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ!

Ваше письмо отъ 4 октября, съ приложеніемъ двухъ брошюръ, дошло до меня только на этихъ дняхъ. Очень пріятно было мнѣ видѣть изъ него Ваше доброе, не измѣнившееся ко мнѣ расположеніе. Что до меня, то я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю Ваши занятія въ лицеѣ; вашъ курсъ былъ вообще одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ профессору впослѣдствіи весело вспоминать. За Вашею дѣятельностью я всегда слѣдилъ, сколько могъ, по газетамъ и радовался статьямъ Вашимъ, въ которыхъ, кромѣ благороднаго образа мыслей и основательности познаній, обращаетъ на себя вниманіе еще и прекрасное перо. Задатки этого видѣлъ я еще въ лицейскихъ вашихъ упражненіяхъ и не забылъ Вашего сочиненія объ исторіи Карамзина.

Въ готовности моей содѣйствовать доброму дѣлу, о которомъ Вы пишете, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, но это не такъ легко, какъ кажется. Ваша метода преподаванія грамоты—такъ называемая въ педагогическомъ мірѣ Lautermethode—конечно, самая лучшая, и составленная Вами программа уроковъ—превосходна; но я боюсь, что общему распространенію брошюры помѣшаетъ то обстоятельство, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняты разработывающіе ее же учебники Золотова. Въ доказательство, что я тѣмъ не менѣе охотно беру на себя Ваше порученіе, скажу, что я уже передалъ присланный Вашъ экземпляръ К. А. Шторху, который по вѣдомству воспитательнаго дома также усердно хлопочетъ объ успѣхахъ низшихъ училищъ. Но онъ мнѣ тотчасъ возразилъ, что у него эта метода уже введена по Зо лотову и приноситъ прекрасные плоды.

Окончательнаго отвѣта отъ него я еще не имѣю. Я справлялся уже и о томъ, кто будетъ разсматривать книжку въ ученомъ комитетѣ, и узналъ, что это относится къ обязанностямъ Весселя; можетъ быть мнѣ удастся какъ-нибудь съ нимъ снестись. Насчетъ военнаго министерства не надѣюсь что-либо сдѣлать, потому что не имѣю тамъ никакихъ связей.

Вѣрьте въ чувство искренняго моего къ Вамъ уваженія и сердечной пріязни.

Я. Гротъ.

СПБ.
22 октября 1867 г.

Насколько баронъ Корфъ признавался компетентнымъ не только въ вопросахъ по народному образованію собственно, но и вообще по разнымъ дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленія, это можно видѣть, между прочимъ, изъ двухъ нижеслѣдующихъ писемъ А. С. Суворина, бывшаго тогда сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ѳ. Корша, а теперь, какъ извѣстно, издающаго «Новое Время».

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Я рѣшился безпокоить Васъ по дѣлу, въ которомъ, мнѣ кажется, Вы не можете не принять участія. Вамъ, безъ сомнѣнія, бросалась въ глаза полнѣйшая неудовлетворительность нашихъ календарей, наполняемыхъ почти исключительно справочными свѣдѣніями, притомъ такими, въ которыхъ провинціальному читателю, напримѣръ, нѣтъ по большей части ни малѣйшей нужды Кромѣ необходимыхъ справочныхъ свѣдѣній, я хотѣлъ помѣстить въ немъ обозрѣніе года (принимаю за начало августъ предыдущаго, кончаю августомъ нынѣшняго) въ различныхъ отношеніяхъ: внутреннее, литературное, судебное, военное и политическое обозрѣнія, некрологъ, біографическіе очерки замѣчательныхъ лицъ, изобрѣтенія и открытія. Тонъ статей долженъ быть по возможности спокойный и убѣдительность ихъ должна основываться на фактахъ. Ничего, льстящаго администраціи, конечно, не будетъ. Служа справочною книжкою по разнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, календари должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить пропагандѣ честныхъ и независимыхъ идей. Изложеніе статей должно быть популярное, такъ, чтобъ календарь годился и грамотному крестьянину.

Я хочу просить Васъ, какъ человѣка, искренно преданнаго земскому дѣлу и превосходно съ нимъ знакомаго, написать для календаря двѣ статейки, по возможности, небольшаго объема: 1) что такое земство и 2) біографическій очеркъ Граафа, коснувшись притомъ системы облѣсенія степей и обстоятельно изложивъ ее; личность Граафа должна въ сущности служить предлогомъ къ популяризаціи той методы, горячимъ приверженцемъ которой, сколько мнѣ помнится, были и Вы. О первой статьѣ я могу только сказать, чтобъ она выясняла сущность „Положенія“, указывала на удобства и неудобства его и на цѣли, къ которымъ земство должно стремиться. Впрочемъ, я положился бы въ этомъ отношеніи совершенно на Васъ и на Вашу опытность. Вы могли бы избрать изъ земскихъ вопросовъ любой и написать о немъ — все было бы также горячо и прекрасно, какъ Вы это обыкновенно дѣлаете. Я не настаиваю ни на заглавіи, ни на сущности статьи о земствѣ. Если бъ Вы взялись рѣзко и откровенно опредѣлить отношеніе крупныхъ землевладѣльцевъ къ земству,

раскрыть ихъ тайныя упованія и тайныя цѣли со всею откровенностью и безпощадностью—календарю вѣдь нельзя дать предостереженія—я былъ бы Вамъ безконечно благодаренъ.

Если Вы возьметесь за предлагаемый трудъ, который долженъ быть здѣсь въ Петербургѣ въ половинѣ іюля и не позже 1-го августа, я просилъ бы Васъ увѣдомить меня о томъ, что Вы избрали предметомъ статьи, чтобъ мнѣ избѣжать повторенія, при порученіи статей здѣсь въ Петербургѣ. Вознагражденіе Вы назначите, если желаете, сами, я готовъ на всякія условія, хотя, признаюсь Вамъ, начиная дѣло, мнѣ будетъ довольно трудно платить щедро. Я человѣкъ, живущій исключительно своимъ трудомъ. Фамилія моя Вамъ можетъ быть извѣстна по процессу за пустую книжонку „Всякіе“ и по изданіямъ подъ фирмою Лихачевой и Суворина, въ которыхъ большая доля труда моя. Я одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ „СПБ. Вѣдомостей“ и писатель воскресныхъ фельетоновъ подъ псевдонимомъ Незнакомца. Вотъ титулы мои на Ваше вниманіе. Я приму отъ Васъ съ величайшей благодарностью совѣты, если Вы ими меня удостоите, по изданію календаря. Я прошу у Васъ ихъ даже, ибо Вамъ, какъ постоянному дѣятелю провинціи, хорошо извѣстны тѣ требованія отъ изданій подобнаго рода, которыхъ до сихъ поръ не старались удовлетворять ни академія, ни книгопродавцы, берущіеся за дѣло исключительно съ цѣлью спекуляціи.

Если Вы почтите меня отвѣтомъ, прошу Васъ адресовать на имя Алексѣя Сергѣевича Суворина, въ редакцію „СПБ. Вѣдомостей“.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть Вашъ всепокорнѣйшій слуга

А. Суворинъ.

2 мая 1868 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Мнѣ приходится начать письмо къ Вамъ съ извиненія, что я долго Вамъ не отвѣчалъ. Дѣло въ томъ, что я выѣзжалъ изъ Петербурга на нѣсколько дней въ Москву и затѣмъ дня два не могъ увидѣть моего товарища по изданію, Лихачева, съ которымъ мнѣ необходимо было посовѣтоваться. Я отъ всей души благодарю Васъ за то теплое участіе къ предпринятому мною дѣлу, въ которомъ я, впрочемъ, ни минуты не сомнѣвался. Даже долгое неполученіе писемъ отъ Васъ я объяснялъ извѣстною исправностью нашихъ почтъ. Передайте мою благодарность и г. Буницкому [1]). Вы не повѣрите, какъ мало здѣсь въ Петербургѣ, въ этомъ, такъ сказать, центрѣ россійской цивилизаціи, людей годныхъ къ дѣлу. Въ нихъ нуждаются постоянно и редакціи, и всѣ, которые предпринимаютъ какое-нибудь не механическое дѣло. Я взглянулъ недавно на засѣдающее теперь Петербургское собраніе—почти нѣтъ ни одного члена, который былъ бы знакомъ съ Положеніемъ. Они постоянно обращаются за совѣтомъ къ нашему корреспонденту, который записываетъ пренія и ведетъ у насъ земскій отдѣлъ. Петербургское земство сильно краснорѣчіемъ и общими мѣстами... Что касается дѣла—оно крайне несостоятельно... Люди знающіе почему-то отклонились отъ присутствія въ засѣданіи и не ходятъ въ него. Публики бываетъ десятокъ и два—не больше.

---

[1]) Видный земскій дѣятель Александровскаго уѣзда. М. П.

Я съ величайшею охотою и благодарностью принялъ бы Ваше предложеніе о помѣщеніи въ календарѣ руководства къ обученію грамотѣ, но, по размышленіи, нахожу, что оно едва-ли будетъ у мѣста. Календарь назначается преимущественно для людей, болѣе или менѣе образованныхъ и даже по цѣнѣ своей не можетъ проникнуть въ массу. Я до сихъ поръ не знаю, въ скольких экземплярахъ его печатать—изданіе будетъ стоить дорого, а успѣхъ сомнителенъ, такъ какъ публика не больно бросается на предпріятія новыя, особенно послѣ того, какъ обожглась она на календаряхъ частныхъ, на которые сначала было бросилась, а потомъ снова стала предпочитать академическій. Больше 3.000 я печатать боюсь, а и эти три тысячи, при 30 листахъ, мнѣ будутъ стоить (печатаніе и бумага) болѣе 1.000 р.; скиньте 30% книгопродавцамъ, и выйдетъ, что, при другихъ расходахъ, календарь только что окупится, если назначить за него 1 р. Я на барышъ и не разсчитываю въ этотъ годъ,—это проба,—удастся—хорошо, не удастся—сложу руки. Чтобы познакомить Васъ хотя отчасти съ составомъ календаря, я могу назвать Вамъ статью Флоринскаго, профессора акушерства и женскихъ болѣзней въ медико-хирургической академіи, о гигіенѣ женщинъ; статью адвоката К. Арсеньева о нѣкоторыхъ житейскихъ столкновеніяхъ, въ сущности мелочныхъ и почти не подозрѣваемыхъ большинствомъ, но которыя могутъ повести и дѣйствительно ведутъ къ процессамъ; статью одного неизвѣстнаго еще въ литературѣ автора о Новиковѣ, составленную въ той формѣ и въ тѣхъ цѣляхъ, которыми задавался Смайльсъ въ своей „Самодѣятельности“. Есть у меня еще разсказъ, довольно хорошо написанный, „Русская конституціонная комедія“, но я боюсь его помѣстить. Это полуисторическій разсказъ объ извѣстной екатерининской коммиссіи объ изданіи уложенія, написанный въ формѣ записокъ, яко-бы веденныхъ однимъ изъ депутатовъ, человѣкомъ образованнымъ, близкимъ къ Екатеринѣ и высшимъ сферамъ. Верещагинъ, извѣстный по артелямъ сыроварнымъ, устроеннымъ имъ въ Тверской губерніи, обѣщалъ мнѣ статью объ этихъ артеляхъ, съ общимъ обзоромъ артельнаго дѣла у насъ и за границею. Это—отличный человѣкъ, страстно преданный своему дѣлу. Онъ уже устроилъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ артелей, заемные артельные банки, и надѣется черезъ годъ достигнуть такихъ результатовъ, что всякій крестьянскій дворъ получитъ въ годъ около 100 р. лишняго противъ того, что получалъ доселѣ. Я ему отъ души вѣрю. Это — очень простой человѣкъ, не говорунъ вовсе и совершенно сроднившійся съ народомъ; онъ женился на крестьянской дѣвушкѣ и воспиталъ ее такъ, какъ не воспитаны многія наши барышни и барыни. На-дняхъ онъ уѣхалъ въ Голландію для изученія паточнаго производства, которое думаетъ ввести въ своей и окружающихъ деревняхъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

12 іюня 1863 г. А. Суворинъ.

Заканчивая рѣчь о первыхъ годахъ общественной дѣятельности барона Н. А. Корфа, необходимо добавить еще что онъ не только работалъ безмездно, но и привлекалъ еще довольно значительныя денежныя средства въ пользу народныхъ школъ своего уѣзда. Такъ, напримѣръ, «Отчеты» его расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вызывая новыя и новыя изданія, выручка же отъ продажи ихъ полностію

шла въ пользу народныхъ училищъ. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ своихъ личныхъ изданій (напримѣръ, «Руководство къ обученію грамотѣ» и «Земскій вопросъ») онъ также обратилъ въ пользу народныхъ училищъ Александровскаго уѣзда. Во всякомъ же случаѣ, денежныя средства только отъ изданій барона Корфа превышали въ общей сложности 6.000 рублей. Дѣло, конечно, не ограничивалось этимъ. Примѣръ барона Корфа увлекалъ другихъ. Въ пользу народныхъ училищъ Александровскаго уѣзда, какъ первыхъ по времени возникновенія въ Россіи, поступали пожертвованія въ разныхъ видахъ, не исключая, конечно, и денежныхъ, притомъ не только на мѣстѣ, но и со стороны, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго, весьма характернаго, письма.

С.-Петербургъ 7 февраля 1868 г.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Вы были такъ обязательны, что не отказались принять отъ меня посылаемые при семъ, для передачи совѣту, 100 р. серебромъ, назначеніе которыхъ Вамъ уже достаточно извѣстно. Радуюсь, что деньги попадутъ въ хорошія руки, которыя съумѣютъ употребить ихъ на общую пользу, и утѣшаюсь мыслію, что ни равнодушіе къ общественному дѣлу, столь обыкновенное въ русскихъ людяхъ, ни систематическое упорное презрѣніе интересовъ „меньшей братіи“—не найдутъ мѣста въ средѣ дѣятелей Александровскаго земства. Я всегда былъ склоненъ такъ думать, а потому считаю за особенную для себя честь—выразить, хотя бы въ настоящемъ дѣлѣ, полное довѣріе и сочувствіе къ распоряженіямъ Александровскаго училищнаго совѣта. Какъ ни незначительно для народнаго дѣла предлагаемое мною пожертвованіе, но и оно, смѣю думать, установитъ нѣкоторую связь между мною и интересами Александровскаго земства, счастливымъ представителемъ котораго Вы служите. Я приму за особенный знакъ довѣрія, если Вашему совѣту угодно будетъ обратиться ко мнѣ съ какимъ-нибудь порученіемъ по выбору книгъ для народныхъ училищъ, по соглашенію съ книгопродавцами и т. подобн. Можетъ быть, мое участіе будетъ хоть въ какомъ-нибудь отношеніи полезно для совѣта.

Лично къ Вамъ я обращаюсь съ просьбою, если можно, прислать мнѣ журналы перваго очереднаго земскаго собранія вашего уѣзда. Журналы засѣданій Александровскаго земства въ прошедшемъ году, вѣроятно, еще не отпечатаны управою, а протоколы засѣданій 1866 года у меня уже есть. Если будете столь любезны и пришлете мнѣ экземпляръ Вашего „Отчета“, то этимъ Вы окажете еще большую услугу

искренно уважающему Васъ
Петру Солонинѣ.

Особенно же поучителенъ и даже трогателенъ слѣдующій случай пожертвованія лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Пожертвованіе вызвано искреннею, горячею благодарностью матери за чрезвычайно быстрое обученіе грамотѣ своего сына по «Руководству» барона Корфа, почему и письмо адресовано на его имя, какъ

«наставника». Къ сожалѣнію, мы не могли въ точности разузнать относительно размѣра приложенной при письмѣ «ленты»; несомнѣнно однако, что это—не «лепта вдовицы», хотя, съ другой стороны, суть дѣла вовсе не въ размѣрѣ пожертвованія, а именно въ фактѣ его,—въ фактѣ высокаго и прекраснаго движенія души. Вотъ это замѣчательное по своимъ нравственнымъ мотивамъ письмо.

Милостивый Государь, многоуважаемый наставникъ! Благослови Васъ Господь за Ваше дѣло! Открывайте свѣтъ знанія темному народу, учите тѣмъ и насъ быть гражданами своего отечества!..

Вы не упоминаете объ учащихся дѣвочкахъ, можетъ быть, случайно; но если бы онѣ оставались безграмотными, то этимъ давался бы впослѣдствіи поводъ грамотнымъ мужьямъ относиться къ своимъ безграмотнымъ женамъ еще съ большимъ пренебреженіемъ. Также я не думаю, чтобы Вы желали привить понятіе о необходимости разобщенія учащихся дѣвочекъ и мальчиковъ въ той средѣ, гдѣ отношенія обоихъ половъ гораздо болѣе естественны и безукоризненны, чѣмъ у насъ. Мнѣ кажется, что единственно-доступное средство поднять уровень нравственности въ такъ называемомъ образованномъ сословіи, это—введеніе смѣшанныхъ школъ, гдѣ только и могутъ юноши научиться уважать другъ друга и оказывать обоюдную поддержку.

Прилагаемую ленту на пользу школъ я бы просила употребить, если можно, на такую, гдѣ обучаются и дѣвочки. Мы, женщины, должны и, вѣроятно, могли бы быть въ Вашемъ трудѣ достойными помощницами, если бы не были еще во всемъ накрѣпко связаны.

Пользуюсь случаемъ принести Вамъ искреннюю благодарность за „Руководство къ обученію грамотѣ“, по которому мой 5-лѣтній сынъ въ 2 недѣли выучился читать.

Горячо желая успѣха Вашему дѣлу и многочисленныхъ ему послѣдователей, съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь

Екатерина К.

Вильна 1869 г.

Сдѣланная нами общая обрисовка первыхъ шаговъ общественной дѣятельности барона Н. А. Корфа естественно вызываетъ множество вопросовъ. Какое мѣсто занималъ баронъ Корфъ въ общей и педагогической литературѣ? Какую роль игралъ онъ въ русской педагогикѣ вообще? Къ какимъ положительнымъ результатамъ въ школьномъ дѣлѣ приводила его публицистическая и практическая дѣятельность въ области народнаго образованія вообще? Эти и имъ подобные вопросы неизбѣжно вытекаютъ изъ изложеннаго выше. Въ виду этого и считаемъ необходимымъ предупредить, что въ послѣдующемъ изложеніи мы на каждый изъ указанныхъ вопросовъ дадимъ документальный же отвѣтъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, причемъ каждому вопросу будетъ посвященъ особый отдѣлъ или глава статьи.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

ГЛАВА III [1]).

Воспитаніе въ Новѣ-градѣ въ наученіи духовныя семинаріи.

Опредѣленіе въ Новъ-городъ въ духовную семинарію и начальная жизнь.—Случай принятія прозванія.—Омертвѣніе отъ угара и оживленіе.—Опредѣленіе брата Евѳимія въ семинарію.—Возвышеніе цѣны за содержаніе въ казнѣ и плата въ годъ 12 рублей.—Трудолюбіе и работы въ домѣ отца, жатва и проч., и упражненіе въ свободное время отъ работъ въ ловлѣ рыбъ и хожденіе въ лѣсъ.—Бѣдность и яденіе жолудей.—Пакости и искушенія въ семинаріи по навожденію вражію.—Напасть отъ мороза и искушеніе въ дорогѣ по вражіей козни.—Напасть отъ лукаваго въ домѣ родителя.—Разныя въ юности привидѣнія и искушенія отъ врага.—Искушеніе отъ блуднаго бѣса въ юности.—Искушеніе отъ врага чрезъ мачиху къ постному житію.—Искушеніе вражіе на жатвѣ.—Отъ искушеній грѣховныхъ удаляться Петра научали церковныя книги, Прологи, Житія святыхъ.—Отъ младенчества онъ примѣръ имѣлъ къ молитвѣ прабабы и наклонность къ церковному благочестію.—Повѣсть благочестивая о двухъ отрокахъ въ юности.—Повѣсть о побѣгѣ изъ семинаріи въ гору, дабы спастися, и о привидѣніи.—Хожденіе въ Свѣтлую недѣлю Пасхи со крестами.—Пребываніе въ семинаріи и ученіе было ему спасительно, яко пустынь.

Въ постъ Рождества Христова по первому зимнему пути былъ Петръ отвезенъ въ великій Новъ-градъ; по старанію господъ Чеглоковыхъ, обѣщалъ начальникъ семинаріи его принять въ семинарію учиться наукамъ. Но велѣно было ѣхать на праздникъ обратно, что было въ 1802 году декабря. 1803 года родитель его благословляя благословилъ св. иконою Знаменія Божіей Матери, коя въ благословеніе отъ матери ему досталась. Послѣ привелъ на гробъ матери его, молился, плакалъ, поминалъ ее, а онъ дитя просилъ, дабы мати его возлюбленная умолила за него Бога въ раи, дабы въ хорошее мѣсто ученія былъ опредѣленъ, и хорошему ученію могъ научиться, и поклонився до земли на могилѣ

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., мартъ.

родительницы своея, отцемъ былъ паки везенъ въ Новъ-городъ. 17-го генваря въ день святаго Антонія великаго приведенъ былъ въ кельи ректора семинаріи и архимандрита Флавіана, гдѣ былъ, яко въ память Антонія Римлянина, званъ преосвященный Михаилъ епископъ (бывшій послѣ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій). Представленъ былъ отрокъ предъ лице сего святителя: Ангелоподобный, кроткій видъ пастыря добраго съ перваго взора его усладилъ. Онъ подошедъ, благословляя его благословилъ, какъ святый мужъ, и главу его обѣими руками объявъ, благословлялъ его, глаголя: «учися, чадо, учися добрѣ, и будетъ тебѣ благо», и со многимъ благословеніемъ отпустилъ его, приказавъ его принять въ число учениковъ семинаріи. Приходя же съ нимъ поутру еще къ Флавіану, отецъ его хотя весьма нищъ былъ, но искупилъ лучшей большой свѣжей рыбы замороженной, принесъ къ нему на случай угощенія пастыря, яко въ праздникъ. Отрокъ дивяся величинѣ рыбы единыя, имъ не виданныя, вопросилъ: «отче, почто ты купилъ такія лучшія рыбы большія, и кому?» Онъ же сказалъ: «архимандритъ Флавіанъ добръ весьма; архіерей же милостивъ; то я въ даръ принесу имъ, да благословятъ они отъ всего сердца тебя; и благословеніе чрезъ нихъ на тебя снидетъ свыше Божіе. Въ старину святые такъ дѣлали отъ любви для полученія благословенія при ястіи и питіи свои своимъ даже. А когда ты получишь Божіе благословеніе, то вездѣ тебѣ будетъ добро; съ тобою Господь будетъ, когда они о тебѣ помолятся». Архимандритъ Флавіанъ благъ, милостивъ, но бѣденъ изъ щедрости, радъ былъ дару сему на случай праздника. Всегда на отрока, какъ Ангелъ Господень, взиралъ свѣтлымъ, кроткимъ лицемъ. Уѣхалъ отецъ въ домъ свой, а онъ оставленъ былъ въ семинаріи, въ комнатѣ каменной; у дверей на самомъ послѣднемъ мѣстѣ кровать его была поставлена, гдѣ онъ сперва отъ холода двери непрестанно то запиралъ, то притворялъ въ часъ свободный отъ ученія. Сеніоръ же былъ кротокъ, весьма добръ, каковаго для дѣтей лучше быть не могло, Іоаннъ Велицкій, послѣ онъ былъ протоіерей софійскій.

Пребывалъ отрокъ въ семинаріи, учился чистописанію, языку латинскому; въ кельяхъ, въ трапезѣ и въ классахъ совершенный былъ порядокъ, соблазновъ никакихъ ни на словахъ, ни въ поступкахъ, ни за кѣмъ не было. Содержаніе, жилье въ кельяхъ было весьма скудное, но достаточное; съ голодомъ ему часто случалось бороться. Отецъ, опредѣливъ его, по тогдашнему времени за все содержаніе въ годъ, кромѣ одѣянія, платилъ за него въ казну шесть рублей за житіе, содержаніе, пищу и ученіе, а одѣяніе было и прочее нужное свое; и тогда казалось сіе очень по бѣдности его еще дорого.

Въ началѣ ученія о прозваніи его былъ споръ. Учитель Петръ Аносовъ далъ ему прозваніе Недремскій, говоря: что отрокъ не дремлющій

имѣетъ видъ, остро смотритъ на свѣтъ и будетъ учиться исправно; а инспекторъ Андрей (послѣ бывый ректоръ семинаріи, и епископъ пензенскій) Орнатскій сказалъ: почто имѣть прозваніе Недремскій? Въ родѣ не было никого, ко спасенію не назидательно есть. Какъ родился при церкви Преображенія Господня отроча Петръ, сынъ чтеца въ погостѣ Спасскомъ, то ему наименованіе да будетъ Спасскій; надобно ему стараться спасти себя: онъ будетъ слуга церкви Божіей. Итакъ отрокъ получилъ отъ сего времени прозваніе снова, Спасскій.

Врагъ діаволъ, ненавидяй добра въ младенцахъ и юныхъ, сотворилъ ему пакость на смерть. Былъ онъ въ кельи переведенъ самыя старыя и малыя, называемыя Соловки, гдѣ не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ могли жить въ одной кельи и малыя свои кроватки поставить въ каждой кельи. Старшій былъ по фамиліи Вихровъ, во гнѣвѣ жестокости, какъ вихрь свирѣпъ, нетерпѣливъ; за всякую дѣтскую ошибку, наказуя билъ по ланитамъ всякаго, безъ пищи оставлялъ на день или болѣе, толь часто, что бывалъ много разъ отрокъ безъ всякаго ястія по обычаю въ трапезѣ. Страха ради сего былъ Петръ по обычаю чередный печь въ кельи топить, и истопивъ накурилъ и почувствовалъ сильный сонъ отъ скрытаго тепла печнаго, приступилъ къ кровати, всталъ на колѣни, перекрестился, положилъ главу на край кровати у порога и впалъ въ смертную напасть; черезъ нѣкіе часы обрѣли его мертва отъ угару; оживая въ первый разъ, едва чувство получилъ, что холодно весьма было ему, воззрѣвъ почти еще въ безчувствіи, увидѣлъ себя Петръ на снѣгъ вытащенна; начальники же надъ нимъ стоятъ, старшій, ученики, самъ инспекторъ своими руками въ ужасѣ снѣгомъ облагаетъ главу, виски и грудь; но лишь воззрѣлъ, паки повергался Петръ въ смертное нечувствіе, послѣ признаковъ чувствъ, былъ оживляемъ и приводимъ снова на свѣтъ жить яко полдня. Въ сіе время матерь крестная гостинецъ нѣкій привезла ему изъ дому родителя, и та была при омертвѣніи его и оживленіи. Когда же ожилъ, то дарилъ всѣмъ тѣмъ товарищамъ гостинецъ, которые участвовали въ оживленіи его отъ смертнаго угара. Съ сего времени весьма боялся въ жаркихъ комнатахъ отрокъ Петръ быть и спать во всю жизнь. Послѣ онъ мертвыхъ самъ отъ угара оживлялъ и имѣлъ одного такого, коего никакъ оживить не могъ.

Господь открывалъ разумъ ученія отроку Петру. Отецъ, видѣвъ успѣхи его скорые, радовался и хотѣлъ такъ же брата меньшаго съ нимъ вмѣстѣ Евѳимія въ семинарію опредѣлить: бѣдность ему препятствовала въ содержаніи на всемъ своемъ иждивеніи. Бѣдный сердобольный родитель, не бывъ самъ въ школахъ, желалъ въ школу въ ученіе другаго сына своего опредѣлить. Надѣясь на сродниковъ своихъ въ С.-Петербургѣ, пошелъ въ лѣтнее время, свободное отъ работъ, прежде въ С.-Петербургъ, гдѣ сестра его родная Ирина была тогда въ супружествѣ за дьячкомъ, а потомъ онъ же

былъ діакономъ Казанскаго собора; онъ былъ изъ пѣвчихъ того же собора, прежній жестокій Петра гонитель, обидчикъ его, въ бытность когда онъ былъ пѣвчимъ; тогда былъ сей дядя не женатъ [1]). Были тетки родныя и другіе родственники; но никто въ крайней нуждѣ отца помощь не хотѣлъ явить ему. Что дѣлать родителю бѣдному его? Заливаясь слезами, шелъ на своихъ ногахъ изъ С.-Петербурга въ Новъ-городъ. Юный же братъ отъ болѣзни не могъ итти; денегъ отецъ не имѣлъ; на мѣстѣ проживать было нечѣмъ; самъ же имѣлъ токмо нѣсколько укруговъ хлѣбныхъ на своихъ плечахъ; принужденъ былъ, родительскою любовію тронутый, нести сына своего на своихъ плечахъ вмѣстѣ съ котомою. Отъ разслабленія боли въ ногахъ братъ Евѳимій не могъ ходить. Когда достигъ Нова-града, то по ходатайству господъ Чеглоковыхъ, весьма усердныхъ ходатаевъ по всѣмъ просьбамъ духовныхъ людей, едва могъ опредѣлить его въ семинарію, съ Петромъ вмѣстѣ учиться; а самъ отшелъ въ домъ, радуясь и Бога благодаря.

Бѣдность крайняя родителя Никиты, нужда содержанія и воспитанія въ семинаріи ихъ обоихъ принуждала самого его труды, работы сносить сверхъ силъ своихъ. Онъ оралъ, косилъ, лѣсъ рубилъ, возилъ на крестьянъ, дабы продать и тѣмъ пріобрѣсть хотя мало нѣчто на содержаніе и одѣяніе дѣтямъ своимъ въ семинаріи. Въ сіе время уже за содержаніе брата Евѳимія пищею, по требованію начальства, было вносимо отъ отца по 12 рублей въ годъ. Для крайне бѣднаго родителя тогда сіе было весьма тяжко. Во время оно сряду лѣта три на родинѣ у отца въ странахъ земный червь явился въ великомъ множествѣ такъ, что хотя по трижды родитель каждую осень сѣялъ хлѣбъ, но былъ вездѣ снѣденъ хлѣбъ на самомъ корнѣ. Были изъ церквей ходы около полей со крестами, окропляемо святою водою, отъ чего было лучше: весьма былъ великъ неурожай въ оные годы отъ червя; едва было можно на сѣмена отъ жатвы собирать. Отецъ былъ очень бѣденъ; но-

---

[1]) Это былъ нѣкто Николай Макаровичъ Макаровъ, умершій настоятелемъ собора св. Владиміра, на Петербургской сторонѣ. Макаровъ, сынъ дьячка Новгородской епархіи, въ семинаріи не обучался, въ 1796 году былъ пѣвчимъ, въ 1805 году—дьячкомъ, а въ 1810 году діакономъ Казанскаго собора. Онъ былъ женатъ на односельчанкѣ своей, родной теткѣ о. Фотія, Иринѣ Ѳедоровнѣ. По ходатайству графини Орловой, Макаровъ былъ въ 1824 году рукоположенъ во священника ко Владимірскому собору. Въ наводненіе 8 ноября 1824 года о. Николая спасли отъ опасности рабочіе купца Шубина, взявъ его и жену его въ лодку изъ окна ихъ дома. Графиня Орлова пріѣзжала сама благодарить за это Шубина. О. Николай тридцать два года прослужилъ при Владимірскомъ соборѣ и много сдѣлалъ для его благолѣпія. Онъ умеръ 2 декабря 1856 года. „Истор.-статист. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, томъ V, 39—40. „Русск. Старина“ 1876 г. октябрь, 297.

вая матерь имѣла чадъ, но всѣ умирали вскорѣ. Была честная супруга втораго брака, строгая, благочестивая, совершенно трезвенная. Когда на вакацію для отдыха изъ семинаріи во время лѣта по обычаю Петръ приходилъ въ домъ отца, то всегда въ черныхъ трудахъ тяжкихъ находился съ братомъ; уборка сѣна состояла всегда на нихъ съ братомъ и прочаго.

Воздѣлываніе полей, кромѣ оранія земли, ихъ все было дѣло; жатву всю съ братомъ исправляли при мачихѣ чрезъ 12 годовъ каждый годъ; жалъ серпомъ съ ними родитель иногда самъ по нѣкіимъ часамъ предъ окончаніемъ жатвы; восходъ солнца изводилъ ихъ на жатву, а захожденіе его, а иногда глубокая полунощь приводила съ жатвы ихъ на покой. Сей тяжелый трудъ отъ прихода до отхода изъ дома отца въ семинарію былъ то с в я щ е н н о е у ч и л и щ е трудолюбія, гдѣ сирыя, бѣдныя дѣти, ученики всегда въ юности среди жара, туги потѣли, работали усердно, наединѣ часто слезами обливались отъ болѣзней, немощей; впрочемъ, была въ дняхъ юности всякая черная работа имъ въ великую пользу: никогда не имѣлъ свободнаго часа гулять и въ праздности быть; всегда же чистымъ сердцемъ получалъ за труды благословеніе родителей и ласки мачихи видѣлъ къ себѣ. Не имѣлъ времени празднаго ходить на игры со сверсниками даже во дни праздничные и свободные. Въ самые праздники отыскивалъ средство къ безмолвію, совершенному уединенію, полезному, пріятному въ лѣтахъ юности своея, все приличное возрасту. Онъ имѣлъ великую охоту ходить отъ дому родительскаго версты полторы и болѣе на рѣку, гдѣ сидѣлъ среди тишины въ лѣсу на берегахъ, водахъ, удилъ рыбу удицею [1]). Тако исходя въ самые праздники въ удобное время къ ловлѣ рыбъ, до солнечнаго восхода, безъ пищи весь день пребывалъ стояй или сѣдяй въ лѣсу на берегахъ рѣки. Когда народъ кончалъ игры свои на площади противъ дома родительскаго, дабы ему не было стыдно, скрытно другими путями входилъ въ домъ отца Въ рабочее время между работами, а въ свободное по охотѣ удить удою рыбу когда не было возможно, ходилъ въ лѣсъ за снѣдными плодами лѣсными и ходя пѣвалъ пѣсни священныя по лѣсамъ; сія охота сохранила его совершенно отъ обращенія съ юными сверсниками, юнымъ женскимъ поломъ; отъ чего сѣмя зла съ юности болѣе всего рождается. Когда случалось ему въ церковь приходить, отъ утрени до литургіи въ домѣ родителя читалъ церковныя книги благочестивымъ старцамъ, пришедшимъ для богомоленія въ церковь. Тако Господь сердце его прилѣпляя къ себѣ, время отъ вре-

---

[1]) Фотій и въ юношескомъ возрастѣ очень любилъ уженіе рыбы. Это его было единственное развлеченіе. Пожайскій, „Историческій Вѣстникъ“, 1888 г., іюль, 148—151.

мени вселялъ въ него страхъ свой святый; все попеченіе онъ имѣлъ, дабы отцу своему угодить во всемъ добромъ, его имѣть любовь, благословеніе. Когда же уходилъ съ братомъ въ семинарію, всегда въ свое время безъ просрочиванія являлся къ ученію. При отходѣ изъ дома давалъ родитель денегъ на все ему съ братомъ содержаніе собственное отъ 1-го сентября до послѣднихъ дней поста Рождества Христова, для четырехъ мѣсяцевъ на всѣ нужды около одного рубля, даже иногда 50 копѣекъ; сего достаточно ему было, и Петръ усердіе великое имѣя успѣвалъ въ наукахъ. Исходя же изъ дома въ путь, всегда заходилъ съ братомъ на гробъ матери молиться, гдѣ поклонялся гробу ея, и со слезами Богу молился. Благословеніе родительское было всегда на путь въ семинарію таковое: онъ молился, читалъ молитвы и образъ взимая съ божницы Знаменія Божіей Матери крестообразно онымъ знаменовалъ Петра благословляя и говорилъ: «поминай матерь твою, чадо, учися добрѣ, живи праведно, трудися всегда отъ всея силы, слушай учителей, буди смиренъ, не пей вина, не ходи изъ монастыря, молися Богу; буди тебѣ матернее благословеніе и мое на вѣки нерушимо. Господь съ тобою да будетъ вездѣ, меня же отца да утѣшитъ радостію видѣть тебя въ благочестіи, добромъ званіи, священномъ служеніи при церкви. Съ Богомъ живите добрѣ, дѣти мои, худаго не дѣлайте ничего». Брата благословлялъ другимъ образомъ Св. отецъ Зосима и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ.

Такъ всегда было житіе его въ домѣ родителя среди трудовъ; такъ былъ исходъ его со благословеніемъ изъ онаго въ семинарію, гдѣ былъ всегда первый ученикъ, изъ всѣхъ пѣвчихъ былъ первый пѣвецъ, гласъ къ пѣнію имѣя дивный, за что любили, берегли его начальники и учители. Изъ родныхъ же ему никто не помогалъ ни въ чемъ; богатый дядя изъ С.-Петербурга единой копѣйки ему не прислалъ въ теченіе времени ученія всего семинарскаго, ни на хлѣбъ, ни на чернила, перье, бумагу, ниже на обувь. По милости начальства, яко пѣвчій, добрый ученикъ, пользовался, то казеннымъ всѣмъ, то половиннымъ содержаніемъ; не былъ нагъ, но въ крайней скудости жилъ; часто отъ глада томимый запасалъ на случай недостатка дубовые орѣхи, или ж о л у д и, ѣлъ сырые, печеные. Бывало даже въ домѣ родителя, въ іюлѣ мѣсяцѣ предъ жатвою не было вовсе хлѣба, а милостыни негдѣ было взять; то травою огородною, благодаря Бога, насыщалъ себя, всыпавъ мало соли и кое-какъ пріуготовивъ. Въ такой-то бѣдности Петръ отрокъ былъ и живъ всегда!

Сатана діаволъ, врагъ душъ и тѣлесъ, наводилъ разныя пакости ему во время его юности. Многія имѣлъ болѣзни во время ученія своего въ семинаріи. Нѣкіихъ юношей нерадивыхъ и въ домахъ отцевъ своихъ развращенныхъ отъ избытка и довольства сатана научалъ ино-

гда или убить, или потопить его. Нѣкогда въ зимнее время былъ отпущенъ съ братомъ въ домъ родителя, вечеръ былъ, почти совсѣмъ тма свѣтъ скрывала, Петръ услышалъ голосъ бѣжавшаго въ слѣдъ за собою въ платьѣ какомъ-то одѣтаго человѣка, закрытаго лицемъ, который съ дубиною великою въ рукахъ въ слѣдъ бѣжалъ и кричалъ, дабы остановився Петръ его подождалъ. Сердце же юное сказало: «Петре, бѣги, это врагъ есть и умертвить тебя ищетъ». Тогда отъ страха не зная, куда бѣжать, гдѣ искать помощи, провидя неминуемую бѣду спасенія не зная откуда имѣть, такъ какъ былъ на брегу рѣки Волхова, скоро спѣшилъ убѣжать; снѣгу вовсе не было, токмо что рѣка не замерзающая среди зимы лютыя замерзла въ сіе время; ледъ самый тонкій былъ, какъ вода свѣтяй, чистъ, безъ снѣга; не можно было видѣть, гдѣ ледъ, гдѣ вода. Почему схвативъ палку длинную, перекрестився вскочилъ Петръ на ледъ, бѣжалъ по льду съ юнымъ братомъ своимъ Евѳиміемъ чрезъ рѣку; впередъ палкою пробуя, сдержитъ ли ледъ обоихъ; ледъ подъ нимъ трещалъ весьма, а Петръ смѣло, скоро бѣжалъ по нему, дабы чрезъ средину пробѣжать. Гоняй врагъ человѣкъ, яко возрастенъ лѣтъ около 20-ти, вскочилъ на ледъ и далѣе боялся итти въ слѣдъ; ибо ледъ подъ нимъ гнулся, ломился. Перебѣжавъ средину рѣки, воззрѣвъ назадъ, слышалъ Петръ, что врагъ страннымъ гласомъ прельщаетъ его къ себѣ пріити, дабы взять его, яко въ товарища на путь, и провести гдѣ шелъ самъ; тогда Петръ возопилъ ему: «когда ты человѣкъ, а не бѣсъ, пріиди самъ сюда; насъ Богъ провелъ, яко чрезъ Чермное море Израиля, тебя же рѣка не держитъ, яко Фараона, почто хощешь убить меня? Видишь, какъ Богъ меня спасъ, а тебѣ и дороги не далъ». Посемъ обратився въ путь, скоро спасаяся въ радости бѣжалъ Петръ съ братомъ безъ дороги къ дому родителя, гдѣ ближе до самыя большія дороги. Наставала тогда уже нощь, и спасаяся во мракѣ ея помышлялъ, дабы по сухому пути гдѣ-нибудь обшедъ врагъ человѣкъ, не нагналъ его съ братомъ, почему нощію прибѣжалъ до селенія, яко верстъ 12-ть среди лѣсовъ густыхъ при воѣ звѣрей, и восхотѣлъ опочить отъ труда, Бога благодаря, спасающаго его отъ всякихъ бѣдъ.

Нѣкогда же въ оное время зимнее среди дня пошелъ Петръ на вакацію въ домъ родительскій съ братомъ; какъ убогъ и нищъ былъ родитель ихъ, то худое платье было на обоихъ. Изшелъ Петръ съ братомъ изъ Нова-града на великое градское поле, яко верстъ 6-ть къ Сыркову монастырю [1]), вѣтръ, мразъ, снѣгъ такъ возмутили воздухъ, что за десять саженей не можно было знать, куда итти; и не можно было защититься никакъ. Нѣкіе члены началъ Петръ чувство-

[1]) Въ Новгородѣ.

вать померзающими; лице, руки братъ его юнѣйшій ознобилъ; что дѣлать? Спасенія не видѣвъ ни откуду, сѣли оба при дорогѣ въ снѣгъ защититься отъ вѣтра, бури, мраза; потому что пути не было видно, и не видѣли куда итти. Вотъ какъ уже перекрестился Петръ знаменіемъ креста, жалѣлъ о бѣдномъ родителѣ своемъ, увеселялъ надеждою на Бога самъ себя и брата, что хотя замерзнутъ здѣсь, воля Божія есть на то. Господь ихъ сподобитъ сиротъ отъ жизни сея прямо итти въ Царствіе небесное; творилъ Петръ молитву, другъ друга утѣшали дѣти, дабы не скорбѣть о напрасной смерти, имъ отъ мраза предлежащей. Вотъ видитъ, какъ вихрь летитъ мимо ихъ человѣкъ, діаконъ на добромъ конѣ своемъ, и видѣвъ ихъ, говоритъ имъ: «что вы сидите? Вы умрете здѣсь; идите ко мнѣ, и я васъ по пути повезу пока можно и надобно»; схватилъ ихъ окостенѣвающихъ къ себѣ въ сани и какъ вихрь понесъ ихъ въ путь къ дому родительскому. Петръ же и Евѳимій столько померзли отъ хлада, что чувствовали члены померзшіе индѣ; но терпѣли и молчали; около верстъ двадесяти когда провезъ діаконъ, говорилъ Петру: здѣ время отъ нихъ отлучиться, и онъ имѣетъ въ свой домъ путь особый; дѣтямъ же яко верстъ 10-ть еще должно было больными ногами отмороженными итти сквозь великіе лѣса до села, гдѣ дорога къ дому была. Вечеръ наставалъ, луны не было вовсе. Къ удивленію Петръ вдругъ видитъ, что конь отца его на встрѣчу идетъ безъ человѣка, впередъ ѣдущихъ людей; обрадовался съ братомъ, схватилъ, какъ своего отчаго коня, остановилъ его и вопрошалъ: съ кѣмъ конь сей отпущенъ и куда? Узналъ о всемъ, обратилъ назадъ его, сѣлъ съ братомъ, съ Богомъ радуяся, и ѣхалъ къ дому отца; скоро сдѣлалося совсѣмъ темно, такъ что ежели бы не самъ конь, то бы не знали дороги доѣхать до села. Когда же прибыли въ домъ отца, увидѣли всѣ, что пальцы обѣихъ ногъ большіе отзнобилъ Петръ, долго страдалъ болѣзнію, но Господь, сохраняя его, исцѣлилъ по Своей благодати отъ ранъ.

Бывъ въ домѣ отца своего, Петръ во время лѣта отъ мачихи посланъ былъ на верхъ дома подъ кровлю курицу на гнѣздо садить и нѣчто сдѣлать; было же тамъ темно, хотя было время предъ обѣднею во время поста Богородицы. Высоко отъ полу сѣней, яко аршина четыре было до потолока и болѣе. Когда за показаннымъ дѣломъ Петръ взошелъ, напалъ страхъ на него, и нѣкое привидѣніе видѣвъ, отъ страха поспѣшно бѣжалъ съ верха дома, но не успѣлъ перекреститься рукою, какъ лукавый запнулъ ему, не давъ по лѣстницѣ снити на низъ, восхитилъ его, и бросилъ съ верха въ окно внизъ на полъ, куда падая палъ онъ грудью на великое толстое бревно (на чурбанъ), такъ разбился, что былъ яко мертвъ; но опомнився вскочилъ, чувствовалъ, что душу имѣетъ въ себѣ, а нѣтъ языка, и связался языкъ. И такъ Петръ онѣ-

мѣлъ отъ удара, хочетъ проглаголать, но не можетъ. Вотъ новое странное горе отроку Петру, отъ діавола наведенное! А посему онъ изъ сѣней вбѣжалъ въ домъ, гдѣ не было ни отца, ни мачихи; старица одна, пришедшая къ обѣднѣ помолиться въ церковь Божію, лежала на печи: что ему сдѣлать? Хощетъ, дабы языкъ ему развязался, и не знаетъ, какъ пособить; духъ, ударивъ его, нѣмотою связалъ его. Въ страхѣ великомъ вскочилъ онъ на приступокъ печи, схватилъ старицу спящую, сильно потрясъ ее, мычалъ безъ языка, дабы она помогла ему. Старица, вставъ, дивилася, что въ испугѣ, изступленіи, сдѣлалось отроку Петру; тогда помыслъ ему сказалъ, дабы онъ перекрестился. Лишь стояй предъ нею на приступкѣ печномъ перекрестился, тотчасъ проглаголалъ и, сотворивъ молитву, паки крестился много разъ Бога благодаря, что Богъ возвратилъ языкъ ему; и ослабѣвъ сряду палъ на полъ, и объятъ былъ болѣзнію, люто разбитый: исцѣлила же сила Божія его чрезъ нѣсколько дней, токмо что елеемъ былъ помазанъ, принесеннымъ изъ церкви.

Во время юности своея не мало Петръ былъ отъ явленій духовъ также смущаемъ, но отъ всѣхъ страхованій и смущеній его избавлялъ Господь. Былъ во многихъ бѣдахъ, болѣзняхъ, ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно. Такъ отъ врага былъ напуганъ, что безъ молитвы, знаменія креста ничего не смѣлъ дѣлать и боялся къ чему-либо приступить.

Отецъ его бывъ честенъ, благочестивъ, боголюбивъ, неизвѣстно почему, большею частію съ нимъ старался въ одномъ мѣстѣ почивать въ дому и на работахъ; и тогда Петра по правую сторону себя полагалъ, а брата его по лѣвую. Во время нѣкое спать тако возлегли на полу дома въ лѣтнее время; всѣ крѣпкимъ сномъ спали; Петру же не было сна. Во время оно проживала дальняя родственница дѣвица юнѣе его, и воспитывала дщерь мачихи, а его по отцѣ сестру, младенца; около полунощи она не спала; близъ на полу лежала такъ же, яко аршина на два. Петръ чувствуетъ, что она приближается тихо къ нему; слышитъ же, чувствуя по дыханію, что оная дѣвица мало-по-малу молча вся къ нему приближалась лицемъ, грудью, отъ ногъ до головы такъ, что подлѣ его вся была; понималъ отрокъ, что она сожигается отъ огня страсти; но не познавъ сласти плоти, не разумѣлъ Петръ, что есть сіе приближеніе; какъ мертвъ лежалъ всѣмъ тѣломъ подлѣ дѣвицы, какъ съ начала возлегъ почить на правомъ бокѣ, и не далъ о себѣ знать, что не спитъ. Дѣвица тихо, скромно лежа подлѣ его, горѣла огнемъ плоти, дышала какъ отъ усталости, горячести, рвенія, но не смѣла глаголать ни слова и не смѣла осязать его, зная, что строгъ отрокъ весьма былъ и не ласковъ къ ней; вся въ безмолвіи силилася прилѣпиться всѣмъ тѣломъ къ нему, дабы его воспалить, но былъ онъ хладенъ весь, и духъ страха Божія его исполнялъ; боялся онъ согрѣшить и не думалъ вовсе. Дѣвица

лежала, дабы токмо хотя мало нѣчто далъ отъ себя онъ начало готовности на все, соизволеніе на ея сильное похотѣніе; хотя дѣвица, яко Ангелъ была, ему казалось, невинна тѣломъ; но врагъ ее смутилъ въ часъ сей искушая Петра. Съ начала возмнивъ за ничто, оставлялъ все безъ вниманія и втайнѣ желалъ дать ей чувствовать, что спитъ крѣпко; какъ вдругъ почувствовалъ, слухъ съ блескомъ свѣта въ очахъ своихъ сдѣлался, что отъ лукаваго есть сѣть сія въ дѣвицѣ безпорочной; тотчасъ отвратился, лицемъ къ отцу приблизився ближе, и почилъ. Тако Господь сохранилъ его отъ пакости и искушенія вражія. Дѣвицу же сряду постигла лютая болѣзнь въ ногѣ: и вопила она день и нощь такъ, какъ бы на части ее кто разрывалъ. Петръ же ей маніемъ давая знать, говорилъ, подходя тихо, тайно отъ родителей и отъ всѣхъ, что Богъ діаволу ее поразить попустилъ за грѣховное намѣреніе ея нѣкое. Болѣзнь же была называемый волосъ, который точилъ большой перстъ ноги ея; долго симъ недугомъ она страдала отъ врага; послѣ какъ исцѣлилася отъ болѣзни, смерть ее восхитила изъ дому отца, и она преселилась въ будущую жизнь добрѣ: въ непорочности своей, юная дѣвица.

Въ лѣтнее время Петръ на жатвѣ былъ въ полѣ, и всегда съ серпомъ жалъ подлѣ мачихи: средину же всегда держа полосы жалъ, мачиха лѣвую межу; братъ подлѣ его по правую руку отца, который правую межу очищалъ и жалъ. Хотя рѣдко, но случалось, что отецъ правую межу занималъ и жалъ, а безъ мачихи и отца, всегда на работѣ держалъ Петръ правую вездѣ сторону и давалъ отчетъ во всемъ отцу, мачихѣ, и распоряжался въ ястіи и питіи, отдыхѣ и окончаніи работъ.

По вражію навожденію, мачиха посмѣвалася нѣкогда, что хощетъ быть монахомъ Петръ, и говорила, что хотя хощетъ быть монахомъ, но не будетъ: наставляла говоря, что жену возьметъ, будетъ жить съ женою, и разсказывала соблазны плотскіе, льстила къ тому, что втайнѣ дѣется, чего здѣсь не подобаетъ отнюдь повѣдать; яко все страстное, грѣховное есть. Тако внушая сласть, страсть похоти, страстно ему шептала, стоя на жатвѣ подлѣ его, и такъ раздражила, оскорбила его, что отъ гнѣва бросилъ Петръ серпъ на полосѣ, работу оставивъ, остановился и возопилъ къ отцу глаголя: Отче! отче! послушай меня: не буду работать, убѣгу съ жатвы, ежели еще услышу что худое; запрети соблазнять на жатвѣ, я хощу быть монахомъ и Богу послужить; въ юности мнѣ такія стрѣлы вредны. Тогда отецъ со гнѣвомъ запретилъ дѣлать мачихѣ неприличное. За то прогнѣвався на него мачиха долго на жатвѣ не говорила ни одного слова добраго, нужнаго; лице отвращала отъ Петра, худо пищею отъ гнѣва кормила за работу обоихъ съ братомъ. Послѣ же никогда не слыхалъ онъ соблазна во всю жизнь отъ нея; видѣвъ же нерѣдко немощнымъ, сама мачиха совѣтовала не въ міръ итти, а удаляться отъ женитьбы.

Во время жатвы были знаемія подлѣ на жатвѣ. Бывали дѣвицы старшія Петра, и когда съ дерзостію нападали на него, соблазнились, говорили ему, что гнилой юноша, худой, безсильный, и усиливались схватить его въ объятія свои, ударить будто бы о землю, а въ самомъ дѣлѣ, дабы игры сдѣлать страстныя, и къ тому его привлечь. Отъ самыя юности женскаго пола убѣгая, Петръ боялся, дабы онѣ его къ себѣ не пріучили, и съ собою со временемъ въ грѣхъ не плѣнили; къ браку же вовсе не имѣлъ наклонности. Что дѣлать было при таковомъ нападеніи дѣвицъ въ однѣхъ срачицахъ, въ которыхъ обыкновенно какъ онѣ и всѣ отъ жару для легкости всегда жали? Когда единъ съ братомъ бывалъ на жатвѣ, вооружаяся противу ласкъ ихъ, игранія, серпомъ защищался, грозя ихъ ранить; когда же серпъ онѣ насильно исторгали изъ рукъ, вооружался руками однѣми, дабы въ объятія дѣвица сильнѣйшая и большая его не схватила къ стыду его и не повергла на землю; самъ же хотя чувствовалъ силу въ себѣ, что могъ одолѣть, повалить и схватить храбро, но стыдился повалить дѣвицу и по необходимости пасть на верхъ ея и касаться чрезъ срачицу тѣла, грудей и имѣть лице къ лицу; а посему при дерзкомъ наступаніи коея-либо дѣвицы, онъ старался жестоко рукою ударить по плечу ея, дабы всегда болѣзнь нѣкую ей сдѣлать однимъ разомъ и не оказать ни мало ей ласки. Сіе средство ему много помогало въ защитѣ отъ связи, уязвленія женскаго похотливаго, скрываемаго дѣвицами часто подъ простыми дѣйствіями игры; а посему не дерзали дѣвицы съ всею охотою часто нападать на жатвѣ, съ нимъ играть, бороться, ниже ино что зачинать дѣлать.

Словъ срамныхъ, сказокъ, игръ, веселій и иныхъ забавъ всегда убѣгалъ, никогда не любилъ сотворить кому-либо божбу. Пьяныхъ сходбищъ не могъ терпѣть; отца своего въ часъ охмѣлѣнія насильно отвлекалъ рыдая, въ слѣдъ его ходилъ и звалъ въ свой домъ; за что единожды его по ланитамъ нетрезвый попъ Успенскій Ѳеодоръ билъ его, таскалъ за волосы, почто насильно отца своего съ нимъ разлучалъ. Въ разные случаи отъ разныхъ людей былъ поносимъ за удержаніе отца отъ слабости.

Самъ же отъ рожденія никогда пива не пилъ, избѣгалъ всякаго напитка виннаго, навыка къ невоздержанію, хотя отъ многихъ былъ нудимъ часто подъ видомъ сладости, пріятности, здоровья мало выпить. Въ гостяхъ же обращеніе любилъ имѣть всегда одинъ среди дѣвицъ честныхъ, знаемыхъ имъ, которыя его угощали всегда лучше другихъ, и убѣгалъ случая быть среди невоздержанныхъ на играхъ и въ соблазнахъ.

Скажу теперь и о томъ, что на него въ юности имѣло вліяніе къ набожности, и какія были наклонности къ тому.

Церковный букварь, Часословъ, Псалтирь, Прологи и прочія книги

поучительныя, церковныя веліе вліяніе на него имѣли. Всегда постепенно приходя въ возрастъ и читая книги одну за другою, любовь снискалъ къ чтенію, пользу видѣлъ отъ чтенія себѣ и другимъ, когда читалъ, великую радость и сладость несказанную ощущалъ въ себѣ отъ того. Забывая свою юность, слезы многія проливалъ наединѣ, читая или воспоминая, како святые спасалися съ трудомъ, и како ему спастися Богъ дастъ благодать. Предъ божественною службою въ праздники въ дому читалъ вслухъ богомольцамъ повѣсти святыхъ, житія, поученія, въ церкви поученія сказывалъ изъ книгъ церковныхъ по выбору или назначенію отца своего, чтеца.

Прабабка близъ ста лѣтъ, бывшая въ домѣ отца, по своей набожности, цѣлыя нощи стоя на колѣняхъ, молилась Богу въ нощи безъ всякаго свѣта и молитву творила всегда: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшную, или Богородицѣ; и моляся всегда стояла близъ его предъ образомъ, гдѣ онъ спалъ на полу; ибо всегда полагаемъ былъ спать въ домѣ, въ какое время токмо прерывался сонъ его, слышалъ почти всегда, что она молится Богу. Такъ онъ сію прабабку Татьяну чтилъ, что святою ее почиталъ. Примѣръ благочестія и молитвы всегда его исполнялъ, когда часто слыхалъ, что мачиха, воставши рано, помолилася такъ же, какъ старица; отъ чего усердіе снискивалъ великое въ церкви быть, пѣть, читать и ихъ слушалъ, когда онѣ его въ церковь посылали [1]).

Прежде всего въ дѣтствѣ на память зналъ одну пѣснь церковную сію: Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся (Галат. гл. III, 27), аллилуіа. Такъ же: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ и проч. По разрушеніи старой церкви деревянной, нѣкіе старые и мало нужные образа были сохраняемы въ хлѣбномъ амбарѣ близъ дома родительскаго. Пытая по временамъ, не можно ли ему досмотрѣть, какіе образа, и много ли всѣхъ ихъ, отворилъ двери, увидѣлъ, что всѣ образа просто валяются по полу; собравъ болѣе десяти подобныхъ себѣ младенцевъ, столько же дѣвицъ юныхъ, выбралъ образа легкіе, малые, роздалъ по рукамъ каждому оные, и нѣкіе на древца привязалъ, и какъ никто не видалъ, велѣлъ поднять, какъ въ крестномъ ходѣ итти съ оными въ поле весною гдѣ бы болѣе и долѣе можно было за глазами людей ходить и пѣть свѣтыя пѣсни: Елицы

---

[1]) Г-нъ Поповъ признаетъ („Труды кіев. дух. академіи“ іюнь, стр. 699) сильное религіозное вліяніе семьи Фотія на развитіе въ немъ религіозности въ самомъ раннемъ его дѣтствѣ, тогда какъ г-нъ Миропольскій („Вѣстникъ Европы“ 1878 года, ноябрь, 26), отрицаетъ, говоря, что это вліяніе не было сильно и что аскетизмъ и фанатизмъ Фотія развились въ немъ гораздо позднѣе. Но взгляду г-на Миропольскаго противорѣчитъ вся первая книга автобіографіи Фотія.

во Христа крестистеся и Христосъ воскресе. Всѣ вообще назвали Петра священникомъ, а брата его діакономъ; говорилъ же отрокъ всѣмъ дѣтямъ такъ: слушайте же меня, вси теперь пойдемъ крестный ходъ дѣлать, и училъ, что всѣхъ пѣть: воспѣвъ пѣснь, самъ впереди, а прочіе позади по порядку всѣ шли и пѣли: Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія. Изшедъ весною на поле, по оному близъ селенія ходили, пѣли и радовались весьма. Сіе тайно отъ родителей дѣлалъ онъ неоднократно. Случилось однажды по обычаю много набралъ дѣтей, самъ будучи дитя, какъ пошелъ свой крестный ходъ дѣлать внѣ села своего, увидѣли его хожденіе, пѣніе церковное, поющихъ услышали, остановили ихъ и отняли всѣ образа; послѣ уже всегда за замкомъ хранились въ житницѣ. Ему же строго воспретилъ отецъ дѣлать хожденіе съ образами, грозя наказать его тѣлесно розгами.

Кто въ юности, неизвѣстно, повѣдалъ еще ему такъ: два юные отрока ушли изъ дому отца своего и матери и тайно вселились въ нѣкую гору, гдѣ жили и спасались до смерти, были же питаемы невидимою рукою. Нѣкто по смерти ихъ нашелъ, что свѣчки ихъ возженныя горѣли въ пещерѣ ихъ, но не сгорали и не угасали Божіею силою: таковое чудо Богъ явилъ, прославляя ихъ въ юности трудъ спасенія. Во Петрѣ сдѣлала вліяніе веліе повѣсть оная ко спасенію и уединенію Бога ради, и онъ помышлялъ часто уйти въ гору нѣкую спасаться.

На 14-мъ году отъ роду какъ онъ былъ въ семинаріи учася, такое пламенное желаніе и непрерывное возрастало въ немъ убѣжать изъ семинаріи тайно въ гору называемую Курскую, въ пещерѣ тамъ вселиться близъ дороги изъ дому родительскаго, ведущей въ Новъ-городъ, что каждогодно три раза проходя, назиралъ гору, дабы въ ней вселиться. Что дѣлать? Согласился наконецъ съ двумя еще юношами равными себѣ тайно убѣжать для спасенія въ ту гору. Долго разсуждая, чѣмъ будетъ имъ кормить себя, положилъ, что сначала травою можно питаться, ягодами, прочимъ лѣснымъ чѣмъ-нибудь; а на зиму плодовъ лѣсныхъ насушить для напитанія, пока самъ Богъ будетъ посылать пищу всѣмъ. Итакъ на 24-е іюня взялъ Петръ съ товарищами увольненіе, будто въ Новъ-городъ на нѣсколько дней и, подъ симъ предлогомъ, чаялъ скрыться навсегда въ теченіе того времени; когда пришелъ вечеръ, исходя съ товарищами своими, взялъ онъ надѣланныхъ крестиковъ разныхъ для обороны отъ бѣсовъ, и надѣвъ на нитки, несъ въ рукахъ. Путь избралъ, какъ одинъ болѣе зная, нежели товарищи, въ гору идти къ Хутыню монастырю, гдѣ не доходя монастыря Деревеницкаго, надѣялись черезъ рѣку переправиться; разсуждая обо всемъ для себя во спасеніе, сѣли не далече отъ пути на травѣ и ждали темной нощи; другъ друга укрѣпляли, дабы не бояться явленія бѣсовъ, привидѣній и

все прогонять знаменіемъ креста. Въ сей часъ бесѣды ихъ и совѣта о духахъ лукавыхъ, привидѣніяхъ, они воззрѣли въ сторону, куда путь ихъ былъ на поле; и вотъ видитъ Петръ, въ срѣтеніе идетъ старецъ, весьма старый стражъ травы, весь сѣдъ, какъ снѣгъ, прямо къ нимъ кричитъ издалеча; дѣти встали отъ боязни; онъ же идетъ и грозитъ имъ,—что они бѣглые, что онъ, поймавъ ихъ, свяжетъ, представитъ къ начальству и посадитъ въ темницу. Страхъ на страхъ отъ сего нечаяннаго случая напалъ на Петра и товарищей; и дивились, откуда взялся онъ, и како старецъ тайное намѣреніе узналъ въ сердцахъ ихъ. Отъ страха они рѣшились бѣжать отъ него обратно; вотъ бѣжатъ всѣ, а старецъ гонится за ними, вопіетъ громко всѣмъ, что они дѣти бѣглыя, чтобы ихъ поймать, связать. Всѣ слышатъ крикъ, но какъ бы не слышатъ старца, ихъ не останавливаютъ бѣгущихъ. Отъ всея силы они бѣжатъ отъ старца, а старецъ съ палицею гонится за ними. Что дѣлать? Старецъ близко настигаетъ до нихъ; дѣти: Петръ, Иванъ, Матѳей бѣжатъ вмѣстѣ въ городъ, дабы спастися отъ старца, спѣша на бѣгу своемъ, положили такъ сдѣлать, дабы убѣжать отъ него, и раздѣлившись бѣжать въ три пути, дабы старецъ, гнавшись за всѣми, ни одного не поймалъ. Петръ избралъ бѣжать прямо по пути главному среди града, къ градской заставѣ Московской; одинъ же товарищъ вправо къ семинаріи въ рощу, а другой влѣво около города къ валу градскому и кладбищу; тако отъ всея силы вдавшись бѣгу, бѣжали въ разные пути. Старецъ же, казалось Петру, бросался то въ ту, то въ другую сторону за ними, и всѣхъ трехъ опустилъ изъ виду. Тако начальному пути спасенія дѣтскаго было препятствіе свыше отъ Бога дивно устроено, но тогда Петръ еще не разумѣлъ сего; не вѣдалъ же, кто преслѣдовалъ ихъ, человѣкъ ли, или призракъ; ибо бѣгъ былъ старца не по лѣтамъ, противу силъ скоръ весьма былъ. Отселѣ боялся Петръ привидѣнія, считалъ всегда бывшее за призракъ и не смѣлъ никогда тайно уходить изъ семинаріи; помнилъ гору, но не шелъ въ оную; всегда прилежно читалъ Новый Завѣтъ—Евангеліе, Апостолъ, хотя мало понималъ, но сладость чувствовалъ, старался успѣвать въ наукахъ, болѣе и болѣе помышляя, что когда окончитъ ученіе, тогда будетъ свободнѣе ему итти на спасеніе. Товарищъ же Іоаннъ, скоро оставивъ ученіе, поступилъ въ причетники и женился, а Матѳей въ міръ вышелъ.

Веліе весьма утѣшеніе получалъ онъ отъ крестныхъ ходовъ. По обычаю же церковному, когда во дни Св. Пасхи отецъ его и священникъ ходили и причтъ со крестами по приходу, молилъ онъ отца своего брать съ собою, всегда и ходилъ нося св. Евангеліе изъ дому въ домъ, поя при переходѣ пѣснь: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», а въ домахъ весь молебенъ пѣлъ. За все въ награду въ каждомъ домѣ получалъ красное яйцо. Сіе его вольное было хожденіе почти

во всѣ годы его въ юности, когда изъ семинаріи приходилъ на Пасху къ отцу, или къ дѣду Марку; также гдѣ, когда былъ крестный ходъ, или шествіе въ праздникъ на молитвословіе, ходилъ съ крестнымъ ходомъ, пѣлъ вмѣстѣ съ родителемъ канонъ Богородицѣ Путеводительницѣ. Сіе было для него въ велію радость и сладость. Время отъ времени ревность спастися и любовь къ монашеству въ немъ возрастала; почему въ бытность свою у родителя, и въ семинаріи уклонялся отъ всякихъ игръ, забавъ; жалѣлъ въ праздности время опустить; будучи же въ пѣвческомъ хорѣ при семинаріи, при всѣхъ своихъ занятіяхъ не опускалъ пѣвческой должности. Всегда тщательно исполнялъ и трудился въ пѣніи, приходя въ церковь; ибо имѣлъ даръ пѣть самый отличный, за что отъ всего начальства былъ весьма любимъ.

Все житіе его до семинаріи въ домѣ отца было весьма безмолвно, въ трудахъ, благочестиво и воздержно отъ всего; но житіе въ семинаріи было такъ ему во спасеніе, какъ свѣтъ луны среди нощи въ пути. Ни на что, ни на кого не обращалъ вниманія, ничѣмъ постороннимъ въ семинаріи не хотѣлъ разсѣяваться.

О пользѣ житія и ученія въ Новѣ-градѣ въ старинной семинаріи въ монастырѣ Святаго Антонія Римлянина.

Семинарія духовная въ Новѣ-градѣ была духовное училище строгости и благочестія, порядка и чина.—Хожденіе въ церковь на молитвы и службы великую пользу дѣлало для благонравія.—Попеченіе начальниковъ и наставниковъ въ семинаріи объ успѣхахъ ученія.—Духовное училище семинарское было святилищемъ ученія христіанскаго.—Мѣсто и степени учебныя въ семинаріи Новгородской старинной, съ 1800 года бывшія, и книги и науки какія были.—О древнемъ храмѣ и монастырѣ Св. Антонія.—Повѣсть о пѣніи, на воздухѣ слышанномъ.—Повѣсть о тайной клѣти Св. Антонія при входѣ во главу.—Объ уединеніи и безмолвіи въ семинаріи.—Повѣсть о старцѣ молчальникѣ Патермуфіи.—Повѣсть о скорбяхъ, болѣзняхъ, трудахъ и работахъ въ семинаріи и въ домѣ родительскомъ во время вакантное и терпѣніе всего.

Повѣдалъ отецъ Фотій, часто тако говоря: «Семинарія въ Новѣгородѣ, въ монастырѣ преподобнаго Антонія Римлянина была для него съ 1803 года святилище учебное. Я нигдѣ, говорилъ онъ, лучшаго въ мірѣ, кромѣ семинаріи, не могъ видѣть во время всего учебнаго курса,—равнаго мѣста, полезнаго ко спасенію, доброму житію, просвѣщенію въ наукахъ. Въ семинаріи была мнѣ крайняя бѣдность. Часто я ходилъ почти безъ обуви въ лютые морозы; келья мнѣ по бѣдности моей во всемъ, яко бѣдному ученику, давалась самая худая

съ бѣдными товарищами; часто я живалъ надъ нужнымъ мѣстомъ; хладъ, зловоніе всегда терпѣлъ, яко бѣдный ученикъ, но радъ былъ, что оная келья была уединенна, безмолвна, и къ занятію мнѣ способна. Въ трапезѣ пища была самая грубая, убогая, недостаточная такъ, что часто гладенъ отъ стола исходилъ лучшій изъ учениковъ; можно сказать, пресыщенъ не былъ никогда отъ нея. Умѣренность и скудость въ пищѣ таковая полезна была весьма мнѣ; пришедъ въ келью, сномъ я не былъ никогда отягченъ; подъ видомъ отдыха, я въ праздности не былъ, для веселія играми не забавлялся; мнѣ не было на что надѣяться, кромѣ Бога: боясь лишиться малой пищи, впредь всегда въ урокахъ былъ исправенъ. Рѣдко когда и то безвинно въ семинаріи безъ пищи былъ я оставляемъ; а съ начала житія моего у свирѣпаго старшаго Вихрова и другихъ подобныхъ часто безъ пищи былъ первое лѣто житія въ семинаріи. Въ кельяхъ сеніоры смотрѣли за чистотою, благонравіемъ; цензора, авдиторы за кельями, выходъ въ чужія кельи подъ другими номерами черезъ сѣни былъ воспрещенъ напрасно. Въ трапезѣ всегда назиралъ во время яденія всѣхъ смотритель, или кто-либо выше; входили, исходили всѣ въ порядкѣ, благочиніи совершенномъ по два въ рядъ, въ примѣръ другимъ для страха, наказывали иногда учениковъ начальники при всѣхъ въ трапезѣ на колѣняхъ стоять, или Богу моляся поклоны полагать, и даже тѣлесно. Чтеніе было всегда священныхъ книгъ во время трапезы всѣмъ вслухъ по чредѣ лучшими и высшими учениками. Когда кто гладомъ моримъ потребуетъ прибавки хлѣба, начальники съ любовію давать приказывали; но страхъ и стыдъ удерживали меня дѣлать сіе. Я всегда лучше считалъ для себя терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ, нежели просить, жаловаться начальнику на недостатокъ и показывать ненасытность свою. Внѣ келій, на монастырѣ, въ лѣтнее время въ саду было весьма благочиніе во всѣхъ ученикахъ наблюдаемо: воспрещено было исходить въ садъ, за монастырь безъ позволенія, и особенно въ слободу, всякому даже за крайнею нуждою. Всякъ ученикъ низшій предъ высшимъ по ученію долженъ былъ, идя мимо, главу открыть и поклонъ дѣлать. За неучтивость же и недѣланіе поклона предъ ученикомъ богословія и философіи, выговоръ и наказаніе дѣлались отъ старшаго, когда кто подъ замѣчаніе попадалъ».

«Мѣста ученія, то-есть, классы, мало или вовсе не были топлены въ зимнее время; отъ сего холодъ былъ великъ такъ, что устъ для чтенія уроковъ предъ учителями иногда не можно было отворять. Намѣреніе же доброе то было въ маломъ топленіи келій учебныхъ, дабы на часть, оставшуюся отъ экономіи, бѣдныхъ кормить пищею учениковъ. Все, что я видѣлъ, говорилъ онъ, въ семинаріи во весь курсъ моего ученія, было съ превосходною пользою дѣлано. Не было внѣшней чистоты большой и политики, но чистоту, нравственность, всѣмъ строжайше отъ началь-

никовъ приказано было соблюдать; буйство, піянство строго наказывались; за прилежаніемъ, ученіемъ учениковъ неусыпное было вниманіе. Ученики, развратными сдѣлавшіеся въ домахъ родителей, изъ границъ скромности боялись выступать въ семинаріи; ибо было тѣлесное наказаніе, смотря по винѣ иногда довольно жестокое, коего я такъ боялся, что всякаго вида, подозрѣнія къ проступкамъ избѣгалъ и къ лѣности во всякое время».

«Благонравію учениковъ и моему весьма способствовало, что изъ классовъ по чредѣ назначаемые ходили въ церковь каждодневно къ утренѣ, обѣднѣ, вечернѣ читать, пѣть; въ праздникъ же всѣ ученики приходили въ церковь Божію лѣтомъ ко всенощному бдѣнію, а зимою къ утренямъ; въ учебные же дни по утру по звонку въ уреченный часъ всѣ вдругъ исходили на молитву съ книжками, упражненіями и всѣмъ нужнымъ не въ классы, а прямо въ церковный притворъ, гдѣ пришедше всѣ становились, несмотря на самые лютые морозы, и совокупно пѣли Богородиченъ Октоиха по гласу въ началѣ, а потомъ читались три молитвы утреннія: Господу, Богородицѣ и Ангелу Хранителю; по пропѣніи стиха другаго Богородичнаго, всѣ исходили въ свои мѣста прямо для ученія. Кто же на молитву не приходилъ, тотъ наказанію подлежалъ, и кто хотя мало медлилъ притти, и бывало, что цѣлые номера были безъ пищи за то наказуемы; вдругъ изъ всѣхъ мѣстъ ученики должны были итти на молитву по номерамъ и сходиться по чину, младшіе напередъ. Таковый чинъ чрезъ 12 лѣтъ моего ученія въ Новгородской всегда наблюдался семинаріи. По вечеру, по концѣ трапезы, такъ же молитва была сверхъ трапезной общей; и въ трапезѣ пѣснь пѣли всѣ послѣ ястія, стояще на своихъ мѣстахъ: Сподоби Господи въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ; читали на сонъ грядущимъ молитвы три и пѣли послѣ: Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ. И тако выходили всѣ по чину въ свои кельи не спать, а еще учиться: а спать всегда въ 9 часовъ ложились, а по утру будились въ три часа».

«Начальники, учители были монашествующіе и не монашествующіе; женатыхъ же не было никого никогда во весь курсъ ученія моего въ семинаріи; и всѣ были благочестивы. Словесности же учитель и инспекторъ-іеромонахъ, а послѣ бывый игуменъ, Іеронимъ [1]), такъ былъ не-

[1]) Строевъ въ своемъ спискѣ іерарховъ называетъ этого Іеронима по фамиліи Срѣтенскимъ и говоритъ о немъ, что онъ, послѣ игуменства въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ 1820 году былъ переведенъ въ архимандрита Маркова Витебскаго монастыря, которымъ и управлялъ до 1831 года. Но сообщеніе Строева ошибочно. Упоминаемый здѣсь учитель риторики и инспекторъ Новгородской семинаріи соборный іеромонахъ Іеронимъ 10-го марта 1812 года назначенъ былъ игуменомъ Деревяницкаго монастыря, а въ 1820 году

усыпенъ въ образованіи учениковъ, что поутру и по вечерамъ каждодневно осматривалъ учениковъ и всѣ кельи; объ ученіи такъ старался, что цѣлыя ночи онъ просиживалъ, исправляя упражненія со всею тщательностію, какъ особенно мои, такъ и прочихъ; старателенъ былъ такъ къ ученію учениковъ, что я примѣра не видалъ и не слыхалъ еще нигдѣ такого, каковъ онъ былъ учитель Іеронимъ инспекторъ. Много онъ превосходныхъ учениковъ сдѣлалъ. Онъ меня весьма за ученіе любилъ; я съ 1-го класса шелъ съ нимъ до философіи; онъ училъ, я же учился. Отъ поэзіи чрезъ весь курсъ учебный, и былъ у всѣхъ я первый ученикъ, въ риторикѣ, философіи и богословіи, будучи ученикомъ такъ же былъ я и помощникомъ своему учителю».

«Я всякому не могу пересказать все доброе, что имѣла семинарія въ бытность мою въ ней, одно то скажу, что она для меня учебное святилище была, которому равнаго я послѣ по всѣмъ частямъ не видѣлъ: тѣнь вольнодумства, вольномыслія, поблажка къ неблагонравію, неблагоговѣнію не была терпима. Я совершенно чувствовалъ всѣхъ въ семинаріи начальниковъ и учителей намѣреніе, стараніе, дѣйствіе какъ меня, такъ и всѣхъ учениковъ воспитать добрѣ, образовать сколь возможно лучше, въ духѣ святой вѣры, благочестія жить и къ духовному званію пріучить. Примѣры всѣхъ добрыхъ дѣлъ я видѣлъ въ Іеронимѣ игуменѣ и архимандритѣ Владимірѣ. Вовсе по духу ученія и благочестія нисколько нынѣ мірскія мѣста, учебныя заведенія не могутъ сравниться съ духовными. О! еслибы духовныя особы были главные смотрители, управители университетовъ, институтовъ и прочихъ училищъ, тогда бы воистину мірскія заведенія, училищныя были лучшія святилища наукъ и вмѣстилища благочестія, нежели каковы оныя нынѣ бываютъ. Помрачаются же отъ иностранныхъ учителей [1]) и вольнодумныхъ начальниковъ, не подающихъ собою примѣра; ибо нѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ ни Христа, ни поста, ни креста; представляется видъ единъ ученія безъ благочестія; забыто тамъ вовсе, что благочестіе на все полезно. Въ самый великій постъ въ нихъ постъ не наблюдается, мяса и прочія яства безстудно, безстрашно разрѣшаются; а посему непотребства великія, дѣлаемыя среди дѣтей малыхъ и взрослыхъ, бываютъ. О! когда бы око духовныхъ и мірскихъ благочестивыхъ

былъ удаленъ съ игуменства и помѣщенъ въ число братіи Антоніева монастыря. Игуменъ Іеронимъ въ томъ же 1820 году замерзъ на дорогѣ къ Деревяницкому монастырю, какъ о томъ видно будетъ изъ послѣдующихъ главъ автобіографіи Фотія.

[1]) Князь А. Н. Голицынъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія (съ 1803 года до 1824 года), старался вызывать въ Россію чужестранныхъ профессоровъ и учителей. „Русская Старина“ 1881 г., январь. Доносъ на князя Голицына и др.

православныхъ, а не иновѣрныхъ мірскихъ болѣе имѣло смотрѣнія за ученіемъ общимъ въ мірѣ, то церковь и отечество узрѣли бы свѣтъ Божій во многихъ сынахъ своихъ. Оставляю говорить о всѣхъ соблазнительныхъ мірскихъ ученыхъ мѣстахъ, а скажу то, что я въ истинномъ святилищѣ наукъ жилъ, учился, образовался, монашеству навыкъ смотря на благочестивыхъ монашествующихъ, пріобрѣталъ въ сердцѣ всегда имѣлъ постоянное намѣреніе со временемъ самъ облещися во образъ Ангельскій и воспріять жительство Ангельское».

«Въ семинаріи во время моего курса учебнаго таковые были классы и учебныя средства! Классы: 1-й инфимы, 2-й фары, 3-й грамматики, 4-й синтаксимы, 5-й поэзіи, 6-й риторики, 7-й философіи, 8-й богословіи. Языки преподавались: греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій Науки: исторія, географія (гражданская и библейская), медицина, естественная исторія, классъ архитектурный и рисовальный отчасти, пѣвческій классъ, классъ краснорѣчія; а послѣ со временемъ введена математика. Почти никакихъ не было дѣлано выписокъ, особыхъ для уроковъ вмѣсто книгъ: книги были печатныя для того отъ начальства назначены, а посему никакихъ сѣменъ зловредныхъ ученія не было и быть не могло. Книги же давались читать отъ учителей полезныя и духовныя; всѣ строго воспрещались соблазнительныя имѣть и читать, въ карты, шашки играть и прочія игры и затѣи не-духовныя и мірскія».

«Древній храмъ преподобнаго Антонія имѣлъ на меня великое вліяніе въ теченіе всего курса моего ученія семинарскаго и житія въ семинаріи внутрь монастыря. Когда я приходилъ по обычаю поутру съ прочими въ притворъ церковный на молитву, то всегда мнѣ приходилось стоять противу того камня, на коемъ святый Антоній приплылъ изъ Рима въ два дня и двѣ нощи по водамъ. На немъ образъ написанъ св. Антонія плывущаго на камени по водамъ съ травиною въ рукѣ, здѣсь же и прочія вещи, приплывшія за нимъ по Божію смотрѣнію, были. Когда я входилъ въ храмъ, какъ пѣвчій на правомъ клиросѣ пѣлъ стоя, то всегда видѣлъ его святыя нетлѣнныя мощи въ ракѣ, и по правую руку надпись надъ ракою: Слава сія будетъ всѣмъ преподобнымъ его. Образа, съ нимъ въ бочкѣ по водамъ приплывшіе, въ верху въ фонарѣ травину нетлѣнную морскую чрезъ нѣсколько столѣтій, за кою онъ отъ страха ухватився, исторгнулъ изъ моря; травина со всѣми листвіями много вѣковъ стояла цѣла; а со времени архимандрита Амвросія Морева послѣ 1814 года оную я видѣлъ еще 1824 и 1832 года всю почти ощипанную. Храмъ сей былъ для меня то святое мѣсто древности и благочестія, гдѣ я, входя, чувствовалъ себя внѣ міра самаго: какъ во время службы, моленія, такъ при выходѣ я чувствовалъ сладкое внутрь радованіе. Здѣсь я въ бѣдности, болѣзняхъ и во всѣхъ горестяхъ находилъ себѣ великое утѣшеніе».

Въ лѣтнее время нѣкогда Петръ, изъ монастыря идя по вечеру мимо церкви, былъ въ сладкомъ размышленіи духовномъ о спасеніи души, и слышитъ на воздухѣ выше церкви пѣніе пресладкое; остановился онъ, весьма трепетомъ радости и сладости объятъ бывъ, слушалъ, что и гдѣ оное есть; ибо выше его, высоко выше церкви казалось было пѣніе на воздухѣ яко часъ и болѣе; но нигдѣ никого не видалъ. Отъ чего и какъ сіе случилось, здѣсь не скажу: ему представилось то яко пѣніе небесныхъ Ангеловъ. О! коль пресладкое пѣніе, взывалъ онъ, веселіе и радованіе всѣхъ праведныхъ ожидаетъ на небесахъ, въ обителяхъ святыхъ, вообразить нынѣ того не можно.

Нѣкогда въ день праздника святаго Антонія, Петръ порану вошелъ въ церковь, увидѣлъ дверь малую по темной каменной лѣствицѣ въ верхъ церковный; тотчасъ пошелъ по сей лѣствицѣ, идя, и на правой сторонѣ входа самую малую дверь увидѣлъ въ стѣнѣ и клѣть тайную, куда возрѣвъ, на стѣнѣ видитъ образъ Божія Матери Корсунскія, и свѣща предъ онымъ горѣла; полъ весь былъ кирпичный изломанъ, келья круглая и менѣе сажени въ ширину, а въ длину яко полтора аршина [1]). Пришедшаго за нимъ кого-то онъ вопросилъ: что это есть? какая клѣть тайная? Ему говорилъ человѣкъ такъ: здѣсь святый Антоній спасался, втайнѣ моляся Богу: и вотъ полъ кирпичный во многія лѣта измятъ угодникомъ отъ колѣнопреклоненій его. Онъ пришелъ въ великое удивленіе, весь былъ священнымъ благоговѣніемъ объятъ, отъ сладости и радости видѣнія сего мѣста молитвеннаго, и слезы лилъ и воздыхалъ. Послѣ сего, когда ему случалось въ праздникъ Антонія бывать въ церкви, то всегда старался посѣщать сію клѣть, и слагая все, положилъ на сердцѣ, когда Богъ сподобитъ быть его въ монашествѣ, подражать въ семъ святому Антонію и сдѣлать тайную клѣть для молитвы [2]).

---

[1]) Надъ молитвенною келіею преп. Антонія устроена тѣсная церковь во имя преподобныхъ Онуфрія и Петра Аѳонскихъ; туда ведетъ крутая лѣстница въ столпѣ, пристроенномъ къ собору. Муравьевъ. „Пут. по св. мѣстамъ русскимъ“. Ч. I, 456.

[2]) Будучи архимандритомъ Юрьева монастыря, Фотій дѣйствительно устроилъ для себя особенную моленную комнату, которая имѣла одну сажень длины и десять вершковъ ширины, объ одномъ сводѣ, съ прилавкомъ въ одномъ концѣ и углубленіемъ въ другомъ для иконы; тамъ теплилась неугасаемая лампадка предъ иконой Знаменія Пресв. Богородицы. Моленная находилась въ нижнемъ этажѣ (подвалѣ) Спасскаго монастырскаго храма и при жизни Фотія сообщалась чрезъ особый потаенный ходъ съ его келіями. Сюда онъ часто уединялся для молитвы. Елагинъ. „Жизнь гр. Орловой“, стр. 51. Макарій. „Ист. описаніе Юрьева монастыря“, стр. 29. Г-нъ Поповъ къ этому еще прибавляетъ, не указывая, впрочемъ, источника, что Фотій удалялся въ свою моленную въ бѣломъ хитонѣ особенной постройки, и выходы его изъ уединенія имѣли нѣкоторый особенный характеръ. „Труды

Уединеніе такъ онъ любилъ, что во весь курсъ ученія семинарскаго не ходилъ ни къ кому въ городъ, не отыскивалъ никакихъ своихъ и знакомыхъ, не дѣлалъ ни съ кѣмъ связи, знакомства, даже не ходилъ въ Софійскій соборъ къ святымъ мощамъ, дабы не пріучиться къ исхожденію изъ монастыря и семинаріи. Проходя изъ дому въ домъ родителя, мимо обитателей Вяжицкаго [1]) монастыря и Дѣвичьяго Сыркова, благоговѣніе такое имѣлъ къ онымъ, что, дабы не безпокоить кого собою, на вакацію гладомъ томимый идя, и съ вакаціи усталостію мучимый, не дерзалъ для покоя взойтить ни въ одинъ монастырь; проходя тако не заходилъ въ нихъ чрезъ 12 лѣтъ никогда, а при дорогѣ оные оба монастыря стоятъ. И токмо входилъ въ одну часовню и полагалъ, что могъ, изъ денегъ не болѣе двухъ копѣекъ, гдѣ молился Богу и отходилъ въ путь свой. Единъ видъ, единъ помыслъ св. церкви, св. обители, особенно св. мощей, чудотворныхъ иконъ и монашествующихъ его услаждалъ такъ, что онъ взошедъ въ мѣсто тайное, сѣдя воздыхалъ и плакалъ моляся: Господи мой, Господи! когда-то я буду монахъ и вчиненъ буду въ ликъ ангеловъ человѣковъ? О! Христе Спасе! не лиши мя житія и спасенія въ св. обители на землѣ и въ монашествѣ! Видѣвъ ветхости издалека св. церквей или обителей, бѣдность ихъ, плакалъ онъ и Богу молился, говоря: Господи! даждь ми сребро и злато, даждь ми богатство, все обновленіе святыни употреблю, ничего не возлюблю паче Тебя Создателя, Бога моего и храма святыни Твоея! Часто о семъ помышляя, онъ говорилъ самъ въ себѣ: Ежели Господь мнѣ дастъ богатство, св. церкви буду устроять, нищихъ буду призирать, буду милостивъ, странныхъ буду принимать и бѣднаго не забуду, и объ родныхъ Самъ Богъ попечется. Для ученія уроковъ на память, онъ удалялся отъ шума и соблазновъ, и по утру рано иногда до солнца въ лѣтнее время въ хорошіе дни уходилъ внѣ монастыря въ садъ и за садъ на прекрасные луга; въ безмолвіи себя приготовлялъ къ отчету предъ начальниками и учителями. Въ часы таковаго занятія по утру рано, онъ имѣлъ въ награду то радованіе внутри, что весь какъ бы обновлялся и менѣе землянъ дѣлался; иногда же въ часы дня свободные скрывался въ кущѣ кустарниковъ, гдѣ уроки ученія всегда твердилъ. Онъ въ семъ находилъ великую сладость, многое радованіе, и блаженнымъ считалъ себя, что Богъ его сподобилъ быть въ обители святой и въ наукахъ въ семинаріи, а не въ другомъ мѣстѣ мірскомъ. Ему начальники, учители такъ были пріятны, что заочно предъ ними

Кіев. дух. акад.“ 1875 г., іюнь, стр. 801. Г-нъ Пожайскій сообщаетъ, что о моленной Фотія и потайномъ ходѣ въ нее не было извѣстно до самой его кончины. „Ист. Вѣстникъ“ 1888 г., іюль, стр. 148—151.

[1]) Вяжицкій Николаевскій монастырь лежитъ въ 12 верстахъ отъ Новгорода.

благоговѣлъ, никому не позволяя слова единаго сказать предъ собою къ безчестію ихъ. Въ немъ чувство сердечное страха Божія было, и онъ думалъ, что по слову писанія (никого не кляни въ клѣти твоей) дѣйствительно птица небесная, Ангелъ Божій Хранитель тайно все властямъ возвѣститъ, что будетъ въ сердцѣ своемъ имѣть, благое или злое. Сіе все внушалъ онъ другимъ изъ товарищей, говоря: сердце сердцу вѣсть подаетъ; люби всякъ Бога, слушай начальниковъ, чти родителей, буди исправенъ въ своей должности, и Господь даже варвара сердце преклонитъ на любовь къ тебѣ, а не токмо начальника и учителя. Господь по сердцу и во славу свою, по волѣ своей, все творитъ, и у Него все возможно есть, а любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое.

Нѣкогда стоя въ церкви св. Антонія сквозь рѣшетчатыя двери увидѣлъ Петръ старца весьма сѣдаго, святолѣпна, на коего взирая чувствовалъ внутрь страхъ благоговѣнія къ нему, и вопросилъ съ нимъ бывшихъ: кто сей есть? Ему говорятъ: Патермуфій молчальникъ. Онъ лѣтъ тридцать уже какъ въ молчаніи; сіе такъ его тронуло, что онъ вышедъ изъ церкви стоялъ близъ его и смотрѣлъ каковъ его видъ, каково его все движеніе; осмотрѣвъ, показался онъ ему яко Ангелъ Божій во плоти и оттолѣ далъ Петръ въ сердцѣ Богу слово: Господи! аще будетъ воля Твоя Святая, отлучуся отъ міра, и гдѣ возмогу, попекуся о спасеніи, и буду молчанію учиться во время свое; вижу, яко Ты въ старцѣ Патермуфіи почиваешь Своею благодатію, яко Святъ еси Боже и во Святыхъ почиваеши, и дивенъ во Святыхъ.

Скажу въ конецъ всего житія его въ семинаріи, внутрь монастыря, онъ терпѣлъ часто недостатокъ въ пищѣ, въ одеждѣ, несъ труды великіе отъ прилежанія; и сколько возможно со всѣми старался миръ имѣть. Всякое порученіе отъ начальства въ точности исполнялъ. Ревнуя ревновалъ до того въ успѣхахъ и житіи добромъ, что никакъ не хотѣлъ первенство другимъ уступить, дабы чрезъ то препоны не было къ монашеству во свое время и ко спасенію въ обители. Приходя въ домъ отца на вакацію, безъ ропота, съ любовію, радостію, по волѣ отца всякое послушаніе, всякій трудъ сносилъ; никогда не было ему отрады полной и свободы по волѣ его къ отдыху; отъ черныхъ тяжкихъ трудовъ, а особенно отъ жатвы онъ такую подъ конецъ лѣтней жатвы болѣзнь лютую почувствовалъ въ спинѣ, рукахъ, что падалъ на землю на полосѣ, катался стоная, плача воспоминалъ, говоря: вотъ до чего грѣхъ чрезъ праотца довелъ всѣхъ и его; всѣ должны трудиться въ потѣ лица съ великими болѣзнями; всѣ должны скорбями стараться паки внити въ рай, а иначе снидутъ во адъ безъ претерпѣнія всякихъ трудовъ и скорбей; несмотря на болѣзнь, не видя облегченія, со слезами вставать старался и продолжать жатву; иногда же

отъ жара и духа жатвеннаго разныхъ травъ и насѣкомыхъ, серпомъ срѣзуемыхъ, такое зловоніе и жженіе чрезъ горло входило до сердца, что яко огонь палилъ внутрь, онъ же, не имѣя отрады, облегченія, не желая неудовольствіе родителю сдѣлать, никогда въ болѣзняхъ не оставлялъ ни единожды жатвы; пока болѣлъ, лежалъ на жатвѣ, а какъ было лучше, паки вставалъ и работалъ: вписщій на себѣ мѣдный крестъ бралъ въ уста, и тако съ крестомъ во рту жатву продолжая, иногда получалъ облегченіе. Всѣ работы въ домѣ родителя, какъ земледѣлателя церковника бѣднаго, отъ труда рукъ своихъ питавшагося, онъ дѣлалъ: нечистыя мѣста, а особенно послѣ болѣзненнаго родителя отъ трудовъ, онъ своими руками очищалъ; свиней, телятъ не рѣдко пасъ; овцы отца своего стригъ; въ жерновахъ мололъ, своими руками огороды пололъ, хлѣбъ убиралъ, на гумнѣ молотилъ. Бѣдность отца заставляла его съ братомъ все дѣлать; когда же слышалъ брата ропчущаго на отца, что онъ въ трудахъ ихъ удручаетъ, тогда говорилъ брату: любезный брате Евѳиміе! Или ты не видишь слезы и труды кровавые родителя, что онъ подъемлетъ ради нашего воспитанія и образованія? Почто ты скорбишь на родителя бѣднаго? Или ты не зришь, что колико лѣтъ онъ теченіемъ крови одержимъ есть отъ трудовъ для насъ? Потрудимся ради родителя и себя самихъ. Господь надѣлитъ насъ всѣмъ чрезъ благословеніе родителя (кое онъ, Петръ, желая видѣть явно, подъ тѣмъ видомъ, что для пособія отцу въ содержаніи его до конца курса учебнаго, хотѣлъ закрѣпить и мѣсто священника за собою, и писалъ письмо начальнику, дабы онъ ему споспѣшилъ въ этомъ); труды тяжкіе насъ спасаютъ отъ праздности—матери всѣхъ пороковъ, бѣдность—отъ разврата, а худородіе—отъ упованія на міръ. Кромѣ Единаго Бога у насъ нѣтъ прибѣжища; аще бы возможно было мнѣ въ бѣдности родителю моему пособить, я бы излилъ каплю крови моея, или извертѣлъ бы очи и тако бы купилъ облегченіе ему въ трудахъ его, немощахъ и нуждахъ. Братъ, самъ трогаясь, утѣшался въ трудахъ и пребывалъ послѣ въ терпѣніи. Нѣкогда же увидѣвъ непослушаніе брата своего къ отцу и огорченіе, разгнѣвался Петръ весьма на него, билъ его жестоко такъ, что думалъ ему смертную болѣзнь тѣмъ сотворить, и бія приговаривалъ: слушай родителя; будь покоренъ до крови и смерти ему; біеніе родительское есть врачеваніе и спасеніе дѣтямъ. Пріобыкнувъ отъ юности къ трудамъ, Петръ какъ въ семинаріи, такъ и въ домѣ отца, рѣдко достаточно сномъ наслаждался въ нощи; поздно возлегалъ на одръ и рано вставалъ; а въ теченіе дня вовсе удалялся отдыха и сна. И тако житіе его было въ теченіе 11-ти лѣтъ въ семинаріи, 5-ти мѣсяцевъ и 25-ти дней, продолженія курса учебнаго и обычныхъ отдыховъ вакаціальныхъ прошло безъ порока, въ совершенномъ юношескомъ благоповеденіи и смиреніи. Трудъ не по си-

ламъ его съ юности тяжекъ былъ въ мірѣ, но онъ трудность представлялъ нужною къ спасенію своему, почему въ сердцѣ своемъ имѣлъ постоянное помышленіе и говорилъ самъ въ себѣ: о, сирый, бѣдный Петре, ты въ слезахъ родился еси, въ слезахъ воспитался, въ слезахъ до днесь, во многихъ бѣдахъ, нападеніяхъ отъ міра и діавола; аще хощешь спастися совершенно, святымъ въ житіи послѣдовать, не инъ путь житія, а святыхъ стезю скорбную во образѣ иноческомъ избери и по ней гряди, Бога ради и Царствія Его потрудися, въ скорбяхъ быти, и не бойся смерти. Что бояться трудности въ иночествѣ? Ежели ты потрудишься съ юности, то возрадуешися подъ старость; Ты мало способенъ къ брачной жизни; самая мачиха тебѣ внушаетъ, что ты въ тягость при супружествѣ быть можешь женѣ, аще оженишься; ты удрученъ отъ трудовъ, занятій; курсъ ученія твоего оканчивается, помышляй о единомъ на потребу (Лук. X, 42). Почему онъ нѣкогда восхотѣвъ испытать расположеніе ректора архимандрита къ себѣ, къ чему онъ дастъ ему благословеніе, кое желалъ видѣть явно, подъ тѣмъ видомъ, что, для пособія отцу въ содержаніи его до конца курса учебнаго, хощетъ закрѣпить за собою мѣсто священника, и написалъ письмо ему, дабы онъ споспѣшилъ ему въ семъ. Ректоръ Владиміръ Ужинскій наложилъ резолюцію на ономъ и прислалъ къ нему запечатавъ. Петръ, распечатавъ, видитъ надписаніе сіе: «Чадо, помни послѣдняя твоя смерть, «судъ, адъ и царствіе небесное, и во вѣки не согрѣшишь (Сирах. VII, «39); предаждь себя Богу во власть, и Той тебя наставитъ едино на «потребу во спасеніе искать. Ищи прежде Царствія Божія и правды «Его (Мѳ. VI, 33), и сія вся приложатся тебѣ. Сердца чувство я пишу «къ тебѣ, сыне мой! внимай себѣ и спасенію твоему. Миръ тебѣ». Таковое надписаніе прочелъ онъ тайно, въ сундукъ положилъ, часто посматривалъ, перечитывалъ, вспоминалъ, что сіе значитъ надписаніе. Помыслъ ему сказалъ, что Богъ внушилъ ректору сіе написать; и ни объ чемъ уже не помышлялъ, какъ о томъ, чтобы дожить остальное время въ богословіи, молился, дабы устроилъ ему Господь все во благо и во спасеніе едино, яко самъ изволитъ. Во время оно вдругъ приходитъ предписаніе достойныхъ, лучшихъ учениковъ назначить и отправить въ академію Санкт-Петербургскую духовную. Призываетъ его, яко перваго, ректоръ архимандритъ Владиміръ, требуетъ желанія его, хощетъ ли въ академію ѣхать? Онъ же, будучи въ сіе время весьма слабъ здравіемъ, сказалъ въ отвѣтъ ему: готовъ тещи въ путь, въ онь же зовеши ты меня, отче; правда, я немощенъ весьма, но да будетъ воля Божія во всемъ; буди мнѣ по глаголу твоему; я спасенія ищу и едино на потребу. Назначенъ будучи къ отправкѣ въ С.-Петербургъ въ духовную академію, поѣхалъ Петръ Спасскій въ домъ отца принять благословеніе въ новое мѣсто ученія и возвратился въ семинарію для

отъѣзда. Когда прощался при отъѣздѣ съ ректоромъ Владиміромъ, то онъ внушалъ ему, что ректоръ въ семинаріи въ С.-Петербургѣ есть человѣкъ праведникъ, весьма благъ мужъ, то не забудьте явиться къ нему на благословеніе. Сіе слово его на сердце Петра пало весьма; ибо онъ вѣру имѣлъ къ ректору сему; и изъ церкви прямо съ молитвою были отправлены августа 11-го дня 1814 года прямо въ Санкт-Петербургъ въ Невскую Лавру, въ академію на почтовыхъ коняхъ. Тако совершилъ Петръ житіе свое въ Новѣ-градѣ, въ семинаріи съ Богомъ. Ему же буди слава, честь и благодареніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. ХАРИТОНОВА [1]

Служба при князѣ Воронцовѣ.

1849-й годъ.

Открытіе Закавказской казенной палаты.—Причисленіе къ министерству финансовъ, съ оставленіемъ въ распоряженіи намѣстника.—Окончаніе дѣла объ удовлетвореніи расходовъ гражданскаго управленія изъ мѣстныхъ доходовъ края.—Случайное учрежденіе должности помощника управляющаго дѣлами комитета министровъ для П. Ѳ. Брока.—Открытіе Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія и Кавказскаго учебнаго округа.—Упраздненіе губернаторскихъ канцелярій.—Отказъ барона Врангеля отъ должности шемахинскаго губернатора.—Открытіе особаго комитета для составленія общей по Закавказскому краю смѣты и раскладки денежныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1850 по 53-й годъ.—Неудачная блокада укрѣпленія Чохъ въ Дагестанѣ.—Смерть великой княжны Александры Николаевны и великаго князя Михаила Павловича.

Къ концу 1848 года пришло, по представленіямъ князя Воронцова, нѣсколько Высочайшихъ повелѣній и въ томъ числѣ указъ 1-го декабря, которымъ утвержденъ мой проектъ о соединеніи двухъ казенныхъ палатъ въ одну, общую для всего края, палату подъ именемъ Закавказской. Пришли также награды, и самъ намѣстникъ получилъ, при лестномъ рескриптѣ, портретъ государя, для ношенія въ петлицѣ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Я же, вмѣсто денежной награды, на которую имѣлъ право разсчитывать за достигнутое по моему проекту сбереженіе въ пользу казны до 17-ти тыс. рублей въ годъ, остался какъ бы за штатомъ. Открытіе новой Закавказской казенной палаты назначено было 1-го іюля 1849 года и сначала, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ декабря по мартъ, весь

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1894 г.

служебный міръ въ Тифлисѣ ожидалъ, что я буду назначенъ предсѣдателемъ, а между тѣмъ вышло иначе. Пріѣхалъ изъ Дагестана тогдашній кавказскій герой князь Аргутинскій-Долгорукій и сталъ хлопотать за предсѣдателя закрываемой Шемахинской палаты Лысенкова. Послѣдняго вообще мало кто зналъ въ Тифлисѣ, но онъ былъ старше меня по службѣ и въ чинѣ статскаго совѣтника: этимъ убѣдили намѣстника отдать ему предпочтеніе. Тѣмъ не менѣе, князь Воронцовъ, будучи вообще мною доволенъ, желалъ сохранить меня на службѣ въ краѣ; почему я, съ причисленіемъ къ министерству финансовъ, впредь до опредѣленія на должность предсѣдателя казенной палаты во внутреннихъ губерніяхъ, былъ оставленъ въ распоряженіи намѣстника для занятій и, считаясь въ командировкѣ, получалъ содержаніе, съ суточными и квартирными, не менѣе того, что и прежде, всего около 3.600 руб. въ годъ.

Между тѣмъ нужно было привести къ окончанію порученное коммиссіи дѣло о приведеніи въ соразмѣрность съ мѣстными доходами Закавказскаго края расходовъ на его гражданское управленіе. Для этого я составилъ нормальныя смѣты доходамъ и расходамъ и тѣмъ доказалъ, что если исключить разныя входившія въ счеты Тифлисской казенной палаты выдачи, которыя собственно не относятся къ расходамъ гражданскаго управленія, то и нѣтъ никакого въ нихъ превышенія противъ мѣстныхъ источниковъ. Составленныя мною нормальныя смѣты были представлены отъ коммиссіи съ такимъ заключеніемъ, что хотя мѣстныхъ доходовъ Закавказскаго края и достаточно для удовлетворенія насущныхъ потребностей гражданскаго управленія, но такъ какъ намѣстникъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя средства для осуществленія разныхъ мѣръ къ развитію естественныхъ богатствъ края и вообще къ его благоустройству, то было бы преждевременно лишать его всякаго пособія изъ государственнаго казначейства. Имѣя затѣмъ въ виду, что министръ финансовъ самъ опредѣлилъ это пособіе въ 500 тыс. руб., не болѣе, однако, какъ въ продолженіе 5-ти лѣтъ, коммиссія предложила, съ своей стороны, уменьшить размѣръ обѣщаннаго пособія мѣстнымъ доходамъ до 200 тыс. руб. въ годъ, но съ тѣмъ, чтобы не опредѣлять срока, по истеченіи котораго назначенная въ пособіе сумма была бы отпускомъ прекращена. Мини-

стерство финансовъ догадалось, конечно, что съ принятіемъ такого умѣреннаго, повидимому, предложенія явится новый расходъ для государственнаго казначейства въ 200 тыс. руб. и притомъ на неопредѣленное время, а потому отказалось отъ первоначальной мысли, заявленной въ представленіи графа Вронченко Кавказскому комитету. Такъ это дѣло кончилось пока ничѣмъ [1]). Комитетъ, съ своей стороны, разсыпался въ комплиментахъ князю М. С. Воронцову, высказавъ убѣжденіе, что, при доказанной опытности его по гражданскому управленію, онъ сумѣетъ поднять экономическое положеніе Закавказскаго края и найдти въ мѣстныхъ доходахъ его достаточныя средства къ дальнѣйшему развитію народнаго благосостоянія безъ особыхъ пособій изъ государственнаго казначейства. И Кавказскій комитетъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Многія статьи доходовъ увеличены, а нѣкоторые излишніе расходы по гражданскому управленію сокращены; такъ, напримѣръ, въ томъ же 1849 году упразднены губернаторскія канцеляріи и закрыты палаты государственныхъ имуществъ въ Тифлисѣ и Шемахѣ съ подвѣдомственными имъ особыми попечителями, обязанности коихъ возложены были на уѣздныхъ начальниковъ. Что же касается общаго экономическаго положенія края, то главныя основанія тому развитію, какое оно получило въ позднѣйшее время, послѣ окончанія войны съ горцами, положены были имъ, княземъ Воронцовымъ: это знаетъ и чувствуетъ все населеніе края, вспоминая съ благодарностью о времени его управленія.

Съ окончаніемъ зимняго сезона 1848—49 года бывавшіе въ домѣ намѣстника по понедѣльникамъ танцовальные вечера смѣнились, по обыкновенію, въ великомъ посту музыкальными, въ которыхъ и я принималъ большое участіе. Затѣмъ въ маѣ и іюнѣ стали разъѣзжаться кто въ экспедицію, кто на воды; изъ всего воронцовскаго общества чуть ли не мы одни остались въ городѣ. И хотя 1-го іюля, когда открылась новая Закавказская казенная палата, я былъ свободенъ и могъ бы тронуться въ путь, но этому помѣшала

---

[1]) Оно возникло опять въ 1857 году, когда былъ назначенъ намѣстникомъ князь А. И. Барятинскій, и я же былъ употребленъ для приведенія его къ концу.

главнымъ образомъ первая беременность жены, кончившаяся неудачно преждевременными родами. Безъ этого препятствія я, можетъ быть, уѣхалъ бы на лѣто въ Петербургъ попытать счастія и тамъ устроиться, потому что именно въ это время, т. е. въ 1849 г., князь Чернышевъ, оставаясь военнымъ министромъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а съ нимъ поступилъ въ комитетъ министровъ и В. П. Бутковъ [1]).

Здѣсь кстати будетъ разсказать, какъ это случилось. Начну съ того, что когда на мѣсто Канкрина министромъ финансовъ назначенъ былъ Вронченко, то онъ первымъ дѣломъ удалилъ отъ себя и перевелъ въ департаментъ государственнаго казначейства А. М. Княжевича (который потомъ былъ министромъ финансовъ), а на открывшуюся такимъ образомъ вакансію директора общей канцеляріи министерства финансовъ пригласилъ служившаго въ комитетѣ министровъ начальникомъ отдѣленія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Брока. Тотъ на это охотно согласился, но бывшій тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта князь Васильчиковъ, желая удержать его въ канцеляріи комитета министровъ, представилъ государю о назначеніи его помощникомъ управляющаго дѣлами комитета, съ правами по службѣ и содержаніемъ, присвоенными директорамъ министерскихъ департаментовъ и канцелярій. Государь на это соизволилъ, и вотъ какимъ образомъ создана совершенно случайно должность помощника управляющаго дѣлами комитета министровъ, постоянно замѣщаемая съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1844 г., какъ всякая штатная должность. Когда же послѣ князя Васильчикова былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта князь Чернышевъ, то онъ убѣдилъ графа Вронченко пригласить Брока въ товарищи министра финансовъ, а самъ на его мѣсто представилъ Буткова, который изъ помощниковъ скоро потомъ, именно 1-го января 1850 года, былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета министровъ, сохранивъ за собою такую же должность и по Кавказскому комитету. Итакъ, благодаря собственно этой случайности,

[1]) Извѣстно, что прежде должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ были нераздѣльны. Первымъ самостоятельнымъ или отдѣльнымъ предсѣдателемъ комитета министровъ былъ назначенъ князь Пав. Павл. Гагаринъ въ 1865 году.

т. е. желанію Чернышева имѣть на первыхъ порахъ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ по комитету министровъ Буткова, котораго онъ давно зналъ и цѣнилъ его редакторскія способности, открылся для Брока путь къ занятію должности товарища министра финансовъ, откуда онъ года черезъ четыре попалъ и въ министры.

Въ томъ же 1849 году, кромѣ общей для всего края Закавказской казенной палаты, открыты были: 1-го февраля Закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія, замѣнившій для края заемный банкъ, сохранную и ссудную казны, и 5-го апрѣля Кавказскій учебный округъ. Послѣднее преобразованіе ничего въ себѣ существеннаго не заключало, и едва-ли не одинъ В. Н. Семеновъ, назначенный попечителемъ округа, придавалъ ему значеніе. Такъ, съ цѣлью, вѣроятно, поднять престижъ новаго учрежденія, онъ пригласилъ, между прочимъ, на первые экзамены въ Тифлисской гимназіи всѣхъ лицъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ томъ числѣ меня, какъ бывшаго лицеиста. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы разсказать забавный случай, которому я былъ самъ свидѣтелемъ. На заданный одному ученику изъ Закона Божія вопросъ, кто былъ первый царь іудейскій, тотъ быстро отвѣтилъ: «Николай Павловичъ». Мы всѣ, конечно, съ трудомъ удерживались отъ смѣха, но законоучитель, протоіерей Романовъ не смутился и, сохраняя полное хладнокровіе, началъ ободрять ученика: «Вы не торопитесь, подумайте хорошенько, я васъ спрашиваю: кто былъ первый царь іудейскій?» Гимназистъ молчитъ. «Ну, что жъ? Неужели не знаете?» Раздается опять отвѣтъ: «Николай Павловичъ».

Разскажу кстати ужъ и другой, въ подобномъ родѣ, случай, которому я, впрочемъ, не былъ самъ свидѣтелемъ: онъ относится къ эпохѣ ревизіи Закавказскаго края статсъ-секретаремъ Позеномъ въ 1842 году. Пріѣхавъ въ Ахалцыхское уѣздное училище и заставъ классъ географіи, Позенъ спросилъ у одного ученика: «Какой главный городъ въ Россіи?» Ученикъ, не затрудняясь, отвѣтилъ: «Господинъ Петербургъ».—«Какъ господинъ, что вы говорите?»—«Такъ у насъ въ тетрадкахъ написано». Тогда Позенъ обращается къ учителю и спрашиваетъ: «Что это значитъ?»—«Помилуйте, ваше превосходительство, можно ли лучше учить за такое

ограниченное жалованье». Этотъ знаменитый учитель былъ потомъ у меня экзекуторомъ въ казенной палатѣ и съ этимъ дѣломъ справлялся изрядно.

Что касается открытія Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, то его ожидали съ нетерпѣніемъ грузинскіе помѣщики, потому что прежній Тифлисскій приказъ выдавалъ въ ссуду на каждое лицо не болѣе 4.500 р. и срокомъ только на три года. Такимъ образомъ, владѣльцы населенныхъ имѣній, а еще болѣе виноградныхъ садовъ въ Кахетіи и Карталиніи (т. е. въ уѣздахъ Телавскомъ, Сигнахскомъ и Горійскомъ) принуждены были прибѣгать къ частнымъ займамъ на условіяхъ, крайне для нихъ отяготительныхъ, платя своимъ кредиторамъ не менѣе 12 процентовъ въ годъ. Съ другой стороны при самомъ началѣ дѣйствій Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, какъ кредитнаго учрежденія, замѣнившаго для края заемный банкъ, встрѣтились большія затрудненія по выдачѣ ссудъ подъ населенныя имѣнія. Затрудненія заключались въ томъ, что имѣнія эти должны были цѣниться не по ревизскимъ душамъ и по опредѣленному окладу, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, а по количеству и качеству угодій въ крестьянскихъ дымахъ, а также по дѣйствительнымъ и постояннымъ доходамъ помѣщика съ закладываемаго имѣнія. Но чтобы опредѣлить эти угодья и вообще доходъ, приносимый крестьянами помѣщику, не было данныхъ, которыя бы поддавались сколько-нибудь вѣрному исчисленію и могли быть противопоставлены завѣдомо преувеличеннымъ оцѣнкамъ.

Для обсужденія возникшихъ отсюда затрудненій, назначена была, по обыкновенію, особая коммиссія, въ составъ которой вошелъ и я. Мы не могли придти ни къ какому опредѣленному заключенію и предложили, сколько помнится, предоставить общему присутствію Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія дискреціонное право уменьшать размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ по своему усмотрѣнію. Только этимъ и можно было охранить сколько-нибудь отъ расхищенія капиталъ преобразованнаго приказа, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не великъ и составлялъ, считая въ томъ числѣ казенные и частные вклады, переданные изъ бывшаго Тифлисскаго приказа, всего 419 тыс. р. Но затѣмъ сумма вкладовъ стала быстро увеличиваться, такъ

что уже въ 1854 г., т. е. на 6-й годъ послѣ открытія Закавказскаго приказа, составляла сумму 3.733.000 руб. Съ тѣмъ вмѣстѣ возрастали домогательства грузинскихъ помѣщиковъ и тифлисскихъ домовладѣльцевъ о выдачѣ ссудъ подъ сельскія и городскія имѣнія, что и погубило въ концѣ концовъ Закавказскій приказъ, какъ кредитное учрежденіе. Въ 1884 году онъ былъ окончательно закрытъ съ большимъ убыткомъ для казны, несмотря на то, что по ходатайству грузинскихъ дворянъ о прощеніи имъ долговъ Закавказскому приказу половина означенныхъ долговъ на сумму 1.300.000 рублей сложена со счетовъ.

Еще, въ томъ же 1849 году, послѣдовалъ Высочайшій указъ 9 го іюля о разныхъ сокращеніяхъ въ штатахъ губернскихъ учрежденій и, между прочимъ, объ упраздненіи губернаторскихъ канцелярій въ Тифлисѣ и Шемахѣ, по примѣру Кутаисской губерніи, гдѣ, по новому положенію, вся переписка отъ лица губернатора сосредоточена была въ губернскомъ правленіи. По этому случаю я, какъ главный дѣятель въ коммиссіи о сокращеніи штатовъ, получилъ неожиданный въ 8 часовъ утра визитъ шемахинскаго военнаго губернатора, барона А. Е. Врангеля, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ, можетъ ли онъ составить себѣ канцелярію изъ свободныхъ чиновниковъ безъ лишняго расхода для казны. Я, конечно, на это ему сказалъ, что, за состоявшимся упраздненіемъ губернаторской канцеляріи, какъ особаго учрежденія, она уже не можетъ быть возстановлена, хотя бы и ничего не стоила казнѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «ну, если такъ, то я оставаться долѣе губернаторомъ не могу». И дѣйствительно, явившись къ намѣстнику, баронъ Врангель высказалъ передъ нимъ, что онъ не понимаетъ должности губернатора безъ особой при немъ канцеляріи и потому проситъ дать ему военное назначеніе, которое онъ въ скоромъ времени и получилъ на открывшуюся послѣ К. А. Бельгардта вакансію командира Кавказской резервной гренадерской бригады; въ составъ ея входили два полка, стоявшіе подъ Тифлисомъ: Грузинскій гренадерскій (на Бѣломъ Ключѣ) и Эриванскій карабинерный (въ Манглисѣ).

Не кончились еще мои занятія по коммиссіи въ Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, какъ, въ октябрѣ 1849 года, я

былъ назначенъ членомъ и завѣдывающимъ дѣлами Высочайше учрежденнаго комитета для составленія въ первый разъ общей по Закавказскому краю смѣты и раскладки денежныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1850 по 1853 годъ. Дѣло было новое и трудное. На изученіе его во всѣхъ подробностяхъ и на изготовленіе смѣты съ необходимыми справками и соображеніями я употребилъ цѣлый мѣсяцъ самой усидчивой работы потому, что при докладѣ комитету, состоявшему изъ 4-хъ губернаторовъ и больше 30 депутатовъ отъ дворянства и высшаго мусульманскаго сословія, нужно было давать всѣ объясненія наизусть, соглашать и умѣрять губернаторовъ въ ихъ излишнихъ требованіяхъ и затѣмъ прійти къ благопріятному концу, т. е. къ заключенію смѣты безъ дефицита. Прежде въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгали, особенно по Тифлисской губерніи, къ займамъ, но потомъ они были особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ воспрещены, и надо было обходиться собственными средствами края Несмотря, однако, на всѣ трудности, я окончилъ порученное мнѣ дѣло въ два засѣданія комитета, чѣмъ особенно довольны остались депутаты, спѣшившіе возвратиться домой, и за что я получилъ письменную благодарность намѣстника, кромѣ словесной, высказанной имъ на общемъ обѣдѣ при всѣхъ губернаторахъ и депутатахъ.

Таковы были мои служебныя занятія въ 1849 году, не прерывавшіяся и лѣтомъ, которое мы провели въ городѣ, и бѣдная моя жена испытала въ первый разъ всю тягость тифлисскихъ жаровъ, не имѣвъ притомъ никакихъ развлеченій какъ по отсутствію общества, такъ и по своему болѣзненному состоянію.

Военная экспедиція въ Дагестанъ была въ томъ году неудачна. Продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ блокада укрѣпленія Чохъ кончилась ничѣмъ, а между тѣмъ дорого стоила осаждавшему отряду: 4 штабъ и 27 оберъ-офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ выбыли изъ строя. При этой блокадѣ тяжело раненъ былъ въ ногу завѣдывавшій осадными работами, въ качествѣ сапернаго офицера, К. П. фонъ-Кауфманъ и убитъ наповалъ исполнявшій обязанности траншей-маіора полковникъ Левицкій, о которомъ я уже упоминалъ какъ о женихѣ моей belle soeur Анны Петровны Принцъ.

*

Я былъ также огорченъ извѣстіемъ о смерти Владиміра Савича Комарова, мужа моей старшей сестры, который, послѣ десяти-лѣтняго командованія Бородинскимъ егерскимъ полкомъ, былъ, передъ самымъ торжествомъ открытія памятника въ честь великой битвы 1812 года, уволенъ неожиданно отъ службы, съ производствомъ въ генералы. Устроено это было его нѣмецкимъ начальствомъ съ очевидною цѣлью дать полкъ (которому предстояла главная роль въ военно-историческомъ праздникѣ) своему ландсману. Послѣ того В. С. Комаровъ съ большимъ трудомъ и не скоро могъ поступить вновь на службу прежнимъ полковничьимъ чиномъ и получилъ незавидную должность помощника окружнаго начальника внутренней стражи въ Херсонѣ. Должность эта заключалась главнымъ образомъ въ безконечныхъ разъѣздахъ по гарнизоннымъ баталіонамъ и инвалиднымъ командамъ для инспекторскихъ смотровъ. Она-то его и сгубила: онъ умеръ въ одинъ изъ такихъ разъѣздовъ на большой дорогѣ.

Царская фамилія понесла также въ 1849 году двѣ утраты въ лицѣ дочери императора великой княжны Александры Николаевны и августѣйшаго его брата великаго князя Михаила Павловича. И тотъ и другая пользовались самымъ симпатическимъ расположеніемъ петербургскаго общества. Теперь еще слышны отъ старыхъ гвардейцевъ самые лучшіе и почтительные отзывы о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, который умѣлъ соединять съ требованіями военной дисциплины гуманныя отношенія къ подчиненнымъ, не сдѣлавъ никого изъ нихъ несчастнымъ. Всѣ строгости великаго князя ограничивались такъ называемыми распечками и легкими арестами на гауптвахтѣ, которые тогда практиковались и другими начальниками за самые маловажные проступки и отступленія отъ формы.

Въ исходѣ октября 1849 года возвратились въ Тифлисъ князь М. С. Воронцовъ съ генералъ-адъютантомъ Коцебу и княгиня Е. К. Воронцова съ графиней Шуазёль-Гуфье. Послѣдняя, прибывъ изъ Одессы, поселилась въ домѣ главнокомандующаго у Воронцовыхъ и прожила съ ними все время до окончательнаго выѣзда ихъ изъ Тифлиса въ началѣ 1854 года.

1850-й годъ.

Оживленіе зимняго сезона съ пріѣздомъ новыхъ лицъ изъ Петербурга.—Folle-journée 5 марта.—Помѣшательство генерала Нестерова.—Открытіе Эриванской губерніи.—Первый военный губернаторъ И. И. Назоровъ.—Новый вице-директоръ канцеляріи намѣстника А. Ѳ. Крузенштернъ.—Проектъ объ отдачѣ Кульпинскаго и Нахичеванскаго соляныхъ промысловъ въ арендное содержаніе.—Окончаніе дѣла объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ г. Тифлиса.—Поѣздка въ Пятигорскъ въ качествѣ чиновника, состоящаго въ распоряженіи намѣстника.—Кровавая развязка съ пятью карачаевцами.—Прибытіе наслѣдника цесаревича въ Тифлисъ.—Пожалованіе князю Воронцову преображенскаго мундира.

Съ пріѣздомъ нѣкоторыхъ новыхъ лицъ зимній сезонъ 1849—1850 г. особенно оживился. Въ числѣ новыхъ лицъ надобно упомянуть о княгинѣ Софьѣ Андреевнѣ Гагариной и дѣвицѣ Мейендорфъ, которая вскорѣ потомъ вышла замужъ за генералъ-маіора Минквица, бывшаго адъютанта князя Воронцова. Обѣ онѣ отличались во французскихъ пьесахъ на домашнихъ спектакляхъ у князя Воронцова. Мужъ Софьи Андреевны, участвовавшій въ тѣхъ же спектакляхъ, устраивалъ кромѣ того живыя картины, а балы и танцовальные вечера шли своимъ порядкомъ. На этихъ балахъ отличался, какъ новый левъ, только-что пріѣхавшій изъ Петербурга флигель-адъютантъ маіоръ свѣтлѣйшій князь Эмилій Витгенштейнъ, извѣстный богачъ, умершій въ 1878 году въ званіи генералъ-адъютанта. Онъ, впрочемъ, при первомъ дебютѣ, неосторожно спросилъ у одной дамы (Е. Е. Назоровой, воспитывавшейся въ какомъ-то петербургскомъ институтѣ), говоритъ ли она по-французски. Жена замѣтила по этому случаю въ письмѣ: «c'est qu'ordinairement on vient en Georgie avec l'ideé d'y trouver des sauvages».

Рядъ баловъ и танцовальныхъ вечеровъ заключился въ послѣдній день масляницы (5-го марта 1850 года) такъ называемымъ folle-journée, который въ тотъ разъ начался въ клубѣ, гдѣ, послѣ большой прогулки верхами и въ экипажахъ, съ казаками и пѣсенниками впереди, обѣдали и танцовали до $5^1/_2$ часовъ. Затѣмъ въ 7 часовъ собрались опять въ домѣ намѣстника и танцовали до 12 часовъ. Въ посту наступили, по обыкновенію, музыкальные вечера, на которыхъ я былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ

лицъ. Припоминаю, что въ это время получены были свѣдѣнія о болѣзненной раздражительности генералъ-маіора П. П. Нестерова, командовавшаго 20-й пѣхотной дивизіей, у котораго однимъ изъ пунктовъ помѣшательства былъ тотъ, что у него великолѣпный голосъ, и онъ все повторялъ: «вотъ поѣду въ Тифлисъ, теперь у князя музыкальные вечера, буду пѣть съ Харитоновымъ и Багратіономъ, лишь бы дорóгой не охрипнуть». Онъ вскорѣ дѣйствительно пріѣхалъ въ Тифлисъ и за обѣдомъ у намѣстника объявилъ ему по секрету, что князь Семенъ Михаиловичъ прекрасный молодой человѣкъ, но все-таки ему не мѣшало бы прислушиваться къ тому, что говорятъ старшіе и опытные люди, а самому чаще молчать. Воронцовъ будто-бы посовѣтовалъ Нестерову, чтобы онъ самъ сказалъ это его сыну.

Къ числу любителей пѣвцовъ прибавился Уваровъ, дальній родственникъ В. Н. Семенова, который опредѣлилъ его чиновникомъ особыхъ порученій при управленіи учебнымъ округомъ. Я пѣлъ съ нимъ дуэты и чаще другихъ модный тогда дуэтъ изъ «Elisir d'amore» по желанію князя М. С. Воронцова, который признавалъ только комическую оперу; сама же княгиня Елисавета Ксаверьевна была вообще хорошею музыкантшей и не разъ мнѣ аккомпанировала.

Къ тому же времени, т. е. къ началу 1850 года, относится открытіе новой Эриванской губерніи изъ трехъ уѣздовъ бывшей Тифлисской губерніи: Эриванскаго, Нахичеванскаго и Александрапольскаго, съ отдѣленіемъ нѣкоторыхъ частей въ два особые уѣзда: Новобаязетскій вокругъ озера Гокчи и Ордубатскій на самой персидской границѣ. Назначенъ былъ уже и губернаторъ, съ Черноморской береговой линіи, генералъ-маіоръ Альбрандтъ, но съ нимъ случилось несчастіе. Одна женщина, при подачѣ просьбы, схватила его неосторожно за больную руку, которая послѣ огнестрѣльной раны была у него отнята по локоть. Сдѣлалось воспаленіе, отъ котораго онъ въ нѣсколько дней умеръ. Тогда выборъ намѣстника остановился на членѣ совѣта главнаго управленія И. И. Назоровѣ и, такъ какъ онъ прежде состоялъ въ военной службѣ до полковничьяго чина, то и былъ назначенъ, съ переименованіемъ въ генералъ-маіоры, первымъ эриванскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ оставался довольно долго, пока послѣ ревизіи,

произведенной, по распоряженію намѣстника князя Барятинскаго, членомъ совѣта Ѳ. Е. Коцебу, не былъ уволенъ въ 1858 году.

Упомяну еще о пріѣздѣ тогда въ Тифлисъ командовавшаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генералъ-адъютанта князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго, для котораго князь Воронцовъ придумалъ особое наказаніе за его неудачныя дѣйствія въ 1849 году при осадѣ укрѣпленія Чохъ. Во все время пребыванія Аргутинскаго въ Тифлисѣ, главнокомандующій ни разу не произнесъ слово: Чохъ. Говорили тогда, что Аргутинскій предпочелъ бы прямо высказанное ему замѣчаніе такому упорному молчанію о его прошлогоднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Только Воронцовъ способенъ былъ такъ тонко и скрытно выразить свое неудовольствіе генералу, привыкшему слышать отъ своего начальства однѣ похвалы и получать черезъ него почетныя награды.

Возвращаясь къ себѣ, я долженъ сказать, что съ февраля 1850 года начали сильно говорить о назначеніи меня вице-директоромъ канцеляріи намѣстника на мѣсто статскаго совѣтника Щастливцева, который еще въ октябрѣ 1849 года уѣхалъ въ отпускъ и мѣсяца черезъ три подалъ въ отставку. Назначенъ онъ былъ на вновь созданную, по желанію Сафонова, должность вице-директора канцеляріи, почти въ одно время со мною, т. е. въ началѣ 1847 года, изъ секретарей 1-го жандармскаго округа. Я помню, какъ еще въ Петербургѣ и потомъ въ Тифлисѣ удивлялись такому странному назначенію, тѣмъ болѣе, что Щастливцевъ былъ уже пожилой человѣкъ, и потому трудно было ожидать какой-либо существенной пользы отъ его дѣятельности въ краѣ, ему вовсе незнакомомъ. Повидимому, онъ самъ это понялъ и при первой возможности ушелъ. Я же, послѣ трехъ лѣтъ службы въ Тифлисѣ, достаточно ознакомился съ особенностями кавказскаго управленія и, доказавъ свою дѣловитость какъ при управленіи казенною палатою, такъ и при исполненіи разнородныхъ порученій, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ случай и возможность заявить себя, передъ лицомъ намѣстника, опытнымъ докладчикомъ и редакторомъ. Такимъ образомъ, немудрено, что, по общему мнѣнію въ тифлисскомъ служебномъ мірѣ, я могъ бы замѣнить даже самого Сафонова въ должности директора канцеляріи намѣстника, тѣмъ болѣе, что онъ, послѣ неоднократныхъ

отлучекъ изъ края, задумалъ совсѣмъ уйти и, впредь до новаго назначенія, отпросился въ продолжительный заграничный отпускъ. Но пока, для временнаго управленія канцеляріею, былъ выписанъ, какъ близкій намѣстнику человѣкъ, М. П. Щербининъ, который еще въ 1847 году, послѣ женитьбы, уѣхалъ въ Одессу и считался тамъ состоящимъ при князѣ Воронцовѣ по званію новороссійскаго генералъ-губернатора.

Вице-директоромъ же канцеляріи былъ окончательно назначенъ, противъ ожиданій тифлисской публики и не безъ колебаній со стороны самого намѣстника, состоявшій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій А. Ѳ. Крузенштернъ, котораго онъ мало зналъ и рѣдко употреблялъ по службѣ; если же рѣшился на его назначеніе, то главнымъ образомъ, какъ говорили, по усиленной просьбѣ своего сына, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Крузенштерномъ.

Что касается меня, то я должностью вице-директора вовсе не льстился, во 1-хъ, потому, что она мало подвинула бы меня по службѣ, а во 2-хъ, я уже дважды испыталъ удовольствіе быть помощникомъ и предпочиталъ всякую самостоятельную должность съ опредѣленными обязанностями, успѣшное исполненіе которыхъ обращается въ заслугу, для всѣхъ видимую, и даетъ право на отличіе. Въ ожиданіи же будущихъ благъ, я оставался все тѣмъ же чиновникомъ министерства финансовъ, откомандированнымъ въ распоряженіе намѣстника для разныхъ занятій, которыхъ у меня постоянно было довольно, и я по совѣсти могу сказать, что не даромъ получалъ равное съ прежнимъ (по должности предсѣдателя казенной палаты) содержаніе.

Такимъ образомъ, я въ мартѣ 1850 года опять получилъ два предписанія намѣстника. Однимъ возлагалось на меня составленіе подробнаго проекта объ отдачѣ состоявшихъ въ казенномъ управленіи Кульпинскаго и Нахичеванскаго соляныхъ промысловъ въ арендное или откупное содержаніе, хотя такая работа прямо относилась къ обязанности казенной палаты и, конечно, за время моего въ ней предсѣдательства никому другому не была бы поручена. Понятно, что это не могло нравиться преемнику моему, дѣйствительному статскому совѣтнику Лысенкову, который почему-то не умѣлъ обра-

тить на себя вниманіе намѣстника и заслужить его довѣріе. Неудовольствіе свое Лысенковъ перенесъ и на мой проектъ, переданный на предварительное разсмотрѣніе казенной палаты, и, стараясь найти въ немъ недостатки, представилъ свои замѣчанія. Но при обсужденіи всего дѣла въ совѣтѣ главнаго управленія, въ присутствіи моемъ и состоявшаго также въ распоряженіи намѣстника, корпуса горныхъ инженеровъ подполковника Иваницкаго (который вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ горною частью на Кавказѣ), всѣ возраженія Лысенкова были отвергнуты, и проектъ мой былъ оставленъ безъ всякаго измѣненія, а затѣмъ, согласно представленію намѣстника и по положенію Кавказскаго комитета, удостоился въ томъ же году Высочайшаго утвержденія.

Другимъ предписаніемъ намѣстника я былъ назначенъ предсѣдателемъ главной коммиссіи, въ составъ которой входили старшій полиціймейстеръ, архитекторъ и городской голова, для описанія и оцѣнки обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ города Тифлиса. Коммиссія эта уже существовала около года, находясь подъ предсѣдательствомъ члена совѣта главнаго управленія, генералъ-лейтенанта Каханова, но къ рѣшительнымъ результатамъ не пришла. Надлежало исполнить все то, что было не додѣлано, а это составляло не малый трудъ, исполненный при самыхъ усиленныхъ съ моей стороны стараніяхъ въ три съ половиною мѣсяца. Засѣданія главной коммиссіи и мои въ ней занятія заключились представленіемъ вновь составленныхъ девяти (по числу кварталовъ города) документальныхъ книгъ обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ города Тифлиса въ числѣ 6.855 нумеровъ и окончательнаго соображенія, по которому тягостный для домовладѣльцевъ квартирный сборъ, поглощавшій шестую часть чистаго ихъ годоваго дохода, былъ пониженъ болѣе чѣмъ на три процента.

Съ половины марта и весь апрѣль стояла въ Тифлисѣ дивная погода, и составлялось много прогулокъ и пикниковъ, въ которыхъ самую видную роль начали играть грузинскія княжескія фамиліи вслѣдствіе нескрываемаго пристрастія къ нимъ самого намѣстника, по старческой слабости его къ княгинѣ Еленѣ Эристовой. Возродился, по его желанію, грузинскій театръ, и въ первой пьесѣ, разыгранной въ залѣ Тифлисской гимназіи, двѣ роли оставлены

были для русскихъ: чиновникъ-взяточникъ и пьяный слуга. Никто изъ русскихъ не апплодировалъ, кромѣ самого князя Воронцова и Сафонова. Щербининъ, игравшій чиновника, былъ въ отчаяніи: когда ему предложили принять участіе въ спектаклѣ, онъ не зналъ, что-за роль, а потомъ не могъ уже отъ нея отдѣлаться. Передъ выступленіемъ на сцену, онъ говорилъ, что идетъ на посрамленіе. Между тѣмъ авторъ этой нелѣпѣйшей по содержанію пьесы, озаглавленной Разсвѣтъ, князь Г. Д. Эристовъ, нигдѣ прежде не служившій, назначенъ былъ прямо чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, что̀ не помѣшало ему ходить по-прежнему въ чухѣ. Много было объ этомъ разговоровъ, и всѣ сожалѣли объ упадкѣ престижа, которымъ пользовался до того времени нашъ намѣстникъ не только въ краѣ, но и въ цѣлой Россіи. Мы поэтому были отчасти довольны, когда онъ въ половинѣ мая выѣхалъ изъ Тифлиса внутрь края. Княгиня же Е. К. Воронцова оставалась довольно долго въ Тифлисѣ, благодаря тому, что начавшееся лѣто было, противъ обыкновенія, довольно прохладное отъ частыхъ дождей. Держала она себя въ отношеніи къ обществу совершенно иначе и собирала свой интимный кружокъ преимущественно изъ русскихъ. 21-го іюня данъ ей былъ отъ всего тифлисскаго общества прощальный, передъ выѣздомъ на воды, вечеръ въ Ботаническомъ саду, съ музыкой, иллюминаціей и фейерверкомъ. Много веселились, танцовали и вообще вышелъ праздникъ удачный. Онъ былъ описанъ въ фельетонѣ газеты «Кавказъ» первымъ ея редакторомъ О. И. Константиновымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того княгиня Елисавета Ксаверьевна, въ сопровожденіи князя В. О. Бебутова, отправилась на лѣтнее пребываніе въ Кисловодскъ.

Около того же времени, т. е. въ послѣднихъ числахъ іюня, какъ только кончились мои занятія по главной коммиссіи для переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ г. Тифлисѣ, отправился и я съ женой въ Пятигорскъ, въ первый разъ послѣ свадьбы. Причемъ я для этой поѣздки не нуждался даже въ отпускѣ, а получилъ командировку, какъ состоявшій при намѣстникѣ, который проводилъ часть лѣта въ Кисловодскѣ и тамъ дѣйствительно давалъ мнѣ разныя порученія. Прихожу я однажды, именно 19 августа, съ докладомъ къ намѣстнику въ 9 часовъ утра и замѣчаю въ домѣ какую-то сует-

ливую бѣготню. По разспросамъ оказалось, что кн. Воронцовъ озабоченъ исторіей съ пятью карачаевцами, которыхъ полковникъ кн. Г. Р. Эристовъ (занимавшій тогда должность начальника центра Кавказской линіи) вызвалъ къ себѣ, для разслѣдованія дѣла объ увозѣ однимъ изъ нихъ чужой невѣсты и, по выслушаніи объясненій обвиняемаго, объявилъ, что впредь до рѣшенія этого дѣла судомъ (по шаріату) онъ ихъ арестуетъ. Но карачаевцы, не протестуя противъ самой мѣры взысканія, не соглашались ни подъ какимъ видомъ разстаться съ своимъ оружіемъ, считая это для себя позорнымъ. Отсюда явилось затрудненіе, какъ поступить: отмѣнить ли назначенный, въ видѣ предварительной мѣры, арестъ или настоять на разъ предъявленномъ требованіи объ арестѣ, съ выдачею, по воинскому уставу, оружія. Главнокомандующій рѣшилъ держаться послѣдняго и, въ случаѣ сопротивленія, подавить его силою. Тогда я отправился къ дому, гдѣ квартировалъ кн. Эристовъ, и, подойдя, вижу на дворѣ пять вооруженныхъ карачаевцевъ верхами, а вокругъ нихъ цѣлый взводъ казаковъ, которые спѣшились и держатъ лошадей въ поводу. Стоятъ всѣ спокойно, что, — какъ сказали мнѣ — продолжается уже съ часъ времени, какъ вдругъ на спускѣ съ горы заблестѣли штыки. Сидѣвшіе верхомъ карачаевцы, перемигнувшись, выскочили съ гикомъ изъ открытыхъ воротъ, но прежде, чѣмъ они успѣли отъѣхать на 100 шаговъ, казаки дали по нимъ залпъ, и одинъ изъ пятерыхъ, раненый пулею, упалъ. Остальные четверо бросились его поднимать, а въ это время урядникъ, заѣхавъ впередъ, отбилъ у нихъ лошадей. Карачаевцы пустились бѣгомъ съ раненымъ на гору и, взобравшись на самый верхъ, гдѣ стоитъ каменный крестъ, засѣли тамъ съ ружьями, чтобы отстрѣливаться противъ нападающихъ. Часть людей изъ прибывшей роты линейнаго баталіона направлена была по горѣ напрямикъ, но по крутости подъема и при отсутствіи всякой тропинки, до самаго верха не дошла. Между тѣмъ казаки, пущенные въ обходъ, настигли засѣвшихъ за крестомъ, но они не сдавались и встрѣтили нападающихъ выстрѣлами. Скоро потомъ двое изъ четырехъ были положены на мѣстѣ, а двое раненые пустились въ бѣгство внизъ по отвѣсной горѣ, куда никто изъ нашихъ за ними слѣдовать не могъ. Одинъ изъ бѣжавшихъ забрался было на конюшню главнокомандующаго,

но пока конюхъ защищался вилами отъ размаховъ его шашки, онъ подоспѣвшими людьми былъ изрубленъ въ куски. Другой же, раненый въ ногу, несся съ горы прямо внизъ и вбѣжалъ въ открытую дверь казенной гостиницы или вокзала, гдѣ за прилавкомъ стоялъ буфетчикъ съ сыномъ. Въ перваго онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ упоръ, а второй взбѣжалъ по витой лѣстницѣ на хоры танцовальной залы, когда же и тотъ послѣдовалъ за нимъ, то ему ничего болѣе не оставалось, какъ броситься изъ окна на дворъ, гдѣ, къ его счастію, была насыпана большая куча песку. Раненый же карачаевецъ на такой скачекъ не рѣшился и остался на хорахъ, въ ожиданіи своей участи. Подоспѣла между тѣмъ команда изъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и, войдя въ залу, начала стрѣлять, но пули попадали въ потолокъ, не достигая скрывшагося на хорахъ. Приставили со двора лѣстницу, по которой разъяренные солдаты взобрались на хоры и, когда нашли забившагося въ уголъ убійцу, то, обезоруживъ и схвативъ его на руки, сбросили изъ окна на штыки.

Все это происходило на моихъ глазахъ, и я помню, какъ этотъ несчастный, спустившись съ горы по направленію къ гостиницѣ, пробѣжалъ мимо меня и моего тестя не болѣе, какъ въ 10 шагахъ, но насъ не замѣтилъ потому, что несся прямо, какъ разъяренный звѣрь, махая по воздуху обнаженной шашкой на обѣ стороны.

Изъ всѣхъ пяти карачаевцевъ остался живъ одинъ, тотъ самый, который былъ раненъ при первомъ залпѣ казаковъ. Онъ-то и былъ князь, увезшій чужую невѣсту; съ нимъ былъ еще другой князь, его родственникъ, а остальные трое были ихъ н у к ѣ р ы (оруженосцы, слуги).

Отъ бывшей перестрѣлки, особенно въ вокзалѣ, гдѣ весь потолокъ былъ усѣянъ пулями, вышелъ въ Кисловодскѣ переполохъ, и дамы, въ томъ числѣ и наши, вообразивъ себѣ нападеніе горцевъ, начали спасаться бѣгствомъ въ крѣпость, гдѣ стояло на валу нѣсколько орудій. Кончилось, конечно, все однимъ пустымъ страхомъ, но разсказовъ было много на всѣхъ пунктахъ минеральныхъ водъ, а разъѣхавшіяся по домамъ провинціальныя дамы сочиняли вѣроятно страшныя исторіи про погибельный Кавказъ и про тѣ опасности, какимъ онѣ тамъ подвергались.

Въ сентябрѣ мы съ женой тронулись изъ Пятигорска въ обрат-

ный путь и пробыли въ дорогѣ цѣлую недѣлю потому, что въ горахъ пришлось тащиться на волахъ вслѣдствіе особаго распоряженія, по которому почтовыхъ лошадей отпускали со станцій только курьерамъ да подъ почты, въ ожиданіи скораго проѣзда наслѣдника цесаревича Александра Николаевича со свитой, въ числѣ которой былъ лейбъ-медикъ Енохинъ, гр. Іосифъ Ламбертъ и гр. Ал. Вл. Адлербергъ. И дѣйствительно, мы прибыли 19-го сентября, а 25-го числа въѣхалъ торжественно въ Тифлисъ верхомъ августѣйшій гость и оставался тамъ четыре дня, въ продолженіе которыхъ горѣла великолѣпная иллюминація и происходили торжества. Жена, по нездоровью, не могла ни видѣть ихъ, ни принимать въ нихъ участія, о чемъ пожалѣла княгиня Е. К. Воронцова и съ свойственною ей любезностью высказала мнѣ это на бывшемъ у нея большомъ балѣ. Наслѣдникъ былъ вообще очень милостивъ и любезенъ, но во время танцевъ не садился, а все стоялъ и тѣмъ утомилъ престарѣлаго намѣстника. Тѣмъ не менѣе, князь Михаилъ Семеновичъ былъ счастливъ и очень доволенъ вновь пожалованнымъ ему мундиромъ Преображенскаго полка, въ которомъ онъ началъ свою службу. Тогда, въ николаевскія времена, пожалованіе гвардейскаго мундира считалось высокою наградою, между тѣмъ какъ теперь это составляетъ заурядное отличіе, которое никого не минуетъ изъ гвардейскихъ полковыхъ командировъ, при переходѣ ихъ въ армію на высшія должности.

Въ дальнѣйшее путешествіе по Закавказью наслѣдникъ цесаревичъ выѣхалъ изъ Тифлиса 29-го сентября съ княземъ Бебутовымъ и только въ г. Куба встрѣтилъ его опять самъ намѣстникъ, а затѣмъ, сопровождая по Дагестану и Чечнѣ, откланялся его высочеству во Владикавказѣ 28-го октября и возвратился въ Тифлисъ 2-го ноября. Государь Николай Павловичъ остался доволенъ путешествіемъ своего наслѣдника и назначилъ его шефомъ Эриванскаго полка, который со времени воцаренія Александра Николаевича и понынѣ именуется Лейбъ-Гренадерскимъ Его Величества полкомъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда наслѣдника и потомъ главнокомандующаго изъ Тифлиса, помощникъ начальника главнаго штаба войскъ на Кавказѣ Ив. Ив. Гогель опасно заболѣлъ и, не выдержавъ сильныхъ и непрерывныхъ припадковъ лихорадки въ формѣ спячки, умеръ

12-го октября 1850 года, оплакиваемый тифлисскимъ обществомъ, которое находило въ его домѣ постоянно радушный пріемъ. Должность его осталась незамѣщенною, а сопряженныя съ нею обязанности возложены на корпуснаго оберъ-квартирмейстера генералъ-маіора Н И. Вольфа, который потомъ черезъ годъ, послѣ отъѣзда Коцебу въ продолжительный отпускъ, исправлялъ и должность начальника главнаго штаба.

7-го ноября родилась у меня старшая дочь Евгенія, и въ тотъ же день состоялась свадьба въ Пятигорскѣ моей belle-soeur Анны Петровны Принцъ съ полковникомъ Николаемъ Петровичемъ Линевичемъ, командиромъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, котораго штабъ-квартира находилась въ укрѣпленіи Нальчикъ, верстъ на 50 ближе къ передовой линіи противъ горцевъ.

Съ 8-го ноября начался обычный для тифлисскаго общества, принимаемаго въ домѣ князя М. С. Воронцова, зимній сезонъ танцовальныхъ и музыкальныхъ вечеровъ по понедѣльникамъ, а для служащихъ установленный два раза въ недѣлю порядокъ пріемовъ у намѣстника. Въ одинъ изъ такихъ пріемовъ я подалъ докладную записку, въ которой, ссылаясь на успѣшный исходъ произведенныхъ торговъ на отдачу въ арендное содержаніе Кульпинскаго и Нахичеванскаго соляныхъ промысловъ, съ превышеніемъ противъ казеннаго дохода на 20 тыс. руб. въ годъ, я просилъ о представленіи меня черезъ кавалерскую думу къ ордену Владиміра 4-й степени по статуту. Но кто-то изъ близкихъ сказалъ Воронцову, что я на это не имѣю права, такъ какъ самая мысль о передачѣ соляныхъ промысловъ изъ казеннаго управленія въ частное содержаніе заключалась уже въ полученномъ мною отъ намѣстника предписаніи и мнѣ не принадлежитъ. Узнавъ объ этомъ отъ директора канцеляріи Щербинина, я просилъ позволенія представить личныя объясненія и высказалъ въ нихъ, что по статуту чиновникъ награждается орденомъ не за мысль, принадлежащую во всякомъ случаѣ начальству, а именно за составленіе проекта, осуществленіе котораго приводитъ къ возвышенію доходовъ казны безъ всякихъ съ ея стороны издержекъ. Представленный же мною проектъ такимъ и оказался, будучи одобренъ предварительно, несмотря на критику предсѣдателя казенной палаты, въ совѣтѣ главнаго управленія Закавказ-

скаго края и въ министерствѣ финансовъ передъ разсмотрѣніемъ его въ Кавказскомъ комитетѣ. Князь Михаилъ Семеновичъ вполнѣ удовлетворился моими объясненіями и тутъ же приказалъ приготовить представленіе въ капитулъ орденовъ, гдѣ въ первомъ же собраніи кавалерской думы 22-го сентября 1851 года былъ присужденъ мнѣ орденъ Владиміра 4-й степени. Я былъ очень доволенъ этой наградой потому, что за мое время никто изъ гражданскихъ чиновниковъ на Кавказѣ не получилъ ордена Владиміра 4-й степени по статуту, кромѣ полицейскихъ чиновъ, которые представлялись, какъ отличившіеся при поимкѣ разбойниковъ съ опасностью жизни отъ бывавшей въ такихъ случаяхъ перестрѣлки.

1851-й годъ.

Назначеніе вновь предсѣдателемъ Закавказской казенной палаты.—Открытіе новаго каменнаго театра и чествованіе обѣдомъ князя Г. Г. Гагарина.—Княжна Варвара Ильинична Грузинская и посвященные ей стихи Я. П. Полонскаго.—Обрушеніе строившагося корпуснаго собора въ Тифлисѣ.—Полное солнечное затменіе 16 іюля.—Первое представленіе итальянской оперы 9 ноября.

Вскорѣ затѣмъ, въ концѣ декабря 1850 года, я былъ потребованъ къ намѣстнику для объясненія, какъ могло случиться вышедшее мнѣ назначеніе предсѣдателемъ Астраханской казенной палаты. По словамъ Щербинина, князь Воронцовъ заподозрилъ, не дѣйствовалъ ли я въ министерствѣ финансовъ, тайно отъ кавказскаго начальства, чтобы получить это мѣсто, и дѣйствительно, когда я вошелъ въ кабинетъ, первый, обращенный ко мнѣ, вопросъ заключался въ слѣдующихъ словахъ: «Скажите, развѣ вы не довольны вашимъ настоящимъ положеніемъ, что предпочитаете служить въ Россіи, и почему министръ финансовъ не предувѣдомилъ меня о вашемъ переводѣ въ Астраханскую губернію?» На это я отвѣтилъ, что о себѣ я никому не напоминалъ, но министерство, желая, вѣроятно, избѣжать напраснаго расхода на мое содержаніе, поспѣшило дать мнѣ соотвѣтственное назначеніе на точномъ основаніи состоявшагося обо мнѣ Высочайшаго повелѣнія при закрытіи Тифлисской

казенной палаты; предувѣдомить же о моемъ новомъ назначеніи оно, конечно, было обязано, такъ какъ я, при зачисленіи по министерству финансовъ, былъ откомандированъ въ распоряженіе намѣстника для продолженія службы на Кавказѣ. Послѣ такого отвѣта, князь Воронцовъ, отозвавшись благосклонно о моей служебной дѣятельности на Кавказѣ и высказавъ мнѣ при этомъ случаѣ свое удовольствіе и начальническую благодарность, приказалъ написать министру финансовъ, что онъ желаетъ, чтобъ я былъ назначенъ въ Тифлисѣ предсѣдателемъ Закавказской казенной палаты на мѣсто Лысенкова, который тогда находился въ отпуску и можетъ быть переведенъ на замѣщенную было мною вакансію въ Астрахань. Такимъ образомъ я въ январѣ 1851 года вновь былъ назначенъ въ Тифлисѣ на ту же должность, какую занималъ первые два года службы на Кавказѣ. Лысенковъ же былъ переведенъ предсѣдателемъ казенной палаты не въ Астрахань, а въ Самару, гдѣ тогда открывалась новая губернія.

Многіе находили, что я сдѣлалъ ошибку, не принявъ вышедшаго мнѣ мѣста въ Астрахани, такъ какъ съ нимъ соединено было платимое откупщикомъ содержаніе отъ 10 до 12 тысячъ рублей въ годъ. Но я, по твердо укорененному во мнѣ лицейскимъ воспитаніемъ взгляду на общественную нравственность, не могъ допустить и мысли о такомъ побочномъ доходѣ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ служба на Кавказѣ представлялась болѣе видною и благодарною. И дѣйствительно, я на этой службѣ ничего не потерялъ, а скорѣе выигралъ, ибо черезъ 14 лѣтъ послѣ того я былъ назначенъ сенаторомъ, чего ни одинъ изъ предсѣдателей казенныхъ палатъ внутреннихъ губерній не достигалъ.

Чиновники Закавказской казенной палаты съ радостью встрѣтили мое къ нимъ возвращеніе, потому что замѣстившій меня въ 1849 году въ должности предсѣдателя Лысенковъ былъ слишкомъ взыскателенъ, придирчивъ и, не пользуясь расположеніемъ намѣстника, ничего не могъ выхлопотать для своихъ подчиненныхъ, о чемъ онъ, впрочемъ, особенно и не заботился. Вступивъ въ новую, хотя и знакомую мнѣ должность, я былъ заваленъ работой и, подъ дѣйствіемъ знойнаго климата на печень, началъ часто хворать припадками желчной лихорадки. Во время одного изъ такихъ припад-

ковъ получилъ я извѣстіе о смерти моей матушки 22-го февраля 1851 года въ Царскомъ Селѣ. На письмо брата съ этимъ извѣстіемъ отвѣчала за меня жена, которой братъ, между прочимъ, писалъ: «Успокойте брата, что послѣднее письмо его къ покойной матушкѣ, полученное незадолго до ея кончины, привело ее въ такой восторгъ, что она тотчасъ послала за священникомъ и съ искреннею молитвой благодарила Бога за эту радость, во всемъ извиняя его [1]), потому что знала его труженическую жизнь».

Между тѣмъ сезонъ зимнихъ удовольствій въ домѣ князя Воронцова шелъ своимъ чередомъ, и я (до полученія печальнаго извѣстія) отличался по-прежнему какъ пѣвецъ-любитель на музыкальныхъ вечерахъ. А для тифлисскаго общества наступило нѣсколько событій, о которыхъ стóитъ упомянуть.

Прежде всего, въ февралѣ 1851 года, мы узнали, что князю М. С. Воронцову удалось склонить бывшаго своего адъютанта, а тогда уже кутаисскаго военнаго губернатора, князя А. И. Гагарина, на вступленіе въ бракъ съ княжною Настенькой Орбельянъ, которая долго крѣпилась, отказывала всѣмъ мѣстнымъ женихамъ и наконецъ дождалась, чего хотѣла—русскаго князя. Это тотъ князь Гагаринъ, который впослѣдствіи былъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1857 году погибъ отъ руки злодѣя, сванетскаго владѣтельнаго князя Дадишкиліана.

Второй новостью для тифлисскаго общества было открытіе новаго театра въ большомъ каменномъ зданіи, нарочно для сего выстроенномъ съ лавками кругомъ, на Эриванской площади. День открытія былъ назначенъ 12-го апрѣля, на Пасхѣ, и какъ наша квартира (въ домѣ Матинова) была прямо напротивъ театра, то мы съ женой смотрѣли изъ оконъ на иллюминацію и пріѣздъ экипажей. Вскорѣ потомъ, 25-го апрѣля, данъ былъ отъ общества большой обѣдъ въ честь Гр. Гр. Гагарина, много потрудившагося по части внутреннихъ украшеній театра. Онъ же, князь Г. Г. Гагаринъ, росписывалъ потомъ фресками Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ, при во-

[1]) За рѣдкія письма, до которыхъ я вообще не былъ охотникъ, а, при моихъ постоянныхъ письменныхъ занятіяхъ по службѣ, общественныхъ развлеченіяхъ и выѣздахъ, часто обязательныхъ, трудно было находить время и досугъ для частной переписки.

зобновленіи его древней живописи. Почему на послѣднемъ прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему отъ общества въ сентябрѣ 1855 года, сказано было въ стихахъ Вердеревскаго:

Пройдутъ года, но внуковъ нашихъ взоры
Въ театрѣ вашемъ съ радостью найдутъ
Восточной линіи причудные узоры
И, можетъ быть, яснѣе насъ поймутъ.

Пройдутъ года, но нерушимый ими
Предстанетъ въ будущемъ маститый нашъ Сіонъ
И скажетъ фресками роскошными своими
Объ имени того, кѣмъ былъ возсозданъ онъ.

Данный же на этотъ разъ обѣдъ, на который приглашены были одни кавалеры, происходилъ въ театральной залѣ, а дамы допускались только въ ложи, изъ которыхъ онѣ любовались залой при полномъ газовомъ освѣщеніи. Оттуда все общество отправилось къ князю Бебутову на танцовальный вечеръ и тамъ узнало о помолвкѣ княжны Варвары Ильиничны Грузинской съ Елико (Ильей) Орбельяни, который былъ любимцемъ князя М. С. Воронцова, и, командуя Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, былъ смертельно раненъ въ первомъ сраженіи противъ турокъ въ 1853 году; вдова же его въ слѣдующемъ 1854 году имѣла несчастіе попасть въ плѣнъ къ Шамилю. Princesse Barbe — какъ ее обыкновенно называли — была необыкновенно симпатична, умна, образована и потому въ высшей степени привлекательна. Извѣстный поэтъ Я. П. Полонскій, служившій тогда въ Тифлисѣ, написалъ, въ мартѣ 1851 года, въ честь ея стихи. Привожу послѣдній куплетъ:

Есть возможность не влюбиться
Въ красоту ея очей,
Есть возможность не смутиться
Отъ привѣтливыхъ рѣчей,
Но любить другихъ рѣшиться
Нѣтъ возможности при ней.

Лѣтомъ 1851 г. собралась жена съ грудным ребенкомъ къ роднымъ, но я съ ней ѣхать не могъ и только въ концѣ іюня, когда освободился вызвавшійся ее проводить Щербачевъ (жандармскій подполковникъ, старинный знакомый и пріятель тестя моего П. А. Принца), она отправилась съ нимъ въ Пятигорскъ. Между тѣмъ, въ началѣ іюня,

еще до ея отъѣзда, случилось въ Тифлисѣ большое несчастіе: строившійся Корпусный соборъ обрушился съ лѣсами, находившимися на нихъ рабочими и самимъ строителемъ, архитекторомъ Скудіери. Онъ и 5 человѣкъ рабочихъ были убиты на мѣстѣ, а 18 человѣкъ были отрыты въ кучахъ мусора и камня. Мы съ женой, вскорѣ послѣ происшествія, вышли на прогулку по Головинскому проспекту и видѣли, какъ несли несчастныхъ въ полицейскій домъ. Тѣла убитыхъ были черны, какъ уголь.

Въ то же лѣто былъ въ Пятигорскѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій и пилъ воду изъ Михайловскаго источника. Находившійся тамъ же князь М. С. Воронцовъ хотѣлъ показать ему кавказскія войска въ передвиженіяхъ, но они оказались неудачными, и знатоки строеваго дѣла называли ихъ грузинскими маневрами. 16-го іюля было полное солнечное затменіе, и я любовался имъ съ плоской крыши одного дома въ Тифлисѣ, а жена видѣла его въ Пятигорскѣ. На туземцевъ, особенно въ дальнихъ частяхъ Закавказья, напр. въ Дагестанѣ, оно произвело сильное впечатлѣніе, и собранныя объ этомъ свѣдѣнія изложены въ интересной статьѣ полковника Ходзько, завѣдывавшаго работами по тріангуляціи края: она напечатана въ 1-й книжкѣ записокъ Кавказскаго отдѣла русскаго географическаго общества.

Въ концѣ лѣта я выѣзжалъ въ горы встрѣтить жену, возвращавшуюся изъ Пятигорска, и пріѣхалъ съ ней въ Тифлисъ 10-го сентября. Вскорѣ потомъ, въ октябрѣ, мы переѣхали на новую квартиру въ домѣ Эриванцова (по Ханской улицѣ), а 8-го ноября (въ день именинъ князя М. С. Воронцова) открылся зимній сезонъ первымъ спектаклемъ въ новомъ театрѣ: давали «Горе отъ ума». На другой же день, 9-го ноября, было первое представленіе итальянской оперы. Мы абонировались въ ложѣ на первыя 12 представленій и ѣздили по пятницамъ. Хотя пріѣзжіе артисты были не важные, но публика съ жадностью слушала итальянскую музыку, и театръ бывалъ каждый разъ полонъ. Между артистами были, однако, и такіе, которые удовлетворяли даже взыскательнымъ требованіямъ меломановъ. Таковъ, напр., Фискетти—теноръ, достигавшій полнымъ груднымъ голосомъ высокаго *ut*, и не только пѣніемъ, даже игрой увлекавшій публику въ драматическихъ роляхъ. Эрнани и

Дженнаро (въ «Лукреціи»), а Вилла—basso-buffo, прекрасный комическій актеръ и даже съ бо́льшимъ голосомъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно у лицъ, занимающихъ этого рода амплуа́. Что касается декоратора Дербеза, служившаго прежде въ Парижской оперѣ, то это была рѣдкая и счастливая находка для провинціальнаго театра. Однимъ словомъ, намѣстникъ торжествовалъ и былъ очень доволенъ, что при́думанная имъ новинка удалась, что тифлисское общество больше прежняго ѣздитъ въ театръ и веселится. Вообще зимній сезонъ съ 1851 на 52-й годъ былъ весьма оживленный, много веселились, танцовала и жена, освободившись отъ кормленія своей дѣвочки послѣ 15 мѣсяцевъ, часто выѣзжала, а это стоило намъ очень дорого, тѣмъ болѣе, что именно съ этой зимы стали входить въ моду, вмѣсто легкихъ бальныхъ костюмовъ, тяжелыя шелковыя платья, преимущественно изъ французскаго дама́. Счеты наши запутались и, чтобы расплатиться съ долгами по магазинамъ, я принужденъ былъ прибѣгнуть къ займу изъ экстраординарной суммы, находившейся въ безотчетномъ распоряженіи главнокомандующаго. Князь М. С. Воронцовъ, при томъ благосклонномъ вниманіи, какимъ я у него пользовался, не отказалъ въ моей просьбѣ и приказалъ выдать мнѣ заимообразно 1.200 руб., которые я долго не платилъ: только послѣ пріѣзда намѣстника генерала Муравьева, предписано было казенной палатѣ объ удержаніи этой суммы постепенно изъ моего жалованья.

1852-й годъ

Геройская смерть генерала Слѣпцова.—Пожалованіе князю Воронцову титула свѣтлости.—Новыя назначенія по гражданскому вѣдомству: Сафонова, Щербинина, барона А. П. Николаи, князя Г. К. Багратіонъ-Мухранскаго.—Пріѣздъ молодой княгини М. В. Воронцовой.—Бѣгство и смерть Хаджи-Мурата.—Появленіе въ итальянской оперѣ новыхъ артистовъ.—Постановка „Роберта“.—Передача церковныхъ имѣній въ казенное управленіе.

Пока, однако, въ Тифлисѣ слушали оперу и танцовали, въ другихъ частяхъ края, сопредѣльныхъ съ пространствомъ, занимаемымъ непокорными горцами, а именно въ Чечнѣ и Дагестанѣ, происходили зимнія экспедиціи, кончавшіяся обыкновенно пора-

женіемъ непріятельскихъ полчищъ Шамиля и разореніемъ ауловъ, но не безъ чувствительныхъ потерь и для нашихъ войскъ. Такъ въ эту зиму были убиты въ дѣлахъ съ горцами два генерала: начальникъ Сунженской линіи, извѣстный своею неудержимой храбростью, Слѣпцовъ, и атаманъ линейнаго казачьяго войска Круковской. Геройская смерть перваго описана очевидцемъ и участникомъ въ блистательномъ дѣлѣ на правомъ берегу рѣки Гехи Циммерманомъ [1]) въ письмѣ изъ ст. Сунженской, которое помѣщено въ № 2 газеты «Кавказъ» за 1852 годъ. Императоръ Николай Павловичъ, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе, повелѣлъ, въ память генералъ-маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій казачій полкъ и постоянно водившаго его къ побѣдѣ,—станицу Сунженскую, въ которой расположена штабъ-квартира сего полка, именовать впредь «Слѣпцовскою». Впрочемъ, государь вообще тогда былъ доволенъ военными дѣйствіями на Кавказѣ и, упомянувъ о томъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, на имя князя М. С. Воронцова, данномъ 30-го марта 1852 года, по случаю исполнившагося незадолго передъ тѣмъ пятидесятилѣтія его службы, присвоилъ, въ знакъ особаго благоволенія, къ носимому уже имъ княжескому достоинству, титулъ свѣтлости.

Кромѣ наградъ, щедро раздававшихся за военныя отличія, состоялись тогда, въ началѣ 1852 года, нѣкоторыя новыя назначенія и по гражданскому вѣдомству. Такъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сафоновъ пожалованъ сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники, а на его мѣсто утвержденъ директоромъ канцеляріи намѣстника, уже болѣе года исправлявшій эту должность, М. П. Щербининъ. Затѣмъ, баронъ А. П. Николаи, въ чинѣ статскаго совѣтника, назначенъ былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и членомъ совѣта главнаго управленія, а на его мѣсто директоромъ походной канцеляріи намѣстника поступилъ И. Ѳ. Золотаревъ. Наконецъ, прибывшій изъ Петербурга, по от-

[1]) Циммермана я помню на Кавказѣ подполковникомъ генеральнаго штаба. Потомъ онъ дослужился до высокихъ чиновъ и въ послѣднюю турецкую войну 1877—78 гг. командовалъ корпусомъ, который охранялъ Добруджу противъ наступательныхъ дѣйствій турецкой арміи. Онъ умеръ въ должности члена военнаго совѣта.

крытіи въ 1850 году Эриванской губерніи, на должность предсѣдателя губернскаго суда правовѣдъ князь Г. К. Багратіонъ-Мухранскій [1]) былъ назначенъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, сверхъ комплекта, съ откомандированіемъ въ распоряженіе намѣстника, для занятій по судебной части. До того времени состоялъ въ этой должности назначенный, по избранію министра юстиціи, изъ оберъ-прокуроровъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената дѣйствительный статскій совѣтникъ Розовъ, который, несмотря на свои странности, сначала понравился въ Тифлисѣ и въ домѣ князя Воронцова, какъ добродушный и симпатичный господинъ. Но онъ былъ уже довольно старъ и по службѣ приносилъ мало пользы, потому что ограничивался на докладахъ суднаго отдѣленія канцеляріи намѣстника простыми отмѣтками: согласенъ или не согласенъ, не объясняя, въ послѣднемъ случаѣ, своего собственнаго мнѣнія. На запросъ же, почему онъ не согласенъ съ заключеніемъ доклада, Розовъ лаконически и, если хотите, довольно забавно отвѣчалъ: «по обрѣтающимся въ дѣлѣ обстоятельствамъ». Понятно, что, какъ юрисъ-консультъ, онъ не могъ удовлетворять требованіямъ намѣстника.

Въ мартѣ 1852 года пріѣхала въ Тифлисъ жена молодаго князя С. М. Воронцова, урожденная княжна Марья Васильевна Трубецкая, бывшая въ первомъ замужествѣ за Столыпинымъ, извѣстная въ свое время красавица и львица въ Петербургѣ. Я былъ прежде знакомъ съ нею, какъ одной изъ dames patronesses благотворительныхъ концертовъ, и счелъ долгомъ явиться къ ней съ визитомъ.

Въ апрѣлѣ же княгиня Е. Кс. Воронцова уѣхала за границу, и тифлисское общество дало ей на прощанье серенаду, въ которой и я участвовалъ: она осталась этимъ очень довольна. На другой же день былъ концертъ капельмейстера Шёнинга. По этому по-

---

[1]) Онъ 3-го выпуска 1842 года, продолжалъ потомъ все время службу на Кавказѣ въ должности члена совѣта и директора департамента судебныхъ дѣлъ при главномъ управленіи и достигъ, наконецъ, званій сенатора и статсъ-секретаря, оставаясь при особѣ великаго князя Михаила Николаевича, по должности намѣстника кавказскаго, умеръ въ 1877 г.

воду, жена, въ письмѣ къ сестрѣ, замѣтила, что мы въ Тифлисѣ разоряемся на бѣдныхъ и артистовъ. Подъ бѣдными она разумѣла, главнымъ образомъ, расходы на лотерею въ пользу учрежденнаго и покровительствуемаго княгиней Е. Кс. Воронцовой благотворительнаго общества св. Нины. Въ томъ же апрѣлѣ нашъ beau frère Николай Петровичъ Линевичъ, сдавъ командуемый имъ Кубанскій пѣхотный полкъ, пріѣзжалъ въ Тифлисъ благодарить за производство его въ генералы. Онъ попалъ въ хорошую минуту, когда главнокомандующій былъ въ радости по слѣдующему случаю. Передавшійся намъ наибъ Шамиля Хаджи-Муратъ, жившій всю зиму подъ присмотромъ и потомъ высланный въ Нуху, успѣлъ какъ-то бѣжать оттуда съ двумя нукерами, съ цѣлью возмутить противъ насъ воинственное населеніе джарцевъ, но былъ пойманъ и послѣ отчаянной борьбы убитъ. Въ Тифлисѣ всѣ привыкли часто его видѣть. Въ послѣдній разъ, въ оперѣ, онъ былъ въ сосѣдней съ нами ложѣ и такъ привѣтливо кланялся. Черезъ нѣсколько дней привезли его голову, которая была выставлена напоказъ въ анатомическомъ театрѣ военнаго госпиталя Увы! это была дѣйствительно голова Хаджи-Мурата, котораго въ обществѣ принимали не за хитраго и дерзкаго разбойника, а скорѣе за несчастную жертву властолюбія Шамиля, завладѣвшаго его семействомъ и державшаго его въ рабствѣ.

Моя belle-soeur А. П. Линевичъ звала жену во Владикавказъ, куда ея мужъ былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ 19 пѣхотной дивизіи, такъ какъ тамъ лѣто гораздо прохладнѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ, но жена не рѣшилась на переѣздъ черезъ горы по случаю ея новой беременности. Замѣчательно, что въ одинаковомъ съ нею положеніи находилась въ томъ году (по народному повѣрью передъ войной, какъ оно и случилось) большая часть замужнихъ дамъ изъ высшаго тифлисскаго общества. Жена насчитала ихъ, въ письмѣ къ сестрѣ, больше 10-ти, въ томъ числѣ и молодую княгиню М. В. Воронцову, хотя беременность послѣдней оказалась фиктивною, къ великому огорченію тестя ея, князя Михаила Семеновича, надѣявшагося черезъ нее увѣковѣчить родъ свѣтлѣйшихъ князей Воронцовыхъ. Между тѣмъ она ради этого поселилась на лѣто въ Коджорахъ, куда ко дню ея именинъ (22 іюля) пріѣхалъ намѣст-

никъ изъ Боржома и оставался тамъ цѣлый мѣсяцъ, отправляясь верхомъ ежедневно по утрамъ прежде къ ней, а потомъ къ княгинѣ Еленѣ Эристовой, гдѣ и продолжался его визитъ не менѣе часа, а иногда и болѣе. Изъ пріѣзжавшихъ по дѣламъ службы съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія его свѣтлости въ занимаемый имъ домъ исправлявшій тогда должность начальника главнаго штаба Н. И. Вольфъ. Но его намѣстникъ принималъ, конечно, первымъ, а мнѣ приходилось иногда продежурить два часа и болѣе, пока я былъ допущенъ къ личному объясненію.

Въ августѣ князь М. С. Воронцовъ отправился во Владикавказъ и проѣздомъ по Военно-Грузинской дорогѣ осмотрѣлъ вновь отстроенный близъ Дарьялскаго укрѣпленія каменный мостъ, названный Александровскимъ въ память того, что онъ былъ заложенъ во время слѣдованія черезъ Дарьялъ въ 1850 году наслѣдника цесаревича. 21-го августа мостъ освященъ въ присутствіи намѣстника и по немъ открытъ проѣздъ. Новый каменный мостъ долженъ былъ замѣнить три деревянныхъ моста, которые во время полноводія и разлива Терека часто были сносимы и прекращали сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ.

Лѣто 1852 года мы проводили въ самомъ Тифлисѣ и очень томились отъ сильныхъ жаровъ. Но жена съ малюткой-дочерью облегчали себя холодными ваннами, а я и къ этому средству не могъ прибѣгать, такъ какъ мнѣ запрещено было, по моему полнокровію, купаться послѣ того, какъ со мною годъ тому назадъ, при выходѣ изъ рѣки въ 6-мъ часу утра, сдѣлался обморокъ. Съ тѣхъ поръ я еще разъ въ 1867 году, въ Одессѣ, попробовалъ, такъ же въ страшную жару и очень рано утромъ, выкупаться въ морѣ, но со мной чуть не повторился, при выходѣ изъ воды, обморокъ, отъ котораго едва удержалъ предваренный мною человѣкъ прысканіемъ въ лицо холодной воды, но голова была все-таки тяжела, и докторъ посовѣтовалъ мнѣ навсегда отказаться отъ купанья въ холодной водѣ, что я и сдѣлалъ.

Въ продолженіе лѣта я познакомился съ генералъ-лейтенантомъ Реадомъ, который еще въ февралѣ пріѣхалъ изъ Варшавы, назначенный въ распоряженіе главнокомандующаго. Я съ нимъ чаще всего встрѣчался у полковника Андрея Андреевича Шостака,

къ которому собиралось довольно много гостей: играли въ карты и, начавъ съ коммерческихъ игръ, кончали обыкновенно азартными. Реадъ принималъ участіе въ тѣхъ и другихъ, но никто изъ насъ, конечно, не предвидѣлъ въ немъ будущаго главнаго начальника, хотя и временнаго. Шостакъ изъ капитановъ Преображенскаго полка переведенъ былъ подполковникомъ въ Тифлисъ на должность старшаго полиціймейстера въ одно время со мною, въ началѣ 1847 года. Онъ ежедневно утромъ являлся съ рапортомъ къ намѣстнику, который, выслушавъ его, сообщалъ ему, съ своей стороны, замѣченныя неисправности по городу въ свойственной ему деликатной формѣ. Разъ, напримѣръ, князь Воронцовъ говоритъ ему: третьяго дня я въ такомъ-то переулкѣ видѣлъ дохлую кошку и былъ увѣренъ, что къ утру ее уберутъ, но представьте мое удивленіе, проѣзжая вчера верхомъ по тому же переулку, я нашелъ ее на прежнемъ мѣстѣ.

Передъ продолженіемъ здѣсь разсказа о мѣстныхъ событіяхъ, не могу не упомянуть о двухъ великихъ утратахъ, отозвавшихся во всей Россіи. Умерли два народныхъ писателя: Гоголь въ Москвѣ въ февралѣ, и Жуковскій въ августѣ въ Баденъ-Баденѣ. Перваго отпѣвали въ церкви университета, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ. Изъ церкви понесли его въ отдаленный Даниловъ монастырь, гдѣ онъ желалъ быть похороненнымъ возлѣ поэта Языкова. Вся Москва была на этомъ печальномъ праздникѣ. «Кого это хоронятъ?—спросилъ прохожій, встрѣтившій погребальное шествіе,—неужели все это родные покойника?» — «Хоронятъ Гоголя, отвѣчалъ одинъ изъ молодыхъ студентовъ, шедшихъ за гробомъ,—и всѣ мы его кровные родные, да еще съ нами вся Россія».

Вторую часть лѣта 1852 года, съ августа мѣсяца, князь Воронцовъ проводилъ въ Крыму и видѣлся тамъ съ государемъ 1-го октября въ Севастополѣ; возвратился же въ Тифлисъ 2-го ноября. Съ пріѣздомъ его, мои занятія усилились, такъ какъ я долженъ былъ часто являться для личныхъ объясненій, послѣ которыхъ князь Михаилъ Семеновичъ поручалъ мнѣ иногда приготовить и самое отъ его имени представленіе въ Кавказскій комитетъ, прибавляя: «а то въ канцеляріи, пожалуй, еще наврутъ». Когда я послѣ того передавалъ составленный мною проектъ бумаги для пе-

реписки начальнику отдѣленія, чаще всего Строкову, то онъ приговаривалъ: «хорошо-съ, перепишемъ, а черновую вашу на всякій случай, чтобы чего не вышло, подошьемъ къ дѣлу».

Кромѣ служебныхъ занятій я въ кавказскомъ отдѣлѣ русскаго географическаго общества исправлялъ тогда должность правителя дѣлъ, въ которой потомъ былъ утвержденъ. 18-го ноября было собраніе членовъ этого общества, въ числѣ которыхъ находился и преосвященный Исидоръ, экзархъ Грузіи, впослѣдствіи первенствующій членъ Св. Синода, митрополитъ новгородскій и петербургскій, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, какъ покровителя отдѣла. Въ то самое время, какъ я докладывалъ собранію, родился у меня, во 2-мъ часу дня, сынъ Петръ, нынѣ единственный, потому что два другихъ, Николай и Михаилъ, умерли: первый въ Тифлисѣ въ 5-ти лѣтнемъ возрастѣ, а второй, по достиженіи 19 лѣтъ, воспитанникомъ императорскаго Александровскаго лицея. Сынъ Петръ, котораго мать, такъ же какъ и старшую дочь, сама выкормила, воспитывался съ 9-ти лѣтняго возраста сперва въ пансіонѣ Филиппова, потомъ въ 3-й классической гимназіи и наконецъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, откуда выпущенъ въ 1873 году съ чиномъ IX класса.

Къ концу 1852 года на меня возложено было главное завѣдываніе дѣлами по временному комитету, вновь собранному изъ губернаторовъ и депутатовъ для составленія общей по Закавказскому краю смѣты и раскладки денежныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1853 по 1856 годъ. Хотя это дѣло было мнѣ знакомо и потому не такъ трудно, какъ въ первый разъ въ 1849 году, но все-таки я долженъ былъ самъ приготовить всю смѣту съ объясненіями на поляхъ, оговорить въ журналѣ комитета всѣ измѣненія и сокращенія въ расходахъ противъ губернаторскихъ предположеній, а также провѣрить дробныя исчисленія по отпуску дровъ и свѣчъ на каждый отдѣльный казачій постъ по разному числу нижнихъ чиновъ и по разнымъ въ каждомъ уѣздѣ цѣнамъ на всемъ протяженіи закавказской границы съ Турціей и Персіей. Такая копотливая и притомъ спѣшная работа, при исполненіи въ то же время обязанностей по должности предсѣдателя казенной палаты, заслужила мнѣ письменную бла-

годарность намѣстника какъ за это дѣло, такъ и вообще за дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, имѣвшихъ связь съ финансовою частью. Между тѣмъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, къ которому я тогда же былъ представленъ, мнѣ было отказано на основаніи отзыва въ Кавказскій комитетъ министра финансовъ, который находилъ, что я въ чинѣ статскаго совѣтника младше многихъ другихъ предсѣдателей казенныхъ палатъ во внутреннихъ губерніяхъ. Но онъ не принялъ во вниманіе во 1-хъ того, что Закавказская палата была обширнѣе другихъ, имѣя въ своемъ завѣдываніи 16 уѣздныхъ казначействъ и три соляныхъ промысла, а во 2-хъ, что я, не столько по должности, сколько по особому довѣрію намѣстника, участвовалъ почти во всѣхъ административныхъ реформахъ и связанныхъ съ ними законодательныхъ работахъ. Я былъ очень огорченъ, и самъ намѣстникъ выразилъ мнѣ, при свиданіи, свое сожалѣніе о постигшей меня неудачѣ, прибавивъ: «впрочемъ, я надѣюсь, это дѣло можно будетъ скоро поправить».

Что касается до общественной жизни въ тотъ зимній сезонъ (1852—53 гг.), то я долженъ сказать, что персоналъ итальянской оперы увеличился вновь прибывшими артистами: двумя Рамони, мужъ и жена, и двумя совершенно молодыми дѣвицами Вазоли, изъ которыхъ старшая (soprano) недолго оставалась на сценѣ и вышла замужъ за туземнаго чиновника, а меньшая, очень красивой наружности и съ голосомъ mezzo-soprano, исполняла большею частію контральтовыя партіи. Она вышла замужъ за капельмейстера Шенинга, который умудрился даже поставить мейерберовскаго «Роберта», не имѣя подлинной для оркестра партитуры. Выписаны были прекрасные костюмы изъ Парижа и приглашены для балета нѣсколько танцовщицъ. Постановка «Роберта» была настолько удовлетворительна, что и меломанамъ можно было слушать оперу съ удовольствіемъ, а туземная публика и вообще тѣ, которые не слыхали лучшей музыки на столичной сценѣ, приходили въ восторгъ. Словомъ, театръ, когда давали «Роберта», былъ всегда полонъ. Изъ прежнихъ оперныхъ пѣвцовъ остались Фискетти (теноръ), Викки (басъ) и Вилла (basso-buffo). Но кромѣ оперныхъ спектаклей бывали часто концерты, какъ публичные въ театрѣ, такъ и частные

въ домѣ князя Воронцова. Участвовали въ нихъ пріѣхавшіе вновь артисты: піанистъ Сеймуръ-Шифъ и віолончелистка Христіани, да изъ любителей, кромѣ меня и m-me Гагемейстеръ (фортепіано), еще m-me Эбелингъ (контральто). 1852-й годъ заключился двумя событіями, въ которыхъ выразилась заботливость намѣстника о благосостояніи края. Высочайшимъ указомъ 5-го ноября 1852 года повелѣно: недвижимыя населенныя и ненаселенныя церковныя имѣнія въ Грузіи передать въ казенное управленіе, съ уплатою духовному вѣдомству, взамѣнъ отходящихъ отъ него имѣній, согласно послѣднему годичному бюджету доходовъ, по 72.503 руб. ежегодно. Этою мѣрою достигнуты двѣ цѣли: во 1-хъ, церковные крестьяне освобождены отъ владѣльческой зависимости, почти такой же, въ какой находились помѣщичьи крестьяне; а во 2-хъ, духовенство, получивъ полное вознагражденіе за поступавшіе съ имѣній доходы, освобождалось отъ столь несвойственныхъ заботъ по управленію, чѣмъ преподана ему возможность посвящать себя всецѣло исполненію пастырскаго долга.

Другимъ важнымъ дѣломъ въ торговомъ отношеніи было или обѣщало быть открытіе пароходства по рѣкѣ Курѣ, считавшейся до того времени несудоходною. Послѣ перваго неудачнаго опыта въ 1846 году съ небольшимъ желѣзнымъ пароходомъ подъ командою капитанъ-лейтенанта Зеленаго приступлено было къ истребленію карчей и къ очищенію фарватера р. Куры на пространство, необходимое для свободнаго плаванія парохода съ баржами, и потомъ былъ заказанъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на заводѣ г. Бенардаки, пароходъ въ 60 силъ, который прибылъ къ устью Куры въ концѣ осени. Оттуда онъ совершилъ первый пробный рейсъ вверхъ по теченію рѣки на 600 верстъ и прибылъ въ с. Мингечауръ 29-го декабря 1852 года съ двумя буксированными имъ баржами, на которыхъ было погружено 500 кулей провіанта, 2 тыс. пудовъ соли и разныхъ другихъ товаровъ, всего на 8 тыс. пудовъ. Такъ какъ пароходъ слѣдовалъ съ крайней осторожностью и при самомъ тихомъ плаваніи, то онъ пробылъ въ пути 16 дней при 146 часахъ свѣта, такъ что машина дѣйствовала всего 126 часовъ или 5 дней и 6 часовъ. Пароходъ и машина оказались превосходными, и экипажъ дошелъ до мѣста совершенно здоровымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.

Императрица Екатерина—графу Румянцову.

17 [1])

Ce 29 d'octobre 1792.

Monsieur le comte Roumenzof.

Votre courier m'a apporté hier Vos lettres en date de Luxembourg du 8 (19) octobre et du 3 (14) du même mois, j'y réponds aujourd'hui de même qu'à vos lettres antérieures du 7 (18) de septembre. D'abord je vous dirai que les princesses de Bade ont couché cette nuit à Narva et qu'elles vont arriver un de ces jours ici. Elles ne font que 40 à 50 verstes par jour; le pourquoi est dans la cervelle de M-r Strekalof, qui n'en fait confidence à personne. Dès qu'elles seront arrivées je vous en parlerai; comme on en parlait trop de bien ici, j'ai fait sentir qu'on ferait bien d'en suspendre le jugement jusqu'à leur arrivée; ceci a produit le singulier effet qu'on n'en parle plus qu'à l'oreille; j'ai craint que les louanges exagérées que certains gens faisaient d'eux et qui au fond n'est qu'un défaut de coutume dans ces personnes et qu'elles n'employent à tout propos sans conséquence pour les choses, ne nuisât à mes princesses, qu'on pouvait trouver moins exagérées qu'on ne les dépeignait. Au reste dans le monde, j'ai établi mon avis qui est que les princesses de Bade, filles de mon ancienne connaissance [2]) la princesse héréditaire, m'ont été remises pour que leur éducation soit achevée ici, mais les raisonnements sont libres; je pense que personne ne se trompe sur leur destination, cependant je veux que la partie la plus intéressée me tire l'oreille, ce sera lui qui se mariera, ce ne sera pas moi qui le marierai. Elles occuperont la maison soi disante Schepelof [3]) qui est toute arrangée pour cela. Quand il en sera temps je ne manquerai pas d'écrire et au monseigneur et au père et à la mère. Vous avez très bien fait de ne pas traiter cette affaire comme un procès où on a besoin de produire des pièces juridiques. Du reste,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1893 г. мартъ.

[2]) Она была родная сестра покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Петра Ѳедоровича.

[3]) Его въ то время не существовало уже. Это былъ „дворецъ“ Шепелева, занимавшій, по набережной Невы и по Милліонной улицѣ, всю мѣстность отъ Ламотовскаго зданія до Зимней канавки; всѣ зданія Шепелева были перестроены подъ Эрмитажъ архитекторомъ Фельтеномъ, въ 1771 году. Пылаевъ, „Старый Петербургъ“, 172.

je suis très contente de Vos rapports sur cette affaire de même que sur celles dont je vais parler ci-dessous. Par celui du 3 (14) d'octobre je vois que Vous avez joint les princes la veille du jour où ils évacuèrent la France. Quand je pense à ces deux armées célèbres commandées par les premiers capitaines du siècle qui après avoir annoncé qu'ils allaient à Paris tout droit, au lieu de cela s'en vont en arrière, fuyant devant les rebelles, je ne puis m'empêcher de chanter d'une voix plaintive: Славны бубны за горами, а у насъ какъ въ лукошки [1]). Ma partie est chanté et mercredi qui vient la délégation Polonaise aura ses audiences pour me remercier du secours donné à la république mon amie pour recouvrir son ancien gouvernement, ses lois et ses traités que la constitution du 3 mai de l'année passée avait annulées. N'allez pas dire qué ceci est une vanterie, ce n'est pas cela, mais c'est un exemple comme quoi il n'est pas impossible de parvenir à un but et qu'on réussit quand on n'a pas des demi volontés. Cent mille hommes de meilleures troupes que n'avaient les Français devaient soutenir cette constitution, le fait prouve ce qui en est arrivé, mais sans doute ce n'est pas à moi à donner des leçons à ceux qui en savent autant et plus que moi, et qui par cette raison ont trouvé impolitiques, apparemment, les conseils que j'avais pris la liberté de leur donner, afin, selon moi de faire réussir le projet qu'on disait avoir de rendre à la France son roi, ses lois et ses traités. Pour les négociations sourdes avec les rebelles dont Vous me parlez, je n'y comprends rien, elles seraient en contradiction avec les déclarations publiées et affichées et par conséquent une duplicité avérée et déshonorante. Surtout depuis que Dumourier [2]) a fait imprimer ses contradictions et jusqu'aux billets du vertueux Manstein [3]) qui paraît être un sot s'étant laissé duper par Dumourier. Vous m'excuserez de parler aussi impolitiquement et de nommer un chat un chat, mais quand par état on est obligé de juger des choses, il devient difficile de ne pas parler ou écrire d'une façon un peu tranchante. Je ne serai point étonnée du mécontentement de l'armée Prussienne contre le duc de Brunswick ou le roi lui-même. Cette armée ayant été bien malmenée pendant tout le temps qu'elle s'est trouvée en France et encore plus malmenée depuis son retour qui n'a pas mal l'air d'une fuite, quoiqu'elle n'ait essuyé aucun combat désastreux, et puis une armée qui rétrograde est toujours de mauvaise humeur parce qu'elle a la même et plus de peine sans fruit et sans honneur ni espérance. Si le duc de Brunswick négociait au lieu de combattre avec avantage, il a raison d'avoir l'âme navrée d'amertume présentement, où il porte le blâme d'avoir mis une négociation manquée et vicieuse dans son principe à la place d'une victoire certaine qui l'aurait mené tout droit à Paris et fini peut-être le tout avant l'hiver. Si le duc manquait de vivres, il paraît que c'était une raison de plus de combattre, en vainquant il se serait emparé des magasins de Dumourir et serait entré dans une contrée fertile.

Tout ce qu'on a fait avec les émigrés et les princes qui étaient à leur tête c'est précisément tout le contraire de ce que j'avais proposé; j'avais supposé que si l'on posait pour base de vouloir finir les troubles de la France, il fallait

---

[1]) Звонки бубны за горами, а къ намъ придутъ, какъ лукошко. Даль, „Толковый словарь", I, 119 (бубенъ).

[2]) Charles François, 1739—1816, командовавшій въ 1792 г. сѣверною арміею и одержавшій побѣды при Valmy и Jemappes.

[3]) Прусскій генералъ, посланный герцогомъ Брауншвейгскимъ къ Дюмурье для переговоровъ.

prendre les mesures les plus vraisemblables pour cela et qu'à cet effet il fallait finir les troubles français avec des mains Françaises, mettre les princes et les émigrés en avant et les soutenir avec des troupes étrangères et à mesure qu'elles avançaient en France rétablir l'ancien gouvernement au nom du Régent qu'un seul Parlement assemblé sur terrain français aurait proclamé tel. Au lieu de cela on a mis les princes et les émigrés de côté et en arrière, on s'est plu à laisser exister toutes les municipalités des rebelles et puis on s'étonne de la malveillance de ces gens-là qui ont cependant rempli, celui d'être rebelle parce que l'on voulait bien qu'ils le fussent à la barbe de deux cent mille hommes et des héros du siècle qui étaient à leur tête. En prescrivant aux émigrés de se rendre dans le pays de Liège il faut espérer qu'il n'entre pas dans le plan des hauts alliés de les laisser mourir de faim; en tout cas je vous envoie ci-joint deux cent cinquante mille roubles en bonnes lettres de change, que Vous remettrez aux princes Français, frères de Sa Majesté très chrétienne, afin que si toute autre ressource manque, du moins ils puissent employer cet argent au soutien de cette noblesse qui s'est dévouée à son roi; ceci achève précisément le million de roubles voué à leurs besoins. Si M-r de Custine [1]) les attaque dan le pays de Liège, mon désir serait qu'ils le battissent à plate couture et qu'en le poursuivant ils entrassent en France et qu'ils s'y maintinssent et qu'à la barbe de tous ils y rétablissent leurs affaires comme Henri IV, qui se trouvant devant Dieppe n'avait pour toute ressource que quatre cents gentilhommes avec lesquels et quelques Suisses il rétablit ses affaires malgré toute la Puissance espagnole et autrichienne jointe à celle du pape et de la maison de Savoie. Tout ce que Vous me dites de l'état des princes et de la noblesse de France me fend le cœur, je me hâte de Vous dépêcher mon courier; tâchez d'employer mon petit secours le mieux que Vous pouvez et au gré des princes et de leur parti. Si le roi de Prusse est entré en accommodement, comme Vous le supposez, ce ne peut être qu'avec les rebelles; j'espère que cela n'a pas eu lieu, car la chose serait cruellement honteuse et flétrissante pour sa gloire. C'est présentement plus que jamais qu'il lui appartiendrait de réparer la brêche que souffre son honneur par cette campagne désastreuse; il n'y a que la vigueur la plus marquée et de nouveaux apprêts pour une seconde campagne qui doit selon moi laver l'opprobre de la première, qui puisse rétablir la réputation des armées Prussiennes. La maison d'Autriche ne peut manquer de le soutenir; elle a deux points capitaux à garantir, à maintenir l'une l'état des choses en Italie, l'autre celui du côté des Pays-Bas, sans quoi il en est fait de sa puissance et elle restera déchue. Pour le roi de Prusse il paraît que le maintien de la constitution germanique et l'état de l'Allemagne de tous les princes dépouillés par la France lui doit tenir à cœur, c'est à les défendre dans leurs droits et dans leurs causes; il est impossible sans tomber dans le mépris qu'il abandonne leurs causes et celles des rois.

Voilà mon sentiment, voilà aussi comme Vous parlerez pour réchauffer et rehausser les esprits abattus ou abatardis. Si même les hauts alliés tendaient à des dédommagements, ils les abtiendraient plus facilement en agissant avec ardeur et vigueur dans une seconde campagne, qu'en cédant aux circonstances

---

[1]) Adam Philippe, comte de Custine, 1740—1793, прославившійся въ Семилѣтнюю войну и въ Америкѣ; въ 1792 г. командовалъ рейнскою арміею, взялъ Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ и Франкфуртъ; въ 1793 г. казненъ за уступку пруссакамъ Майнца и Франкфурта.

malheureuses d'après une première dans laquelle ils n'ont pourtant jamais été battus. Je ne sais ce que les princes me diront dans leurs lettres que Vous m'annoncez, mais jamais je ne leur conseillerai autrement que de suivre le chemin de l'honneur. Il serait bien important de savoir si réellement la retraite du comte de Schoulembourg [1]) est une disgrâce, car ayant vu changer son royal maître tant de fois de façon de penser, il ne serait pas impossible qu'il ne changeât encore; Alopeus [2]) prétend que non, mais il se peut que ses yeux soient fascinés par l'accueil qu'on lui fait. Tâchez de votre côté de savoir ce qui en est, pour moi dès l'instant de sa retraite j'ai soupçonné sa disgrâce. Vous voyez que mon avis est toujours le même, comme je ne l'ai pas laissé ignorer à personne aussi n'a espéré de me faire revenir de mon opinion et on n'a eu garde de me communiquer des plans et des mesures erronnés; le contingent en argent que je devais à mon allié je ne m'en suis pas dédite, mais je me réserve mon franc-parler dans l'occasion. Les aperçus dont Vous me faites part ont beaucoup de vraisemblance, le temps nous montrera ce qui en est, mais la pire de toutes celles dont Vous faites mention est certainement l'apparence que la démocratie travaille les cabinets et les armées des hauts alliés et que c'est elle qui est la base des demi-volontés qui ont mené dans cette campagne les choses au point où nous les voyons. Si il en fera de même d'une seconde, les ornements Impériaux pourraient bien être vendus à l'encan à Aix-la-Chapelle comme la Sainte Ampoule, etc. à Paris. Pour éviter ces demi-volontés, il faudrait que les meilleures têtes de l'Allemagne fissent une ligue d'opinion contre les demi-volontés, qu'elles les dénonçassent, que Vous soutinssiez leur opinion, que paroles et écrits les combatissent. Tâchez de Vous procurer un entretien avec le duc de Brunswick, dans cet entretien représentez-lui le beau rôle qu'il a devant lui, si par une marche ferme et uniforme à la tête de deux cent mille hommes, il raffermira le trône de deux souverains et remettra un troisième sur le sien, c'est un prince qui a de l'esprit et par là même il doit plus être en état de saisir ce que Vous lui direz. Ce sont ces demi-volontés qui ont perdu le roi de France. On fit accroire à la reine de France d'ailleurs d'un esprit vain et altier qu'en donnant dans la démocratie elle rétablirait son mari sur le trône duquel il descendait, elle aime mieux cela que de s'unir à ses beaux-frères et à ceux qui par état étaient attachés à la royauté; elle détestait les parlements qui servaient de digue et d'entermédiaire et ne voilà-t-il pas qu'avec leurs demi-volontés et le roi et la reine de France enfermés au Temple dont l'affreux exemple de ce qu'à quoi peuvent mener de pareils principes dans la conduite des affaires. Il paraît encore qu'il faudrait poser pour base de la campagne prochaine de n'entendre aucune sorte de proposition ou négociation jusqu'à ce qu'on aie réellement délivré le roi de France de prison et qu'aucun négociateur ne se trouva à cent lieues à la ronde des camps. Monsieur Dumourier secondant, facilitant la retraite précipitée des Prussiens apparamment faisait un pont d'or à ses ennemis. S'il n'était pas d'accord avec eux quand il ordonnait à son monde de retirer les canons et bagages des bourbiers, sans s'en emparer; enfin ce qu'il y a de sûr là-dedans c'est que les Prussiens rétrogradaient et que Dumourir était fort content de cette manœuvre. La considération du duc de Brunswick se re-

[1]) Karl Friedrich, Graf von der Schülembourg, генералъ, прусскій кабинетъ-министръ; дѣйствительно, подвергся опалѣ и перешелъ на службу къ вестфальскому королю. Позже былъ намѣстникомъ въ Брауншвейгѣ.

[2]) Максимъ Максимовичъ, 1748—1822, прусскій посланникъ въ Берлинѣ.

lèvera pourvu qu'il se détermine à agir avec fermeté et vigueur et qu'il emploie son savoir faire à mettre le roi de Prusse sur la même voie, tandis que celles qu'il suit ne le mènent qu'à des désastres certains.

Le rôle que je vous prescris n'est pas bien difficile; il peut se réduire en trois expressions: consolez, encouragez, raffermissez les affligés, les désolés, les esprits abattus, les chancelants, et formez-moi de cela une masse de gens dignes de la besogne qu'ils ont devant eux, si Vous pouvez. N'oubliez pas Bischofswerder, il peut être très-utile d'après les rapports du père Plisé, la disposition de son esprit étant bonne et son ascendant sur l'esprit de son maître n'étant pas douteux, peut-être réussira-t-il à le faire remonter les deux marches qu'il est descendu de dessus son trône. Pour le Spielmann [1]) qu'une frayeur panique à rendu malade, il est parfaitement dans le goût de la révolution française, dont le principe caché est la Terreur, il la prend et la donne mais sans remède.

Ce que Vous me dites que les Autrichiens ne mettent plus en avant leur ascendant sur le roi de Prusse, me rappelle ce que me disait ma gouvernante qui prétendait que quand les enfants avaient fait des étourderies, ils n'avaient plus le droit de parler, et j'étais obligée de me taire demi-journées entières. Imaginez-vous moi qui parle autant que le comte Jean Czernischef [2]). Pour à moi il me paraît que ceux qui ont mal fait leurs devoirs ne devraient avoir aucun droit aux dédommagements en droite et stricte justice.

Il sera curieux et nécessaire de savoir si l'Angleterre restera neutre voyant les Français en train de faire des conquêtes, ayant envahi la Savoie et s'occupant d'un projet sur Rome, l'Italie et l'Allemagne, tandis que les hauts alliés ne s'occupent qu'à ravitailler leurs armées après une campagne détestable. Si l'Angleterre s'occupe de négociation avec les rebelles, on ne pourra disconvenir qu'elle n'aie pour elle l'expérience, pour les princes Français ils ont toujours été en pourparlers avec le ministère Anglais, mais il est difficile de savoir ce qu'ils y ont gagné. Je ne sais pas si les créanciers des princes se contenteront de l'idée singulière et bien caractéristique de M-r de Breteuil de reconnaître comme dettes d'Etat celles que M-r de Calonne a engagé les princes frères du roi de contracter, au moins le baron a-t-il montré de la bonne volonté dans cette occasion qui, il est vrai, ne lui coûtais pas plus qu'elle n'était utile aux princes. J'espère que l'archiduchesse ne permettra pas qu'on arrête les neveux de son mari pour dettes.

Vos dépêches sont enfermées dans mon tiroir auquel personne ne touche. Il me paraît qu'à l'armée des princes on a été souvent trompé en conjectures sur les volontés du roi de Prusse et notamment sur le compte de la régence à laquelle on disait qu'il avait consenti. L'évènement a démontré le contraire. Puis il leur avait promis des provisions de bouche et des rations avec une solde, la Note du duc de Brunswick se réfère aux stipulations de Mayence. Il paraît que les princes avaient deux fois plus de monde en campagne que les alliés n'avaient stipulé de nourrir, mais par la sévérité de la lettre du roi de Prusse au général Schœnfeld et que celui-ci a produite aux princes, il paraît que le roi de Prusse exposait l'évêché de Liège, au pillage de douze mille hommes affamés, on aurait dit qu'on bien il voulait ou bien qu'il avait promis à Dumourier de le faire périr par la misère. Nous verrons ce que produira le voyage

---

[1]) Генералъ австрійской службы, разбитый Кюстиномъ при Майнцѣ.

[2]) Иванъ Григорьевичъ, 1726—1797, президентъ адмиралтействъ коллегіи.

de M-r le comte d'Artois [1]) à Longwy près du roi de Prusse, le résumé qu'il porte avec lui et qui a été fait par M-r de Castries [2]) fait frémir sur la situation des princes et des émigrés.

Mais le jour même qu'on jugeait cette cause intéressante et malheureuse à Longwy il paraît que Custine entra dans Francfort. Les voilà au cœur de l'Allemagne, tandis que le roi de Prusse a étrangement embourbé son armée en France. Qu'est-ce donc que cela deviendra, cette nouvelle nous est venue aujourd'hui, 30 d'octobre par un vaisseau de Lubeck, j'en suis sensiblement affectée! Tout ce que Vous avez dit au Thougout [3]) et au nouveau ministre Haugwitz [4]) en faveur des princes et des émigrés, j'y donne pleinement mon approbation et je ne vais que de grandes . . . . . très bien placées. Tout ce que je Vous dis aujourd'hui vient au secours des discours que Vous avez déjà tenus. Si ce n'est le baron de Breteuil qui a empêché de déclarer monsieur régent, il a fait là une grande bévue et la peine qu'en pouvait éprouver le roi qui avait perdu son trône et par là le pouvait secourir devait être diminuée par cette lueur d'espérance même.

Faites adopter à tout le monde, si Vous pouvez, les principes et les mesures nécessaires pour la réussite d'une seconde campagne; dessillez les yeux à ceux qui les ont fascinés, prêchez, parlez, agissez pour la défense des rois, de la noblesse, de la religion chrétienne. Il y va du tout au tout, si les fausses manœuvres et demi-volontés continuent, en vérité toute l'Allemagne s'en ressentira et s'en ressent déjà. Je ne conseillerai jamais aux princes ni à la noblesse française d'abandonner la cause pour laquelle ils souffrent. Il faut que les puissances les assistent si ils veulent que la cause du roi et des rois existe. Dès que le courier que Vous me promettez sera arrivé, je tâcherai de m'employer de nouveau pour eux selon les données que j'aurai.

Adieu, portez-vous bien. Demain, mes princesses arrivent et après-de-main ceci partira, mais je Vous dirai un mot des nouvelles arrivées comme vous m'en avez priée. Ce 30 d'octobre 1792.

17.

(Переводъ). Г'осподинъ графъ Румянцовъ.

Вашъ курьеръ доставилъ мнѣ вчера ваши письма, помѣченныя: Люксембургъ, 8 (19) октября и 3 (14) того же мѣсяца; я отвѣчаю вамъ на нихъ сегодня, равно какъ и на предыдущія ваши письма отъ 7 (18) сентября. Прежде всего, скажу вамъ, что принцессы Баденскія ночевали сегодня въ Нарвѣ и что на дняхъ онѣ прибудутъ сюда. Онѣ дѣ-

[1]) Charles Philippe, comte d'Artois, 1757—1836, внукъ Людовика XV, братъ Людовика XVI; съ 1824 года французскій король Карлъ X.

[2]) Gabriel, marquis de Castries, 1727—1801, маршалъ французскій; въ 1792 году командовалъ эмигрантами при вторженіи пруссаковъ въ Шампань.

[3]) Franz Maria Thugut, 1734—1818, австрійскій дипломатъ; велъ въ Парижѣ переговоры съ королевой Маріей-Антуанетой и Мирабо, въ 1792 г.

[4]) Christian Heinrich Graf von Haugwitz, 1752—1832, прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, много содѣйствовавшій объявленію австро-прусской войны противъ Франціи.

лаютъ лишь отъ 40 до 50 верстъ въ день; почему это такъ—отвѣтъ на это находится въ мозгахъ г. Стрекалова, который никому въ этомъ не признается. Я поговорю съ вами о нихъ, какъ только онѣ пріѣдутъ. Такъ какъ здѣсь говорили о нихъ черезчуръ много хорошаго, то я дала понять, что было бы хорошо подождать высказывать сужденіе до ихъ прибытія; это произвело такое странное дѣйствіе, что о нихъ уже больше не говорятъ иначе, какъ на ухо; я боялась, чтобы моимъ принцессамъ не повредили преувеличенныя похвалы, воздаваемыя имъ нѣкоторыми людьми и вошедшія просто въ дурную привычку, которой эти личности поддаются кстати и некстати, такъ что принцессъ могли бы найти менѣе привлекательными, чѣмъ о нихъ говорили. Впрочемъ, я уже установила въ свѣтѣ свой взглядъ на нихъ: будто принцессы Баденскія, дочери моей старой знакомой, наслѣдной принцессы, были мнѣ поручены, чтобы ихъ воспитаніе было здѣсь закончено; но разсуждать объ этомъ вольно всякому какъ угодно. Я думаю, что никто не ошибается насчетъ ихъ назначенія, а, между тѣмъ, мнѣ хочется, чтобы личность, наиболѣе въ этомъ заинтересованная, сама меня на это вызвала: вѣдь онъ самъ женится, а не я его женить буду. Онѣ помѣстятся въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ, который совершенно приспособленъ для этого. Когда придетъ время, я не премину написать и Его Высочеству, и отцу съ матерью. Вы очень хорошо сдѣлали, что повели это не какъ формальный процессъ, въ которомъ слѣдуетъ предъявлять юридическіе документы. Впрочемъ, я очень довольна вашими донесеніями по этому дѣлу, равно какъ и по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ буду говорить ниже. Изъ донесенія, отъ 3 (14) октября, я вижу, что вы присоединились къ французскимъ принцамъ наканунѣ того дня, когда они вывели войска изъ Франціи. Какъ подумаю я объ этихъ двухъ славныхъ арміяхъ, надъ которыми начальствуютъ первѣйшіе полководцы нашего вѣка, что они, объявивъ о своемъ намѣреніи идти прямо въ Парижъ, бѣгутъ, отступая передъ бунтовщиками—я не могу удержаться, чтобы не запѣть жалобнымъ тономъ: «Славны бубны за горами, а у насъ какъ въ лукошки». Я свое дѣло сдѣлала, и въ среду польскіе делегаты получатъ аудіенцію, чтобы благодарить меня за помощь, оказанную мною дружественной мнѣ Республикѣ, дабы вернуть ея прежнее управленіе, ея законы и трактаты, которые уничтожены конституціей 3-го мая прошлаго года. Не говорите, что это хвастовство; это не хвастовство, а лишь примѣръ, что не невозможно достигнуть цѣли и что всегда можно успѣть, если желать не вполовину. Сто тысячъ наилучшаго войска, какого не было у французовъ, должны были поддерживать эту конституцію; дѣло показало, что́ изъ этого вышло; но, конечно, не мнѣ учить тѣхъ, кто самъ знаетъ столько же и даже больше, чѣмъ я, и кто, вслѣдствіе этого, нашелъ, повидимому,

неполитичными совѣты, которые я взяла на себя смѣлость предложить имъ, чтобы, по моему мнѣнію, удался планъ, который, какъ говорили, имѣлся въ виду—возвратить Франціи ея государя, ея законы и договоры. Что же касается тайныхъ сношеній, о которыхъ вы мнѣ говорите, съ бунтовщиками, то я тутъ ничего не понимаю: эти сношенія были бы въ противорѣчіи съ опубликованными и разглашенными деклараціями, а слѣдовательно, позорнымъ и доказаннымъ коварствомъ. Особенно же послѣ того, какъ Дюмурье напечаталъ свои возраженія и даже замѣтки добродѣтельнаго Манштейна, который, кажется, дуракъ, потому что дался въ обманъ Дюмурье. Вы извините меня, что я выражаюсь такъ неделикатно и прямо называю вещи своими именами; но, когда по своему сану бываешь обязанъ судить о дѣлахъ, то становится труднымъ не говорить или не писать довольно рѣзко Меня вовсе не удивитъ неудовольствіе прусскихъ войскъ на герцога Брауншвейгскаго или даже на самого короля. Этой арміи плохо приходилось все время, пока она была во Франціи, и еще того плоше по ея возвращеніи, которое порядкомъ-таки похоже на бѣгство, несмотря на то, что ей не пришлось испытать никакой несчастной битвы; сверхъ того, отступающее войско всегда бываетъ дурно настроено, потому что отступленіе такъ же трудно и даже труднѣе наступленія, но не приноситъ ни добычи, ни славы, ни даже надежды на что-либо подобное. Если герцогъ Брауншвейгскій велъ переговоры, вмѣсто того, чтобы успѣшно сражаться, то сердце у него, конечно, надрывается въ настоящее время, когда онъ несетъ на себѣ вину въ томъ, что поставилъ себѣ въ принципъ неудачные и лукавые переговоры, вмѣсто вѣрной побѣды, которая привела бы его прямо въ Парижъ и все покончила бы, пожалуй, еще до начала зимы. Если у герцога не хватало продовольствія, то, казалось бы, это было лишнимъ поводомъ къ тому, чтобы сразиться: побѣдивъ, онъ владѣлъ бы магазинами Дюмурье и вступилъ бы въ плодоносную страну. Все, что дѣлали съ эмигрантами и съ принцами, которые были во главѣ ихъ, было именно совершенно противуположное тому, что я предлагала. Я предполагала, что если конечною цѣлью должно быть прекращеніе смутъ во Франціи, то слѣдовало принять самыя вѣроятныя къ тому мѣры и что въ этихъ видахъ слѣдовало подавить французскія смуты французскими же руками; поставить принцевъ съ эмигрантами впередъ и подкрѣпить ихъ иностранными войсками, а по мѣрѣ того, какъ они подвигались бы далѣе во Франціи, возстанавливать прежній правительственный порядокъ отъ имени регента, который былъ бы провозглашенъ на единственномъ засѣданіи парламента, созваннаго на французской территоріи. Вмѣсто того, принцевъ съ эмигрантами поставили во флангъ и въ тылу, и допустили существованіе всѣхъ муниципалитетовъ бунтовщиковъ, а потомъ и удивля-

ются ихъ недоброжелательству, хотя они и исполнили свое желаніе взбунтоваться, потому что ихъ до этого допустили подъ самымъ носомъ у двухсотъ тысячъ солдатъ и героевъ нашего вѣка, которые предводительствовали ими. Если эмигрантамъ предписано отправиться въ Люттихскія земли, то надо надѣяться, что въ разсчеты высокихъ союзниковъ не входитъ намѣреніе уморить ихъ голодомъ. Во всякомъ случаѣ, я посылаю вамъ прилагаемыя при семъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей въ векселяхъ, которые вы вручите французскимъ принцамъ, братьямъ его христіаннѣйшаго величества, чтобы они, въ случаѣ, если всякіе другіе источники изсякнутъ, могли, по крайней мѣрѣ, употребить эти деньги на помощь дворянамъ, которые пожертвовали собою ради своего государя; съ этими 250.000 руб. составится ровно милліонъ рублей, который я опредѣлила на нужды принцевъ. Если г. Кюстинъ нападетъ на нихъ въ Люттихскихъ земляхъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы они разбили его на-голову и чтобы, преслѣдуя его, они вторглись во Францію, удержались бы тамъ и подъ носомъ у всѣхъ поправили бы тамъ свои дѣла, какъ это сдѣлалъ Генрихъ IV, когда, подъ Дьеппомъ, располагая всего лишь четырьмя стами дворянами и нѣсколькими швейцарцами, онъ поправилъ свои дѣла, не взирая на все могущество испанское и австрійское, въ соединеніи съ властью папы и Савойскаго дома. У меня просто сердце надрывается отъ всего, что вы мнѣ передаете о принцахъ и французскомъ дворянствѣ. Спѣшу отправить къ вамъ курьера. Постарайтесь какъ только можно лучше употребить мою небольшую помощь на пользу принцевъ и ихъ сторонниковъ. Если, какъ вы предполагаете, король прусскій вошелъ въ соглашеніе, то только съ бунтовщиками. Надѣюсь, что этого не случилось, потому что это было бы дѣломъ безчестнымъ и позорнымъ для его славы. Въ настоящее именно время ему и слѣдовало бы пополнить ущербъ, нанесенный его славѣ этой злополучной кампаніей. По-моему, смыть позоръ этой первой кампаніи могутъ лишь самая твердая энергія и новыя приготовленія ко второй, которая и возстановитъ славу прусскихъ войскъ. Австрійскій домъ не преминетъ поддержать его. Ему надо обезпечить себѣ два главныхъ пункта: сохранить положеніе дѣлъ, во-первыхъ, въ Италіи, а во-вторыхъ со стороны Нидерландовъ, а безъ этого его могуществу настанетъ конецъ, и оно пребудетъ въ упадкѣ. Что же касается короля прусскаго, то, кажется, онъ долженъ бы принимать къ сердцу поддержку германской конституціи, положеніе Германіи и всѣхъ германскихъ князей, ограбленныхъ Франціей, и защищать ихъ права и интересы. Ему невозможно, не покрывая себя позоромъ, оставить интересы германскихъ князей и королей.

Вотъ каковы мои чувства, и вотъ какъ вы должны говорить, чтобы возбудить и поднять унылый и слабый духъ. Если бы даже высокіе со-

юзники и клонили дѣло къ возмѣщенію понесенныхъ убытковъ, они скоро получили бы его, дѣйствуя сильно и твердо во вторую кампанію, нежели поддаваясь несчастнымъ обстоятельствамъ первой, въ которой они, впрочемъ, никогда не были побиты. Не знаю, что скажутъ мнѣ принцы въ тѣхъ письмахъ, о которыхъ вы меня извѣщаете, но никогда не посовѣтую имъ ничего, какъ только идти по пути чести. Весьма важно знать, дѣйствительно ли отставка графа Шуленбурга есть немилость; потому что его царственный начальникъ такъ часто мѣняетъ свои воззрѣнія, что не было бы ничего невозможнаго, еслибы онъ еще разъ ихъ перемѣнилъ. Алопеусъ думаетъ, что нѣтъ, но весьма возможно, что онъ этого не видитъ, обольщенный сдѣланнымъ ему пріемомъ. Постарайтесь съ своей стороны узнать, въ чемъ тутъ дѣло; что же касается меня, я съ самой минуты его отставки подозрѣвала, что онъ въ немилости. Вы видите, что мое мнѣніе все то же; а какъ я это ни отъ кого и не скрывала, то никто и не надѣялся заставить меня отказаться отъ моего мнѣнія, и только остереглись сообщить мнѣ свои ошибочные планы и мѣры. Отъ денежнаго контингента, который я была должна своему союзнику, я не отрекаюсь, но за то я сохраняю право свободно высказывать при случаѣ свои взгляды. Въ краткихъ замѣткахъ, которыя вы мнѣ сообщаете, есть много вѣроятнаго; время покажетъ, насколько именно. Наихудшая изо всѣхъ, упоминаемыхъ вами, конечно, та, изъ которой видно, что демократія подстрекаетъ къ возмущенію кабинеты и войска высокихъ союзниковъ и что она — причина полумѣръ, приведшихъ дѣла этой кампаніи къ тому состоянію, въ которомъ мы ихъ видимъ. Если то же произойдетъ и со второю, то императорскія регаліи могутъ быть, пожалуй, проданы съ молотка въ Ахенѣ, такъ же точно, какъ св. мурница и т. п. священные предметы въ Парижѣ. Дабы избѣжать этихъ полумѣръ, слѣдовало бы, чтобъ лучшіе умы Германіи составили лигу противъ полумѣръ, указывали на нихъ, устно и письменно боролись противъ нихъ, а вы — поддерживали ихъ мнѣніе. Постарайтесь добиться бесѣды съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; въ этой бесѣдѣ представьте ему, какая ему является прекрасная роль, если онъ, благодаря твердому и рѣшительному походу во главѣ двухсотъ тысячнаго войска, утвердитъ престолы двухъ государей, а третьяго возстановитъ на его престолѣ. Это умный человѣкъ, и онъ долженъ быть въ состояніи понять то, что вы ему скажете. Полумѣры погубили короля французскаго. Королеву французскую, которая, впрочемъ, тщеславна и высокомѣрна, увѣрили, что, предавшись демократіи, она возстановитъ своего супруга на престолѣ, съ котораго онъ сошелъ. Ей это больше нравится, нежели присоединиться къ своимъ зятьямъ и къ тѣмъ, кто по своему положенію преданъ королевскому дому. Она ненавидѣла парламенты, которые служили оплотомъ

и посредникомъ, и вотъ, теперь, благодаря полумѣрамъ, король и королева французскіе заключены въ Тамплѣ—ужаснѣйшій примѣръ того, къ чему могутъ привести подобные принципы въ веденіи государственныхъ дѣлъ. Кажется, въ слѣдующую кампанію слѣдовало бы принять за правило: не выслушивать никакихъ предложеній, не начинать никакихъ переговоровъ, пока не освободятъ французскаго короля отъ заключенія и пока не останется ни одного посредника на разстояніи ста верстъ въ окружности лагеря. Г-нъ Дюмурье, способствовавшій быстрому отступленію пруссаковъ и облегчавшій его, готовилъ, повидимому, золотой мостъ своимъ непріятелямъ. Развѣ не былъ онъ съ ними заодно, когда приказывалъ своимъ солдатамъ вытаскивать изъ грязи орудія и багажъ, не захватывая ни того, ни другаго? Наконецъ, несомнѣнно одно: пруссаки отступали и Дюмурье былъ очень доволенъ этимъ маневромъ. Уваженіе къ герцогу Брауншвейгскому возстановится, лишь бы только онъ рѣшился дѣйствовать рѣшительно и твердо, и употребилъ бы свое умѣнье на то, чтобы направить и короля прусскаго на тотъ же путь, тогда какъ тѣ пути, которыми онъ слѣдуетъ, ведутъ его къ вѣрнымъ бѣдствіямъ.

Роль, которую я на васъ возлагаю, не особенно трудна. Она можетъ быть выражена въ трехъ положеніяхъ: утѣшайте, ободряйте, подкрѣпляйте огорченныхъ, унылыхъ, павшихъ духомъ, колеблющихся, и, если можете, образуйте изъ нихъ массу людей, достойныхъ предстоящаго имъ дѣла. Не забудьте Бишофсвердера: онъ можетъ быть очень полезенъ, судя по донесеніямъ о. Плисэ. Онъ мыслитъ здраво, и его вліяніе на своего государя не подлежитъ сомнѣнію—можетъ быть, ему удастся побудить короля подняться на тѣ двѣ ступеньки, на которыя онъ спустился съ своего трона. Что касается Шпильмана, заболѣвшаго отъ паническаго страха, онъ совершенно въ духѣ французской революціи, скрытый принципъ которой заключается въ террорѣ: онъ испытываетъ и внушаетъ его, не предлагая никакого противодѣйствія.

То, что вы мнѣ говорите объ австрійцахъ, будто они уже не проявляютъ своего вліянія на короля прусскаго, напоминаетъ мнѣ слова моей гувернантки, утверждавшей, что нашалившія дѣти всегда молчатъ и мнѣ приходилось молчать по цѣлымъ днямъ. Представьте себѣ: это мнѣ-то, которая говоритъ такъ же много, какъ и графъ Иванъ Чернышевъ. Что касается меня лично, мнѣ кажется, что люди, плохо исполнившіе свои обязанности, по прямой и строгой справедливости, не должны бы имѣть никакихъ правъ на вознагражденіе.

Любопытно и необходимо было бы знать, сохранитъ ли Англія свой нейтралитетъ, видя, что французы намѣреваются дѣлать завоеванія, завладѣвъ Савойей и строя планы насчетъ Рима, Италіи и Германіи, и что въ то же время высокіе союзники только и заботятся, какъ бы

снабдить свои войска провіантомъ, послѣ такой отвратительной кампаніи. Если Англія и ведетъ переговоры съ бунтовщиками, то все-таки нельзя не признать за ней опытности; что же касается французскихъ принцевъ, то они всегда вели переговоры съ англійскимъ министерствомъ, но трудно сказать, что они этимъ выиграли. Не знаю, удовлетворитъ ли кредиторовъ принцевъ странная и весьма характерная выдумка г. Бретэля признать за государственные тѣ долги, которые г. Калоннъ предложилъ принцамъ, братьямъ короля, сдѣлать; по крайней мѣрѣ, баронъ выказалъ въ данномъ случаѣ свое доброе желаніе, которое, правду сказать, стоило ему такъ же мало, какъ мало пользы оно принесло принцамъ. Надѣюсь, что эрцгерцогиня не допуститъ племянниковъ своего мужа до ареста за долги.

Ваши депеши заперты у меня въ ящикѣ, до котораго никто не дотрогивается. Мнѣ сдается, что въ арміи принцевъ часто ошибались относительно видовъ короля прусскаго, а именно насчетъ регентства, на которое онъ, какъ говорили, согласился. Событія доказали противное. Затѣмъ, онъ обѣщалъ имъ провіантъ и продовольствіе съ жалованьемъ; счетъ герцога Брауншвейгскаго относится къ майнцскому договору. Повидимому, у принцевъ было вдвое болѣе солдатъ, нежели союзники обязались прокармливать; но, судя по строгости письма короля прусскаго къ генералу Шенфельду, которое онъ предъявилъ принцамъ, кажется, что король прусскій отдавалъ Люттихское епископство на разграбленіе двѣнадцати тысячъ голодныхъ солдатъ: можно подумать, что онъ желалъ или обѣщалъ Дюмурье выморить ихъ голодомъ! Увидимъ, къ чему приведетъ путешествіе графа д'Артуа въ Лонгви, къ королю прусскому; краткая записка, которую онъ везетъ съ собою и которая составлена г. де-Кастри, представляетъ положеніе принцевъ и эмигрантовъ въ ужасномъ видѣ

Кажется, Кюстинъ вступилъ во Франкфуртъ въ тотъ самый день, когда въ Лонгви обсуждалась эта интересная и злополучная записка. Теперь французы въ самыхъ нѣдрахъ Германіи, между тѣмъ какъ король прусскій страннымъ образомъ увязилъ свои войска во Франціи. Что изъ этого выйдетъ? Я этимъ очень разстроена: эта вѣсть пришла къ намъ сегодня, 30-го октября, съ кораблемъ изъ Любека. Все, что вы говорили Тугуту и новому министру Гаугвицу въ пользу принцевъ и эмигрантовъ, я вполнѣ одобряю и вижу лишь большія... Все, что я говорю вамъ сегодня, служитъ подспорьемъ къ тѣмъ рѣчамъ, которыя вы уже вели. Если и не баронъ Бретэль помѣшалъ объявить регентомъ брата короля, все же онъ сдѣлалъ большую ошибку, а сожалѣніе, которое долженъ былъ чувствовать король, потерявшій престолъ, и которое могло бы ему помочь, должно было уменьшиться, благодаря этому проблеску надежды.

Если можете, заставьте всѣхъ принять принципы и мѣры, необходимыя для успѣха второй кампаніи; раскройте глаза тѣмъ, которые ослѣплены; проповѣдуйте, дѣйствуйте въ защиту королей, дворянства, христіанской вѣры. Все въ опасности, если ложные маневры и полумѣры будутъ продолжаться; дѣйствительно, это отзовется на всей Германіи и уже отзывается на ней. Никогда не посовѣтую я принцамъ и французскому дворянству отступиться отъ дѣла, за которое они страдаютъ. Надо, чтобы державы помогли имъ, если желаютъ, чтобъ королевская власть существовала. Какъ только прибудетъ обѣщанный вами курьеръ, я снова постараюсь поработать въ пользу принцевъ, сообразно съ тѣми данными, которыя у меня будутъ.

Прощайте, будьте здоровы. Завтра пріѣзжаютъ мои принцессы, а послѣ завтра будетъ отправлено это письмо, но я вамъ еще скажу словечко о вновь прибывшихъ, какъ вы меня о томъ просили.

30-го октября, 1792 г.

18.

Ce 1-er novembre 1792.

M-r le comte Roumenzoff.

Hier au soir entre 8 et 9 heures enfin les princesses de Bade sont arrivées en bonne santé à cela presque que l'aînée tousse et que la cadette a un rhume de cerveau, mais j'espère qu'avec un peu de repos cela se passera, aussi ont elles eu ce qu'on appelle chez nous совершенная распутица и непогода à soutenir, mais, Dieu merci, les voilà arrivées. J'ai tellement ménagé cette arrivée que très peu de gens les ont vues. Elles sont descendues à leurs gîtes, la maison Schepelef, le maréchal de la cour et les cavaliers nommés pour les accompagner les ont reçues au sortir du carosse, et les ont menées dans leurs appartements; je me tenais pour ainsi dire cachée avec la comtesse Braniscky [1]) qui m'accompagnait de même que le comte Zoubow[2]), qui était de service, dans un des appartements destinés aux princesses, quand les battants s'ouvrirent et qu'elles entrèrent, l'aînée me reconnut assez vite et la cadette suivit son exemple. Cette aînée a paru à tous ceux qui l'ont vue une enfant ou plutôt une jeune personne charmante, je sais que sur la route elle a captivé tout le monde, la comtesse Schouvaloff et Strekaloff en disent mille bien, j'ai fait entrer ensuite tous ceux qui les accompagnaient et comme il était tard, que tout le monde était fatigué après une courte entrevue je me suis retirée avec la comtesse Braniscky et le comte Zoubow. Ceux-ci chemin faisant ne tarissaient pas de l'effet que la princesse aînée avait fait sur eux; la conclusion que je tire de ceci est qu'il faudrait que notre homme fût fort difficile si elle manquait sa conquête, il ne la

---

[1]) Александра Васильевна, урожд. Энгельгардъ, 1754—1838, статсъ-дама Екатерины II.

[2]) Платонъ Александровичъ, 1767—1822, позже князь.

verra que quand elle sera parfaitement reposée et je ne mettrai aucun empressement à la lui montrer.

A six heures après dîner.

J'ai revu les princesses deux fois aujourd'hui, l'aînée plus on la voit et plus elle plaît. Je leur ai dit d'écrire à papa et à maman. Ci-joint mes lettres pour le margrave, le prince et la princesse héréditaires. Les deux derniers m'ont écrit par leurs enfants, ce sont les réponses.

Je Vous envoye celle pour le margrave ce n'est qu'une lettre de compliments. Ci-joint une missive aussi pour le baron Grimm [1]) mon ancien souffre-douleur patenté. Adieu, portez-vous bien".

18.

(Переводъ). Господинъ графъ Румянцовъ.

Наконецъ-то вчера, между 8 и 9 час. вечера, прибыли принцессы Баденскія въ добромъ здоровьи, если не считать, что старшая кашляетъ, а у молодой насморкъ; но надѣюсь, что послѣ небольшаго отдыха это пройдетъ. Вѣдь, имъ пришлось вынести то, что у насъ называется «совершенная распутица и непогода»; но, слава Богу, онѣ пріѣхали. Я такъ обставила ихъ пріѣздъ, что весьма немногіе видѣли ихъ. Онѣ вышли изъ экипажа у своего жилища, у дома Шепелева; при выходѣ изъ кареты ихъ встрѣтили гофмаршалъ и придворные кавалеры, назначенные сопровождать ихъ, и проводили въ ихъ аппартаменты. Я стояла, такъ сказать, спрятавшись съ графиней Браницкой, которая меня сопровождала, графомъ Зубовымъ, дежурнымъ, въ одномъ изъ аппартаментовъ, предназначенныхъ для принцессъ, когда двери распахнулись и онѣ вошли: старшая довольно скоро узнала меня, младшая послѣдовала ея примѣру. Эта старшая показалась всѣмъ, видѣвшимъ ее, очаровательнымъ ребенкомъ или, скорѣе, очаровательной молодой дѣвушкой: я знаю, что дорогой она всѣхъ плѣнила; графиня Шувалова и Стрекаловъ расточаютъ ей тысячи похвалъ. Затѣмъ я пригласила войти всѣхъ, кто имъ сопутствовалъ, и, такъ какъ было уже поздно и всѣ были утомлены, я, послѣ краткаго свиданія, удалилась вмѣстѣ съ графиней Браницкой и графомъ Зубовымъ, которые всю дорогу не умолкая болтали о впечатлѣніи, которое произвела на нихъ старшая принцесса. Изъ этого я вывожу заключеніе, что нашъ баринъ будетъ очень разборчивъ, если она не побѣдитъ его; онъ увидитъ ее лишь тогда, когда она совершенно отдохнетъ, и я не выкажу ни малѣйшей поспѣшности показать ее ему.

---

[1]) Friedrich Melchior, 1723—1807, издатель „Correspondance Littéraire", корреспондентъ Екатерины II.

Въ шесть часовъ послѣ обѣда.

Я два раза видѣла сегодня принцессъ. Чѣмъ больше видишь старшую, тѣмъ больше она нравится. Я имъ сказала, чтобы онѣ написали папашѣ и мамашѣ. Прилагаю при семъ мои письма къ маркграфу, наслѣдному принцу и принцессѣ. Оба послѣдніе писали мнѣ черезъ своихъ дѣтей; это — отвѣты. Посылаю вамъ письмо къ маркграфу: это просто любезное посланіе.

Также прилагаю при семъ посланіе барону Гримму, моему старому испытанному страстотерпцу. Прощайте, будьте здоровы.

19.

1-го декабря 1792 года.

Monsieur le comte de Roumenzof.

Vous avez très-bien fait de ne pas vous mêler de la négociation du mariage de la princesse Caroline de Bade avec le prince royal de Prusse [1]), lequel est promis en secret avec sa cousine, la fille aînée du prince et de la princesse Ferdinand, mariage auquel la grande-duchesse, ma bru, s'intéresse infiniment. Il se peut que la reine de Prusse se trouve dans le secret de son fils et voilà pourquoi. Elle ne consent pas aux démarches que le roi, son époux, fait en faveur de la princesse Caroline de Bade. Vous ferez très-bien dorénavant de ne pas Vous mêler d'aucune façon de cette affaire.

Au reste nous continuons à être très-contents de nos deux princesses de Bade; il paraît jusqu'ici que l'aînée emportera la pomme. Monsieur Alexandre la trouve à ce qu'il paraît très-fort à son goût présentement. Au commencement il était aussi farouche que la princesse était réservée, mais on commence à s'accoutumer et l'on se plaît assez ensemble. Pour le public il est tout décidé pour l'aînée, la petite dévient jolie à vue d'œil.

Je Vous prie de me faire avoir le nom du prince de Revel et du petit-fils du maréchal de Castries, afin que je leur puisse faire expédier à chacun d'eux un brevet d'officier aux gardes et une pension de quinze cents roubles pour leur éducation.

Adieu, portez-Vous bien. Ce 1-er décembre 1792.

Mais où êtes-Vous?

19.

(Переводъ). Господинъ графъ Румянцовъ.

Вы очень хорошо сдѣлали, что не вмѣшались въ переговоры о бракѣ принцессы Каролины Баденской съ прусскимъ принцемъ, который тайно помолвленъ со своей кузиной, старшей дочерью принца Ферди-

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ, 1770 — 1840, сынъ Фридриха-Вильгельма II, позже король Фридрихъ-Вильгельмъ III; въ 1793 г. женился на принцессѣ Луизѣ Мекленбургъ-Шверинской; отецъ императрицы Александры Ѳеодоровны.

нанда. Этимъ бракомъ чрезвычайно интересуется великая герцогиня, моя невѣстка. Весьма возможно, что королева прусская раздѣляетъ тайну своего сына, и вотъ почему она не соглашается на попытки, которыя король, ея супругъ, дѣлаетъ въ пользу принцессы Каролины Баденской. Вы и впредь хорошо сдѣлаете, если отнюдь не будете вмѣшиваться въ это дѣло.

Мы продолжаемъ быть весьма довольны нашими двумя принцессами Баденскими; до сихъ поръ кажется, что старшая одержитъ верхъ. Какъ кажется, она пришлась теперь весьма по вкусу господину Александру. Сначала онъ былъ такъ же неприступенъ, какъ принцесса была сдержанна; но теперь начинаютъ привыкать другъ къ другу и любятъ быть вмѣстѣ. Что касается публики, она твердо остановилась на старшей; младшая замѣтно хорошѣетъ.

Прошу васъ сообщить мнѣ имя князя Ревеля и внука маршала Кастри, чтобы я могла переслать каждому изъ нихъ грамоту на званіе офицера гвардіи и пенсію въ 1.500 рублей на ихъ воспитаніе.

Прощайте, будьте здоровы.

1-го декабря 1792 года.

Но гдѣ же вы?

20.

1-го декабря 1792 года.

Monsieur le comte de Roumenzof.

Le courier Komarowsky nous est arrivé le 11 d'août et il nous a apporté toutes Vos dépêches, j'en ai devant moi sept auxquelles je ne suis réservé de répondre. Elles sont de Binghen du 19 et du 20 juillet, de Karlsruhe du 24, 25 et 30, de Coblence du 25 et 26.

Par la première Vous m'informez que le roi de France avait expédié un homme au maréchal de Castries chargé de parler à l'Empereur du manifeste où il ne fallait pas citer les princes, ni les émigrés; je vois qu'on a même voulu se servir de Votre canal pour introduire cet homme chez l'Empereur, j'approuve très-fort que Vous ne Vous soyiez pas mêlé de cette introduction, car Leurs Majestés très-chrétiennes ont pris la détestable coutume d'employer le tiers et le quart en sens contraire et ne se font aucun scrupule ensuite de les désavouer. Nous avons déjà vu dans ce cas le baron Breteuil lui-même et le marquis de Bombelles quoiqu'il fut chargé d'une lettre écrite de la propre main de la reine. Ce Malet du Pan [1]) d'ailleurs ne meritait guère d'être présenté par Vous, par-

---

[1]) Jaques Mallet-Dupan, 1749—1800, публицистъ, которому покровительствовалъ Вольтеръ; съ 1783 г. онъ издавалъ въ Парижѣ „Mercure historique et politique de Genève“; какъ монархистъ, долженъ былъ эмигрировать въ 1792 году.

lant toujours mal de nous dans son Mercure; l'on voit clairement par la conversation que Vous avez eue avec cet homme que c'est un constitutionnel, or si le roi de France hait l'ancienne forme comme cet homme Vous en a assuré, c'est comme si Sa Majesté prononcerait qu'elle a de l'aversion pour la splendeur, le lustre et la gloire de sa monarchie, paroles assurément qu'on ne devrait pas croire pouvoir sortir de la bouche d'un souverain. Il se peut très-bien encore que la marchande de modes de la reine ait eté employée à pareil ministère ou bien aussi à contrecarrer les vues du roi, mais comme elle a été bien accueillie on doit supposer qu'elle ne contredisait (?) pas avec la mission, les vues de la cour de Vienne que je crois nullement bienfaisantes pour l'ancien gouvernement, mais telles qu'elles entretiendront le plus longtemps possible la France dans son état présent de dislocation parfaite, et voilà pourquoi l'on ne veut pas que les princes, frères du roi, aient des forces rassemblées, on sent que leur parti réunira de plus en plus tous les anciens amis de la monarchie, que le clergé, la noblesse, les parlements ne sauraient être détruits qu'avec la monarchie et qu'ils ne sauraient exister qu'en se réunissant aux princes. Pour moi j'envisage tout ceci sous un autre point de vue, je prévois que tôt ou tard l'ancien régime doit reprendre, que plus le temps avance et plus il se rapproche de cette époque. Que le plus fort est fait dès que les princes, frères du roi, ont mis un seul pied en France, que si les choses restent dans l'état présent, on aura beau prescrire aux princes la quantité de troupes qu'ils doivent avoir, eux-mêmes ne seront pas en état d'en avoir ni plus ni moins que celles qui viendront se joindre à eux, et quoique la France nous ait fait ci-devant du mal aussi, il vaut mieux faire les choses de bonne grâce qu'à contre-cœur, surtout celles qu'on ne peut empêcher, et en conséquence voici comme je suis résolue d'agir: les princes me font prier de vous laisser près d'eux, j'y consens volontiers, vous recevez par ce même courrier un rescript de ma part qui vous autorise de rester près d'eux et il vous instruit sur différents points et cas à supposer; c'est à Vous à en faire l'usage le plus convenable et le plus prudent. Il est essentiel que les princes conservent l'amitié du roi de Prusse et l'affection du duc de Brunswick; ni l'un ni l'autre n'ont pas les mêmes vues pour rétablir les choses en France sur un pied souffrable et à cet effet les hauts alliés ne devraient négliger aucun point. Pour ce que regarde Bischoffswerder Vous aurez trouvé dans mes précédentes dépêches de quoi Vous servir de règle de conduite avec lui; j'espère que sa disgrâce momentanée n'aura pas de suite et que le vertueux Manstein ne prendra pas sa place. Je désire en vérité avec bien d'autres que le duc de Brunswick ne commande pas l'année qui vient. Pour ce qui regarde l'Angleterre, dans peu nous saurons ses intentions et verrons clair dans ses démarches. Pour Alopeus il ne voit que par les yeux du ministère Prussien, il est revenu à Berlin, parce que le roi lui disait qu'il allait y retourner.

Vous verrez dans mon autre dépêche de ce jour le poste que j'ai pris et la route que je me suis tracée. Je me garderai bien d'être autrement que je ne suis et de suivre celle que suivent les hauts alliés contre mon gré et à laquelle jusqu'ici l'on ne voit pas qu'ils aient acquis beaucoup de gloire.

Présentement la première chose qu'ils ont à faire selon moi, c'est de chasser les Français de l'Allemagne. Pour la république elle sera renversée dès qu'on s'y prendra comme il faut pour y réussir, c'est-à-dire qu'on les battra au lieu de négocier. Ce qu'il y a de sûr, c'est que la France ne saurait subsister en république, l'expérience de tous les temps le prouve. Vous y verrez que tous

les deux cents ans la France a été malade de la même maladie; lisez les mémoires de la Ligue, vous y verrez les mêmes projets et Vous y verrez la réussite future de ces projets. Mais il faut trouver l'homme pour les combattre; quand il s'agit de coups il faut en donner, non en recevoir. Pour la noblesse française, il est très-dur que son Etat est désespérant, parce qu'il s'agit de son existence journalière; aussi de toute manière je tâcherai d'empêcher qu'elle ne périsse.

Vous verrez par la copie de ma lettre aux princes ce que je leur dis sur le voyage de M-r le comte d'Artois.

Je ne sais de qui Vous voulez parler quand vous me dites que Votre travail est gradué, mais qu'une personne dont Vous estimez et le zèle et les autres bonnes qualités presse toujours trop aux ressorts et s'offre à une discussion que Vous évitez. Si c'est le prince de Nassau [1]), Vous pouvez être assuré qu'il n'est chargé de ma part d'aucun ordre; il m'écrit très-rarement et, quand il m'écrit, il me fait relation de ce qui s'est fait, ce qui me parvient la plupart du temps fort tard; je lui réponds en termes très-généraux, mais comme il porte mon uniforme, on a pris à tâche de le regarder comme étant chargé de bien des choses. Apparemment qu'on croit tous les nôtres dans le même cas, puisque Sa Majesté Prussienne a parlé de ses procédés politiques les plus secrets au général-major Zoubow [2]) qui, quoique embarrassé de la confidence, s'est tiré de la conversation en homme d'esprit.

Je suis bien aise de voir que M-r le comte d'Artois a eu assez de confidence en moi pour être persuadé que si je connaissais leur état de pénurie, je leur enverrais de l'argent. Eh bien, cette fois-ci j'ai prévenu leur désir et mon dernier courier Vous aura apporté une pomme pour le soif.

Adieu, portez-vous bien.

Ce 1-er décembre [3]) 1792.

20.

(Переводъ). Господинъ графъ Румянцовъ.

11-го августа прибылъ къ намъ курьеръ Комаровскій и привезъ всѣ ваши депеши: передо мной ихъ семь, на которыя я буду отвѣчать. Онѣ изъ Бингена, отъ 19-го и 20-го іюля, изъ Карльсруэ, отъ 24-го, 25-го и 30-го, изъ Кобленца, отъ 25-го и 26-го. Первою депешей вы увѣдомляете меня, что король французскій отправилъ къ маршалу Кастри посланца съ порученіемъ говорить съ императоромъ о манифестѣ, въ которомъ не слѣдовало упоминать ни о принцахъ, ни объ эмигрантахъ. Вижу, что хотѣли воспользоваться даже вашимъ посред-

---

[1]) Karl Heinrich Prinz von Nassau-Siegen, 1745—1808, вице-адмиралъ русской службы съ 1788 г.

[2]) Валерьянъ Александровичъ, 1771—1804; въ 1792 г. пожалованъ въ генералъ-маіоры и ѣздилъ за-границу лѣчить рану.

[3]) Вѣроятно, описка, вмѣсто Septembre.

ствомъ, чтобы представить этого посланца императору. Весьма одобряю, что вы не вмѣшались въ это, потому что ихъ христіаннѣйшія величества приняли отвратительную привычку пользоваться третьими и четвертыми лицами и потомъ, не стѣсняясь, отрекаться отъ нихъ. Мы видѣли въ такихъ условіяхъ самого барона Бретэля и маркиза Бомбель, хотя ему и было поручено письмо, написанное собственною рукою королевы. Этотъ Малэ дю-Панъ вовсе не стоилъ того, чтобы вы его представляли, такъ какъ онъ всегда дурно объ насъ отзывается въ своемъ журналѣ. Изъ вашего разговора съ этимъ господиномъ ясно видно, что это конституціоналистъ. Если же король французскій ненавидитъ прежній образъ правленія, какъ васъ увѣрялъ этотъ господинъ, это все равно, какъ если бы Его Величество объявилъ, что чувствуетъ отвращеніе къ роскоши, блеску и славѣ своей монархіи—слова, о которыхъ нельзя повѣрить, чтобы они могли исходить изъ устъ государя. Весьма возможно еще и то, что портпихой королевы воспользовались для подобнаго дѣла или же еще для того, чтобы помѣшать видамъ короля; но, такъ какъ она была хорошо принята, то надо предположить, что она не перечила миссіи и видамъ вѣнскаго двора, которые я считаю отнюдь не благожелательными для прежняго правительства, но таковыми, что они возможно долѣе продержатъ Францію въ ея настоящемъ состояніи полной разстройки. Вотъ почему и не желаютъ, чтобы у принцевъ, братьевъ короля, были соединенныя силы: чувствуютъ, что къ ихъ сторонѣ примкнетъ все болѣе и болѣе старыхъ друзей монархіи, что духовенство, дворянство, и парламенты могутъ быть разрушены лишь вмѣстѣ съ монархіей и что существовать они могутъ, лишь соединившись съ принцами. Что касается меня, я на все это смотрю съ иной точки зрѣнія: я предвижу, что рано или поздно возобновится прежнее правленіе, что чѣмъ болѣе время идетъ впередъ, тѣмъ болѣе оно приближается къ этой эпохѣ; что самое трудное будетъ сдѣлано, какъ только принцы, братья короля, станутъ одной ногой во Франціи; что, если дѣла останутся въ настоящемъ положеніи, сколько ни указывали бы принцамъ, какое именно количество войскъ они должны имѣть, они сами не будутъ въ состояніи имѣть ихъ больше или меньше тѣхъ, которыя присоединятся къ нимъ, и что, хоть Франція и дѣлала намъ прежде зло, но слѣдуетъ дѣлать дѣла лучше охотно, чѣмъ нехотя, а особенно такія, которымъ не можешь воспрепятствовать. Вслѣдствіе этого вотъ какъ я рѣшилась дѣйствовать: принцы просятъ меня оставить васъ при нихъ, и я охотно на это соглашаюсь; вы получите съ этимъ же курьеромъ рескриптъ, который уполномочиваетъ васъ оставаться при нихъ и даетъ вамъ инструкціи по различнымъ возможнымъ вопросамъ и случаямъ: ваше дѣло воспользоваться ими наиболѣе прилично и осторожно. Существенно важно, чтобы принцы

сохранили дружбу короля прусскаго и расположеніе герцога Брауншвейгскаго. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ одинаковыхъ видовъ на возстановленіе дѣлъ во Франціи въ сносномъ видѣ, а для этой цѣли высокіе союзники не должны бы ничѣмъ пренебрегать. Что касается Бишофсвердера, вы нашли въ моихъ предыдущихъ посланіяхъ все, что могло вамъ служить указаніемъ въ обращеніи съ нимъ. Я надѣюсь, что кратковременная немилость къ нему не будетъ имѣть послѣдствій и что добродѣтельный Манштейнъ не займетъ его мѣста. Я, право, вмѣстѣ со многими другими желаю, чтобы герцогъ Брауншвейгскій не командовалъ войсками въ наступающемъ году. Что же касается Англіи, мы скоро узнаемъ ея намѣренія и уяснимъ себѣ ея дѣйствія. Алопеусъ же смотритъ глазами прусскаго правительства; онъ вернулся въ Берлинъ, потому что король сказалъ ему, что возвращается туда. Изъ моего другаго посланія отъ сего же дня вы увидите, какое я заняла положеніе и какой путь себѣ предначертала. Я воздержусь какъ быть иной, чѣмъ я теперь, такъ и слѣдовать пути, которому слѣдуютъ высокіе союзники, вопреки моему желанію, и на которомъ не видно, чтобы они пріобрѣли большую славу.

Въ настоящее время первое, что имъ, по-моему, надо сдѣлать — выгнать французовъ изъ Германіи. Что же касается республики, она будетъ низвергнута, какъ только будутъ приняты надлежащія мѣры, чтобы успѣть въ этомъ, т. е., что ихъ побьютъ, вмѣсто того, чтобы переговариваться съ ними. Одно достовѣрно — республика не можетъ существовать во Франціи: это доказано опытомъ всѣхъ вѣковъ. Изъ исторіи вы видите, что каждыя двѣсти лѣтъ Франція болѣла одной и той же болѣзнью. Прочитайте мемуары о Лигѣ; въ нихъ вы увидите тѣ же планы и послѣдующій успѣхъ этихъ плановъ. Но надо найти человѣка, чтобы съ ними бороться; когда дѣло идетъ объ ударахъ, надо наносить ихъ, а не получать. Для французскаго дворянства весьма тяжко его безнадежное положеніе; дѣло идетъ о самомъ существованіи дворянства, поэтому-то я всѣми силами постараюсь помѣшать ему погибнуть.

Изъ копіи съ моего письма принцамъ вы увидите, что я имъ говорю о путешествіи графа д'Артуа.

Я не понимаю, о комъ вы говорите, сообщая мнѣ, что ваши труды послѣдовательны, но что одна особа, усердіе и другія добрыя качества которой вы цѣните, слишкомъ нажимаетъ пружины и вызываетъ споры, которыхъ вы избѣгаете. Если это принцъ Нассаусскій, вы можете быть увѣрены, что ему не дано отъ меня никакихъ приказаній. Пишетъ онъ мнѣ очень рѣдко, а когда и пишетъ, то разсказываетъ вещи уже совершившіяся и это большею частью доходитъ до меня очень поздно. Я ему отвѣчаю въ весьма общихъ выраженіяхъ; но такъ какъ онъ но-

ситъ мой мундиръ, то приняли за правило смотрѣть на него, какъ на моего уполномоченнаго. Повидимому, полагаютъ, что всѣ наши находятся въ тѣхъ же условіяхъ, потому-то его прусское величество говорилъ о своихъ самыхъ тайныхъ политическихъ дѣйствіяхъ съ генералъ-маіоромъ Зубовымъ, который хоть и былъ смущенъ этими признаніями, но выпутался изъ этого положенія, какъ умный человѣкъ.

Очень рада узнать, что графъ д'Артуа вѣритъ мнѣ и былъ убѣжденъ, что, если бы я знала про ихъ безденежье, то прислала бы имъ денегъ. Ну, на этотъ разъ я предупредила ихъ желанія, и послѣдній мой курьеръ привезъ вамъ, чѣмъ утолить ихъ жажду.

Прощайте, будьте здоровы.

1-го декабря 1792 года.

21.

9-го декабря [1]) 1792 года.

Monsieur le comte Roumenzof.

Vous verrez par l'extrait ci-joint les propos que le S-r Jacobi se permet de tenir à Londres, je Vous laisse à penser quelle impression pareils discours peuvent faire, et quelle solidité on peut supposer à l'alliance des cours de Vienne et de Berlin, lorsque leurs ministres tiennent de pareilles conversations. Je voudrais que le roi de Prusse fût instruit de ces imprudences-là, d'autant plus que dans ce moment-ci il paraît être nécessaire que les alliés soient unis et paraissent l'être pour le bien commun des affaires qu'ils prennent à cœur.

Adieu, portez-vous bien.

Ce 9 décembre 1792.

Des propos tenus par le S-r Jacobi à Londres.

Qu'il n'y aurait plus de seconde campagne, parce que le roi de Prusse ne la fera plus et l'Empereur n'est pas en état et n'osera pas la faire seul.

Dans un autre endroit il a dit que la contagion présente ne gagnera pas les Etats Prussiens, si le roi, diminuant de dix à 15.000 hommes, diminue en même temps quelques impôts pour soulager et contenter son peuple; cela sera suffisant pour le garantir de cette peste politique qui fait tant de peur, mais il ne pourra faire cette opération qu'en cas que la maison d'Autriche perde les Pays-Bas d'une manière irrévocable et n'aie encore quelque autre embarras interne.

---

[1]) Въ Госуд. Архивѣ (разр. XV, № 233) хранится рескриптъ гр. Н. П. Румянцову, отъ 6-го декабря 1792 г., съ собственноручною припискою императрицы. Этотъ рескриптъ напечатанъ въ отзывѣ г. Штендмана объ изслѣдованіи проф. Трачевскаго „Союзъ князей", стр. 91—101. Сохранился и собственноручный черновой отпускъ Екатерины, любопытный въ литературномъ отношеніи по своимъ варіантамъ.

21.

(Переводъ). Господинъ графъ Румянцовъ

Изъ приложенной при семъ выписки вы увидите, какія рѣчи позволяетъ себѣ вести г. Якоби въ Лондонѣ. Предоставляю вамъ вообразить, какое впечатлѣніе могутъ производить подобныя разсужденія и какую прочность можно предполагать въ союзѣ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, когда ихъ представители говорятъ подобныя вещи. Я бы хотѣла, чтобы король прусскій былъ увѣдомленъ объ этихъ неосторожностяхъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту кажется необходимымъ, чтобы союзники были единодушны и казались бы таковыми ради общаго блага дѣлъ, которыя они принимаютъ близко къ сердцу.

Прощайте, будьте здоровы.

9-го декабря 1792 года.

О рѣчахъ, которыя ведетъ въ Лондонѣ г. Якоби.

Будто второй кампаніи не бывать, потому что король прусскій не будетъ уже болѣе ее вести, а императоръ не въ состояніи и не посмѣетъ вести ее одинъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что настоящая зараза не проникнетъ въ прусскія владѣнія, если король, сокративъ войска въ десять—15.000 тысячъ человѣкъ, сократитъ въ то же время нѣсколько налоговъ, чтобы облегчить и удовлетворить свой народъ. Этого будетъ достаточно, чтобы обезпечить его отъ этой политической чумы, которая такъ пугаетъ; но онъ можетъ произвести эту операцію лишь въ томъ случаѣ, если австрійскій домъ безвозвратно потеряетъ Нидерланды и если Пруссія не будетъ имѣть какого-либо внутренняго затрудненія.

Сообщилъ **В. А. Бильбасовъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

МУХАММЕДА НЕДЖАТИ-ЭФЕНДИ,

турецкаго плѣннаго въ Россіи

въ 1771—1775 гг. [1])

О шпіонѣ со стороны ногайской.

Въ мѣсяцѣ рамазанѣ 84-го (= въ декабрѣ 1770-го) года въ Кэфу прибылъ нѣкто изъ муллъ упомянутыхъ ногайцевъ, по имени Идрисъ-эфенди и просилъ отъ кэфскаго муфтія, отъ муфтіевъ Бакче Сарая и другихъ мѣстъ фетвы на такой предметъ. «Мурзы нашего племени», сказалъ онъ, «хотятъ всѣхъ насъ перевести въ мѣстность въ московской сторонѣ, именуемую Кубанью, и водворить тамъ; а улемы наши не позволяютъ: если, говорятъ, нужно будетъ идти, то не будетъ совершаться отпѣваніе умершихъ. Мурзы сказали: «Это только ваше собственное мнѣніе». Произошелъ споръ. Наши улемы отвѣчали тоже: «Коли не вѣрятъ намъ, то пусть спросятъ у крымскихъ улемовъ и возьмутъ фетву отъ муфтіевъ, посмотримъ: тогда станетъ извѣстно». И вотъ за этимъ-то насъ и послали». Онъ подтвердилъ это его милости сераскеру и ушелъ. Проходя по городамъ и селеніямъ, онъ распускалъ тамъ разные страшные слухи, и добравшись опять до своего племени, завѣрялъ тамъ, что въ Кэфѣ и въ арміи провіанта и казны мало; что войска въ казармахъ тоже немного; что въ Кэфѣ, въ Карасу и въ другихъ мѣстахъ христіанскіе райя расположены къ московцамъ; что даже туземные въ Кэфѣ мусульмане изо дня въ день предаются бѣгству. Они (эти слухи) нашли еще большее подтвержденіе и дошли до московцевъ. Затѣмъ упомянутый Идрисъ опять отправился въ Кэфу подъ предлогомъ торговли: принесъ множество книгъ туда продавать. Однажды, когда у меня находились воинскій судья Османъ-эфенди, секретарь ди-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ 1894 г., мартъ.

*

вана Али-эфенди и другіе пріятели, приходитъ и упомянутый Идрисъ. Вытащилъ нѣсколько книгъ и говоритъ: «Эти книги дали мнѣ наши муллы, чтобы я продалъ, потому что у нихъ затрудненіе въ деньгахъ,— возьмите-ка вы!» — Диванскій эфенди отвѣчаетъ ему: «Теперь намъ не нужно; у насъ есть свои. Можетъ быть, на рынкѣ или, быть можетъ, мѣстные жители купятъ».—Я улыбнулся. Судья-эфенди и диванскій секретарь спрашиваютъ меня, что это значитъ.—«Такъ», говорю, «кое-что мнѣ пришло на умъ, оттого и смѣюсь».—«А что такое, напримѣръ?», спрашиваютъ они вторично, и я разсказалъ имъ слѣдующее. «Аббасидскій калифъ Гарунъ Аррешидъ, однажды ѣдучи на охоту, дорогою встрѣтился съ братомъ своимъ Баглюлемъ. Видитъ, что на землѣ лежитъ большой столбъ. Баглюль подниметъ съ земли одинъ конецъ столба и броситъ, другой конецъ подниметъ да броситъ; а возьмется за середину—не подымается. Когда онъ такъ настарывался, къ нему подошелъ братъ и спрашиваетъ, что это такое онъ дѣлаетъ. Баглюль отвѣчалъ: «Я положилъ, что одинъ конецъ этого столба здѣшній міръ, а другой конецъ — будущая жизнь; взялся я за здѣшній міръ — будущая жизнь остается; взялся за будущую жизнь—этотъ міръ остается; взялся за середину—столбъ не подымается; вотъ надъ чѣмъ я старался». Ногайскимъ улемамъ трудное теперь дѣло, потому что, если пойдутъ съ книгами къ гяурамъ, гяуры не довѣряютъ; придутъ назадъ—тамъ никого не осталось, кто бы покупалъ книги; и вотъ поневолѣ они приносятъ книги сюда въ Кэфу и стараются, какъ бы обмѣнять ихъ на деньги, да и уйти себѣ». Когда я это сказалъ, Идрисъ тотчасъ всталъ и ушелъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ пришелъ переодѣтый райею. Когда сераскеръ-паша, о которомъ будетъ говорено ниже, ѣхалъ въ Орскую крѣпость (Перекопъ), а его кяхья и прочее войско расположились въ окопахъ, этого Идриса узнали кэфскіе жители и говорятъ: «Шпіонъ!» Его схватили, и сераскерскій кяхья Ибраимъ-ага отослалъ его къ генералу арміи Кюртъ-Османъ-агѣ, чтобы онъ былъ у него подъ арестомъ до прибытія его милости сераскера. А означенный ага отпустилъ его. Идрисъ, когда сераскеръ-паша прибылъ въ кэфскую армію, опять явился въ другомъ уже костюмѣ и, въ то время, когда войско отряжалось въ Рубатскую крѣпость (Арабатъ), онъ давалъ войскамъ ядъ. Его схватили и привели къ вышеупомянутому его превосходительству; при допросѣ обнаружились прежнія обстоятельства, и на этомъ основаніи онъ былъ арестованъ. Его превосходительство паша, узнавъ, что ага намѣренъ взять его изъ мѣста его заключенія, отослалъ его изъ арміи въ Кэфскую крѣпость. Дорогою сынъ коменданта, Али-ага, узнавъ, велѣлъ своему войску изрубить въ куски упомянутаго Идриса. Объ этотъ обстоятельствѣ будетъ извѣстно впослѣдствіи, а теперь мы опять возвратимся къ своему предмету.

Наступила весна, открылось судоходство; но прошло три мѣсяца, а не появлялось ни одного корабля; деньги и продовольствіе не высылались; ни о войскѣ, ни о военныхъ принадлежностяхъ, ни о флотѣ не было ни слуху, ни духу. Между тѣмъ, нечистые гяуры начали двигаться къ Крыму, а войска, остававшіяся на зимовкахъ, подъ предлогомъ требованія слѣдуемаго имъ провіанта и невыплаченнаго содержанія, начали волноваться и производить разные безпорядки. Тутъ надобно разсказать нѣсколько подробностей о положеніи дефтердара Эминъ-бея и квартирмейстера Исмаилъ-аги.

Уже было упомянуто прежде, что, когда на Перекопскомъ полѣ собирали войска для набѣга, понадобились деньги для уплаты содержанія, пайковъ и провіанта, а также и просроченнаго жалованья войскамъ, находившимся въ крѣпости. Означенный квартирмейстеръ ага, вмѣстѣ съ прежде прибывшимъ въ Крымъ Сулейманомъ-эфенди, отвѣчали всѣмъ, обращавшимся къ нимъ: «У насъ не осталось ни продовольственныхъ припасовъ, ни денегъ, и изъ главной квартиры до сей минуты намъ не доставлено ни одного зерна и ни одной копѣйки». Янычары же сказали: «Пока намъ не выплатятъ все слѣдуемое намъ, а вмѣстѣ и просроченное содержаніе, мы въ крѣпости зимовать не останемся». Тогда главнокомандующій вручилъ дефтердару и квартирмейстеру своихъ коней, вмѣстѣ съ сбруей и чапраками, а также перстень съ своей руки и прочія драгоцѣнности подъ росписку, съ приказаніемъ или продать ихъ или заложить, но чтобы только добыть деньги и, сообразно необходимости, уплатить всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ особенности же частямъ войскъ, остающимся на зимовку. Упомянутые чиновники исполнили приказаніе паши; добыли денегъ и уплатили какъ войскамъ, остававшимся въ крѣпости, такъ и бывшимъ въ лагерѣ. Послѣ этого янычары, схвативъ и связавъ дефтердара, ушли въ Кэфу, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше. Главнокомандующій зимовалъ въ Карасу. Въ эту зиму дефтердаръ Сулейманъ-эфенди былъ смѣненъ, а на мѣсто его назначенъ Эминъ-бей, которому, въ видѣ аванса, было вручено сто кошельковъ (по 500 піастровъ въ каждомъ) для Крымской арміи. Упомянутый господинъ, отправившись изъ главной квартиры арміи чрезъ Килію и Аккерманъ, порастратилъ порученную ему казну, накупивъ на эти деньги невольниковъ и невольницъ, которыхъ онъ и отправилъ въ свой домъ въ Стамбулъ, да еще сдѣлалъ другія издержки; а всего растратилъ онъ 20 кошельковъ. Пріѣхавъ въ Крымъ, онъ предъявилъ главнокомандующему данныя ему предписанія, въ которыхъ было сказано, что теперь высылается сто кошельковъ авансомъ, а вскорѣ будетъ прислано еще двѣсти кошельковъ. На вопросъ, сдѣланный по этому предмету дефтердару, этотъ послѣдній отвѣчалъ: «Дѣйствительно, мнѣ были вручены сто кошельковъ, но я изъ нихъ двадцать кошельковъ истратилъ

на томъ основаніи, что мнѣ правительство должно сто кошельковъ, поэтому я и взялъ, сколько мнѣ приходилось по моему разсчету; а двѣсти кошельковъ надняхъ будутъ высланы». Послано буюрулду прежнему дефтердару Сулейману-эфенди, чтобы онъ немедленно изъ Кэфы прибылъ въ Карасу для сведенія счетовъ со вновь прибывшимъ дефтердаромъ. Сулейманъ прибылъ съ отправленнымъ къ нему мубаширомъ, и тогда собралось общее засѣданіе, въ которомъ приняли участіе бывшій и новый дефтердари, квартирмейстеръ, войсковой судья и прочіе высшіе чины войска. Въ это время отъ перекопскаго пристава и судьи прибылъ курьеръ и передалъ бумаги главнокомандующему. По прочтеніи ихъ, оказалось слѣдующее: отъ прошлой весны осталось восемнадцать тысячъ килэ продовольствія, которое дефтердаромъ и квартирмейстеромъ и было сложено въ извѣстное мѣсто; но какъ помѣщеніе склада было плохо и непрочно, то вся эта провизія отъ дождей и снѣга сгнила и пришла въ положеніе, о которомъ можно судить по присланному при семъ образчику, который былъ завернутъ въ грубый холстъ. Какъ только объ этомъ доведено было до всеобщаго свѣдѣнія, былъ сдѣланъ запросъ прежнему дефтердару и квартирмейстеру: «Какъ же вы отвѣчали, что для зимняго продовольствія войскъ и Перекопской крѣпости у васъ ни продовольствія, ни денегъ нѣтъ, такъ что вы взяли у меня драгоцѣнныя вещи и заложили ихъ, чтобы добыть денегъ: а эта провизія откуда же явилась?» На этотъ вопросъ паши упомянутыя лица отвѣчали: «Это правда, но, можетъ быть, повозки остались позади», и замолчали. Стало ясно, какъ они служили своему государю.

Новый дефтердаръ Эминъ-бей-эфенди, подобно контролеру главной квартиры арміи, самымъ лживымъ образомъ съ многочисленными клевретами своими воровалъ и тратилъ бывшее у него въ рукахъ казенное имущество. Онъ захватилъ оставшееся количество сухарей отъ выданныхъ вначалѣ бывшему дефтердару для Крымской арміи, перетолокъ и сдалъ ихъ опять въ казну, говоря, что это купленная имъ свѣжая мука. И вся остальная его служба была въ этомъ же родѣ. Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ партіей янычаръ, онъ безъ всякаго буюрулду, по собственнымъ предписаніямъ, выдавалъ разнымъ лицамъ неположенное содержаніе, а главнокомандующему и главнымъ чинамъ арміи, которымъ полагалось выдавать жалованье, онъ по шести мѣсяцевъ въ году не выдавалъ его. И безъ того продовольствіе и деньги получались въ весьма маломъ количествѣ, а когда приходили, то ими распоряжались вышеозначеннымъ образомъ. Выше было упомянуто, что съ начала весны прошло три мѣсяца, а изъ главной квартиры не было и слѣдовъ присылки продовольствія, денегъ, подкрѣпленій и необходимыхъ военныхъ припасовъ; въ этотъ промежутокъ времени нечистые гяуры, по соглашенію съ ногайскими татарами, начали наступательное

движеніе къ Перекопской крѣпости; калга Крымскаго хана Селимъ-Герая, его родной братъ Мухаммедъ-Герай, по прибытіи въ Крымъ, отправился въ Бахче-Сарай, когда вдогонку ему главнокомандующій послалъ увѣдомленіе, чтобы по возможности скорѣе для войска были даны подводы, потому что невѣрные наступаютъ на Перекопъ. — «Подводы будутъ изготовлены», отвѣчаетъ письменно калга, «но только безплатно нельзя, потому что сельскіе жители имѣютъ въ своихъ рукахъ высочайшее повелѣніе, сообразно которому дефтердаръ-эфенди долженъ впередъ платить деньги за наемъ повозокъ. Я же, какъ вашему превосходительству извѣстно, въ скоромъ времени долженъ отправиться въ Кэфу». Прибывъ съ крымскими сановниками въ Кэфу, калга былъ почетно принятъ, сообразно правиламъ этикета; къ главнокомандующему потомъ были приглашены и прибывшіе съ калгой сановники; въ разговорахъ съ ними главнокомандующій обратился ко всѣмъ имъ съ слѣдующими словами: «Теперь намъ необходимо поскорѣе послать войска съ зимнихъ стоянокъ къ Перекопской крѣпости; и ваша и наша священная обязанность служить религіи и правительству и защищать крѣпости, государство и рабовъ Божіихъ. Крымской арміи слѣдуетъ, по принятому обыкновенію, какъ прежде, дать повозки; но мнѣ неизвѣстно, чтобы онѣ давались за наемную плату. Если въ настоящемъ году и изданъ высочайшій указъ объ уплатѣ денегъ за наемъ подводъ, то мы объ этомъ не знаемъ и не получали на этотъ счетъ никакого приказанія, да если бы таковое и пришло, то ни у насъ, ни у дефтердара денегъ нѣтъ, чтобы уплатить такую сумму, потому что на это понадобилось бы вѣдь четыреста кошельковъ. Но мы напишемъ въ Порту и по полученіи отвѣта поступимъ, какъ будетъ угодно повелѣть государю. Ну, а теперь пусть будутъ даны необходимыя подводы для находящихся здѣсь войскъ; поспѣшимъ къ Перекопу». Послѣ такой рѣчи ревностнаго и распорядительнаго везиря, его собесѣдникамъ не осталось возможности не исполнить его желанія, поэтому калга-султанъ и всѣ прочіе, выразивъ согласіе, отвѣчали: «Мы дадимъ повозки». Этимъ и кончился разговоръ; они встали и ушли.

Потомъ они все-таки продолжали не давать подводъ; имъ посылались и письменныя приглашенія, и нарочные люди, но все было безполезно.

Въ это время прибыли въ Крымъ изъ главной квартиры арміи Крымскій ханъ Селимъ-Герай и вмѣстѣ съ нимъ комендантъ Ени-Калэ (Керчи) и Рубата, кэфскій генералъ-губернаторъ Абазехъ-Мухаммедъ-паша. Ханъ прибылъ въ Бахче-Сарай, а Абазехъ-Мухаммедъ-паша съ двадцатью двумя человѣками свиты на кораблѣ въ Кэфскій заливъ; ему приготовлена была квартира въ городѣ; онъ въ ней и

помѣстился. Увидѣвшись, сообразно этикету, съ главнокомандующимъ, Мухаммедъ-паша въ разговорѣ сказалъ ему: «Любезный другъ, я съ вами вмѣстѣ отправлюсь въ Перекопъ и буду служить; мнѣ и ханъ далъ ярлыкъ такого рода: «Хочешь—ступай въ Ени-Калэ, хочешь—оставайся въ Кэфѣ, или же вмѣстѣ съ главнокомандующимъ отправляйся въ Перекопъ». Что вы на это скажете? — «Любезный другъ», отвѣчалъ главнокомандующій, «государь назначилъ тебѣ должность въ Кэфѣ и приказалъ защищать Ени-Калэ и Рубатъ, а есть ли у тебя высочайшее повелѣніе относительно того, чтобы состоять при мнѣ?»— «Нѣтъ», возразилъ тотъ; «но ханъ далъ мнѣ ярлыкъ».—«Тебѣ, по повелѣнію государя» отвѣчалъ опять главнокомандующій, «слѣдуетъ на сушѣ защищать крѣпости, а со стороны моря твоя обязанность заботиться о защитѣ императорскаго флота».—«Однако, вотъ уже прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ времени, и до сей минуты крѣпости остаются пусты; такъ ужь вы пожалуйста поѣзжайте!» Приказаніе было дано; но онъ не послушался приказанія и не поѣхалъ.

И дѣйствительно, прошло три мѣсяца времени, а ни флотъ, ни суда съ продовольствіемъ не приходили; доставленныхъ припасовъ и денегъ было очень мало; поэтому въ войскахъ началось неудовольствіе; стала распространяться паника, и начали возникать такіе серьезные случаи, о которыхъ грустно было слышать. Короче сказать, Абазехъ-Мухаммедъ-паша съ Диздаръ-оглу и подобными ему другими злодѣями, прибывшими съ анатолійскими байраками, задумали преступное дѣло; татаре тоже воспользовались этими обстоятельствами. Стихъ: «Твой прелестный характеръ подобенъ зеркалу Искендера—что я скажу еще кромѣ, что не было бы тебѣ извѣстно?!»

Однимъ словомъ, главнокомандующій, посылая хану Селимъ-Гераю поздравительное письмо и подарки, требовалъ отъ хана подводъ для Крымской арміи. Отъ хана получено было въ отвѣтъ, что подводы въ скоромъ времени будутъ высланы. Прибывшему съ флотомъ намѣстнику генералъ-адмирала, Хасанъ-пашѣ, главнокомандующій послалъ приказаніе какъ можно скорѣе приступить къ защитѣ назначенныхъ ему крѣпостей, а Абазехъ-Мухаммедъ-пашѣ, все еще остававшемуся въ Кэфѣ, было дано предписаніе въ такомъ смыслѣ: «Потрудитесь отправиться въ Ени-Калэ, куда вы назначены по высочайшему повелѣнію, потому что невѣрные направляютъ въ ту сторону войска».—«У меня нѣтъ ни суммъ, ни продовольствія, ни свиты», отвѣчалъ Мухаммедъ-паша; «пусть мнѣ будетъ дано денегъ, припасовъ, сорокъ лошадей, палатки и шатры, чтобы я могъ отправиться въ упомянутую крѣпость; иначе же, высокостепенный ханъ вручилъ мнѣ ярлыкъ, по которому я останусь въ Кэфѣ». Такъ онъ и затягивалъ время. — Упомянутый выше Хасанъ-паша тоже не отправился въ Ени-Калэ, а остановился по близости

Кэфы, въ Керченскомъ лиманѣ. Дѣла были въ этомъ положеніи, когда главнокомандующій получилъ отъ хана письменное увѣдомленіе въ такомъ смыслѣ: «Невѣрные прошли къ Перекопской крѣпости; спѣшите скорѣе съ находящимися при васъ войсками; подводы прибыли; да смотрите, не мѣшкайте»,—заключилъ онъ,—«ибо я уже отправился». Немедленно созвавъ совѣтъ, на который явились всѣ начальники янычаръ, байраковъ, полковые командиры, офицеры египетскихъ войскъ и всѣ вообще высшіе чины арміи, главнокомандующій сообщилъ имъ извѣстіе, полученное имъ отъ хана. На это всѣ янычары и прочіе отвѣтили, что пока не будетъ продовольствія и подводъ, они не пойдутъ къ Перекопу. Тогда главнокомандующій отдалъ приказъ, что онъ пойдетъ съ египтянами, сипагами и штабомъ, чтобы завтра все было готово къ походу. Совѣтъ разошелся.

На другой день 12-го ребіъ'у-ль-эввеля 85 года главнокомандующій выступилъ изъ Кэфы, а хану послалъ увѣдомленіе: «Сдѣлайте милость, не идите впередъ, пока я не подойду, такъ чтобы намъ соединиться въ мѣстѣ, называемомъ Бей-Деирмени; надѣюсь поспѣть туда въ три дня».

Получивъ это увѣдомленіе, ханъ сообщилъ его крымскимъ сановникамъ. Въ этотъ промежутокъ времени Перекопскій бекъ Сахыбъ-Герай, ханскій ага Иссламъ-ага, Джелаль-мурза. Инайестъ-Шахъ-мурза, прочіе ширины, беки и мурзы ногайскихъ племенъ Джанъ-бойлу и Етешеку-оглу, живущихъ внутри Крыма, ударивъ челомъ хану, просили и молили его: «Государь, вотъ уже два года, какъ въ Крыму османскій сераскеръ пользуется и извѣстностью, и почетомъ, а наша служба неизвѣстна ни высокостепенному хану, ни турецкому правительству. — Сдѣлай милость, чтобы хоть въ этомъ благословенномъ году мы не были удалены отъ лица нашего государя-хана и чтобы и мы, слуги его, порадовались!» Ханъ, человѣкъ прекраснаго сердца и благороднаго характера, склонился на эти просьбы и, вправду задумавъ стяжать славу и извѣстность, не обращая вниманія на сераскера, пошелъ прямо къ Перекопской крѣпости; а въ ту же ночь и сераскеръ пошелъ въ упомянутое выше мѣсто Бей-Деирмени и, думая, что ханъ придетъ, остался ждать его день; но въ ту ночь, когда ханъ выступилъ, татаре съ невѣрными обмѣнялись сигналами; основываясь на этомъ, съ крѣпости раздались выстрѣлы, и жители крѣпости, думая, что идетъ ханъ, вышли всѣ посмотрѣть на него. Злодѣи-гяуры, съ которыми все это было условлено, прямо подошли къ Перекопу; имъ изнутри отперли ворота; мурзы, ширины, ногайцы и прочіе стали въ рядъ по обѣимъ сторонамъ и приняли невѣрныхъ внутрь крѣпости. Когда невѣрные начали входить въ крѣпость, изъ остававшихся внутри крѣпости войскъ одни бѣжали, другіе были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Передавшіе гяурамъ крѣпость въ радости пришли къ хану и сказали ему:

«Вотъ какое вышло дѣло: невѣрные взяли крѣпость и орудія повернули въ эту сторону,—спаси насъ, высокостепенный ханъ!» Они съ такими воплями вошли къ хану, что этотъ послѣдній, вмѣсто прежняго намѣренія стяжать славу и почетъ, ударился въ бѣгство; поистинѣ онъ велъ себя какъ настоящій татаринъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи дошла до главнокомандующаго въ двадцать часовъ. «Куда же дѣвался ханъ?» спросилъ онъ и послалъ людей вездѣ разыскивать его. Храбраго хана гдѣ-то нашли. Это напоминаетъ одинъ подходящій къ данному случаю разсказъ. Во время потопа (когда мышь прогрызла дыру въ Ноевомъ ковчегѣ; дыры этой не могли отыскать, и Ной объявилъ тварямъ, что которая изъ нихъ отыщетъ дыру, можетъ просить у него чего ей угодно) пришла къ Ною змѣя и сказала: «Помолись, чтобы на мою долю досталось самое что ни на есть сладкое мясо — я заткну дыру этого корабля, и корабль будетъ спасенъ». Предметомъ ея желанія было человѣческое мясо. Точь-въ-точь какъ при сдачѣ татарами крѣпости, упомянутая змѣя послѣ потопа пришла къ Ною — да будетъ надъ нимъ миръ! — А Ной узналъ, что желаніе змѣи отнынѣ господствовать надъ родомъ человѣческимъ, и сказалъ ей: «Пошлемъ кого-нибудь, чтобы онъ испробовалъ вкусъ всѣхъ мясъ на свѣтѣ и сообщилъ бы намъ о немъ» Змѣя волей-неволей согласилась на это. Отправили съ этимъ порученіемъ комара. Онъ отвѣдалъ всѣхъ мясъ, но, возвращаясь, дорогою встрѣтилъ птичку, именуемую ласточкой. Ласточка спросила его: «Откуда ты идешь?» — Комаръ отвѣчалъ: «Я отвѣдалъ всѣхъ мясъ на свѣтѣ и слаще человѣческаго мяса не нашелъ». Ласточка сказала ему: «Дай-ка мнѣ въ ротъ твой языкъ: я тоже удостовѣрюсь въ его сладости и, пойдя вмѣстѣ къ Ною, засвидѣтельствую объ этомъ». Комаръ высунулъ свой языкъ, а ласточка клювомъ своимъ, точно ножницами, отрѣзала ему языкъ. Комаръ, ставши нѣмой, началъ визжать. Когда же пришелъ онъ къ Ною, то никто не понималъ, что онъ говоритъ. Тогда ласточка выступила впередъ и сказала: «Я знаю, что онъ говоритъ: онъ свидѣтельствуетъ, что изъ всѣхъ мясъ въ мірѣ слаще нѣтъ мяса лягушки».

Точь-въ-точь какъ въ этомъ разсказѣ, ногайскіе татаре отрѣзали языкъ крымскимъ татарамъ, и они начали теперь визжать. Мы же возвратимся къ нашему повѣствованію.

Спрошенный о случившимся, ханъ письменно изложилъ все вышеприведенное и прибавилъ: «Любезный другъ паша, сдѣлайте милость, пожалуйте въ Карасу; мы тоже туда отправимся, и мы посовѣтуемся, что предпринять намъ. Такъ ужь вѣрно предопредѣлено свыше!» Получивъ такое письмо и узнавъ подробности происшествія, главнокомандующій уже готовился отправиться въ Карасу, какъ является къ нему пріѣхавшій гонецъ изъ ногайцевъ и объявляетъ ему, что въ эту ночь

татаре сдѣлаютъ нападеніе на его лагерь; да будетъ ему это извѣстно. Объявивъ это, ногаецъ ушелъ, а главнокомандующій сказалъ: «Будь, что будетъ: Богъ милостивъ!» Между тѣмъ въ эту ночь невѣрные, взявъ крѣпость Рубатъ, часть гарнизона убили, остальныхъ взяли въ плѣнъ; остававшіеся внѣ крѣпости бѣжали. Солдаты въ этихъ крѣпостяхъ большею частію татаре, но они въ крѣпости не живутъ. Бѣжавшіе пришли въ Кэфу и криками своими взволновали жителей Кэфы, которые, придя къ Абазехъ-Мухаммедъ-пашѣ, сообщили ему обо всемъ случившемся. Этотъ храбрый паша сейчасъ же отрядилъ своего богатыря-казначея съ 5-ю или 10-тью конными, приказавъ имъ наблюдать за невѣрными. Храбрецъ этотъ, однако, въ крѣпость попасть не могъ и вернулся ни съ чѣмъ. Потомъ послано было немного кэфскихъ войскъ, которыя, не доходя одного часа до крѣпости, имѣли дѣло съ невѣрными, но разбитые пришли назадъ. Тогда Абазехъ-паша, выведя изъ крѣпости янычаръ, велѣлъ имъ занять въ удобномъ мѣстѣ укрѣпленную позицію въ ложементахъ; по настоянію всѣхъ горожанъ въ одномъ мѣстѣ заняли укрѣпленную позицію; но это не принесло ни пользы мусульманамъ, ни вреда невѣрнымъ. Однимъ словомъ, когда Абазехъ-паша собралъ совѣтъ, чтобы обсудить, какъ донести о случившемся главнокомандующему, то и самъ паша, и командиръ войскъ Кюрдъ-Османъ-ага и наконецъ начальники байраковъ вотъ что сказали: «Крымъ выданъ москову этими татарами; его присутствіе ханъ ушелъ, а главнокомандующій бѣжалъ; кому же доносить теперь?» Чтобы унизить главнокомандующаго, Абазехъ-паша прибавилъ: «Вотъ если бы я былъ сераскеромъ, то я бы не бѣжалъ, оставивъ васъ въ этомъ положеніи.»—«Исполать тебѣ, высокостепенный везирь!», отвѣчали присутствующіе; «съ этой минуты ты нашъ сераскеръ,—приказывай!» Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что идетъ главнокомандующій; сейчасъ же пишутъ донесеніе и посылаютъ ему навстрѣчу. Везирь, какъ было сказано выше, направляясь въ эти дни къ Карасу, имѣлъ предчувствіе, что крѣпость Рубатъ перешла въ руки невѣрныхъ; когда же это подтвердилось и полученнымъ извѣстіемъ, онъ немедленно отправилъ посланнаго и, узнавъ истинное положеніе дѣла, повернулъ къ Кэфѣ. На пути онъ опять получилъ письмо отъ хана, въ которомъ тотъ писалъ ему: «Идти въ Карасу встрѣчается затрудненіе: мы получили извѣстіе, что невѣрные вступили въ крѣпость Рубатъ; вы тоже извольте идти въ Кэфу и отрядить войска къ Рубату, туда и мы отправимся съ двадцатью тысячами татаръ». Главнокомандующій, имѣвшій уже извѣстіе прежде, получилъ донесеніе Абазехъ-паши, когда былъ близъ Кэфы; въ этотъ день вечеромъ главнокомандующій прибылъ въ лагерь войскъ, а въ ночь Абазехъ-паша, оставя лагерь, переѣхалъ сначала въ Кэфу, а оттуда на одинъ изъ прибывшихъ гальоновъ. На другой день главноко-

мандующій, размѣстивъ сипаговъ въ ложементахъ, отрядилъ войска къ Рубатской крѣпости, а съ ними отправилось и три тысячи татаръ, прибывшихъ отъ хана. Татарскія войска, едва завидѣвъ невѣрныхъ, обратились въ бѣгство, а войска исламскія завязали бой съ непріятелемъ; невѣрные вошли въ крѣпость; наши войска тоже отошли назадъ: ничего другаго не оставалось послѣ бѣгства татаръ, потому-что насъ бы разбили; между войсками появилась паника, и изъ войска, равно какъ и изъ жителей Кэфы по ночамъ стали бѣжать, кто на суда, кто внутрь Крыма. Отъ главнокомандующаго Крымской арміи было послано предписаніе Фазли-капудану, начальнику флота, чтобы онъ остерегался и не принималъ никого на суда, ни изъ мѣстныхъ жителей, ни изъ войскъ; но что въ этомъ было пользы? Всѣ видѣли примѣръ Абазехъ-паши, и никого нельзя было удержать. Тогда всѣ янычары, придя къ главнокомандующему, сказали ему: «Абазехъ-паша не поѣхалъ къ мѣсту своего назначенія въ Ени-Калэ, пусть онъ, по крайней мѣрѣ, пріѣдетъ въ лагерь. Пожалуйста, пошлите ему приглашеніе; всѣ мы убѣдительно просимъ васъ объ этомъ». Главнокомандующій исполнилъ это, пославъ приглашеніе письменно и отправивъ лошадь; на это Абазехъ-паша также письменно отвѣчалъ: «Если мнѣ, какъ я уже прежде требовалъ, будетъ дано сорокъ лошадей, 40 кошельковъ денегъ, продовольствіе, палатки и другіе необходимые припасы, то я выѣду; если же нѣтъ, то не выѣду». Когда это стало всѣмъ извѣстно, то нѣсколько начальниковъ янычаръ отправились къ Абазехъ-пашѣ и сказали ему: «Янычары, рабы ваши, очень васъ просятъ: сдѣлайте милость пожалуйте въ лагерь.»—«Это надобно было сдѣлать раньше», отвѣчалъ имъ Абазехъ-паша: «теперь какая будетъ польза отъ моего прибытія? Прежде намъ не дали янычарскаго содержанія, а теперь упрашиваютъ. У меня нѣтъ никакого дѣла въ лагерѣ; какъ будетъ попутный вѣтеръ, я уѣду.» Огорченные аги вернулись назадъ и сообщили главнокомандующему отвѣтъ Абазехъ-паши. Главнокомандующій опять созвалъ на совѣтъ всѣхъ начальниковъ янычаръ, египетскихъ войскъ, мѣстныхъ бековъ и другихъ офицеровъ, и когда всѣ по его приказу собрались, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Послушайте, аги и беи, всѣ мы пришли ради несомнѣнной вѣры и службы государевой; что касается до меня, то я и не помышляю уйти отсюда; надѣюсь, что и вы тоже вмѣстѣ съ нами послужите вѣрѣ и государству!»—«Совершенная правда», отвѣтили ему присутствующіе; «коли такъ, то и намъ теперь тоже нѣтъ отсюда ни на шагъ отступленія». Всѣ принесли клятву и сказали: «Какое будетъ теперь твое приказаніе, эфенди?»—«Если такъ», сказалъ паша, «соберите вашихъ людей, немного пѣхоты и сколько можно янычаръ, сколько бы ни было, все равно, для того чтобы идти на Рубатъ; въ начальники я имъ даю моего кяхью, пусть идутъ и сра-

зятся еще разъ съ невѣрными. Если съ Божьею милостью мы здѣсь одержимъ побѣду, то можно будетъ потомъ идти и на Перекопъ, потому-что съ моря къ намъ должно прибыть войско; можетъ быть придетъ и милиція, и байраки, и продовольствіе, и деньги. Теперь же пусть находящіяся налицо войска, вмѣстѣ съ мѣстными кэфскими жителями, расположатся въ ложементахъ; въ теченіе двухъ дней пусть будутъ готовы войска подъ начальствомъ моего кяхьи.» На основаніи этого пѣшіе и конные сипаги, конвой паши, сорви-головы волонтеры, храбрецы и другіе начальники внутренняго сераля съ назначеннымъ имъ въ начальники кяхья-беемъ отправились къ крѣпости Рубатъ; невѣрные на два часа разстоянія вышли противъ нихъ навстрѣчу, но, увидѣвъ войска исламскія, отступили назадъ къ крѣпости; наши же войска въ ночь начали въ удобномъ мѣстѣ строить окопы. Презрѣнные гяуры, получивъ уже заранѣе извѣстіе о наступленіи на нихъ мусульманскихъ войскъ, послали гонца въ Перекопъ къ своему генералу сказать ему слѣдующее: «У насъ съ татарами былъ не такой уговоръ, или же вы дали другое приказаніе? Пусть татаре придутъ и дадутъ отвѣтъ туркамъ, потому-что всѣ жители Крыма и ногайцы обмѣнялись съ вами договоромъ. Они дали завѣреніе, что, молъ, если отоманскія войска нападутъ на васъ, то мы отвѣтимъ и дадимъ отпоръ; а теперь вотъ турки на насъ напали; если дѣло останется въ этомъ положеніи, то непріятельское войско пойдетъ и на Перекопъ». Получивъ это донесеніе, генералъ Долгоруковъ, назначенный отъ короля гяуровъ главнокомандующимъ въ Крыму, сообщилъ полученное изъ Рубата гяурское донесеніе хану, бывшему Перекопскому бею Сахыбъ-Гераю и брату его Шагинъ-Гераю. Сахыбъ-Герай немедленно послалъ брата своего Шагинъ-Герая, вручивъ ему бумагу, во главѣ многочисленной рати татаръ, на мусульманскія войска. Шагинъ-Герай, прибывъ на мѣсто и окруживъ бывшими у него ногайцами наше войско, предъявилъ находившуюся въ его рукахъ бумагу, смыслъ которой былъ слѣдующій: «Ради кого вы воюете? Если ради Крыма, то мы всѣ отдали Крымъ русскимъ и заключили съ ними миръ; намъ нужны наши владѣнія, а отъ васъ что намъ пользы? Намъ извѣстно положеніе вашей главной арміи; вамъ бы тоже лучше идти назадъ въ Кэфу. Если же произойдетъ сраженіе, то ногайскіе татаре разнесутъ весь вашъ лагерь. Будьте здоровы!» Татаре отошли и стали въ сторонѣ, а наши войска, видя себя въ такомъ положеніи, безъ боя отступили и начали открыто садиться на корабли. Нѣкоторые все-таки не покидали ложементовъ, да что было пользы? Городскіе жители толпами шли къ пристанямъ, садились на баркасы и уѣзжали, потому-что крымцы поручились за имущество мѣстныхъ жителей: цѣль ихъ была только напугать наши войска, свои же могли послѣ возвратиться и опять вступить во владѣніе своими имѣніями; мѣстные жители нему-

сульмане были тоже посвящены въ эту тайну и только, ждали какъ бы потомъ захватить и присвоить себѣ дома и лавки мусульманъ; другія же имущества захватили невѣрные.

Попавшись въ плѣнъ, я, несчастный, сорокъ восемь дней оставался въ Кэфѣ, поэтому и знаю всѣ эти обстоятельства. И еще было нѣсколько благородныхъ особъ, вѣдавшихъ объ этихъ обстоятельствахъ; но всего не пересказать словами. Все произошло оттого, что ханы пребывали постоянно въ Каушанахъ, а ширинъ-беки и мурзы предавались разнымъ злонамѣреннымъ замысламъ; поэтому находившіяся въ Крыму лица при случаѣ передавали, что дѣла идутъ скверно.

О племенахъ татаръ и ногайцевъ.

Языкъ тюрковъ раздѣляется на 12 разнородныхъ нарѣчій. Начало появленія этого народа было въ пространствѣ за рѣкою Оксусомъ (Аму-Дарьею). Выйдя изъ города Махàна, племена данышмендійѣ, акъ-коюнлу и сельджукское сначала сдѣлали нашествіе на провинціи Рума (Малой Азіи), и каждое племя, завоевавъ по одной провинціи, выработало себѣ особое нарѣчіе. Древній турецкій языкъ есть языкъ татарскій, а у татаръ есть 12 разнородныхъ нарѣчій; это тюркменское нарѣчіе отдѣлилось отъ нихъ.

Племя могулъ; племя йогулъ; пл. этракъ-казакъ; пл. хэшдакъ; пл. дагестанское; пл. лезги; пл. кумукъ; пл. татаре Бухары; пл. ногайское урмбэтъ; пл. олу-ногай; пл. кичи-ногай; пл. кальмукъ; пл. шейдакъ-ногай; пл. хайдакъ-ногай; пл. казанскихъ татаръ; пл. бадаракъ, которое есть крымскіе татаре.

Тюрки, татаре, тюркмены и османы—всѣ происходятъ отъ упомянутыхъ древнихъ племенъ; но кумукскіе татаре, чинъ, фагфуръ, хата, хытанъ и находящіеся по ту сторону москововъ до темныхъ предѣловъ міра племена кумукскихъ татаръ суть другіе татаре. Ихъ двѣнадцать отраслей и двѣнадцать языковъ, но они понимать одинъ другаго не могутъ и воображать: они въ мірѣ представляютъ особую группу народную. Но отъ калмыцкаго племени и московскій король и фагфуръ (такъ турки называютъ Китай), и казацкій народъ терпѣли много безпокойствъ, потому-что Творецъ создалъ на лицѣ земли два народа безсчетныхъ—одинъ на Египетскомъ островѣ, гдѣ подъ властью двѣнадцати царей есть многочисленное черное племя, а другой—это калмыцкій народъ, тоже очень многочисленный.—Вотъ и все!

Обратимся къ нашему предмету. Кэфскіе райя написали бумагу, къ которой пятьдесятъ поповъ приложили печати, и отправили ее въ крѣпость. На дорогѣ скрытый пикетъ, схвативъ и связавъ райевъ, везшихъ бумагу, отправилъ ихъ къ сераскеру. Когда, посмотрѣвъ на бывшую въ рукахъ ихъ бумагу, имъ сдѣлали допросъ, то они показали, что имъ далъ эту бумагу такой-то попъ. Смыслъ же бумаги былъ слѣдующій: «Въ Кэфѣ изъ мусульманъ не осталось никого; только и остались райя; если вамъ райя нужны, приходите поскорѣе черезъ такое-то мѣсто. Въ лагерѣ войскъ тоже очень мало». Главнокомандующій велѣлъ умертвить этихъ райевъ и трехъ поповъ. На другой день упомянутый выше намѣстникъ генералъ-адмирала, Хасанъ-паша, не пошелъ съ флотомъ къ мѣсту своего назначенія, къ крѣпости Ени-Калэ, а, простоявъ въ Керченскомъ лиманѣ пятнадцать дней, пришелъ въ Кэфу и подалъ главнокомандующему слѣдующій рапортъ: «Невѣрные съ пятнадцатью гальонами приходили къ крѣпостямъ Рубату и Ени-Калэ, такъ что никакимъ образомъ нельзя было войти въ Азовское море, потому-что они захватили Азовскій проливъ и, какъ только завидѣли нашъ флотъ, забросали его дождемъ ядеръ и бомбъ. А такъ какъ наши корабли малыхъ размѣровъ, то я не отважился и вернулся сюда. Жду дальнѣйшихъ приказаній вашего превосходительства». Главнокомандующій обратился къ Хасанъ-пашѣ съ слѣдующимъ предписаніемъ: «Со стороны Перекопа идутъ невѣрные съ многочисленными полчищами ногайскихъ татаръ; если они покажутся, то съ десятью кораблями найди удобное мѣсто для пораженія артиллерійскимъ огнемъ, и, когда встрѣтится надобность, ты будешь стрѣлять по таборамъ невѣрныхъ съ моря и тѣмъ подкрѣпишь наши войска». Эта благородная личность, будучи также и сострадательнымъ человѣкомъ, принявъ на корабли ночью бѣжавшихъ изъ лагеря солдатъ и уйдя къ устью лимана, остановился тамъ и послалъ другіе корабли и лодки къ берегу затѣмъ, что если еще будутъ бѣглецы, то взять ихъ и уйти.

Въ это время Шагинъ-Герай выжидалъ случая и дѣлалъ приготовленія къ исполненію своихъ преступныхъ замысловъ и проявленія черной неблагодарности. Двадцать седьмаго числа упомянутаго мѣсяца онъ вмѣстѣ съ прахоподобными гяурами напалъ на насъ; произошло сильное сраженіе, но что́ было пользы, это не сокрыто отъ всѣхъ умныхъ и свѣдущихъ людей: извѣстно, чѣмъ все кончилось.

Государь мой, вотъ объясненіе положенія Крыма:
Они (крымцы) явно стали слугами невѣрныхъ; у меня не остается въ этомъ сомнѣнія.
Этотъ народъ безспорно дѣлится на семьдесятъ три партіи.
По словамъ умныхъ людей, въ Крыму семьдесятъ двѣ національности,

Этотъ безобразный мятежникъ, искавшій лишь предлога,
Этотъ ногаецъ неблагодарный къ милостямъ и благодѣяніямъ правительства,
Искони поганый, материнъ сынъ,
Злоумышленникъ, употреблявшій порохъ и бомбы,
Клевретъ сатаны, радующійся коварству
Лицемѣръ, приходящій подъ видомъ правды, возбуждающій къ мятежу—

—начальникъ упомянутыхъ племенъ Джанъ-Мамбетъ, сынъ искусителя, приносящій несчастіе, да крымскіе мурзы, да ширинцы, посовѣтовавшись съ упомянутымъ злодѣемъ генераломъ невѣрныхъ, Долгорукомъ, сказали ему: «Неудобно, чтобы въ одномъ мѣстѣ было два хана; пусть Селимъ-Герай-ханъ уѣдетъ, потому что находящіяся въ Кэфѣ отоманскія войска частію на морѣ, а частію въ лагерѣ; можетъ случиться, что сзади подойдутъ другія ихъ войска и подкрѣпятъ ихъ, и тогда положеніе сдѣлается затруднительнымъ; въ этомъ мірѣ всего можно ожидать. Случись, что османлы одержатъ побѣду, тогда они зададутъ крымцамъ, и эти скажутъ, что вы были всему причиною; если же отоманскія войска обратятся въ бѣгство, то и крымцы, и ногайцы отвѣтятъ: «Ваши войска бѣжали, а мы не въ силахъ были сопротивляться такой многочисленной арміи, какова гяурская, поэтому и сдались поневолѣ, чтобы только спасти наше имущество, женъ и дѣтей. Основываясь на этомъ, надобно идти на Кэфу, да и находящіеся въ Кэфѣ райи ожидаютъ насъ». Говоря такимъ образомъ, они подучили и настроили (русскихъ). А злодѣй гяуръ, по имени Долгорукъ, построивъ войска, двинулся на Кэфу, и въ четырехъ-часовомъ разстояніи его передовые разъѣзды встрѣтили мусульманскій авангардъ; завязалось жаркое дѣло; къ утру авангардныя войска отступили и вошли въ ложементы. Когда наши войска дрались съ русскими, Хасанъ-паша, препоясавшись поясомъ храбрости, вышелъ вонъ изъ лимана и со всѣми кораблями ушелъ въ Анатолію. Мусульманскія войска, увидя такое положеніе, всѣ бѣжали изъ укрѣпленій, и хотя главнокомандующій дубиною загонялъ солдатъ въ укрѣпленія, но они все-таки продолжали бѣжать разными сторонами; одни погибли на сушѣ, другіе въ морѣ; въ артиллерійскій складъ попало ядро и зажгло его; нѣсколько артиллеристовъ сгорѣло, а остальные, увидѣвъ это, тоже бѣжали. Солдаты Диздаръ-оглу, обратившись въ бѣгство, наткнулись на главнокомандующаго, бросились на него и стали въ него стрѣлять. Невѣрные наступали тремя колоннами: одна разбила нашъ лагерь; другая взяла ложементы, а третья вошла въ Кэфскую крѣпость, въ которой райя разоряли дома. Въ эти минуты около сераскера осталось только двѣнадцать человѣкъ свиты, и гяуры, поставивъ орудія на холмѣ, находящемся на кэфскомъ полѣ и называемомъ Паша-Тэпэси, осыпали оттуда сераскера градомъ ядеръ и гранатъ. Сераскеръ поневолѣ, продолжая

сражаться, вошелъ въ Кэфскую крѣпость, гдѣ онъ ни съ кѣмъ не встрѣтился, такъ какъ невѣрные всѣ разбрелись по домамъ для грабежа. Войдя въ башню, онъ велѣлъ завалить и баррикадировать ворота ея. Между тѣмъ къ воротамъ подошелъ артиллерійскій начальникъ невѣрныхъ; по волѣ Божіей въ него попала пуля, и онъ былъ убитъ; остальные невѣрные, вообразивъ, что внутри башни много мусульманскаго войска, занялись другими распоряженіями. Въ эту минуту отъ сераскера пришла запечатанная бумага къ начальнику невѣрныхъ, присланная съ однимъ изъ мѣстныхъ янычарскихъ агъ, съ Али-агой. Агу, несшаго бумагу, схватили и бумагу передали начальнику, который, открывъ ее и прочитавъ, узналъ, что въ ней говорилось: «Аманъ!» [1]). Затѣмъ написалъ отвѣтъ и отправилъ къ сераскеру генерала съ драгоманомъ, приказавъ сказать: «Добро пожаловать; въ какомъ мѣстѣ угодно имѣть со мной свиданіе?» — «Мы будемъ имѣть свиданіе на площади передъ башней», отвѣтилъ его пр-во паша. Паша съ находившимся при немъ начальникомъ крѣпости, съ кэфскимъ кадіемъ изъ мѣстныхъ жителей, по имени Кара-Баба-оглу, извѣстнымъ главою мятежниковъ, — къ которому примѣнимы слѣдующіе стихи:

„Если присуще кому-либо зловѣріе,
Тотъ словами науки мусульманинъ не будетъ:
Если черный камень окрасишь ты красною кровью,
То онъ цвѣтомъ измѣнится, но не станетъ бадахшанскимъ рубиномъ;
Если научить попугая словамъ,
То слова его будутъ человѣческія, но самъ онъ человѣкомъ не станетъ“ —

да еще съ пятнадцатью-двадцатью человѣками вышелъ на указанное мѣсто, гдѣ уже начальникъ злостныхъ невѣрныхъ выстроилъ войска, а самъ, выйдя навстрѣчу сераскеру, спросилъ его сначала о здоровьѣ, а потомъ потребовалъ у него саблю. Сераскеръ сдѣлалъ знакъ своему оруженосцу, и тотъ подалъ гяуру свою саблю. Этотъ взялъ ее, посмотрѣлъ на нее и отдалъ обратно оруженосцу, а обратившись къ пашѣ, сказалъ: «Пожалуйте опять въ вашъ дворецъ». Внутри крѣпости въ разныхъ мѣстахъ были поставлены войска для охраны.

О моемъ собственномъ положеніи.

Во время описаннаго выше сраженія, паша, узнавъ, что близъ мѣста, называемаго Паша-Тэпэси, собралось много сипаговъ, отдалъ мнѣ слѣдующее приказаніе: «Ступай, скажи имъ, чтобы они шли въ свои ложе-

[1]) Pardon!

менты». Взявъ съ собой пять-шесть человѣкъ находившейся при насъ свиты, я отправился; но на пути насъ встрѣтила многочисленная толпа гяурскихъ всадниковъ; они напали на насъ; одинъ или двое изъ моей свиты были убиты, а я съ остальными попался въ руки враговъ и былъ взятъ въ плѣнъ; голый и ошеломленный я былъ представленъ къ упомянутому генералу, а онъ велѣлъ меня посадить въ ихъ лагерѣ въ палатку. Положеніе было очень тяжелое, и я думалъ про себя: «Посмотримъ, не пошлетъ ли судьба чего-нибудь для спасенія». Стихъ: «Мнѣ для себя ни въ чемъ нѣтъ нужды, кромѣ моего сердца. Кромѣ моихъ ранъ найдется мнѣ награда». Однимъ словомъ, я провелъ въ заключеніи семнадцать дней, томясь голодомъ и жаждой. Стихъ: «Отъ добродѣтельныхъ людей, знающихъ правила честности, притѣсненій не бываетъ. Усовершенствованный и наученный опытомъ человѣкъ не заблуждается». Добрый и благородный сераскеръ, узнавъ, что я въ плѣну и въ заключеніи, обратился съ просьбою къ генералу Долгоруку, и меня привели къ сераскеру; а человѣкъ семь-восемь нашей свиты остались въ лагерѣ генерала: ихъ отправили въ другую крѣпость. Черезъ 48 дней, 1185 г. джемзі'у-ль-эввеля 15-го дня былъ составленъ списокъ всѣмъ взятымъ въ плѣнъ въ кэфскомъ лагерѣ янычарамъ, сипагамъ и свитѣ сераскера, всего 280 человѣкъ. Изъ нихъ сераскера съ 51 человѣкомъ отправили въ столицу Россіи, называемую Петербургъ, а остальныхъ 229 человѣкъ оставили въ Крыму.

О переговорахъ татаръ (съ невѣрными).

Въ теченіе семнадцати дней нашего заточенія татаре всякій день являлись въ лагерь невѣрныхъ; всѣ мурзы, ширины, начальникъ едисанскихъ татаръ Джанъ-Мамбетъ-задэ одноглазый и прочіе приходили на совѣщаніе; иногда бывали и споры; послѣ, когда они уходили, невѣрные, подъ разными предлогами взявъ всѣхъ находившихся въ рукахъ татаръ гулямовъ (мальчиковъ), невольницъ, скотъ и рабовъ, отсылали все на Кубань. Татаре бѣсились, видя и понявъ, къ чему все это ведетъ, но что было пользы? Все племя ногайцевъ перешло на сторону невѣрныхъ; къ невѣрнымъ подошли еще сзади вспомогательныя войска и опѣпили со всѣхъ сторонъ Крымъ, такъ что крымцамъ никакой не было надежды и возможности разсчитывать на побѣду. По дѣламъ своимъ они нашли и возмездіе!

Описаніе острова Крыма, города Кэфы и Кэфской крѣпости.

Кэфа находится насупротивъ анатольскаго пункта, именуемаго Синопомъ. Это большая крѣпость и великій городъ. Его называютъ Малымъ Египтомъ. Немусульманскіе жители его суть армяне и греки, числомъ свыше двадцати тысячъ приблизительно. Внутри крѣпости до пятидесяти соборныхъ и приходскихъ мечетей и пятьдесятъ шесть церквей. Изъ райи въ качествѣ отоманскихъ подданныхъ только тысяча человѣкъ платятъ поголовную подать, прочіе же райя не принимаютъ податныхъ реестровъ, говоря, что они подданные то хана, то султана (т. е. царевича), то мурзъ, то ширинцевъ. Платя своимъ агамъ по одному гурушу (піастру) въ годъ, получаютъ документы. Проживающіе въ Старомъ-Крыму, въ Карасу, въ Гёзлевѣ (Евпаторіи), въ Бахче-Сараѣ и въ другихъ мѣстахъ райя были католики, и у нихъ велась переписка съ московами. Кэфа портъ съ большою гаванью. Внѣ этой крѣпости есть такъ называемый ш о р ъ, т. е. форштадтъ, и много кварталовъ. Съ лѣвой стороны есть большая гора, которая теперь называется С а д ы п а ш и. Причина этого такова. Въ прежнее время когда-то жители Кэфы взбунтовались противъ Высокаго Государства (Турціи), и никто не былъ въ состояніи, для того чтобы овладѣть означенною крѣпостью, войдти въ нее ни съ моря, ни съ суши. Предпринята была противъ нея экспедиція, и назначены были войска на гальонахъ для осады съ моря, но они никакъ не могли войти въ гавань. Наконецъ войско высадилось и на сушу и около двухъ лѣтъ осаждало означенную крѣпость и сражалось. Такъ вотъ назначенный съ войскомъ сераскеръ и мирмиранъ и развелъ на этой горѣ сады, и она стала называться С а д а м и п а ш и. А крѣпости-то все-таки никоимъ образомъ было не одолѣть. Тогда все войско единодушно воздвигло холмъ близъ этихъ садовъ, въ родѣ холма султана Османа. Онъ приходился какъ-разъ супротивъ Кэфы. На него встащили пушки и бомбы, и паши стали осаждать крѣпостныя ворота. Такимъ манеромъ въ первое же сраженіе бомбы и пушечныя ядра проникли въ крѣпость; жителямъ стало не втерпежь, и когда этимъ способомъ крѣпость была завоевана, то именемъ пашей названы были ворота, которыми они вошли въ крѣпость, да и холмъ этотъ также теперь называется Паша-Тэпэси («Холмъ паши»). Въ сущности если бы это была паланка (фортъ), то годилась бы въ дѣло, потому что въ сорокъ восьмомъ и девятомъ (1735—1736) году московскіе гяуры тоже приходили въ Крымъ и подходили къ Кэфѣ; но кэфскіе жители и войска арміи, да изъ пашей Джанымъ-Ходжа и другіе окопались на мѣстѣ близкомъ къ морю на лѣвой сторонѣ крѣпости. Такъ какъ упомянутый Паша-Тэпэси остался внутри ложементовъ, то они

*

встащили на этотъ холмъ пушки и бомбы, а на Садыпаши отряжено было для обороны войско изъ мѣстныхъ, и гяуры никакъ не могли устоять и наконецъ ушли назадъ; пожгли Карасу, Гёзлевэ и Перекопъ, пострѣляли и удалились. Кэфа-то спаслась тогда, а въ этотъ разъ Абазехъ-паша не обратилъ вниманія на тотъ холмъ и оставилъ его внѣ ложементовъ. Ему разсказывали случившееся въ прежнее время обстоятельство, но было безполезно: выше было упомянуто, каково было положеніе и достоинство паши. Извѣстно, что по лѣвую сторону Кэфы Черное море, которое образуетъ большой лиманъ, идущій отъ Кэфы до мѣста, называемаго Керчью; а затѣмъ Ени-Калэ, которое входитъ въ Азовское море, въ четырехъ съ половиною часахъ отъ Кэфы. А напротивъ Ени-Калэ крѣпость Тамань; между ними Азовское море. А между Ени-Калэ и Азовскимъ моремъ крѣпость Рубатъ (Арабатъ). Съ одной стороны Рубата Азовское море, а съ другой Вонючее море. Между обѣими водами тянется дорога въ двадцать четыре часа, такая, что только два всадника могутъ ѣхать бокъ-о-бокъ. Конецъ ея составляютъ черкесскія границы, называемыя Ченешкэ-Богазы. Въ этихъ мѣстностяхъ со стороны крѣпости Рубатской разъѣзжалъ караулъ, называемый кара-байракъ («черное знамя»). Въ этотъ разъ гяуровъ-то и привелъ этотъ самый карабайракъ. За упомянутымъ Рубатомъ съ Вонючею-Водою идетъ (путь) до мѣста, называемаго Чонгаръ-Богазы и опять же съ Вонючею до мѣста, называемаго Учъ-Оба, а затѣмъ кончается на границѣ Перекопской крѣпости. Это Вонючее море, которое, вступивъ въ ровъ Перекопской крѣпости, тянется на три съ половиною часа, сливается съ Чернымъ моремъ по лѣвую сторону означенной крѣпости. Отъ Перекопской крѣпости до Кылъ-Буруна тридцать шесть часовъ, а отъ той же крѣпости до Гази-Керманской крѣпости тоже тридцать шесть часовъ. Когда-то была сильная крѣпость; когда же она была разрушена, насупротивъ ея выстроена крѣпость Узу (Очаковъ). Между ними течетъ рѣка, называемая Узу-Сую (Днѣпръ). А когда теперь означенная крѣпость Гази-Керманская досталась въ руки московамъ, то они починили ее и сдѣлали сильною. Она составляетъ начало трехъ рѣкъ. И прочія находящіяся въ Крыму вышеупомянутыя крѣпости они тоже починили, а въ другихъ мѣстахъ по Черному морю выстроили форты и редуты. А отъ Перекопской крѣпости до Кэфы среднимъ путемъ тридцать шесть часовъ. А по лѣвую сторону Кэфы Черное море. А по прибрежной линіи мѣсто называется Кіикъ-Атламъ; затѣмъ слѣдуетъ Судакъ; потомъ село Манкыдъ; дальше Гёзлевэ; послѣ Балыкъ-Лава. Это все пристани. А потомъ обитаемый крымскими ханами Бахче-Сарай, а затѣмъ вышеупомянутая Перекопская крѣпость. Этотъ Крымскій островъ имѣетъ четыреста пятьдесятъ миль. Внутри его, говорятъ, сорокъ тысячъ мечетей и около сорока тысячъ селеній; но теперь много мѣстъ разорено въ немъ.

Описаніе разныхъ крѣпостей у гяуровъ.

Сераскера съ 51 человѣкомъ изъ Кэфы отправили въ крѣпость Перекопъ, оттуда черезъ большую степь въ Казы-Керманъ. Это была наша крѣпость, но была разрушена и перешла въ руки невѣрныхъ. Отправившись оттуда, мы переправились черезъ рѣку, называемую Узу-Сую (Днѣпръ) и проѣхали черезъ мѣсто, гдѣ прежде у гяуровъ была новая крѣпость, которую, какъ было выше упомянуто, въ 1183 году тогдашній крымскій калга, Шагбазъ-Герай, нашелъ нужнымъ сжечь; оттуда въ крѣпость Самаръ, которую онъ тоже сжегъ. Упомянутыя крѣпости были отъ крымской земли въ 95 часахъ. Изъ Самарской крѣпости мы ѣхали на Палтова (Полтаву), а оттуда на крѣпость Сарычинка (Сорочика), оттуда на крѣпость Бургазъ, а оттуда прибыли въ крѣпость, называемую Тугла (Тула). Эта крѣпость каменная; сюда приходилъ съ войскамя Челеби султанъ-Мухаммедъ-ханъ Гази; еще теперь видны съ четырехъ сторонъ мусульманскія траншеи, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ крѣпости. Это большой городъ; теперь около города есть вода, и на этихъ водахъ поставлены удивительныя колесы и турбины. Въ этомъ городѣ пріобрѣтаются военныя принадлежности, оружіе и другіе товары—сукно, бумажныя матеріи и полотна. Всѣ остальныя вышеупомянутыя крѣпости—земляныя. Въ этомъ городѣ мы прожили 38 дней; назначенный состоять при сераскерѣ гяуръ въ чинѣ подполковника, т. е. начальника 700 человѣкъ войска, предъявилъ полученную имъ отъ своего короля бумагу, смыслъ которой былъ тотъ, что сераскеръ можетъ прибыть въ Петербургъ только въ сопровожденіи 21 человѣка, а остальные 30 должны остаться въ крѣпости Туглѣ. Паша отвѣчалъ на это: «Изъ моей свиты никто не долженъ быть оставленъ здѣсь, потому-что генералъ, начальствующій въ Кэфской крѣпости, для сопровожденія меня назначилъ 51 человѣка, которымъ составленъ былъ списокъ и посланъ имъ своему правительству; на этомъ основаніи они вручили и тебѣ бумаги, теперь же ты предъявляешь, будто бы получены тобою бумаги отъ короля, которыя противорѣчатъ прежнимъ». Между ними возникъ споръ, и на вопросъ подполковника «Что же ты останешься ли съ упомянутыми людьми въ этой крѣпости, или согласно предписанію поѣдешь далѣе съ 21 человѣкомъ» Отвѣчай, чтобы я донесъ моему правительству», паша письменно далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я человѣкъ, попавшій въ плѣнъ; гдѣ бы мнѣ ни пришлось жить, я тамъ и буду; но никто изъ моей свиты не долженъ быть оставленъ мною позади, потому-что я не нуждаюсь ни въ твоемъ правительствѣ, ни въ твоемъ королѣ и не имѣю надобности видѣть ихъ. Что предопредѣлено свыше, пусть то и будетъ!». Получивъ такой отвѣтъ, упомянутый подполковникъ не могъ болѣе противиться; но комендантъ этой крѣпости

и прочіе офицеры, узнавъ объ этомъ случаѣ, всѣ явились къ храброму сераскеру, держа свои шапки въ рукахъ, наклоняя головы и спрашивая о его здоровьи; потомъ они стали просить его, говоря: «Если вы не поѣдете далѣе съ этимъ подполковникомъ, и вамъ надобно будетъ остаться здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, то онъ получитъ выговоръ; если же безъ спора поѣдете въ назначенное мѣсто, то ему будетъ отъ правительства пожалованъ генеральскій чинъ; сдѣлайте милость, поѣзжайте, какъ объяснено, съ 20 человѣками; осчастлививъ нашего короля вашимъ присутствіемъ, вы, конечно, получите удовлетвореніе всѣмъ вашимъ просьбамъ, тогда можно будетъ къ вамъ доставить и остающуюся здѣсь часть вашей свиты». Они такъ просили, что волей-неволей, замолчавъ, паша изъявилъ свое согласіе. Изъ капыджи-паши Высокой Порты кяхья паши Ибрагимъ-ага, да одинъ изъ секретарей императорскаго Дивана, довѣренный начальника канцеляріи Хусейнъ-Сенай-эфенди да мектубджи Эльхаджъ-Ибрагимъ-эфенди съ другими 30-ю человѣками внесены въ списокъ и оставлены въ упомянутой крѣпости подъ росписку всѣхъ офицеровъ въ томъ, что имъ будетъ выдаваемо опредѣленное содержаніе.

Такимъ образомъ въ благословенную ночь мѣсяца ша'бана 15-го (Бератъ-гиджеси) восемьдесятъ пятаго года, сераскеръ со мною и другими двадцатью человѣками выѣхалъ въ столицу Россіи. Время наступило зимнее, и мы, то въ пустынныхъ мѣстахъ на сушѣ, то въ крѣпостяхъ и на берегу моря, въ три дня одинъ разъ держали такъ называемый карантинъ. Въ полѣ зажигали огонь, бросали въ него вѣтви можжевельника и, раздѣвъ всѣхъ плѣнныхъ, кромѣ паши, до-нага, проводили ихъ черезъ этотъ огонь. По словамъ невѣрныхъ, дымъ, касаясь тѣла, очищаетъ его отъ болѣзни; а то въ Петербургѣ было уже нѣсколько смертныхъ случаевъ. Такимъ образомъ мы прибыли въ Старую Москву; такъ называется крѣпость, которая прежде была столицей, и въ которой до 22-го (т. е. до 1122 = 1710) года жили короли. Во время войны съ Швеціей московскій король побѣдилъ шведовъ; шведскій король бѣжалъ въ турецкую землю. Тогда московскій король Петръ Великій (Дели-Петро́) захватилъ половину шведской земли и находящіяся на берегу океана крѣпости Нарву, Ревель, Ригу и другія 4—5 крѣпостей. Въ 18 часахъ отъ Нарвы было совершенно пустынное мѣсто, на которомъ Петръ и построилъ свою столицу, названную Петербургъ. Въ настоящее время это столица Россіи. О ней рѣчь будетъ послѣ. Изъ крѣпости Старой Москвы мы прибыли въ другую, новую крѣпость, которая разрушена, но она больше Перекопа. Потомъ мы проѣхали черезъ шведскія крѣпости, упомянутыя выше, до Петербурга, гдѣ сераскеръ остановился жить въ приготовленной для него квартирѣ 1185 г. шавваля 9-го. Всего отъ Крыма до новой столицы, Петербурга, мы ѣхали 6 мѣсяцевъ и 9 дней.

Въ числѣ гяурскаго войска, назначеннаго быть при насъ во время пути, находилось нѣсколько казанскихъ татаръ. Они такъ описывали свое положеніе. «Гяуры», разсказывали они, «отобравъ насъ, въ видѣ вспомогательнаго войска отъ Казанской губерніи, пять-шесть тысячъ человѣкъ и присоединивъ къ своему войску, послали противъ Крыма. Но муллы наши дали всѣмъ намъ такое наставленіе: «Когда вы, пойдя противъ мусульманъ, очутитесь супротивъ ихъ, то держите свои ружья кверху, а въ случаѣ коли удастся убѣжать—переходите на сторону исламскую: это спасительно, потому-что, оставшись въ этой военной службѣ, вы все равно не можете опять ни разу увидѣть насъ: вы останетесь въ гяурскихъ крѣпостяхъ, васъ не приведутъ въ эту губернію; такъ ужь вы подумайте лучше о томъ, какимъ бы путемъ уйти на сторону исламскую». Сказавъ это, они (муллы) благословили насъ, и мы пошли, усвоивъ себѣ такого рода правило. Но между нами были шпіоны, которые извѣстили объ этомъ гяуровъ, и насъ всѣхъ въ близкомъ къ Крыму мѣстѣ разбили на партіи по триста, по пятисотъ человѣкъ и распредѣлили по другимъ войскамъ. Такимъ образомъ не было никакой возможности, прибывъ въ какое-либо мѣсто, бѣжать.

Описаніе Петербурга.

Петербургъ находится въ седьмомъ поясѣ, и поэтому въ теченіе семидесяти дней, когда бываютъ самые долгіе дни, тамъ нѣтъ вечера; самый долгій день бываетъ $19^1/_2$ часовъ, отклоненіе (южное) магнитной стрѣлки отъ линіи меридіана 17^0 къ западу. Восходъ и закатъ солнца бываютъ тамъ 2 ч. 11 м. ранѣе. Во время равноденствія восходъ и закатъ бываютъ 1 ч. $12^1/_2$ м. раньше; а въ наикороткій день восходъ бываетъ 14 м. раньше, а закатъ 2 ч. 11 м. ранѣе. Ниже острова Тулирусскаго (?) есть населенный островъ, на которомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней въ году не бываетъ вечера; это мѣсто приходится влѣво отъ Сиберина (Сибири); оттуда получаются собольи и бѣличьи мѣха и мѣдныя и серебряныя руды.

Причина охлажденія императрицы къ крымскому сераскеру силихдару Ибрагимъ-пашѣ.

Какъ уже извѣстно, сераскеръ очень былъ разсерженъ доходившими до него слухами, что оставленіе части свиты его въ Туглѣ, отчего вышла описанная нами выше ссора, было сдѣлано безъ дозволенія правитель-

ства. Въ это время первый министръ кралицы Пани(нъ) прислалъ сераскеру приглашеніе пріѣхать во дворецъ; тамъ собрались послы всѣхъ христіанскихъ державъ, пріѣхавшій изъ Крыма Шагинъ-Герай, прочіе мурзы, а также и русскіе вельможи и генералы; всѣ говорили, что долженъ пріѣхать и крымскій сераскеръ, и ожидали его появленія. Паша собрался уже ѣхать, какъ мигмандаръ его, упомянутый выше подполковникъ, гяуръ по имени Михаилъ, захотѣлъ сѣсть въ коляску вмѣстѣ съ нимъ. Паша на это не соглашался; вышелъ споръ; упомянутый мигмандаръ поѣхалъ обратно во дворецъ кралицы и тамъ лицемѣрно сказалъ, что паша просто далъ отвѣтъ, что ни за что не поѣдетъ къ императрицѣ. Возвратившись, онъ привезъ отъ имени государыни такой отвѣтъ: «Если сераскеръ-паша не пріѣдетъ сегодня вечеромъ, то черезъ двадцать четыре часа какъ онъ, такъ и его свита будутъ высланы вонъ отсюда». — «Хорошо», отвѣтилъ паша, «пусть будетъ такъ». Немедленно къ дому его былъ приставленъ наружный и внутренній караулъ; во всякой комнатѣ было поставлено по два часовыхъ, и въ этомъ заточеніи мы не только пробыли девяносто дней, но намъ даже не давали ни пищи, ни огня, ни воды; на это не было согласія кралицы; но всѣ эти затрудненія дѣлалъ мигмандаръ, а приставленные къ намъ сторожа за деньги только доставляли намъ хлѣбъ, воду и свѣчи: они имѣли отъ этого выгоду, будучи сами голоднѣе насъ.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ бендерскій комендантъ Абду-ль-Джелиль-задэ Эминъ-паша, съ разрѣшенія императрицы, навѣстилъ сераскера и разспросилъ его обо всемъ случившемся. Въ разговорѣ онъ ему сказалъ: «Хотя все это было и такъ, но вамъ теперь необходимо ѣхать вмѣстѣ съ нами, потому что мы дали отвѣтъ, сказавъ: «Если я къ нему съѣзжу, то онъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ нами»; пожалуйста не пристыдите насъ; я поѣду и дамъ знать, что вы пріѣдете». Онъ такъ настоятельно просилъ, говоря, что тутъ дѣло идетъ о чести везирской, что наконецъ Ибрагимъ-паша отвѣчалъ ему: «Хорошо, братъ паша, вслѣдствіе вашего посѣщенія я теперь поѣду, а иначе не поѣхалъ бы; пусть будетъ такъ; другаго средства нѣтъ; пусть Всевышній спасетъ насъ!» Послѣ этого Эминъ-паша всталъ и поѣхалъ извѣстить Пани(на), что крымскій сераскеръ Ибрагимъ-паша пріѣдетъ. Черезъ 8—10 дней Пани(нъ) прислалъ нарочно генерала въ каретѣ съ письменнымъ приглашеніемъ Ибрагимъ-пашѣ отъ кралицы, говоря, что-де у нашей кралицы будутъ разныя-разныя увеселенія. Поневолѣ паша сѣлъ въ прибывшую карету, посадивъ меня по лѣвую сторону, а привезшему приглашеніе генералу и упомянутому мигмандару Михаилу велѣлъ сѣсть насупротивъ, рядомъ же съ собою не посадилъ. Поѣхали къ первому министру Пани(ну). Послѣдній вышелъ къ пашѣ навстрѣчу, оказалъ ему большой почетъ и привелъ его въ свою комнату, гдѣ уже находился и Эминъ паша. Сообразно ихъ

обычаю напились чаю и кофе, послѣ чего Пани(нъ) съ почтеніемъ и дружественно сказалъ Ибрагимъ-пашѣ: «Теперь вы возвратитесь на свою квартиру; но сегодня вечеромъ въ два часа у нашей кралицы будутъ разныя игры; вы и съ нашей государыней увидитесь, и полюбуетесь на игры и танцы; пріѣзжайте». Получивъ приглашеніе на вечеръ, паша всталъ и, подъѣзжая къ своему дому, увидѣлъ, что приставленные ко дверямъ караулъ и часовые сняты, и что лица его свиты получили дозволеніе выходить на улицу и ходить по базарамъ и рынкамъ.

Вечеромъ въ два часа паша снова отправился во дворецъ императрицы къ упомянутому первому министру, который встрѣтилъ его и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ покои кралицы. Этотъ покой, длиною пятьдесятъ аршинъ, а шириною двадцать пять аршинъ, есть танцовальный залъ. Въ немъ три двери: одна въ передней стѣнѣ, другая въ задней, третья средняя дверь, черезъ которую вошла императрица и сѣла въ кресло; по правую ея руку помѣстились фельдмаршалы и Шагинъ-Герай съ мурзами, а по лѣвую особы женскаго пола генеральскихъ чиновъ; противъ же императрицы сверху до низу, до половины высоты зала, генералы, посланники и прочіе чины полукругомъ. Въ этомъ полукругѣ на пространствѣ пятнадцати аршинъ мужчины взялись за руки съ дамами и дѣвицами. Это у нихъ называется х о р о в а (хороводъ). Въ продолженіе этихъ игръ хоровода вышеупомянутыхъ (пашей) поставили среди генераловъ и прочихъ стоявшихъ полукругомъ насупротивъ кралицы. Съ часъ кралица не обращала взора на пашей, занимаясь игрой въ trente et un съ сидѣвшими противъ нея англійскимъ и нѣмецкимъ послами. Когда партія кончилась и заиграла музыка, кралица взглянула на пашей, улыбнулась и, вставъ съ своего мѣста, поговорила сначала съ Шагинъ-Гераемъ, братомъ Крымскаго хана Сахыбъ-Герая, потомъ, разговаривая съ своими вельможами, спросила черезъ придворнаго драгомана о здоровьи Ибрагимъ-пашу, въ иносказательныхъ выраженіяхъ побранила его, отъ него подошла къ Эминъ-пашѣ и, спросивъ о его здоровьи, сказала ему: «Я тобою довольна». Вернувшись на свое мѣсто, она опять сѣла играть въ карты; мужчины и дамы продолжали танцы; начала играть музыка. «Ну, а мы теперь уѣдемъ», сказалъ Ибрагимъ-паша Эминъ-пашѣ, а потомъ обратился къ драгоману двора: «Ступай, скажи первому министру, что мы уѣдемъ». Драгоманъ Михаилъ, получивъ разрѣшеніе, сказалъ: «Пожалуйте». Ибрагимъ-паша вернулся домой. Упомянутый драгоманъ до войны болѣе пятидесяти лѣтъ жилъ въ Египтѣ у извѣстнаго мятежника Али-бея, потомъ служилъ у Тагиръ-Омера, послѣ чего, уѣхавъ въ Россію, сдѣлался драгоманомъ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность подъ именемъ арабскаго драгомана. Трудно описать, въ какомъ совершенствѣ этотъ гяуръ знаетъ арабскій, персидскій, турецкій и другіе языки!

О комедіи.

Комедія значитъ собраніе пѣсенъ и стиховъ. Для этого тоже во дворцѣ кралицы собираются всѣ генералы, сановники и дамы. Залъ представленія сорокъ аршинъ длины и пятнадцать аршинъ ширины. По обѣимъ сторонамъ его устроены въ три яруса ложи, и другъ противъ друга два кіоска: одинъ для кралицы, а другой для ея сына. А въ серединѣ этой комнаты представляютъ комедіи и другія игры, называемыя опара (опорой). Показываются солнце и луна и звѣзды; идетъ снѣгъ и дождь; являются сады, разные города, крѣпости, и разныя подобныя этимъ штуки; играютъ музыканты. По четыремъ сторонамъ зала свѣчи во всѣхъ ярусахъ; передъ каждымъ музыкантомъ горитъ по одному свѣтильнику, чтобы они могли смотрѣть на ноты и исполнять написанную въ нихъ музыку. Такого рода вечера бываютъ по три, по пяти разъ каждый мѣсяцъ. На нихъ тоже разсылаютъ приглашенія на особыхъ штемпелеванныхъ билетахъ, по одному для трехъ или пяти персонъ. Когда приглашенные пріѣзжаютъ во дворецъ, они предъявляютъ билеты стоящимъ у дверей привратникамъ и, отдавъ ихъ, потомъ входятъ. Этотъ порядокъ установленъ для всѣхъ, кто бы они ни были, на всякомъ пригласительномъ билетѣ особый штемпель. Здѣсь обычай таковъ, что если кралицѣ нравится чья-нибудь игра, то отъ полноты своей щедрости, вмѣсто бакшиша, она бьетъ рукой объ руку; мужчины и дамы дѣлаютъ то же, какъ будто бы они давали этимъ золото. Актеры, тоже довольные, радуются и изъявляютъ удовольствіе, говоря: «Мы понравились кралицѣ: она намъ хлопала руками». Это оттого, что они не знаютъ, что̀ такое подарки и щедрость, и бываютъ даже огорчены, когда имъ не рукоплещутъ. Какая неистощимая казна эти браво! Таковъ же обычай у нихъ, когда нужно было бы давать деньги. Вотъ Ибрагимъ-пашѣ отъ кралицы выдавалось такъ называемыхъ суточныхъ денегъ четыреста акчэ (піастровъ), а ему не хватало и четырехъ тысячъ; мнѣ давали въ сутки двадцать пять акчэ, а изъ свиты паши каждому было назначено суточныхъ по десяти акчэ. А русскіе еще этимъ чванились, говоря, что другія правительства далеко не такъ щедры. Назначенный къ намъ драгоманъ, когда его спросили, объяснилъ намъ значеніе рукоплесканій, дѣлать нечего — и мы били въ ладоши.

О положеніи Шагинъ-Герая.

Братъ его Сахыбъ-Герай, который былъ со стороны кралицы сдѣланъ ханомъ въ Крыму, сдѣлалъ упомянутаго Шагинъ-Герая калгою Крыма,

изъявляя услужливость кралицѣ. Когда Крымъ перешелъ къ гяурамъ, миръ заключенъ былъ въ шестнадцати статьяхъ: четырнадцать изъ нихъ были установлены въ Крыму, а для установленія остальныхъ двухъ у императрицы былъ уполномоченъ калга, упомянутый Шагинъ-Герай который и прибылъ въ столицу Россіи съ пятьюдесятью, шестью десятью татарами изъ крымскихъ мурзъ. Имъ отведены квартиры, отпускается содержаніе, выказываются всякія почести, назначаются торговцы, и упомянутый Шагинъ-Герай занимается торговлею, воображая, что деньги за забранные имъ товары будутъ заплачены изъ казны. А между тѣмъ въ одинъ прекрасный день топчи-баши (оберъ-фельдцейхмейстеръ артиллеріи) генералъ по имени Арлуфъ (Орловъ) привезъ Шагинъ-Гераю калгѣ отъ кралицы одинъ черновикъ и проситъ: «Вы по этому черновику напишите бумагу; всѣ приложите печати и дайте это какъ удостовѣреніе. А содержаніе этого черновика таково, что если станетъ необходимо замиреніе съ османлы, то чтобы принято было обязательство — всѣмъ крымцамъ стать подданными государства Россійскаго». Шагинъ-Герай выразилъ согласіе на это; но когда сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ мурзамъ, то одинъ изъ нихъ, Мухаммедъ-мурза, отвѣтилъ Шагинъ-Гераю: «Такого сенеда (удостовѣренія) дать нельзя, и если мы, будучи въ Крыму, вкупѣ съ Капланъ-Гераемъ, съ главою ногайцевъ Джанъ-Мамбетомъ и съ прочими ширинцами, дали сенедъ, то мы сдались потому, что «право побѣдившему» — что же было дѣлать? А пріѣхали сюда—опять теперь давать сенедъ невозможно, потому-что Богъ вѣсть, что̀ еще послѣ этого будетъ! Если при заключеніи мира съ Высокою Державою (Портою) предъявятъ (русскіе) этотъ сенедъ, говоря, что, молъ, крымцы отнынѣ стали наши подданные, или если другимъ образомъ они завладѣютъ Крымомъ, то къ чему дѣло пойдетъ? Это дѣло плохое, и мы не дадимъ сенеда».—Шагинъ-Герай же говоритъ: «А я дамъ», и приложилъ печать. Упомянутыхъ мурзъ перевели въ другое мѣсто. Они просятъ позволить имъ уѣхать въ Крымъ, да такъ, что если имъ не будетъ этого позволенія, то они будутъ бороться до самой погибели. Когда въ такомъ смыслѣ было послано тезкерѐ (записка) первому министру, то имъ дали разрѣшеніе и экипажъ, и они уѣхали. Они, еще когда ѣхали въ Крымъ, подлинно изложили тѣмъ, которые подчинялись имъ, какъ все было. Тогда всѣ деревенскіе жители и мурзы, разбившись на партіи и не повинуясь ни Крымскому хану Сахыбъ-Гераю, ни бакче-сарайскому генералу, намѣревались бѣжать въ горы и собрать войско. Когда къ кралицѣ пришло донесеніе упомянутаго генерала, первый министръ ея Пани(въ) велѣлъ позвать Шагинъ-Герая, сообщилъ ему полученное донесеніе и говоритъ: «Мы твоего брата Сахыбъ-Герая сдѣлали ханомъ въ Крыму, чтобы онъ тамъ властвовалъ и правилъ, не такъ ли? Кралица требуетъ отвѣта». — Шагинъ-Герай на

это говоритъ: « Я здѣсь, а братъ мой въ Крыму — что́ я могу подѣлать?!» — «Э! ты готовься-ка и поѣзжай къ своему брату, чтобы онъ установилъ въ Крыму порядокъ, а иначе мы всѣхъ ихъ предадимъ мечу».—Въ то время какъ вручали документы, собираясь отправить (Шагинъ-Герая), пришли отряженные для торговли купцы и потребовали большихъ денегъ отъ Шагинъ-Герая. А Шагинъ-Герай поднялъ споръ, говоря: «Эти деньги король (т. е. императрица) отдастъ», и подалъ рапортъ, въ которомъ говорилъ: «Съ меня требуютъ деньги; развѣ не слѣдуетъ, чтобы онѣ были выданы изъ казны? Вѣдь я забралъ нужныя мнѣ вещи съ тѣмъ, что кралица сдѣлаетъ милость и заплатитъ за нихъ деньги».—Ему на его рапортъ данъ былъ такой отвѣтъ: «Нѣтъ, ты заплати долгъ изъ назначеннаго тебѣ мѣсячнаго содержанія, а то нельзя же брать у торговцевъ товары и не платить. Вѣдь тебѣ послано десять кисетовъ акче (5.000 піастровъ); вотъ коли что останется, ты и уплати; а теперь отправляйся скорѣе въ путь въ означенное выше мѣсто». Ему была вручена бумага и назначенъ мубаширъ (приставъ). Посланные отъ кралицы десять кисетовъ піастровъ онъ отдалъ разнымъ мастерамъ, но съ него требуютъ остальныхъ тридцать кисетовъ піастровъ или же хотятъ, чтобы онъ отдалъ назадъ забранные товары. Тогда первый министръ Пани(нъ) тотчасъ далъ купцамъ документы и сказалъ: «Пошлите эти бумаги находящемуся въ Москвѣ королевскому министру: когда этотъ Шагинъ-Герай поѣдетъ въ Москву, то пусть ваши повѣренные потребуютъ остальныя деньги — или деньги или товаръ; тамъ это дѣло устроится, а здѣсь нѣтъ».—Въ мѣсяцѣ рамазанѣ сего 186 (въ декабрѣ 1772-го) года Шагинъ-Герай шмыгнулъ въ древнюю столицу городъ Москву. Какъ только онъ остановился тамъ, повѣренные купцовъ потребовали упомянутыя деньги. Шагинъ-Герай на это говоритъ имъ: «У меня денегъ нѣтъ; а я дамъ росписку: когда пріѣду въ Крымъ, пришлю».—А купцы настаивали: «Нѣтъ, мы здѣсь хотимъ, или же отдай назадъ по счету забранные товары».—Волею-неволею уплатилъ по счету за серебряные приборы, томпаковую посуду и за все прочее, что́ только было, а на остальную сумму взята была росписка. И такъ, ощипавъ ему крылья и хвостъ (Шагинъ значитъ «Соколъ») пустили въ дорогу.

Упомянутый Шагинъ-Герай, доѣхавъ до границъ Крыма, не въ состояніи былъ, однакоже, явиться въ Крымъ — ни къ своему брату Сахыбъ-Герай-хану, ни къ бакче-сарайскому генералу. Такъ какъ ему стало извѣстно, что если только онъ въѣдетъ въ Крымъ, то ему погибнуть, то онъ вернулся назадъ, пріѣхалъ въ городъ, называемый Полтава, и написалъ о своемъ положеніи кралицѣ. «Крымцы», говоритъ онъ, «просили отъ османлы войска и помощи. Если, по полученіи этого свѣдѣнія, вы соизволите назначить вашего слугу сераскеромъ надъ но-

гайцами, то можно, взявъ ногайское войско на Кубани, совершить вторженіе въ Крымъ, и тамъ водворится порядокъ, а не то Крымъ уйдетъ изъ рукъ». Когда это донесеніе пришло къ кралицѣ, Шагинъ-Гераю и начальнику города послѣдовало предписаніе: «Сидѣть въ крѣпости, въ которой находишься». И упомянутый Соколикъ (опять острота надъ именемъ «Шагинъ», которое значитъ «Соколъ») оставался тамъ вплоть до заключенія мира, съ завязанными глазами и прикрѣпленный къ кольцу за лапку.

О маскарадѣ.

Это—бабья воркотня, но она у нихъ считается большимъ искусствомъ и бываетъ по нѣскольку разъ въ годъ. Такъ какъ это требуетъ большихъ издержекъ, то часто не можетъ повторяться. Маскарадъ есть тоже родъ увеселенія, для котораго собираются во дворцѣ кралицы въ трехъ большихъ залахъ, идущихъ одинъ за другимъ; въ хрустальныхъ люстрахъ горятъ свѣчи, и различнаго рода увеселенія продолжаются до утра. Мужчины и женщины, взявшись за руки, гуляютъ изъ одной комнаты въ другую, надѣвъ на лица маски: мужчины замаскировываются женщинами, а женщины мужчинами; на всѣхъ разноцвѣтныя платья, и такимъ образомъ любуются другъ на друга. Однажды и сераскеръ-паша былъ приглашенъ туда. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, когда къ нему подошла кралица, переодѣтая въ мужской костюмъ. По одну сторону ея находился назначенный въ Бѣлое море (Архипелагъ, или Средиземное) гяуръ, по имени Орловъ, а по другую сторону первый министръ Пани(нъ); они были изукрашены (т. е. костюмированы) островами Европы. Такимъ образомъ они подошли къ пашѣ и черезъ драгомана спросили: «Узнаетъ ли насъ паша»?—«Нѣтъ, не узнаю», отвѣтилъ паша. Тогда кралица открыла свое лицо, и паша сказалъ: «Вотъ теперь узналъ, потому-что другой видъ сдѣлался».—«Это называютъ маскарадъ», сказала кралица.—«Я ничего подобнаго не видалъ», отвѣчалъ паша.—«Это такое увеселеніе», сказала, уходя, кралица, «о которомъ, вѣроятно, вы будете вспоминать по возвращеніи вашемъ на родину».

О кушаньяхъ.

Сановники, вельможи и прочіе ѣдятъ въ своихъ домахъ, разъ въ двѣнадцать часовъ и потомъ еще разъ въ опредѣленное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ; при этой ѣдѣ прислуга ихъ вмѣстѣ съ ними не ѣстъ, а

всякій по получаемымъ имъ суточнымъ деньгамъ приготовляетъ себѣ кушанье и ѣстъ. Оставшіяся кушанья опять отдаютъ повару, а вино и водку и всѣ другіе напитки—все, что̀ осталось послѣ питья, отдается буфетчику; жена хозяина дома, сидя на концѣ стола, записываетъ карандашомъ, сколько окъ (ока—мѣра около трехъ фунтовъ) выпито, и сколько осталось, чтобы ничего не пропало. Кушанья приготовляются изъ рыбы, говядины и дичи, медвѣжатины и раковъ. Сваривъ говядину съ капустой, сколько нужно, приносятъ въ металлической кастрюлѣ и ставятъ на столъ; столы разсчитаны по величинѣ комнаты: напримѣръ если три аршина длины и полтора аршина ширины, то такой величины дѣлаютъ и скатерть, на которую другъ противъ друга ставятъ два ряда тарелокъ; у каждой кладутъ по одной ложкѣ, одному ножу, одной вилкѣ и одному ломтю хлѣба. На средину этого стола ставятъ упомянутую кастрюлю, а въ нее кладутъ большую ложку; каждый беретъ стулъ, и садятся по обѣ стороны стола. Наложивъ большой ложкой капустнаго разсолу съ кускомъ вареной говядины къ себѣ на тарелку, ѣдятъ; потомъ еще берутъ по большой ложкѣ и опять ѣдятъ. Точно также ѣдятъ и другія кушанья, находящіяся на столѣ, и пьютъ. Тарелки и ложки перемѣняютъ такимъ образомъ обѣдъ кончается часа черезъ четыре, потому-что они за столомъ разговариваютъ о дѣлахъ своихъ. Такъ поступаютъ всѣ, будь онъ хозяинъ дома или нѣтъ, все равно. Всякій, поѣвши немного, встаетъ, прохаживается, ведетъ бесѣду, потомъ опять приходитъ и ѣстъ, все равно, въ своемъ ли это домѣ, или другъ у друга.

Описаніе праздника.

Кралица для своего сына велѣла привезти изъ нѣмецкаго государства дѣвушку, дочь генерала: будучи сама родомъ дочь нѣмецкаго генерала, она хотѣла, чтобы и жена ея сына была того же рода. По этому случаю всѣмъ жителямъ города и всѣмъ подданнымъ вообще данъ былъ праздникъ: убили и зажарили двухъ быковъ; внутрь каждаго быка положили по одному барану, а внутрь каждаго барана по одной куницѣ. На большой площади передъ дворцомъ кралицы, гдѣ обыкновенно дѣлаются парады войскъ, были построены два возвышенія, окруженныя лѣстницами въ 5—6 ступеней. Быки были положены на эти возвышенія, обитыя красной тканью, а около поставлены были сторожа. На площади собралось отъ двадцати до тридцати тысячъ народа, въ ожиданіи дозволенія хватать приготовленное. Еще на этой площади были построены два бассейна въ видѣ фонтановъ; изъ нихъ черезъ край лилось вино, какъ текущая вода, чтобы на этомъ праздникѣ, поѣвши, всякій могъ придти и напиться вина; кругомъ были разставлены и ковши. Невѣрные были наготовѣ, въ ожиданіи вина, какъ они называютъ подкрашен-

ную воду. Въ это время пріѣхали крымскій сераскеръ силихдаръ Ибрагимъ-паша и бендерскій комендантъ Эминъ-паша, со свитами, и были помѣщены во дворцѣ кралицы, въ комнатахъ, выходящихъ на упомянутую площадь. У кралицы были также прочіе посланники христіанскихъ державъ и свои государственные сановники и офицеры. Находившимся на площади войскамъ было дано разрѣшеніе. Затрубили во франкскія трубы; войска въ одну минуту расхватали все; но на каждыхъ сто солдатъ не досталось и по пяти драхмъ мяса. Затѣмъ, говоря: «Вотъ вино; оно приноситъ кейфъ!» съ жадностью устремились къ этой красной водѣ, изъ-за которой въ этотъ промежутокъ времени много невѣрныхъ погибло смертью. Ко всѣмъ имъ примѣнялся смыслъ стиховъ, сказанныхъ покойнымъ Вегби (турецкій поэтъ, † 1810 г.), когда плотникъ, котораго онъ заставилъ поправлять свой ялы (дачу), извѣстилъ его, что его помощникъ, гяуръ по имени Сеферъ, упалъ съ крыши въ море: «Сеферъ съ крыши полетѣлъ въ адъ; будетъ этому проклятому и такого рая»! (Прелесть этихъ стиховъ для турокъ заключается въ невыразимой по-русски игрѣ словъ: дамъ «крыша» и дамӯ «адъ», учмàкъ «летѣть» и учмакъ «рай»).—«Развѣ не довольно войскамъ видѣннаго ими праздника?—Да еще казна не очень-то много потратилась», говорятъ русскіе, прибавляя съ хвастовствомъ, что ничего подобнаго не можетъ быть въ другихъ государствахъ. Это, можетъ быть, и правда, смотря по государствамъ, потому что ихъ доходы—вѣтеръ; золота и серебра у нихъ бездѣлица; вся казна ихъ состоитъ изъ мѣди; ока (около 3 фунтовъ) мѣди продается за сто акче (піастровъ); если изъ нея вычеканить монету, то выйдетъ двѣсти акче; такъ называемый пятакъ есть мѣдная монета, идущая за десять акче; двадцать пятаковъ составятъ ока; монета въ четыре акче называется копэкъ (копѣйка), въ два акче—даньнака (денежка); монета равная сто акче—серебряная: ее называютъ рублэ; есть монеты въ пятьдесятъ акче, въ сто акче, въ двадцать пять и даже въ пять акче; но на рынкахъ и базарахъ серебряной монеты нѣтъ: все мѣдь. Количества такой монеты равнаго ста піастрамъ не увезти и на арбѣ. Такъ какъ переѣздъ изъ одного города въ другой затруднителенъ, то казна выпустила бумажныя деньги, достоинствомъ въ двадцать пять, пятьдесятъ и сто рублей; на одной бумагѣ, достоинствомъ въ двѣсти акче, напечатанъ портретъ кралицы. Эти бумажныя деньги даются и берутся вмѣсто монеты; ихъ принимаютъ, куда бы ихъ ни привезли; если же понадобится монета, то казна сторублевую бумажку принимаетъ съ учетомъ двухъ рублей и потомъ тратятъ въ другое мѣсто. И всегда поступаютъ такимъ образомъ, такъ что, когда бывшій молдавскій господарь Логоръ-бей былъ въ Россіи, молдаванскіе и волошскіе подданные не признавали русскихъ бумажекъ, а мѣдную монету туда провозить было неудобно, тогда упомянутаго Ло-

горъ-бея назначили въ тѣ мѣста генераломъ, давши ему разрѣшеніе самому чеканить монету. Возвратясь въ Молдавію и Валахію, упомянутый (Логоръ-бей), переливъ турецкія пушки, вычеканилъ изъ нихъ монету подъ своимъ именемъ и ею выдавалъ жалованье войскамъ, оказавъ такимъ образомъ услугу кралицѣ.

О прибытіи грамоты хана Тифлисскаго въ 1772 году, т. е. въ 1186 (мусульм. лѣтосчисленія).

Во время этого же празднества кралицы пріѣхалъ сынъ тифлисскаго хана Ираклія и привезъ много подарковъ. А кралица передъ тѣмъ, въ 82 (1768—1769) году посылала на помощь грузинскимъ ханамъ войско и пушки, открывъ путь со стороны горы Эльбруса. Въ этотъ разъ Тифлисскій ханъ въ своей грамотѣ, присланной съ его сыномъ, просилъ: «Зенъ-Керимъ-ханъ шлетъ противъ насъ войско, такъ вы дайте намъ въ помощь такое-то количество войска».—Кралица же отказала, отвѣтивъ: «Мое войско еще все въ арміи (т. е. въ походѣ); если будетъ заключенъ миръ, то дамъ войска; если же нѣтъ, то никакъ невозможно. А ты ступай побудь въ предѣлахъ Демиръ-Капы (Дербенда) или Астрахани». Съ такими рѣчами она отпустила прибывшаго ханскаго сына.— А въ упомянутомъ году Чилдырскій вали (правитель) Но'манъ-паша, сдѣлавъ начальникомъ надъ войскомъ своего кяхью (чиновника особыхъ порученій), послалъ его противъ грузинъ. Чтобы сразиться въ грузинскомъ дефиле съ ханами Арчиломъ и Соломономъ по имени, кяхья-бей перевелъ войско на ту сторону моста, находившагося въ томъ мѣстѣ. Но грузинскіе и московскіе таборы (батальоны) напали на него по сю сторону (моста), и военачальникъ кяхья-бей бѣжалъ. Гяурское войско завладѣло мостомъ; войско исламское сражалось на противоположной сторонѣ; много мученически пострадало (т. е. было убито); а плѣнныхъ грузинскіе ханы послали Тифлисскому хану Ираклію; онъ же нѣсколькихъ плѣнныхъ отправилъ въ Москву, такъ что мы видѣли ихъ въ крѣпости Нарвѣ; когда же потомъ они прибыли въ столицу Петребуркъ, его присутствіе Ибрагимъ-паша отпросилъ вышеозначенныхъ плѣнниковъ и увезъ съ собою въ свое государство: они съ нами были освобождены. Они разсказываютъ, что вышеупомянутая горо-эльбрузская дорога недавно открыта. Это очень трудная дорога. Около трехъ мѣсяцевъ по ней проходятъ. Есть такія мѣста, гдѣ утверждены большіе столбы съ канатами, которые протянуты съ одной стороны на другую. По пяти, по шести человѣкъ сажаютъ въ ящикъ и тянутъ вверхъ. Есть нѣкоторыя племена, которыя одѣваются въ невиданныя козлиныя шкуры и говорятъ на неизвѣстныхъ языкахъ.

В. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СТАТЕЙ.

Петръ Великій во Франціи. — Евреи въ Россіи и законоположенія, до нихъ относящіяся. — Дипломатическія сношенія передъ войною съ Турціею въ 1877—1878 г. (Путь къ Берлинскому трактату).

I.

Полтавская побѣда обратила на Петра I вниманіе всей Западной Европы и убѣдила французское правительство въ необходимости сблизиться съ государствомъ, значеніе котораго увеличивалось съ каждымъ годомъ. Мысль о союзѣ съ Россіею получила особенное развитіе при регентѣ, герцогѣ Филиппѣ Орлеанскомъ, который правилъ Франціею за малолѣтствомъ Людовика XV. Регентъ поручилъ своему представителю увѣрить царя, что Франція желаетъ вступить въ тѣсную дружбу съ государемъ, снискавшимъ себѣ такое уваженіе, и скрѣпить эти узы заключеніемъ торговаго договора.

«Петръ I, говоритъ Д. В. Цвѣтаевъ въ своей статьѣ «Петръ Великій во Франціи»[1]), любилъ въ важнѣйшихъ вопросахъ, по возможности все провѣрять и во всемъ убѣждаться непосредственно. Второе заграничное путешествіе было предпринято съ цѣлью ближе ознакомиться съ положеніемъ европейской политики и найти себѣ новыхъ союзниковъ. Петръ рѣшился самъ отправиться въ Парижъ, чтобы, въ непосредственномъ сношеніи съ правительствомъ, попытаться заключить, насколько окажется возможнымъ, наиболѣе серьезный политическій договоръ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться своимъ пребываніемъ для усиленія культурнаго общенія Франціи съ Россіей».

Со свитою изъ 60 человѣкъ царь вступалъ во Францію съ моря, изъ Австрійскихъ Нидерландовъ, и требовалъ, чтобы при немъ имѣлся по-

[1]) „Русское Обозрѣніе“ 1894 г. № 2, стр. 611.

стоянный почетный караулъ отъ 12—15 человѣкъ, отъ 20—30 человѣкъ въ каждомъ городѣ, гдѣ будетъ ночевать, и чтобы для него и свиты были экипажи и перемѣнныя лошади.

Для встрѣчи высокаго гостя былъ назначенъ камеръ-юнкеръ де-Либуа, который 11 (21) апрѣля 1717 года прибылъ на границу, въ Сюдко. Петръ I принялъ его въ лодкѣ, потомъ пересѣлъ въ другую и къ вечеру приплылъ въ Дюнкирхенъ. Де-Либуа скоро оказался въ затруднительномъ положеніи: дневной расходъ на содержаніе царя и его свиты превзошелъ предположенный, приготовленныхъ экипажей было мало, каретъ приличныхъ всего двѣ, и Либуа опасался, что на первыхъ же порахъ онъ встрѣтитъ неудовольствіе русскихъ. Непосредственныя сношенія съ французами по путешествію были возложены Петромъ на князя Куракина, который и заявилъ Либуа, что путешественники разсчитываютъ каретъ на 5—6, и что коляски крайне неудобны для путешествія. Болѣе всего озабочивалъ камеръ-юнкера царскій поваръ, «который, приготовляя царю кушанье, забиралъ говядины и вина человѣкъ на восемь. Увидѣвъ, что царь не присутствовалъ на ужинахъ, экономный Либуа хотѣлъ совсѣмъ отмѣнить ихъ и постѣснялся выполнить свои намѣренія только потому, что ужинали многіе сановники и что это не соотвѣтствовало бы достоинству короля».

Къ довершенію затрудненій, кн. Куракинъ требовалъ болѣе приличныхъ каретъ, соотвѣтствующихъ почестей государю, и когда зашла рѣчь о помѣщеніи въ Парижѣ, заявилъ, что царь отказывается остановиться во дворцѣ, а желаетъ помѣститься въ частномъ домѣ, и чтобы свита была расквартирована ближе къ нему. Остановились на домѣ герцога Вильруа, и царь просилъ, чтобы къ нему назначили морскаго офицера, говорящаго по-голландски и который могъ бы въ Парижѣ быть ему переводчикомъ и спутникомъ.

Регентство охотно шло на удовлетвореніе всѣхъ требованій, и Либуа приказано было, не стѣсняясь расходами, стараться только угодить царю и содѣйствовать удобству знатныхъ лицъ его свиты.

На пути изъ Дюнкирхена въ Кале царь былъ недоволенъ парадною церемоніею, которая была ему сдѣлана въ Гранлуи, недоволенъ и экипажами. Вмѣсто четырехмѣстной кареты Петръ просилъ дать ему пять двуколесныхъ и двумѣстныхъ экипажей. Либуа указывалъ на трудность найти ихъ и опасался, чтобы царь не поворотилъ изъ Франціи обратно. «Столовое содержаніе, по словамъ Либуа, готово было обратиться въ недостойный грабежъ. Случалось, уже три раза рапортовалъ онъ регенту, что цѣлый столъ и притомъ первый, оставался пустымъ, такъ какъ царь обѣдалъ у себя, а всѣ вельможи ѣли украдкой припасы, взятые безъ всякой мѣры и приличія въ нашихъ буфетахъ. Очевидно, себя вели свободно и пѣвчіе». «Придворный священникъ, добавлялъ Либуа,

обременяетъ насъ покупкою свѣчей, будто бы потребныхъ для церкви, а люди его торгуютъ ими въ городѣ. Царскій поваръ по-прежнему не уменьшалъ мѣры, братой имъ на царскій обѣдъ».

Петръ былъ вообще мало доступенъ и находился въ мрачномъ расположеніи духа. Онъ посылалъ распоряженія Шереметеву, Апраксину и писалъ инструкцію Румянцову объ открытіи мѣста царевича Алексія и проч. Дурное настроеніе царя старались объяснить наступленіемъ Страстной недѣли и тѣмъ, что онъ говѣлъ За то всѣ были поражены его поведеніемъ въ первый день Пасхи. Петръ пробылъ въ церкви отъ 4 часовъ утра до 9, потомъ обѣдалъ. Царь перецѣловалъ всѣхъ своихъ вельможъ и слугъ, пилъ до вечера, и многіе удалились отъ него «мертвецки пьяными». Въ 8 часовъ вечера Петръ потихоньку вышелъ изъ дома и направился къ пѣвчимъ, помѣщавшимся въ харчевнѣ, и, попивъ съ нимъ съ полчаса, возвратился къ себѣ и легъ спать.

Наблюдавшій за Петромъ камеръ-юнкеръ Либуа доносилъ регенту, что царь имѣетъ добродѣтели, но онѣ въ дикомъ состояніи и перемѣшаны съ недостатками; что онъ непостояненъ, и потому нельзя полагаться на условія, которыя будутъ заключены съ нимъ. «Этотъ государь, писалъ Либуа, при всякомъ случаѣ мѣняетъ удовольствія и прогулки и необычайно подвиженъ, нетерпѣливъ и взыскателенъ. Монархъ этотъ охотно показывается на улицахъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы за нимъ не бѣгали; мнѣ кажется, что онъ не можетъ себѣ представить, какова въ Парижѣ толпа. Онъ встаетъ очень рано, обѣдаетъ около десяти часовъ, пьетъ водку прежде, чѣмъ сѣсть за столъ по утру, вино послѣ полудня, а пиво часто, и кромѣ того, которое подается, приказываетъ приносить себѣ его одному изъ своихъ людей. Ужинаетъ онъ довольно легко, когда хорошо пообѣдалъ; садится за столъ въ семь часовъ или нѣсколько позже, а иногда и вовсе не ужинаетъ, и ложится раньше девяти. Царю ежедневно приготовляется два или три кушанья его собственнымъ поваромъ. Несмотря на то, этотъ государь ѣстъ всѣ наши кушанья и пьетъ наши вина, кромѣ шампанскаго; намъ удалось приготовить черный хлѣбъ, который царь очень любитъ. Кромѣ нынѣшней Страстной недѣли, царю подавали скоромное кушанье, а постное по пятницамъ и субботамъ. Царь любитъ пить нѣсколько холодное легкое вино и красное вино Нюи, но не сладкое; по утру пьетъ анисовую водку, за обѣдомъ не употребляетъ ни сладкихъ напитковъ, ни сластей: онъ предпочитаетъ соусы съ пряностями, пеклеванный и даже черствый хлѣбъ, и говорятъ, что онъ также любитъ горошекъ. Онъ ѣстъ много сладкихъ апельсиновъ, грушъ и яблокъ. Занимая обширныя квартиры, спитъ въ какой-нибудь маленькой и удаленной комнатѣ, когда таковая имѣется; онъ всегда желаетъ, чтобы любимецъ придворный священникъ, гофмаршалъ, секретарь и докторъ находились бы въ томъ же домѣ».

*

Въ Бомонѣ Петръ былъ встрѣченъ маршаломъ де-Тессе, съ королевскими экипажами и эскадрономъ кавалеріи. Поздно вечеромъ 26 апрѣля (7 мая) Петръ въѣхалъ въ Парижъ, не пожелалъ оставаться въ Луврѣ, отказался отъ приготовленнаго ужина, спросивъ себѣ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ нѣсколько сортовъ вина, выпилъ пива и отправился въ отель Ледигьеръ, гдѣ ему было приготовлено помѣщеніе. Тамъ царь прошелъ прямо въ спальню, но, увидѣвъ, что она роскошно убрана, ушелъ спать въ комнату своего денщика, приказавъ поставить ему его походную кровать. Удивленнаго маршала Тессе онъ успокоивалъ тѣмъ, что для него довольно и этой каморки и что онъ привыкъ спать въ маленькихъ комнатахъ.

Въ Парижѣ Петръ снялъ съ себя инкогнито и явился странствующимъ монархомъ. Онъ не выходилъ изъ отеля, пока не прибыли къ нему сначала регентъ, а потомъ и семилѣтній король. Царь поразилъ регента тѣмъ увѣреннымъ достоинствомъ, съ которымъ относился къ регенту, и тою ласкою, съ которою онъ обращался къ мальчику-королю.

Высокій путешественникъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности столицы: дворцы, картинныя галлереи и библіотеки. Посѣтилъ академію художествъ и Сорбону, гдѣ французскіе богословы доказывали ему необходимость соединенія церквей; былъ въ парламентѣ (судебной палатѣ) и въ академіи наукъ. Послѣдняя единогласно признала его академикомъ hors de tout rang и постановила благодарить его за принятіе этого званія. Благодарность поручено было выразить краснорѣчивому непремѣнному секретарю академіи Фонтенелю.

«Науки, говорилъ Фонтенель, для пользы которыхъ угодно было вамъ сойти къ состоянію частнаго человѣка, движимыя должною признательностію, поставятъ васъ на ряду съ величайшими монархами, съ Августами и Карлами Великими. Умножать число подданныхъ оружіемъ, что исполнено Вашимъ Величествомъ, есть слава весьма обыкновенная для государей, но гораздо необыкновеннѣе усовершенствовать образованіе народа своего и тѣмъ устраивать его благополучіе. Пространныя земли ваши не представили бы вамъ людей, достойныхъ васъ, если бы вы сами не захотѣли принять на себя благородный трудъ наставлять и образовывать ихъ».

Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Франціи и именно 11 іюня 1718 г., Петръ, на докладѣ Фика объ обученіи русскихъ, написалъ: «Сдѣлать Академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ».

Узнавъ объ этомъ, тотъ же Фонтенель написалъ Петру еще болѣе интересное и замѣчательное письмо:

«Государь! говорилъ онъ.—Честь, которую Ваше Величество оказали Королевской Академіи наукъ, принявъ ея предложеніе поставить ваше

августѣйшее имя во главѣ списка ея членовъ, превыше всѣхъ возможныхъ честолюбивыхъ замысловъ, какіе когда-либо могла она возымѣть, и безпредѣльно выше всякой благодарности, которую на меня, государь, возложено изъявить вамъ. Это великое имя, которое почти позволено намъ считать между нашими, навсегда обезсмертитъ самую счастливѣйшую эпоху необыкновеннаго переворота, который когда-либо можетъ случиться въ имперіи,—именно эпоху водворенія наукъ и художествъ въ обширныхъ владѣніяхъ Вашего Величества».

«Побѣда, одержанная вами, государь, надъ невѣжествомъ, которое въ нихъ царствовало, останется навсегда самой блистательной и удивительной изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ. Оружіемъ своимъ и вы, подобно другимъ героямъ, пріобрѣли себѣ новыхъ подданныхъ; но тѣ, которые принадлежали вамъ по праву рожденія, просвѣтясь познаніями, отъ васъ же заимствованными, сдѣлались подданными совсѣмъ новыми, болѣе просвѣщенными, счастливыми, болѣе достойными повиноваться вамъ. Вы завоевали ихъ науками, и этотъ родъ побѣды, столь же полезный для нихъ, сколько славный для васъ, Провидѣніемъ предоставленъ Вашему Величеству. Если исполненіе этого великаго предпріятія, задуманнаго Вашимъ Величествомъ, возбуждаетъ въ честь вамъ рукоплесканія вселенной, то съ какимъ восторгомъ радости Академія присоединитъ къ нимъ свои: и для пользы наукъ которымъ она посвятила себя, и для приращенія вашей славы, отъ которой хотя слабый отблескъ—Академія льститъ себя надеждой—отразится и на ней».

Во все время пребыванія въ Парижѣ Петръ не только осматривалъ, но, можно сказать, изучалъ всѣ его достопримѣчательности, въ особенности фабрики, техническія заведенія, машины и проч., присутствовалъ на разнаго рода опытахъ, и всѣ видѣли въ немъ необыкновенныя познанія и ненасытную любознательность. Изъ Парижа онъ отправилъ въ Россію болѣе ста семействъ нанятыхъ имъ мастеровъ и художниковъ, ученыхъ и военныхъ. На русскихъ фабрикахъ и другихъ заведеніяхъ французы стали замѣнять англичанъ, которыхъ къ тому же англійское правительство вызывало на родину. Пребыванію Петра въ Парижѣ надо приписать многія полезныя нововведенія и окончательное рѣшеніе учредить Академію наукъ.

Въ то время, когда Петръ осматривалъ достопримѣчательности Парижа, его министры Шафировъ и Куракинъ вели переговоры съ уполномоченными французскаго правительства о заключеніи торговаго договора. Французскій дворъ желалъ пріобрѣсти самую вліятельную роль на сѣверо-востокѣ Европы, связать царя въ его дѣйствіяхъ и подчинить его франко-англо-голландскимъ интересамъ. Съ Петромъ это сдѣлать было не легко, и пришлось идти на рядъ уступокъ, и только при этомъ условіи, 4 (15) августа, въ Амстердамѣ былъ подписанъ договоръ,

сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: 1) между королемъ французскимъ, царемъ русскимъ и королемъ прусскимъ устанавливается дружба къ взаимной пользѣ; 2) государи гарантируютъ договоры, которые прекратятъ Сѣверную войну; 3) назначенные коммиссары должны въ 8-мѣсячный срокъ выработать проектъ торговаго и морскаго трактата, на правилахъ наиболѣе благопріятствуемой въ торговлѣ націи; 4) государи сохраняютъ всѣ другіе договоры, не противорѣчащіе настоящему союзу, и 5) пригласятъ другія державы присоединиться къ союзу, въ интересахъ сохраненія мира въ Европѣ. Особыми секретными статьями была постановлена взаимо-защита отъ враговъ одного изъ союзниковъ, допущено посредничество французскаго и прусскаго королей въ примиреніи Россіи съ Швеціею, но съ тѣмъ, что французскій король ни въ какомъ случаѣ не окажетъ Швеціи поддержки ни деньгами, ни войскомъ.

Такимъ образомъ желая связать Петра, Франція скоро должна была сознаться, что работала въ его пользу, и потому на первыхъ же порахъ статьи договора не приводились въ исполненіе, да и самый трактатъ въ полномъ его объемѣ не осуществился.

II.

Въ томъ же самомъ Амстердамѣ, въ которомъ былъ заключенъ договоръ съ Франціею, Петръ I, въ первое свое путешествіе въ 1698 г., получилъ просьбу о разрѣшеніи евреямъ поселиться въ Россіи.

Евреи издавна были въ юго-западной ея части, чему доказательствомъ служитъ то, что въ числѣ проповѣдниковъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, были и евреи. Въ богатомъ Кіевѣ они жили особымъ кварталомъ, гдѣ были ворота Жидовскія и синагога. Завладѣвъ всею торговлею и промыслами въ Кіевѣ, евреи отдавали деньги въ ростъ и брали огромные проценты. Притѣсненія ихъ довели населеніе до того, что въ 1113 году народъ разграбилъ дворы жидовъ, и Владиміръ Мономахъ принужденъ былъ созвать совѣтъ, на которомъ положено было ограничить ростовщичество вообще, а затѣмъ рѣшено выгнать евреевъ изъ Россіи. Въ XIII вѣкѣ евреи вновь появляются въ юго-западной Россіи и распространяются по Польшѣ, гдѣ выхлопатываютъ себѣ разныя привилегіи, и такимъ образомъ мало-по-малу становятся главными распорядителями экономическаго быта страны.

Утвердившись въ Польшѣ и Литвѣ, евреи долгое время не могли попасть въ сѣверо-восточную Русь. Въ 1550 году король Сигизмундъ-

Августъ, черезъ посла своего, приказалъ сказать Іоанну IV [1]): «Докучаютъ намъ подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде, изначала, при предкахъ твоихъ, вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами ходить и торговать, а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство твое въѣзжать».

Іоаннъ IV отвѣчалъ: «Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и пакости многія нашимъ людямъ дѣлали, такъ тебѣ бы, брату нашему, не годилось и писать о нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла».

Іоаннъ Грозный не любилъ евреевъ и при взятіи Полоцка приказалъ топить ихъ въ рѣкѣ вмѣстѣ съ семействами. Царь Алексѣй Михайловичъ писалъ въ Уложеніи, что если кто изъ басурмановъ совратитъ русскаго человѣка въ свою вѣру, того басурмана казнить «сжечь огнемъ безъ всякаго милосердія».

«По Андрусовскому перемирію 1667 года, говоритъ М. Ѳ. Шугуровъ, окончившему войну Алексѣя Михайловича съ Польшей за Малороссію и доставившему Россіи воеводство Смоленское, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и всю Украйну на восточной сторонѣ Днѣпра съ Кіевомъ на два года, евреи, обитавшіе въ этой мѣстности, впервые вошли въ предѣлы Московскаго государства. Хотя имъ, на ряду съ шляхтой, мѣщанами, татарами и предоставлено было продать свои имѣнія и перейти въ Польшу, но, вѣроятно, не многіе воспользовались этимъ правомъ...

«Изъ Смоленска евреямъ легко было пробраться и въ Москву; но такъ какъ старое запрещеніе о непропускѣ ихъ въ столицу существовало еще во всей силѣ, то приходилось пробиваться воровскимъ образомъ. Въ именномъ указѣ 16 сентября 1676 года царь Ѳедоръ Алексѣевичъ пишетъ: «которые евреины впредь пріѣдутъ съ товары у т а й к о ю къ Москвѣ и учнутъ являться и товары свои записывать въ Московской большой таможнѣ, и тѣхъ евреянъ изъ Приказа большаго Приходу присылать въ Посольскій приказъ, и товаровъ ихъ въ таможнѣ не записывать, для того, что по указу великаго государя, евреянъ съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать не велѣно».

Когда, въ 1698 году, Петръ былъ въ Голландіи, евреи просили бургомистра амстердамскаго Николая Витсена походатайствовать за нихъ у царя.

— Милый мой Витсенъ, отвѣчалъ Петръ,—вы знаете евреевъ, ихъ

---

[1]) „Исторія евреевъ въ Россіи". Сочин. М. Ѳ. Шугурова. „Русскій Архивъ" 1894 г. № 1 и № 2.

характеръ и нравы; вы знаете также русскихъ. Я знаю тѣхъ и другихъ, и вѣрьте мнѣ, не настало еще время соединить обѣ народности. Передайте евреямъ, что я признателенъ за ихъ предложенія и понимаю, какъ выгодно было бы ими воспользоваться, но что мнѣ пришлось бы чувствовать къ нимъ состраданіе, если бы они были среди русскихъ: ибо, какъ ни искусны евреи въ торговлѣ и мошенничествѣ, но, имѣя дѣло съ русскими, боюсь, что останутся они въ накладѣ.

Великій преобразователь Россіи не любилъ евреевъ, гнушался ими и высказывалъ мнѣніе, что надо стараться извлечь изъ нихъ возможную пользу для общества, но зорко слѣдить за ними—иначе, говорилъ онъ, эта подлая орда вноситъ съ собою безпорядокъ и разрушеніе. Когда нѣкто Эдлакъ представилъ Петру проектъ, въ которомъ, какъ на средства обогащенія Россіи, указывалъ на переселеніе тысячи евреевъ въ Россію, то царь разорвалъ проектъ и написалъ автору слѣдующія слова: «Народъ мой и безъ того довольно плутоватъ, а дозволь я переселиться евреямъ, они окончательно его развратятъ».

— Я хочу,—говорилъ царь,—видѣть у себя лучше народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ.

Петръ не изгонялъ евреевъ изъ провинцій, присоединенныхъ отъ Польши, но выходъ изъ этихъ областей внутрь Россіи былъ имъ закрытъ. Несмотря на то, евреи сумѣли выбирать изъ Россіи серебряную монету и взамѣнъ ея пускать въ народѣ мѣдную фальшивую, приготовляемую въ Польшѣ. Монетные дворы скоро опустѣли, и по наведеннымъ справкамъ оказалось, что главный вывозъ производился евреями черезъ Украйну. Тогда, 26 апрѣля 1727 года, послѣдовалъ указъ Екатерины выгнать всѣхъ евреевъ изъ Россіи немедленно. Это распоряженіе сохранило свою силу и при Петрѣ II, пока во главѣ правленія стоялъ Меншиковъ, но, съ паденіемъ его, евреямъ, въ августѣ 1728 года, разрѣшено было пріѣзжать въ Малороссію съ товарами на ярмарки. Въ сентябрѣ 1731 года такая же уступка сдѣлана была Анною Іоанновною въ пользу пріѣзда евреевъ въ Смоленскъ,—и этого было достаточно для того, чтобы евреи захватили въ свои руки всю торговлю въ Украйнѣ и въ Смоленскѣ. Все это заставило императрицу Елисавету Петровну, указомъ 2 декабря 1742 года, повелѣть выслать всѣхъ евреевъ изъ Россіи и «впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ нашу имперію ни для чего не впускать».

«Какъ громомъ, среди яснаго неба,—говоритъ Шугуровъ,—поражены были евреи указомъ 2 декабря 1742 года. Все, что было пріобрѣтено ими шагъ за шагомъ въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ

для законной и незаконной эксплоатаціи иноплеменнаго народа, на огромномъ пространствѣ юго-западныхъ окраинъ Россіи,—все теперь потеряно было разомъ и, казалось, безвозвратно. Такая благодатная почва, еще не истощенная ихъ братіями, еще текущая молокомъ и медомъ, гдѣ не представлялось никакой конкурренціи для предпріимчивости и наживы, вдругъ заколебалась подъ ними, стала уходить изъ-подъ ногъ. Но евреи не унывали. Дѣло казалось еще поправимымъ. Надо было только постараться, похлопотать, гдѣ слѣдуетъ».

Надежды ихъ, однакоже, не оправдались. Несмотря на ходатайство малороссійской войсковой генеральной канцеляріи и магистрата города Риги, несмотря на докладъ сената, предвидѣвшаго съ высылкою евреевъ упадокъ торговли, Елисавета Петровна не согласилась отмѣнить свой указъ и на докладѣ сената написала: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли».

Прошло двадцать лѣтъ, и со вступленіемъ на престолъ Екатерины II еврейскій вопросъ снова выступилъ на сцену. Либеральныя убѣжденія императрицы давали евреямъ надежду на возрожденіе въ Россіи, и они стали хлопотать объ этомъ у генералъ-прокурора Глѣбова, обвиненнаго впослѣдствіи во взяточничествѣ и лихоимствѣ. На пятый или шестой день по восшествіи на престолъ, Екатерина присутствовала въ сенатѣ, и Глѣбовъ, воспользовавшись этимъ, предложилъ вопросъ о дозволеніи евреямъ въѣзжать въ Россію.

«Не прошло еще восьми дней,—говоритъ Екатерина въ одной изъ своихъ записокъ [1]),—какъ я вступила на престолъ и была возведена на него для защиты православной вѣры; я имѣю дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому нечѣмъ жить вслѣдствіе отобранія имѣній,—мѣры необдуманной; умы въ сильномъ волненіи, какъ обыкновенно бываетъ послѣ такого важнаго событія; начать царствованіе указомъ о свободномъ въѣздѣ евреевъ было бы плохимъ средствомъ къ успокоенію умовъ; признать же свободнымъ въѣздъ евреевъ в р е д н ы м ъ было невозможно...» Изъ этого затрудненія вывелъ Екатерину старый елисаветинскій сенаторъ, князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, который всталъ и сказалъ: «Не угодно ли будетъ Вашему Величеству, прежде рѣшенія дѣла, взглянуть, что императрица Елисавета собственноручно написала на поляхъ подобнаго же доклада». Екатерина велѣла принести дѣло и прочла: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли». Прочитавши, Екатерина обратилась къ генералъ-прокурору Глѣбову и сказала ему: «Я желаю, чтобы это дѣло было отложено».

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1894 г., № 2, стр. 140.

Въ указѣ сенату 15 сентября 1762 г. императрица, вызывая къ поселенію въ Россіи иностранцевъ, повелѣла принимать всѣхъ желающихъ, кромѣ жидовъ. Во время первой турецкой войны, когда присланы были изъ дѣйствующей арміи на нашу южную границу бѣжавшіе изъ Турціи жители, въ томъ числѣ и евреи, то послѣднимъ предоставлено было право селиться только въ Новороссійской губерніи. «Это были первые некрещенные евреи, явившіеся въ Россію послѣ изгнанія при Елисаветѣ, первыя прилетѣвшія съ юга ласточки».

Черезъ три года, вмѣстѣ съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи, явились на западной окраинѣ Россіи густыя массы евреевъ, давно уже эксплоатировавшіе мѣстное населеніе. Евреевъ раздѣлили на кагалы, обложили податью по рублю съ головы, дозволили свободное отправленіе вѣры и предоставили имъ право обращаться въ ихъ торгахъ и промыслахъ.

Самымъ выгоднымъ промысломъ евреевъ было содержаніе корчемъ, винокуреніе и продажа напитковъ по городамъ и мѣстечкамъ, продажа, дававшая имъ средства на широкую эксплоатацію мѣстнаго христіанскаго населенія. Къ усиленію этой эксплоатаціи послужилъ именной указъ, данный сенату 7 января 1780 года, которымъ дозволено было евреямъ записываться въ купечество. Захвативъ въ руки всю торговлю, евреи не брезгали никакими средствами для наживы: подмѣшивали въ вино опьяняющія травы и разводили его водою, обманывали при продажѣ товаровъ, объявляли себя злостными банкротами и дѣлали фальшивую монету.

Тогдашній могилевскій губернаторъ, Коховскій, писалъ: «Обмановъ еврейскихъ такое множество, что ихъ всѣхъ описать трудно, а короче сказать только такъ: что евреинъ, то новый видъ обмана».

«Евреи—народъ хотя и трезвый,—прибавлялъ Коховскій,—но лѣнивый, обманчивый, сонливый, суевѣрный, къ нечистотѣ пріобыклый, въ домостроительствѣ неискусный. Всѣ они—пришельцы и умножаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правленіе слабое и не наблюдающее правосудія; живутъ обманомъ и трудами крестьянскими; довольствуются кредитами отъ заграничныхъ и здѣшнихъ обывателей; должны всѣмъ, у кого бы только занять было можно, а напослѣдокъ умышленно дѣлаются банкротами; находятъ всѣ средства задолжаться обывателямъ, и тѣмъ по принужденію терпимыми себя быть заставляютъ... Сей народъ хитрымъ и ласкательнымъ вымысломъ входитъ въ милость и покровительство у знатнѣйшихъ здѣшняго края жителей, дабы только черезъ то, какъ кредитъ ихъ подкрѣпить, такъ и въ судахъ, черезъ протекцію, дѣла запутать. Они живутъ большею частью въ городахъ и почти въ каждой деревнѣ по корчмамъ. Въ городахъ живутъ своими дворами, а нѣкоторые—въ наемныхъ; одни имѣютъ право на землю, другіе—на строеніе.

По деревнямъ вездѣ продаютъ напитки и завѣдуютъ дорогами, получая съ проѣзжихъ за малый мостъ или перевозъ плату. Въ городахъ живущіе евреи именуются мѣщанами и пользуются правомъ равно съ христіанами. Имъ дана вольность всякіе продавать напитки. Гдѣ хотя кабаковъ не имѣется, то, ѣздя по деревнямъ, шинкуютъ. Однимъ словомъ, имъ всѣ способы къ ихъ пропитанію и къ изнищенію крестьянъ доставлены. Корчмы городскія наиболѣе въ ихъ содержаніи. Но какъ народъ, чистоту не наблюдающій и лѣнивый, никакого порядку не содержащій, то какъ ихъ жилище, такъ и что у себя ни имѣютъ—все въ нечистотѣ и неустройствѣ, а наконецъ и улицы у нихъ навозомъ и грязью завалены. Народъ несправедливый, обманчивый, съ ворами и разбойниками имѣетъ сообщеніе; изъ нихъ всякій на все въ состояніи покушеніе сдѣлать, лишь бы только деньги въ ихъ руки достались; съ ихъ сообщества въ здѣшнемъ краѣ умножились преступленія; они подлыхъ людей умышленно подговариваютъ промышлять воровствомъ».

Они завладѣли всѣмъ и, собственно говоря, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, помѣщики были приказчиками, крестьяне—невольниками-рабами, а евреи—ихъ господами. Казалось бы, что этого примѣра достаточно было для убѣжденія въ справедливости словъ Вольтера, что евреи составляютъ вредный элементъ во всякомъ государствѣ, гдѣ живутъ. Но на дѣлѣ оказалось противное. Въ февралѣ 1785 года имъ было разрѣшено жить и записываться въ купечество въ посадѣ Шлокъ, въ 30 верстахъ отъ Риги, а въ 1790 году московскіе купцы жаловались, что тайно появившіеся въ Москвѣ евреи производятъ контрабандную торговлю, тайно разносятъ товары по домамъ и даже обманываютъ самихъ купцовъ.

Между промыслами ихъ видное мѣсто занимало монетное дѣло. «Почти въ цѣломъ свѣтѣ за достовѣрное извѣстно,—писали московскіе купцы своему главнокомандующему генералу Еропкину, что переходящая черезъ ихъ (евреевъ) руки всякая золотая и серебряная монета, а особливо голландскіе червонцы, не возвращаются уже отъ нихъ въ цѣлости, но завсегда обрѣзанными и оскобленными. А по симъ самымъ ихъ поступкамъ во многихъ благоучрежденныхъ обществахъ они совсѣмъ и нетерпимы. Почему и настаетъ главная опасность, чтобъ не произошло вреда и непозволеннаго истребленія государственной золотой и серебряной монеты отъ сихъ склонныхъ ко всякимъ вреднымъ предпріятіямъ евреевъ. А что сіе въ нихъ давно уже примѣчено, то въ доказательство сему довольно можетъ послужить именной, 1727 года апрѣля 26 дня, указъ, коимъ, при высылкѣ ихъ изъ государства, на границахъ предписано точно крайнее имѣть смотрѣніе о невывозѣ ими за границу золота и серебра».

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ, московское купечество просило выгнать сыновъ Израилевыхъ изъ Москвы, какъ людей вредныхъ, а отнюдь не изъ какого-либо къ нимъ, въ разсужденіи ихъ религіи, отвращенія и ненависти». Прошеніе это долгое время оставалось неисполненнымъ, потому что Еропкинъ былъ уволенъ въ отставку, а заступившій его мѣсто князь Прозоровскій былъ занятъ слѣдствіемъ о мартинистахъ и очищеніемъ столицы отъ вредныхъ политическихъ элементовъ. Только въ декабрѣ 1791 года послѣдовалъ указъ сенату, которымъ было запрещено евреямъ записываться въ купечество во внутренніе россійскіе города и порты.

Между тѣмъ въ іюдѣ 1793 года были присоединены къ Россіи области: Минская, Волынская и Подольская, образовавшія Минскую, Изяславскую и Брацлавскую губерніи, съ населеніемъ, переполненнымъ евреями. Въ іюнѣ слѣдующаго 1794 года послѣдовалъ указъ, по которому евреямъ дозволялось записаться по городамъ въ мѣщанство и купечество въ губерніяхъ: Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородъ-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической. Съ такихъ записавшихся положено собирать подать вдвое противъ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго исповѣданія, съ тѣмъ, что/ если бы евреи не пожелали платить ее, то могли внести сразу двойную трехлѣтнюю подать и затѣмъ выѣхать за границу. Эта послѣдняя мѣра скорѣе закрѣпляла евреевъ въ Россіи, чѣмъ избавляла ее отъ вреднаго населенія. Въ октябрѣ 1794 года присоединено было къ составу имперіи бывшее княжество Литовское, раздѣленное на три части, съ главными городами—Вильной, Гродно и Ковно, а черезъ полгода присоединены княжества Курляндское и Семигальское, съ округомъ Пильтенскимъ. Это былъ новый приливъ евреевъ въ царствованіе Екатерины II.

«Цѣлые вѣка,—пишетъ М. Ѳ. Шугуровъ [1]),—отбивалась Россія отъ евреевъ и не могла отбиться. Не прошло и двадцати пяти лѣтъ со времени присоединенія Бѣлоруссіи, и уже сплошныя массы этого племени заволновались на огромномъ пространствѣ западной Россіи, отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Все это были купцы да мѣщане, большею частью промышлявшіе среди крестьянъ, которые доставляли имъ даровое пропитаніе, одѣяніе, а дочерямъ—знатное приданое».

Со дня присоединенія областей, губернаторы Пассекъ и Коховскій указывали на то, что пребываніе евреевъ среди сельскаго населенія вредно, что они высасываютъ послѣдніе соки и что ихъ необходимо переселить въ города. Сенатъ и Екатерина II противились этому, и только 3 мая 1795 года генералъ-губернатору минскому, изяславскому

[1]) „Русскій Архивъ“ 1894 г., № 2, стр. 177.

и брацлавскому Тутолмину повелѣно было стараться переселить евреевъ въ города, «дабы сіи люди не скитались во вредъ обществу».

III.

Угнетенное положеніе христіанскаго населенія въ Турціи и желаніе его освободиться отъ мусульманскаго ига вызывало безпрерывныя волненія, оканчивавшіяся кровавыми столкновеніями, не приводившими, впрочемъ, къ улучшенію положенія возставшихъ. Только постороннее вліяніе, и преимущественно Россіи, облегчало, и то на время, участь христіанъ и обезпечивало имъ нѣкоторую свободу отъ тиранін магометанъ и правительства Порты. Эта тиранія вызвала, наконецъ, въ 1875 году, вмѣшательство Европы и привела Россію къ войнѣ съ Турціею въ 1877—1878 гг., окончившейся, какъ извѣстно, Берлинскимъ трактатомъ. Весьма интересныя свѣдѣнія относительно вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла Турціи изложены г. Б. К. П. въ его статьѣ «Путь къ Берлинскому трактату» [1]).

Ближайшимъ поводомъ къ вмѣшательству послужило возстаніе въ Герцеговинѣ, вспыхнувшее, не безъ участія Австріи, въ іюнѣ 1875 года, по случаю надбавки 25% на десятинный налогъ.

«Дѣло усложнилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сосѣдней съ нею Босніи положеніе было тождественнымъ; къ тому же обѣ эти области окружены христіанскимъ населеніемъ, принадлежащимъ къ одной съ ними народности (кроаты, сербы, черногорцы, далматы)».

Первою пришедшею на помощь угнетеннымъ была, конечно, Россія, и 14 августа того же года кн. Горчаковъ, передавъ французскому послу генералу Лефло, сообщеніе въ которомъ русскій государственный канцлеръ говорилъ, что Императорскій кабинетъ предложилъ содѣйствіе вѣнскому, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя представляетъ для Австріи герцеговинское возстаніе. Содѣйствіе это заключалось въ томъ, чтобы, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, ограничить и уладить безпорядки, опасные для всеобщаго спокойствія, требуя отъ возставшихъ повиновенія, отъ сербовъ и черногорцевъ нейтралитета, а отъ Турціи—помилованія и справедливыхъ реформъ.—Первымъ шагомъ къ такому воздѣйствію было порученіе большей части консуловъ объявить

---

[1]) „Наблюдатель“ 1894 г. №№ 1 и 2.

герцеговинцамъ, чтобы они не надѣялись ни на чью постороннюю помощь и какъ можно скорѣе вошли въ сношенія съ коммиссарами Порты, присланными выслушать ихъ жалобы.

«Уже черезъ мѣсяцъ, пишетъ авторъ, консулы телеграфировали своимъ правительствамъ, что ихъ порученія постигла полнѣйшая неудача. Наученные горькими опытами 1858 и 1862 гг., повстанцы-герцеговинцы на-отрѣзъ отказались вступать въ какія бы то ни было сношенія съ турецкими коммиссарами. Они требовали перемирія и положительнаго дипломатическаго вмѣшательства Европы».

Послѣ такой неудачи Россія и Австрія переговаривались о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, а Порта 2-го октября признала необходимымъ пойти на нѣкоторыя уступки

Вслѣдъ за тѣмъ 12-го декабря того же 1875 года появился фирманъ султана, обѣщавшій широкія права христіанамъ.

Содержаніе фирмана произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ Петербургѣ и Вѣнѣ, но, послѣ ближайшаго съ нимъ знакомства, фирманъ признанъ былъ слишкомъ поспѣшно выработаннымъ и неполнымъ.

Трудно было предположить, чтобы обѣщанныя реформы однѣ, сами по себѣ, были въ состояніи хотя бы на время прекратить кровопролитіе, а тѣмъ болѣе установить на прочныхъ основахъ будущее спокойствіе этой части турецкихъ владѣній.

Въ виду этого, австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Андраши была составлена нота, которая, съ одобренія петербургскаго и берлинскаго кабинетовъ, была разослана ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ Парижскій трактатъ 1856 года. Въ нотѣ говорилось, что предпринимаемыя мѣры Портою должны быть основаны сначала на нравственной почвѣ, а затѣмъ на матеріальной. Примиреніе можетъ установиться только подъ условіемъ, чтобы христіанская вѣра была почитаема и по праву поставлена въ совершенно равную степень съ исламизмомъ, а главное, чтобы она была безусловно признана и чтима, а не терпима только, какъ теперь. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовались существенныя реформы относительно судопроизводства и администраціи.

Нота графа Андраши была встрѣчена сочувственно Франціею и Италіею, а Англія, по обыкновенію, отвѣчала уклончиво, но обѣщала все-таки оказать свое содѣйствіе. Порта уступила представленіямъ державъ и вслѣдъ за тѣмъ объявила амнистію тѣмъ, которые сложатъ оружіе въ четырехъ-недѣльный срокъ. Но герцеговинцы помнили звѣрскую расправу Омера-паши въ 1851 году, помнили, что въ 1858 и 1862 годахъ Европа два раза вступалась за нихъ, но это заступничество не только не привело къ улучшенію положенія населенія, а напротивъ къ ухудшенію, вызвавшему возстаніе въ 1875 году. Вожаки возстанія на-отрѣзъ отказались согласиться на предложеніе Порты и

требовали ручательства державъ въ томъ, что всѣ обѣщанныя реформы будутъ исполнены. Кромѣ того, они требовали, чтобы правительство Россіи и Австріи, каждое отъ себя, назначило по агенту, которому было бы поручено слѣдить за исполненіемъ Портою обѣщанныхъ реформъ.

Правительство султана не согласилось, однакоже, допустить вмѣшательства Европы. Мусульмане были возмущены такимъ требованіемъ и усилили свои неистовства надъ христіанами. Возбужденіе турокъ достигло до того, что въ Салоникахъ толпа звѣрски умертвила французскаго и прусскаго консуловъ, и тогда тройственный союзъ императоровъ призналъ необходимымъ принять болѣе энергическія мѣры. 13-го мая 1876 года явился берлинскій меморандумъ, въ которомъ предлагалось, для предупрежденія повторенія событій, происшедшихъ въ Салоникахъ, отправить военныя суда къ мѣстностямъ, которымъ грозила опасность, и снабдить командировъ предписаніемъ на тотъ случай, если обстоятельства вынудятъ ихъ прибѣгнуть къ вооруженнымъ дѣйствіямъ; отъ Порты же потребовать установленія перемирія на два мѣсяца.

Въ случаѣ несогласія Порты на вновь предложенныя уступки, предполагалось перейти къ болѣе существеннымъ мѣрамъ. Выработка этихъ мѣръ представляла не малыя затрудненія, потому что интересы трехъ императорскихъ кабинетовъ были противоположны другъ другу, и что могло быть выгодно для одного, то неминуемо приносило ущербъ другому. Въ виду этого, министры иностранныхъ дѣлъ тройственнаго союза съѣхались въ Берлинъ, и результатомъ ихъ совѣщаній и явился вышеупомянутый нами меморандумъ. Франція и Италія немедленно присоединились къ союзу. Что касается Англіи, то она не согласилась съ меморандумомъ, опасаясь сплоченія континентальныхъ державъ, такъ какъ въ ея интересахъ всегда было и будутъ необходимы соперничество и разладъ между ними.

По внушенію Англіи, Порта не согласилась на перемиріе, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало низверженіе съ престола султана Абдулъ-Азиса.

Волненія христіанъ усилились и стали распространяться въ Болгаріи. Представители послѣдней, Цанковъ и Балабановъ, отправились въ столицы европейскихъ державъ съ воззваніемъ болгарскаго народа, подписаннымъ 14-го августа 1876 года.

Воззваніе это произвело глубокое впечатлѣніе даже и въ самой Англіи. Общественное мнѣніе было возбуждено негодованіемъ, и лордъ Дерби, не желавшій все-таки входить въ соглашеніе съ тройственнымъ союзомъ, придумалъ отдѣльное вмѣшательство, выразившееся требованіемъ амнистіи, морскою демонстраціею, попыткою посредничества и составленіемъ особой программы умиротворенія и реформъ. Порта ясно видѣла, что Англія принимаетъ всѣ эти мѣры только для вида, и не обращала на нихъ никакого вниманія, а между тѣмъ 2-го іюля князь

Николай черногорскій объявилъ войну Турціи, и въ тотъ же самый день сербы вступили въ предѣлы Оттоманской имперіи.

Въ это же время въ богемскомъ пограничномъ городѣ Рейхштадтѣ произошло свиданіе императоровъ Александра II и Франца-Іосифа. На этомъ свиданіи было положено не вмѣшиваться въ существующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, пока не потребуютъ того обстоятельства и не обнаружится какой-либо особенный фактъ. Съ своей стороны Англія, опасаясь послѣдствій отъ возгорѣвшейся войны, предложила перемиріе на одинъ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы оно было распространено на босняковъ и герцеговинцевъ.

Хотя формально Порта и отказала въ перемиріи, но фактически оно установилось и было потомъ продолжено до 3-го октября, а затѣмъ военныя дѣйствія возобновились. Это возобновленіе побудило Англію требовать отъ правительства султана, чтобы оно признало status quo для Сербіи и Черногоріи, и чтобы оно обязалось даровать Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи мѣстное административное управленіе, контроль надъ собственными своими дѣлами и ручательство противъ проявленія самовластія турецкихъ чиновниковъ. Къ этому требованію Англіи присоединились всѣ державы. Петербургскій кабинетъ предложилъ при этомъ, чтобы, въ случаѣ отказа Порты, австрійскія войска заняли Боснію, русскія—Болгарію, а соединенный флотъ вступилъ въ Босфоръ. Это предложеніе было не въ видахъ Англіи и венгерскаго правительства, опасавшагося возможности окончательнаго присоединенія къ разношерстному государству славянскихъ земель, въ случаѣ занятія Австріею Босніи.

«При одной только мысли, говоритъ авторъ, о возможности увидѣть русскихъ въ Болгаріи, общественное мнѣніе въ Англіи, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, быстро измѣнилось. Негодованіе, возбужденное болгарскими звѣрствами, презрѣніе къ Турціи изъ-за пріостановки уплатъ по займамъ англійскимъ кредиторамъ, уступили мѣсто двойному страху: русскихъ штыковъ въ Цареградѣ и завоеванія Индіи. Еще болѣе усилило тревогу въ соединенномъ королевствѣ, а отчасти и въ Австріи, появленіе въ ряду сербскихъ войскъ русскихъ добровольцевъ подъ начальствомъ генерала Черняева, прослывшаго однимъ изъ самыхъ рьяныхъ руководителей идеи панславизма».

«На генерала Черняева смотрѣли какъ на эмиссара русскаго правительства, и Англія стала отрицать мѣры принудительнаго характера. Россія требовала перемирія на шесть недѣль, чтобы имѣть время для обсужденія окончательныхъ рѣшеній, но Англія находила достаточнымъ перемирія на одинъ мѣсяцъ и предлагала созвать конференцію. На это Порта отвѣчала, что признаетъ необходимымъ перемиріе на полгода и что, съ дарованіемъ султаномъ конституціи своему госу-

дарству, съ учрежденіемъ двухъ парламентскихъ палатъ, не видитъ надобности въ созваніи конференціи. Франція, Австрія и Великобританія соглашались на шестимѣсячное перемиріе; Италія, Германія и Россія желали шестинедѣльнаго, чтобы скорѣе положить предѣлъ смутѣ. Въ виду такого разногласія, императоръ Александръ II, 18 (30) октября предписалъ нашему послу въ Константинополѣ, графу Игнатьеву, объявить Портѣ, что если она въ двухдневный срокъ не согласится на шестинедѣльное или двухмѣсячное перемиріе, то дипломатическія сношенія съ нею будутъ прерваны. Порта покорилась этому требованію, и военныя дѣйствія были пріостановлены.

Въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ Лофтусомъ императоръ Александръ II высказалъ, что если Европа не расположена дѣйствовать твердо, то онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать единолично. При этомъ государь присовокупилъ, что не думаетъ ни о какихъ приращеніяхъ для Россіи и не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія овладѣть Константинополемъ, пріобрѣтеніе котораго, по его мнѣнію, было бы несчастіемъ для Россіи. Самое занятіе его императоръ обусловливалъ только тѣмъ временемъ, пока миръ и спасеніе христіанъ будутъ обезпечены».

— «Россіи приписываютъ намѣреніе, прибавилъ императоръ, завладѣть Индіею и Константинополемъ. Можетъ ли быть что-либо нелѣпѣе этого? Первое изъ такихъ предположеній совершенно невозможно. что же касается до втораго, то я возобновляю торжественнѣйшее увѣреніе, что на это не имѣю ни желанія, ни намѣренія».

Государь искренно сожалѣлъ и былъ огорченъ недовѣріемъ къ его политикѣ, порождающимъ дурныя послѣдствія.

Не желая оставаться постороннею зрительницею совершающихся событій, Англія предложила созвать конференцію изъ представителей державъ въ Константинополѣ. При этомъ англійское правительство ставило первымъ основаніемъ и главнымъ условіемъ сохраненіе независимости и территоріальной неприкосновенности Оттоманской имперіи. Князь Горчаковъ, оставляя эту идею на второмъ планѣ, находилъ, что независимость и неприкосновенность Турціи должны быть подчинены тому, чего требуютъ гуманность, христіанскія чувства Европы и всеобщее спокойствіе. «Порта, писалъ онъ 18-го ноября 1876 года, была первою нарушительницею обязательствъ, принятыхъ ею договорами 1856 г. относительно своихъ христіанскихъ подданныхъ. Европа имѣетъ право и обязательство предписывать ей тѣ условія, при которыхъ единственно она можетъ согласиться на сохраненіе политическаго status quo, установленнаго означеннымъ договоромъ, и такъ какъ Порта не способна исполнять условія, то Европа имѣетъ право и обязана замѣстить ее, насколько это окажется нужнымъ, для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій».

Основываясь на этомъ правѣ, императоръ Александръ II, въ рѣчи московскому дворянству, высказалъ твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и, будучи увѣренъ, что вся Россія отзовется на его призывъ, приказалъ мобилизировать часть своихъ военныхъ силъ. «Его Величество не желаетъ войны, писалъ при этомъ кн. Горчаковъ, и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть ея. Но государь принялъ рѣшимость не останавливаться, пока принципы, признанные справедливыми, гуманными, необходимыми для всей Европы и къ которымъ общественное мнѣніе всей Россіи присоединилось съ величайшею настойчивостію, не получатъ полнѣйшаго удовлетворенія и не будутъ дѣйствительно обезпечены».

Въ то время когда русскія войска стали сосредоточиваться въ Бессарабіи, въ Константинополѣ собиралась конференція изъ представителей Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Великобританіи и Франціи. 23-го декабря открылись ея засѣданія подъ предсѣдательствомъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Савфета-паши. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ Савфетъ объявилъ собравшимся, что въ эту знаменательную минуту совершается великое событіе: султанъ даруетъ своему народу конституцію, которая въ настоящій моментъ и провозглашается; что установленіе это даетъ новую эру для счастія и процвѣтанія всѣхъ народовъ, подвластныхъ Портѣ.

Сущность дарованныхъ султаномъ правъ заключалась въ слитіи народностей подъ сѣнью парламента и при нѣкоторыхъ условіяхъ личной свободы. Эти условія были настолько неопредѣленны, что Сербія и Румынія протестовали противъ хартіи, а кандіоты и ливанцы отказались отправить въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ. Константинопольская конференція представителей европейскихъ державъ не приводила ни къ какимъ результатамъ. На каждый проектъ Порта отвѣчала контръ-проектомъ и не соглашалась на уступки, говоря, что уступка эта находится въ изданной уже конституціи. Все это заставило представителя Великобританіи заявить, что его правительство «рѣшилось не давать своего одобренія ни плохой администраціи, ни притѣсненіямъ; и если Порта своимъ упорствомъ или бездѣятельностью будетъ сопротивляться всѣмъ усиліямъ, которыя дѣлаются въ настоящее время, для того чтобы поставить Оттоманскую имперію на болѣе устойчивую почву, то отвѣтственность за могущія произойти отъ этого послѣдствія ляжетъ всецѣло на султана и на его совѣтниковъ».

Такое заявленіе все-таки не подѣйствовало на Порту. Конференція разошлась, послы уѣхали изъ Константинополя, оставивъ тамъ только повѣренныхъ въ дѣлахъ. Лишившись покровительства Англіи, правительство султана поторопилось заключить миръ съ Сербіею и установить соглашеніе съ Черногоріею. Европейскія державы одобрили этотъ

поступокъ Порты, но просили ее привести свои войска на мирное положеніе и въ кратчайшій срокъ осуществить реформы, предназначенныя для спокойствія и благосостоянія областей, положеніе которыхъ составляло предметъ обсужденій конференціи.

«Вступивъ на этотъ путь, говорилось въ лондонскомъ протоколѣ 19 (31) марта 1877 г., Порта пойметъ, что ея честь и ея выгода заключается въ добросовѣстномъ продолженіи начатаго, не на словахъ только, а на дѣлѣ».

Порта и на этотъ разъ отвѣчала полнымъ отказомъ и такимъ образомъ не давала никакой надежды, что приметъ въ уваженіе желаніе Европы и осуществитъ мѣры, предположенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ попытки къ примиренію теряли всякую надежду на успѣхъ, и оставалось одно изъ двухъ: или допустить, чтобы настоящее положеніе дѣлъ продолжалось, или же попытаться путемъ понужденія достигнуть того, чего нельзя было добиться путемъ убѣжденія. «Нашъ августѣйшій монархъ, писалъ кн. Горчаковъ въ циркулярѣ 7-го апрѣля 1877 г., рѣшилъ принять на себя то дѣло, къ совмѣстному выполненію котораго онъ приглашалъ великія державы. Онъ далъ своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи. Принимая на себя это бремя, нашъ августѣйшій монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на него интересами Россіи, мирному развитію которой препятствуютъ постоянныя смуты на востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ и согласно съ желаніями и интересами Европы».

По прочтеніи въ Кишиневѣ манифеста 12-го апрѣля, русскія войска перешли границу. Порта, до послѣдней минуты разсчитывавшая на помощь извнѣ, была приведена въ столь сильное смущеніе и такъ растерялась, что обратилась съ просьбою о заступничествѣ къ тѣмъ же державамъ, которымъ отказывала въ удовлетвореніи справедливыхъ требованій. Воззваніе Порты осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и тогда султану оставалось только одно—возбудить религіозный фанатизмъ и во имя вѣры поднять мусульманъ на борьбу съ Россіею. «Все время, пока наши войска, говорилось въ прокламаціи султана, будутъ исполнять свой священный долгъ, благословеніе всевышняго и духовная помощь пророка будутъ сопутствовать имъ. Вашъ повелитель всегда будетъ готовъ съ вами развернуть, въ случаѣ нужды, знамя халифата и султаната. Да подастъ вамъ Господь Богъ побѣду!»

Въ прокламаціи, обращенной къ арміи, дѣйствовавшей въ Азіятской Турціи, было сказано еще опредѣленнѣе слѣдующее: «Вы будете бороться за святое знамя исламизма».

И такъ мирные переговоры были окончены, и дальнѣйшая участь христіанъ была предоставлена жребію оружія. **Н. Д—инъ.**

Замѣтки.

Въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ въ интересной статьѣ „Баловень счастія“, авторъ между прочимъ говоритъ:

„Упоминаемый здѣсь новый случайный человѣкъ, появившійся при дворѣ (послѣ Ланскаго), былъ 30-ти лѣтній гвардейскій офицеръ, protégé Потемкина, Александръ Петровичъ Ермоловъ, родной братъ знаменитаго героя 1812 г. и Кавказа, генерала Алексѣя Петровича“. И далѣе: „онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1836 г.“.

Авторъ очевидно былъ введенъ въ заблужденіе одинаковымъ отчествомъ двухъ Ермоловыхъ Александра и Алексѣя, отцы которыхъ были оба Петры.

Знаменитый герой 1812 г. и Кавказа не былъ роднымъ братомъ фаворита, а приходился ему троюродным племянником. Въ этомъ не трудно убѣдиться, справившись въ родословной Ермоловыхъ, помѣщенной у кн. Долгорукова въ Рос. Родосл. книгѣ, IV, стр. 406.

Сколько намъ извѣстно, бывшій фаворитъ умеръ не въ Москвѣ, а въ Вѣнѣ (см. Родъ кн. Голицыныхъ, ст. 152).

Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія Александръ Петровичъ Ермоловъ отправился съ семьею своею путешествовать по Европѣ и купилъ въ Нижней Австріи Фрошдорфскій замокъ близъ г. Weiner Neistadt (въ 50-ти километрахъ отъ Вѣны), гдѣ и жилъ до своей смерти [1]). Въ 1842 г. наслѣдники его, т. е. вдова и сыновья, продали Фрошдорфъ герцогу Блакасу, отъ котораго онъ перешелъ къ герцогинѣ Ангулемской, дочери Людовика XVI. Дѣти Александра Петровича, если не ошибаемся, перешли въ католичество.

Невѣрное опредѣленіе степени родства между Александромъ и Алексѣемъ Петровичами Ермоловыми встрѣчается уже не въ первый разъ. Намъ попалась недавно книжонка на французскомъ языкѣ: „Cathérine II de Russie et ses favoris. Mémoires secret extraits de papiers de famille et publiés à l'occasion de l'inauguration du monument de Cathérine“ par Alexei, Prince de G.... Würtzbourg.

Какого довѣрія заслуживаютъ семейные архивы князя Г., можно судить по слѣдующему: дойдя до Ермолова и расхваливъ его прямодушіе и безкорыстіе, авторъ разсказываетъ потомъ о его путешествіи по Европѣ и затѣмъ сливаетъ его въ одно лицо съ Алексѣемъ Петровичемъ и преспокойно восхищается его поведеніемъ подъ Кульмомъ, подъ Бородинымъ и въ заключеніе производитъ въ Vice-Roi du Caucase avec des pouvoirs absolus!.. [2]).

К. Г—въ.

Желая исправить неточность, вкравшуюся въ 1 № „Русской Старины“ сего года, я считаю долгомъ заявить, что покойный генералъ-лейтенантъ Иванъ Корниловичъ Максимовичъ имѣлъ родовое имѣніе въ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда. Началомъ его состоянія послужила покупка двухъ паевъ для участія въ разработкѣ золотоноснаго пріиска у золотопромышленника Голубкова, жившаго въ Костромѣ, гдѣ покойный командовалъ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Заплатилъ онъ за эти паи 10.000 руб., которые, по неимѣнію наличныхъ денегъ, занялъ у друга своего Ал. Ан. Азаревича, а черезъ два года получилъ за нихъ съ монетнаго двора 100.000 руб. золотомъ. Впослѣдствіи г. Максимовичъ имѣлъ свои собственные пріиски, съ которыхъ получалъ большія суммы.

А. Харитоновъ.

Въ запискахъ Инсарскаго упомянуто между прочимъ о Калашниковѣ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ проситъ насъ заявить, что характеристика этого лица сдѣлана г. Инсарскимъ невѣрно.

---

[1]) Въ стѣнѣ охотничьяго дома, близъ замка, мы видѣли доску, на которой еще сохранилось имя его русскаго владѣльца.

[2]) Въ кавказскіе вице-короли съ неограниченною властію.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЯ

ГОДОВЩИНА

ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861 $\frac{\text{19-е}}{\text{февраля}}$ 1894.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861 $\frac{19\text{-е}}{\text{февраля}}$ 1894.

Въ нынѣшнемъ году, по неизмѣнному обычаю, собрались на дружескій, въ память незабвеннаго дня 19-го февраля 1861 года, обѣдъ бывшіе участники въ разработкѣ и приведеніи въ исполненіе Положеній о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года. Къ нимъ присоединились лица, сердечно сочувствующія началамъ, положеннымъ въ основаніе освобожденія крестьянъ съ землею и содѣйствовавшія, своею служебною, общественною или литературною дѣятельностью, дальнѣйшему развитію этихъ началъ и примѣненію ихъ къ поземельному и общественному устройству другихъ, кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, сельскихъ обывателей. На этотъ разъ собралось къ обѣду 18 лицъ, а именно: Д. Г. Анучинъ, Н. Н. Биппенъ, К. К. Гротъ, Я. Г. Есиповичъ, М. С. Кахановъ, А. Н. Куломзинъ, Н. Н. Калошинъ, Е. И. Ламанскій, П. Ѳ. Лиліенфельдъ, С. А. Мордвиновъ, И. А Новиковъ, П. П. Семеновъ, Н. И. Стояновскій А. И. Скребицкій, П. Е. Татариновъ, кн. П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ и Н. П. Щепкинъ. Изъ числа обычныхъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля, кромѣ скончавшагося въ мартѣ прошлаго года В. А. Арцымовича, отсутствовали,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г. апрѣль.

по нездоровью: Н. Х. Бунге, Ѳ. П. Корниловъ, бар. В. М. Менгденъ, В. М. Маркусъ, А. А. Рихтеръ, Н. П. Семеновъ и А. Д. Шумахеръ. Изъ нихъ Н. Х. Бунге, въ письмѣ на имя предсѣдателя обѣда К. К. Грота, выразилъ сожалѣніе о невозможности прибыть на обѣдъ и увѣреніе, что онъ, хотя заочно, но сердечно будетъ участвовать въ обычныхъ тостахъ и благихъ пожеланіяхъ участниковъ обѣда. Сверхъ того Ю. Н. Милютинъ, участвовавшій, когда былъ въ Петербургѣ, въ обѣдахъ 19-го февраля, въ память отца его, Н. А. Милютина, телеграммой изъ Тифлиса просилъ присоединить къ тостамъ участниковъ обѣда и его сердечное сочувствіе преуспѣянію началъ Положеній 19-го февраля,— посланное имъ изъ края, гдѣ, къ сожалѣнію, не прекратились еще обязательныя отношенія поселянъ къ помѣщикамъ.

Первый за обѣдомъ тостъ былъ, какъ всегда, провозглашенъ за здравіе государя императора и встрѣченъ громкимъ, единодушнымъ «ура!», за тѣмъ слѣдовалъ молчаливый тостъ въ память виновника крестьянской реформы въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича. Третій, восторженно принятый, тостъ былъ провозглашенъ за великое дѣло 19-го февраля 1861 г. Во время провозглашенія четвертаго тоста: за всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ пользу крестьянской реформы, въ залу прибыли представители современныхъ дѣятелей и тружениковъ по примѣненію Положеній о крестьянахъ — чиновъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, пожелавшихъ привѣтствовать старшихъ дѣятелей на томъ же поприщѣ. Обращаясь къ нимъ, предсѣдатель обѣда К. К. Гротъ выразилъ, что участники обѣда 19-го февраля пьютъ за здоровье ихъ, какъ лицъ, дѣйствующихъ нынѣ на пользу крестьянской реформы, въ надеждѣ, что имъ одинаково дороги предначертанныя царемъ-освободителемъ основныя начала Положеній 19-го февраля и что дѣятельность ихъ направлена къ примѣненію и дальнѣйшему развитію этихъ началъ въ томъ же духѣ, какой оживлялъ составителей и первыхъ исполнителей этихъ Положеній,—на что старшій изъ присутствовавшихъ чиновъ земскаго отдѣла г-нъ Ушаковъ, отъ лица своего и своихъ сослуживцевъ, отвѣчалъ увѣреніемъ въ искреннемъ ихъ сочувствіи основнымъ началамъ Положеній 19-го февраля, въ уваженіи ихъ къ трудамъ преж-

нихъ дѣятелей по крестьянской реформѣ и стремленій ихъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ томъ же духѣ.

Послѣ того провозглашенъ былъ молчаливый тостъ за умершихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу и наконецъ послѣдній, восторженно принятый, тостъ: за благоденствіе Россіи! Послѣ этихъ тостовъ, предсѣдатель обѣда К. К. Гротъ очертилъ, въ довольно краткихъ, но замѣчательно вѣрныхъ и прочувствованныхъ словахъ, личность и дѣятельность, скончавшагося въ мартѣ минувшаго года постояннаго участника обѣдовъ 19-го февраля В. А. Арцымовича; его живое и неуклонное стремленіе къ правдѣ, справедливости и къ уваженію къ закону; его умѣнье выбирать, приближать и привязывать къ себѣ людей достойныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ и дѣлать изъ нихъ борцовъ за правое дѣло; его готовность бороться,—не жалѣя себя и не останавливаясь передъ личными непріятностями,—противъ всего, что̀ представлялось ему несогласнымъ съ требованіями закона и справедливости или вреднымъ для государства и для большинства его населенія. Такъ дѣйствовалъ Викторъ Антоновичъ въ должности тобольскаго губернатора и оставилъ по себѣ въ этомъ отдаленномъ краѣ самую лучшую память. Такъ дѣйствовалъ онъ, бывши и калужскимъ губернаторомъ; но тутъ ему пришлось столкнуться съ противоположными стремленіями лицъ, не сочувствовавшихъ предуказаннымъ Высочайшими рескриптами началамъ крестьянской реформы, желавшихъ направить сперва труды губернскаго комитета по составленію проектовъ Положеній о крестьянахъ и затѣмъ самое исполненіе Положеній 19 февраля 1861 года въ духѣ, болѣе согласномъ съ односторонними интересами помѣщиковъ, чѣмъ съ достиженіемъ прочнаго и справедливаго обезпеченія быта крестьянъ. Поддержка, оказанная В. А. Арцымовичемъ, усиліямъ меньшинства членовъ Калужскаго губернскаго комитета, а затѣмъ избранію достойныхъ и безпристрастныхъ мировыхъ посредниковъ и развитію полезной ихъ дѣятельности, навлекла на него вражду, несправедливыя обвиненія со стороны приверженцевъ противной партіи; но ревизія сенатора А. Х. Капгера изобличила всю неосновательность этихъ обвиненій.

Послѣ того Викторъ Антоновичъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ, членомъ Учредительнаго комитета въ Варшавѣ и наконецъ стар-

шимъ изъ сенаторовъ, присутствующихъ въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, и вездѣ неуклонно держался требованія уваженія къ закону и справедливости. Самое тяжелое для него время была служба его въ Варшавѣ, гдѣ онъ не могъ вполнѣ раздѣлять всѣхъ воззрѣній дѣятелей того времени.

Слова К. К. Грота были покрыты возгласами: «вѣрно», «совершенно справедливо», вырвавшимися у всѣхъ присутствовавшихъ, лично знавшихъ Виктора Антоновича и знакомыхъ съ его дѣятельностью.

Петръ Петровичъ Семеновъ указалъ на присутствіе двухъ лицъ, могущихъ дополнить сказанное К. К. Гротомъ еще болѣе подробными свѣдѣніями, ибо одно изъ этихъ лицъ, въ качествѣ родственника и друга Виктора Антоновича, близко знало его, а другое — служило мировымъ посредникомъ, за его время, въ Калужской губерніи.

Н. П. Щепкинъ въ полномъ интереса, свидѣтельскомъ, такъ сказать, показаніи, мастерски очертилъ дѣятельность В. А. Арцымовича по приведенію въ исполненіе Положеній 19-го февраля и ту поддержку, какую встрѣчалъ онъ, Н. П. Щепкинъ, какъ мировой посредникъ перваго состава, со стороны губернатора В. А. Арцымовича, который, часто объѣзжая губернію, воодушевлялъ своими совѣтами дѣятельность мировыхъ посредниковъ и направлялъ ее къ законному и однообразному примѣненію и разъясненію правилъ Положеній 19-го февраля. А. И. Скребицкій, двоюродный братъ и другъ Виктора Антоновича, въ прочувствованныхъ словахъ подтвердилъ какъ все сказанное К. К. Гротомъ о личности и дѣятельности покойнаго, такъ и вѣрность сообщенныхъ собранію данныхъ о порядкѣ назначенія Виктора Антоновича въ Царство Польское и причинахъ его нежеланія принять назначеніе на службу въ эту окраину. Д. Г. Анучинъ, выяснивъ, въ обширномъ сообщеніи, обстоятельства, при которыхъ состоялось назначеніе В. А. Арцымовича въ Варшаву, куда онъ поѣхалъ не по собственному побужденію, а повинуясь вѣрноподданническому долгу — очертилъ его дѣятельность въ качествѣ члена Учредительнаго комитета и указалъ ближайшіе поводы къ разногласію Виктора Антоновича съ Н. А. Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ. Подробностей этого сообще-

нія не приводимъ здѣсь, такъ какъ Д. Г. Анучинъ упомянулъ, что все имъ сказанное будетъ изложено и напечатано въ составляемыхъ имъ воспоминаніяхъ о службѣ его въ Царствѣ Польскомъ.

Наконецъ Н. И. Стояновскій, знавшій В. А. Арцымовича еще въ училищѣ правовѣдѣнія, сказалъ, что покойный, еще на школьной скамьѣ, проявлялъ черты того характера и тѣхъ качествъ, какія онъ развилъ въ себѣ во время дальнѣйшей своей дѣятельности.

Въ заключеніе было заявлено, что на обѣдѣ 19 февраля 1893 г. зашла рѣчь о преміяхъ, учрежденныхъ въ память Ю. Ѳ. Самарина, за лучшія сочиненія по крестьянскому и податному дѣлу въ Россіи, и выражено было желаніе узнать: были ли и за какія сочиненія выдаваемы эти преміи; а если не были, то что именно служило причиной уклоненія соискателей премій и не стѣснительна ли программа, данная для этихъ сочиненій? Вслѣдствіе сего собраны были по этому дѣлу свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что по ходатайству 12 друзей покойнаго Ю. Ѳ. Самарина (изъ числа коихъ остаются въ живыхъ трое: К. К. Гротъ, П. П. Семеновъ и М. Н. Анненковъ) и на пожертвованный ими капиталъ въ десять тысячъ рублей, была учреждена, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го мая 1877 года, премія въ память Ю. Ѳ. Самарина за лучшее сочиненіе по крестьянскому и земскому дѣлу въ Россіи, съ тѣмъ чтобы премія эта присуждалась, разъ въ каждые три года, особою коммиссіею при Московскомъ университетѣ, составленною изъ 3-хъ профессоровъ, двухъ спеціалистовъ по крестьянскому дѣлу, одного члена отъ городской думы и одного отъ земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ была составлена по соглашенію учредителей съ совѣтомъ Московскаго университета и утверждена довольно широкая программа предметовъ, признанныхъ касающимися крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи и могущихъ служить темой для сочиненій, представляемыхъ въ Московскій университетъ для соисканія премій.

На этомъ основаніи были присуждены преміи:

Въ 1881 году В. Е. Орлову за сочиненіе «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи» —полная премія въ 1.560 руб.

Въ 1884 году—двѣ половинныя преміи по 840 руб. каждая:

В. В. Григорьеву за рукописное сочиненіе «Крестьянскія переселенія съ юга Рязанской губерніи» и И. И. Иванюкову за сочиненіе—«Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи», изд. 1882 г.

Въ 1887 г. тоже двѣ преміи по 840 руб. каждая: В. П. Воронцову за «Очерки кустарной промышленности въ Россіи» и И. А. Вернеру за сочиненіе: «Курская губернія—итоги статистическаго изслѣдованія».

Въ 1890 году ни одно изъ представленныхъ и разсмотрѣнныхъ сочиненій преміи удостоено не было.

Въ 1893 году присуждены двѣ преміи по 840 руб. каждая: В. П. Воронцову за сочиненіе «Крестьянская община» и Л. И. Грассу за сочиненіе: «Страхованіе сельскохозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая».

Вопросъ о нѣкоторомъ измѣненіи программы сочиненій, представляемыхъ для соисканія премій, возбужденъ былъ въ 1887 г. коммиссіей по присужденію премій и представленъ былъ въ комитетъ гг. министровъ, вмѣстѣ съ предположеніемъ объ учрежденіи медалей для выдачи ихъ за разборъ сочиненій, представленныхъ на преміи, и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положенія о преміяхъ. Послѣднее предположеніе было утверждено; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся въ декабрѣ 1892 года, рѣшено оставить программу на соисканіе премій въ первоначальномъ видѣ, согласно заключенію статсъ-секретаря Грота, спрошеннаго въ качествѣ представителя учредителей премій. Съ тѣхъ поръ никакого новаго ходатайства объ измѣненіи программы заявляемо не было; въ 1893 г., сочиненія были представлены по прежней программѣ, и та же программа будетъ объявлена и для слѣдующаго соисканія премій въ 1896 г.

Затѣмъ участники обѣда разошлись позже обыкновеннаго, въ одиннадцатомъ часу, увлекшись дорогими воспоминаніями о старомъ товарищѣ В. А. Арцымовичѣ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Матеріалы и замѣтки.

Письмо кіевскаго военнаго губернатора генерала отъ-инфантеріи М. А. Милорадовича, черниговскому губернскому предводителю дворянства, дѣйст. ст. сов. Н. М. Стороженкѣ. 1812 г. 30 іюня

Копія.

Милостивый Государь мой
Николай Михайловичъ!

Государю императору благоугодно изъ обывателей бывшей польской Украйны, заключающейся нынѣ въ 12 уѣздахъ Кіевской губерніи, да 4 Каменецъ-Подольской, образовать Украинское казачье войско въ четырехъ полкахъ.

Для опредѣленія же въ сіи полки приглашаются офицеры и унтеръ-офицеры изъ находящихся въ отставкѣ военно-служащихъ и служившихъ въ милиціи чиновниковъ, съ пожалованіемъ сихъ послѣднихъ первыми офицерскими чинами, буде они ихъ не имѣли. По минованіи въ украинскихъ полкахъ надобности, всѣ они распускаются въ домы свои; но уже навсегда останутся принадлежащими Украинскому войску и по первому востребованію обязаны опять явиться на службу и составить свои полки. Офицеры пользуются содержаніемъ и всѣми по службѣ правами, уланскимъ офицерамъ присвоенными; мундиры имѣютъ установленной формы по полкамъ; они считаются въ службѣ даже и въ то время, когда полки распустятся, ибо тогда будетъ ихъ обязанностью имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіяхъ подчиненныхъ имъ казаковъ.

Приступивъ къ образованію сего войска, я обращаюсь къ вашему превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою подкрѣпить и ваними приглашеніями ко вступленію въ формируемые казачьи полки изъ извѣстныхъ вамъ отставныхъ и въ милиціи служившихъ офицеровъ, для скорѣйшаго совершенія сего полезнаго и государю императору весьма угоднаго дѣла, приказавъ желающимъ вступить въ оные явиться ко мнѣ въ Кіевъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и
преданностью честь имѣю быть
вашего превосходительства
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга Милорадовичъ.

№ 967
Кіевъ
30-го іюня
1812.

Его Превосходительству
Н. М. Стороженку.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ
ТОБОЛЬСКИХЪ
ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
на 1894 годъ.

Газета будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ до двухъ печатныхъ листовъ и болѣе; городскіе подписчики, кромѣ того, будутъ ежедневно получать телеграммы.

Программа газеты будетъ нѣсколько расширена. Въ нее войдутъ: 1) передовыя руководящія статьи по вопросамъ, касающимся сибирской жизни; 2) текущія замѣтки; 3) телеграммы: собственныя и сѣвернаго агентства; 4) городская хроника; 5) засѣданія мѣстныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, городской думы и другихъ учрежденій; 6) судебныя извѣстія; 7) сибирскія вѣсти; 8) статьи по мѣстнымъ исторіи, археологіи, статистикѣ и другимъ предметамъ; 9) отголоски печати (извлеченія изъ руководящихъ статей органовъ сибирской печати и пріуралья), 10) корреспонденціи; 11) разныя извѣстія; 12) библіографическія замѣтки и проч.

Въ фельетонѣ будутъ помѣщаемы стихотворенія, разсказы, очерки, этюды, наброски и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—**3 руб.**, полгода—**2 руб.**, треть—**1 руб. 50 коп.** и мѣс.—**1 руб.**; для сельскихъ управленій и школъ на годъ—**2 руб.**, полгода—**1 руб.**, треть—**75 коп.** и мѣсяцъ—**50 коп.** Лица, желающія получать газету брошюрованною, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ: за годъ—**50 коп.**, полгода—**30 коп.**, треть года—**20 коп.** и мѣсяцъ—**10 коп.**

Редакторъ **Е. В. Кузнецовъ.**

3—3

Изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА

продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СТОЛИЦЪ и ПРОВИНЦІИ.

Главный же складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, уголъ Фонтанки и Лештукова пер., № 2.

Популярно-научныя книги.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Цѣна 1 руб.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. Цѣна 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли.* Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи. *Коллинса.* Переводъ съ англійскаго *П. Мокіевскаго.* Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Тарда.* Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединґена.* Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединґена.* Ц. 50 к.

На всякій случай! *А. Альмединґена.* Ч. 2-я Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *Д-ра М. Тило.* Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Переводъ съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды *д-ра Нимейера.* Съ 30 рисунк. Ц. 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. *Д-ра Э. Перье.* Переводъ съ франц. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо.* Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Со многими рисунк. Цѣна 1 рубль.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы.* Перев. съ нѣмец. съ 35 рис. Цѣна 1 руб.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рисун. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Цѣна 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“ Со мн. рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *Святловскаго.* Съ 153 рис. Ц. 4 руб.

Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. *А. Мосso.* Перев. *М. Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ *А. Лаше.* Перев. съ нѣмецкаго. Ц 1 р. 25 к.

Который часъ? *И. Вавилова.* Популярн. руковод. для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Физіологическая психологія. *Цигена.* Переводъ подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 коп.

Трудъ и капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политической экономіи. Переводъ съ польскаго. *Свидерскаго.* Ц. 20 к.

Разказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Перев. съ французскаго *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ *Д-ра Эмилера.* Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. *Д-ра Перье.* Цѣна 50 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Переводъ съ французскаго. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Огородничество. Практич настав. для народ. учителей. *Ф. Шубеле а.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Міръ грёзъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Физіологія души. *А. Герцена,* професс. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домаш. занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ пап.—1 р. 75 к. Въ пер. 2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итал. изданія *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. *Д-ра Реньяра.* Перев. съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣн. 6-е изд. значительно исправленное съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Перев. съ франц. *В. Черкасова.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Предтеченскаго.* Со мног. рис. Ц. 30 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Соч. *Майера* и *Присса.* Перев. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Со мног. рисунками Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Рене.* Перевелъ и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Сэломенса.* Съ англ. 81 рис. Ц. 1 р. 25 к

О безопасности электрич. освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона.* Съ 230 р. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис., 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Пер. съ анг. *Головъ.* Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популяр. обзоръ его трудовъ, состав. *Гексли, Гейки, Дайерэмъ* и *Ромалесомъ* Съ портр. Дарвина. Ц. 75 к.

Соціальная жизнь животныхъ *спинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* 500 стр Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд Ц. 2 р. 50 к.

Психологія вниманія. *Д-ра Рибо.* Съ франц. Ц. 50 к.

Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. Ц. 1 р.

Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунками. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Составилъ *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73-мя рис. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Школьный садоводъ Объ устройствѣ питомниковъ и обученіе садоводству. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

капитанѣ Владим. Ив. Шишкинѣ и женѣ его, обвинявшихся въ растратѣ и присвоеніи чужаго имущества. Сущность этого дѣла заключалась въ слѣдующемъ: бывшая вдова купца Ландсберга, жена отставнаго инженеръ-штабсъ-капитана, Вѣра Ив. Шишкина и мужъ ея (по второму браку) Владим. Ив. Шишкинъ обвинялись въ томъ, что, утаивъ обманнымъ образомъ отъ описи, присвоили себѣ значительную часть движимаго имущества, оставшагося послѣ умершаго Давида Ландсберга (брильянты, жемчугъ, серебро и т. п.), а также денежные капиталы—всего на сумму около 178.000 руб. Дѣло это разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ въ теченіе четырехъ дней. В. Д. Спасовичъ въ блестящей рѣчи доказалъ полнѣйшую несостоятельность взводимаго на его кліентовъ обвиненія, и судъ объявилъ ихъ свободными.

Къ 1868 году относится рѣчь по дѣлу о графѣ Ираклiи Морковѣ, судившемся за убіеніе крестьянина Будилы. По стеченію нѣкоторыхъ уликъ, на графа Моркова было направлено обвиненіе въ томъ, что онъ похитилъ голову у трупа, а такъ какъ въ похищеніи головы могъ быть заинтересованъ только убійца, для сокрытія слѣдовъ преступленія, то и выведено было заключеніе, что убійца—графъ Морковъ, который и былъ заключенъ въ тюрьму и приговоренъ Подольскою уголовною палатою къ каторжнымъ работамъ на 12½ лѣтъ. По разногласію гг. сенаторовъ V департамента Правительствующаго Сената,—гдѣ это дѣло докладывалось, по апелляціи обвиняемаго, 7-го мая 1868 года,—оно восходило до Государственнаго Совѣта, и въ 1870 г. графъ Ир. Морковъ былъ оправданъ.

Къ 1869 году относятся двѣ рѣчи: 1) по дѣлу о скопцахъ Плотицыныхъ и др. и 2) по дѣлу о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судившемся по поводу изданія имъ перевода „Писемъ объ Англіи“ Луи-Блана. По первому изъ этихъ дѣлъ г-ну Спасовичу удалось достигнуть значительнаго смягченія наказанія обвиняемымъ, а по второму кліентъ его по всѣмъ пунктамъ обвиненія былъ оправданъ.

Къ 1870 году относится рѣчь по дѣлу объ убійствѣ фонъ-Зона. Въ блестящей рѣчи ораторъ доказалъ, что его кліентка, Александра Авдѣева, дѣйствовала не самостоятельно, а была вовлечена другимъ лицомъ, и судъ призналъ ее заслуживающею снисхожденія.

Къ 1871 году относятся двѣ рѣчи: 1) по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи (Нечаевское дѣло) и 2) по дѣлу дворянина Полякова, обвинявшагося въ нарушеніи законовъ о печати. Нечаевское дѣло всѣмъ извѣстно, сущность же дѣла Полякова заключается въ слѣдующемъ: дворянинъ Поляковъ издалъ книгу Гартполя Лекки, переведенную съ англійскаго А. Н. Пыпинымъ, подъ заглавіемъ: „Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ“. Цензурный комитетъ призналъ, что книга эта должна подлежать предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры, такъ какъ въ ней содержатся сужденія о религіозныхъ предметахъ, и возбудилъ противъ издателя уголовное преслѣдованіе (1024 ст. Улож. о наказ.). С.-Петербургскій окружный судъ, въ которомъ разбиралось это дѣло 13-го сентября 1871 г., призналъ подсудимаго Полякова неподлежащимъ наказанію по 1024 ст. Улож., а самую книгу постановилъ передать всю на разсмотрѣніе духовной цензуры. Судебная палата измѣнила приговоръ окружнаго суда и опредѣлила: „1) означенныя мѣста препроводить на разсмотрѣніе духовной цензуры, для просмотра, послѣ котораго и разрѣшить выпускъ книги, и 2) но такъ какъ эти мѣста могутъ представляться непонятными, безъ соображенія со всѣмъ содержаніемъ сочиненія Лекки, то сіе послѣднее, для сего соображенія, тоже препроводить въ духовную цензуру“.

Къ 1872 году относится рѣчь по дѣлу о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Е. И. Утинъ, обвинялся въ томъ, что, по вызову титулярнаго совѣтника А. Ѳ. Жохова, вышелъ съ нимъ на поединокъ, послѣдствіемъ котораго произошла смерть Жохова отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему Утинымъ. С.-Петербургскій окружный судъ постановилъ: заключить Утина въ крѣпость на 2 года, но, не приводя сего приговора въ исполненіе, въ виду особыхъ уваженій къ облегченію участи подсудимаго, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ министра юстиціи, о смягченіи наказанія заключеніемъ въ крѣпость на 5 мѣсяцевъ.

Къ 1873 году относятся двѣ рѣчи: 1) По дѣлу о надворномъ совѣтникѣ Шальмѣ, обвинявшемся въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ, и 2) По дѣлу о старшемъ фейерверкерѣ петербургской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ. Наконецъ, къ 1874 году относятся три рѣчи: 1) По дѣлу по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго маіора С. И. Терпигорева: тит. сов. Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщ. Ек. Куприяновой и колл. асс. Хилкову, объ уничтоженіи арендnаго договора отъ 16-го января 1870 г. 2) По дѣлу объ отставномъ штабсъ-капит. Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н., обвинявшихся въ убійствѣ колл. асс. П. Чихачева, и 3) По дѣлу Долгушина, Дмоховскаго и др., обвинявшихся въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія („Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“). Разбирательство этого дѣла происходило въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената съ 9 по 15-е іюля 1874 г. (См. „Правит. Вѣст.“ 1874 г. №№ 162 и сл.)

Вотъ краткое содержаніе дѣлъ, по которымъ произнесены В. Д. Спасовичемъ рѣчи, вошедшія въ составъ пятаго тома его сочиненій.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*22 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*3 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*32 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	по 9 руб.

Редакторъ-издатель: С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. МАЙ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Гл. XIII—XIV . . . 1—28

II. За полстолѣтія. 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго. Часть вторая (1854—1864). Гл. VI. . . . . 29—51

III. Царь Иванъ IV и папа Григорій XIII. Г. Воробьева . . . . . 52—75

IV. Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ. Сообщ. В. А. Бильбасовъ. . . 76—90

V. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга первая. Гл. IV—V. . . 91—114

VI. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. М. Л. Песковскаго. . . . . 115—143

VII. Записки Мухаммеда-Неджати-эфенди, турецкаго плѣннаго въ Россіи въ 1771—1775 гг. Професс. В. Д. Смирнова . . . 144—169

VIII. Изъ воспоминаній А. А. Харитонова.—Служба при князѣ Воронцовѣ. 1853-й и 1854-й гг. . . . . 170—201

IX. Обозрѣніе историческихъ журналовъ и статей. Н. Ѳ. Д—ина . . . . . 202—230

X. Матеріалы и замѣтки. I. Письма: Растопчина, Нелидова, Каховскаго и Ливенъ—къ Ивану Петровичу Ляпунову.—II. Пять рескриптовъ императора Павла I къ Ивану Петровичу Ляпунову.—III. Челобитная императору Петру I, поданная въ 1718 г. дѣвкою Аграфеною Тимоѳеевой дочерью Ляпуновой. Изъ бумагъ А. П. Ляпунова. Сообщ. Д. Гофштеттеръ.—IV. Письма графа К. Толя къ А. П. Хатову . . . . . 231—236

XI. Библіограф. лист. (на оберт.)

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Юрьевск. архим. Фотія. Грав. Л. Сѣряковъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по-полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1894.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1894 г.

П. А. Гейсманъ. Оборона Севастополя. По поводу сочиненія П. Алабина: Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854–56 и 1877—78 годахъ. Часть III. Защита Севастополя (1854—1856). Спб. 1893. Цѣна 30 к.

Въ предисловіи къ своей брошюрѣ-рецензіи, авторъ сѣтуетъ на то обстоятельство, что редакціи нѣкоторыхъ періодическихъ изданій предъявляютъ составителямъ рецензій разныя требованія, въ ряду которыхъ главное значеніе принадлежитъ краткости, причемъ нерѣдко указываются и размѣры рецензіи, а отъ этого и самыя рецензіи дѣлаются безсодержательными, шаблонными и не производящими на читателя никакого впечатлѣнія.

Рецензія П. А. Гейсмана написана по предложенію одной изъ редакцій, которая пожелала сократить ее до размѣровъ „одного столбца“, что и признано авторомъ неудобнымъ.

„Такимъ образомъ, говоритъ авторъ,— превращеніе этой рецензіи въ брошюру является протестомъ противъ давленія, производимаго редакціею на лицо, коему она же предлагаетъ дать отзывъ, въ ущербъ общему дѣлу, пользѣ всего читающаго русскаго военнаго общества“.

Не входя въ разсужденія по поводу затронутаго г-номъ Гейсманомъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ вопроса, имѣющаго не маловажное значеніе, скажемъ, что авторъ— дѣйствительно знатокъ своего дѣла, что и видно съ первыхъ же строкъ его рецензіи; отнесся къ принятой на себя обязанности вполнѣ добросовѣстно и написалъ обстоятельную рецензію, разобравъ сочиненіе г-на Алабина, какъ говорится, отъ альфы до омеги.

Нельзя не пожелать, чтобы въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ почаще появлялись рецензіи, подобныя брошюрѣ г-на Гейсмана.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VI. Судебныя рѣчи (1875—1882). С.-Петербургъ, 1894.

Шестой томъ сочиненій В. Д. Спасовича обнимаетъ собою рѣчи, произнесенныя имъ за періодъ времени съ конца 1875 года по 19-е октября 1882 года.

Къ 1875 году относится рѣчь Владиміра Даниловича по «Овсянниковскому» дѣлу. Сущность этого громкаго дѣла состоитъ въ слѣдующемъ:

Коммерціи совѣтникъ, С.-Петербургскій 1-й гильдіи купецъ, С. Т. Овсянниковъ, ржевскій 2-й гильдіи купецъ А. П. Левтѣевъ и ржевскій мѣщанинъ Д. А. Рудометовъ обвинялись въ томъ, что съ умысломъ, по предварительному соглашенію, изъ личныхъ видовъ Овсянникова, подожгли застрахованную въ 700.000 руб. паровую мельницу коммерціи совѣтника Кокорева, на которой жили люди и хранилось значительное количество казенной муки; при чемъ поджогъ былъ умышленъ Овсянниковымъ и Левтѣевымъ и, по приговору ихъ, приведенъ въ исполненіе Рудометовымъ. Дѣло это разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ съ 25-го ноября по 6-е декабря 1875 года. Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Овсянниковъ былъ признанъ виновнымъ въ поджогѣ и по приговору суда лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Страховыя общества «Варшавское» и «Якорь» признаны необязанными платить страховыя преміи за сгорѣвшую мельницу, а въ удовлетвореніе иска Кокорева признано взыскать 700.000 руб. Осужденію за поджогъ подверглись также Левтѣевъ и Рудометовъ.

Къ 1876 году относятся три рѣчи: 1, По дѣлу о банкирѣ Л. К, обвинявшемся въ истязаніи своей семилѣтней дочери. Дворянинъ Л. К. былъ преданъ суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, лѣтомъ 1875 года, сознательно и намѣренно подвергалъ свою малолѣтнюю дочь Марію истязаніямъ, заключавшимся въ многократномъ нанесеніи такихъ побоевъ, которые оставляли послѣ себя синяки, и не однократнымъ жестокимъ, мучительнымъ и продолжительнымъ наказаніямъ розгами. Въ прекрасной рѣчи г. Спасовичъ доказалъ несостоятельность взводимаго на его кліента обвиненія, и присяжные засѣдатели вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ. 2, По дѣлу поручика Всев. Крестовскаго. Поручикъ Всев. Вл. Крестовскій обвинялся въ томъ, что 4-го апрѣля 1875 года, явившись въ квартиру присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго, нанесъ ему, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, обиду дѣйствіемъ. С.-Петербургскій военно-окружный судъ, признавъ поручика Крестовскаго виновнымъ въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ присяжному повѣренному Соколовскому, происшедшей вслѣдствіе неприличнаго обращенія съ нимъ Соколовскаго въ его квартирѣ, постановилъ: подвергнуть Крестовскаго аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли; по обвиненію же его въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ считать по суду оправданнымъ. 3) По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.

Къ 1877 году относится рѣчь по дѣлу о 50 разныхъ лицахъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи по составле-

Дозволено цензурою. Спб. 6 августа 1894 г.

Тип. Высочайше утв. Товар. „Общ. Польза", в Почтамт. 39.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

МАЙ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XIII[1]).

Пріятели князя. — Графъ Петръ Шуваловъ. — Графъ Алексѣй Толстой, впослѣдствіи знаменитый литераторъ. — Графъ Толстой, какъ Геркулесъ. — Придворные товарищи. — Вѣроломство ихъ. — Вліяніе придворной жизни на убѣжденія и поведеніе князя. — Равнодушіе его къ дурнымъ сторонамъ человѣчества и величайшее недовѣріе къ хорошимъ его сторонамъ. — Отсюда величайшая подозрительность. — Наклонность князя къ лицемѣрію. — Черты, сюда относящіяся.

Всѣ дѣла и проказы своей молодости князь разсказывалъ мнѣ, какъ я и выше замѣтилъ, скоро послѣ моего возвращенія изъ Курскаго его имѣнія, въ Царскомъ Селѣ, когда онъ, больной корью, сидѣлъ въ закрытыхъ комнатахъ. Обычными посѣтителями его въ то время, сколько помню, были графъ Шуваловъ и графъ Толстой. Графъ Шуваловъ былъ потомъ с.-петербургскимъ губернскимъ предводителемъ и во время переворотовъ по крестьянскому дѣлу составилъ себѣ доброе имя современнаго человѣка. Шуваловъ имѣлъ типичное, смуглое и весьма серьезное лицо и былъ чрезвычайно молчаливъ. Они постоянно сражались съ княземъ въ шахматы. Шуваловъ едва-ли не считалъ себя сильнымъ френологомъ, судя по тому, что разъ, пристально смотря на меня, онъ сказалъ: «я увѣренъ, что вы отличный математикъ». Замѣтивъ мое изумленіе, онъ сталъ подробно объяснять строеніе моей головы и развитіе тѣхъ частей, гдѣ должна сидѣть математика. Скудный вообще образованіемъ, я уклончиво отвѣчалъ, что не замѣчалъ въ себѣ ни особенной силы въ чемъ бы то ни было, ни особой наклонности къ чему

[1]) См. „Русскую Старину“ 1891 г., апрѣль.

бы то ни было. Въ силу ли этого утвержденія графа Шувалова или такъ, чтобы только попробовать меня со стороны умственныхъ силъ, князь принимался, когда у него никого не было, учить меня играть въ шахматы. Хотя онъ и находилъ способность моего пониманія весьма удовлетворительною, но какъ это обученіе было наискучнѣйшимъ дѣломъ для него и для меня—то оно и было скоро брошено, и шахматныя мои занятія остались на той же самой степени, на которой и были, т. е. на степени нуля.

Графъ Алексѣй Толстой былъ въ то время красивый молодой человѣкъ, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и съ румянцемъ во всю щеку. Онъ, еще болѣе, чѣмъ князь Барятинскій, походилъ на красную дѣвицу; до такой степени нѣжность и деликатность проникала всю его фигуру. Можно представить мое изумленіе, когда князь однажды сказалъ мнѣ: «Вы знаете—это величайшій силачъ!» При этомъ извѣстіи я не могъ не улыбнуться самымъ недовѣрчивымъ, чтобы не сказать презрительнымъ, образомъ. Самъ, принадлежа къ породѣ сильныхъ людей, видавшій на своемъ вѣку много дѣйствительныхъ силачей, я тотчасъ подумалъ, что графъ Толстой, этотъ румяный и нѣжный юноша—силачъ аристократическій и дивитъ свой кружокъ какими-нибудь гимнастическими штуками. Замѣтивъ мое недовѣріе, князь сталъ разсказывать многіе дѣйствительные опыты силы Толстаго: какъ онъ свертывалъ въ трубку серебряныя ложки, вгонялъ пальцемъ въ стѣну гвозди, разгибалъ подковы. Я не зналъ, что и подумать. Впослѣдствіи отзывы многихъ другихъ лицъ положительно подтвердили, что эта нѣжная оболочка скрываетъ дѣйствительнаго Геркулеса. Въ то же время князь говорилъ мнѣ, что Толстой домашній человѣкъ у наслѣдника и входитъ къ нему безъ доклада. Извѣстно, что впослѣдствіи Толстой сдѣлался замѣчательнымъ литераторомъ и сталъ наводнять отечественную литературу многоразличными своими произведеніями въ стихахъ и прозѣ. Имѣя въ сильныхъ Перовскихъ родныхъ своихъ дядей, онъ не заблагоразсудилъ идти по слѣдамъ ихъ путемъ государственныхъ трудовъ, а, сохраняя одно изъ придворныхъ званій, кажется, егермейстера, предавался мирнымъ занятіямъ.

Эти двѣ личности, прежде всего, сдѣлались мнѣ извѣстными изъ обширнаго аристократическаго и придворнаго круга князя

Барятинскаго, и они тогда казались мнѣ задушевными его друзьями. Но всемогущее время волнами разнородныхъ обстоятельствъ сглаживаетъ однѣ связи и привязанности и въ замѣнъ ихъ создаетъ другія. Спустя много и много лѣтъ, когда больной фельдмаршалъ потребовалъ меня къ себѣ въ Дрезденъ, я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ одно время съ графомъ Шуваловымъ, отправлявшимся куда-то за границу, кажется, къ больной своей женѣ. Мы встрѣтились, какъ старые, хотя и мало, знакомые. Когда графъ узналъ, что я ѣду къ князю—онъ просилъ кланяться ему, что̀ я и исполнилъ по пріѣздѣ въ Дрезденъ. Казалось бы—что̀ особеннаго могла въ себѣ заключать эта вѣжливость со стороны Шувалова, на мои глаза совершенно простая и обычная; но князь смотрѣлъ на это иначе и спрашивалъ подробно, какой это именно Шуваловъ и дѣйствительно ли онъ далъ мнѣ подобное порученіе. Очевидно было, что какія-то обстоятельства раздѣлили ихъ, что отъ прежней молодой пріязни не осталось и запаха, и что простое привѣтствіе одного другому казалось уже чѣмъ-то исключительнымъ. Такъ точно и въ отношеніи графа Толстаго. Во время пріѣздовъ князя въ Петербургъ—онъ бывалъ у него; но видно было, что прежней дружбы далеко нѣтъ. Я очень помню, что въ послѣднее пребываніе князя въ Царскомъ Селѣ, въ 1862 г., когда онъ бывалъ ежедневно въ такъ называемыхъ вечернихъ собраніяхъ у императрицы — князь весьма недружелюбно говорилъ мнѣ о томъ вниманіи, которымъ пользуется, по мнѣнію князя совсѣмъ незаслуженно, графъ Толстой при дворѣ и особенно у императрицы. Въ то время графъ Толстой издалъ своего «Князя Серебрянаго», и князь Александръ Ивановичъ говорилъ, что этотъ пустой романъ чрезвычайно возвысилъ фонды Толстаго при дворѣ.

Впрочемъ, такая измѣнчивость отношеній между придворными людьми не удивляла меня впослѣдствіи, когда я самъ лично насмотрѣлся на нихъ и особенно наслушался отъ князя разсказовъ о разныхъ случаяхъ. Привожу здѣсь одинъ изъ этихъ разсказовъ. У князя былъ вечеръ, на которомъ былъ наслѣдникъ и вся семья, его окружавшая. Вечеръ былъ чрезвычайно веселъ и оживленъ. Вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ изъ дворца фельдъегерь къ Его Высочеству. Фельдъегерь объявилъ, что супруга наслѣдника изво-

лила разрѣшиться отъ бремени. Наслѣдникъ, тотчасъ сказавъ Барятинскому: «спасибо», уѣхалъ. Вся компанія осталась и немедленно занялась изслѣдованіемъ вопроса: слѣдуетъ ли и имъ теперь же, т. е. среди глубокой ночи, ѣхать во дворецъ, чтобъ принести поздравленіе, или отложить это до завтрашняго утра. Принято было такое мнѣніе, что ѣхать теперь же, ночью, неловко и неприлично, и что необходимо отложить поздравленіе до завтра. Всѣ единодушно признали такое мнѣніе самымъ благоразумнымъ и основательнымъ и скоро разъѣхались. Съ княземъ остался еще нѣсколько минутъ только одинъ графъ Карлъ Ламбертъ, тотъ самый, который былъ потомъ такимъ неудачнымъ варшавскимъ намѣстникомъ и о которомъ я вѣроятно буду имѣть случай говорить. Графъ Ламбертъ началъ развивать ту мысль, что если для всѣхъ другихъ неприлично ѣхать теперь же во дворецъ съ своими поздравленіями на томъ только основаніи, что они чисто случайно узнали о разрѣшеніи императрицы, то для князя Александра Ивановича, какъ хозяина, у котораго наслѣдникъ проводилъ вечеръ и въ домѣ котораго сдѣлалось, прежде всего, извѣстнымъ это радостное событіе — принести тотчасъ поздравленіе составляетъ ясную и неотложую обязанность. Князь, вѣроятно, не имѣлъ особенныхъ побужденій противорѣчить этому мнѣнію и потому, вмѣстѣ съ Ламбертомъ, на быстрѣйшемъ изъ своихъ рысаковъ, мгновенно прилетѣлъ во дворецъ. Но, увы!—это было уже поздно. При самомъ входѣ князь и графъ Ламбертъ увидѣли, прежде всего, что всѣ до одного изъ ихъ собесѣдниковъ, единогласно рѣшившихъ отложить поздравленіе до завтра — уже тамъ и успѣли поздравить государя, когда онъ проходилъ на половину наслѣдника или обратно. Вѣроятно подобная встрѣча, обоюдно неожиданная, не была особенно пріятна для обѣихъ сторонъ; но, по словамъ князя, всѣ сошлись опять по-пріятельски, и каждый объяснялъ свои побужденія и размышленія, вслѣдствіе которыхъ, не ожидая завтра, призналъ за благо пріѣхать во дворецъ теперь же.

Много и другихъ подобныхъ разсказовъ я слышалъ отъ князя; но въ тонѣ этихъ разсказовъ я никогда не замѣчалъ ни тѣни гнѣва или презрѣнія къ продѣлкамъ подобнаго рода, въ которыхъ придворное человѣчество представлялось не очень съ свѣтлой сто-

роны, напротивъ, въ этихъ разсказахъ онъ, какъ бы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, старался выставить умъ и ловкость дѣятелей.

Отсюда, изъ этого придворнаго міра, я убѣжденъ, князь вынесъ прежде всего страшную опытность въ придворныхъ интригахъ. Впослѣдствіи, когда на Кавказѣ онъ самъ былъ полновластнымъ, онъ съ непостижимою проницательностью угадывалъ взаимныя отношенія своихъ придворныхъ и козни, подводимыя одинъ противъ другаго. Онъ самъ часто разсказывалъ, что мы чувствуемъ, что думаемъ и что говоримъ въ комнатахъ, прилегающихъ къ его кабинету, и поражалъ насъ вѣрностью предугадыванія. Тамъ же пріобрѣлъ онъ поразительное равнодушіе къ человѣческимъ слабостямъ всякаго рода; можно положительно сказать, что никакая рѣшительно подлость не могла его удивить или огорчить. На взяточничество, напр., которое на Кавказѣ, въ его время, было въ большомъ ходу—онъ смотрѣлъ сквозь пальцы. Однажды, когда онъ работалъ со мною надъ составленіемъ особаго строительнаго и дорожнаго устава, въ который князь желалъ внести нѣкоторыя французскія и англійскія начала, и особенно систему конкурсовъ, съ цѣлію облагородить нѣсколько различные незаконные поборы и доходы нашихъ архитекторовъ и инженеровъ—я имѣлъ случай высказать князю, что страна удивляется его равнодушію къ подобныхъ нечистымъ источникамъ, изъ которыхъ такъ привыкли черпать туземныя власти, не исключая губернаторовъ и главныхъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ. Нетерпѣливо повернувшись въ своемъ креслѣ, князь отрывисто отвѣтилъ: «если мы будемъ искать только честныхъ людей, то получимъ однихъ дураковъ». И дѣйствительно князь ставилъ таланты и способности впереди всего. Знаменитый графъ Евдокимовъ имѣлъ самую незавидную репутацію; но едва-ли онъ не былъ главнымъ виновникомъ покоренія Кавказа, по крайней мѣрѣ всѣ безъ исключенія признавали его богомъ кавказской войны. Такую же репутацію имѣлъ тифлисскій губернаторъ Орловскій; но никто изъ тѣхъ, кто знакомъ съ кавказскимъ міромъ, не станетъ отрицать, что это былъ удивительный по распорядительности и дѣятельности губернаторъ. Наконецъ та же придворная школа вложила въ князя самое упорное недовѣріе къ людямъ. Въ словахъ, которыя предъ нимъ произносились, онъ

всегда искалъ другаго скрытаго смысла. Никакія доказательства искренности не могли поколебать его въ этомъ отношеніи. Онъ былъ убѣжденъ, что все дѣлается и говорится съ разсчетомъ эгоизма. Отъ этого онъ былъ страшенъ для своихъ приближенныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе подходили подъ его воззрѣніе или по свойствамъ своей натуры, или вслѣдствіе науки, пріобрѣтенной въ школѣ придворныхъ интригъ; но было же много и такихъ, въ которыхъ не было ни свойствъ, ни знаній этого рода. Для этихъ-то личностей особенно было тяжело имѣть дѣло съ такимъ подозрительнымъ умомъ князя. Каждый могъ ручаться за тотъ смыслъ, который онъ желалъ выразить своими словами; но никто, конечно, не могъ предугадать того смысла, какой заблагоразсудится князю найти въ нихъ. Отсюда-то и произошло замѣчательное изреченіе одного изъ моихъ кавказскихъ товарищей, князя Григорія Багратіона-Мухранскаго, умѣвшаго соединить въ себѣ туземную тонкость съ европейскимъ образованіемъ, что «говоря съ княземъ, надобно каждое слово одѣвать въ десять пальто».

Чтобы рельефнѣе обрисовать эту сторону князя, приведу, во-первыхъ, собственный его разсказъ, сюда относящійся, а во-вторыхъ, случай подобнаго содержанія изъ его управленія Кавказомъ. Князь разсказывалъ, что однажды, на маневрахъ, при покойномъ еще государѣ [1]), Шварцъ, бывшій впослѣдствіи извѣстнымъ артиллерійскимъ генераломъ, а тогда еще—молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, командовалъ батареею, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Случилось такъ, что онъ, расположившись на извѣстномъ мѣстѣ, долженъ былъ вообразить предъ собою непріятеля и открыть огонь. Въ этотъ моментъ подъѣзжаетъ государь. Шварцъ, съ изступленнымъ видомъ, не обращая вниманія на присутствіе государя, начинаетъ кричать неистовымъ голосомъ: «катай ихъ, канальевъ, картечью» и метаться изъ стороны въ сторону, хотя, по замѣчанію князя, предъ глазами Шварца были только однѣ фіалки, а никакого непріятеля и не было... По убѣжденію князя, все это была одна штука, разыгранная съ тою цѣлію, чтобъ показать государю всю силу военнаго порыва и увлеченія.

---

[1]) При императорѣ Николаѣ I.

Быть можетъ это было и такъ; но вотъ что было вовсе не такъ. При одномъ изъ моихъ докладовъ, во время нашего пребыванія на Кавказѣ, князь сталъ говорить мнѣ значительнымъ тономъ, что вчера, когда у него былъ, между прочимъ, и Капгеръ, тотъ несчастный и безхитростный Капгеръ, который, какъ я выше говорилъ, имѣлъ неосторожность закуривать папиросу въ одно время съ княземъ и садиться съ нимъ на одинъ диванъ,—зашла рѣчь о какомъ-то извѣстномъ на Кавказѣ военномъ лицѣ, кажется, о князѣ Аргутинскомъ-Долгорукомъ. Капгеръ, между прочимъ, говорилъ: «онъ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что умѣлъ хорошо поставить себя въ отношеніи къ начальникамъ». «А! думаю себѣ»,—продолжалъ князь,—«вѣрно и ты думаешь себя поставить также. Ну, становись, а я тебя подшибу...» Нѣтъ сомнѣнія, что Капгеръ не имѣлъ рѣшительно никакой цѣли, высказывая свое мнѣніе. Еще менѣе могъ онъ ожидать, чтобы изъ его словъ, которыя, конечно, онъ тотчасъ и забылъ, князь сдѣлалъ такой выводъ, а между тѣмъ это увеличило сумму основаній, на которыхъ князь рѣшился сплавить Капгера съ Кавказа. Извѣстна, впрочемъ, наклонность человѣчества судить о другихъ по себѣ. Къ князю Александру Ивановичу это прилагалось въ обширномъ смыслѣ. Съ его гибкимъ и утонченнымъ, чтобъ не сказать, хитрымъ умомъ, онъ не могъ не предполагать тонкости и хитрости въ другихъ. Если онъ самъ позволялъ себѣ иногда употреблять замысловатыя штуки—то не могъ не предполагать, чтобъ и другіе не употребляли такихъ же штукъ. Способность къ этимъ штукамъ я замѣтилъ въ немъ съ самаго начала моихъ сношеній съ нимъ. Такъ напр. онъ любилъ при другихъ вдругъ заговаривать со мной, серьезнымъ тономъ, о дѣлахъ и спрашивать: когда я ему представлю докладъ по тому, или другому дѣлу; когда я бывалъ у него въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ, онъ избѣгалъ дѣловыхъ разговоровъ; но какъ только мы помѣстимся въ вагонѣ или на пароходѣ, гдѣ былъ почти всегда кто-нибудь изъ его знакомыхъ—онъ приглашалъ меня начать мой докладъ, иногда прося извиненія у этихъ знакомыхъ, что онъ, по неимѣнію другаго свободнаго времени, долженъ при нихъ заняться нѣкоторыми неотложными дѣлами. Наконецъ въ дни своихъ дежурствъ у наслѣдника, онъ часто бралъ во дворецъ толстѣйшія изъ на-

шихъ конторскихъ дѣлъ, для подробнаго ихъ разсмотрѣнія, какъ онъ говорилъ, хотя въ этомъ разсмотрѣніи не оказывалось никакой надобности, и назначалъ мнѣ тамъ мои доклады. Само собою разумѣется, что эти пріемы съ открытіемъ предъ. княземъ, впослѣдствіи, обширнаго поприща, получили обширный размѣръ и, быть можетъ, въ положеніи государственнаго человѣка, назначеннаго управлять массами людей и дѣлъ — эта искусственность имѣла свои основанія, но мнѣ она никогда не нравилась, какъ и все то, что отзывалось лицемѣріемъ, значительная доля котораго была присуща князю и проявленіе котораго, во имя справедливости, я не могу не отмѣтить на этихъ страницахъ наряду съ великими свойствами и дарованіями этого замѣчательнаго человѣка...

ГЛАВА XIV.

Князья Х.—Князь Левъ.—Авторитетъ его между неопытными петербургскими землевладѣльцами. — Вліяніе его на наши дѣла. — Страшная разсчетливость. — Отсюда непріятные дѣла и случаи. — Параллель съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. — Непріятнѣйшій изъ всѣхъ случаевъ — выстрѣлъ Зальцмана или въ Зальцмана.—Отсюда большое уголовное дѣло.—Мое участіе въ немъ.—Князь Михаилъ и князь Барятинскій. — Гофмаршальство. — Отношенія князя къ сомнительнымъ личностямъ.—Боссаковскій, прежде другъ, а потомъ врагъ князя.—Злословіе Боссаковскаго, которому можно вѣрить и не вѣрить.—Князь Сергѣй.—Предпріятіе южной желѣзной дороги.—Забота о личныхъ интересахъ.

Обращаюсь къ фамильнымъ дѣламъ князя, началомъ которыхъ было, какъ я выше сказалъ, предположеніе купить для князя Анатолія Ивановича Дробовское имѣніе графа Завадовскаго. Когда, по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ, я изложилъ князю Александру Ивановичу мои соображенія, по которымъ признавалъ возможнымъ и полезнымъ купить не все имѣніе, а только половину, разумѣется, лучшую, князь не могъ не принять этого плана. Но когда мы предложили наше рѣшеніе продавцамъ — оно встрѣтило въ ихъ лагерѣ страшную, хотя весьма понятную, оппозицію. Лагерь этотъ былъ

обширенъ. Надобно сказать, что бракъ княжны Маріи Барятинской съ княземъ Михаиломъ породнилъ и сблизилъ эти два знатные дома: Барятинскихъ и Х—въ. Вслѣдствіе этого сближенія и мнѣ суждено было изучить довольно близко и подробно Х—въ, которые раздѣлялись на двѣ семьи: князей Х—въ и простыхъ Х—въ, не князей, которыхъ, въ свое время, зналъ весь Петербургъ.

Старшій изъ князей, князь Левъ, человѣкъ умный, въ молодости былъ адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Вслѣдствіе какого-то служебнаго столкновенія онъ скоро бросилъ службу и водворился въ своемъ Диканьскомъ имѣніи, Полтавской губерніи, гдѣ и провелъ около десяти лѣтъ. Сельская жизнь, въ свою очередь, надоѣла ему, и онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ, занявъ мѣсто члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, тотчасъ пріобрѣлъ между нашими аристократами славу непогрѣшимаго пророка въ дѣлахъ устройства владѣльческихъ имѣній, въ вопросахъ агрономіи, сельской промышленности и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе продолжительнаго своего пребыванія въ имѣніи, онъ пріобрѣлъ значительную опытность въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ; но къ этой опытности онъ примѣшивалъ значительную долю самомнѣнія и просто поражалъ нашихъ блестящихъ, но совершенно ничего не понимающихъ петербургскихъ землевладѣльцевъ. Понятно, что громаднаго его вліянія не могъ избѣгнуть и князь Александръ Ивановичъ. Взявшись лично за управленіе своимъ большимъ имѣніемъ — онъ видѣлъ въ князѣ Львѣ самаго надежнаго руководителя и наставника. Впослѣдствіи, неспособный переносить никакой зависимости и совершенно довольный моими дѣйствіями, князь избѣгалъ уже этого руководства; но такъ какъ онъ постоянно находился въ отсутствіи изъ С.-Петербурга или заграницей, или на Кавказѣ, то я самъ просилъ его дать мнѣ, изъ среды его аристократическихъ знакомыхъ, кого-нибудь, кто бы могъ подкрѣплять мои дѣйствія и распоряженія своимъ авторитетомъ и въ то же время былъ нашимъ представителемъ въ высшемъ кругу, гдѣ наши планы, относительно раздѣла съ братьями и сосредоточенія имѣнія въ однѣхъ рукахъ, производили значительные толки. Выборъ князя не могъ не остановиться на томъ же князѣ Львѣ, и это обстоятельство поставило меня въ самыя близкія съ нимъ сно-

шенія. Еслибы я писалъ только подъ вліяніемъ личныхъ моихъ отношеній—то мнѣ оставалось бы только благодарить князя Льва: до такой степени онъ былъ всегда неизмѣнно любезенъ и благосклоненъ ко мнѣ. Онъ высоко ставилъ мои способности и просто трубилъ о нихъ по городу. Правда, что онъ нецеремонно пользовался этими способностями, и можно безъ преувеличенія сказать, что для него и его братьевъ я работалъ едва-ли не болѣе, чѣмъ для князя Александра Ивановича. Не говоря о серьезныхъ фамильныхъ дѣлахъ, которыя всѣ безъ исключенія проходили чрезъ мои руки—всѣ служебныя работы взваливались на меня. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1850 года онъ писалъ мнѣ: «Позвольте мнѣ еще разъ, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, воспользоваться добрымъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ. Вотъ въ чемъ дѣло: болѣзнь моя болѣе и болѣе мною преодолѣваетъ, я рѣшился выйти въ отставку и окончательно составить духовное завѣщаніе. Я сообщилъ мои мысли графу Александру Григорьевичу Строганову и просилъ его предоставить вамъ какъ редакцію завѣщанія и письма государю, такъ и прошеніе объ увольненіи меня въ отставку. Потрудитесь съѣздить къ графу. Онъ вчера выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и будетъ васъ ожидать. Лучшій часъ, чтобъ застать графа дома, есть въ 9 часовъ утра. Примите впередъ, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, изъявленіе всей моей благодарности и увѣреніе въ искренней моей къ вамъ преданности».

Когда онъ былъ посланъ ревизовать судебныя мѣста и, возвратившись, привезъ съ собою кучу хлама, подъ названіемъ матеріаловъ, я создалъ изъ этого хлама блестящій отчетъ, который произвелъ значительный эффектъ въ министерствѣ. Потомъ, когда ему поручено было обревизовать герольдію, я же писалъ ему донесеніе, исполненное различныхъ высшихъ воззрѣній. Но всѣхъ работъ я не помню, да и перечислять ихъ не считаю нужнымъ. Вообще работы эти восхищали его. Однажды, князь Александръ Ивановичъ, возвратившись съ какого-то большаго обѣда отъ князя, гдѣ было много государственныхъ людей и, между прочимъ, министръ юстиціи, Панинъ, разсказывалъ мнѣ, что за этимъ обѣдомъ зашла рѣчь о замѣчательныхъ молодыхъ людяхъ, и что князь Х., выставляя

мои обширныя способности, заключилъ, что во всемъ Петербургѣ онъ признаетъ меня первымъ и лучшимъ редакторомъ.

Что касается до нашихъ хозяйственныхъ занятій, то въ этомъ отношеніи князь Левъ любилъ ссылаться на свое Диканьское имѣніе, говоря при всякомъ случаѣ: «у меня въ Диканькѣ это такъ устроено». Но впослѣдствіи, когда мы съ женой должны были отправиться изъ Курскаго имѣнія князя Барятинскаго въ Херсонское его имѣніе, я заѣхалъ въ Диканьку и провелъ тамъ нѣсколько дней съ желаніемъ просвѣтиться и поучиться. Но, къ сожалѣнію, учиться совершенно было нечему; крестьяне и по отзывамъ сосѣдей, и по собственнымъ моимъ наблюденіямъ, оказались значительно бѣдными и разстроенными, и я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ пахали землю на коровахъ; въ экономическомъ хозяйствѣ рѣшительно не было ничего замѣчательнаго. Когда со словъ князя я приглашалъ мѣстныхъ управителей объяснить мнѣ усовершенствованные способы, введенные въ какой-либо хозяйственной отрасли, управители значительно усмѣхались, и изъ отвѣтовъ ихъ оказывалось, что эти усовершенствованія находятся въ области фантазіи. Главнымъ принципомъ въ хозяйствѣ всѣхъ князей Х. было то, что они безпрерывно перемѣняли управляющихъ, въ томъ убѣжденіи, что каждый управляющій, движимый желаніемъ отличиться, только въ началѣ хорошъ, а потомъ непремѣнно станетъ обкрадывать владѣльца. Но эта система, сколько извѣстно, если имѣла успѣхъ, то самый кратковременный и только вначалѣ, а затѣмъ повела, какъ и должно было ожидать, къ взаимному обману. Х., съ своей стороны, приглашая новаго управителя, имѣли затаенную мысль уволить его чрезъ годъ. Люди, промышляющіе этими занятіями, зная правило это, шли къ нимъ съ такою же затаенною мыслію обработать ихъ въ теченіе года такъ, какъ-бы, при другихъ условіяхъ, не рѣшились сдѣлать и въ теченіе продолжительнаго срока. Разумѣется, въ этихъ взаимныхъ продѣлкахъ жертвами были крестьяне, которые нерѣдко волновались, а иногда рѣшались даже на преступленія противъ управителей, какъ это было на моей памяти въ Саратовскомъ имѣніи.

Всевозможные способы пріобрѣтенія и страшная разсчетливость стояли на первомъ планѣ у Х—ъ. Многіе находили, что эти свой-

ства были у нихъ наслѣдственны, потому что и покойникъ отецъ оставилъ громадныя имѣнія. Но у того любостяжаніе покрывалось, такъ сказать, государственными заслугами. Отъ этого происходило, что у нихъ всегда были деньги, и они не путались въ финансовомъ отношеніи подобно большей части нашихъ аристократовъ, всегда богатыхъ, но всегда нуждающихся. Люди, которымъ незнакома была закулисная сторона, относили это къ несказанному умѣнью хозяйничать и управлять своими дѣлами; люди, которые, какъ я, хорошо знали эту сторону, видѣли, что весь секретъ состоялъ въ страшной скупости, которую они и старались, конечно, прикрывать всевозможными приличіями.

Но я долженъ возвратиться собственно къ князю Льву. Въ началѣ моихъ сношеній съ нимъ онъ строилъ и отдѣлывалъ свой домъ на Сергіевской улицѣ. Нѣтъ нужды говорить, что при этомъ случаѣ были пущены въ ходъ всѣ экономическія способности князя. Архитекторомъ былъ знаменитый въ то время Боссе, а производителемъ работъ, или наблюдателемъ за ними, былъ управляющій дѣлами и имѣніями Киселевъ, личность весьма оригинальная, о которой я, вѣроятно, буду имѣть случай много разъ упоминать въ моихъ запискахъ; здѣсь скажу только, что Киселевъ былъ истиннымъ мученикомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что постройка этого дома испортила много крови у него. Для каждой отрасли строительныхъ работъ надобно было отыскивать особые способы и источники, которые представляли бы крайнюю дешевизну. Приведу одинъ примѣръ. Однажды, показывая мнѣ производимыя работы, князь перешелъ со мною въ сараи и конюшни. На столбахъ, раздѣляющихъ стойла лошадей, горѣли великолѣпные и огромные мѣдные шары. Указывая на нихъ, князь приглашалъ меня опредѣлить, хотя приблизительно, цѣну этихъ шаровъ. Не помню, что я сказалъ, но онъ тотчасъ замѣтилъ: «вотъ видите, всѣ платятъ по 10 р. за каждый, а я только по 3 р. потому, что отыскалъ бѣднаго, но хорошаго мастера. У меня и все такъ». И, дѣйствительно, князь умѣлъ отыскивать дешевые таланты. Достаточно указать на извѣстнаго въ свое время рѣзчика Исакова, который былъ простымъ охтенскимъ мастеровымъ, а потомъ, открытый и поддерживаемый княземъ, имѣлъ обширную мастерскую, на

вывѣскахъ величалъ себя: «Sculpteur en bois» и производилъ большія и замѣчательныя работы для Барятинскихъ и другихъ аристократическихъ домовъ. Цѣнъ обыкновенныхъ, особенно французскихъ, князь переносить не могъ. Не знаю, какими судьбами мебельная и обойная часть въ новомъ домѣ поручена была извѣстному французскому мастеру Пти. Когда всѣ работы по этой части были кончены, Пти, по обычаю, представилъ свой счетъ. Разсмотрѣвъ счетъ, князь объявилъ, что онъ заплатитъ только половину. Изумленный французъ пустился было въ споры и объясненія; но князь предоставилъ ему, если недоволенъ, дѣлать, что знаетъ. Подробныя дѣйствія Пти въ этой неравной борьбѣ неизвѣстны, но извѣстно, что роскошную мебель князя потомъ осматривали и повѣряли брадатые члены Ремесленной управы, для удостовѣренія, кто правъ, кто виноватъ...

Здѣсь кстати замѣтить, что Х., увѣренные въ своемъ значеніи, равнодушно смотрѣли на жалобы, на нихъ приносимыя. Въ этомъ отношеніи они были совершенно противуположны князю Александру Ивановичу, который берегъ и сберегъ свое имя чистымъ, какъ алмазъ. Характеристику его относительно его величія, его истиннаго барства, я всегда опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: если бы кто-нибудь изъ нахаловъ, знающихъ его натуру, приставалъ къ нему, безъ всякаго основанія, съ жалобою, что контора князя не платитъ ему 10 т. р., князь немедленно приказалъ бы заплатить эти деньги, безъ всякихъ справокъ и разбирательства. До такой степени онъ былъ строгъ, остороженъ и деликатенъ по этой части. Характеристику этого свойства я основалъ на многихъ фактахъ, которые, если не всѣ, то частію, найдутъ свое мѣсто въ этихъ запискахъ...

Однажды, въ апрѣлѣ 1853 года, когда всѣ мои обязательныя отношенія къ князю Александру Ивановичу, а тѣмъ болѣе къ князю Льву, были прекращены, я получилъ отъ него, съ надписью: «весьма нужное», слѣдующую записку: «сдѣлайте мнѣ одолженіе, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, заѣзжайте ко мнѣ въ половинѣ пятаго часа. Я имѣю крайнюю надобность объясниться съ вами». При этомъ объясненіи оказалось, что у князя, въ числѣ дворецкихъ, безпрерывно смѣнявшихся, былъ нѣкто Зальцманъ, австрій-

скій подданный. При увольненіи его и разсчетѣ съ нимъ, онъ требовалъ какой-то суммы отъ 200 до 300 р., которой, по словамъ князя, ему вовсе не слѣдовало. Съ тѣхъ поръ Зальцманъ постоянно жаловался на князя всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, начиная съ низшихъ и восходя до высшихъ. Само собою разумѣется, что жалобы эти не имѣли успѣха, такъ что Зальцманъ, выведенный изъ терпѣнія, подалъ просьбу на князя самому государю, гдѣ-то на улицѣ. Въ этой просьбѣ Зальцманъ излагалъ доказательства своей претензіи и жаловался, что онъ не можетъ нигдѣ найти справедливости.

Эту-то просьбу шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, прислалъ князю съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія, чтобы князь далъ по ней откровенное объясненіе, для доклада Его Величеству.

Откровенное или нѣтъ,—я не знаю, но мы дали блистательное объясненіе. Какъ бы то ни было, но наше объясненіе, повидимому, признали удовлетворительнымъ, и дѣло замолчало, но не надолго. Зальцманъ не оставлялъ своихъ преслѣдованій. Однажды, явившись къ князю, онъ былъ принятъ имъ въ своемъ кабинетѣ. Когда они остались вдвоемъ, раздался выстрѣлъ, и окровавленный Зальцманъ выбѣжалъ изъ кабинета. Бросившись въ близъ находящуюся часть, онъ кричалъ, что князь выстрѣлилъ въ него. Въ слѣдъ за нимъ бѣжали туда, по приказанію князя, люди его съ объявленіемъ, что Зальцманъ самъ въ себя выстрѣлилъ. Загорѣлось страшное дѣло. За Зальцмана вступилось австрійское посольство, и на его же сторону стала толпа враговъ князя, которыхъ онъ умѣлъ значительно расплодить. Существенный вопросъ состоялъ въ томъ: стрѣлялъ ли въ Зальцмана князь, или Зальцманъ самъ въ себя выстрѣлилъ? Вопросъ этотъ колебался то въ ту, то въ другую сторону. Замѣчательно, что знаменитый Пироговъ далъ мнѣніе въ пользу перваго предположенія, основываясь на осмотрѣ раны и утверждая, что Зальцманъ не могъ сдѣлать такой раны, если бы стрѣлялъ самъ въ себя. Но какъ ни знаменитъ авторитетъ Пирогова, можно положительно сказать, что въ этомъ случаѣ мнѣніе его было совершенно ошибочно. Ни князь Александръ Ивановичъ, ни я лично, ни минуту не колебались въ томъ, что князь не стрѣлялъ. Точно также никто не можетъ сомнѣваться въ этомъ, кто

только знаетъ холодный и равнодушный характеръ князя, не способный ни къ какимъ вспышкамъ

Защитникомъ, или адвокатомъ по этому дѣлу князь Х. назначилъ того же Богоявленскаго, о которомъ выше упомянуто. Это былъ типъ самаго гнуснѣйшаго крючкотворца. Самая наружность его поселяла къ нему отвращеніе, представляя все то, что такъ омерзительно для порядочныхъ людей въ старыхъ подъячихъ.

Богоявленскій пустилъ въ дѣло все свое художество и осыпалъ Зальцмана тучею самыхъ хитросплетенныхъ доносовъ. То доказывалъ онъ, что Зальцманъ безпаспортный бѣглецъ, то утверждалъ, что женщина, которую онъ выдаетъ за жену свою, не жена его, а любовница, и т. п. Но, увы! всѣ эти артистическіе подвиги не были оцѣнены достойно и не принесли блистательныхъ результатовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ и именно въ концѣ 1859 г., когда мы съ княземъ Барятинскимъ были въ Петербургѣ, состоялось по этому дѣлу рѣшеніе Сената, въ которомъ не было ни положительнаго обвиненія Х., ни положительнаго его оправданія; сказано что-то въ этомъ родѣ: «за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ — оставить его свободнымъ отъ суда». За нахожденіемъ князя Льва Х. за границей, остальные Х. упрашивали князя помочь перенесенію дѣла въ Общее Собраніе или въ Государственный Совѣтъ, хорошо уже не помню, а меня просили написать объ этомъ трогательную и краснорѣчивую просьбу государю. Просьба написана, представлена Барятинскимъ государю, и дѣло перенесено. Когда, однако, я сталъ хвастаться этимъ подвигомъ между своими петербургскими друзьями, всѣ они, и во главѣ ихъ незабвенный и благороднѣйшій князь Одоевскій, напали на меня сильнѣйшимъ образомъ.

Спустя года два, когда князь Александръ Ивановичъ уѣхалъ съ Кавказа за границу, а мнѣ велѣлъ дожидаться его въ Петербургѣ, я прочиталъ въ газетахъ страшную жалобу на притѣсненія, вызванныя экономіею Х. въ Диканьскомъ имѣніи чехамъ. При самомъ чтеніи этой статьи я тотчасъ подумалъ, что тутъ дѣло непремѣнно коснется меня. И дѣйствительно, на другой же день начались атаки, сначала въ видѣ вопросовъ: когда меня можно застать дома, или не могу ли я заѣхать въ свободную минуту къ князю? Я держался крѣпко, тѣмъ болѣе, что, съ одной

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

стороны, гласность, куда мы съ Х. должны были выступить, представлялась вещью, во всякомъ случаѣ, малопріятною для каждаго, кто дорожитъ своимъ именемъ, а съ другой первое впечатлѣніе, произведенное на меня этою статьею, не было въ пользу Х. Атака усиливалась и дошла до того, что самъ Х., гордый и самолюбивый, пріѣзжалъ лично ко мнѣ и оставлялъ свои карточки. Но, прикрываясь нездоровьемъ, я не принималъ его и успѣлъ уклониться отъ этого дѣла, такъ что оно кончилось безъ моего участія. Опроверженіе взведенныхъ на него, или на его управленіе, обвиненій появилось въ печати, принято общественнымъ мнѣніемъ благосклонно. Мнѣ было очень совѣстно потомъ встрѣтиться съ княземъ, но встрѣча эта совершилась самымъ благополучнымъ образомъ. Въ концѣ 1862 года, предъ отъѣздомъ князя Александра Ивановича Барятинскаго въ Вильно, гдѣ онъ сдалъ управленіе Кавказомъ великому князю Михаилу Николаевичу, мы жили въ Царскосельскомъ дворцѣ. Однажды мнѣ нужно было отправиться изъ Царскаго Села, съ вечернимъ поѣздомъ, въ Петербургъ; на станціи я встрѣтилъ князя Х. и не зналъ, что выйдетъ изъ этой встрѣчи. Но онъ, съ умомъ и тактомъ, сейчасъ разрушилъ мои недоумѣнія, немедленно подошелъ ко мнѣ и пригласилъ ѣхать въ одномъ вагонѣ съ нимъ, проговорилъ всю дорогу самымъ любезнымъ образомъ, какъ будто ничего и не было. Около того же времени кончилось и дѣло Зальцмана, которое страшно оскорбляло и замѣтно состарило князя. Онъ былъ, наконецъ, вполнѣ оправданъ, а повѣренный его, гнусный Богоявленскій, обвиненъ въ различныхъ пакостяхъ.

Здѣсь же, хотя не совсѣмъ кстати, можно упомянуть, что вторымъ изъ князей — былъ Василій. Въ началѣ моихъ сношеній съ Х. я часто бывалъ у него и живо помню эту, великолѣпную по наружности, личность. Это былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова. Надобно замѣтить, что и всѣ Х. были очень красивы и представительны; но Василій былъ лучше всѣхъ. Дѣлъ никакихъ я съ нимъ не имѣлъ и потому не зналъ его такъ хорошо и близко, какъ другихъ братьевъ. Но Киселевъ, который, завѣдуя всѣми дѣлами ихъ, одинаково могъ изучить всѣхъ братьевъ, утверждалъ, что князь Василій неизмѣримо превосходилъ ихъ благо-

родствомъ, истинно барскимъ. То же подтверждали и всѣ другіе отзывы, которые мнѣ приходилось слышать. По смерти князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, онъ женился на вдовѣ его, но это супружество продолжалось не долго. Князь Василій Х. скоро умеръ, и я былъ на его торжественнымъ похоронахъ, а вслѣдъ за тѣмъ писалъ для Х. какія-то бумаги на имя государя, которыми они отказывались отъ наслѣдства брата, сколько помню, въ пользу ребенка, оставшагося послѣ него...

Третій братъ Михаилъ Х. былъ въ молодости адъютантомъ шефа жандармовъ, кажется, графа Бенкендорфа; но женившись на княгинѣ Маріи Барятинской, вышелъ въ отставку. Это супружество продолжалось тоже не долго. Чрезъ годъ княгиня умерла.

Въ самомъ началѣ моихъ сношеній съ княземъ Александромъ Ивановичемъ мнѣ пришлось тотчасъ убѣдиться, съ одной стороны, въ величавомъ презрѣніи князя къ денежнымъ интересамъ, а съ другой, въ величайшемъ уваженіи къ этимъ интересамъ князя Михаила Х. Я не помню подробностей, но помню хорошо, что рѣчь шла о какихъ-то 15 т. р., относящихся къ наслѣдству послѣ княгини, которыя князь Х. считалъ слѣдующими ему. Я былъ противуположнаго мнѣнія и изложилъ его письменно, подкрѣпивъ самыми ясными соображеніями и доказательствами. Князь, повидимому, былъ согласенъ со мною. Этого мало. Однажды, когда у него былъ графъ Карлъ Ламбертъ, князь просилъ меня прочитать при немъ мое мнѣніе. Графъ Ламбертъ также нашелъ его безусловно правильнымъ, но конецъ концовъ былъ тотъ, что князь Александръ Ивановичъ приказалъ заплатить эти деньги князю Михаилу.

Съ княземъ Михаиломъ я былъ въ частыхъ сношеніяхъ. На видъ онъ былъ любезный и привѣтливый человѣкъ, но въ глубинѣ души онъ былъ по преимуществу эгоистъ и эгоистъ въ грубой формѣ. Смерть Маріи Ивановны не только не отдалила его отъ дома Барятинскихъ, но, казалось, еще увеличила его привязанность и преданность этому дому. Онъ хорошо видѣлъ силу и значеніе княгини Маріи Ѳедоровны, которая ѣхала къ императрицѣ, когда хотѣла, за-просто и которую сама императрица посѣщала весьма часто.

*

При существованіи Общества посѣщенія бѣдныхъ, когда оно было въ цвѣтущемъ состояніи и въ большой модѣ, заключая въ себѣ лучшихъ людей Петербурга, попалъ туда и князь Михаилъ. Впослѣдствіи, когда на деньги, пожертвованныя Обществу извѣстнымъ золотопромышленникомъ Кузнецовымъ, устроено было такъ называемое Кузнецовское женское училище, управленіе его ввѣрено было особому комитету изъ нашихъ членовъ, и въ этотъ комитетъ назначенъ былъ и князь Михаилъ Х., какъ человѣкъ богатый, который своими средствами могъ принести большую пользу этому заведенію. Вышло вовсе не такъ, какъ мы ожидали... Комитету предоставлено было самому избрать, подобно другимъ нашимъ заведеніямъ, попечительницу для Кузнецовскаго женскаго училища изъ великосвѣтскихъ дамъ Петербурга. Х. настоялъ, чтобы это званіе предложено было, знаменитой въ то время, графинѣ Тизенгаузенъ.

Мы, т. е. представители Общества и руководители его дѣлами, полагали, что и это избраніе будетъ полезно, установляя, такъ сказать, прямое отношеніе нашихъ чистыхъ и благородныхъ дѣйствій съ воззрѣніями государя, воззрѣніями, которыя, какъ намъ было извѣстно, не совсѣмъ были для насъ благосклонны. Но и это вышло не такъ. Х., подъ вліяніемъ своихъ придворныхъ интересовъ, мало былъ полезенъ. Онъ поставилъ графиню на такую высоту, съ которой она думала повелѣвать всѣмъ составомъ и всѣми дѣлами Общества. Но составъ Общества, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣлъ въ своихъ свойствахъ и тѣни гибкости. Въ распорядительномъ собраніи сидѣли: Хрущевъ, Краевскій, Карамзинъ и я, люди не столько по положенію, сколько по характеру, твердые и независимые. Въ принципахъ нашихъ было самое безпощадное преслѣдованіе всякихъ личныхъ интересовъ, которые, въ такомъ дѣлѣ, которое сближало людей знатныхъ съ людьми незначительными, людей богатыхъ съ людьми бѣдными, могли бы получить огромное развитіе. Представленія комитета, основанныя главнѣйше на капризахъ графини и на увѣреніяхъ князя Х., что все, что̀ ей придетъ въ голову, тотчасъ будетъ исполнено, большею частію отвергались. Само собою разумѣется, что князь Х. всю вину сваливалъ на вліятельныхъ людей распорядительнаго собранія Об-

щества и, какъ потомъ оказалось, на мою долю перепадала значительная часть. Обоюдное раздраженіе постоянно усиливалось. Энергичный и правдивый Хрущевъ безпощадно казнилъ Х. прямо въ глаза въ нашихъ засѣданіяхъ. Я и здѣсь имѣлъ случай оказывать много услугъ ему. Находясь въ двойственныхъ къ нему отношеніяхъ, какъ членъ распорядительнаго собранія, и членъ, наиболѣе вліятельный, а съ другой стороны, какъ знакомый его по Барятинскому, я давалъ ему много совѣтовъ и писалъ много бумагъ, которыя выводили его изъ большихъ затрудненій и спасли его отъ значительныхъ непріятностей.

Какъ бы то ни было, князь преуспѣвалъ въ придворномъ мірѣ. Въ одно прекрасное утро Петербургъ узналъ, что князь Х. назначенъ гофмаршаломъ. Назначеніе это было совершенно неожиданно не только для другихъ, но и для него самого, какъ самъ онъ потомъ разсказывалъ. Общее убѣжденіе было то, что этимъ назначеніемъ онъ обязанъ былъ графинѣ Тизенгаузенъ. Въ новомъ своемъ положеніи онъ скоро сталъ, какъ говорили, водить по дворцу подъ руку знаменитую М. И. Б—ву и присматриваться, какъ бы свалить графа Шувалова, оберъ-гофмаршала. Судьба скоро опять свела меня съ нимъ на дѣловомъ поприщѣ. Когда, по случаю кончины покойнаго государя [1]), онъ былъ назначенъ членомъ Печальной коммиссіи, а я сдѣланъ былъ начальникомъ всей ея канцеляріи, я имѣлъ и много времени, и много случаевъ быть близкимъ свидѣтелемъ происходившаго. Въ глазахъ верховнаго маршала, графа Гурьева, этого типа древнихъ нашихъ бояръ, онъ не имѣлъ рѣшительно никакого значенія и боялся его, какъ огня, чему, въ свое время, я приведу достодолжные примѣры. Но когда зашла рѣчь о наградахъ за труды по Печальной коммиссіи, онъ выступилъ впереди всѣхъ и проявилъ безпримѣрную безцеремонность. Не рѣшаясь обратиться прямо къ Гурьеву, онъ сталъ атаковать по этой части добраго и слабаго графа Адлерберга. Надобно замѣтить, что, еще при жизни покойнаго государя, князь былъ представленъ къ Станиславу 1-ой степени; но, вмѣсто звѣзды, государь далъ ему только Анну 2-ой степени. Князь Х. былъ пораженъ въ высшей степени, тѣмъ болѣе

[1]) Николая I.

что, въ увѣренности получить непремѣнно Станислава 1-ой степени, онъ имѣлъ неосторожность снять съ себя фотографическіе портреты со звѣздой, и насмѣшкамъ знакомыхъ не было конца. Послѣ трудовъ Печальной коммиссіи, въ которыхъ князь Х. не принималъ никакого участія, онъ запросилъ прямо Анну 1-ой степени. Онъ доказывалъ графу Адлербергу справедливость этого требованія тѣмъ, что самъ онъ, Адлербергъ, въ минувшемъ году представлялъ его къ Станиславу 1-ой степени, и что еслибы представленіе это было утверждено,—то теперь его нельзя было бы представить ни къ чему другому. какъ къ Аннѣ 1-ой степени. Онъ заключалъ тѣмъ, что если графъ Адлербергъ желаетъ быть послѣдовательнымъ, то долженъ дать ему именно эту награду. Эти претензіи и эти атаки тотчасъ сдѣлались извѣстными и привлекли много зрителей и наблюдателей. Графъ Адлербергъ, имѣя ежедневно, въ двѣнадцать часовъ, докладъ государю, долженъ былъ проходить отъ своего кабинета, мимо комнатъ Печальной коммиссіи, длинные корридоры, ведущіе на половину государя. Время этихъ переходовъ было обыкновенно временемъ атаки, и къ этому времени устраивалась фаланга наблюдателей. Всѣ видѣли, какъ Х. упорно припадалъ къ уху Адлерберга и неотступно сопровождалъ его, и какъ Адлербергъ нетерпѣливо начиналъ размахивать руками. На обратномъ пути графа Адлерберга происходило то же, и я часто, скрывшись въ толпѣ наблюдателей, удивлялся его долготерпѣнію. Часто, въ видѣ союзника, Х. присоединялъ къ себѣ Хитрово, добраго господина, который также состоялъ при коммиссіи, впослѣдствіи былъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Хитрово, сколько помню, также былъ награжденъ только Анной 2-ой степени. Неутомимые подвиги этихъ господъ кончились тѣмъ, что имъ обоимъ дали Станислава 1-ой степени, и я помню, какъ они, въ свѣжихъ лентахъ, расхаживали по дворцу, совершая обычныя представленія.

По оставленіи имъ службы при дворѣ, онъ удалился за-границу, изрѣдка только, и то всегда таинственно, показываясь въ Петербургѣ...

Я выше замѣтилъ, что около Х. вертѣлось много сомнительныхъ личностей. Если при князѣ Львѣ Х. состоялъ Богоявленскій, гнуснѣйшая выжига подъяческаго закала, то такъ точно при князѣ

Михаилѣ былъ самымъ ближайшимъ человѣкомъ нѣкто Боссаковскій. Этотъ Боссаковскій, ничтожный и голодный полякъ, какими-то судьбами успѣлъ втереться въ члены Общества посѣщенія бѣдныхъ. Само собою разумѣется, что не желаніе благотворить меньшимъ братьямъ привело его сюда, потому что онъ самъ къ нимъ принадлежалъ, а гнусный личный разсчетъ какъ-нибудь пристроиться къ значительнымъ и богатымъ членамъ Общества и понагрѣться около ихъ. Разсчеты эти тотчасъ были поняты и навлекли на него общее презрѣніе. Большинство требовало его немедленнаго удаленія, но лица, поставленныя во главѣ Общества, и особенно добрый князь Одоевскій, находили, что это удаленіе скомпрометтировало бы само Общество, столь неосторожно допустившее принятіе этого господина, и полагали ограничиться установленіемъ надъ нимъ строжайшаго контроля. Низкій, искательный, подло-почтительный, Боссаковскій ползалъ предъ всѣми и, кажется, готовъ былъ сдѣлаться лакеемъ каждаго. Князь Х. тотчасъ воспользовался этою готовностью и, дѣйствительно, сдѣлалъ изъ него нѣчто въ родѣ своего лакея. Первоначально Боссаковскій показалъ себя въ управленіи однимъ изъ благотворительныхъ нашихъ заведеній, подъ названіемъ 2-я рукодѣльня, въ которой Х. былъ попечителемъ, а Боссаковскій распорядителемъ. Какъ она управлялась, можно видѣть изъ слѣдующаго письма, полученнаго мною 11-го іюня 1849 года, отъ извѣстнаго Михаила Лонгинова: «я хотѣлъ лично имѣть честь быть у Васъ сегодня, но такъ какъ все утро долженъ провести въ конторѣ Общества, то и долженъ, къ сожалѣнію, только послать Вамъ, а не самъ завезти прилагаемый при семъ курьезный отчетъ по 2-ой рукодѣльнѣ, издѣлія Боссаковскаго. Изъ него Вы увидите...» Тутъ слѣдуютъ подозрительные факты. «Мы вчера прочли этотъ отчетъ вмѣстѣ съ Д. П. Хрущевымъ и рѣшили передать его на Ваше разсмотрѣніе, съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать на него письменныя замѣчанія, будучи увѣрены, что изъ насъ троихъ Вы, по знанію дѣла и по опытности Вашей, лучше всего откроете все шарлатанство выводовъ г-на Боссаковскаго, скрывающагося за именемъ князя Х., подписавшаго только сей отчетъ».

Какъ бы то ни было, но кто приходилъ къ Х., тотъ не могъ не

видѣть Боссаковскаго. Это былъ наперсникъ, дворецкій, повѣренный и все, что хотите, у князя. Наградою за такую разнородную дѣятельность было не денежное жалованье, а казенное мѣсто смотрителя Калинкинской больницы, надъ которой князь былъ попечителемъ. Но эта связь скоро разорвалась. Какъ и почему произошелъ этотъ разрывъ—я не знаю; но знаю, что Боссаковскій, прежде казавшійся столь преданнымъ князю, потомъ осыпалъ его страшными клеветами; разсказы его казались даже мнѣ невѣроятными.

Въ апрѣлѣ 1853 года покойный Панаевъ писалъ мнѣ: «одинъ мой знакомый, знающій г-на Боссаковскаго, просилъ меня, чтобы я адресовался къ Вамъ съ просьбою: не можете ли Вы принять къ себѣ надняхъ его, г-на Боссаковскаго, и въ случаѣ положительнаго отвѣта, т. е. Вашего согласія принять къ себѣ этого м и л а г о смертнаго, назначить день и часъ, для Васъ удобный. Боссаковскій, какъ мнѣ извѣстно, играетъ роль кающагося грѣшника въ отношеніи къ намъ, ругаетъ Х. и проч., и желаетъ переговорить съ Вами касательно требуемаго съ него отчета, признавая себя совершенно виноватымъ предъ Обществомъ. Просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы Вы черкнули мнѣ два слова: «я дескать не могу и не хочу принять къ себѣ этого каналью» или «подавайте мнѣ его!» Отвѣтъ положительный или отрицательный—мнѣ все равно: лишь бы я могъ показать его ходатаю за г-на Боссаковскаго».

Мнѣ приходилось имѣть дѣло и съ княземъ Сергѣемъ.

Но довольно о лицахъ; скажу нѣсколько словъ, не относя ихъ ни къ кому въ особенности.

О! Еслибы мысль писать записки пришла мнѣ тогда, когда впервые судьба поставила меня зрителемъ большихъ дѣлъ и большихъ личностей, мнѣ было бы нетрудно запастись несравненно лучшими, по качеству и по количеству, матеріалами, изъ которыхъ можно было бы создать огромную и интересную для потомства картинную галлерею, въ которой каждый занялъ бы то мѣсто, какое заслужилъ своими дѣлами. Въ этой безпристрастной галлереѣ первыя мѣста, менѣе всего, были бы назначены для тѣхъ, кто только по наслѣдственному богатству или родовому значенію считалъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто въ жизни. Въ этой

галлереѣ изображенія многихъ, во имя справедливости, были бы выведены изъ парадныхъ залъ и поставлены въ передней или на лѣстницѣ, а такое низведеніе недостойныхъ было бы, быть можетъ, поучительно для живущей и дѣйствующей ихъ братіи и удержало бы многихъ отъ нечистыхъ дѣйствій, которыя они привыкли считать закрытыми, какъ непроницаемой завѣсой, своими громкими титулами. Я не знаю, какая участь ожидаетъ мои записки; но мнѣ кажется, что обнародованіе ихъ современемъ было бы полезно для общества въ моральномъ отношеніи. Эти записки, въ основаніи которыхъ лежитъ чистая, святая истина, показали бы многимъ и очень многимъ людямъ, что въ то время, когда они, отуманенные своимъ могуществомъ и своимъ значеніемъ, считаютъ себя въ правѣ позволять себѣ все, есть люди, менѣе значительные, но одаренные другими правилами и понятіями, которые слѣдятъ за ними и рано или поздно выведутъ ихъ на свѣжую воду предъ судомъ потомства. Даже со стороны эгоизма, который, большею частью, руководитъ всѣми дѣйствіями этихъ господъ, они будутъ вынуждены почаще оглядываться на себя и воздерживаться хоть нѣсколько отъ проявленій произвола, корысти, деспотизма и т. п. Никто, конечно, не захочетъ оставить по себѣ скверную репутацію; никто не пожелаетъ, чтобы сынъ его или внукъ, въ одно прекрасное утро, увидѣлъ обнародованіе похвальныхъ дѣлъ своего отца, дѣда или прадѣда. При настоящей бѣдности нашей литературы всякими мемуарами, при недостаткѣ людей, которые, находясь въ соотношеніи съ большими людьми и большими дѣлами, рѣшились бы принимать трудъ изображать ихъ, и главное, умѣли бы справиться съ этимъ трудомъ, многіе имѣютъ полное право не смотрѣть въ будущее и мало тревожиться тѣмъ, что говорятъ о нихъ, какъ одинъ выразился: «разные скоты». Еслибы какой-нибудь внучекъ этого господина современемъ увидѣлъ, какому публичному позору преданъ этотъ хлыщъ, то, конечно, онъ не пожелалъ бы подражать ему и на всякій случай все-таки сдѣлался бы немного получше. Но подобныя воззрѣнія не мое дѣло. Мое дѣло — правдивая повѣсть того, что видѣлъ, и потому продолжаю разсказъ.

Нигдѣ такъ не проявилось, по крайней мѣрѣ, передъ моими

глазами, искусство князя Сергѣя, какъ въ дѣлѣ устройства южной желѣзной дороги, въ которомъ и я имѣлъ несчастіе участвовать. Сущность и подробность этого дѣла я изложу впослѣдствіи; здѣсь, собственно, представляя характеристику Х., я приведу только тѣ части, которыя сюда относятся. Когда въ правительствѣ и обществѣ сталъ разработываться вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, Х. ухватился за идею устройства названной имъ южной желѣзной дороги отъ Харькова до Ѳеодосіи. Составивъ комитетъ учредителей изъ почтенныхъ и малодаровитыхъ стариковъ, Х. неограниченно господствовалъ въ немъ и душилъ этихъ членовъ, при малѣйшемъ замѣчаніи съ ихъ стороны, фактами и наблюденіями кругосвѣтнаго своего путешествія съ неслыханною самоувѣренностью, хотя эти наблюденія проистекали не столько изъ дѣйствительности, сколько изъ его изворотливой головы. Я съ глубокимъ сожалѣніемъ видѣлъ, что многіе достопочтенные люди дѣлались жертвами. Такъ, напр., два профессора Харьковскаго университета, кажется, Рославльскій и Петровскій, приглашены были къ изслѣдованію, во всѣхъ отношеніяхъ, линіи, по которой должна была проходить дорога, и къ доставленію самыхъ подробныхъ статистическихъ данныхъ. Эти добрые ученые энергически взялись за дѣло, хотя ни о какомъ вознагражденіи ихъ трудовъ не было и рѣчи. Даже тогда, когда они, признавая необходимымъ, для собранія необходимыхъ свѣдѣній, сдѣлать поѣздку по линіи, ссылались на недостаточность своихъ средствъ, Х. не далъ имъ никакого пособія и послалъ имъ бумагу съ увѣреніями, что Общество, когда учредится, сочтетъ своимъ первымъ долгомъ вознаградить ихъ труды и издержки. Разумѣется, и труды, и издержки этихъ благородныхъ и довѣрчивыхъ ученыхъ пропали.

Обѣщанія и намеки, льстившіе личнымъ интересамъ каждаго—составляли въ рукахъ учредителя сильное средство и бо́льшею частью замѣняли чистыя деньги. Князь Сергѣй особенно постигалъ эту сторону слабостей человѣческихъ и пользовался ею, какъ художникъ. Много разъ я видѣлъ, какъ при какомъ-нибудь вопросѣ онъ припоминалъ какого-нибудь статскаго совѣтника, который можетъ быть полезенъ при развитіи этого вопроса, и приказывалъ своему камердинеру припоминать фамилію этого господина и при-

гласить его въ такое-то время. Эта безцеремонность меня поражала. Но, увы! благоговѣніе простыхъ людей предъ людьми аристократическими у насъ доходило, въ то время, до безпредѣльности. Смотришь, на другой день, этотъ статскій совѣтникъ, нисколько не подчиненный Х., нисколько не зависимый отъ него, нисколько, наконецъ, не оплаченный имъ, торчитъ уже въ передней князя въ вицъ-мундирѣ, съ какимъ-нибудь крестомъ на шеѣ и, безпрерывно охорашиваясь и обтягиваясь передъ зеркаломъ, съ благоговѣніемъ ожидаетъ свиданія съ княземъ. Князь, наконецъ, выходилъ съ обычнымъ: «а!», вытягивалъ изъ этого господина, что̀ ему было нужно, и отпускалъ его. Господинъ, несказанно довольный, почтительно удалялся, и вѣроятно, цѣлую недѣлю былъ счастливъ, что удостоился видѣть князя! Все это было для меня смѣшно и горько, вслѣдствіе чего я не очень стѣснялся, при моихъ личныхъ сношеніяхъ съ аристократами, которые пользовались моими способностями, но лично не очень меня долюбливали за независимую манеру моего обращенія съ ними. Самъ князь Александръ Ивановичъ называлъ меня «зубастымъ».

Когда шло дѣло относительно южной желѣзной дороги и сначала шло довольно хорошо, князь Х. высокомѣрно и торжественно предлагалъ нужнымъ ему людямъ различныя мѣста въ управленіи этою дорогою и этимъ способомъ дѣлалъ ихъ тотчасъ покорными исполнителями его воли. Но постоянно присутствуя во всѣхъ засѣданіяхъ комитета учредителей и находясь въ безпрерывныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Х., я ясно видѣлъ, что въ этомъ звучномъ и надѣлавшемъ, съ свое время, много шума, предположеніи менѣе всего имѣлась въ виду польза государственная или польза общественная. Главною и передовою цѣлью—стояла личная польза Х. Я живо помню упорныя его пренія съ членами комитета о выгодахъ учредителей, пренія, въ которыхъ многіе не соглашались съ его обширными, по этой части, замыслами; такъ же живо помню настоянія его просить правительство о предоставленіи учредителямъ какихъ-то земель, лежащихъ по линіи дороги, на которыхъ, по соображеніямъ князя, неминуемо должны создаться города и т. п. Всѣ эти блестящіе разсчеты и мечтанія рушились, однако, неожиданно, вслѣдствіе одного романическаго приключенія

съ княземъ.... Оставшіеся безъ него старики, которыхъ нацѣплялъ онъ въ комитетъ, обрадовавшись случаю развязаться съ нимъ, или испугавшись, что не сладятъ одни съ дѣломъ, тотчасъ заявили правительству, что они отказываются отъ предпріятія, которое, такимъ образомъ, и предано погребенію.

Едва-ли нужно говорить, что князь Сергѣй, подобно другимъ братьямъ, считалъ умѣстнымъ обращаться ко мнѣ во всѣхъ письменныхъ работахъ. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1851 года онъ пишетъ: «благодарю Васъ, почтеннѣйшій В. А., за присланныя Вами исправленныя мои записки; имъ недоставало той гладкой связи, которую Вы такъ искусно умѣли имъ придать». А въ мартѣ 1852 года: «Почтеннѣйшій Василій Антоновичъ! Прибѣгаю къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою поправить для меня собственно прилагаемое мнѣніе и поспѣшить возвращеніемъ облагороженной Вами бумаги». Какія это были записки, какое это было мнѣніе, разумѣется, я не помню, точно такъ же, какъ не помню множества другихъ подѣлокъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1854—1864).

ГЛАВА VI[1]).

Выпускъ изъ университета.—Служба въ паркѣ.—Писарь Струсевичъ.—Походъ.—Метода лѣченія доктора Шеринга.—Писарь Жуковъ.—Служба въ паркѣ.—Докторъ Шерингъ.—Гомеопатія въ гвардейскомъ корпусѣ.—Фельдшеръ Жуковъ.—Пребываніе въ Колтушахъ.—Назначеніе мое въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.—Предварительная отправка въ Динабургъ.

Въ 1853 году, когда война съ Турціей была въ полномъ разгарѣ, ощущался громадный недостатокъ въ военныхъ врачахъ. Этотъ недостатокъ врачей сдѣлался еще болѣе ощутительнымъ съ началомъ крымской кампаніи, когда союзныя войска высадились въ Крыму и начали осаду Севастополя. Правительство сдѣлало распоряженіе объ усиленныхъ выпускахъ врачей изъ Императорской Медико-Хирургической академіи и изъ медицинскихъ факультетовъ университетовъ. Сначала выпускъ врачей былъ сдѣланъ изъ пятыхъ курсовъ академіи и университетовъ. Въ то время я былъ въ V курсѣ Казанскаго университета и, какъ казеннокоштный, подвергся немедленному испытанію на званіе врача. Экзамены начались 10 декабря 1853 г., а 23-го декабря я былъ удостоенъ степени лѣкаря. Тогда я былъ ассистентомъ акушерской клиники и клиники женскихъ и дѣтскихъ болѣзней (ассистенты назначались изъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 года, апрѣль.

студентовъ 5 курса), которыми завѣдывалъ профессоръ Бекетовъ, временно заступившій вышедшаго въ отставку профессора Лентовскаго. Мнѣ пришлось, слѣдовательно, разстаться съ избранною спеціальностію и, въ силу нетерпѣвшей отлагательства надобности, посвятить свою дѣятельность военно-медицинской службѣ. Экзамены на степень лѣкаря производились съ поспѣшностію; при нихъ мало обращалось вниманія на практическую подготовку къ самостоятельной дѣятельности, которой и нельзя было предполагать по той простой причинѣ, что практическія занятія въ клиникахъ, у постели больнаго, начинались только съ переходомъ въ 4-й курсъ, а слѣдовательно продолжались годъ съ небольшимъ. Но и теоретическая подготовка къ экзамену была спѣшная. На такіе предметы, напримѣръ, какъ акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, не давалось вовсе времени для подготовки, и слѣдовательно каждый представалъ на экзаменъ съ тѣми не освѣженными познаніями, какія сохранились у него изъ плохихъ лекцій Лентовскаго.

Читатель уже знаетъ,—каковы были лекціи Лентовскаго и что можно было усвоить изъ нихъ. Поэтому, всего чаще экзаменующійся изъ акушерства, на взятый имъ билетъ, отдѣлывался молчаніемъ. На возраженіе же экзаменатора—что же вы молчите?—отвѣчалъ:—«Я приготовляюсь въ военную службу, а такъ какъ солдаты не рожаютъ, то я и не спѣшилъ изученіемъ акушерства, полагая доучиться впослѣдствіи». Такая отговорка, вызывая дружный взрывъ смѣха у экзаменующихъ и экзаменуемыхъ, была, однако, достаточна для полученія удовлетворительнаго балла. Словомъ, всѣ экзаменуемые получили тогда удовлетворительныя отмѣтки и были сдѣланы лѣкарями.

23-го декабря 1853 года состоялось утвержденіе ихъ въ званіи лѣкарей, а 14-го февраля 1854 года послѣдовало уже назначеніе на службу. Всѣ казеннокоштные товарищи мои были назначены во флотъ, а я, одинъ только изъ всѣхъ, былъ назначенъ младшимъ лѣкаремъ въ подвижной запасный паркъ 1-й Гренадерской артиллерійской бригады. Немедленно мы были приглашены въ канцелярію военнаго губернатора, намъ было объявлено о назначеніи и о немедленномъ отправленіи къ мѣстамъ службы.

Паркъ, въ который я получилъ назначеніе, былъ расположенъ

въ крѣпости Динабургѣ. Прибывъ въ Москву, я сообразилъ, что ѣхать мнѣ изъ Москвы, на лошадяхъ, на Смоленскъ и Динабургъ (желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, исключая теперешней Николаевской и Царскосельской), не стоитъ и что лучше изъ Москвы доѣхать мнѣ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, а оттуда по шоссѣ въ Динабургъ (тѣ же почти 500 верстъ, что изъ Москвы чрезъ Смоленскъ въ Динабургъ, разница 7 рублей—III кл. по желѣзной дорогѣ). Выгода состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что я побываю въ Петербургѣ, видѣть который мнѣ было весьма желательно, и притомъ хотѣлось позондировать почву и рѣшить—нельзя ли что-нибудь сдѣлать, чтобы впослѣдствіи, для усовершенствованія въ практической медицинѣ, пристроиться къ клиникамъ Медико-Хирургической академіи, слава которыхъ въ то время гремѣла по всѣмъ провинціальнымъ университетамъ. Въ Петербургѣ, конечно, я былъ весьма разочарованъ. Всѣ, къ кому обращался я, только-что испеченный врачъ, безъ протекціи, безъ извѣстнаго имени, съ обыкновенной русской фамиліей, и разсчитывая только на самого себя, насмѣялись надо мною, какъ надъ очень наивнымъ субъектомъ, и совѣтовали поскорѣе ѣхать къ мѣсту службы, оставивъ химерическія надежды. Я поспѣшилъ исполнить эти, можетъ быть и хорошіе для меня въ то время, совѣты. Собравшись поспѣшно въ путь, я 20-го марта выѣхалъ изъ Петербурга въ Динабургъ, на перекладной. Ѣхалъ я день и ночь, спѣша, сколь возможно, къ мѣсту службы, въ передѣланной изъ студенческой, не форменной и подбитой воздухомъ шинели, съ нѣмецкимъ бобровымъ воротникомъ. Форменной шинели мнѣ тогда было сдѣлать не на что, потому что, кромѣ прогоновъ, я получилъ всего 43 рубля серебр. на обмундировку. Въ довольно легкой, подбитой воздухомъ шинели и въ довольно прохладныя мартовскія ночи, ѣдучи на перекладной, я очень терпѣлъ отъ холода и принужденъ былъ почти на каждой станціи согрѣваться чаемъ. Наконецъ, 25-го марта, на зарѣ, въ самое Благовѣщеніе, я пріѣхалъ въ Динабургъ, измерзшій отъ холода. Отдохнувъ часъ, другой, я навелъ справки о расположеніи парка и о мѣстѣ жительства командира его, одѣлся по формѣ и отправился къ нему. Командиромъ парка былъ тогда полковникъ Пороцкій.

Я представился моему командиру.

— То на то, и того, то на то, вы прибыли какъ разъ во-время, такъ какъ паркъ выступаетъ завтра въ Петербургъ, сказалъ полковникъ, имѣвшій привычку къ каждому слову прибавлять вышеозначенную поговорку—то на то, и того, то на то.

Услышавъ, что паркъ выступаетъ въ Петербургъ, я несказанно обрадовался.

— То на то, и того, то на то, потрудитесь принять лазаретъ и осмотрите, все ли приготовлено къ походу, какъ слѣдуетъ,—продолжалъ полковникъ.

— Слушаю-съ!—былъ мой отвѣтъ.

— То на то, я ѣду прямо въ Петербургъ, по дѣламъ службы, а за меня во время похода будетъ командовать прапорщикъ Букариновъ. Вы явитесь къ нему и сходите въ канцелярію..., скажите, чтобы тамъ изготовили донесеніе о вашемъ прибытіи къ парку, и тамъ вы получите, по случаю похода, подъемныя деньги въ размѣрѣ полугодоваго оклада жалованья.... Вы обратитесь тамъ къ старшему писарю Струсевичу, который во время похода будетъ завѣдывать хозяйственною частью парка.... Нѣтъ дѣльныхъ офицеровъ: все молодежь или такіе, что имъ нельзя поручить хозяйственной части, а Струсевичъ—малый дѣльный.... Онъ все сдѣлаетъ, что нужно.... Къ нему же обращайтесь, если что понадобится для лазарета... Вотъ и все, то на то, и того, то на то, добавилъ полковникъ въ концѣ этого монолога.

Заявленіе полковника, что я получу полугодовое жалованіе, по случаю предстоящаго похода, пролило очень пріятный бальзамъ въ мое сердце, потому что въ карманѣ у меня оставался рубль съ небольшимъ.

Откланявшись полковнику, я направился прямо въ канцелярію, гдѣ встрѣтилъ я назначеннаго командующимъ паркомъ во время похода—прапорщика Букаринова.

Я представился послѣднему, потому что онъ становился моимъ начальникомъ на весь походъ.

— Парокъ (вмѣсто паркъ), сказалъ онъ, выступаетъ завтра.... Лазаретъ уложенъ уже фершаломъ (вмѣсто фельдшеромъ).... У насъ фершалъ славный малый и лѣчитъ отлично, не хуже любаго дохтура.... Да и дохтура, пожалуй, поучитъ. А какъ онъ ловко ста-

вить піявки, горчичники, мушки, клистиры—любо смотрѣть. Хотя онъ на одинъ глазъ и кривъ, да сила въ рукахъ необыкновенная. Какъ запуститъ клистиръ, такъ и перевернешься на бокъ и тотчасъ тебя прослабитъ... Видитъ Богъ, тотчасъ и прослабитъ... Онъ, того... кладетъ мыльца и большую щепоть соли. Ну, оно и прослабитъ.

Я слушалъ прапорщика и удивлялся его рѣчамъ. Впослѣдствіи я узналъ, что Букариновъ—гарнизонный офицеръ, произведенный изъ выслужившихся солдатъ, который едва умѣлъ читать и съ трудомъ могъ подписывать свою фамилію. Онъ говорилъ: парокъ (паркъ), антиллерія, ломокотивъ (вм. артиллерія, локомотивъ) и проч.

Затѣмъ, я обратился къ писарю Струсевичу, указанному мнѣ полковникомъ. Странно было мнѣ видѣть въ солдатской шинели вполнѣ образованнаго молодаго человѣка, говорившаго со мною человѣческимъ языкомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что очень радъ прибытію моему къ парку, что въ паркѣ давно ощущается потребность во врачѣ, что дочь командира парка болѣла грудною болѣзнію и что ее некому было полѣчить «радикально и раціонально» (подлинныя слова); что онъ, Струсевичъ, принялъ мой дипломъ на лѣкаря и убѣдился, что я отлично кончилъ курсъ наукъ, что онъ надѣется (тутъ онъ принялъ отчасти начальническій тонъ, который по завѣдыванію хозяйственною частію въ дѣйствительности ему принадлежалъ) найти во мнѣ врача, который подниметъ медицинскую часть въ паркѣ, и что ему весьма пріятно познакомиться со мною поближе и проч. и проч. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ получить подъемыя деньги. Вынувъ толстый объемистый бумажникъ, онъ отсчиталъ мнѣ слѣдующія деньги, въ количествѣ 125 рублей, и взялъ росписку въ полученіи, а послѣ того развязно протянулъ мнѣ руку, просилъ бывать у него, обѣщая познакомить съ женой, и добавилъ, въ заключеніе, что сегодня же при докладѣ скажетъ командиру, чтобы онъ пригласилъ меня осмотрѣть его больную дочь.

Я забывался, что вижу предъ собою писаря, и, не зная порядковъ военной службы, подумывалъ, что вѣроятно въ паркахъ, на основаніи существующихъ узаконеній,—такіе порядки, что писаря завѣдываютъ хозяйственною частію и имѣютъ право принимать начальственный тонъ надъ врачами.

Впослѣдствіи я узналъ, что Струсевичъ происходилъ изъ дворянъ, что получилъ хорошее образованіе и что въ военную службу попалъ по недоразумѣнію, такъ какъ дворянскія права его были почему-то утеряны и онъ отыскивалъ ихъ теперь, надѣясь скоро уволиться изъ военной службы и даже получить гражданскій чинъ. Все это дѣйствительно впослѣдствіи и сбылось. Въ 1870 годахъ Струсевичъ былъ уже надворнымъ совѣтникомъ и чиновникомъ, служившимъ гдѣ-то въ Сибири.

Полученные мною на подъемъ 125 руб., при моемъ безденежьи, обновили меня, и я началъ готовиться къ походу.

Въ паркѣ въ то время было еще два молодыхъ офицера, Ч. и К. Оба они были люди весьма порядочные, попавшіе въ паркъ за неуспѣхъ въ наукахъ и потому произведенные въ гарнизонную артиллерію (парки причислялись тогда къ гарнизонной артиллеріи и офицеровъ полевой артиллеріи въ нихъ не назначали). Съ этими двумя офицерами, какъ ближайшими товарищами по службѣ, и пришлось мнѣ коротать время. Къ сожалѣнію, эти офицеры контрировали между собою.

Парковый фельдшеръ дѣйствительно оказался кривымъ на одинъ глазъ, но довольно опытнымъ. Явившись ко мнѣ, онъ довольно подробно представилъ мнѣ состояніе медицинской части въ паркѣ, повелъ меня въ помѣщеніе лазарета и толково представилъ мнѣ всѣхъ больныхъ. Прослуживъ около 20 лѣтъ, фельдшеръ пріобрѣлъ и большой навыкъ въ письмоводствѣ и отчетности, такъ что я былъ весьма доволенъ моимъ помощникомъ, къ чести котораго долженъ еще добавить, что службу свою онъ несъ съ примѣрнымъ усердіемъ.

Отъ офицера Ч. я подробно узналъ, что дѣлается въ паркѣ, такъ что всѣ нити парковаго управленія и быта сдѣлались для меня вполнѣ ясными.

Оказалось, что полковникъ Пороцкій былъ человѣкъ въ высшей степени подозрительный и недовѣрчивый, а потому на время своего отсутствія и поручилъ прапорщику Букаринову, какъ старшему изъ офицеровъ, завѣдываніе строевою частію, а хозяйственною частію завѣдывалъ Струсевичъ, вслѣдствіе недовѣрія полковника къ офи-

церамъ, чѣмъ послѣдніе очень были опечалены, но не имѣли права протестовать.

Между Букариновымъ и остальными двумя офицерами царила вражда, и всѣ недолюбливали и писаря Струсевича за оказанное ему предпочтеніе по завѣдыванію хозяйственною частію. Струсевичъ, такимъ образомъ, былъ правою рукою командира парка и могъ каждому попортить въ мнѣніи командира. На этомъ основаніи, съ Струсевичемъ всѣ старались ладить наружно. Пришлось и мнѣ держаться того же теченія.

Парковые чиновники всѣ были изъ нижнихъ чиновъ: необразованіе, грубость нравовъ, страсть къ попойкамъ, игра въ карты, но не въ коммерческія игры, а въ подкаретную, были главными отличительными чертами упомянутыхъ чиновниковъ.

Когда я осмотрѣлся, то увидѣлъ, что въ паркѣ рѣшительно нѣтъ людей, съ которыми можно бы было, иногда, отъ скуки перемолвить словечко. Все было построено на злословіи, клеветѣ, брани, пьянствѣ и карточной игрѣ. Лучшій изъ офицеровъ былъ Ч. Онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе, могъ по крайней мѣрѣ правильно говорить и чуждался пьяныхъ компаній. Съ нимъ я сблизился, и мы останавливались походомъ въ общей квартирѣ, вели вмѣстѣ хозяйство и коротали время.

Наканунѣ похода, вечеромъ, я былъ приглашенъ къ командиру парка, о чемъ увѣдомилъ меня зашедшій ко мнѣ писарь Струсевичъ, сообщившій, что полковникъ проситъ меня осмотрѣть его больную дочь.

Въ 8 часовъ вечера я отправился къ полковнику. Онъ познакомилъ меня съ женою и дочерью.

— То на то, и того, то на то, дочь моя уже давно хвораетъ... Кашель не даетъ ей покоя... То на то, надобно вылѣчить кашель и дать ей сонъ...

Я сказалъ, что нужно изслѣдовать грудь.

Предо мною предстала истощенная 18-лѣтняя дѣвица, при изслѣдованіи которой оказалось, что она одержима запущеннымъ туберкулезомъ легкихъ съ сильнымъ малокровіемъ и истощеніемъ тѣла. Вылѣчить запущенную и неизлѣчимую болѣзнь было невозможно, но, съ другой стороны, нужно было помочь и ослабить не-

стерпимый кашель, давъ больной возможность уснуть. Я сказалъ полковнику, у котораго глаза были полны слезъ, что болѣзнь дочери его хроническая, что скоро вылѣчить нельзя, что я пропишу лѣкарство, которое успокоитъ больной кашель и дастъ освѣжающій сонъ. Притомъ, замѣтилъ я, что больной необходимо правильнымъ питаніемъ поднять силы и уменьшить истощеніе и проч.

— То на то, ради Бога, помогите ей, а я не забуду вашихъ услугъ, сказалъ почти рыдающій полковникъ.

Я прописалъ больной необходимыя средства и назначилъ діэту, обѣщаясь утромъ, предъ выступленіемъ въ походъ, зайти и осмотрѣть больную; но полковникъ сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ завтра же послѣ обѣда на почтовыхъ въ Петербургъ, и чтобы я остался въ Динабургѣ до вечера, а потомъ мы съ нимъ догонимъ паркъ на первомъ переходѣ.

Прописанное мною лѣкарство дало освѣжающій сонъ и уменьшило кашель больной. Она нѣсколько повеселѣла. Отецъ ея ободрился нѣсколько и сказалъ мнѣ, что теперь поѣдетъ въ Петербургъ, успокоенный насчетъ болѣзни дочери. Я назначилъ больной еще нѣкоторыя лѣкарства и далъ нужные совѣты, рекомендуя поручить дальнѣйшее пользованіе мѣстному опытному врачу. Все это сдѣлалось причиною расположенія полковника ко мнѣ и подняло мое значеніе среди сослуживцевъ, заставивъ Букаринова и Струсевича, замѣнявшихъ въ походѣ полковника, относиться ко мнѣ иначе, чѣмъ къ другимъ чинамъ парка.

Мы съ полковникомъ догнали паркъ на первомъ переходѣ. Онъ, сдѣлавъ нужныя распорлженія, въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мы продолжали походъ, который длился съ 26-го марта по 1-е мая. Каждые 2 — 3 дня были дневки. Я и никто изъ офицеровъ и чиновниковъ не имѣли верховыхъ лошадей и шли весь походъ пѣшкомъ, совершая по 20 и 25 верстъ въ теченіе 4 — 6 часовъ. Уставши, я садился въ лазаретный фургонъ, въ которомъ ѣхали слабые и заболѣвшіе на дорогѣ нижніе чины. Приходя на мѣсто, нужно было, прежде всего, позаботиться о пищѣ, находить которую было весьма трудно. Чаще всего приходилось питаться яйцами, молокомъ, чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, а если и этого нельзя было достать, то приходилось брать пищу изъ солдатскаго котла. Дневки

по два и три дня, были скучнѣе самыхъ переходовъ: приходилось останавливаться въ какой-нибудь деревнѣ и скучать немилосердно. Коротая время въ походѣ, я, по бывшимъ у меня запискамъ и руководствамъ, сталъ повторять зады, надѣясь, что когда-нибудь это принесетъ мнѣ пользу. Послѣ томительныхъ пяти-недѣльныхъ странствованій, паркъ 1-го мая 1854 года вступилъ въ Петербургъ. Командира парка не оказалось въ Петербургѣ. Онъ получилъ какую-то командировку. Паркъ расположили въ Петербургѣ на частныхъ квартирахъ, на Лиговкѣ и въ Ямской. Дня черезъ два паркъ осматривали: сначала начальникъ артиллеріи Безакъ, а потомъ инспекторъ всей артиллеріи, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ. Оба нашли паркъ въ удовлетворительномъ состояніи. Въ тотъ же день намъ объявили, что мы выступаемъ въ село Колтуши, расположенное въ 20 верстахъ отъ Петербурга, за пороховымъ Охтенскимъ заводомъ. Это село въ то время было населено большею частію чухнами. Жить приходилось въ чухонскихъ избахъ. Сообщеніе съ Петербургомъ—самое допотопное, на чухонскихъ таратайкахъ, да и дорого стоило. Чухны не церемонились брать за подводу въ одну лошадь по два и по три рубля, видя, что въ нихъ есть надобность. Вслѣдствіе этого, тому, кто имѣлъ надобность часто бывать въ Петербургѣ, приходилось нерѣдко отправляться туда и обратно пѣшкомъ. Бывало встанешь утромъ часа въ три и выйдешь пѣшкомъ въ Петербургъ, куда и поспѣешь часамъ къ 8-ми или къ 9-ти утра. Обратное хожденіе изъ Петербурга продолжалось часами двумя больше, что зависѣло отъ усталости, потому что больше одного дня нельзя было оставаться, да притомъ въ Петербургѣ приходилось много ходить. Такимъ образомъ въ 24 часа приходилось, туда и обратно, дѣлать по 40 верстъ; а если принять во вниманіе, что и въ Петербургѣ пѣшіе концы, въ родѣ напримѣръ, отъ Арсенала (на Выборгской сторонѣ) къ Аларчину мосту (гдѣ жилъ Шерингъ—генералъ-штабъ-докторъ), а оттуда въ центръ города, были не малые, то ясно будетъ, что такія путешествія были очень утомительны. Бывало вернешься изъ Петербурга, да потомъ дня три и лежишь, какъ говорится, безъ ногъ. Вскорѣ въ Колтуши прибылъ и командиръ парка, а вслѣдъ за нимъ въ половинѣ іюня пріѣхалъ на жительство помѣщикъ Чоглоковъ съ семьей. Онъ былъ вмѣстѣ и уѣзд-

нымъ предводителемъ дворянства въ Шлиссельбургѣ. Тутъ наша скучная жизнь нѣсколько измѣнилась къ лучшему: мы познакомились съ помѣщикомъ и стали бывать у него въ домѣ, намъ позволяли гулять въ помѣщичьемъ паркѣ, нерѣдко устраивались поѣздки и прогулки въ ближайшія окрестности и т. п.

Лазаретъ парка былъ помѣщенъ въ просторной чухонской избѣ. Вслѣдствіе перемѣны климата, многіе солдаты стали заболѣвать перемежающейся лихорадкой, для лѣченія которой скоро былъ истребленъ весь, довольно небольшой, запасъ хинина въ парковомъ лазаретѣ. Пришлось требовать хининъ дефектнымъ каталогомъ и объявить при этомъ причины—почему лѣкарство истрачено преждевременно. Такъ я и поступилъ. Требованіе на хининъ было отправлено къ генералъ-штабъ-доктору гвардейскаго корпуса, которому подчинялся и я, какъ врачъ парка, расположеннаго въ районѣ его вѣдомства. Отъ него зависѣло разрѣшеніе отпустить хининъ изъ петербургскаго аптечнаго магазина. Отвѣта долго не было. Наконецъ однажды явился въ Колтуши посланный Шерингомъ штабъ-докторъ Дубницкій. Онъ потребовалъ меня къ себѣ и осмотрѣлъ парковый лазаретъ. Я изъяснилъ ему причины преждевременнаго расхода хинина. Повидимому, онъ призналъ мои доводы основательными и вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ. Спустя дня три я получилъ предписаніе явиться немедленно къ генералъ-штабъ-доктору Шерингу. Я отправился въ Петербургъ и представился ему, причемъ между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы требуете хининъ дефектнымъ каталогомъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Какъ рѣшились вы расходовать хининъ—такое дорогое средство, въ такихъ значительныхъ количествахъ?

— Всего было хинина около двухъ унцій... Перемѣна климата повліяла на людей, было много случаевъ перемежающейся лихорадки... Необходимо было давать больнымъ хининъ.

— Это все такъ! Но сколько даете вы хинина для прекращенія пароксизма лихорадки?

— Смотря по надобности, ваше превосходительство!

— Нѣтъ! Скажите, любезный, сколько вы даете больному хинина на одинъ пріемъ?

— Отъ 6 до 8 гранъ, 1 или 2 раза въ день, пока не прекратятся пароксизмы.

— Вы понятія не имѣете о лѣченіи лихорадки...

— Меня такъ учили въ клиникахъ профессора.

— Что мнѣ ваши профессора! Вы знаете, что говоритъ извѣстный Кохъ (вѣроятно отецъ или однофамилецъ теперешняго Коха, предложившаго туберкулинъ)? Читали вы его сочиненія?

— Нѣтъ-съ! Я не читалъ...

— Онъ говоритъ, что если хининъ хочетъ помочь при перемежной лихорадкѣ, то $^{1}|_{100}$ грана помогаетъ точно такъ же, какъ 100 гранъ на пріемъ. Вы понятія не имѣете о лѣченіи перемежной лихорадки!.. Какой вы врачъ? Вы не врачъ, а плотникъ! Идите, любезный! Я прикажу вамъ отпустить хининъ, но съ тѣмъ, чтобы вы не смѣли до конца года истратить больше ни одного грана... И представляйте мнѣ каждый мѣсяцъ свѣдѣніе—сколько было больныхъ лихорадкой и сколько вы дали имъ хинина... Больше $^{1}|_{100}$ грана не давать...

— Но, ваше превосходительство! лихорадка не уступитъ: пріемъ очень малъ...

— Да! Для аллопатовъ это—малый пріемъ; но у меня всѣ врачи гомеопаты и если вы не желаете быть немедленно удаленнымъ отсюда, то должны лѣчить по той системѣ, которую вамъ указываетъ ваше начальство... Аллопатія—вздоръ! Идите, любезный! Я все сказалъ.

Мнѣ ничего больше не оставалось послѣ такого dictum acerbum, какъ удалиться. Вышелъ я, какъ ошеломленный, со слезами на глазахъ послѣ такого рѣшенія моего главнаго начальника, имѣвшаго въ виду превратить меня въ гомеопата, а о гомеопатіи, изъ лекцій профессоровъ, я зналъ только то, что это абсурдная система лѣченія. И вдругъ, я долженъ сдѣлаться гомеопатомъ, а иначе мнѣ грозятъ удаленіемъ изъ службы. И слезы цѣлымъ потокомъ прыснули изъ глазъ моихъ... Въ эту минуту я очутился на лѣстницѣ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, одѣтымъ въ фельдшерскую форму и несшимъ какія-то бумаги подъ мышкою. Онъ, увидѣвъ меня, спросилъ:

— Вы отъ генералъ-штабъ-доктора?

— Да! я отъ него...

— Рекомендуюсь вамъ... Я фельдшеръ Жуковъ... Я состою въ канцеляріи его старшимъ писаремъ... Вѣроятно, онъ васъ распекъ... Каждый изъ врачей выходитъ отъ него, какъ изъ бани.

— Да! онъ распекъ меня за хининъ.

И я разсказалъ ему подробно всю исторію съ хининомъ, а равно сообщилъ и все то, что было мнѣ сказано Шерингомъ.

— Если не быть гомеопатомъ, то молодому врачу не усидѣть здѣсь... Кто и не хочетъ быть гомеопатомъ, тотъ показываетъ ему, что гомеопатъ, а лѣчатъ аллопатически всѣ... Вамъ нужно все это дѣло поправить...

— Какъ же поправить?

— Очень просто: вы сегодня же часа въ три идите опять къ нему... Раньше нельзя, онъ сейчасъ пойдетъ къ начальнику штаба съ рапортомъ.

— Зачѣмъ же я пойду?

— А, вотъ зачѣмъ: я теперь иду съ докладомъ къ нему и скажу, что вы заходили въ канцелярію и просили меня дать вамъ гомеопатическую книжку, но я сказалъ, что въ канцеляріи этихъ книгъ нѣтъ и что нужно обратиться къ генералъ-штабъ-доктору... Вотъ, вы идите къ нему и просите, чтобы онъ далъ вамъ Клиническія наставленія Яра... У него множество экземпляровъ этой книги, и онъ охотно даетъ тому, кто попроситъ... Этимъ вы все поправите: значитъ, вы будете гомеопатомъ, а ему только и нужно, чтобы всѣ сдѣлались гомеопатами... Какъ ваша фамилія и гдѣ служите?

Я назвалъ себя и мѣсто службы и сказалъ:

— Но, право, я боюсь... Онъ такой сердитый!

— Не бойтесь, онъ вовсе не сердитый, онъ только гомеопатъ... ну, и хлопочетъ, чтобы всѣ были гомеопатами... Впрочемъ, дѣло ваше... Какъ знаете... Я даю вамъ самый подходящій въ этомъ случаѣ совѣтъ...

Я отвѣчалъ, что попробую, и затѣмъ я полѣзъ въ карманъ, чтобъ поблагодарить матеріально Жукова, и сообразилъ, что менѣе 3 рублей дать ему нельзя... Итакъ я вынулъ изъ бывшихъ при мнѣ 4 рублей 3 рубля и собирался вручить ихъ Жукову; но онъ отодвинулъ мою руку и сказалъ мнѣ:

— Не безпокойтесь! Я вижу, что вы только-что сдѣлались врачемъ... Кто же васъ научитъ, что̀ требуется здѣсь для того, чтобы удержаться на службѣ... Иначе сотрутъ съ лица земли...

— Примите же мою благодарность, настаивалъ я.

— Нѣтъ... Я не могу! Я доволенъ тѣмъ, что получаю отъ моего государя.

Эти слова заставили меня спрятать деньги въ карманъ и протянуть руку Жукову, который еще разъ повторилъ мнѣ свой совѣтъ.

До сихъ поръ, первый разъ въ жизни, случилось мнѣ получить отказъ въ принятіи матеріальной благодарности лицомъ, подобнымъ Жукову, и признаюсь, что я не мало дивился его честности и безкорыстію. Впослѣдствіи, въ 1861 году, случилось со мною подобное же происшествіе: въ бытность мою въ Москвѣ, я осматривалъ императорскіе дворцы. Меня сопровождалъ камеръ-лакей и при этомъ весьма толково объяснялъ мнѣ всѣ достопримѣчательности. По окончаніи осмотра, я хотѣлъ его поблагодарить и получилъ такой же отвѣтъ: «принять не въ правѣ; я доволенъ тѣмъ, что получаю отъ моего императора». Итакъ, на Руси есть много людей честныхъ и безкорыстныхъ, остающихся въ неизвѣстности вслѣдствіе своей скромности. Къ сожалѣнію, я не могу себѣ простить, что не справился тогда о фамиліи этого камеръ-лакея.

По совѣту Жукова, въ 3 часа въ тотъ же день я опять предсталъ предъ Шерингомъ.

— Что вамъ нужно? сказалъ онъ сердитымъ тономъ.

— Я, ваше превосходительство, хотѣлъ бы ознакомиться съ гомеопатической методой лѣченія и просилъ бы порекомендовать мнѣ какое-либо руководство по этой методѣ лѣченія...

— Ихъ много, сказалъ Шерингъ, смягчая тонъ,—но лучше «Клиническихъ наставленій Яра» нѣтъ... Особенно для молодыхъ врачей, какъ вы...

Сказавъ это, онъ ушелъ. Отсутствіе это длилось три минуты приблизительно. Я недоумѣвалъ, что̀ мнѣ дѣлать, и собирался уйти, полагая, что совѣтъ Жукова не помогъ, и мнѣ сдѣлалось неловко, что я употребилъ такой маневръ. Но вдругъ изъ ближайшихъ дверей показалась фигура Шеринга съ книгою въ рукѣ и, подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ ласково:

— Вотъ «Клиническія наставленія Яра»... Я подарю вамъ эту книжку, но съ условіемъ, чтобы вы изучили гомеопатію... Только по этой методѣ можно лѣчить больныхъ... Я заѣду когда-нибудь въ вашъ лазаретъ...

— Позвольте, ваше превосходительство, заплатить стоимость книги...

— Нѣтъ! Я не торгую книгами! Если хотите купить—идите въ книжныя лавки; но это излишне: я даю вамъ эту книгу въ полную собственность... Только умѣйте извлечь пользу изъ нея.

Возражать нельзя было, и я, поблагодаривъ, вышелъ отъ Шеринга. Каково же было мое удивленіе, когда я на лѣстницѣ встрѣтилъ ожидавшаго меня Жукова.

— Ну что же? спросилъ онъ.

— Получилъ «Клиническія наставленія Яра»... Онъ подарилъ мнѣ книжку и сталъ ласковѣе

— Я вамъ говорилъ, что это—единственное средство смягчить Шеринга... Теперь ваши дѣла пойдутъ на ладъ... Неравно онъ пріѣдетъ въ вашъ лазаретъ, избави Боже, чтобы увидѣлъ какое-нибудь аллопатическое лѣкарство... На доскѣ нужно написать непремѣнно гомеопатическое лѣкарство, а давать больному можно и аллопатическое; но какъ онъ пріѣдетъ, немедленно спрятать аллопатическое и положить по столамъ гомеопатическое... Такъ всѣ дѣлаютъ... Во всѣхъ госпиталяхъ гвардіи на доскахъ написаны гомеопатическія лѣкарства, а даютъ аллопатическія и только-что онъ пріѣдетъ—аллопатическія прячутъ, ну, хоть подъ кровать, а гомеопатическія выставляютъ.

— Онъ обѣщалъ заѣхать ко мнѣ въ лазаретъ.

— Тѣмъ больше нужно такъ дѣлать.

Я простился съ Жуковымъ, поблагодаривъ его за совѣтъ. Идучи домой, въ Колтуши, пѣшкомъ, я всю дорогу соображалъ—какъ мнѣ поступить, и рѣшился прочесть отъ доски до доски подаренную мнѣ Шерингомъ книгу. Однако, несмотря на всѣ увѣренія гомеопатовъ и на капризъ Шеринга, я не могъ сдѣлаться гомеопатомъ и продолжалъ лѣчить больныхъ по аллопатической методѣ.

Въ Колтушахъ мы простояли съ 5-го мая по 1-е октября 1854 года. Въ это время паркъ приводился на военное положе-

ніе: были закуплены лошади для парка болѣе 400 (прежде паркъ двигался на обывательскихъ подводахъ), фуры и ящики были наполнены снарядами, полученными изъ петербургскаго арсенала, было объявлено, чтобы всѣ чины пріобрѣли покупкою лошадей и что начинается отпускъ фуражныхъ денегъ и проч. Къ 1-му октября вышло распоряженіе, что паркъ выступаетъ въ крѣпость Брестъ-Литовскъ. Шерингъ, во все время нашей стоянки въ Колтушахъ, ни разу не посѣтилъ лазарета. Время, съ мая по октябрь, прошло для меня не безплодно: я употребилъ его, главнымъ образомъ, на то, чтобы устроить мой переводъ изъ парка въ войска, расположенныя въ Петербургѣ. Все это было въ самый разгаръ Крымской кампаніи, когда носились слухи, что союзныя войска сдѣлаютъ высадку въ Крыму и когда англійскій флотъ появился у Красной горки въ виду Сестрорѣцка. Гвардія выступила изъ Петербурга, и началось формированіе резервныхъ гвардейскихъ полковъ. Такимъ образомъ, въ гвардейскихъ резервныхъ полкахъ открылось много вакансій для врачей.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я иногда ѣздилъ въ Павловскъ, гдѣ лѣтомъ жилъ членъ военно-медицинскаго ученаго комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Гавриловичъ Шпилевскій. Жена его, Наталья Ивановна, приходилась по матери родной теткой и была крестной матерью. Проходя часто на Царскосельскій вокзалъ и глядя на зданіе Семеновскаго госпиталя, находящееся какъ разъ противъ вокзала, я съ завистію въ сердцѣ думалъ: «какъ должны быть счастливы врачи, служащіе въ этомъ госпиталѣ, тѣмъ, что могутъ изучить практическую медицину у постели больнаго».

Я въ то время вовсе не зналъ Петербурга, и мнѣ въ голову не приходило, что Семеновскій госпиталь былъ госпиталемъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Какъ бы то ни было, но я сильно сталъ хлопотать, чтобы остаться въ Петербургѣ и попасть въ какой-нибудь госпиталь для практическаго изученія медицины, въ которой я, какъ молодой и неопытный врачъ, сильно тогда нуждался.

Шпилевскій, хотя и былъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, но ничего не могъ для меня сдѣлать. Онъ былъ

старый человѣкъ, служившій прежде штабъ-докторомъ Финляндскаго корпуса, но до того безхарактерный, что жена и дочери лѣчили его, когда онъ чѣмъ-нибудь заболѣвалъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, если женѣ и дочерямъ казалось, что онъ излишне покушалъ, его заставляли принимать по 1 и по 2 столовыхъ ложки угольнаго порошка! И старикъ долженъ былъ на это согласиться. Онъ мнѣ прямо объявилъ, что находится съ Шерингомъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ, а потому помочь мнѣ не можетъ.

Въ это время я получилъ изъ Казанскаго университета серебряную медаль и дипломъ на нее, за представленную предъ окончаніемъ курса диссертацію: «О гигіеническомъ и терапевтическомъ употребленіи листьевъ табака». Въ то же время отецъ мой, служившій врачемъ въ Нижнетагильскихъ Демидова заводахъ, прислалъ мнѣ письмо къ товарищу его по академіи, Іосифу Антоновичу Пржесмыцкому, въ которомъ просилъ оказать мнѣ покровительство и содѣйствіе, чтобы остаться въ Петербургѣ и попасть въ одинъ изъ госпиталей. Я, съ этимъ письмомъ явился къ Пржесмыцкому. Онъ былъ штабъ-докторомъ гвардейскаго корпуса и помощникомъ генералъ-штабъ-доктора Шеринга. Пржесмыцкій прочиталъ письмо моего отца, всталъ, обнялъ и расцѣловалъ меня, какъ сына его товарища по академіи. На просьбу, изложенную въ письмѣ, онъ сказалъ, что оставить меня въ Петербургѣ зависитъ отъ Шеринга, что послѣдній благоволитъ только къ однимъ гомеопатамъ, и потому мнѣ слѣдуетъ, прежде всего, заслужить расположеніе Шеринга. Я разсказалъ ему откровенно объ инцидентѣ съ хининомъ, который ясно указалъ Шерингу, что я до сего времени былъ аллопатомъ. Я также разсказалъ, что получилъ отъ него въ подарокъ «Клиническія наставленія Яра».

— Ну, и дѣлайте все зависящее, чтобы понравиться Шерингу: тогда, можетъ быть, и удастся вамъ попасть въ Петербургъ. Я же ничего не могу подѣлать: я аллопатъ, какъ и вы, и съ Шерингомъ я просто на ножахъ... Если буду просить его, то испорчу все дѣло.

— Я слышалъ, что теперь будетъ много вакансій по случаю формированія резервныхъ гвардейскихъ полковъ.

— Да! Но и кандидатовъ милліоны... У всѣхъ протекція и не знаешь, что дѣлать.

Такія неутѣшительныя вѣсти заставили меня призадуматься, и я поспѣшилъ откланяться Пржесмыцкому. Онъ просилъ меня бывать у него и даже приходить по воскресеньямъ обѣдать. Вообще онъ старался обласкать меня на прощаніе и повторилъ приглашеніе на обѣды, но и тѣни надежды не подалъ.

Въ одно изъ ближайшихъ воскресеній я отправился къ нему на обѣдъ.

— Ну, сказалъ онъ, чтобы исполнить просьбу моего товарища, вашего отца, я рискнулъ просить за васъ Шеринга. Онъ замахалъ руками и сказалъ, что онъ васъ знаетъ и что вамъ рано еще служить въ гвардіи.

Этимъ кончился разговоръ о моемъ переводѣ, и я замолчалъ.

У владѣтеля Колтушъ Александра Павловича Чоглокова была воспитанница, Марія Александровна Александрова, дѣвица лѣтъ 18-ти. Бывая въ домѣ Чоглокова, я, какъ молодой человѣкъ, обратилъ на нее вниманіе и, видя расположеніе ея ко мнѣ, въ одинъ прекрасный день, не долго думая, сдѣлалъ ей предложеніе, во время игры съ ней на китайскомъ бильярдѣ. Оно было принято. На другой день утромъ явился я за отвѣтомъ къ самому Чоглокову. Онъ сказалъ, что согласенъ выдать свою воспитанницу за меня и что будетъ хлопотать, чтобы меня оставили въ Петербургѣ. При этомъ онъ спросилъ—куда я хочу попасть, и отъ кого зависитъ это? Я, по какому-то вдохновенію, пожелалъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; далѣе я сказалъ Чоглокову, что все это зависитъ отъ генералъ-штабъ-доктора Шеринга.

— Шеринга я знаю... Презабавный нѣмецъ... Онъ страстный охотникъ и часто бываетъ у меня въ Колтушахъ на охотѣ... Я попрошу его, сказалъ Чоглоковъ.

Дѣйствительно, вскорѣ Чоглоковъ отправился къ Шерингу. Шерингъ отвѣтилъ, что я молодъ, что мнѣ рано еще служить въ гвардіи, что онъ назначитъ меня въ Австрійскій или въ Прусскій полкъ, и тогда мнѣ придется, по всей вѣроятности, уѣхать въ Ямбургъ. На замѣчаніе же Чоглокова, что я женюсь на его воспи-

танницѣ, Шерингъ отвѣтилъ, что тѣмъ болѣе не назначитъ меня въ Петербургъ.

— Онъ дѣлаетъ большую глупость, что женится, и вообще всѣ врачи поступаютъ глупо, что женятся, заключилъ Шерингъ свой отказъ Чоглокову.

Шерингъ, нужно замѣтить, былъ большой противникъ брачныхъ союзовъ, и это, какъ говорили, больше потому, что у него была засидѣвшаяся дочь и сынъ, изъ которыхъ оба желали вступить поскорѣе въ бракъ и сильно надоѣдали своему родителю.

Не успѣвъ у Шеринга, Чоглоковъ избралъ другой путь. Военнымъ министромъ въ то время былъ князь Долгоруковъ, а братъ его былъ, кажется, директоромъ провіантскаго департамента, и ему-то я обязанъ тѣмъ, что попалъ въ л.-гв. Семеновскій резервный полкъ. Чоглоковъ обратился къ брату военнаго министра В. А. Долгорукову, который написалъ обо мнѣ письмо директору военно-медицинскаго департамента Венцеславу Венцеславовичу Пеликану. Между тѣмъ, я, по совѣту многихъ, явился къ Шерингу и сталъ его просить о назначеніи меня въ л.-гв. Семеновскій резервный полкъ, причемъ заявилъ, что имѣю на это право, на томъ основаніи, что кончившихъ курсъ въ академіи съ медалями назначаютъ въ гвардію, а я также получилъ медаль, хотя кончилъ курсъ не въ академіи, а въ университетѣ. Это заставило Шеринга призадуматься, и онъ сказалъ:

— За что же вамъ давали медаль (онъ дурно говорилъ по-русски), когда вы не умѣете лѣчить?

— Я, ваше превосходительство, не имѣлъ еще той практики, какъ вы, но надѣюсь усовершенствоваться...

— Но вы дѣлаете громадную глупость: я слышалъ, что вы женитесь... Вы послѣ будете раскаяваться... Если вы дадите мнѣ слово, что не женитесь, я назначу васъ въ Семеновскій полкъ, а иначе въ Прусскій, и то въ уваженіе того, что вы получили медаль... Вы знаете, что вамъ нужно еще изучить медицину и узнать дѣйствіе хинина... Притомъ, если женитесь, будете отговариваться отъ командировокъ, а въ гвардіи ихъ много... Можетъ быть, васъ пошлютъ и въ Крымъ... Кто женится въ военное время?... Это— глупо!

Выслушавъ это рѣшеніе, я сказалъ Шерингу, что подумаю, но въ душѣ рѣшилъ не уступать его капризу и медлилъ отвѣтомъ.

Шерингъ представилъ меня къ переводу въ Прусскій полкъ, и дѣло перешло въ военно-медицинскій департаментъ.

Между тѣмъ письмо Долгорукова произвело свое дѣйствіе. Пеликанъ не могъ отказать и назначилъ меня, противъ воли Шеринга, въ л.-гв. Семеновскій резервный полкъ батальоннымъ лѣкаремъ.

Паркъ долженъ былъ 1-го октября выступить изъ Колтушъ въ крѣпость Брестъ-Литовскъ. Я зналъ только о томъ, что Долгоруковъ обѣщалъ просить за меня Пеликана.

Предъ выступленіемъ парка, Чоглоковъ, по случаю моей женитьбы, сдѣлалъ парадный обѣдъ. Нужно замѣтить, что у Чоглокова, по праву, дарованному еще его дѣду, въ имѣніи было разставлено на пригоркѣ парка нѣсколько небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ въ день его именинъ, производилась пальба холостыми зарядами. Командиръ парка, полковникъ Пороцкій, въ то время жилъ уже въ Колтушахъ и не участвовалъ на обѣдѣ. Онъ, во время этого обѣда, покоился сладкимъ послѣобѣденнымъ сномъ. Когда за обѣдомъ пили за здоровье помолвленныхъ, вдругъ раздались выстрѣлы изъ пушекъ. Пороцкій проснулся отъ пальбы и, думая, что непріятель, только-что удалившійся отъ Красной горки, подступаетъ къ Колтушамъ, хотѣлъ приказать бить тревогу, чтобы собрать паркъ для отраженія непріятеля. Каково же было его изумленіе, когда ему доложили, что никакого непріятеля нѣтъ, а что пальба изъ пушекъ произведена по приказанію Чоглокова, по той причинѣ, что онъ выдаетъ свою воспитанницу за лѣкаря ввѣреннаго полковнику парка. Пороцкій закипѣлъ гнѣвомъ и послалъ за мною. Я оставилъ обѣдъ и долженъ былъ явиться къ нему. Онъ встрѣтилъ меня сурово и сказалъ:

— Какъ вы смѣли стрѣлять изъ пушекъ, того на то, и того, то на то?

— Я не стрѣлялъ... Да въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ пушекъ...

— То на то, я васъ отдамъ подъ судъ .. То на то, здѣсь никто не имѣетъ права стрѣлять изъ пушекъ, кромѣ меня...

Я молчалъ.

— То на то, что же вы молчите?

— Повторяю, полковникъ, я не стрѣлялъ изъ пушекъ...

— Кто же стрѣлялъ?

— Это—по распоряженію владѣтеля имѣнія, Чоглокова.

— Но, вѣдь, то на то, причина стрѣльбы ваша свадьба?

— Точно-такъ...

— То на то, я не позволю вамъ жениться... Походъ, то на то, черезъ два дня, а вы сочиняете свадьбу.

— Я женюсь впослѣдствіи... Я сдѣлалъ только предложеніе...

— То на то, я и впослѣдствіи не разрѣшу... Я, то на то, хотѣлъ ударить тревогу... Я думалъ, что сюда подступилъ непріятель... Я донесу по начальству. Скажите Чоглокову, что онъ отвѣтитъ. Идите и не думайте ни о какой свадьбѣ.

Я вышелъ и передалъ все Чоглокову.

— Пусть доноситъ!... Я не боюсь! Мнѣ разрѣшено имѣть здѣсь пушки и стрѣлять изъ нихъ.

Однако, Пороцкій только похорохорился и никому не донесъ о пальбѣ изъ пушекъ.

Пока тянулось дѣло о моемъ переводѣ, паркъ выступилъ въ походъ въ крѣпость Брестъ-Литовскъ. Пришлось идти до Динабурга тою же дорогою, которою паркъ двигался и въ предъидущій походъ въ Петербургъ; но обстоятельства значительно измѣнились: командиръ былъ при паркѣ, офицеры и я уже ѣхали верхомъ, паркъ былъ снаряженъ по военному времени.

Въ Гатчинѣ паркъ осмотрѣлъ государь императорь Николай Павловичъ, который въ то время тамъ жилъ. Паркъ проѣхалъ мимо государя. Свита его была очень небольшая. Послѣ смотра полковникъ Пороцкій былъ подозванъ къ императору. Впослѣдствіи онъ намъ сказалъ о томъ, что государь ему говорилъ:

— То на то, и того, то на то, государь мнѣ сказалъ, что онъ меня давно знаетъ, что паркъ въ отличномъ состояніи, то на то, и того, то на то. При этомъ государь, благодаря, то на то, подалъ мнѣ руку....

Трудно было знать намъ, что государь сказалъ полковнику, но послѣдній намъ сказалъ:

— По случаю, то на то, столь счастливаго событія, я приглашаю всѣхъ чиновъ парка обѣдать у меня.

Однако эти обѣды повторились не болѣе трехъ разъ.

Во время послѣдняго обѣда (кажется, третьяго по счету) произошелъ такой казусъ, что полковникъ разсердился, и обѣды прекратились, а именно полковникъ на каждомъ обѣдѣ разсказывалъ намъ, что ему говорилъ государь. При этомъ вранье его шло crescendo; притомъ Букариновъ и полковникъ разомъ ткнули вилкой въ кусокъ жирной и приглядной свинины изъ борща, а офицеръ Ч. улыбнулся. Эта роковая улыбка была отнесена полковникомъ на счетъ того, что онъ сообщалъ о разговорѣ съ государемъ, потому что полковникъ чувствовалъ самъ, что онъ уже заврался.

— То на то, и того, то на то, и желательно помочь горю—имѣть всѣмъ хорошій столъ во время похода, да что же, то на то, подѣлаешь: одинъ запуститъ разомъ съ тобою вилку въ свинину (при этомъ полковникъ вглянулъ на Букаринова, сверкая глазами), а другой смѣется, не зная чему (строгій взоръ на Ч.)... Я вѣдь не лгу о томъ, что мнѣ сказалъ государь, я не сочиняю этого, то на то, и того, то на то... Вижу, что мнѣ здѣсь не съ кѣмъ обѣдать, буду обѣдать одинъ.

Конечно, послѣ этого никто не пошелъ къ командиру на обѣдъ; но всѣ знали, что главною причиною была скупость полковника, выраженная въ такой неудобной формѣ.

Во время гатчинской дневки я отправился въ Петербургъ и, возвращаясь позднею ночью, простудился въ моей подбитой воздухомъ шинели. Результатомъ была упорная перемежающаяся лихорадка, притомъ весьма замаскированная. Ознобы повторялись каждый день, начинаясь съ ранняго утра; за ними слѣдовалъ жаръ, длившійся нѣсколько часовъ, а потомъ всю ночь—проливной потъ. Я сталъ принимать хининъ, съѣлъ его болѣе унціи, но лихорадка меня не покидала. Подумавъ, что во время пароксизмовъ, которые длились почти цѣлыя сутки, я ничего не ѣлъ и могу истощиться, я началъ вставать въ три часа утра и раньше, и пробовалъ съѣсть что-нибудь до наступленія пароксизма. Однако чѣмъ я раньше вставалъ, тѣмъ раньше начинался лихорадочный пароксизмъ: яйцо, кусокъ мяса, стаканъ чаю уже были достаточны, чтобы вызвать немедлен-

ный ознобъ. Такъ продолжалось около 5-ти недѣль. Я двигался въ походѣ больной, въ лазаретномъ фургонѣ, сильно исхудалъ и пожелтѣлъ, но явной желтухи у меня не было. До Динабурга оставалось не болѣе 4 переходовъ. Уже съ недѣлю я бросилъ всѣ лѣкарства, и вдругъ лихорадка меня оставила. Въ одинъ день ея не стало. Неужели, подумалъ я, для прекращенія лихорадки нужно было оставить всякое лѣченіе! Силы начали крѣпнуть, явился аппетитъ и охота къ движеніямъ, такъ что весь послѣдній до Динабурга переходъ я шелъ пѣшкомъ, чувствуя себя вполнѣ здоровымъ. Въ Динабургѣ я отправился прямо въ гостиницу и заказалъ себѣ борщъ и бивштексъ. Съѣлъ все это съ величайшимъ аппетитомъ. Но только, окончилъ бивштексъ, успѣлъ положить ножъ и вилку, какъ меня начало знобить, затѣмъ начался жаръ и всю ночь я потѣлъ. Я былъ въ отчаяніи и думалъ, что опять на долгое время скуетъ меня лихорадка. На другой день я съ трепетомъ ожидалъ пароксизма, но его не было, и съ той поры я ни разу не былъ боленъ перемежающейся лихорадкой. По сіе время не могу еще хорошо уяснить себѣ—почему нужно было лихорадочному пароксизму повториться еще только одинъ разъ и потомъ, безъ всякаго лѣченья, на всегда оставить меня!

Вскорѣ я совершенно ожилъ и окрѣпъ. Меня снѣдала теперь тоска о Петербургѣ. Приближалось время, послѣ трехдневнаго отдыха въ Динабургѣ, выступать въ походъ. Однако, вдругъ получено предписаніе: остановиться въ Динабургѣ, впредь до распоряженія. Это меня несказанно обрадовало. Дня чрезъ три было получено предписаніе о томъ, что я переведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ батальоннымъ лѣкаремъ. Но тутъ встрѣтилось препятствіе. Я лѣчилъ больную туберкулезомъ легкихъ дочь командира. Полковникъ Пороцкій не пускалъ меня къ новому мѣсту службы, ссылаясь на то, что паркъ не можетъ оставаться безъ врача. Поэтому я просидѣлъ цѣлую недѣлю въ Динабургѣ. Каждый день я умолялъ полковника отпустить меня въ Петербургъ. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ:

— То на то, я беру на себя отпустить васъ до прибытія другаго врача, но обѣщайте мнѣ, что вы назначите моей дочери лѣкарство, которое на долго успокоитъ ей кашель и дастъ сонъ, какъ теперь.

Я давалъ тогда больной по временамъ морфій, и это средство только облегчало ея безвыходное положеніе. Я прописалъ больной морфій же въ капляхъ и совѣтовалъ пригласить другаго врача, который и принялъ отъ меня больную, а я получилъ предписаніе, чтобъ отправиться къ новому мѣсту служенія.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ летѣлъ я въ Петербургъ въ той же подбитой воздухомъ, съ воротникомъ изъ нѣмецкаго бобра, шинели, но уже въ фланелевой фуфайкѣ, надѣтой поверхъ тѣла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Царь Иванъ IV и папа Григорій XIII.

Русская церковь, принявшая свои вѣроученіе и обряды, по преимуществу, отъ церкви восточной, Константинопольской, своимъ значеніемъ, подъ покровительствомъ подчасъ могущественныхъ государей, скоро превзошла послѣднюю. Это не могло ускользнуть отъ зоркихъ взглядовъ римскихъ первосвященниковъ. Отсюда попытки ихъ сблизиться съ восточною церковію на почвѣ соглашеній съ Византіею постепенно отходили на задній планъ, уступая мѣсто попыткамъ достигнуть этого сближенія на почвѣ сношеній съ Московскимъ государствомъ. Начиная съ XIII вѣка видимъ цѣлый рядъ такихъ попытокъ, оканчивавшихся, правда, всегда неудачами. Изъ нихъ, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія одна, въ концѣ XVI ст., когда русскій государь самъ, такъ сказать, пойдя на встрѣчу желаніямъ папы, отправилъ въ Римъ своего посла первымъ. Попытка эта составляетъ предметъ предлагаемой монографіи.

... Наносимые Баторіемъ удары дѣлались все болѣе и болѣе чувствительными. Зимою 1580, или, по тогдашнему русскому счисленію (считая годъ съ сентября), 1581 г. польско-литовскія войска доходили до Старой Руссы, которую сожгли. Наши послы, отправленные къ королю, сперва стольникъ кн. Иванъ Сицкій-Ярославскій да думный дворянинъ Романъ Пивовъ, а послѣ думные дворяне Евстафій Пушкинъ съ Ѳедоромъ Писемскимъ, памятуя царскій наказъ [1]), смиренно слѣдовали за Баторіемъ,

[1]) Въ наказѣ томъ было сказано: „а будетъ учнутъ укорять, или безчествовати, или лаяти, или б и т и... ино отвѣчивати слегка, а не бранитися, а п р о т и в ъ б о ю т е р п ѣ т и. (Д ѣ л а п о л ь с к., № 12, л. 228, у Карамзина въ примѣч. 558 къ т. IX „Ист. Гос. Росс.“ (по изд. Эйнерлинга).

перенося всѣ обиды и лишенія [1]) и соглашаясь на всѣ уступки—лишь бы только добиться перемирія. Иванъ Васильевичъ соглашался даже поступиться своимъ титуломъ. Посламъ было разрѣшено не настаивать въ грамотѣ на царскомъ титулѣ, а только къ слову замѣтить, что наши-де государи «не со вчерашняго дня государями, а извѣчные» [2]). Неутомимый Баторій требовалъ уступки всей Ливоніи и города Себежа, а сверхъ того уплаты контрибуціи въ 400.000 венгерскихъ золотыхъ. Уязвленный такими требованіями, Грозный рѣшилъ письменно объясниться съ королемъ. Но, по обыкновенію, написалъ много непріятныхъ для Стефана вещей. Царское посланіе начиналось прозрачными намеками по адресу польскаго короля: «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію»; перечислялись всѣ неправды Баторія по отношенію къ царю, выставлялось на видъ его высокомѣріе, невозможныя требованія, кровожадность и т. п. [3]). Баторій, котораго посланіе это застало въ Полоцкѣ, поручилъ написать на него отвѣтъ—своему канцлеру, знаменитому впослѣдствіи Яну Замойскому. Замойскій, воспитанникъ Падуанскаго университета, гордившійся своимъ образованіемъ («Patavium virum me fecit!»), въ дѣлѣ сочинительства, конечно, не уступалъ Грозному. Онъ усердно занялся этимъ дѣломъ и — въ концѣ концовъ – появилось обширное ругательное письмо московскому царю [4]). Въ письмѣ доказывалось, что не король, а царь виновникъ войны; что послѣдній—развѣ «для лакомства, альбо для пыхи (гордости) до пруса, якогось фальшивого, а николи на свѣтѣ небывалого брата цесаря Августа, родъ свой выводитъ»; производитъ также себя отъ племени греческаго, но что, если онъ и отъ гре-

[1]) Сицкій и Пивовъ ѣздили за королемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы; на дорогѣ литовскіе люди пословъ безчестили, посольскихъ людей били, грабили, корму людскаго и конскаго посламъ не давали, отчего много лошадей у нихъ пало (въ недостаткѣ корма, впрочемъ, послѣ, предъ послами извинились); въ Варшавѣ паны радные польскіе говорили посламъ великія задорныя рѣчи и непригожія слова; Баторій принялъ Сицкаго и Пивова величаво, надменно, сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему кланялись отъ царя, не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. (Соловьевъ. „Ист. Рос.“, VI, 1877, 328—329; Карамзинъ „И. Г. Р.“ IX, 184).

[2]) Любопытно, что, соглашаясь на все, приказывая посламъ терпѣть все, Иванъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи уколоть Баторія, что онъ со вчерашняго дня государь.

[3]) Дѣла польск., № 13.

[4]) Написано на смѣшанномъ русско-польскомъ языкѣ и заключаетъ до 200 страницъ. Въ концѣ помѣта: „писанъ у Заволочьѣ, лѣтъ Божья нарожденья 1581, мѣсяца августа 2 дня; и запечатанъ тотъ листъ печатью Маестатною Корунною, въ небытности на тотъ часъ при насъ канцлера В. Княжества Литовскаго“. (Дѣл. польск., № 13, л. 265—350).

ковъ, то развѣ — отъ Тіэста, тирана, который кормилъ своего гостя тѣломъ его ребенка. «Зовешься—пишетъ Баторій—носителемъ креста Христова, ты, который зъ діабломъ полной усходъ Богу отнимаешь, котораго ни носишь, але на подданные свои кресты незносные вкладаешь»....; «а людкость твоя якая есть?»—ты не одно какое-нибудь дитя, а народъ цѣлаго города, начиная отъ старшихъ до наименьшихъ, губилъ, разорялъ, уничтожалъ...., «гдѣ же ся братъ твой Володимеръ (Андреевичъ)?» гдѣ множество людей и бояръ? побилъ! «и еще на тыхъ ся гнѣваешь, которыхъ до тебе пустили, здрадцами (измѣнниками) ихъ зовучи»; ты не государь своему народу, а палачъ, ты привыкъ повелѣвать надъ подданными, какъ надъ скотами....; ты думаешь—вездѣ такъ управляютъ, какъ въ Москвѣ? каждый государь христіанскій, при помазаніи на царство, долженъ присягать въ томъ, что будетъ управлять не безъ разума, какъ ты ..; «наибольшая мудрость самому себя знати: иже бы ся лѣпѣй позналъ, посылаемъ тобѣ книги, которые о тобѣ по всемъ свѣтѣ... росписаны суть»..., а если хочешь еще другихъ пришлю, чтобы ты въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ и себя и родъ свой [1])... «А яко намъ смѣешь припоминати такъ часто бесурманство, ты, который еси кровь свою съ ними потѣшалъ», котораго предки, какъ конюхи, служили подножниками царямъ перекопскимъ, когда тѣ садились на коней, «которые кобылье молоко, што вкануло на гриву татарскихъ шкапъ (клячъ) лизали»..; для чего ты къ намъ не пріѣхалъ со своими войсками, для чего подданныхъ своихъ не оборонялъ? и бѣдная курица защищаетъ отъ орла и ястреба своихъ птенцовъ, а ты, орелъ двуглавый – ибо такова твоя печать—отъ насъ пряче шься. Въ заключеніе Баторій вызывалъ царя на поединокъ.

Письмо было отправлено съ гонцомъ Лопатинскимъ. Царь не нашелся, что отвѣчать на него, и ограничился тѣмъ, что Лопатинскаго не позвалъ обѣдать, впрочемъ, велѣлъ передать Стефану, что будетъ отвѣчать на присланныя имъ книги, когда прочитаетъ ихъ. Но послѣ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, раздумалъ [2]).

---

[1]) Очевидно это были печатныя книги, изданныя въ Германіи, вродѣ соч. Іоганна Гоффа „Tyranney Iwan Wasilovitz“, изданнаго въ 1581 г. съ любопытными каррикатурами на Грознаго, соч. Александра Гваньини, появившагося въ томъ же году „Gesta praecipua Tyrannisque ingens Monarchae Moscoviae, J. B. nuper perpetrata“ и подоб. Соображенія наши подтверждаются какъ словами письма Баторіева: „посылаемъ книги, которые... не только за привиліемъ короля Августа, продка нашего, але за привильемъ Цесаря Максимиліана росписаны суть“, такъ и свидѣтельствомъ королевскаго секретаря Рейнгольда Гейденштейна въ его „De bello Moschovitico“ (въ „Rer. Moscov. auct.“, 392): „sub finem epistolae... libros de immanitate ejus, passim per Germaniam editos una ei mittit“.

[2]) См. у Соловьева „И. Р“. VI, 341.

Отправивъ письмо, Баторій, по совѣту пановъ, двинулся на Псковъ. Въ то же время шли военныя дѣйствія противъ шведовъ, которые изъ Эстоніи и Финляндіи напали на наши владѣнія и, между прочимъ, осаждали Нарву; сверхъ того боялись тогда нашествія крымскаго хана.

Въ такихъ печальныхъ для Россіи обстоятельствахъ, навлеченныхъ на нее близорукою политикою, тиранствомъ и трусостью Ивана IV, государь этотъ всю надежду возлагалъ на переговоры о содѣйствіи—которые въ то время велись имъ—съ преемникомъ Максимиліана II, воображаемымъ союзникомъ нашимъ, германскимъ императоромъ Рудольфомъ II.

Но когда переговоры эти ни къ чему не привели, при московскомъ дворѣ вспомнили о римской куріи и рѣшили возобновить съ ней сношенія, прерванныя уже болѣе 50 лѣтъ. Посломъ въ Римъ отправлялся Истома (Иванъ) Шевригинъ. Въ посылаемой съ нимъ къ папѣ грамотѣ царь жаловался на «неправды» Баторія, что онъ, «наруша крестное цѣлованіе, по совѣту съ Турскимъ Солтаномъ, впалъ войною и многое неповинное кровопролитіе учинилъ» [1]). За посредничество о мирѣ съ королемъ Шевригинъ, согласно наказу, уполномочивался подать надежду папѣ на союзъ московскаго царя съ христіанскими государями противъ общаго врага, султана, и изъявить готовность довести до свѣдѣнія государя предложеніе папы,—если таковое послѣдуетъ,—о допущеніи въ Россію купцовъ изъ Венеціи и Рима [2]).

6 сентября 1581 г Шевригинъ, въ сопровожденіи переводчика, выѣхалъ изъ Москвы. Онъ отправился кружнымъ путемъ черезъ Ливонію и Перновъ, потомъ моремъ и черезъ Данію въ Германію,—гдѣ долженъ былъ вручить новыя грамоты Рудольфу, которыя и на сей разъ вызвали дружескіе, но уклончивые отвѣты—а оттуда въ Италію. Пріѣхавъ въ Италію, Шевригинъ остановился въ Венеціи. У него не было порученія къ венеціанскому правительству, но оно само привѣтствовало его; Шевригинъ имѣлъ аудіенцію у синьоріи, представилъ грамоту, говорятъ, подложную [3]), получилъ отвѣтъ, который, впрочемъ, имъ не былъ доставленъ: Шевригинъ доносилъ, что грамоту венеціанскую послалъ онъ съ любскимъ нѣмчиномъ, а того нѣмчина по дорогѣ ограбили [4]).

Изъ Венеціи русскій посолъ проѣхалъ въ Римъ.

Въ Римѣ отнеслись весьма сочувственно къ миссіи Шевригина. Приняли его съ почетомъ, обласкали и одарили. Вотъ что объ этомъ

---

[1]) „Древ. росс. вивліоѳ.“, XVI, по изд. 2, стр. 136.

[2]) Цвѣтаевъ, „Изъ ист. иностр. испов. въ Россіи въ XVI—VII вв.“, М. 1886, 281, ср. 286.

[3]) Сообщ. Поссевина въ Римъ Pierling'a „Un nonce de Pape en Moscovie“, Par. 1884, 15.

[4]) „Памят. диплом. сношѳ.“, X, 28.

пишетъ самъ Шевригинъ. «Пріѣхалъ онъ, Истома, въ Римъ февраля 24-го; а встрѣча ему первая была отъ Риму за пять верстъ, кардиналъ Медичъ, а по-русски—архіепископъ, а съ нимъ человѣкъ 150; а подъ него, подъ Истому, привезли три колымаги. А другая встрѣча была отъ Риму за три версты: встрѣчалъ кавалеръ, а по-русски—воевода, а съ нимъ человѣкъ съ 200. А въ Римѣ поставили его на дворѣ у римскаго намѣстника, у папина сына, у Якова. А встрѣтилъ его папинъ сынъ на дворѣ своемъ, да и въ приставѣхъ у него былъ папинъ же сынъ» [1]). Черезъ четыре дня по пріѣздѣ (28 февраля) Шевригинъ былъ принятъ папою.

Въ то время на папскомъ престолѣ возсѣдалъ Григорій XIII-й (1572—1585), родомъ болонецъ (изъ фамиліи Буонкомпаньо (Buoncompagno), мужъ ученый, немало положившій трудовъ по вопросу о соединеніи церквей. Такъ, воспользовавшись стремленіемъ грековъ получать образованіе въ Италіи, онъ, въ 1577 году, основалъ въ Римѣ коллегіумъ, спеціально назначенный для греческихъ юношей, и при немъ—впослѣдствіи—устроилъ церковь для совершенія богослуженія на греческомъ языкѣ. Отъ воспитанниковъ коллегіума не требовалось принятіе католичества; но вліяніе получаемаго образованія послѣ сказывалось само собою. Посылалъ онъ миссіонеровъ, по преимуществу іезуитовъ, къ ордену которыхъ самъ принадлежалъ, въ разныя отдаленныя страны. Въ 1575 г., вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ цесарскаго посла Кобенцеля [2]), что русскіе чрезвычайно религіозны, что ихъ легко привлечь въ лоно римской церкви, отъ которой они различаются по вѣрѣ только весьма немногимъ,—отправилъ въ Москву, съ письмомъ къ царю, патера Рудольфа Кленхена, который и прежде бывалъ въ Россіи и зналъ русскій языкъ и обычаи. Этотъ Кленхенъ, по данной ему инструкціи [3]), долженъ былъ расположить Ивана IV въ пользу церковнаго единенія предложеніемъ королевскаго титула. Но отправленію этого посольства въ Москву воспрепятствовалъ императоръ Максимиліанъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія папской власти [4]).

Теперь въ царскомъ обращеніи о посредничествѣ въ дѣлахъ съ Польшей, въ Римѣ увидѣли отчасти осуществленіе своихъ стремленій. Мечтательныхъ итальянцевъ, говоритъ современный историкъ, мало отрезвляло то, что, какъ они сами видѣли и какъ писалъ къ польскому

---

[1]) Донес. Ист. Шевригина у Карамз. IX, примѣч. 563.

[2]) Iohannis Cobencelii—„De legatione ad Moscovitos epistola“ (изд. у Старчевскаго во II т. „Hist. Ruth. Script.“; рус. пер. въ „Жур. Минист. Народ. Просв.“ 1842 г., № 9).

[3]) Въ „Hist. Ruth. Script.“, II, 4—9.

[4]) „Supplem. ad Hist. Russ. Monumenta“, № X, 21. Въ Москву, очевидно, доходили вѣсти о подобныхъ попыткахъ, почему, въ трудную минуту, тамъ и рѣшили ими воспользоваться.

нунцію римскій кардиналъ ди-Комо [1]), царь и посолъ выразили «о вѣрѣ хотя бы единое слово». «Это очень удивило его святѣйшество, который надѣялся, что князь (царь), если и неискренно, то, по крайней мѣрѣ, для виду, окажетъ нѣкоторое расположеніе къ святому престолу, чтобы побудить его согласиться на свои желанія. Тѣмъ не менѣе, обсудивъ дѣло и выслушавъ мнѣнія опытнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ людей, папа рѣшился не пренебрегать и этимъ случаемъ. Рѣшено отправить кого-нибудь, по всей вѣроятности, іезуита, можетъ быть патера Поссевина, главнымъ образомъ, чтобы трактовать о вѣрѣ и попытаться обратить князя и его народъ. Но очевидно, что къ религіозной попыткѣ нельзя приступить иначе, какъ подъ прикрытіемъ посредничества и перемирія, о которомъ проситъ князь» [2]).

Порученіе дѣйствительно пало на Антонія Поссевина [3]), члена «Societatis Jesu».

Трудно было найти въ то время болѣе искуснаго и опытнаго дипломата. Антоній уже былъ знакомъ съ европейскимъ сѣверо-востокомъ, ибо не задолго предъ тѣмъ совершилъ путешествіе въ Польшу и Швецію, при чемъ убѣдилъ короля шведскаго Іоанна III тайно воротиться въ католицизмъ. Будучи горячо преданъ планамъ о распространеніи папскаго вліянія на востокѣ, Антоній внимательно просмотрѣлъ всѣ важные документы, относившіеся къ прежнимъ сношеніямъ римской куріи съ Москвою, а также и нѣкоторыя записки о ней европейскихъ пословъ и путешественниковъ [4]). При своемъ отъѣздѣ Поссевинъ снабженъ былъ отъ куріи особой инструкціей, въ которой предлагалось, пріобрѣтя расположеніе и довѣренность государя московскаго, внушать, какъ можно искуснѣе, мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою церкви первосвященника римскаго, признаваемаго таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; указывать царю, что гораздо почетнѣе будетъ для него признать главою своей цер-

---

[1]) Статсъ-секретарь п. Григорія XIII.

[2]) P. Pierling — „Un Nonce du Pape“; Цвѣтаевъ — „Изъ исторіи иностр. испов.“, 282.

[3]) Ант. Поссевинъ род. въ Мантуѣ въ 1534 г.; 16 лѣтъ отъ роду пріѣхалъ въ Римъ, поступилъ къ кардиналу Гонзаго секретаремъ и наставникомъ двоюродныхъ его братьевъ. Въ 1560 г. вступилъ въ орденъ іезуитовъ и здѣсь прославился, какъ проповѣдникъ. Затѣмъ начинается его дипломатическая карьера.

[4]) Чтобы видѣть, какъ много прочелъ Поссевинъ о Московіи и какъ искусно онъ умѣлъ добывать нужныя свѣдѣнія—отсылаемъ читателей къ документу, найденному въ его бумагахъ и изданному въ „Suppl. ad Hist. Russ. Mon.“, № 10.

кви римскаго папу, нежели слугу турокъ, патріарха константинопольскаго, для этой цѣли взять собою, въ греческомъ переводѣ, изложеніе вѣры, составленное на Тридентскомъ соборѣ; стараться всѣми силами пріобрѣсти расположеніе мѣстнаго православнаго духовенства, которое, частію по грубости, частію изъ боязни потерять свое значеніе, быть можетъ, станетъ употреблять всѣ усилія, дабы не допустить государя оставить греческую вѣру; представлять царю тѣ великія выгоды, которыя будетъ имѣть союзъ христіанскихъ государствъ противъ турокъ; что на долю его, какъ сосѣдняго и могущественнѣйшаго владѣтеля, должны будутъ достаться многія страны турецкія; устроить коммерческія сношенія Венеціанской республики съ Московскимъ государствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ пріѣзда въ Москву купцовъ-католиковъ, испросить дозволеніе на постройку въ ней католическихъ храмовъ, объяснивъ при этомъ, что иначе никогда не установятся торговыя сношенія съ католическими народами.

Шевригинъ оставался въ Римѣ съ небольшимъ мѣсяцъ и къ нему «пріѣзжали его, Истому, подчивать, по вся дни, кардиналы и воеводы и дворяне, а ѣствы ему шло на день къ столу по тридцати блюдъ, а къ ужину по тридцати жь блюдъ, да овощей всякихъ къ столу по двѣнатцати блюдъ, да къ ужину жь по двѣнатцати блюдъ» [1]).

Марта 28-го, московскій гонецъ, вмѣстѣ съ патеромъ Антоніемъ Поссевинымъ, оставили Римъ. Они прежде всего направились въ Венецію.

Венеціане обоихъ приняли любезно; Шевригину поднесли подарки, а московскому царю заготовили поздравительную грамоту. 11-го апрѣля Поссевинъ усердно убѣждалъ дожа воспользоваться случаемъ, представляющимся въ московскомъ дѣлѣ, чтобы поддержать католическое движеніе и, подъ предлогомъ торговли, выхлопотать у царя купцамъ венеціанскимъ религіозныя вольности. О результатахъ этихъ переговоровъ мы узнаемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ Прагѣ чешской, послѣ посѣщенія цесарскаго двора, Поссевинъ разстался съ Шевригинымъ. Послѣдній поѣхалъ въ Россію опять кружнымъ путемъ черезъ Балтійское море, а папскій легатъ направился къ Баторію, котораго нашелъ въ Вильнѣ, въ іюнѣ 1581 г., во время его приготовленій къ псковскому походу.

Король, человѣкъ умный и дальновидный, недовѣрчиво отнесся къ миссіи Антонія. «Государь московскій, сказалъ Баторій легату—хочетъ обмануть св. отца; видя грозу надъ собою, радъ все обѣщать: и соединеніе вѣръ и войну съ турками, но—прибавилъ—меня не обманетъ!» [2]).

---

[1]) Донес. Ист. Шевригина, у Карамз. IX, прим. 563.

[2]) Ant. Possevinii—„Moscovia“, w. 1586; „La vie du père Ant. Possevin“; ср. Карамз. IX, 566.

Поссевинъ постарался увѣрить Баторія, что все, предпринятое папой относительно Московіи, имѣетъ цѣлію «распространеніе славы Божіей». Онъ раскрылъ королю свои виды и планы. «Хотя папа и венеціанская синьорія, передавалъ онъ Баторію, и находятъ, что заведеніе Венеціей морской торговли съ Москвою сопряжено съ большими трудностями, тѣмъ не менѣе его святѣйшество, желая извлечь изъ этого дѣла нѣкоторую пользу, приказалъ мнѣ отправиться въ Венецію и объяснить, что, можетъ быть, царь позволитъ построить католическую церковь, если къ нему прибудутъ венеціанскіе купцы. Если я найду царя расположеннымъ вступить въ торговыя сношенія съ католиками, то я предполагаю оставить тамъ священниковъ, которыхъ везу съ собою [1]). Если онъ откажетъ въ этомъ, то будемъ знать, что онъ обманываетъ христіанскихъ князей и занятъ лишь пріисканіемъ средствъ избѣгнуть опасности отъ вашего величества» [2]). Стефанъ поддался искуснымъ внушеніямъ Антонія и взялъ его съ собою въ походъ.

Въ Полоцкѣ они разстались. Король двинулся къ Пскову, а Поссевинъ направился къ царю, который въ то время находился въ Старицѣ. Дѣятельный іезуитъ не терялъ времени даромъ и на самомъ пути своемъ: ему удалось обратить въ католичество начальника конвоя, даннаго ему королемъ, православнаго русина. Подъ Смоленскомъ, на московской границѣ, Поссевина нарочно принялъ высланный царемъ русскій конвой, состоявшій изъ отряда богато одѣтыхъ всадниковъ [3]). Особый приставъ—Залѣшанинъ-Волоховъ—назначенъ былъ состоять при послѣ. Въ «наказѣ» Залѣшанину поручалось на всѣ вопросы папскаго нунція отвѣчать обстоятельно, но если онъ «станетъ задирать» и говорить о вѣрѣ, то отвѣчать, что «грамотѣ не учивался, да не говорить ничего про вѣру» [4]).

18-го августа прибылъ Поссевинъ въ Старицу. Еще за двѣ версты до города на встрѣчу легату высланы были царскія лошади въ сопровожденіи 4 бояръ, да 100 человѣкъ дѣтей боярскихъ. По прибытіи въ Старицу, Антоній остановился на посольскомъ дворѣ. Въ тотъ же день къ нему присланъ былъ отъ царя «со столомъ» стольникъ Ив. Бѣльскій съ пятью жильцами.

На третій день Антоній, съ четырьмя братьями своего ордена, былъ представленъ царю, въ торжественной аудіенціи. Звать папскаго посла во дворецъ были отправлены Ѳома Бутурлинъ, Михайло Безнинъ да Елизарій Вылузгинъ, а передъ ними съ извѣщеніемъ объ ихъ приходѣ—

---

[1]) Антоній имѣлъ въ своей свитѣ изъ 12 человѣкъ четырехъ іезуитовъ.
[2]) У Цвѣтаева—„Изъ ист. иностр. испов.“, 283—284.
[3]) Статейн. спис. (Дѣла папск., № 1), у Карамз. IX, примѣч. 570.
[4]) Памятн. дипломат. сношен., X, 43.

Григорій Литвиновъ да Родіонъ Биркинъ. По всему пути слѣдованія посла отъ посольскаго дома до дворца, по обѣ стороны, стояли вооруженные стрѣльцы. Передъ государевымъ дворомъ, миновавъ дьячью посольскую избу, посолъ сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ, то же сдѣлали и сопровождавшія его лица. Въ тотъ день бояре и дворяне при государѣ, находившіеся во дворцѣ, были въ парадной золоченой одеждѣ. Антоній былъ удивленъ блескомъ и великолѣпіемъ двора. На парадной лѣстницѣ его встрѣтили Василій Григорьевичъ Зюзинъ, Романъ Михайловичъ Пивовъ съ дьякомъ Андреемъ Шерефединовымъ. Царь принялъ посла въ столовой палатѣ. Когда Антоній вошелъ въ столовую — его представилъ государю окольничій Степанъ Васильевичъ Годуновъ Иванъ Грозный сидѣлъ въ большомъ нарядѣ, рядомъ съ нимъ возсѣдалъ старшій царевичъ Иванъ Ивановичъ, вокругъ находились бояре, дворяне и дьяки. Антоній же сталъ передъ царемъ и привѣтствовалъ его съ царевичемъ отъ имени папы Григорія XIII. При имени Григорія XIII царь и царевичъ встали и спросили: «Григорій папа здорово ли?» Посолъ отвѣтилъ и предъявилъ царю письмо папы, которое тотъ велѣлъ принять дьяку Аѳанасію Демьянову. Письмо начиналось словами: «Григорій папа третій-на-десять возлюбленному сыну, достойному чести, великому мужу поздравленіе и апостольское благословеніе». Папа писалъ о своемъ доброжелательствѣ къ Ивану Васильевичу и къ Россіи, обѣщалъ склонить польскаго короля Стефана къ миру, нужному для общаго блага христіанскихъ державъ и къ возвращенію отнятаго несправедливо, въ надеждѣ, что царь московскій умиритъ церковь соединеніемъ нашей съ апостольскою, вспомнивъ, что Греческая имперія пала отъ непріятія уставовъ Флорентійскаго собора, — для чего и «посылаю твоему величеству книгу о Флорентійскомъ соборѣ печатную, прошу, чтобъ ты ее самъ читалъ и своимъ докторамъ (ученымъ) приказалъ читать: великую отъ того Божію милость и мудрость и разумъ получишь», наконецъ, указывалъ на своего легата, Антонія, высокоученаго человѣка, и просилъ вѣрить ему во всемъ [1]). Затѣмъ Поссевинъ поднесъ подарки отъ папы. Царь и старшій царевичъ съ великимъ вниманіемъ разсматривали ихъ. Это были: крестъ съ изображеніемъ страстей Господнихъ, четки съ алмазами и въ богатомъ переплетѣ книга о Флорентійскомъ соборѣ [2]). Послѣ того царь и царевичъ жаловали посла къ рукѣ. Затѣмъ

[1]) Письмо Григорія XIII отъ 15-го марта 1581 г., у Страчевскаго во II т. „Hist. Ruthen. Script. exteri“; также и въ „Извѣс. историч. объ Ант. Поссевинѣ“ въ „Др. рос. вивліоѳ.“, час. VI, по 2 изд., 79—80. Папа писалъ особенно и къ царевичамъ и къ царицѣ.

[2]) Папа прислалъ царю еще изображеніе Богоматери и Младенца Іисуса, представленнаго нагимъ, но Антоній не рѣшился его поднести Грозному, узнавъ, что москвитяне не терпятъ наготы въ священной живописи. (Possevinii, „Moscovia“, Карамз. IX, примѣч. 571).

Иванъ Васильевичъ велѣлъ Поссевичу сѣсть на скамьѣ вблизи себя и приказалъ одному изъ дьяковъ спросить его: кромѣ письма есть ли съ нимъ отъ папы какой приказъ? Антоній отвѣчалъ, что еще «и иныя дѣла наказаны ему предложить». На это Иванъ Васильевичъ велѣлъ передать, что для выслушиванія тѣхъ дѣлъ вышлетъ къ нему своихъ ближнихъ людей.

За аудіенціей послѣдовало роскошное угощеніе. Приглашенныхъ было немного. Накрыты были два стола. За однимъ сидѣлъ государь съ князьями Ѳедоромъ и Васильемъ Ивановичами Милославскими и Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, а за другимъ — Антоній, противъ него помѣстились бояре: Ѳома Бутурлинъ, Михайло Внуковъ, Елизарій Вылузгинъ, Залѣшанинъ-Волоховъ, Страховъ 2-й и дьякъ Семейка Пахомовъ. У поставца находился писарь. Присутствовавшіе бояре и дворяне сидѣли въ нагольныхъ шубахъ, а стольники и чашники были одѣты въ новое платье. Папскій нунцій былъ очарованъ пріемомъ. Никогда еще, пишетъ онъ, не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни королевскимъ, ни императорскимъ посламъ [1]). «Я видѣлъ не грознаго самодержца, но радушнаго хозяина среди любезныхъ ему гостей, привѣтливаго, внимательнаго, разсылающаго ко всѣмъ кушанья и вина» [2]). Въ половинѣ обѣда Иванъ, облокотясь на столъ, сказалъ папскому послу: «Антоній, укрѣпляйся пищею и питьемъ; ты совершилъ путь дальній отъ Рима до Москвы, будучи посланъ къ намъ святымъ отцомъ, главою и пастыремъ римской церкви, коего мы признаемъ намѣстникомъ Іисуса Христа» [3]). Послѣ стола, по принятому обычаю, ѣздили къ послу на подворье съ медомъ Ѳома Бутурлинъ и Михайло Безнинъ.

Посольство пробыло въ Старицѣ болѣе трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ вело переговоры: объ условіяхъ перемирія съ Польшей, о торговыхъ сношеніяхъ москвитянъ съ венеціанами и объ общемъ союзѣ противъ турокъ. Поссевинъ объявилъ на словахъ, высланнымъ для выслушанія у него дѣлъ, думнымъ дворянамъ Василью Григорьевичу Зюзину и Роману Михайловичу Пивову и дьякамъ Андрею Щелкалову, Аѳанасью Демьянову и Ивану Стрѣшневу, что онъ, исполняя волю папы и готовый служить царю со всемъ усердіемъ, уговаривалъ Баторія къ миру всякими способами и что, если великій государь тѣ дѣла ему вручить изволитъ, онъ пошлетъ къ польскому королю, съ письмами, изъ своихъ одного человѣка, или самъ поѣдетъ; просилъ, чтобы венеціанамъ

---

[1]) „Дѣла папск.“, № 1.

[2]) Possevin. „Moscov.“

[3]) Такъ у Possevin'a въ „Moscov“ — Карамзинъ (IX, 184) не вѣритъ, чтобы Грозный сказалъ: коего мы признаемъ намѣстникомъ Іисуса Христа и, вмѣсто этихъ словъ, ставитъ (впрочемъ, произвольно) „коего мы чтимъ душевно“.

были дарованы права свободной торговли и построенія своихъ храмовъ въ предѣлахъ Московскаго государства; наконецъ, указывалъ на то, что царь, заключивъ миръ съ Баторіемъ и королемъ шведскимъ,—чего также желаетъ папа,—долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ императоромъ германскимъ, съ королями испанскимъ, французскимъ, съ Венеціею и съ другими европейскими странами противъ Порты оттоманской, что одинъ папа дастъ 50.000 или болѣе воиновъ въ составъ христіанскаго ополченія, въ которомъ, быть можетъ, и шахъ персидскій приметъ участіе [1]). Посла благодарили за любовь и благожелательство, за предложеніе наступать на турокъ общими силами, разрѣшали итальянскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть при себѣ своихъ священниковъ и совершать обряды своей вѣры, но строить храмы не позволили [2]), не отвергали мира съ Швеціею, но прежде домогались мира съ Баторіемъ. Царь настаивалъ, чтобы Поссевинъ отправился къ польскому королю и уговорилъ его пріостановить военныя дѣйствія и заключить миръ съ Москвою [3]).

Желая угодить Ивану Васильевичу миромъ и тѣмъ содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ Григорія XIII въ отношеніи къ Московскому государству, Поссевинъ, со свитою, 14-го сентября (1582 г., по русскому счету) отправился въ королевскій лагерь подъ Псковъ.

При царскомъ дворѣ онъ оставилъ, въ качествѣ наблюдателей, двухъ патеровъ изъ своихъ товарищей Стефана Дреноцкаго и Михаила Маріена, внушивъ имъ: избѣгать всякихъ столкновеній съ русскими, дабы тѣмъ не вызвать неудовольствія, повременить распространеніемъ, изданныхъ на западѣ, религіозныхъ книгъ, богослуженіе совершать безъ крестныхъ ходовъ по улицамъ, если бы завязались религіозныя пренія вмѣсто отвѣтовъ, затруднять противниковъ вопросами и склонять рѣчь болѣе на нравственныя начала религіи, о русскихъ святыхъ отзываться незнаніемъ, избѣгать встрѣчи съ митрополитомъ, чтобы не отдавать ему почтенія, при представленіи ограничиться однимъ поклономъ [4]).

По отъѣздѣ Поссевина, обоюдные гонцы съ письмами нерѣдко скакали между Псковомъ и Александровскою слободою (куда царь пере-

---

[1]) „Извѣс. историч.“, стр. 81—83, 87.

[2]) 31-го августа Антонію было объявлено: „Бога въ Троицѣ славимаго милостію вел. государь, царь и вел. кн. Иванъ Вас. всея Руси, велѣлъ тебѣ сказать.... Венетамъ въ наше государство пріѣзжать вольно и со своими попами и со всякими товарами, церквамъ же римскимъ въ нашемъ государствѣ быть не пригоже, потому что до насъ прежде того обычая не бывало, мы хотимъ держать то по старинѣ, и вновь тому быть не годится“. (Цвѣтаевъ: „Изъ истор. иностр. испов.“, 287).

[3]) „Изв. историч. “, 83—84, 87—88.

[4]) У Цвѣтаева, 289.

ѣхалъ изъ Старицы); но мирные переговоры папскаго нунція съ королемъ плохо подвигались впередъ. Очевидно, Стефанъ желалъ прежде овладѣть Псковомъ и потомъ уже предписать миръ Грозному, а послѣдній съ своей стороны никакъ не могъ помириться съ мыслію о потерѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, тѣмъ не менѣе могъ желать новыхъ пораженій отъ Баторія. Наконецъ, при посредствѣ Антонія [1]) въ деревнѣ Киверова Горка, между Порховомъ и Заволочьемъ, въ 15-ти верстахъ отъ Запольскаго Яма, съѣхались съ обѣихъ сторонъ уполномоченные: съ польской стороны—Янъ Збаражскій, воевода брацлавскій, князь Альбрехтъ Радзивиллъ, надворный литовскій маршалокъ, и Михаилъ Гарабурда, секретарь великаго княжества Литовскаго; съ московской стороны—князь Димитрій Елецкій, намѣстникъ кашинскій, Романъ Алферовъ, дворянинъ и намѣстникъ козельскій, и дьякъ Басенокъ Верещагинъ. Посламъ пришлось поселиться въ крестьянскихъ курныхъ избахъ, терпѣть зимній холодъ и недостатокъ, даже пить снѣжную воду. Кругомъ все было опустошено. Впрочемъ, русскіе уполномоченные и самъ Поссевинъ, по его словамъ, не испытывали такихъ лишеній: щеголяли своими нарядами и имѣли съ собою значительное количество съѣстныхъ припасовъ, которыми дѣлились съ нимъ; къ тому же Поссевинъ отличался крѣпкимъ, закаленнымъ организмомъ.

13-го декабря открылись мирные переговоры Польши съ Москвою подъ личнымъ предсѣдательствомъ Поссевина: по правую отъ него руку садились польскіе послы, по лѣвую — русскіе, подлѣ становился переводчикъ. Засѣданія происходили ежедневно. Всѣхъ ихъ насчитывали болѣе 20-ти. Московскіе послы, быть можетъ, зная о трудномъ положеніи королевскаго войска подъ Псковомъ, нарочно тянули переговоры, да кромѣ того имъ желательно было удержать хотя небольшую часть Ливоніи — Дерптскій округъ. Съ этою цѣлію они, между прочимъ, указывали на то, что, если-де царь уступитъ всю Ливонію, то у него не будетъ пристаней морскихъ, и нельзя будетъ ему ссылаться съ папою и другими владѣтелями, нельзя будетъ войти съ ними въ союзъ противъ бусурманъ. Все было напрасно. Поссевинъ, всюду старавшійся выставлять на видъ радѣніе о пользѣ московскаго государя, на самомъ дѣлѣ мирволилъ польской сторонѣ [2]). Въ концѣ концовъ, послѣ многоразлич-

---

[1]) Который, между прочимъ, писалъ къ царю изъ королевскаго стана, что „Псковъ въ великой тѣснотѣ стоитъ“, что король въ его государевой землѣ зимовать умыслилъ, что шведскій король, обще съ польскимъ, воевать хочетъ—и тѣмъ побудилъ Грознаго на высылкуословъ („Изв. истор.“, 90—92); см. письма Поссевина Грозному, оттуда же, въ „Suppl. ad. Hist. Russ. Monum.“, №№ 15, 19, 22.

[2]) О причинахъ этого — у Соловьева „Ист. Рос.“, VI, 339, также см. записку Поссевина о возможности возстановленія въ Ливоніи католичества

ныхъ пререканій, обѣ стороны подписали перемиріе на десять лѣтъ (6-го января 1582 г.), на слѣдующихъ основаніяхъ: царь отказывается отъ Ливоніи и уступаетъ Полоцкъ и Велижъ, а король соглашается возвратить взятые имъ псковскіе пригороды. Но и тутъ дѣло едва не разстроилось изъ-за титуловъ. Когда стали писать договорныя грамоты—возникли споры по поводу царскаго и папскаго титуловъ и выраженій на счетъ уступки ливонскихъ городовъ [1]). Раздраженный упрямствомъ русскихъ уполномоченныхъ, Антоній вышелъ изъ себя, вырвалъ у нихъ изъ рукъ бумагу, схватилъ одного изъ нихъ (Елецкаго) за шиворотъ и выгналъ вонъ, со словами: «ступайте вонъ! я съ вами ничего не буду говорить» [2]).

Когда дѣло было, наконецъ, улажено, Антоній отъѣхалъ въ Москву. 14-го февраля онъ прибылъ въ столицу Московскаго государства. Помѣстили его въ Китай-городѣ, въ домѣ Ивана Сѣркова. Антоній засталъ московскій дворъ въ печали: не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ послѣ убійства царевича Ивана Ивановича. «Я нашелъ царя въ глубокомъ унынiи, говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ; этотъ пышный дворъ казался тогда смиренною иноческою обителью, чернымъ цвѣтомъ одежды выражая мрачность души Іоанновой» [3]). Тѣмъ не менѣе посла приняли, по-прежнему, съ почетомъ. 18-го февраля онъ былъ у государя, причемъ царь звалъ къ рукѣ, спросилъ его о здоровьи, посадилъ на скамейкѣ близко себя [4]) и послѣ пригласилъ къ столу.

Для переговоровъ съ нимъ былъ назначенъ новгородскій намѣстникъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ съ товарищами. Антоній предъ-

---

въ „Suppl. ad. Hist. Russ. Monum.“, № 2. — Остроумную и въ то же время справсдливую аналогію находитъ Д. И. Иловайскій („Истор. Вѣстн.“, томъ XXXV, 590) между дѣйствіями іезуита Поссевина въ Киверовой Горкѣ въ 1581—1582 гг. и дѣйствіями „честнаго маклера“ на Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 году.

[1]) Московскіе послы хотѣли писать своего государя „царемъ и государемъ лифляндскимъ и смоленскимъ“, поляки и Поссевинъ на это не согласились, рѣшено было такъ написать Ивана Васильевича только въ московскомъ договорномъ спискѣ; въ договорѣ упоминалось о Поссевинѣ, какъ послѣ „папы Григорія XIII“; противъ этого возражалъ Поссевинъ: „государь вашъ пишетъ папу какъ простаго попа! а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христіанства“; русскіе уполномоченные предполагали написать, что царь „уступаетъ Курляндію и Ливонію“, на это ни польскіе коммиссары, ни Поссевинъ не согласились, и пришлось выразиться яснѣе, что царь уступаетъ не только ливонскіе города, завоеванные поляками, но и тѣ, которые еще за нимъ.

[2]) Костомаровъ „Рус. ист. въ жизнеопис. глав. дѣят.“, I, 1880, 527; Иловайскій. „Истор. Вѣст.“, XXXV, 594.

[3]) Possevin. „Moscov.“, 28; Карамзинъ, IX, 211.

[4]) „Изв. истор.“, 93—94.

явилъ слѣдующія требованія: 1) снаряженіе въ Римъ посольства «для поставленія прямаго соединенія и любви съ государи христіанскими и для соединенія на Турка», 2 наступательный союзъ съ Баторіемъ противъ перекопскихъ татаръ, 3) дарованіе, за царскою печатью, грамоты на свободное держаніе венеціанскимъ и другимъ торговымъ людямъ священниковъ своихъ, вѣры католической римской, 4) отсылка русскихъ юношей въ Римъ для образованія, 5) замѣна въ Россіи «магистровъ люторскихъ нѣмецкихъ, которые не знаютъ Пречистой Богородицы и святыхъ Божіихъ», правдивыми священниками римской вѣры [1]), наконецъ, чтобы царь удостоилъ его бесѣдою наединѣ о вѣрѣ.

По тѣмъ отвѣтамъ, которые послѣдовали на эти требованія, Поссевину пришлось убѣдиться, что москвитяне благодарности къ нему особенной не питаютъ, ибо въ Москвѣ видѣли, что папское посредничество не принесло государству существенной пользы въ войнѣ съ Баторіемъ [2]). На первый пунктъ требованія нунція ему отвѣтили, что отправлять посольство нынѣ невозможно, такъ какъ къ папѣ и къ цесарю уже ранѣе посылались послы, но что папа пусть возьметъ на себя инціативу уговориться съ христіанскими государями всѣмъ имъ быть съ великимъ государемъ въ любви и въ соединеніи противъ бусурманъ, и пусть папа и государи прежде пришлютъ къ великому государюословъ своихъ; по второму пункту сказали, что царь не можетъ послать совмѣстно съ Баторіемъ свои войска противъ крымскихъ татаръ, такъ какъ съ ханомъ находится въ мирѣ; на третій пунктъ отвѣтъ послѣдовалъ въ прежнемъ смыслѣ—торговать и имѣть своихъ священниковъ можно, но ученіе распространять и костелы строить нельзя; по четвертому пункту дали знать, что скоро мальчиковъ набрать нельзя, а когда наберутъ, то пришлютъ [3]); по пятому пункту замѣтили, что «въ Мо-

[1]) «Изв. истор.», 95, 96, 97, 98, а также «Выписка» изъ дѣлъ Посольскаго приказа, у Цвѣтаева «Изъ ист. иностр. испов.», приложеніе № 2, VIII.

[2]) Не питали къ Поссевину благодарности и поляки. Замойскій, между прочимъ, писалъ Збаражскому: «я было думалъ, что, по окончаніи мирныхъ переговоровъ, Москва увѣруетъ въ Поссевина и образъ его поставятъ подлѣ Николы или Пречистой въ пещерахъ, но они и въ перемирномъ листѣ писать его не хотятъ!» «Есть люди, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, къ королю, которые всѣхъ іезуитовъ называютъ плутами, это, конечно, не справедливо, но кто этого одного такъ назоветъ, тотъ, къ несчастію, пожалуй, не ошибется».

[3]) «Изв. Истор.», 99, 100—101. Дѣйствительно, сдѣлать это было довольно трудно. Года за четыре до описываемыхъ событій папскій нунцій въ Польшѣ Викентій Лаурео просилъ о томъ же виленскаго епископа. Послѣдній отвѣчалъ, что «русскіе до того преданы своей сектѣ, что скорѣе согласятся на смерть своихъ сыновей, нежели на отправку ихъ въ Римъ». («В. Лауреомондовскій еп., папскій нунцій въ Польшѣ въ 1574, 1578 гг. и его неизданн. донесенія кард. Комскому..., собр. въ ватиканс. арх. и издан. Ѳ. Вержбовскимъ». Варшава. 1887, стр. 683).

сковскомъ государствѣ много всякихъ людей вѣръ живутъ своимъ обычаемъ, а къ русскимъ людемъ никоторымъ образомъ не приставаютъ, а хотя кто и захочетъ пристать, и имъ пристать великій государь не попускаетъ» [1]). На домогательство Поссевина бесѣдовать съ царемъ о вѣрѣ нунцію дали понять, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ думныхъ людей, что каждый ревнуетъ о своей вѣрѣ, хвалитъ ее, и при разговорахъ о ней могутъ произойти противорѣчія, брань и затѣмъ вражда. Антоній продолжалъ настаивать и соглашался вести бесѣду въ присутствіи бояръ. Тогда назначенъ былъ день—21-е февраля.

Антоній съ тремя іезуитами явился въ тронную государеву палату, гдѣ уже сидѣлъ Иванъ Васильевичъ, окруженный одними высшими чинами: боярами, «дворянами сверстными» и «князьями служилыми» [2]). Встрѣтивъ Антонія учтиво, царь повторилъ ему то же, что говорили ему раньше бояре, и совѣтовалъ ему не касаться вѣры [3]). «Мнѣ уже пятьдесятъ первый годъ—промолвилъ Иванъ Васильевичъ—и не долго остается жить, воспитывался я въ истинной христіанской вѣрѣ (in religione me educatum, quae vera Christiana) [4]) и перемѣнять мнѣ ее не годится! Придетъ страшный судъ, и тогда Богъ разсудитъ, какая вѣра правая—наша или латинская! Но я не лишаю тебя права говорить, ежели хочешь». И Антоній говорилъ: «Григорій третій-на-десять папа, сопрестольникъ Петра и Павла, велѣлъ тебѣ говорить, что онъ хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи, въ вѣрѣ и въ любви, а вѣра римская съ греческою вѣрою одна, и папа хочетъ того, чтобъ впредь утвердилась одна церковь, одна вѣра, какъ Христосъ Петру верховному апостолу рекъ: п а с и о в е ц ъ м о и х ъ (Іоан. XXI, 15—17), и далъ ключъ царствія (Матѳ. XVI, 19), а папа Григорій, сопрестольникъ Петру апостолу, того хочетъ, чтобы во всемъ мірѣ въ римской вѣрѣ и въ греческой была одна церковь, одна вѣра; мы бы ходили въ греческую церковь и каялись въ своихъ грѣхахъ греческимъ попамъ, а греческой бы вѣры люди въ наши церкви римскія приходили. А если греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, то у насъ книги подлинныя греческія есть Іоанна Златоуста собственноручныя и иныхъ великихъ святителей, и апостольское ученіе и всѣхъ св. вселенскихъ семи соборовъ и послѣдній соборъ Флорентійскій, на которомъ былъ царь Иванъ Мануиловичъ, и папа Евгеній, и многіе патріархи и философы, и которая и розно бы-

---

[1]) В ы п и с к а изъ д. Посол. прик. (стр. VIII); ср. «Изв. истор.», 102.
[2]) Д ѣ л. п а п с к. № 1, л. 367.
[3]) «Изв. истор.», 102.
[4]) Possevin. «Moscovia».

ла, и они положили на одно и уложили, чтобъ быть вѣрѣ греческой съ римскою одной вѣрѣ. А когда будетъ вѣра одна, и церковь одна греческая съ римскою совокуплена будетъ вмѣстѣ, а ты, великій государь, будешь съ папою съ Григоріемъ и съ цесаремъ съ Рудольфомъ и всѣми государями въ любви и въ соединеніи, и ты, великій государь, не токмо на прародительской отчинѣ на Кіевѣ, но и во царствующемъ градѣ [1]) государемъ будешь, а папа и цесарь, и всѣ государи великіе о томъ будутъ стараться [2]). «Не удивляйся—продолжалъ Антоній,—что святой отецъ предлагаетъ тебѣ это: его побуждаетъ къ тому пастырскій долгъ заботиться о церкви Христовой [3]). Ты, моля его доставить миръ Европѣ и соединить всѣхъ христіанскихъ государей для одолѣнія невѣрныхъ, не признаешь ли его самъ главою христіанства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваженія къ апостольской римской вѣрѣ, дозволивъ всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно въ твоемъ государствѣ и молиться Всевышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, царь великій, никѣмъ не принуждаемый къ сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя царей, безъ которой и листъ древесный не падаетъ съ вѣтви! Сей желаемый тобою общій миръ и союзъ государей можетъ ли имѣть прочное основаніе безъ единства вѣры [4])?

— Не писалъ я папѣ о вѣрѣ—отвѣчалъ царь,—да и съ тобою не хотѣлъ бы говорить объ ней, во 1-хъ, чтобы не причинить тебѣ чего непріятнаго, а во 2-хъ, что мой долгъ заправлять мірскими дѣлами, а не духовными, если ты говоришь о вѣрѣ смѣло, то ты—попъ и на то отъ папы присланъ, а намъ безъ благословенія и рукоположенія отца нашего и богомольца Діонисія митрополита и всего освященнаго собора говорить о вѣрѣ непристойно. Впрочемъ, не сойтись намъ съ тобою! Мы вѣримъ во Христа, а не въ грековъ. Наша вѣра христіанская, а не греческая, была издавна сама по себѣ, а римская сама по себѣ [5]); греческою наша вѣра «словетъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ до Рождества Христова за много лѣтъ: отъ Еѳіопія предварятъ рука ея къ Богу (Псал. LXVII, 32), а Еѳіопія то мѣсто, что Византія (?), что первое греческое царство въ Византіи просіяло въ христіанствѣ» [6]). Показавши такимъ образомъ свою ученость,

[1]) Т.-е. Царь-градѣ.

[2]) Выписка изъ д. Пос. прик., (X); Дѣл. папск., № 1; Карамзинъ, IX, прим. 625.

[3]) Макарій «Ист. рус. цер.» VIII, 1877, 392.

[4]) Карамзинъ, IX, 213.

[5]) Дѣл. папск., № 1. Карамзинъ, IX, 213. Выписка (XI). Макарій, VIII, 392

[6]) Выпис. изъ д. Пос. пр. (XI—XII). Свѣдѣнія, по всему вѣроятію почерпнутыя Грознымъ въ писаніяхъ какого-нибудь византійскаго хроникера.

*

Грозный прибавилъ, что для него довольно своего царства, что онъ другихъ не желаетъ, желаетъ лишь милости Божіей въ будущемъ вѣкѣ [1]). О Флорентійскомъ соборѣ и о соединеніи съ другими христіанскими государями противъ Порты Оттоманской царь ничего не сказалъ, но вновь обѣщалъ, что дозволитъ иноземнымъ купцамъ римской вѣры въ Россіи имѣть своихъ священниковъ и исполнять свои обряды, только не дозволитъ строить латинскихъ церквей и толковать о религіи съ русскими [2]). Въ заключеніе Грозный снова сказалъ, что не желаетъ продолжать спора о вѣрѣ, дабы черезъ то не сдѣлалась рознь съ папою «и любовь бы наша, что почалась межь папы Григорія съ нами, тѣмъ не порвалася, и ты, Онтоней, о томъ престани» [3]). Преніе о вѣрѣ готово было на этомъ прекратиться. Но Антоній увѣрялъ царя, что розни не будетъ, и просилъ Ивана Васильевича высказать свои мысли о предметѣ. Тотъ согласился и повелъ рѣчь не о различіи въ догматахъ, а о различіяхъ внѣшнихъ.

— «Мы большихъ дѣлъ говорить съ тобою о вѣрѣ не хотимъ—сказалъ Иванъ Васильевичъ,—чтобъ тебѣ не въ досаду было, а восе малое дѣло, что мы видимъ у тебя бороду подсѣчену, а бороды подсѣкати и подбривать не велѣно и не попу, и мірскимъ людемъ, а ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь, и ты намъ скажи, отъ кого ты то взялъ и отъ котораго ученія» [4])?

«И Антоній, продолжаетъ выписка изъ дѣлъ Посольскаго приказа передъ государемъ царемъ благочестивымъ говорилъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ».

Иванъ, видимо, увлекся преніемъ и не замедлилъ свести вопросъ на его самую чувствительную сторону, на папство и его притязанія на главенство.

— «Сказывалъ намъ нашъ паробокъ Истома Шевригинъ—говорилъ царь,—что папа Григорей сидитъ на престолѣ, а цѣлуютъ его въ ногу, въ сапогъ, а на сапогѣ у папы крыжъ (крестъ), а на крыжѣ распятіе Господа Бога нашего, и толко такъ, ино пригоже ль то дѣло? и въ томъ въ первомъ нашей вѣрѣ христіянской съ римскою вѣрою будетъ рознь: въ нашей вѣрѣ христіянской крестъ Христовъ на враги побѣда и поклоняемся древу честнаго креста, и чтимъ и почитаемъ по преданію святыхъ апостолъ и св. отецъ вселенскихъ соборовъ,—у насъ того не водитца, чтобъ крестъ нижь пояса носить, также и образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ богоуго-

---

[1]) Дѣл. папск., № 1; Карамзинъ, IX, 213.
[2]) Макарій. «И. р. ц.», VIII, 393. Карамзинъ, IX, 213—214.
[3]) Выпис. изъ д. Пос. пр. (XII).
[4]) Выписка (XII), также Дѣл. папск., № 1.

дившихъ ставить, чтобъ на образъ зрѣти душевныма очима возвышающе на первообразіе, а въ ногахъ ставити не пригоже; также и престолы дѣлаютъ по церквамъ въ груди человѣку, что нижь пояса святыни быти не пригоже: а то у папы, у Григорія дѣлаетца чрезъ уставъ св. апостолъ и св. отецъ вселенскихъ седми соборовъ, и то отъ гордыни такой чинъ уставленъ» [1]).

Возражая государю на это, Поссевинъ распространился о достоинствѣ и величіи папы, сугубой благодати надъ Римомъ, о которой свидѣтельствуетъ множество мощей въ этомъ городѣ; доказывалъ, что папа садится на престолѣ не для гордости, а для благословенія многочисленнаго народа, что кланяются папѣ въ ноги, по примѣру того, какъ кланялись христіане апостоламъ, а на ногѣ у папы крестъ для того, чтобы лобызающіе его понимали, что честь, воздаваемая ими папѣ, относится къ самому Христу,—заключилъ, наконецъ, рѣчь свою словами: «вотъ и ты, государь великій, въ своемъ государствѣ и, васъ, государей, какъ намъ не величать, и не славить и въ ноги не припадать!..»

Съ этими словами Антоній поклонился Ивану Васильевичу въ ноги [2]).

Но Грозный на это не обратилъ вниманія и отвѣчалъ:

— «Твои хвалебныя слова о папѣ Григоріѣ ты говоришь отъ своего мудрованія, а не по преданію апостольскому. Святителямъ не подобаетъ такъ гордиться, а подобаетъ ему смиренномудрствовать и подражать Петру во всемъ по заповѣди Христовой. Насъ, великихъ государей, пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ надо смиреніе показывать и не возноситься выше царей. Мы почитаемъ для духовнаго дѣла митрополита русскаго, называемъ отцомъ и богомольцомъ своимъ, и чтимъ его, и благословенія отъ него требуемъ, но онъ ходитъ по землѣ и мы не покланяемся ему, какъ Богу. Папа Григорій называется сопрестольникомъ Петру апостолу, а по землѣ не ходитъ и велитъ себя на престолѣ носить, значитъ, онъ хочетъ Христу подобиться. Папа не Христосъ, и престолъ, на чемъ папу носятъ, не облако, и тѣ, что носятъ его, не ангелы. Были папы дѣйствительно учениками апостольскими: Климентъ и Сильвестръ, Агаѳонъ и Левъ и Григорій, и который папа по ихъ ученію учнетъ ходить, тотъ—сопрестольникъ ве-

---

[1]) Выписка изъ д. Посол. прик. (XIII).

[2]) Выписка изъ д. Пос. пр. (XIV). Это мѣсто бесѣды у Поссевина („Moscovia“) читается нѣсколько иначе: „ты, государь, черезъ 500 лѣтъ наслѣдовавъ престолъ Владиміровъ, не именуешься ли законнымъ наслѣдникомъ его царства (istius imperii legitimus haeres, atque successor)? Вздумаетъ ли кто-нибудь оспаривать права твои или твоихъ предковъ единственно для того, что они могли имѣть человѣческія слабости? Тутъ царь, съ досадою, привставъ съ мѣста, сказалъ: „знай, что папа не есть пастырь (Pontificem Romanum non esse Pastorem)!“.

ликимъ папамъ и апостоламъ, а который папа начнетъ жить не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь [1]).

Возмущенный послѣдними словами, Антоній поспѣшилъ прекратить рѣчь, воскликнувъ: «коли ужь папа волкъ, то мнѣ что и говорить!» [2]). «Зачѣмъ же ты и посылалъ къ нему о своихъ дѣлахъ. И развѣ ты и твои предшественники не всегда называли его пастыремъ Церкви?»

Грозный вскочилъ съ мѣста — «тебя, вѣрно, мужики на площади научили говорить со мною, какъ съ мужикомъ!» — сказалъ онъ.

Видимо — царь начиналъ сердиться. Зная его нравъ, Поссевинъ и его товарищи боялись, чтобы онъ не хватилъ кого-нибудь своимъ жезломъ, и потому Поссевинъ старался успокоить его и, къ изумленію всѣхъ, дѣйствительно успокоилъ, такъ что Иванъ Васильевичъ снова сѣлъ на свое мѣсто и старался ласковыми словами загладить свою выходку. — «Я жъ тебѣ давежь говорилъ, коли намъ говорить о вѣрѣ, и намъ безъ раздорныхъ словъ не будетъ. А язъ не вашего папу называю волкомъ: толко который папа не похочетъ Христову ученію и апостольскому преданію послѣдовати, и азъ того папу назвалъ волкомъ, а не пастыремъ; да нынѣ то скратимъ» [3]).

И положилъ государь руку на Антонія и, дважды обнявъ его, отпустилъ. А послѣ отпуска послалъ ему лучшія блюда съ царскаго стола [4]).

Спустя два дня (23 февраля) происходила вторая бесѣда (colloquium).

Собраніе при дворѣ было еще многочисленнѣе. Антоній находился въ великомъ страхѣ и, отправляясь во дворецъ, на всякій случай, пріобщилъ своихъ спутниковъ св. Таинъ.

Иванъ Васильевичъ (очевидно, все еще сознавая неприличіе своей выходки), лишь только увидѣлъ нунція, пригласилъ его сѣсть, указавъ ему мѣсто противъ себя, и сказалъ громко, такъ, чтобы всѣ присутствовавшіе слышали:

— «Антоній, прошу тебя забыть сказанное мною къ твоему неудовольствію о папѣ. Мы хотимъ имѣть съ нимъ, несмотря на разности по вѣрѣ, какъ и съ прочими христіанскими государями, дружбу, братство и единеніе, для чего и пошлю съ тобою одного изъ моихъ сановниковъ въ Римъ. А за службу твою, что со Степаномъ королемъ смирилъ, тебя жалуемъ». [5]).

---

[1]) Выписка изъ д. Пос. пр. (XIV—XVI). Карамз., IX 214.

[2]) Выписка (XIV).

[3]) Выписка (XVII).

[4]) Макарій, VIII. 398. „Изв. истор.“, 103.

[5]) Карамз., IX. 214; ср. прим. 630. Выписка изъ д. Пос. пр. (XVII), Карамз., IX, 215.—„Тебя жалуемъ“ = выражаемъ тебѣ признательность.

Затѣмъ, по порученію царя, бояре просили Поссевина письменно изложить отличія вѣры римской отъ русской, такъ какъ при дворѣ, будто бы, никто не умѣетъ перевести съ греческаго, присланную папою, книгу о восьмомъ соборѣ; на что Поссевинъ изъявилъ согласіе [1]).

4-го марта царь Иванъ Васильевичъ имѣлъ послѣднее собесѣдованіе съ Поссевиномъ. «Не ожидая ничего болѣе отъ св. отца для выгодъ своей политики,—пишетъ Антоній,—царь выдумалъ хитрость, чтобы успокоить суевѣрныхъ россіянъ, недовольныхъ моимъ смѣлымъ сужденіемъ объ ихъ законѣ. Что жъ сдѣлалъ? призвалъ меня во дворецъ, въ первое воскресенье великаго поста и сказалъ: Антоній, зная, что ты желаешь видѣть обряды нашей Церкви, я велѣлъ нынѣ отвезти тебя въ храмъ Успенія, гдѣ буду и самъ, да созерцаешь красоту и величіе истиннаго богослуженія; тамъ обожаемъ мы небесное, а не земное, чтимъ, но не носимъ митрополита на рукахъ... и св. ап. Петра также не носили вѣрные: онъ ходилъ пѣшъ и босъ, а вашъ папа именуетъ себя его намѣстникомъ... Государь, отвѣчалъ я, хладнокровно, удивленный этою новою грубостью, всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа, но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ догматахъ и пока митрополитъ россійскій не будетъ въ сношеніяхъ со св. отцемъ, я не могу видѣть вашего богослуженія» [2]). Далѣе Поссевинъ повторилъ прежніе свои доводы въ защиту папы и подъ конецъ сказалъ: «вы упрекаете насъ въ томъ, что св. отецъ сидитъ

---

[1]) Такой отвѣтъ бояръ намъ кажется не болѣе, какъ увертkой московскаго двора. Изъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ (у Макарія „И. р ц.“ VIII, прим., 485) видно, что 1 марта м. Діонисій созывалъ соборъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, на которомъ совѣтовали и уложили о утвержденіи православныя вѣры греческаго закона въ отвѣтъ на письмо Антонія Поссевина (И. П. Сахаровъ, въ статьѣ своей „Царь Іоаннъ IV—литераторъ“ напечатанной въ VII кн. „Рус. Вѣст.“ 1843 г., говоритъ что въ его библіотекѣ есть рукопись, заключающая въ себѣ изложеніе соборнаго дѣянія 1 марта 1581 г.). Письмо это, очевидно, присланная папою книга о Флорентійскомъ соборѣ, ибо до сего времени Поссевинъ не подавалъ никакихъ собственныхъ письменныхъ заявленій о вѣрѣ. Любопытно сопоставить здѣсь слѣдующее, къ сожалѣнію, краткое извѣстіе, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ историческихъ сборникахъ (у Карамз., IX, въ прим. 627): „Лѣта 7092 (?) пріиде изъ Риму отъ папы посолъ къ Москвѣ къ государю о вѣрѣ, и егда собрашася власти (разумѣется: духовные), еже бы противъ папина посла дати отвѣтъ, тогда ростовскій архіепископъ Давидъ ересь свою объяви. Государь же, давъ отвѣтъ, папина посла отпусти. Потомъ же ростовскаго архіепископа Давида, ересь его изобличивъ, посла въ монастырь подъ началъ, дондеже въ чувство пріидетъ“.

[2]) У Карамз., IX, 215—216.

на престолѣ, а у васъ митрополитъ моетъ себѣ руки и этою водою люди окропляютъ себѣ глаза и другія части тѣла...»

— «Называешься учителемъ и сказываешь, что пришелъ насъ учить—перебилъ царь Антонія,—а и того не знаешь, что̀ говоришь! читалъ ли ты толковую обѣденную службу (объясненіе литургіи)?»

Антоній отвѣта не далъ, и Грозный продолжалъ:

— «Коли не знаешь, я тебѣ скажу: эта вода знаменуетъ страсти Господни» [1]).

Послѣ того Антоній сказалъ: «чтобы не утруждать тебя болѣе, государь прошу принять вотъ эту рукопись, которую я написалъ по твоему приказанію, о различіи между римскою церковію и греческою. Тутъ ты найдешь, когда пожелаешь, отвѣты на всѣ такого рода вопросы о вѣрѣ».

Рукопись содержала три, не особенно большіе, трактата, изъ которыхъ каждый носилъ особенное заглавіе: I. Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt [2]), II. Errores alii Ruthenorum, qui orientale schisma secuti sunt и III. Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio» [3]). По увѣренію Поссевина въ основу своего труда онъ положилъ богословскія творенія Геннадія, патріарха константинопольскаго, и за работою просидѣлъ цѣлые три дня.

Принявъ рукопись, Иванъ Васильевичъ велѣлъ Евстафію Пушкину, Ѳедору Писемскому и приставу Залѣшанину-Волохову идти въ Успенскій соборъ вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ и при этомъ предупредилъ:

— «Антоній, смотри, чтобы за тобой лютеране не вошли!»—«Мы съ лютеранами общенія не имѣемъ»—отвѣчалъ Поссевинъ.

Приблизившись къ собору, Антоній хотѣлъ войти въ него, не дожидаясь прибытія царя, но Пушкинъ съ товарищими, согласно царскому приказу, его «поуняли», чтобъ онъ подождалъ государя и видѣлъ, какъ митрополитъ, со всѣмъ соборомъ, съ крестами встрѣтитъ царя. Антоній разсердился, ждать государя не захотѣлъ и выражалъ намѣреніе вернуться на подворье. Приставы его доложили о томъ царю. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Поссевину дьяка Андрея Щелкалова съ упрекомъ, что-де прежде онъ, Антоній, просился въ соборную церковь «чину церковнаго видѣти»; а нынѣ «сердитуетъ», государя ждати и въ церковь итти не хочетъ», и «онъ бы непригожева дѣла не дѣлалъ, не хо-

[1]) Выписка изъ д. Посол. прик. (XVIII).—О приверженности нашихъ предковъ къ освященной водѣ см. у Іовія („Epistola de Moscov."), у Старчевскаго въ I т. „Hist. Ruth. script."), Ульфельда („Hodoeporicon Ruthenicum" у Старчевскаго, I), Кобенцеля (у Старчевскаго, II), также въ Акт. ист. I, № 131, Доп. Акт. ист., I, № 221, Пол. соб. рус. лѣт., IV, 293, 295, у Макарія, И. р. ц., VI, 1870, 211—212.

[2]) Изд. отдѣльно въ Познани въ 1585 г.

[3]) Всѣ три изданы въ „Suppl. ad Hist. Russ. Monum.", №№ XXXVI и XXXVII.

четъ въ церковь итти, и онъ бы не ходилъ, то на его волѣ». Антоній такъ и не пошелъ въ соборъ [1]).

Тѣмъ не менѣе до самаго отъѣзда Антонія изъ Россіи царь по-прежнему не переставалъ оказывать ему знаки своего благоволенія. Такъ, по просьбѣ Поссевина, Иванъ Васильевичъ даровалъ свободу 18 невольникамъ, испанцамъ, перешедшимъ въ предѣлы Московскаго государства изъ Азова и сосланнымъ въ Вологду; облегчилъ участь литовскимъ и нѣмецкимъ плѣннымъ: ихъ выпустили изъ тюрьмъ, помѣстили на частныхъ квартирахъ и довольствовали необходимымъ; подарилъ Антонію литовскаго человѣка, который могъ бы исполнять обязанности кучера, взамѣнъ конюха, умершаго у посла въ Киверовой Горкѣ [2]). Но зато Антоній никакъ не могъ добиться не только обѣщанія подчиниться папѣ, но даже и позволенія пріѣзжимъ католикамъ имѣть свои церкви; отклонилъ царь и ходатайство Антонія отпустить къ папѣ какого-то «Ивана священника, монастыря каноника рижскаго», вѣры римской, на томъ основаніи, что «тотъ Иванъ попъ сидитъ въ ереси въ Мартыновѣ (лютеранинъ?), а не старыя римскія вѣры» [3]). Наконецъ, въ день отпуска, Грозный еще разъ благодарилъ Поссевина за дѣятельное участіе въ мирѣ, увѣрялъ его въ своемъ личномъ уваженіи, вставъ съ мѣста, велѣлъ кланяться Григорію XIII и королю Стефану, далъ ему руку и прислалъ въ подарокъ соболей [4]). Поссевинъ долго не соглашался взять ихъ, ссылаясь на правила своего ордена (бѣдность учениковъ Христа). Разочарованный Антоній спѣшилъ отъѣздомъ [5]).

Причину неуспѣха своей миссіи, поскольку она касалась вопроса о соединеніи церквей, онъ видѣлъ во враждебной настроенности русскихъ ко всему латинскому. Враждебность же эту онъ приписывалъ [6])—и не безъ основанія—вліянію на русскихъ лютеранъ и кальвинистовъ,

[1]) Выпис. изъ д. Посол. пр. (XIX).

[2]) Дѣл. папск., № 1. Карамз., IX, 217.

[3]) Дѣла папск., № 1.

[4]) Ibid.

[5]) Въ послѣдніе дни пребыванія своего въ Москвѣ Поссевинъ имѣлъ еще разговоръ съ боярами, вызванный однимъ мѣстомъ въ соч. Герберштейна „Rerum moscoviticarum commentarii“ (изд. 1-е, 1549 г.), гдѣ сказано, что царь, давая цѣловать руку нѣмецкимъ посламъ, въ ту же минуту моетъ ее водою, какъ бы осквернивъ ее ихъ прикосновеніемъ; на что бояре объявили автора соч. о Россіи неблагодарнымъ клеветникомъ, всклепавшимъ небылицу на государей московскихъ, припомнили не совсѣмъ приличное поведеніе Герберштейна въ Москвѣ, „какое непригожество чинилъ и драки межъ себя съ своимъ товарищемъ съ Леонардомъ съ Комидомъ, съ кѣмъ вмѣстѣ пріѣхалъ“. „Посолъ всякой—замѣтили они—честь и безчестье своему государю дѣлаетъ“. „А ты, Антоней—заключили бояре свой разговоръ—къ себѣ почесть всякую самъ видишь, и тебѣ нечего старыхъ такихъ баламутныхъ книгъ слушати“. (Дѣл. папск., № 1).

[6]) У Старчевскаго „Hist. Ruthen. script. exteri“, II, 281.

которые, проникая въ Москву изъ Германіи и Англіи, преимущественно по дѣламъ торговымъ, распространяли здѣсь самые нелѣпые слухи о папѣ и католикахъ [1]).

15-го марта Антоній Поссевинъ покинулъ Москву. Его сопровождалъ до границы Залѣшанинъ-Волоховъ, а кормъ давать велѣно по росписи [2]) Одновременно съ нимъ выѣхалъ въ Римъ царскій посланникъ Яковъ Молвяниновъ съ подъячимъ Тишиною Васильевымъ. Они везли папѣ «поминки» 40 соболей [3]) и грамоту такого содержанія: «Григорію XIII папѣ, наивышему пастырю и учителю римскія церкви... Мы грамоту твою радостно приняли и съ удовольствіемъ выслушали...; посла твоего Антонія съ великою любовью приняли...; съ тобою и съ братомъ своимъ, съ Рудольфомъ Цесаремъ, и съ иными христіанскими государями желаемъ быть въ братствѣ..., а также чтобы христіанство въ тишинѣ и покоѣ было и освобождено изъ рукъ мусульманскихъ...; когда ты снесешься съ цесаремъ, и со всѣми князьями христіанскими... и ваши послы будутъ у насъ, мы съ ними велимъ своимъ боярамъ договоръ учинить какъ слѣдуетъ... А что ты прислалъ къ намъ съ Антоніемъ книгу печатную о соборѣ Флорентійскомъ, на греческомъ языкѣ, и мы ту книгу у посла твоего велѣли взять, а что ты писалъ къ намъ и на словахъ намъ посолъ твой говорилъ о вѣрѣ, и мы о томъ съ Антоніемъ говорили». Царь просилъ, чтобы папа Григорій, выслушавъ его государеву грамоту, посланника его отпустилъ, и къ нему, великому государю, отписалъ о всемъ подлинно въ своей грамотѣ [4]). Послы были снабжены инструкціею, предусматривавшею въ подробностяхъ образъ ихъ дѣйствій въ Римѣ. Если Якова и Тишину, говорилось въ инструкціи, не захотятъ пустить къ папѣ, то имъ къ папинымъ совѣтникамъ однолично ходить не слѣдуетъ; если же папа пригласитъ ихъ къ столу и будутъ у него представители другихъ державъ, а онъ русскихъ пословъ посадитъ ниже иноземныхъ, въ такомъ случаѣ за столъ не идти, а если папа или его совѣтники упрекнутъ: государь-де вашъ назвалъ папу волкомъ, — отвѣтить, что слышать того не приходилось, и больше не говорить ничего; если замѣтятъ, почему они въ черномъ платьѣ — сказывать, что «грѣхомъ всее русскіе земли царевича князя Ивана въ животѣ не стало» [5]).

---

[1]) Старчевскій, ibid., 311.—Во время нахожденія въ Россіи Антонію приходилось письменно отражать подобные нападки; см. у Старчевскаго „Hist. Ruthen. scrip. ext.“, II, 326—330.

[2]) „Изв. истор.“, 104.

[3]) Ibid., 106.

[4]) Дѣла папск., № 1, также „Изв. истор.“, 104—106 и у Старчевскаго „Hist. Ruthen. script.“, II, 81—82 (въ латинск. перев.).

[5]) У Карамз., IX, въ примѣч. 635. — Тамъ же поручалось посламъ разузнать, цесарь и всѣ короли послушны ли папѣ?

Поссевинъ сопровождалъ русскихъ пословъ до Рима, но игралъ ли тамъ какую-либо роль,—не извѣстно, вѣроятнѣе, что нѣтъ. Григорій XIII едва-ли былъ доволенъ такимъ исходомъ переговоровъ съ Москвою, по крайней мѣрѣ, онъ уже не продолжалъ сношеній съ Грознымъ: грамоту царя оставилъ безъ отвѣта. Видя вездѣ однѣ только неудачи, Поссевинъ вернулся въ Польшу, гдѣ и издалъ много сочиненій противъ иновѣрцевъ, но судьба и тутъ преслѣдовала талантливаго іезуита: сочиненія его посѣяли лишь раздоръ въ странѣ, тогда Антоній вернулся въ Италію, гдѣ и умеръ въ февралѣ, въ 1611 году [1]).

Такъ окончились сношенія Ивана IV съ Григоріемъ XIII.

Ожидаемой пользы они не принесли ни тому, ни другому.

Ивану удалось заключить миръ съ Польшею, но Россія все-таки потеряла Ливонію, какъ, вѣроятно, потеряла бы ее и безъ участія въ переговорахъ папскаго нунція. Отказу Баторія отъ контрибуціи не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія, такъ какъ и безъ того польскому королю едва-ли бы что̀ удалось получить съ разоренной страны [2]).

Еще менѣе выигралъ Григорій отъ этихъ сношеній. Даже при условіяхъ болѣе выгоднаго мира, Грозный едва-ли рѣшился бы на бо̀льшія уступки, сколько онъ сдѣлалъ ихъ папскому уполномоченному. Напрасно въ своихъ религіозныхъ домогательствахъ Поссевинъ разсчитывалъ на самовластіе царя, который-де можетъ приказать подданнымъ измѣнить вѣру по своему усмотрѣнію [3]). Для этого мало самовластія и недостаточно даже деспотизма Ивана Грознаго, для этого необходимы нравственные факторы: нужно, чтобы весь народъ во главѣ съ духовенствомъ проникся сознаніемъ необходимости церковнаго единства...

Г. Воробьевъ.

---

[1]) Вотъ перечень важнѣйшихъ литературныхъ трудовъ Поссевина, касающихся Россіи и Польши: „Responsiones ad viri cujusdam pii septentrionalis interrogationes, etc.“ (Вильно, 1581), „Epistola de necessitate utilitateque ac ratione docendi catholici catechismi“ (Краковъ, 1583), „Epistola ad Stephanum I Pol. Reg. adversus quendam Valanum haereticum Lithuanum“ (Ингольштадтъ, 1583), помянутыя нами—„Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt“ (Познань, 1585), „Moscovia“ (Вильно, 1586, 4 изд. Кёльнъ, 1595, итальянскій переводъ I. Фонтана Феррара 1592, 3 изд. Мантуя, 1611), „Livoniae Commentarius Gregorius XIII P. M. ab Antonio Possevino scriptus“; кромѣ того ему принадлежатъ: „Дневникъ переговоровъ о мирѣ между Россіей и Польшей“ и „Soldato Christiano“ — жизнеописаніе Ст.-Баторія.

[2]) Подобныхъ примѣровъ развѣ не встрѣчаемъ въ современной исторіи? (военный долгъ Румыніи 1821 г. и Турціи 1877—1878 гг. — Россіи).

[3]) Замѣчательно, что подобные взгляды находятъ себѣ мѣсто въ сочиненіяхъ современныхъ западныхъ писателей. Какъ на примѣръ, укажемъ на замѣчательное религіозное изслѣдованіе о Россіи патера Ванутелли («Studio religioso sopra la Russia“, Roma. 1892).

Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.

Графъ Остерманъ—графу Румянцову.

22 [1]).

St-Pétersbourg, ce 9 décembre 1792.

Monsieur.

Sa Majesté Impériale s'étant déterminée à accorder un asile dans ses Etats à la noblesse française émigrée, Elle a consenti que ces individus se rendent par des routes différentes par pelotons et sans armes à un rendez-vous général qui sera fixé à un des quartiers généraux de nos armées en Pologne. Le prince de Condé [2]), qui veux bien se charger de tout ce qui regarde le passage des émigrés, ne manquera pas de leur recommander d'observer une discipline sévère dans tous les pays où ils devront passer. Sa Majesté Impériale charge en même temps Votre Excellence de veiller sur leur conduite, de leur accorder non-seulement tous les soins que l'humanité réclame en faveur des infortunés, mais aussi de demander, au nom de l'Impératrice, à la suite des réquisitions qui pourront Vous être faites à cet effet par le prince de Condé, un libre passage pour eux par les Etats des princes, auprès desquels Vous êtes accrédité.

Sa Majesté Impériale n'ayant d'autre but dans la protection qu'elle accorde à la noblesse française, que de sauver des malheureux qui se sont dévoués pour leur religion et pour leur monarque, et qui paraissent maintenant dénués de tout moyen de subsistance, il est à croire que toute l'Europe applaudira à sa bienfaisance, et que les cours, nos amies, s'empresseront d'y contribuer, en accordant aux émigrés français qui passeront en Russie, la protection et la sûreté que tout étranger, ami de la paix et du bon ordre, a droit d'obtenir dans les pays policés. Dans le cas de quelques difficultés ou vexations, auxquelles l'inconduite prouvée des émigrés n'aurait pas donné lieu, Vous réclamerez, monsieur, en leur faveur la justice du ministère des cours où Vous êtes, et Vous tâcherez qu'ils soient considérés d'avance comme des sujets de l'Impératrice, bien entendu que Vous ne ferez aucune démarche officielle qu'en faveur de ceux des émigrés français qui pourront vous exhiber par écrit des attestats

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1894 г. апрѣль.

[2]) Joseph Louis, prince de Condé, 1736—1818 г., военачальникъ, эмигрировавшій въ 1789 г. и учредившій на Рейнѣ извѣстную armée de Condé.

signés par le prince de Condé ou autres princes émigrés de la maison de Bourbon, par lesquels il Vous soit prouvé que ces individus sont du nombre de ceux qui se sont déterminés à passer en Russie.

J'ai l'honneur, etc.

Signé: „C. J. d'Ostermann".

22.

(Переводъ).

Милостивый Государь.

Ея Императорское Величество, рѣшившись дать въ своихъ владѣніяхъ убѣжище эмигрировавшимъ французскимъ дворянамъ, согласилась на то, чтобы эти лица направились по разнымъ дорогамъ, отдѣльными отрядами и безъ оружія, къ одному общему сборному мѣсту, которое будетъ назначено при одной изъ главныхъ квартиръ нашей арміи въ Польшѣ. Принцъ Кондэ, который благоволилъ взять на себя все касающееся переселенія эмигрантовъ, не преминетъ внушить имъ, чтобы они соблюдали строгую дисциплину во всѣхъ странахъ, по которымъ имъ придется проходить. Ея Императорское Величество въ то же время поручаетъ вашему сіятельству наблюдать за ихъ поведеніемъ и оказывать имъ не только всякое вниманіе, какого требуетъ человѣколюбіе относительно несчастныхъ, но и испрашивать для нихъ, отъ имени императрицы—вслѣдствіе запросовъ, которые могутъ быть сдѣланы вамъ по этому поводу принцемъ Кондэ—свободный проѣздъ чрезъ владѣнія германскихъ князей, при которыхъ вы аккредитованы.

Такъ какъ Ея Императорское Величество не имѣетъ иной цѣли въ покровительствѣ, которое она оказываетъ французскому дворянству, какъ только спасти несчастныхъ, пожертвовавшихъ собою ради своей вѣры и своего монарха и лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, то надо думать, что вся Европа одобритъ ея благодѣянія и что дружественные намъ дворы поспѣшатъ содѣйствовать Ея Величеству, оказывая французскимъ эмигрантамъ, которые пойдутъ въ Россію, обезпеченіе и покровительство, которыя всякій иностранецъ, другъ мира и порядка, имѣетъ право ожидать въ просвѣщенныхъ странахъ.

Въ случаѣ какихъ-либо затрудненій или притѣсненій, повода къ которымъ не давало доказанное дурное поведеніе эмигрантовъ, вы, милостивый государь, потребуете для нихъ судебной защиты отъ министерства тѣхъ дворовъ, при которыхъ вы находитесь, и постараетесь, чтобы на нихъ заранѣе смотрѣли, какъ на подданныхъ императрицы. Само собой разумѣется, что оффиціальныя дѣйствія вы будете производить лишь въ пользу тѣхъ французскихъ эмигрантовъ, которые будутъ въ состояніи показать вамъ свидѣтельства, подписанныя принцемъ Кондэ или другими принцами-эмигрантами изъ дома Бурбоновъ и доказы-

вающія, что эти личности изъ числа тѣхъ, которые рѣшились переселиться въ Россію.

Имѣю честь, и т. д.

Подписалъ: И. А. Остерманъ.

23.

Monsieur le comte Roumentzoff.

Vos deux lettres du $^{10}/_{21}$ novembre, celles du $^{1}/_{12}$ décembre et les dernières du $^{23}/_{3}$ décembre me sont parvenues dans l'espace à peu près de ces derniers huit jours. J'y réponds par ce courrier qui va Vous porter mes lettres pour le margrave, le prince et la princesse Héréditaires de Bade par lesquelles je leur demande au nom du Grand Duc Alexandre leur agrément pour son mariage futur avec la princesse aînée (de celles qui se trouvent ici) de Bade. Au bout d'une connaissance à peu près de six semaines il paraît que tous les deux se sont pris d'une inclination réciproque. Quand ce courrier sera de retour, nous prendrons les mesures convenables pour la confession de foi de la princesse qui pourra à vue de pays avoir lieu après Pâques en suite de quoi se feront les fiançailles. Pour les noces, vu l'extrême jeunesse de tous les deux, je les remettrai, si je puis, encore pendant quelque temps, lequel, selon la tournure que prennent les choses, ne sera pas de fort longue durée. Le choix de monsieur Alexandre et son inclination ont l'approbation de tout le monde et j'ose espérer, avec l'aide de Dieu, qu'ils seront heureux ensemble.

Si la princesse Héréditaire insiste pour que je lui envoye la cadette de ses filles, je pense que celle-ci pourra s'en retourner au mois de mai prochain, lorsque les chemins seront bons et le temps serein. Elle est d'un tempérament délicat, mais qui se fortifiera. J'aurai soin de la faire accompagner pendant un aussi long voyage qu'il est impossible qu'elle fasse seule avec sa bonne. Basta sur cette matière.

Il est assez singulier, sans doute, que lorsqu'il paraît que les Hauts Alliés n'ont en troupes rien de reste, c'est alors justement qu'il ont exigé le licenciement des troupes qu'avaient les princes français. Ou bien la mauvaise volonté était extrême contre eux, ou bien aussi ces troupes devaient être telles qu'on ne pouvait s'en servir, car, d'ailleurs, dans un moment de détresse reconnue comment ne pas les employer?

De loin on n'y comprend rien.

Le silence de la cour de Vienne est profond sur toutes choses; il peut être motivé par trop de choses pour pouvoir en porter un jugement tout à fait juste.

Quand Vous m'aurez envoyé les lettres des différents individus licenciés par les princes, je verrai ce que je pourrai faire pour eux.

Je ne réponds point aujourd'hui aux lettres des princes français, mes deux derniers courriers Vous ayant porté à peu près tout ce que j'avais à dire sur cette matière et rien n'ayant eu lieu de tout ce que je pensais être de mise par ce que les principes sont différents. J'ai fait rendre au comte d'Esterhazy l'incluse que j'ai trouvée pour lui dans les lettres que Vous m'avez adressées.

Le prince de Nassau m'a effectivement rendu un compte très-exact de la prise de Francfort. Il paraît que jusqu'au dernier moment le Duc de Bronswig n'a rien négligé pour faire échouer cette entreprise. Je pense que tous les

endroits où les Français ont été et où ils ont voulu introduire leur démocratie, doivent en être peu engoués vu qu'il n'y a que les gueux qui peuvent non pas y trouver leur profit, mais gagner à l'égalité, car en France à la lettre tout le monde s'égalise par la misère. Au reste le peu de religion et de sentiment des Liégeois était connu depuis longtemps: les scélérats des pays d'alentour se retiraient toujours à Liège. On a beau retenir les postes, personne n'ignore que les Pays-Bas sont perdus, mais ce qui console en quelque façon, c'est que l'Angleterre va entrer en jeu. Il est très-sûr encore qu'on prend de tout côtés des mesures pour la campagne prochaine, mais en voyant tous ces grands armements le proverbe russe vient à la mémoire: „Не купи села, купи прикащика".

Je suis fâchée de le dire, mais la chose est vraie, qu'il n'y a que Dumourier qui sache aller en avant et cela encore avec des troupes misérables. Il faut voir présentement ce qu'il fera lorsqu'il sera attaqué dans sa conduite et s'il aura assez de crédit et d'autorité chez les brigands qu'il mène pour entreprendre quelque chose contre les ennemis du dehors ou ceux du dedans. Comme il a donné sa parole d'être le 15 janvier à la Haye, et que jusqu'ici il a tenu ce qu'il a avancé, je ne mets pas en doute qu'il n'attaque Maestricht. Je voudrais que l'Archiduchesse ne fût pas en fuite vers Münster, que son époux n'eût jamais commandé, et qu'à Vienne en fît moins de cire d'Espagne et qu'on ne perdît pas son temps à dorer des cabinets, car, en vérité, en voyant tout cela, on ne saurait prédire que des pauvretés. Si l'electeur de Bavière n'était pas neutre et qu'il n'eût pas la conduite qu'il a, qu'il se rangeât même du côté de l'Empereur, M-r de Clairfeldt ne pourrait faire aucum fond sur les troupes de ce prince, aussi longtemps qu'elles seraient commandées par Son Altesse Sérénissime le prince d'Isembourg, qui chez nous a été blessé au talon comme Achille. J'espère que Vous ne me laisserez pas ignorer ce qui se sera passé lors de Votre séjour auprès du Roi de Prusse, chez lequel Vous me dites que Vous méditez d'aller. Il me paraît que ce que Vous avez remis de ma part aux princes ne leur est pas venu mal à propos. Je voudrais que Vous puissiez m'avertir à temps du départ de Monsieur le comte d'Artois s'il persiste dans le dessein de venir ici. Par les lettres des princes il devient palpable que M-r de Calonne n'est plus auprès d'eux.

Qu'avez-Vous fait du baron de Breteuil? Il me paraît que la politique est un peu désorientée; son pendant d'oreille, M-r Simolin [1]), est-il avec lui? Je n'en entends plus parler.

Adieu, portez-vous bien. Où est Grimm? Tant que Vous y êtes, Vous pourrez étudier à fond la Galerie de Dusseldorf pour faire passer Vos ennuis.

Ce 20 décembre 1792.

Vous trouverez ci-joint les lettres du Grand Duc, de la Grande-Duchesse et de la princesse que Vous ferez parvenir à leur adresse

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ, 1721—1797, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ.

23.

(Переводъ).

Господинъ графъ Румянцовъ.

Ваши два письма отъ $^{10}/_{21}$ ноября, письма: отъ $^{1}/_{12}$ декабря и послѣднія отъ $^{23}/_{3}$ декабря дошли до меня приблизительно въ теченіе послѣднихъ восьми дней. Я отвѣчаю вамъ съ курьеромъ, который повезетъ мои письма къ маркграфу, къ принцу и принцессѣ наслѣднымъ Баденскимъ, въ которыхъ я испрашиваю ихъ согласіе, отъ имени великаго князя Александра, на его предстоящій бракъ со старшею (изъ тѣхъ, что здѣсь находятся) принцессою Баденскою. Повидимому, по истеченіи шестинедѣльнаго знакомства, оба почувствовали взаимную склонность другъ къ другу. Когда этотъ курьеръ возвратится, мы примемъ надлежащія мѣры къ приведенію въ православіе принцессы, которое можетъ состояться публично послѣ Пасхи, послѣ чего состоится и обрученіе. Что же касается свадьбы, то въ видахъ крайней юности ихъ обоихъ, я отложу ее, если будетъ возможно, еще на нѣкоторое время, но эта отсрочка, судя по ходу дѣла, не будетъ продолжительна. Выборъ Александра и его привязанность получили всеобщее одобреніе, и я смѣю надѣяться, что съ помощью Божіей они будутъ счастливы вмѣстѣ. Если наслѣдная принцесса будетъ настаивать, чтобы я отправила къ ней обратно младшую изъ ея дочерей, то я думаю, что эта послѣдняя можетъ возвратиться въ будущемъ маѣ, когда дороги будутъ хороши, а погода ясна.

Она нѣжнаго сложенія, которое, однако, окрѣпнетъ. Я озабочусь дать ей провожатыхъ на такой длинный путь, который немыслимо ей дѣлать одной со своей няней. Довольно объ этомъ.

Безъ сомнѣнія, довольно странно, что высокіе союзники, у которыхъ, повидимому, вовсе не осталось войска, тогда-то именно и потребовали, чтобы были распущены войска, которыя были у французскихъ принцевъ. Или они были крайне къ нимъ нерасположены, или же эти войска были таковы, что ими нельзя было пользоваться, потому что какъ же было не употребить ихъ въ моментъ, признанный отчаяннымъ? Издали, въ этомъ ничего не понять. Вѣнскій дворъ хранитъ глубокое молчаніе о всѣхъ дѣлахъ; оно можетъ быть мотивировано тѣмъ, что этихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобы можно было высказать о нихъ совершенно справедливое сужденіе.

Когда вы пришлете мнѣ письма различныхъ личностей, уволенныхъ принцами, я посмотрю, что могу для нихъ сдѣлать.

Не отвѣчаю сегодня на письма французскихъ принцевъ, потому что мои два послѣдніе курьера передали вамъ приблизительно все, что

я имѣла вамъ сказать по этому поводу, и потому, что не произошло ничего изъ того, что мнѣ тогда казалось въ ходу, такъ какъ принципы наши различны.

Я приказала отдать графу Эстергази приложенное письмо, которое нашла для него въ письмахъ, адресованныхъ вами ко мнѣ.

Принцъ Нассаусскій, дѣйствительно, отдалъ мнѣ очень подробный отчетъ о взятіи Франкфурта. Повидимому, герцогъ Брауншвейскій не пренебрегъ до послѣдней минуты ничѣмъ, чтобы погубить это предпріятіе. Я думаю, что во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ побывали французы, и гдѣ они хотѣли ввести свою демократію, мало кто къ ней пристрастился, въ виду того, что только оборвыши могутъ найти свою выгоду не въ демократіи, а въ равноправности, такъ какъ во Франціи буквально всѣхъ равняетъ нищета. Впрочемъ, недостатокъ вѣры и чувства въ люттихцахъ извѣстенъ уже съ давныхъ поръ; злодѣи всѣхъ окрестныхъ странъ всегда убѣгали въ Люттихъ.

Хотя почту и задерживаютъ, но уже ни для кого не тайна, что Нидерланды потеряны, но нѣкоторымъ утѣшеніемъ служитъ то, что Англія вмѣшается теперь въ дѣло.

Также достовѣрно, что со всѣхъ сторонъ принимаютъ мѣры къ слѣдующей кампаніи; но при видѣ всѣхъ этихъ великихъ вооруженій на умъ приходитъ русская пословица: «Не купи села, купи прикащика».

Мнѣ грустно сказать, но вѣрно, что только Дюмурье умѣетъ идти впередъ, и еще съ дряннымъ войскомъ. Теперь надо посмотрѣть, что онъ будетъ дѣлать, если его будутъ порицать за такое поведеніе, и будетъ ли у него достаточно кредита и вліянія на разбойниковъ, которыхъ онъ ведетъ, чтобъ предпринять что-нибудь противъ внѣшнихъ враговъ или противъ внутреннихъ. Такъ какъ онъ далъ слово быть въ Гагѣ 15-го января и до сихъ поръ всегда сдерживалъ свои обѣщанія, то я не сомнѣваюсь, что онъ атакуетъ Мэстрихтъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы эрцгерцогиня не бѣжала въ Мюнстеръ, чтобы ея супругъ никогда не командовалъ, чтобы въ Вѣнѣ поменьше писали и не теряли времени на вздоръ, такъ какъ, право, при видѣ всего этого, можно предсказать однѣ лишь нелѣпости. Если бы курфюрстъ Баварскій не былъ нейтраленъ и не велъ бы себя такъ, какъ онъ себя ведетъ; если бы онъ даже сталъ на сторону императора, все-таки Клэрфельдтъ никакъ не могъ бы разсчитывать на войско этого принца до тѣхъ поръ, пока имъ еще командуетъ его свѣтлость принцъ Изенбургскій, котораго у насъ ранили въ пяту, какъ Ахилла. Надѣюсь, вы не оставите меня въ невѣдѣніи относительно того, что произойдетъ во время вашего пребыванія у короля прусскаго, къ которому, по вашимъ словамъ, вы думаете отправиться. Мнѣ кажется, то, что вы передали принцамъ отъ меня, явилось очень кстати. Я желала бы, чтобы вы

могли меня во́-время увѣдомить объ отъѣздѣ графа д'Артуа, если онъ настоитъ на томъ, чтобы пріѣхать сюда. Изъ писемъ принцевъ становится очевиднымъ, что г. Калонна нѣтъ съ ними. Что вы сдѣлали съ барономъ Бретэлемъ? Мнѣ кажется, что его политика немного сбита съ толку; съ нимъ ли его послушникъ г. Симолинъ? Я объ немъ ничего не слышу. Прощайте, будьте здоровы. Гдѣ Гриммъ? Все-таки, пока вы тамъ, вы можете основательно изучить дюссельдорфскую галлерею, чтобы разсѣять скуку.

20-го декабря 1792 года.

Присемъ вы найдете письма великаго князя, великой княгини и принцессы, которыя вы прикажете доставить по адресу.

24.

St.-Pétersbourg, 13 avril 1793.

Monsieur le comte Roumiantzoff.

Ayant reçu l'expédition que Vous m'avez adressée par l'écuyer du comte d'Artois, je ne saurais Vous mieux faire connaître mes intentions sur les différents objets qu'elle renferme, qu'en Vous faisant passer ci-joint les copies de mes lettres à Monsieur et de celle que M. d'Artois lui écrit et qui, m'ayant été communiquée dans toute son étendue, a reçu pleinement mon approbation et mon aveu. Si, d'après, les avis réunis que présentent ces lettres ou d'après l'évènement important de la défection de Dumourier et de ses suites, Monsieur se détermine à quitter son séjour actuel et à se transporter soit en Espagne, soit en France, le parti que Vous avez à prendre est de retourner à Votre poste de Francfort et aux fonctions qui y sont attachées et d'y rester jusqu' aux nouveaux ordres que Vous recevrez de ma part et qui seront déterminés par un développement plus prononcé des circonstances. Sur ce, je prie Dieu, qu'il Vous ait, monsieur le comte Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine".

24.

(Переводъ)

С.-Петербургъ, 13-го апрѣля 1793 г.

Господинъ графъ Румянцовъ.

Получивъ депешу, которую вы мнѣ отправили со шталмейстеромъ графа д'Артуа, нахожу самымъ лучшимъ сообщить мое мнѣніе по различнымъ вопросамъ, которые въ ней заключаются, переславъ вамъ при семъ копіи съ моихъ писемъ къ старшему брату короля и съ того, которое д'Артуа написалъ ему и которое, сообщенное мнѣ въ полномъ своемъ размѣрѣ, получило вполнѣ мое одобреніе и утвержденіе. Если старшій братъ короля, по всѣмъ свѣдѣніямъ, заключающимся въ этихъ письмахъ, или вслѣдствіе важнаго обстоятельства—пораженія Дюмурье

и его сторонниковъ—рѣшится оставить свое настоящее мѣстопребываніе и переселиться въ Испанію или во Францію, то вамъ предстоитъ вернуться къ вашему посту во Франкфуртѣ и къ обязанностямъ, которыя съ нимъ связаны, и оставаться тамъ до новыхъ приказаній, которыя вы получите отъ меня и которыя опредѣлятся сообразно съ болѣе яснымъ ходомъ дѣлъ. А затѣмъ, молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ васъ, господинъ графъ Румянцовъ, подъ Своимъ святымъ и благимъ покровомъ.

«Екатерина».

25.

С.-Петербургъ, апрѣля 18-го. 1793.

Графъ Николай Петровичъ. Отъ находящагося въ Берлинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алопеуса имѣла я извѣстіе, что министерство тамошнее оказываетъ неудовольство противу посланника прусскаго графа Гольца [1]) при дворѣ моемъ акредитованнаго. А какъ такое неудовольство весьма легко можетъ быть слѣдствіемъ происковъ маркиза Лукезини [2]), который графа Гольца ненавидитъ, и котораго къ Россіи недоброхотство всѣмъ извѣстно, напротиву того поведеніе графа Гольца было всегда скромное и пристойное, наипаче же въ то время когда Берлинскій кабинетъ по его тайнымъ и явнымъ поступкамъ былъ близокъ къ разрыву со мною, да и самое настоящее сближеніе обоихъ дворовъ учинилося при его миссіи, то я поручаю вамъ при удобномъ случаѣ безъ всякой афектаціи въ разговорахъ вашихъ королю и приближеннымъ къ нему внушать по самой справедливости о похвальныхъ качествахъ помянутаго посланника и о стараніи имъ прилагаемомъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ утвержденію дружбы и добраго согласія между взаимными нашими державами служить могутъ. Есть ли же увидите наклонность къ отзыву графа Гольца, то не оставите также внушить искреннымъ образомъ сколь не сходна въ нынѣшнемъ положеніи такая перемѣна, да и по истинѣ сказать мнѣ весьма непріятно будетъ есть ли его замѣнятъ какимъ либо иллюминатомъ или человѣкомъ безпокойнымъ, похожимъ на Лукезини, отъ котораго только

---

[1]) Graf Karl Alexander von der Goltz, 1747—1817, прусскій генералъ, посланникъ въ Петербургѣ съ 1789 г. по 1795 г. Крайне недовольная франко-прусскимъ договоромъ, заключеннымъ въ Баденѣ, въ 1795 г., Екатерина писала Гримму: J'aurais voulu qu'à la place du comte Goltz, mort à Bâle, on eût envoyé son frère, le comte Goltz vivant (Сборникъ, XXIII, 634).

[2]) Girolamo, marchese Lucchesini, 1752—1825, сопровождавшій прусскаго короля въ кампанію 1793 года; прусскій посланникъ въ Варшавѣ, 1788—1792.

родится могутъ причины къ остудѣ. Я надѣюсь, что въ семъ дѣлѣ поступите со всѣю нѣжностію и осторожностію, отвращая малѣйшій поводъ къ подозрѣнію будто бы графъ Гольцъ здѣсь былъ подкупленъ, или къ другимъ для него предосудительнымъ заключеніямъ.

Пребываю вамъ доброжелательная

«Екатерина».

26.

Monsieur le comte de Roumiantzoff.

Je me réfère au contenu de la lettre ci-jointe que je Vous charge de remettre au Régent de France et dont je Vous envoie la copie [1]) pour Votre information, pour Vous mettre en état de lui expliquer de Votre côté, ainsi qu'au comte d'Artois, son frère, les raisons du silence que j'ai gardé envers eux. Je ne leur écris en effet que pour les tranquilliser sur les doutes qu'ils auraient pu concevoir sur la constance de mes dispositions à leur égard. Rassurez-les complètement sur ce sujet et dites-leur que je veille toujours à leurs intérêts et que je n'attends qu'une occasion favorable pour leur en donner les preuves les plus efficaces. J'ai reçu les différents rapports que Vous m'avez adressés inclusivement jusqu'à Votre dépêche du $\frac{24 \text{ septembre}}{5 \text{ octobre}}$ et je Vous sais gré de leur contenu. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous aie, monsieur le comte de Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine".

St.-Pétersbourg, ce 16 octobre 1793.

26.

(Переводъ).

Господинъ графъ Румянцовъ.

Я ссылаюсь на содержаніе прилагаемаго присемъ письма, которое поручаю вамъ передать регенту Франціи и копію съ котораго посылаю вамъ для вашего свѣдѣнія, дабы вы были въ состояніи, съ своей стороны, объяснить ему, равно какъ и брату его, графу д'Артуа, причины молчанія, которое я хранила по отношенію къ нимъ. Дѣйствительно, я пишу имъ лишь для того, чтобы успокоить сомнѣнія, которыя они могли имѣть относительно постоянства моего расположенія къ нимъ. Увѣрьте ихъ вполнѣ по этому предмету и скажите имъ, что я всегда охраняю ихъ интересы и только выжидаю случая дать имъ въ томъ самыя дѣйствительныя доказательства. Я получила всѣ донесенія, которыя вы мнѣ посылали, до вашей депеши отъ $\frac{24 \text{ сентября}}{5 \text{ октября}}$ включительно, и я довольна ихъ содержаніемъ. А засимъ, молю Бога, да хранитъ Онъ

---

[1]) Этой копіи въ бумагахъ государственнаго архива еще не найдено.

васъ, господинъ графъ Румянцовъ, подъ Своимъ святымъ и благимъ покровомъ.

«Екатерина».

Санктпетербургъ,
сего 16-го октября 1793.

2.

Monsieur le conseiller privé comte de Roumiantzoff.

Mon ambassadeur à Vienne me mande que S. M. l'Empereur des Romains accompagné de l'Impératrice, son epouse, et de son ministre des affaires étrangères, allait se rendre vers la fin de ce mois dans ses Etats des Pays-Bas.

En scrutant les motifs de ce voyage, dont l'apparent qu'on a confié au comte de Razoumoffsky ne lui paraît pas le véritable, il arrête ses conjectures sur le dessein qu'il suppose à la cour de Vienne de vouloir, de concert avec celle de Londres, travailler de plus près à une paix ou à un accommodement quelconque avec les factieux de la France. Il fonde cette opinion principalement sur ce que le sieur Eden, ministre d'Angleterre à la cour Impériale de Vienne, a demandé et obtenu la permission d'être du voyage. Quoique la présence du comte de Mercy [1]) sur les lieux de ces négociations, muni des pouvoirs les plus amples, honoré de la confiance la plus entière de son maître et capable de la justifier par sa longue expérience et ses talents connus, semble rendre superflu le renfort qu'on lui amènerait pour ses négociations dans la seule personne du sieur Thugut, chef actuel des affaires étrangères de la cour de Vienne, cependant l'objet est si important en lui même, que je ne saurais négliger d'y prêter la plus sérieuse attention et d'envoyer quelqu'un de mon côté pour suivre et observer la conduite et les démarches de la cour de Vienne pendant son séjour dans les Pays-Bas et m'en rendre un compte exacte et fidèle. C'est sur Vous que j'ai jeté les yeux pour remplir cette commission délicate, espérant que Vous saurez Vous en acquitter avec ce zèle et cette intelligence que Vous avez montrés en tant d'autres occasions. Vous Vous rendrez donc à Bruxelles aussitôt que Vous apprendrez que l'Empereur y est arrivé. Vous Vous ferez présenter à ce monarque comme mon ministre accrédité dans le voisinage de son séjour actuel et qui en a voulu profiter pour lui faire sa cour et s'en faire connaître. A son ministre Vous direz qu'outre ce motif je Vous ai destiné en l'absence de mon ambassadeur ordinaire à servir d'intermédiaire aux communications que les circonstances actuelles pourraient amener entre les deux cours—communications, qui, à cause de ces mêmes circonstances, pourraient n'admettre aucun délai. Cette ouverture autorisera Votre présence à Bruxelles aussi longtemps que celle de l'Empereur y durera. Vous trouverez le sieur Simolin, qui y est établi depuis longtemps, et Vous Vous aiderez de lui pour acquérir des notions relatives à Votre mission, pour les vérifier, les approfondir et me les transmettre dans cet état. Je n'ai, au surplus, rien à Vous commander que d'avoir bien présent à Votre esprit, que Vous allez Vous

---

[1]) Comte Mercy d'Argenteau, бывшій императорскій посолъ въ Петербургѣ, съ 1789 г. представитель императора въ Брюсселѣ.

employer auprès d'une cour, avec laquelle j'ai désir et intérêt d'entretenir et de cultiver l'amitié la plus parfaite et les liaisons les plus intimes. Cela ne doit, cependant, pas Vous empêcher de lui représenter fortement et énergiquement, si Elle y fournit matière par quelque démonstration, que si Elle se prête à une paix quelconque, avant qu'un gouvernement régulier et légitime, et nommement un gouvernement monarchique soit rétabli en France, cette paix ne sera guère qu'une courte trève qui entraînera pour toutes les puissances coalisées les conséquences les plus funestes.

Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur le conseiller privé comte de Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

St.-Pétersbourg, le 25 novembre 1793 „Catherine".

27.

(Переводъ).

Господинъ тайный совѣтникъ
графъ Румянцовъ.

Мой посолъ въ Вѣнѣ увѣдомляетъ меня, что Его Величество римскій императоръ, въ сопровожденіи своей супруги императрицы и своего министра иностранныхъ дѣлъ, собирается отправиться къ концу этого мѣсяца въ свои Нидерландскія владѣнія.

Разбирая причины этого путешествія — предлогъ котораго, сообщенный графу Разумовскому, не кажется ему настоящимъ — графъ останавливается на предположеніи, что вѣнскій дворъ желаетъ, въ согласіи съ лондонскимъ, хлопотать о достиженіи мира или какого бы ни было соглашенія съ французскими мятежниками. Онъ основываетъ это мнѣніе, главнымъ образомъ, на томъ, что г. Иденъ, англійскій посолъ при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ, просилъ и получилъ разрѣшеніе участвовать въ этомъ путешествіи. Хотя присутствіе при этихъ переговорахъ графа де-Мерси, снабженнаго самою широкою властью, почтеннаго самымъ полнымъ довѣріемъ своего государя и могущаго оправдать его своей опытностью и всѣмъ извѣстными способностями, и дѣлаетъ, повидимому, излишнимъ подкрѣпленіе, которое ему предоставятъ для этихъ переговоровъ въ лицѣ одного единственнаго человѣка—г. Тугута, дѣйствительнаго главы иностранныхъ дѣлъ при вѣнскомъ дворѣ, однако, это дѣло настолько важно само по себѣ, что я не премину оказать ему самое серьезное вниманіе и пошлю, съ своей стороны, кого-нибудь, чтобы слѣдить за поведеніемъ и за дѣйствіями вѣнскаго двора во время пребыванія его въ Нидерландахъ, и отдавать мнѣ въ этомъ подробный и вѣрный отчетъ. Я остановилась на васъ для исполненія этого щекотливаго порученія, въ надеждѣ, что вы съумѣете его выполнить съ тѣмъ усердіемъ и умомъ, которое вы проявили въ столькихъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вы отправитесь въ

Брюссель, какъ только узнаете, что императоръ прибылъ туда. Вы представитесь этому монарху, какъ мой уполномоченный посолъ въ мѣстности настоящаго его пребыванія, желавшій воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы явиться къ нему и засвидѣтельствовать свое почтеніе. Министру его вы скажете, что, кромѣ этой цѣли, я назначила васъ, въ отсутствіе моего обычнаго посла, быть посредникомъ при сношеніяхъ, которыя могутъ возникнуть изъ нынѣшнихъ обстоятельствъ между нашими дворами и которыя, по случаю тѣхъ же обстоятельствъ, могутъ не терпѣть никакого отлагательства. Это признаніе дастъ силу вашему присутствію въ Брюсселѣ, на все время, пока продолжится въ немъ присутствіе императора. Тамъ вы найдете г. Симолина, который уже давно тамъ поселился, и воспользуетесь его помощью, чтобы пріобрѣсти точныя свѣдѣнія, касающіяся вашего назначенія, чтобы ихъ провѣрить, расширить и уже въ такомъ видѣ сообщить мнѣ. Больше мнѣ нечего вамъ наказывать, исключая того, чтобы вы всегда помнили, что будете состоять при дворѣ, съ которымъ мнѣ желательно и интересно поддерживать и развивать полнѣйшую дружбу и самыя интимныя сношенія. Это, однако, не должно вамъ помѣшать доказывать настойчиво и энергично, если къ тому представится случай, что, если онъ согласится на какой бы то ни было миръ прежде, чѣмъ будетъ возстановлено во Франціи правильное и законное правленіе, а именно—правленіе монархическое—этотъ миръ будетъ не болѣе, какъ краткій перерывъ, который повлечетъ за собою самыя роковыя для всѣхъ союзныхъ державъ послѣдствія.

А засимъ, молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ васъ, г. тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ, подъ Своимъ святымъ и благимъ покровомъ.

«Екатерина».

С-тъ Петербургъ.
25-го ноября 1793 года.

28.

Monsieur le comte de Roumanzoff.

Le comte d'Artois Vous aura sans doute confié qu'il me demande de nouveaux secours d'argent. Il m'en coûte assurément de lui en accorder en ce moment où j'ai besoin de toutes mes ressources, étant obligée de m'occuper de préparatits très-dispendieux pour faire face à tout évènement, malheureusement trop probable dans cet état de crise où se trouve l'Europe. Cependant, si le voyage de ce prince doit effectivement avoir lieu, je ne laisserai pas mon ouvrage imparfait et je l'assisterai encore autant que mes moyens me le permettent. Dans cette intention je Vous fais remettre ci-joint en lettres de change la somme de 200 mille florins de Hollande, que Vous ne délivrerez à ce prince, qu'à la veille de son départ. Mais si ce plan de voyage est tout à fait rompu

ou qu'il soit remis à un temps plus éloigné ou tout à fait incertain, Vous me renverrez les lettres de change, sans en avoir fait aucun usage et sans en parler même au comte d'Artois. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur le comte de Roumanzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine".

St.-Pétersbourg, le 16 janvier 1791.

28.

(Переводъ).

Господинъ графъ Румянцовъ.

Графъ д'Артуа, безъ сомнѣнія, сообщилъ вамъ, что онъ вновь просилъ у меня денежной помощи. Конечно, мнѣ трудно оказать ее какъ разъ теперь, когда мнѣ необходимы всѣ мои средства для весьма дорого стоющихъ приготовленій къ тому, чтобы быть готовою ко всякимъ событіямъ, къ несчастію, слишкомъ возможнымъ въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находится Европа. Однако, если путешествіе этого принца дѣйствительно должно состояться, то я не оставлю своего дѣла недовершеннымъ и помогу ему еще, насколько мои средства мнѣ позволяютъ. Въ этихъ видахъ, я приказала передать вамъ при семъ векселя на 200 тысячъ голландскихъ флориновъ, которые вручите этому принцу лишь наканунѣ его отъѣзда. Если же планъ этого путешествія совершенно разстроится, или будетъ отложенъ на болѣе отдаленный срокъ, быть можетъ совершенно неопредѣленный, вы возвратите мнѣ эти векселя, не сдѣлавъ изъ нихъ никакого употребленія и даже не сказавъ о нихъ ничего графу д'Артуа. Засимъ, я молю Бога, чтобы Онъ хранилъ васъ, господинъ графъ Румянцовъ, подъ Своимъ святымъ и благимъ покровомъ.

«Екатерина».

С-тъ Петербургъ,
16-го января 1794 года.

Графъ Румянцовъ—императрицѣ Екатеринѣ.

29.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ Шулеповъ прибылъ сюда и вручилъ мнѣ Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 3-го января.

Позвольте мнѣ, Всемилостивая Монархиня, здѣсь у подножія престола Вашего, принести жертву благодаренія, за грамоту, за деревни,

за домъ и монументъ [1]), каковымъ наградить соизволили родителя моего.

Есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданнѣйшій

Николай графъ Румянцовъ.

Франкфуртъ
30-го января / 10-го февраля 1795 г.

Императрица Екатерина—графу Румянцову.

30.

Monsieur le comte Roumanzof.

A la lettre que Vous m'avez écrite en mains propres le 4/15 d'août, j'ai à Vous répondre que je me souviens très-bien des articles que Vous y récapitulez. La noblesse des sentiments de la maison de Bade m'est trop connue pour lui supposer des désirs contraires à y ceux et me façon d'agir envers elle a été telle que je n'ai point à m'attendre à des reproches. J'avoue que j'ignore qui sont les artificieux qui nuisent à Votre prospérité, et j'ai cru que le cordon de St.-Alexandre [2]) que je Vous ai envoyé Vous avait prouvé dans son temps la satisfaction que j'avais de ce que Vous ne Vous étiez point écarté des ordres que Vous aviez reçus de ma part. Je ne connais point les adversités dans lesquelles Vous Vous dites plongé et la douleur extrême qui pour durer plus longtemps ne s'est point affaiblie. J'ai cru que Vous alliez Votre chemin dans la carrière dans laquelle Vous êtes, que Vous la remplissiez avec zèle et intelligence et que Vous étiez d'un bon esprit fort éloigné de toute prétention et très persuadé que les services réels ne laissent pas d'être récompensés dans votre patrie sans qu'on aie besoin de les solliciter. Témoin monsieur votre père qui ne sollicita jamais, mais qui m'a mis dans le cas d'inventer des récompenses et auquel il me semblait que je ne donnais point assez pour les services qu'il rendait à l'Etat.

30.

(Переводъ).

Господинъ графъ Румянцовъ.

На письмо, отъ 4/15 августа, которое вы мнѣ писали въ собственныя руки, отвѣчаю вамъ, что очень хорошо помню тѣ статьи, кото-

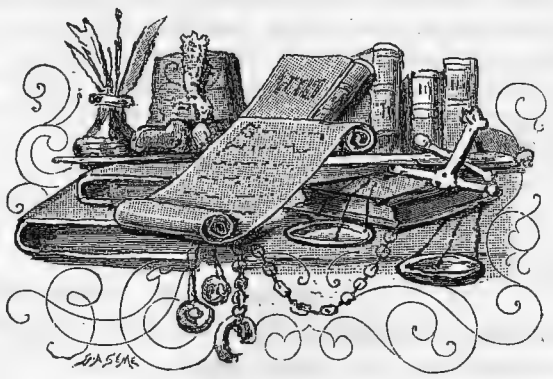
---

[1]) Домъ „съ приличнымъ убранствомъ и передъ онымъ памятникъ съ надписью: Побѣдамъ графа Румянцова-Задунайскаго“ находились на Царицыномъ лугу; памятникъ перенесенъ позже на Васильевскій островъ, по набережной Невы, между Академіею Художествъ и кадетскимъ корпусомъ.

[2]) Этотъ орденъ пожалованъ гр. Н. П. Румянцову въ 1792 году, вмѣстѣ съ производствомъ въ тайные совѣтники, за пребываніе въ Кобленцѣ при братьяхъ Людовика XVI. Румянцову было тогда 38 лѣтъ.

рыя вы тамъ снова перечисляете. Благородство чувствъ Баденскаго дома мнѣ слишкомъ извѣстно, чтобы можно было въ немъ заподозрить желанія, противныя моимъ, и мой образъ дѣйствія по отношенію къ нимъ таковъ, что я не могу ожидать себѣ отъ нихъ упрековъ. Признаюсь, я не знаю, что-за лукавцы вредятъ вашему благополучію, а я полагала, что лента св. Александра Невскаго, которую я вамъ послала, доказала вамъ въ свое время, какъ я довольна, что вы не отступили отъ приказаній, полученныхъ вами отъ меня. Я вовсе не знаю, какія бѣдствія васъ постигли, какъ вы говорите, и какое это горе, которое не ослабѣло, несмотря на то, что длится уже давно. Я полагала, что вы идете своей дорогой въ той карьерѣ, въ которой находитесь, что вы исправляете ее съ усердіемъ и разумѣніемъ, и что вы человѣкъ здраваго разсудка, далекій отъ всякихъ претензій и твердо увѣренный, что дѣйствительныя заслуги не остаются безъ награды въ вашемъ отечествѣ и что нѣтъ для этого необходимости напоминать объ нихъ. Свидѣтелемъ того вашъ батюшка, который никогда не просилъ, но ставилъ меня въ необходимость выдумывать для него награды и котораго, какъ мнѣ казалось, я недостаточно вознаграждала за услуги, оказанныя имъ государству.

Сообщилъ **В. А. Бильбасовъ.**



АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

ГЛАВА IV [1].

Житіе и ученіе отрока Петра въ С.-Петербургской духовной академіи у знаменитаго просвѣтителя Филарета, воспитанника Московскаго Платоновскаго.

Вступленіе въ С.-Петербургскую академію Д.—Испытаніе сряду по пріѣздѣ въ академію въ ученіи Филарета.—Описаніе внѣшнее и внутреннее Филарета.—Начатки ученія, житіе въ академіи съ товарищами.—Начатки злыхъ ученій въ академіи отъ чтенія книгъ еретическихъ новыхъ и преніе противу оныхъ со всѣми.—Сострадательность Филарета во время болѣзни, опасность болѣзни.—Болѣзнь въ домѣ родителя отъ запрещенныхъ яствъ и питій нисколько не уменьшались.—Облегченіе отъ болѣзни и выходъ изъ академіи.—Замѣчанія о качествахъ Филарета.—Кто особенно были достойны вниманія учители и начальники въ академіи.—Объ ученикахъ въ академіи, ученіи и поведеніи ихъ.—Вредъ въ академіи отъ дозволенія всякія книги мірскія и еретическія читать безъ разбору.—Въ академіи между учениками разный духъ ученія и вѣры и любви былъ; и объ ученіи Филарета касательно вѣры.

ЛѢТО 1814.

Съ Божіимъ и родительскимъ благословіемъ, по благоволенію начальниковъ, по смотрѣнію Всевышняго, студентъ Петръ отрокъ пріѣхалъ въ академію августа 12-го 1814 года. Явися съ прочими къ пастырю своему и владыкѣ митрополиту Амвросію. Онъ принялъ всѣхъ, какъ своихъ, благословивъ отпустилъ, приказавъ явиться къ начальнику академіи ректору Филарету архимандриту [2]. Когда не обрѣли его дома, сряду, помянувъ внушеніе своего архимандрита и ректора Владиміра, дабы явиться для благословенія къ ректору семинаріи и архимандриту Иннокентію, то искали входа къ нему; нечаянно въ залъ его вшедъ надъ вратами полунощными подъ звѣздою жившаго, вопрошали самого Иннокентія, угощающаго Филарета, гдѣ живетъ Иннокентій? Между

[1]) См. „Русскую Старину“. 1894 г. апрѣль.

[2]) Филаретъ (Дроздовъ).

прочимъ говорили, что отца ректора Филарета искали, но нѣтъ дома и не знаемъ, гдѣ онъ; но не знали, что сей есть съ нами говоряй Иннокентій, а сидяй у него Филаретъ. Филаретъ же, сидя на диванѣ и улыбаясь, говоритъ: Филаретъ въ лаврѣ, скоро, какъ я думаю, будетъ у себя дома, то вы можете его видѣть. По вечеру пришли къ Филарету, увидѣвъ его, благословились отъ него, и тогда познали, что видѣли его въ кельяхъ Иннокентія, но не узнали его, и той себя не объявилъ; онъ принялъ строго всѣхъ такъ, что въ страхѣ всѣ отошли. Замѣчали всѣ первый пріемъ, какъ кто насъ принималъ. Ректоръ же Иннокентій принялъ всѣхъ весьма кротко, ласково, весьма по сердцу всѣмъ явился, отъ коего изшедъ благословляли имя его; отведены были между прочимъ всѣмъ кельи: тогда былъ инспекторъ Филаретъ (который послѣ былъ ректоръ академіи Московской, въ Калугѣ архіереемъ, Рязани, въ Сунодѣ въ 1827 году присутствующимъ и архіепископъ казанскій).

Какъ скоро собрались изъ всѣхъ семинарій ученики, назначенъ былъ частный экзаменъ всѣмъ вновь поступившимъ въ академію. Въ первый разъ самъ Филаретъ пришелъ дѣлать испытаніе. Отличился болѣе всѣхъ Петръ предъ лицемъ его; ибо, когда никто не могъ отвѣчать на вопросы Филарета, вставая поднималъ онъ руку, дая знакъ, что можетъ отвѣчать на его премудрые вопросы, и отвѣты дѣлалъ долгіе, подробные; а оные состояли въ разборѣ и поясненіи шестидневнаго творенія міра. Филаретъ весьма остро, но любезно, какъ Ангелъ Божій, радуяся смотря выслушивалъ длинные отвѣты, сдѣлалъ три замѣчанія противу имени его, въ спискѣ крестики поставивъ. Собравшіеся же были ученики изъ учителей, иные изъ инспекторовъ, а нѣкоторые, такъ же, какъ Петръ, изъ богословіи ученики. Иные были даже около 30, 38 и 40 лѣтъ отъ роду. Молебенъ въ Соборной лаврской церкви былъ отправленъ для всѣхъ, и началось общее для всѣхъ вновь поступившихъ учениковъ ученіе въ академіи. На толкованіе св. писанія самъ Филаретъ преподавать приходилъ. Во все время его ученія, какъ онъ ходилъ въ классъ преподавать по части божественнаго писанія, многіе многое замѣчали; безумные безуміе о немъ повѣдали, Петръ же какое сдѣлалъ замѣчаніе, таковое здѣсь и описывается.

Филаретъ былъ украшенъ звѣздою, крестомъ драгоцѣннымъ; росту средняго, смуглъ видомъ, власы средніе темнорусые, браду долгую имѣлъ, лицемъ всегда свѣтлъ, веселъ быть казался, у него были глаза острые, проницательные, видъ постенъ, строгъ и пріятенъ; поступь его была не скорая, важная. Голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро, но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священныхъ писаній: какъ бы все лилось изъ устъ его. Привлекалъ учениковъ такъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое

усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія. Оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умѣ отъ ученій своихъ, всѣмъ казалось истинно, пріятно, совершенно его ученіе. Казался онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался. Изъ разныхъ повѣствованій объ немъ слышно было, и самому лично извѣстно, что былъ весьма сердоболенъ, милостивъ, любилъ монашескій санъ, ученыхъ, и желалъ, чтобы достойные всѣ поступали въ санъ монашескій.

Всѣ науки [1]) Петръ проходилъ весьма съ раченіемъ: болѣе всего упражнялся въ чтеніи толкованія св. писаній, чувствовалъ способность быть въ академіи, занимался много; по нѣкоторымъ классамъ чувствовалъ себя быть изъ первыхъ; не любилъ же крайне исторіи философской, коя исторія безъ нужды весьма пространно преподаваема была [2]); какъ всѣ, такъ и онъ писалъ каждый урокъ, отъ чего напрасно потерялъ онъ здравіе; ибо былъ особенно слабъ грудью и глазами. Неоднократно въ больницу попадалъ; рыдая плакалъ, что слабость тѣлесная дѣлаетъ ему препоны въ курсѣ ученія. Въ жилищахъ, гдѣ жилъ, было тепло, но въ классахъ холодно; у него не было ничего теплаго; время отъ времени получалъ жестокую простуду. Такъ же нѣкоторые вмѣстѣ съ нимъ были изъ лучшихъ учениковъ больные и помирали, что̀ его очень сокрушало, и особенно два случая. Былъ ему ближайшій сверстникъ ученикъ Іаковъ: онъ умеръ отъ чахотки. Вышедъ изъ лазарета, нерѣдко навѣщалъ Петръ его, и послѣ видѣлъ смерть его, и предсказалъ ему оную заранѣе. Внушалъ ему положить упованіе на Бога, а чтобы во святый и великій постъ мяса и прочаго ястія не употреблять, настоялъ крѣпко, что сіе есть грѣхъ, облегченія доставить не можетъ, а къ большему отягченію послужитъ; онъ не соглашался, опирался на дозволеніе Филарета, начальства, доктора-нѣмца [3]), ѣлъ во святый и великій постъ мясо, млеко, яицы, масло; и жалко умеръ во дни и часы, яко же ему предречено было.

---

[1]) Начиная отсюда до словъ „неизвѣстно отъ кого слышалъ Филаретъ“ выпущено въ статьѣ, помѣщенной въ „Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія“.

[2]) Съ 13-го августа 1814 года до 1826 года каѳедру философіи въ С.-Петербургской академіи занималъ магистръ Иродіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій, чтенія котораго и имѣетъ здѣсь въ виду Фотій (Чистовичъ. „Исторія Спб. духовной академіи“, 345). О Вѣтринскомъ см. ниже.

[3]) Академическимъ врачемъ былъ въ-то время штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Иванъ С. Бокъ, бывшій преподавателемъ медицины въ старой Александроневской академіи съ 1802 по 1808 годъ; въ 1818—1827 годахъ состоялъ врачемъ при духовной семинаріи, затѣмъ перешелъ въ Гатчинскій воспитательный домъ. Надеждинъ. „Исторія Спб. духовной семин.“, стр. 50.

Другой же его любимый товарищъ Іоаннъ Кореневъ изъ орловскихъ студентовъ; святыхъ отецъ онъ въ своей семинаріи читалъ много, зналъ добрѣ смыслъ св. писанія такъ, что не было ему равнаго въ то время. Съ нимъ великую Петръ Спасскій имѣлъ любовь духовную, и жилъ вкупѣ; сходясь въ кельи читали съ нимъ св. писаніе, другъ друга испытывали, другъ друга весьма любили; онъ Петру далъ имя Кифа въ академіи вмѣсто Петръ; а посему отъ многихъ называемъ Петръ былъ Кифою. Неизвѣстно, кто виною, но изъ библіотеки выдавались для чтенія гнусныя, ядовитыя книги Штиллинга богоотступника [1]), враля, угрозъ Свѣтовостокъ, и тому подобныя. Ученики-товарищи читали оныя и восхищались; Петръ же чтеніе, дѣлаемое въ слухъ, слушая внималъ, что все есть плодъ воображенія, разныя лукавыя внушенія поясненій содержатся въ ученіи иновѣрца бѣснаго. Начинались у него споры; его сторону никто почти не защищалъ. Старшій былъ Илія Н., товарищъ тотъ прежде начитавшись того же, убѣждалъ Петра въ пользѣ чтенія онаго. Приходилъ Петръ день ото дня въ большую ревность, всѣ мѣста опровергалъ и никто не могъ одолѣть его; ибо казалось ему, истины онъ лучше всѣхъ зналъ, св. писаніе, ученіе церкви; отъ юности навыкнувъ всему ученію и духу св. отецъ, видѣлъ несогласіе явно, и никакъ не хотѣлъ одобрять сочиненія Штиллинга читать, и другимъ говорилъ тоже. Любимый товарищъ Іоаннъ молчалъ не защищая его и не опровергая. Выставлялъ Петръ ему то, что не съ цензуры духовной, не съ благословенія Св. Сунода издаются оныя книги, и воровски; а посему конечно всѣ власти, отъ Бога церковныя поставленныя, имѣютъ мнѣніе невыгодное о всѣхъ книгахъ Штиллинга, и прочихъ ему подобныхъ. Сдѣлался боленъ Іоаннъ Кореневъ, Петръ къ нему ходилъ въ больницу посѣщать его. Почти всякій разъ, какъ приходилъ къ нему, видѣлъ въ рукахъ его негодную книгу Штиллинга: Тоска по отчизнѣ. Ахъ! какъ онъ былъ поражаемъ скорбію, что Іоаннъ не читалъ Житія Святыя, ученія, преданія, повѣсти церковныя, молитвы, а бредъ духовъ злобы поднебесныя. Вопросилъ Петръ его нѣкогда, уже ли ты читаешь и вѣришь бреднямъ безумнаго иновѣрца, отъ своихъ проклятаго: во всемъ ученіи Штиллинга духъ нечистый, демонъ находится; какая же польза быть можетъ для души читать Штиллинга,—духъ нечистый, по внушенію бѣса написавшаго все на вредъ души и соблазнъ св. церкви?

---

[1]) Юнгъ Штиллингъ - извѣстный нѣмецкій мистикъ: родился 1740 года; умеръ въ 1818 году. Ему принадлежатъ многія мистическаго характера сочиненія, изъ которыхъ большая часть была переведена на русскій языкъ извѣстнымъ русскимъ мистикомъ А. Ѳ. Лабзинымъ. Такъ, Лабзинымъ были переведены слѣдующія сочиненія Штиллинга: „Краткія нравоучительныя правила для друзей христіанства“—1805 г., „Приключенія по смерти“—1805 г., „Тоска по отчизнѣ“, „Угрозъ Свѣтовостоковъ“ и др.

Іоаннъ сказалъ Петру: я прежде читалъ его, нахожу утѣшеніе, не брошу читать, и убѣждалъ Петра себѣ подражать, и какъ полезныя, всѣ таковыя книги читать; Іоаннъ день отъ дня болѣе сталъ быть боленъ. Приключилась ему жестокая водяная болѣзнь; и какъ близъ смертной опасности былъ, пришедъ Петръ въ то время, видя, что онъ читаетъ такъ же нечестивую книжицу: «Тоска по отчизнѣ», говорилъ ему отъ сердца: престани, Іоанне брате, читать Тоску по отчизнѣ, да не впадешь въ вѣчную тоску; ей, потеряешь царствіе небесное и отечествіе на небесахъ; ежели ты перестанешь читать оныя бредни Штиллинга, духъ лукавый отступитъ отъ тебя, и ты благодать узришь свыше отъ Бога, и облегченіе въ болѣзни получишь; а ты весьма опасенъ; почто прилѣпился ты къ бѣсовскому чтенію, ученію, духу и діаволу во плоти бывшему Штиллингу? Отъ сихъ словъ Петра онъ, убоявся смерти, оставилъ книги читать на время, желая облегченія. Хотѣлъ же Петръ у него взять книгу и предать огню, но онъ не далъ ему въ руки. Вскорѣ Іоаннъ получилъ облегченіе такъ, что уже заниматься могъ въ наукахъ хотя на одрѣ и чтеніемъ; радовался сему Петръ; спустя нѣсколько времени какъ пришелъ къ нему, увидѣлъ, что Іоаннъ чувствуетъ болѣзни жестокость опять; лежитъ же и читаетъ книгу еретическую: Тоска по отчизнѣ. Пришедъ нечаянно Петръ, увидѣлъ и ему сказалъ: вотъ какъ ты оставилъ искать утѣшеніе отъ демона въ Штиллингѣ, то ты отъ Бога, яко же тебѣ сказалъ, видѣлъ дарованіе облегченія и почти совершенное выздоровленіе; а какъ ты опять началъ читать ученіе отъ лукаваго, ты паки отъ Бога оставленъ еси, и болѣзнь твоя возвратившись умножилась. Онъ Петру сказалъ въ отвѣтъ тогда: ужели отъ того облегченіе я получилъ, что не читалъ Штиллинга? Такъ случилось, а вліянія книга сія не можетъ имѣть на здравіе. Тогда Петръ ему сказалъ: ничего такъ въ мірѣ не бываетъ: прокляни Штиллинга, я тебя увѣряю, что будешь здравъ; а ежели не проклянешь, а прилѣпленъ будешь къ чтенію его, вѣрованію, отселѣ не востанешь съ одра. За что онъ прогнѣвался и сказалъ: Штиллинга читать не оставлю, любить буду, и живъ и здравъ буду. Петръ же, болѣзнуя по немъ, отшелъ навсегда отъ него. Прошло немного времени, и слышитъ Петръ, что Іоаннъ, сей другъ его любимый, боленъ и лежитъ на смертномъ одрѣ. Вотъ поспѣшилъ притти и видѣть его: но былъ ему уже въ тягость. Онъ грубо и грозно на него смотрѣлъ такъ, что говорить даже не хотѣлъ. Петръ же, весьма ласково и скромно къ нему приступая, желалъ его утѣшить; у него же тогда текла вода изъ тѣла гнилая, смрадная; Петръ ему внушалъ говоря: гнилость братія ученія въ Штиллингѣ и злосмрадіе водъ его книжныхъ есть вина въ тебѣ болѣзни водяныя; не животъ, а болѣзнь и смерть есть духъ Штиллинга; Промыслъ Божій даетъ тебѣ видѣть явно вредъ на себѣ. По смерти же ты узришь во адѣ Штиллинга и по-

слѣдователей его съ нимъ. Отшедъ въ келью свою, помыслъ имѣлъ Петръ, что гнѣвъ имѣетъ другъ на него. Во едино утро паки пришедъ, увидѣлъ, что еле живъ есть; посмотрѣвъ его и утѣшая, проспалъ, дабы онъ хотя Св. Таинъ пріобщился, что онъ исполнивъ вскорѣ умеръ.

Отъ великаго прилежанія такъ повредилъ Петръ себя, что въ очахъ мракъ имѣлъ, худо видѣть могъ среди дня, страдалъ слабостію въ груди и сухостію во всемъ тѣлѣ. Никакъ не хотѣлъ итти въ лазаретъ, боясь, дабы мясо во дни постные, млеко не заставляли ясти, и дабы по примѣру прочихъ, не погибнуть отъ лѣченія врачей. Во святый и великій постъ противу устава церковнаго въ духовной академіи въ трапезѣ всѣмъ была рыба по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ. Сіе послабленіе такъ же ему скорбь наводило, и онъ разсуждалъ говоря: почему же въ домѣ родителя я никогда не вкушалъ рыбы, а здѣсь ядятъ рыбу? доколѣ не испытаю, на какомъ основаніи церковномъ разрѣшеніе рыбы есть во святый и великій постъ, не буду ясти, и тако не вкушалъ; отъ слабости тѣлесной мало ѣлъ, пилъ, рѣдко ходилъ въ трапезу; столько же въ недѣлю снѣдалъ, сколько прежде во единъ день. Пища ему противна была; худѣлъ день отъ дня, не зналъ, чѣмъ пособить себѣ; а чувствовалъ то одно, что духъ его ведетъ скорѣе на свободу въ монастырь и въ монашеское житіе.

Не извѣстно отъ кого слышалъ, что Филаретъ сострадателенъ, милостивъ весьма, и его знаетъ, помыслъ ему и пришелъ тогда: пойди и проси его, дабы въ домъ отца отпустилъ тебя лѣчиться. По сему случаю пришедъ видѣлъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету, призвалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ какъ вышелъ къ нему Филаретъ, вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни [1]), взялъ на себя попеченіе искать средство къ его облегченію. Петръ же говорилъ ему: отъ юности имѣю наклонность къ монашеству; то исключи ты меня изъ святилища академическаго; я какъ получу облегченіе, пойду въ монастырь въ число послушниковъ куда-нибудь въ невѣдомыя мѣста; я болѣе никуда теперь не годенъ, потерявъ совершенно мое здравіе. 1815 года, какъ звонъ начался ко всенощному бдѣнію въ Лаврѣ на день Вознесенія Господня, нѣкто пришедъ требуетъ Петра въ домъ митрополита Амвросія. Былъ еще онъ хотя весьма слабъ, боленъ, но на ногахъ ходилъ тогда, и пришелъ къ митрополиту. Святитель при очахъ Филарета представляетъ искуснѣй-

---

[1]) Докторъ Бокъ представлялъ академическому правленію, что Петръ Спасскій имѣетъ по природѣ весьма слабое сложеніе тѣла и особенно сильно страдаетъ грудью, къ продолженію курса неспособенъ. Труды Кіев. дух. академіи, 1875 годъ, іюнь, 705.

шему доктору Каменецкому [1]) Петра освидѣтельствовать. Осмотрѣвъ его, сей врачъ говоритъ: о! какъ курица на гнѣздѣ сидитъ высиживая цыплятъ, изсидѣлся сей ученикъ въ трудахъ, весь изсохъ весьма тѣломъ; но будетъ живъ и здравъ, ежели уволить его въ домъ родителя, буде не далеко, на все лѣто; другаго средства нѣтъ; лѣкарства ему не помогутъ врачебныя, развѣ лѣтній воздухъ и свобода отъ трудовъ; мы врачи ему пособить не можемъ; Питеръ же ему вреденъ. Вслѣдствіе сего было разсуждаемо, на какой коштъ отправлять его въ домъ отца для облегченія его. Петръ объявилъ, что радъ въ домъ отца ѣхать, но у него даже хлѣба нѣтъ; весь онъ залился слезами и сказалъ: Боже мой! что мнѣ дѣлать? Я родился въ день слезъ и печали въ дому отца! Я среди слезъ кончилъ ученіе въ семинаріи! Бѣдный родитель! Ты чаялъ вскорѣ видѣть отраду въ бѣдности отъ меня, а я боленъ почти безъ надежды къ выздоровленію! Ты бѣденъ, и не знаешь, что со мною дѣлается! Родной дядя и тетка весьма богаты, но ни мнѣ на путь, ни родителю на бѣдность нѣтъ отъ нихъ ничего пособія! Всѣ родные въ Петербургѣ меня оставили! Плакалъ Петръ, что на хлѣбъ не имѣлъ дневный, а не токмо на путь. Духъ же радости нѣкія исполнялъ его сердце и обнадеживалъ, что будетъ имѣть средство получить здравіе. Въ сіе время слезъ его и скорбей, призываетъ Филаретъ его къ себѣ, вручаетъ ему денегъ отъ щедротъ митрополита 50 рублей, самъ даетъ своихъ 25 рублей и совѣтуетъ еще итти къ нѣкіимъ; онъ пришелъ и отъ тѣхъ получилъ по 5 рублей и тако почти около ста рублей у него собралось денегъ. Вообразить не можно, какая радость ему тогда была. Филарета же всегда имѣлъ предъ очами и усердно молился за него. Отъ сего времени видѣлъ въ Филаретѣ вину всего облегченія и будущее его благоволеніе. Невѣдомыми судьбами приходитъ въ той часъ изъ мѣста рожденія человѣкъ, отданный въ военную службу, къ Петру его посѣщать; Петръ же, будучи боленъ, не могъ итти изъ академіи, просилъ его, дабы онъ взялъ у него коечто и самого поддерживая подъ руку вывелъ изъ мѣста академіи. Онъ же, взявъ Петра, велъ по С.-Петербургу, но видя его слабаго, предваривъ нашелъ ему родственника и коня въ путь. Совершая путь, случилось ему достигнуть дороги сквозь лѣса, мостъ былъ изъ цѣльныхъ и нетесаныхъ деревъ, нѣсколько верстъ. Что ему дѣлать? Итти не могъ; на конѣ ѣхать въ телѣгѣ было тряско; для груди было такъ больно, что

[1]) Каменецкій Осипъ Кирилловичъ, лейбъ-медикъ, умеръ 14 іюля 1823 г. Извѣстенъ какъ авторъ лѣчебника народной медицины. Старымъ людямъ, требовавшимъ отъ него здоровья, откровенно говорилъ: „надобно честь знать“. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго, томъ II, 376, 421. Письма м. Филарета къ намѣстнику Троицкой лавры архимандриту Антонію, т. IV, 355.

замирало отъ болѣзни сердце его. Сошедъ онъ просилъ сродника съ него лишнее одѣяніе снять и вести его подъ руку, и кое-какъ тащить помогая; тогда всѣ свои силы по необходимости напрягъ, дабы итти и пройти скорѣе многотрудныя мѣста. Но какъ съ усиліемъ идя прошелъ онъ мостъ среди жаркаго дня, весь такъ былъ въ жару, что потомъ весь былъ облитъ; восхотѣлъ видѣть на себѣ нижнее платье, и вотъ видитъ, что оно въ кровавомъ потѣ; отъ усилія бо не просто потъ, но яко кровавый изъ него изшелъ изъ всего на нижнее платье; удивился и нѣсколько испугался сему; но чувствовалъ отъ сего, что ему облегченіе сдѣлалось нѣкое, а потому и успокоился. Наконецъ достигъ въ домъ родителя, чтеца бѣднаго въ день воскресный среди дня.

Въ домѣ родителя Петръ находясь, всѣ средства употреблялъ къ выздоровленію своему. Ходилъ на ногахъ будучи боленъ; но когда ложился почить или отдохнуть, то лишался владѣнія рукъ и ногъ до половины. Когда его пришедъ кто коснется за ноги и руки, то мало по малу пріемля оживленіе возставалъ и начиналъ ходить, а посему всячески убѣгалъ возлежанія на одрѣ въ дому и вездѣ днемъ, кромѣ единыя нощи. Старался ходить по лугамъ, брегамъ рѣки, по цвѣтистымъ нивамъ и полямъ въ лучшіе дни, дабы тѣмъ себя веселить и облегчить чрезъ воздухъ. Нѣкогда срѣтилъ его близъ берега на лугу у рѣки боляринъ Балле [1]), пригласилъ его къ себѣ, и просилъ ходить въ домъ его для пользованія себя, гдѣ для пріятности занятія преподавалъ Петръ дѣтямъ его науки въ часъ облегченія. Онъ же ему всячески съ семействомъ старался доставить здравіе. Всѣ усилія его таковы были, что Петру не было тягчае, и не было легче; козьи сливки ему не помогали, все человѣческое и земное усиліе было тщетно; ничто не могло облегчить болѣзни, нарушеніе же поста вредъ дѣлало токмо одинъ вмѣсто здравія.

Наступаетъ уже августъ мѣсяцъ въ половинѣ, третій мѣсяцъ на исходѣ, какъ Петръ живетъ въ домѣ родителя, не имѣетъ желаемаго нужнаго укрѣпленія силъ тѣлесныхъ. Въ домѣ родителя нѣкогда животное, юная свинья, т. е. поросенокъ былъ такъ же, какъ Петръ, въ сухоткѣ и чахоткѣ, и жилъ въ домѣ съ нимъ; онъ не пилъ, не ѣлъ; Петръ, смотря на него, сравнивалъ съ собою, что сія скотина свинья и млека не ястъ отъ чахотки и болѣзни внутренней, какъ и онъ самъ

---

[1]) Помѣщикъ Петръ Ивановичъ Балле былъ въ то время предводителемъ мѣстнаго дворянства. Будучи уже архимандритомъ и имѣя большой вѣсъ въ обществѣ, Фотій много помогалъ и покровительствовалъ бывшему своему благодѣтелю, человѣку вообще небогатому. Такъ какъ Балле былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то Фотій обратилъ вниманіе и на его духовную сторону и убѣдилъ его принять православіе. Свѣдѣнія объ архимандритѣ Фотіи, собранныя на мѣстѣ его рожденія въ селѣ Ямъ-Тесовѣ. Пожайскій. «Истор. Вѣстникъ» 1888 годъ, іюнь, 148—151.

чувствуетъ отвращеніе отъ всего. Но какъ мало нѣчто зналъ врачебное искусство, сдѣлалъ масло изъ цвѣтовъ звѣробоя, или иначе называемой травы: кровь Іоанна Крестителя (вода же и масло отъ цвѣтовъ сея травы, какъ кровь красны бываютъ) остатки негодные, или выжимки бросалъ онъ въ сосудъ нечистъ, гдѣ млеко было козье отъ него влито. Поросенокъ сей, едва ходя, услышавъ духъ масла звѣробойнаго, пришелъ къ сосуду и отвѣдавъ все испилъ. Послѣ увидѣлъ, что облегченіе получаетъ онъ вскорѣ; помыслъ ему внушилъ настоящаго масла дать ему съ млекомъ; поросенокъ ни къ чему не прикасаяся иному, а масло съ млекомъ все испилъ и начиналъ послѣ ѣсть и пить; и такъ постепенно здравъ вскорѣ сдѣлался. Мачиха сказала ему: вотъ ты скотовъ врачуешь, а самъ почему же не хочешь тѣмъ же себя лѣчить? Видѣвъ сіе, началъ Петръ по малу звѣробойнаго масла принимать въ питіи и пищѣ, а особенно съ сокомъ рѣдьки испивать; вскорѣ получилъ облегченіе и въ двѣ недѣли хотя не совсѣмъ, но получилъ возможность даже отправиться въ С.-Петербургъ; пріуготовилъ себѣ нѣсколько пудовъ травы сея, цвѣтовъ звѣробоя въ домѣ отца своего, но часть одну съ собою взялъ въ путь. Когда пріѣхалъ, увидѣлъ, что не совсѣмъ получилъ здравіе, а отъ товарищей поотсталъ, и долженъ лишній годъ сидѣть въ академіи для наукъ, на что вовсе не имѣлъ надежды по слабому своему здравію, чтобы кончить могъ курсъ ученія академическаго, а посему просилъ, дабы его лучше выбросить изъ академіи. Богъ ему помогъ въ семъ; предложено было, куда онъ хощетъ, въ міръ, или духовное вѣдомство? онъ сказалъ: отъ юности моея я не хощу нигдѣ жить, кромѣ монастыря, и хощу въ монастырѣ умереть, и быть въ монашествѣ. Изъ трехъ мѣстъ ему три были пріуготовляемы: два въ Новгородской епархіи инспекторскія и вмѣстѣ смотрительскія мѣста при училищѣ; а едино учительское при семинаріи С.-Петербургской въ Лаврѣ самой. Желалъ же онъ быть въ Лаврѣ самой, дабы на классъ богословія и св. писанія ходить было возможно ему къ Филарету и усовершить себя въ томъ, въ чемъ онъ недостатки имѣлъ. Призываетъ его Филаретъ къ себѣ; взираетъ на него остро, но съ Ангельскою кротостію и благостію; взираетъ свѣтлымъ лицемъ и говоритъ: «я не хощу тебя (Петръ Спасскій) изъ виду упустить, будь въ моихъ очахъ ты, я въ тебѣ предвижу надежду добрую». По его же благоволенію благоволилъ ректоръ семинаріи Иннокентій принять его въ учителя къ училищу при семинаріи въ Лаврѣ Невской.

Въ теченіе житія въ Санкт-Петербургской духовной академіи, самъ своими очами что онъ видѣлъ, и самъ дозналъ, и испыталъ, то здѣсь повѣдается. Сила, красота, достоинство и слава духовной академіи былъ одинъ Филаретъ. Петръ студентъ его любилъ и думалъ, что во всю

*

жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе. Ученики академіи, особенно же поступившіе изъ С.-Петербургской семинаріи, самые скаредные слухи разсѣявали о немъ; больно было даже слушать ихъ. Скорбѣлъ Петръ, а пособить не могъ; строгое его Филарета смотрѣніе, взысканіе обращали въ злое намѣреніе, приписывали его злобѣ, и любовь къ нему немногіе имѣли. Когда слушали его проповѣдь и Иннокентія: то одни отдавали преимущество Филарету, а другіе Иннокентію въ духѣ и краснорѣчіи. Петръ же любилъ Филарета, какъ своего ректора; видѣлъ въ словахъ его умъ, глубину, таинственность смысла и знанія, а въ Иннокентіи замѣчалъ ревность и любовь по Бозѣ; Филарета почиталъ, а Иннокентія любилъ. Всякой видъ, всякое мановеніе, движеніе замѣчалъ въ Филаретѣ, и учился съ нихъ образъ перенимать всего.

Начальники и учители были монашествующіе іеромонахи, магистры съ крестиками; Аѳанасій (Протопоповъ), Григорій (Постниковъ), Моисей (Платоновъ), Кириллъ (Богословскій), всѣ они нынѣ въ архіерейскомъ санѣ; всѣ отличнаго были житія и поведенія по внѣшности; ихъ снисхожденіе, благонравіе къ Петру всегда веселило его и утѣшало. У Моисея какъ у Ангела Божія всегда было лице свѣтло, весело; у Кирилла тихость и любовь; у Григорія же простота, важность и правда. Нынѣ всѣ оные въ санѣ святительскомъ. Постоянно добрые и полезные для преподаванія были учители: Иродіонъ Вѣтринскій по философской части [1]), Іоакимъ Кочетовъ [2]) по исторіи, Моисей же по краснорѣчію, а Григорій по богословію и добротѣ сердца.

Ученики были достойные въ академіи; клевета ученическая не была дѣйствительна предъ лицемъ начальниковъ и учителей, успѣхи достойно были награждаемы похвалами; распоряженіе по отдѣленіямъ учениковъ было справедливо. Тщаніе учителей въ преподаваніи было примѣрное; всѣ были съ достаточными свѣдѣніями и всякъ по своей

---

[1]) Иродіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій съ 1814 по 1825 годъ состоялъ баккалавромъ и впослѣдствіи ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи; затѣмъ членъ главнаго цензурнаго комитета, въ 1834 году былъ назначенъ директоромъ Могилевской гимназіи. Свои лекціи по философіи Вѣтринскій издалъ на латинскомъ языкѣ. Другое сочиненіе Вѣтринскаго подъ заглавіемъ „Памятники древней христіанской церкви“ вызвало противъ себя неудовольствіе м. Филарета и Св. Сѵнодомъ запрещено къ распространенію по духовному вѣдомству. Надеждинъ. Исторія С.-Петерб. семинаріи, 34,100. Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Томъ дополнительный, 25—28, 193—202, томъ II, стр. 9.

[2]) Протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ съ 1814 до 1817 года состоялъ баккалавромъ С.-Петербургской духовной академіи; въ 1841 году получилъ званіе почетнаго члена академіи наукъ; умеръ 16 марта 1854 года. Историко-статистич. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи. Томъ 1, 121—126.

части особенно. Зло все происходило въ порчѣ нравовъ у многихъ учениковъ: 1) что дозволено было ходить въ театръ и часто въ городъ преподавать ученіе въ домахъ другимъ дѣтямъ. Нѣкоторые, побывъ въ театрѣ, съ восхищеніемъ разсказывали видѣнное все на прелесть. Отъ имени Филарета позволеніе, сказывали иные, ходить въ театръ для навыка свободному произношенію и дѣйствію. Всеуспльно иные влекли Петра въ театръ, но онъ говорилъ: не вѣрю, что Филаретъ благоволитъ кому-либо быть въ театрѣ и совѣтуетъ отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользованіе; не вѣрю [1]). Никогда не внидетъ моя нога во вражіе собраніе. Воистину почитая все за едину прелесть, порчу нравовъ, діавольское дѣло, не былъ никогда онъ въ театрѣ, книгъ никакихъ, статей не читалъ театральныхъ, дабы ядъ сочиненій театральныхъ и подобныхъ не травилъ его душу и въ монашествѣ ко спасенію во свое время препонъ не сдѣлалось.

2) Въ академіи было позволяемо читать вновь вышедшія сочиненія, какъ-то: Штиллинга, Еккартсгаузена [2]) и прочія романическія и вольномысленныя сочиненія. А посему нѣкоторые будучи вещію растлѣнные въ нравахъ, читая повѣствовали такія скаредности по вечерамъ, что внушаемое ядовитое свѣдѣніе мерзостей скорбно было слышать. Пособить не можно было: ибо изъ лучшихъ учениковъ иные симъ занимались. Такъ же приходящіе ученики изъ города пересказывали разныя рѣчи къ разжиганію плотскихъ страстей. Академія была въ Невской Лаврѣ, а посему за своевольными отлучками начальство усмотрѣть не могло всегда, хотя открывавшіяся дерзости и соблазны начальство строго наказывало въ примѣръ другимъ. Досаднѣе было всего то, что въ ученикахъ было явное различіе въ вѣрѣ, ученіи и благочестіи, какъ бы были они изъ разныхъ исповѣданій; пороки великіе были такъ, что иные въ скаредныя болѣзни впадали. За что Филаретъ хотя по ученію лучшихъ бывшихъ, но изгналъ изъ академіи навсегда.

Въ ученикахъ академіи не было единаго духа Христова, единаго ума, единаго ученія и единыя вѣры. При случаяхъ было явно все ока-

---

[1]) Здѣсь оканчивается печатаніе извлеченій изъ первой книги автобіографіи Фотія въ Чт. об. люб. духовнаго просвѣщенія.

[2]) Эккартсгаузенъ — одинъ изъ нѣмецкихъ мистиковъ. Въ періодъ развитія въ Россіи мистицизма очень многія сочиненія Эккартсгаузена были переведены на русскій языкъ. Особенно много надъ переводомъ мистическихъ сочиненій Эккартсгаузенъ потрудился А. Ѳ. Лабзинъ. Ему принадлежатъ слѣдующіе переводы: Путешествіе молодаго Костиса отъ востока къ полудню—1803 г., Наставленіе мудраго испытанному другу—1803 г., Облако надъ святилищемъ—1804 года, Ключъ къ таинствамъ натуры—1804, 1820 г.; Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца—1816 г.; Наука читать—1815—1816 г. и др. «Русскій архивъ» 1866 г. кн. VI. Очеркъ жизни и дѣятельности А. Ѳ. Лабзина.

зываемо. Выходили споры о тысящелѣтнемъ царствованіи на земли Христа, о вѣчности мученія и о другихъ вещахъ духовныхъ; нѣкоторые любили уклоненіе отъ св. писанія, а другіе таинственность вездѣ находить. Святыхъ отцевъ не давали читать изъ академической библіотеки, ибо никто совѣта не подавалъ и примѣра. Толковники на св. писаніе были рекомендованы и выданы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезное. Все ли было извѣстно Филарету, неизвѣстно. Во все время слушанія его чтеній, ученій никогда не замѣтилъ Петръ студентъ, а послѣ учитель бывый, и не могъ замѣтить даже единой тѣни противу ученія церкви, ни въ классахъ въ академіи, ни частно. Не слышалъ отъ устъ его даже частно внушенія противу церковнаго ученія и святыхъ отецъ. По благости Всевышняго вышелъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ академіи за собственноручнымъ подписомъ Филарета, по болѣзненному состоянію, 1815 года сентября мѣсяца. Тако совершилъ четвертое поприще житія своего: первое житіе его было въ домѣ родителя; второе въ Санктъ-Петербургскомъ Казанскомъ пѣвческомъ хорѣ безъ всякаго присмотра, яко въ скопищѣ разврата; третіе въ семинаріи Новгородской въ монастырѣ подъ строгимъ и благочестивымъ неусыпнымъ смотрѣніемъ и попеченіемъ бывшаго игумена Іеронима и архимандрита Владиміра; четвертое подъ тонкимъ взоромъ архимандрита Филарета въ духовной академіи; откуда уже поступилъ въ учителя, въ житіе и состояніе, по своему хотѣнію избранное, по благоволенію же Филарета и по благости данное отъ Бога, Ему же за все буди Отцу и Сыну и Святому Духу честь, слава и благодареніе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

ГЛАВА V.

Житіе въ должности учителя.

Начатки учительства.

ЛѢТО 1815.

Поступивъ въ учителя при Санктъ-Петербургской семинаріи въ училище [1]), Петръ Спасскій обращалъ все вниманіе на учениковъ и

[1]) Находясь въ духовномъ училищѣ, Фотій преподавалъ латинскій и греческій языки, славянскую грамматику, церковный уставъ и законъ Божій. «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря архимандрита Макарія», изд. 2, 1862 г., стр. 136—137. Изъ того, что Фотій не упомянулъ въ своей автобіографіи о преподаваемыхъ имъ въ училищѣ предметахъ, г. Миропольскій дѣлаетъ заключеніе о томъ, что Фотій мало интересовался собственно учительскимъ дѣломъ и вообще не обнаруживалъ какого-нибудь научнаго и педагогическаго интереса. «Вѣстникъ Европы» 1878 г., ноябрь, 37—38.

прилагалъ все попеченіе объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ; ученики всѣ любили его какъ отца, слушали какъ учителя. Живя съ ними на однѣхъ сѣняхъ, надзиралъ за ихъ успѣхами внѣ классовъ, какъ въ самыхъ классахъ. Живя одинъ, не имѣлъ у себя для прислуги въ кельяхъ никого; ученики его сироты, бѣдные лучшіе были успѣхами и поведеніемъ. Они ему прислуживали въ свободные часы и наблюдали чистоту въ его кельи. Онъ же одну имѣлъ келью и ту малую. Отличные успѣхи, уединенное и строгое въ немъ житіе видѣвъ ректоръ и архимандритъ Иннокентій, обращалъ на него свое вниманіе и приглашалъ его къ себѣ, дабы къ нему ходилъ для назиданія душевнаго.

ЛѢТО 1816.

Благоволеніе Иннокентія архимандрита.—О начальномъ чтеніи книгъ еретическихъ и лжепророческихъ.—О скверной зловредной книгѣ Іакова Бэма, Путь ко Христу.—Наставленіе Иннокентія о сѣтяхъ бѣсовскихъ.—Въ домѣ родителя учительствомъ занятіе было.—Искушеніе отъ бѣса блуднаго въ нощи.—Истребленіе родины и дома отца отъ огня среди дня, и плачъ родителя.—Плачъ отчій о бѣдности.—Перстъ Божій дѣйствовалъ въ сожженіи всего села и дома родительскаго.

По назначенію Иннокентія сочинилъ Петръ слово «Въ чемъ состоять будетъ будущее единеніе въ Богѣ вѣрныхъ», принесъ къ нему, онъ же удивляется глубокимъ понятіямъ въ словѣ о духовныхъ вещахъ, представляетъ митрополиту Амвросію, читаетъ ему слово самъ и объявляетъ Петру Спасскому его благословеніе. Болѣзнь его не позволила сказать въ 27-ое генваря въ храмовой праздникъ въ Невской лаврѣ [1]) въ церкви; ибо кровохарканіе сдѣлалось у него великое; вотъ какъ слабъ былъ и нездоровъ Петръ по выходѣ изъ академіи. Ему назначено было еще слово въ день храмовый на кладбищѣ въ церкви праведнаго Лазаря [2]). Написавъ слово, принесъ оное къ Иннокентію, оно было о томъ. въ чемъ состоитъ смерть души нашей. Какъ цензоръ, Иннокентій разсматриваетъ слово, читаетъ при немъ и вопрошаетъ его: какія ты, брате, читаешь книги? Петръ же отвѣчалъ: отче святый! святыхъ отецъ книгъ не имѣю, новѣйшихъ

[1]) На юго-восточномъ углу лавры при выходѣ къ академическому двору находится особая церковь, устроенная около 1754 года въ два этажа. Нижняя церковь сперва была посвящена Св. Іоанну Златоусту, а по возобновленіи ея въ 1842 году освящена во имя св. князя Ѳеодора, брата св. Александра Невскаго. «Историко-статистическія свѣдѣнія о спб. епархіи», томъ VIII, 486.

[2]) Церковь св. праведнаго Лазаря устроена въ Невскомъ монастырѣ по повелѣнію Петра I въ 1716—1717 году надъ гробомъ Наталіи Алексѣевны. «Историко-статистич. свѣдѣнія о спб. епархіи», томъ VIII, 487.

книгъ и проповѣдей не читаю, терпѣть не могу мірскихъ книгъ; одну святую Библію имѣю и оную читаю. Онъ ему сказалъ: не читай же никакихъ новѣйшихъ книгъ ты. Онъ слово его представилъ митрополиту Амвросію, читалъ ему вслухъ самъ; и особенное благоволеніе за то принесъ ему отъ владыки и Филарета. Слышалъ же сіе Петръ, что Филаретъ его благодѣтель о добромъ всемъ радуется за него, благодарилъ Бога. Какъ сказалъ слово, Павелъ Саббатовскій, архимандритъ ректоръ, послѣ архіепископомъ астраханскимъ бывый, тогда на чредѣ снова будучи, старецъ сѣдиною сіяяй, выслушавъ слово его, ему подавая благословеніе, говорилъ: доселѣ я никогда такого назидательнаго слова не слыхалъ; да благословитъ тебя Господь Своею благодатію. Послѣ сего возвѣщаетъ онъ и архіерей Амвросій [1]) митрополиту Амвросію о сказаніи слова сего. Петръ въ любовь святителя и начальства пришелъ болѣе; Филаретъ ему любовь свою при всякихъ случаяхъ являлъ; а Иннокентій ему являлся, яко отецъ всегда и Ангелъ Господень.

Видя вниманіе Иннокентія вездѣ и во всемъ къ себѣ, дорожилъ Петръ учитель Спасскій. Не стыдясь являлъ онъ свое благоволеніе ему предъ всѣми. Онъ же все попеченіе отъ всея души прилагалъ, дабы болѣе снискать его благоволеніе. Смотря по надобностямъ, рѣдко когда въ келью входилъ къ нему; рѣдко когда бывалъ у него; слышавъ же его назидательныя бесѣды, слова единаго безъ вниманія не оставлялъ. Такъ какъ спастися желалъ, а книгъ не имѣлъ никакихъ, кромѣ Св. Библіи и молитвенника: въ кельи же горѣла у него неугасимо предъ св. иконою лампадка съ елеемъ; вотъ его едино веселіе въ нощи было, въ часы свободы и покоя отъ должности учительской. Замѣчалъ онъ въ Иннокентіи всѣ слова его, поступки, видъ, дѣйствія, духъ вѣры его, ученія,

---

[1]) Въ 1816 году въ составѣ русской церковной іерархіи, за исключеніемъ митроп. Амвросія, были еще слѣдующіе два архипастыря, носившіе также имя Амвросія. Это — Амвросій Протасовъ, сначала епископъ тульскій, а съ 7 февраля 1816 года архіепископъ казанскій, скончавшійся архіепископомъ тверскимъ въ 1831 году, и Амвросій Орнатскій, съ 12 марта 1816 года епископъ старорусскій, викарій новгородскій, въ 1819 году переведенный въ Пензу и умершій въ 1827 году на покоѣ въ Кирилловомъ монастырѣ. Изъ этихъ двухъ епископовъ Фотій навѣрное имѣетъ здѣсь въ виду Амвросія Орнатскаго, который, какъ викарій Новгородскаго митрополита, въ силу этого обязанъ былъ часто являться къ своему начальнику въ Петербургъ для личныхъ разъясненій по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по управленію обширной новгородской епархіей. Пребываніе же архіепископа Амвросія Протасова въ Петербургѣ возможно было бы допустить въ томъ случаѣ, еслибы онъ находился въ числѣ членовъ св. сунода. Но преосвященный Амвросій, архіепископъ казанскій, не значится въ числѣ членовъ сунода, присутствовавшихъ въ немъ въ 1816 году,

все замѣчалъ въ немъ, дабы ему составить для себя собственно въ сердцѣ образъ житія благочестиваго. Иннокентій и Филаретъ въ очахъ его какъ два свѣтильника всегда были живые. Боялся мыслить, то втайнѣ желать даже, что зналъ неугодно явно есть предъ ихъ очами. Какъ предъ лицемъ ихъ, такъ и заочно, съ благоговѣніемъ самое ихъ имя воспоминалъ, предъ лицемъ же его никто не смѣлъ слова сказать въ безчестіе ихъ. Почиталъ ихъ, какъ властей отъ Бога поставленныхъ по всей силѣ; всегда ему даже срѣтеніе и свиданіе съ ними было въ пользу едину.

Въ сіе время былъ смотритель училища Михаилъ Логановскій; жилъ подъ кельею Петра въ нижнемъ этажѣ. Онъ воспитанникъ былъ С.-Петербургской семинаріи. Иногда Петръ слушалъ его рѣчи, что онъ не безполезное сказывалъ; но когда, яко человѣкъ пріуготовляяйся въ званіе священническое, что лишнее онъ говорилъ, тотчасъ скрывался Петръ отъ него. Онъ былъ человѣкъ нрава кроткаго, благочестивъ, открывалъ много ему полезное. Какъ сотрудникъ по училищу былъ еще нѣкто учитель Іоаннъ Горянскій. Сей человѣкъ отлично былъ кроткаго житія и благочестиваго; нынѣ они оба въ священническомъ санѣ въ Санктъ-Петербургѣ. Вотъ какихъ имѣлъ въ началѣ учительства благочестивыхъ сотрудниковъ, собесѣдниковъ въ училищѣ. Они часто отлучались въ городъ; Петръ же сего терпѣть не могъ. Ректоръ училища былъ магистръ Поликарпъ (Гайтанниковъ), бывый послѣ архимандритъ Новоспасскаго монастыря и ректоръ Московской духовной академіи.

Бесѣдуя въ нѣкое время, слышалъ объ изданіи новѣйшихъ книгъ мимо духовной цензуры. Михаилъ Логановскій по тайности ему сказывалъ, что есть у Филарета тайная книга о судьбѣ будущей и церкви подъ названіемъ духовнымъ: въ ней сказано, что впредь будетъ, что скоро будто бы Христосъ пріидетъ на землю и многое любопытное. Сіе Петра весьма нудило прочесть книгу сію; но боялся вредъ получить. Гдѣ, у кого, не извѣстно ему, онъ досталъ, принесъ оную, дабы вскорѣ прочитавши возвратить. Читая книгу сію, толкованіе на Апокалипсисъ Штиллинга [1]) проклятаго, замѣчалъ наскоро мало нѣчто въ умѣ, и видѣлъ явно противность, отступничество отъ вѣры, лжепророчество, нечестіе, ересь разнаго рода древняго и новаго оглашаемую, и втайнѣ новаго зловѣрія все ученіе и дѣло въ ней. Отдалъ скоро книгу, дабы ни-

[1]) Подъ толкованіемъ на Апокалипсисъ разумѣется здѣсь сочиненіе Ю. Штилинга, напечатанное на нѣмецкомъ языкѣ въ 1798 году и переведенное на русскій языкъ Лабзинымъ подъ названіемъ «Побѣдной повѣсти». Переводъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1815 году. «Побѣдная повѣсть» по своему содержанію враждебна православной церкви и отзывается протестантскимъ духомъ. См. книгу Жмакина: «Иннокентій, епископъ пензенскій», 1885, 80. «Христ. чтеніе» 1882 года, № 11—12. «Ересь есаула Котельникова».

кто не увидалъ, что читана. Началъ онъ разсуждая сличать понятія, замѣченныя въ книгѣ, съ ученіемъ св. церкви, въ то время ему извѣстнымъ. Разсуждалъ самъ въ себѣ о сей книгѣ на сердцѣ слагая, какъ тайну, желалъ съ кѣмъ-нибудь побесѣдовать и слышать мнѣніе отъ высшихъ себя, а особенно отъ Филарета и Иннокентія, какое въ той книгѣ ученіе. Довольно было ему сомнительно, что оная была книга судима отъ многихъ, и слыветъ за вредную.

Просилъ нѣкогда Михаила учителя и смотрителя, дабы еще онъ ему доставилъ откуда-нибудь книгу прямо ко спасенію души. Онъ вскорѣ гдѣ-то взявъ, приноситъ ему книгу подъ названіемъ «Путь ко Христу» Іакова Бема [1]). Смотря всюду въ книгѣ, искалъ прежде всего, нѣтъ ли гдѣ написано, кто Іаковъ Бемъ; думалъ самъ такъ въ себѣ: я не слыхалъ имени во святыхъ Бема, а Іаковъ есть не единъ во святыхъ. Весьма желалъ бы узнать, святый ли есть Іаковъ Бемъ, или не святый. Не имѣя вскорѣ опыта себя удовлетворить безъ руководителя, Петръ учитель начиналъ читать книгу, «Путь ко Христу» Іакова Бема. Читалъ со всякимъ вниманіемъ. Искалъ въ ней прибавленія къ знанію своему знаній, но не находилъ пищи, питающей разумъ, но не видѣлъ. Молился Богу, дабы ему раскрылъ, что въ сей книгѣ таинственное и полезное, или вредное: ибо ему все темно, тяжко духу казалося; находилъ мысли и понятія совсѣмъ противныя ученію церкви и совершенно бѣсовскія; но читалъ далѣе внимательно книгу сію. Ибо хотѣлъ отъ всея души приложиться ко Христу и спастися. Самое названіе книги его начинало смущать. Ибо думалъ, что же есть иное Іакова Бема книга, «Путь ко Христу», когда Самъ Іисусъ Христосъ есть путь, истина (Іоанн. XIV, 6)? По что не сказано вполнѣ, путь ко Іисусу Христу Господу и Богу и Спасу? Читалъ книгу оную, и вмѣсто мира въ душѣ своей ощущалъ не миръ, а брань духовную, смущеніе духа, мракъ и тьму, вмѣсто свѣта; самъ видя отемнѣніе въ своемъ разумѣ, но приписуя сперва своему невѣжеству и грѣховному человѣческому естеству, всѣ силы паки прилагалъ, читая понять въ добрую сторону. Оставляя безъ вниманія читанное, непонятное, продолжалъ читать. Наконецъ, особенно попадаются ему въ книгѣ путь Іакова Бема сіи строки: стран. 17-я, строка 20-я и проч., гдѣ сказано: «Каждой твари нужно оставаться въ томъ состояніи, въ коемъ Богъ ее сотворилъ; иначе она поступитъ противъ воли Божіей и ведетъ себя въ мученіе. Тварь, сотворенная для тмы,

[1]) На русскомъ языкѣ сочиненіе мистика Якова Бема: «Путь ко Христу» явилось въ 1818 году въ переводѣ А. Ѳ. Лабзина и напечатано было съ дозволенія свѣтской цензуры. «Путь ко Христу» Я. Бема стоитъ въ противорѣчіи со многими пунктами православнаго ученія. «Христ. чтеніе» 1872 года, томъ I, 702—703. Чистовичъ. «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ».

не терпитъ муки отъ тмы. Но ежели въ ее введется что-либо доброе, то сіе доброе дѣлается мукою и смертію для твари». Что ему дѣлать? Смутился при сихъ мысляхъ, углублялся и недоумѣвалъ. Явно началъ чувствовать, что это есть сѣть вражія, отступленіе отъ вѣры, нечестіе, ересь и мракъ невѣжества, ибо отрицаетъ всѣ правила, законы Божественные и гражданскіе. Ему мысль представлялася, что оная книга противъ вѣры Христовой явно, что вѣра, яко свѣтъ истинный, не нужна, и просвѣщеніе также; злодѣи побуждаются къ большему злу; Богъ представляется Творцемъ необходимаго якобы зла. Читалъ далѣе и ересь ереси горшую видѣлъ: сказано на страницѣ 174: «Богъ есть все: тма и свѣтъ». Здѣсь Петръ ужаснулся напечатанному нечестію и злу: ибо Богъ есть свѣтъ, и тмы въ немъ нѣсть ни единыя, 1 собор. посл. Іоан., гл. 1, ст. 5. Читалъ далѣе и видѣлъ слова: «Богъ не могъ діавола терпѣть въ себѣ и изблевалъ его. Тма есть вѣчно противна свѣту; однакожъ оба они суть одно существо, но различаются только тѣмъ, что въ одномъ не явлено то, что въ другомъ открыто» стр. 175. Вотъ блевотина сквернаго заблужденія, бѣсовскаго ученія. Здѣсь увидѣлъ явно, что самъ испыталъ Петръ надъ собою; почитавъ еще нѣсколько, не дочитавъ же книги, держа оную въ рукахъ, какъ сидѣлъ среди полудня у самаго окна, вдругъ почувствовалъ въ себѣ нѣкое смущеніе внутрь, тягость въ головѣ и мракъ въ умѣ; свѣтъ разума отъ него взимался и чувствовалъ себя въ нѣкоемъ видѣ изступленія,—внѣ себя, въ духѣ тяжкомъ и горькомъ. Взялся отъ него умъ, иначе началъ видѣть очами своими все, но мрачно среди дня. Нападаетъ ужасъ на него, страхъ и трепетъ. Еще чувствовалъ, что лишался силы ума; и во всемъ внутреннемъ своемъ составѣ потерю получалъ. Вдругъ аки бы кто хощетъ снять его съ тѣла кожу; отъ ужаса тотчасъ вострепеталъ, почувствовалъ сряду, что виною болѣзни и тягости книга, и то, что вниманіе углублялъ въ нее. Итакъ плюнулъ на книгу сію Іакова Бема подъ названіемъ «Путь ко Христу»; бросилъ ее на полъ; ставъ на молитву съ глубокимъ вздохомъ обратился къ Господу, знаменалъ себя знаменіемъ креста, сотворилъ молитву съ воздѣяніемъ рукъ; и вотъ опять свѣтъ началъ являться въ умъ его, веселіемъ исполнялось сердце его, и плача благодарилъ слезно Бога, что тотчасъ избавилъ отъ бѣды. Дѣйствительно ученіе въ книгѣ сей Іакова Бема есть ученіе волшебства, и премудрость земна, душевна, бѣсовская. Отселѣ боялся читать книги подъ названіемъ духовнымъ, но составленныя не отъ святыхъ учителей церкви православныя и не съ духовной цензуры изданныя. Въ сердцѣ своемъ крѣпкое и постоянное намѣреніе положилъ читать тѣ однѣ книги, кои съ цензуры духовной, а особенно отъ Святѣйшаго Сунода издаются. Удивлялся же, почто духовная власть знаетъ

изданіе таковыхъ книгъ, но какъ бы до ея дѣло не касалось, молчитъ и не препятствуетъ зловредному изданію оныхъ книгъ.

Нѣкогда Иннокентій бесѣдуя во спасеніе душевное о томъ, коль многія сѣти отъ плоти, міра и діавола бываютъ препоною подвижникамъ, сказалъ, обращаясь къ учителю Петру: знай, чадо, что глубины сатанины глубже, нежели мы думаемъ; едина благодать Божія токмо можетъ спасти насъ. Сіе сдѣлало впечатлѣніе великое въ немъ такъ, что желалъ спастися, но боялся, дабы не занялъ его діаволъ своимъ лукавствомъ противъ воли; а посему молиться началъ Богу, часто ходилъ въ церковь Божію къ службѣ; вовсе отдалялся отъ рода, племени своего, любилъ безмолвіе, отвращался приглашеній въ гости, даже за благовидными надобностями опасался иногда выходить въ городъ, сидѣлъ въ кельи своей и молился, дабы Господь его спасъ, ими же вѣдаетъ судьбами.

По училищу являлъ всѣ возможные успѣхи; когда приходило время вакаціальное, отправлялся въ домъ родителя для того болѣе, дабы ему узнать сердце родителя, благословитъ ли ему итти въ монашество, и дабы внѣ учебнаго времени не быть во градѣ Санкт-Петербургѣ. Живя въ домѣ родителя, отъ трудовъ своихъ пріобрѣтеніемъ подавалъ пособіе ему въ домашнемъ содержаніи, и отъемля бѣдность и убожество изъ дому его, и слезы его обращалъ въ радость. Родитель его осыпалъ съ любовію благословеніями, и въ радостныхъ слезахъ молилъ Бога о немъ, дабы его спасъ. Въ домѣ же родителя бывъ, онъ ходилъ въ домъ Болярина Балле. Онъ ввѣрялъ ему обучать пять дѣвицъ, въ томъ числѣ своихъ четырехъ дщерей, и двухъ сыновъ. Въ благодарность ему за его пособіе въ болѣзни своей прежней, успѣхи являлъ чрезъ краткое время необыкновенные. Въ домѣ его, какъ самый ближній родственникъ, онъ сдѣлался, и ему во всемъ была довѣренность. Между прочимъ въ уреченное время преподавалъ [1]) законъ божій, читалъ и пояснялъ св. писаніе, и дошедъ по порядку во евангеліи отъ Матѳея о пришествіи Господа нашего на землю на страшный судъ, о неизвѣстности часа, дня и времени пришествія Его, отъ всея горячести былъ самъ тронутъ чувствомъ сердечнымъ, прослезился, и всѣ начали рыдать, коль страшно нечаянно человѣкамъ безъ приготовленія предстать предъ лице Господне; и говорилъ онъ, что всѣ такъ ограничены въ познаніи

---

[1]) Объ образѣ жизни Фотія у помѣщика Балле сохранился отзывъ одного изъ современниковъ, который говоритъ, что Фотій совершенно не былъ похожъ на обыкновеннаго молодаго человѣка, онъ былъ крайне скроменъ, молчаливъ, ѣлъ рѣдко и умѣренно и то пищу постную. Любимое блюдо его было—овсяный супъ и тотъ безъ соли. Когда хозяинъ дома говорилъ Фотію, что у него супъ безъ соли, то онъ отвѣчалъ, если посолитъ, то много съѣстъ. Пожайскій „Историческій Вѣстникъ“, 1888 годъ, іюль, 148—151.

будущихъ Божіихъ судебъ о себѣ самихъ, что не знаетъ никто, что заутра съ нимъ будетъ; и смотря на все селеніе, гдѣ домъ былъ и родителя его, указывалъ въ слезахъ имъ, кто знаетъ, что и когда съ симъ селеніемъ послѣдуетъ? Многіе подлѣ храма Божія живутъ, но отъ грѣховъ своихъ и соблазновъ не обращаются. Богъ вѣсть, доколѣ Богъ благоволитъ терпѣть? Страшно видѣть пожаръ селенія; колико же страшно зрѣть нечаянно весь міръ, отъ огня возгорѣвшійся и сожигаемый; а въ свое время огню будетъ преданъ міръ весь. Первый міръ при Ноѣ водою былъ потопленъ, а нынѣшній міръ огнемъ потребленъ будетъ; кто можетъ вѣдать разумъ Божіихъ судебъ, когда чему быть? А сіе будетъ въ свое время! Кто вѣдаетъ, что заутра или чрезъ нѣсколько дней будетъ съ кѣмъ и домомъ родительскимъ? Се нынѣ радуются на погостѣ всѣ; а послѣ можетъ быть огнь селеніе все въ прахъ обратитъ; тогда люди не хотяще восплачутъ: судьбы Господни неиспытанны и путіе Его неизслѣдимы. Духъ въ немъ такъ возмутился, что самъ расторгался, и всѣ плакали съ нимъ.

Было въ оное время лѣто мѣсяцъ августъ. Отецъ его съ мачихою отъѣзжалъ отъ дому верстъ за 15, для запасу на зиму грибовъ, не болѣе какъ на трои сутки. Онъ оставался одинъ въ домѣ и еще съ нимъ нѣсколько старѣе его дѣвица весьма благочестивая, безпорочная, но убогая, бѣдная, жившая въ домѣ отца для воспитанія дѣтей мачихи. За отсутствіемъ родителей ничего не было пріуготовляемо въ пищу; а хотѣлъ питаться сухоядѣніемъ и кое-чѣмъ инымъ, кромѣ вареній. Проходилъ весь день въ ученіи дѣтей болярина; приходя же въ домъ свой родительскій на нощь, повергался на полъ почивать въ домѣ; сонъ тогда отнимался отъ очей его. Чувствовалъ себя въ огнѣ блудныя страсти, огнь бѣсовскій отъ головы до ногъ жегъ его, всѣ силы отъ него были взяты мыслить, разсуждать и сномъ почить; недалече же на спящую дѣвицу боримъ былъ бранію плоти. Самъ не понималъ, что ему сдѣлалось; самъ себѣ удивлялся, откуда въ немъ огнь жестокій явился, разслабившій всю его плоть и жгущій его. Оставленъ былъ отъ силы, доселѣ его содержащей; все въ немъ терялося. Чувствовалъ онъ, что самъ себѣ оставленъ во время брани, каковыя никогда не ожидалъ и не могъ ожидать. Ощущалъ силу нѣкую, доселѣ не бывшую при себѣ, и чувствовалъ, что врагъ льститъ его и боретъ душу его; не смѣлъ возстать на молитву; лежалъ недвижимъ; одна сила чувства остается та въ немъ, что могъ быть въ безмолвіи весь, и говорилъ самъ въ себѣ: не дамъ ничему воли въ себѣ и пособія; лежа въ безмолвіи, яко мертвъ огнемъ лютымъ сгоралъ, горевалъ и отрады не имѣлъ: куда ему было бѣжать? Отдалился отъ мѣста своего и повергся на пещь горящую, бывъ мучимъ нѣсколько времени, втайнѣ молился Богу, дабы его избавилъ отъ скорби плоти своея. И говорилъ ко врагу такъ: ежели ты си-

ленъ безъ воли моея меня насильно во грѣхъ совратить, дѣлай: но я тебѣ пособія никакого на то не дамъ, влеки, враже, когда Богъ тебѣ попустилъ меня бороть, но я себя не повлеку, ниже слово реку о грѣхѣ; посемъ тотчасъ не помнилъ, како напалъ на него сонъ. Поутру же онъ Петръ восталъ отъ сна, и вотъ ощущалъ внутрь себя веселіе, радость, утѣшеніе и силу нѣкую благодатную; за что Бога благодарилъ, что Онъ его сохранилъ отъ беззаконія и не далъ его одолѣть діаволу. Самъ же не понималъ, како благодатію Божіею превозмогая, превозмогъ побѣдить врага. Отъ сего опытомъ увѣрился и ободрился, что, когда самъ кто не восхощетъ волею впасть въ блудъ, не можетъ діаволъ его безъ попущенія Божія вовлечь въ грѣхъ. Приходитъ другой день: онъ посту и воздержанію болѣе прежняго вдался, и во дни ничего не ощущалъ; а какъ пришла нощь, на прежнее мѣсто онъ повергся для сна. Тогда сонъ отходитъ опять отъ его очей, объемлетъ его огнь, жжетъ его отъ главы до ногъ; весь внутрь и внѣ пламенемъ страсти скверныя облагался; тогда горько онъ вздохнулъ и говорилъ самъ въ себѣ: почто я не избѣгъ въ иное мѣсто почить? Ежели бы вѣдалъ сіе, то бы индѣ возлегъ почить, а не здѣ на прежнемъ мѣстѣ; не время было размышлять ему много; ума и разума не доставало въ немъ даже; яко древо недвижимо онъ лежалъ и сгоралъ. Нѣтъ помощи ему ни откуду. Сила нѣкая его восхищая борола, но онъ тѣлесно лежалъ въ безмолвіи, недвижимъ и уповалъ, что ежели вчера благодатію побѣдилъ силу вражію, то ужели и нынѣ сила Божія не поможетъ ему силу діавола и плоти побѣдить? И говорилъ тако: се, діаволе, ежели ты силенъ еси, похищай меня въ снѣдь себѣ, твори; но я волею моею тебѣ не дамъ себя; самъ ты меня неволею по воздуху ежели восхитишь, самъ Богу и отвѣтъ дашь за меня. Видитъ Богъ, что я не хощу зла и грѣха; но боримъ отъ тебя духа сквернаго, сожигаюсь; какъ во адѣ во огнѣ ищу капли утѣшенія и нѣтъ мнѣ ни откуду отрады. Помышлялъ же отрокъ Петръ бояся, дабы не восхитилъ къ нему дѣвицу духъ нечистый, и ему ее не подложилъ; такъ же опасался, дабы тако не возжегъ врагъ огнь во плоти ея для него. Что ему было дѣлать? Убѣжалъ далѣе отъ мѣста своего и отъ дѣвицы повергся на горячую печь; безмолвствуя страдалъ, мучился жаромъ отъ пещи; но замѣтилъ, что отчасти мученіе ему отраднѣе было въ сію нощь, нежели прежде было; и молился Господу втайнѣ тако: Господи мой, Господи, не оставили мя: доселѣ безпорочно дѣвство соблюлъ; рука къ плоти женской не прикоснулася; хощу умереть въ свѣтлой ризѣ дѣвствованія и чистоты! Боже мой! не остави мене, призри на мя и помилуй мя (псал. 24, ст. 16); я нищъ и убогъ есмь азъ (псал. 69, ст. 6); мнози борютъ мя страсти! се нынѣ токмо познаю, что я самъ по себѣ ничего сотворить добра не могу, аще не будетъ благодать Твоя. По сихъ словахъ забывся, повергся въ глубокій сонъ; и возставъ въ

утренній день, чувствовалъ себя въ радости, и Бога благодарилъ, что паки сохранилъ его невредима. Болѣе вовсе онъ уже не ожидалъ, что можетъ быть когда-либо таковая напасть на него отъ діавола. Приходитъ день и отходитъ, приходитъ вечеръ, и нощь наступаетъ; боится почить Петръ на прежнемъ мѣстѣ на полу, но какъ ничего не ощущалъ въ себѣ, и тѣни даже огня похотнаго, то тѣмъ ободренъ бывъ, повергся на полу дома и хотѣлъ насладиться всю ночь спокойно сномъ, немного проходитъ времени, се ощутилъ духа злобы, и пламень страстный, пламень его всего объемлетъ, весь лежитъ въ пламени; самъ себя чувствуетъ, что внѣ и внутрь весь пламень есть страстнаго огня; даже видитъ предъ собою во мракѣ призракъ вражій; сей пламень палитъ его, но чувствуетъ, что тѣла его не вредитъ и болѣзни не чувствуетъ. Въ ужасѣ возвалъ къ Богу втайнѣ: Боже, Боже мой, вскую мя оставилъ еси (псал. XXI, 1))? Посемъ возведенъ былъ духомъ бѣжать съ мѣста своего на горячую печь, гдѣ повергся внизъ лицемъ, якоже и прежде; хотѣлъ слезами омыть своихъ согрѣшеній множество; но не стерпимо во пламени страстей своихъ страдалъ, врагъ льстилъ его и боролъ душу его, и Петръ взывалъ глаголя: Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя! Съ симъ словомъ нападаетъ на него сонъ сладокъ; а вставъ заутра весь радостенъ, благодарилъ Бога, яко той соблюлъ его отъ паденія его и не далъ о немъ возвеселиться врагамъ его. Проходитъ день, и наступаетъ нощь четвертая; и Петръ ничего не ощущая въ мирѣ наслаждался сномъ. Возставъ же въ послѣднее утро радостенъ, вскорѣ увидѣлъ, что отецъ его возвратился въ домъ свой, радуяся о выгодахъ своихъ трудовъ. Се огнь, се пламень, се мука, се адъ, се искушеніе вражіе, имъ же былъ возведенъ отъ діавола искуситься нѣкогда. Ахъ! говорилъ онъ: отступлю ли отъ Бога моего волею и діаволу падъ поклонюся ли? Господь же не далъ ему до конца погибнуть. Спасеніе отъ сего часа онъ пріялъ за великое милосердіе Божіе, и чудо како спасла его десница Господня отъ грѣха. Ей, ничто иное, а десница Господня спасе его отъ зубовъ вражіихъ, что не былъ поглощенъ, яко птенецъ. Сіе во образъ пишется для того, что врагъ діаволъ насиловать никого не можетъ безъ попущенія Божія. Противиться сатанѣ всегда можно и побѣждать всю силу его вражію; возможетъ всякъ спастися и царствіе Божіе получить, кто восхощетъ. Многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе (Дѣян. XIV, 22) и многія скорби терпѣть до конца.

Приходитъ другой день, радуется Петръ, что отецъ его возвратился въ домъ свой. Чаялъ, что искушенія болѣе не пріидетъ ему, и зло не приближилося къ тѣлеси его. Пополудни въ 2 часа 21-го августа не было никого въ домѣ отца, а всѣ были на жатвѣ. Пришелъ онъ съ погоста на жатву, сидѣлъ на жнивѣ времени яко часъ; и вдругъ

возрѣвъ на селеніе, гдѣ посредѣ близъ церкви домъ отца его, видитъ дымъ многъ, великъ, послѣ огнь, и что селеніе отъ начала своего возгорѣлось сильнымъ пламенемъ, и грозитъ пожаромъ всему до конца. Поспѣшилъ онъ въ селеніе первый скоро; часть уже едина горѣла селенія; то вбѣжалъ онъ на колокольню, дабы всѣмъ на жатвѣ людямъ возвѣстить въ колоколъ о пожарѣ. Пламень же бѣжитъ все пожрать, и какъ вихрь съ вихремъ доходитъ до дома отца его; а посему съ колокольни прибѣжалъ въ домъ Петръ сынъ, куда и отецъ его явился такожде, но что дѣлать? Все уже горитъ; выбѣжавъ изъ дому видѣть, что гдѣ во всемъ селеніи дѣлается, и се видитъ, что оно со всѣхъ четырехъ концовъ горитъ; единъ Храмъ Божій цѣлъ посредѣ еще, хотя и тотъ въ опасности стоитъ, но не сгораетъ, и около него все огнемъ пожирается. Ничего не можно было изнести изъ дому; ища въ домѣ отца своего, Петръ сынъ, дабы исторгнуть изъ пламени, но не видя его, уходитъ сквозь огнь со двора; отца же не можетъ вызвать изъ дому; во изступленіи родитель внутри дома ходитъ; пламень же усиливается и все объемлетъ; тогда онъ, возрыдавъ съ горькими слезами, всячески звалъ изъ дому отца вонъ, чтобы отецъ не сгорѣлъ; какъ его соблюсти? со всѣхъ сторонъ огнь, что дѣлать? Жаль отца; вотъ окрылся Петръ шерстянымъ своимъ одѣяніемъ, закрывая лице, главу свою отъ пламени, жара, вбѣжалъ въ домъ, схватилъ родителя своего, силою нѣкоею великою одолѣлъ сынъ отца и влекъ исторгая противящагося его, обезумленнаго отъ огня и съ крыльцовъ двора, и тако исхитилъ его въ безпамятствѣ; на улицѣ же предъ домомъ родитель пришелъ въ чувство, схвативъ, объялъ сына своего Петра, началъ плакать, рыдать, вопіять горькими слезами глаголя: Боже, Боже, почто мя оставилъ еси? Изъ горькой бѣдности лишь я началъ исходить, и се въ горчайшую нынѣ нищету повергаюся! Кто отретъ мои слезы? Я состарѣлся и боленъ, сила моя оставляетъ меня, я работать не могу; стою полунагъ; нѣтъ нынѣ у меня ни крохи хлѣба, ни одежды, ни покрова; и нѣтъ надежды ни единыя; куда пойду искать себѣ помощи? Сыне мой возлюбленнѣйшій, ты родился въ день слезъ моихъ и горести моея! Сыне мой пресладкій! ты въ слезахъ воспитанъ еси! Сыне мой, отрада въ старости и немощи моей! Сыне мой, Петре, солнце красное мое! на Бога уповаю и тебя; ты буди нынѣ отецъ мнѣ, не остави меня бѣднаго родителя; ты отри слезы мои; буди утѣшеніе въ слезахъ моихъ; се зришь: я босъ, въ рубищѣ ветхомъ. О мати, сыра земля! Почто ты меня не скрыла прежде сего горя въ нѣдра своя, дабы не видѣлъ я дней горести во дни старости моея? Сыне мой возлюбленный! не дай гладною смертію умереть отцу твоему. Ты бѣденъ; ты самъ въ пламени все потерялъ; но тебѣ Богъ дастъ: ты же мнѣ кусокъ хлѣба подаждь, ты моя надежда вся, чадо мое Петре, кровавымъ потомъ и

трудами моими воспитанное безъ матери твоея! Тогда сынъ его возлюбленный Петръ, объявши родителя, лобзая, объемля его, утѣшая его, держа его, въ огнь хотящаго броситься въ горести, не пустилъ отъ себя говоря: «отче, отче мой! воля Господня на насъ! воззовемъ къ Нему; принесемъ слезы благодарности Отцу небесному за вся, что огнемъ попалилъ насъ. Господь ли насъ въ горькихъ слезахъ оставитъ, когда мы Его не оставимъ? Отче мой! утѣшься отъ плача! отче мой! престани отъ слезъ; се Храмъ Божій отрада твоя стоитъ, не сгораетъ; пріидемъ, припадемъ, поклонимся Самому Христу—Цареви и Богу нашему, умилимся предъ Нимъ, и Той услышитъ насъ въ слезахъ нашихъ; огнь все вездѣ пожираетъ; изыдемъ отсюда на поле на гумно. Куда сряду и отшелъ отъ огня съ прочими плачущими, рыдающими. Петръ со отцемъ, ставъ, зрѣлъ на все селеніе горящее отъ конца до конца его; не было же ни единыя возможности пройти нигдѣ сквозь селеніе; все какъ едина пещь была огненная. Самый храмъ не виденъ былъ отъ огня; домъ же питейный, близъ храма бывшій, яко жерлъ адова огня изображалъ собою. Люди, стекшіеся отвсюду, защищали храмъ отъ огня и вреда. И онъ не потерпѣлъ ничего и не сгорѣлъ; къ вечеру же все селеніе въ пепелъ обращается со многими птицами и скотами. Всѣ домы, числомъ яко сто, огнемъ пожжены. Всѣ бѣдны остались; всѣ гладны, всѣ горестны; всѣхъ единая пища была слезы, скорбь, плачъ и рыданіе.

Петръ видѣлъ перстъ Божій въ семъ сожженіи своея родины. Ибо два младенца не имѣли матери своея дома; всѣ были люди и жители въ поляхъ на жатвѣ; взяли огня они, внесли для забавы дѣтскія въ хлѣвину внѣ двора, гдѣ была солома одна, и разложили огнь. На кого же тогда гнѣвъ было изводить? Воля Божія въ дѣтяхъ была. Какъ пламень страшный огнь воспылалъ отъ конца до конца селенія, отъ того на мысль приводилъ себѣ Петръ тотъ всемірный пламень, коимъ вся земля и всѣ дѣла нѣкогда на ней сгорятъ; поминалъ судъ страшный, муку, жестокость пламени геэнскаго вѣчнаго. Отъ сего обливаясь слезами, въ скукѣ приходилъ, и взирая на небо вопіялъ: Господи мой, Господи, давно я Тебѣ слово далъ волею отлучиться отъ міра и Тебѣ послужить во истинѣ! И отселѣ не хощу болѣе жить въ мірѣ, да не умру съ сынами міра во грѣхахъ моихъ и суетахъ, се хощу быти монахъ, отселѣ Тебѣ вящше послужу; управи путь мой предъ Тобою, Господи! Къ Тебѣ приверженъ есмь отъ ложеснъ, отъ чрева матери моея, Богъ мой еси Ты, да не отступиши отъ мене. Тогда-то онъ положилъ на сердцѣ своемъ вскорѣ отрещися міра, и облещися во образъ иноческій, да не прейдутъ дни житія его въ суетѣ. Посемъ вскорѣ собрався съ отцемъ своимъ, прибылъ въ Санкт-Петербургъ, гдѣ родная сестра отца видѣвъ проливаетъ слезы о бѣдности его; зряще, что онъ

въ крайнюю бѣдность пришелъ, чуждается его, удаляется, будучи богата весьма, многія тысячи имѣя въ сохранной казнѣ; видѣла слезы брата своего роднаго, ее воспитавшаго, и плачетъ смотря на него: но вручаетъ на бѣдность токмо ему въ седмь копѣекъ цѣною бѣлой торговой хлѣбъ; пришедъ къ сыну учителю Петру своему, родитель Никита повѣдалъ, что сестра ничего ему не дала. Тогда Петръ воздохнулъ горько и сказалъ: горе богатымъ! Змій есть сребролюбіе! Кого давить начнетъ врагъ скупостію, кто избавитъ отъ смерти того окаянную душу, развѣ Единъ Богъ? Свои родные своихъ оставляютъ безъ куска хлѣба, между тѣмъ какъ сами пресыщаются отъ вина, сикера, всякихъ сластей, и псамъ всего у нихъ въ сытость. По семъ научилъ Петръ сынъ отца итти къ митрополиту Амвросію просить у него милости. Отецъ его, а съ нимъ и весь причтъ пришли къ архіерею сему; но онъ едва пятьдесятъ на всѣхъ рублей далъ; у всѣхъ родитель Петра на колѣняхъ ползалъ, слезилъ, кланялся, искалъ помощи, что холоденъ, голоденъ есть; гдѣ чѣмъ болѣе всего было, тамъ не было надежды ничего къ пособію, и даже доступа. Оставивъ всѣхъ и все, учитель сынъ Петръ шелъ къ эконому училища, молилъ его впредь дать жалованья ему положеннаго, и дано было ему сто рублей. Всѣ тѣ деньги онъ отдалъ отцу; самъ же остался безъ всего съ однимъ хлѣбомъ: и того тайно приносили ему изъ общей ученической трапезы. Во всемъ терпѣлъ скудость самъ Петръ. Посемъ Богъ послалъ для образованія трехъ отроковъ ему, коихъ онъ у себя содержалъ, училъ. За нихъ получилъ яко около двухъ тысячъ. Все же, что оставалося отъ ихъ содержанія, отдавалъ бѣдному родителю и сродникамъ своимъ, пострадавшимъ отъ пожара. Петръ никогда отъ рода не пилъ вина, водки и пива капли не бралъ во уста. Всегда былъ воздержанъ, навыкнувъ въ бѣдности отъ юности воздержанію. На угощенія не ходилъ никуда. Хотѣлъ быть отрадою, подпорою бѣдному родителю, и имѣлъ надежду на Бога. Благословеніе родительское было на сынѣ, и Богъ его благословлялъ. Сынъ учитель Петръ положилъ готовиться втайнѣ къ принятію образа ангельскаго, дѣвственнаго, монашескаго. И, не будучи еще монахъ, жилъ весьма строго, по правиламъ монашескимъ. Онъ, живя въ мірѣ, отрекся міра и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его, работая Богу день и нощь, Ему же подобаетъ всякая слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конецъ первой части.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

II [1])

Значеніе барона Корфа въ общей печати.

У барона Н. А. Корфа рано появилась наклонность къ писательству. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ примѣръ дяди его, Ѳедора Ѳедоровича Корфа, извѣстнаго въ литературѣ по «Воспоминаніямъ о Персіи», по остроумнымъ фельетонамъ въ прежнемъ «Русскомъ Инвалидѣ» и по нѣсколькимъ комедіямъ, которыя до послѣдняго времени продолжали держаться на русской сценѣ. Въ бытность въ лицеѣ, Н. А. Корфъ часто посѣщалъ своего дядю-литератора, который, какъ извѣстно, умеръ въ молодыхъ годахъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, дядя, считая племянника ушедшимъ, сказалъ о немъ своей женѣ: «вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать». Юноша былъ на высотѣ блаженства отъ такой аттестаціи, потому что, во-первыхъ, онъ очень высоко ставилъ авторитетъ дяди, какъ писателя; во-вторыхъ, въ его чистыхъ, юношескихъ понятіяхъ и мечтахъ не было и не могло быть ничего выше педагогической и литературной дѣятельности.

Баронъ Ѳ. Ѳ. Корфъ совершенно правильно предугадалъ въ своемъ юномъ племянникѣ литературное призваніе. Еще на лицейской скамьѣ онъ написалъ три повѣсти, такъ и оставшіяся въ рукописяхъ, въ качествѣ «пожизненно заключенныхъ»,—какъ иронически выразился Н. А. Корфъ въ извѣстныхъ уже читателямъ посмертныхъ своихъ «Запискахъ» («Русская Старина», 1874 года, книга V, стр. 387). Въ 1882 году, когда онъ писалъ для «Русской Старины» свои «Записки», всѣ три повѣсти сохранялись въ цѣлости и оставались въ рукописи «просто по той причинѣ,—какъ онъ выразился,—что отъ этой неволи никто ничего не по-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г., апрѣль.

терялъ и не потеряетъ». Но если бы даже эти плоды юношескихъ досуговъ и порывовъ были слабы въ литературномъ и художественномъ отношеніи,—они несомнѣнно представляютъ большой интересъ со стороны біографической. Большая ошибка, что повѣсти продолжали оставаться въ «заключеніи» во все десятилѣтіе послѣ смерти барона Корфа; и если онѣ уцѣлѣли еще въ семейномъ архивѣ Корфовъ,—ихъ обязательно напечатать.

Карона Н. А. Корфа можно назвать врожденнымъ общественникомъ. Придавая значеніе только живой и производительной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ преисполненъ потребности дѣлиться съ обществомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ своей дѣятельности. Мы видѣли уже въ предыдущемъ очеркѣ, какъ сильно, симпатично и авторитетно заявилъ себя баронъ Корфъ въ печати, при первомъ же введеніи реформъ,—и онъ, можно сказать, не выпускалъ изъ рукъ пера во все время своей общественной дѣятельности. И во время непосредственнаго участія въ александровскомъ уѣздномъ и екатеринославскомъ губернскомъ земствѣ (т. е. до осени 1872 года), и во время осьмилѣтняго пребыванія заграницею (съ 1872 до лѣта 1880 года), и послѣ возвращенія изъ заграницы,—баронъ находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ со всѣми лучшими органами печати. Переписка его съ редакціями—очень обширна,—какъ увидимъ сейчасъ. Обнимая, въ общей сложности, періодъ въ 17-ть лѣтъ, она является, можно сказать, живою лѣтописью всей періодической русской печати, столичной и, частію, провинціальной, общей и педагогической, газетной и журнальной—за указанный промежутокъ времени. Въ виду обширности и многопредметности этой переписки, мы остановимся, пока, только на редакціяхъ общей печати, выдѣливъ переписку съ педагогическими изданіями въ особый очеркъ.

Какъ было уже указано въ предыдущемъ нашемъ очеркѣ, сношенія барона Н. А. Корфа съ «Вѣстникомъ Европы» начались непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ опредѣлилось сотрудничество его въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ѳ. Корша. Первое письмо редактора «Вѣстника Европы», М. М. Стасюлевича, относится къ концу 1867 года. Вотъ его содержаніе:

Милостивый Государь
Николай Александровичъ,

Прежде нежели благодарить Васъ за послѣднюю высылку рукописи изъ архива гр. Канкрина, я долженъ выразить Вамъ признательность за вниманіе къ редакціи „Вѣстника Европы“: я имѣлъ честь получить отъ Васъ уже нѣсколько брошюръ по предмету, который меня весьма интересуетъ, и о которомъ Вы говорите всегда съ авторитетомъ человѣка, близко знакомаго съ дѣломъ.

Рукопись будетъ непремѣнно помѣщена въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ журнала, и медленность можетъ произойти только вслѣдствіе необходимости справокъ: не была ли она напечатана въ „Чтеніяхъ“ или въ документахъ, изданныхъ въ прошедшемъ году Мин. Нар. Просв., при Головнинѣ. Кромѣ того, „Вѣстникъ Европы“ старается не помѣщать сырыхъ матеріаловъ, какъ то дѣлаетъ „Русскій Архивъ“, но ищетъ возможности пріурочить матеріалы къ какому-нибудь вопросу, или по крайней мѣрѣ снабдить его руководительною запискою. Это послѣднее потребуетъ и времени, и человѣка.

Не имѣю другаго средства благодарить Васъ, какъ просьбою принять экземпляръ журнала въ 1868 году: не ожидая Вашего отвѣта, и уже сообщилъ Вашъ адресъ въ свою контору. Очень буду радъ, если не откажетесь быть полезнымъ журналу тѣмъ или другимъ способомъ. Первыя книжки журнала разовьютъ предъ Вами въ подробности внутренній составъ программы и его отдѣлы; Вы увидите сами, что журналъ представляетъ возможность помѣщенія, начиная отъ фундаментальной статьи въ нѣсколько листовъ до бѣглой современной замѣтки въ 2 или 3 странички, или слитно, въ собственной хроникѣ журнала, или съ отдѣльнымъ заглавіемъ въ содержаніи.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи, съ которымъ остаюсь Вашимъ покорнымъ слугой. М. Стасюлевичъ.

Спб. 12 декабря 1867.

Съ горячностью, свойственною барону Корфу, онъ немедленно же отозвался на призывъ редактора «Вѣстника Европы», какъ это видно изъ слѣдующаго письма М. М. Стасюлевича, написаннаго, для вящшей доказательности, прямо на корректурномъ оттискѣ «Содержанія» февральской книжки «Вѣстника Европы» за 1868 годъ:

Милостивый Государь
Николай Александровичъ,

Если нельзя сказать, чтобы я Вамъ писалъ теперь на почтовой бумагѣ, но за то я пишу на неопровержимомъ доказательствѣ, что полученная мною сегодня Ваша статья не можетъ быть никакъ напечатана въ февральской книгѣ. Какъ видите, въ эту минуту предо мною уже лежитъ напечатанное ея оглавленіе, а оглавленіе печатается послѣ книги, слѣдовательно книга уже готова, и дѣйствительно, сегодня для нея наступилъ первый изъ 48-ми часовъ цензурнаго срока. Изъ этого вы видите, что мы продолжаемъ дѣйствовать аккуратно. Чтобы доставить въ Петербургѣ читателю его экземпляръ 1-го числа, книга должна быть 25 или 26 напечатана.– Во всякомъ случаѣ премного благодарю Васъ за обязательность, съ которою Вы исполнили мою просьбу помогать „Вѣстнику Европы“, который всегда радъ подобнымъ сотрудникамъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь Вашъ М. Стасюлевичъ.

27 января 1868.

Первый же дебютъ барона Корфа въ «Вѣстникѣ Европы» оказался, конечно, очень удачнымъ. Приведемъ письмо М. М. Стасюлевича по этому предмету:

М. Г.
Николай Александровичъ,

Сію минуту исполнился цензурный срокъ 48-ми часовъ для мартовской книги, а слѣдов. и для Вашей статьи, а потому можно № 3 „Вѣстника

Европы" считать вышедшимъ въ свѣтъ, хотя сегодня его экземпляры иногородные вошли собственно въ кладовыя Почтамта, а дальнѣйшая ихъ судьба и быстрота движенія зависитъ уже не отъ меня.

Надѣюсь, Вы давно уже получили мое объясненіе, почему Ваша статья не попала въ февраль. Зная срочность выхода моего журнала, Вы, впрочемъ, и сами видите, что редакція не въ состояніи была бы издавать книги по первымъ числамъ, еслибы 25, 26 числа она не имѣла рукописей у себя. Потому я покорнѣйше прошу Васъ считать 15 число срокомъ полученія статьи въ редакціи, для того чтобы статья явилась въ ближайшемъ нумерѣ, да и то, если редакція была предупреждена письмомъ за мѣсяцъ до выхода книги, чтобы ею оставлено было такое-то мѣсто (т. е. число страницъ). Но небольшую замѣтку въ 3, 4 страницы можно доставить и около 20-го, безъ предупрежденія, и тогда порядокъ еще не будетъ нарушенъ.

Теперь покорнѣйше прошу Васъ указать мнѣ въ Петербургѣ лицо или мѣсто, которому я могъ бы сдавать гонорарій, принадлежащій Вамъ, наприм., книжный магазинъ и т. п.

Еще разъ благодарю за Вашу весьма интересную статью и прошу впередъ не оставлять „Вѣстника Европы".

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнымъ слугою

М. Стасюлевичъ.

29 февр. 1868.
Спб.

Позвольте предложить Вамъ обмѣнъ фотографическихъ изданій насъ самихъ.

Ретиво берясь за каждое дѣло, баронъ Корфъ причинялъ не мало хлопотъ редакторамъ періодическихъ изданій своею настойчивостью относительно срочности помѣщенія присылаемыхъ имъ статей. Это же пришлось испытать и почтенному редактору «Вѣстника Европы» на самыхъ первыхъ порахъ сотрудничества у него барона Н. А. Корфа. Хотя на приводимомъ ниже письмѣ нѣтъ помѣтки года и мѣсяца, но, судя по содержанію, оно слѣдуетъ за только-что приведеннымъ письмомъ.

М. Г.

Николай Александровичъ.

Судьба заставляетъ меня вторично быть Вамъ непріятнымъ. Дѣйствительно, статья Ваша о Моск. губ. зем. собр. пришла вчера вечеромъ, слѣдов., только днемъ позже, нежели Вы предполагали, а тѣмъ не менѣе опоздала больше, нежели первая. Я писалъ Вамъ въ началѣ марта (это письмо, правда, не могло дойти до Васъ, когда Вы посылали вторую статью, 7 марта), что журналъ выходитъ всегда аккуратно 1-го числа, а это значитъ, что за недѣлю его печатаніе должно быть окончено, такъ какъ нужно вычесть 48 часовъ на цензурный срокъ, и столько же на брошюровку 3.500 экз., до которыхъ журналъ достигъ въ подпискѣ. Теперь разсчитайте: сегодня – вербное воскресенье, т. е. отъ этого мѣсяца осталось еще 7 дней, и какихъ дней! никуда негодныхъ въ смыслѣ работы! Завтра Благовѣщеніе – праздникъ! Со вторника, послѣ завтра, пойдетъ Страстная, и работы въ типографіи весьма

стихнутъ, а четвергъ, пятница и суббота считаются праздниками, т. е. въ эти дни совершенно не работаютъ. Редакція должна заранѣе принять всѣ эти историческія условія, вслѣдствіе которыхъ иногда у насъ 30 дней мѣсяца едва очищаютъ 20 рабочихъ дней. Потому Вы нисколько не удивитесь, если я скажу Вамъ, что апрѣльская книга in suo corpore—готова; на Страстную мы отложили маленькія окончательныя работы, какъ-то обертка, оглавленіе, объявленія и т. п.

Притомъ, это будетъ дурнымъ знакомъ для редакціи, если она въ концѣ мѣсяца не будетъ знать еще, что войдетъ въ составъ ея ближайшей книжки; это значило бы, что редакція ослабла, не имѣетъ рукописей и ждетъ, не пришлетъ ли ей кто-нибудь и чего-нибудь. При такомъ положеніи, нельзя и думать о срочномъ выходѣ журнала, и если другіе журналы опаздываютъ иногда на мѣсяцъ и на два отъ имени мѣсяца, который стоитъ на книжкѣ, то это именно происходитъ оттого, что рукописи сдаются не во-время, и редакція ждетъ какой-нибудь обѣщанной статьи, а въ случаѣ неаккуратности сотрудника, не имѣетъ у себя никакихъ запасовъ. Я повелъ дѣло иначе, и у меня въ эту минуту Вы найдете рукописей, пріобрѣтенныхъ въ собственность, болѣе чѣмъ на 6 тысячъ. Вотъ Вамъ и секретъ аккуратности выходовъ въ свѣтъ книжекъ „Вѣстника Европы“. Мнѣ можетъ повредить одна типографія, но и тамъ контрактъ вызываетъ въ ней размышленіе о штрафахъ.

Однимъ словомъ, ваша вторая статья только-что поспѣла къ майской книгѣ, которую уже начали печатать вчера.

Относительно Литерат. Изв. замѣчу только одно, что объемъ страницы вводитъ всѣхъ въ заблужденіе: ихъ 2 страницы равняются обыкновеннымъ журнальнымъ 4-мъ; и это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобъ расширить дѣло, не стѣсняя журнала, а для редакціи такая двойная страница обходится вдвое дороже.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь весь Вашъ

М. Стасюлевичъ.

Все время сотрудничества барона Корфа въ «Вѣстникѣ Европы», т. е. до 1883 года включительно, можетъ быть раздѣлено на два довольно рѣзко отличныхъ другъ отъ друга періода: до 1872 года, пока Корфъ принималъ непосредственное участіе въ мѣстной земской дѣятельности, и послѣ 1872 года, когда онъ оставался совершенно частнымъ человѣкомъ. Въ первый періодъ баронъ Корфъ былъ всецѣло поглощенъ вопросами, дѣлами, фактами и явленіями, касающимися мѣстнаго общественнаго хозяйства и управленія какъ въ родномъ его уѣздѣ и губерніи, такъ и въ остальной Россіи. Послѣ же 1872 года, т. е. по оставленіи земской дѣятельности, онъ сосредоточился преимущественно на вопросахъ общаго характера изъ русской и заграничной жизни, имѣющихъ однако болѣе или менѣе близкое отношеніе къ дѣлу просвѣщенія вообще, народнаго образованія въ частности и порядковъ мѣстнаго управленія и завѣдыванія, культурнаго быта и экономическо-промышленной дѣятельности.

Четыре помѣщаемыхъ ниже письма М. М. Стасюлевича, обнимающія промежутокъ времени съ начала 1868 до исхода 1870 года, даютъ

понятіе о томъ, какъ сильно былъ увлеченъ баронъ Н. А. Корфъ дѣлами внутренней нашей жизни и куда именно рвалась горячая душа его.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Пользуюсь случаемъ, чтобы написать Вамъ пару—извините—запоздалыхъ словъ; но я страшно былъ занятъ и майской книгой, и сборами за границу: завтра уѣзжаю въ Парижъ недѣли на двѣ, и къ 15-му мая буду опять дома.

Ваша статья о народномъ образованіи, какъ видите по счету редакціи [1]), выйдетъ своевременно и достигнетъ до Васъ въ половинѣ мая, хотя въ концѣ апрѣля будетъ уже сдана на почту. Но—простите—Вашу статью о гласности я не рискну напечатать, особенно ея послѣднюю страницу. Она превзошла мои опасенія, да и время не таково, чтобы эта статья о гласности должна быть гласною. Прикажете передать ее Коршу, но думаю, что онъ еще менѣе рѣшится печатать ее.

Какъ бы въ предчувствіи подобнаго казуса, я писалъ Вамъ послѣднее письмо, и еще разъ осмѣливаюсь утверждать, что для успѣховъ земскаго дѣла намъ нужно избѣгать полемики съ администраціей; что и въ предѣлахъ возможнаго и полезнаго сдѣлано еще такъ мало, что не предвидится скоро необходимости переступать черту безопасности. Я желалъ бы для „Вѣстника Европы“ всего болѣе критики дѣятельности земскихъ собраній и управъ,—критики, за которую сказали бы спасибо и тѣ, на кого мы нападаемъ. Простите меня за настойчивость, съ которою я какъ бы возстаю противъ Васъ и Вашего направленія; но едва-ли кто другой, какъ Вы, можетъ быть столько полезенъ въ литературѣ земскому дѣлу: въ Васъ есть и отличная опытность, и любовь къ дѣлу, и литературный навыкъ.—Жду обѣщанныхъ Вами работъ для іюля и августа.—Мнѣ прислала редакція „Губернск. Вѣд.“ изъ Екатеринослава свой № 12 отъ 23 марта. Вы знаете—почему?

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь покорнымъ слугой

М. Стасюлевичъ.

21 апрѣля 1868.

---

23 іюля. Спб.

Многоуважаемый баронъ Николай Александровичъ, спѣшу отвѣтить Вамъ на письмо отъ 18 іюня, которое ждало моего возвращенія изъ заграницы. Вчера я вернулся.—Вотъ въ чемъ дѣло. Дѣйствительно, научные вопросы не пугаютъ „Вѣстника Европы“, хотя быть можетъ онъ пугаетъ другихъ своею научною обстановкою. Но Вашъ отчетъ, при величайшемъ интересѣ его данныхъ и при важности предмета, все же имѣетъ форму дѣловой записки, а не литературной статьи. Это только матеріалъ, переработывать который должны мы, не ожидая, чтобы читатели взяли на себя такой трудъ. Вотъ почему, сообразно съ Вашимъ желаніемъ, я отправилъ этотъ отчетъ въ журн. „Мин. Нар. Просв.“, который главнымъ образомъ посвящаетъ себя на печатаніе матеріаловъ, безъ всякихъ условій литературной обдѣлки. Еслибы Вашъ отчетъ не былъ такъ обширенъ, я рѣшился бы взять его въ журналъ, а въ настоящемъ видѣ онъ займетъ добрую 1/5 часть книги.

---

[1]) На оборотѣ письма разсчетъ за двѣ статьи. М. П.

Въ началѣ іюля я получилъ оффиціальное сообщеніе отъ Гл. Прав. по дѣламъ печати, вслѣдствіе жалобъ на меня и на Васъ Дунина [1]). Теперь я долженъ печатать вслѣдствіе цензурнаго устава. Не ожидая выпуска книги, я пришлю Вамъ сіе „сообщено“ въ корректурѣ. Быть можетъ Вы найдете нужнымъ написать въ редакцію отвѣтъ съ возраженіемъ, тогда поторопитесь, и въ сентябрѣ я успѣю помѣстить.

Искренне уважающій Васъ М. Стасюлевичъ.

Пожалуйста возвратите мнѣ письмо Дунина въ ред., которое я послалъ Вамъ.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Сегодня я получилъ Вашъ отчетъ (за вложенное внутри письмо получилъ отъ почтамта угрозы, такъ какъ это запрещено) и тороплюсь описать мое бѣдственное положеніе. Съ этимъ письмомъ отправляю Вамъ sous-bande корректурные листы Вашей статьи, чтобы вы видѣли, что я дѣлалъ все, чтобы ее напечатать; но ни въ октябрѣ, ни въ ноябрѣ, ни въ декабрѣ нѣтъ никакой возможности. Ваша статья далеко превысила всѣ средства редакціи: около 5 листовъ! Такой величины статей журналъ никакъ не можетъ печатать.

Какъ ни важенъ предметъ статьи, но только спеціалисты могутъ прочесть ее, а Вы обращаетесь къ журналу, и слѣдовательно имѣете въ виду сотни и тысячи читателей. Дѣловыхъ статей такъ много въ редакціи, что я не могу печатать болѣе одного листа, или я рискую всю книгу наполнить статьями, которыя пишутся для весьма немногихъ. Самъ сокращать Вашего труда не смѣлъ, и потому возвращаю Вамъ наборъ, какъ доказательство моего усердія и доброй воли; но что же дѣлать!

Съ января положеніе журнала будетъ еще затруднительнѣе относительно мѣста: Гончаровъ и Костомаровъ, въ теченіе 3 или 4 мѣсяцевъ будутъ занимать вдвоемъ почти половину книги.

Очень буду радъ, если Вы войдете въ мое критическое положеніе и не будете на меня сѣтовать.

Жму дружески Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

М. Стасюлевичъ.

4 ноября 1868.

Спб. 25 ноября 1870.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ,

Бываютъ же такіе странные случаи: вчера я получаю отъ Васъ письмо и статью по поводу книги кн. Васильчикова, и предо мною лежитъ корректура послѣднихъ листовъ хроники декабрьской книги, гдѣ у насъ помѣщена библіографическая статья по поводу этой же самой книги. Не говоря худаго слова, я тутъ же въ концѣ статьи присоединилъ: „остановимся на этомъ, такъ какъ въ ближайшемъ нумерѣ мы намѣрены посвятить труду кн. В. особую статью“ и т. д.

---

[1]) Пропускаемъ очень сильную остроту по поводу этой фамиліи. М. П.

Гонорарій будетъ Вамъ непремѣнно высланъ. Вашъ адресъ я уже видѣлъ напечатаннымъ въ нашемъ спискѣ на 1871 годъ.—Имя, пишущаго Внутр. и Иностр. Обозр.—легіонъ! Я не шучу: дѣйствительно, у насъ не одно лицо пишетъ, и я играю тутъ роль реторты, въ которой все это передѣлывается и отливается. Итакъ, нельзя сказать, чтобы это я писалъ, и нельзя сказать, чтобы это кто-нибудь писалъ другой, потому что направленіе и окончательная отдѣлка матеріаловъ предоставляется мнѣ.

Простите за краткость и торопливость отвѣта; подумайте, какое сегодня число и сколько у насъ теперь работы!

Жму дружески Вамъ руку, остаюсь весь Вашъ. М. Стасюлевичъ.

Къ этому же періоду сотрудничества барона Н. А. Корфа относится и слѣдующее письмо прясяжнаго повѣреннаго Е. И. Утина (безъ памѣтки года), временно завѣдывавшаго редакціею «Вѣстника Европы».

Петербургъ 24 августа.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ,

Только вчера поступила въ редакцію „Вѣстника Европы“ статья Ваша „Мировой судъ въ провинціи“ вмѣстѣ съ письмомъ къ Мих. Матв. Стасюлевичу, который въ настоящее время находится заграницей.

Ваша статья пришла, когда сентябрьская книга была уже почти готова, или по крайней мѣрѣ готова на столько, чтобы сдѣлать невозможнымъ помѣщеніе въ нее новыхъ матеріаловъ. Вотъ почему Ваша статья „Мировой судъ въ провинціи“ можетъ попасть только въ книгу, которая выйдетъ 1-го октября. Что касается до Вашей другой статьи „Земство и нар. здравіе“, то пока могу Васъ увѣрить только въ одномъ, что она вовсе не канула въ вѣчность, и что Мих. Матв. разсчитывалъ ее напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ №№.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности

Евг. Утинъ.

P. S. Такъ какъ Ваша статья будетъ набираться не ранѣе 15-го сентября, то еслибы Вамъ угодно было сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія или дополненія, то около этого срока мы должны были бы ужь имѣть ихъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторый перерывъ въ перепискѣ редакціи «Вѣстника Европы» съ барономъ Н. А. Корфомъ, чтобы дать мѣсто письмамъ другихъ литературныхъ дѣятелей за время до 1872 года, когда баронъ Корфъ, неожиданно даже для самого себя, по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано нѣсколько ниже, прервалъ свою земскую дѣятельность, уѣхалъ изъ Россіи и поселился заграницею. Остановимся прежде всего на слѣдующихъ письмахъ, обрисовывающихъ извѣстныя уже читателямъ добрыя, искреннія и дружественныя отношенія между барономъ Корфомъ и редакціею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», во время изданія и редактированія ихъ В. Ѳ. Коршемъ.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Мнѣ было очень прискорбно получить Ваше послѣднее письмо. Услуги, оказанныя Вами газетѣ, несомнѣнны, а между тѣмъ газета какъ будто даетъ Вамъ поводъ къ основательнымъ упрекамъ. Будьте увѣрены разъ на всегда, что если какое-нибудь изъ Вашихъ совершенно законныхъ требованій или желаній остается безъ исполненія, то причиной тому или цензурныя условія данной минуты, или просто случайность. Послѣднее было, напримѣръ, съ Вашими статьями объ александровскомъ училищномъ совѣтѣ. Я уѣзжалъ на короткое время за границу, и безъ меня забыли напечатать ее. По возвращеніи, я, разумѣется, поспѣшилъ исправить ошибку и помѣстилъ вторую и третью статьи безъ промежутка. Во всякомъ случаѣ, Ваши упреки вполнѣ понятны, и мнѣ остается только извиниться передъ Вами. Что же касается до Вашихъ новыхъ статей, присланныхъ въ январѣ, то онѣ неминуемо навлекли бы газетѣ предостереженіе, и я поэтому остановился ихъ печатаніемъ. Но я позволю себѣ оставить ихъ пока въ редакціи, на случай перемѣны обстоятельствъ къ лучшему.

Примите увѣреніе въ полномъ уваженіи Вашего покорнаго слуги

В. Корша.

20 февраля 1868.
Спб.

Очень характерно по дружественности тона и сердечности слѣдующее письмо Эрнеста Карловича Ватсона (умершаго уже), занимавшаго въ то время вообще очень видное положеніе въ печати и игравшаго главную роль въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ качествѣ ближайшаго помощника В. Ѳ. Корша.

Милостивый Государь!

Завѣдуя во время четырехмѣсячнаго отсутствія В. Ѳ. Корша редакціей „С.-Петерб. Вѣдомостей“, принимаю на себя отвѣчать Вамъ на Ваше письмо отъ 12 марта, писанное на имя В. Ѳ., но относящееся собственно до дѣлъ редакціи.

Мнѣ кажется, я выскажу не только мое личное мнѣніе, но и мнѣніе Вал. Ѳед. и всей редакціи „С.-Петерб. Вѣдом.“, сказавъ, что Ваше уважаемое сотрудничество въ газетѣ—не только никакъ не считается излишнимъ, не только не допускается въ видѣ одолженія—какъ Вы высказываете то въ Вашемъ письмѣ—но, напротивъ, цѣнится чрезвычайно высоко, считается въ высшей степени полезнымъ и желательнымъ для газеты, поставившей однимъ изъ пунктовъ своей программы защиту земскихъ интересовъ и дѣла народнаго образованія. Если вы толкуете медленное появленіе въ печати Вашихъ крайне интересныхъ корреспонденцій въ томъ смыслѣ, на который вы указываете въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, то смѣю увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что подобное толкованіе совершенно ошибочно и основано на недоразумѣніяхъ. Медленное появленіе въ печати Вашихъ корреспонденцій основано просто на томъ, что, при крайнемъ обиліи всякаго матеріала, редакція, не желая дробить черезъ мѣру Вашихъ корреспонденцій—отъ чего онѣ неминуемо потеряли бы въ интересѣ—вынуждена бываетъ выбирать удобное время для

помѣщенія Вашихъ довольно объемистыхъ корреспонденцій. Вы же сами, Милостивый Государь, видимо недовольны тѣмъ, что между корреспонденціями II и III прошелъ довольно значительный промежутокъ времени; Вы и теперь изъявляете желаніе, чтобы имѣющіяся въ редакціи два Вашихъ письма были помѣщены въ двухъ нумерахъ къ ряду; а человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ техникой газетнаго дѣла, удостовѣритъ Васъ въ томъ, что не всегда редакція можетъ помѣщать по три столь объемистыхъ корреспонденціи—какъ бы онѣ ни были интересны—къ ряду, и что винить ее за непомѣщеніе ихъ въ ближайшихъ нумерахъ—невозможно.

Еще разъ смѣю увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что медленное помѣщеніе Вашихъ писемъ не имѣетъ другой причины и другаго смысла, кромѣ вышеприведеннаго. Еще разъ прошу Васъ вѣрить тому, что редакція отнюдь не помѣщаетъ Ваши корреспонденціи въ видѣ личнаго одолженія Вамъ, но что она видитъ въ нихъ еще большее одолженіе себѣ, а главное—одолженіе тому общему дѣлу, которому служимъ мы всѣ вмѣстѣ—дѣлу земства и народнаго образованія. Еще разъ заявляю Вамъ, отъ имени всей редакціи, что было бы крайне прискорбно, если бы Вы, Милостивый Государь, изъ-за простаго недоразумѣнія, изъ-за невѣрнаго толкованія дѣйствій редакціи, прекратили свое полезное сотрудничество въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Третье письмо Ваше о народныхъ школахъ, на непомѣщеніе котораго Вы жалуетесь въ Вашемъ письмѣ отъ 12 марта, напечатано въ № 64 „Спб. Вѣдом." то-есть за 6 дней до написанія Вашего письма. Переданные мнѣ Валентиномъ Ѳедоровичемъ двѣ Ваши корреспонденціи я постараюсь напечатать, какъ скоро представится возможность напечатать ихъ въ двухъ нумерахъ къ ряду. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашъ покорный слуга Э. Ватсонъ

При этомъ письмѣ прилагаю письмо нашего сотрудника, г. Жохова, относительно бывшаго члена Новоузенской земской управы, г. Никитина.

Спб. 30 марта 69 г.

Жоховъ, завѣдывавшій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» земскимъ отдѣломъ, въ настоящее время личность до нѣкоторой степени историческая—по своей дуэли съ Е. И. Утинымъ, письмо котораго приведено выше. Тяжело раненый на дуэли, Жоховъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, вызвавъ большія сожалѣнія въ столичномъ литературномъ кругу.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Бывшій членъ Новоузенской земской управы Д. Н. Никитинъ обратился въ ред. „Спб. Вѣд." съ просьбою рекомендовать его для частныхъ занятій въ какую-либо изъ земскихъ управъ южныхъ губерній. Такъ какъ редакціи „Спб. Вѣд." очень хорошо извѣстно, что Никитинъ принесъ въ свое время значительную пользу земскому дѣлу и что именно труды его на этомъ поприщѣ были причиною разныхъ непріятностей, заставившихъ его выѣхать изъ мѣста родины, то редакція, зная, что г. Никитинъ обращался и къ Вамъ со своею просьбою, поручила мнѣ выразить передъ Вами ея искреннее желаніе, чтобы г. Никитинъ могъ продолжать свою полезную дѣятельность на томъ же поприщѣ.

Обращаясь къ Вамъ съ просьбою оказать г. Никитину свое содѣйствіе, я убѣжденъ, что этимъ вы окажете услугу не только ему, лично, но и земскому дѣлу.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорный слуга
Жоховъ.

1869 г. марта 26.
Спб.

При послѣдующемъ изложеніи, намъ придется видѣть массу примѣровъ необычайной отзывчивости барона Н. А. Корфа къ просьбамъ лицъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Конечно, и просьба г. Никитина не была оставлена безъ вниманія. Но сначала познакомимся съ письмомъ г. Никитина.

25 февраля 1869 г.
Уржумъ.

М. Г.

Баронъ Николай Александровичъ,

Служа въ государственной службѣ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, я былъ избранъ въ 1866 г. въ члены земской управы, Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда. Изучивши нужды населенія, я поднялъ и велъ успѣшно вопросъ о выкупѣ казенныхъ земель земствомъ и объ основаніи нормальныхъ училищъ. Не успѣвъ, по случаю 4 апрѣля [1]), довести до конца первое и открывъ послѣднія, я долженъ былъ, или скорѣй принужденъ былъ, въ видахъ личной безопасности и для пользы дѣла, переселиться въ Вятскую губернію и поступить на службу Уржумскаго земства, съ содержаніемъ 1.500 р. въ годъ.

Что я успѣлъ сдѣлать и желалъ сдѣлать по новоузенскому земству, Сам. губерніи, Вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, какъ сотруднику „Петер. Вѣдом.“; что же я дѣлаю по уржумскому земству, Вы можете судить по докладамъ управы, посланнымъ къ Вамъ въ октябрѣ минувшаго года.

Въ настоящее время мое здоровье, а главное—жены моей требуетъ болѣе теплаго климата, чѣмъ Вятская губернія; а потому мнѣ необходимо и желательно переселиться на югъ. Но я самостоятельныхъ средствъ къ жизни не имѣю, на государственную же службу поступить не желаю, потому что всѣ мои симпатіи лежатъ въ земскомъ дѣлѣ, и признавая въ Васъ человѣка одного знамени, я обращаюсь къ Вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою: не откажите увѣдомить меня въ возможно скоромъ времени, не нуждается ли какая-либо изъ уѣздныхъ (или губернская) управъ Екатеринославской губерніи въ частномъ сотрудничествѣ—въ званіи секретаря или по особымъ порученіямъ, съ содержаніемъ, которое давало бы возможность существовать безбѣдно семейному человѣку.

---

[1]) „4 апрѣля“, о которомъ говоритъ авторъ письма, это—безумно-гнусное посягательство Каракозова. Какъ извѣстно, его нагло-святотатственный выстрѣлъ называютъ „выстрѣломъ по реформамъ“. И, дѣйствительно, съ этого именно, во вѣки проклятаго, момента и получила свое начало реакція.
М. П.

О земской дѣятельности моей, я думаю, можно узнать въ редакціи „Петер. Вѣдом." и кромѣ того я могъ бы представить удостовѣреніе о своей личности—свидѣтельства многихъ губер. и уѣздныхъ земскихъ дѣятелей.

Надѣясь, что Вы не откажете моей просьбѣ, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и уваженіи и остаюсь Вашимъ покорнымъ слугою

Д. Никитинъ.

PS.—Въ бывшемъ 15 января экстренномъ собраніи, по докладу управы, уржумское земское собраніе постановило ходатайствовать о введеніи въ преподаваніе уѣзднаго училища естественныхъ наукъ по примѣненію къ сельскому хозяйству; на что со стороны земства ассигновано по 1.500 р. ежегодно.—Попечитель учебнаго округа далъ уже на это свое согласіе.

М. Г.

Баронъ Николай Александровичъ,

Получивъ Вашъ обязательный отвѣтъ отъ 17 марта, спѣшу прежде всего поблагодарить Васъ за надежду, которую Вы мнѣ даете, при вашемъ содѣйствіи, перебраться въ болѣе благодатную страну, чѣмъ Вятская губернія. Здоровье моей жены требуетъ, чтобы я принялъ всѣ возможныя мѣры перебраться на житье на югъ.—А потому позволяю разсчитывать на Ваше содѣйствіе и прошу Васъ—еслибъ представился случай—не откажите рекомендовать меня на земскую службу, или даже въ судебныя мировыя учрежденія.—На первое время я ограничился бы содержаніемъ, которое дало бъ возможность жить не особенно бѣдно, примѣрно отъ 700 до 1/г. въ годъ.—При томъ жена моя—акушерка и имѣетъ дипломъ на лѣченіе женскихъ и дѣтскихъ болѣзней,—слѣдовательно, и она могла бы кое-что заработать.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и уваженіи Вашего покорнѣйшаго слуги

Д. Никитина.

6 апрѣля 1869 г.
г. Уржумъ.

PS. Еслибъ даже представился случай на первое время, чтобы перебраться въ Ваши края, получить частное мѣсто—въ родѣ управляющаго какого-либо имѣнія, то я и отъ этого бы не прочь. Хотя я и не агрономъ, но кое-что особенно въ степномъ хозяйствѣ, понимаю. Нельзя ли будетъ устроить это?

Насколько намъ удалось прослѣдить, г. Д. Н. Никитинъ, благодаря именно участію, принятому въ немъ барономъ Н. А. Корфомъ, вскорѣ же получилъ мѣсто секретаря херсонской земской управы.

Продолжая прерванную переписку съ редакціею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», намъ остается еще привести слѣдующія три письма В. Ѳ. Корша, которыми и исчерпывается вся имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи переписка его съ барономъ Корфомъ.

М. Г.

Николай Александровичъ,

Исполняя Ваше желаніе, спѣшу увѣдомить Васъ, что редакція „СПВ. Вѣдомостей" съ большимъ удовольствіемъ будетъ высылать Вамъ въ 1870 году одинъ экземпляръ своего изданія.

Двѣ Ваши замѣтки: „Неожиданная помѣха судебной реформы“ и „Одинъ въ полѣ не воинъ“ будутъ напечатаны на дняхъ.

Уважающій Васъ

В. Коршъ

7 ноября 1869.

Многоуважаемый Николай
Александровичъ,

Само собою разумѣется, что Вы имѣете полное право на полученіе издаваемой мною газеты въ будущемъ году, и что она будетъ выслана Вамъ непремѣнно.

Позвольте мнѣ надѣяться, съ своей стороны, что Вы и на будущее время не останетесь безучастнымъ къ „СПБ Вѣдомостямъ“, при посредствѣ которыхъ Вы до сихъ поръ знакомили публику съ замѣчательно успѣшнымъ ходомъ столь важнаго дѣла, какъ народное образованіе.

Вашъ покорный слуга

В. Коршъ.

СПБ.
25 ноября 1870.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Ваше письмо отъ 2 мая вызываетъ меня на обстоятельныя объясненія, которыя я выскажу со всею откровенностью, въ надеждѣ встрѣтить съ Вашей стороны честную отплату тою же монетой. Я дѣйствительно приглашалъ Васъ усердно и продолжаю приглашать участвовать въ издаваемой мною газетѣ; но Вы ошибаетесь, полагая, что какая-то черная кошка пробѣжала между нами. Я цѣню высоко и Вашу публичную дѣятельность, и Ваши статьи; и если между нами нѣтъ дѣятельныхъ и постоянныхъ сношеній, то причиной тому истинно-каторжныя обязанности редактора русской ежедневной газеты. Статьи Ваши задержались по случайнымъ причинамъ. Возьму для примѣра хоть послѣднія статьи о народныхъ училищахъ города Харькова. По содержанію и характеру ихъ, онѣ могутъ быть напечатаны только въ отдѣлѣ внутренней корреспонденціи. Но размѣръ ихъ былъ такъ великъ, въ газетѣ отдѣловъ такъ много, что помѣстить ихъ со всѣми отдѣлами было очень трудно. Онѣ откладывались, поэтому, день за день, въ ожиданіи свободнаго мѣста. Въ январѣ я уѣхалъ за границу и передалъ третью статью о харьковскихъ школахъ лицу, которое меня замѣнило. Это лицо тоже не успѣло ее напечатать. Для Васъ, какъ педагога и страстнаго дѣятеля по народному образованію, конечно, непонятно, какимъ образомъ можетъ газета такъ тянуть дѣло. Но для меня, какъ редактора, затруднительно посвящать девять или болѣе столбцовъ газеты отчету о школахъ одного города. Короче сказать, три статьи Ваши, по спеціальности своего содержанія, были бы больше у мѣста въ хорошемъ педагогическомъ журналѣ, чѣмъ ежедневной политической газетѣ, какъ бы ни были дѣльны и хороши сами по себѣ. Исполняя Ваше желаніе, я напечатаю на дняхъ Вашу третью статью о харьковскихъ школахъ; но я въ свою очередь былъ бы очень огорченъ, еслибъ Вы отказались признать справедливость моего мнѣнія, что эти статьи, по своему объему, при спеціальномъ содержаніи, не газетныя статьи.

Еще одно объясненіе. Я слышалъ отъ Суворина, что Вы не получаете или не получали газеты отъ редакціи. Спѣшу увѣрить Васъ что я каждый годъ дѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы газета доставлялась Вамъ, постоянно, и мнѣ очень жаль, что Вы не увѣдомили меня тогда, когда контора, можетъ быть, была не исправна.

Въ заключеніе позвольте мнѣ предложить Вамъ на будущее время гонорарій за Ваши статьи, которыя, какъ я надѣюсь, Вы будете присылать по-прежнему. Но убѣдительно прошу Васъ, какъ редакторъ газеты, писать покороче о томъ, что спеціально, и подробнѣе о томъ, что имѣетъ общій интересъ и для Петербурга, и для Харькова, и для другихъ русскихъ городовъ и селъ.

Готовый къ услугамъ
В. Коршъ.

СПБ.
22 мая 1871.

На сотрудничество барона Н. А. Корфа въ это время вообще былъ большой спросъ, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ двухъ писемъ П. А. Гайдебурова (нынѣ умершаго), бывшаго редакторомъ-издателемъ газеты «Недѣля». Первое письмо Гайдебурова (отъ 23 сентября 1871 года) характерно въ отношеніи барона Корфа, какъ выдающагося журнальнаго работника; второе же письмо его (отъ 4 августа 1872 года) не лишено значенія въ виду той скромности, съ какою баронъ Корфъ оцѣнивалъ свой трудъ.

23-го сентября 1871 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что редакція „Недѣли“ издаетъ Сборникъ, которымъ она удовлетворитъ своихъ подписчиковъ за полугодовую пріостановку и который, кромѣ того, поступитъ и въ отдѣльную продажу. Значительная часть этого Сборника будетъ посвящена нашимъ важнѣйшимъ общественнымъ вопросамъ, къ числу которыхъ, какъ Вамъ извѣстно, принадлежитъ и дѣло народнаго образованія. Желая имѣть по этому вопросу статью, написанную человѣкомъ столько же знакомымъ съ дѣломъ народнаго образованія, сколько и преданнымъ ему, я позволяю себѣ, какъ отъ себя лично, такъ и отъ лица моихъ товарищей по „Недѣлѣ“, обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ, не возьмете ли Вы на себя трудъ написать подобнаго рода статью по программѣ, которую Вы сами признали бы наиболѣе удобной. Для нашего Сборника одинаково подходила бы статья, написанная какъ на общую тему „Нужды народнаго образованія“, въ которой была бы нарисована полная картина настоящаго положенія нашей школы, такъ и на тему болѣе частную, напримѣръ, объ отношеніяхъ школы къ земству, администраціи и т. п. Объемъ статьи можетъ простираться приблизительно до 3 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата, а крайній срокъ присылки ея въ редакцію—первыя числа ноября.

Если Вы найдете для себя удобнымъ принять это предложеніе, то я просилъ бы Васъ, одновременно съ немедленнымъ увѣдомленіемъ меня объ этомъ,

приняться и за составленіе статьи, въ видахъ выигрыша времени, такъ какъ чѣмъ скорѣе была бы она готова, тѣмъ лучше. Но и въ случаѣ отказа съ Вашей стороны, я все-таки покорнѣйше просилъ бы Васъ увѣдомить меня объ этомъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе, въ глубокомъ уваженіи къ Вамъ и къ Вашей почтенной дѣятельности

П. Гайдебуровъ.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ,

Прося Васъ сообщить мнѣ о размѣрахъ условленнаго съ Вами гонорарія за вашу статью, я хотѣлъ только узнать, не назначили ли вы бо́льшаго вознагражденія противъ нашей нормальной платы, т. е. 50 р. за листъ; но такъ какъ назначенная въ письмѣ цифра ниже этой, то я высылаю Вамъ гонорарій по нашей нормѣ.

„Недѣля“ снова начнетъ выходить въ свѣтъ—съ половины августа. Если Вы вздумаете когда-нибудь, хоть изъ-за границы, прислать намъ что-либо, то окажете намъ большое одолженіе. Не потрудитесь ли Вы увѣдомить меня, на сколько времени оставляете Вы Россію и какая главная цѣль вашего отъѣзда.

Искренно Васъ уважающій

П. Гайдебуровъ.

4-го августа.

Съ этого именно времени баронъ Н. А. Корфъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Недѣли», по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Сотрудничество это, при большомъ сочувствіи газеты къ барону Корфу, продолжалось до самой его смерти.

Сказавъ о большомъ спросѣ на сотрудничество барона Корфа со стороны разныхъ періодическихъ изданій общей печати, нельзя не остановиться на слѣдующемъ характернѣйшемъ письмѣ князя В. Мещерскаго, нынѣшняго редактора-издателя «Гражданина».

Милостивый государь,

Николай Александровичъ,

Помните ли Вы молодаго человѣка, блондина довольно некрасивой наружности, негритянскаго типа, пріѣзжавшаго года два назадъ въ Вашъ уѣздъ, съ именемъ князя Мещерскаго? Этотъ же молодой человѣкъ пишетъ Вамъ сегодня сіе письмо, коего содержаніе великая къ Вамъ просьба. Не знаю какъ Вы, но я отъ сношеній моихъ съ Вами вынесъ, скажу безъ комплиментовъ, глубокое уваженіе къ Вашей личности и къ Вашей дѣятельности, ибо Вамъ дался въ жизни счастливый удѣлъ быть прямымъ доказательствомъ, какъ могучъ русскій земскій человѣкъ, когда онъ весь отдается народному благу.

Теперь, подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, подъ вліяніемъ и всего того, что исходило изъ Вашего пера, прихожу Васъ умолять — дать Ваше перо, Ваше знаніе и Ваше сочувствіе новому проектирующемуся изданію.

По-моему, одного было жаль: что Вы печатали Ваши отзывы и письма въ „Спб. Вѣдомостяхъ“: это не чистая, не честная газета: это представитель того либерализма, который, когда бы судьба привела его быть сильнымъ (чего не дай Богъ!), обратился бы въ самаго яраго деспота и не прочь былъ бы торговать невольниками.

Нѣсколько безусловно честныхъ людей собираются, если правительство разрѣшитъ, издавать еженедѣльную газету, подъ названіемъ „Гражданинъ“. Цѣль этого изданія прямая, твердая и ясно сознанная: внушать уваженіе къ Россіи русскимъ путемъ ознакомленія съ ея самодѣятельностью по всѣмъ отраслямъ жизни. Каждый мѣстный вопросъ есть серьезный вопросъ и требуетъ серьезнаго изслѣдованія: серьезное же изслѣдованіе требуетъ безпристрастнаго изложенія каждаго мнѣнія; другаго пути для изслѣдованія русской жизни нѣтъ, если смотрѣть на печать, какъ на орудіе цивилизаціи, а не средство проводить только свои собственныя узкія идеи! Народное же образованіе, какъ стоящее во главѣ всѣхъ путей серьезной цивилизаціи должно занимать первое мѣсто на страницахъ изданія, предназначаемаго быть органомъ мѣстной русской самодѣятельности.

Вотъ почему именемъ серьезныхъ интересовъ прихожу Васъ просить, многоуважаемый Николай Александровичъ, позвольте на Васъ разсчитывать, какъ на нашего будущаго сотрудника съ 1-го января, позвольте быть увѣренными, что Вы насъ предпочтете другимъ изданіямъ, изъ уваженія къ честности и прямотѣ нашей цѣли; позвольте, наконецъ, при объявленіи нашего изданія, буде оное разрѣшено будетъ, Ваше имя присоединить къ числу сотрудниковъ. Будьте спокойны, оно попадетъ на хорошія страницы! Впрочемъ, ласкаю себя надеждою, что Вы мое „Письмо русскаго гражданина“ читали, и слѣдовательно знаете, въ чемъ дѣло!

Главное условіе нашего изданія—не гнаться ни за цвѣтомъ, ни за популярностью! Цвѣтъ есть первый признакъ односторонности, популярность есть принадлежность того, кто торгуется со своею совѣстью, со своими убѣжденіями и съ потребностью въ каждомъ предметѣ быть многостороннимъ, добросовѣстнымъ и серьезнымъ.

Итакъ еще разъ повторяю мое моленіе — и уповаю на добрый отвѣтъ. Условія, на которыхъ Вы будете принимать участіе, заранѣе будутъ нашими условіями!

Главное — повѣрить мнѣ и откликнуться на призывъ гражданина къ гражданину въ патріотическомъ дѣлѣ.

Пользуюсь симъ, чтобы принести Вамъ завѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности

кн. В. Мещерскій.

С.-Петербургъ.
1871. 7-го августа.

Лишне, конечно, распространяться, что баронъ Н. А. Корфъ не могъ быть сотрудникомъ «Гражданина», и князь Мещерскій обратился совсѣмъ не по тому адресу...

Для оцѣнки дальнѣйшей переписки барона Корфа, необходимо замѣтить, что въ 1872 году въ его положеніи и общественной дѣятельности

произошелъ крутой переломъ. Какъ извѣстно, почти непосредственно за введеніемъ реформъ, началась реакція, болѣе и болѣе усилившаяся съ годами. Въ предыдущей главѣ этой статьи, въ одномъ изъ писемъ редактора-издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», В. Ѳ. Корша, было указано, что уже въ концѣ 60-хъ годовъ реакціонеры все смѣлѣе поднимали голову. То, что дѣлалось въ столицѣ, отражалось, конечно, и въ провинціи. Хотя баронъ Корфъ, какъ было указано раньше, многихъ увлекъ изъ мѣстнаго общества на путь непосредственнаго матеріальнаго и нравственнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія, тѣмъ не менѣе на мѣстѣ была цѣлая кучка людей, сильно озлобленныхъ противъ него, какъ человѣка, который не только самъ не занималъ по земству платныхъ мѣстъ, но и рѣшительно никого не подпускалъ къ дѣлежу «земскаго пирога». По мѣрѣ того, какъ проѣдались выкупныя свидѣтельства, росла и вражда указанной кучки къ барону Корфу, мѣшавшему питаться за счетъ платныхъ земскихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, быть или не быть барону Корфу гласнымъ александровскаго уѣзднаго и екатеринославскаго губернскаго земствъ—стало вопросомъ насущнаго хлѣба для подонковъ мѣстнаго общества, способныхъ лишь паразитствовать за счетъ земства. Путемъ разныхъ происковъ и подговоровъ, они устроили дѣло такъ, что на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда баронъ Н. А. Корфъ былъ забаллотированъ въ земскіе гласные. Какъ ни безобразенъ, ни безстыденъ самъ по себѣ этотъ поступокъ, чрезвычайно рѣзко осужденный въ свое время всею благоразумною частью русской печати и общества, но самъ по себѣ, однако, онъ не закрывалъ еще барону Корфу доступа къ земской дѣятельности, такъ какъ изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ онъ былъ избранъ земскимъ гласнымъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Несмотря, однако, на столь блистательную побѣду, одержанную на общихъ выборахъ земскихъ гласныхъ въ уѣздѣ, баронъ Корфъ оставилъ земскую дѣятельность и уѣхалъ за границу осенью 1872 года.

Впослѣдствіи мы приведемъ документы, относящіеся къ забаллотированію барона Н. А. Корфа землевладѣльцами Александровскаго уѣзда и къ тѣмъ мотивамъ, которые заставили его покинуть Россію и провести внѣ ея предѣловъ около восьми лѣтъ. Здѣсь же мы ограничимся лишь указаніемъ, что 1872 годъ былъ годомъ исключительно тяжелымъ для барона Корфа въ нравственномъ отношеніи. Даже и въ «Вѣстникѣ Европы» ему вдругъ почему-то не повезло, какъ это можно видѣть изъ ряда слѣдующихъ писемъ М. М. Стасюлевича.

*

Спб. 7 (19) іюня 1872.

Многоуважаемый
баронъ Николай Александровичъ,

Я получилъ и прочелъ Вашу статью, посланную изъ Женевы 2 (14) іюня, немедленно, такъ какъ дня черезъ два или три уѣзжаю за границу. Весьма сожалѣю, но никакъ не могу напечатать статьи, по многимъ причинамъ; впрочемъ, и независимо отъ этихъ многихъ причинъ, я долженъ былъ бы предварительно снестись съ Вами: статья мнѣ кажется не ясною. Если не ошибаюсь, вы желаете, чтобы народная школа приготовляла въ гимназію, какъ гимназія приготовляетъ въ университетъ. Мы вотъ 10 лѣтъ боремся за то, чтобы гимназіи перестали служить 4 или 5 человѣкамъ, поступающимъ изъ гимназіи въ университетъ, и обратили бы вниманіе на остальныхъ 96 человѣкъ, остающихся при гимназическомъ образованіи; а Вы теперь предлагаете повторить эту же ошибку и въ устройствѣ народныхъ училищъ, т. е. устроить ихъ такъ, чтобы имѣть въ виду одного или двухъ, которые поступятъ потомъ въ гимназіи, и упустить изъ виду интересъ цѣлыхъ сотенъ, которыя останутся при курсѣ народныхъ училищъ. Съ этимъ нельзя согласиться: народное училище должно имѣть такой курсъ, при которомъ его ученикъ, и не поступивъ въ гимназію, имѣлъ бы возможность почерпнуть достаточные начатки для своего человѣческаго развитія. Конечно, Толстой очень былъ бы радъ Вашей мысли—сдѣлать народныя училища приготовительными заведеніями для гимназій, и началъ бы съ того, что ввелъ бы въ народныя училища латинскій языкъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ приготовительными заведеніями для его латинскихъ школъ. Иначе Ваша статья не была бы понята въ министерствѣ.

Кромѣ того, Вы боретесь съ непріятелемъ, который не существуетъ; Вы говорите, что у насъ гимназіи—сословныя школы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ этого нѣтъ: если дѣти крестьянъ не поступаютъ въ гимназіи въ желательномъ числѣ, то только по той причинѣ, по которой не у всѣхъ нашихъ крестьянъ Вы найдете ежедневно курицу въ супѣ. Другаго препятствія нѣтъ. Перестроить же наши народныя училища такъ, чтобы они были приготовительными пансіонами для гимназій — значило бы пожертвовать интересами многихъ сотенъ въ пользу 2, 3 человѣкъ. Эту ошибку дѣлаютъ уже наши классическія гимназіи, устроенныя такъ, чтобы приготовлять для университета, а приготовляютъ онѣ 4, 5 на 100.

Очень жаль, что у насъ укоренилась схема раздѣленія училищъ на высшія, среднія и низшія; это — какіе-то чины. Кончилъ ли человѣкъ курсъ въ университетѣ, или въ гимназіи, или въ народномъ училищѣ — онъ все равно долженъ получить з а к о н ч е н н о е образованіе, а не выучить наизустъ начало пѣсни, потомъ середину, а потомъ и конецъ, т. е. университетъ. Надобно устроить курсъ и народнаго училища такъ, чтобы кончившій его имѣлъ возможность потомъ быть человѣкомъ, не переходя въ гимназію и т. д. Народное образованіе это не низшее, а первое образованіе; гимназическое — не среднее, а второе, и т. д.; но каждое изъ нихъ должно представлять само по себѣ цѣлое и независимое. — Если захотите какъ-нибудь распорядиться статьею, то пишите просто въ редакцію, не прибавляя моего имени, или иначе Ваше письмо будетъ выслано ко мнѣ заграницу, и это замедлитъ дѣло.

Искренно преданный Вамъ
М. Стасюлевичъ.

За Выборгомъ. 30-го іюля 1872 г.

Если я замедлилъ отвѣтомъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, то теперь Вы понимаете причину того: пишу къ Вамъ изъ-за Выборга, гдѣ мы проводимъ нынѣшнее лѣто, и откуда имѣю сообщеніе съ Петербургомъ два раза въ недѣлю чрезъ нарочнаго. Сію минуту мнѣ привезли Ваше письмо и сію же минуту отправится мой отвѣтъ въ Петербургъ, чтобъ завтра быть сданнымъ на почту.

Очень благодаренъ Вамъ за предложеніе и охотно имъ воспользуюсь. Хотя журналъ и заваленъ матеріаломъ, но для Васъ всегда будетъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что Вы опредѣлили и размѣръ.

Но когда Вы думаете начать, т. е. съ которой книги? Мнѣ это нужно знать весьма заблаговременно, чтобы сохранить мѣсто. Конечно, о сентябрьской и октябрьской книгахъ не будетъ и рѣчи, такъ какъ Вамъ нужно осмотрѣться; а о ноябрьской или декабрьской книгѣ предупредите.

Пожелавъ Вамъ счастливаго пути, остаюсь искренно преданный Вамъ
М. Стасюлевичъ.

Журналъ пойдетъ съ октября въ Женеву; о расходахъ на пересылку не безпокойтесь.

10-го августа 1872 г. Спб.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ,

Я отвѣчалъ Вамъ съ недѣлю тому назадъ на Ваше первое письмо о корреспонденціяхъ изъ-за границы, но вѣроятно оно разошлось со вторымъ Вашимъ письмомъ отъ 1-го августа, которое я получилъ сегодня (я живу собственно въ Выборгѣ и разъ въ недѣлю бываю здѣсь).

Въ нынѣшнемъ году я не могу обѣщать Вамъ мѣста, какъ уже писалъ, а потому вѣроятно Ваше новое предложеніе относится къ будущему году. Но и въ этомъ случаѣ я долженъ очень опредѣленно знать объемъ статьи, или лучше сказать, просить Васъ: 1, не превышать 3 книгъ, считая отъ 2 до 3 листовъ на каждую; 2, не прервать намъ печатаніе посрединѣ работы, т. е. высылать статью только тогда, когда Вы будете имѣть увѣренность въ скоромъ окончаніи.

Желаю Вамъ счастливо путешествовать и счастливо вернуться къ намъ.
Весь Вашъ
М. Стасюлевичъ.

За Выборгомъ.
27-го августа 1872 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ,

Только третьяго дня я получилъ вашу статью: „Кто виноватъ?“ при письмѣ отъ 14-го августа, а потому поздно отвѣчаю Вамъ, съ рискомъ — не застать Васъ. Но надѣюсь, что въ случаѣ Вашего отъѣзда, всѣ запоздавшія письма пойдутъ вслѣдъ за вами.

Къ великому сожалѣнію, я не могу напечатать этой статьи и не думаю, чтобы кто-нибудь въ настоящее время нашелъ ее у д о б н о ю. Не далѣе,

какъ на прошедшей недѣлѣ, меня приглашали, и на этотъ разъ вовсе не въ цензурное вѣдомство, по поводу того, что у насъ говорилось во «Вн. Обозр.» (авг.) о новомъ законѣ о печати. Если и это считается опаснымъ и предосудительнымъ, то подумайте сами, что же скажутъ по поводу Вашей статьи.

Кромѣ того, Ваша статья превосходна, какъ дѣловая записка, но она мало разсчитана на обыкновеннаго читателя и можетъ заинтересовать болѣе тѣсный кружокъ юристовъ, а потому не хотите ли я препровожу ее въ здѣшній юридическій журналъ Книрима и Тура: тамъ такая статья, съ нѣкоторыми мѣстными смягченіями, можетъ еще пройти болѣе или менѣе благополучно, во вниманіе къ спеціальности журнала и его не слишкомъ большой распространенности. Мнѣ сказали на прошедшей недѣлѣ, что наша статья о новомъ законѣ прессы и справедлива (sic!), и умѣренна, но тѣмъ не менѣе она не можетъ быть терпима, потому что журналъ пользуется слишкомъ большимъ распространеніемъ и можетъ потому попасть въ руки неразвитыхъ людей, которые могутъ напасть только на опасныя идеи. Я могъ отвѣтить на это одно, что на такомъ основаніи можно осудить и самое евангеліе, потому что неразвитые люди, какъ наши раскольники, толкуютъ его превратно. Вы скажете мнѣ, что я правъ; а я Вамъ скажу, что подобныя дѣла рѣшаются не одною правотою, и буду второй разъ правъ. Судите теперь сами, кто виноватъ, если я не печатаю Вашего „Кто виноватъ?“.

Странное время мы переживаемъ — вотъ все, что и можно сказать въ настоящую минуту.

Пожелавъ Вамъ счастливаго пути или его благополучнаго продолженія, остаюсь искренно преданный Вамъ

М. Стасюлевичъ.

Спб. 6-го (18) февраля 1873 г.

Многоуважаемый

баронъ Николай Александровичъ,

Оказалось, что изъ насъ обоихъ „одинъ былъ аккуратнѣе другаго, а другой былъ аккуратнѣе одного“. Вчера утромъ я писалъ Вамъ, а вечеромъ получилъ отъ Васъ письмо съ объясненіемъ, что къ марту ничего не будетъ.

Отвѣчаю теперь на остальное: 1) для исторіи борьбы свѣтской власти съ духовной мы говорили уже слишкомъ довольно и въ послѣднемъ Иностран. Обозрѣніи, и въ берлинск. корреспонд., потому не вызываю Васъ на эту тему. 2) О вулканахъ Фохта не подлежитъ нашему вѣдѣнію; этому былъ бы, полагаю, радъ такой журналъ, какъ „Знаніе“. 3) О Вайцѣ прошу только не превышать одного печатнаго листа, такъ какъ журналъ полонъ въ нынѣшнемъ году оригинальными работами и для заимствованій изъ иностранной литературы остается мало мѣста, а иногда и вовсе нѣтъ.

Искренно преданный Вамъ

М. Стасюлевичъ.

Время, къ которому относятся приведенныя письма, можно назвать не только «страннымъ» временемъ. Реакція какъ нельзя лучше пользовалась разочарованіемъ общества для своихъ цѣлей; съ арены общественной дѣя-

тельности стали уходить одинъ за другимъ лучшіе работники,—и въ провинціи, гдѣ съ начала 60-хъ годовъ была такая кипучая дѣятельность, куда съ каждымъ годомъ приливала все большая и большая волна интеллигентныхъ русскихъ силъ по всевозможнымъ спеціальностямъ, впервые начало ощущаться безлюдье. Темныя общественныя силы, попрятавшіяся было по своимъ угламъ и такъ притаившіяся, что ихъ было не слышно и не видно, все смѣлѣе начали выбираться на свѣтъ Божій, стремительно направляясь къ «общественному пирогу» съ такой или иной начинкой. Въ это именно время начали трещать или даже прямо рушиться одинъ за другимъ банки и разныя другія крупныя промышленныя предпріятія. Въ эту-то пору мучительно-горькаго разочарованія однихъ, алчной наживы и наглой продажности другихъ, баронъ Н. А. Корфъ, проживая за границею (почти исключительно въ Женевѣ), набираясь все новыхъ и новыхъ впечатлѣній здоровой культурной жизни, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы путемъ журнальной своей работы, внести какъ можно больше культурныхъ понятій, воззрѣній и потребностей въ русскую жизнь. Такою именно печатью высокой облагороженности и культурности отмѣчены всѣ многочисленныя статьи его, появившіяся въ это время на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Вѣстника Европы», «Недѣли» и разныхъ педагогическихъ журналовъ, о которыхъ, впрочемъ, будетъ рѣчь особо.

Здѣсь необходимо замѣтить, что, какъ видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ М. М. Стасюлевича, баронъ Н. А. Корфъ, послѣ какой-то случайной «заминки», вновь занялъ видное и почетное мѣсто на страницахъ «Вѣстника Европы».

Спб. (2) 14-го апрѣля 1873 г.

Спѣшу отвѣчать на Ваше письмо отъ 7-го апрѣля, многоуважаемый Николай Александровичъ: 1) жду Вашу статью, листа въ два, о швейцарскихъ университетахъ, и 2) сохраню въ книгѣ за августъ и сентябрь четыре листа для другой статьи о педагогическомъ отдѣлѣ на Вѣнской выставкѣ.

Сегодня мы отпечатали брошюрой Вашу статью „Новая Вѣна“, въ числѣ 500 экземпляровъ. Завтра пускаю ее въ продажу и жду только изъ Москвы, отъ того господина: я просилъ его обратиться въ Думу съ Вашимъ предложеніемъ. Во всякомъ случаѣ, я буду продавать и собирать деньги: если Дума откажется, я представлю отчетъ Вамъ. Завтра же высылаю подъ бандеролью 3 экземпляра брошюры Вамъ для ознакомленія Васъ съ моею типографіею и съ нашею цензурою, которая, какъ Вы сами можете убѣдиться, поцарапала Вашу статью въ трехъ, четырехъ мѣстахъ.

Еще одна мысль: если въ іюнѣ или іюлѣ останется что-нибудь отъ Вашей брошюры, и вы будете въ Вѣнѣ, то ее можно послать въ Вѣну и выложить у Gerold'a: тамъ будетъ много русскихъ путешественниковъ, которые съ радостью воспользуются брошюрою, чтобы руководиться ею на мѣстѣ.

Послѣ того, какъ у насъ не было зимы зимою, вдругъ теперь наступила

зима, да еще какая! 8° мороза и снѣжная метель! Вотъ природа! Неудивительно, что у насъ и нравы нѣсколько своеобразные и своенравные.

Весь Вашъ

М. Стасюлевичъ.

NB. Чтобы первая статья о выставкѣ попала въ августѣ, нужно, чтобы она была въ редакціи 1-го (13) августа, и ни одного дня позже.

Ваша статья о Дарвинѣ и педагогіи идетъ въ майской книгѣ; пишу Вамъ объ этомъ потому, что Вы будете искать ее въ апрѣльской и не найдете, а не найдете потому, что въ апрѣльской пришлось помѣстить цѣликомъ двухъ левіаѳановъ — двѣ статьи огромныя Сѣченова и Пыпина!

Спб. 1-го (13) іюня 1873 г.

Многоуважаемый

баронъ Николай Александровичъ,

Сегодня я вернулся изъ-за границы и тороплюсь отвѣчать на Ваше письмо отъ 1-го іюня по пунктамъ: 1) дѣйствительно я теперь желаю, но не болѣе 4 листовъ, какъ Вы то и обѣщаете; 2) если вышлете къ 5 авг., какъ Вы пишете, стараго стиля, то могу помѣстить только въ сентябрьской книгѣ.

Еще одно: не сдѣлаете ли маленькаго общаго взгляда на цѣлый характеръ выставки съ тѣмъ, чтобы перейти къ своей спеціальности.

Извините за неряшливость почерка: три ночи былъ въ дорогѣ, и рука еще какъ-то дрожитъ, а между тѣмъ дѣло спѣшное.

Весь Вашъ

М. Стасюлевичъ.

Для характеристики литературнаго значенія барона Корфа, не лишено интереса слѣдующее письмо къ нему редактора «Тифлисскаго Вѣстника», г. Бебутова, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ типичнымъ отраженіемъ и тѣхъ прекрасныхъ порывовъ, которые вдохновляли около половины 70-хъ годовъ лучшіе органы нашей мѣстной и столичной печати.

23 ноября 1876 г.

Милостивый Государь,

Цѣли, преслѣдуемыя Вами въ Вашей дѣятельности въ южно-русской и русской печати, однородны съ тѣми, достиженіе которыхъ составляетъ единственную цѣль существованія „Тифлисскаго Вѣстника“. Тѣхъ же цѣлей, и тѣми же путями, добиваются и казанскіе писатели, работавшіе въ „Волжско-Казанской Газетѣ“ и принявшіеся теперь за изданіе „Перваго шага“. Къ сожалѣнію, несмотря на общность цѣли, всѣ группы провинціальныхъ дѣятелей дѣйствуютъ въ разбродъ, даже не вѣдая другъ о другѣ. А между тѣмъ сочетаніе ихъ усилій и установленіе между ними дружнаго взаимодѣйствія могло бы принести несомнѣнную пользу общему дѣлу.

Въ видахъ установленія такой связи мы уже вошли въ сношенія съ казанскою группою, благодаря обязательному предложенію г. Гацискаго и его сотрудничеству въ нашей газетѣ. Не менѣе желательно было бы установленіе такой же связи и съ Вашею группою, и редакція „Тифлисскаго Вѣстника“ сочла бы себя счастливою, если бъ на ея настоящее предложеніе Вы отвѣти-

ли готовностью принять участіе въ дѣлѣ, которое для насъ должно быть общимъ.

Съ точки зрѣнія „Тифлисскаго Вѣстника“ ознакомленіе кавказской читающей публики съ южно-русскими и южно-славянскими литературами, движеніями, стремленіями, надеждами, какъ теперешнихъ, такъ и прошлыхъ временъ, и пр. могло бы имѣть громадное значеніе. Разумѣется, что мы не могли бы обратиться съ просьбою взять на себя трудъ такого ознакомленія къ болѣе компетентной личности, чѣмъ Вы. И мы надѣемся, что Вы не откажетесь взять на себя эту задачу, выполненіе которой не можетъ представлять для Васъ особенныхъ затрудненій.

Если Вамъ угодно будетъ согласиться на наше предложеніе, мы будемъ печатать Ваши статьи съ подписью или безъ нея, какъ Вы намъ укажете. По Вашему же указанію будетъ высылаться Вамъ и гонораръ за Ваши статьи.

Въ надеждѣ, что Вы почтите насъ своимъ отвѣтомъ на это наше предложеніе, позвольте увѣрить Васъ въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи

Готоваго къ услугамъ Вашимъ
Редактора „Тифлисскаго Вѣстника“
Бебутова.

Безъ преувеличенія можно сказать, что почти каждый изъ вновь появлявшихся въ ту пору органовъ печати, разсчитывавшій занять мало-мальски видное и почетное мѣсто, старался заручиться сотрудничествомъ барона Н. А. Корфа,—такъ, значитъ, популярно было имя его въ журналистикѣ. Подтвержденіемъ этому могутъ служить помѣщаемыя ниже письма: 1) профессора Владимірова, предпринявшаго изданіе «Южнаго Края» въ Харьковѣ, газеты, по началу, весьма симпатичной, честной, живой и отзывчивой; и 2) г. Пятковскаго, издававшаго въ то время совмѣстно съ В. А. Евтушевскимъ «Народную Школу» и предпринявшаго самостоятельное изданіе журнала «Наблюдатель».

Харьковъ, 19 октября 1881.

Уважаемый Николай Александровичъ,

Позвольте, прежде всего, поблагодарить Васъ отъ души за присылку четырехъ статей, изъ которыхъ первая: „Не пора ли и т. д.“ уже напечатана и уже обратила на себя вниманіе нашей прессы: въ „Моск. Телеграфѣ“ появилась передовая статья, посвященная статьѣ Вашей. Помѣстивши въ „Южномъ Краѣ“ статью Вашу, я на другой день, въ слѣдующемъ №, написалъ небольшую передовую статью, въ которой указываю читателямъ на Вашу статью и прошу обратить вниманіе на важныя мысли, въ ней изложенныя. Что до трехъ послѣднихъ статей, Вами присланныхъ, то, согласно желанію Вашему, онѣ будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№, съ небольшими промежутками. Благодаря Васъ за упомянутыя статьи, надѣемся, что Ваше сотрудничество будетъ постояннымъ въ „Южномъ Краѣ“.

Позвольте Вамъ принести жалобу на Вашу ученицу, г-жу Калмыкову: пишетъ ужасно мало. Не могли ли бы Вы на нее повліять, чтобы сотрудничество ея приняло регулярный характеръ? Мы ея статьямъ всегда рады. Вы

спрашиваете, какое впечатлѣніе произвела Ваша статья на насъ? Скажу Вамъ безъ комплиментовъ, что подобныя статьи украшаютъ газету.

Получите ли Вы „Южный Край“? Если Вамъ не высылаютъ, то, будьте добры, извѣстите.

Извините, что я не такъ скоро отвѣтилъ на Ваше письмо, какъ бы то нужно было. Вы не повѣрите, сколько теперь работы по университету и по газетѣ. Кромѣ всего этого, на меня навалили кучу диссертацій.

Скажите, что намъ дѣлать, чтобы „Новое Время“ насъ не бранило? Просто противно: ругаетъ насъ кабацкимъ манеромъ.

Примите увѣренія въ самомъ искреннемъ уваженіи.

Готоваго къ услугамъ Л. Владимірова.

С.-Петербургъ, 21 сентября 1881 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ,

Вы, можетъ быть, знаете уже изъ газетъ, что съ будущаго года я начинаю издавать новый литературно-политическій журналъ: „Наблюдатель“, окрещенный мною по имени того московскаго журнала, въ которомъ впервые выступилъ Бѣлинскій на литературное поприще.

Знаю, что время обстоитъ неблагополучное; знаю, что на меня накинутся нѣкоторые опричники русской журналистики (какъ накидываются они и теперь на „Народную Школу“), но рѣшимость моя отъ этого нисколько не слабѣетъ. Надо же давать отпоръ мракобѣсію; иначе оно смететъ съ лица нашей земли все, что̀ осталось еще въ ней порядочнаго. Газеты совсѣмъ задавлены,—разумѣю газеты честнаго направленія,—но въ ежемѣсячномъ журналѣ можно работать, можно противодѣйствовать тупоумію и завѣдомой лжи, выдаваемой нынѣ за консерватизмъ „чистѣйшей воды“.

Знакомый отчасти съ Вашими литературными симпатіями, я позволяю себѣ надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ Вашемъ сотрудничествѣ и будете откликаться въ моемъ „Наблюдателѣ“ на важнѣйшіе педагогическіе вопросы, имѣющіе не спеціальный только, но и общественный интересъ. Если надумаете написать что-нибудь, то извѣстите хоть двумя словами.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, прошу не забывать и „Народной Школы“ по вопросамъ болѣе спеціальнаго характера.

Статья Ваша о программѣ Закона Божія пойдетъ въ ноябрьскую книжку „Народной Школы“,—если не задержитъ духовная цензура; что же касается до предположенныхъ Вами статей, о которыхъ Вы писали В. А. Евтушевскому, то мы охотно отведемъ Вамъ $2-2^1/_2$ печатныхъ листа. Но такъ какъ въ ноябрѣ и декабрѣ намъ придется напечатать много статей, давно ожидающихъ очереди, то не найдете ли Вы болѣе удобнымъ начать печатаніе Вашей новой работы съ январьской книжки? У насъ будетъ больше мѣста, а у Васъ больше времени для обработки предположенной темы. Если же Вы взялись за эту работу и хотите помѣстить ее всю въ декабрьскую книжку, то больше $1^1/_2$ листа не могу Вамъ предложить.

Экземпляръ новаго изданія „Нашего Друга“ я получилъ, но безъ руководства для учителей. Когда выйдетъ и оно, мы дадимъ отзывъ въ „Народной Школѣ“.

Съ искреннимъ къ Вамъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ
А. Пятковскій.

P. S Печатный листъ моего „Наблюдателя“ будетъ на цѣлую почти треть меньше листа „Народной Школы“; а потому гонораръ въ 50 р. за листъ я считаю (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ изданія) необиднымъ для сотрудниковъ. Будетъ успѣхъ—возвысится и плата за трудъ.

Но баронъ Н. А. Корфъ, работавшій въ «Народной Школѣ», гдѣ его удержалъ Евтушевскій послѣ смерти Ѳ. Н. Мѣдникова, основателя этого педагогическаго журнала, воздержался однако отъ сотрудничества въ «Наблюдателѣ» г. Пятковскаго. Что собственно побудило его воздержаться,—это, до нѣкоторой степени, будетъ понятно изъ характеристики педагогической дѣятельности барона Корфа и его отношеній къ педагогамъ,—о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей статьи.

Въ «Русской Мысли», напротивъ, баронъ Корфъ сразу занялъ весьма видное и почетное мѣсто вскорѣ же послѣ возникновенія этого почтеннаго журнала, какъ это видно изъ слѣдующихъ задушевныхъ писемъ къ нему редактора этого журнала, С. Юрьева, нынѣ умершаго:

Глубокоуважаемый

Николай Александровичъ,

Поздравляя Васъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ, мнѣ остается только выразить Вамъ глубокую благодарность за Ваше намѣреніе украсить и почтить мой журналъ новою Вашею статьею объ ирландскомъ вопросѣ.

Важность этой статьи несомнѣнна и обработанная Вами такъ, какъ Вы пишете, она получитъ особое значеніе. Чрезвычайно лестно для меня и ободрительно для меня и моихъ ближайшихъ сотрудниковъ Ваше вниманіе и сочувствіе къ „Русской Мысли“. Это особенно дорого теперь, въ настоящую минуту, когда поднимается или готово подняться столько вопросовъ самыхъ живыхъ, самыхъ существенныхъ для нашей народной жизни, при неизвѣстности путей, которые могутъ быть избраны для рѣшенія ихъ, при неопредѣленности положенія вообще. Кажется, будетъ принята по многимъ вопросамъ политика откладыванія и выжиданія, по мнѣнію держащихся такой политики, благопріятныхъ обстоятельствъ.

Ваша статья, напечатанная въ послѣднихъ книжкахъ „Русской Мысли», произвела сильное впечатлѣніе. Ее читаютъ буквально нарасхватъ, а Александръ Ивановичъ Кошелевъ, извѣстный земецъ, проситъ заявить Вамъ отъ его имени живѣйшую благодарность. По его мнѣнію, каждый земецъ долженъ читать ее съ величайшимъ вниманіемъ и почерпнуть въ ней руководство для себя во многомъ. Это его точныя слова. Земство, земская дѣятельность составляютъ теперь самый живой интересъ для весьма многихъ, если не для всѣхъ, образованныхъ людей. Я теперь печатаю переводъ соч. Салливана объ Ирландіи; но эта статья не имѣетъ почти ничего общаго съ содержаніемъ Вашей. Кромѣ этой, я не приму никакой (статьи) объ Ирландіи и буду ожидать Вашъ трудъ къ 1 августа для того, чтобы онъ могъ быть напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ. Если Вамъ будетъ возможно и угодно прислать его къ 1 іюля, то помѣщу его въ августовской книжкѣ „Русской Мысли“.

Еще разъ принося Вамъ искреннюю благодарность, остаюсь съ совершеннымъ Вамъ почтеніемъ.

Сергѣй Юрьевъ.

10 апрѣля 1881 г.
Москва.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ,

Спѣшу увѣдомить Васъ, что рецензію на Вашу книгу „Нашъ другъ“ я поручилъ написать адъюнкту Московскаго университета Виктору Александровичу Гольцеву, автору сочиненія: „Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время“.

Гольцевъ взялся за этотъ трудъ съ большою охотою. Онъ большой почитатель Вашихъ литературныхъ трудовъ и Вашей дѣятельности. Надѣюсь, что рецензія будетъ хороша. Я думаю напечатать ее въ ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли“. Что касается того, что Вы отсрочили Ваши статьи объ Ирландскомъ вопросѣ до января, то я этимъ отчасти доволенъ, потому что, при желаніи печатать Ваши прекрасныя и всегда имѣющія большое значеніе статьи, я бы очутился въ затруднительномъ положеніи, если бы Вы прислали Вашу работу до наступленія новаго года.—Книжки ноябрьская и декабрьская уже переполнены содержаніемъ.

Теперь же прошу я Васъ покорнѣйше выслать Вашъ трудъ, чтобы я могъ его напечатать или въ январьской книжкѣ или въ ближайшихъ, за нею слѣдующихъ. Этимъ Вы много меня обяжете.

Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь
преданный Вамъ
Сергѣй Юрьевъ.

27 сентября 1881.
Москва.

Сотрудничество барона Корфа въ «Русской Мысли» нисколько не ослабило добрыхъ отношеній его къ «Вѣстнику Европы». Въ этомъ смыслѣ не лишена значенія слѣдующая коротенькая дружественная записка къ нему М. М. Стасюлевича:

Многоуважаемый

Баронъ Николай Александровичъ, имѣю къ Вамъ большую просьбу: отобѣдать у насъ послѣ завтра, въ эту среду, 8 декабря, въ 6 час. вечера, на пріятельскомъ основаніи, т. е. безъ всякихъ церемоній. Пожалуйста не откажите: у меня обѣдаютъ въ этотъ день спеціально для Васъ Арсеньевъ (К. К.) и Кавелинъ.

Жму дружески Вамъ руку.
Весь Вашъ М Стасюлевичъ.

Въ этой запискѣ не означено года; на ней помѣчено только: «6—12». Это очевидно означаетъ 6-е число декабря мѣсяца; записка же, по на-

шему мнѣнію, относится къ 1881 году, когда баронъ Корфъ посѣтилъ Петербургъ и, между прочимъ, вошелъ въ соглашеніе съ «Русскою Старино́ю» относительно составленія имъ своихъ посмертныхъ «Записокъ», о которыхъ была уже рѣчь раньше.

Сопоставляя начало журнальной дѣятельности барона Корфа съ концомъ ея, нельзя не согласиться, что она осталась такою же обширною, многостороннею, отзывчивою, неутомимою и высоко-честною, какъ и въ самомъ началѣ. За этотъ промежутокъ времени, т. е. съ половины 60-хъ годовъ до начала 80-хъ, громадныя перемѣны произошли во внутренней нашей жизни, но онѣ не коснулись сущности направленія и воззрѣній барона Н. А. Корфа: онъ остался такимъ же горячимъ, увлеченнымъ «о б щ е с т в е н н и к о м ъ», какъ и въ пору юности; энергія литературной дѣятельности по-прежнему не знала удержу,—чему характернымъ свидѣтельствомъ могутъ служить слѣдующія письма къ нему М. М. Стасюлевича въ 1882 и 83-мъ годахъ, т. е. по годъ смерти включительно.

Спб. 8. III. 82.

Многоуважаемый

Баронъ Николай Александровичъ,

Мнѣ передалъ вчера А. Н. Пыпинъ Ваше письмо къ нему: 5-го апрѣля мы имѣемъ Вашу статью и удерживаемъ для нея мѣсто до 2 листовъ. Но она можетъ быть помѣщена только въ хроникѣ: при всемъ интересѣ предмета für sich und an sich, — онъ интересуетъ большинство публики весьма умѣренно, чему служитъ доказательствомъ самая малочисленность нашихъ начальныхъ училищъ; во-вторыхъ, этотъ предметъ относится къ текущимъ событіямъ, а потому его настоящее мѣсто въ современной хроникѣ, а не въ исторической и литературной части журнала. Кромѣ того, этотъ первый отдѣлъ въ майской книгѣ начинаетъ печататься 25 марта, а второй отдѣлъ—15 апрѣля; такимъ образомъ, Ваша статья къ первому отдѣлу совершенно опоздаетъ, тѣмъ болѣе, что по случаю Страстной и Святой, мы должны начать печатать майскую книгу, т. е. историческій и литературный отдѣлъ, до 15 марта. Въ концѣ концовъ для дѣла рѣшительно все равно, въ какомъ отдѣлѣ явилась статья: для статьи такого содержанія даже выгоднѣе явиться не въ томъ отдѣлѣ, который предназначается для относительно болѣе легкаго и занимательнаго чтенія: интересъ же Вашей статьи—дѣловой.

На этой недѣлѣ въ нашей думѣ поднятъ вопросъ объ увеличеніи числа начальныхъ училищъ: около 1.000 дѣтей получили отказъ и не были приняты Но пожалуй дума откажетъ за недостаткомъ денегъ, при своемъ почти 6 милл. бюджетѣ: дѣло въ томъ, что главная часть бюджета уходитъ на „обязательные“ расходы (около 1 милл. полиція), а школа относится къ „необязательнымъ“. Трудно тутъ винить думу!

Прилагаю Вамъ листки изъ отчета финансовой коммиссіи по разбору бюджета на 1882 г., а именно по вопросу о начальныхъ училищахъ. Я былъ противъ закрытія послѣобѣденныхъ классовъ, но большинство согласилось. Я самъ понимаю, что при выборѣ между бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ, я буду

на сторонѣ бѣлаго; но при выборѣ между чернымъ хлѣбомъ и голодомъ, я буду на сторонѣ чернаго хлѣба, т. е. послѣобѣденныхъ классовъ.

Жму дружески вамъ руку. Искренно преданный Вамъ

М. Стасюлевичъ.

Спб. 2 апрѣля 82.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ,

Вашу статью о городскихъ училищахъ я благополучно получилъ, но вотъ что выходитъ не совсѣмъ благополучно: текущія событія потребовали нѣкоторой перемѣны въ составѣ майской книги, а чтобы дать мѣсто статьямъ, которыя утратили бы свою силу въ іюньской книгѣ, пришлось сдѣлать перемѣщеніе, а именно - поставить Вашу статью въ іюньскую книгу. Впрочемъ, это выйдетъ весьма кстати, такъ какъ появленіе Вашей статьи о городскихъ училищахъ Петербурга совпадетъ тогда съ актомъ народныхъ училищъ въ Петербургѣ—30 мая. Это дастъ намъ поводъ во Внутреннемъ обозрѣніи сослаться на Вашу статью и пополнить ее новыми данными за истекшій 1881—82 годъ. Какъ гласный думы, я достану отчетъ заблаговременно: вѣроятно къ половинѣ мая онъ будетъ уже готовъ.

Изъ письма Вашего я не вижу, чтобы Вы получили мое письмо къ Вамъ, въ которое я вложилъ вырѣзки изъ „Извѣстій городской думы“, какъ новѣйшій документъ къ Вашей статьѣ. Дошло ли это письмо до Васъ?

Весьма признателенъ Вамъ за выраженное участіе къ судьбѣ „Порядка“. Но, согласитесь, на извѣстной высотѣ должна прекращаться всякая растительность и жизнь; мы находимся теперь по ту сторону снѣжной линіи, гдѣ могутъ кое-какъ существовать только мохъ, лишаи и т. п. Все послѣдующее подтвердило мои опасенія: если бы я не закрылъ самъ газету, она теперь была бы уже снова закрыта. Апрѣльская книга журнала была остановлена за Внутреннее Обозрѣніе. Поэтому можно судить, каково было бы газетѣ, которая даетъ не 12, а 365 Внутреннихъ Обозрѣній въ годъ, и къ которой цензура относится потому въ той же пропорціи нетерпимѣе.

Жму дружески Вамъ руку и остаюсь преданнымъ Вамъ

М. Стасюлевичъ.

Спб 8. III. 83.

Многоуважаемый

Баронъ Николай Александровичъ,

Спѣшу отвѣтомъ на Ваше письмо, отъ 25 февраля, съ статьею о бельгійскихъ клерикалахъ. Подробности этой статьи, въ существенномъ, очень знакомы нашей публикѣ изъ газетныхъ корреспонденцій; идти же дальше съ этимъ вопросомъ нѣтъ возможности, такъ какъ за предѣлами общеизвѣстнаго начинается интересъ чисто-мѣстный. Съ нашимъ положеніемъ дѣлъ бельгійскій вопросъ не имѣетъ ничего общаго —развѣ одно то, что русскій читатель, пожалуй, придетъ къ убѣжденію, что Бельгія, при всей своей образованности и культурѣ, по клерикальному вопросу стоитъ ниже Россіи, такъ какъ тамъ дѣло доходитъ до семейныхъ раздоровъ, и жена заставляетъ мужа посылать дѣтей въ клерикальную школу, между тѣмъ какъ у насъ не было ни одного примѣра, чтобы духовенство отклоняло дѣтей отъ гимназій и зазывало ихъ

въ семинарію—напротивъ. Наконецъ, по правдѣ сказать, наше духовенство не только не гонится за народными школами, но чурается ихъ всячески, и только оберъ-прокуроръ клерикальнѣе самаго духовенства. Однимъ словомъ Ваша статья о Бельгіи могла бы даже принести неожиданные результаты—и прямо образные; но помимо того, она можетъ возбудить интересъ только въ томъ, кто вообще интересуется спеціально бельгійскими дѣлами; аналогіи же тутъ никакой нѣтъ.

Вашу другую статью я не могъ до сихъ поръ пустить въ печать, потому что въ редакціи накопилось слишкомъ много статей, интересныхъ для спеціалистовъ, но тяжелыхъ для большинства публики. Много мѣста отняла статья о школьной статистикѣ Скалона; рядомъ съ ней нельзя было пускать ничего по школамъ. Постараюсь болѣе не медлить, и относительно статьи о бельгійскихъ клерикалахъ буду ждать Вашихъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь преданный Вамъ
М. Стасюлевичъ.

Оглянувшись на сдѣланный нами документальный очеркъ литературной дѣятельности барона Н. А. Корфа, читатели не могутъ не согласиться съ высказаннымъ нами раньше взглядомъ, что баронъ Корфъ занимаетъ совершенно уединенное мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и по своей разносторонней даровитости, и по своему увлеченію общественною дѣятельностью, по преданности ей. Но нынѣшній нашъ очеркъ обнимаетъ лишь часть литературной дѣятельности барона Корфа, т. е. только въ общей печати; между тѣмъ, какъ увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, также обширна и разностороння и литературно-педагогическая его дѣятельность,—также обширны его сношенія съ выдающимися педагогическими дѣятелями и исполнены глубокаго интереса и назидательности.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ

МУХАММЕДА НЕДЖАТИ-ЭФЕНДИ,

турецкаго плѣннаго въ Россіи

въ 1771—1775 гг. [1])

О появленіи сильнаго противника кралицы Бугачура (Пугачева) въ 1186 году.

Этотъ Бугачуръ (Пугачевъ) былъ княжескаго рода изъ племени казаковъ. Сначала онъ былъ заключенъ въ крѣпости на окраинахъ Сибири, но во время этой войны какъ-то успѣлъ освободиться и, до наступленія настоящаго года, собравъ каракалпаковъ и кумукскихъ татаръ и въ другихъ мѣстностяхъ до сорока, пятидесяти тысячъ войска, пришелъ въ русскія провинціи и взялъ изъ русскихъ крѣпостей слѣдующія: Кирнагоръ (Кунгуръ), Китербурдуръ (Екатеринбургъ), что къ сторонѣ Сибири, Саратакъ (Саратовъ), рѣку Каму, Вачили (Васильсурскъ), близъ Казани, рѣку Волгу, крѣпость Оку (Уфу?), Бихну (Балахну), Тагыръ (Тагилъ), Ярославъ, что близъ крѣпости Москвы, древней столицы Россіи,—Судырамы (Кострому), да съ другой стороны провинцію Казань, гдѣ живетъ сто тысячъ татаръ, изъ коихъ и полторы неспособны носить оружіе; крѣпость Оренбуръ, Акъ-Идиль (?), Мензалэ, Тополъ (Тобольскъ), Намунъ (Тюмень); да кромѣ того много городовъ и деревень. Онъ велъ войну два съ половиной года. Со стороны москововъ противъ Бугачура сдѣланъ былъ главнокомандующимъ генералъ Бибик(ов)ъ, имѣвшій подъ начальствомъ двадцать тысячъ московскихъ войскъ, десять тысячъ маджарскихъ и нѣкоторое количество казанскихъ татаръ, и посланъ былъ противъ вышеозначеннаго Бугачура. Произошла встрѣча; много войскъ погибло; остальныя бѣжали; самъ начальникъ-гяуръ тоже погибъ. Вышеозначенный Бугачуръ, идя противъ Казани, послалъ казанскимъ мурзамъ такую бумагу: «Если

---

[1]) См. «Русск. Стар.» изд. 1894 г., апрѣль.

московы потребуютъ отъ васъ войскъ на меня, то вы не давайте: я, когда возьму Казань, освобожу васъ, выведя въ страны исламскія. Если же вы дадите войско, то я потомъ истреблю васъ». Бумаги-то его пришли; но начальствующій гяуръ явился съ войскомъ въ Казань, силою набралъ оттуда войска и пошелъ противъ Бугачура; онъ былъ разбитъ; московское войско бѣжало; другіе погибли. Вышеозначенный Бугачуръ пришелъ и взялъ крѣпость Казань; множество мурзъ убилъ, а селенія ихъ сжегъ. Потомъ, когда взялъ упомянутую выше крѣпость Судырамы, изъ находившихся въ ней плѣнныхъ нашелъ около четырехъ сотъ человѣкъ; отдѣлилъ изъ нихъ человѣкъ пять, шесть, которые были посмышленѣе, и сказалъ имъ: «Я васъ освобожу отсюда, дамъ вамъ бумагу и, отрядивши человѣка, отправлю васъ черезъ страны черкесскія и абазехскія къ окраинамъ анатольскимъ; а вы отвезите эту бумагу въ Высокую Порту, чтобы, когда тамъ узнаютъ, сейчасъ же императорская армія стояла твердо на своемъ мѣстѣ. Подобно тому какъ нѣкогда московскій краль Дели Петра (Петръ Великій) въ 22 (1122=1710) году прогналъ шведскаго короля на Османскую территорію, такъ и я сдѣлаю съ этою кралицей; мое желаніе услужить Высокой Державѣ (Портѣ); такъ пусть тамъ и знаютъ». И онъ отправилъ тѣхъ людей. Такъ разсказывали казанскіе татаре. Московы снова собрали и выслали войско; но никакъ не могли справиться, а только потеряли отъ сорока до пятидесяти тысячъ войска. Такимъ образомъ Бугачуръ приблизился къ упомянутой древней столицѣ и остановился въ 24-часовомъ разстояніи отъ нея. Москва обширный городъ. Всѣ находящіеся внутри ея—царскій намѣстникъ и прочіе генералы, начальники, войска и подданные—соглашались впустить Бугачура въ крѣпость и покориться ему, потому что всѣ королевскія дочери и дѣти, которыхъ называютъ князьями, увѣдомили кралицу, что къ намъ, дескать, нѣтъ никакого уваженія, а уваженіе оказывается только тѣмъ, кто низкаго происхожденія. Основываясь на этомъ, подобно тому какъ было въ Москвѣ, и въ новой столицѣ Петербургѣ началось такого же рода волненіе на рынкахъ и базарахъ, и даже проникло во дворецъ кралицы, къ воротамъ котораго была подкинута слѣдующаго содержанія бумага, которую будто бы написалъ и прислалъ Бугачуръ: «Я, твой мужъ, краль Петръ, и ты раздѣляла со мною власть, пока я былъ краль. Когда я съ моимъ войскомъ былъ въ пути, на войнѣ, меня въ саду, называемомъ Петергофъ, схватили и арестовали, а ты, сдѣлавшись вмѣсто меня кралицей, сказала: «Мой сынъ еще ребенокъ; когда выростетъ, онъ будетъ кралемъ». Такого рода обманомъ хотѣла ты убить меня; но умеръ другой, имѣвшій со мною сходство; а меня освободили, и вотъ семнадцать лѣтъ, какъ я скитаюсь; теперь я вернулся. Я буду жить въ старой русской столицѣ,

а ты, оставивъ царствовать моего сына, будешь жить въ монастырѣ; или же знай, что ты погибнешь!» Распустили ложный слухъ, что эта бумага была написана по замыслу Крымскаго сераскера Ибрагимъ-паши. Кралица Екатерина, злополучная въ своихъ распоряженіяхъ, повсюду назначила агентовъ; приказано было никого не допускать во дворецъ безъ приглашенія; городъ былъ окруженъ войсками, и войска также посланы были къ Москвѣ; сама кралица тоже собиралась туда ѣхать; а Бугачуръ въ это время направлялся къ Астрахани съ цѣлью овладѣть этимъ городомъ. Въ это время, т. е. въ началѣ 1188 (=1774) года, могущественный, державный, грозный повелитель надъ всѣми повелителями вѣка, избранная жемчужина вѣнца Вѣнценосца вселенной, властитель двухъ сушъ и двухъ морей, служитель двухъ священныхъ мѣстъ, султанъ сынъ султана, султанъ Абду-ль-Хамидъ-ханъ, сынъ султана Ахмедъ-хана, сына султана Гази-Мухаммедъ-хана,—да увѣковѣчитъ Богъ его царствованіе до дня страшнаго суда!—возымѣлъ намѣреніе заключить съ кралицей миръ единственно съ цѣлью освобожденія уже столько времени находившихся въ рукахъ враговъ нѣсколькихъ тысячъ мусульманъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей; а то бы, воспользовавшись этимъ случаемъ и продолжая мѣсяцевъ пять, шесть драться геройски, подобно львамъ, съ врагами вѣры, намъ можно было надѣяться милостью Божіею остаться побѣдителями, потому что у кралицы враговъ было не мало; но такъ уже, вѣрно, было предопредѣлено свыше!

Авторомъ «Свѣточа» и составителемъ «Сокровищницы», а также толкованій на «Путеводитель», Абдулла-бенъ-Ахмедомъ Несефи сказано: «Что написано предопредѣленіемъ, всегда сбудется. Не говори, что ищущій недостаточно старается. Покорись начертанному на скрижали предопредѣленія. Придетъ назначенное Богомъ, и все выяснится». По смыслу этого изреченія, дастъ Богъ, сообразно желанію, будетъ отомщено за все!

Похвальное слово великой рѣкѣ Волгѣ.

Въ числѣ мѣстъ русскихъ владѣній, захваченныхъ гуяромъ Бугачуромъ, было упомянуто и о рѣкѣ Волгѣ, которую Творецъ создалъ самою большою изъ всѣхъ рѣкъ на лицѣ земли. Длина ея отъ истока до устья 40 миль, ширина 50 миль, а глубина отъ 20 до 30 саженъ. Она вытекаетъ изъ горъ, лежащихъ на берегу океана на западной сторонѣ русскихъ владѣній; течетъ она на пространствѣ въ семь мѣсяцевъ пути на востокъ и на восточномъ краю большой степи, сама подобная морю, впадаетъ въ Каспійское море. По ней ходятъ и

русскіе корабли, и персидскіе изъ Баку и Дербента, теперь находящихся во власти русскихъ, и гилянскіе корабли, войдя въ эту рѣку, доставляютъ купцовъ и товары въ Москву и Швецію. Во время покойнаго султана Мюрадъ-хана III-го Соколлу-Мохаммедъ-паша два года трудился надъ прорытіемъ канала между Волгой и текущей у Азова рѣкой Дономъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ верховье послѣдней рѣки приближается къ первой всего на три перехода; но онъ не добился этого, потому что по волѣ Предвѣчнаго настала страшная зима: войска погибли, и всѣ припасы, оставшись на мѣстѣ, были захвачены русскими. Это разсказываютъ ученые изъ казанскихъ татаръ: у нихъ это занесено и записано въ лѣтописяхъ. Во время появленія Бугачура нѣсколько ученыхъ, почитаемыхъ святыми, прибыли сюда съ просьбой и докладомъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ касательно ихъ области; они втайнѣ приходили ко мнѣ и къ пашѣ; да и жили они поблизости отъ насъ. Когда зашла рѣчь о Волгѣ, они сказали намъ: «Если бы эта рѣка была соединена съ Дономъ, то войска исламскія (т. е. турецкія) съ военными снарядами и всѣми припасами отъ самаго Стамбула могли бы на корабляхъ проѣхать Чернымъ моремъ въ Азовское, оттуда по Волгѣ, и затѣмъ на корабляхъ же въ упомянутыя персидскія владѣнія—Дербентъ, Баку, Ширванъ, Шемаху и Гилянъ, и покорить все это безъ всякаго труда. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ!» воскликнули они, ибо между Волгой и Дономъ осталось прорыть каналъ лишь на одинъ часъ разстоянія; уровень Волги высокъ, а Дона низокъ, поэтому теченіе Волги пойдетъ къ крѣпости Азову. Рѣка Яикъ (Уралъ) менѣе Волги; она тоже въ русскихъ владѣніяхъ, течетъ черезъ области казаковъ и мусульманъ-гештековъ (башкиръ) и тоже впадаетъ въ Каспійское море. Еще менѣе этой рѣки Дунай, текущій у Рущука; еще менѣе Шатъ-эль-Арабъ, текущій у Басры и Короны, и еще менѣе благословенный Нилъ, находящійся въ Египтѣ; но разъ въ году онъ разливается, по вычисленію коптовъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, во время которыхъ Нилъ дѣлается моремъ; въ остальное время отъ него остается всего лишь половина, которая и есть «вода жизни». Въ сравненіи со всѣми упомянутыми рѣками Джейхунъ (Аму-Дарья) и Сейхунъ (Сыръ-Дарья) суть маленькія рѣчки.

О матери европейскихъ рѣкъ, великой рѣкѣ Дунаѣ.

Эта рѣка и во время разлива и безъ разлива передъ Рущукомъ, Силистріей и Исакчей и есть коренной Дунай: она тутъ не раздволяется. Ширина ея въ 2 мили, а глубина 30—40 саженъ. Истоки ея находятся въ Алеманскихъ горахъ, въ 11-ти переходахъ къ западу отъ Вѣны, столицы нѣмецкаго кесаря; течетъ она на западъ; омывъ нѣ-

сколько крѣпостей и городовъ, поворачиваетъ на востокъ и, сдѣлавшись подобна морю, пятью рукавами вливается въ Черное море. Одинъ рукавъ, когда волнуется Черное море и Дунай, имѣетъ такое сильнѣйшее волненіе, что, вливаясь въ Черное море у крѣпости Килiи, оттуда идетъ къ Измаилу, Браилову, Галацу, Исакчѣ, Каршову (Гирсову?), Силистріи, Рущуку и до Будина; по немъ ходятъ вверхъ и внизъ большія суда, называемыя шайками и трансами. Второй рукавъ впадаетъ въ Черное море близъ крѣпости Тульчи Сулинскимъ гирломъ; третій, отдѣлясь отъ Сулинскаго, называется гирломъ Хызръ-Эліяса и впадаетъ въ Черное море; четвертый впадаетъ въ море близъ Бешъ-Тепэ, и наконецъ пятый вливается въ море у Кара-Хэрмэна; въ этомъ гирлѣ причаливаютъ и зимуютъ большіе корабли, но очень нагруженные корабли проходить не могутъ.

Итакъ въ то время, какъ упомянутый выше казакъ, по имени Бугачуръ, направлялся къ Астрахани, кралица разгнѣвалась на двухъ своихъ приближенныхъ: надъ ихъ головами были сломаны ихъ шпаги; они были разжалованы, приговорены къ смерти, но казнь была замѣнена ссылкою въ Сибирь. Спасшись какимъ-то образомъ, эти два человѣка встрѣтили по дорогѣ Бугачура и на допросѣ показали слѣдующее: «Кралица, прогнѣвавшись, разжаловала и сослала насъ въ Сибирь по подозрѣнію, что мы были въ перепискѣ съ Бугачуромъ, и подвергла насъ такому уничиженію. Въ одну праздничную ночь мы съ дороги бѣжали; на станціяхъ мы предъявляли начальникамъ бумаги, будто мы посланы по весьма нужному порученію, и теперь мы встрѣтили васъ». Такими разсказами они внушили Бугачуру полное къ себѣ довѣріе; онъ оказалъ имъ почетный пріемъ, и они вмѣстѣ съ нимъ изъ упомянутаго мѣста отправились къ цѣли своего похода, къ Астрахани. Изъ находившихся у Бугачура войскъ и начальниковъ бо́льшая часть оставлена была имъ для охраны взятыхъ имъ семнадцати крѣпостей; такъ какъ тѣ повиновались ему поневолѣ, то, основываясь на этомъ, два упомянутые агента вошли съ ними въ соглашеніе и, тайно сообщивъ имъ намѣреніе кралицы, въ одную ночь убили Бугачура и съ нимъ еще четырехъ человѣкъ и предъявили начальникамъ его бывшія въ ихъ рукахъ предписанія. Всѣ войска обратилась въ бѣгство, а тѣ, взявъ тѣла убитыхъ, отправились назадъ. Въ это время, т. е. въ шевалѣ 1188 г., и кралица выѣхала изъ Петербурга въ древнюю столицу свою, Москву.[1] Туда привезены были тѣла Бугачура и другихъ и сожжены на лобномъ мѣстѣ. Это было сдѣлано для того, чтобы плѣнные мусульмане, увидя это, узнали, что кралицынъ врагъ погибъ; тогда и турецкое правительство поняло бы, что дѣло становится затруднительнымъ, и стало бы осторожнѣе. А что будто бы вышеозначенный Бугачуръ попался въ руки, это не основательно.

Похвальное слово Московскому государству.

Теперешняя столица называется Петербургъ и находится по близости Швеціи, на берегу океана. У этого мѣста течетъ рѣка, называемая Нева. Ширина ея будетъ какъ ширина Босфора между Эминъ-Ёню и Скутари. На противуположномъ берегу этой рѣки есть городъ, подобно Галатѣ. Лѣтомъ переправляются на лодкахъ; но кромѣ того съ одного берега на другой есть еще и большой мостъ, по которому переѣзжаютъ на арбахъ (въ экипажахъ). Въ этомъ городѣ есть анатомическій домъ, внутри котораго находится много высушенныхъ препаратовъ людей и животныхъ; тамъ въ банкахъ, подобныхъ фонарямъ, въ спиртѣ находятся разные удивительные и рѣдкіе экземпляры людей и животныхъ: младенцы, явившіеся на свѣтъ мертвыми; одни—погибшіе вмѣстѣ съ матерью, у которой высохли внутренности; другіе—погибшіе инымъ образомъ; нѣкоторые совершенно измѣнившіе видъ и фигуру; у нѣкоторыхъ руки выросли изъ головы; у другихъ на тѣлѣ шерсть, какъ у животныхъ; всѣ такого рода существа, созданныя мудростью Творца, собраны здѣсь и сохраняются въ банкахъ. Спиртъ въ нихъ возобновляется разъ въ годъ, для того чтобы предметы сохранялись въ томъ видѣ, въ какомъ они были, когда ихъ клали въ банки. Въ нѣкоторыхъ банкахъ видно, какъ сѣмя, попавшее въ матку матери, постепенно развивается и наконецъ достигаетъ той степени развитія, которая предшествуетъ рожденію младенца на свѣтъ. Въ этой же фабрикѣ хранятся изображенія и вещи жителей нѣкоторыхъ странъ Хатà и Хытана (Китая). Люди упомянутыхъ странъ тоже гяуры; въ сущности это франки калмыцкаго типа, съ маленькими глазами; однимъ словомъ, это предурные лицомъ гяуры. Эти государства находятся по ту сторону Московскаго; туда къ нимъ ѣздятъ казанскіе татаре и берутъ товары, потому что Хатà и Хытанъ лежатъ близъ Индіи, которая достигаетъ персидскихъ границъ. Упомянутая фабрика есть трехъ-этажное каменное зданіе; въ каждомъ этажѣ по пятнадцати комнатъ, которыя день и ночь поочереди стерегутъ по два человѣка. Если у приходящихъ для осмотра нѣтъ въ рукахъ билетовъ, дозволяющихъ имъ входъ, ихъ внутрь не пускаютъ; кто бы они ни были, у нихъ берется входной билетъ.

О вышеупомянутой рѣкѣ (Невѣ).

Она течетъ четыре мѣсяца, а остальные восемь покрывается льдомъ и замерзаетъ, такъ что по ней переходятъ съ одной стороны на другую. Въ Московской области весна бываетъ только въ маѣ. Эта рѣка

течетъ между двумя городами и, въ $3^1|_2$-часовомъ разстояніи оттуда, впадаетъ въ океанъ. За три мѣсяца до наступленія весны ледъ на этой рѣкѣ продается отъ казны; всякій ставитъ значки, подобно тому какъ на луговыхъ десятинахъ; потомъ, когда наступаетъ время, ледъ ломаютъ и на арбахъ перевозятъ въ ледники, которые находятся по одному и по два во всѣхъ домахъ, гостиницахъ и мясныхъ лавкахъ, потому что въ осеннее время, заколовъ ягнятъ и выпотрошивъ, ихъ вмѣстѣ со шкурою вѣшаютъ въ ледникахъ, потомъ зимою ихъ ѣдятъ; телятъ и свиней они также, убивъ, кладутъ въ ледникѣ. Одинъ рукавъ упомянутой рѣки, войдя съ одной стороны въ городъ, сдѣлавъ поворотъ, опять впадаетъ въ рѣку; въ городѣ въ пяти, шести мѣстахъ устроены мосты. Отъ верховьевъ рѣки на баркахъ привозятъ въ городъ доски, лѣсъ, сѣно и другіе нужные предметы. Упомянутая рѣка проходитъ по всѣмъ частямъ города и течетъ передъ домами, подобными нашимъ ялы (прибрежнымъ домамъ на Босфорѣ).

Описаніе города.

Дома въ городѣ каменные, двухъ-этажные; въ верхнемъ этажѣ комнаты, а въ нижнемъ лавки и склады. У всякаго цеха нарисованы вывѣски на дверяхъ или на стѣнахъ; поэтому можно узнать, какой цехъ или ремесло (хозяина); таковъ ужь заведенъ порядокъ. Улицы одной ширины; по обѣимъ сторонамъ устроены деревянные тротуары для пѣшеходовъ, а подъ ними течетъ вода, потому что основанія домовъ въ водѣ; для фундамента забиваютъ сваи, а на нихъ уже строятъ дома. Когда изъ-подъ основаній выступаетъ вода, то она течетъ подъ досчатыми тротуарами и сливается въ вышеупомянутую рѣку. По улицамъ могутъ проѣхать три экипажа врядъ, а по обѣимъ сторонамъ въ сорока шагахъ одинъ отъ другаго поставлены столбы; на вершинѣ ихъ находятся подобныя фонарямъ освѣтительныя банки, внутри которыхъ поставлены лампы. Если есть луна, то фонари не горятъ; если же луны нѣтъ, то горятъ. На перекресткахъ улицъ стоятъ караульные, а для проходящихъ, особенно прибывшихъ извнѣ, въ началѣ улицъ тоже поставлено по одному столбу, на которомъ написано названіе мѣстъ, рынковъ и площадей; всякій видитъ, въ какую сторону ему нужно идти; если же онъ неграмотный, то спрашиваетъ у караульнаго. Улицы вымощены камнемъ.

Описаніе сада кралицы.

Подлѣ ея дворца есть большой садъ въ верхнемъ этажѣ; со всѣхъ сторонъ онъ обнесенъ проволочной стѣнкой; крыша у него каменная,

а внутри его въ кадкахъ съ желѣзными обручами посажены фруктовыя деревья, финиковыя пальмы, банановыя пальмы, кофейныя и другія фруктовыя деревья южнаго климата; ихъ воспитываютъ съ помощью печей. Въ этомъ саду есть разныхъ родовъ птицы. При этомъ только воспитаніи и возможно имѣть въ этомъ саду фруктовыя и даже кофейныя деревья, въ другихъ же поляхъ и домахъ у нихъ есть только дикія деревья; но они такъ ихъ цѣнятъ, что ежели получаются плоды, то имъ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ подобныхъ. Но Всевышній Господь, слава Ему, не далъ имъ фруктовыхъ деревьевъ.

Загородный дворецъ кралицы.

Въ трехъ часахъ разстоянія отъ Петербурга есть мѣсто, называемое Петергофъ. Это—зданіе, имѣющее отъ пятнадцати до двадцати комнатъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженное садомъ и бассейнами. Чтобы прогуливаться внутри этого сада, устроены особыя арбы (линейки), низкія, длинныя, сдѣланныя изъ досокъ; мужчины и женщины на нихъ садятся рядомъ другъ къ другу спиной и ѣздятъ.

Еще другой загородный дворецъ.

Отъ упомянутаго города (Петербурга) еще въ трехъ съ половиною часахъ есть мѣсто, называемое Чархъ-Серай (Царское Село). Оно тоже подобно вышеупомянутому загородному увеселительному мѣсту. Въ немъ описываютъ одну комнату, подобной которой нѣтъ ни въ одномъ государствѣ: стѣны этой комнаты сдѣланы изъ кусковъ янтаря, отчего ее и называютъ янтарною комнатой. Точно это одинъ драгоцѣнный камень, съ которымъ сравниваютъ и другія драгоцѣнности. Есть зданіе каменное въ родѣ грота, въ срединѣ котораго водоемъ, а на стѣнахъ украшенія изъ раковинъ выходящихъ на берегъ океана животныхъ, устрицъ, раковидныхъ моллюсковъ, камня змѣевика и другихъ тому подобныхъ вещей. И это тоже между ними считается невиданнымъ дѣломъ. Въ этомъ Чархъ-Сераѣ есть еще зданіе въ видѣ кіоска съ четырьмя колонками, на которыхъ находится поворотная диванная; три стѣны ея стеклянныя, со всѣхъ четырехъ сторонъ садъ. Верхъ этого кіоска какъ зданіе дворца, а внизу нѣсколько поворотныхъ механизмовъ и всегда готовая къ дѣлу прислуга. Если у кралицы долженъ быть очень важный совѣтъ, то она приходитъ въ это мѣсто съ тремя, четырьмя изъ посвященныхъ въ государственныя тайны лицами. Когда займутъ мѣста на креслахъ, кіоскъ постепенно съ каждою минутою поднимается вверхъ на пять, на шесть локтей. Когда движеніе останав-

ливается, то посреднѣ этого кіоска отодвигается доска, подобная крышкѣ люка палубы; является отверстіе длиною въ три и шириною въ полтора аршина, и изъ него выходитъ накрытый по ихъ обычаю столъ съ кушаньями. Черезъ часъ этотъ столъ опускается, и выходитъ другой столъ, и такимъ образомъ повторяется это опусканіе и подниманіе четыре раза. Въ эти четыре часа обѣда происходятъ разговоры и совѣщанія, и никто изъ постороннихъ не имѣетъ никакой возможности подойти къ нимъ и подслушать. По окончаніи совѣщанія тянутъ за кольцо, привязанное къ концу веревки у одной изъ колоннъ; слышится звонъ колокольчика; столъ опускается, а на его мѣсто является опять крышка; немедленно и кіоскъ опускается. Послѣ этого или забавляются во дворцѣ, или же уходятъ. Весной кралица проводитъ время въ этомъ дворцѣ. Одинъ разъ сераскеръ былъ приглашенъ туда и осматривалъ упомянутыя комнаты и кіоскъ. Въ этомъ Чархъ-Сераѣ построена большая башня, въ которой содержатся медвѣди попарно, самецъ и самка. Кралица ѣстъ мясо медвѣжатъ, поэтому ихъ и воспитываютъ. Есть еще медвѣдь, который выходитъ изъ моря. Онъ больше буйвола, а его шкуру употребляютъ на одежду. Онъ бываетъ бѣлый и бурый.

Описаніе дома драгоцѣнныхъ камней (гранильной фабрики).

Въ мѣстѣ, лежащемъ близъ океана, есть фабрика, на которой приготовляются издѣлія изъ новаго минерала, привозимаго изъ Новаго Свѣта (Америки) и похожаго на топазъ. Изъ моря выходятъ скалы, видомъ похожія на порфиръ. Изъ этого камня приготовляютъ вазы, блюда и прочіе полированные цѣльные куски для облицовки стѣнъ зданій. Все это дѣлается силою воды и водяными колесами. Изъ камней, подобныхъ яспису, ониксу, халцедону, дѣлаютъ полированныя вещи, какъ-то черенки для ножей, табакерки, чашки.

Описаніе дворца.

Въ городскомъ дворцѣ кралицы есть пріемная зала—мѣсто среди двухъ комнатъ, гдѣ поставлено семь креселъ—одно для посла, а шесть для его свиты; на эстрадѣ въ двѣ ступеньки вышиною поставлено большое кресло для кралицы; надъ нимъ бархатный балдахинъ, по краямъ котораго бахрома изъ шнурковъ и хрусталя. Противъ этого кресла на сундукѣ корона ея, украшенная драгоцѣнными камнями, другія драгоцѣнности и разныхъ родовъ царскія принадлежности. Въ одной сторонѣ

дворца есть церковь: по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ кралица ходитъ въ церковь; но по воскреснымъ днямъ она велѣла приводить и пашей и приказывала ставить ихъ между своей комнатой и церковью. Проходя со своими сановниками и дамами, она дѣлала поклонъ головою; возвращаясь, опять наклоняла голову и проходила; такимъ образомъ она всегда дѣлала. Мѣсяцъ или два Ибрагимъ-паша отправлялся на эти выходы, но послѣ извинялся и не ѣздилъ; да и въ другое время, въ особенности по ночамъ, тоже рѣдко ѣздилъ.

О петербургскомъ адмиралтействѣ.

Означенное адмиралтейство построено на берегу вышеупомянутой рѣки Невы; тутъ магазины, склады, верфь для постройки кораблей и всѣ необходимыя принадлежности адмиралтейства. Въ годъ строится два корабля. Когда надобно ихъ спускать, то они спускаются кормой, потому что находящіеся подъ ними полозья на колесахъ. Корабль спускается часъ времени; если же ему нужно отправиться, то онъ черезъ полтора часа уже выходитъ въ море, откуда держитъ путь къ мѣсту своего назначенія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ выйти въ море, есть проливъ, и тамъ къ сторонѣ моря на островѣ построена крѣпость, имѣющая пятьдесятъ, шестьдесятъ орудій, другую же сторону пролива составляетъ материкъ. Купеческіе корабли, приходящіе извнѣ, должны останавливаться внѣ упомянутаго пролива: къ нимъ отъ арсенала посылаются лодки, принимаютъ съ кораблей грузъ и привозятъ его въ находящуюся подлѣ арсенала таможню, имена же и званія людей экипажа, а равно и купцовъ, находящихся на корабляхъ, записываются въ списки и также доставляются въ таможню. Когда же кораблямъ надобно уходить, то они грузятся сообразно спискамъ и, получивъ дозволеніе, смотря по подобности, уходятъ. Если кому-либо изъ находящихся на корабляхъ понадобится сойти на землю, то они это дѣлаютъ, получивъ письменное свидѣтельство отъ командировъ кораблей; такого рода порядокъ установленъ, чтобы всегда было извѣстно, кто остается и кто уходитъ.

Объ упомянутой таможнѣ.

Съ товаровъ, приходящихъ въ таможню, взимается 5%, или же съ сорока, пятидесяти сто сотъ акчэ; если хозяинъ товара на это не согласенъ, то, смотря по цѣнѣ товара, взимается извѣстный процентъ. Все, что съ этихъ товаровъ собирается таможней, дѣлится отъ казны на три части и распредѣляется между цехами, которые продаютъ это по своему

желанію, потому что по большей части товары берутся казной. Въ городахъ и селеніяхъ гостиницы, лавки и магазины отдаются въ наймы отъ казны, если только они не принадлежатъ кому другому, или же не проданы другому.

О повинностяхъ и налогахъ въ Россіи.

Кому только ни даны кралицею помѣстья, владѣтели ихъ присылаютъ каждый годъ изъ своихъ деревень поочередно потребное число своихъ райи—кого служить при садѣ, кого въ домѣ для ношенія воды, для ухода за лошадьми, для присмора за экипажами; кого дѣлаютъ извозчиками, за плату перевозящими грузы, кого работниками. Получаемыя деньги они отдаютъ счетомъ своимъ господамъ. А для того, чтобы было извѣстно, въ чьемъ владѣніи эти райи, сколько бы человѣкъ ни было, къ воротнику каждаго изъ нихъ пришивается желѣзный значокъ, наподобіе лошадиной подковы, съ дырочками по краямъ: на этомъ желѣзномъ знакѣ выбито имя владѣльца, имя райи и названіе селенія. Всѣ остальные суть казенные солдаты. При возобновленіи райи и на бляхахъ перемѣняются имена ихъ. Они платятъ казенныя подати: съ жителей селеній, съ ихъ урожая треть берется въ казну, треть отдается владѣльцу, а остальнымъ пользуются они сами. Въ годъ съ каждаго райи берется двѣсти акчэ подушной подати въ казну; съ жителей городовъ и селеній берется въ казну по двѣсти акчэ съ каждаго дома. Помѣщики продаютъ одинъ другому своихъ райю. При объявленіи похода, смотря по надобности, съ каждыхъ ста душъ отдаются два, три человѣка въ солдаты и распредѣляются по войскамъ; наборъ бываетъ и въ другое время для пополненія убыли умершихъ. Но эти райя уже болѣе никогда не видятъ своей родины: они или умираютъ на службѣ въ войскахъ, или же, будучи ранены, безъ жалованья и пайка получаютъ отставку и въ концѣ концовъ просятъ милостыню;—вотъ какого рода милосердіе къ войскамъ!

Въ крѣпостяхъ войска состоятъ изъ людей порочнаго поведенія; имъ въ день выдается отъ начальника крѣпости по четыре акчэ и въ три дня три ока чернаго хлѣба; въ три года разъ отъ мѣстныхъ купцовъ поставляется имъ одежда изъ грубаго сукна. Тѣ подати, которыя слѣдуетъ въ казну отъ мѣстностей, лежащихъ въ районѣ крѣпости, поступаютъ деньгами и продовольственными продуктами на руки и подъ росписку начальника крѣпости; онъ тратитъ, сколько нужно, на нужды крѣпости, а что останется, съ вѣдома всѣхъ остается на храненіи въ запасахъ крѣпости, при чемъ вѣдомость объ этомъ посылается правительству. Деньги не высылаются и не требуются отъ казны, но всѣ доходы и расходы крѣпости въ рукахъ начальника. Когда, по истеченіи

срока, онъ увольняется, то всѣ доходы и расходы провѣряются по счетамъ; если генералъ, начальникъ крѣпости, служитъ честно, то его переводятъ въ другую крѣпость съ прибавкой содержанія; если же окажется съ его стороны недобросовѣстность, то онъ подвергается наказанію и уже до смерти болѣе не принимается на службу. Войскамъ крѣпости каждое утро и вечеръ дѣлается ученье. Сколько бы войска ни потребовалось, столько, сообразно полученнымъ предписаніямъ, немедленно и высылается къ мѣсту назначенія, смотря по надобности, на подводахъ или пѣшкомъ. Отправляясь такимъ образомъ изъ крѣпости въ крѣпость со всѣми продовольственными припасами, войска, переходя отъ одного этапа въ другой, достигаютъ мѣста своего назначенія и поступаютъ туда. Въ крѣпости, которыя остаются позади пустыми, присылаются гарнизоны изъ запасныхъ войскъ. По окончаніи своей службы, всякая часть войска возвращается опять въ свою крѣпость; такимъ образомъ снабженіе арміи подкрѣпленіями, продовольствіемъ, артиллеріей, оружіемъ и другими необходимыми предметами дѣлается легко. На этомъ основаніи если эти гяуры и бываютъ разбиты, то опять скоро вновь приходятъ въ порядокъ; если же бы у нихъ было то же, что въ войскахъ исламскихъ, т. е. если бы оружіе, провіантъ для войскъ, деньги и другіе необходимые предметы доставлялись только черезъ мѣсяцъ, два и три послѣ требованія, то войска гяуровъ не могли бы вести войны и пяти дней, потому что въ войскахъ исламскихъ оружіе, лошади и вещи продаются, и деньги расходуются, а у тѣхъ дѣлать нельзя этого.

О русскихъ селеніяхъ.

На русской землѣ всѣ селенія, города и крѣпости соединены между собою почтовыми дорогами: черезъ каждые шесть часовъ пути поставлена почтовая станція; по обѣ ея стороны находятся дома райи, а посрединѣ улицы на двухъ концахъ—заставы и сторожевой караулъ, такъ что проѣхать другимъ путемъ невозможно, потому что съ двухъ сторонъ вырыты рвы. Мѣстность болотистая, топкая; проѣхать не возможно; на большой дорогѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положена настилка изъ бревенъ. Когда съ одной станціи на другую пріѣдетъ курьеръ, то не пройдетъ и пяти минутъ, какъ въ его телѣгу впрягутъ лошадей, потому что въ подорожной курьера написано, въ какой часъ онъ долженъ прибыть къ мѣсту своего значенія; онъ ѣдетъ по часамъ и опоздать не можетъ, иначе подвергается смерти: его не спасутъ никакія мольбы и просьбы. Во время войны отъ ихъ государя къ арміи и отъ арміи къ ихъ государю постоянно поддерживается сообщеніе курьерами, и тогда уже никто другой не можетъ проѣхать ни взадъ, ни впередъ, развѣ только по особому приказанію, но и тутъ ни изъ арміи въ обла-

сти, ни изъ областей въ армію невозможно доставить ни одного письма, пока не окончится война. Положеніе арміи извѣстно только государю и нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ; другой никто ничего не можетъ знать, потому что въ арміи никого нѣтъ постороннихъ лицъ. Начальники тоже изъ служащихъ военныхъ; изъ другихъ сословій, такихъ, которые бы могли и уходить, не бываетъ. Вечеромъ и утромъ дѣлаютъ перекличку; если кого-нибудь не окажется, то начальники заковываютъ ихъ въ цѣпи. Если кто-либо изъ жителей селеній или городовъ желаетъ отправиться въ другую крѣпость, селеніе или городъ, то онъ не иначе можетъ ѣхать, какъ получивъ письменное дозволеніе отъ своего начальника; если же письменнаго дозволенія у кого не окажется, то его схватываютъ и подвергаютъ заключенію, пока не обнаружится, изъ какого онъ селенія. Жители селеній, отправляясь на рынокъ въ городъ, по близости города кладутъ на свою арбу одинъ или два камня и, пріѣхавъ въ городъ, складываютъ эти камни въ нарочно назначенное для этого мѣсто; и они пріѣзжаютъ и привозятъ или всякій день, или всякіе два или три дня. Собранные такимъ образомъ камни расходуются на казенныя надобности; если же они понадобятся кому-либо изъ горожанъ, то продаются имъ отъ казны. Доходы русскаго государства всѣ подобны этому,—да будетъ это извѣстно.

О воспитательномъ домѣ.

Въ этомъ заведеніи есть начальники и стоитъ караулъ; а внутри его обитаютъ кормилицы изъ распутныхъ женщинъ. Если у внѣ находящихся распутныхъ женщинъ рождаются дѣти, то они ихъ приносятъ въ это заведеніе и получаютъ за это отъ начальства воспитательнаго дома по двѣсти акчэ (за каждаго ребенка). Когда такимъ образомъ пріобрѣтенныя дѣти достигнутъ пяти, шести-лѣтняго возраста, къ нимъ назначаются попы для обученія ихъ чтенію и письму; ихъ обучаютъ также и танцамъ. Это продолжается до ихъ совершеннолѣтія. Кралица посѣщаетъ воспитательный домъ разъ или два въ годъ, потому что это ея изобрѣтеніе. Мужчинъ отправляютъ въ солдатскіе дома, а дѣвушекъ въ собственный дворецъ кралицы. Такимъ образомъ ежегодно пріобрѣтается множество дѣтей.

О пожарахъ.

Въ Петербургѣ въ теченіе двухъ годовъ и лѣтомъ и зимою чуть не черезъ день было много пожаровъ, такъ что начали поговаривать, что это поджигаютъ плѣнные, почему множество плѣнныхъ и были отправ-

лены въ крѣпость Нарву; но пожары увеличились еще болѣе, и плѣнныхъ вновь возвратили на прежнее ихъ мѣсто. Тогда пожары немного утихли. Древняя столица, называемая Москвой, тоже выгорѣла наполовину. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обнаружился голодъ; множество райи и войскъ погибло отъ чумы; были и еще подобныя этому разнаго рода бѣдствія. Тогда попы съ книгами и крестами стали обходить по городамъ, творя молитвы и изгоняя болѣзни изъ города. Вслѣдствіе этого ихъ гяурство увеличилось еще болѣе: одинъ разъ въ годъ они лживо устанавливаютъ праздникъ и, придя въ какія-нибудь мѣста, распространяютъ лживые разсказы, которымъ умные люди не вѣрятъ; глупые же вполнѣ довѣряютъ вещамъ, которыя надлежало бы еще изслѣдовать. Они прославились своимъ искусствомъ выдумывать и распространять ложь.

Описаніе войскъ.

Въ наименованіи ихъ у невѣрныхъ гуяровъ нѣтъ ничего похожаго (съ войсками исламскими). Енычери по-русски называются гренадерами; джебэджи—мушкатерами; топчи—канонерами; сипаги—солдатами; бостанджи—гвардіей; хумбараджи—бомбардирами; лагымджи—инженерами. Орта значитъ полкъ; белюкъ—рота; джема'этъ—батальонъ; оджаклы—артиллерія; ямакъ—гарнизонъ; ордулу—полевой; чаркаджи—корпусъ; далъ-клыджъ—тува-корпусъ (два корпуса); разныхъ другихъ сановниковъ и чиновниковъ тоже называютъ не похожими, но соотвѣтственными чинамъ Высокаго Государства, именами. У нихъ есть пять, шесть канцелярій, гдѣ записываются доходы и расходы, потому что доходы съ деревень записываются и хранятся въ ихъ крѣпостяхъ.

Иностранный купецъ, пріѣхавъ въ Россію и продавъ свой товаръ, не можетъ получить денегъ: золота и серебра нѣтъ, а мѣдныхъ денегъ онъ не беретъ, и поневолѣ ему приходится принимать въ уплату желѣзо, мѣдь въ сыромъ видѣ и доски, съ чѣмъ онъ и уѣзжаетъ. Если понадобится посадить должника въ тюрьму, то тотъ, который велитъ его посадить, обязанъ, смотря по званію должника, давать ему въ сутки столько, сколько тому будетъ достаточно на содержаніе, и это до тѣхъ поръ, пока тотъ уплатитъ долгъ. Это тоже своего рода хитрость, придуманная для того, чтобы не сажать должниковъ въ тюрьму, потому что если кто-либо въ торговыхъ сношеніяхъ съ купцами заберетъ у нихъ на тысячи или на двѣ тысячи піастровъ, потомъ при расплатѣ заведетъ споръ, то его на этомъ основаніи нельзя посадить въ тюрьму; если же понадобится посадить его въ тюрьму, то посадившій долженъ содержать его.

Обратная поѣздка Крымскаго сераскера изъ Петербурга въ Бендеры по случаю заключенія мира.

Въ этомъ 1189 году 9-го зиль-хиджэ (=1 февр. 1776 г.) въ ночь Арефэ во второмъ часу (по-турецки) мы выѣхали изъ новой столицы Россіи, Петербурга, въ которомъ доселѣ проживали. Слѣдуетъ перечень селеній и крѣпостей.

Первая станція деревня Ижора, 35 верстъ. Верста значитъ миля; пять ихъ составляютъ одинъ часъ. Отъ этой деревни въ 23-хъ верстахъ—Тосна; Любань, 26 верстъ; потомъ Шабиринталиса (?) 31 в.; потомъ Палиситпаиски (?), 26 в.; потомъ Горки, 27 в.; здѣсь была остановка на одинъ день. Потомъ крѣпость Новагоротъ (Новгородъ), 29 в., потомъ Бесьяни (Весьегонскъ?), 39 в.; потомъ Заитъ-Су (Зайцево?), 30 в.; потомъ Красненькій Ямъ, 31 в.; Рувагвито (?), 32 в.; городъ Валдай, 35 в.; остановка одинъ день. Перезай (?), 36 в.; Коломна, 36 в.; городъ Вышній, 34 в. Близъ этого города рѣка, называемая Асина-рѣка, раздѣляется надвое: одна часть ея впадаетъ въ упомянутую выше, находящуюся у Петербурга рѣку Неву, а другая впадаетъ въ текущую близъ Крыма рѣку Днѣпръ. Перейдя упомянутую рѣку и вплоть до этой упомянутой рѣки всѣ селенія и города взяты у шведа; города же, селенія и крѣпости, о коихъ будетъ упомянуто ниже, суть казенные русскіе. Бетребскій-Ямъ (Петровскій?), 33 в.; городъ Торжокъ, 38 в.; Медсена (?), 33 в.; крѣпость Итвера (Тверь), 30 в.; Городня, 30 в.; Завидово, 26 в.; городъ Клинъ, 26 в.; Подсолнечная Гора, 30 в.; Черная Грязь, 32 в.; Микольская, 38 в.; потомъ древняя столица, городъ и крѣпость Москва, 32 в.; остановка на 6 дней. Потомъ Чортанова, 33 в.; Тульски-Бахра, 22 в.; до этой деревни мы доѣхали въ саняхъ, запряженныхъ четверкой; потомъ поѣхали далѣе въ повозкѣ въ шесть лошадей. Лапасна, 33 в.; Серпуховъ, 37 в.; близъ этой крѣпости течетъ рѣка Буза, впадающая потомъ въ Днѣпръ. Зурманская, 33 в.; потомъ вышеупомянутая Тула, 37 в.; здѣсь оставались 36 человѣкъ изъ свиты Крымскаго сераскера; мы съ ними увидѣлись послѣ трехъ съ половиною лѣтъ разлуки; ихъ освободили и отпустили вмѣстѣ съ пашой. Ясны Поляны, 28 в.; Лабыткыва, 37 в.; Сергіевское 38 в.; Малы-Искоронова, 37 в.; Большой-Искора, 37 в.; городъ Вама, 37 в.; остановки 3 дня. Думина, 22 в.; Сельцо-Ивановское, 33 в.; здѣсь протекаетъ рѣка Акпутъ и впадаетъ въ Днѣпръ. Городъ Орелъ, 38 в.; упомянутая рѣка течетъ и тутъ. Хутарза, 29 в.; опять эта рѣка протекаетъ и здѣсь; Село Шахинъ, 38 в.; здѣсь тоже проходитъ рѣка Акпутъ. Чаватисна, 31 в.; Дмитревка, 30 в.; Домахово 33 в.; Ясна-Палэ-Айдуръ, 30 в.; крѣпость Сивски (Сѣвскъ?), 33 в.; Возрешовка, 30 в. Потомъ начинается земля Малороссіи: станція Ясманъ, 35 в. Въ этихъ краяхъ живутъ казаки.

Между московскими владѣніями и ими проведена граница и поставлены столбы, наверху которыхъ привязаны смоляные боченки; у каждаго столба сторожитъ караулъ; если въ какой-либо сторонѣ покажется непріятель, татаринъ ли, москов ли—все равно, какъ только это сдѣлается извѣстно, сейчасъ зажигаютъ эти боченки, и сигналъ передается изъ селенія въ селеніе, и въ десять, пятнадцать минутъ достигаетъ до ихъ крѣпостей; они сейчасъ же снаряжаются. Отъ деревни Ясманъ до крѣпости Глухова, 37 в.; отдыхъ 2 дня. Тулъ-Кулэри, 30 в.; Каралевисъ, 30 в.; Алтынофка, 29 в.; крѣпость Батуринъ, 35 в.; у этой крѣпости протекаетъ рѣка Симъ и впадаетъ въ Днѣпръ. Паризна, 33 в.; Камаровка, 30 в.; Кынжеловка, 24 в.; крѣпость Нѣжинъ, 30 в.; Вывititса, 34 в.; Кырчума, 38 в.; крѣпость Кизалукъ, 24 в.; Бровары, 36 в., крѣпость Кіевъ, 32 в.; а тутъ въ трехъ миляхъ течетъ рѣка, называемая Небрэ (Днѣпръ), а по-турецки Узу-Сую; она ниже этой крѣпости принимаетъ рѣку Акъ-Су и, сдѣлавшись большой рѣкой, близъ крѣпости Очакова впадаетъ въ Черное море. Эта рѣка извѣстна подъ именемъ Узу-Сую. На противоположномъ берегу этой рѣки уже начинаются крымскіе предѣлы, и лежитъ извѣстная разоренная крѣпость Казы-Керманъ; теперь московскіе гяуры ее взяли и вновь построили. Отсюда до крѣпости Кылъ-Бурунъ (Кинбурнъ) двѣнадцать часовъ. Казаки Путхалы черезъ открытое море приходили въ упомянутую Казы-Керманскую крѣпость и помогали ей подвозомъ провизіи, досокъ и другихъ припасовъ; но теперь они приходятъ въ Кылъ-Бурунъ. Это только до заключенія мира приходили въ упомянутый Казы-Керманъ. Есть еще рѣка, называемая Кубань, а другая Самаръ-Су еще рѣка Сукумъ; эти три рѣки впадаютъ въ Днѣпръ. Вышеупомянутыя рѣки тоже, соединившись съ Днѣпромъ, протекаютъ около Очакова и впадаютъ въ Черное море. Упомянутая крѣпость Кіевъ, а также и городъ состоятъ изъ садовъ. Крѣпость Кіевъ состоитъ изъ двухъ крѣпостей: одна стоитъ у самой рѣки и называется Старымъ Кіевомъ, а другая расположена на горѣ и называется Новымъ Кіевомъ; между обѣими крѣпостями часъ разстоянія; но крѣпость Новый Кіевъ угрожаема со стороны Очакова,—да будетъ облегчено, если Богу угодно, покореніе ея мусульманами! Отъ Кіева до деревни Лотарка, 37 в.; оттуда, въѣхавъ въ предѣлы Польши, проѣзжаютъ польскими степями двадцать пять часовъ до крѣпости Лисайоръ, стоящей на границѣ; оттуда въ стоящую въ пяти часахъ крѣпость Лихортъ; оттуда въ находящуюся въ восьми часахъ Балту, стоящую уже у границы владѣній исламскихъ. Противоположная сторона этой Балты называется Гяурской Балтой; между ними течетъ рѣка Акъ-Су (Бугъ), которая со стороны Кылъ-Буруна сеединяется съ Днѣпромъ. Проѣхавъ мусульманскую Балту и Сары-Су, въ десяти часахъ находится мѣсто, называемое Тумабасаръ (Дубоссары): это дача хана

и находится во владѣніи Крымскихъ хановъ. Доставивъ въ Тумабасаръ всѣхъ плѣнныхъ, начальники гяуровъ отпустили ихъ на свободу; но для того чтобы было извѣстно, сколько плѣнныхъ ими сдано, они давали росписку; но принять ее было некому, такъ какъ со стороны Бендерскаго коменданта здѣсь находились только два чокадара; поэтому плѣннымъ, находившимся при Крымскомъ сераскерѣ, при бывшемъ Бендерскомъ комендантѣ Эминъ-пашѣ и бывшемъ чаушъ-баши плѣнномъ агѣ, составленъ былъ списокъ и дана росписка; объ остальныхъ плѣнныхъ не было и разговора. Какъ только что начальники гяуровъ замѣтили это обстоятельство, они сказали опечаленнымъ и несчастнымъ людямъ, женщинамъ и дѣтямъ: «Мы, взявъ васъ изъ мѣстонахожденія вашего, по три, по пяти человѣкъ сажали на повозку, давали вамъ хлѣбъ и воду, и доставили васъ сюда; а отъ васъ никто не прибылъ сюда даже, чтобы спросить о васъ». Сказавъ такія вздорныя слова, они взяли свои повозки и людей, и уѣхали. Упомянутые плѣнные пѣшкомъ, голодные, утомленные, пришли къ сторонѣ Бендеръ. Сераскеръ-паша тоже, выѣхавъ изъ Тумабасаръ, прибылъ сначала къ находящемуся въ восьми съ половиною часахъ Днѣстру, гдѣ перевозъ. Переправившись на паромахъ на другую сторону въ крѣпость Бендеры, благополучно вошли въ Бендеры. Оттуда черезъ восемь часовъ мы прибыли въ Каушаны, мѣстопребываніе Крымскихъ хановъ; оттуда черезъ шестнадцать часовъ въ мѣсто, называемое Измаилъ, лежащее на берегу Дуная. Отдохнувъ здѣсь три дня, Крымскій сераскеръ Ибрагимъ-паша велѣлъ найти почтовый баркасъ, идущій въ Константинополь, и послалъ меня съ бумагами въ Порту, самъ же отправился въ Тульчу, а оттуда на Очаковъ. Стихъ: «Несправедливость не приходитъ отъ людей совершенныхъ, соблюдающихъ правила вѣрности. Благородный человѣкъ и одинъ не потеряется; заблужденіе не придетъ отъ человѣка совершеннаго». Однимъ словомъ отъ упомянутой столицы Россіи, Петербурга, до пограничнаго мѣста Тумабасары мы проѣхали семьсотъ пятьдесятъ часовъ станцій и пробыли въ пути девяносто пять дней. Я отправился изъ вышеупомянутаго Измаила на лодкѣ въ Тульчу; оттуда въ Бешъ-Тепэлеръ; потомъ въ Кара-Харманъ на Черномъ морѣ; оттуда въ Кюстендже; потомъ въ Мангалію, оттуда въ селеніе Клыджъ-Бей; оттуда въ Келàдъ-Адасы, потомъ въ Коварну, потомъ въ мѣсто, называемое Балчикъ; оттуда въ Варну; оттуда въ селеніе Карши-Галата, оттуда въ Камчи-Дерэ; потомъ въ Фындыклы, потомъ въ Акъ-Дерэ, потомъ въ Кезгэ; потомъ къ мысу Ирмэни; потомъ въ Месемврію—опасное мѣсто, населенное булгарами, которые всѣ разбойники; потомъ въ Хьолы, оттуда въ Ахьолы-Бургазъ; оттуда въ Сузаболы; потомъ въ Зейтунъ-Буруну; потомъ въ Васыль-Козъ; потомъ въ Ахтеболь; потомъ въ Резми; потомъ въ Аинэ-Адасы; потомъ въ Меди; потомъ въ Мелятру; потомъ въ

Ирмени-Дерэси; потомъ въ Кара-Бурунъ, потомъ въ Гиль-Бозъ, оттуда въ проливъ Румили-Фенэри, потомъ въ Румили-Хысаръ и наконецъ въ Стамбулъ. До Стамбула отъ Измаила четыреста миль. Однимъ словомъ, въ 89-мъ году мѣсяца джемазі'уль-эввеля 12-го дня (12-го іюля 1775 г.) (это явная ошибка: по всѣмъ соображеніямъ тутъ должно разумѣть 12-ое джемазі'уль-эввеля 1190 года, что̀ равняется нашему 30-му іюня 1776 года) я въ здравіи и благополучіи прибылъ въ Константинополь.

Божественные мудрецы, мужи сокровеннаго, спрошенные о томъ, въ чемъ состоятъ явныя доказательства и очевидныя проявленія умныхъ людей, отвѣчали съ полною справедливостью, что умъ доказывается вполнѣ тремя вещами: малорѣчивостью и прямотою, и правдивостью въ разговорѣ, потому что многословіе бываетъ причиною огорченій и непріятностей. А если кто въ отсутствіи, то степень его ума познается по слѣдующимъ тремъ признакамъ: 1) по его службѣ, 2) по отправленнымъ имъ посланцамъ и 3) по манерѣ его донесеній и писемъ и по посылаемымъ имъ подаркамъ; ибо отправленный человѣкомъ посланный долженъ быть его собственнымъ намѣстникомъ; написанное письмо должно выражать достоинства души писавшаго.

Основываясь на этомъ, я вручилъ донесенія Ибрагимъ-паши верховному везирю Иззетъ-Мухаммедъ-пашѣ и, когда онъ по этимъ бумагамъ представилъ высочайшему стремени рапортъ, мнѣ былъ пожалованъ чинъ ходжи; но при этомъ все-таки было приказано оставаться въ императорскомъ дефтеръ-ханэ. Въ мѣсяцѣ шеввалѣ этого же года, по случаю явившейся необходимости назначенія изъ Румелійской области нѣсколькихъ солъ-колъ-эльвійѣ для поправки Хотинской крѣпости, я былъ туда командированъ по высочайшему повелѣнію, въ качествѣ дефтеръ-эмини, представителя реису-ль-кюттаба. До конца года я исполнилъ возложенное на меня порученіе и возвратился опять въ Константинополь въ императорскій дефтеръ-ханэ, гдѣ и былъ въ 1190 (1776—7) хранителемъ дефтерей (списковъ) мирмирановъ.

Причины разбитія исламскаго войска русскими войсками.

По моему разумѣнію и по объясненіямъ умныхъ людей, причины этого слѣдующія. 1) Императорская (турецкая) армія, а равно и Крымская, находясь четыре года то на защитѣ крѣпостей, то въ сраженіяхъ, то на зимовкахъ, постоянно встрѣчала недостатокъ распорядительности со стороны второстепенныхъ начальниковъ, а равно и запаздываніе въ доставленіи въ назначенныя мѣста продовольственныхъ запасовъ и содержанія всѣмъ тѣмъ, кому таковое слѣдовало. 2) Недобросовѣстность со стороны дефтердаровъ, квартирмейстеровъ и тѣхъ чиновниковъ,

которые должны были собирать продовольственные припасы. 3) Некомплектъ необходимаго для дѣла числа канонеровъ, бомбардировъ и инженеровъ. 4) Нахожденіе въ одномъ мѣстѣ двухъ лицъ въ званіи везирей: будь одинъ изъ нихъ комендантъ, а другой сераскеръ, это непремѣнно вызоветъ между ними непріязненныя отношенія и послужитъ причиною разбитія войска. Необходимо, чтобы былъ одинъ везирь, а при немъ были бы назначены мирмираны. Мирмирановъ не даютъ столько, сколько бы ихъ сераскеру слѣдовало имѣть по количеству ихъ управленій и кругу дѣятельности. Также присылаемыя деньги должны быть у чиновъ, которымъ слѣдуетъ этимъ завѣдывать; высокостепенный везирь и мирмираны отдадутъ ли эти деньги лицамъ своихъ штабовъ, или же отдадутъ ихъ войскамъ арміи,—какъ быть сераскеру? Разумѣется, у войска явится недовѣріе къ сераскеру, потому что въ нуждѣ всѣ войска надѣются на милость сераскера: если этой милости не будетъ, то какое онъ будетъ имѣть вліяніе какъ на свои войска, такъ и на свой штабъ? Когда же для арміи присылается продовольствіе и деньги, то этого хватаетъ лишь на одинъ, на два мѣсяца, а потомъ пять шесть мѣсяцевъ опять терпятъ и ожидаютъ; отъ этого съ каждымъ днемъ усиливаются побѣги; если же противъ этого принимаются энергическія мѣры, то войска сговариваются, и проявляются разные случаи (неповиновенія).

Еще причина та, что при формированіи войскъ въ провинціяхъ набираютъ людей угрозами и насиліемъ—что же это за войско? Въ точности никому неизвѣстно, изъ мусульманъ ли оно, или же изъ другаго рода людей, да и узнать этого невозможно. Иногда выходитъ повелѣніе, чтобы убійцъ, приговоренныхъ къ смерти, отправить въ походъ; можно себѣ представить, какое вредное вліяніе имѣютъ подобные люди на войска въ арміи! Начальникамъ не извѣстно, къ какому народу принадлежатъ находящіяся въ арміи войска—трусы ли они, или храбры. Находящихся при штабѣ везиря людей не знаютъ ихъ собственные начальники: одни приходятъ, другіе уходятъ, и т. д., и никто другъ о другѣ ни спрашиваетъ, ни отвѣчаетъ. При такомъ положеніи какъ справиться съ непріятелемъ? Въ часть какого-нибудь начальника посылается двѣсти человѣкъ, а приходитъ только сто; содержаніе получается на полный комплектъ, но его не хватаетъ и на наличное число, потому что не дополучается содержанія, и послѣ дотребывается деньгами, такъ что войска, если хотятъ, остаются, а если не хотятъ, пусть уходятъ: никто имъ не препятствуетъ. Такіе начальники заплатили за свои мѣста и остаются на службѣ: когда капиталъ весь выйдетъ, надо, чтобы остались еще проценты. Вотъ какъ у насъ ведется война! И сколько отъ этого погибло суммъ, продовольствія, войска и областей! По причинѣ нашего общаго бѣдствія и

разстройства, враги вѣры, гяуры, найдя средство, причиняютъ намъ затрудненія; но въ этомъ виноваты мы сами. Все это произошло оттого, что всякое дѣло не было поручено людямъ способнымъ къ нему. Эти обстоятельства очевидны, говорятъ умные люди, и Всевышній въ святыхъ псалмахъ изрекаетъ Давиду слѣдующее: «О Давидъ! день Страшнаго суда придетъ въ то время, когда благородные будутъ презираемы, и низкіе будутъ почетными людьми; книга Моя будетъ оставлена и не будетъ читаться; непокорные и развратные будутъ пользоваться всѣми благами міра. Когда въ положеніи вѣрующихъ, покорныхъ и добродѣтельныхъ, будетъ такая разница съ положеніемъ подлыхъ и низкихъ; Я послѣднихъ заставлю привязаться къ этому міру и отстраню ихъ отъ любви къ будущей жизни; Я сдѣлаю такъ, что малый не будетъ почитать большаго, и сдѣлаю ихъ одержимыми грѣхомъ и развратомъ. Вотъ какое возмездіе получатъ они въ Моемъ присутствіи!» Отъ имама Малека—царство ему небесное!—и Ибнъ-Аббаса—да довлѣетъ имъ Богъ!—дошло преданіе, которое ихъ устами гласитъ слѣдующее. «Если въ средѣ народа явится жажда злостнаго и недобросовѣстнаго пріобрѣтенія богатства, Всевышній Творецъ внѣдритъ въ сердца людей мученія страха; если въ средѣ народа будетъ развито прелюбодѣйство, то появится между ними въ сильной мѣрѣ смертность; если у народа будутъ въ употребленіи невѣрные мѣры и вѣсы, Богъ отниметъ отъ него дары свои, и будетъ голодъ; у всякаго народа, судящаго незаконнымъ судомъ, будетъ много (пролито) крови; если народъ не вѣренъ въ своихъ обязательствахъ, Господь пошлетъ на него враговъ». Всевышній Творецъ въ Своихъ древнихъ словахъ еще повелѣваетъ: «Когда вы встрѣтились съ толпою враговъ, стойте твердо». Въ подлинныхъ преданіяхъ говорится еще слѣдующее: «Не напрашивайтесь на встрѣчу съ врагомъ, но если встрѣтитесь, стойте твердо. Бѣгство при встрѣчѣ съ непріятелемъ дозволено тогда, когда есть опасность быть побѣжденными, или есть недостатокъ въ оружіи, или если вы чувствуете слабость,—тогда бѣгство дозволено. Если бѣжавшій будетъ убитъ—онъ будетъ мученикъ за вѣру; но если войскъ исламскихъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ войскъ невѣрныхъ, то всякій бѣжавшій, если будетъ убитъ, въ этомъ случаѣ будетъ грѣшникъ, а не мученикъ». По смыслу этого святаго преданія: у насъ мучениковъ не очень мало: большая часть изъ нихъ погибла въ бѣгствѣ. Покажется облако—они кричатъ, что это непріятель, и разбѣгаются въ разстройствѣ. Гдѣ-то говорится, что слѣдуетъ и одному идти навстрѣчу нѣсколькимъ невѣрнымъ и драться съ ними, если только въ немъ есть ревность къ вѣрѣ и могуществу ислама, и если онъ воспламененъ искренно желаніемъ быть гази (поборникомъ вѣры) и достичь прекрасной цѣли; а тѣмъ болѣе, если войско ислама будетъ въ двѣнадцать тысячъ—тогда уже во всякомъ

случаѣ нельзя допустить, чтобы страхъ побѣждалъ въ немъ терпѣніе и стойкость. Войско наше, о которомъ упомянуто выше, было численностью свыше двадцати тысячъ и все-таки обращалось въ бѣгство; оно не смотрѣло ни на молитвы, ни на увѣщанія, а только на недополученное содержаніе, и повиновалось только жаждѣ пріобрѣтенія и страстямъ своей души и желанію грабить. По правдѣ, гдѣ же тутъ храбрецы? Опять на это есть достовѣрное преданіе: «Двѣнадцать тысячъ человѣкъ изъмоего народа не могутъ быть побѣждены». Пророкъ—да будетъ на немъ благословеніе Божіе!—изрекъ: «12,000 воиновъ изъ моего народа не могутъ быть побѣждены, развѣ только вслѣдствіе коварныхъ совѣтовъ, отсутствія согласія, распрей и безпорядковъ!» Да сохранитъ насъ отъ этого Господь! Но если съ начала кампаніи до ея окончанія будетъ все происходить такъ, какъ описано, какая тутъ можетъ быть побѣда?! Если воинъ, даже находящійся въ повиновеніи и имѣющій охоту драться, сражаясь, представитъ языка или голову (врага), то его прогоняютъ съ однимъ или двумя золотыми: такъ кто же, видя это, возымѣетъ охоту къ этому?—потому что вѣдь современный воинъ есть рабъ только щедрости и наградъ; вотъ такимъ-то и надобно раздавать аренды, жалованье и прибавки. Я слышалъ отъ одного человѣка изреченіе: «Не смотри на того, кто говоритъ, а смотри на то, что онъ говоритъ». Въ силу его, значитъ, рабы падишаха нисколько не должны подчиняться и повиноваться его повелѣнію: въ такомъ смыслѣ изреченіе и приведено было. Тотъ человѣкъ истолковалъ значеніе этого изреченія такъ, что падишахъ есть въ переносномъ смыслѣ господинъ своихъ рабовъ, а рабы суть въ переносномъ смыслѣ рабы падишаха. Но падишахъ есть въ прямомъ смыслѣ рабъ Господа Всевышняго; а Всевышній Господь есть въ прямомъ смыслѣ господинъ падишаха; насколько падишахъ обязанъ повиновеніемъ и послушаніемъ своему истинному господину, настолько его рабы въ переносномъ смыслѣ обязаны послушаніемъ своему господину въ переносномъ смыслѣ. Но развѣ войско можно заставить слушать резона?! И содержать въ извѣстномъ мѣстѣ войско, численностію превосходящее дѣйствительную потребность, служитъ только къ безпорядкамъ и смутамъ; имъ невозможно управлять. Отъ войска, находящагося въ повиновеніи, и то нѣтъ добра: когда придется идти на встрѣчу врагу, то сперва надобно окопаться, чтобы войска, въ случаѣ необходимости сраженія, не струсили; на каждыхъ десять человѣкъ надобно одного начальника, чтобы онъ зналъ всякаго изъ своихъ людей и давалъ бы знать, если кто бѣжитъ; у этого десятника долженъ быть списокъ съ именами и примѣтами его людей; все должно спрашиваться съ него; вся отвѣтственность лежитъ на десятникѣ. Такъ какъ тимарами (вотчинами) большихъ и малыхъ вотчинниковъ областей, изъ которыхъ на

значенъ походъ, завладѣваютъ то мѣстные вельможи, то другіе чиновники, и чрезъ это ихъ состояніе чрезвычайно разстраивается; да кромѣ того, такъ какъ алай-беи (командиры) провинцій каждые два, три мѣсяца безпричинно смѣщаются, а потому они тоже вакантныя большія и малыя вотчины не отдаютъ кандидатамъ округа своего, а ради своей выгоды предоставляютъ ихъ ничтожнымъ и недостойнымъ, то во время надобности никого не оказывается подъ знаменемъ. Посмотрѣть на реэстры—войска много, а на мѣстѣ ни одной души нѣтъ; а въ приказахъ упоминается, что-де посылаются реэстры оружія на такое-то количество войска. Когда же вотчина кого-либо бросившаго службу бываетъ отдана участвующему въ походѣ, то по окончаніи кампаніи ее предоставляютъ опять прежнему владѣльцу. Такъ какъ же тутъ войско будетъ послушно?!

Еще одна причина та, что при открытіи кампаніи, если въ какомъ-либо мѣстѣ формируютъ войска и надъ ними назначаютъ главнокомандующаго, то непремѣннымъ условіемъ должно быть то, чтобы въ этой мѣстности было заготовлено по меньшей мѣрѣ на годъ продовольственныхъ припасовъ, военныхъ снарядовъ и содержанія на всѣхъ, получающихъ это послѣднее, и чтобы все это, а равно и всѣ войсковыя дѣла были переданы главнокомандующему. Какъ расположеніе войскъ, такъ и соображенія о сраженіяхъ съ непріятелемъ должны быть возложены на этого везиря, затѣмъ остальное зависитъ отъ помощи Всевышняго Творца. Ибо одно изъ двухъ: или назначенный сераскеромъ везирь долженъ заниматься распоряженіями военныхъ дѣйствій, или же заниматься ежечасно писаніемъ правительству о необходимыхъ для его арміи припасахъ; а части войскъ не имѣютъ терпѣнія ждать, пока идетъ переписка, и пока ихъ продовольствіе, содержаніе и другіе необходимые предметы довольствія не получатся, никто не повинуется и не хочетъ сражаться. И какъ же везирь можетъ распоряжаться этимъ голоднымъ войскомъ, не получающимъ жалованья? И какъ ему воевать съ непріятелемъ? Назначаетъ ли онъ войска въ траншеи, или на передовые посты, никто не идетъ; ему говорятъ: «Ты главнокомандующій, давай намъ продовольствіе и жалованье!» Начинаются распри; при видѣ непріятеля всѣ разбѣгаются, и армія приходитъ въ разстройство. Развѣ непріятель не воспользуется этимъ? Да и потомъ что пользы будетъ въ войскѣ, предавшемся бѣгству?!

Еще одна причина. Крымскіе ханы должны постоянно находиться въ Крыму, оберегать и охранять крымскіе предѣлы и, смотря по надобности, дѣлать набѣги на гяуровъ, или же имъ вовсе не нужно и находиться въ императорской арміи. Если бы въ арміи встрѣтилась надобность имѣть татарскія войска, то смотря по надобности слѣдуетъ назначать надъ татарскими войсками начальника и присылать

его, потому что если бы понадобилось, чтобы Крымскій ханъ находился въ императорской арміи, то онъ не долженъ имѣть ничего общаго съ начальствующими лицами войскъ арміи, да и въ войскахъ будетъ разъединеніе.

Въ Менакыби-эвлія (Житія святыхъ) упоминается, что Малекъ-ибнъ-Динаръ — да будетъ къ нему милостивъ Богъ! — сказалъ: «Современные люди уподобляются рыночнымъ кушаньямъ: запахъ прекрасный, да только мало вкусу»; и еще: «Три вещи причиняютъ вредъ вѣрѣ и государству: недальновидный ученый, набожный невѣжда и лицемѣръ-проповѣдникъ». Однимъ словомъ, если ханъ и главнокомандующій имѣютъ надобность посовѣтоваться между собою, то ханъ скажетъ: пусть будетъ по моему желанію, а начальникъ войскъ: пусть будетъ по моему. Такимъ образомъ совѣщаніе не поведетъ ни къ чему. Надобно, чтобы совѣщаніе происходило только между командующимъ войсками и другими опытными начальниками и чинами, находящимися въ его же войскахъ, и чтобы это было съ согласія всѣхъ: иначе что пользы будетъ арміи, если ея дѣла будутъ обсуждаться въ другой арміи, или въ Высокой Портѣ?—потому что непріятель ежечасно можетъ измѣнить свои дѣйствія, и всякій разъ необходимо соображать свои распоряженія, смотря по движенію непріятеля. Совѣщаніе, состоявшееся въ другомъ мѣстѣ, какую можетъ оказать помощь войску? Отъ сераскера требуется только, чтобы онъ мстилъ непріятелю, основываясь на своемъ мнѣніи и распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ въ своей арміи; а какъ въ главной арміи, такъ и въ Портѣ должны совѣщаться о томъ, какъ бы своевременно посылать все необходимое тому войску. За командующаго войсками можно возсылать молитвы, а не приказывать ему: ступай впередъ, иди назадъ, пошли войска туда, не посылай войска, сдѣлай то или это. Подобныя приказанія какую принесутъ пользу распоряженіямъ сераскера? Развѣ только то, что войска получатъ къ нему недовѣріе и вражду. Такъ въ восемьдесятъ третьемъ (т. е. въ 1183=1769—1770) году шедшіе изъ Порты военные припасы для войска, собраннаго въ Крымъ, были направлены вмѣсто этого въ Исакчу. И вотъ казна, провіантъ и прочія надобныя мелочи—все это пришло. Что же касается войска, то его было свыше пятидесяти, шестидесяти тысячъ. Столько байраковъ (батальоновъ) и назначенныхъ въ дѣйствующую армію ротъ требовали себѣ шатровъ, палатокъ, жалованья и раціоновъ. Сераскеръ купилъ холста и палатки, а вмѣсто водоносныхъ мѣховъ и крановъ—боченки, кухонныя палатки изъ войлока, и раціоны также покупались изъ его кармана и выдавались, а все-таки произошелъ мятежъ: агу главной арміи Имамъ-задэ Ахмедъ-агу возлѣ самого сераскера искрошили на кусочки, да и пашу ранили въ двухъ мѣстахъ; множество вещей при этомъ было потеряно и уничто-

жено; много войска разбѣжалось—какую можно ввести дисциплину въ такомъ разнузданномъ войскѣ?! Всякій идетъ, говоря: «Война!», и какъ соберутся всѣ, требуютъ раціоновъ—гдѣ же хватитъ на нихъ раціоновъ?! А если не будетъ выдано, то поднимается вотъ такой бунтъ. Надо такъ, чтобы сколько посылается войска, столько бы заготовлялось раціоновъ и припасовъ, и сохранялось бы въ своемъ мѣстѣ.

Если везирь уменъ и распорядителенъ, то его учить нѣтъ надобности; если же онъ не обладаетъ знаніемъ, то пользоваться его услугами есть ошибка. Высокосановнымъ везирямъ необходимо обращаться къ войскамъ съ уваженіемъ, вниманіемъ и милосердіемъ, а къ императорскому правительству съ прямотою и честностью: тогда они заслужатъ себѣ славу и уваженіе и въ этомъ мірѣ, и въ будущемъ.

Науки, трактующія объ управленіи подданными, объясняютъ, что правовѣрный, вѣрующій во единаго Бога, правитель долженъ читать ихъ со вниманіемъ и размышленіемъ, для того чтобы брать изъ нихъ примѣры и пользоваться ими. Во времена Фараона городъ Каліопъ былъ громадный городъ. Преданіе говоритъ, что въ то время это мѣсто было любимымъ мѣстомъ прогулки Фараона и двухъ гяуровъ-огнепоклонниковъ. Тамъ былъ водоемъ, вырытый Гаманомъ, министромъ Фараона. Жители той области пожелали провести въ свои сады воду, протекавшую у основанія водоема, и благодаря этому получить огромныя выгоды. Поэтому съ области было собрано нѣсколько сотъ тысячъ денегъ, которыя министръ принесъ и отдалъ Фараону. Послѣдній спросилъ его: «Откуда получено столько денегъ?» Ему отвѣчали, что жители области провели для орошенія своихъ посѣвовъ воду отъ источника колодца и получили отъ этого большую пользу, и что вотъ откуда пріобрѣтено это богатство. Фараонъ сказалъ: «Ты поступилъ дурно, взявъ отъ нихъ деньги; возьми и отнеси назадъ; развѣ ты не знаешь, что владѣтель долженъ оказывать милосердіе и снисходительность къ управляемымъ имъ рабамъ и слугамъ, и что не нужно и неприлично брать съ нихъ плату за то, что они пріобрѣли. Не смотри съ корыстною жадностью на то, что находится въ рукахъ рабовъ. Ступай, возврати взятыя тобою деньги ихъ хозяевамъ и болѣе ко мнѣ съ подобными вещами не приходи».—Правитель Ахваза принесъ однажды Нушірвану огромную сумму денегъ; этотъ не принялъ и спросилъ, откуда онѣ. Правитель отвѣчалъ: «Я увидѣлъ въ рукахъ нѣкоторыхъ людей слишкомъ много богатства и взялъ у нихъ». — «Ступай», возразилъ Нушірванъ, «и отдай назадъ ихъ владѣтелямъ, потому что если мы возьмемъ это имущество, то уподобимся тому человѣку, который бы построилъ домъ съ фундаментомъ изъ праху и съ крышею изъ грязи: нѣтъ сомнѣнія, что фундаментъ будетъ слабъ, а крыша тяжела, и домъ скоро развалится».

Подобнымъ же образомъ Махмудъ Газневи, однажды отправившись на охоту, встрѣтилъ серну и погнался за ней на конѣ, но никакъ не могъ догнать и усталъ; свита его также осталась позади. Царь, чтобы остановиться и отдохнуть, заѣхалъ въ одинъ садъ и видитъ: луноподобная красавица-дѣвушка засучила ноги и, стоя въ текучей водѣ, поливаетъ садъ. Увидавъ ее, Газневидскій царь слѣзъ съ коня, отдалъ его дѣвушкѣ, а самъ расположился въ тѣни и спрашиваетъ у дѣвушки, чей это садъ. Она отвѣчаетъ: «Нашъ; отецъ мой уѣхалъ въ такую-то деревню и скоро пріѣдетъ». Въ то время, какъ она говорила, приходитъ старикъ и говоритъ: «Съ пріѣздомъ, князь!» — «Отецъ, это твой садъ?» спрашиваетъ тотъ.—«Да, мой»,— «А дѣвушка?»—«Это дочь моя».—Царь потомъ сказалъ: «Мнѣ ужасно жарко; ты возьми-ка одну изъ этихъ гранатъ и выдави изъ нея сокъ въ стаканъ—я испью».—Хозяинъ сада взялъ одну изъ гранатъ, выдавилъ изъ нея сокъ и наполнилъ стаканъ. Царь взялъ и выпилъ.— «Возьму-ка я и садъ у этого старика», пришло ему на мысль. Затѣмъ онъ обратился къ старику и сказалъ: «Выдави еще одну гранату». Тотъ выдавилъ еще; но такъ какъ вышло только полстакана, то царь сказалъ: «Отчего это, отецъ, тутъ полстакана? Вѣдь съ того же дерева, и столько же гранатъ!» — «Правда, князь», сказалъ тотъ; «но можетъ быть нашему падишаху пришло на мысль что-нибудь такое другое; можетъ быть, у него и не стало счастья». — Царь замолчалъ и раскаялся; потомъ опять обратился и сказалъ: «Выдави вонъ изъ той гранаты, я выпью». — Тотъ выдавилъ, и стаканъ наполнился. — «Отецъ, а вѣдь стаканъ-то полонъ!» — «Да». — «Что-за причина?» — «А можетъ быть падишахъ теперь раскаялся!» — Умный царь щедро наградилъ того почтеннаго человѣка, а луноподобную дѣвушку выдалъ замужъ и сыгралъ свадьбу.

А вотъ и еще одна занимательная исторія о томъ, какъ одинъ падишахъ изъ-за того только, что разсмѣшилъ свою жену, лишился своего владычества и государства. У одного изъ Хатайскихъ царей была красивая жена. Царь былъ страстно влюбленъ въ нее. Сколько ни старались, никакъ не могли разсмѣшить ее. Наконецъ царь велѣлъ зажечь на горахъ огни и бить въ барабаны. Въ то время такой былъ обычай, что если приходилъ непріятель, то такимъ путемъ давали знать во всѣ стороны, чтобы собиралось войско. И вотъ, по обыкновенію, войска и начальники, думая, что тревога, поспѣшно сбѣжались съ разныхъ сторонъ и собрались; а о непріятелѣ ни слуху, ни духу: это царь все затѣялъ для того, чтобы разсмѣшить свою жену, и причинилъ столькимъ людямъ и тварямъ безпокойства, а животнымъ безполезныхъ мученій. Всѣ, разумѣется, сочли его дуракомъ, обругались и разошлись. Поневолѣ и жена его посмѣялась надъ такимъ нелѣпымъ, вздорнымъ и

неприличнымъ дѣломъ; а сумасбродный шахъ и обрадовался. Войско разбрелось, ушло. Но вотъ два года спустя противъ него пришелъ большой непріятель. Опять по вершинамъ горъ зажгли огни и забили въ барабаны; но слышавшіе подумали, что это царь опять хочетъ разсмѣшить жену свою, и войско не собралось. Стражи начали что̀ есть духу колотить въ барабаны—ничто не помогло: непріятель пришелъ и довершилъ свое дѣло. Изъ этой исторіи много вытекаетъ нравоученій, и одно примѣнимо къ нашей кампаніи: какъ она велась, это всѣмъ извѣстно.

Слава Богу, я кончилъ!

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. ХАРИТОНОВА[1].

1853-й годъ.

Военная экзекуція въ имѣніи Калантарова „Масловъ Кутъ“.—Объясненія по установленному княземъ Воронцовымъ особому акцизу съ хлѣбнаго спирта, привозимаго въ Закавказскій край.—Первые припадки болѣзни, подорвавшей силы и здоровье князя Воронцова.—Алагирскій серебро-свинцовый заводъ и начальникъ его А. Б. Иваницкій.—Открытіе въ Тифлисѣ коммерческаго суда и его первый предсѣдатель Е. П. Старицкій.—Уличная демонстрація противъ монопольной продажи говядины въ Тифлисѣ.—Первыя извѣстія о готовящейся войнѣ съ Турціею и назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ главнаго штаба.—Отъѣздъ Н. И. Вольфа.—Появленіе въ Тифлисѣ В. Е. Вердеревскаго.—Возвращеніе Воронцовыхъ изъ Боржома черезъ Манглисъ.—Докладъ намѣстнику по шулаверскому дѣлу.—Прохожденіе войскъ на границу и угощеніе ихъ главнокомандующимъ и отъ города.—Перевозка 13 пѣхотной дивизіи изъ Крыма на судахъ Черноморскаго флота.—Даровой спектакль для драгунскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.—Манифестъ о войнѣ съ Турціею.—Освященіе постояннаго каменнаго моста черезъ Куру.—Празднованіе побѣдъ, одержанныхъ подъ Ахалцыхомъ и Башъ-Кадыкляромъ.—Производство мое въ дѣйствительные статскіе совѣтники.—Слухи объ оставленіи края княземъ Воронцовымъ и о возможныхъ его преемникахъ.

Въ началѣ 1853 года стояла чудная, необыкновенно теплая погода, такъ что можно было выходить на прогулку въ легкомъ пальто, и такъ продолжалось съ небольшими перерывами до марта мѣсяца, когда въ Тифлисѣ появляются обыкновенно сѣверные вѣтры, холодъ, слякоть и всѣ атмосферныя невзгоды запоздалой зимы, почему этотъ мѣсяцъ и называется у грузинъ сумасшедшимъ. Какъ разъ въ это хорошее время пріѣзжали къ намъ изъ Пятигорска и Владикавказа двѣ сестры жены: Анна Петровна Линевичъ и барышня Екатерина Петровна Принцъ, прогостивъ недѣль пять или шесть.

---

[1] См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., апрѣль.

Въ концѣ января молодой князь С. М. Воронцовъ съ женой, потерявъ надежду имѣть наслѣдника, отпустили нарочно выписанную на этотъ случай акушерку и вслѣдъ затѣмъ сами уѣхали за границу, послѣ чего онъ, уже въ чинѣ Свиты Его Величества генералъ-маіора, возвратился въ маѣ мѣсяцѣ одинъ, только для сдачи командуемаго имъ Куринскаго пѣхотнаго полка, котораго отецъ его князь Михаилъ Семеновичъ былъ тогда шефомъ.

Въ то же время, т. е. въ концѣ января, пріѣзжалъ въ Тифлисъ ставропольскій губернаторъ Волоцкой оправдываться въ каларгаровской исторіи, которая произвела удручающее впечатлѣніе не только у насъ на Кавказѣ, но и въ цѣлой Россіи. Большое село Масловъ-Кутъ Пятигорскаго уѣзда, пожалованное императрицею Екатериною II гр. Зубову, перешло по покупкѣ къ армянину Калантарову, котораго крестьяне не признавали своимъ помѣщикомъ и нѣсколько разъ обращались съ просьбами въ Сенатъ объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, но получали въ томъ отказъ. Надлежало вразумить ихъ и убѣдить въ неосновательности ихъ домогательства, но они упорно стояли на своемъ и тогда, чтобы привести ихъ въ повиновеніе помѣщику, прибѣгли къ военной силѣ. Приведены были въ село сотня или двѣ казаковъ и батарея пѣшей артиллеріи. Губернаторъ, пріѣхавъ въ село, вызвалъ въ занятый имъ домъ волостнаго старшину и нѣсколькихъ стариковъ, но за ними собрались передъ церковной оградой всѣ жители, кто только былъ здоровъ, мужчины и женщины съ дѣтьми, всего до 3 тыс. народу. На обращенныя къ нимъ увѣщанія покориться подтвердительному сенатскому указу, стоявшіе впереди отозвались, что они, по старинному указу матушки-царицы (Екатерины II), должны быть вольные и требованій незаконно поставленнаго надъ ними помѣщика исполнять не могутъ. Тогда Волоцкой, не долго думая, далъ батарейному командиру (Головину) условленный знакъ, по которому тотъ открылъ въ толпу огонь картечью. Народъ въ смущеніи сначала только крестился и стоялъ твердо, но когда послѣдовало, одинъ за другимъ, 14 выстрѣловъ отъ которыхъ падали направо и налѣво мертвые и тяжело раненые и на нихъ бросались женщины съ криками и воплями, всѣ разбѣжались. По повѣркѣ оказалось 75 убитыхъ на мѣстѣ и 160

раненыхъ. Такъ кончилась эта неслыханная экзекуція, не вызванная никакимъ сопротивленіемъ или возмутительнымъ дѣйствіемъ противъ войскъ и мѣстнаго начальства. На донесеніи объ этомъ ужасномъ происшествіи государь Николай Павловичъ положилъ строгую противъ губернатора резолюцію, но, вмѣсто немедленнаго ея исполненія, посланъ былъ изъ Тифлиса на слѣдствіе генералъ Реадъ, и затѣмъ дѣло это кончилось ничѣмъ. Волоцкой остался на своемъ губернаторскомъ мѣстѣ и черезъ два года, уже въ новое царствованіе и при новомъ намѣстникѣ, пожалованъ былъ даже сенаторомъ.

Великимъ постомъ 1853 года я, по-прежнему, приглашался въ домъ кн. Воронцова, какъ служебный дѣятель и какъ гость къ обѣду съ женой или одинъ. Словомъ, мы были въ фаворѣ. Скажу, однако, здѣсь, для характеристики незабвеннаго намѣстника, что я не былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ, а подходилъ подъ общее правило, котораго онъ держался въ отношеніяхъ съ своими подчиненными. Онъ любилъ непосредственно обращаться къ лицамъ, стоящимъ близко у дѣла, и дарилъ своимъ довѣріемъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ твердое знаніе своей части. Въ объясненіяхъ по службѣ онъ легко допускалъ возраженія, но, конечно, основательныя: иначе онъ умѣлъ настоять на неуклонномъ исполненіи своихъ приказаній. Приведу одинъ случай, которому я былъ свидѣтелемъ.

Князь Воронцовъ очень интересовался исправнымъ поступленіемъ особаго акциза, имъ установленнаго и названнаго краевымъ (въ отличіе отъ городскаго), съ русскаго хлѣбнаго спирта, привозившагося Каспійскимъ моремъ въ Закавказскій край (гдѣ не было виннаго откупа), главнымъ образомъ для довольствія войскъ винными порціями. Интересовался же онъ потому, что этотъ особый акцизъ, собиравшійся въ таможняхъ, не поступалъ въ общія средства государственнаго казначейства, а былъ предоставленъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ непосредственное распоряженіе намѣстника на разныя улучшенія въ краѣ по его личному усмотрѣнію. Замѣтивъ по вѣдомствамъ казенной палаты, что за цѣлый годъ (1852) очень мало поступило краеваго акциза, онъ спросилъ у меня, отчего это можетъ происходить. «По всей вѣроятности — отвѣ-

чалъ я — оттого, что поставщику порціоннаго вина для войскъ много пропущено спирта въ таможняхъ безпошлинно, впредь до разсчета, сколько съ него будетъ слѣдовать акциза за все то количество спирта, которое превышаетъ потребность для войскъ и могло быть выпущено имъ въ продажу частнымъ покупателямъ и продавцамъ. Разсчетъ же составляется въ интенданствѣ и въ казенную палату, несмотря на неоднократныя ея требованія, до сихъ поръ не доставленъ». «А вотъ мы сейчасъ узнаемъ, отчего разсчетъ не составляется» — отвѣчалъ князь Воронцовъ и, позвонивъ, сказалъ дежурному адъютанту: «пошлите за корпуснымъ интендантомъ», обращаясь же ко мнѣ, прибавилъ: «а вы подождите въ адъютантской и потомъ вмѣстѣ съ генераломъ Калустовымъ войдите въ кабинетъ». На обращенный къ послѣднему вопросъ, почему разсчетъ съ поставщикомъ порціоннаго вина для войскъ не доставляется въ казенную палату, тотъ имѣлъ неосторожность сказать, что это очень сложное дѣло, и бухгалтеру, при другихъ спѣшныхъ занятіяхъ, трудно составить требуемый разсчетъ въ скоромъ времени. Отвѣтъ намѣстника былъ таковъ: «Да, можетъ быть и трудно, но возможно, и потому я прошу ваше превосходительство объявить затрудняющемуся бухгалтеру, что если ожидаемый казенною палатою разсчетъ не будетъ доставленъ ей въ двухнедѣльный срокъ, то я прикажу пріостановить выдачу ему жалованья». Послѣ такого рѣшенія разсчетъ, конечно, былъ еще до назначеннаго срока готовъ, и казенная палата могла приступить ко взысканію акциза, слѣдующаго за безпошлинно пропущенный въ излишнемъ количествѣ спиртъ.

Въ апрѣлѣ я узналъ отъ директора канцеляріи Щербинина, что представленіе о моемъ производствѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники возобновлено и что при этомъ его свѣтлости угодно было подкрѣпить свое оффиціальное ходатайство частнымъ письмомъ къ управлявшему дѣлами Кавказскаго комитета, статсъ-секретарю Буткову.

Въ первый день Пасхи (19-го апрѣля) мы съ женой ѣздили въ 12 часовъ дня поздравить княгиню Е. К. Воронцову и были приглашены къ обѣду, противъ обыкновенія, въ 3 часа. Было до 100 лицъ приглашенныхъ, но самъ хозяинъ не присутствовалъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ. Въ ночь же открылась у него

сильная лихорадка, такъ что въ 4 часа утра посылали за докторомъ Андреевскимъ, а помощникъ его или ассистентъ Пилецкій продежурилъ у больнаго двѣ ночи сряду. Это было, по французскому выраженію, началомъ конца: съ тѣхъ поръ князь М. С. Воронцовъ не могъ возвратить себѣ полнаго здоровья, какимъ онъ до того времени вообще пользовался, и даже удивлялъ видѣвшихъ его въ первый разъ. Тѣмъ не менѣе, онъ въ началѣ мая отправился на 10 дней въ Закатальскій округъ, а по возвращеніи переѣхалъ черезъ горы во Владикавказъ и осматривалъ вновь устроенный Алагирскій серебро-свинцовый заводъ, на которомъ, въ его присутствіи, выплавлено было 25 пудовъ чистаго серебра. Намѣстникъ остался доволенъ устройствомъ завода и высказалъ это горному начальнику Иваницкому, который, воспользовавшись милостивымъ вниманіемъ князя, сталъ роптать на то, что онъ долго остается въ жалкомъ чинѣ подполковника. Тогда ему сдѣланъ былъ вопросъ: «А какой же, по-вашему, чинъ не жалкій?» «Да, по крайней мѣрѣ, чинъ генерала отъ-кавалеріи». Въ этомъ заключался намекъ на недавнее производство генералъ-лейтенанта Реада. Скажу при этомъ кстати, что почтенный Александръ Борисовичъ, отличаясь умомъ, образованіемъ и знаніемъ своего дѣла, какъ горный инженеръ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямодушный, истинно русскій человѣкъ, но увлекающійся, то, что́ называется фантазеръ и при этомъ большой шутникъ: ему многое съ рукъ сходило, что́ другому не прощалось.

Въ томъ же маѣ получено было увѣдомленіе о Высочайшемъ утвержденіи представленнаго намѣстникомъ проекта положенія о Тифлисскомъ коммерческомъ судѣ, въ составленіи котораго и я участвовалъ, какъ членъ особой коммиссіи, занимавшейся этимъ дѣломъ. Въ изданномъ Положеніи допущены нѣкоторыя противъ общихъ правилъ измѣненія какъ въ составѣ, такъ и въ предметахъ вѣдомства Тифлисскаго коммерческаго суда, по уваженію особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, сему суду предоставленъ былъ разборъ всѣхъ дѣлъ о торговой несостоятельности, къ какому бы званію ни принадлежали лица, въ оную впадшія, не исключая и дворянъ. Опредѣленіе же предсѣдателя и старшаго члена установлено непосредственно отъ правительства впредь до того времени, когда признано будетъ возможнымъ разрѣшить избра-

ніе сихъ лицъ торгующему въ Тифлисѣ сословію. Новое учрежденіе значительно упорядочило производство по торговымъ обязательствамъ, вексельнымъ и конкурснымъ дѣламъ и начало понемногу удерживать армянскихъ купцовъ отъ ростовщическихъ и обманныхъ продѣлокъ съ неопытными помѣщиками и довѣрчивыми простолюдинами. Успѣшный ходъ дѣлъ съ самаго начала дѣйствій Тифлисскаго коммерческаго суда слѣдуетъ по всей справедливости отнести къ заботливости перваго его предсѣдателя, Егора Павловича Старицкаго, молодаго правовѣда, вызваннаго на службу въ Закавказскій край для занятія этой должности по сношенію намѣстника съ министромъ юстиціи, графомъ Паниным ъ [1]).

30-го мая князь Воронцовъ уѣхалъ въ Боржомъ, и всѣ, кто могъ, спѣшили оставить Тифлисъ передъ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ. Жена также отправилась съ двумя дѣтьми въ Пятигорскъ, чтобы провести лѣто въ родительскомъ домѣ, сопровождаемая подполковникомъ Фрейгангомъ [2]), который ѣхалъ туда же на воды лѣчиться. Я же не могъ отлучиться изъ Тифлиса, будучи занятъ, кромѣ дѣлъ казенной палаты, по особой коммиссіи о пересмотрѣ штатовъ гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ и редакціей 2-й книжки записокъ Кавказскаго отдѣла русскаго географическаго общества. Но чтобы усладить сколько-нибудь свое одиночество и пребываніе въ душномъ Тифлисѣ, я нанялъ себѣ небольшую квартирку въ саду подъ горою, гдѣ и проводилъ всѣ дни въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти безвыходно въ занятіяхъ по службѣ и корректурой.

---

[1]) Е. П. Старицкій, 5-го выпуска 1845 года изъ училища Правовѣдѣнія, прослужившій на Кавказѣ болѣе 25 лѣтъ, былъ потомъ, за мое время, предсѣдателемъ Закавказской межевой палаты, а по введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій въ 1867 году, былъ назначенъ старшимъ предсѣдателемъ Тифлисской судебной палаты съ званіемъ сенатора. Въ послѣднее же время своей службы на Кавказѣ онъ не занималъ уже этой должности, а былъ членомъ совѣта намѣстника и состоялъ при особѣ великаго князя Михаила Николаевича для особыхъ занятій, т. е. занималъ то самое положеніе, въ какомъ я находился въ 1863 и 64 годахъ; но онъ, оставляя Кавказъ, назначенъ прямо членомъ Государственнаго Совѣта въ 1879 году.

[2]) Александръ Васильевичъ Фрейгангъ былъ тогда при корпусномъ штабѣ офицеромъ генеральнаго штаба, потомъ командовалъ Кавказскимъ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, а теперь давно занимаетъ должность петергофскаго коменданта, состоя въ чинѣ полнаго генерала.

Жена, выѣхавъ изъ Тифлиса 11-го іюня, встрѣтила на дорогѣ князя В. О. Бебутова, который былъ такъ любезенъ, что вышелъ изъ экипажа, разспрашивалъ ее обо мнѣ и послалъ поклонъ ея отцу, котораго онъ зналъ съ давнихъ лѣтъ. Онъ возвращался послѣ продолжительнаго отпуска изъ Петербурга и проѣхалъ прямо въ Боржомъ. Между тѣмъ въ его отсутствіе разыгралась въ Тифлисѣ изъ-за говядины большая исторія. Болѣе 3.000 человѣкъ собралось сначала къ Щербинину, а потомъ къ генералу Реуту, исправлявшему за Бебутова должность начальника гражданскаго управленія, и требовали уничтоженія откупа, жалуясь на дороговизну и недостатокъ говядины. Реутъ назначилъ 4 дня сроку для рѣшенія дѣла и послалъ чиновника канцеляріи къ намѣстнику курьеромъ. Между тѣмъ изъ пришедшей толпы отдѣлилось человѣкъ 800, которые направились къ дому одного изъ откупщиковъ Карамана Аргутинскаго и выбили въ немъ окна, самъ же хозяинъ за 5 минутъ спасся бѣгствомъ. Въ институтѣ, противъ котораго происходила эта сцена, воспитанницы и вся прислуга думали, что пришли турки. Тутъ отличился комендантъ генералъ Ротъ, успокоивъ толпу своимъ краснорѣчіемъ. 22-го числа пріѣхалъ изъ Боржома князь В. О. Бебутовъ съ разрѣшеніемъ, по которому откупъ на продажу въ Тифлисѣ говядины отмѣненъ, и самыя цѣны по таксѣ понижены. Одновременно съ нимъ возвратился изъ Боржома и полковникъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, отправленный къ намѣстнику изъ Одессы, курьеромъ отъ князя Меншикова съ извѣстіемъ о готовящейся войнѣ съ Турціей. Онъ въ первый разъ явился въ мундирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка, которымъ онъ потомъ командовалъ, и отличался съ нимъ во время войны противъ Турціи въ 1853—1856 годахъ [1]). Хотя еще не было поло-

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ былъ до того времени любимымъ адъютантомъ князя М. С. Воронцова и самымъ близкимъ къ нему лицомъ, такъ что его могущественнаго вліянія побаивался даже князь А. И. Барятинскій, который можетъ быть за это его и не жаловалъ. Изъ полковыхъ командировъ князь Дондуковъ былъ отчисленъ въ 1858 году въ запасныя войска, а въ 1860 году получилъ другое внѣ Кавказа назначеніе—начальника штаба войска Донскаго. Затѣмъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, онъ проходилъ разныя должности, изъ которыхъ важнѣйшими были: должность генералъ-губернатора, въ которой онъ больше 9 лѣтъ управ-

жительныхъ свѣдѣній о войнѣ, но въ концѣ іюня 1853 года она представлялась неизбѣжною, а потому начали понемногу стягивать войска къ турецкой границѣ, на которой обнаруживались уже такъ называемыя шалости ближайшихъ сосѣдей нашихъ противъ Ахалцыха, аджарцевъ; они угнали напримѣръ 15.000 барановъ и весь табунъ князя Андроникова (тифлисскаго губернатора). Въ послѣднихъ числахъ іюня опять отправились въ Боржомъ князь Бебутовъ и Щербининъ, а въ слѣдъ за ними проѣхалъ туда же изъ Грозной князь А. И. Барятинскій; черезъ нѣсколько же дней, именно 6-го іюля, пришло въ Тифлисъ извѣстіе о томъ, что онъ назначается начальникомъ главнаго штаба на мѣсто Коцебу, который переведенъ на такую же должность въ дѣйствующую армію подъ начальствомъ князя Горчакова. Извѣстіе это привезъ состоявшій при князѣ Барятинскомъ капитанъ Давыдовъ, назначенный потомъ къ нему адъютантомъ, и сталъ вывѣдывать въ клубѣ и въ знакомыхъ домахъ общественное мнѣніе. Оно было не въ пользу новаго назначенія, хотя нѣкоторые, напримѣръ князья Гагарины, одобряли выборъ князя Воронцова. Онъ же, Давыдовъ, объявилъ, что новый начальникъ главнаго штаба пріѣдетъ въ Тифлисъ для вступленія въ должность 10 іюля. Но Вольфъ, для котораго это извѣстіе было совершеннымъ сюрпризомъ, не дождался пріѣзда князя Барятинскаго и наканунѣ, 9 числа, поздно къ самой ночи, оставилъ Тифлисъ навсегда. Близкіе его знакомые и пріятели, въ томъ числѣ и я, собравшіеся къ нему въ послѣдній вечеръ, видѣли, какъ онъ былъ огорченъ тѣмъ, что его такъ безцеремонно отстранили отъ должности, которую онъ одинъ, безъ помощниковъ, исправлялъ около двухъ лѣтъ, и не замѣчалъ, чтобы главнокомандующій былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ въ его управленіи, а напротивъ слышалъ отъ него однѣ похвалы и получалъ высочайшія награды. При этомъ онъ во всемъ случившемся обвинялъ главнымъ

лялъ Юго-Западнымъ краемъ, и императорскаго коммиссара въ Болгаріи въ 1878 году. Послѣ этого онъ назначенъ былъ въ 1879 году членомъ Государственнаго Совѣта и наконецъ, послѣ упраздненія намѣстничества,—главнымъ начальникомъ края и войскъ на Кавказѣ въ 1882 году. Съ 1891 года прекратилась его дѣятельная служба, и онъ остался только членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ умеръ весьма недавно—въ апрѣлѣ 1893 года.

образомъ самого князя Барятинскаго и считалъ домогательство его занять мѣсто начальника главнаго штаба, при установившихся между ними отношеніяхъ [1]), прямо направленною противъ него интригой. Прощаясь съ нами, Вольфъ, видимо растроганный, сказалъ, что ѣдетъ въ Таганрогъ и тамъ будетъ ждать отставки. Между тѣмъ въ сентябрѣ онъ получилъ только годовой отпускъ.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля, когда я, по обыкновенію, сидѣлъ одинъ вечеромъ у себя въ саду на балконѣ при лампѣ и занимался корректурой географическихъ записокъ, пришелъ человѣкъ сказать мнѣ, что пріѣхалъ гость изъ Петербурга. Оказалось, что это былъ Василій Евграфовичъ Вердеревскій, отецъ знаменитой пѣвицы-любительницы, извѣстной болѣе, по фамиліи перваго ея мужа, подъ именемъ Шиловской, у которой въ альбомѣ были стихи Соллогуба, оканчивавшіеся такъ:

А какъ вы начнете пѣть,
Заглядѣвшись хочешь слушать,
И заслушавшись глядѣть.

Самъ же Вердеревскій сдѣлался потомъ знаменитостью по дѣлу о растратѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ громадныхъ количествъ соли и былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Но въ 1853 г. онъ былъ еще предсѣдателемъ казенной палаты въ Перми, назначенный туда въ одно время со мною, въ 1847 году. Онъ разсказывалъ мнѣ о неимовѣрныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ горахъ, потому что попалъ въ то самое время, когда страшный дождь размылъ Военно-Грузинскую дорогу, разрушивъ и новый въ Дарьяльскомъ ущельѣ Александровскій каменный мостъ, освященный и открытый для ѣзды только за годъ передъ тѣмъ. Пріѣхалъ же онъ въ Тифлисъ съ кавказскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ лѣчился, для того чтобы перевести на службу

[1]) Отношенія эти были настолько коротки, что Барятинскій постоянно останавливался у Вольфа, когда пріѣзжалъ съ линіи въ Тифлисъ. Вотъ почему послѣдній не могъ простить во всю жизнь нанесенной ему обиды изгнаніемъ съ Кавказа. Скажу болѣе, что когда князь Барятинскій явился въ первый разъ фельдмаршаломъ въ Петербургѣ въ началѣ 1860 года, то онъ вызывалъ, черезъ меня, на примиреніе Н. И. Вольфа, находившагося тогда вновь на службѣ въ должности члена военнаго совѣта, но тотъ на предложенное ему примиреніе не пошелъ.

племянника своего, по фамиліи Вердеревскаго же, въ канцелярію намѣстника, и явился ко мнѣ, по старому знакомству, за совѣтомъ, какъ ему въ этомъ случаѣ лучше поступить и къ кому обратиться. Я направилъ его въ Боржомъ къ самому намѣстнику, тѣмъ болѣе, что тамъ же былъ и директоръ канцеляріи Щербининъ. По возвращеніи изъ Боржома, онъ заѣзжалъ ко мнѣ вторично, довольный вообще своей поѣздкой на Кавказъ, потому что и самъ вылѣчился на водахъ отъ заваловъ въ печени, и успѣлъ пристроить племянника своего, какъ хотѣлъ. Молодой Вердеревскій остался въ Тифлисѣ и вскорѣ заявилъ себя поэтомъ или, правильнѣе, поставщикомъ стиховъ на разные случаи, раздѣляя лавры съ извѣстнымъ мастеромъ въ подобныхъ писаніяхъ гр. Соллогубомъ. Къ нему же перешла въ слѣдующемъ году и редакція газеты «Кавказъ» отъ Сливицкаго.

1-го августа возвратились въ Коджоры князь и княгиня Воронцовы, заѣхавъ на пути слѣдованія изъ Боржома въ Манглисъ, штабъ-квартиру Эриванскаго карабинернаго полка, гдѣ командиръ его, князь Иванъ Багратіонъ-Мухранскій (нынѣшній тифлисскій губернскій предводитель дворянства) давалъ 30-го іюля балъ въ честь августѣйшаго шефа полка наслѣдника цесаревича, по случаю присланнаго его высочествомъ въ полкъ своего портрета во весь ростъ, замѣчательнаго по сходству и по художественной отдѣлкѣ.

На другой день послѣ пріѣзда намѣстника я былъ въ Коджорахъ съ докладомъ о результатѣ произведенныхъ въ казенной палатѣ торговъ на отдачу въ откупное содержаніе акцизнаго сбора съ привозимыхъ въ города Закавказскаго края виноградныхъ винъ и водокъ, надѣясь получить, за оказанное мною содѣйствіе къ возвышенію арендной суммы слишкомъ на 20.000 рублей въ годъ, денежную награду подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получилъ за откупъ Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ управлявшій Шемахинскою палатою государственныхъ имуществъ Коцебу. Я и былъ представленъ, по заключеніи новыхъ контрактовъ, къ выдачѣ мнѣ годоваго оклада содержанія, но по военному времени, я, вмѣсто денежной награды, получилъ именное монаршее благоволеніе. Вскорѣ потомъ, въ августѣ же, я былъ вытребованъ намѣстникомъ по шулаверскому дѣлу, которое я

*

долженъ былъ читать всю ночь до 4 часовъ и встать въ половинѣ седьмаго, чтобы пріѣхать въ Коджоры къ 9 часамъ утра для доклада. Сущность этого дѣла заключалась въ томъ, что жители большаго селенія Шулаверы, подвластные своимъ меликамъ, т. е. землевладѣльцамъ изъ армянъ, не могли переносить ихъ господства и въ своемъ неудовольствіи доходили чуть ли не до открытаго возмущенія. Лучшимъ исходомъ представлялось пріобрѣтеніе богатаго селенія въ казну путемъ выкупа поземельныхъ правъ меликовъ Калантарова и Саркисова. Мнѣ удалось склонить ихъ на полученіе за уступаемую землю 54.400 руб.; для покрытія же этого расхода я предложилъ занять изъ государственнаго заемнаго банка на 37-лѣтнихъ правилахъ 42.000 руб. и только остальные 12.400 р. доплатить изъ казны, которая за то послѣ 37 лѣтъ будетъ получать навсегда по 7 руб. съ дыма или семейства лишнихъ противъ того, что она получала, а это должно составить, по числу 321 дыма, 2.247 руб. въ годъ. Такимъ образомъ казна не понесетъ убытка, мелики, которымъ не хотятъ повиноваться крестьяне, будутъ удовлетворены, а шулаверскіе жители за прибавляемый на нихъ оброкъ по 3 руб. съ дыма будутъ успокоены и навсегда освобождены отъ всякихъ частныхъ повинностей. Этотъ въ сущности не хитрый финансовый оборотъ никому не приходилъ въ голову и очень понравился намѣстнику. Князь Барятинскій, присутствовавшій при моемъ докладѣ, слушалъ его съ интересомъ и съ видимымъ удовольствіемъ: такъ, по его словамъ, умѣлъ я объяснить дѣло коротко и съ осязательною ясностью. Я былъ въ тотъ же день приглашенъ къ обѣду у Воронцовыхъ и велъ къ столу жену губернскаго предводителя, княгиню Варвару Орбельянъ, которая мнѣ сказала, между прочимъ, что по удостовѣренію Десимона, только-что возвратившагося изъ Петербурга, Лаблашъ хуже нашего Виллы въ роли донъ-Бартоло въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Я осмѣлился высказать ей свое сомнѣніе, но она отдала преимущество мнѣнію Десимона, какъ очевидца.

Послѣ доклада по шулаверскому дѣлу, когда мы вышли отъ князя Воронцова съ Щербининымъ, я просилъ его исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе отправиться въ Пятигорскъ за семействомъ въ видѣ командировки, напримѣръ, для обревизованія книгъ и сче-

товъ по Алагирскому заводу. Онъ обѣщалъ мнѣ это устроить, и я дѣйствительно получилъ въ такомъ смыслѣ предписаніе, пользуясь которымъ выѣхалъ въ Пятигорскъ 19-го августа и возвратился съ женой и дѣтьми 10-го сентября на новую квартиру въ домѣ Шадинова по Институтской улицѣ.

Въ сентябрѣ 1853 года Тифлисъ оживился военнымъ движеніемъ, слухами и толками о восточныхъ дѣлахъ. Зазвенѣли колокольчики курьерскихъ троекъ, и что день, то стоустая молва разносила по городу какое-нибудь новое извѣстіе. По улицамъ загремѣли барабаны и раздавалась военная музыка: то вступалъ въ Тифлисъ, то выступалъ одинъ изъ боевыхъ кавказскихъ баталіоновъ, назначенныхъ на турецкую границу. Такъ, 18-го числа вступилъ 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка и 19-го нарочно прибылъ самъ шефъ, князь М. С. Воронцовъ, чтобы привѣтствовать своихъ соратниковъ, угостить ихъ хлѣбомъ-солью и съ миромъ отпустить въ походъ. Ушелъ 1-й баталіонъ, а за нимъ черезъ нѣсколько дней вступилъ 3-й баталіонъ того же полка, и ему устроили угощеніе всѣ тифлисскіе граждане, купцы, макалаки, амкары (цеховые), одушевленные чувствомъ благодарности къ воинамъ, идущимъ на брань для защиты ихъ роднаго края. Угощеніе происходило на Александровской площади. Часовъ въ 11 встрѣтилъ жданныхъ гостей хозяинъ пира, тифлисскій городской голова Аветикъ Свѣчниковъ, который, по окончаніи пира на площади, пригласилъ всѣхъ офицеровъ баталіона, а также нѣкоторыхъ тифлисскихъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ въ лучшую гостиницу Карла Мориджи, гдѣ ихъ ожидалъ обильный и роскошный обѣдъ.

1-го октября намѣстникъ вновь спустился въ Тифлисъ, чтобы пригласить офицеровъ имени его полка къ обѣденному столу, и на другой день, послѣ смотра отправлявшейся въ Александраполь Кавказской батарейной № 1-й батареи, возвратился въ Коджоры.

Въ концѣ сентября сформированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, дѣйствующій корпусъ на турецкой границѣ и командующимъ его назначенъ, подъ высшимъ руководствомъ главнокомандующаго, начальникъ гражданскаго управленія, генералъ-лейтенантъ князь В. О. Бебутовъ. Между тѣмъ въ то же время, т. е. въ сентябрѣ, Черноморскій флотъ оказалъ Кавказскому краю и Россіи

важную услугу, совершивъ съ тѣмъ вмѣстѣ по-истинѣ славный подвигъ. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія о подкрѣпленіи Кавказскаго корпуса 13-ю пѣхотною дивизіею, расположенною въ Крыму, 16.000 войска, съ двумя при нихъ батареями и всѣми принадлежащими имъ снарядами, съ 862 лошадьми, въ полной походной аммуниціи, съ 10-ти-дневнымъ при себѣ продовольствіемъ и съ запасами провіанта еще на 20 дней, въ теченіе одной недѣли (17—24 сентября) перевезены изъ Севастополя и высажены на восточный берегъ Чернаго моря, съ полнымъ успѣхомъ, безъ всякихъ потерь и безъ малѣйшихъ замѣшательствъ. Нѣкто Ал. Соколовъ, въ корреспонденціи изъ Николаева отъ 3-го октября 1853 г., адресованной въ «Морской Сборникъ», подробно описывая, какъ совершена эта знаменитая высадка, порученная генералъ-адъютанту В. И. Корнилову, называетъ ее безпримѣрною и прибавляетъ, что настоящій подвигъ, по совѣсти говоря, стоитъ доброй побѣды.

11-го октября князь Воронцовъ окончательно изъ Коджоръ переѣхалъ въ Тифлисъ, но здоровье его не поправлялось. Между тѣмъ военное движеніе въ городѣ продолжалось: вступали и выступали войска, приходили партіи рекрутъ, раздавались пѣсни милиціонеровъ, отправлялись транспорты съ порохомъ, боевыми припасами и хлѣбомъ. Но когда 20-го числа вступали въ Тифлисъ 8 эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго полка и Донская № 7 батарея, то главнокомандующій, пересиливъ болѣзнь, выѣхалъ на конѣ встрѣтить у Московской заставы знакомыхъ ему героевъ и полюбоваться ими. Между тѣмъ на другой день, 21-го октября, полученное извѣстіе о взятіи турками, до объявленія войны, таможеннаго поста Св. Николая на черноморскомъ берегу, который былъ защищаемъ до послѣдней крайности только двумя ротами Черноморскаго баталіона № 12, сильно огорчило и потрясло слабые нервы больнаго: онъ слегъ въ постель и не могъ принять участія въ обѣдѣ, который давали драгунскимъ и артиллерійскимъ офицерамъ тифлисскіе граждане Миримановъ и Аршакуни въ залѣ Дворянскаго собранія. Вышелъ отъ имени намѣстника привѣтствовать офицеровъ и пожелать имъ успѣха генералъ-отъ-кавалеріи Реадъ. Вечеромъ же князь М. С. Воронцовъ предоставилъ въ театрѣ воен-

нымъ гостямъ даровой спектакль, въ которомъ давались: одно дѣйствіе оперы «Лючія», водевиль «Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчета» и различные танцы. Въ $7^1|_2$ часовъ театръ представлялъ оригинальное, рѣдкое зрѣлище. Отъ верху до низу онъ былъ наполненъ военными, за исключеніемъ только нѣсколькихъ ложъ, гдѣ помѣстились родственницы драгунъ, которымъ они доставили возможность видѣть спектакль, даваемый въ ихъ честь. Всего больше понравилась солдатамъ игра актера Мухина, который, въ качествѣ мужа девяти женъ, былъ въ большихъ хлопотахъ. «Вишь угораздило его на девяти жениться! видно, что штатскій, нашему брату-солдату и съ одной бабой возиться некогда». Но одинъ неожиданный сюрпризъ пріятно изумилъ не только солдатъ, но и всѣхъ присутствовавшихъ въ театрѣ, когда Яблочкина, игравшая роль русской жены многоженца, послѣ просьбы публики повторить куплеты про матушку Москву, пропѣла слѣдующіе, случая ради написанные, куплеты:

А другой-то край у насъ
Нашъ воинственный Кавказъ
Грозный старецъ боевой
Онъ Россіи часовой.
Онъ не дремлетъ на часахъ,
Горцамъ онъ внушаетъ страхъ,
И на турковъ онъ готовъ,
Только кликнетъ казаковъ,
Да драгуновъ молодцовъ,
Грянетъ молніей штыковъ,
Да и съ Богомъ на враговъ.
Да, прекрасенъ край у насъ
Охраняющій Кавказъ
Русь прославленную.

Эффектъ былъ поразительный, вызовамъ не было конца, бросали букеты Яблочкиной, которая должна была повторять куплеты. Такъ прошелъ этотъ день, который послѣ называли днемъ драгуновъ. 30-го октября выѣхалъ въ Александраполь, задержанный было болѣзнію, князь В. О. Бебутовъ для вступленія въ дѣйствительное командованіе дѣйствующимъ противъ Турціи корпусомъ, а 1-го ноября посланъ былъ тифлисскій военный губернаторъ князь Андрониковъ въ Имеретію для принятія начальства надъ собран-

ными тамъ войсками, вмѣсто заболѣвшаго кутаисскаго военнаго губернатора князя Гагарина.

У намѣстника, по слабости здоровья, не было ни пріемовъ, ни обѣдовъ и вечеровъ. Я былъ съ докладомъ по какому-то дѣлу въ кабинетѣ и видѣлъ, какъ онъ лежалъ въ сюртукѣ на кушеткѣ, прикрытый шинелью, а княгиня Е. К. Воронцова сидѣла подлѣ его письменнаго стола, какъ garde-malade.

5-го ноября пришло извѣстіе о первомъ дѣлѣ съ турками на самой границѣ по р. Арпачаю подъ Баяндуромъ, но оно мало утѣшило больнаго главнокомандующаго, потому что никакой пользы не принесло, а между тѣмъ у насъ до 500 чел. выбыло изъ строя. Время было тревожное, Ахалцыхъ находился въ блокадѣ и, какъ говорилъ мнѣ корпусный интендантъ Калустовъ, всѣ главныя сообщенія были прерваны, такъ что онъ не зналъ, какъ доставлять провіантъ войскамъ.

8-го ноября, день именинъ намѣстника, прошелъ на этотъ разъ тихо и безъ всякихъ удовольствій въ его домѣ, но шумно и торжественно въ городѣ. Въ Сіонскомъ соборѣ былъ читанъ манифестъ о войнѣ съ Турціею, а, по окончаніи службы въ церквахъ, народъ сошелся на мирный праздникъ освященія и открытія постояннаго каменнаго моста черезъ р. Куру, который былъ начатъ постройкой еще въ 1847 году. Всѣ желали, чтобъ князь-намѣстникъ первый проѣхалъ по мосту, созданному по его мысли, но болѣзнь помѣшала ему исполнить общее желаніе. Присутствовала на праздникѣ, вмѣсто него, супруга его, княгиня Елизавета Ксаверіевна, которой армянскій патріархъ Нерсесъ сказалъ, между прочимъ: «Ну, теперь мы можемъ провозгласить вѣчную память князю Михаилу Семеновичу». Онъ хотѣлъ, конечно, сказать, что князь Воронцовъ устройствомъ моста оставляетъ по себѣ память въ Тифлисѣ на вѣчныя времена.

На другой день, 9-го ноября, пришло первое утѣшительное извѣстіе о небольшомъ дѣлѣ подъ Ацхуромъ, гдѣ генералъ-маіоръ Бруннеръ [1]), командиръ Брестскаго пѣхотнаго полка, съ 7-ю ротами

---

[1]) Андрей Осиповичъ Бруннеръ, числящійся нынѣ въ запасныхъ войскахъ, въ послѣднее время своей дѣйствительной службы занималъ должность командующаго войсками Казанскаго военнаго округа въ чинѣ полнаго генерала. Скончался въ 1893 году.

и грузинскою милиціею, безъ конницы и пушекъ, встрѣтилъ штыками непріятеля, гналъ его 7 верстъ и отнялъ одно орудіе. Но вскорѣ затѣмъ, именно 17-го числа, часовъ въ 12 дня, разнеслась по всему Тифлису радостная вѣсть о славной, громкой побѣдѣ надъ турками нашихъ храбрыхъ войскъ, изъ вновь прибывшей на Кавказъ 13-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Андроникова, близъ Ахалцыха. Граждане, ремесленники и всѣ, бросая занятія, толпами спѣшили на Головинскій проспектъ къ дому главнокомандующаго, чтобы видѣть привезенные трофеи: знамена и значки, выставленные на платформѣ главной гауптвахты. Послѣ благодарственнаго молебствія въ Сіонскомъ соборѣ, загремѣли выстрѣлы съ Метехской крѣпости и раздался звонъ колоколовъ, а прибывшій отъ князя Андроникова адъютантъ его, Гринченко, отправленъ былъ въ тотъ же день съ донесеніемъ къ государю. Вечеромъ же въ театрѣ, во время представленія оперы «Риголетто», исполненъ былъ въ антрактѣ народный гимнъ, стройное пѣніе котораго заглушалось громкимъ единодушнымъ «ура!» всѣхъ зрителей.

Вотъ нѣкоторыя подробности этой первой побѣды надъ турками, порадовавшей не только насъ, кавказскихъ жителей, но и всю Россію. Положеніе г. Ахалцыха, находившагося въ 16-ти-дневной блокадѣ, требовало рѣшительныхъ дѣйствій, для которыхъ посланъ былъ главнокомандующимъ тифлисскій губернаторъ, князь Андрониковъ, и онъ исполнилъ данное ему порученіе блистательнымъ образомъ. Собравъ $7\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 17 орудій, 9 сотенъ казаковъ и 1.500 чел. милиціи, онъ устремился на сильный турецкій отрядъ численностью въ 18.000 чел., разбилъ его и разсѣялъ, такъ что непріятеля не осталось въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ ни одного человѣка. Бой начался съ разсвѣтомъ 14-го ноября и окончился въ 4 часа дня. Отбито 11 орудій и, кромѣ того, остался въ нашихъ рукахъ весь непріятельскій лагерь съ большими запасами провіанта, фуража и боевыхъ снарядовъ, въ томъ числѣ 42 боченка пороху и 160.000 патроновъ. Такимъ образомъ,—говоритъ князь Андрониковъ въ своей реляціи,—войска отряда добыли сами для себя продовольствіе и боевые снаряды. Потеря же наша была не такъ значительна, какъ можно было ожидать по сильной и продолжитель-

ной канонадѣ, а также по упорному бою во время штурма. Всего убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ съ нашей стороны оказалось 362, въ томъ числѣ убитъ одинъ оберъ-офицеръ, ранены и контужены: одинъ генералъ (Фрейтагъ), три штабъ офицера (между ними подполковникъ Фрейгангъ, о которомъ я упоминалъ выше) и десять оберъ-офицеровъ.

Не прошло затѣмъ и недѣли, какъ флигель-адъютантъ ротмистръ Скобелевъ привезъ главнокомандующему извѣстіе о новой блистательной побѣдѣ, одержанной 19-го ноября главнымъ отрядомъ постоянныхъ кавказскихъ войскъ, собранныхъ около Александраполя подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова.

Всѣхъ войскъ нашихъ было: 7.000 пѣхоты и 2.800 кавалеріи при 32 орудіяхъ. Непріятельскія силы заключались въ 20.000 регулярной пѣхоты, 4.000 регулярной кавалеріи и болѣе 12.000 курдовъ и другой милиціи, имѣя съ собой отъ 42 до 46 орудій. Дѣло происходило при сел. Башъ-Кадыкляръ и кончилось рѣшительною побѣдою надъ непріятелемъ, который послѣ упорнаго боя былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ и обращенъ въ бѣгство. Отбито у него 24 пушки, одно полковое знамя, 10 значковъ и весь лагерь со множествомъ оружія остался въ нашихъ рукахъ. Въ плѣнъ взяты одинъ штабъ- и одинъ оберъ-офицеры – оба раненые, и десять нижнихъ чиновъ.

На полѣ сраженія осталось болѣе 1.500 непріятельскихъ тѣлъ; съ нашей же стороны убито: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ восемь, нижнихъ чиновъ 308; ранено и контужено: генералъ одинъ (смертельно князь И. Орбельянъ), штабъ-офицеровъ 12, оберъ-офицеровъ 36, нижнихъ чиновъ 828.

Извѣстіе объ этой славной побѣдѣ произвело всеобщую радость въ Тифлисѣ, народъ толпился у дома намѣстника, а вечеромъ въ театрѣ снова раздавался народный гимнъ, сопровождаемый восторженными криками «ура!».

Въ томъ же № газеты «Кавказъ», въ которомъ были помѣщены первое донесеніе о башъ-кадыклярскомъ дѣлѣ и подробная реляція князя Андроникова объ изгнаніи турокъ изъ Ахалцыхскаго уѣзда, былъ опубликованъ Высочайшій приказъ по гражданскому вѣдомству отъ 27-го октября, которымъ я былъ произведенъ въ дѣйстви-

тельные статскіе совѣтники. Это подало поводъ моимъ короткимъ знакомымъ, поздравляя меня, спрашивать въ шутку, не получилъ ли я чинъ за военное отличіе. Дѣйствительно, это была запоздавшая награда, вышедшая, по особому настоятельному представленію намѣстника, мнѣ одному, не въ урочное время, потому что всѣмъ гражданскимъ чинамъ, по общему представленію, объявлялись награды обыкновенно разъ въ годъ, въ январѣ.

Несмотря, однако, на радостныя извѣстія объ одержанныхъ кавказскими войсками побѣдахъ, намѣстникъ нашъ не поправлялся здоровьемъ, не выходилъ самъ никуда и у себя не принималъ. 6-го декабря въ высокоторжественный день тезоименитства государя Николая Павловича не было никакихъ празднествъ въ домѣ князя М. С. Воронцова, который, вмѣсто того, разослалъ оффиціальныя приглашенія на даровой спектакль въ театрѣ, гдѣ давали народныя пьесы: «Дѣдушка русскаго флота» и «Ямщики». Было очень парадно и чинно, но не такъ весело и оживленно, какъ на бывавшихъ прежде въ этотъ день большихъ балахъ.

10-го декабря князь Андрониковъ, возвращаясь изъ Ахалцыхскаго отряда, торжественно въѣзжалъ въ Тифлисъ; тогда намѣстникъ, несмотря на болѣзнь, вышелъ на балконъ своего дома и, высоко поднявъ надъ головою форменную папаху, привѣтствовалъ тѣмъ вступавшаго послѣ побѣды въ Тифлисъ генерала. Въ тотъ же день въ театрѣ князь Андрониковъ былъ приглашенъ въ ложу княгини Е. К. Воронцовой и слышалъ пропѣтый въ честь его куплетъ:

Грузинскій князь и князь старинный,
Какъ истый русскій генералъ,
Онъ весь турецкій станъ безчинный
Изъ-подъ Ахалцыха прогналъ.
Горя къ отечеству любовью
И грудью отразивъ набѣгъ,
Вписался онъ турецкой кровью
Въ народной памяти на вѣкъ.

Въ Ахалцыхскомъ же отрядѣ сложена была въ честь Андроникова солдатская пѣсня, оканчивавшаяся такъ:

Турки дрогнули, бѣжали.
Пушки, ружья побросали,
Еле уплелись.

Всѣ пожитки растеряли
И, бѣжавши, повторяли:
Вотъ-те и Тифлисъ [1]).

26-го декабря были торжественные похороны генералъ-маіора князя Елико Орбельяна, умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ Башъ-кадыклярскомъ сраженіи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ князю Воронцову, который любилъ его, какъ собственнаго сына, и приказалъ графу Соллогубу написать его біографію.

Вскорѣ появились слухи, что князь М. С. Воронцовъ покидаетъ край, и въ тифлисскомъ обществѣ стали придумывать, кто бы могъ быть его преемникомъ. Называли: князя Меншикова, Остенъ-Сакена, Муравьева, великаго князя Константина Николаевича, но ни на комъ не могли остановиться; о князѣ же Барятинскомъ, который съ этою цѣлію, повидимому, пошелъ въ начальники главнаго штаба, никто и не упоминалъ.

1854-й годъ.

Передача главнаго командованія войсками и управленія краемъ, на время увольненія въ отпускъ князя Воронцова, генералу Н. А. Реаду.—Отъѣздъ князей Воронцовыхъ и гр. Шуазель изъ Тифлиса навсегда.—Грустное настроеніе и временное затишье въ тифлисской общественной жизни.—Прибытіе изъ Россіи драгунской бригады и 18 пѣхотной дивизіи.—Постепенное оживленіе тифлисскаго общества.—Набѣгъ горцевъ на Кахетію и разореніе селенія Цинондалы.—Славная побѣда подъ Кюрюкъ-Дара и щедрыя царскія награды.—Самоубійство флигель-адъютанта Александровскаго.—Окончательное увольненіе князя Воронцова и назначеніе главнокомандующимъ и намѣстникомъ Н. Н. Муравьева.—Нѣсколько указаній, характеризующихъ князя М. С. Воронцова, какъ человѣка.

Въ этихъ ожиданіяхъ кончился 1853-й годъ, послѣдній въ управленіи князя Воронцова, который, получивъ благодарственный Высочайшій рескриптъ, данный 6-го декабря, началъ собираться въ дорогу. Того же 6-го декабря пожалованы были государемъ за оказанныя отличія въ дѣлахъ противъ турокъ разныя награды, въ

[1]) Извѣстно, что Ферикъ-Али-паша, командовавшій турецкимъ корпусомъ, обложившимъ Ахалцыхъ, разсчитывалъ, разбивъ нашъ малочисленный отрядъ, проникнуть къ самому Тифлису.

томъ числѣ орденъ св. Георгія 2-й степени генералъ-лейтенанту князю Бебутову и 3-й степени: генералъ-лейтенантамъ князю Андроникову, Багговуту и генералъ-маіорамъ: князю Ивану Багратіонъ-Мухранскому и князю Ясону Чавчавадзе.

Между тѣмъ общественная жизнь въ Тифлисѣ шла своимъ чередомъ съ тою разницею, что ни баловъ, ни вечеровъ въ домѣ князя Воронцова не было, хотя приглашенія къ обѣду не прекращались. Зимнія развлеченія заключались, главнымъ образомъ, въ посѣщеніи театра, гдѣ, кромѣ итальянской оперы и русскихъ драматическихъ представленій, давались и цѣлые балеты, какъ напримѣръ, «Гитана» и «Сильфида». Когда же сдѣлалось достаточно извѣстнымъ, что князю Воронцову разрѣшенъ продолжительный отпускъ и временнымъ замѣстителемъ его какъ по военной, такъ и по гражданской части, предназначается генералъ Реадъ, то всѣ, даже противники установившейся при немъ системы управленія, призадумались и стали сомнѣваться, будетъ ли лучше при его преемникѣ. Грузинская же аристократія, постоянно находившая въ князѣ Воронцовѣ своего защитника, покровителя и сильнаго ходатая предъ государемъ о ея нуждахъ, совершенно упала духомъ. Въ качествѣ ея представителя явился къ намѣстнику старѣйшій изъ князей, Георгій Евсеевичъ Эристовъ, полный генералъ и сенаторъ, извѣстный, между прочимъ, тѣмъ, что онъ въ Персидскую кампанію 1827 года, командуя авангардомъ, занялъ г. Тавризъ, не выждавъ главнаго отряда и не имѣя на то разрѣшенія главнокомандовавшаго Паскевича, который остался этимъ очень недоволенъ. Эристовъ убѣждалъ князя Михаила Семеновича не покидать край, съ которымъ онъ сроднился, говоря ему съ жаромъ: «Вы не должны оставлять насъ среди опасностей войны, вашъ долгъ умереть вмѣстѣ съ нами». Но ничто не могло поколебать разъ принятаго намѣренія. Князь Андрониковъ передъ отъѣздомъ на границу ко ввѣренному ему отряду трогательно прощался съ любимымъ начальникомъ, который при этомъ прослезился. Князь Бебутовъ также откланивался отъѣзжающему главнокомандующему, послѣ чего тотъ и другой выѣхали изъ Тифлиса 14-го февраля. Фельетонистъ «Кавказа», желая изобразить грустное настроеніе въ то время тифлисскаго общества, писалъ: «Наблюдая, слушая и видя все, что̀ дѣлается посреди насъ, мы

угадываемъ истинную причину общаго нерасположенія къ веселію. Тифлисъ ожидаетъ скорой и продолжительной разлуки съ тѣмъ, кто такъ долго, такъ много и неусыпно заботился о всеобщемъ спокойствіи и довольствѣ»...

1-го марта 1854 года князь Воронцовъ объявилъ въ приказѣ по корпусу, что, отъѣзжая въ Высочайше разрѣшенный ему отпускъ по совершенно разслабленному здоровью отъ усиленныхъ служебныхъ занятій въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ и особенно въ прошедшемъ 1853 году, онъ сдалъ того же числа, съ Высочайшаго разрѣшенія, командованіе войсками съ правами главнокомандующаго генералу-отъ-кавалеріи Реаду. Въ изданной же прокламаціи къ обитателямъ Закавказскаго края на четырехъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ, намѣстникъ, объявляя объ отъѣздѣ въ шестимѣсячный отпускъ, высказалъ, между прочимъ, надежду, что, укрѣпивъ свои силы лѣченіемъ и хотя временнымъ отдыхомъ, онъ къ осени будетъ въ состояніи вновь явиться между ними, чтобы раздѣлять труды и заботы, какъ было въ прошедшія 9-ть лѣтъ его управленія. Но такому обѣщанію никто не довѣрялъ, и всѣ были озабочены одною мыслію, когда и кто будетъ назначенъ настоящимъ главнымъ начальникомъ войскъ и правителемъ края въ такое тревожное военное время.

3-го марта состоялся прощальный вечеръ княгинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ въ учебномъ заведеніи св. Нины, ею созданномъ, съ живыми картинами и пѣніемъ, въ которомъ участвовали всѣ 110 воспитанницъ и хоромъ повторяли послѣднее слово каждаго куплета: благодаримъ. На другой же день, 4-го марта, князь М. С. Воронцовъ съ супругою и графинею Шуазель выѣхали изъ Тифлиса навсегда.

За ними потянулся и столь извѣстный на Кавказѣ докторъ Э. С. Андреевскій, имѣвшій, какъ я упоминалъ уже, во многихъ случаяхъ вредное вліяніе на князя М. С. Воронцова и тѣмъ умалявшій популярность его среди населенія, которое вообще высоко цѣнило государственную дѣятельность перваго намѣстника и выражало ему при всякомъ удобномъ случаѣ свою непритворную благодарность за его постоянныя попеченія и заботы на пользу края.

Андреевскій, преслѣдуемый за послѣднее время пасквилями, не могъ, конечно, возвратиться одинъ и въ слѣдъ за увольненіемъ князя Воронцова, отчисленный отъ должности управляющаго медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ, былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта.

Реадъ, проводивъ князя Воронцова до перевала черезъ горы, возвратился въ Тифлисъ 6-го марта и на другой день дебютировалъ приказомъ объ исключеніи изъ состава дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ Ахалцыхскаго отряда и о подчиненіи его, вмѣстѣ съ Гурійскимъ отрядомъ и резервомъ, находившимся въ Сухумѣ, тифлисскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту князю Андроникову, съ подчиненіемъ ему же какъ прежде, такъ и вновь объявленныхъ на военномъ положеніи частей Кутаисской губерніи, а также Мингреліи и Сванетіи.

Съ отъѣздомъ Воронцовыхъ, наступило въ тифлисской общественной жизни затишье, которое прерывалось кратковременнымъ оживленіемъ при вступленіи приходившихъ изъ Россіи новыхъ войскъ для подкрѣпленія дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ. Эти войска составляли пришедшая изъ Воронежской губерніи драгунская бригада подъ командой графа Нирода и четыре полка 18-ой пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бѣлявскаго, который не задолго, года четыре передъ тѣмъ, оставилъ службу на Кавказѣ, занимая должность кутаисскаго военнаго губернатора. Въ одномъ изъ этихъ полковъ, именно въ Рязанскомъ, была прекрасная духовая музыка, и въ обществѣ спѣшили воспользоваться ею для устройства танцовальныхъ вечеровъ на открытомъ воздухѣ, чему способствовала дивная погода, простоявшая весь апрѣль мѣсяцъ. Первый примѣръ въ этомъ случаѣ подали моя жена и М. В. Колюбакина, устроившія въ Ботаническомъ саду un thé dansant, затѣмъ былъ вечеръ у Александровскихъ, и наконецъ молодежь, въ отвѣтъ на любезность дамъ, пригласила все общество съ пріѣзжими гостями на bal champêtre въ Инженерномъ саду. Благодаря появленію новыхъ кавалеровъ, между которыми отличались драгуны и офицеры генеральнаго штаба, эти вечера прошли очень весело, и всѣ, кто могъ, танцовали съ увлеченіемъ и до изнеможенія.

Но еще передъ тѣмъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, данъ былъ въ театрѣ, въ пользу раненыхъ воиновъ, большой концертъ, главную часть котораго составляла прямо на этотъ случай написанная ода-симфонія «Россія передъ врагами» соч. гр. Соллогуба и Вердеревскаго съ музыкою капельмейстера Шенинга. Въ антрактѣ же происходилъ устроенный въ одной изъ боковыхъ залъ базаръ, на которомъ было 10 дамъ [1]), продавщицъ разнаго угощенія и цвѣтовъ. Сборъ отъ концерта и базара былъ удачный, соотвѣтствуя вполнѣ благотворительной цѣли и тѣмъ ожиданіямъ, съ которыми былъ задуманъ и устроенъ этотъ праздникъ.

Наступила наконецъ весна и затѣмъ лѣто. Вновь прибывшія войска ушли къ турецкой границѣ, а общество начало разъѣзжаться, кто въ Россію, а кто по близости на дачи. Мы рѣшились провести жаркую пору въ Манглисѣ, гдѣ расположена штабъ-квартира Эриванскаго гренадерскаго полка, въ 35 верстахъ отъ Тифлиса, но не могли собраться къ выѣзду изъ душнаго города ранѣе первыхъ чиселъ іюля, да и тутъ вышла неожиданная остановка. 3-го и 4-го іюля совершился знаменитый набѣгъ горцевъ въ Кахетію на правый берегъ Алазани, при чемъ имъ удалось разорить принадлежавшее князю Чавчавадзе селеніе Цинондалы (купленное уже въ нынѣшнее царствованіе въ Удѣлы) и захватить въ плѣнъ жившихъ тамъ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни. Событіе это произвело въ Тифлисѣ удручающее впечатлѣніе и даже панику, а для меня имѣло еще то значеніе, что 6-го іюля, когда вице-губернаторъ М. П. Колюбакинъ выѣхалъ на мѣсто дѣйствія, я долженъ былъ вступить въ управленіе Тифлисскою губерніею и высланныя въ Манглисъ вещи вытребовать обратно. Какое значеніе имѣлъ прорывъ горцевъ въ Кахетію въ военномъ отношеніи, не берусь судить, но помню, что публика и народъ считали положеніе Тифлиса беззащитнымъ, да, повидимому, такого же мнѣнія было и оставшееся въ городѣ высшее начальство. По крайней мѣрѣ самъ командовавшій кавказскимъ корпусомъ генералъ Реадъ въ

[1]) Фельетонистъ „Кавказа“ приводитъ имена этихъ дамъ: Ю. Н. Булгаковой, княгини Л. А. Гагариной, М. В. Колюбакиной, Н. В Моллеръ, баронессы С. А. Николаи, графини С. М. Соллогубъ, княгини А. А. Святополкъ-Мирской, А. П. Харитоновой, М. М. Чиляевой и княгини С. А. Шаховской.

самый день полученія извѣстія о произведенномъ горцами набѣгѣ въ Кахетію пригласилъ меня, какъ предсѣдателя казенной палаты, и управлявшаго приказомъ общественнаго призрѣнія князя Ю. П. Гагарина и, сообщивъ намъ по секрету о предстоящей для Тифлиса опасности, приказалъ всѣ деньги, хранившіяся въ уѣздномъ казначействѣ и въ кассѣ приказа, уложить въ сундуки такъ, чтобы по первому требованію они могли быть перевезены въ Метехскую крѣпость. Для этого наняты были у колонистовъ два или три фургона, которые и простояли всю ночь на Александровской площади, противъ дома, въ которомъ помѣщались казенная палата и уѣздное казначейство [1]).

12-го іюля пріѣхалъ изъ Гуріи генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, послѣ новой побѣды надъ турками подъ Чолокомъ и, хотя онъ жаловался на усталость и нездоровье, все же присутствіе его въ городѣ, какъ воина и помѣщика, хорошо знакомаго съ положеніемъ и обстоятельствами края, который подвергся нападенію горцевъ, успокоило тифлисское общество и населеніе. И вотъ къ этому-то времени относится ходившее по городу извѣстное четверостишіе гр. Соллогуба:

Пускай враги стекутся,
Не страшись народъ:
О Грузіи пекутся
Реадъ, Реутъ и Ротъ [2]).

18-го іюля возвратился М. П. Колюбакинъ, и только тогда, передавъ ему управленіе губерніей, я могъ проводить семейство въ Манглисъ, откуда опять черезъ два или три дня пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ вскорѣ разнеслась вѣсть о новой славной побѣдѣ главнаго дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ противъ втрое сильнѣйшаго непріятеля подъ Кюрюкъ-Дара. Трофея-

[1]) Не могу не упомянуть объ интереснomъ разсказѣ Вердеревскаго о нападеніи горцевъ на селеніе Цинондалы и плѣненіи владѣлицы княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе съ семействомъ и сестры ея княгини Варвары Ильиничны Орбеліани на основаніи подлинныхъ показаній участвовавшихъ въ событіи лицъ. Извлеченіе изъ этого разсказа или описанія помѣщается въ приложеніи № 2.

[2]) Реутъ, какъ старшій въ чинѣ членъ совѣта главнаго управленія, исправлялъ за князя В. О. Бебутова должность начальника гражданскаго управленія, а генералъ-маіоръ Ротъ былъ въ Тифлисѣ комендантомъ.

ми этой побѣды было отбитіе 15 орудій, 2 знаменъ и 4 штандартовъ, взятіе въ плѣнъ 2 штабъ-офицеровъ, 84 оберъ-офицеровъ и 1.932 нижнихъ чиновъ. Но, къ сожалѣнію, побѣда и намъ досталась дорогой цѣною: вся потеря показана въ подробной реляціи убитыми, ранеными и контуженными въ 3.054; изъ нихъ 2 генерала, 138 штабъ и оберъ-офицеровъ. Впрочемъ, изъ этого общаго числа около 600 человѣкъ остались въ рядахъ. Государю Николаю Павловичу доставила Кюрюкъ-Даринская побѣда большую радость, которая и выразилась въ щедрыхъ наградахъ. Князю Бебутову, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, пожалованъ былъ высшій орденъ св. Андрея Первозваннаго, что̀ составляло небывалый примѣръ, а прибывшій курьеромъ съ донесеніемъ о побѣдѣ маіоръ Александровскій награжденъ званіемъ флигель-адъютанта.

Отправленный съ царскими наградами изъ Петербурга фельдъегерь прибылъ на мѣсто 22-го августа, когда, для празднованія годовщины коронаціи императора Николая Павловича, собранъ былъ главный отрядъ дѣйствующаго корпуса на холмахъ Ахъ-Булакской позиціи (въ Турецкой Арменіи). По окончаніи молебствія, фельдъ-егерь пробрался сквозь толпу офицеровъ, окружавшихъ походную церковь, и вручилъ князю Бебутову пакетъ, заключавшій царскую награду. Послѣ того какъ передъ глазами нѣсколькихъ сотъ офицеровъ развернулась голубая лента, раздался одинъ общій голосъ: «надѣньте ее, ваше сіятельство, надѣньте на этомъ же мѣстѣ», и громкое, сердечное «ура!» грянуло по всему полю, при выходѣ передъ войско князя Бебутова, украшеннаго первымъ орденомъ имперіи, снятымъ съ плеча наслѣдника цесаревича. Повторились радостныя восклицанія и по прочтеніи грамотъ на кресты Георгія 3-ей степени генералъ-адъютанту князю Барятинскому и генералъ-лейтенанту Бриммеру. Перваго уже не было въ отрядѣ, а второй, принимая крестъ изъ рукъ корпуснаго командира, поцѣловалъ его и произнесъ: «здравствуй, другъ! наконецъ-то я тебя дождался».

Обходя войска, князь Бебутовъ говорилъ каждой части соотвѣтственно той роли, которая выпала на ея долю въ памятномъ бою; подойдя же къ драгунамъ наслѣднаго принца Виртембергскаго, онъ произнесъ: «друзья нижегородцы! я васъ называю

этимъ славнымъ именемъ въ память прошлаго. Съ вами мнѣ всегда счастіе: съ вами я заслужилъ подъ Кутишами Георгія на шею, съ вами потомъ я получилъ за Кадыкляръ Георгія 2-й степени, съ вами же теперь я удостоился высшей награды орденомъ св. Андрея Первозваннаго за Кюрюкъ-Дара. Съ вами и жить и умереть хорошо».

Въ Манглисѣ семейство мое оставалось всего 5 недѣль, изъ которыхъ я провелъ съ ними въ разное время не болѣе 10 дней, а 26-го августа мы всѣ вмѣстѣ перебрались уже на городскую квартиру въ Тифлисъ, такъ какъ мнѣ предстояло опять вступить въ управленіе губерніею, и на этотъ разъ мой interim продолжался около двухъ мѣсяцевъ съ 28-го августа по 20-ое октября. А такъ какъ предсѣдатель казенной палаты, вступая въ исправленіе должности губернатора, не освобождался по закону и отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по палатѣ, то понятно, что я все это время былъ занятъ по службѣ съ утра до вечера и, кромѣ небольшихъ прогулокъ для моціона, не могъ себѣ позволить никакихъ развлеченій, которыя, впрочемъ, тогда заключались единственно въ посѣщеніи театра, гдѣ съ половины сентября шли своимъ порядкомъ драматическіе, оперные и балетные спектакли.

Громы войны утихли на Кавказѣ, но для подкрѣпленія дѣйствующаго корпуса къ будущей кампаніи проходили черезъ Тифлисъ отъ времени до времени новые маршевые батальоны и резервные эскадроны кавалеріи. Изъ Крыма же получались одни грустныя и тревожныя извѣстія: много геройскихъ подвиговъ и жертвъ, но результатовъ никакихъ.

Къ этому времени моего губернаторства относится и несчастный случай съ флигель-адъютантомъ Александровскимъ. По возвращеніи изъ Петербурга, онъ отправился на нѣкоторое время въ Дагестанъ и 11-го октября выѣхалъ изъ Тифлиса въ Александраполь. Отъѣхавъ 100 верстъ, онъ послѣ закуски на Акстафинской станціи, началъ понукать нанятаго имъ лакея (изъ мѣщанъ сѣверо-западнаго края) къ скорѣйшей укладкѣ вещей и, должно быть, тронулъ его рукой, но тотъ въ отвѣтъ толкнулъ его такъ сильно, что у него папаха спала съ головы, чему свидѣтелями были два казачьихъ офицера. Александровскій, не сказавъ ни слова, сѣлъ поспѣш-

но въ перекладную и, доѣхавъ до слѣдующей станціи, остановился, чтобы написать письмо, которое онъ, вмѣстѣ съ шкатулкой, передалъ смотрителю, для пересылки къ брату его Василію, служившему въ Тифлисѣ. Затѣмъ, отъѣхавъ дальше еще версты три, онъ всталъ съ телѣги и, отойдя въ сторону къ лѣсу, тянувшемуся вдоль дороги, застрѣлился. Тѣло его было перевезено на другой день въ Тифлисъ, а письмо и шкатулка переданы В. П. Александровскому. Въ послѣдней заключались, между прочимъ, нѣсколько билетовъ сохранной казны на имя неизвѣстнаго, принадлежавшихъ князю В. О. Бебутову, который тогда находился еще въ главномъ отрядѣ командуемаго имъ дѣйствующаго корпуса, а потому и самая передача ему билетовъ могла послѣдовать только по возвращеніи его въ Тифлисъ. Вотъ что сохранилось въ моей памяти о самоубійствѣ флигель-адъютанта Александровскаго. Зиссерманъ разсказываетъ его нѣсколько иначе («Рус. Арх.» 1892, кн. 7), поправляя Бороздина, который несомнѣнно спуталъ его съ другимъ происшествіемъ, бывшимъ на одной изъ почтовыхъ станцій Ставропольской губерніи при проѣздѣ также курьеромъ офицера Нижегородскаго драгунскаго полка Коррадини. Послѣдній за то, что смотритель грубо отвѣчалъ ему на требованіе лошадей и наконецъ бросилъ въ него толстую книгу для записыванія подорожныхъ, выхвативъ шашку, изрубилъ его на мѣстѣ, за что былъ преданъ военному суду, который, однако, его оправдалъ, ограничившись назначеніемъ духовнаго покаянія.

Самоубійство Александровскаго было долго предметомъ разговоровъ въ тифлисскомъ обществѣ. Каждый по-своему разбиралъ и анализировалъ то положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ дерзостью своего лакея. Многіе оспаривали необходимость самопожертвованія, но мнѣ извѣстно, что князь А. И. Барятинскій и тогда и послѣ не разъ восхищался подвигомъ Александровскаго.

9-го октября послѣдовало новое приращеніе нашего семейства рожденіемъ сына Николая. Жена и этого ребенка начала кормить сама, что̀ ее очень утомляло; я же, послѣ усиленныхъ занятій при исполненіи обязанностей по двумъ должностямъ — губернатора и предсѣдателя казенной палаты, началъ страдать сильными припадками отъ разлитія желчи. Такимъ образомъ мы большую часть

зимы 1854 года проводили уединенно и въ тревожномъ состояніи духа, сначала по неизвѣстности, кто заступитъ князя М. С. Воронцова послѣ окончательнаго его увольненія 19-го октября, о чемъ стало извѣстно въ Тифлисѣ въ началѣ ноября, а затѣмъ и еще болѣе съ половины декабря, когда мы узнали о послѣдовавшемъ 29-го ноября назначеніи главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева. Его строптивый характеръ и вообще все, что объ немъ было извѣстно, особенно личная его съ давнихъ лѣтъ вражда къ князю М. С. Воронцову не предвѣщали ничего добраго какъ для лицъ, которымъ послѣдній покровительствовалъ или отличалъ своимъ вниманіемъ, такъ и вообще для края, гдѣ онъ, пожалуй, захочетъ многое измѣнить только потому, что то или другое было заведено и устроено его предмѣстникомъ. Опасенія эти до извѣстной степени оправдались.

Засимъ, прежде, чѣмъ перейти къ разсказу о времени начальствованія на Кавказѣ генерала Н. Н. Муравьева, я, въ благодарной памяти о князѣ М. С. Воронцовѣ, при которомъ мнѣ довелось служить 7 лѣтъ въ Тифлисѣ, чувствую нравственную потребность высказать о немъ свое мнѣніе. Не буду, конечно, входить въ разсмотрѣніе государственной его дѣятельности, которая давно оцѣнена и принадлежитъ исторіи, а приведу только нѣсколько указаній на его личныя качества, характеръ и образъ жизни. Многіе въ Россіи, довѣряя, можетъ быть, отзывамъ и характеристикѣ А. С. Пушкина, который выдавалъ князя М. С. Воронцова за отчаяннаго англомана, считали его скорѣе иностранцемъ, чѣмъ русскимъ въ душѣ человѣкомъ. Но это не совсѣмъ вѣрно и несправедливо. Правда, онъ оказывалъ нѣкоторое пристрастіе или, правильнѣе, особенное покровительство иноплеменникамъ, но не всѣмъ, а только тѣмъ, которые, принадлежа къ обиженнымъ, такъ сказать, по своему политическому положенію, націямъ (грузинамъ, татарамъ) наиболѣе требовали или нуждались въ его покровительствѣ. Нѣмцевъ, напримѣръ, онъ недолюбливалъ и не думалъ скрывать это. Такъ, между прочимъ, когда на общемъ пріемѣ просителей онъ подходилъ къ нѣмецкимъ колонистамъ, чтобы выслушать ихъ словесное объясненіе, то требовалъ переводчика, хотя такого по штату кан-

целяріи намѣстника не полагалось, да и онъ самъ хорошо понималъ и могъ объясняться по-нѣмецки. Мнѣ случилось разъ быть свидѣтелемъ, какъ за такого переводчика выступилъ чиновникъ дипломатической канцеляріи Булгаковъ и началъ переводить слово въ слово то, что̀ говорилъ старшій изъ колонистовъ. Но такъ какъ послѣдній пустился сперва въ длинныя привѣтствія, которыя, конечно, показались скучными, то намѣстникъ въ нетерпѣніи сказалъ Булгакову: «да столько-то я и самъ понимаю. Спросите у нихъ, что̀ имъ собственно нужно».

Какъ истый русскій князь, Михаилъ Семеновичъ, при свойственной намъ вообще вѣротерпимости, не былъ, однако, равнодушенъ къ своей религіи и отдавалъ ей предпочтеніе передъ другими исповѣданіями. Я помню, напримѣръ, какъ онъ, узнавъ случайно, что генералъ Вольфъ не лютеранинъ, обратился при немъ къ женѣ за обѣденнымъ столомъ: «ma chère, представь, какая радость, вѣдь Николай Ивановичъ православный». Говорилъ онъ на родномъ языкѣ совершенно правильно, чисто, безъ малѣйшаго, чуждаго русскому уху, акцента, и не избѣгалъ даже народныхъ выраженій. Такъ я отъ него перваго слышалъ незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ слово: невступно (напримѣръ певступно, т. е. безъ малаго, сто рублей).

Держалъ себя незабвенный нашъ намѣстникъ передъ высшимъ правительствомъ самостоятельно, на что̀, впрочемъ, онъ былъ уполномоченъ всемилостивѣйшимъ рескриптомъ императора Николая, и, преклоняясь передъ волею монарха, рѣдко обращался въ министерства, которыя онъ называлъ обыкновенно Петербургомъ. Я не разъ слышалъ отъ него, какъ послѣ даннаго рѣшенія сказавъ: пусть же такъ и будетъ, онъ иронически прибавлялъ: хорошо и то, что мнѣ не надо спрашивать объ этомъ въ Петербургѣ.

Изъ Англіи князь М. С. Воронцовъ вывезъ, главнымъ образомъ, привычку къ строгому порядку въ образѣ жизни и занятій: онъ вставалъ, принимался за работу, ѣлъ, выѣзжалъ на прогулку въ опредѣленные часы. Вмѣсто завтрака выпивалъ рюмку стараго хереса и заѣдалъ сухаремъ, послѣ чего оставался безъ пищи до самаго обѣда, который обыкновенно подавался ровно въ 6 ча-

совъ. Приглашенные, собиравшіеся къ этому часу за нѣсколько минутъ, входили въ пустую гостиную, но какъ только пробилъ условленный часъ, являлся хозяинъ съ хозяйкой и, поздоровавшись съ гостями, тотчасъ же проходилъ въ столовую, гдѣ каждому заранѣе назначено было его мѣсто. Князь Михаилъ Семеновичъ за первымъ и вторымъ блюдомъ весь преданъ былъ утоленію голода и не любилъ, чтобы его въ это время развлекали разговоромъ; начиная же съ третьяго блюда онъ самъ обращался любезно къ сосѣднимъ дамамъ или къ рѣдкому гостю и начиналъ угощать старымъ крымскимъ виномъ изъ Алупки. Вечеромъ онъ или отправлялся въ театръ, что́, впрочемъ, случалось не часто, или садился за карточный столъ и, если находилась подходящая партія, то предпочтительно игралъ въ ломберъ, не то въ ералашъ; разсчитывался же съ партнерами до послѣдней копѣйки, не требуя сдачи, для чего имѣлъ всегда при себѣ всѣхъ сортовъ кредитные билеты, мелкое серебро и даже мѣдныя деньги, конечно, совершенно чистыя и новыя послѣдняго чекана.

Заботился намѣстникъ и о томъ, чтобы тифлисское общество пользовалось невинными развлеченіями, для чего устроилъ и поддерживалъ театръ, въ которомъ сначала давались однѣ легкія драматическія представленія, а потомъ цѣлыя оперы съ итальянской труппой и балеты. Обращалъ онъ вниманіе и на ходъ дѣлъ въ клубѣ или, такъ называемомъ, благородномъ собраніи, считая его необходимымъ учрежденіемъ для того, чтобы холостяки и вообще бездомные люди могли сходиться съ согражданами для свиданія и обмѣна мыслей. Впрочемъ, онъ находилъ, что клубъ и для женатыхъ представляетъ во многихъ случаяхъ лучшее убѣжище отъ семейнаго счастія.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Извлеченіе изъ описанія, помѣщеннаго въ № 52 газеты „Кавказъ“ за 1855 годъ, о наиболѣе драматическихъ моментахъ похищенія горцами двухъ семействъ въ селеніи Цинондалы.

На зарѣ со двора раздался выстрѣлъ... Это былъ предательскій сигналъ мнимаго духанщика, котораго, вопреки приказанію княгини Чавчавадзе, не обезоружили съ вечера.

Сигналъ предателя, безъ сомнѣнія бывшаго лазутчикомъ горцевъ, увѣдомлялъ ихъ, что Цинондалы беззащитны, что можно безнаказанно придти и ограбить ихъ. По сигналу весь домъ поднялся на ноги...

Въ 7 часовъ утра пріѣхалъ съ почтовыми лошадьми изъ Телава г. Горличенко, тамошній уѣздный врачъ и домашній докторъ семейства князя Чавчавадзе. Въ ту же минуту стали запрягать лошадей въ экипажъ. Деньги, брильянты и нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи начали укладывать въ экипажные ящики и сумки. Княгиня Чавчавадзе стояла на балконѣ и нетерпѣливо торопила. Было уже 8 часовъ, какъ вдругъ со двора раздался голосъ проживавшаго въ домѣ отставнаго штабсъ-капитана Ахвердова. Онъ закричалъ модіанъ (идутъ!) и этотъ крикъ оцѣпенилъ ужасомъ всѣхъ слышавшихъ его. Люди отъ экипажа бросились въ разныя стороны. Княгиня съ балкона поспѣшила въ комнаты, собрала всѣхъ бывшихъ въ домѣ и приказала идти вверхъ по лѣстницѣ, ведущей на бельведеръ. Невыразимый испугъ и отчаяніе овладѣли всѣми, кромѣ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни. Первая изъ нихъ обращается къ француженкѣ-гувернанткѣ съ слѣдующими словами: M-lle Drancey! Quelle fatale destinée vous reunit à nous dans ce moment. Pardonnez moi d'en avoir été plus ou moins la cause [1]). Княгиня Орбельяни боится только одного: быть свидѣтельницей гибели кого-нибудь изъ бывшихъ съ нею, приближается къ дверямъ и, обратившись къ нимъ лицомъ, смѣло ожидаетъ появленія враговъ.

---

[1]) Т. е. г-жа Дрансе! Какой роковой случай соединяетъ васъ съ нами въ такую минуту! Простите мнѣ, если я, болѣе или менѣе, была тому причиною.

Рядомъ съ нею становится княжна Нина Баратова. Въ это самое время княгиня Чавчавадзе, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, опускается на колѣни, спиною къ двери, а остальныя лица собираются въ одну кучу, стоя также на колѣнахъ и прижимаясь другъ къ другу. Въ такомъ положеніи прошелъ часъ времени, пока хищники обшаривали 22 комнаты нижнихъ этажей. Пріютившіяся въ бельведерѣ беззащитныя женщины и дѣти съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца прислушивались къ доходившимъ до нихъ звукамъ: то были звуки торопливой бѣготни, отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей и ломаемыхъ ящиковъ, разбиваемыхъ стеколъ.

Вотъ, наконецъ, идутъ. Взобравшись по лѣстницѣ на верхъ, толпа хищниковъ останавливается на порогѣ... и разражается громкимъ хохотомъ, который можно объяснить только тѣмъ, что они встрѣтили беззащитныхъ женщинъ и дѣтей тамъ, гдѣ ожидали, можетъ быть, найти тайную засаду. Прежде всего княгиню Орбельяни сводятъ осторожно съ лѣстницы, а за нею и всѣ прочія заключенницы дѣлаются п л ѣ н н и ц а м и. Ихъ безъ разбора хватаютъ рослые и сильные чеченцы и толпою кидаются на лѣстницу, которая, бывъ снизу подпилена, рушится подъ тяжестью похитителей и похищенныхъ. Всѣ кучею падаютъ внизъ, ушибаются, давятъ другъ друга. Ребенокъ выпадаетъ изъ рукъ княгини Чавчавадзе, откатывается въ сторону, и она собственными глазами видитъ, какъ одинъ изъ чеченцевъ наступаетъ на него ногою. Нѣсколько оправившись отъ паденія, похитители торопятся снова завладѣть каждый своей жертвою. Со второй лѣстницы уже не несутъ и не влекутъ, а скатываютъ ихъ всѣхъ, какъ съ наклонной плоскости. Раздается слово: х а н ш а, и всѣ бросаются къ княгинѣ Чавчавадзе, оспариваютъ ее другъ у друга, кричатъ, обнажаютъ шашки и дерутся. Княгиня достается тому, кто первый завладѣлъ ею еще въ бельведерѣ.

Дальнѣйшій разсказъ о нахожденіи въ плѣну похищенныхъ княгинь прерванъ въ газетѣ «Кавказъ», такъ какъ онъ предназначался къ помѣщенію въ полное описаніе, которое должно было выйти отдѣльной книгой, но мнѣ не случалось ее видѣть.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СТАТЕЙ.

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVIII вѣка („Кіевская Старина“ №№ 1 и 2).—Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году („Историческій Вѣстникъ“ № 3).—Исторія евреевъ въ Россіи („Русскій Архивъ“ №№ 3 и 4).

I.

О происхожденіи Богдана Хмѣльницкаго имѣется весьма мало точныхъ данныхъ, и отецъ его Михаилъ не принадлежалъ къ привилегированному сословію. Извѣстно, что онъ былъ чигиринскимъ подстаростой и владѣлъ пожалованнымъ ему въ 1616 году хуторомъ или урочищемъ Суботовъ, находившимся въ одной милѣ отъ Чигирина.

Понимая всю важность науки, Михаилъ отдалъ своего сына, Богдана, въ іезуитскую школу въ Ярославѣ, гдѣ онъ научился по-латыни и «усвоилъ тотъ лоскъ и умѣнье говорить, благодаря которымъ онъ пользовался такимъ вліяніемъ на окружающихъ».

Въ молодости отправившись вмѣстѣ съ отцомъ волонтеромъ подъ Цецору, Богданъ попалъ въ плѣнъ и два года находился въ тяжкомъ заключеніи въ Константинополѣ. Сдѣлавшись тайнымъ послѣдователемъ Корана, онъ получилъ нѣкоторую свободу, потомъ былъ перепроданъ въ Крымъ и выучился говорить по-турецки и по-татарски. Это дало ему впослѣдствіи возможность завязать отношенія съ татарами и располагать ихъ ордами, какъ союзниками.

«Пользуясь усвоеннымъ въ плѣну опытомъ, говоритъ авторъ статьи «Женщины при Чигиринскомъ дворѣ» [1])—онъ, по возвра-

[1]) „Кіевская Старина“ 1894 г. № 1, 107. Полное заглавіе статьи слѣдующее: „Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія І. (Съ польскаго).

щеніи домой, не рѣдко принималъ дѣятельное участіе во внутреннихъ междоусобіяхъ польскихъ магнатовъ. Передъ 1646 г. онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, въ качествѣ посредника въ дѣлѣ поступленія казаковъ во французскія войска. Богданъ пользовался покровительствомъ польскаго короля Владислава, который зналъ его лично, потому что войсковой писарь дважды являлся къ королю (въ 1639 и 1646 г.). Словомъ, Хмѣльницкій много видѣлъ и побывалъ въ свѣтѣ, на войнѣ, при дворѣ, а въ школѣ онъ познакомился съ представителями высшаго дворянства и даже духовенства».

Выкупленный изъ плѣна матерью, Хмѣльницкій занялся хозяйствомъ, разбогатѣлъ и, имѣя слишкомъ тридцать лѣтъ, около 1630 года женился на Аннѣ Сомко. Она была дочерью богатаго переяславскаго купца, спокойнаго нрава, болѣзненная и вся предавшаяся домашнему хозяйству. Передавъ его въ руки жены и пользуясь полною свободою, Богданъ Хмѣльницкій занимался мелкою, мѣстною дипломатіею, набѣгами въ степи и въ короткое время пріобрѣлъ популярность среди казаковъ, гораздо большую, чѣмъ имѣли всѣ его предшественники войсковые писаря. Войсковые коммиссары, назначаемые Рѣчью Посполитою, часто совѣтывались съ нимъ; Богданъ водилъ дружбу съ полковниками, а староста и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ военныхъ силъ отличалъ его даже передъ старшими въ чинѣ. Въ домѣ Хмѣльницкаго было полное довольство и въ семействѣ Богдана въ качествѣ помощницы хозяйки жила сирота Елена, происхожденіе которой и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Красивая помощница скоро съумѣла занять мѣсто хозяйки и въ сердцѣ Богдана. Но, тутъ, самымъ неожиданнымъ для него образомъ явился опасный соперникъ, Даніилъ Чаплинскій, назначенный подстаростою и появившійся на Украйнѣ въ концѣ 1639 года.

«Надменный, заносчивый, недоступный и склонный къ насилію, Чаплинскій считалъ казаковъ не войскомъ, но сбродомъ наглыхъ и непослушныхъ мужиковъ и вообразилъ, что его задача и даже въ нѣкоторомъ родѣ обязанность заключается въ усмиреніи закоренѣлаго своеволія и въ каранія самоуправства, которое вытекало изъ условій жизни народа, чаще имѣвшаго дѣло съ саблей, нежели съ плугомъ».

Первое противодѣйствіе Чаплинскій, конечно, встрѣтилъ въ Богданѣ Хмѣльницкомъ, пользовавшемся большою самостоятельностью.

Войсковой писарь недавно возвратился изъ Варшавы, гдѣ былъ любезно принятъ во дворцѣ и успѣлъ заручиться нѣкоторыми привилегіями. Богданъ не подчинился своеволію Чаплинскаго, и вскорѣ открылась явная вражда между ними. Чаплинскій навелъ справки, и оказалось, что предки Хмѣльницкаго были мужиками и что отецъ его былъ простой поселенецъ. Пользуясь этими свѣдѣніями, подстароста сталъ оспаривать право Хмѣльницкаго на владѣніе землями и однажды, поль-

зуясь отсутствіемъ войсковаго писаря, явился въ Суботовъ, чтобы осмотрѣть его хозяйство. Тамъ онъ увидѣлъ Елену, влюбился и рѣшился похитить ее. Подъ предлогомъ выселенія войсковаго писаря изъ незаконно занятаго имъ Суботова, Чаплинскій сдѣлалъ наѣздъ, разорилъ имѣніе, похитилъ дѣвушку и женился на ней. Это было въ 1646 году, когда жена Богдана умерла и онъ самъ думалъ жениться на Еленѣ. Хмѣльницкій вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ, но едва самъ спасся отъ засады. Тогда онъ отправился въ Варшаву, куда поспѣшилъ за нимъ и Чаплинскій. Оба они предстали на судъ сенаторовъ, причемъ Хмѣльницкій въ жалобѣ назвалъ Елену своей женой.

— Что касается этого, говорилъ Чаплинскій, то она вовсе не была женой Хмѣльницкаго; онъ силой держалъ ее у себя, вотъ почему она такъ поспѣшно ушла отъ него, а такъ какъ она мнѣ пришлась по сердцу, то я и женился на ней. Никто не заставитъ меня отказаться отъ нея, но если бы и такъ, то она сама не согласится и ни за что не возвратится къ Хмѣльницкому.

— Ну, стоитъ ли, пане-сотникъ, говорили сенаторы шуткою, жалѣть о такой особѣ! Свѣтъ не клиномъ сошелся,—поищи другой, а эта пусть останется при томъ, кто ей такъ понравился.

Богданъ возвратился изъ Варшавы безъ всякаго успѣха и поселился въ Чигиринѣ, потому что Суботовъ былъ отнятъ отъ него и переданъ Чаплинскому. Послѣдній всѣми средствами притѣснялъ Хмѣльницкаго и возбудилъ въ немъ ненависть и желаніе отомстить. «Ненависть усиливалась по мѣрѣ того, какъ росла популярность Богдана въ Чигиринѣ; въ то время какъ у Чаплинскаго было пусто, на дворѣ, у писаря вѣчно стоялъ говоръ и веселье: гостепріимный хозяинъ угощалъ многочисленныхъ посѣтителей, вербовалъ себѣ сторонниковъ, не расположенныхъ къ подстаростѣ». Чаплинскій видѣлъ это и усиливалъ свое гоненіе. Онъ приказалъ высѣчь публично на рынкѣ старшаго сына Хмѣльницкаго, потомъ наслалъ на него товарища, который хватилъ его обухомъ по головѣ и, наконецъ, зять Чаплинскаго хвалился публично, что если не удастся справиться съ самимъ Хмѣльницкимъ, то Чаплинскій прикажетъ убить его. Богданъ рѣшился оставить Чигиринъ, и въ декабрѣ 1647 года, бросивъ все и взявъ съ собой только старшаго сына, ушелъ на низъ и нѣкоторое время скитался по днѣпровскимъ островамъ.

Не прошло и года, какъ въ судьбѣ Хмѣльницкаго произошла громадная перемѣна: онъ былъ уже гетманъ-владыка Украйны, которому повиновались земли на пространствѣ 26.500 квадратныхъ миль. Желтоводскій погромъ, Корсунская побѣда, Пилава быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, и побѣдоносное шествіе Богдана останавливается у стѣнъ Замостья. Шествіе взволнованныхъ народныхъ массъ сопро-

вождается полнымъ разрушеніемъ пройденнаго пространства и избіеніемъ притѣснителей.

«Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ авторъ, уже въ августѣ, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ начала вооруженной борьбы съ Рѣчью Посполитою, насчитывалось 65 опустошенныхъ мѣстечекъ на Украйнѣ, а лежавшія вокругъ нихъ деревни были сметены точно ураганомъ; вся область по р. Горыни представляла настоящую пустыню. Разореніе коснулось и земель, на которыя не простирались претензіи казаковъ, достигло Львова и Замостья. Сѣверная Волынь, Пинщина, Бѣлоруссія разграблены были въ конецъ. На востокъ казацкія укрѣпленія проникали далеко за Днѣпръ, не говоря уже о земляхъ къ югу, которыя оказались безхозяйными въ полномъ смыслѣ слова. Города опустѣли, не осталось ни одного шляхтича, только plebs, часть котораго перешла къ Хмѣльницкому, а другая сидѣла дома, несмотря на казацкіе з а г о н ы, хотя въ послѣднихъ нерѣдко участвовали татары. Число погибшихъ неизвѣстно, но оно было, повидимому, огромно, судя хотя бы по даннымъ объ избіеніи евреевъ, приведеннымъ у Греца».

По этимъ даннымъ болѣе 45 т. евреевъ погибло въ городахъ, разорено 300 еврейскихъ приходовъ и истреблено до 250 т. жителей. Несмотря на этотъ погромъ, Богданъ Хмѣльницкій пользовался громаднымъ сочувствіемъ, съ тріумфомъ въѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большими почестями, и академики привѣтствовали его какъ дѣйствительно посланнаго Богомъ избавителя украинскихъ земель. Но и среди этихъ почестей Богданъ не забылъ своей Елены. Чаплинскій, конечно, бѣжалъ, и Хмѣльницкій обвѣнчался съ ней самымъ оригинальнымъ образомъ. Бракъ этотъ состоялся въ первыхъ числахъ января 1649 года какъ будто черезъ замѣстителя: гетманъ былъ въ то время въ Кіевѣ, а Чаплинская—въ Чигиринѣ. «Благословлялъ патріархъ, какъ объ этомъ сообщалъ Хмѣльницкій Киселю нѣсколько позже: на войну съ ляхами благословилъ, далъ титулъ illustrissimo principi, обвѣнчавъ меня съ женой и отпустивъ грѣхи, хотя и не исповѣдывался». Патріархъ получилъ за это тысячу злотыхъ и упряжку въ 6 лошадей, а онъ послалъ Чаплинской разрѣшеніе грѣховъ, благословеніе на бракъ, три самовозгорающіяся свѣчи, молоко Пресвятой Дѣвы и миску лимоновъ.

Елена не съумѣла поставить себя въ положеніе гетманши и оставалась все время не болѣе, какъ простою хозяйкою, угощающею гостей мужа и его самого. «Наряженная въ дорогія матеріи и бархатъ, въ брильянтовомъ ожерельи, діадемѣ и съ великолѣпными перстнями на пальцахъ, она во время пріемовъ наполняла золотые кубки обыкновенной водкой и подносила гостямъ, набивала «люльки» (трубки), а въ заключеніе подносила мужу нюхательнаго табаку на глиняномъ че-

репкѣ. Ни о вліяніи ея на мужа, ни о ея благотворительности не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Среди общества она была извѣстна подъ именемъ бывшей жены Чаплинскаго, не умѣла составить себѣ общества, жила одиноко и водилась только съ ворожеями».

Вообще въ гетманщинѣ женщины были въ порабощеніи и играли подчиненную роль, хотя въ военное время онѣ принимали участіе въ походной жизни. «Такъ напримѣръ, говоритъ авторъ [1]), подъ Берестечкомъ поляки нашли въ окопахъ много женщинъ и при нихъ дѣтей. Кромѣ того, почти въ каждомъ загонѣ имѣлись свои кухарки, игравшія также роль маркитантокъ, но не получавшія отъ этого занятія никакихъ барышей. Въ большихъ отрядахъ бывало нѣсколько ворожекъ, которыхъ называли то вѣдьмами, то чародѣйками,—нерѣдко онѣ платились жизнью за слишкомъ смѣлыя, но неудачныя предсказанія».

Впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ изгнать изъ полка «женъ и дѣвокъ», признавая, что, выступая въ походъ, казакамъ не годится предаваться распутству. Такое распоряженіе было болѣе чѣмъ справедливо потому, что женщина не имѣла благотворнаго вліянія на казаковъ и не облагораживала ихъ нравовъ. Какъ ни любилъ Хмѣльницкій свою Елену, но держалъ ее всегда въ черномъ тѣлѣ, предоставляя ей только занятія хозяйствомъ. Самъ гетманъ рѣдко бывалъ въ семьѣ, и уединенная жизнь Елены представляла мало привлекательнаго; она пріобрѣла наклонность къ спиртнымъ напиткамъ и, не перенося одиночества, остановила свое вниманіе на казначеѣ гетмана.

Въ половинѣ февраля 1651 года Хмѣльницкій съ войсками отправился къ Бару.

«Предпріятіе не клеилось, особыхъ выгодъ не представлялось, край былъ опустошенъ, не хватало средствъ на продовольствіе войска и необходимо было обратиться къ собственнымъ средствамъ гетмана. Богданъ послалъ за деньгами къ (сыну) Тимошу. Оказался недочетъ въ одномъ боченкѣ съ золотомъ, началось дознаніе надъ казначеемъ, руководимое сыномъ гетмана,—не обошлось и безъ пытокъ. Преступникъ во всемъ сознался и указалъ на гетманшу, какъ на пособницу; по его словамъ, у нихъ было намѣреніе убѣжать съ украденнымъ золотомъ въ Польшу. Безъ сомнѣнія, результаты слѣдствія были сообщены гетману; быть можетъ, онъ и самъ постановилъ приговоръ, поручивъ сыну исполненіе его. Какъ бы то ни было, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1651 г. приговоръ былъ исполненъ въ точности, со всею характерною для эпохи жестокостію и издѣвательствомъ надъ беззащитною

---

[1]) Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка, д-ра Антонія І. Н. М. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 2, стр. 282.

женщиною. Освѣщимъ подробно описалъ грустную процедуру: обое погибли на висѣлицѣ, сколоченной изъ воротъ суботовскаго двора».

Когда Хмѣльницкій получилъ извѣстіе о казни жены, онъ впалъ въ жестокую тоску и отчаяніе, но скоро утѣшился и уже осенью того же года вступилъ въ третій бракъ съ Анной Золотаренко, извѣстной болѣе подъ именемъ Филиппихи, по первому ея мужу.

Бездѣтная вдова, Анна была не первой молодости, но женщина серьезная, скромная и развитая. Она завела порядокъ въ гетманскомъ домѣ, сократила кутежи и заставила гетмана угощаться у подручныхъ своихъ, или же въ одиночку, безъ свидѣтелей, въ своей свѣтлицѣ. Дряхлѣвшій Хмѣльницкій уважалъ жену, слушалъ ея совѣты, и съ теченіемъ времени Анна стала на сторонѣ московской партіи. Два ея брата, Иванъ и Василій Золотаренки, руководили сестрою и захватили власть въ свои руки, причемъ Иванъ часто исполнялъ должность наказнаго гетмана. Во главѣ 26-ти-тысячнаго отряда онъ воюетъ въ Бѣлоруссіи и помогаетъ царю Алексѣю Михайловичу взять Гомель, Чечерскъ и Новый Быховъ. Царь отдалъ ему въ потомственное владѣніе Батуринъ и одѣлилъ подарками.

Богданъ Хмѣльницкій съ каждымъ годомъ становился покойнѣе и подчинялся женѣ. Гетманша завела при себѣ придворный штатъ, имѣла писаря, пажей, гайдуковъ и собственною властью выдала Густынскому монастырю универсалъ, предписывавшій прилуцкимъ обывателямъ не нарушать монастырскихъ владѣній. Съ родней Богдана Филиппиха жила въ мирѣ и согласіи, и пользовалась большимъ вліяніемъ на гетмана.

Послѣдній не переставалъ мечтать о продолженіи своей династіи и рѣшился женить своего сына Тимоша на дочери молдавскаго господаря Василія Лупула. Возникшіе по этому поводу переговоры кончились отказомъ Лупула, оскорбившимъ гетмана, который и выслалъ въ Молдавію «кровавыхъ сватовъ», пригласивъ, конечно, и татарскую орду.

«Долго плакала отъ этихъ смотринъ молдавская земля. Лупулъ откупился отъ татаръ за 150.000 талеровъ, но осталось 16.000 казаковъ, которымъ тоже пришлось уплатить 10.000 талеровъ откупнаго и кромѣ того согласиться на бракъ дочери съ Тимошемъ».

Послѣдній отправился въ Молдавію съ огромною свитою и 3.000 казаковъ. Привыкшіе къ роскоши молдаване съ удивленіемъ смотрѣли на неуклюжихъ казаковъ и ихъ свахъ. Свадебныя торжества продолжались цѣлую недѣлю, но прибывшія изъ Чигирина дамы только одинъ разъ показались въ господарскихъ палатахъ и именно на свадебномъ обѣдѣ.

«За ними посланы были кареты на квартиры, но дома не застали, потому что дамы находились въ трактирѣ, на выпивкѣ. Привезли ихъ

въ замокъ, какъ какія-нибудь страшилища, онѣ выглядывали безобразно въ своихъ еврейскихъ кафтанахъ, подшитыхъ однако соболями, съ высокими воротниками; кажется, онѣ думали подражать молдавской модѣ. Послѣ обѣда свахи должно быть подпили, потому что дошло до ссоры съ женами бояръ, которыя подсмѣивались надъ грубоватостью и странными для нихъ манерами казачекъ; ссора перешла въ настоящую брань и грозила дракой». Но ихъ развезли по домамъ и много смѣялись, когда казачки расплачивались съ кучерами орѣхами.

Гетмана не было на свадьбѣ, и онъ готовилъ торжественный пріемъ молодымъ у себя дома. Пьянство было великое, и трезваго человѣка нельзя было сыскать со свѣчей. Вскорѣ Тимошъ былъ убитъ при осадѣ Сучавы и, оставшись вдовой, жена его жила уединенно, не примыкая къ гетманской семьѣ. Надо сказать, однакожъ, что съ нею обращались если и холодно, то все таки съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе умной и болѣе воспитанной молдаванки произвело нѣкоторыя перемѣны въ придворной Чигиринской жизни. При дворѣ Филиппихи гости вели себя скромнѣе и приличнѣе прежняго, ссоры и драки были недопускаемы.

«Пріемы иноземныхъ пословъ, прежде столь шумные и безпорядочные, получили теперь другой характеръ; въ дипломатическихъ обѣдахъ уже не принимали участія первый встрѣчный,—установился извѣстный выборъ; появляются на нихъ и женщины изъ родни гетмана. Даже въ публичныхъ рѣчахъ гетмана замѣчается теперь нѣкоторая сдержанность: онъ чокается съ гостями не водкой, какъ прежде, а старымъ венгерскимъ виномъ въ серебряныхъ кубкахъ. Словомъ, незадолго до смерти Богдана, которая наступила въ августѣ 1657 года, гетманъ возвратился къ юношескимъ своимъ привычкамъ. Династическіе планы его, шаткіе въ самой основѣ, пошли прахомъ, дворъ разбрелся во всѣ стороны». О Филиппихѣ съ тѣхъ поръ ничего не было слышно...

II.

Въ «Русской Старинѣ», за время ея изданія, было напечатано много разсказовъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году; но большинство этихъ разсказовъ относится до старо-русскихъ поселянъ, или Австрійскаго полка. О происшествіяхъ въ Прусскомъ полку мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, и потому «Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ» [1]) представляютъ много новыхъ и интерес-

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1894 г. № 3, стр. 738.

ныхъ данныхъ. Воспоминанія принадлежатъ бывшему кантонисту поселенскаго Прусскаго полка, нынѣ старику крестьянину деревни Рускина, Броницкой волости, Новгородскаго уѣзда, Петру Павлову.

Желая очертить положеніе военныхъ поселеній передъ бунтомъ и говоря, что они были поручены гр. Аракчееву, разсказчикъ такъ характеризуетъ его:

«Графъ Аракчеевъ, какъ помѣщикъ, говоритъ онъ, имѣлъ свои вотчины, своихъ крестьянъ и велъ свое хозяйство; у него въ имѣніи все было такъ хорошо и образцово устроено, что многіе въ то время считали его образцовымъ сельскимъ хозяиномъ, и не разъ въ его Высочайше дарованную вотчину Грузино, находившуюся въ нашемъ уѣздѣ, на правомъ берегу Волхова, пріѣзжали любоваться многія Высочайшія особы. Избы у крестьянъ были выстроены по одному чертежу, со всевозможными для крестьянъ удобствами; овинъ, амбаръ, сараи—все это было чисто, опрятно любо-дорого смотрѣть. Бывало въѣдешь въ Грузино, думаешь, что здѣсь все народъ богатый, зажиточный, ни въ чемъ нельзя замѣтить ни бѣдности, ни недостатка... Да, правду сказать, между аракчеевскими крестьянами и не было крайней бѣдности, потому что его сіятельство, какъ помѣщикъ, лично самъ неусыпно слѣдилъ за всѣмъ; всякій недостатокъ по хозяйству: въ земледѣльческихъ ли, или въ хозяйственныхъ орудіяхъ, въ хлѣбѣ ли, въ домашнемъ ли скотѣ,—онъ исправлялъ на свои средства, если только этотъ недостатокъ былъ не отъ лѣни или отъ пьянства, а отъ какого-нибудь несчастія: падежа, напримѣръ, пожара или неурожая. Вообще для крестьянъ трудолюбивыхъ, усердныхъ, графъ былъ отцомъ благодѣтелемъ; за то лѣнивыхъ, безпечныхъ, пьяницъ терпѣть не могъ; для этихъ онъ былъ страшная неумолимая гроза. Онъ жестоко, по-военному, наказывалъ такихъ дурныхъ крестьянъ, въ особенности еще замѣченныхъ въ воровствѣ, дракахъ или иныхъ подобныхъ «художествахъ». Онъ былъ очень аккуратенъ во всемъ, любилъ точность, однообразность,—вотъ почему у него все было на чеку и всѣ ходили по струнке. У него все было распредѣлено, расписано до мельчайшей подробности: когда вставать, что дѣлать, какъ дѣлать, когда спать ложиться, даже что въ какой день ѣсть и пить, и то у него, кажется, было заказано».

Конечно, такіе порядки, присущіе аккуратному нѣмцу, были не по нутру русскому мужику, любящему просторъ, и ему трудно было уживаться съ такими требованіями. Не могли свыкнуться съ ними и военные поселяне. Надо прибавить къ этому, что большинство деревень, назначенныхъ въ составъ поселеній, было поселено раскольниками, которые трудно сживались съ приведенными къ нимъ полками. Въ устройствѣ военныхъ поселеній мѣстные жители-раскольники видѣли знаменіе нарожденія антихриста, а графъ Аракчеевъ былъ въ ихъ глазахъ если не

самъ антихристъ, то его предтеча. Тѣмъ не менѣе строгіе порядки, заведенные графомъ, заставили крестьянъ покориться и, мало по малу, они слились со старыми солдатами, поженившимися на ихъ дочкахъ.

Въ сельскомъ быту ихъ также произошла перемѣна: ихъ заставляли рубить и расчищать непроходимый лѣсъ и распахивать землю, пригнали изъ Малороссіи воловъ для полевыхъ работъ и въ какихъ-нибудь два года на мѣстѣ дремучаго лѣса «красовались обширныя поля, покрытыя золотистымъ колосомъ ржи».

«Тогда (въ 1818 году), говоритъ разсказчикъ, не то дѣло было: на все была издана форма. Борозды были прямыя, какъ одна. Чистыя гладкія дороги вездѣ были ровныя, безъ выбоенъ и ухабовъ разныхъ. Какъ отъ селенія къ селенію, такъ и по полямъ, дороги были одинаковы. Зато бывало взглянешь на засѣянныя поля, и залюбуешься, забудешь и свое горемычное житье».

Трудно было поселянамъ привыкать къ новымъ порядкамъ, не дававшимъ имъ отдыха даже и въ праздничные дни, назначенные для разводовъ съ церемоніями, смотровъ, повѣрки аммуниціи и проч. Поселянамъ не было времени сходить въ церковь помолиться Богу, да они впрочемъ, будучи раскольниками, и не стремились къ этому. Въ церкви все было не по-ихнему, не по-старинному. «Во-первыхъ, наружный видъ церкви былъ похожъ на простой домъ, а не на храмъ Божій, какой привыкъ съ малолѣтства видѣть каждый поселянинъ; во-вторыхъ, алтарь помѣщался иногда не на востокъ, а на западъ, или на сѣверо-западъ, смотря по удобству, и, въ третьихъ, иконы писаны были, хотя и превосходно и живо, но не на деревѣ, а на полотнѣ; это послѣднее въ особенности возмутило нашихъ старичковъ. Нерѣдко былъ слышенъ ропотъ на забвеніе и попраніе нашей православной религіи. Во всемъ этомъ опять-таки видѣли дѣла антихриста, т. е., проще сказать, графа Аракчеева».

Тяжело жилось поселянамъ, трудно было имъ переносить военные порядки, смѣшанные съ земледѣліемъ, и 8-го декабря 1826 года, они съ восторгомъ узнали, что, по повелѣнію императора Николая, съ нихъ снимается фронтовая военная аммуниція, отбираются ружья, ранцы, кивера, патронныя сумы и вся солдатская обмундировка, кромѣ шинелей и шапокъ. Вмѣсто мундира и солдатской шапки имъ дали изъ сѣраго сукна полукафтанъ, но сохранили воротники и погоны. Поселяне вздохнули свободнѣе, но не надолго.

Въ маѣ 1831 года начался падежъ скота и по распоряженію начальства приказано было убивать всякую заболѣвшую корову. Пользуясь этимъ, фельдшера убивали и здоровыхъ, снимали съ нихъ кожу, продавали ее въ Новгородѣ, а мясо употребляли въ пищу вмѣстѣ съ пріятелями. Въ короткое время въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ

не осталось ни одной коровы, и поселяне совершенно обнищали. «Пища и безъ того была скудная, а какъ передушили коровъ, и совсѣмъ плохо стало. Кромѣ хлѣба да воды, или какой-нибудь жидкой кашицы, гдѣ крупинка за крупинкой бѣгаетъ съ дубинкой, нечего было и ѣсть. Бабы, глядя на своихъ ребятишекъ, всячески стараются ихъ утѣшить, но чѣмъ помочь горю, не додумаются; знай, на чемъ свѣтъ ругаютъ фельдшеришекъ, отнявшихъ молоко у ихъ ребятишекъ. А тутъ, на грѣхъ, среди поселянъ-раскольниковъ пошли разные нелѣпые толки о послѣднихъ временахъ и знаменіяхъ антихриста и въ довершеніе всего въ послѣднихъ числахъ іюня начали поговаривать и про холеру». Говорили, что она уже въ Москвѣ, что повсюду устроены карантины, въ которыхъ выдерживаютъ по 12 дней и производятъ окуриваніе; что ломовые извощики, задержанные въ карантинѣ, отъ недостатка корма всѣ разорились и лошади подохли. И дѣйствительно, цѣны на фуражъ и на хлѣбъ вздорожали непомѣрно, потому что скопленіе народа и лошадей въ карантинахъ было громадное, а доставка продуктовъ очень не значительная. Мѣстные крестьяне не везли припасовъ къ карантину, изъ опасенія, что и сами будутъ задержаны тамъ же. Освободившіеся изъ карантина извощики распускали въ народѣ самые нелѣпые слухи и говорили, что карантины устроены начальствомъ для наживы, у кого денегъ много, того держатъ въ карантинѣ не долго, а у кого мало, «того готовы умертвить и задушить проклятой окуркой». Крестьяне пріуныли, распустились и прекратили полевыя работы. Начались толки и пересуды о начальникахъ и вообще объ образованныхъ людяхъ.

«Эти образованные люди, говорили крестьяне, и есть служители антихриста, ибо они учены, да переучены дотого, что забыли Бога. Шуточное ли дѣло: постовъ не соблюдаютъ, ни среды, ни пятницы не знаютъ, жрутъ подъ рядъ каждый день мясо. Церковь нашу передѣлали. Образа намалевали, вмѣсто Боговъ, какихъ-то господъ да барынь написали, все въ угоду полякамъ, нашимъ супротивникамъ, которые досаждаютъ и намъ, и батюшкѣ-царю. Вотъ теперь и намъ нужно, братцы, постоять за себя, за царя, постоять за церковь Божію. Явнаго врага, непріятеля, передъ нашими глазами нѣтъ, а потому нужно его сыскать, т. е. виновнаго—кто эту самую холеру въ насъ пущаетъ и кто устраиваетъ эти карантины съ поганою окуркой».

Думали, думали крестьяне и рѣшили, что виновниками несчастія никто другой, какъ ихъ начальники.

«Какъ скотину нашу всю повыморили, говорила толпа, такъ и насъ ни за что изведутъ. Говорятъ, что отъ этой холерной болѣзни, точно отъ яду, нужно пить молоко парное, а гдѣ его теперь взять! Начальники-то лукавы: они напередъ объ этомъ догадались, и чтобы нечѣмъ было лечиться отъ холеры, взяли да и уморили весь скотъ».

*

Такіе разсказы ходили всюду, почва была подготовлена и недоставало только искры, чтобы зажечь пламя народнаго бунта. Онъ вспыхнулъ въ первой ротѣ Прусскаго полка, поселенной ниже другихъ внизъ по теченію р. Волхова.

«Этой ротѣ, говоритъ П. Павловъ, былъ сдѣланъ нарядъ, чтобы всѣ домохозяева-поселяне завтра, въ Ильинскую пятницу, ѣхали на дальній покосъ; въ виду этого, ротнымъ командиромъ названной роты, Журавскимъ, было сдѣлано распоряженіе: взять съ собою на покосъ котлы и всѣ кухонныя принадлежности, а также и провизію: крупу, соль, ну, словомъ, и прочія харчи изъ ротнаго цейхгауза, съ разсчетомъ для продовольствія всей роты на нѣсколько дней. Въ прежнее время этого не дѣлали, а если и отправлялись въ дальнія покосныя мѣста, то каждый домохозяинъ бралъ свой котелокъ и харчи, какія были припасены для своей семьи. Подобное же распоряженіе сдѣлано было для того, чтобы хоть нѣсколько улучшить довольствіе людей, такъ какъ было обращено особое вниманіе на пищу и, по распоряженію баталіоннаго доктора, продукты были заготовлены доброкачественные—питательные, здоровые, тогда какъ огурцы, незрѣлыя ягоды и вообще какая бы то ни было зелень были строго воспрещены».

Такая заботливость ротнаго командира обратилась ему же въ осужденіе. Въ приказаніи взять ротные котлы и ротную пищу, а не свою, поселяне видѣли желаніе отравить ихъ.

— Вотъ, ужо наварятъ каши, говорили нѣкоторые, мы налопаемся и всѣ передохнемъ. Ужь и фельдшеръ съ нами ѣдетъ и непремѣнно съ собою ядъ-холеру везетъ, и было бы не худо обыскать его теперь же...

— Да, да, обыскать, обыскать! заговорили голоса.

Толпа бросилась къ телѣгѣ, гдѣ находился фельдшеръ, стащила его и потребовала отъ него яда, который былъ, по ихъ словамъ, приготовленъ для отравы поселянъ. Фельдшеръ, совершенно не предвидѣвшій ничего подобнаго, испугался, поблѣднѣлъ и не могъ ничего отвѣчать. Толпа бросилась къ телѣгѣ, вытащила ящикъ съ походной аптечкой и начала выбирать изъ него стклянки и банки съ лѣкарствами. Это что? это что? спрашивали поселяне показывая лѣкарства. Фельдшеръ объяснялъ имъ значеніе каждаго лѣкарства, но ему не вѣрили.

— Если это не ядъ, кричала толпа, то возьми и выпей. Тогда мы посмотримъ.

— Братцы, со слезами говорилъ фельдшеръ, да какъ же это возможно выпить? вѣдь это капли, ихъ употребляютъ въ лѣкарство по нѣскольку только капель... всего же нельзя выпить.

— Ну, вотъ вамъ и доказательство на лицо, кричали зачинщики. Говорятъ тебѣ: пей! Не то мы тебѣ насильно въ ротъ вольемъ.

Напрасно фельдшеръ увѣрялъ, что это не ядъ, его повалили и стали вливать въ ротъ одну стклянку за другою.

«Не успѣли вылить третьяго пузырька, говоритъ очевидецъ, какъ фельдшеръ неистово закричалъ, началъ метаться во всѣ стороны и, совершенно обезумѣвъ, должно быть отъ нестерпимой боли, упалъ на землю съ искаженнымъ лицомъ, и съ нимъ начались корчи. Поселяне совершенно остервенѣли, вполнѣ увѣренные теперь, что ихъ дѣйствительно хотѣли всѣхъ уморить на сѣнокосѣ».

Они бросились въ слободу и прежде всего на ротный дворъ, съ намѣреніемъ схватить своего командира Журавскаго, но тотъ предувѣдомленный успѣлъ ускакать въ Новгородъ. Такой поступокъ еще болѣе убѣдилъ толпу, что ихъ всѣхъ хотѣли отравить. Изъ 1-й роты тотчасъ же были посланы гонцы во 2-ю роту съ требованіями задержать ихъ ротнаго командира, капитана Зальцера, и съ объясненіемъ, что 1-я рота нашла ключъ къ проклятой холерѣ. Предувѣдомленный проѣзжавшимъ мимо Журавскимъ, Зальцеръ вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ въ Новгородъ.

Вѣсть о случившемся въ первой ротѣ достигла и до резервной. И здѣсь толпа, подъ предводительствомъ унтеръ-офицера Русакова, бросилась на ротный дворъ. Подбѣжавъ къ вышедшему на встрѣчу капитану Дасаеву, Русаковъ ударилъ его по щекѣ, сорвалъ съ него эполеты, а толпа между тѣмъ схватила фельдфебеля и начала его бить чѣмъ попало. Той же участи подвергся капитанъ Дасаевъ, каптенармусъ, фельдшеръ, учитель кантонистовъ и наконецъ всѣхъ ихъ перевязали, присоединивъ и священника отца Василія. Между тѣмъ толпа росла и, когда собралась почти вся рота, тогда рѣшено было всѣхъ связанныхъ вывести за слободу, на дорогу, ведущую въ полковой штабъ. Избитые до неузнаваемости и окровавленные несчастные едва волочили ноги и брели, не смѣя пикнуть. Одинъ отецъ Василій просилъ пощады и тронулъ окружающихъ: его развязали и отпустили домой.

Сначала онъ какъ-то растерянно стоялъ, говоритъ очевидецъ, не вѣря, что свободенъ, но потомъ вдругъ повернулся по направленію къ дому и бросился бѣжать стороной, ржанымъ полемъ, а не дорогой, должно быть, изъ опасенія, чтобы не задержали отставшіе отъ толпы буяны, которые, конечно, не могли знать объ его освобожденіи. Толпа долго смотрѣла въ слѣдъ бѣжавшему отцу Василію, любуясь, какъ у него размахиваются полы рясы и развѣваются волосы, затѣмъ тронулась далѣе.

«Проходя по слободѣ 4-й роты, толпа узнала, что всѣ хозяева этой роты, захвативъ съ собою своего ротнаго командира, капитана Денисова, и другихъ мелкихъ начальниковъ, ушли уже въ штабъ; то же самое имъ сказали и въ слободѣ 3-й роты, самой ближайшей къ штабу».

Тамъ, при собраніи всего баталіона происходили страшныя неистовства: баталіонный командиръ, маіоръ Яцковскій, былъ засѣченъ до

безпамятства, командиры 3-й и 4-й ротъ были избиты и раздѣты чуть не донага, всѣ чины полковаго штаба подверглись неистовому сѣченію. Все это продѣлывали отчаянные негодяи, и никто унять ихъ не осмѣливался. Они унялись тогда, когда жертвы ихъ изступленія оказались въ безсознательномъ состояніи. Тогда рѣшено было написать государю жалобу о томъ, что начальники покушались на жизнь поселянъ, но для этого, по ихъ понятію, надо было приложить къ прошенію допросы избитыхъ ими начальниковъ. Но кто будетъ записывать ихъ показанія? Среди толпы не было грамотныхъ. Вспомнили о бывшемъ аудиторскомъ писарѣ Морозовѣ и послали за нимъ. Понимая, какой отвѣтственности онъ подвергался, Морозовъ отказался снимать допросы съ начальниковъ. Тогда начали его сѣчь и сѣкли до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился исполнить требованіе безпрекословно. Ему приказали записывать то, что будутъ говорить допрашиватели. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ маіору Яцковскому.

— Ваше высокоблагородіе, говорите намъ всю правду, не то вотъ видите кучу розогъ: если будете вертѣться и запираться, то заставите опять за нихъ приняться, и то ужь васъ порядкомъ исполосовали, такъ я совѣтую—лучше во всемъ признайтесь.

Яцковскій предоставилъ имъ писать, что хотятъ, и обѣщалъ подписать написанное, только просилъ не сѣчь его, старика, больше розгами. Тогда писарю Морозову продиктовано было слѣдующее: «Я, баталіонный командиръ маіоръ Яцковскій, начальникъ поселеннаго баталіона, короля Прусскаго полка, сознаюсь, что я согласенъ былъ съ польскими панами-мятежниками на истребленіе русскаго народа и русскаго царя ядомъ, подъ видомъ холеры, а также было мною приказано всѣмъ ротнымъ командирамъ моего баталіона, каковы были со мною согласны на это же дѣло, чтобы окормить людей ядомъ, каковой у насъ на это былъ и приготовленъ, только гдѣ у насъ былъ спрятанъ ядъ, то его тамъ не нашли».

Несчастнаго, до полусмерти изсѣченнаго маіора, не могшаго отъ слабости подняться на ноги, посадили силою за столъ и заставляли подписать сочиненный ими допросъ. Яцковскій написалъ три или четыре строчки на какомъ-то иностранномъ языкѣ и подписалъ свою фамилію. Толпа спрашивала, вѣрно ли подписалъ маіоръ, и, получивъ отъ Морозова утвердительный отвѣтъ, удовольствовалась имъ. Яцковскаго оттащили отъ стола, положили на прежнее мѣсто и приступили къ допросу остальныхъ. Всѣ они въ числѣ 9 человѣкъ принуждены были подписаться подъ импровизованнымъ допросомъ и затѣмъ были отведены на гауптвахту. Послѣ этого было составлено прошеніе на имя императора и съ нимъ отправлены въ Петербургъ 8 человѣкъ, которымъ выдали по 100 руб., взятыхъ изъ казеннаго денежнаго ящика. Затѣмъ толпа разбрелась по плацу и собралась въ небольшія кучки. Многіе скорбѣли о происшедшемъ, понимали, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, но сознавали, что в ос-

препятствовать или унять зачинщиковъ не было никакой возможности.

«Въ другой кучкѣ отъявленныхъ сорванцовъ, говоритъ Павловъ, шелъ крупный разговоръ со смѣхомъ, каждый хотѣлъ разсказать о своей удали, о своей прыти; одинъ хвалился, какъ онъ дралъ своего ротнаго командира и какъ тотъ вздрагивалъ и вертѣлся подъ его ударами, другой представлялъ, какъ гримасничалъ командиръ баталіона, когда ему рвали волосы на головѣ, и какую онъ дѣлалъ забавную тогда рожу. Всѣ были веселы: смѣхъ, говоръ и шутки не умолкали до двѣнадцатаго часа ночи. Во время этого безшабашнаго препровожденія времени вдругъ впопыхахъ прибѣжалъ поселянинъ 3-й роты, расположенной въ Ложитовскихъ связяхъ, Семенъ Злобинъ, и объявилъ, что изъ Новгорода ѣдетъ артиллерія и переправляется на паромѣ черезъ Волховъ».

Толпа растерялась и не знала, что дѣлать, пока не явился среди собравшихся одинъ изъ главныхъ коноводовъ, Иванъ Горшковъ. Онъ предложилъ «уходить» всѣхъ начальниковъ, т. е. попросту отрубить имъ головы.—Если оставить ихъ живыми, говорилъ Горшковъ, то они покажутъ, кто ихъ билъ и намъ будетъ плохо; а если ихъ убьемъ, то изъ насъ одинъ на другаго доказывать не будетъ, отыскать виноватаго будетъ трудно, а всѣхъ пересѣчь нельзя—не всѣ же виноваты.

Совѣтъ Горшкова былъ принятъ, народъ бросился на гауптвахту, вытащили оттуда девять несчастныхъ жертвъ и повели ихъ на плацъ. Дойдя до середины, всѣ остановились. Со всѣхъ сторонъ поднялся ужасный крикъ и шумъ: одни требовали казни, другіе совѣтовали не лишать ихъ жизни. Голосъ первыхъ одержалъ верхъ, и первыя семь жертвъ были умерщвлены самымъ звѣрскимъ образомъ. Оставалось еще двое, но въ это время кто-то изъ толпы закричалъ:

— Ребята, кто же у насъ будетъ за баталіоннаго командира, когда мы всѣхъ этихъ господъ перебьемъ. Вовсе-то безъ начальниковъ, какъ будто, и не того... не складно будетъ!

— Вѣрно, что не складно! закричали въ толпѣ. Вотъ-что: коль надо безпремѣнно начальника, то оставить капитана Костырева. Пущай онъ будетъ нашимъ поселеннымъ баталіоннымъ командиромъ.

Такимъ образомъ капитанъ Костыревъ остался живъ. Тутъ же бросились розыскивать штабъ-офицерскіе эполеты для новаго баталіоннаго, которые и нашлись въ карманѣ одного изъ поселянъ, успѣвшаго сорвать съ убитаго маіора Яцковскаго и спрятать себѣ. Найденные эполеты прицѣпили къ вицъ-мундиру капитана Костырева и тутъ же поздравили его маіоромъ и начали называть ваше высокоблагородіе. Еще одна несчастная жертва оставалась неубитая—это подпоручикъ Монаховъ, завѣдывавшій хлѣбнымъ магазиномъ. Когда-было уже принялись за него и

поволокли, чтобы отрубить и ему голову, кто-то изъ толпы, желая спасти его, крикнулъ:

— Эй, ребята, погодите-ка Монахову-то рубить голову.—Вѣдь вотъ какое дѣло.—Кто его знаетъ, можетъ быть, у него много хлѣба поразмотано изъ магазина. Не пришлось бы намъ за него въ отвѣтѣ быть... Пусть-ка онъ самъ отвѣтитъ.

— Да, да! Это вѣрно! Его непремѣнно нужно оставить, пусть самъ и расхлебываетъ кашу, буде умѣлъ размотать магазины.

Монаховъ былъ добрый человѣкъ, и выдумка доброжелателя спасла его отъ смерти.

Вновь избранный баталіонный командиръ, капитанъ Костыревъ, предложилъ бунтовщикамъ выбрать изъ себя начальниковъ, для завѣдыванія ротами, изъ унтеръ-офицеровъ, которые бы не очень буянили, потолковѣе и понабожнѣе. Это всѣмъ понравилось, народъ сталъ успокоиваться и расходиться по домамъ. Убитыхъ не рѣшались хоронить, а вспомнивъ, что за штабомъ есть ямы отъ бывшаго кирпичнаго завода, свезли ихъ туда, закрыли дровами и приставили караулъ, чтобы собаки ихъ не попортили.

Черезъ шесть дней возвратились изъ Петербурга посланные депутаты и привезли далеко не утѣшительныя извѣстія. Прямо съ дороги они явились государю и подали ему запачканные кровью прошеніе и допросы. Прочитавъ ихъ, императоръ Николай покачалъ нѣсколько разъ головой и потомъ обратился къ прибывшимъ.

— Ну, молодцы! сказалъ онъ.—Ну, допустимъ, что ваши начальники кругомъ виноваты, что же я могу съ нихъ, мертвыхъ, взыскать... Какъ осмѣлились вы самоуправничать и такъ варварски поступать? Первое—у насъ смертной казни уже нѣтъ и вы такимъ образомъ со своимъ начальствомъ оказываетесь просто убійцами.—Второе — какъ вы осмѣлились поднять руки не только на начальство... но... и на меня? Именно на меня, такъ какъ начальство ваше поставлено было мною... Да еще и явились ко мнѣ съ неумытыми, грязными и окровавленными руками...

Затѣмъ, обратившись къ своей свитѣ, государь сказалъ:

— Я думаю вотъ что: запереть ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ тѣ дома, которые для нихъ же, мерзавцевъ, выстроены, да и сжечь... тѣмъ и кончить съ этими военными поселеніями.

Стоявшій возлѣ графъ Орловъ просилъ помиловать ни въ чемъ не повинныхъ женъ и дѣтей, просилъ разрѣшить произвести слѣдствіе и тогда уже наказать дѣйствительно виновныхъ. Государь согласился съ мнѣніемъ графа, поручилъ ему производство слѣдствія, приказавъ ѣхать немедленно въ поселенія, и прибавилъ, что и самъ потомъ пріѣдетъ.

Къ пріѣзду Орлова весь баталіонъ былъ собранъ въ полковомъ манежѣ. Указавъ имъ на всю тяжесть преступленія, графъ посовѣтовалъ поселянамъ по прибытіи государя пасть на землю ницъ лицомъ и лежать до тѣхъ поръ, пока ихъ не проститъ.

— Если онъ строго прикажетъ вамъ встать, прибавилъ Орловъ, то вы хотя и встанете, но не на ноги, а на колѣни и стоя на колѣнахъ просите прощенія.

На слѣдующій день прибылъ императоръ Николай. Люди упали на землю ницъ лицомъ и кричали: «виноваты, Ваше Величество».

— Какъ вы осмѣлились рубить головы своимъ начальникамъ, которыхъ я вамъ назначилъ? спрашивалъ государь.—Вѣдь это все равно, что на меня подняли руки... Вставайте, палачи!

Люди не вставали.

— Какъ вы осмѣлились, продолжалъ государь, — прислать ко мнѣ съ просьбой такихъ же негодяевъ, какъ вы сами... съ окровавленными руками и бумагой, испачканной въ крови?.. Встать! я приказываю: солдаты должны стоять, а не лежать.

Тысяча голосовъ кричала: «простите, Ваше Величество, нашу тяжкую вину, въ будущемъ мы постараемся заслужить».

— Но я приказываю вамъ встать... Что же вы меня ослушиваетесь?

— Баталіонъ всталъ на колѣни.

— Такъ и быть прощаю васъ, негодяи. Встать на ноги по-солдатски!..

Баталіонъ всталъ и выровнялся.

— Но прощаю съ тѣмъ, чтобы выдали мнѣ виновныхъ... Я хотя лично и прощаю, но законъ требуетъ справедливости, виновные, все-таки, должны быть по мѣрѣ преступленія наказаны...

Затѣмъ государь обратился къ баталіонному командиру и спросилъ фамилію.

— Капитанъ Костыревъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ.

— А кто же тебя назначилъ баталіоннымъ командиромъ?

— Я, Ваше Величество, единогласно избранъ поселеннымъ баталіономъ, и они же насильно прицѣпили мнѣ эполеты.

— Ну, когда ты избранъ хотя и сумасброднымъ баталіономъ, то оставайся въ этомъ званіи и поздравляю тебя маіоромъ...

Поинтересовавшись, гдѣ лежали убитые, императоръ, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ изъ манежа и вскорѣ уѣхалъ.

Началось слѣдствіе, а затѣмъ судъ. Спустя два мѣсяца состоялся приговоръ, и болѣе 170 человѣкъ были наказаны кнутами, шпицрутенами и сосланы въ Сибирь.

III.

Однимъ изъ послѣднихъ распоряженій императрицы Екатерины было, какъ мы видѣли [1]), переселеніе евреевъ изъ мѣстечекъ и селеній въ города, чтобы они не скитались во вредъ обществу. Такое распоряженіе было не особенно пріятно городамъ и мало помогло дѣлу. Евреи уклонялись отъ платежа податей и отъ рекрутскихъ наборовъ и даже не вносили слѣдуемыхъ съ нихъ рекрутскихъ денегъ. Курляндскій гражданскій губернаторъ писалъ, что большая часть евреевъ, кромѣ записанныхъ въ купечество, живетъ безъ точнаго и опредѣленнаго мѣстопребыванія и безъ недвижимаго имѣнія.—«А какъ по сему случаю за нихъ никто не отвѣчаетъ, прибавлялъ губернаторъ [2]), закрѣплять же ихъ ни за кѣмъ не велѣно, да и перехода запретить, какъ по мѣстному положенію губерніи, такъ и по пронырству и привычкѣ къ тому сего народа, никакъ не возможно»—то онъ, губернаторъ, не видя никакого средства набрать съ нихъ рекрутъ или вмѣсто нихъ деньги, спрашивалъ Сенатъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ. Сенатъ потребовалъ свѣдѣнія отъ губернскаго правленія, которое отвѣчало, что хотя въ Курляндіи и считается 4.581 душа евреевъ, но всѣ они весьма бѣдны и не составляютъ никакого общества. Большая часть ихъ, не имѣя постояннаго жительства, переходила съ мѣста на мѣсто, изъ одной губерніи въ другую. О взысканіи съ нихъ податей не было и помину, потому, писало губернское правленіе, что «нѣтъ ни одного общества, которое бы за нихъ отвѣтствовать могло». Курляндцы просили объ удаленіи евреевъ вовсе изъ ихъ губерніи, но Сенатъ не изъявилъ на то согласія и требовалъ указаній, на какомъ основаніи можно оставить евреевъ въ Курляндіи, какъ для пользы общей, такъ и для ихъ собственной, и какія принять мѣры для своевременнаго собиранія съ нихъ податей. Но какъ было собирать ихъ съ кочевниковъ, которые, при одномъ намекѣ на уплату, бѣжали въ разсыпную.

«Любимыми промыслами этихъ пришельцевъ въ Курляндіи, говоритъ М. Ѳ. Шугуровъ, были тѣ, которые требуютъ наименѣе физическаго труда. Въ этомъ отношеніи сыны Израилевы, всегда и вездѣ, вѣрны себѣ. Физическій трудъ не выносимъ для нихъ. Въ Египтѣ они строятъ Фараону два города для запасовъ и изнемогаютъ отъ этой работы, которую кагальный лѣтописецъ ихъ называетъ тяжкою. Тотъ же

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1894 г. № 4.

[2]) „Исторія евреевъ въ Россіи“. М. Ѳ. Шугуровъ. „Русскій Арх.“ 1894 г. № 3, стр. 291.

лѣтописецъ говоритъ, что египтяне дѣлали жизнь ихъ горькою, отъ тяжкой работы, къ которой принуждали ихъ съ жестокостью. Кочевники бѣгутъ отъ такихъ тяжкихъ работъ и бѣгутъ не съ пустыми руками. Съ тѣхъ поръ у всѣхъ иноплеменниковъ, среди которыхъ приходилось жить имъ, они выбираютъ такіе промыслы, которые, при относительной легкости производства, представляютъ наиболѣе средствъ къ ловкому обиранію».

По природному отвращенію къ труду курляндскіе евреи жили бѣдно, почти безъ дневной пищи и питались мелочною торговлею, продажею старыхъ вещей и непозволеннымъ маклерствомъ; въ селахъ они занимались винокуреніемъ, содержаніемъ корчемъ, ремеслами; но къ труднымъ работамъ и хлѣбопашеству склонности никогда не имѣли. По всѣмъ этимъ причинамъ курляндское губернское правленіе находило необходимымъ—всѣхъ живущихъ въ Курляндіи евреевъ, имѣющихъ недвижимое имущество, соединить въ одно общество, съ круговою порукою за правильность и своевременность платежа податей. Общество это предполагалось приписать къ городу Газенпоту, съ тѣмъ чтобы въ другихъ городахъ запретить имъ всякое ремесло; вышедшихъ же изъ другихъ мѣстъ въ Курляндскую губернію возвратить на прежнія ихъ жилища, кромѣ тѣхъ, которые представятъ надежное ручательство въ исправномъ платежѣ податей.

Узнавшіе о готовящемся имъ ударѣ евреи подали прошеніе въ экспедицію государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, въ которомъ просили себѣ широкихъ правъ гражданства и самоуправленія. По Высочайше утвержденному 14 марта 1799 года положенію экспедиціи, евреямъ было позволено: 1) отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы на основаніи Городоваго положенія, записываться по городамъ въ мѣщанство и купечество; 2) съ такихъ лицъ собирать подати вдвое противъ положенныхъ для христіанъ; 3) всѣмъ евреямъ, живущимъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, переселиться непремѣнно въ города, гдѣ, объявя свои промыслы, записаться въ общество; 4) по таковой запискѣ, внести подати за годъ впередъ и получить паспортъ, съ тѣмъ чтобы не заплатившіе податей и безпаспортные были представляемы суду; 5) сдѣлать по губерніи повсемѣстное распоряженіе, чтобы, подъ строжайшимъ взысканіемъ по закону, никто не держалъ евреевъ безъ паспортовъ и представлялъ ихъ немедленно земской полиціи. Евреямъ позволено было учредить въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ кагалы, которые «не должны касаться ни до чего инаго кромѣ обрядовъ закона ихъ и богослуженія; въ дѣлахъ же судныхъ и до расправы относящихся вѣдаться имъ въ магистратахъ, ратушахъ и другихъ по принадлежности судахъ». Имъ позволено строить синагоги, имѣть кладбища и бойни, но мѣста для этого

пріобрѣтать на собственныя средства. Закрѣплять ихъ за кѣмъ-либо, т. е. дѣлать крѣпостными, было запрещено, а относительно уплаты податей они должны были состоять подъ вѣдѣніемъ магистрата и другихъ обществъ, которыя обязаны были отвѣчать за исправность ихъ взноса.

Всѣ эти мѣры, предпринятыя для устройства еврейскаго быта въ Курляндіи, не касались этого племени, поселившагося въ другихъ губерніяхъ. Законы о евреяхъ, дѣйствовавшіе въ одной мѣстности, оставались часто безъ примѣненія въ другой, и еврейскій вопросъ былъ въ постоянномъ движеніи. «Нельзя не замѣтить, говоритъ Дюрингъ, что вездѣ, куда бы ни проникали евреи въ продолженіе многихъ тысячелѣтій своего существованія, вездѣ подымался еврейскій вопросъ. Египтяне первые испытали на себѣ гнетъ «святаго народа», этой богоизбранной аристократіи человѣчества, или «аристократіи природы», каковою считаетъ себя этотъ народъ. Египтяне первые должны были рѣшить еврейскій вопросъ и крѣпко поплатились при этомъ своимъ золотомъ и серебромъ». Платились имъ и жители тѣхъ мѣстностей въ Россіи, гдѣ поселились евреи. Въ 1800 году въ Бѣлоруссіи обнаружился голодъ, причиною котораго было отчасти и корыстолюбіе евреевъ. Командированному для принятія мѣръ къ прекращенію голода Г. Р. Державину было поручено обратить вниманіе и на поступки евреевъ.

По дорогѣ къ Витебску Державинъ нашелъ, что крестьяне ѣдятъ хлѣбъ съ мякиною, вареный щавель и вареную кислицу. Далѣе, по направленію къ мѣстечку Дубровкѣ, крестьяне вовсе не имѣли хлѣба, а ѣли щавель, лебеду и прочія травы и коренья, «сваривъ оныя или напаря въ горшкахъ густо на подобіе каши, а индѣ смѣшавъ съ малѣйшею частью ржаной муки и всякаго рода житомъ, отчего не только они слабы, но и опухоль уже на лицахъ и на грудяхъ у нѣкоторыхъ показывается». Весь хлѣбъ уходилъ въ руки евреевъ, и Державинъ нашелъ его въ корчмахъ въ изобиліи. На дальнѣйшемъ пути онъ встрѣтилъ около 100 повозокъ съ ржаной мукою, закупленною евреями въ Краковѣ, Мстиславлѣ и другихъ мѣстечкахъ, для отправки заграницу. Державинъ тотчасъ же остановилъ транспортъ и приказалъ снабдить этимъ хлѣбомъ крестьянъ, взять нѣсколько сотъ четвертей изъ провіантскихъ магазиновъ и, наконецъ, если бы этого было недостаточно, то описать хлѣбъ, какой у кого есть, и раздать заимообразно нуждающимся. Вслѣдъ за тѣмъ узнавъ, что въ мѣстечкѣ Лёзнѣ евреи производятъ винокуреніе, а сосѣдніе крестьяне ѣдятъ барду и щавель, Державинъ запечаталъ заводъ, оставилъ часть хлѣба на пропитаніе евреямъ, а остальной роздалъ голодающимъ. Всѣ эти мѣры, конечно, возстановили евреевъ и пановъ, дѣйствовавшихъ съ ними за-одно. Въ Петербургъ былъ отправленъ доносъ на Державина, съ представленіемъ, что принятыя имъ мѣры могутъ произвести бунтъ среди крестьянъ, но импера-

торъ пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ Іоанна Іерусалимскаго, а доносчика хорунжаго Микошу отправилъ въ ссылку въ Тобольскъ.

Между тѣмъ Державинъ, познакомившись близко съ дѣятельностью евреевъ, составилъ свое «Мнѣніе объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ и о ихъ преобразованіи». Узнавшіе объ этомъ евреи тотчасъ же бросились къ всесильному тогда Кутайсову и успѣли задобрить его. Кутайсовъ перешелъ на сторону евреевъ, и мнѣніе Державина не получило хода. Императоръ приказалъ препроводить его въ Сенатъ, гдѣ оно и пролежало два года.

Не отрицая того, что бѣлорусскій крестьянинъ лѣнивъ и готовъ за водку отдать еврею все, что онъ потребуетъ, Державинъ говорилъ, что Бѣлоруссія все-таки производитъ много хлѣба, только большая часть его уходитъ заграницу, истребляется на винокуренныхъ заводахъ и отправляется въ Лифляндію къ тамошнимъ экономамъ, для пересидки. Польскіе помѣщики большею частію отдавали свои имѣнія въ аренду евреямъ, не охраняя контрактами ни крестьянъ отъ отягощенія, ни своего имущества отъ разоренія. Сдѣлавшись полновластнымъ хозяиномъ, арендаторъ изнурялъ крестьянъ работами, разнаго рода налогами и превращалъ ихъ въ бездомныхъ бобылей. Мало того, нѣкоторые помѣщики, по словамъ Державина, «отдавая на откупъ жидамъ въ своихъ деревняхъ винную продажу, дѣлаютъ съ ними постановленія, чтобы ихъ крестьяне ничего для себя нужнаго нигдѣ ни у кого не покупали и въ долгъ не брали, какъ только у сихъ откупщиковъ, и никому изъ своихъ продуктовъ ничего не продавали, какъ только симъ жидамъ же откупщикамъ; а сіи, покупая отъ крестьянъ и продавая имъ втрое дороже истинныхъ цѣнъ, обогащаются барышами и доводятъ поселянъ до нищеты, а особливо при возвращеніи отъ нихъ взаймы взятаго хлѣба; ибо ежели не сугубымъ превосходствомъ, то уже, конечно, должны отдать вдвое; кто же изъ нихъ того не исполнитъ, бываютъ наказаны. Такими-то и тому подобными узами отняты всѣ способы у крестьянъ быть зажиточными и сытыми».

Если къ этому прибавить, что во время пребыванія Державина въ Бѣлоруссіи было до 500 корчемъ, то станетъ понятнымъ, какимъ множествомъ сосцовъ высасывалась крестьянская кровь. Въ корчмахъ развращались нравы, выманивались не только хлѣбъ, стоявшій еще на корнѣ, но земледѣльческія орудія, имущество и терялось здоровье. Кромѣ того, осенью, когда крестьянинъ располагалъ наибольшимъ количествомъ хлѣба, евреи разъѣзжали по деревнямъ съ виномъ, спаивали крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми и, обсчитывая пьяныхъ, обирали съ ногъ до головы. Къ зимѣ у крестьянина ничего уже не было, и тотъ

же еврей снабжалъ его хлѣбомъ, съ обязательствомъ въ будущемъ возвратить ему сторицею. «Положеніе крестьянина было по истинѣ ужасно: невольный работникъ, преданный паномъ въ руки еврея, хищника отъ природы, могъ жить только со дня на день, жить потому, что кое-какъ жилось, благодаря травамъ да кореньямъ, которыми брезговалъ хищникъ. Вотъ откуда шла лѣнь крестьянина, его беззаботность, его страшное равнодушіе ко всему. Вотъ почему въ страдную пору онъ (крестьянинъ) не рѣдко цѣлые дни просиживалъ надъ озеромъ съ удочкой и походилъ на отчаяннаго».

Державину пришлось заставлять помѣщиковъ кормить голодныхъ крестьянъ, отдавать въ опеку имѣнія тѣхъ, которые ихъ безжалостно обирали, и, наконецъ, порвать связь между помѣщиками и евреями. Связь эта держалась, главнымъ образомъ, на арендахъ и винокуреніи. Державинъ предлагалъ: 1) чтобы винокуреніе производили одни помѣщики и притомъ оставляя ежегодно въ зернѣ столько хлѣба, сколько, въ случаѣ неурожая, необходимо для прокормленія крестьянъ и обсѣмененія ихъ полей; 2) чтобы евреи, не владѣющіе деревнями, вина не курили ни у себя, ни у помѣщиковъ, не вывозили его изъ другихъ губерній и не распродавали ни по домамъ, ни по корчмамъ, ни поведерно, ни по-чарочно; 3) винную продажу сколь возможно ограничить и дозволить имѣть корчмы только на большихъ дорогахъ, ярмаркахъ и на пристаняхъ и 4) жидовъ-арендаторовъ тотчасъ выгнать и нигдѣ имъ продажи вина не дозволять, ни винокурами при заводахъ винныхъ, ни факторами при домахъ помѣщичьихъ не быть.

«Отрывая евреевъ, говоритъ Шугуровъ, отъ обычныхъ занятій ихъ, отъ винокуренія и корчмы, отъ деревни и всякихъ арендъ, даже отъ двора польскаго пана, къ которому крестьянинъ могъ получить доступъ не иначе, какъ заплативъ напередъ нѣсколько копѣекъ фактору, Державинъ подымалъ вопросъ о коренномъ измѣненіи условій и характера дѣятельности сыновъ израилевыхъ».

Онъ считалъ необходимымъ освободить Бѣлоруссію отъ связи съ евреями, уничтоженіемъ корчемъ и недозволеніемъ евреямъ продавать вино. Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ предлагалъ сдѣлать новую перепись евреямъ и распредѣлить ихъ по классамъ. Купцы, составляющіе первый классъ, остаются въ опредѣленномъ узаконеніями положеніи; изъ мѣщанъ образуются городовые и сельскіе мѣщане и поселяне-хозяева. Городовые мѣщане должны жить въ городахъ, быть мастеровыми, ремесленниками, разносчиками товаровъ по ярмаркамъ и другимъ городамъ и прикащиками въ лавкахъ у евреевъ. Сельскіе мѣщане поселяются на казенныхъ земляхъ, занимаются ремеслами, заводятъ на свой счетъ фабрики и, наконецъ, поселяне-хозяева имѣютъ на своихъ усадьбахъ по четыре работника изъ поселенныхъ евре-

евъ или изъ своего семейства. Помѣщики, принимающіе къ себѣ на поселеніе евреевъ, обязаны въ теченіе трехъ лѣтъ устроить для нихъ фабрики и заставить евреевъ заниматься земледѣліемъ собственными, а не крестьянскими руками; платить за нихъ подати, обезпечить евреевъ продовольствіемъ, «не давать имъ на содержаніе арендъ, а особливо корчемъ, ни позволять имъ продавать вино или заниматься перекуркой, ни держать ихъ при своихъ домахъ факторами». За несоблюденіе этихъ правилъ помѣщики подвергаются сначала денежному штрафу, а затѣмъ конфискаціи имѣнія въ казну. Еврей же, не исполнившій установленныхъ положеній, ссылается одинъ, безъ жены, въ каторжную работу въ Сибирь.

Касаясь вопроса о политическомъ образованіи евреевъ, Державинъ требовалъ уничтоженія ихъ національнаго правительства — к а г а л а.

«Дабы поставить евреевъ, говоритъ онъ, относительно общежительныхъ обязанностей наравнѣ съ прочими, Россіи подвластными, народами и подвергнуть единственному государственному правленію, то во всѣхъ еврейскихъ обществахъ, гдѣ бы оныя въ имперіи ни находились, не должны болѣе ни подъ какимъ видомъ существовать кагалы... Отъ времени преобразованія да будутъ евреи вѣдомы по состояніямъ своимъ въ дѣлахъ между собою и христіанъ судомъ и расправою по гражданской, уголовной и полицейской части въ установленныхъ правительствахъ».

Для лучшаго и болѣе прочнаго сліянія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи, Державинъ считалъ необходимымъ, чтобы они сняли свою національную одежду и свои ермолки, а надѣли бы обыкновенное платье: купцы—купеческое, мѣщане—мѣщанское и поселяне—поселянское. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ установленія, чтобы евреи не имѣли права употреблять въ свои услуги христіанъ, воспрещенія выбора изъ среды евреевъ должностныхъ лицъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и строжайшаго запрещенія склонять въ свою вѣру христіанъ.

Къ сожалѣнію, всѣ предположенія Державина долгое время не осуществлялись, и записка его была оставлена безъ послѣдствій. «Евреи торжествовали полную побѣду, говоритъ М. Ѳ. Шугуровъ. Но ликованіе было непродолжительно. Со смертью императора Павла, сошелъ со сцены и его любимый камердинеръ или гардеробмейстеръ графъ Кутайсовъ, и сданный въ сенатскій архивъ вопросъ сталъ на очереди».

Первымъ шагомъ новаго императора было желаніе ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами и распоряженіе внушить владѣльцамъ бо́льшую умѣренность въ пользованіи своимъ правомъ. Вслѣдъ за тѣмъ 9 ноября 1802 года послѣдовалъ указъ Сенату о составленіи особаго комитета для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса. Въ составъ комитета вошли: Державинъ, графъ В. П. Кочубей, графъ В. А. Зубовъ, князь А. А. Чарторыйскій и С. О. Потоцкій. Въ комитетъ были вызваны еврей-

скіе депутаты отъ губернскихъ кагаловъ: Минской, Подольской, Могилевской и Кіевской губерній. Комитету поручено было прежде всего разсмотрѣть мнѣніе Державина, но разсмотрѣніе это не привело ни къ какимъ конечнымъ результатамъ. «И не удивительно, пишетъ М. Ѳ. Шугуровъ: Державинъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе своему проекту не только со стороны Чарторыйскаго и Потоцкаго, которые, какъ поляки, были вполнѣ солидарны съ евреями, но и со стороны русскихъ членовъ комитета. Зубовъ, владѣя обширными помѣстьями въ Западномъ краѣ и получая съ евреевъ знатные доходы за аренду, вполнѣ раздѣлялъ еврейскія симпатіи Чарторыйскаго и Потоцкаго. Что касается до Кочубея, то и онъ, подъ вліяніемъ Сперанскаго, болѣе склонялся къ польско-еврейской партіи, противоборствовавшей Державину. Такимъ образомъ послѣдній былъ совершенно одинокъ въ комитетѣ».

Между тѣмъ образованіе комитета произвело огромное движеніе между евреями и уже 13 декабря 1802 года, въ чрезвычайномъ собраніи минскаго кагала, было постановлено отправить депутата въ Петербургъ съ просьбою государю не дѣлать никакихъ нововведеній у евреевъ. Для отвращенія же бѣдствія, постигающаго евреевъ,—во всѣхъ синагогахъ г. Минска, 23 декабря, было обнародовано, что на все еврейское общество налагается трехъ-дневный постъ, который долженъ быть строго соблюдаемъ мужчинами и женщинами. Въ эти три дня ни одной частной молельни не дозволялось открывать въ городѣ, а всѣ должны явиться въ большую синагогу, для общаго соединенія и усиленія молитвъ къ Богу. Одновременно съ молитвою былъ наложенъ и поголовный сборъ денегъ на отправку депутата и на расходы по ходатайству за еврейское дѣло. Сыны Израиля предвидѣли, что всего труднѣе имъ будетъ справиться съ Державинымъ, извѣстнымъ своею неподкупностью, но не отказались попытать и въ этомъ счастья. Порученіе это было возложено на еврея Нотку, который предлагалъ ему сто и даже двѣсти тысячъ руб., лишь бы только онъ согласился съ прочими членами комитета. Одновременно съ этимъ Державинъ получилъ отъ бѣлорусскаго помѣщика Гурко перехваченное имъ письмо, писанное однимъ евреемъ къ повѣренному ихъ въ Петербургѣ. Въ письмѣ этомъ было сказано, что евреи «на Державина, яко на гонителя, по всѣмъ кагаламъ въ свѣтѣ наложили херимъ или проклятіе, что они на подарки по сему дѣлу собрали милліонъ рублей, послали деньги въ Петербургъ и просятъ приложить всевозможное стараніе о смѣнѣ генералъ-прокурора Державина, а ежели того не можно, то хотя покуситься на его жизнь, на что́ и полагаетъ сроку до трехъ лѣтъ, а между тѣмъ убѣждаетъ его, чтобы, сколько можно, продолжать дѣло, ибо при Державинѣ не чаетъ, чтобы въ пользу ихъ рѣшено было. Польза же ихъ состояла въ томъ, чтобъ не было имъ воспрещено по корчмамъ въ деревняхъ продавать вино,

отъ чего все зло происходило, что они спаиваютъ и приводятъ въ совершенное разореніе крестьянъ. А чтобъ удобнѣе было продолжать дѣло, то онъ будетъ доставлять ему изъ чужихъ краевъ, изъ разныхъ мѣстъ и людей мнѣнія, какимъ образомъ лучше учредить евреевъ, которые вскорѣ послѣ того самымъ дѣломъ начали вступать то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, и доставлялись въ комитетъ, при повелѣніи государя императора разсмотрѣть оные, то черезъ князя Чарторыйскаго, то Кочубея, то Новосильцова».

Владѣя полученнымъ отъ Гурко письмомъ, Державинъ представилъ его императору Александру, разсказавъ ему о предложеніи Нотки, и спросилъ, принять ли ему деньги?

— Погоди, отвѣчалъ государь въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, я тебѣ скажу, когда что надобно будетъ дѣлать.

Державинъ надѣялся, что представленныя имъ доказательства интриги заставятъ по крайней мѣрѣ государя остерегаться людей, покровительствующихъ евреямъ. «Между тѣмъ, говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, по связи съ графомъ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ пересказалъ онъ (Александръ I) все чистосердечно ему случившееся, не знавъ, что онъ въ крайней связи съ г. Сперанскимъ, бывшимъ тогда директоромъ канцеляріи внутренняго министерства графа Кочубея, котораго онъ водилъ за носъ и дѣлалъ изъ него что хотѣлъ. Сперанскій совсѣмъ былъ преданъ жидамъ, чрезъ извѣстнаго откупщика Переца, котораго онъ открытымъ образомъ считалъ пріятелемъ и жилъ въ его домѣ». Такое сочетаніе обстоятельствъ было причиною того, что государь охладѣлъ къ Державину, и онъ въ октябрѣ того же года долженъ былъ оставить службу. Евреи одержали новую побѣду, и Нотка подалъ въ комитетъ свой проектъ объ устройствѣ евреевъ. По его мнѣнію, прежде всего необходимо было уничтожить между евреями бѣдность, происходящую отъ того, что бывшее польское правительство будто бы не только не поощряло евреевъ къ промышленности, но напротивъ запрещало торговлю и даже стѣсняло пребываніе ихъ въ городахъ. Для пользы дѣла, по мнѣнію Нотки, слѣдовало предоставить евреямъ торговлю по всей имперіи и не ограничивать ее чертою ихъ осѣдлости. Далѣе въ проектѣ было сказано, что запрещеніе евреямъ продавать водку поведетъ къ тому, что крестьяне лишатся возможности сбывать свои произведенія и покупать себѣ все необходимое; что лишеніе евреевъ права содержать постоялые дворы лишитъ проѣзжающихъ возможности имѣть пристанище, ночлегъ и пищу.

Нотка увѣрялъ, что евреевъ нельзя считать виновниками бѣдности крестьянъ потому, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ находятся евреи, крестьяне живутъ въ изобиліи, а напротивъ, населеніе терпитъ во всемъ нужду тамъ, гдѣ нѣтъ евреевъ. Чтобы сложить съ евреевъ всѣ возводи-

мыя на нихъ обвиненія и устроить ихъ окончательно, Нотка предлагалъ назначить имъ попечителя, который отстаивалъ бы ихъ во всѣхъ случаяхъ и имѣлъ доступъ къ императору; учредить въ каждой губерніи подъ вѣдѣніемъ губернатора депутатскую коммиссію, для устройства еврейскихъ дѣлъ; учредить ломбарды, изъ которыхъ выдавать евреямъ деньги взаймы, подъ разные залоги, за указанные проценты, и учредить во всѣхъ мѣстечкахъ общественныя еврейскія школы, «ибо нельзя ожидать, чтобы евреи добровольно поручали дѣтей своихъ въ христіанскія школы для изученія россійскаго языка». Въ заключеніе своего проекта Нотка требовалъ, чтобы евреи, окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ школахъ, были принимаемы на государственную службу и награждались чинами.

Испрашивая эти привилегіи, Нотка дѣлалъ уступку правительству, говоря, что дѣла въ магистратахъ должны производиться на русскомъ языкѣ, по русскимъ правамъ, и что евреи, незнающіе русскаго языка, не должны выбираться въ члены магистрата. Эта уступка была сдѣлана не спроста. Сенатскимъ указомъ 9 декабря 1802 года, было разрѣшено при выборахъ допускать третью часть евреевъ для засѣданія въ магистратахъ. Христіанское населеніе г. Вильны тотчасъ же подало прошеніе на Высочайшее имя съ просьбою объ отмѣнѣ такого постановленія. Виленцы говорили, что присутствіе евреевъ унижаетъ уваженіе къ судилищу, въ которомъ православная религія служитъ основаніемъ для каждаго судьи сохранять вѣрность престолу, соблюдать законы и исполнять обязанности; что довѣріе къ правосудію падетъ, послушаніе черни обратится въ поруганіе, «когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, священное, обрѣтетъ еврея и въ немъ своего начальника и судью, которому подчинену быть не свойственно, ни по состоянію, ни по религіи».

«Евреи, живущіе въ Вильнѣ въ знатномъ числѣ, говорилось въ прошеніи, упражненіе имѣютъ отчасти перекупкою съѣстныхъ припасовъ, отчасти факторуютъ, черезъ что не только суть не малою тягостью для города, относительно до дороговизны во всѣхъ вещахъ, но по случаю врожденной своей неопрятности бываютъ причиною нечистоты въ городѣ между стѣсненнымъ жильемъ, а нерѣдко причиною и общей заразы. Къ тому же не имѣютъ они никакой идеи о морали, и образъ ихъ внутренняго воспитанія не пріуготовляетъ ихъ къ званію судьи, а вообще содержитъ себя сей народъ посредствомъ однихъ происковъ, не имѣя впрочемъ положительнаго и неперемѣняемаго для себя состоянія».

Виленское прошеніе явилось какъ нельзя болѣе кстати: оно вполнѣ оправдывало Державина, который считалъ участіе евреевъ въ магистратѣ соблазномъ для христіанъ и, «дабы судьбы сихъ послѣднихъ не предавать въ руки ненавидящихъ ихъ», требовалъ, чтобы постановленіе

Сената было отмѣнено. На поддержку Державина явился графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, въ то время министръ коммерціи. Онъ находилъ, что пересмотрѣть еврейскій вопросъ необходимо по двумъ причинамъ: 1) что у насъ издревле рѣшительно было воспрещено пребываніе симъ вреднымъ бродягамъ и 2) со времени пріобрѣтенія польскихъ губерній евреи даже были допущены ко всѣмъ преимуществамъ торговыхъ состояній.

«Вышло изъ сего, если смѣю сказать, писалъ графъ Румянцевъ въ своей запискѣ [1]), что ни перваго закона сохранить нельзя уже строго, ни отъ втораго потворства ожидать какого существеннаго въ нравственности сего народа поправленія. Почему и сужу я, что приступить должно непосредственно къ обдуманному о нихъ положенію, заимствуя во многомъ отъ благоразумныхъ правилъ, введенныхъ Іосифомъ II въ цесарскихъ владѣніяхъ».

Графъ Румянцевъ считалъ необходимымъ отстранить евреевъ отъ торговли и обратить къ хлѣбопашеству и не допускать ихъ въ предѣлы коренной Россіи, а въ особенности въ столицѣ. Мнѣніе графа Румянцева, точно такъ же, какъ и Державина, не получило хода въ еврейскомъ комитетѣ, потому что евреи нашли большую поддержку въ полякахъ, собравшихся около князя Чарторыйскаго, для которыхъ удаленіе евреевъ было равносильно потерѣ значительныхъ доходовъ. Хотя съ выходомъ Державина, его мѣсто въ еврейскомъ комитетѣ заступилъ князь Лопухинъ, но и онъ, точно такъ же, какъ и графъ Зубовъ, владѣлъ большими имѣніями въ Польшѣ. 21-го іюня 1804 года скончался графъ Зубовъ, который не былъ никѣмъ замѣщенъ въ комитетѣ. Такимъ образомъ онъ состоялъ всего изъ четырехъ членовъ, интересы которыхъ были солидарны и положены въ основаніе выработаннаго ими «Положенія для евреевъ». Въ составленіи этого положенія принималъ большое участіе Сперанскій, хотя и не бывшій членомъ комитета. Когда положеніе это стало извѣстно Державину, онъ не могъ не высказать своего подозрѣнія правителю дѣлъ комитета Д. О. Баранову.

— Іуда продалъ Христа за 30 сребреникова, говорилъ Державинъ, а вы—за сколько Россію?

— По 30.000 червонныхъ на брата, кромѣ меня, отвѣчалъ съ усмѣшкою Барановъ, ибо приговоръ, мною писанный, передѣлалъ Сперанскій.

«Не думаю, замѣчаетъ Державинъ въ своихъ запискахъ, чтобы русскіе вельможи сдѣлали такую подлость, кромѣ Сперанскаго, котораго гласно подозрѣвали и въ корыстолюбіи, а особливо по сему дѣлу, по связи его съ Перетцомъ». Справедливо или нѣтъ такое обвиненіе на

[1]) „Русскій Архивъ“ 1894 г., № 4, стр. 466.

Сперанскаго, тѣмъ не менѣе, нельзя не сознать, что, съ принятіемъ имъ участія въ комитетѣ, еврейскій вопросъ пошелъ въ обратную сторону и въ пользу евреевъ. Въ засѣданіи 20-го сентября 1803 года, комитетъ разсуждалъ: «Преобразованія, производимыя властію правительства, вообще непрочны и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями. Посему лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, отворяя только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзирая издалека за движеніями ихъ и удаляя, что̀ съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя, впрочемъ, никакой власти, не назначая никакихъ особенныхъ заведеній, не дѣйствуя вмѣсто ихъ, но раскрывая только собственную ихъ дѣятельность. Сколько можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободы—вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ».. Такимъ образомъ евреи могли разсчитывать въ будущемъ на бо̀льшую еще свободу, чѣмъ пользовались въ настоящемъ. И, дѣйствительно, въ указѣ 9-го декабря 1804 года, при которомъ было обнародовано Положеніе для евреевъ, говорилось, что начала, положенныя въ основу Положенія, признаются справедливыми и «всѣ статьи онаго сообразными сколько умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ евреевъ, столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется».

Положеніе открывало доступъ дѣтямъ евреевъ во всѣ высшія и низшія русскія учебныя заведенія съ правами и преимуществами, предоставленными кореннымъ русскимъ подданнымъ. Мало того, чтобы не отлонить евреевъ отъ христіанскихъ училищъ, во 2-й статьѣ Положенія сказано: «Никто изъ дѣтей евреевъ, бывъ въ училищѣ, во время его воспитанія, не долженъ быть ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, ни принуждаемъ учиться тому, что̀ ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ».

Если бы и эти льготы были не по сердцу евреямъ, то правительство обѣщало учредить на ихъ счетъ особыя школы съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обязательно было обученіе одному изъ языковъ: русскому, польскому или нѣмецкому. На этомъ основаніи, съ 1-го января 1807 года, одинъ изъ этихъ языковъ долженъ быть употребляемъ во всѣхъ актахъ, обязательствахъ, векселяхъ и проч. Безъ этого никакіе акты записаны и въ дѣла приняты быть не могутъ. Съ 1808 года никто изъ евреевъ, не знающихъ одного изъ указанныхъ языковъ, не можетъ быть членомъ магистрата, а съ 1812 года—не можетъ быть употребленъ ни въ какой должности ни въ кагалѣ, ни въ раввинствѣ. Дѣти евреевъ, обучающіяся въ гимназіяхъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и евреи, занимающіе общественныя должности, обязаны были носить русское, польское

или нѣмецкое платье. «Эта статья, говоритъ М. Ѳ. Шугуровъ [1]), служила какъ бы отвѣтомъ на прошеніе виленскаго православнаго населенія: нашли, что стоитъ только еврею облечься въ польское, русское или нѣмецкое платье, и онъ очень удобно можетъ оставаться начальникомъ и судьей надъ христіанами, хотя бы не имѣлъ никакой идеи о морали».

Касаясь вопроса о состояніяхъ, Положеніе успокоивало евреевъ, говоря, что землевладѣльцы—всѣ свободны и ни подъ какимъ видомъ укрѣпляемы, ни во владѣніе отдаваемы быть не могутъ; что имъ предоставляется право на пріобрѣтеніе незаселенныхъ имѣній на огромномъ пространствѣ ихъ постоянной осѣдлости, причемъ черта этой осѣдлости на юго-востокъ продвигалась до Каспійскаго моря. Владѣльцамъ имѣній предоставлялось право обработывать свои земли наемными работниками по заключеннымъ контрактамъ. Бѣднымъ евреямъ предоставлено право поселиться на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ Литовскихъ, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Такимъ переселенцамъ обѣщана свобода отъ податей на десять лѣтъ, кромѣ земскихъ повинностей; имъ обѣщана заимообразно ссуда, которую они обязаны возвратить въ извѣстное число лѣтъ, и тѣ, которые будутъ заниматься хлѣбопашествомъ, освобождались отъ платежа въ казну двойныхъ податей.

Евреямъ дозволено заводить всякаго рода фабрики, а тѣ, которые заведутъ суконныя, полотняныя или кожевенныя, могли разсчитывать на денежную ссуду и отводъ необходимой земли. Заводчики и фабриканты точно также освобождались отъ двойныхъ податей. Купцы и мѣщане получили право на всякаго рода торговлю, внутреннюю и внѣшнюю, на всякаго рода промыслы и мелочную продажу даже и вина.

Затѣмъ Положеніе требовало, чтобы евреи записались въ одно изъ состояній, иначе будутъ считаться бродягами; чтобы евреи приняли постоянную фамилію или прозваніе, «которое и сохраняется уже во всѣхъ актахъ и записяхъ безъ перемѣны, съ присовокупленіемъ къ оному имени, даннаго по вѣрѣ или при рожденіи». Евреямъ запрещено было въ деревняхъ и селахъ содержать аренды, шинки, кабаки и постоялые дворы; запрещена продажа въ нихъ вина и даже не позволено жить въ нихъ евреямъ, развѣ только проѣздомъ, но позволено заниматься этимъ въ городахъ и мѣстечкахъ казенныхъ и помѣщичьихъ.

«Нельзя не замѣтить здѣсь, говоритъ М. Ѳ. Шугуровъ, слѣдующаго любопытнаго обстоятельства. Признано было необходимымъ строго на строго запретить евреямъ продавать вино крестьянамъ, но исполненіе

[1]) „Русскій Архивъ“ 1894 г., № 4, 481.

этой мѣры откладывалось на нѣсколько лѣтъ и должно было начаться съ тѣхъ губерній, гдѣ или вовсе не было евреевъ, какъ въ Астраханской и Кавказской, или не было польскихъ помѣщиковъ, какъ въ Малороссійскихъ и Новороссійскихъ. До «забраннаго края», гдѣ чувствовалась наиболѣе настоятельная потребность въ измѣненіи отношеній евреевъ къ крестьянамъ, дѣло доходило только черезъ три года—отсрочка, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ могла быть затянута въ безконечность»...

Слѣдя далѣе за Положеніемъ, мы увидимъ, что евреямъ предоставлялась полная свобода, и никто не имѣлъ права располагать ихъ трудами или прикрѣплять лично; имъ предоставлено свободное отправленіе вѣры и право имѣть кагалъ и раввинство—особое внутреннее управленіе, несовмѣстимое съ благомъ государства, въ которомъ они живутъ. Хотя должность раввиновъ и была ограничена во многомъ, но все же она давала широкій просторъ для разнаго рода злоупотребленій, съ которыми намъ и придется познакомиться въ будущемъ.

Н. Ѳ. Д—инъ.

Вновь вышедшія историческія изданія.

Волховской, М. Г. Жизнеописанія русскихъ государей и замѣчательныхъ въ исторіи людей. (Съ рисунками) Изд. книгопродавца Т. Кузина. СПб. 1894 г. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 8 д., 141 стр., 4000 экз.

Ивановскій, Н. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Часть I, Исторія раскола. Изд. 4-е дополненное, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ изъ жизни раскола. Казань 1893 г. Тип. универ., 8 д., 263+IV стр. ц. 1 р. 20 к.

Лященко, В. А. Императорскіе Лазенковскій и Бельведерскій дворцы. Краткій историческій очеркъ. Варшава 1894 г. Тип. варшав. учебн. округа. 16 д., 22 стр., 100 экз.

Остроуховъ, Владиміръ, свящ. Московское Лазарево кладбище. Историческое изслѣдованіе, составленное на основаніи имѣющихся въ кладбищенской церкви разныхъ документовъ. Москва 1893 г. Тип. В. Чичерина. 16 д., 134 стр., 500 экз.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Матеріалы и замѣтки.

I.

Письма: Растопчина, Нелидова, Каховскаго и Ливенъ—къ Ивану Петровичу Ляпунову, бывшему въ 1799 г. шефомъ Сибирскаго гренадерскаго полка.

Копія.

Государь императоръ соизволилъ указать, чтобы ваше превосходительство доставили немѣдленно вѣдомость о непремѣнныхъ квартирахъ полку вашего означа, весь ли полкъ расположенъ въ одномъ мѣстѣ, или по баталіонно или по ротно, указавъ въ какомъ селѣніи чей стоитъ баталіонъ, или рота.

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

декабря 14-го дня
1797 года
С.-Петербургъ.

Государь императоръ соизволилъ указать присланныхъ при сообщеніи тайнаго совѣтника рязанскаго гражданскаго губернатора Ковелинскаго недорослей изъ дворянъ опредѣлить въ полкъ вашъ портупей-прапорщиками

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

ноября 22-го дня
1797 года
С.-Петербургъ.

Государь императоръ соизволилъ указать отославъ вамъ вашъ рапортъ и форму какъ впредь писать, приказалъ вамъ здѣлать замѣчаніе, чтобъ вы

читали съ прилежаніемъ военный уставъ гдѣ вы найдете что къ гражданскимъ начальникамъ рапортовъ посылать вамъ не надобно.

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

марта 27-го дня
1797 года
Петровскій дворецъ.

Государь императоръ соизволилъ указать представленнаго вами отъ 15-го апреля полка вашего штабсъ-капитана Калинина за пьянство и другія неприличныя офицерскому званію дѣла, судить военнымъ судомъ, которой по окончаніи препроводить въ генералъ-аудиторіатъ для разсмотренія.

Генералъ-адъютантъ Нелидовъ.

мая 20-го дня
1798 года
Нижній-Новгородъ.

Государь императоръ соизволилъ указать, сообщить вашему превосходительству, что вы напрасно въ донесеніи своемъ отъ 27-го числа минувшаго декабря представили унтеръ-офицера Никитина въ квартермистры, когда уже у васъ въ полку состоитъ квартермистръ Скворцовъ. И ежели сіе послѣдовало отъ прежняго представленія о производствѣ Скворцова? То извѣстно всемъ, что квартермистры и аудиторы не производятся наряду съ протчими.

Генералъ-адъютантъ Нелидовъ.

генваря 20-го дня
1798 года
С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой
Иванъ Петровичъ.

По случаю открывшейся опасной болѣзни въ Дубосарскомъ карантинѣ я сообщилъ вашему превосходительству. Прошу и симъ всепокорнѣйше васъ милостивый государь мой! о принятіи всевозможныхъ мѣръ, дабы зло сіе иногда не могло распространясь вкрасться и въ мѣсто пребыванія вашего со ввѣреннымъ вамъ полкомъ, и по дружбѣ вашей увѣдомить меня о принятыхъ вами по сему мѣрахъ; имѣя честь быть въ прочемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и привязаностію

вашего превосходительства
готовый слуга
графъ Михаилъ Каховскій.

ноября 16-го дня
1798 года
Акмечеть.

Государь императоръ желая знать доброту отпускаемыхъ отъ коммиссаріата въ гренадерской полкъ имени вашего мундирныхъ и амуничныхъ вещей, указать соизволилъ, чтобы ваше превосходительство при каждомъ полученіи оныхъ доставляя мѣсячные рапорты ваши, присылали отъ всякаго сорта сукна, каразеи и холста образцы къ Его Императорскому Величеству.

Генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ.

№ 3273
С.-Петербургъ.
Декабря 25-го дня
1799 года.

Изъ бумагъ А. И. Ляпунова.

Сообщилъ **Д. Гофштеттеръ.**

II.

Пять рескриптовъ императора Павла I къ Ивану Петровичу Ляпунову.

(Собственноручное)

Орша маія 7 1797.

Полку вашего видѣлъ караулъ, который таковъ, каковъ я только желать могъ, остается мнѣ желаніе, чтобы вѣсь полкъ таковъ я могъ видѣть самъ васъ благодарю. Есьмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Порутчикъ Брантъ жалуется капитаномъ.

Господинъ полковникъ Фанагорійскаго Гранодерскаго полку Ляпуновъ. Усердіе ваше къ службѣ и исправность полку засвидѣтельствованные Инспекторомъ, обращаютъ на васъ Наше благоволеніе, въ изъявленіе коего всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Ордена Нашего святыя Анны третьяго класа и знаки его состоящіе въ шпагѣ при семъ вамъ посылаемъ.

Пребываемъ впрочемъ благосклонны

Павелъ.

Въ Гатчинѣ
октября 30-го
1797 года.

Нача 8-го маія 1797.

Господинъ полковникъ Ляпуновъ съ полученія сего отправте полку вашего Роту, и съ здѣшнимъ Капитаномъ исправникомъ, расположите ее въ селѣ Начѣ, и въ окрестныхъ деревняхъ для прекращенія нѣкоторыхъ безпокойствъ происходящихъ отъ прежде бывшихъ Уніятовъ. А попрекращеніи всего возвратите роту обратно къ полку.

Пребывая вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Городъ Павловскъ
23 апреля
1798.

Господинъ Генералъ-Маіоръ Ляпуновъ. Сполученія сего имѣитѣ вы состоять подъ командою Генералъ-Лейтенанта князя Дашкова, отъ коего и получить вамъ приказанія, пребывая всегда со вверенымъ вамъ полкомъ въ Одессѣ.

Пребывая вамъ благосклонный

Павелъ.

С.-Петербургъ
генваря 20
1798.

Господинъ Генералъ-Маіоръ Ляпуновъ. Находя подлинно Одессу гораздо выгоднѣе для непремѣнныхъ квартиръ Сибирскаго гранодерскаго полку, повелѣваю вамъ въ удобное время по вашему усмотрѣнію выступить съ онымъ изъ Очакова и отправится ближайшимъ трактомъ въ Одессу.

Пребывая вамъ благосклонный

Павелъ.

Изъ бумагъ А. И. Ляпунова.

Сообщилъ **Д. Гофштеттеръ.**

III.

Челобитная императору Петру I, поданная въ 1718 году дѣвкою Аграфеною Тимоѳеевой дочерью Ляпуновой.

Державнѣйшій царь Государь милостивѣйшій въ нынѣшнемъ Государь 1718 году поступися мнѣ отецъ мой Тимофей Александровичъ Ляпуновъ

помѣстье свое в рязкомъ уѣздѣ въ пехлѣцкомъ стану д(е)ревнѣ бокино съ покосы исовсеми у годи.

всемилостивѣйшій Государь прошу вашего величества вели Государь тѣ отца моего помѣстья с править замною.

вашего величества нижайшая раба дѣвка аграфена тимофеева дочъ лепунова. Генваря 15 1718 Году.

Ксе му прошенію Дѣвка Твоя Аграфена тимофеева дочерь Лепунова руку приложила.

Изъ бумагъ А. И. Ляпунова.

Сообщилъ **Д. Гофштеттеръ.**

IV.

Письма графа К. Толя къ А. И. Хатову.

Могилевъ 28 сентября 1823.

Любезнѣйшій другъ
Александръ Ильичъ.

Послѣднее письмо твое и при оном̀ экземпляръ 1-ой части войны 1812 года я получилъ (за что приношу искренную мою благодарность) по возвращеніи моемъ изъ Бреста-Литовскаго куда послѣдовалъ я за государемъ. 83.000 человѣкъ, соединенной польской и литовской арміи представились государю съ самомъ блестящемъ видѣ. Много было на смотру семъ иностранцевъ. Любопытенъ былъ я знать, что думали они о военныхъ силахъ нашего государства, видя можно сказать, въ сихъ войскахъ, одинъ авангардъ оныхъ. Маневры были очень хорошо соображены, но не съ довольною живостію исполнены; впрочемъ въ большомъ порядкѣ.

Ты мнѣ, любезный Александръ Ильичъ, ничего не пишешь, о второй части войны 1812 года. Отдана ли она въ печать? скоро ли изъ оной выйдетъ? и вообще о успѣхахъ печатанія? Книгу твою сдѣсь съ жадностію читаютъ. Я твердо увѣренъ, что придется тебѣ ее вновь напечатать. Скажи мнѣ послѣ выпуску 1-ой части, не увеличилось ли число подписчиковъ? Все что слышу я по письму твоему о училище колоновожатыхъ крайне мнѣ пріятно. Главное вниманіе надобно обращать на образъ ихъ мыслей; и если окажется кто изъ нихъ вольнодумцемъ, то не взирая на всѣ его способности ума, не уважать его молодости и вѣтренности, въ примѣръ другимъ тотчасъ его выписать. Такія необдуманные разговоры заразительны быть могутъ и для товарищей. Надобно тебѣ сказать, что въ Москвѣ въ Муравьевскомъ училищѣ симъ пренебрегали, отчего весьма способнаго впрочемъ, хорошаго воспитанія молодаго

человѣка, прапорщика Полторацкаго недавно за необдуманные и можно сказать глупые сего рода выраженія отставили отъ службы. Надобно въ молодыхъ людяхъ всѣми мѣрами стараться поселить уваженіе неограниченное, къ благотворному нашему правительству и не терпѣть ни малѣйшаго объ немъ сужденія. Потому и пріятно мнѣ слышать отъ тебя, любезный Александръ Ильичъ, что они всѣ вообще ведутъ себя скромно и прилѣжно. Равно и за офицерами къ нимъ приставленными должно имѣть въ семъ отношеніи также строгій присмотръ.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе супругѣ твоей Марьѣ Сергѣевнѣ и быть увѣренъ въ искренной моей приверженности.

Карлъ Толь.

Туросль Коціельня, 24 генваря 1831.

Любезный Александръ Ильичъ.

Благодарю за всѣ твои распоряженія относительно напечатанія книжечекъ. Между тѣмъ за неимѣніемъ оныхъ, мы издали здѣсь нѣкоторыя новыя правила для руководства котораго экземпляръ для тебя прилагаю.

Время коротко. Завтра мы въ Соколахъ переправясь сегодня въ Суражѣ. Вступленіе наше со 130.000 арміею для поляковъ неожиданно, пусть они между тѣмъ спорятъ и ссорятся между собою. Одно жаль что снѣга велики и движенія быстры быть не могутъ. Сегодня Гейсмаръ и Кринъ вторгаются при Влодавѣ и Устилугѣ въ Царство Польское. Князь Шаховской при Ковнѣ и Магдженгернъ при Новомъ дворѣ близъ Гродны, на Аугустовъ, а завтра 90 т. переходятъ при Тикочинѣ, Хорнарѣ, Суражѣ и Піонтковѣ въ Гранину.

Богъ да благословитъ наше правое дѣло. Армія преисполнена болѣе нежели хорошимъ духомъ. Дѣло идетъ о спасеніи чести нашей и наказать обиду причиненную намъ самою гнусною измѣною. Сіе чувство наполняетъ сердца каждаго изъ нашихъ воиновъ. Третьяго дня объѣзжая гренадеръ громкіи ура сопровождали насъ нѣсколько верстъ. Радость написана была на лицѣ каждаго. Во всѣхъ полкахъ раздавались пѣсни—словомъ сказать въ молодцахъ нашихъ духъ самый воинственный. Больныхъ не взирая на холода до 20 гр. бывшихъ весьма мало. Въ гренадерскомъ корпусѣ съ выступленія его изъ поселенія до Гродны было только 80 больныхъ. Въ кіевскомъ гр. только два.

Милой доброй Марьѣ Сергѣевнѣ цалую ручьку за всю дружбу оказываемую женѣ моей. Она ею нахвалиться не можетъ. Николаю Семеновичу Мордвинову прошу кланяться, искренно преданный

гр. К. Толь.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

ПРІОБРѢЛО ПРАВО НА ИЗДАНІЕ И

ВЫПУСТИЛО 1 И 2 КНИГИ ВЪ 5-ТИ ТОМАХЪ КАЖДАЯ

ИСТОРІИ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Стоитъ при подпискѣ **15** руб., съ перес. **18** руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ **29** томахъ къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ **29** томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцевъ будутъ помѣщены въ **6**-ти книгахъ четкой убористой, большаго формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по **пяти** томовъ, въ послѣдней книгѣ **четыре** тома и указатель.

Всѣ **29** томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ **15** руб., съ пересылкою **18** руб. (*вмѣсто нынѣ существующей цѣны* за **29** томовъ **58** р. *безъ пересылки*). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить **24** руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе **2**-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія **29** томовъ въ **6**-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ **3** р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по **3** р. и за наложенный платежъ, и за заказъ по **20** к., а **6**-я книга будетъ выслана безплатно. Высылающіе же при подпискѣ **18** руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому пріобрѣсти знаменитое сочиненіе ИСТОРІИ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ Серг. Михайл. Соловьева въ **29** т., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками въ каждомъ выпускѣ будетъ до **15** печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносятъ **1** р. **50** к.; при высылкѣ первыхъ **одиннадцати** выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по **1** р. **50** к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по **15** к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяч., 39.

☞ Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ **6**-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по **1** р., съ пересыл. по **1** р. **25** к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписч., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ. ☜

Изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА

продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СТОЛИЦЪ и ПРОВИНЦІИ.

Главный же складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, уголъ Фонтанки и Лештукова пер., № 2.

Для дѣтей и для юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Кудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ. Ц. кажд. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 романовъ. Ц. 2 р. 80 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова*. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Азбелева*. Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной*. Со мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап.—1 р. 25 к. Въ пер.—1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша*. Пер. съ нѣм. 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова*. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множ. рисунковъ. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради*. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборн. дѣтск. разсказовъ *А. Лякидэ*. Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 135 рис. Ц. кажд. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рис. 2-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева*. Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. 2 р.

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы. *А. Нольде*. 28 рис. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 35 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Съ 107 рис. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса*. Сокращен. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова*. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.

Математическіе софизмы 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$ и т. п. *Обреимова.* Ц. 40 к.

Метематическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ фр Съ 55 фиг. и таб. Ц. 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *С. Ворисіофера.* Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *С. Ворисіофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. *С. Ворисіофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Приключеніе контрабандиста. *С. Ворисіофера.* Съ иллюс. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перен. 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспомин. всемірнаго путешественника *В. Галузьева.* Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Съ рисунками. Ц. кажд. кн. по 35 к.

Живыя картинки *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круглова.* Съ 5 рис. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 60 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портр. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Лане-Флери.* 3-е изд. 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р. въ пер.—1 р. 30 к.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тонгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной механики. *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертеж. Ц. 60 к.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рисунками и 6 картами. Ц. 2 р.

Основы химич. технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.

Учебникъ химіи *Альмединген.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 2-е дополненное изд. Ц. 15 к.

Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова* Ц. 25 к.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* 3-е изд Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. картами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 13-е изд. Ц. 20 к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.

Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к., 2-я кн. Ц. 40 к.

Элементарная грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **къ «Родному слову»** Ушинскаго (400 рис.), 2) **къ азбукѣ Бунакова** (460 рис.), 3) **къ «Первой учебной книжкѣ»** Паульсона (430 рис.), 4) **Общія наглядно-звуковыя прописи** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 15-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.

Начальн. рус. грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 к.

Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и млад. классовъ гимназій. (Съ 30 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.

Церковно-славян. букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

Руководство къ „Ц.-С. букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Н. Корфъ. Ц. 75 к.

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ въ начальной школѣ. *Н. А. Корфа.* Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 к.

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ Ц. 50 к. 3) Элементарныя свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ ариѳметическ. задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (ок. 2000 зад. и 3000 числен. примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же «Сборникъ» по частямъ: Годъ I—12 к. Г. II—15 к. Г. III—20 к.

Сборникъ алгебрическихъ задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. 40 к.

Первое знакомство съ физикой. *Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 к.

Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р. Въ перепл. 2 р. 75 к.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ редакц. проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд. съ портрет. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Краткій курсъ ботаники. *М. Сѣязова.* Съ 118 р. Ц. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунками въ текстѣ. Ц. 75 к.

Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политипажей и 6 акварелей. Ц. 1 р. 50 к.

нію противузаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій. Разборъ этого дѣла происходилъ въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената. («Правительст. Вѣстникъ» 1877 г. № 39 и слѣд.).

Къ 1878 году относится рѣчь по дѣлу объ убійствѣ Нины Андреевской. Въ предисловіи къ VI тому своихъ сочиненій, г. Спасовичъ заявляетъ: «По тифлисскому дѣлу не могу донынѣ отрѣшиться отъ глубочайшаго убѣжденія, что оно кончилось печальною ошибкою, что пострадали невинные люди, указанные заблуждающеюся народною молвою». Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ. 22-го іюля 1876 г., между 9 и 10 часами вечера, исчезла дѣвица Нина Эрастовна Андреевская, временно проживавшая, вмѣстѣ съ матерью своею, въ г. Тифлисѣ, въ д. княгини Ширвашидзе, а на другой день утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, трупъ ея былъ найденъ рыбаками въ р. Курѣ, въ сорока верстахъ отъ города. Слѣдствіемъ были добыты данныя, которыя привели обвинительную власть къ убѣжденію, что смерть Нины Андреевской послѣдовала не отъ случайной какой-либо причины, а была причинена постороннею рукою, путемъ насилія. Судебно-медицинское вскрытіе трупа, произведенное нѣсколькими врачами, привело къ заключенію, что Н. Андреевская утонуть не могла. По собраннымъ слѣдственною властью свѣдѣніямъ и на основаніи свидѣтельскихъ показаній, картина убійства представилась обвиненію въ слѣдующемъ видѣ: Давидъ Чхотуа, задумавъ лишить жизни Нину Андреевскую, согласилъ на это преступленіе брата своего Николая, находившихся у него въ услуженіи: Коридзе, Мгеладзе и Габисонію, и еще нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, необходимыхъ для сокрытія трупа послѣ совершенія преступленія, и выжидалъ удобнаго случая, который и представился 22-го іюля. Въ этотъ день утромъ Н. Андреевская передала Габисоніи свои полусапожки для чистки, которые тотъ, по соглашенію съ Д. Чхотуа, не возвратилъ ей днемъ, а оставилъ у себя. Когда же въ 10-мъ часу вечера она сама зашла за ними въ кухню, на нее набросились братья Чхотуа, прислуга и приглашенные заранѣе сообщники, и она была, по всей вѣроятности, задушена. Затѣмъ вытащили ее въ садъ, сняли съ нея платье и сапоги, которые, для введенія правосудія въ обманъ, положили на берегу рѣки, и трупъ ея въ фаэтонѣ увезли за городъ и тамъ бросили въ рѣку. Дѣло это слушалось въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ съ 23-го февраля по 5-е марта, который опредѣлилъ: Давида Чхотуа и Петра Габисонію лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго въ рудникахъ на 20 лѣтъ, а втораго въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. Николай Чхотуа признанъ оправданнымъ. Вслѣдствіе отзыва подсудимыхъ и протеста прокурора, дѣло это слушалось, въ апелляціонномъ порядкѣ, въ Тифлисской судебной палатѣ. Защита пригласила новаго эксперта, профессора Сорокина, который, основываясь на полученныхъ отъ экспертовъ свѣдѣніяхъ и добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, пришелъ къ заключенію, что смерть Н. Андреевской произошла отъ утопленія, безъ всякихъ признаковъ насильственной смерти. Судебная палата большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного утвердила приговоръ окружнаго суда во всемъ его объемѣ. Принесенная на это рѣшеніе кассаціонная жалоба Правительствующимъ Сенатомъ оставлена была безъ послѣдствій.

Къ 1879 году относится рѣчь по дѣлу Архипова, Черенкова и Сѣрикова, обвинявшихся въ подкупѣ и подкупѣ выборщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ (въ пользу Хвостова и Бехтѣева). Елецкій окружный судъ, выслушавъ защитительную рѣчь г. Спасовича, послѣ краткаго совѣщанія, вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. По апелляціонному протесту прокурора суда, дѣло слушалось въ Харьковской судебной палатѣ, которая оставила этотъ протестъ безъ послѣдствій.

Къ 1880 году относится произнесенная В. Д. Спасовичемъ въ засѣданіи 1-го отдѣленія 5-го департамента Правительствующаго Сената рѣчь по дѣлу крестьянина Осипа Малиновскаго, подавшаго Сенату частную жалобу на постановленіе Гродненской соединенной палаты, которымъ рѣшено прекратить производствомъ, по необнаруженію виновныхъ, дѣло, возбужденное Малиновскимъ, о подложномъ составленіи подписки, на основаніи которой онъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ причисленъ, противъ своей воли, въ православные. Сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе палаты, признавъ подписку подложною и прекратилъ дѣло, за давностью.

Къ 1881 году относится рѣчь по дѣлу члена Екатеринбургскаго окружнаго суда И. К. Савицкаго, обвинявшагося въ употребленіи оскорбительныхъ выраженій въ жалобѣ Правительствующему Сенату на предсѣдателя и членовъ этого суда. Наконецъ, къ 1882 году относится рѣчь г. Спасовича по дѣлу по жалобѣ редактора «Порядка» М. М. Стасюлевича на редактора «Новаго Времени» М. П. Ѳедорова и сотрудника В. П. Буренина, и этою рѣчью заканчивается шестой томъ сочиненій В. Д. Спасовича.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.): Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*22 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*3 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*32 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель: С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. ІЮНЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. За полстолѣтія. 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго. Часть вторая (1854—1864). Гл. VII. 1—32

II. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Гл. XV—XVI. 33—62

III. Записки М. Я. Ольшевскаго. Кавказъ съ 1841—1866 г. Часть третья. Гл. I—II 63—94

IV. Записки Д. И. Ростиславова, профессора Спб. духовной академіи. Гл. XXXVI—XXXVII. 95—119

V Очеркъ изъ исторіи религіознаго мистицизма въ царствованіе Александра I. И. А. Чистовича. 120—134

VI. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. III. М. Л. Песковскаго. 135—202

VII. Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ 203—204

VIII. Матеріалы и замѣтки. I. Донской атаманъ Денисовъ. Сообщ. Л. М. Савеловъ. — II. Письма Ѳ. Глинки къ И. И. Хатову. Сообщ. Д. Гофштеттеръ.—III. Прибавленіе къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Во вторникъ іюня 25 дня 1745 г.—IV. Прибавленіе къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Въ пятницу ноября 22 дня 1745 г. 205—225

IX. Систематическое оглавленіе тома восемьдесятъ перваго (январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и іюнь) 226—231

X. Библіограф. лист. (на оберт.)

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ И. А. Чистовича. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1894.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1894 г.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

V.

П. А. Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Л. К. Дитерихса. Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній.

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ Москвѣ, въ 1816 г., отъ весьма небогатыхъ родителей, десяти лѣтъ поступилъ въ Московскій кадетскій корпусъ и, благодаря громаднымъ способностямъ и памяти, былъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ. Весьма характерно то обстоятельство, что онъ, несмотря на способности къ рисованію, не отличался въ классныхъ занятіяхъ по этому предмету и какъ будто пренебрегалъ ими лично для себя, работая исключительно для товарищей. Въ 1833 г. Ѳедотовъ кончилъ свое ученіе и, какъ первый по успѣхамъ въ наукахъ, былъ записанъ на мраморную доску и выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Посѣщая вечерніе классы Академіи художествъ, онъ усердно занимался рисованіемъ ушей, носовъ и другихъ частей человѣческаго тѣла; не довольствуясь занятіями въ Академіи, онъ продолжалъ пополнять свой альбомъ сценами изъ казарменной жизни и каррикатурами на товарищей. Репутація его, какъ хорошаго портретиста, скоро стала распространяться, и онъ сталъ получать заказы отъ Даціаро, Беггрова и др. Въ особенности ему удавались хорошо портреты великаго князя Михаила Павловича, заказы на который такъ и сыпались къ нему, такъ что онъ еле-еле успѣвалъ удовлетворять ихъ. Въ 1844 г. П. А. Ѳедотовъ, въ чинѣ капитана гвардіи, вышелъ въ отставку, получивъ право оставить у себя въ услуженіи своего «друга и слугу», денщика Коршунова, на рукахъ котораго, онъ, восемь лѣтъ спустя (14-го ноября 1852 года) и умеръ въ домѣ для сумасшедшихъ, забытый своими друзьями и почитателями, и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

О художественной дѣятельности П. А. Ѳедотова Л. К. Дитерихсъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Онъ первый изъ русскихъ художниковъ открылъ для искусства новую область, дотолѣ пренебрегаемую ими, и далъ толчокъ ему, породивъ своимъ примѣромъ массу послѣдователей въ изученіи русской жизни, русскихъ типовъ, нравовъ и обычаевъ».

Назовемъ нѣкоторыя выдающіяся изъ его картинъ: «Сватовство маіора», «Утро чиновника, получившаго первый орденъ» «Горбатый женихъ», «Разборчивая невѣста», «Вдовушка», «Болѣзнь и смерть Фидельки», «Модный магазинъ». «Мышеловка», «Художникъ, женившійся безъ приданаго», «Крестины», «Художникъ въ старости», «Бивакъ л.-гв. Павловскаго полка», «Бивакъ л.-гв. Гренадерскаго полка», «Казарменная жизнь» и др.

При составленіи біографіи, авторъ пользовался, —какъ онъ заявляетъ въ предисловіи,— «тѣмъ случайнымъ матеріаломъ, который даютъ намъ всѣ изданныя воспоминанія о Ѳедотовѣ», и въ результатѣ получился обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности этого выдающагося художника, который мы можетъ смѣло рекомендовать, какъ интересную и поучительную книгу.

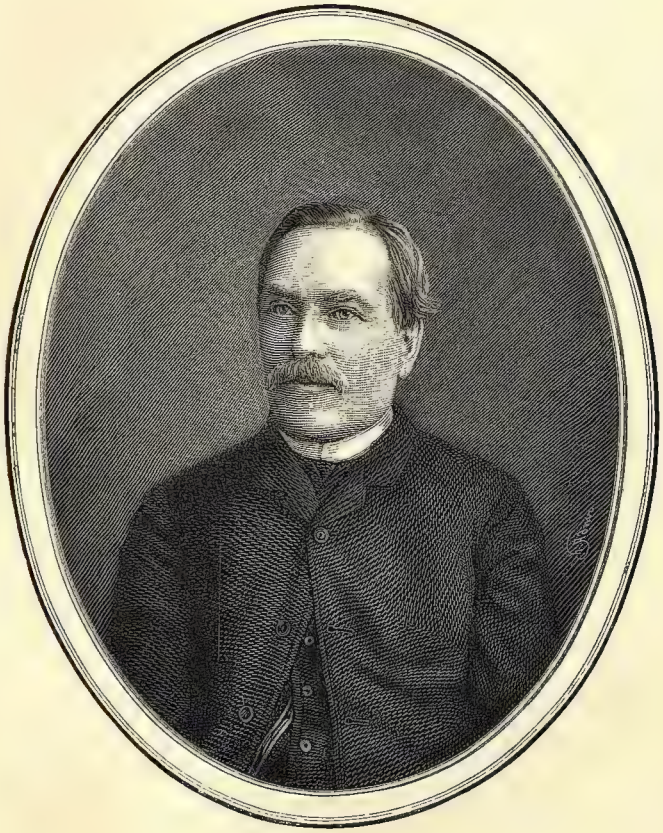
Съ внѣшней стороны очеркъ г-на Дитерихса изданъ прекрасно, какъ и вообще всѣ изданія Ф. Ѳ. Павленкова; снимки съ рисунковъ воспроизведены хорошо.

Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго. 1876—1887, изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Петербургъ. 1893. Съ портретомъ князя П. П. Вяземскаго. 644 стр. in 4°.

Въ это собраніе сочиненій князя Павла Петровича Вяземскаго вошло все, за незначительными исключеніями, что написано было покойнымъ въ періодъ съ 1876 по 1887 годъ.

Не входя въ оцѣнку содержанія статей, воспроизведенныхъ въ книгѣ и провѣренныхъ, по мѣрѣ возможности, по подлинникамъ г. П. Тихановымъ, ограничимся приведеніемъ ихъ заглавій. Статьи эти расположены въ хронологическомъ порядкѣ и носятъ слѣдующія заглавія: Волкъ и лебеди сказочнаго міра. — Синды, Зундъ и Сундары. — Скандинавскіе пилигримы (ходили ли скандинавскіе пилигримы на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ черезъ Россію). —Обзоръ московскихъ книгохранилищъ.—Сборный каталогъ рукописныхъ житій русскихъ святыхъ Н. П. Барсукова. —Римскія дѣянія (gesta Romanorum).—Іоанна Дамаскина слово на Благовѣщеніе.—Значеніе русскихъ лицевыхъ рукописей. —Русскія рукописи по древней музыкѣ.—Архивъ славянской филологіи, издаваемый профессоромъ И. В. Ягичемъ.—Литературная исторія Физіолога.—Собраніе факсимиле и матеріаловъ по книгопечатному дѣлу въ портфеляхъ Т. Ѳ. Большакова.—Библіотека И. Н. Царскаго. —Преніе Панагіота съ Азимитомъ. —Бесѣда трехъ святителей (I. Характеръ и значеніе Бесѣды, какъ памятника литературнаго. II. Слово Іоанна, епископа Евхаитскаго, и свидѣтельства Ки-

тозв, ценз. спб., 14 мая 1894 г. тип. высоч. утвержд. тов. „общ. польза“, в подъяч., 39.



И. А. ЧИСТОВИЧЪ.

род. 1828 † 1893.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1894 г.

ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1854—1864).

ГЛАВА VII [1]).

Прибытіе въ Петербургъ.—Новая встрѣча съ Шерингомъ.—Дежурства въ госпиталѣ.—Способы лѣченія по Шерингу и продѣлки докторовъ.—Визитація Шеринга.—Курьезы съ больными.—Кончина императора Николая Павловича.—Докторскій экзаменъ.—Опять Шерингъ и писарь Жуковъ.—Отправленіе въ Москву и внезапное возвращеніе въ Петербургъ.—Послѣдняя бесѣда съ Шерингомъ.

По прибытіи въ Петербургъ, 3-го ноября 1854 года, я на другой же день, надѣвъ полную форму, отправился въ Семеновскій полкъ, и въ госпиталѣ явился полковому штабъ-лѣкарю, статскому совѣтнику Василію Дмитріевичу Владимірову. Какова была моя радость, когда извощикъ подвезъ меня къ тому именно зданію, которое стояло противъ Царскосельской желѣзной дороги и въ которое я, проходя прежде на вокзалъ упомянутой дороги, желалъ попасть, не предугадывая, что все это когда-нибудь можетъ случиться.

Василій Дмитріевичъ Владиміровъ былъ старый, заслуженный врачъ, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ меня хорошо, но предупредилъ, что будетъ строгъ и требователенъ въ отношеніи службы, и чтобы я приготовился нести службу съ особымъ усердіемъ, «а не спустя рукава».

Я почтительно его выслушалъ и отвѣчалъ, что постараюсь исполнить съ усердіемъ все, что требуется закономъ, и что я приготовленъ къ тѣмъ тягостямъ службы, которыя могутъ встрѣтиться.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г. май.

*

— Этого еще мало!—сказалъ Владиміровъ и продолжалъ: вы еще очень молоды и неопытны... Вамъ нужно заняться практически у постели больнаго... Я буду требовать при обходѣ госпиталя самаго полнаго, строгаго и клиническаго разбора представляющагося болѣзненнаго случая...

Я отвѣчалъ на это, что я весьма доволенъ этимъ, такъ какъ самъ желалъ попасть въ госпиталь и практически заняться у постели больнаго.

Онъ назначилъ меня тутъ же завѣдывать отдѣленіемъ грудныхъ болѣзней, поручивъ мнѣ 5 палатъ, въ которыхъ было до 60-ти больныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями грудныхъ органовъ.

Владиміровъ сказалъ мнѣ, чтобы я немедленно явился къ командующему полкомъ, генералъ штабъ-доктору Шерингу, и штабъ-доктору гвардейскаго корпуса Пржесмыцкому.

Я исполнилъ это въ тотъ же день.

Командующимъ полкомъ былъ Николай Михайловичъ Хитрово (полковникъ).

Пріемъ былъ такого рода, что полковникъ сладкимъ голоскомъ и картавя немного (онъ вмѣсто *р* вездѣ говорилъ *л*), сказалъ мнѣ, что будетъ строго требовать службы и что онъ не любитъ, чтобы кто-нибудь манкировалъ службой. Затѣмъ, онъ приказалъ мнѣ отправиться къ полковому адъютанту и подать рапортъ о прибытіи, что я и исполнилъ.

Со страхомъ и трепетомъ предсталъ я предъ Шерингомъ.

— Какъ вы смѣли хлопотать въ Семеновскій полкъ? Я назначилъ васъ въ Прусскій, а департаментъ, вопреки моему представленію, назначилъ васъ въ гвардію... Что же, вы думаете жениться?

— Ваше превосходительство! Давши слово, я, какъ честный человѣкъ, долженъ его держать...

— Это хорошо! Это мнѣ нравится! Но служба страдаетъ на этомъ... Вы будете отговариваться отъ командировокъ, а у насъ ихъ много... Васъ могутъ послать въ дѣйствующую армію...

— Я все исполню, что потребуетъ служба.

— Ахъ, ужь эти мнѣ женатые!—вдругъ воскликнулъ Шерингъ. Это глупо—жениться въ военное время!... Васъ могутъ убить, и что же будетъ дѣлать жена?... А что же, любезный, вы и здѣсь

будете прописывать хининъ по 8 и по 10 гранъ? нѣтъ-съ! этого здѣсь не будетъ.

Я молчалъ. Шерингъ продолжалъ:

— Что я буду дѣлать? Поназначали мнѣ молодыхъ врачей и все больше женатые... Что съ ними буду я дѣлать?.. Не знаю, коптить или солить ихъ... Явитесь въ госпиталь, и я пріѣду посмотрѣть—какъ вы будете тамъ лѣчить... Можете идти, любезный!

Отъ Шеринга я поѣхалъ къ Пржесмыцкому. Онъ на этотъ разъ принялъ меня уже менѣе любезно, потому что я сталъ его подчиненнымъ младшимъ врачемъ въ полку. Однако, онъ не преминулъ заявить, что я обязанъ и ему назначеніемъ въ Семеновскій полкъ, а слова свои онъ пересыпалъ съ легкими застращиваніями, въ родѣ напримѣръ такихъ: «еще узнаете, что значитъ служить у насъ въ гвардіи... Тутъ многому научатъ и хорошо мушруютъ!» Эти застращиванія производили на меня удручающее впечатлѣніе. Теперь, когда мое пламенное желаніе—служить въ Петербургѣ и въ гвардіи—исполнилось, я уже начиналъ страшиться того, что́ мнѣ предстоитъ. И это было естественно: ни въ комъ изъ начальствующихъ лицъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго одобренія, но только одни застращиванія лились цѣлымъ потокомъ. Непріятныя послѣдствія перехода моего изъ парка, гдѣ я былъ одинъ, какъ говорится, самъ себѣ хозяиномъ, не замедлили обнаружиться самымъ явственнымъ образомъ.

На другой день я началъ службу въ госпиталѣ и въ полку. Отдѣленіе, заключавшее до 60 человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ каждому нужно было продѣлать авскультацію и перкуссію, внести все это и другія явленія болѣзни въ скорбный листъ, требовало на первое время до 4 часовъ усидчивой работы. Послѣ ознакомленія съ больными было полегче: прибывавшіе вновь больные, ежедневно отъ 5—6 человѣкъ, требовали также много времени, но за то съ старыми больными дѣло шло легче и скорѣе. Владиміровъ, обходя госпиталь во время утренней визитаціи, требовалъ обстоятельнаго знанія состоянія больныхъ, и когда я ему объявлялъ, что́ мною найдено, онъ прикладывалъ ухо и повѣрялъ меня, а если мои заявленія были несогласны съ дѣйствительностію, то онъ меня распекалъ. Далѣе, онъ смотрѣлъ скорбные листы и повѣрялъ—

правильно ли они ведутся. Вечеромъ онъ осматривалъ вновь прибывшихъ больныхъ, требуя подробнаго изложенія того, что́ мною у нихъ найдено. Если я скажу, что ежедневно приходилось мнѣ работать отъ 6—8 часовъ, то это не будетъ преувеличено. Тутъ я вспомнилъ привольную жизнь и службу въ паркѣ; но я не роптalъ, въ виду той практической пользы, которую приносили мнѣ мои труды. Владиміровъ былъ очень дѣльный и опытный врачъ, и подъ его руководствомъ я скоро усовершенствовался въ распознаваніи и лѣченіи грудныхъ болѣзней. Такимъ образомъ все это послужило къ величайшей пользѣ моей.

Число врачей въ госпиталѣ уменьшалось со дня на день: ихъ откомандировывали и переводили на другія мѣста. Дежурство по госпиталю совершалось почти все время правильно. Мнѣ приходилось дежурить черезъ два, три дня; но случилось такъ, что при госпиталѣ, въ которомъ было до 250 больныхъ, остались только Владиміровъ и я.

Теперь возникъ вопросъ о дежурствѣ по госпиталю. Старшій врачъ обыкновенно не дежурилъ. Не могъ же я одинъ дежурить каждый день, т. е. безпрерывно. Мнѣ Владиміровъ отдалъ большую половину больныхъ. Кромѣ груднаго отдѣленія я получилъ сифилитическое и наружное. Остальныхъ онъ смотрѣлъ самъ. Я проводилъ время въ госпиталѣ съ 7-ми часовъ утра до 9-ти вечера, имѣя одинъ часъ отдыха для обѣда. Оба мы жили тутъ же, въ казенныхъ квартирахъ, а потому Владиміровъ сказалъ мнѣ, что регулярнаго дежурства теперь быть не можетъ, и что мы будемъ чередоваться: когда ему будетъ возможно, онъ будетъ сидѣть дома, а когда мнѣ возможно, то я долженъ быть дома. На повѣрку, однако, вышло, что Владиміровъ, какъ имѣвшій городскую практику, послѣ визитаціи уѣзжалъ въ городъ и возвращался домой часамъ къ 6-ти вечера, а я все время и каждый день долженъ былъ сидѣть въ госпиталѣ, удѣляя для обѣда не болѣе $^1/_2$ часа времени. Ночью, въ случаѣ перемѣнъ съ больными или поступленія новыхъ больныхъ, а равно и въ случаѣ смерти больнаго (дежурный врачъ удостовѣряетъ смерть больнаго), призывали меня и будили по два и по три раза въ ночь. Такое состояніе длилось около 10 дней, въ которые я буквально сбился съ ногъ. Если бы не крѣпкое мое

здоровье и не молодыя лѣта, то по истинѣ было трудно вынести такую адскую службу. Конецъ этому состоянію былъ положенъ слѣдующимъ событіемъ: однажды часовъ въ 10 вечера въ госпиталь неожиданно заѣхалъ директоръ военно-медицинскаго департамента Пеликанъ. Меня въ этотъ вечеръ не было дома, а Владиміровъ былъ у себя на квартирѣ. Пока ему дали знать и пока онъ пришелъ, Пеликанъ ходилъ по госпиталю и былъ весьма недоволенъ, что не встрѣтилъ дежурнаго врача. Когда Владиміровъ явился, то объявилъ ему причину—почему нѣтъ дежурства въ госпиталѣ. Пеликанъ сказалъ, что госпиталь безъ дежурства быть не можетъ и что дежурство должно совершаться неупустительно. Вслѣдствіе этого, дня черезъ два прикомандировали къ госпиталю двухъ врачей, и тогда явилась возможность немного отдохнуть, а равно началось правильное дежурство. Шерингъ, послѣ этого событія, на другой же день явился въ госпиталь и былъ очень недоволенъ, что директоръ департамента не нашелъ дежурнаго врача. Онъ обратился ко мнѣ:

— Почему васъ не было здѣсь?

— Не могу же я, ваше превосходительство, дежурить каждый день... Вѣдь я, кажется, не сдѣлалъ никакого преступленія, чтобы быть такъ наказаннымъ...

— Нѣтъ! Вы сдѣлали преступленіе: вы женились, и жена мѣшаетъ вамъ сидѣть въ госпиталѣ... Ахъ, ужъ эти мнѣ женатые! И кто это только выдумалъ, чтобы доктора женились? Я говорилъ, что въ военное время нельзя жениться...

Этимъ все и кончилось.

Скажу теперь—какъ шло лѣченіе больныхъ въ госпиталѣ. Я уже замѣтилъ выше, что полковой штабъ-лѣкарь, онъ же и старшій врачъ госпиталя, Владиміровъ, былъ весьма опытный и дѣльный врачъ, но въ высшей степени безхарактерный и боязливый. Будучи аллопатомъ, онъ никакъ не дерзнулъ противорѣчить своему начальнику-гомеопату, и потому въ госпиталѣ было двойственное лѣченіе—аллопатическое и гомеопатическое. Аптекарь Гроссъ очень жаловался, что онъ принужденъ былъ приготовлять лѣкарства по той и другой системѣ лѣченія, но особенно не нравилась ему гомеопатическая метода, требовавшая усиленныхъ размельче-

ній или разведеній лѣкарства. Притомъ, многія гомеопатическія лѣкарства не полагались по госпитальному каталогу, и часто встрѣчались затрудненія въ пріобрѣтеніи и отпускѣ ихъ. Горю пособляли усиленными выписками хинина, водки и т. п. Дѣло велось такъ: изъ аптеки выписывались аллопатическія и гомеопатическія лѣкарства, и послѣднія по рецептамъ, продиктованнымъ Шерингомъ. Больные принимали аллопатическія лѣкарства, необходимыя имъ по роду болѣзни, а гомеопатическія лежали въ ящикахъ столиковъ, находившихся между койками. Пріѣздъ Шеринга въ госпиталь оповѣщался троекратнымъ звонкомъ въ швейцарской. Въ это время дежурный фельдшеръ, пока ординаторъ встрѣчалъ и рапортовалъ, устремлялся въ палаты: на столики ставились гомеопатическія лѣкарства, а аллопатическія убирались подъ койки. На доскахъ же, у коекъ, всюду были написаны навсегда гомеопатическія лѣкарства, а въ скорбныхъ листахъ опять аллопатическія. Сами больные были научены (тѣ, которые по состоянію силъ могли) ставить принимаемое ими лѣкарство подъ койку и вынимать изъ столиковъ и ставить передъ собою заключавшееся въ столикѣ гомеопатическое лѣкарство. Стоило Шерингу заглянуть подъ койку или въ скорбный листъ, и тогда вся махинація расскрылась бы, но, къ счастію больныхъ, ему никогда не приходило въ голову сдѣлать то или другое. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Владиміровъ и всѣ врачи госпиталя лѣчатъ гомеопатически. Случалось, однако, что нѣкоторые врачи, напримѣръ, Ѳ. А. Имсенъ (впослѣдствіи начальникъ отдѣленія медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ) не пряталъ аллопатическихъ лѣкарствъ, а прямо заявлялъ Шерингу, что онъ гомеопатіи не понимаетъ и не можетъ лѣчить больныхъ по этой методѣ; но Имсенъ былъ старшимъ врачемъ въ Егерскомъ полку, нѣмецъ, да вдобавокъ еще зять извѣстнаго въ то время и весьма вліятельнаго доктора Прибиля, а слѣдовательно, чувствовалъ подъ собою почву. Шерингъ съ нимъ спорилъ только и доказывалъ, что аллопатія вздоръ, а гомеопатія, дескать, лучшій способъ лѣченія. Но мы, младшіе, смиренные и забитые врачи, да вдобавокъ еще русскіе, безъ почвы, и дрожавшіе ежеминутно за свою шкуру, должны были кривить душой въ угоду медицинскому сатрапу—

Шерингу и показывать, что мы гомеопаты, а иначе онъ согналъ бы насъ со свѣту, и тѣмъ болѣе мы должны были это дѣлать, что полковой штабъ-лѣкарь и старшій врачъ госпиталя не дерзали противорѣчить Шерингу и приказывали намъ поступать такъ, а не иначе. Ослушаться начальника было немыслимо. Несмотря на то, что врачи корчили изъ себя гомеопатовъ, они подвергались гоненіямъ Шеринга. Для этого нужно было быть только русскимъ. Однимъ словомъ, положеніе было не только критическое, но и убійственное: иногда стыдно было предъ фельдшеромъ и больными продѣлывать такія вещи, вовсе не идущія къ врачу, но приходилось плыть по теченію. Начальствованіе Шеринга, это—эпоха нравственнаго растлѣнія, подобострастія, лицемѣрія и всего, что угодно низкаго, столь противнаго высокому призванію и назначенію врача, но, къ сожалѣнію, эта эпоха длилась довольно долгое время. Припоминаешь, пишешь теперь, и самому себѣ не вѣришь, что все это могло быть... Не сонъ ли это? Не сказка ли изъ «Тысячи и одной ночи»? Нѣтъ! къ сожалѣнію, это—горькая дѣйствительность.

Посмотримъ теперь—каковы были гомеопатическія воззрѣнія Шеринга на лѣченіе болѣзней. Подробности объ этомъ будутъ весьма полезны и въ томъ отношеніи, что прольютъ свѣтъ и на выхваляемую теперь очень многими гомеопатіею, которая не знакомую съ дѣломъ публику просто сводитъ съ ума.

Рожу съ пузырями (Erysipelos bullosum), по Шерингу, слѣдовало лѣчить специфиномъ—белладонной, давая $^1/_{200}$—$^1/_{100}$ грана на пріемъ, 2—3 раза въ день. Однажды, въ моемъ отдѣленіи случилось, что во время визитаціи, отъ недосмотра прислуги, тифозный больной, въ бреду, выскочилъ изъ окна втораго этажа. Едва его успѣли поднять, внести въ палату и обложить ушибленное лицо и голову пузырями со льдомъ, какъ раздался звонокъ, оповѣщавшій прибытіе Шеринга. Владиміровъ ужасно испугался и сказалъ мнѣ: «это случилось у васъ въ палатѣ—вы и отдѣлывайтесь отъ Шеринга». Какъ на зло, Шерингъ входитъ въ палату, гдѣ лежитъ этотъ больной. Видя его, обложеннаго пузырями (гуттаперчевыхъ тогда не знали и употребляли бычачьи), онъ подошелъ къ больному.

— Что у него?

— Брюшной тифъ, отвѣчалъ я.

— Снимите пузырь.

Взглянувъ на ушибленное лицо, припухлость и подтекъ, Шерингъ сказалъ:

— Какой тутъ тифъ? Развѣ вы не видите, что здѣсь пузырчатая рожа (Erysipelos bullosum)... Дайте ему белладонну $^1/_{100}$ грана, три раза въ день, и онъ будетъ здоровъ...

Другой разъ Шерингъ пріѣхалъ въ полной формѣ въ госпиталь, съ двумя звѣздами на груди и, подойдя къ одному больному, у котораго, однако, не было бреду, спросилъ его:

— Что у тебя болитъ, любезный?

— Всѣмъ корпусомъ слабъ, ваше императорское высочество, сказалъ больной, принимая Шеринга за великаго князя (это былъ только-что прибывшій молодой солдатъ).

— Вы видите, что онъ принимаетъ меня за великаго князя... У него бредъ... Противъ бреда нѣтъ лучшаго средства, какъ опіумъ. Дайте ему три раза въ день по $^1/_{200}$ грана опія, и онъ немедленно выздоровѣетъ.

Такъ какъ врачи въ это время постоянно убывали, а вмѣсто нихъ прибывали другіе, то часто случалось мнѣ завѣдывать различными отдѣленіями, оставшимися, за выбытіемъ врача, безъ ординатора. Случилось, что я завѣдывалъ однажды глазнымъ отдѣленіемъ. Пріѣхалъ Шерингъ и вошелъ въ глазное отдѣленіе. Подошедши къ одному больному, онъ спросилъ:

— Что у него?

— Грануляція соединительной оболочки.

— Что вы даете ему?

— Я впускаю въ глазъ растворъ ляписа изъ одного грана на унцію воды.

— А что вы даете ему во внутрь?

— Ничего...

— Дайте ему и во внутрь то же лѣкарство, что и снаружи: это извѣстно, что если даютъ одно лѣкарство снаружи, то нужно дать его и во внутрь.

Затѣмъ онъ перешелъ къ другому больному.

— А у этого что?

— Трахома.

— Что вы даете ему?

— Я смазываю ему чистымъ мѣднымъ купоросомъ (cuprum sulphuricum) соединительную оболочку.

— Это—хорошо! Но дайте ему и во внутрь то же лѣкарство по $^1/_{120}$ грана два раза въ день... Иначе наружное лѣкарство не будетъ дѣйствовать.

Въ этихъ двухъ случаяхъ я первый разъ въ жизни услышалъ, что если назначается какое-либо лѣкарство снаружи, то его слѣдуетъ давать и во внутрь. Я не мало былъ изумленъ, да и всѣ врачи изумлялись такой методѣ лѣченія.

Случилось мнѣ завѣдывать и хирургическимъ отдѣленіемъ, за выбытіемъ одного врача. Пріѣхавшій въ госпиталь Шерингъ зашелъ въ это отдѣленіе и спросилъ меня:

— Что у васъ особеннаго?

Я показалъ ему больнаго, у котораго выше колѣна, нѣсколько снаружи, была опухоль, формой походившая на средней величины кочанъ капусты, торчавшій вверхъ; поверхность этой опухоли была изъязвлена. Опухоль, повидимому, была злокачественная.

— Что вы думаете дѣлать? спросилъ меня Шерингъ.

— Я думаю, что придется вылущить опухоль... Повидимому, она злокачественная...

— Не нужно! Прикладывайте на опухоль спиртную настойку туи (Thuja occidentalis), и я увѣренъ, что въ двѣ недѣли опухоли не будетъ... Ты операціи не давай дѣлать, сказалъ Шерингъ, обратясь къ больному.

«Попытка—не шутка, спросъ—не бѣда», говоритъ русская пословица. Я началъ смачивать опухоль настойкою туи. Лѣченіе длилось недѣли три, но результата никакого не было. Наконецъ, больной началъ умолять объ отнятіи опухоли. Въ одинъ прекрасный день я отнялъ опухоль.

Нужно замѣтить, что Шерингъ имѣлъ отличную память и помнилъ всѣхъ больныхъ, которымъ онъ назначалъ особое лѣченіе, и ждалъ отъ него хорошихъ результатовъ.

Пріѣхавъ въ госпиталь, онъ спросилъ меня:

— А гдѣ тотъ больной, которому, помните, я назначилъ настойку туи (Tinctura Thujae).

Я повелъ его въ палату, фельдшеръ разбинтовалъ ногу.

— Видите ли, сказалъ Шерингъ, — а не говорилъ я вамъ, что туя дѣйствуетъ превосходно.

— Никакъ-съ нѣтъ, ваше превосходительство, возразилъ самъ больной и продолжалъ:—никакого толку въ три недѣли не было... только щипало немного, а какъ опухоль отрѣзали, то стало подживать.

Шерингъ бросилъ на меня сверкающій взглядъ и покраснѣлъ, а это было признакомъ его гнѣва.

— Какъ вы смѣли отнять опухоль?

— Настойка туи не помогала...Больной просилъ отнять опухоль.

— А если больной попроситъ, чтобы вы отрѣзали ему голову, потому что она болитъ,—и вы отрѣжете ему голову? Какой вы врачъ? Вы просто плотникъ: взяли, да и отрѣзали, какъ плотникъ, который отрѣзываетъ лишнее отъ куска дерева... Я васъ прошу на будущее время исполнять мои распоряженія, а иначе вы уходите туда, куда Макаръ телятъ гонитъ (онъ дурно говорилъ по-русски).

— Не все ли равно, ваше превосходительство, что я отнялъ опухоль, или бы она прошла отъ туи... Я не причинилъ вреда больному. Онъ просилъ объ этомъ...

— Не давайте такъ хозяйничать молодымъ врачамъ, сказалъ Шерингъ, обращаясь къ Владимірову. У него руки чешутся и, пожалуй, онъ кому-нибудь отрѣжетъ голову, потому что она болитъ.

— Этой глупости, ваше превосходительство, конечно, я не сдѣлаю, сказалъ я, выведенный изъ терпѣнія глумленіемъ Шеринга надо мною.

— Извольте молчать! Я не съ вами говорю!..

Я и Владиміровъ, мы оба, молчали.

Съ этой поры Шерингъ началъ меня преслѣдовать и говорилъ мнѣ часто у постели больнаго:

— Я думалъ, что вы научились чему-нибудь, что вы читали Яра... Очень жаль, что вы попадали въ гвардію, но помните, что изъ гвардіи можно очень скоро и улетать и далеко, далеко... Такъ служить и лѣчить въ гвардіи нельзя...

Предоставляю судить другимъ, какъ болѣзненно отзывалось во

мнѣ это шельмованіе. Трудясь, какъ волъ, съ утра до вечера, я, вмѣсто вниманія къ труду и поощренія, слышалъ отъ Шеринга одни только застращиванія и грубыя насмѣшки.

Однажды я завѣдывалъ холернымъ отдѣленіемъ. Пріѣхалъ Шерингъ. Холерныхъ больныхъ было у меня двѣ палаты, около 24 больныхъ, одинъ другаго серьезнѣе и многіе въ альгидномъ (послѣднемъ) періодѣ.

Шерингъ приказалъ мнѣ вести его въ мое отдѣленіе. Служитель растворилъ двери холернаго отдѣленія, и Шерингъ спросилъ меня:

— Какіе это больные?

— Холерные, ваше превосходительство.

Онъ остановился на порогѣ первой палаты и, указавъ, издали, пальцемъ на одного больнаго, спросилъ меня.

— Что у этого?

— Всѣ симптомы холеры: поносъ, рвота, судороги, синева тѣла (ціонозъ)... Онъ въ альгидномъ періодѣ, отвѣчалъ я.

— Вы видите, сказалъ Шерингъ,—какъ у него торчатъ волосы. У него едва-ли холера... Скорѣе у него золотуха, онъ объѣлся, и у него сдѣлалась рвота и поносъ... А вы принимаете за холеру...

— Но, ваше превосходительство, онъ безъ пульса, въ агоніи.

— Я повторяю вамъ, что это—золотушный больной: давайте ему сѣру (sulphur) по $^1/_{100}$ грана 3—4 раза въ день—и онъ поправляется.

Я молчалъ и не хотѣлъ ему возражать. Онъ отошелъ отъ дверей и приказалъ вести себя въ другое отдѣленіе. Ясно было видно, что онъ боится холерныхъ больныхъ. Не дотронувшись ни до одного больнаго, онъ приказалъ подать себѣ уксусъ, и умылъ руки.

Пріѣхавъ однажды въ госпиталь, онъ зашелъ въ тифозное отдѣленіе и увидѣлъ умирающаго больнаго, который находился уже въ агоніи и хрипѣлъ предсмертно.

— Что у него?

— Тифъ... онъ уже въ агоніи.

— Дайте ему сейчасъ камфарный спиртъ (Spiritus camphorae) по двѣ капли на пріемъ и настойку фосфора (tinctura phosphori) по одной каплѣ каждые четверть часа... Дать немедленно, а я пока пойду по другимъ отдѣленіямъ... Ты, обращаясь къ фельдшеру, сказалъ онъ,—давай лѣкарство аккуратно и не отходи отъ больнаго.

Шерингъ пошелъ по госпиталю и нарочно, какъ было видно, мѣшкалъ, чтобы дать время подѣйствовать прописанному тифозному больному лѣкарству. Наконецъ, онъ сказалъ, чтобы его вели къ упомянутому больному. У дверей палаты стоялъ фельдшеръ, которому приказано было не отходить отъ больнаго.

— Ну, что больной? спросилъ Шерингъ, при входѣ въ палату, у фельдшера.

Фельдшеръ отвѣчалъ густымъ басомъ:

— Mortuorum, ваше превосходительство!

Онъ хотѣлъ сказать mortuus, ваше превосходительство, но перехитрилъ.

Смѣхъ пробѣжалъ по всѣмъ лицамъ врачей, а Шерингъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Я не думалъ, что онъ такъ скоро умираетъ... Мнѣ пора ѣхать къ начальнику штаба... Надобно было хорошенько давать ему это лѣкарство... А кто завѣдуетъ фельдшерской школой?

При госпиталѣ была школа, и я завѣдывалъ ею.

— Я, ваше превосходительство, отозвался я.

— А этотъ фельдшеръ, который говоритъ mortuorum, учился у васъ?

— Не у меня, ваше превосходительство.

— Ну, по крайней мѣрѣ это хорошо, что онъ не у васъ учился, замѣтилъ Шерингъ язвительно.

Изъ аллопатическихъ средствъ Шерингъ по преимуществу гналъ маслянистую микстуру (mixtura oleosa) и называлъ ее колесною мазью, а тогда лѣкарство это часто давали при острыхъ кишечныхъ заболѣваніяхъ. Бѣда, если эту микстуру бывало не успѣютъ спрятать отъ него: онъ начинаетъ кричать, ругаться и нерѣдко собственноручно выливалъ лѣкарство въ плевательницу. Такъ же онъ не любилъ ипекакуану и хлорную воду. Средства эти тогда часто давали, и бѣда бывало, если Шерингъ увидитъ ихъ: та же участь постигала и эти средства, какъ и маслянистую микстуру. До такой степени Шерингъ былъ помѣшанъ на гомеопатіи! Такъ неотвязчиво навязывалъ онъ всѣмъ свою излюбленную методу лѣченія! Всѣ, кто хотѣлъ выслужиться, должны были сдѣлаться его послушнымъ орудіемъ къ изученію, примѣненію и

распространенію этой методы. Многіе пользовались этою слабостью Шеринга и слыли у него за хорошихъ врачей потому только, что умѣли хорошо ходить на заднихъ лапкахъ. Къ числу такихъ принадлежалъ одинъ молодой врачъ, служившій въ арміи, въ войскахъ, подвѣдомственныхъ Шерингу. Нужно замѣтить, что Шерингъ былъ страстный охотникъ, и этимъ онъ сдѣлалъ свою карьеру, потому что покойный, и всемогущій въ свое время, Я. И. Вилліе также былъ страстный охотникъ и двинулъ впередъ Шеринга отнюдь не за выдающіяся его медицинскія способности, но за умѣніе угодить Вилліе. Шерингъ любилъ ѣздить на охоту и даже, когда отправлялся по дѣламъ службы для осмотра войскъ и лазаретовъ, всегда комбинировалъ службу съ охотою. Случилось, что онъ поѣхалъ въ Новгородскую губернію, гдѣ былъ расположенъ, въ имѣніи одного помѣщика, армейскій батальонъ. Управляющій этимъ имѣніемъ былъ нѣмецъ, пріятель Шеринга. Онъ разговорился съ управляющимъ и спросилъ его:

— Кто тутъ изъ врачей занимается практикой?

Управляющій, будучи пріятелемъ молодаго врача Р., только-что выпущеннаго изъ академіи, сказалъ Шерингу, что лучшій врачъ Р. и, зная слабость Шеринга къ гомеопатіи, добавилъ:

— Онъ съ утра до вечера сидитъ за книгами и все читаетъ гомеопатическія сочиненія; Яръ—у него изъ рукъ не выходитъ, и лѣчитъ онъ только гомеопатически.

Этого было достаточно для яраго пропагандиста гомеопатіи.

И вотъ, на другой день, осматривая лазаретъ у Р., Шерингъ видитъ всюду гомеопатическія назначенія. Послѣ осмотра Шерингъ задалъ Р. такой вопросъ:

— Желаете быть переведеннымъ на службу въ гвардію?

— Конечно, послѣдовалъ положительный отвѣтъ.

— Я васъ назначу въ л.-гв. Егерскій полкъ батальоннымъ врачемъ и прикомандирую къ Семеновскому госпиталю, чтобы вы тамъ могли усовершенствоваться и познакомить тамошнихъ врачей съ той методой лѣченія, которую я нашелъ въ вашемъ лазаретѣ...

Сказано—сдѣлано. Дня черезъ три Р. былъ присланъ въ Семеновскій госпиталь и впослѣдствіи переведенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ.

Шерингъ, еще до назначенія Р., пріѣхалъ въ госпиталь и объ-

явилъ намъ, что нашелъ отличнаго молодаго врача, въ лазаретѣ у котораго найдено столь правильное лѣченіе, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ госпиталей, и что онъ его переводитъ въ гвардію и присылаетъ въ Семеновскій госпиталь. Наконецъ, Шерингъ заявляетъ, что надѣется уже больше не видѣть въ госпиталѣ маслянистой микстуры, и что врачи ознакомятся у Р. съ положительною и вѣрнѣйшею методою лѣченія. При этомъ Шерингъ, говоря о маслянистой микстурѣ, сказалъ:

— Пфуй!.. Это мерзость... Это колесная мазь, и заключилъ свою тираду тѣмъ, что плюнулъ.

Р. прибылъ въ госпиталь. Это былъ только-что испеченный врачъ, безъ всякихъ практическихъ знаній, который даже и гомеопатіи не зналъ, и мы должны были у него учиться! Шерингъ былъ до такой степени недальновиденъ, что больному можно было дать какое угодно, только гомеопатическое, лѣкарство, и онъ былъ уже доволенъ. На распознаваніе же болѣзни онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: можно было дать больному какое угодно гомеопатическое средство — и тогда все было хорошо. При такомъ порядкѣ вещей, Р. не трудно было прослыть хорошимъ врачемъ и даже сдѣлаться нашимъ наставникомъ въ гомеопатіи.

Пржесмыцкій былъ нелюбимъ Шерингомъ и въ свою очередь ненавидѣлъ Шеринга. Случалось, что послѣ Шеринга пріѣзжалъ въ госпиталь Пржесмыцкій и говорилъ разныя остроты на счетъ Шеринга и гомеопатіи. Иногда они сталкивались во входныхъ дверяхъ и, не кланяясь другъ другу, проходили, косо поглядывая одинъ на другаго. Пржесмыцкій, по удаленіи Шеринга, входилъ въ госпиталь и встрѣчавшимъ его врачамъ часто говаривалъ:

— Sole occidente, luna oritur (по захожденіи солнца восходитъ луна).

Это заставляло всѣхъ смѣяться, потому что голова Пржесмыцкаго была вся лысая и очень походила на луну. Вообще, Пржесмыцкій былъ большой острякъ и хорошо образованный человѣкъ. Онъ зналъ хорошо латинскій языкъ; но въ медицинскомъ отношеніи былъ уже отставшимъ врачемъ.

Въ началѣ Великаго поста 1855 года по Петербургу начали ходить темные, постепенно увеличивавшіеся слухи о болѣзни

императора Николая Павловича. Никто изъ насъ ничего положительнаго не зналъ. Въ воскресный день недѣли православія, приходившейся въ этомъ году 13-го февраля, я, вставши утромъ рано, уже съ 6½ часовъ началъ визитацію моего отдѣленія и окончилъ ее къ 9½ часамъ утра; затѣмъ я отправился къ старшему врачу и просилъ разрѣшенія не быть при обходѣ имъ госпиталя, такъ какъ я иду къ обѣднѣ. Получивъ разрѣшеніе, я отправился въ Казанскій соборъ. Служилъ митрополитъ с.-петербургскій Никаноръ. Послѣ обѣдни происходилъ чинъ православія, торжество котораго справляется въ этотъ день. Чинъ православія, какъ извѣстно, слагается изъ анаѳематствованія, провозглашенія «вѣчной памяти» сподвижникамъ православія и многолѣтія, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Особенно много времени занимаетъ провозглашеніе вѣчной памяти покойнымъ ревнителямъ вѣры православной, а затѣмъ слѣдуетъ многолѣтіе, провозглашаемое прежде всего царствующему императору. Когда протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе императору Николаю Павловичу, пѣвчіе, по ошибкѣ, начали пѣть вѣчную память. Митрополитъ встревожился, замахалъ руками, въ церкви сдѣлалось смятеніе и перерывъ богослуженія. Пѣвчіе, послѣ моментальной остановки, запѣли многолѣтіе. Нужно же было случиться, что императоръ Николай Павловичъ скончался черезъ нѣсколько дней, 18-го февраля 1855 года... Послѣ этого—не вѣрьте народнымъ примѣтамъ и предразсудкамъ! Въ день кончины императора около трехъ часовъ дня раздался звонокъ, оповѣщавшій прибытіе Шеринга въ госпиталь. Онъ вошелъ смущенный и взволнованный. Я и Владиміровъ встрѣтили его. Направясь по нижнему корридору госпиталя, Шерингъ сказалъ трижды:

— Не лѣчили! Не лѣчили! Не лѣчили, какъ слѣдуетъ!

— Кого же? спросилъ Владиміровъ, полагая, что это относится къ одному изъ больныхъ въ госпиталѣ.

— Государя не стало! сказалъ Шерингъ и продолжалъ:—у него было воспаленіе легкихъ, кончившееся параличемъ ихъ, а извѣстно, что два только сильныхъ и главныхъ средства при параличѣ легкихъ: это—tartarus stibiotus (рвотный камень) три раза въ день по $^1/_{100}$ грана, а если онъ не помогаетъ, то carbo vege-

Музейный фонд Московской обл. библиотеки

tabilis (растительный уголь) четыре раза по $^1/_{100}$ грана! [1]). И представьте, что государю не дали ни одного изъ этихъ средствъ! Да! Лейбъ-медикъ Мандтъ дастъ за это отвѣтъ Богу... Я былъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ императора, и тѣмъ болѣе, что даже не хотѣлось вѣрить этому роковому извѣстію, потому что въ двѣнадцать часовъ дня въ первый разъ въ полковой церкви служили молебенъ о выздоровленіи государя, и только тогда мы всѣ узнали, что государь серьезно боленъ. Привезенное Шерингомъ извѣстіе заставило меня вспомнить о случившейся въ Казанскомъ соборѣ ошибкѣ въ недѣлю православія, и я немало изумлялся такому стеченію обстоятельствъ.

Въ 1889 году я провелъ все лѣто въ Липецкѣ, занимаясь на минеральныхъ водахъ. Тамъ я встрѣтилъ отставнаго полковника, служившаго когда-то преподавателемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, Михаила Павловича Епанчина, который въ 1855 году также былъ въ Казанскомъ соборѣ въ недѣлю православія и сообщилъ мнѣ объ упомянутой выше ошибкѣ пѣвчихъ. Слѣдовательно, вотъ еще одинъ достовѣрный свидѣтель описаннаго событія; да, я думаю, найдутся и еще многіе изъ оставшихся въ живыхъ, которые присутствовали тогда на богослуженіи въ Казанскомъ соборѣ и помнятъ ту ошибку.

Такъ какъ я уже упомянулъ о кончинѣ императора Николая Павловича, то, не желая быть краткимъ и отрывистымъ свидѣтелемъ этого важнаго событія, я сообщу здѣсь все, что тогда было извѣстно и слышно о болѣзни и кончинѣ государя.

Императоръ Николай Павловичъ былъ боленъ, какъ тогда говорили, около 3-хъ недѣль. Въ виду войны и начавшейся осады Севастополя, чтобы поддержать духъ войскъ, ослабленный частыми неудачами, бюллетеней о состояніи здоровья императора не выходило. Болѣзнь началась острымъ бронхитомъ, и лѣчившій государя лейбъ-медикъ Мандтъ пользовался большимъ довѣріемъ его.

Мандтъ извѣстенъ былъ, какъ лицо, введшее въ Россіи а т о м и с т и ч е с к у ю с и с т е м у л ѣ ч е н і я. Эта система, павшая вмѣ-

[1]) До такой степени былъ смѣшонъ Шерингъ, что могъ высказывать съ убѣжденіемъ такіе абсурды, изобличавшіе въ немъ совершенное незнаніе медицины.

стѣ съ Мандтомъ, походила на гомеопатическую, съ тою разницею, что лѣкарствъ было меньше и пріемы ихъ были нѣсколько больше. Я не имѣлъ никогда охоты изучить этой системы, но знаю только, что главное средство было nux vomica (челибуха), которое давалось по $^1/_{60}$ грана на пріемъ. Мандту былъ отданъ для опытовъ такъ называемый придворный Образцовый госпиталь, и онъ такъ умѣлъ увѣрить государя въ компетентности своей системы, что государь имѣлъ при себѣ порошокъ изъ nux vomica, и когда чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, то принималъ 1 порошокъ. Дѣйствительно, легкое согрѣвающее и шпорящее желудокъ дѣйствіе мандтовскихъ порошковъ могло многихъ вводить въ заблужденіе. Хотя Мандтъ и совѣтовалъ государю, заболѣвшему бронхитомъ, не выѣзжать, но все-таки онъ выѣзжалъ и осматривалъ въ манежѣ проходившіе и направлявшіеся на театръ военныхъ дѣйствій полки и команды, чтобы воодушевить ихъ своимъ присутствіемъ на ратные подвиги. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ простудился, бывшій у него бронхитъ обострился, сдѣлался капиллярнымъ и вскорѣ перешелъ въ воспаленіе обоихъ легкихъ (pneumonia duplex)—болѣзнь страшную, особенно для атлетическихъ и крѣпко сложенныхъ не молодыхъ людей, а императоръ Николай Павловичъ принадлежалъ именно къ такимъ. Мандтъ, говорятъ, не принялъ никакихъ мѣръ къ ослабленію болѣзни и ограничился своей атомистикой. Наканунѣ (или нѣсколько раньше) печальнаго исхода былъ составленъ консиліумъ изъ лейбъ-медиковъ—Енохина и, кажется, Карелля, врача императрицы Александры Ѳедоровны. Эти врачи констатировали у императора двойное воспаленіе легкихъ, прописали лѣкарства и назначили мушку на грудь, съ цѣлію остановить начинавшійся параличъ легкихъ. Но было уже поздно! Убійственная болѣзнь сломила крѣпкую натуру императора, всего на 58-мъ году жизни, между тѣмъ, еслибы не случилось этой болѣзни, онъ могъ бы прожить еще много лѣтъ!

Императоръ Николай Павловичъ скончался 18-го февраля, въ 1 часъ 10 минутъ по полудни. Въ тотъ же день, въ 4 часа по полудни, офицеры, врачи и чиновники присягнули въ полковой Введенской церкви новому императору Александру Николаевичу. Въ гвардіи отдано было приказаніе привести къ присягѣ нижнихъ

чиновъ утромъ 19-го февраля, что̀ и было исполнено въ тотъ же день весьма рано. До присяги же нижніе чины, какъ только было получено извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича, не были увольняемы изъ казармъ, и впускъ постороннихъ лицъ въ казармы былъ прекращенъ.

Грустно было положеніе Россіи и Петербурга въ эти печальные дни. Осада Севастополя была въ полномъ разгарѣ, исходъ войны, въ виду страшной коалиціи, не извѣстенъ, съ театра военныхъ дѣйствій получались самыя неутѣшительныя вѣсти; да вдобавокъ, трауръ по покойномъ императорѣ и всѣ печальныя церемоніи, какъ неразлучные спутники въ подобныхъ событіяхъ, наводили истинную и неподдѣльную грусть на всѣхъ.

Въ самый день кончины императора я отправился въ началѣ 5-го часа въ Зимній дворецъ. Императоръ покоился въ угловыхъ, выходящихъ на Неву и къ Адмиралтейству покояхъ, гдѣ, какъ говорили, жила прежде великая княгиня Ольга Николаевна, и будто бы императоръ предъ кончиною распорядился еще, чтобы тѣло его было положено въ этихъ покояхъ. Всѣхъ уже допускали поклониться тѣлу усопшаго императора. Народъ входилъ чрезъ нижніе корридоры дворца, чрезъ средній подъѣздъ, противъ Адмиралтейства, а выходилъ чрезъ Іорданскій подъѣздъ. Императоръ покоился на ложѣ, лица и тѣла не было видно, потому что онъ былъ покрытъ золотымъ глазетовымъ покровомъ, чрезъ который мѣстами обозначались очертанія тѣла. Въ дверяхъ зала стояли при входѣ и выходѣ чины двора и понуждали приложившихся къ тѣлу выходить скорѣе изъ зала, говоря постоянно: «проходите, проходите». Духовенство читало св. Евангеліе при возженныхъ въ большихъ подсвѣчникахъ свѣчахъ. Никого изъ лицъ императорской фамиліи въ это время въ залѣ не присутствовало. На дворцовой площади были сплошныя массы народа, вездѣ раздавались вздохи и сожалѣнія, многіе плакали, по устамъ всѣхъ пробѣгало имя лейбъ-медика Мандта, который въ избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, какъ говорили, немедленно по кончинѣ императора, былъ вывезенъ изъ дворца въ наемной каретѣ и будто бы въ тотъ же день выѣхалъ за границу.

На другой день, 19-го февраля, появился Высочайшій мани-

фестъ, оповѣщавшій о кончинѣ императора и о вступленіи на прародительскій престолъ императора Александра Николаевича. О войнѣ въ манифестѣ ни слова не говорилось, и онъ оканчивался заявленіемъ, что новый императоръ будетъ царствовать «по примѣру своихъ предшественниковъ—Петра Великаго, Екатерины Второй и незабвеннаго родителя Николая Павловича».

Въ первыя минуты всѣ съ боязнію, страхомъ и трепетомъ говорили о кончинѣ императора. Извощикъ, на которомъ я ѣхалъ въ Зимній дворецъ, спросилъ меня шепотомъ:

— Правда ли, что батюшка-царь скончался?

Я сказалъ ему:

— Не бойся: говори громко. Государь дѣйствительно скончался. Извощикъ тяжело вздохнулъ, снялъ шляпу и перекрестился.

— Царство ему небесное!.. Добрый и христіанскій былъ царь.

На глазахъ возницы искрились слезы.

— Онъ, продолжалъ извощикъ, повелѣлъ воротить мнѣ сына, котораго неправедно взяли въ службу... Царство ему небесное!

— Правда, спросилъ опять извощикъ, что дохтуръ-нѣмецъ виноватъ, что дурно лѣчилъ его.

— Не вѣрь этому... царь скончался отъ тяжкой болѣзни. Богу такъ было угодно.

— Смилостивился вѣрно Господь надъ нимъ, сердечнымъ, больно уже приступили поганые нехристи.

— Ничего, любезный. У насъ теперь другой царь—сынъ покойнаго... Онъ не дастъ насъ въ обиду.

— Пошли ему, Господи, одолѣть супостата!

Ходили тогда слухи, что покойный императоръ завѣщалъ, чтобы бальзамированіе его тѣла было совершено по новому способу, который состоялъ въ впрыскиваніи въ вены раствора сулемы (сулимата) безъ вскрытія тѣла. Для бальзамированія былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоръ Груберъ (впослѣдствіи извѣстный анатомъ), который и произвелъ бальзамированіе, предупредивъ, чтобы останки въ теченіе 4—6 часовъ оставались въ совершенномъ покоѣ, такъ какъ это требовалось для того, чтобы дать время подѣйствовать раствору сублимата на ткани, причемъ должно происходить химическое соединеніе впрыснутаго средства съ бѣлкомъ. Но такъ какъ

приближалось время панихиды въ Высочайшемъ присутствіи, то окружающіе не обратили вниманія на предостереженіе Грубера и поспѣшили одѣть почившаго императора, вслѣдствіе чего лопнула одна изъ большихъ венъ, растворъ, впрыснутый въ вены, излился въ полости тѣла и не могъ произвести желаемаго дѣйствія. Останки императора вскорѣ подверглись разложенію. Новый императоръ, Александръ Николаевичъ, былъ весьма опечаленъ этимъ и приказалъ отыскать лицо, которое исправило бы ошибку.

Мнимую ошибку Грубера взялся исправить профессоръ анатоміи Медико-Хирургической академіи, Павелъ Андреевичъ Нароновичъ. Онъ занялся этимъ дѣломъ съ усердіемъ. Между тѣмъ тѣло императора Николая Павловича было перевезено въ Петропавловскій соборъ. Каждую ночь, а днемъ, въ назначенное время, когда прекращался впускъ публики, Нароновичъ усердно работалъ, употребляя всевозможныя дезинфекціонныя и противугнилостныя средства. Онъ добился того, что устранилъ запахъ, но лицо покойнаго императора было трудно узнаваемо, а между тѣмъ приближался день погребенія. Нароновичу, однако, удалось исправить это непріятное состояніе способомъ ему одному извѣстнымъ, такъ что лицо покойнаго императора приняло свойственное ему выраженіе. Императоръ Александръ Николаевичъ былъ весьма доволенъ Нароновичемъ и приказалъ узнать—что желаетъ Нароновичъ получить въ награду. Онъ просилъ только, чтобы его оставили на всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ, пока онъ самъ пожелаетъ, на что, говорятъ, и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Такимъ образомъ, Нароновичъ избѣгнулъ приближавшейся баллотировки въ Медико-Хирургической академіи на слѣдующее пятилѣтіе, и пока желалъ—оставался на всѣхъ должностяхъ, а онъ занималъ ихъ нѣсколько.

Вотъ все, что я тогда частію слышалъ отъ достовѣрныхъ людей и чему отчасти самъ былъ свидѣтелемъ. Считаю обязанностію присовокупить, что болѣзнь императора Николая Павловича и послѣднія минуты его жизни были описаны въ то время въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ». Впослѣдствіи я слышалъ многое изъ того, что привелъ, отъ весьма компетентныхъ и высокопоставленныхъ лицъ и, между прочимъ, отъ лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова, съ которымъ я былъ коротко знакомъ, а, въ свою очередь,

онъ слышалъ многія подробности о кончинѣ императора Николая Павловича отъ лейбъ-медиковъ Енохина и Карелля.

Два длинныхъ похода изъ Динабурга въ Петербургъ и обратно изъ Петербурга въ Динабургъ, о чемъ замѣчено выше, и пяти-мѣсячная стоянка въ Колтушахъ дали мнѣ возможность, въ свободное время, котораго было очень достаточно, преимущественно во время стоянки въ Колтушахъ, заняться повтореніемъ того, что, хотя было еще свѣжо въ памяти, но недостаточно усвоено. Впослѣдствіи, въ Семеновскомъ госпиталѣ, постоянное сидѣнье дома или на дежурствѣ также дало мнѣ возможность повторить различные предметы медицины. Не желая откладывать въ дальній ящикъ цѣли моихъ стремленій — докторскаго экзамена, я 3-го декабря 1855 года подалъ прошеніе въ конференцію Императорской Медико-Хирургической академіи о допущеніи меня къ экзамену на степень доктора медицины. 5-го декабря я держалъ уже первый экзаменъ. Президентомъ академіи въ то время былъ В. В. Пеликанъ, вице-президентомъ Бальбіани. Изъ профессоровъ академіи въ то время были замѣчательны: 1) Здекауеръ, читавшій общую патологію и общую терапію и ведшій клинику внутреннихъ болѣзней. Ассистентовъ у него было нѣсколько человѣкъ, но главнѣйшій изъ нихъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ Э. Э. Эйхвальдъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ и знаменитый практическій врачъ въ Петербургѣ. 2) Эккъ, читавшій частную патологію и терапію, весьма дѣльный профессоръ и отличный практическій врачъ, имѣвшій въ свое время громадную практику въ Петербургѣ. 3) Евгеній Венцеславовичъ Пеликанъ (сынъ президента академіи, его звали въ отличіе отъ отца — молодой Пеликанъ), читавшій судебную медицину и токсикологію — одинъ изъ лучшихъ профессоровъ своего времени. 4) Загорскій. Онъ читалъ физіологію. 5) Заблоцкій-Десятовскій (Павелъ Парфентьевичъ) былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ — читалъ теоретическую хирургію и сифилитическія болѣзни и велъ клинику этихъ болѣзней. 6) Неммертъ, читавшій оперативную хирургію и ведшій хирургическую клинику. 7) Лейбъ-окулистъ Кабатъ, извѣстный глазной врачъ своего времени, читалъ офталмологію и велъ клинику глазныхъ болѣзней. 8) Мяковскій — велъ клинику женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и читалъ лекціи по этимъ болѣзнямъ. 9) Китеръ — читалъ

акушерство и велъ акушерскую клинику. 10) Кулаковскій—читалъ лекціи фармакологіи. 11) Олендзскій—фармацію и фармакогнозію, а адъюнктомъ этихъ предметовъ былъ: 12) Ю. К. Траппъ (впослѣдствіи извѣстнѣйшій профессоръ). 13) П. А. Нароновичъ—профессоръ описательной анатоміи и 14) его адъюнктъ-профессоръ—Платоновъ. 15) Маркузенъ, читавшій патологическую анатомію. 16) Извѣстный хирургъ и профессоръ Пироговъ также считался въ то время профессоромъ хирургіи, но онъ былъ откомандированъ въ Крымъ въ качествѣ главнаго хирурга дѣйствующей арміи (его замѣнялъ въ академіи Неммертъ). 17) Ник. Никол. Зининъ—читалъ химію и былъ ученымъ секретаремъ академіи. 1) Евгеній Венцеславовичъ Пеликанъ высоко держалъ въ то время знамя науки въ академіи и шелъ въ уровень съ тогдашнимъ состояніемъ науки. Эти качества блистали въ немъ еще больше и въ томъ отношеніи, что, будучи сыномъ президента академіи и директора военно-медицинскаго департамента, онъ, несмотря на то, подавалъ собою примѣръ того, какимъ долженъ быть профессоръ академіи. И какъ человѣкъ, онъ былъ одинъ изъ лучшихъ людей того времени. Всѣ прибѣгавшіе къ нему врачи и студенты получали отъ него лучшіе совѣты, каждому онъ хотѣлъ быть полезенъ, каждому оказывалъ пособіе и добро, какое только въ силѣ былъ оказать. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія и незабвенную память. 2) Николай Николаевичъ Зининъ былъ одинъ изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ химиковъ своего времени, въ высшей степени добрый и гуманный, безъ всякихъ претензій и чванства, которымъ были заражены многіе профессора того времени. 3) профессоръ Эккъ—одинъ изъ лучшихъ терапевтовъ своего времени, прекрасный, добрый и честный человѣкъ и врачъ. 4) Неммертъ—былъ однимъ изъ лучшихъ хирурговъ своего времени, прекрасный профессоръ, хорошій человѣкъ и врачъ. 5) Павелъ Андреевичъ Нароновичъ былъ профессоромъ анатоміи и большимъ труженикомъ. Онъ имѣлъ огромную практику и даже какъ хирургъ; замѣчателенъ своимъ антагонизмомъ въ отношеніи Пирогова. Причиной, вѣроятно, были столкновенія въ академіи и въ практикѣ. 6) Здекауеръ. Онъ уже въ то время былъ извѣстенъ, какъ лучшій

практикъ, и имѣлъ громадную практику въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ консультантомъ при Дворѣ и наконецъ былъ предсѣдателемъ медицинскаго совѣта. Какъ профессоръ академіи, въ свое время, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ.

Излишне здѣсь говорить о Пироговѣ, стяжавшемъ себѣ всемірную извѣстность. Замѣчу только здѣсь, что онъ былъ въ враждебныхъ отношеніяхъ къ многимъ профессорамъ того времени. Причиною, вѣроятно, была слишкомъ большая авторитетность Пирогова, которая была многимъ непріятна, а отчасти столкновенія въ частной практикѣ. Послѣ окончанія Крымской войны, когда Пироговъ возвратился изъ Крыма, вскорѣ онъ перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Распространяться о его дѣятельности считаю излишнимъ въ виду его собственныхъ уже обнародованныхъ записокъ и въ виду того, что о немъ написано во множествѣ журналовъ и газетъ.

Экзамены на доктора медицины производились въ конференціи академіи. Экзаменующемуся вручался экзаменаціонный листъ, съ которымъ онъ являлся въ конференцію къ профессору, у котораго желалъ экзаменоваться. По сдачѣ теоретическихъ предметовъ производились практическія испытанія изъ анатоміи описательной, топографическо-патологической и въ клиникахъ—внутреннихъ, хирургическихъ и глазныхъ болѣзней, а равно въ клиникѣ акушерской, дѣтскихъ и женскихъ болѣзней и наконецъ изъ судебной медицины. На экзаменахъ всегда присутствовали президентъ или вице-президентъ академіи и ученый секретарь.

Теоретическія и практическія испытанія я окончилъ къ марту 1856 года.

Когда явился я экзаменоваться изъ акушерства къ профессору Китеру, который прежде былъ въ Казани и зналъ Лентовскаго, о которомъ упомянуто въ первой части моихъ воспоминаній, то онъ спросилъ меня:

— Гдѣ вы обучались медицинѣ?

— Въ Казанскомъ университетѣ, отвѣчалъ я.

Китеръ нѣсколько какъ бы испугался, сдѣлалъ строгое выраженіе лица и нетерпѣливо отдвинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, по-

даваясь назадъ всѣмъ тѣломъ и увлекая вмѣстѣ съ тѣмъ и стулъ, и съ нетерпѣніемъ спросилъ меня:

— Вы, стало быть, слушали лекціи Лентовскаго по акушерству?

— Да, профессоръ, я началъ слушать эти лекціи у Лентовскаго, но вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ, до прибытія профессора Козлова, Бекетовъ... Я слушалъ лекціи у послѣдняго...

— То-то, сказалъ Китеръ. — Еслибы вы ограничивались только чепухою Лентовскаго, то я не сталъ бы экзаменовать васъ.

И только теперь приступилъ Китеръ къ экзамену и, признаться, порядочно жалъ меня.

Въ мартѣ 1856 года я представилъ диссертацію на доктора «О никотинѣ въ токсикологическомъ и судебно-медицинскомъ отношеніи». Просмотръ диссертаціи былъ порученъ профессорамъ Кулаковскому и Пеликану. Кулаковскій одобрилъ диссертацію, а Пеликанъ взглянулъ на дѣло иначе Онъ объявилъ мнѣ, что диссертація о никотинѣ, безъ опытовъ, ничего не стоитъ, и чтобы я, если желаю видѣть свою диссертацію современною, долженъ произвести опыты съ никотиномъ надъ животными и повѣрить то, что по сіе время сдѣлано по этому предмету, а можетъ быть удастся найти и что-нибудь новое. Пеликанъ предложилъ мнѣ произвести эти опыты подъ его руководствомъ и въ его судебно-медицинскомъ кабинетѣ. Я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Пеликана. Эти опыты были въ высшей степени интересны и поучительны, и заняли около трехъ мѣсяцевъ. Когда я окончилъ работу, Пеликанъ сказалъ мнѣ: «Теперь ваша диссертація современная и интересная, и вы не даромъ поработали». Затѣмъ послѣдовало печатаніе диссертаціи и публичная защита ея, которая была назначена на 23-е іюня 1856 года.

Паденіе Севастополя совершилось, послѣ 11-ти-мѣсячной осады. Въ день именинъ только-что воцарившагося императора Александра Николаевича была получена отъ главнокомандующаго Горчакова телеграмма, напечатанная въ газетахъ того времени. Телеграмма эта гласила, что «отъ Севастополя остались однѣ только окровавленныя развалины и что войска благополучно

перешли на сѣверную сторону». Эта грустная телеграмма вмигъ облетѣла всю столицу, въ день, когда Россія должна была праздновать тезоименитство своего государя подобающимъ образомъ, а между тѣмъ день 30-го августа 1855 года былъ самымъ грустнымъ днемъ въ лѣтописяхъ русскаго народа. Однако, дѣлать было нечего: нужно было смириться предъ этимъ испытаніемъ, котораго нельзя было исправить. Вскорѣ стало слышно, что начались переговоры о мирѣ, и дѣйствительно между воюющими арміями въ непродолжительномъ времени установилось перемиріе. Тогда говорили, что союзныя арміи въ Крыму не менѣе утомлены войною, чѣмъ и Россія, и желаютъ мира; съ другой же стороны коалиція противъ Россіи достигла взятія Севастополя, который такъ долго и упорно не могъ быть взятъ: слѣдовательно, самолюбіе враговъ Россіи было удовлетворено. Затѣмъ, вскорѣ послѣдовала поѣздка нашего государя въ Крымъ, и шансы на миръ увеличились. Вся осень и начало зимы прошли въ переговорахъ о мирныхъ условіяхъ. Крымская война окончилась въ началѣ весны 1856 года, какъ извѣстно, Парижскимъ миромъ. Всѣ были рады окончанію ужасной войны, хотя условія мира и не соотвѣтствовали достоинству Россіи, но молодой, новый императоръ, желая избѣгнуть безполезнаго кровопролитія, согласился на эти условія, которыя были объявлены въ манифестахъ того времени въ довольно смягченномъ видѣ и не казались тяжкими и постыдными. Общая радость объ окончаніи войны, несмотря на принесенныя жертвы, отразилась на всемъ населеніи, потому уже, что рѣдко можно было встрѣтить семью, которая не потеряла бы кого-либо изъ близкихъ сердцу, и теперь эта страшная война въ Севастополѣ прекратилась, и давалась возможность, безъ дальнѣйшаго напряженія силъ, заняться мирнымъ трудомъ и исправить то, что требовало исправленія.

Съ началомъ весны 1856 года, послѣ заключенія Парижскаго мира, въ Петербургѣ стали готовиться къ коронаціи императора. Всюду наступило затишье, командировки врачей на театръ военныхъ дѣйствій прекратились, да и внутри командировки сдѣлались рѣже, а въ Семеновскомъ госпиталѣ врачей прибавилось. Въ это время я былъ занятъ обработкой моей диссертаціи, работами у Пеликана, и потомъ печатаніемъ диссертаціи. Между тѣмъ, по

случаю предстоящей въ Москвѣ коронаціи, одинъ батальонъ л.-г. Семеновскаго резервнаго полка 20-го іюня долженъ былъ выступить въ Москву (а дѣйствующіе гвардейскіе полки, бывшіе внѣ Петербурга, были направлены съ мѣстъ стоянки прямо въ Москву и въ томъ числѣ дѣйствующій Семеновскій полкъ, стоявшій во время войны въ Тикоцинѣ).

За три дня до срока, назначеннаго мнѣ конференціею академіи для защиты диссертаціи, Шерингъ, зная, что я дорожу экзаменомъ на доктора, все-таки назначилъ меня отправиться съ упомянутымъ батальономъ въ Москву. Главнымъ начальникомъ медицинской части войскъ, отправлявшихся въ Москву, былъ назначенъ штабъ-докторъ гвардейскаго корпуса Пржесмыцкій. Я отправился къ нему, прося перемѣнить назначеніе и представилъ ему уважительную причину, что 23-го іюня я защищаю диссертацію. Пржесмыцкій отвѣтилъ мнѣ, что онъ не имѣетъ права сдѣлать этого безъ согласія Шеринга и чтобы я отправился къ нему. Я, въ отчаяніи, поѣхалъ къ Шерингу и изложилъ мою просьбу и причины ея.

— Что же, это, вы выдумали держать экзаменъ и защищать диссертацію въ такое время... Императоръ скоро долженъ короноваться, а вы съ вашей диссертаціей.

— Ваше превосходительство! Я прошу оставить меня на недѣлю... Коронація назначена на 26-е августа и ничего же не сдѣлается, если на это короткое время за меня поѣдетъ другой врачъ, а я все могу потерять.

— Вамъ рано еще быть докторомъ...

— Но я уже выдержалъ экзаменъ, остается защитить диссертацію... Черезъ три дня, 23-го іюня, я долженъ защитить... Если я сдалъ экзаменъ, то, рано или поздно, буду докторомъ...

— Вы имѣете времени 10-ть лѣтъ... Это не служба... Защищеніе диссертаціи, это—ваше дѣло... Отправленіе же въ Москву съ батальономъ по случаю коронаціи это—дѣло казенное, это служба... «Служба, мой любезный, долженъ быть на первый планъ, а ваши дѣла на второй» (его подлинныя слова).

— Я не отказываюсь ѣхать черезъ нѣсколько дней...

— Вы должны ѣхать теперь же...

— Сжальтесь, ваше превосходительство! Профессоръ Пеликанъ,

у котораго я работалъ, уѣзжаетъ за границу... Это разстроитъ все дѣло.

— Что мнѣ Пеликанъ!.. Пусть онъ ѣдетъ за границу, а вы въ Москву... Идите, любезный, я ничего не могу сдѣлать.

Я долженъ былъ идти, но по пути зашелъ въ канцелярію и увидѣлъ тамъ моего добраго генія, писаря Жукова. Ему сообщилъ я о моемъ горѣ.

— Вы останетесь, сказалъ онъ... Вы защитите диссертацію въ срокъ. Есть много врачей безъ дѣла... Я ему доложу.

Поѣхалъ я домой опечаленный, думая, что Жуковъ мнѣ не поможетъ въ этотъ дѣлѣ... Это—онъ только такъ говоритъ... Но лучъ надежды у меня все-таки проскользнулъ, вслѣдствіе прямаго заявленія Жукова.

Отъ Шеринга я направился къ командующему полкомъ полковнику Хитрово.

— Я ничего не могу сдѣлать... Вы назначены и должны ѣхать... Мнѣ все равно, кто ни поѣдетъ... Пусть назначатъ другаго... Я самъ не могу дѣлать выбора... Что же думаетъ медицинское начальство... обратитесь къ Шерингу... сказалъ Хитрово.

Послѣ всего этого я сталъ готовиться къ отправленію въ Москву. Измученный этими неудачами и думая о томъ, какъ поступить съ защитою диссертаціи, я долго не могъ заснуть въ ночь съ 19-го на 20-е іюня (день выступленія батальона въ Москву). Я рѣшилъ послать изъ Москвы телеграмму въ конференцію академіи о томъ, что, откомандированный внезапно въ Москву, по дѣламъ службы Его Императорскаго Величества, я не могу въ назначенный день (23-го іюня) защищать диссертацію и прошу отложить диспутъ до возвращенія моего изъ Москвы. Такое рѣшеніе успокоило меня, и я заснулъ, но вскорѣ былъ разбуженъ внезапнымъ и сильнымъ звонкомъ. Предо мною предсталъ самъ Жуковъ, который вручилъ мнѣ конвертъ и поздравилъ съ тѣмъ, что я не ѣду въ Москву. Въ конвертѣ было предписаніе Шеринга. Оно гласило, что на мѣсто меня для сопровожденія батальона л.-г. Семеновскаго резервнаго полка въ г. Москву, назначенъ врачъ Баратынскій изъ л.-г. Преображенскаго резервнаго полка.

Радости моей не было границъ. Вставъ рано утромъ, я отправился къ командующему полкомъ и представилъ ему предписаніе.

— Я ничего не знаю, сказалъ полковникъ Хитрово.

— Но я могу, въ виду этого предписанія, не ѣхать въ Москву?

— Какъ хотите... Я донесу, что вы не явились и что я не отвѣчаю за послѣдствія. Можетъ случиться что-нибудь... Вы будете отвѣчать.

Я долженъ былъ повиноваться. Полкъ отправлялся по желѣзной дорогѣ въ 10 часовъ утра. Дѣлать было нечего. Забравъ свои вещи, поѣхалъ я на вокзалъ желѣзной дороги. Командующій полкомъ былъ уже на вокзалѣ и наблюдалъ за усаживаніемъ людей въ вагоны, и мнѣ указали мѣсто во II классѣ. Въ 10 часовъ поѣздъ двинулся въ Москву. Грустно провелъ я весь этотъ день въ вагонѣ и вечеромъ долго не могъ заснуть, обдумывая, что мнѣ предпринять. Лучше прежняго рѣшенія я не могъ придумать, т. е. послать 23-го іюня телеграмму въ конференцію академіи. Нужно замѣтить, что поѣздъ съ войскомъ шелъ весьма тихо и что только въ началѣ шестаго часа утра мы подъѣзжали къ Твери. Истомленный, я въ это время крѣпко заснулъ. Вдругъ, кто-то дергаетъ и тормошитъ меня. Открываю глаза и вижу, что предо мною стоитъ назначенный вмѣсто меня врачъ Баратынскій. Оказалось, что мы были уже въ Твери.

— Я перегналъ васъ на курьерскомъ поѣздѣ и остался здѣсь, въ Твери, поджидая этотъ поѣздъ... Я пріѣхалъ смѣнить васъ по приказанію Шеринга... Ну, ужь респекъ же онъ меня... Выходите изъ вагона, потому что поѣздъ скоро двинется...

Я не вѣрилъ своему счастію, немедленно вышелъ изъ вагона и долженъ былъ около 8-ми часовъ провести въ Твери, поджидая поѣздъ, съ которымъ я могъ отправиться обратно въ Петербургъ.

Утромъ въ 11 часовъ 22-го іюня я прибылъ въ Петербургъ и около часу дня зашелъ въ госпиталь. Вдругъ раздался звонокъ: Шерингъ прибылъ въ госпиталь и спросилъ, возратился ли я изъ Москвы. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ потребовалъ меня.

— Какъ вы смѣли поѣхать въ Москву?

— Ваше превосходительство! Командующій полкомъ не полу-

чилъ предписанія объ отмѣнѣ моего назначенія и приказалъ мнѣ ѣхать... Баратынскій не явился.

— Теперь я, по вашей милости, обманщикъ!.. Да-съ! Я обманщикъ!.. Я доносилъ въ штабъ, что вы заболѣли, что на мѣсто ваше я назначилъ Баратынскаго, а вы больной—и поѣхали... Что скажетъ теперь начальникъ штаба? Я долженъ проглотить аллопатическую пилюлю по вашей милости. — Не даромъ вы аллопатъ и умѣете подносить такія пилюли тому, кто желаетъ вамъ добра!.. Стыдно! Мерзко! Гадко!.. Я дѣлаю добро, а вы мнѣ зло... Теперь я не буду такой глупый...

— Не могъ же я, ваше превосходительство, преступить распоряженіе командующаго полкомъ...

— Впередъ я не буду этого дѣлать... Я знаю теперь, какъ съ вами поступать... Теперь я, какъ мальчишка, поѣду опять лгать. И Шерингъ тотчасъ же уѣхалъ изъ госпиталя весьма сердитый. Оказалось, онъ только за этимъ я пріѣзжалъ.

Я стоялъ предъ нимъ, выслушивая всѣ эти любезности и не понимая хорошенько, какъ это все могло случиться и въ чемъ тутъ моя вина. Выходило на повѣрку, что оправдывалась русская пословица: «не довернись—бьютъ, и перевернись—бьютъ».

Все объяснилось въ тотъ же день. Баратынскій, получивъ предписаніе—ѣхать вмѣсто меня въ Москву, такъ же, какъ и я, отправился на вокзалъ и слѣдилъ за мною—поѣду ли я,—и какъ только я сѣлъ въ вагонъ, не замѣтивъ его присутствія, онъ поѣхалъ съ вокзала прямо къ Шерингу и заявилъ ему, что я выѣхалъ съ батальономъ въ Москву. Шерингъ спросилъ его—видѣлъ ли онъ меня, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, объявилъ ему, что если онъ меня не догонитъ и не смѣнитъ, то будетъ посаженъ на гауптвахту за ослушаніе предписанію начальства. Конечно, Баратынскому не оставалось ничего, какъ употребить всѣ усилія и догнать меня. Онъ сѣлъ на курьерскій поѣздъ и, перегнавъ нашъ, ждалъ въ Твери, гдѣ и смѣнилъ меня.

23-го іюня я защитилъ докторскую диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Послѣ защиты диссертаціи, я прочиталъ предъ портретомъ императора факультетское обѣщаніе и подписалъ другой, заготовленный по этому случаю экземпляръ обѣ-

щанія, которое припечатывается на другой сторонѣ диплома, для всегдашняго напоминанія врачу принимаемыхъ имъ на себя обязанностей. Послѣ этого президентъ академіи, вице-президентъ и всѣ профессора поздравили меня съ докторскою степенью, подавъ мнѣ руки и расцѣловавшись со мною по заведенному порядку, или обычаю. Здѣсь долженъ я замѣтить, что минута это торжественная.

Теперь, думалъ я, слава Богу, для меня наступятъ лучшія времена. Потрудился я, Богъ сохранилъ мое здоровье, нужно не плошать, продолжать заниматься и слѣдить за наукой, не взирая на докторскую степень; вѣдь, терпѣніе и трудъ когда-нибудь вознаградятся. Скоро я получилъ дипломъ, по полку отдали приказъ обо мнѣ, а такъ какъ докторская степень даетъ права VIII класса и мундиръ, соотвѣтствующій этому классу, то я вскорѣ облекся въ этотъ мундиръ и пошелъ на службу въ госпиталь. Пріѣхалъ однажды въ госпиталь Шерингъ и, увидя меня въ этомъ мундирѣ, — удивился и спросилъ:

— Давно ли вы получили чинъ?

— Я, ваше превосходительство, чина не получалъ, а степень доктора даетъ право на этотъ мундиръ...

— Ахъ, да! Поздравляю васъ, но, знаете, любезный, что я скажу вамъ?

Я слушалъ его почтительно.

— Я скажу вамъ, продолжалъ онъ, то, что сказали мнѣ мои профессора, когда я сдѣлался докторомъ... Они сказали: «Вы думаете теперь, что вы что-нибудь знаете: вы ровно ничего не знаете!..» Я не знаю—за какія такія заслуги всѣмъ молодымъ даютъ доктора, продолжалъ Шерингъ трунить надо мною.

Самъ же онъ кончилъ курсъ въ Дерптѣ, гдѣ давали и даютъ степень доктора со студенческой скамьи всѣмъ и каждому, уже, конечно, безъ всякихъ заслугъ и особыхъ познаній. То обстоятельство, что Шерингъ сдѣлался гомеопатомъ, доказываетъ, что онъ имѣлъ самыя поверхностныя познанія въ медицинѣ, а иначе, конечно, онъ не сдѣлался бы послѣдователемъ гомеопатіи, а еще менѣе навязывалъ бы эту методу лѣченія своимъ подчиненнымъ врачамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XV [1]).

Покупка Дробовскаго имѣнія.—X. не князья.—Графъ Завадовскій, владѣлецъ этого имѣнія.—Киселевъ въ одно и то же время продавецъ и покупатель Дробовскаго имѣнія.—Личность Киселева.—Его неудачная женитьба.—Купеческій міръ.—Знаменитѣйшая изъ французскихъ камелій на содержаніи русскаго лабазника.—Отношенія Киселева къ князю Александру Ивановичу.—Роскошное предположеніе князя относительно Киселева.—Неудовлетворительный ходъ переговоровъ о покупкѣ имѣнія.—Соперничество по этой покупкѣ со стороны графа Левашова.—Непріятное положеніе, въ которомъ я очутился.—Вліяніе К-ва на графа Левашова.—Умѣнье К-ва весело жить.—Шредеръ, простой нѣмецъ—непоколебимый господинъ своего слова.

О другой группѣ X., не князей, я говорить много не буду. Ихъ было четверо: Демьянъ, Александръ, Аркадій и Василій. Это были огромные старики, съ большими лысинами. Демьянъ имѣлъ репутацію умнаго человѣка, не знаю на чемъ основанную. При учрежденіи временнаго совѣта для управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ, о которомъ я выше говорилъ, онъ былъ также назначенъ членомъ этого совѣта. Впослѣдствіи, когда князь Сергѣй образовалъ комитетъ учредителей южной желѣзной дороги, Демьянъ былъ членомъ въ этомъ комитетѣ, и ему было присвоено нѣкоторое старшинство, такъ что онъ имѣлъ характеръ предсѣдателя. Это дѣло поставило меня тогда въ близкія и почти ежедневныя съ нимъ сношенія; но я не видѣлъ въ немъ ничего рѣшительно блестящаго и замѣчательнаго, что̀ оправдывало бы его репутацію. Тѣмъ не менѣе онъ выдвинулся изъ ряда сенаторовъ, который образовали всѣ эти

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1894 г., май.

Х., и умеръ членомъ Государственнаго Совѣта. За нимъ туда же взятъ былъ другой братъ Александръ, тотъ самый, къ которому я и добираюсь, по вліянію его на покупку Дробовскаго имѣнія. Какое значеніе имѣлъ этотъ старикъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я не знаю; но въ нашихъ съ нимъ частныхъ, хотя дѣловыхъ, сношеніяхъ, онъ представлялся человѣкомъ ограниченнымъ. Изъ этихъ сношеній я вынесъ такое убѣжденіе, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ незначительныхъ личностей, не одаренныхъ ни замѣчательнымъ умомъ, ни сильнымъ характеромъ, которыя пріобрѣтаютъ какую-то завидную популярность и бываютъ любимы именно за свою пустоту. Такихъ экземпляровъ я знаю много, точно такъ же, какъ знаю много личностей, истинно замѣчательныхъ, которыя наживали множество враговъ единственно тѣмъ, что были замѣчательны.

Надо сознаться, что если не всегда зависть, въ тѣсномъ смыслѣ, то какое-то непріятное чувство недовольства присуще натурѣ человѣческой при видѣ всего, выходящаго изъ общаго уровня. Всякое превосходство мы тяжело переносимъ. Оттого-то мы охотнѣе и симпатичнѣе сближаемся съ людьми, которые намъ по плечу или даже уступаютъ намъ, чѣмъ съ людьми, которые, по собственному нашему убѣжденію, превосходятъ насъ. Я могъ бы привести сюда множество примѣровъ изъ моей долгой и разнообразной жизни; но считаю это вовсе лишнимъ, ибо полагаю невозможнымъ, чтобы въ жизни каждаго не встрѣчались такіе же примѣры. Въ нашемъ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, вообще усвоившемъ въ себѣ много западныхъ порядковъ, существовали различныя партіи, которыя и боролись между собою; но тамъ же были люди, которые не принадлежали ни къ какой партіи не по убѣжденію, а просто по неспособности, и потому одинаково были всѣмъ пріятны. Представителемъ такихъ личностей у насъ былъ, между прочимъ, хромой Языковъ, извѣстный другъ Панаева. На выборахъ въ распорядительное собраніе онъ получалъ столько же голосовъ, какъ и князь Одоевскій, достойный любимецъ всѣхъ, хотя никогда ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать Однажды, за отсутствіемъ князя Одоевскаго, Языкову, именно по большинству данныхъ ему голосовъ, довелось исправлять его должность предсѣдателя собранія. Вышелъ просто скандалъ...

Языковъ сказалъ уморительную рѣчь, въ которой просилъ не подвергать испытанію и неизбѣжному позору его дѣловыхъ талантовъ. Сколько полагаю, Александръ Х. былъ, съ этой стороны, родной братъ Языкову. Впрочемъ, я быть можетъ ошибаюсь, основываясь единственно на моихъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ этихъ сношеніяхъ я постоянно видѣлъ въ немъ ограниченнаго старика, разбрасывающаго брызги слюны на все окружающее, такъ что, разговаривая съ нимъ, каждый находился какъ будто вблизи фонтана, орошающаго васъ своими брызгами.

Аркадій Х. оставался сенаторомъ, и хотя я часто видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, но не имѣю рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобъ составить о немъ какое-либо заключеніе. Четвертаго ихъ брата Василія, умершаго прежде всѣхъ, я никогда не видалъ; знаю только, что онъ былъ родителемъ надутой и некрасивой супруги князя Льва Х. Какъ состоялся этотъ бракъ при столь близкихъ родственныхъ элементахъ — я не старался изслѣдовать; но, бывая часто у князя Льва, я не могъ не замѣтить очевидной холодности, отличавшей ихъ супружескія отношенія. Холодность эта подтверждалась еще тѣмъ, что въ Петербургѣ они появлялись, большею частію, врозь, такъ что когда однажды, увидавъ княгиню, я сказалъ князю Владиміру Барятинскому, что вѣроятно и князь Левъ въ Петербургѣ, тотъ отвѣчалъ мнѣ: «Ахъ, Боже мой! Неужели вы доселѣ не знаете, что если княгиня въ Петербургѣ—значитъ, князя нѣтъ здѣсь». Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ свѣтѣ она успѣла занять выгодное положеніе. Я самъ видѣлъ ее и въ Большомъ дворцѣ на балахъ, и на маленькихъ балахъ у великаго князя Михаила Николаевича, что она держалась высоко и танцовала большею частію съ членами Императорской фамиліи.

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій, у котораго мы рѣшили купить Дробовское имѣніе, былъ замѣчательный bel homme. Еще знаменитѣе, по красотѣ, была его жена. Нѣтъ сомнѣнія, что блескъ, которымъ одарила ихъ природа, они старались поддерживать и увеличивать вспомогательнымъ и дорого стоющимъ блескомъ. Какъ бы то ни было—дѣла и средства графа Завадовскаго разстроились до крайней степени, такъ что онъ вынужденъ былъ рѣшиться на продажу своего родоваго имѣнія. Дѣло объ этой продажѣ распредѣли-

лось слѣдующимъ образомъ: распорядительная часть передана была графомъ Завадовскимъ Александру Х., съ которымъ, повидимому, онъ находился въ самихъ дружескихъ сношеніяхъ. Но если самъ графъ Завадовскій не имѣлъ желанія заниматься своими дѣлами, то еще менѣе интересно было заниматься ими Александру, человѣку, во всякомъ случаѣ, лѣнивому и по натурѣ, по преклонной старости, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ въ то время отправиться изъ Петербурга въ свое малороссійское имѣніе. Такимъ образомъ онъ передалъ свои права князю Льву Х., который, какъ я сказалъ уже, считался большимъ дѣльцомъ и хозяиномъ. Князь Левъ, зная положеніе дѣлъ Барятинскихъ и желаніе князя Александра отдѣлить и устроить князя Анатолія, предложилъ купить для него Дробовское имѣніе. Мысль эта понравилась князю, и онъ утвердился на ней; практическимъ же проводникомъ ея сдѣлался Киселевъ, управляющій имѣніями князей Х., который, въ мое отсутствіе, очень сблизился съ княземъ Александромъ Ивановичемъ и занимался двойной задачей: съ одной стороны выгодно продать имѣніе отъ имени Х., а съ другой выгодно купить его именемъ Барятинскихъ. Но этого мало: былъ еще участникъ въ этомъ дѣлѣ и, какъ послѣдствія показали, участникъ самый главный и самый надежный — это Шредеръ, высокій, сухой, сѣдой нѣмецъ, бывшій тогда гофъ-маклеромъ. У Шредера сосредоточены были всѣ денежныя дѣла Завадовскаго, т. е. масса долговъ, лежащихъ на немъ и источники какъ для ихъ погашенія, такъ и для жизни этого барина. Шредеръ имѣлъ несомнѣнно большое вліяніе на Завадовскаго и пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Если продажа Дробовскаго имѣнія не была сосредоточена исключительно въ однѣхъ его рукахъ, то это потому, что, будучи дѣятелемъ собственно на биржѣ и вообще въ мірѣ коммерческомъ, онъ не считалъ это хлопотливое порученіе относящимся къ кругу своей дѣятельности; тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ такое же полномочіе продать имѣніе, какъ и другіе господа, о которыхъ я говорилъ.

По моемъ возвращеніи въ Петербургъ изъ первой поѣздки въ имѣніе Барятинскихъ, я не могъ не обратить вниманіе князя Александра Ивановича на трудность положенія Киселева, который долженъ въ одно и то же время продать и купить имѣніе. Мнѣ каза-

лось просто невозможнымъ, чтобы онъ могъ найти такую точку, въ которой бы обоюдные интересы сливались совершенно равномѣрно. До того времени я Киселева вовсе не зналъ такъ же точно, какъ и онъ меня. Но, возвратившись въ Петербургъ, я тотчасъ узналъ отъ самого князя Барятинскаго и отъ другихъ лицъ, что онъ просто превозносилъ меня до небесъ и поздравлялъ князя Александра Ивановича съ пріобрѣтеніемъ моихъ услугъ, какъ съ кладомъ. Впослѣдствіи мы съ нимъ сблизились самымъ дружескимъ образомъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю время, когда мы ежедневно по нѣскольку разъ видѣлись, весело вели свою холостую жизнь и роскошно пользовались всѣми наслажденіями, которыя она можетъ дать. Киселевъ располагалъ обильными средствами, которыя простирались до 30 т. р. ас. въ годъ, что̀ въ то время почти равнялось нынѣшнимъ 30 т. р. сер. Онъ первоначально управлялъ дѣлами и имѣніями графовъ Гурьевыхъ, которые и рекомендовали его Х. Когда, по смерти одного изъ Гурьевыхъ. онъ потерялъ у нихъ мѣсто, онъ остался только у Х. Потомъ, когда и здѣсь умеръ князь Василій, который особенно любилъ и поддерживалъ его и когда другіе Х. начали притѣснять его, Киселевъ, не обладавшій сильнымъ характеромъ, струсилъ опасности остаться безъ средствъ и подъ вліяніемъ ея женился на дочери купца Бобкова, въ домѣ котораго онъ тогда жилъ. Бобковъ былъ рѣшительно мужикъ, когда-то пришедшій въ лаптяхъ изъ деревни и попавшій въ какую-то столярную артель. Случалось, что по подрядамъ своего хозяина онъ работалъ иногда въ Аничковомъ дворцѣ, принадлежавшемъ Николаю Павловичу, когда тотъ былъ великимъ княземъ. Разъ какъ-то, обходя производившіяся во дворцѣ работы, великій князь началъ говорить съ Бобкомъ (какъ онъ тогда назывался), который—непонятно, какъ и чѣмъ—ему понравился, что̀, конечно, и составило его счастье, такъ что онъ скоро самъ сталъ хозяиномъ, и потомъ, когда великій князь превратился въ государя, ему постоянно отдавались всѣ большія, такъ называемыя краснодеревныя работы, во всѣхъ дворцахъ. Несмотря, однако, на богатство, онъ остался все-таки грубымъ мужикомъ и былъ мошенникъ и пьяница. Дѣти его находились въ переходномъ состояніи: въ то время какъ одинъ сынъ братался съ актерами Александринскаго театра, другой оста-

вался совершеннымъ лабазникомъ и подъ наблюденіемъ отца производилъ хлѣбную торговлю. Дочь-невѣста, а потомъ жена Киселева, воспитывалась въ какомъ-то пансіонѣ и была самою незамѣчательною личностью. Но для Киселева не въ ея личности было дѣло: онъ былъ убѣжденъ, что за нею непремѣнно дадутъ 100 т. р. ас.; но, пускаясь на эту, несовсѣмъ возвышенную, аферу, Киселевъ былъ еще настолько порядоченъ, что, несмотря на всѣ мои настоянія, основанныя на многихъ примѣрахъ надувательства въ подобныхъ случаяхъ, не рѣшился выяснить этотъ вопросъ до свадьбы и, разумѣется, былъ надутъ.

По дружбѣ своей съ нимъ, я былъ свидѣтелемъ и наблюдателемъ богатой купеческой свадьбы, т. е. такого явленія, которое только и можетъ быть на Руси. Съ одной стороны брадатый и пьяный хозяинъ, на котораго никто не обращаетъ вниманія, и его супружница, повязанная платкомъ баба, которая каждый разъ, какъ мы къ нимъ пріѣзжали, бросалась сама снимать теплые сапоги съ моей жены, а съ другой самый роскошный балъ съ оркестромъ Лядова, моремъ шампанскаго, великолѣпнымъ ужиномъ, звѣздоносными господами и разодѣтыми въ пухъ и прахъ дамами. Кончилось однако тѣмъ, что Киселеву надавали шубъ, серебра, перинъ, а денегъ — ничего. Впрочемъ, жена его чрезъ годъ или два умерла, а онъ сталъ искать мѣста предсѣдателя казенной палаты, которое, при содѣйствіи своего пріятеля и земляка Тарновскаго, бывшаго въ то время товарищемъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, а потомъ директоромъ канцеляріи Императорскаго двора, и получилъ въ Полтавѣ.

Свадьба Киселева, впервые познакомившая меня со всѣми проявленіями самодурства россійскаго богатаго купечества, напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство, кажется, не лишенное интереса. Старшій сынъ Бобкова, Александръ, былъ, какъ говорится, парень не глупый и всѣми силами старался отдѣлиться и своими манерами, и своимъ образомъ жизни отъ мужицкаго быта своихъ родителей. Извѣстно, что на этомъ пути сближеніе съ актерами и вообще театральство считается первымъ дѣломъ. Такъ точно и Александръ Бобковъ былъ страшнымъ театраломъ и зналъ всю подноготную закулиснаго міра. Чтобъ держаться въ этомъ мірѣ, конечно, надо

тратить много денегъ, ибо въ нихъ только и можно проявлять этимъ господамъ какое-нибудь значеніе. Мнѣ разсказывали, что однажды Бобковъ, угощая актера Максимова въ театральномъ буфетѣ и замѣтивъ его задумчивость, конечно, искусственную, спросилъ его: «что ты, братъ, скученъ?» Максимовъ отвѣчалъ: «Поневолѣ будетъ скучать, когда нечѣмъ расплатиться съ буфетомъ».—«Вотъ вздоръ», возразилъ Бобковъ. «Эй! сколько Максимовъ долженъ?» спросилъ Бобковъ, обращаясь къ буфетчику.—«Около двухъ тысячъ», отвѣчалъ тотъ.—«Записать на меня!» сказалъ торжественно Бобковъ.

По случаю киселевской свадьбы, я познакомился съ этимъ господиномъ, который и таскалъ меня почти ежедневно по театрамъ. Когда мы бывали съ нимъ въ театрахъ, я постоянно замѣчалъ, что около Бобкова вертится какой-то господинъ, молодой, но невзрачный, страшно завитой и насаленный, нѣчто въ родѣ франтовитаго прикащика Щукина двора. Однажды я спросилъ Бобкова: что это за фигура? Бобковъ презрительно отвѣчалъ: «это сынъ одного лабазника подъ Невскимъ. Надоѣдаетъ ужасно; все проситъ, чтобы я просвѣтилъ его и познакомилъ съ актерами, но мнѣ стыдно такого урода». Прошло нѣсколько лѣтъ. Сношенія мои съ Бобковымъ прекратились, и я забылъ уже міръ, его окружавшій. Однажды, когда мы были съ женой à la pointe Елагинскаго острова, я увидѣлъ роскошную и роскошно одѣтую m-me Верне, подъ руку съ какимъ-то господиномъ, некрасивыя и простонародныя черты котораго напоминали мнѣ что-то знакомое. Недоумѣнія мои, впрочемъ, продолжались недолго: въ этомъ господинѣ я съ ужасомъ узналъ лабазника, подлипавшаго нѣкогда къ Бобкову. Но прежде нежели въ головѣ моей мелькнули мысли о силѣ русскихъ денегъ и о такой податливости французскихъ красавицъ,—этой странной парѣ поданы были двѣ кареты, запряженныя кровными рысаками: въ одну онъ усадилъ прелестную m-me Верне, въ другую сѣлъ самъ. Я долго стоялъ, смотря на удаляющіеся экипажи, и не могъ очнуться отъ изумленія. Но, увы! Этотъ милый лабазникъ, кажется Овсянниковъ, скоро, какъ говорится на купеческомъ нарѣчіи, прогорѣлъ. Я видѣлъ потомъ, какъ онъ ѣздилъ на сквернѣйшихъ извощикахъ и въ потертомъ платьѣ. Отрѣшковъ, о которомъ я выше говорилъ, жилъ въ одномъ домѣ съ m-me Верне, во время ея связи съ этимъ господиномъ,

часто былалъ у нея и, по его словамъ, видѣлъ, какъ безцеремонно старались опорожнить этотъ грубый мѣшокъ съ деньгами. Петербургская жизнь представляетъ не одинъ такой примѣръ. Кто не помнитъ Пономарева, разореннаго наѣздницей Пальмирой Анато; Политковскаго, растратившаго на камелій казенные милліоны?..

Обращаясь къ Киселеву, я долженъ сказать, что онъ былъ типомъ дѣловаго человѣка того времени и при томъ значительно хитрымъ, какъ всѣ хохлы. У него была особенная манера говорить и острить, проникнутая какою-то искусственною наивностью. Эта манера содѣйствовала ему много въ сближеніи со многими значительными лицами, которыя видѣли въ немъ милаго и простаго господина, тогда какъ онъ былъ вовсе не простъ и, ставъ со мною на дружескую ногу, всегда утверждалъ, что «надо туманъ пускать». Къ сожалѣнію, манера эта не только не имѣла успѣха у князя Барятинскаго и не пришлась по его натурѣ, чуждой всякаго сближенія, всякой простоты и безцеремонности, но напротивъ дѣйствовала на него непріятно. Простота обращенія Киселева, смахивающая нѣсколько на фамильярность, очевидно не могла нравиться чее ловѣку, который, по его собственнымъ словамъ, заботился прежде всего о томъ, чтобы не было нарушено должное разстояніе между нимъ и тѣмъ изъ смертныхъ, кому выпадало счастіе къ нему приблизиться. Киселевъ же часто и безтактно нарушалъ это разстояніе. Такъ напр. пріѣзжая къ князю вмѣстѣ со мною, онъ нерѣдко обращался къ нему съ словами: «прикажите-ка, любезный князь, дать чаю. Я что-то озябъ». Не нужно было быть большимъ наблюдателемъ, чтобы видѣть, до какой степени это было непріятно князю, который потомъ самъ мнѣ въ этомъ сознавался.

При моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, я тотчасъ замѣтилъ, что князь терпѣлъ Киселева, какъ необходимаго и полезнаго человѣка, но что онъ радъ былъ бы отъ него отдѣлаться. Поэтому онъ казался пораженнымъ справедливостью моего замѣчанія о невозможности для Киселева соблюсти равномѣрные интересы продавца и покупщика, и часто приводилъ это замѣчаніе въ разговорахъ со всѣми, кому онъ сообщалъ свои хозяйственные виды и намѣренія. Отсюда началось видимое охлажденіе князя къ Киселеву, и явились заботы о вознагражденіи его кратковременныхъ занятій интересами князя.

Въ этихъ заботахъ я впервые увидѣлъ въ одно время барскую натуру князя, который никакъ не могъ перенести, чтобы малѣйшая услуга, ему сдѣланная, осталась невознагражденною, и стремленіе его къ проявленію этого вознагражденія, въ размѣрахъ, истинно царскихъ. Надобно замѣтить, что эти свойства, въ большей или меньшей степени, были присущи всѣмъ Барятинскимъ, и особенно матери ихъ, княгинѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ, о которой, конечно, мнѣ придется много и подробно говорить. Здѣсь замѣчу только, что вообще сходство князя Александра съ своею матерью, какъ по внѣшней красотѣ, такъ и по внутреннимъ свойствамъ, было истинно поразительное. Такъ точно они сходствовали въ неукротимомъ желаніи не только платить за малѣйшія услуги, но и облекать всегда эту плату въ самую пріятную и деликатную форму. Въ отношеніи Киселева князь составилъ слѣдующій планъ: при одномъ изъ его посѣщеній, князь предложитъ ему отъѣхать домой въ каретѣ. Карета будетъ заложена четверкою кровныхъ рысаковъ. Когда Киселевъ пріѣдетъ домой, человѣкъ, который будетъ его сопровождать, спроситъ его: прикажетъ ли онъ отложить карету? Если бы Киселевъ погрузился въ изумленіе, то этотъ же человѣкъ долженъ былъ добавить, что карета и лошади принадлежатъ ему. Князь сильно настаивалъ на непремѣнномъ исполненіи этого плана; но мнѣ было извѣстно, что Киселевъ, потому ли, что замѣтилъ охлажденіе князя, или для того, чтобы выставить свое безкорыстіе, имѣлъ рѣшимость отвергнуть всякое вознагражденіе, и мнѣ стоило большаго труда убѣдить князя отказаться отъ его роскошной затѣи.

Наконецъ, 27-го іюля 1843 года, я получилъ отъ князя слѣдующее письмо, кажется, изъ Царскаго: «Любезный Василій Антоновичъ! Киселевъ сейчасъ отъ меня; замѣчаніе ваше справедливо; покупка, кажется, рушилась. Я отблагодарилъ его за усердіе и увѣрилъ въ сожалѣніи о несбыточности сего пріобрѣтенія, посовѣтовавъ ему искать другаго покупщика. Онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлъ предоставить вамъ кончить это дѣло съ самимъ графомъ, но что вы пожелали видѣться съ нимъ. Потрудитесь быть у Ѳедора Ѳедоровича (Киселева), или выждать его къ себѣ, какъ лучше заблагоразсудите сами, чтобъ завязать снова покупку Дробова. Жаль упустить добычу хорошую; вѣроятно не скоро откроется сего вы-

годнѣе дѣло; пользуйтесь свидѣтельствомъ на слишкомъ милліонъ, чтобъ прельстить сребролюбиваго и разореннаго устарѣвшаго расточителя; можетъ быть, вашимъ свиданіемъ и ловкостью вы исправите испорченное дѣло. Я хорошо не понимаю, чего именно хочетъ Киселевъ, во всякомъ случаѣ прошу васъ обходиться съ нимъ какъ можно ласковѣе и удержать его ко мнѣ въ хорошемъ расположеніи, которое, повидимому, потерпѣло значительный переворотъ. Я опасаюсь, чтобъ онъ не представилъ графу Завадовскому, князю Льву Викторовичу и сенатору (Александру) Х. отказъ мой, какъ игру вѣтреной и неосновательной фантазіи и постыдной нерѣшимости... Вообще присутствіе ваше тамъ (т. е. свиданіе съ этими лицами) необходимо; поступокъ мой съ графомъ долженъ изъясниться и быть чистымъ, какъ вода».

Само собою разумѣется, я дѣлалъ все, что могъ, и постоянно велъ переговоры съ Киселевымъ, Шредеромъ и самимъ графомъ, который всегда казался мнѣ самымъ любезнымъ, хотя ограниченнымъ, господиномъ. Во время моихъ посѣщеній я нерѣдко видѣлъ красавицу — его жену. Но эти переговоры долго не имѣли никакого успѣха: я говорилъ, что намъ просто невозможно было купить всего имѣнія; продавцы отвѣчали, что раздробительная продажа по частямъ для нихъ разорительна. Х., ни князя Льва, ни старика Александра въ это время въ Петербургѣ не было. Между тѣмъ и князь Александръ Ивановичъ собирался ѣхать за-границу, такъ что предпріятіе это казалось совершенно погибшимъ; но видно дѣла графа Завадовскаго, этого, по выраженію князя, «стараго расточителя», приходили быстро къ конечному разстройству, потому что наканунѣ самаго отъѣзда князя явился къ нему Шредеръ съ объявленіемъ согласія продать половину Дробовскаго имѣнія.

Здѣсь надобно замѣтить, что князь имѣлъ отличительное свойство, едва-ли не ему одному принадлежащее: считать каждое дѣло, которое онъ начиналъ, уже совершеннымъ. Баловень фортуны, онъ, вѣроятно, мало встрѣчалъ препятствій своимъ желаніямъ. Изъ тысячи примѣровъ приведу одинъ. Въ Тифлисѣ, предъ домомъ намѣстника, въ самомъ центрѣ города, было пространство, оскорблявшее взоры своимъ безобразіемъ. Оно было изрыто мусорными ямами и застроено какими-то безобразными лачугами. Князю пришла вели-

колѣпная идея, за которую Тифлисъ вѣчно будетъ его благодарить, обратить это пространство въ городской садъ. Для этого надобно было предварительно скупить владѣльческія земли и находящіяся на нихъ постройки, найти для этого деньги, потомъ выравнять, а потомъ засадить это пространство, однимъ словомъ, употребить пять лѣтъ на то, чтобъ идея перешла въ дѣло, и на безобразномъ мѣстѣ дѣйствительно явился садъ. Но князь на все это не обращалъ никакого вниманія и съ того момента, когда рѣшилъ тутъ быть саду, не называлъ уже этого мѣста иначе, какъ садомъ. Милютины жили противъ этого мѣста и при посѣщеніяхъ князя всегда удивлялись лестному названію, которымъ князь украшалъ его. Еслибъ кто-нибудь рѣшился проявить мнѣніе, что тутъ еще нѣтъ сада, тотъ, конечно, мало бы выигралъ въ его глазахъ. Извѣстно тоже, что предъ своимъ знаменитымъ походомъ 1859 г., когда князь пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ, онъ сказалъ государю, что пришлетъ Шамиля съ генераломъ Тромповскимъ, и испросилъ уже за это ему награду. Такая увѣренность въ своихъ начинаніяхъ дѣлала князя немного тяжелымъ для его окружающихъ; какое бы препятствіе или затрудненіе, отъ васъ совершенно не зависящее, вы ни представляли ему, онъ не могъ рѣшительно переносить его и прямо обвинялъ васъ.

Понятно, что, получивъ отзывъ Шредера и на другой день уѣхавъ изъ Петербурга, князь имѣлъ полнѣйшее убѣжденіе, что покупка Дробова состоялась и совершилась уже. На самомъ дѣлѣ было, однако, далеко не такъ. Едва князь уѣхалъ, какъ пожаловалъ въ Петербургъ Александръ X., главный распорядитель дѣла, и тотчасъ проявилъ самую ожесточенную оппозицію противъ раздробительной продажи имѣнія. Я не могъ не смутиться такимъ неблагопріятнымъ оборотомъ дѣла, зная, какіе важные интересы полагаетъ въ немъ князь Александръ Иваповичъ. Смущеніе мое увеличилось еще болѣе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что явился покупщикъ всего Добровскаго имѣнія, въ лицѣ графа Левашова.

Здѣсь необходимо уяснить одно вводное обстоятельство. Графъ Левашовъ, какъ я выше замѣтилъ, былъ или казался большимъ пріятелемъ графа Киселева. У графа Киселева въ числѣ различныхъ предметовъ его министерства было развитіе и поощреніе конноза-

водства. Извѣстно, что графъ Левашовъ имѣлъ славу знаменитаго кавалериста и лошадника. Вѣроятно по дружбѣ, которая связывала графа Киселева и графа Левашова, и конечно, менѣе всего вслѣдствіе какой-либо дѣйствительной государственной надобности, первый предпринялъ возвысить значеніе послѣдняго и создать для него лошадиное министерство. Всѣ проекты по этой части создавались по обычаю въ V отдѣленіи рукою извѣстнаго проектныхъ дѣлъ мастера Карнѣева. Извѣстно было, что по этимъ проектамъ предназначались хорошія мѣста директора, начальниковъ отдѣленій и всего министерскаго причта. Статья эта не могла не интересовать, прежде всего, чиновниковъ V отдѣленія и въ особенности К., о которомъ я выше говорилъ, несчастнаго искателя всѣхъ хорошихъ мѣстъ и съ огромною семьею прозябавшаго на самомъ ограниченномъ окладѣ. Привыкнувъ къ неудачамъ въ своихъ исканіяхъ, онъ уже не боялся новыхъ неудачъ. Если суждено ему было получить сто разъ отказы на свои просьбы, то сто первый разъ для него ровно ничего не значилъ. Въ одно прекрасное утро, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, онъ надѣлъ бѣлый жилетъ, украсился регаліями, какія у него были, и отправился въ Казанскій соборъ. Испросивъ тамъ, посредствомъ молебна, помощь у Бога, онъ пошелъ прямо къ графу Левашову, безъ всякаго предупрежденія, безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ, однимъ словомъ, безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Извѣстно, впрочемъ, что мы часто обрѣтаемъ тамъ, гдѣ менѣе всего ожидаемъ. Такъ случилось и съ К-мъ. Графъ Левашовъ благосклонно его принялъ и сказалъ, что на мѣсто директора канцеляріи, котораго просилъ К-въ, онъ никого еще не имѣетъ въ виду и что онъ переговоритъ относительно замѣщенія этой должности съ графомъ Киселевымъ. К-въ бросился къ графу Киселеву съ мольбою о помощи. Дѣло пошло самымъ удовлетворительнымъ образомъ, такъ что, оставивъ его при моемъ отъѣздѣ въ имѣніе князя въ положеніи, весьма печальномъ, я нашелъ его, по моемъ возвращеніи, счастливымъ и довольнымъ, въ положеніи директора, получающаго, вмѣсто прежнихъ 2.000 р., по 3.500 руб., которые онъ быстро умѣлъ довести до 5.000 р. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ у графа Левашова, и вліяніе его сдѣлалось весьма значительнымъ, когда графъ Левашовъ очутился предсѣдательствую-

щимъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ то именно время начались особенныя притѣсненія нашей журналистики и вообще литературы, и товарищи мои по обществу посѣщенія бѣдныхъ — князь Одоевскій, Краевскій, Панаевъ, Заблоцкій и другіе литературные люди приписывали эти притѣсненія именно К-ву, называя его просто доносчикомъ. Главнѣйшимъ основаніемъ такому предположенію было то обстоятельство, что князь Одоевскій и Заблоцкій издавали по временамъ особыя книги для крестьянъ и, сколько извѣстно, имѣли большія отъ этого выгоды. Между тѣмъ и К-въ издалъ какую-то книгу для простаго народа, на которую и послѣдовали тотчасъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, т. е. въ журналѣ, издаваемомъ другомъ Заблоцкаго, сильнѣйшіе нападки. К-въ сталъ защищаться, и возгорѣлась самая ожесточенная война. Былъ ли К-въ виноватъ—я не знаю, но знаю, во-первыхъ, что онъ, принадлежа къ старой литературной школѣ, глубоко ненавидѣлъ всѣхъ литераторовъ новой, въ то время, школы, къ которой принадлежали его противники, а во-вторыхъ, по характеру своему К-въ, въ своей ненависти къ нимъ, дѣйствительно, могъ употребить противъ нихъ всѣ средства, какими располагалъ въ то время. Имѣя такого ограниченнаго начальника, какимъ былъ графъ Левашовъ, К-въ не встрѣчалъ большаго труда очаровать его своими дѣловыми способностями. Знакомый со всѣми новыми затѣями министерства государственныхъ имуществъ, онъ пересаживалъ эти затѣи, подъ видомъ собственныхъ своихъ проектовъ, въ вѣдомство коннозаводскихъ крестьянъ, особенно по Хрѣновскому имѣнію, которое графъ Левашовъ призналъ за благо купить въ казну.

Но могущество К-ва съ кончиною графа Левашова разлетѣлось въ прахъ. По случаю этой кончины онъ счелъ долгомъ напечатать какіе-то трогательные стихи, которые начинались такъ: «вокругъ сего о д р а...» и которые за одно это каламбурное начало подняты были на смѣхъ всѣми журналами. Послѣ смерти Левашова коннозаводство опять поступило къ графу Киселеву, и главнымъ дѣятелемъ явился гр. Гендриковъ. К-въ, какъ ни отстаивалъ свое значеніе, былъ смятъ и только изъ милости оставленъ былъ членомъ комитета или совѣта коннозаводскаго, въ ко-

торомъ засѣдало, также въ качествѣ членовъ, нѣсколько старыхъ кавалерійскихъ генераловъ, въ томъ основательномъ предположеніи, что если они умѣли хорошо ѣздить верхомъ, то и должны знать, какъ разводить хорошихъ лошадей. Въ томъ же, конечно, предположеніи коннозаводство отдано впослѣдствіи въ руки Гринвальда, стараго нѣмецкаго генерала, командовавшаго нѣкогда гвардейскими кавалерійскими полками и вѣроятно того самаго, котораго, какъ я разсказывалъ, погребалъ князь Барятинскій въ молодости съ своею кавалергардскою братіею. Гринвальдъ былъ типомъ стараго солдата, не понимавшаго, повидимому, даже различія между полкомъ и гражданскимъ учрежденіемъ. По крайней мѣрѣ по разсказамъ моихъ коннозаводскихъ пріятелей, онъ управлялъ своею частію, какъ фельдфебель, вслѣдствіе чего попавшій ему въ лапы директоръ коннозаводской канцеляріи — Бородинъ, человѣкъ дѣловой и образованный, но съ крайне робкимъ и деликатнымъ характеромъ, тотчасъ сошелъ съ ума и отправленъ сначала за-границу, а потомъ помѣщенъ въ Дрезденское заведеніе для сумасшедшихъ.

Но не въ томъ дѣло. Когда К-въ былъ въ силѣ, онъ придумалъ, независимо отъ комитета, который, по назначенію своему, долженствовалъ быть до крайности спеціальнымъ, учредить еще второстепенную, тоже спеціальную, коммиссію коннозаводства и въ образованіе ея ввести должности членовъ-корреспондентовъ съ правами службы и съ правомъ ничего не дѣлать. Само собою разумѣется, что охотниковъ, особенно изъ помѣщиковъ и вообще людей богатыхъ, явилось много. Злые языки говорили, что К-въ учредилъ коммиссію и нацѣплялъ туда этихъ господъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ свои выгоды подъ видомъ займовъ, которые и въ новомъ его положеніи не только не уменьшались, но напротивъ страшно усиливались. Я не могу ничего сказать ни за, ни противъ этого обвиненія. Онъ такъ много занималъ и такъ дурно платилъ свои долги, что трудно разобрать свойство ихъ и вѣроятнѣе остановиться на томъ заключеніи, что онъ дѣлалъ долги всюду, гдѣ только было можно, и въ одинаковой степени для всѣхъ заимодавцевъ мало думалъ объ ихъ удовлетвореніи. Когда я возвратился изъ имѣнія Барятинскаго, онъ, постоянно находившійся со мною въ дружескихъ отношеніяхъ, сталъ убѣждать меня оконча-

тельно оставить министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ я еще состоялъ въ толпѣ причисленныхъ, и перейти въ коннозаводство.

Упомянувъ о моихъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, я долженъ сказать, что они только изрѣдка затмевались тѣми же денежными дѣлами, которыя разссорили его со многими и составили ему плохую репутацію; но, за исключеніемъ этихъ затменій, дружба наша отличалась замѣчательною крѣпостью и постоянствомъ. Я зналъ его недостатки, но смотрѣлъ на нихъ съ точки нажитаго мною убѣжденія, что совершенства требовать ни отъ кого нельзя и что, затѣмъ, требовать, чтобы глухой хорошо слышалъ, слѣпой хорошо видѣлъ, хромой красиво танцовалъ... просто нелѣпо. Каждый можетъ дать только то, что можетъ. У каждаго есть свои недостатки и свои достоинства; въ то же время существуетъ присущее всему человѣчеству затменіе, по которому мы свои недостатки или вовсе не видимъ, или не придаемъ имъ никакой важности; напротивъ, недостатки другихъ кажутся и рельефными, и непростительными. Въ началѣ моихъ записокъ я говорилъ, что у меня въ молодости былъ начальникомъ Голубевъ, человѣкъ въ высшей степени порядочный и чрезвычайно точный во всѣхъ своихъ дѣлахъ; къ сожалѣнію, происходя изъ духовнаго званія, онъ, подобно другимъ извѣстнымъ личностямъ, изъ этого же болота вышедшимъ, Введенскому, Добролюбову, Чернышевскому и др., былъ весьма слабымъ христіаниномъ. К-въ, напротивъ, безпорядочный въ своихъ дѣлахъ и равнодушный къ своимъ долгамъ, былъ очень набоженъ. Обѣ эти личности были знакомы нѣкоторое время, но скоро враждебно разошлись; но я сохранялъ добрыя отношенія съ тѣмъ и другимъ. Когда я видѣлся съ Голубевымъ, онъ тотчасъ начиналъ говорить о славѣ, которою К-въ покрывалъ себя, не уплачивая своихъ долговъ. При свиданіи же съ другимъ, онъ называлъ Голубева не иначе, какъ безбожникомъ, и удивлялся, какъ Богъ терпитъ этого атеиста. Очевидно, что каждый видѣлъ въ чужихъ глазахъ соломенку, не видя въ своихъ и бревна.

Эти двѣ личности, конечно, отражали въ себѣ все человѣчество. Я никогда не смотрѣлъ сурово на недостатки ближнихъ и, обѣгая эти недостатки, поворачивалъ, такъ сказать, каждаго къ себѣ хорошею его стороною. Такъ точно и въ К-вѣ я видѣлъ его

недостатки и выставилъ ихъ въ настоящихъ запискахъ, быть можетъ, болѣе сурово, чѣмъ бы слѣдовало; но это нисколько не мѣшало мнѣ искренно любить какъ его лично, такъ и все милое его семейство, за набожность, сердечность, радушіе и безъисходное веселье, царствовавшее въ этомъ семействѣ, во всякое время и несмотря ни на какія обстоятельства. Я долженъ положительно сказать, что никогда и нигдѣ я не наслаждался такимъ задушевнымъ весельемъ, какъ въ семьѣ К-ва. Жена его, какъ я сказалъ уже, сестра извѣстнаго Масальскаго, вполнѣ отвѣчала своимъ характеромъ характеру своего мужа, и супружество ихъ можно назвать безпримѣрно счастливымъ. Сыновей и дочерей было у нихъ страшное обиліе и всѣ они были очень милые и очень даровитые. Старшій сынъ, Владиміръ, воспитывался въ лицеѣ и могъ бы быть полезнымъ въ семьѣ и на службѣ человѣкомъ; но какая-то безпечность и распущенность, а также и наслѣдственная страсть дѣлать долги повели его дурнымъ путемъ. Несмотря на то, что у него была жена красавица и по характеру своему совершенно пришлась къ семьѣ, Владиміръ почти бросилъ домъ и проводилъ время большею частью въ клубахъ и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Второй сынъ, Петръ, служилъ первоначально въ военной службѣ; но скоро бросилъ ее и вдался въ театральный міръ, гдѣ дѣлалъ переводы оперъ и различныя литературныя послуги артистамъ. О другихъ сыновьяхъ нечего говорить потому, что, разбросанные по полкамъ и въ корпусахъ, они, въ мое время, не обрисовались окончательно. Нельзя, впрочемъ, не вспомнить одного изъ нихъ, Леонида, который обѣщалъ быть даровитѣйшимъ изъ всѣхъ и который погибъ преждевременно и страшною смертію. Онъ воспитывался въ Лѣсномъ корпусѣ, откуда, по обычаю, переведенъ былъ для окончательнаго образованія въ Лисинское учебное лѣсничество, отстоящее отъ Петербурга верстахъ въ 60. Однажды, предъ отъѣздомъ къ семьѣ на праздники, онъ пошелъ, вмѣстѣ съ товарищами, въ баню. Случилось такое несчастіе, что въ то время, когда Леонидъ стоялъ предъ каменкой, кто-то изъ его товарищей, не предупредивъ его, поддалъ туда, Леонидъ былъ просто сваренъ вырвавшимся оттуда паромъ. Несчастный жилъ еще нѣсколько дней въ страшныхъ му-

ченіяхъ; но ничто уже не могло спасти его, и онъ умеръ, едва достигнувъ 17 лѣтъ.

Старшая дочь, Клавдія, вскорѣ по выходѣ изъ института, сошла съ ума и помѣщена въ какое-то казенное заведеніе для больныхъ, на Выборгской сторонѣ. Вторая дочь, Марья, прелестная дѣвушка, отличная музыкантша и пѣвица, была засватана какимъ-то кирасиромъ К., который тянулъ нѣсколько лѣтъ это дѣло и наконецъ вовсе уклонился отъ него, а между тѣмъ дѣвушка высохла отъ тоски, подурнѣла и постарѣла; впослѣдствіи она стала посѣщать консерваторію, чтобъ, получивъ классическое музыкальное образованіе, сдѣлаться учительницею музыки. Были еще двѣ сестры: Юлія и Наталья, обѣ милыя дѣвушки, но и имъ не было суждено выйти замужъ, хотя, по своей простотѣ и привычкѣ къ хозяйству, онѣ могли бы быть отличными женами.

Въ хорошее, для этой семьи, время, все это веселилось, пѣло и радовалось; холостымъ человѣкомъ я почти безвыходно жилъ тамъ. И впослѣдствіи, когда я женился, К-вы оставались самою дружественною для насъ семьею. Всѣ торжественные праздники мы непремѣнно проводили вмѣстѣ. Въ особенности было отрадно встрѣчать тамъ новый годъ. Въ этой встрѣчѣ К-вы умѣли соединять набожность, торжественность и веселье. Часовъ въ 8 вечера служили молебенъ, благодаря Бога за минувшій годъ и прося Его покрова на будущій; затѣмъ время проходило преимущественно въ музыкѣ, пѣніи и танцахъ; все это отличалось совершенною простотою и безцеремонностью и исполнялось домашними, такъ сказать, средствами, потому что въ этой большой и веселой семьѣ находилось все, что угодно: солисты, хористы, танцоры. Предъ наступленіемъ 12 часовъ К-въ приходилъ въ тревожное состояніе, которое сообщалось всѣмъ: самъ онъ вооружался часами и, не спуская съ нихъ глазъ, слѣдилъ за минутами; дѣти устанавливали столъ, покрывали его чистѣйшею скатертью и ставили на немъ образъ; приносилось что-нибудь звенящее, въ родѣ большаго подноса, и одному изъ сыновей поручалось строжайшимъ образомъ, по данному самимъ К-мъ знаку, возвѣстить наступленіе новаго года двѣнадцатью звенящими ударами. Бокалы для шампанскаго стояли на-готовѣ. Предъ наступленіемъ ожидае-

мой минуты воцарялась мертвая тишина, которая вдругъ прерывалась условными ударами. Съ послѣднимъ ударомъ, всѣ становились на колѣни, и снова возсылались молитвы Богу, кто какъ умѣлъ. Потомъ начинались лобзанія и поздравленія, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ. По окончаніи поздравленій, всѣ становились въ извѣстный порядокъ, и стройнымъ хоромъ исполнялась извѣстная молитва: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»... за которою слѣдовалъ извѣстный гимнъ: «Боже, царя храни»... свидѣтельствуя такимъ образомъ, что это патріархальное семейство отдаетъ все должное Царю Небесному и царю земному. Совершивъ встрѣчу новаго года, скоро садились за ужинъ, не всегда роскошный, но всегда веселый, за которымъ слѣдовали снова и музыка, и пѣніе, и танцы. Можно положительно сказать, что какой бы вечеръ ни былъ у К-хъ, званый или незваный, торжественный или простой, онъ никогда не оканчивался ранѣе наступленія утра, и, разъѣзжаясь—посѣтители знали, что не скучали. Званые вечера, сколько помню, даже не были такъ одушевлены, какъ вечера простые, потому что на нихъ самъ К-въ долженъ былъ держать себя нѣсколько сдержанно и церемонно, тогда какъ его-то именно личная безцеремонность была преимущественно источникомъ общаго веселья. На этихъ званыхъ вечерахъ онъ самъ скучалъ болѣе всѣхъ и въ продолженіе ихъ уходилъ спать нѣсколько разъ. Часто, выйдя изъ внутреннихъ комнатъ съ заспанными глазами, онъ съ свойственнымъ ему одному комизмомъ, говорилъ: «Господи! они все здѣсь еще? Пора бы уже по домамъ»...

Понятно, что при такихъ дружескихъ отношеніяхъ, доставлявшихъ мнѣ бездну удовольствій и наслажденій, я не имѣлъ никакихъ побужденій упорствовать противъ приглашенія К-ва перечислиться въ вѣдомство, въ которомъ онъ имѣлъ большое значеніе, тѣмъ болѣе, что и со стороны служебныхъ интересовъ я не только ничего не терялъ, но напротивъ выигрывалъ. Въ толпѣ причисленныхъ къ министерству государственныхъ имуществъ, если я могъ получать чины, то не иначе, какъ за отличія, которыя надобно было еще дѣлать, а это весьма не легко и по рѣдкости случаевъ и по обязанности исполнить какую-нибудь работу или порученіе, тогда какъ въ коннозаводствѣ служба должна была идти

своимъ чередомъ, безъ всякой обязанности не только дѣлать отличія, но и дѣлать что-нибудь. На этихъ вѣрныхъ соображеніяхъ я зачислился въ полкъ членовъ-корреспондентовъ спеціальной коммиссіи и сдѣлался подчиненнымъ графу Левашову, нисколько не думая о возможности какихъ-либо столкновеній моихъ служебныхъ отношеній съ отношеніями моими къ князю Барятинскому. Но едва я сдѣлалъ этотъ переходъ, какъ графъ Левашовъ явился покупателемъ именно Дробовскаго имѣнія, которое такъ было дорого и нужно князю, считавшему покупку его совершенно конченною. Положеніе мое сдѣлалось щекотливымъ въ высшей степени. Мнѣ представилось, что князь можетъ предположить связь моего перехода къ графу Левашову съ намѣреніемъ его купить Дробовское имѣніе и заподозрить меня, просто, въ предательствѣ. Мысль эта, невыносимая ни для моихъ правилъ, ни для моего самолюбія, не отступно преслѣдовала мена. Я рѣшился выразить князю это — несчастное столкновеніе и заявить, что оно не позволяетъ уже мнѣ оставаться долѣе завѣдующимъ его дѣлами. На это князь, въ письмѣ отъ $^{19}/_{31}$ октября 1843 г. изъ Лондона, писалъ мнѣ, между прочимъ: «мнѣ непонятно безпокойство ваше о поддержаніи себя въ добромъ моемъ мнѣніи, прося объ увольненіи отъ должности, вами принятой, въ случаѣ, что дѣло пошатнется на сторону графа Левашова. Очень настоятельно прошу васъ, любезный Василій Антоновичъ, дать мнѣ положительныя изъясненія въ вашихъ предчувствіяхъ; неужели вы можете думать, чтобы когда-либо я перемѣнилъ свое доброе мнѣніе о васъ и могъ бы ждать обмана, когда повѣрилъ вамъ всѣ свои надежды. Вы и себя, и меня обижаете такими предположеніями». Несмотря на это любезное письмо, трудно сказать, что́ бы вышло, если бы дѣло пошатнулось дѣйствительно на сторону графа Левашова. Но, къ великому моему счастію и къ счастію князя, оно, хотя долго и сомнительно колебалось, но въ ту сторону не пошатнулось.

Здѣсь неожиданно выросъ образъ Шредера, этого идеала честнаго и благороднаго нѣмца. Онъ одинъ боролся со всѣми соучастниками и совѣтниками — и побѣдилъ. На всѣ доводы о невыгодности предложенія князя Барятинскаго и о выгодности предложенія графа Левашова, онъ отвѣчалъ одно: «во всю мою жизнь я

*

никогда не измѣнялъ моему слову. Я далъ слово князю Барятинскому и не измѣню ему». На этомъ честномъ отвѣтѣ, какъ на гранитномъ пьедесталѣ, онъ утвердился, и ничто не могло его поколебать. Я съ чувствомъ безпокойства смотрѣлъ на эту борьбу и томительно ожидалъ: чья возьметъ? Устраняя личные интересы, я не могъ мысленно не рукоплескать престарѣлому Шредеру и думать: когда всѣ люди будутъ такими же, какъ онъ, людьми чести и правды? Смотря на гранитную стойкость этого почтеннаго нѣмца, я сравнивалъ съ нимъ нашихъ тщедушныхъ аристократовъ. Шредеръ восторжествовалъ, и покупка состоялась за нами...

ГЛАВА XVI.

Выдѣлъ князя Анатолія Ивановича. — Теорія и практика. — Полонскій типъ дѣльца прежняго времени. — Блистательная взятка, блистательно взятая Полонскимъ. — Равнодушіе нашихъ аристократовъ къ мерзостямъ своихъ любимцевъ изъ прислуги. — Дарованія князя Анатолія и его изобрѣтательность.

Здѣсь я считаю необходимымъ сказать по опыту: что такое теорія и что такое практика. Разсказывая мои подвиги въ министерской службѣ, нисколько не придавая себѣ излишней дѣловой красоты, но въ то же время не стѣсняясь ложною и неумѣстною скромностью, вообще разсказывая, какъ что было, я, кажется, достаточно ясно показалъ, что считался и наконецъ самъ себя считалъ дѣловымъ человѣкомъ; но, увы! вступивъ на поприще, на которомъ я долженъ былъ имѣть сношенія съ различными губернскими мѣстами, я скоро убѣдился, что моя дѣловитость составляетъ оружіе, самое слабое и ненадежное, и что для успѣха въ новыхъ моихъ дѣлахъ лучше припрятать его въ карманъ. Сколько разъ случалось, что, обсуживая и соображая съ законами какой-нибудь предметъ, я находилъ его совершенно чистымъ и не представляющимъ никакихъ зацѣпъ, но когда, спокойный и сильный этимъ убѣжденіемъ, я являлся въ гражданскую палату и передавалъ мой предметъ тамошнимъ дѣльцамъ, то какой-нибудь плюгавый и грязноватый надсмотрщикъ

мгновенно предъявлялъ мнѣ какой-нибудь вопросъ, основательность котораго я самъ не могъ отвергнуть и разрѣшеніе котораго требовало или сложныхъ справокъ, или сношеній съ разными мѣстами и лицами, и во всякомъ случаѣ чрезвычайно продолжительнаго времени. Необходимо было тотчасъ сознаться въ своемъ безсиліи и отплачиваться за него взятками. Напротивъ, случалось также, что, при разсмотрѣніи какого-нибудь другаго предмета, никакъ не подогнешь его подъ существующіе законы и правила; но когда пріѣдешь въ ту же палату и скромно попросишь совѣта, васъ мгновенно выведутъ на свѣтъ Божій, и вы сами видите, что все чисто и ясно, и никакихъ затрудненій не существуетъ. Въ подобныхъ дѣлахъ, признаюсь откровенно, я игралъ довольно жалкую роль и наравнѣ съ какимъ-нибудь купцомъ, или степнымъ помѣщикомъ — смиренно отдавалъ себя въ руки этихъ практическихъ дѣльцовъ, въ смутномъ сознаніи, что тутъ съ своими взглядами и своимъ пониманіемъ ничего не сдѣлаешь. Мое самолюбіе, въ нѣкоторой степени, утѣшалось тѣмъ, что само министерство юстиціи, долженствовавшее заключать въ себѣ источникъ всякой юридической премудрости, нерѣдко прибѣгало за совѣтами къ этимъ дѣльцамъ, которые видѣли и разрѣшали всевозможные случаи и знали бездну примѣровъ, ко всему подходящихъ. Съ другой стороны, лично во мнѣ не было способности постигнуть систему и сложность крючкотворныхъ сѣтей, которыя такъ страшны въ рукахъ этихъ господъ, тогда какъ другія личности, повидимому, чуждыя совершенно этому міру, имѣли даръ быстро схватывать эту путаницу и овладѣвать ею.

Я живо помню одинъ примѣръ, сюда подходящій. Въ началѣ моихъ сношеній съ княземъ, онъ выразилъ желаніе купить Слѣпцовскую дачу въ Царскомъ Селѣ, ту самую, которая, перестраиваясь много разъ и потомъ будучи подарена князю Владиміру, приняла нынѣшній блестящій видъ. Устроить эту покупку, разумѣется, было поручено мнѣ, и, когда я обратился къ г-жѣ Слѣпцовой, матери и попечительницѣ своего сына, впослѣдствіи свитскаго генерала, она рекомендовала мнѣ своего повѣреннаго Тайвани. Тайвани въ то время былъ сигарнымъ фабрикантомъ, а впослѣдствіи былъ содержателемъ невскихъ перевозовъ и учредителемъ пароходства по Невѣ. Справедливость требуетъ сказать, что это былъ человѣкъ

въ высшей степени даровитый,—что и доказываетъ его обширная предпріимчивость,—небольшаго роста, съ южнымъ оттѣнкомъ въ лицѣ и пронзительными глазами. Я былъ пораженъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ табачной промышленности и обязанностей адвоката. Но удивленіе мое просто сдѣлалось безграничнымъ, когда я увидѣлъ на дѣлѣ его дѣйствія по этой части. Для совершенія продажи Слѣпцовской дачи, нужны были разрѣшенія, кажется, дворянской опеки, или надворнаго суда, и ужь не помню какихъ-то низшихъ и страшно грязныхъ присутственныхъ мѣстъ. Начать съ того, что онъ входилъ въ эти мѣста, какъ въ свою квартиру, и со всѣми обращался на дружеской ногѣ. Что тамъ дѣлалось, я не знаю; но положительно и безъ преувеличенія утверждаю, что въ рукахъ Тайвани я былъ совершенно пѣшкой. Ужь не говорю о томъ, что я являлся въ эти мѣста тогда только, когда онъ мнѣ скажетъ. Входя въ присутствіе, я и говорилъ-то буквально только то, что онъ мнѣ заблаговременно подсказалъ. Между тѣмъ дѣло дѣлалось и сдѣлалось, и дача была куплена.

При такомъ сознаніи своего безсилія, мнѣ предстояло совершить два акта: во-первыхъ актъ, которымъ князь Анатолій Барятинскій уступаетъ свою часть наслѣдства изъ имѣній князю Александру, получая отъ него 1.200 т. руб. ас., и во-вторыхъ, купчую крѣпость на покупку княземъ Анатоліемъ у графа Завадовскаго Дробовскаго имѣнія. Первый актъ представлялъ особенную важность, какъ образецъ послѣдующихъ актовъ такого же содержанія съ другими братьями. Я зналъ, что погибну, если буду дѣйствовать амостоятельно, и потому прямо обратился къ знаменитому въ то время секретарю 2 департамента С.-Петербургской палаты гражданскаго суда Полонскому. Полонскій былъ личностью, весьма замѣчательною. Начать съ того, что весь этотъ д-тъ онъ положительно держалъ въ своихъ рукахъ, господствуя надъ нимъ страшною своею опытностью и дѣловитостью. Чрезвычайно пріятный въ обращеніи, что рѣзко отдѣляло его отъ всѣхъ свирѣпыхъ и кровожадныхъ господъ, составлявшихъ его грязную канцелярію, онъ умѣлъ, по возможности, облагородить тѣ дурные пріемы и обычаи, которымъ неизбѣжно подчинялись всѣ безъ исключенія дѣла, совершаемыя въ палатѣ. Я объяснилъ Полонскому, что мнѣ было нужно, и получилъ

изъявленіе любезной готовности немедленно заняться моими дѣлами. Когда съ краскою стыда я неловко спросилъ, что это будетъ стоить? Полонскій спокойно отвѣчалъ: «я вамъ скажу это послѣ, когда все будетъ сдѣлано». Отвѣтъ этотъ, исполненный такого страннаго довѣрія ко мнѣ, не могъ не поразить меня, тѣмъ болѣе, что я зналъ, какіе упорные и непремѣнно предварительные торги предшествовали совершенію каждаго дѣла. Подъ вліяніемъ какого-то страннаго чувства, въ которомъ смѣшивалось частію пріятное изумленіе, что первый шагъ мой въ фамильныхъ дѣлахъ Барятинскихъ будетъ сдѣланъ такъ скоро и безпрепятственно, а частію удовлетворенное самолюбіе, съ которымъ я видѣлъ, что личность моя внушаетъ довѣріе въ такой сферѣ, гдѣ менѣе всего можно было этого ожидать, я тотчасъ выразилъ готовность исполнить то, что мнѣ будетъ сказано по этой таинственной части. Дѣло, дѣйствительно, быстро закипѣло и въ нѣсколько дней было совершенно кончено. О купчей я считаю излишнимъ говорить, потому что она не представляла ничего исключительнаго.

Когда былъ совершенъ актъ, равно какъ и купчая крѣпость на Дробовское имѣніе, я сдѣлалъ Полонскому извѣстный вопросъ о суммѣ вознагражденія. Такъ же, какъ и прежде, совершенно спокойно и хладнокровно, онъ отвѣчалъ: «все это стоитъ по крайней мѣрѣ 5 тыс. р. ас.». Этотъ холодный отвѣтъ просто поразилъ меня. Я самъ ожидалъ, что дѣло дешево не обойдется и по важности его, и по размѣру интересовъ, съ нимъ связанныхъ; но мои предположенія никакъ не восходили далѣе и выше одной тыс. р. ас. Поставленный между своимъ словомъ, даннымъ Полонскому, и опасеніемъ такою громадною взяткою навлечь на себя лично подозрѣніе, я невольно долженъ былъ погрузиться въ бездну самыхъ непріятныхъ ощущеній. Я могъ не дать рѣшительно ничего, потому что дѣло было кончено, но, съ одной стороны, я не могъ нарушить даннаго слова по моимъ правиламъ, а съ другой — это отразилось бы неминуемо и самымъ неблагопріятнымъ образомъ на другихъ дѣлахъ, которыя, вслѣдъ затѣмъ, я долженъ былъ проводить чрезъ ту же палату и слѣдовательно быть въ рукахъ того же Полонскаго. Но и при мысли: взять просто изъ кассы Барятинскаго пять тыс. и употребить на такой расходъ, котораго я ничѣмъ не могъ под-

твердить, меня обдавало холодомъ. Къ великому моему счастію, предъ самымъ окончаніемъ дѣла вернулся изъ-за границы самъ князь Анатолій Барятинскій и самъ подписалъ актъ. Я передалъ ему и мои предварительные переговоры съ Полонскимъ, и его объявленіе, и мои соображенія, предоставляя рѣшить князю этотъ странный вопросъ, какъ онъ заблагоразсудитъ. Князь Анатолій, сходный, по роскошнымъ порывамъ, съ княземъ Александромъ, ни минуты не колебался и рѣшилъ заплатить то, что назначилъ Полонскій. Тогда я предложилъ князю принять на себя и на свою отвѣтственность все это дѣло и самыя деньги отправить съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ людей. У князя Анатолія находился сначала камердинеромъ, а потомъ дворецкимъ, такъ называемый Жоржъ, господинъ, нѣчто вродѣ нѣмецкаго жида, человѣкъ, быть можетъ, ловкій и распорядительный, но крайне подозрительный. Какъ бы то ни было, но у князя онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и умѣлъ угождать ему, что̀, конечно, не было легко, съ одной стороны, вслѣдствіе постояннаго безденежья, а съ другой—вслѣдствіе постоянной необходимости поддерживать княжескій домъ на приличной ногѣ. Нельзя сомнѣваться, впрочемъ, что постоянно разстроенныя дѣла князя были для Жоржа той мутной водой, въ которой подобныя личности, богъ знаетъ откуда вышедшія, неизвѣстной націи, неизвѣстнаго происхожденія, такъ хорошо умѣютъ ловить рыбу. Что Жоржъ, подобно ямщику Балагѣ, о которомъ я выше говорилъ, порядочно наловилъ этой рыбы, тому служитъ нѣкоторымъ, быть можетъ, и не довольно сильнымъ, доказательствомъ, то, что онъ далъ дѣтямъ отличное барское воспитаніе. Одна изъ его дочерей вышла за грузина, кончившаго кандидатомъ университетскій курсъ, и заняла въ Тифлисѣ весьма видное мѣсто, учредивъ женскій пансіонъ и обращая на себя общее вниманіе своею замѣчательною красотою. Какъ бы то ни было, но князь Анатолій послалъ Полонскому пять тыс. р. ас. съ этимъ Жоржемъ; а чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Москву, чтобы оттуда уже отправиться въ новоприобрѣтенное Дробовское имѣніе. Когда по новымъ дѣламъ я долженъ былъ возобновить свои сношенія съ Полонскимъ, онъ, между прочимъ, выразилъ недоумѣніе, почему въ одной пачкѣ, долженствовавшей составлять одну тыс. руб., изъ числа пяти тыс., ко-

торыя были ему предназначены, недоставало 250 руб. Я ни минуты не сомнѣвался, что эту сумму стянулъ гнусный Жоржъ, и не столько для того, чтобъ выручить его, сколько для того, чтобъ разоблачить этого господина предъ глазами князя, я тотчасъ сообщилъ ему это многозначительное обстоятельство. На это князь Анатолій, въ письмѣ изъ Москвы отъ 29-го марта 1844 года, между прочимъ, отвѣчалъ: «я Жоржа распекъ, но онъ божится и клянется, что ни въ чемъ не виноватъ»... Тѣмъ дѣло и кончилось.

Здѣсь нельзя не замѣтить той поразительной степени, въ какой наши бары умѣютъ ввѣряться подобнымъ промышленникамъ. Требовать отъ нихъ, чтобы сами они слѣдили за своимъ хозяйствомъ — было бы просто смѣшно. Въ этомъ отношеніи одни Х. составляли уже черезчуръ яркое исключеніе. Но аристократы наши остаются большею частію равнодушными и тогда, когда вопіющія злоупотребленія ихъ высшей дворни представляются имъ совершенно помимо ихъ личной заботливости и дѣятельности. Барская ли лѣнь или опасеніе, что прогнанный за гадости какой-нибудь Жоржъ будетъ злословить ихъ въ средѣ другихъ аристократовъ — тому причиною — Богъ знаетъ, но только мнѣ невольно приходитъ на память обстоятельство, совершенно сюда подходящее. Я говорилъ уже, что у князя Александра Ивановича были двѣ богатыя конюшни: русская и англійская. Англійскою конюшнею завѣдывалъ англичанинъ, тоже Жоржъ, хищникъ большой руки. Счеты, представляемые имъ по содержанію этой конюшни, просто приводили меня въ трепетъ. Мнѣ не трудно было замѣтить поразительную ихъ неумѣренность по простому сравненію этихъ счетовъ съ счетами русской конюшни. Англійскія лошади могли превосходить русскихъ по красотѣ, быстротѣ и т. п., но ужь никакъ не по количеству потребленія овса и сѣна. Разумѣется, я нисколько не скрывалъ своихъ, крайне невыгодныхъ для Жоржа, заключеній. Къ несказанному моему удовольствію, отъ $^{3}/_{15}$ декабря 1843 года я получаю отъ князя Александра Ивановича изъ Лондона письмо, въ которомъ было, между прочимъ, сказано: «уполномочиваю васъ моимъ именемъ, если найдете это нужнымъ, сдѣлать инспекторскій смотръ по конюшнѣ и узнать: конюшенная прислуга, поставщики, кузнецы, портные и проч., всѣ ли сполна и во-время удовлетворяются; на

счетъ вещей, посланныхъ изъ Англіи, посылаю вамъ реестръ отъ Холя, а прочіе усмотрите изъ Жоржевой книги; если найдете большія и непростительныя неисправности, то даю вамъ право отказать Жоржу отъ мѣста. Я полагаюсь со всею увѣренностью на васъ, что вы не захотите сдѣлать несправедливости». На основаніи такого полномочія, я тотчасъ составилъ коммиссію изъ самыхъ спеціальныхъ лицъ, которая, разобравъ дѣло, представила самые вопіющіе результаты. По тому же полномочію я могъ бы тотчасъ прогнать Жоржа, но я зналъ, что это вопросъ крайне щекотливый, и потому просто послалъ князю рельефное изображеніе его дѣйствій и ждалъ отъ самого князя дальнѣйшихъ приказаній; но я ничего не дождался, и Жоржъ оставался здравъ и невредимъ до того времени, когда, съ назначеніемъ князя полковымъ командиромъ Кабардинскаго полка, князь долженъ былъ оставить Петербургъ, разорить свои достославныя конюшни и распустить людей, составлявшихъ его петербургскій дворъ.

О размѣрѣ полновѣсной взятки, внесенной нами въ гражданскую палату при первомъ дебютѣ, и о любезной манерѣ, съ которою она была взята, я потомъ разсказывалъ многимъ изъ моихъ знакомыхъ, какъ случай въ высшей степени замѣчательный; но люди спеціальные находили, что размѣръ, по существу и значенію дѣла, не представляетъ ничего поразительнаго, а напротивъ, оказывается крайне умѣреннымъ. Они находили, что тутъ просто совершалась продажа однимъ братомъ своей наслѣдственной части имѣнія другому брату, и что на этомъ основаніи палата могла потребовать крѣпостныхъ пошлинъ, которыя должны были простираться до пятидесяти тыс. руб., и что если она не потребовала этихъ пошлинъ, а взяла только взятку въ пять тыс. руб., то это съ ея стороны было почти дѣломъ добродѣтели. Они замѣчали также, что можно было бы, конечно, оспаривать требованіе крѣпостныхъ пошлинъ, но на это потребовалось бы и много времени, и особыхъ издержекъ, а успѣхъ такого протеста былъ бы, во всякомъ случаѣ, сомнителенъ. Какъ бы то ни было, но, судя по размѣру подобныхъ прибылей, стекавшихся въ руки Полонскаго, можно было бы заключить, что онъ пріобрѣлъ хорошее состояніе и сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ. Ничуть не бывало. Въ шестидесятыхъ годахъ я нерѣдко встрѣчалъ его. Изъ его объясненій видно было, что онъ рѣшился

бросить позорную и непріятную службу въ гражданской палатѣ, и что если чрезъ его руки дѣйствительно проходили многоразличныя нечистыя суммы, то, за раздѣломъ, собственно ему приходилось немного. Въ то время онъ служилъ казначеемъ при главной квартирѣ Его Величества и просилъ меня добыть ему, при случаѣ, какія-либо частныя занятія, которыя служили бы подкрѣпленіемъ крайне недостаточныхъ средствъ его къ жизни.

Казалось бы, что пріобрѣтеніе для князя Анатолія Ивановича Дробовскаго имѣнія должно было дать ему, если не роскошныя, но за то прочныя средства къ приличному существованію. Но, увы! всѣ наши разсчеты съ княземъ Александромъ Ивановичемъ по этой части были просто мыльнымъ пузыремъ. Князю Анатолію Ивановичу суждено было вѣчно быть мученикомъ займовъ, долговъ и вообще самаго разстроеннаго положенія, изъ котораго онъ, кажется, и на минуту не выходилъ. Служа первоначально въ армейской артиллеріи, онъ потомъ былъ переведенъ въ гвардію и сдѣлался ремонтеромъ гвардейской артиллеріи. Я лично очень любилъ князя за его сердечность, простоту и доброту, которыхъ въ немъ было гораздо больше, чѣмъ въ другихъ его братьяхъ, и потому съ участіемъ и сожалѣніемъ слѣдилъ за его дѣлами.

Разумѣется, я старался помогать ему всѣми способами, которые находились въ моихъ рукахъ, но часто и эти способы истощались совершенно, и мы доходили просто до отчаяннаго положенія.

Въ нашихъ похожденіяхъ за деньгами было много печальнаго и много комическаго.

Князь Александръ Ивановичъ имѣлъ убѣжденіе, что князь Анатолій жилъ богаче и роскошнѣе князя Владиміра, хотя у одного было до 300 т. р. дохода, а у другаго едва-ли доходъ этотъ достигалъ и 100 т. р.

Само собою разумѣется, что на ряду съ роскошными порывами, являлись часто минуты совершеннаго отчаянія. Я помню, однажды, я былъ встрѣченъ совокупными его и княгини просьбами принять всѣ ихъ дѣла въ полное мое распоряженіе. Они предлагали за это, во-первыхъ, 100 т. р. ас. единовременно и во-вторыхъ ежегодное содержаніе, какое я самъ себѣ назначу. Нѣтъ нужды говорить, какъ много лестнаго и увлекательнаго для меня было въ этомъ

предложеніи, но, отдавъ всѣ мои услуги князю Александру, я не могъ принять предложенія князя Анатолія, безъ его согласія; а когда я заговорилъ съ нимъ объ этомъ, онъ холодно отвѣчалъ, что онъ не желалъ бы, чтобы я вступалъ въ какія-либо новыя обязательства съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ которымъ-либо изъ братьевъ, потому что это повело бы къ смѣшенію его интересовъ съ ихъ интересами, а этого смѣшенія онъ желаетъ всего болѣе избѣгать. Тѣмъ дѣло и кончилось; но я, какъ выше сказалъ, и безъ всякихъ формальныхъ обязательствъ, старался, сколько могъ, быть полезнымъ князю Анатолію Ивановичу, что̀ и подтверждаетъ, имѣющаяся у меня переписка. Съ своей стороны, онъ также стремился вознаграждать мои послуги, какъ позволяли его средства. О денежномъ вознагражденіи не могло быть и рѣчи; оно выражалось единственно въ присылкѣ мнѣ разнокалиберныхъ и разношерстныхъ лошадей. Какъ только являлся въ Петербургъ ремонтъ князя, ко мнѣ приводились тотчасъ четверка, тройка или пара лошадей, такъ что во время моихъ сношеній съ нимъ я никогда не покупалъ лошадей, а продавалъ много, что̀, конечно, не могло доставить мнѣ большихъ капиталовъ. Приведу нѣсколько писемъ князя по этой части:

14-го января 1845 г.: «мужикъ, который водилъ къ вамъ лошадей, ошибся, просивши васъ выбрать одну изъ трехъ.— Вамъ назначена была пара, которая вамъ понравится. Поэтому, если вамъ объ̀ оставшіяся у васъ лошади нравятся, то прошу ихъ оставить у себя. Если же которая вамъ не нравится, вы можете мнѣ возвратить, я постараюсь выбрать другую. Бѣлкинскій жеребецъ—лошадь очень добрая, у него отъ природы колѣни немного впередъ, но не бойтесь; лошадь свѣжа, я вамъ за то ручаюсь, и можетъ долго вамъ служить; она рысистой породы. Другой жеребецъ— доброй крови лошадь, но ногами для службы слабѣе другой; но впрочемъ тоже добрая лошадь. Если эти лошади вамъ годятся и могутъ нравиться—мнѣ весьма пріятно»... Въ мартѣ 1846 г. «Я разсудилъ, что для васъ будетъ гораздо полезнѣе Неплюевскій мой жеребчикъ, чѣмъ Бѣлкинскій, который оказался слабъ ногами. Неплюевская же лошадь готовая и порядочно бѣжитъ. То угодно ли вамъ его принять»...

Повторяю, были трудныя минуты въ положеніи князя Анатолія. Но сила ли безвыходныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ такъ часто находился, или натура его, вообще очень богатая и очень сходная съ натурою князя Александра, на котораго онъ такъ поразительно былъ похожъ внѣшностью — вызывала въ его умѣ, вообще обширномъ и изворотливомъ, бездну разнородныхъ проектовъ, которыми онъ старался побѣдить и иногда побѣждалъ затрудненія, его окружавшія. Нечего и говорить, что большая часть этихъ проектовъ прямо принадлежала къ области фантазіи и не имѣла въ себѣ ничего практическаго. Но были и такія вещи, которыя, по крайней мѣрѣ на мои глаза, имѣли много серьезнаго значенія и могли бы съ успѣхомъ осуществиться, если бы у князя доставало энергіи и характера, которые были необходимы для этого осуществленія. Но въ томъ-то и бѣда, что въ этомъ собственно отношеніи онъ не только не походилъ на князя Александра, но былъ прямо противуположенъ ему. Въ той же степени, въ какой князь Александръ былъ упоренъ и непреклоненъ въ своихъ намѣреніяхъ и цѣляхъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ вся его кавказская карьера, князь Анатолій былъ не проченъ въ своихъ идеяхъ и намѣреніяхъ. Трудно было ожидать, чтобы мысль, которую онъ лелѣетъ съ любовію сегодня, могла интересовать его завтра. Хвататься то за одно, то за другое было отличительною чертою князя Анатолія и отъ этого собственно, а не отъ недостатка ума и соображеній, и петербургскія его дѣла постоянно путались и управленіе имѣніемъ шло кое-какъ. Тѣмъ не менѣе, какъ я сказалъ уже, нѣкоторыя вещи удавались блистательно.

Оставляя здѣсь до времени князя Анатолія, я долженъ сказать, что со времени перваго нашего знакомства и до той минуты, когда пишу эти строки, т. е. въ теченіе двадцати лѣтъ, отношенія наши постоянно оставались дружественными и пріятными. Разъ только, когда князь Александръ, побуждаемый высшимъ давленіемъ къ женитьбѣ на одной знаменитой барынѣ, о чемъ, конечно, мнѣ придется еще много и подробно говорить, призналъ за благо, въ ряду другихъ средствъ защиты отъ этой романтической атаки, передать все имѣніе брату князю Владиміру, прежде нежели оно обращено было въ маіоратъ, и когда, вмѣстѣ съ этимъ имѣніемъ, ему же отдалъ и

Царскосельскую дачу и все, что̀ у него было, не исключая даже экипажей и англійской сбруи, на наши отношенія съ княземъ Анатоліемъ набѣжала нѣкоторая тѣнь. Князь Анатолій былъ убѣжденъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ я принималъ дѣятельное участіе и имѣлъ на него значительное вліяніе. Но убѣжденіе это было совершенно ошибочно. Дѣло это совершилось не только безъ моего участія, но даже и безъ моего вѣдома, и я узналъ о немъ въ одно время со всѣмъ Петербургомъ. Мнѣ самому было досадно, что все безъ исключенія передавалось скупому князю Владиміру, а милый и крайне стѣсненный князь Анатолій оставался рѣшительно не причемъ. Но это̀ дѣло не было изъ тѣхъ, гдѣ я могъ бы подавать мои совѣты. Я имѣлъ случай высказать это князю Анатолію, и потомъ наши отношенія возстановились во всей ихъ чистотѣ....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки М. Я. Ольшевскаго [1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Предисловіе.

До сего времени разсказъ мой касался собственно Кавказской линіи и преимущественно ея лѣваго фланга. Теперь я переношусь въ Грузію и на границу нашу съ Азіатской Турціей.

Первыя двѣ главы будутъ заключать въ себѣ: описаніе дороги отъ Грозной до Тифлиса и одинъ очеркъ этого города, въ кратковременное мое пребываніе въ немъ. Содержаніемъ же слѣдующихъ трехъ главъ будетъ: переѣздъ мой отъ Тифлиса до Озургетъ и проѣздъ по турецкой границѣ отъ Гуріи до Александраполя. Переѣздъ этотъ совершается мною быстро; менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ я объѣзжаю все это пространство.

Въ остальныхъ затѣмъ пяти главахъ будетъ описываться пребываніе мое въ Александраполѣ и дѣйствія нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи съ октября 1853 по февраль 1855 года.

Въ этой части описываются происшествія, случившіяся съ небольшимъ въ продолженіе одного года, тогда какъ первая часть заключаетъ въ себѣ семилѣтній, а вторая—четырехлѣтній періодъ времени. Но за то все, что разсказывается въ этой части, разнообразнѣе и по пространству, которое я проѣхалъ, и важнѣе по событіямъ, совершившимся въ этотъ краткій періодъ времени.

Тамъ я вращался исключительно между кавказскими горцами, описывая окружающую ихъ природу, ихъ обычаи, нравы и борьбу за

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1894 года, февраль.

свою независимость и свободу съ нашими войсками. Теперь же я буду описывать мѣстность, образъ жизни, нравы и обычаи не только грузинъ, но и другихъ жителей Закавказья. Вмѣсто же черкесовъ, чеченцевъ и дагестанцевъ являются турки, поражаемые нами подъ Башъ-Кадыкляромъ и на поляхъ Кюрюкъ-дара.

I.

Прощаніе съ Грозной. Дорога отъ этой крѣпости до Тифлиса.

15-го сентября 1853 года, тогдашній начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, во время обыкновенной утренней прогулки, подъѣхавъ къ раскрытому окну, возлѣ котораго я занимался, поспѣшно сошелъ съ лошади. Въ рукахъ у него была бумага.

— Васъ требуютъ въ Тифлисъ, и очень экстренно... Вотъ письмо, только-что мною полученное, проговорилъ онъ, видимо недовольный, подавая мнѣ письмо. Оно было отъ начальника главнаго штаба и содержало предписаніе главнокомандующаго о немедленномъ отправленіи меня въ Тифлисъ.

— Мнѣ очень непріятно, что я долженъ съ вами такъ неожиданно и скоро разстаться. — Я человѣкъ новый и мало знаю край.— Но я не смѣю этому противиться; тѣмъ болѣе, что это можетъ быть согласно и съ вашимъ желаніемъ.

Все это произнесено было Александромъ Евстафьевичемъ скороговоркой, и послѣднія слова сопровождались хотя пріятной улыбкой, но проглядывало и подозрѣніе.

Я, поблагодаривъ генерала Врангеля за такой лестный и тѣмъ болѣе непритворный отзывъ, старался его увѣрить, что требованіе меня въ Тифлисъ столь же неожиданно для меня, какъ и для него.

Прочитавъ письмо, я былъ встревоженъ и терялся въ догадкахъ, какая причина столь экстреннаго требованія и какое мнѣ готовится назначеніе.

Въ главномъ штабѣ мнѣ служить не хотѣлось. Пусть тамъ служатъ тѣ, которые любятъ поинтриговать, лишній разъ поклониться, да льстиво выражаться. Отъ перваго я былъ далекъ, на послѣднее неспособенъ. Въ первыя минуты, я готовъ былъ отказаться отъ поѣздки въ Тифлисъ и остаться по-прежнему въ Грозной.

Зачѣмъ я поѣду въ Тифлисъ, когда мнѣ и здѣсь хорошо. Я здѣсь совершенно покоенъ и счастливъ. Мое честолюбіе удовлетворяется

часто получаемыми наградами. Мое самолюбіе вполнѣ удовлетворяется моимъ положеніемъ и хорошими отношеніями къ моему начальнику. Онъ самъ высказался въ желаніи продолжать службу со мною. А съ нимъ служить пріятно. Онъ вѣжливъ, честенъ, благороденъ, правда, иногда бываетъ вспыльчивъ и раздражителенъ. Пойду къ нему и попрошу его, чтобы онъ написалъ въ Тифлисъ о необходимости меня оставить въ Грозной.

Но мои дальнѣйшія разсужденія и думы были прерваны, и совершенно кстати, приходомъ Бакланова. Онъ съ производствомъ въ генералы за зимнюю экспедицію на Мичикѣ жилъ въ Грозной, какъ состоящій при начальникѣ лѣваго фланга.

— Что ты такой встревоженный? Не случилось ли что-нибудь? спросилъ онъ.

— Меня требуютъ въ Тифлисъ.

— И прекрасно, поѣзжай съ Богомъ. — Мы тебя проводимъ, какъ слѣдуетъ добрымъ друзьямъ.

— Да вотъ видишь что, отвѣчалъ я со вздохомъ.

— Что сердечко болитъ; обабился, опутался сѣтями любви.

— Что-за вздоръ ты говоришь, Яковъ Петровичъ. Мнѣ просто не хочется служить въ главномъ штабѣ.

— Да почему же и въ главномъ штабѣ? Тебя могутъ послать на турецкую границу.

Эти слова Бакланова мгновенно успокоили и измѣнили намѣреніе мое идти къ Врангелю. — Что и желать лучшаго. Если же не назначатъ на турецкую границу, то буду проситься снова въ Грозную, о чемъ предупрежу и Александра Евстафьевича, чтобы онъ написалъ въ такомъ родѣ письмо къ начальнику главнаго штаба.

Наканунѣ моего отъѣзда, генералъ Врангель, съ бокаломъ въ рукахъ, еще разъ выразилъ душевное сожалѣніе, что разстается со мною, и очень будетъ радъ, если я возвращусь въ Грозную опять продолжать съ нимъ службу.

Выѣздъ мой, кромѣ конвоя изъ грозненскихъ казаковъ, сопровождался моими товарищами-сослуживцами до ст. Алханъ-юртовской, отстоящей въ двѣнадцати верстахъ отъ Грозной. Здѣсь на курганѣ, возвышающемся возлѣ дороги, была приготовлена закуска и стояла огромная батарея бутылокъ.

Много было выпито. Много было высказано взаимныхъ, задушевныхъ, непритворныхъ пожеланій. Съ гордою увѣренностью могу сказать, что здѣсь между провожавшими меня не было моихъ недруговъ, да и мало оставалось ихъ въ то время въ Грозной, а потому тѣмъ грустнѣе и тяжелѣе было разставанье и прощанье съ нею.

Отъ Грозной до Владикавказа можно было въ то время проѣхать по двумъ направленіямъ.

Одинъ путь, почтовый, по которому выдавались прогоны проѣзжающимъ между этими двумя пунктами, пролегалъ на Николаевскій мостъ черезъ Науръ, Моздокъ и Екатериноградъ; откуда черезъ станицы Владикавказскаго полка: Пришибскую, Котляревскую, Александровскую, Урухскую, Ардонскую и Архонскую доходилъ до Владикавказа. По этому направленію считалось отъ Грозной до Екатеринограда 140, да отъ этой станицы до Владикавказа 103 версты.

Другой путь, по которому считалось всего только 102 версты, пролегалъ по Сунженской линіи, чрезъ станицы Алханъ-юртовскую, Самашкинскую, еще не вполнѣ обстроенныя, Михайловскую и Слѣпцовскую, а также укрѣпленіе Назранъ и постъ Камбилѣевскій, въ которыхъ пунктахъ и производилась перепряжка.

Дорога на этомъ разстояніи была довольно ровная и хорошая. Только между ауломъ Эльдырханомъ и Назраномъ, на протяженіи пяти верстъ, было два крутыхъ спуска, и нужно было нѣсколько разъ переѣзжать Сунжу и Назранъ.

Этотъ послѣдній путь въ то время не былъ почтовый, а проѣзжающіе возились по открытымъ листамъ на казачьихъ и солдатскихъ лошадяхъ, хотя по неопредѣленной, но свыше прогонной, платѣ. Такъ, напримѣръ, отъ Назрана до Владикавказа ѣздили на артельныхъ лошадяхъ расположенныхъ тамъ войскъ, и платилось за каждую лошадь по рублю серебромъ, тогда какъ разстояніе между этимъ пунктомъ было не болѣе 23 верстъ. Слѣдовательно, платилось вдвое противъ прогоновъ.

Притомъ, чтобы проѣхать безъ задержки, нужно было посылать открытое извѣстіе, за сутки впередъ, о заготовленіи лошадей. Въ противномъ же случаѣ приходилось ждать въ каждой станицѣ по нѣскольку часовъ, пока соберутся лошади.

И никто не имѣлъ права претендовать или заявлять свое неудовольствіе на такую медленность, тѣмъ болѣе на станицы Алханъ-юртовскую и Самашкинскую, которыя по льготному времени обязаны были исполнять гоньбу по дѣламъ службы, только до полка относящуюся. Но жители охотнѣе провозили посторонних проѣзжающихъ, нежели своихъ, потому что отъ первыхъ они получали если не болѣе, то хотя прогоны по положенію, тогда какъ послѣдніе надѣляли ихъ только бранью да побоями.

Такъ какъ о моемъ проѣздѣ по Сунженской линіи было послано открытое извѣстіе, а потому я не встрѣтилъ нигдѣ задержки.

Тройка лошадей и небольшой конвой, отъ 4 до 6 казаковъ, были вездѣ готовы.

Несмотря на то, что, пробывъ около часа въ ст. Слѣпцовской у на-

чальника Сунженской линіи, полковника Мезенцова, того самаго, который, командуя Алексапольскимъ полкомъ, былъ убитъ подъ Севастополемъ, я пріѣхалъ во Владикавказъ не позже полуночи и остановился въ единственной, можно сказать, въ то время порядочной гостиницѣ Лебедева. Здѣсь же былъ клубъ, гдѣ проводило время за картами и въ танцахъ небольшое владикавказское военное общество.

Черезъ Владикавказъ я проѣзжалъ въ первый разъ,—а потому мнѣ было не только желательно ознакомиться съ этою крѣпостью, возникшею болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, но и видѣть нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Не побывать у Опочинина, который изъ командира батареи готовился быть на мѣсто Веревкина командиромъ Тенгинскаго полка, значило навлечь его неудовольствіе; да послѣ этого не кажись на прекрасные глаза его жены Бабале, которая хотя и доживала третій десятокъ, но въ обожателяхъ недостатка не имѣла. Хотѣлось видѣться съ Кемфортомъ, тогдашнимъ командиромъ Навагинскаго полка, моимъ знакомымъ еще съ экспедиціи 1844 года, когда онъ былъ бригаднымъ адъютантомъ у Лабинцева. Неловко было не представиться и начальнику округа барону Вревскому, съ которымъ я былъ не только старый знакомый, но и носилъ съ нимъ одинъ мундиръ генеральнаго штаба. По этимъ убѣжденіямъ, я остался въ Владикавказѣ на слѣдующія сутки.

Владикавказская крѣпость съ форштадтомъ по оборонѣ и вооруженію находилась въ плохомъ состояніи. Самую крѣпость, въ которой были дома начальника округа и коменданта, часть госпиталя и гауптвахту съ арестантской, всегда переполненной арестантами, преимущественно изъ азіатъ,—окружалъ не высокій и заросшій травою земляной валъ, вооруженный нѣсколькими разнокалиберными крѣпостными орудіями на старыхъ разваливающихся лафетахъ, поставленныхъ большею частью на сгнившихъ платформахъ. Со стороны Кавказскаго хребта или съ юга-востока примыкалъ осетинскій аулъ,—пристанище разныхъ плутовъ и мошенниковъ изъ осетинъ и назрановцевъ.

Форштадтъ состоялъ изъ домовъ офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ, мѣщанъ, женатыхъ солдатъ. Между крѣпостью и Терекомъ, почти на серединѣ форштадта, находились храмъ Божій, довольно большой бульваръ, общественный садъ и гостиный дворъ, наполненный разными житейскими, первой потребности, товарами. Впрочемъ, было нѣсколько лавокъ съ краснымъ или панскимъ товаромъ. Побогаче лавки были тѣ, которыя принадлежали первостатейнымъ купцамъ Владикавказа, Лебедевымъ и Поповымъ. Улицы хотя были большею частью мощеныя, но такъ дурно что предпочиталось, даже въ большую грязь, ходить пѣшкомъ въ длинныхъ сапогахъ, или ѣздить верхомъ. А грязь, по временамъ непроходимая, въ особенности на площадяхъ, по причинѣ ча-

*

стыхъ дождей, считалась какъ бы необходимою принадлежностію Владикавказа.

Въ то время, все описанное находилось на правомъ берегу шумящаго и здѣсь Терека, черезъ который перекинутъ былъ старый мостъ съ тетъ-де-пономъ. На лѣвомъ же берегу Терека не было въ то время ни станицы, теперь [1]) широко раскинувшейся, ни штабъ-квартиръ Тенгинскаго полка, сапернаго баталіона и легкой батареи, не мало украшающихъ нынѣ Владикавказъ. Станица начала устраиваться въ 1856 году; штабъ-квартиры же устроились окончательно только въ 1857 году.

Нельзя сказать, чтобы въ описываемое время владикавказскіе жители пользовались тишиною и спокойствіемъ. То въ лѣсу, когда пойдутъ за дровами, подстрѣлятъ кого-нибудь, то нападутъ на запоздавшаго проѣзжающаго, то угонятъ съ пастьбы нѣсколько лошадей или быковъ. Иной разъ въ темную или ненастную ночь, раздавались выстрѣлы въ самой крѣпости, а иной разъ совершались въ ней хищничества и даже убійства.

Хотя все это совершалось мирными назрановцами, осетинами и кабардинцами, которыхъ иногда и уличали въ преступленіи, но большею частью сваливалось на чеченцевъ, неповинныхъ въ этомъ ни душой, ни тѣломъ.

Виною этому была наша безпечность и дурной полицейскій присмотръ, несмотря на то, что карауловъ было много, а часовые встрѣчались на каждомъ шагу. Главное—не было надлежащаго присмотра за осетинскимъ ауломъ, притономъ, въ то время, воровъ и мошенниковъ.

Изъ Владикавказа я выѣхалъ очень рано, исполнивъ все, какъ желалъ. Въ то время не было шоссе до поста Редантскаго. На этомъ восьмиверстномъ разстояніи дорога пролегала по черноземy и вязкой глинѣ, которая отъ дождей, часто перепадающихъ, была трудно проѣзжею.

Отъ Реданта, занятаго небольшимъ числомъ пѣхоты и казаковъ, начиналось природное волнообразное шоссе. Песчано-известковыя горы, поросшія въ низменныхъ частяхъ преимущественно чинаромъ, дубомъ, ясенью, кизыломъ, боярышникомъ, а на вершинахъ небольшими соснами и елями,—были первыми предгоріями. Балта, отстоящая отъ Владикавказа въ четырнадцати верстахъ, была первая станція, населенная преимущественно женатыми нижними чинами путей сообщенія. Здѣсь же было пребываніе и дистанціоннаго начальника.

Проѣхавъ отъ Балты восемь верстъ по дорогѣ, проходящей надъ самымъ Терекомъ, укрѣпленнымъ безпрестанными дамбами, горы рас-

---

[1]) Читатель если будетъ встрѣчать въ моихъ запискахъ слова: „теперь“ и „въ настоящее время“, то онъ долженъ помнить, что это относится до 1865 г., когда я уѣхалъ съ Кавказа и послѣ котораго я не былъ уже въ этомъ краѣ.

ходятся. На песчаной и каменистой равнинѣ находилось Джераховское укрѣпленіе, то самое, куда намѣревался проникнуть Шамиль изъ Галашекъ въ 1852 году. Оно было выстроено изъ камня четыреугольникомъ, съ казематированными стѣнами, фланкируемыми башнями. Въ немъ находилось нѣсколько ротъ пѣхоты, и оно было хорошо вооружено. Названіе свое получило отъ ущелья и общества, противъ котораго находилось.

Джерахи—небольшое общество чеченскаго происхожденія, состояло изъ нѣсколькихъ ауловъ, въ десятокъ сакель каждый. По Джераховскому ущелью противъ укрѣпленія разработывалась вьючная дорога, по которой можно было обойти назрановцевъ, галашевцевъ и кистовъ. Но эта дорога, стоившая большаго труда, была мало полезна, потому что отъ частыхъ земляныхъ обваловъ и разрушеній послѣ дождей была трудно проходима.

Отъ Джераховскаго укрѣпленія до станціи Казбекъ на разстояніи двадцати шести верстъ дорога проходитъ глубокимъ ущельемъ. На этомъ разстояніи ничего не видно, кромѣ узкой полосы неба, да горъ, сначала шиферныхъ, потомъ гнейсовыхъ и гранитныхъ, покрытыхъ тощею древесною растительностью. По временамъ мелькнетъ бѣлая шапка гиганта Кавказа—Казбека, или покажется снѣгомъ покрытая одна изъ его сосѣдокъ. Иначе и не можетъ быть, потому что дорога вьется змѣей по теченію Терека, ревущаго, пѣнящагося, обдающаго васъ брызгами, вертящаго огромные каменья и обращающаго въ щепы попадающія въ него деревья.

Страшенъ всеразрушающій Терекъ, въ особенности въ Дарьяльскомъ ущельи, но и страшна здѣсь дорога для непривычнаго къ горамъ путешественника, а тѣмъ болѣе, если онъ совершаетъ это путешествіе съ семействомъ, въ тяжеломъ экипажѣ. Его сердце безпрестанно ёкаетъ отъ страшныхъ толчковъ, по камнямъ, и онъ находится въ постоянной тревогѣ отъ опасенія за свой экипажъ. Его дыханіе постоянно захватывается при частыхъ спускахъ. А тутъ кричитъ жена и плачутъ дѣти отъ опасности попасть въ страшный Терекъ, потому что колеса едва не касаются окраины дороги, въ томъ случаѣ, если нужно дать мѣсто ѣдущему на встрѣчу путнику; а и того хуже если встрѣтишься съ транспортомъ повозокъ и съ вереницей вьючныхъ верблюдовъ. Того и смотри, что спихнутъ въ бѣснующійся Терекъ. А тутъ смотришь—виситъ цѣлая скала, какъ бы прилипнувшая къ другой большой скалѣ, по величинѣ въ сравненіи съ которой она—ничто. Хотя она въ такомъ висячемъ положеніи находится сотни, а можетъ быть тысячи лѣтъ, но, проѣзжая мимо ея, невольно думаешь, ну что, если она обрушится въ тотъ моментъ, когда проѣзжаешь. И невольно отворачиваешься или закрываешь отъ страха и волненія глаза.

Къ довершенію ужаса путешественника, набѣжали темныя тучи, разразилась сильная гроза. Ущелье въ огнѣ, страшные удары грома не умолкаютъ, потому что эхо вторитъ имъ; полились цѣлыя рѣки съ отвѣсовъ съ камнемъ и пескомъ. Терекъ заревѣлъ еще страшнѣе и началъ выступать изъ береговъ. Но темныя тучи пронеслись, громъ и молнія прекратились, дождь пересталъ, а съ нимъ перестали катиться съ гранитныхъ отвѣсовъ камни, увлекаемые потоками дождевой воды. Терекъ хотя продолжаетъ бѣсноваться, но не выступаетъ изъ береговъ. Устрашенный путникъ успокоивается и радъ-радехонекъ, что доѣзжаетъ до станціи Казбекъ, не зная того, что еще бо́льшія страхи грозятъ ему впереди.

Чтобы добраться отъ Джераховскаго укрѣпленія до Дарьяльскаго ущелья, нужно было проѣхать казачій пикетъ на камнѣ, станцію Ларсъ и переправиться по мосту черезъ Терекъ на правую его сторону.

Казачій пикетъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ Джераха и въ пяти отъ Ларса, замѣчателенъ былъ тѣмъ, что выставлялся на высокомъ камнѣ и былъ единственный на всемъ пространствѣ отъ Реданта. Не понимаю его назначенія. Если онъ существовалъ для охраненія проѣзжающихъ отъ хищниковъ, то почему занимался одинъ только этотъ пунктъ. Если же онъ существовалъ для поданія помощи проѣзжающимъ, напримѣръ въ случаѣ порчи экипажа, то для этой цѣли не лишнимъ было бы имѣть почаще посты на такомъ дѣйствительно опасномъ пространствѣ.

Ларсъ состоялъ изъ грязной почтовой станціи, ветхаго небольшаго дома для проѣзжающихъ, такихъ же казармъ для одной роты проходящихъ командъ и арестантовъ, а также нѣсколькихъ грязныхъ избушекъ и землянокъ, въ которыхъ помѣщались женатые нижніе чины промышляющіе... да трудно сказать, чѣмъ они занимались и существовали. При въѣздѣ въ Ларсъ возвышалось каменной стѣной съ башнями и отверстіями для оконъ жилище бывшаго здѣсь осетинскаго владѣтеля.

На шестой верстѣ отъ Ларса, былъ переброшенъ каменный красивый, но непрочный, какъ оказалось на дѣлѣ, мостъ. Онъ былъ выстроенъ въ 1846 году тѣмъ же инженеромъ, который строилъ мосты Николаевскій и Шелкозаводскій; только на этотъ разъ зодчество его было непрочно. Мостъ, не простоявъ и двухъ лѣтъ, обрушился, а съ нимъ рухнулась и слава строителя. Сколько помнится, говорили, что мостъ провалился оттого, что правый его устой былъ устроенъ на наносномъ грунтѣ.

Теперь, въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, сообщеніе производится черезъ Терекъ по незатѣйливому деревянному мосту, выстроенному въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже отъ обрушившагося каменнаго. Сверхъ

того, вмѣсто грязной почтовой станціи и ветхаго дома для проѣзжающихъ въ самомъ Ларсѣ, возвышается, въ трехъ верстахъ отъ него, новый почтовый домъ, въ такомъ же стилѣ, какъ всѣ другія почтовыя станціи между Владикавказомъ и Тифлисомъ.

За этимъ мостомъ начинается Дарьяльское ущелье, получившее это свое названіе, по легендѣ грузинъ, отъ злаго духа, здѣсь обитавшаго. На четвертой верстѣ отъ моста находилось Дарьяльское укрѣпленіе. Оно было выстроено продолговатымъ четвероугольникомъ на двѣ роты съ бойницами, фланкируемое небольшими башнями и вооруженное двумя орудіями.

Отъ Дарьяльскаго укрѣпленія начинается уже жизнь Закавказья. Тутъ же возлѣ самаго укрѣпленія являются «духаны или лавочки», въ которыхъ продается кислое бурдючное кахетинское вино, сухой, ржавый балыкъ, заплѣсневѣвшая икра, всегда черствые чуреки и грязные лаваши; есть тутъ сардинки и даже стеариновыя свѣчи. Тутъ же была и застава съ шлахбаумомъ. До 1853 года эта застава существовала съ тою цѣлію, чтобы не подрывался откупъ Ставропольской губерніи подвозомъ спирта и вина изъ-за Кавказа. Теперь же эта застава существовала единственно въ смыслѣ собиранія денегъ за проѣздъ по шоссе.

Проѣхавъ двѣ, три версты отъ Дарьяльскаго укрѣпленія, вы видите вправо Казбекъ во всемъ его величіи и то ущелье, по которому скатывались съ него огромные завалы. Тутъ же немного впереди на небольшой площадкѣ пестрѣются десятка два каменныхъ сакель. Это осетинское селеніе Гулеты, получившее свое названіе отъ ущелья, или наоборотъ ущелье отъ селенія,—навѣрное не знаю.

Немного далѣе вы видите, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Терекъ съуживается, огромный камень, о который расшибаются его яростныя, пѣнящіяся волны. На этотъ камень переброшены съ обоихъ береговъ Терека по два бревна,—по которымъ производилось опасное и только свойственное горнымъ жителямъ сообщеніе. Но если этотъ страшно колеблющійся переходъ надъ пучиной сносился или разрушался взбѣшеннымъ Терекомъ, то гулетцы сообщались съ сосѣдними селеніями по горнымъ тропамъ, по которымъ они пробирались съ такою же неустрашимостію, какъ и по импровизованному ими мосту.

Заваловъ съ Казбека по Гулетскому ущелью не было съ 1844 года. Они ожидались нѣсколько разъ послѣ того; въ особенности этимъ опасеніемъ были проникнуты и гулетскіе жители, и начальство въ 1855 году, такъ что, на случай паденія завала и прекращенія сообщенія, приказано было пробить горную тропу. Эту тропу и теперь можно видѣть, она начинается тотчасъ по переѣздѣ небольшаго моста, находящагося въ саженяхъ двухстахъ отъ Дарьяльскаго укрѣпленія, и высоко поднимается противъ Гулетскаго ущелья.

Однако завала не было не только тогда, но, сколько мнѣ извѣстно, и по настоящее время. Между тѣмъ завалы съ Казбека до 1844 года падали періодически черезъ 7—10 лѣтъ, и послѣдній изъ нихъ былъ огромной величины. Разсказываютъ, что ложе Терека ниже его на нѣкоторое время обнажилось и видѣли трепещущую рыбу, тогда какъ выше лежащее пространство высоко покрылось водою.

Гулеты погибли прежде всего. Впрочемъ, Гулеты подвергались затопленію и отъ небольшихъ заваловъ; но только этому разрушенію подвергались одни пустые дома потому, что жители, привычные по признакамъ узнавать обрушеніе завала, за нѣсколько дней до его паденія, уходили и увозили съ собой все свое небольшое имущество. По паденіи же завала, приходили опять на залитое и разрушенное водою мѣсто, и снова поселялись, зная, что они покойно проживутъ семилѣтіе, если не болѣе, несмотря на то, что ихъ мѣстожительство, столь опасное, мало представляло удобствъ къ жизни. Столь дорога человѣку привязанность къ роднымъ полямъ, а тѣмъ болѣе горцу, гдѣ такъ мало земли удобной для хлѣбопашества или для пастьбы скота.

Много было разсужденій относительно прекращенія заваловъ съ Казбека по Гулетскому ущелью. Въ шестидесятыхъ годахъ было совершено восхожденіе на Казбекъ академика Абиха, съ цѣлію изслѣдовать причины прекращенія періодическихъ паденій ихъ; но только мнѣ не извѣстно, чѣмъ эти ученыя изслѣдованія окончились.

Не доѣзжая до станціи Казбекъ версты двѣ, находится «Бѣшеная балка». Много инженеровъ ломало головы, думая о томъ, какъ бы устранить природныя препятствія и разрушенія, производимыя этой балкой нѣсколько разъ въ году. Много рабочихъ рукъ затрачивается ежегодно на исправленіе производимыхъ ею разрушеній и устройство черезъ нее сообщенія.

Вотъ въ чемъ заключаются непреодолимыя препятствія, представляемыя «Бѣшеной балкой». Во время не столько продолжительнаго, сколько проливнаго дождя, выпадавшаго на тѣхъ песчаныхъ и каменистыхъ скалахъ, откуда она беретъ свое начало, песокъ и камень, сдвинутые потоками воды со скалъ и съ верховьевъ самой балки, не только запружаютъ ее, но по быстротѣ движенія все ниспровергаютъ и разрушаютъ.

Не разъ случалось съ проѣзжающими, что они должны были или возвращаться въ Ларсъ, или, въ ожиданіи успокоенія «Бѣшеной балки», располагаться бивуакомъ, и потомъ съ порчею экипажа и даже съ опасностію жизни при помощи осетинъ и ихъ веревокъ совершать переправу, разумѣется, не даромъ; ждать же прибытія рабочихъ отъ войскъ и устройства переѣзда черезъ балку вамъ пришлось бы сутки, другія.

Съ 1860 года черезъ «Бѣшеную балку» перекинутъ красивый мостъ

американской системы; однако и онъ не вполнѣ обезпечиваетъ постоянное сообщеніе. Если во время бѣшенства балки не повредится мостъ, то она что-нибудь попортитъ въ устояхъ и берегахъ.

Одновременно съ мостомъ отъ «Бѣшеной балки», если ѣхать въ Ларсъ, устроено зигзагами хорошее шоссе. Прежде же шелъ довольно крутой, почти прямой спускъ съ версту длиною.

Этотъ спускъ мнѣ хорошо памятенъ въ 1857 году, когда лошади начали нести мой тарантасъ, въ то время, когда спалъ съ колеса тормазъ. Еслибы не впадина, куда попало колесо тарантаса, свернувъ съ дороги, то быть ему вмѣстѣ съ ямщикомъ-татариномъ и тройкой лошадей въ дребезги разбитымъ и поглощеннымъ бѣшенымъ Терекомъ. Впадина, въ которую врѣзался тарантасъ колесами, отстояла отъ высокаго обрыва сажени на полторы не болѣе. Я же, выскочившій изъ тарантаса, по крику моего человѣка въ моментъ спаденія тормаза съ колеса, получилъ сильный ушибъ ступни правой ноги. Хотя ударъ былъ столь силенъ, что сапогъ лопнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но, къ счастію моему, послѣдствій отъ ушиба никакихъ не было.

Еще передъ «Бѣшеной балкой», конецъ Дарьяльскаго ущелья, потому что громадные утесы начинаютъ раздвигаться, не доѣзжая до нея версты за двѣ. По переѣздѣ черезъ «Бѣшеную балку», Терекъ, какъ у Казбека, такъ и выше до Коби, течетъ довольно покойно и преимущественно по широкой долинѣ; да и самыя горы менѣе отвѣсны и высоки. Древесная растительность здѣсь почти прекращается. Изрѣдка растущія сосна, ель и лоза не велики, тощи, тонки. Сѣемыя здѣсь на небольшихъ клочкахъ земли озимая пшеница и ячмень едва поспѣваютъ. Покосныхъ мѣстъ немного, да и тѣ находятся на крутыхъ покатостяхъ.

Несмотря на это, населеніе, состоящее изъ осетинъ-христіанъ, довольно частое. Полагаю, до двѣнадцати селеній находится на двадцативерстномъ разстояніи между Казбекомъ и Коби. Правда, всѣ эти селенія небольшія и весьма бѣдныя. Стѣны домовъ сложены изъ камня, преимущественно на извести, съ плоскими земляными крышами. Рогатаго скота весьма мало, да и тотъ не великъ; лошадей и овецъ еще менѣе; но козъ сравнительно болѣе. Жители промышляютъ перевозкой провіанта и другихъ тяжестей, на своихъ небольшихъ двухъ колесныхъ повозкахъ, запрягаемыхъ однимъ воломъ.

Въ Казбекѣ, Коби и Сіонѣ имѣются небольшія красивенькія церкви. Несмотря на это, живущіе здѣсь осетины не могутъ считаться хорошими христіанами. Полагаю, что въ этомъ отношеніи они не далеко опередили своихъ соплеменниковъ тагаурцевъ, аллагирцевъ, куртатинцевъ и дигорцевъ. Тѣ обмусульманились, а эти утопаютъ въ грубомъ невѣжествѣ, несмотря на то, что принимаются многія мѣры къ утвержденію тѣхъ и другихъ въ догматахъ христіанской религіи.

Впрочемъ, не одна религія различаетъ описываемыхъ мною осетинъ отъ тагаурцевъ, аллагирцевъ, куртатинцевъ и дигорцевъ. Первые бѣдны по природѣ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они живутъ, но съ которыми они навѣрное не разстались бы, если бы имъ предложили несравненно лучшія мѣста; не разстались бы по привычкѣ, а главное, что здѣсь находятся могилы ихъ отцовъ и прадѣдовъ. Вторые богаты лѣсами, полями, пастбищами. Они живутъ преимущественно большими аулами въ деревянныхъ хорошо обстроенныхъ сакляхъ. У нихъ много хлѣба, сѣна, скота—лошадей, овецъ. Одѣваются они тоже въ черкески, папахи, наговицы и чевяки; но какая разница въ одеждѣ тѣхъ и другихъ! Ѣздятъ они на хорошихъ лошадяхъ и въ богатомъ оружіи, тогда какъ у первыхъ если имѣется нѣсколько лошадокъ, то не для ѣзды верхомъ, а для запряжки въ двухъ-колесную повозку; объ оружіи же развѣ думаютъ только одни зажиточные или вліятельные люди.

Да и эти послѣдніе развѣ могутъ равняться между собою. Вотъ для сравненія два нашей службы штабъ-офицера.

Одинъ былъ уроженецъ описываемой горной Осетіи, силившійся доказать, но безуспѣшно, что начиная отъ Дарьяльскаго ущелья и бѣлоснѣжной шапки Казбека онъ единственный владѣтель всѣхъ его предгорій. Правда, онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Казбекомъ по колоссальному росту и толстотѣ своей, сравнительно съ другими людьми. Но вѣдь это былъ въ полномъ смыслѣ грубый невѣжа. Другой тагаурецъ былъ пріятенъ, обходителенъ, вѣжливъ. Могутъ сказать, что это исключеніе; могутъ указать даже на то, что онъ воспитывался въ корпусѣ. Согласенъ, но такого исключенія не могло быть между горными осетинами по ихъ грубости, одичалости ихъ самихъ и окружающей природы.

Однако я, сравнивая одноплеменниковъ, живущихъ на разныхъ мѣстностяхъ, отвлекся отъ прямаго пути. Въ трехъ верстахъ отъ селенія Казбека, нужно проѣхать по мосту черезъ Черную рѣчку. Она протекаетъ по ущелью, по которому пролегаетъ другая дорога черезъ Кавказскій хребетъ. Эта дорога, проложенная въ 1849 году, но теперь вовсе оставленная, направлялась черезъ Буслачиръ, Григорьевское укрѣпленіе и по Гудамакарскому ущелью выходила на Пасанауръ. По этой дорогѣ я не ѣздилъ, но, какъ говорятъ, сообщеніе по ней труднѣе того пути, по которому я поведу за собой читателя.

На Буслачирскомъ перевалѣ такіе же огромные спуски, подъемы и снѣговые завалы, которые существуютъ на Квинамскомъ перевалѣ. Разница только въ томъ, что на Квинамскомъ перевалѣ чаще пріюты. Тутъ на такомъ же разстояніи Сіонъ, Коби, Байдара, Кайшауръ и Квишетъ, тогда какъ на Буслачирскомъ перевалѣ только Семенова сакля, Буслачиръ, да Георгіевское укрѣпленіе.

Переправившись по мосту черезъ Черную рѣчку, предстоитъ неза-

мѣтный подъемъ въ гору между скалами, ничтожными сравнительно съ Дарьяльскимъ ущельемъ. До Сіона, находящагося на половинѣ разстоянія между Казбекомъ и Коби, кромѣ одного духана возлѣ дороги нѣтъ жилья. Подъѣзжая къ этому селенію, расположенному живописно на довольно высокой горѣ, являются небольшія поля, засѣваемыя озимой пшеницей и ячменемъ.

По мѣрѣ приближенія къ Сіону, вы видите сбѣгающихъ на дорогу мальчишекъ и ожидающихъ вашего прибытія, или бѣгущихъ къ вамъ на встрѣчу. Они всѣ босоногіе и большею частію въ изодранныхъ черкескахъ, подъ которыми вы не видите ни рубашекъ, ни исподняго платья. «Пожалуста, пожалуста», кричатъ они, простирая тощія руки.

Вы бросаете имъ мѣдную, а пожалуй и серебряную монету, за которую возникаетъ возня и драка.

Съ другой стороны селенія васъ встрѣчаетъ новая толпа такихъ же оборванцевъ съ тѣми же криками «пожалуста» и протягиваніями рукъ о милостынѣ. Не желая произвести новый раздоръ во вновь появившейся толпѣ нищихъ мальчишекъ, приказываете ямщику ѣхать поскорѣе. Однако вы проѣхали около полуверсты отъ селенія, а мальчишки бѣгутъ за вашимъ экипажемъ, и по-прежнему слышите тѣ же слова «пожалуста», но только произносимыя прерывистыми отъ усталости голосами. Чтобы удовлетворить ихъ и успокоить себя, вы останавливаетесь и ихъ надѣляете нѣсколькими мелкими монетами.

Отъ Сіона, на разстояніи восьми верстъ, поднимаетесь въ гору по песчано-глинистой, каменистой почвѣ. Въ верстѣ отъ Коби крутой спускъ, и вы выѣзжаете на довольно широкую долину съ тремя ущельями. Прямо передъ вами съ громадными горами ущелье Байдары, по которому предстоитъ вамъ дальнѣйшее путешествіе. Направо ущелье Терека, по которому онъ протекаетъ, по полученіи своего начала съ вѣчно снѣжныхъ вершинъ Казбека. Лѣвое ущелье, хотя тоже обставленное высокими горами, сравнительно ничтожное съ двумя прочими. Здѣсь протекаетъ небольшая безъименная, по крайней мѣрѣ для меня, рѣчка. Тутъ же находится источникъ кислой минеральной воды. Тутъ же выстроена впослѣдствіи новая почтовая станція.

Въ Коби я пріѣхалъ часа за два до солнечнаго заката. Но если бы пріѣхалъ и позже, то это отнюдь не помѣшало бы моему дальнѣйшему путешествію. Въ то время мнѣ извѣстно было по разсказамъ, а впослѣдствіи я убѣдился на самомъ дѣлѣ, что переѣздъ отъ Коби до Кайшаура самое лучшее совершать по ночамъ, а и того лучше—на разсвѣтѣ, когда не бываетъ заваловъ. Это весьма естественно. Снѣгъ и земля по ночамъ отъ мороза твердѣютъ, тогда какъ днемъ, отъ солнечныхъ лучей земля рыхлѣетъ и съ лежащимъ на ней тающимъ снѣгомъ обрушивается.

Начиная съ августа по ноябрь и даже по декабрь, считается луч-

шимъ временемъ для переѣзда черезъ горы. Снѣгу мало, и дорога почти вездѣ сухая, исправленная. Зато въ прочіе семь-восемь мѣсяцевъ вы испытывали и подвергались въ то время, когда я совершалъ первое мое путешествіе черезъ Кавказскій хребетъ,—множеству такихъ затрудненій и опасностей, которыя въ настоящее время не существуютъ. Вамъ угрожали страшныя метели, вьюги, огромные завалы и до невѣроятія грязная, съ огромными промоинами, выбоинами, зажорами дорога.

Случалось цѣлыя сутки употреблять на переѣздъ двадцати верстъ отъ Коби до Квишета и платить десятки рублей за наемъ быковъ и осетинъ для перевоза вашего багажа; а перевозка экипажа доходила до сотни рублей. Цѣлыя недѣли проходили, что не было переѣзда черезъ перевалъ, по причинѣ метелей, заваловъ и расчистки ихъ. Десятки проѣзжающихъ собирались въ Коби и Кайшаурѣ, претерпѣвая лишенія отъ холоднаго, тѣснаго помѣщенія и недостатка въ хорошемъ продовольствіи. Дороговизна на самые необходимые, обыкновенные предметы потребности была страшная. Смотритель или сторожъ станціи, а также жалкій духанщикъ бралъ съ васъ не въ три-дорога, а сколько хотѣлъ.

Такъ было до 1857 года. Но съ устройствомъ частыхъ хорошихъ казармъ и съ помѣщеніемъ въ нихъ постоянныхъ частей войскъ, обязанныхъ наблюдать за исправнымъ состояніемъ дороги и скорой расчисткой заваловъ, встрѣчаемыя проѣзжающими затрудненія и опасности начали устраняться.

Съ открытіемъ же въ 1860 году шоссе, съ точностію изслѣдованнаго и съ искусствомъ устроеннаго инженеръ-подполковникомъ Статковскимъ, миновала и медленность въ проѣздѣ. Теперь вы совершаете переѣздъ отъ Коби до Зимомлетъ, почти равняющійся разстоянію отъ Коби до Кайшаура, въ самое дурное время года, когда и огромный снѣгъ, и частые завалы, — самое большое въ пять часовъ, а при хорошемъ состояніи дороги васъ везетъ тройка лошадей съ такой же скоростію, какъ по всякому другому шоссе. Теперь если и случится большая метель, или упадетъ завалъ, то сообщеніе самое большее прекращается на сутки, другія, потому что имѣется достаточное число постоянныхъ рабочихъ рукъ.

Съ 1860 года проѣзжающіе на станціяхъ Кобійской, Гудаурской и Зимомлетской имѣютъ теплое, просторное и даже съ нѣкоторою роскошью помѣщеніе. Не голодали, потому что всегда находили, что̀ съѣсть и выпить; не было произвола на необходимыя потребности, потому что на нихъ существовала такса. Могли посылать депеши въ Тифлисъ и Ставрополь, потому что существовало телеграфное сообщеніе. И всѣмъ этимъ обязаны проѣзжающіе намѣстнику, князю А. И. Барятинскому, который съ настойчивостію слѣдилъ за скорѣйшимъ устройствомъ удобнаго

сообщенія черезъ Кавказскій хребетъ и не жалѣлъ для этого ни средствъ, ни денегъ.

Сдѣлавъ общій обзоръ Квинамскому перевалу, коснусь нѣкоторыхъ подробностей. Проѣхавъ версты двѣ по совершенно ровной дорогѣ, начинается ущелье Байдары, обставленное на разстояніи четырехъ верстъ отвѣсными высокими скалами. По этому ущелью какъ прежде, такъ и теперь, пролегаетъ дорога, съ тою только разницею, что до 1860 года она состояла изъ безпрестанныхъ каменистыхъ крутыхъ подъемомъ и спусковъ, тогда какъ теперь вы ѣдете по гладкому проведенному частыми зигзагами шоссе. До 1857 года на этомъ разстояніи, кромѣ Байдарскаго пріюта съ жалкимъ духаномъ, устроеннаго еще при Ермоловѣ, другаго жилья не было; теперь же находится четыре теплыхъ каменныхъ небольшихъ казармы, въ которыхъ помѣщаются рабочія команды [1]).

Байдарское ущелье въ настоящее время единственное мѣсто, гдѣ бываютъ частые и большіе снѣжные завалы, падающіе на самую дорогу. Въ особенности огромны бываютъ завалы съ утесовъ Кулагина и Маіоршина, называемыхъ съ давняго времени такъ потому, что подъ однимъ изъ нихъ погибъ, если не ошибаюсь, купецъ Кулагинъ, а подъ другимъ погребена жена неизвѣстнаго маіора, можетъ быть отставнаго, а можетъ быть и умершаго.

Завалы въ Байдарскомъ ущельи бываютъ иногда столь огромны, что заваливаютъ не только дорогу и Байдару, но перебрасываются на другой берегъ. Толщина снѣга бываетъ на дорогѣ столь велика, что образуются въ нѣсколько саженъ высоты снѣжныя стѣны, пока рабочіе дойдутъ до полотна дороги. Шириною завалы не бываютъ свыше 40—50 саженъ. Они падаютъ съ такою неожиданностію и стремительностію, что если проѣзжаешь подъ нимъ въ моментъ паденія, то погибель неизбѣжна. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы не было нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ.

Много было употреблено инженерами усилій и было произведено ими самыхъ точныхъ и подробныхъ изысканій, чтобы миновать Байдарскіе завалы, однако такого пути на этомъ пространствѣ не оказалось. Одно средство—устроить сводчатыя галлереи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падаютъ завалы. Но какой прочности должны быть эти сооруженія и какихъ огромныхъ точныхъ вычисленій, основанныхъ на продолжительныхъ наблюденіяхъ, потребуютъ онѣ, чтобы могли противустоять массѣ снѣга и камней, падающихъ съ высоты нѣсколькихъ тысячъ футъ, съ невообразимой быстротой и стремительностію. Существуютъ ли гдѣ-нибудь въ Европѣ такія мѣста? Кто не знаетъ, что пробиваются

[1]) По крайней мѣрѣ такъ было въ 1865 году, когда, оставляя Кавказъ, я проѣзжалъ по Военно-Грузинской дорогѣ въ послѣдній разъ.

тоннели черезъ горы? Вѣдь тоннель Кредо на Женево-Ліонской дорогѣ длиною около четырехъ верстъ. Замѣчательны также по своей длинѣ тоннели между Ольтеномъ и Базелемъ, а также между Нови и Генуей. Вѣдь прокладывается тоннель подъ горою Фрежюсъ длиною болѣе тринадцати верстъ [1]). Однако, сколько мнѣ извѣстно, не существуютъ сводчатыя галлереи противъ снѣжныхъ заваловъ, тѣмъ болѣе такихъ огромныхъ, какъ Кулагинъ и Маіоршинъ.

Да и гдѣ въ Европѣ на такой высотѣ встрѣчаются переѣзды черезъ горы, какъ Квинамскій перевалъ? Вѣдь онъ выше Монсенискаго и Симплонскаго переваловъ почти на двѣ тысячи футовъ. Слѣдовательно, и существованія такихъ страшныхъ заваловъ на нихъ не можетъ быть. Да и самое образованіе ущелій не то. Развѣ въ Альпахъ существуютъ такіе громадные гранитные гиганты, которыми обставлено Дарьяльское ущелье, или существуютъ такіе отвѣсы, которые возвышаются надъ Байдарой? Въ Альпахъ горы большею частью съ отлогими покатостями. Оттого тамъ такъ много глетчеровъ у подножія горъ, тогда какъ на Кавказѣ глетчеры находятся только на вершинахъ хребтовъ, какъ, напримѣръ, возлѣ Казбека и въ Осетіи по близости Рачи. Вѣдь глетчеры могутъ образоваться только тогда, когда снѣгъ сползаетъ съ вершинъ горъ по отлогимъ лощинамъ медленно, десятками лѣтъ, а можетъ быть и вѣками. Но въ Кавказскомъ хребтѣ такихъ горъ нѣтъ или весьма мало, а потому вмѣсто глетчеровъ весьма много заваловъ.

Однако, пора впередъ, тѣмъ болѣе, что до Тифлиса еще далеко. По переѣздѣ у Байдарскаго пріюта черезъ Байдару, тогда по жалкому деревянному, а теперь по прекрасному каменному мосту, дорога пролегала до Крестовой горы, хотя по ровному, но болотистому мѣсту. Много труда стоило, до устройства шоссе, чтобы пробраться черезъ это двухверстное пространство.

До устройства шоссе, дорога огибала Крестовую гору съ юго-западной стороны у самаго ея подножія, а потому проѣзжающіе были подвержены заваламъ и съ этой горы, получившей свое названіе отъ креста, здѣсь находящагося до перехода русскихъ въ Грузію, или нами поставленнаго—не знаю. Теперь же шоссе уклоняется въ сторону, а потому проѣзжающіе вовсе не обращаютъ вниманія на завалы, падающіе съ Крестовой горы.

Далѣе вы проѣзжаете по «Чортовой долинѣ», названной такъ, вѣроятно, потому, что злой духъ распоряжается здѣсь постоянно дующими сильными вѣтрами, въ особенности опасными во время метелей.

Наконецъ вы достигаете Гудъ-горы, прежде опасной и по крутому

---

[1]) Этотъ тоннель оконченъ въ 1866 году, съ котораго времени и производится безпрепятственное сообщеніе Савойи съ Піемонтомъ.

продолжительному подъему, и по заваламъ. Съ проложеніемъ же шоссе гораздо ниже прежней дороги и съ проведеніемъ въ верхнихъ частяхъ Гудъ-горы нарѣзовъ, параллельныхъ дорогѣ, завалы уже не безпокоятъ проѣзжающихъ, потому что они постепенно таютъ на нарѣзахъ, а если и обрушиваются, то перепрыгиваютъ черезъ дорогу въ бездонную пропасть. Настоящій переѣздъ подъ Гудъ-горою если и страшенъ, то только для тѣхъ, у которыхъ кружится голова, потому что дорога проходитъ по-прежнему надъ огромной пропастью, на днѣ которой шумитъ Арагва, берущая здѣсь невдалекѣ свое начало.

Сейчасъ за Гудъ-горой находится Гудаурская станція, выстроенная одновременно съ шоссе. Съ этой станціи, окруженной съ сѣверо-востока такими же лишенными всякой растительности горами, какъ и мѣстность, оставленная назади, виднѣются на западъ истоки Арагвы, пробѣгающей здѣсь въ глубокомъ ущельи, на днѣ котораго чернѣются купы деревьевъ. На югъ же круто вьются двѣ дороги, и вдали виднѣются нѣсколько жилыхъ мѣстъ, а еще далѣе—чернѣется лѣсъ.

Одна изъ этихъ дорогъ, лѣвая, есть та, по которой совершалось сообщеніе до 1860 года и по которой я ѣхалъ въ первый разъ въ Грузію. Она была крута и камениста. Станція Кайшауръ, отстоящая отъ Гудъ-горы въ шести верстахъ, была холодна, мала. Селеніе Кайшауръ, состоящее съ небольшимъ изъ десятка сакель, было бѣдно, грязно. Дорога отъ Кайшаура до Квишета на разстояніи пяти верстъ была мѣстами до безобразія камениста или страшно грязна, вязка; въ особенности былъ непріятенъ длинный, крутой спускъ къ самому Квишету, въ гололедицу же онъ былъ крайне опасенъ. На немъ случались частыя происшествія. Между прочимъ разсказываютъ про генерала Хрещатицкаго, что его карета, съ парою воловъ, запряженныхъ въ дышло, полетѣла въ кручу съ полугоры, въ то время, когда оторвалось отъ дышла нѣсколько паръ воловъ, впереди шедшихъ.

Другая дорога, правая, вьющаяся змѣей между нѣсколькими казармами на разстояніи четырехъ верстъ, нисходитъ по крутому обрыву къ Зимомлетамъ на Арагвѣ. Здѣсь новая почтовая станція вмѣсто Кайшаурской. Отъ Зимомлетъ до Квишета проведено по правую сторону Арагвы новое шоссе.

Дальнѣйшее путешествіе отъ Квишета черезъ Пасанауръ до Ананаура совершается по прежней безъ малѣйшаго усовершенствованія дорогѣ. Живописныя, хотя высокія, но не скалистыя горы, между которыми течетъ шумящая по каменистому ложу чистая Арагва, покрыты смѣшаннымъ лѣсомъ, преимущественно же лиственнымъ. На открытыхъ мѣстахъ ближе къ Арагвѣ большею частью по крутымъ покатостямъ находятся пашни и поля, засѣваемыя исключительно пшеницей и ячменемъ. Между полями и лѣсомъ возвышаются частыя грузинскія селенія.

Дома деревянные, нѣкоторые въ два этажа, съ плоскими крышами. На поляхъ пасется хотя не крупный, но здоровый и красивый рогатый скотъ, овцы и козы. Есть также лошади, хотя небольшія и некрасивыя, но сносныя для верховой ѣзды. Безъ верховой лошади и оружія не можетъ обойтись ни одинъ грузинъ. Онъ любитъ поджигитовать и пострѣлять. Однимъ словомъ, жизнь населенія верхней Арагвы несравненно лучше и богаче осетинъ, живущихъ въ горахъ.

Пасанауръ, отстоящій отъ Зимомлетъ въ двадцати, а отъ Квишета въ шестнадцати верстахъ, въ 1853 году былъ населенъ преимущественно солдатами, принадлежавшими къ составу военно-рабочей роты. Тутъ же было мѣстопребываніе дистанціоннаго начальника путей сообщенія. Кромѣ вновь строющейся церкви, новой почтовой станціи и дома начальника дистанціи, въ Пасанаурѣ не было ничего замѣчательнаго. Въ полуверстѣ отъ этого селенія находится Гудамакарское ущелье, по которому пролегала упоминаемая мною другая дорога на Семенову саклю, Буслачиръ и Георгіевское укрѣпленіе. Въ этомъ же ущельи, въ верстѣ отъ Пасанаура, находилось гудамакарское госпитальное отдѣленіе—мѣсто очень здоровое по своему расположенію.

Селеніе Ананауръ, отстоящее отъ Пасанаура тоже въ двадцати верстахъ, населено исключительно грузинами. Оно замѣчательно по своему древнему храму, выстроенному на возвышеніи. Кромѣ того, его краситъ новая почтовая станція.

Въ двухъ верстахъ отъ Ананаура находилась штабъ-квартира Кавказскаго линейнаго № 26 батальона. Тутъ же былъ небольшой поселокъ изъ женатыхъ нижнихъ чиновъ. Эта штабъ-квартира лишена многихъ удобствъ въ хозяйственномъ отношеніи. Не было ни пастбищъ, ни покосовъ; даже въ водѣ ощущался большой недостатокъ, потому что небольшая рѣчка, на которой она была построена, лѣтомъ пересыхаетъ, и вода въ ней дурнаго качества. Рѣка же Арагва отъ Ананаура далеко отходитъ отъ дороги къ горамъ. Не знаю, какія соображенія или разсчетъ руководили того, кто избралъ это мѣсто для штабъ-квартиры баталіона. Не лучше ли было расположить ее выше или ниже Ананаура на Арагвѣ?

Отъ Ананаура до Душета, на разстояніи четырнадцати верстъ и далѣе, на восемь верстъ за этотъ городъ, пролегаетъ теперь хорошее шоссе, но только съ крутыми заворотами. Это шоссе, открытое почти одновременно съ шоссе черезъ перевалъ, значительно ускорило переѣздъ путешественниковъ. Прежняя дорога, пролегая по горамъ и вязкому глинистому грунту, была весьма тяжела и продолжительна.

Старая дорога проходила черезъ самый городъ; шоссе же находится въ сторонѣ, что весьма не нравилось жителямъ, которые по этому случаю нѣсколько разъ обращались съ просьбою и даже въ злобѣ предсказывали, что сообщеніе по шоссе будетъ несравненно хуже прежней до-

роги. Однако, убѣдившись въ неосновательности своего предсказанія, сложились и построили шоссе отъ города къ станціи. Теперь вы переѣзжаете страшно вязкія, по глинистому грунту во время дождя, Душетскія горы въ какихъ-нибудь два часа; тогда какъ до устройства шоссе на этотъ переѣздъ нужно было употреблять втрое и болѣе времени.

Въ 1853 году, послѣ уѣзднаго города Душета, ничѣмъ не замѣчательнаго, кромѣ своей древности, слѣдующая почтовая станція была Гартискарская, окруженная одними духанами. Отъ этой станціи направлялась дорога на Гори и далѣе на Кутаисъ. Въ 1860 году Гартискарская почтовая станція упразднена и переведена въ Мцхетъ, а между Душетомъ и Мцхетомъ учреждена промежуточная станція Целканская, хотя выстроенная въ открытомъ полѣ, но не лишенная нѣкоторыхъ удобствъ и даже роскоши.

Дорога отъ Целканской станціи до Мцхета пролегаетъ по Арагвѣ, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Куру. Она не можетъ сравняться по живописности съ проѣханнымъ пространствомъ отъ Квишета до Душета, несмотря на то, что и на этомъ разстояніи часто встрѣчаются красивыя урочища, селенія и развалины.

Въ восемнадцати верстахъ отъ Тифлиса, при сліяніи Арагвы съ Курою, находится Мцхетъ. Въ то время, когда Тифлисъ былъ ничтожной деревней, Мцхетъ, получившій свое названіе отъ одного изъ сыновей Картлоса — родоначальника Кертвеловъ (по легендамъ грузинъ), считался столицей Грузіи. Не имѣя письменныхъ данныхъ, не могу сказать превосходилъ ли своимъ населеніемъ и красотой Мцхетъ въ то время, когда онъ былъ столицей, настолько деревню Тифлисъ, насколько этотъ городъ превосходитъ настоящую деревню Мцхетъ. Однако, судя по окружающимъ развалинамъ огромныхъ храмовъ, изъ коихъ одинъ находится въ самомъ Мцхетѣ, а другой возвышается на лѣвомъ берегу Арагвы и въ которомъ служба происходитъ въ день Покрова Пресвятой Богородицы, нужно полагать, что Мцхетъ въ свое время былъ огроменъ и красивъ. Теперь же онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ каменныхъ одноэтажныхъ, съ плоскими земляными крышами, домовъ, занятыхъ по преимуществу духанами или грузинскими постоялыми дворами.

Въ верстѣ отъ Мцхета перекинутъ черезъ Куру красивый каменный съ желѣзными перилами мостъ, построенный княземъ Воронцовымъ. Тутъ же возлѣ моста возвышается красивая почтовая станція, такой же архитектуры, какъ и всѣ другія станціи, находящіяся между Тифлисомъ и Владикавказомъ.

Отъ Мцхета дорога пролегаетъ по Курѣ и до Дигомскаго поля обставлена отвѣсными горами. Это семиверстное разстояніе, по причинѣ

частыхъ каменьевъ, выбоинъ и глубокихъ ямъ отъ большой ѣзды, составляетъ постоянно самую дурную часть дороги. Нельзя похвалить и шоссе по Дигомскому полю. Не знаю, по какимъ причинамъ не продолжено шоссе до Мцхета. Какъ бы оно дурно ни содержалось, но все-таки лучше было бы настоящаго состоянія дороги. Разумѣется, это не дѣлаетъ чести губернскому тифлисскому начальству, что оно не обращаетъ вниманія на улучшеніе дороги.

Дигомское поле принадлежало аристократу грузинскому по происхожденію и богатству, пріобрѣтенному имъ не всегда законными средствами, и на котораго много плакалось немощныхъ сосѣдей за его насильственный захватъ земель. Это тотъ самый князь, который, дѣйствуя въ 1855 году въ Гуріи и Имеретіи противъ Омера-Паши, съ сожженіемъ Маранскаго провіантскаго магазина, возвысилъ цѣну на хлѣ ъ до громадной цифры.

II.

Тифлисъ въ сентябрѣ 1853 года. Жизнь, нравы и обычаи грузинъ и армянъ.

Тифлисъ, будучи построенъ между горами, по обоимъ берегамъ Куры, невидимъ издали, съ которой бы стороны къ нему ни подъѣзжали.

Съ Дигомскаго поля, отстоящаго отъ Тифлиса въ девяти верстахъ, виднѣются нѣмецкая колонія, получившая свое начало лѣтъ сорокъ тому назадъ, да предмѣстья Куки и Авлабаръ. Куки построены на болѣе открытой мѣстности, Авлабаръ же находится на высокомъ лѣвомъ берегу Куры.

Главную же и красивую часть города, гдѣ находятся Головинскій проспектъ, Салалаки и другія лучшія улицы, закрываютъ Мта-Иминда и другія горы, образующія правый берегъ Куры. Однако, вы проѣхали Дигомское поле и еще нѣсколько верстъ по самому берегу Куры, но кромѣ колоніи ничего не видите; даже скрылись видѣнные вами до того Куки и Авлабаръ. Тифлисъ является передъ вами какъ будто-бы заколдованнымъ и убѣгаетъ отъ васъ или желаетъ васъ озадачить, какъ капризная красавица, своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Только безпрестанные духаны, частные сады, преимущественно засаженные виноградомъ, скрипъ множества встрѣчающихся на дорогѣ арбъ, крики, пѣсни, а подчасъ и зурна веселящихся по садамъ и со-

бравшихся возлѣ духановъ грузинъ—указываютъ на близость богатаго и населеннаго мѣста.

Вотъ вы поднялись по довольно крутому подъему; передъ вами «Духанъ слезъ», названный такъ потому, что въ немъ происходятъ послѣднія прощанья съ ѣдущими въ дальній и опасный путь за горы. Несмотря на то, что этотъ духанъ отстоитъ отъ лучшей части города не далѣе версты, а кромѣ красивой лабораторіи и еще нѣсколькихъ строеній, да крутаго оврага за горами, опять ничего не видите.

Переѣхавъ по мосту небольшую рѣчку, протекающую въ оврагѣ, покрытомъ красивыми садами, и называемую, Вѣрой вы опять начинаете подниматься въ гору. Здѣсь ваше вниманіе невольно заинтересовывается стоящимъ у дороги огромнымъ желѣзнымъ крестомъ. Онъ воздвигнутъ въ память чуднаго спасенія покойнаго императора Николая, когда, при выѣздѣ его изъ Тифлиса въ 1837 году, лошади понесли, и хотя экипажъ былъ опрокинутъ, но безъ дурныхъ послѣдствій для сѣдоковъ—императора и графа Орлова.

Поднявшись на гору, передъ вами предмѣстіе Вѣра. Улица, по которой вамъ приходится проѣзжать, не вполнѣ обстроена. По сторонамъ часто встрѣчаются пустыри или мѣста, обнесенныя заборами; много также кирпичныхъ заводовъ.

Наконецъ вы обогнули глубокій оврагъ, ниспадающій до Куры, и оставили за собою Колючую балку,—пріютъ бѣдности и разврата,—и передъ вами прямая, широкая, обставленная красивыми двухъ и трехъ-этажными зданіями улица. Длиною она болѣе версты. По правую ея сторону широкій, уложенный плитою и обсаженный деревьями бульваръ, наполненный гуляющими. Красивые экипажи, съ сидящими въ нихъ въ роскошныхъ туалетахъ дамами, безпрестанно мелькаютъ мимо васъ. Это Головинскій проспектъ, который для Тифлиса то же самое, что Невскій проспектъ для Петербурга.

Тифлисъ какъ по наружному своему виду, такъ и по внутренней своей жизни рѣзко раздѣляется на двѣ части. Все пространство, занятое имъ по обѣ стороны Куры: съ правой отъ Вѣры до черты, проведенной отъ Михайловскаго моста черезъ Эриванскую площадь до Ботаническаго сада, а съ лѣвой стороны отъ сада Муштанда до того же моста,—составляетъ новый городъ. Тутъ находятся Головинскій и Салалакскій проспекты, Вельяминовская и Ханская улицы, Александровская и Эриванская площади, на которыхъ уже въ 1853 году возвышались красивые дома и строились новые. Кромѣ того, проектировано много новыхъ улицъ, которыя покрыты были тогда садами, а въ настоящее время обстроены двухъ и трехъ-этажными красивыми каменными домами.

Эта часть города начала устраиваться со временъ Ермолова, когда

*

возникли многія казенныя зданія, къ числу которыхъ относится и домъ главнокомандующаго; въ особенности же эта часть исключительно украсилась частными домами при Головинѣ и князѣ Воронцовѣ. Первый способствовалъ къ украшенію Головинскаго проспекта, имя котораго онъ и носитъ; послѣдній создалъ огромный на Эриванской площади караванъ-сарай, гдѣ помѣщается театръ, и великолѣпный мостъ на Курѣ, называемый Михайловскимъ.

Предмѣстье же Куки, составляющее нынѣ лучшую часть Тифлиса по красотѣ и ровности своихъ построекъ, прямизмѣ и широтѣ своихъ улицъ, въ то время только-что проектированныхъ, уподоблялось богатому селу или уѣздному городу, гдѣ между хижинами, покрытыми соломою, камышомъ и дранью, или пустырями, обнесенными заборомъ, возвышались изрѣдка каменныя красивой архитектуры зданія.

Весь остальной Тифлисъ, лежащій къ юго-востоку отъ описаннаго, за исключеніемъ Навтлуга, составлялъ до 1800 года настоящую столицу Грузіи, когда со вступленіемъ нашихъ войскъ введено было тамъ наше правленіе. Извѣстно, что это было сдѣлано по просьбѣ царя Георгія XII, который съ своимъ царствомъ отдался подъ покровительство и защиту Россіи отъ терзавшихъ Грузію турокъ, персіянъ и лезгинъ. И дѣйствительно, Тифлисъ подвергался отъ нихъ частымъ нападеніямъ и разореніямъ. Еще въ 1795 году онъ подвергся нападенію персіянъ, и еще до сихъ поръ въ обычаѣ у народа праздновать въ первый день великаго поста изгнаніе персіянъ изъ своей столицы.

Въ старомъ Тифлисѣ находится много обращающаго на себя вниманія, и было бы непростительно пройти молчаніемъ о всемъ томъ, о чемъ буду говорить.

Сіонскій соборъ замѣчателенъ по своей древности, наружной архитектурѣ и внутренней живописи, возобновленной въ 1850 году, извѣстнымъ нашимъ художникомъ княземъ Гагаринымъ. Нельзя сказать, чтобы соборъ отличался своей величиной или возвышался бы особенно надъ прочими строеніями. Онъ, напротивъ, много теряетъ оттого, что углубленъ въ землю. Чтобы войти въ него, нужно спуститься по лѣстницѣ десятка въ два ступеней [1]).

Метехскій замокъ, построенный на скалистомъ лѣвомъ берегу Куры, принадлежитъ къ самымъ древнимъ сооруженіямъ грузинскихъ царей. Нынѣ въ немъ содержатся арестанты и политическіе преступники. Замокъ вооруженъ орудіями, могущими обстрѣливать городъ по разнымъ

---

[1]) Кто изъ читателей пожелаетъ имѣть объ этомъ храмѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, совѣтую прочесть статью покойнаго графа В. А. Соллогуба. Томъ V сочиненій этого писателя. Стр. 372—385.

направленіямъ. Изъ нихъ производится салютаціонная пальба во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Караванъ-сарай замѣчательный по своей древности, огромности и безчисленному множеству большихъ и малыхъ лавокъ. До построенія караванъ-сараевъ Тамамшева и Арцруни, въ немъ сосредоточивалась вся торговля оптовая и розничная. Теперь же въ немъ производится торговля разными мелкими товарами, преимущественно азіатскими и для простаго народа. Уподобляясь въ этомъ отношеніи нашему любому губернскому гостиному двору, онъ различается отъ него только тѣмъ, что рядомъ съ продажею предметовъ первой потребности находятся и всякаго рода ремесленныя заведенія. Тутъ вы найдете: портныхъ, сапожниковъ, башмачниковъ, шапочниковъ, сѣдельниковъ, столяровъ, паяльщиковъ, лудильщиковъ и разныхъ другихъ мастерствъ людей, произведенія которыхъ развѣшены въ темныхъ лавочкахъ, снаружи открытыхъ. Тутъ же найдете лавочки для утоленія голода и жажды съ тѣми же произведеніями, какъ и всѣ прочіе духаны, а именно: съ кислымъ кахетинскимъ виномъ, хранящимся въ огромныхъ бурдюкахъ, всегда черствыми чуреками, грязными лавашами, ржавымъ балыкомъ и съ заплѣсневѣлой икрой, безъ которыхъ существованіе грузина немыслимо.

Не менѣе замѣчательную и оригинальную особенность Тифлиса составляютъ бани, выстроенныя надъ горячими сѣрными источниками разныхъ наименованій. Есть бани Бебутовскія, Меликовскія, есть и казенныя, выстроенныя надъ самымъ горячимъ источникомъ, температура котораго по Реомюру достигаетъ 32 градусовъ. Всѣ бани сгруппированы между Метехой, Майданомъ и Кала или старою крѣпостію, на томъ мѣстѣ, гдѣ находятся горячіе источники, отъ которыхъ и городъ получилъ свое названіе, потому что на татарскомъ языкѣ Тепли-су значитъ—горячая вода.

Тифлисскія бани разнятся отъ нашихъ русскихъ устройствомъ, одинаковой степенью температуры, во всякое время дня и года, и способомъ въ нихъ мытья. Банщики преимущественно персіане, — не только съ особеннымъ искусствомъ, умѣющіе обдавать васъ мыломъ и тереть, но если желаете, то помнутъ ваши члены и прогуляются на корточкахъ по разнымъ направленіямъ вашего тѣла.

Бани для женскаго пола средняго грузинскаго сословія составляютъ высшее развлеченіе и удовольствіе. Будучи стѣснены строгими обычаями восточной семейной жизни, женщины изыскиваютъ передъ мужьями, родителями и родственниками разныя средства, чтобы почаще бывать въ банѣ, сговариваются съ своими подругами и такимъ образомъ проводятъ и посвящаютъ въ нихъ цѣлые часы «лапаракамъ» или разговорамъ и пересудамъ. А грузинки способны поболтать и по-

сплетничать не менѣе нашихъ кумушекъ, что́ имъ болѣе простительно, потому что онѣ несравненно болѣе испытываютъ стѣсненій и менѣе свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, нежели нашъ прекрасный полъ.

Возлѣ бань находится кварталъ, исключительно заселенный персіанами. Изъ нихъ много искусныхъ каменщиковъ и лѣпныхъ мастеровъ, умѣющихъ узорчато и фигурно украшать потолки и стѣны разноцвѣтными стеклышками и выступами. Такія комнаты находятся почти въ каждомъ богатомъ домѣ и по своей отдѣлкѣ и меблировкѣ именуются персидскими.

По близости отъ бань находится Майданъ и Кала или крѣпость. Первая—небольшая площадка, на которой совершались во времена грузинскихъ царей наказанія и казни преступниковъ; теперь же Майданъ—базарная площадь, всегда уставленная разными жизненными предметами первой потребности, и всегда полная народомъ, такъ что съ трудомъ проѣзжаешь по ней въ экипажѣ.

Кала или крѣпость находилась на югъ отъ бань и Майдана, на покатости горы, на которой теперь находится ботаническій садъ, замѣчательный по многимъ въ немъ рѣдкимъ растеніямъ. Она служила убѣжищемъ для народа въ крайнихъ случаяхъ и была обнесена стѣной, фланкируемою башнями, остатки которой видны и по настоящее время. Со вступленіемъ же въ Тифлисъ русскихъ войскъ совершенно утратила свое значеніе. До 1846 года помѣщались въ ней пороховые погреба; но когда отъ громоваго удара послѣдовалъ взрывъ одного изъ нихъ, то и въ этомъ отношеніи она оказалась безполезною.

Старый Тифлисъ тѣсенъ, мраченъ, грязенъ. Улицы въ немъ узкія, кривыя; площадки небольшія, неправильныя, дома съ плоскими деревянными или земляными крышами, окнами, преимущественно обращенными на дворы, весьма малые и всегда грязные.

Новый Тифлисъ напротивъ состоитъ изъ прямыхъ, широкихъ улицъ; большихъ хорошо обстроенныхъ площадей; дома въ немъ двухъ и трехъ этажные, красивой архитектуры съ желѣзными крышами. Кромѣ чисто содержимыхъ дворовъ, много садовъ, въ особенности же на Кукахъ. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ назадъ и на улицахъ новаго Тифлиса, осенью и зимою, часто бывала непроходимая грязь, потому что и онѣ не были вымощены, но теперь это миновалось.

Новый Тифлисъ можетъ считаться вполнѣ европейскимъ городомъ какъ по наружному виду, такъ и по образу жизни его обитателей. Въ высокихъ обклеенныхъ богатыми обоями гостиныхъ, вмѣсто тахтъ, разставлены мягкіе на пружинахъ и обитые дорогой матеріей диваны и кресла; темные дарбазы замѣнены большими свѣтлыми съ паркетными полами залами. Есть даже роскошные будуары, съ богатыми трюмо,

разными бездѣлушками и цвѣтами, о которыхъ не только обыкновенныя грузинки, но царевны прежде не имѣли никакого понятія.

Въ новомъ городѣ «тасакрави и личаки», составляющія головной уборъ грузинокъ, довольно рѣдки; на чадры же полежительное изгнаніе; чухи и остроконечныя бараньи шапки тоже очень рѣдки. Все это весьма естественно, потому что въ новомъ Тифлисѣ живетъ по преимуществу русское населеніе, принадлежащее къ военному сословію, или къ гражданской администраціи. Живущее же здѣсь высшее грузинское или армянское дворянство тоже усвоило костюмъ и образъ жизни европейскій. И оно старается если не перещеголять, то не отстать отъ русскихъ, въ убранствѣ комнатъ, красотѣ экипажей и пышности туалетовъ.

Совсѣмъ другимъ является въ этомъ отношеніи старый Тифлисъ. Тамъ по преимуществу вы встрѣчаете разноцвѣтныя тасакрави и раздувающіяся вѣтромъ, легкія, бѣлыя личаки, или покрывала, закрывающія черные волосы и смуглыя личики, часто очень красивенькія. Тамъ вы безпрестанно сталкиваетесь какъ съ привидѣніями, съ женщинами, закутанными съ головы до ногъ въ бѣлыя коленкоровыя покрывала, называемыя «чадрами».

Грузинки, съ искусствомъ закутываясь въ эти чадры, умѣютъ заинтересовать ваше воображеніе своими черными глазами и стройнымъ граціознымъ станомъ. Но въ этомъ вы большею частію разочаровываетесь, встрѣчая или старость, или безобразіе,—что очень естественно, потому что молодости и красотѣ нѣтъ причины скрываться.

Не рѣже чадръ встрѣчаются «чухи» и барашковыя шапки на подобіе персидскихъ, но не столь высокія. Этотъ по моему мнѣнію уродливый костюмъ грузинъ, въ особенности безобразенъ, если онъ надѣтъ на толстомъ мужчинѣ, и если вѣтеръ раскидываетъ и хлещетъ длинными откидными рукавами его чухи, уподобляющейся польскому кунтушу. Вообще нужно замѣтить, что мужской грузинскій костюмъ схожъ съ древнимъ польскимъ.

Проходя или проѣзжая по узкимъ улицамъ стараго Тифлиса, не услышите игры на фортепіано, а тѣмъ болѣе пѣнія романсовъ или арій. Но зато вашъ слухъ зачастую терзаютъ раздирающая зурна съ бубнами и оглушительное пѣніе, продолжающееся нѣсколько секундъ на одну ноту. Чѣмъ пѣніе крикливѣе и монотоннѣе, тѣмъ болѣе оно восхищаетъ слушателей. Извѣстный персидскій пѣвецъ Сатаръ, восхищавшій грузинъ своимъ пѣніемъ, бралъ тѣмъ только, что, имѣя огромный голосъ, неистово кричалъ.

Да и зурна—не что иное, какъ страшно пронзительный гудокъ, который можетъ быть терпимъ только на открытомъ воздухѣ и веселить толпу во время переѣздовъ. Но нужно имѣть бараньи уши, чтобы заставлять играть зурнача въ комнатѣ и слушать его по нѣскольку

часовъ, какъ это дѣлаютъ истые любители. Да и чунгура, болѣе тихій инструментъ и служащій аккомпаниментомъ для пѣнія, ничего не имѣетъ гармоническаго. Чунгура по устройству своему уподобляется бабалайкѣ, но только съ металлическими струнами, ея же звуки уподобляются фаготнымъ.

Только въ старомъ Тифлисѣ вы можете встрѣтить пляску подъ бубенъ, а и того болѣе—подъ зурну на крышѣ дома, потому что только въ этой части города находятся плоскія земляныя крыши.

Хотя я порицалъ и зурну, и пѣніе грузинъ, но лезгинка, единственный и общеупотребительный ихъ танецъ, не лишенъ граціи и привлекательности. Нужно по истинѣ сказать, что сколько грузины ловкіе и лихіе наѣздники, столько грузинки граціозны въ танцахъ и вообще въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Но не ждите отъ нихъ любезности. На всѣ ваши вопросы будутъ односложные отвѣты. Это соотвѣтствуетъ ихъ образу жизни, потому что семейная жизнь грузинъ не далеко опередила мусульманскій востокъ.

Въ этомъ отношеніи еще ниже грузинъ стоятъ—армяне. Женщины далеко не красивѣе и не граціознѣе грузинокъ. Мужчины, хотя грязнѣе, однако далеко умнѣе и спекулятивнѣе грузинъ. Главные богачи и хозяева Тифлиса армяне; въ ихъ рукахъ сосредоточивается вся торговля. Грузины болѣе легкомысленны, вѣтрены, тщеславны и расточительны; армяне болѣе смышлены, сообразительны, серьезны, разсчетливы и даже скупы. На пріобрѣтеніе и барыши у армянина нѣтъ преградъ; ради денегъ онъ рѣшится на всякій поступокъ.

Въ Тифлисѣ апрѣль — весною, сентябрь и октябрь—осенью считаются самымъ лучшимъ временемъ года. Теплота въ эти мѣсяцы самая умѣренная и пріятная, не свыше двадцати градусовъ по Реомюру. Нѣтъ той удушающей жары, которая существуетъ лѣтомъ, и въ особенности въ іюнѣ и іюлѣ, когда она (въ тѣни) бываетъ свыше тридцати градусовъ. Воздухъ свѣжъ, ясенъ, легокъ. Та мгла и густота въ воздухѣ, которая въ продолженіе лѣта давитъ на голову и мозгъ и раздражаетъ ваши нервы, не существуетъ. Нѣтъ большихъ вѣтровъ, которые столь сильны и непріятны въ мартѣ и декабрѣ.

Сады, изобильные въ особенности виноградниками, черешнями и персиковыми деревьями, въ апрѣлѣ и сентябрѣ исключительно роскошны. Возобновленная природа и растительное царство въ апрѣлѣ дышетъ полною жизнію и издаетъ душистый ароматъ изъ распускающихся бутоновъ. Въ сентябрѣ—все манитъ своею зрѣлостію. На виноградныхъ лозахъ вы видите огромные янтарные, бѣлые, темные розовые гроздья. Гранатныя, миндальныя, персиковыя и инжирныя деревья привлекаютъ васъ яркостію цвѣта и сочностію своихъ плодовъ. Яблоки, груши и

сливы оставляются безъ вниманія, потому что другіе плоды сочнѣе и вкуснѣе ихъ.

По этимъ причинамъ тифлисскіе сады въ апрѣлѣ и сентябрѣ исключительно бываютъ оживлены. Въ эти мѣсяцы въ садахъ даются безпрестанные обѣды и пикники. Въ нихъ раздается не только гудѣніе зурны, смѣшанное съ бубномъ, и крикливое монотонное пѣніе грузинъ, но слышится оркестръ полковой музыки или раздаются веселыя хоровыя военныя пѣсни. Тутъ же съ лезгинкой слышите сентиментальный кадриль или быструю польку и галопъ. Тутъ же видите, что съ бозбашемъ, чехиртмой, пловомъ и шашлыкомъ подаются ботвинья съ лососиной, которая въ особенности вкусна въ Курѣ, ростбивъ и разные соусы и пирожныя. Такая смѣсь азіатскаго съ европейскимъ допускается въ тѣхъ только грузинскихъ обѣдахъ, когда гостями бываютъ и русскіе. Въ такихъ обѣдахъ не изгнаны столы и стулья, а равно иностранное вино, не исключая и шампанскаго.

Истый же грузинскій и армянскій обѣдъ совершается безъ столовъ и стульевъ, даже скатерть не всегда разстилается и не всегда употребляются тарелки, ножи и вилки. Такъ какъ яства состоятъ изъ зелени, сыру, балыка, икры, шашлыка, плова или сваренаго риса съ курицей, бараниной, изюмомъ и шафраномъ,—отварной рыбы, говядины и разной птицы, и какъ все это подается на небольшихъ низенькихъ столикахъ разрѣзаннымъ на небольшіе куски, то въ ножахъ и вилкахъ надобности не имѣется. Не употребляется также и салфетокъ; ихъ замѣняютъ «лаваши». Это не что иное, какъ тонкіе огромные блины, съ которыми ѣдятъ пловъ и другія жирныя кушанья, отирая о нихъ руки и бороду. Вмѣсто нашего хлѣба подаются «чуреки»—сухія и невкусныя изъ пшеничной и кукурузной муки лепешки или коврижки. Тарелки и ложки употребляются только въ тѣхъ случаяхъ, когда подаются «бозбашъ» или «чехиртма»—эти густые супы или соусы.

За такими яствами, сидя поджавши ноги крестообразно подъ себя, или лежа подобно древнимъ грекамъ или римлянамъ, выпивается огромное количество кахетинскаго вина. Оно пьется изъ азарпешъ или турьихъ роговъ, которые иногда бываютъ столь огромны, что вмѣщаютъ въ себя по полтунгѣ и болѣе. Одинъ изъ присутствующихъ, могущій много пить и краснобаить, избирается за «тулумбаша» или распорядителя. Онъ провозглашаетъ тосты, напоминаетъ мало пьющимъ и, какъ за это, такъ и за нарушеніе порядка, назначаетъ штрафъ, заключающійся въ выпитіи лишней азарпеши или турьяго рога. Тосты провозглашаются по порядку, начиная со старшаго, или по усмотрѣнію тулумбаша и въ такомъ случаѣ съ прибавленіемъ слова Аллаверды. За настоящими грузинскими и армянскими обѣдами женщины не присутствуютъ, а обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ.

Очертивъ Тифлисъ и коснувшись нравовъ, обычаевъ и образа жизни грузинъ и армянъ, обращаюсь къ тифлисскому начальнику. Не упущу изъ виду и всего того, что случилось со мною заслуживающаго вниманія, во время кратковременнаго моего пребыванія въ Тифлисѣ.

На другой день послѣ пріѣзда, я отправился къ князю Барятинскому, который принялъ меня, отдѣльно отъ прочихъ представляющихся, очень ласково и привѣтливо. Онъ мнѣ объявилъ, что я назначаюсь въ распоряженіе князя Бебутова, командующаго войсками на турецкой границѣ, и безъ промедленія долженъ отправиться къ нему въ Гурію. Это назначеніе меня очень обрадовало, потому что я избавлялся въ прямомъ смыслѣ отъ службы въ главномъ штабѣ.

Въ этотъ же день я представился коменданту генералу Роту, дежурному штабъ-офицеру, полковнику Кузьмину, и исправляющему должность оберъ-квартирмейстера, полковнику Стиминскому.

Генералъ Ротъ, прославившій себя защитой укрѣпленія Ахты, въ южномъ Дагестанѣ въ 1847 году противъ огромныхъ полчищъ Шамиля, несмотря на свои преклонныя лѣта, былъ лихимъ кавалеристомъ и, хотя не всегда толковымъ, но дѣятельнымъ исполнителемъ. Онъ былъ нѣмецъ въ душѣ и, несмотря на свою сорокалѣтнюю службу, изъ коихъ большую часть провелъ на Кавказѣ, не вполнѣ усвоилъ привычки солдата и даже не совсѣмъ правильно выражался по-русски.

Что же касается двухъ другихъ личностей, то они не заслуживаютъ особеннаго вниманія, чтобы о нихъ распространяться.

Скажу только, что первый былъ бездаренъ, безпамятенъ и выжившій изъ лѣтъ. Онъ выслужился до чина полковника и столь важнаго и почетнаго мѣста изъ писарей, черезъ точную исполнительность, поддакиванье кстати и некстати и низкопоклонство. Второй исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера, какъ старшій въ чинѣ. Настоящимъ же оберъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Вольфъ, который по случаю назначенія Павла Евстафьевича Коцебу начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и смерти Гогеля, бывшаго помощникомъ до назначенія князя Барятинскаго, соединялъ въ одномъ своемъ лицѣ все управленіе главнымъ штабомъ.

Сколько мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи генералъ Вольфъ дѣйствовалъ не вполнѣ практично. По самолюбію своему желая доказать, что можно управлять такой сложной машиной, какъ Кавказскій главный штабъ, безъ способныхъ помощниковъ, онъ, несмотря на свои способности и полное знаніе края, достигъ этого только въ половину. Въ текущей перепискѣ не было застоя, тѣмъ болѣе, что самъ Вольфъ мастерски владѣлъ перомъ. Но нельзя сказать, чтобы всѣ сложныя дѣла зрѣло обдумывались и направлялись по истинному пути. Притомъ Вольфъ былъ не начальникомъ штаба, а истымъ бюрократомъ и каби-

нетнымъ дѣятелемъ. Онъ избѣгалъ всѣхъ пріемовъ, никуда не выѣзжалъ и нигдѣ не показывался.

Въ Тифлисѣ одинъ острякъ на вопросъ: видѣлъ ли онъ начальника штаба, отвѣчалъ:

— Да развѣ Коцебу не уѣхалъ изъ Тифлиса?

— Нѣтъ не Коцебу, а Вольфа?

— Мнѣ сказали, что Вольфъ—миѳъ.

Представлялся главнокомандующему, — не помню хорошо, было ли это во вторникъ или субботу. Эти дни у князя Воронцова были пріемными, и къ полудню собирались въ его домъ, называемый «дворцомъ», военные генералы, гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ, начальники отдѣльныхъ частей, тифлисскіе дворяне, разные просители и всѣ штабъ- и оберъ-офицеры, а также классные чиновники, прибывающіе въ Тифлисъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ. Послѣдніе, въ числѣ которыхъ и я находился, выстроились въ шеренгу по старшинству чиновъ и были представлены комендантомъ. Все прочее размѣщалось группами, гдѣ было удобнѣе и пріятнѣе.

Это собраніе тифлисскихъ властей было шумно. Говоръ и смѣхъ не прекращались даже во время нахожденія князя Воронцова въ залѣ, и болѣе всего шумѣли адъютанты и состоящіе при князѣ по особымъ порученіямъ. Это показалось мнѣ страннымъ, и я спросилъ у одного изъ моихъ знакомыхъ: всегда ли пріемы бываютъ такъ шумны и безпорядочны? На что и получилъ положительный отвѣтъ.

Князь Воронцовъ, переговоривъ о дѣлахъ съ кѣмъ нужно было и полюбезничавъ съ кѣмъ желалъ, отправлялся въ особую комнату, гдѣ принималъ разныхъ сословій просителей и просительницъ, предварительно разспрошенныхъ чиновникомъ особыхъ порученій. Тутъ присутствовали начальникъ гражданскаго управленія — Щербининъ и начальникъ главнаго штаба. Тутъ же находились словесные переводчики грузинскаго, армянскаго, татарскаго и персидскаго языковъ, на тотъ случай, если князю угодно было говорить съ кѣмъ-нибудь изъ просителей или просительницъ.

На выходѣ у князя Воронцова я въ первый разъ увидѣлъ генераловъ Реада, Реута и князя Андроникова, этихъ высшихъ правительственныхъ лицъ.

Реадъ состоялъ при главнокомандующемъ въ качествѣ инспектора войскъ и, будучи старшимъ послѣ него на Кавказѣ, готовился съ отъѣздомъ Воронцова за границу, управлять краемъ. Это тотъ самый, когда-то красивый, но тогда удрученный не столько лѣтами, сколько разгульною жизнью Реадъ, который извѣстенъ былъ, какъ лихой кавалеристъ, волокита и bon vivant. Это тотъ самый Реадъ, который 4-го августа 1855 года въ сраженіи на Черной рѣчкѣ былъ убитъ.

Реутъ, прослуживши болѣе сорока лѣтъ въ военной службѣ и преимущественно на Кавказѣ, послѣдніе годы своей жизни былъ начальникомъ гражданскаго управленія. Въ его скромное тихое управленіе, по гражданской администраціи хотя не сдѣлано было усовершенствованій, но были допущены если не злоупотребленія, то послабленія. При немъ возникли жалобы и произошли безпорядки между тифлисскими жителями за дурную говядину, главнымъ поставщикомъ которой былъ докторъ Андріевскій, отъ котораго зависѣло здоровье князя Воронцова и спокойствіе города Тифлиса.

Князь Андрониковъ, губернаторъ Тифлисской губерніи, мало понимавшій въ администраціи, если и былъ полезенъ, то развѣ только для своего имѣнія Кодалъ. Даже созданное имъ поселеніе Гавазы было болѣе обременительно для лезгинской линіи, нежели полезно. Прославившія его побѣды подъ Ахалцыхомъ, въ 1853 году, и на Чолохѣ, въ Гуріи, въ 1854 году, были не столько слѣдствіемъ обдуманныхъ соображеній и зрѣлой съ его стороны распорядительности, сколько счастья, стойкости войскъ и распорядительности частныхъ начальниковъ.

Тутъ же на пріемѣ у князя Воронцова, кромѣ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, я увидѣлъ двухъ камергеровъ: одного—литератора-юмориста, нынѣ умершаго, сочиненія котораго въ моей молодости читались съ особеннымъ удовольствіемъ; другаго—существующаго понынѣ и занимающаго одно изъ высшихъ въ государствѣ мѣстъ. Сколько первый былъ любезенъ, веселъ, остеръ, изобрѣтателенъ на разныя милыя удовольствія, столько послѣдній былъ серьезенъ, важенъ и холоденъ. Въ то время оба камергера состояли по особымъ порученіямъ, слѣдовательно, кругъ дѣятельности ихъ былъ самый ограниченный, и ихъ занятія преимущественно зависѣли отъ нихъ самихъ.

Вечеромъ былъ въ театрѣ, находящемся въ караванъ-сараѣ Тамамшева, на Эриванской площади. Онъ не великъ, но замѣчателенъ своей красивой внутренней отдѣлкой, исполненной подъ руководствомъ нашего извѣстнаго художника князя Гагарина.

Кромѣ итальянской оперы, преимущественно посѣщаемой высшимъ тифлисскимъ обществомъ, давались еще представленія русскими и грузинскими актерами.

Несмотря на все стараніе истыхъ грузинъ и самого князя Воронцова поддержать грузинскій театръ, онъ шелъ плохо и держался очень не долго,—что очень естественно, потому что репертуаръ грузинскихъ пьесъ совершенно ничтоженъ, а актеры не пріучены и, пожалуй, неспособны къ сценическому искусству. Наша музыка не подходитъ къ пѣнію грузинъ, а зурна, бубенъ и чунгура слишкомъ рѣзки и монотонны.

Русскіе водевили и комедіи разыгрывались тоже не вполнѣ удовлетворительно, по небольшому составу и неискусству актеровъ. Только

танцы и красивыя личики Шишпторовой и Цукановой заманивали публику на русскія представленія.

Но зато итальянская опера не имѣла недостатка въ посѣтителяхъ, и театръ блестѣлъ роскошными европейскими туалетами и разноцвѣтными тасакрави красивыхъ грузинокъ. Послѣднія посѣщали оперу не столько изъ любви къ искусству и музыкѣ, сколько потому, чтобы не отстать отъ прочихъ, показать себя и угодить князю Воронцову. Всѣ ложи были абонированы высшими семейными домами, а первые ряды креселъ—тифлисскою молодежью, которая, раздѣляясь на партіи, оглушала театръ аплодисментами, неистовыми криками, а подчасъ и шиканьемъ.

Въ то время лучшими и любимыми актрисами и актерами публики были: примадонна Рамони и мужъ ея—баритонъ, теноръ Фискети и контръ-альтъ Васоли. Послѣдняя, хотя не обладала большимъ голосомъ, но имѣла милыя манеры и была не дурна собой. Поэтому партія васолистовъ была если не болѣе по числительности, то громогласнѣе, потому что состояла изъ молодежи, которая не жалѣла ни рукъ при аплодисментахъ, ни горла при крикахъ fora и bravo.

Вообще нужно сказать, что составъ итальянской оперы и оркестръ были весьма хороши, и что князь Воронцовъ не жалѣлъ денегъ. Но, несмотря на постоянно большой сборъ, былъ всегда огромный дефицитъ по содержанію итальянской труппы.

Театръ особенно былъ полонъ и оживленъ, потому что давали въ первый разъ «Риголетто», гдѣ въ роли шута былъ очень хорошъ Рамони. Тутъ я увидѣлъ весь тифлисскій beau-monde въ роскошныхъ туалетахъ. Мой же знакомый Ходзько, любившій поговорить въ свободное время отъ математическихъ вычисленій тригонометрической сѣти и молчаливыхъ бесѣдъ съ небесными свѣтилами, ознакомилъ меня съ земными тифлисскими звѣздами и кометами.

Кромѣ княгини Воронцовой и родственницы ея графини Шуазель-Гуфье, урожденной Нарышкиной, отжившей красавицы и большой ханжи, я увидѣлъ княгинь: Елену Э*, Манану О* съ дочерью, Марію Ивановну О* съ дочерью, княгинь Анну и Варвару Ильиничнъ и Анету М*. Все это составляло грузинскую аристократію, славилось красотой, жило свыше своихъ средствъ, и нельзя сказать, чтобы отличалось своей скромной, безукоризненной жизнью.

Елена Э*, вдова, нестолько отличалась своей красотой, сколько любезностію. Одинъ старецъ-аристократъ былъ страстнымъ ея поклонникомъ и просиживалъ у ней часы, забывая для нея и свой санъ, и дѣла края. Для нея онъ все готовъ былъ сдѣлать. Но къ чести ея нужно сказать, что она не употребляла во зло любовь и довѣріе своего владыки.

Съ оставленіемъ этимъ сановникомъ Тифлиса, она снова облеклась въ грузинскій костюмъ и сдѣлалась совершенной затворницей.

Манана, несмотря на то, что перешагнула за четвертый десятокъ своей жизни, сохранила еще слѣды своей красоты, извѣстной во всей Грузіи. Дочь ея была замужемъ за княземъ Г*, а красивый сынъ былъ флигель-адъютантомъ.

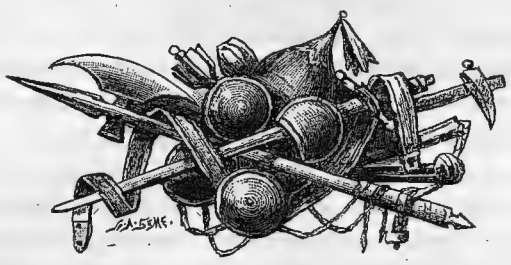
Марія Ивановна О* та самая, которая еще въ 1842 году плѣнила своей красотой одного изъ вельможъ, та самая, мужъ которой назывался ея именемъ, а именно «мужемъ Маріи Ивановны»—та самая, дочь которой была женою одного изъ вельможъ-аристократовъ.

Анна и Варвара Ильиничны, урожденныя княжны грузинскія, извѣстныя не столько красотой, сколько изящностію манеръ и любезстію—суть тѣ самыя, которыя черезъ годъ были плѣнницами Шамиля.

Наконецъ Анета М* красивая, стройная, страстная, увлекательная,—любовь одного изъ начальствующихъ аристократовъ, хотя тоже страстная, но не продолжительная.

Но тутъ же, въ театрѣ съ красотой, изяществомъ формъ и граціозностью манеръ перемѣшивалось и безобразіе. Въ особенности бросались въ глаза огромные грузинскіе и армянскіе носы. Въ числѣ такихъ типическихъ личностей поразила меня въ особенности одна. Не только огромность носа, но ростъ и атлетическія формы всего ея сложенія невольно обращали на себя вниманіе каждаго. Она включена была въ число кавалерственныхъ дамъ ордена св. Екатерины и, если носила этотъ почетный знакъ на своемъ плечѣ, то обязана была своему происхожденію изъ дома Багратидовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXVI [1]).

О Николаѣ Ивановичѣ Надеждинѣ.

Кромѣ патріотизма или лучше патріотическаго хвастовства, общаго для всѣхъ лицъ вообще, принадлежащихъ къ какому-либо государству, есть еще разнаго рода мѣстныя, такъ сказать, патріотическія хвастовства. Любятъ похвастаться и своею губерніей, и своимъ уѣздомъ, и своею деревнею, и своимъ сословіемъ, и училищемъ, мѣстомъ своего воспитанія. Всякій такого рода патріотизмъ старается въ своей мѣстности отыскать въ прошедшемъ и въ настоящемъ какого-либо генія, которымъ можно было бы похвалиться. Такимъ геніемъ для духовенства Рязанской епархіи служитъ Николай Ивановичъ Надеждинъ, бывшій профессоромъ Московскаго университета, редакторомъ журналовъ «Телескопа» и министерства внутреннихъ дѣлъ и чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И нынѣ еще старые рязанскіе священники, при разговорахъ о немъ, любятъ восхищаться его геніальностію; разсказы о немъ иногда принимаютъ даже легендарный характеръ.

Онъ былъ сыномъ священника Зарайскаго уѣзда, села Спасоомути въ ста пяти верстахъ отъ Московско-Рязанской желѣзной

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1893 г., октябрь.

дороги. Какъ бойкій и даровитый ребенокъ, онъ скоро выучился церковной и гражданской грамотѣ, и часто читалъ разные псалмы и молитвы въ церкви. Отецъ, видя такіе таланты въ сынѣ, подумалъ, что нѣтъ надобности отдавать его въ семинарію, счелъ за лучшее пристроить его дьячкомъ въ своемъ селѣ и явился вмѣстѣ съ нимъ къ тогдашнему архіерею Ѳеофилакту, чтобы просить о дьячковскомъ мѣстѣ. Это происходило въ 1815 году или около того. До сихъ поръ сохранилось преданіе, что будто бы прошеніе къ владыкѣ было написано не то что правильными стихами, а какъ бы риѳмованными строками—произведеніемъ самого Надеждина, который тогда имѣлъ никакъ не болѣе 12 лѣтъ. Архіерей, прочитавши такую оригинальную просьбу, спросилъ отца о томъ, кто сочинилъ ее. Отецъ, разумѣется, не сталъ скрывать автора, надѣясь, вѣроятно, чрезъ это расположить къ нему владыку. Ѳеофилактъ вступилъ въ разговоръ съ Надеждинымъ, и по его живымъ и выразительнымъ глазамъ, по его бойкой рѣчи, по его мѣткимъ и остроумнымъ отвѣтамъ увидѣлъ, что изъ этого мальчугана можетъ быть нѣчто получше причетника Спасоомутской церкви. Владыка побранилъ отца за то, что онъ съ такою способностію къ ученью мальчика хочетъ приготовить къ дьячковскому мѣсту.

— Изъ него, прибавилъ будто-бы владыка, со временемъ выйдетъ человѣкъ поумнѣе и тебя и меня.

Отецъ сталъ оправдываться бѣдностію, какъ обыкновенно поступали въ то время и послѣ духовныя лица; Ѳеофилактъ уладилъ дѣло такъ, что мѣсто предоставлено для пользованія доходами Надеждину, который, какъ слышалъ я, владѣлъ имъ, обучаясь даже въ Московской духовной академіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ велѣлъ записать его въ число учениковъ Рязанскаго училища и взялъ подъ особое свое покровительство. Несмотря на свою даровитость, Надеждинъ съ перваго раза не былъ такъ хорошо подготовленъ, какъ товарищи, съ которыми ему пришлось вмѣстѣ учиться. Поэтому его отдали подъ надзоръ лучшихъ учениковъ семинаріи; одинъ изъ нихъ, теперешній протоіерей Рязанскаго дѣвичьяго монастыря А. Д. Модестовъ былъ обязанъ учить мальчугана греческому языку и еженедѣльно докладывать владыкѣ объ успѣхахъ своего питомца. Надеждину при его дѣйствительно замѣ-

чательныхъ способностяхъ не трудно было сравняться со своими товарищами; чрезъ годъ, или не много болѣе, онъ поступилъ уже въ семинарію и, поучившись здѣсь четыре года въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, посланъ былъ въ Московскую духовную академію. Такимъ образомъ весь его училищно-семинарскій и академическій курсы продолжались только девять лѣтъ, тогда какъ года три тому назадъ по обыкновенному ходу дѣлъ нужно было для этого поучиться 16 лѣтъ.

Отличаясь умственными способностями, Надеждинъ не менѣе отличался въ семинаріи и своею шаловливостію. Въ первые два года моего обученія въ Рязани и даже послѣ того, попадались еще очень многіе семинаристы, которые помнили, какъ онъ еще учился въ Рязани, и всѣ единогласно говорили, что это былъ самый шаловливый мальчикъ, покою не давалъ товарищамъ, да и учителямъ надоѣдалъ своею рѣзвостію; только отличные успѣхи, которые впрочемъ ему не стоили большихъ трудовъ, заставляли педагоговъ смотрѣть сквозь пальцы на проказы его. Шаловливость перешла вмѣстѣ съ нимъ и въ академію; ему, избалованному еще въ домѣ отца своего и видѣвшему снисхожденіе къ себѣ въ пятилѣтнее обученіе въ Рязани, некогда было выдисциплинироваться, пріучиться хоть по наружности къ той притворной, а часто и приторно скромной маскѣ, какую пріучались и умѣли надѣвать въ свое время семинаристы. Быстрыя и живыя его способности помогали ему съ перваго раза замѣчать несообразности въ разговорѣ и поступкахъ другихъ людей; отчего развилась въ немъ очень сильная страсть къ остроумію и къ насмѣшливости, не оставлявшая его и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Въ академіи она была непріятна не только начальству, но и товарищамъ. Разсказываютъ особенно одинъ случай, при которомъ его страсть посмѣяться надъ товарищами уже очень далеко заходила. Между ними былъ одинъ—Дроздовъ, который въ 1841—1847 г. г. былъ ректоромъ Петербургской духовной академіи, а потомъ архіереемъ въ Саратовѣ и Астрахани. Они считались между собою пріятелями. Надеждинъ уговорилъ Аѳанасія подать вмѣстѣ прошеніе о поступленіи въ монашество, что̀ такъ нравилось академическому начальству. Оба просителя явились къ ректору, или инспектору, не знаю, съ одною просьбою;

обоихъ, какъ отличныхъ по способностямъ и успѣхамъ студентовъ, начальство очень радо было завербовать подъ клобукъ. Но просьбы о желаніи принять ангельскій чинъ не могли быть подаваемы коллективнымъ порядкомъ; каждый долженъ былъ написать особое прошеніе; имъ это и посовѣтовали сдѣлать поскорѣе, чтобы какъ-нибудь мысли не приняли другаго направленія. Надеждинъ успѣлъ убѣдить Аѳанасія, что имъ уже все сдѣлано. Аѳанасій подалъ прошеніе и постриженъ въ монашество, а Надеждинъ и не думалъ о томъ; слыхалъ я, что даже все это было сдѣлано только изъ желанія подшутить надъ своимъ пріятелемъ. Несмотря на доброту и умъ тогдашнихъ академическихъ ректора Кирилла Богословскаго-Платонова и инспектора Платона Березина, Надеждинъ не могъ вполнѣ имъ нравиться, притомъ въ то время, когда Филаретъ Дроздовъ началъ уже придавать академіи суровый аскетическій характеръ. Онъ кончилъ курсъ подъ № 8, тогда какъ, разумѣется, былъ лучшимъ студентомъ; стоящій въ одномъ съ нимъ спискѣ подъ № 3 его землякъ Макарій Зилинъ не стоилъ, какъ говорили, его подметки. Будь Надеждинъ въ академіи студентомъ съ такъ называемымъ прекраснымъ поведеніемъ, ему не быть бы профессоромъ Рязанской семинаріи; онъ непремѣнно былъ бы оставленъ при академіи баккалавромъ. Въ Рязанскую семинарію онъ пріѣхалъ въ концѣ ноября, или въ началѣ декабря, хорошенько не припомню. Ареопагинскій въ послѣдній разъ пришелъ къ намъ послѣ обѣда въ понедѣльникъ. Урокомъ былъ переводъ Цицероновой консоляціи или какой-то рѣчи изъ риторики Лежня. Къ нашему удивленію, онъ велъ себя очень сдержанно и вовсе не ругался, не посылалъ ни къ двери на колѣни, ни на конецъ парты, ни разу не употребилъ словъ: канальи и шельмы; видно было по всему, что онъ сдерживалъ себя и хотѣлъ съ нами мирно разстаться Когда нужно было выходить изъ класса, онъ сказалъ нѣсколько словъ въ родѣ прощальной рѣчи растроганнымъ голосомъ; даже казалось, что едва-ли у него не появились слезы на глазахъ. Я уже говорилъ, что онъ самъ по себѣ былъ добрый человѣкъ, но, получивши грубое, бурсацкое воспитаніе, онъ думалъ, что съ учениками нѣтъ нужды слишкомъ це-

ремониться, что мягкое деликатное обращеніе къ нимъ непримѣнимо; тутъ нужна была гроза.

На слѣдующій день мы должны были въ первый разъ увидѣть у себя въ классѣ Надеждина. Ужь давно предупредили насъ объ его геніальности; старшіе предъ нами семинаристы даже завидовали намъ въ томъ, что мы станемъ слушать его; и надобно правду сказать, мы гордились этою выпавшею на нашу долю привилегіею. Въ это время я жилъ съ учениками богословія, и мнѣ они велѣли наблюдать за всѣми пріемами и словами новаго профессора съ тѣмъ, чтобы потомъ пересказать имъ. По утру часу въ девятомъ Иліодоръ по обычаю ввелъ его къ намъ; мы увидѣли человѣка, невысокаго роста, немножко сгорбленнаго, съ блѣдноватымъ лицомъ, съ очень большимъ орлинымъ носомъ, съ живыми и проницательными глазами. Ректоръ сказалъ обычное въ такихъ случаяхъ поученіе и ушелъ; остался одинъ Надеждинъ. У насъ былъ урокъ изъ той же консоляціи Цицерона. Надеждинъ не сталъ заниматься переводомъ ея, а далъ намъ, какъ мы тогда выражались, подражаніе. Для объясненія этихъ словъ надобно сказать, что въ то время въ риторическомъ классѣ духовныхъ семинарій было въ обычаѣ, вмѣсто періодовъ, хрій и пр., иногда избирать какую-либо небольшую латинскую статью, давать предложеніе, которое было бы не слишкомъ близко къ тому, о чемъ въ ней говорилось, но и не очень отъ нея различалось. Изъ этого-то предложенія и надобно было составить подражаніе, въ которомъ бы мысли, относящіяся къ данному предложенію, примѣнялись къ указанному образцу, заимствовали изъ него нѣкоторыя слова и выраженія; можно сказать, повторялось бы почти то же самое, только на другой ладъ. Начали мы читать ему свои предложенія и увидѣли, что имѣемъ дѣло съ профессоромъ не похожимъ на Ареопагинскаго. Вмѣсто того, чтобы подобно этому 10—12 пудовому господину сидѣть на своемъ стулѣ, щедро разсыпать оттуда свои: «канальи» и «шельмы», «къ двери на колѣни», «на конецъ парты», Надеждинъ быстро переходилъ отъ одного стола къ другому, внимательно выслушивалъ подражаніе; спокойно исправлялъ недостатки и больше говорилъ: «хорошо, спасибо», никого не ругнулъ, не сказалъ никому грубаго или оскорбительнаго замѣчанія,

*

былъ снисходителенъ, привѣтливъ, даже вѣжливъ. Конечно, это былъ первый классъ, спрашиваемые были лучшіе ученики, но Ареопагитскій успѣлъ бы накричаться до самой высокой фистулы. Поэтому мы были въ восхищеніи отъ своего новаго профессора. Послѣ нашли и въ немъ недостатки; случалось, что и побранивали его за нихъ, но вообще мы любили его, даже гордились тѣмъ, что имѣемъ такого наставника.

Вмѣсто Бургія Надеждинъ началъ для насъ составлять свои лекціи на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ нигдѣ достать ихъ въ настоящее время. Отъ человѣка, хоть и даровитаго, но только-что кончившаго курсъ въ академіи, нельзя было ожидать чего-либо новаго, оригинальнаго и совершеннаго; эти качества пріобрѣтаются временемъ и усидчивою работою. И потому не удивительно, что лекціи Надеждина не заключали въ себѣ ничего особеннаго, что̀ показывало бы въ авторѣ передоваго человѣка, прокладывающаго новую дорогу въ наукѣ; по содержанію своему, онѣ не отличались почти ничѣмъ отъ бывшихъ тогда въ употребленіи риторикъ Рижскаго и Толмачева. Только Надеждинъ, несмотря на первый свой опытъ, умѣлъ доказать свою способность излагать мысли въ очень строгомъ систематическомъ порядкѣ. Начинались онѣ небольшимъ параграфомъ, въ которомъ доказывалось, что человѣкъ имѣетъ право выражать свои мысли словомъ. Два первыхъ періода его я до сихъ поръ помню; вотъ они: «даръ слова, или способность выражать внутреннія видоизмѣненія ума, сердца и воли посредствомъ внѣшнихъ членораздѣльныхъ звуковъ составляетъ существенную и необходимую принадлежность человѣка. Какъ духъ, облеченный плотію, онъ долженъ воплощать свои мысли, свои чувствованія и желанія». Замѣчательно, что въ этихъ строкахъ, написанныхъ немножко высокимъ слогомъ, тогдашнее наше начальство нашло, конечно, не ересь, а слово, которое какъ будто бы профанировало одинъ изъ догматовъ православнаго богословія. Это слово было: в о п л о щ а т ь. Какъ же можно употреблять выраженіе: воплощать мысли, чувствованія и желанія, когда слово воплощеніе прилагается къ Іисусу Христу; и потому Надеждинъ, вмѣсто него, употребилъ слово: овеществлять. Тогдашній архіерей Филаретъ гораздо лучше оцѣнилъ этотъ параграфъ, до-

вольно тонко намекнувши, что онъ написанъ не совсѣмъ понятно для учениковъ. Выслушавъ, какъ читалъ его скороговоркою на экзаменѣ очень посредственный ученикъ, старецъ сказалъ:

— Да понимаешь ли ты то, что читаешь?

Впрочемъ, высокостью слога отличались весьма немногіе параграфы; все прочее было изложено ясно и просто. Въ первый годъ Надеждинъ выдалъ намъ только первую часть риторики. Тутъ говорилось объ однѣхъ, такъ сказать, казенныхъ формахъ, которыя были въ то время обязательными для всѣхъ начинавшихъ учиться словесности; о періодахъ причинномъ, условномъ, сравнительномъ и пр. — о хріяхъ порядочной, автоніановой, превращенной per anticedens et consequens, per thesin et hypothesin, о тропахъ, о фигурахъ словъ и мыслей и пр., сюда же присоединены были и знаки препинанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ ужь слишкомъ былъ словоохотливъ, напримѣръ, о тропѣ, извѣстномъ подъ названіемъ метафоры, онъ написалъ болѣе листа. Но нельзя не сказать спасибо ему за то, что многіе примѣры на разныя формы бралъ изъ русскихъ поэтовъ; это было едва-ли не лучшею заслугою лекцій.

По тогдашнему взгляду на риторику, въ семинаріяхъ вторая часть ея должна бы толковать объ обязанностяхъ оратора. Но Надеждину не удалось написать ее на русскомъ языкѣ. Въ 1825 г., кажется, предъ каникулами, получено было въ нашей семинаріи предписаніе коммиссіи духовныхъ училищъ между прочимъ о томъ, чтобы словесность читалась по учебнику Бургія. И вотъ мы послѣ каникулъ принуждены были взяться за это пустѣйшее латинское руководство. Надеждинъ намъ, конечно, изъяснялъ его, пополнялъ своими мнѣніями, но все уже это было не то, что его лекціи на русскомъ языкѣ. Не утерпѣлъ онъ только къ концу курса: не задолго до него онъ далъ намъ листа два-три своихъ записокъ объ ораторахъ съ тѣмъ, чтобы мы ихъ выучили къ публичному экзамену.

Но занятія учениковъ по словесности не ограничивались однѣми лекціями; къ нимъ присоединялись переводы латинскихъ авторовъ и такъ называемыя сочиненія или задачки. И въ этомъ отношеніи Надеждинъ въ Рязанской семинаріи не шелъ впереди своего вѣка, впереди даже Ареопагитскаго. Переводили мы съ нимъ

только ту же консоляцію Цицерона и рѣчи той же риторики Лежня, какъ и до него, выписывали и обязывались помнить встрѣчающіяся фразы, и даже, увы! учили на память выдуманныя рѣчи Лежня на самодѣльномъ латинскомъ языкѣ его, не принадлежавшемъ ни къ золотому, ни серебряному, ни даже къ желѣзному вѣку римской литературы. Задачки писали мы, по распоряженію своего профессора, большею частію на латинскомъ языкѣ, по формамъ, употреблявшимся только въ риторикахъ, о предметахъ, которые отзывались семинарскимъ вкусомъ. Къ этому надобно прибавить, что Надеждинъ не отличался въ нашей семинаріи слишкомъ большимъ усердіемъ къ исполненію своихъ наставническихъ обязанностей. Развлекаясь ли своими знакомствами, или тяготясь пустотою и мелочностію риторическихъ занятій, онъ очень неисправно сдавалъ намъ свои лекціи, и мы по нѣскольку недѣль оставались безъ уроковъ; потомъ вдругъ были завалены списываньемъ и заучиваньемъ ихъ. Задачки и тогда не были во-время прочитываемы и надлежащимъ образомъ исправляемы самимъ профессоромъ; ихъ кучами отдавали лектору, а этотъ аматерамъ—философамъ и богословамъ. Во второй годъ, съ расширеніемъ круга знакомыхъ и съ принятіемъ на себя должности учителя латинскаго языка въ гимназіи, Надеждинъ еще менѣе занимался нашими задачками; предъ окончаніемъ учебнаго года онъ намъ ихъ сдалъ, конечно, съ рекомендаціями, но мы находили много доказательствъ того, что бо́льшая ихъ часть едва-ли была прочитана тѣмъ, кто подписывалъ рекомендацію. Я помню, что во мно́гихъ моихъ задачкахъ рѣшительно не было исправлено ни одного слова.

Такая небрежность бросилась намъ въ глаза и не нравилась по особому обстоятельству. Въ началѣ втораго года нашего риторическаго курса насъ раздѣлили на два параллельныхъ класса, которые мы называли первою и второю риторикою. Въ первой, куда попалъ и я, профессорствовалъ Надеждинъ, а во вторую присланъ былъ наставникомъ магистръ Петербургской духовной академіи Иванъ Владиміровичъ Массальскій. Человѣкъ онъ былъ бойкій, оборотливый, неутомимый говорунъ, знатокъ латинскаго языка, весьма свободно на немъ объяснявшійся. Послѣ, поступивши въ Петербургскую семинарію, онъ слишкомъ увлекся желаніемъ

поскорѣе разбогатѣть при помощи уроковъ словесности, которые онъ давалъ въ частныхъ домахъ и учебныхъ заведеніяхъ; и потому въ семинаріи считался не лучшимъ наставникомъ. Но въ Рязанской семинаріи онъ удивлялъ всѣхъ своею исправностію; особенное вниманіе обращалъ онъ на ученическія задачки и исправлялъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, даже почти передѣлывалъ; лектору его работы было немного, да и та была имъ повѣряема. Зная это и вмѣстѣ съ тѣмъ видя, что наши задачки или по нѣскольку мѣсяцевъ лежатъ у Надеждина не прочитанными или сданными намъ не исправленными, мы, ученики его, не очень были благодарны ему за такую небрежность.

Русскому языку Надеждинъ насъ почти вовсе не училъ. Я уже сказалъ, что большая часть нашихъ задачъ была нами писана на латинскомъ языкѣ. Это еще можно извинить тогдашнимъ обычаемъ, даже чуть ли не закономъ. Но и при этомъ Надеждину была возможность поучить насъ излагать свои мысли правильнымъ и чистымъ русскимъ языкомъ и познакомить насъ съ лучшими произведеніями русской литературы. Между тѣмъ наши русскія задачки также оставались безъ поправокъ, какъ и латинскія, и никогда не критиковались въ классѣ. Потомъ, сколько я могу припомнить, Надеждинъ вовсе почти намъ не читалъ никакихъ сочиненій лучшихъ русскихъ авторовъ. Въ 1825 и 1826 гг. Пушкинъ уже издалъ много своихъ сочиненій, а мы на классѣ русской словесности вовсе не слыхали ничего объ этомъ писателѣ, который, какъ ни говорите, произвелъ переворотъ въ нашей литературѣ. Равнымъ образомъ, на томъ же классѣ словесности намъ не было читано ничего похожаго на русскую литературу. Съ русскими писателями въ классѣ мы знакомились только по тѣмъ отрывкамъ, которые изъ ихъ сочиненій попадали въ наши лекціи. Можетъ быть, въ курсъ тогдашней семинарской риторики не входила исторія русской литературы, но профессору русской словесности въ русскомъ среднемъ учебномъ заведеніи въ 1825 и 1826 г. слѣдовало бы сообщить свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ. Результатомъ описаннаго мною преподаванія словесности было то, что мы, несмотря на значительныя способности профессора, писали по-русски такъ же, какъ

и семинаристы другихъ семинарій, даже похуже многихъ, какъ послѣ оказалось, когда мы поступили въ академію.

Забылъ было я сказать объ одномъ изъ нашихъ занятій по части словесности. При помощи его, конечно, не думали научить насъ собственно русскому языку, а хотѣли пробудить въ насъ соревнованіе и потомъ постепенно дѣлать изъ насъ ораторовъ; не даромъ цѣлая вторая часть риторики говорила объ обязанностяхъ оратора. Затѣю эту слѣдуетъ впрочемъ приписать не Надеждину, а Иліодору. Она состояла въ томъ, что каждый профессоръ обязанъ былъ представлять на усмотрѣніе ректора лучшія ученическія задачки. Ректоръ прочитывалъ ихъ и, отобравши изъ нихъ болѣе достойныя, назначалъ экстракты, такъ сказать, собраніе, въ которомъ каждый ученикъ долженъ былъ читать свои произведенія; когда риторика уже раздѣлена была на два параллельные класса, собраніе состояло изъ нихъ обоихъ. Для приданія торжественности чтенію, устроена была особая каѳедра въ родѣ ящика, открытаго съ двухъ сторонъ. Сюда-то мы влѣзали, клали свои витіеватыя хріи и рѣчи на выдававшуюся впередъ дощечку и полупроповѣдническимъ тономъ читали ихъ, стараясь даже жестикулировать и особенно поднимать одну или обѣ руки къ Творцу Создателю.

Несмотря на всѣ недостатки преподаванія, мы, повторяю, очень любили Надеждина за его ласковое съ нами обращеніе, за его объясненія на лекціяхъ; мы любили имъ похваливаться. Но онъ особенное вниманіе къ себѣ возбудилъ однимъ такъ называемымъ діалогомъ. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ издавна существовали такъ называемые публичные экзамены; я ихъ очень подробно описалъ въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ. Здѣсь скажу, между прочимъ, что ихъ лучше назвать не экзаменами, а сценическими представленіями, такъ сказать, разыгрываніями экзаменовъ. Большею частію къ нимъ за нѣсколько недѣль приготовлялись, потомъ украшали стѣны разными гирляндами изъ цвѣтовъ, усыпали полы цвѣтами; на нихъ въ промежуткахъ между предметами, читали рѣчи, стихи, пѣли кантаты, концерты и пр. Надеждинъ захотѣлъ отличиться новостію, не бывалою въ Рязанской семинаріи. Онъ написалъ стихами разговоръ между четырьмя учениками, которые, выслушавъ курсъ словесности, разсуждаютъ о пре-

восходствѣ духовнаго просвѣщенія надъ всѣми другими родами просвѣщенія. Двое изъ разговаривавшихъ были главными дѣйствующими лицами,—почти одни поперемѣнно разсуждали; другіе двое только кое-гдѣ вставляли свое словечко. Роли первыхъ двухъ поручены были ректорскому брату Чистякову и его пріятелю Меньшову, которые впрочемъ въ спискѣ занимали первыя мѣста, а вторыя роли Ижевскому—любимцу и фавориту Гедеона, и Серберинову,—отличавшемуся красивымъ личикомъ. Діалога этого я не имѣю въ рукахъ, да онъ вѣроятно затерянъ; но вотъ отрывокъ изъ него, который я упомнилъ. Въ немъ нѣкоторыя забытыя мною слова не даютъ мнѣ возможности написать его стихами; но по немъ можно читателю судить о духѣ самого діалога. «Титъ Ливій, Ѳукидидъ, Полибій, Ксенофонтъ.... могли ль огнемъ и силою сравниться съ Моисеемъ? Не безконечно ли возвышеннѣй Орфея, Пиндара—Давидъ?... И можно ли Платона назвать ученикомъ хоть Соломона?»

Для почитателей Николая Ивановича Надеждина, можетъ быть, покажется страннымъ и даже обиднымъ, что я, называя его талантливымъ и даже геніальнымъ, между тѣмъ говорю почти объ однихъ его слабостяхъ и недостаткамъ. Что же дѣлать? Я не составляю панегирика, а пишу то, что дѣйствительно было; и геніи имѣютъ слабости; et Homerus aliquando dormitat. Впрочемъ, по моему мнѣнію, недостатки, которыми страдало преподаваніе словесности въ Рязанской семинаріи, происходили не оттого, что онъ былъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ, какъ и прочіе тогдашніе семинарскіе наставники, а отъ того, что эстетическое образованіе, полученное имъ въ Рязани и Сергіевскомъ посадѣ, было очень недостаточно. О Рязанской семинаріи нечего говорить; Надеждинъ въ ней упражнялся только почти въ сочиненіи однѣхъ латинскихъ задачекъ по риторическимъ формамъ; объ эстетикѣ тутъ онъ и не слыхивалъ; какъ рѣзвый и шаловливый ребенокъ, онъ мало читалъ, а если и читалъ, то вовсе не образцы изящной словесности; я уже говорилъ, что намъ трудно было доставать Карамзина. Что же было за 6—9 лѣтъ? Въ Московской академіи пришлось Надеждину слушать словесность у Платона Ивановича Доброхотова. Хотя онъ вмѣстѣ съ Делицынымъ и Голубинскимъ принадлежалъ къ самымъ лучшимъ студентамъ перваго курса Московской духовной академіи, онъ все-таки

читалъ своимъ слушателямъ почти ту же старину, какъ и въ семинаріяхъ, только подъ другимъ наименованіемъ. Голубинскій былъ, дѣйствительно, такъ сказать, ходячею библіотекою; онъ очень хорошо зналъ богословіе и исторію философіи, но и самъ не поднимался и еще менѣе могъ и даже не смѣлъ поднять своихъ слушателей выше тѣхъ схоластико-теологическихъ понятій, которыя господствовали въ тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Хорошихъ книгъ, при помощи которыхъ можно было бы самимъ студентамъ развить у себя эстетическій вкусъ, въ библіотекѣ академической почти вовсе не было; господствующій между студентами духъ можно бы назвать теологико-философскимъ, или справедливѣе схоластическимъ. Что же теперь было дѣлать Надеждину, когда онъ, получивъ воспитаніе въ такихъ училищахъ, какъ Рязанская семинарія и Московская духовная академія, вдругъ сдѣлался профессоромъ словесности. Другой бы сталъ издавать тѣ лекціи, которыя онъ училъ въ академіи, какъ поступалъ Ареопагитскій. Надеждинъ по крайней мѣрѣ догадался, что для семинарій академическая мудрость слишкомъ неудобоуварима; написалъ хоть и риторику, но риторику очень хорошую въ тогдашнемъ смыслѣ. Притомъ не нужно забывать, что это было имъ сдѣлано тотчасъ по выходѣ изъ-за академическихъ партъ, при самыхъ скудныхъ ученыхъ пособіяхъ. Побудь онъ еще нѣсколько лѣтъ даже въ Рязани, талантливая его натура сознала бы свои недостатки. Это онъ доказалъ очень скоро, послѣ того какъ въ 1826 году переселился въ Москву домашнимъ учителемъ къ Самарину. Находясь теперь въ центрѣ тогдашняго русскаго просвѣщенія, познакомившись съ университетскими профессорами, имѣя возможность доставать новѣйшія книги на иностранныхъ языкахъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ умѣлъ себя — чуть не семинариста—передѣлать въ отличнаго профессора университета; сдѣлался даже редакторомъ замѣчательнаго въ то время журнала. Развѣ человѣкъ съ обыкновенными способностями могъ бы всего этого достигнуть въ такой короткій срокъ?—Впрочемъ, нельзя не сказать, что Надеждинъ все-таки не могъ, такъ сказать, счистить съ себя кору семинарщины; слогъ его и въ «Телескопѣ», и въ другихъ его сочиненіяхъ, даже напр. едва-ли не въ лучшемъ изъ нихъ — «О скопцахъ» — отличается выраженіями и пріемами старинной риторики.

Опишу теперь жизнь Надеждина въ Рязани не въ учебномъ отношеніи. Излишняя живость и даже почти-что шаловливость не вдругъ оставили его, когда онъ сдѣлался профессоромъ семинаріи. Между семинаристами ходило много слуховъ о ней. Сначала квартира его была въ сосѣдствѣ съ квартирою ректора; въ деревянной, но оштукатуренной перегородкѣ, раздѣлявшей между собою обѣ квартиры, было будто бы даже небольшое окно, въ которое, какъ тогда говорили, ректоръ, побужденный отеческою заботливостію о нравственности молодаго своего подчиненнаго, любилъ наблюдать за нимъ. Естественно, что такое вниманіе, да и вообще близкое сосѣдство съ благочестивымъ начальникомъ не очень нравилось Надеждину. Нашедши щель у окна или въ самой перегородкѣ, онъ любилъ туда пускать табачный дымъ, выбирая для этого такое время, когда по его предположенію никого не было въ сосѣдней съ его квартирою комнатѣ. Ректоръ былъ неумолимый гонитель табаку и потому приходилъ въ негодованіе, ощущая запахъ его въ своей квартирѣ. Но подозрѣніе его падало на братьевъ его и на прислугу до тѣхъ поръ, какъ однажды Надеждинъ ошибся въ своихъ разсчетахъ и далъ возможность самому ректору видѣть, какъ контрабандный дымъ воровски пробирался чрезъ щель въ его комнату отъ сосѣда. Окно и щель, разумѣется, были задѣланы. Нерѣдко также случалось, что Надеждинъ или по требованію ректора, или по собственному своему побужденію, являлся къ нему. Но въ этомъ случаѣ онъ не любилъ, какъ нынѣ говорится, женироваться, стѣснять себя; являлся къ своему чопорному начальнику въ домашнемъ неглиже. А дома онъ сидѣлъ большею частію въ халатѣ, какихъ-либо башмакахъ, безъ галстуха и жилета. И вотъ въ этомъ-то видѣ онъ являлся къ сосѣду-начальнику. Когда этотъ выразилъ свое неудовольствіе на такое неглиже, то Надеждинъ обыкновенно говаривалъ:

— Извините меня, пожалуйста, отецъ ректоръ, какъ только вы потребуете меня къ себѣ, я тотчасъ же бѣгу къ вамъ, какъ сынъ къ своему отцу.

Впрочемъ въ такомъ сосѣдствѣ Надеждинъ жилъ съ небольшимъ полгода; послѣ отведена ему была квартира вдали отъ комнатъ ректора.

Что Надеждинъ любилъ въ своей квартирѣ быть въ полномъ

почти неглиже и даже появляться внѣ ея, этому бывали свидѣтелями всѣ семинаристы. Изъ первой своей квартиры ему частенько надобно было ради разныхъ разностей, даже для того чтобы найти своего служителя, переходить чрезъ корридоръ, въ которомъ, пока не пришли еще наставники въ классы, ходило многое множество семинаристовъ; двери богословскаго и философскаго классовъ находились въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой дороги. Надеждинъ тутъ проходилъ чуть не каждый день въ его позасаленномъ халатѣ, бывшемъ, вѣроятно, еще въ академіи съ нимъ, въ какихъ-то башмакахъ съ спустившимися внизъ чулками, изъ-за которыхъ иногда выглядывали инекспрессибли; о жилетѣ и галстухѣ нечего и говорить. Въ этомъ-то неглиже онъ не только проходилъ чрезъ корридоръ, наполненный семинаристами, но даже останавливался и вступалъ въ разговоръ съ знакомыми изъ нихъ или имѣвшими въ немъ нужду. Однажды въ такомъ неглиже онъ съигралъ злую и невѣжливую шутку съ своимъ сослуживцемъ и товарищемъ Виноградовымъ. Какъ-то онъ узналъ, что семинаристы прозвали послѣдняго ш е в о ю. И вотъ какъ-то Надеждинъ, проходя въ своемъ неглиже чрезъ корридоръ, встрѣтился съ Виноградовымъ, только-что вышедшимъ изъ богословскаго класса. Надеждинъ останавливается и, обращаясь къ толпѣ семинаристовъ, появившихся въ корридорѣ, закричалъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Господа, господа, правда ли, что его (указывая на Виноградова) зовете вы шевою? Ха, ха, ха Шева! Шева! Шева!

Виноградовъ, конечно, былъ сконфуженъ этою ужь не профессорскою, а семинарскою шалостію.

Скучныя риторическія занятія по классу не могли удовлетворить пылкой души Надеждина; увлечься какою-либо наукою препятствовалъ недостатокъ книгъ, а можетъ быть недавно освободившемуся изъ-подъ монашеско-академической ферулы не приходило еще въ голову заняться чѣмъ-либо серьезнымъ. Надобно было искать развлеченія въ чемъ-либо другомъ, хоть напр. въ живой бесѣдѣ съ людьми, съ которыми судьба сблизила. Въ этомъ отношеніи Надеждинъ былъ замѣчательнымъ собесѣдникомъ; слушая его, нельзя было не увлечься разговоромъ; да и онъ развязывалъ свой языкъ и, замѣчая общее къ себѣ вниманіе собесѣдниковъ, увлекался. Въ

Петербургѣ онъ жилъ недалеко отъ Владимірской церкви въ скромной квартирѣ деревяннаго домика Турчанинова; принималъ къ себѣ гостей, за немногими исключеніями, безъ всякихъ церемоній, почти въ томъ же неглиже, въ какомъ переходилъ корридоръ Рязанской семинаріи; объ угощеніи гостей никогда не заботился; развѣ только нѣсколько чашекъ чая подаваемо было имъ. И между тѣмъ чуть не каждый вечеръ собиралось къ нему очень много людей единственно для того, чтобы послушать его; и это были не все дюжинные люди, изъ нихъ многіе сдѣлались извѣстными въ ученомъ мірѣ, въ литературѣ, въ администраціи. Можно понять, какое впечатлѣніе онъ долженъ былъ производить въ Рязани, особенно въ томъ кругу, къ которому судьба на время прицѣпила его. Пріѣзжали и къ нему на квартиру, но чаще онъ самъ ходилъ въ гости. Тутъ иногда руководили имъ временно сердечныя отношенія.

Особенно онъ, кажется, былъ не равнодушенъ къ женѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ, профессора математики К.—Лизетѣ, какъ ее называли въ семинаріи. Мужъ, надобно полагать, намѣренно или случайно служилъ препятствіемъ къ интимнымъ бесѣдамъ между Лизетою и Надеждинымъ; по крайней мѣрѣ по вечерамъ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ними. Надеждинъ устроилъ дѣло такъ, что въ каждую недѣлю онъ имѣлъ возможность проводить часа по полтора tête à tête съ своею возлюбленною. Однажды Надеждинъ по дружбѣ сообщилъ о неудовольствіи ректора на него за то, что онъ поздно ходитъ въ классъ. Простодушный мужъ повѣрилъ искренности этого дружескаго предостереженія и сказалъ:

— Ну, хорошо, теперь онъ (ректоръ) меня уже не поддѣнетъ, я буду исправенъ. И, дѣйствительно, чудакъ являлся въ семинарію еще ранѣе назначеннаго ему срока и приходилъ въ классъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ звонка, тогда какъ прочіе наставники являлись чрезъ полчаса и даже чрезъ часъ. Въ это-то время Надеждинъ и отправлялся къ своей Лизетѣ и торопился разстаться съ нею прежде возвращенія мужа.

Всегда ходить къ Лизетѣ прискучило бы; надобно было развлекаться и въ другихъ мѣстахъ. Но тутъ Надеждину приходилось испытать даже не маленькія непріятности со стороны начальства семинарскаго, съ которымъ у него не было ладовъ. Причиною

этого былъ, конечно, его безпощадный языкъ; жестокія и колкія его насмѣшки надъ монахами вообще, и въ частности надъ своими начальниками, не могли имъ нравиться. Столько же, если не болѣе, вооружилъ начальство противъ себя Надеждинъ экзаменами. Въ то время на нихъ присутствовали всѣ наставники —для помѣтъ, впрочемъ, и отъ нечего дѣлать, или вслѣдствіе преданій старины дѣлали такъ называемыя возраженія противъ читанныхъ лекцій. Происходившіе чрезъ это споры обращались уже въ словесную битву между возражателемъ и профессоромъ. И Иліодоръ, и Гедеонъ считали себя хорошими профессорами, по крайней мѣрѣ вовсе не желали быть сконфуженными предъ своими учениками. Между тѣмъ Надеждинъ своими остроумными замѣчаніями умѣлъ ставить втупикъ особенно Иліодора, котораго уже въ такихъ случаяхъ выручалъ Гедеонъ. Какъ же было любить подобнаго подчиненнаго? Вѣдь все это происходило при ученикахъ. Какъ не поприжать говоруна косвеннымъ образомъ.

По весьма достовѣрнымъ слухамъ, начальство выставило Надеждина съ очень дурной стороны предъ тогдашнимъ архіереемъ рязанскимъ Филаретомъ. Въ поводахъ къ такому обвиненію не было недостатка, если смотрѣть на людей съ аскетической точки зрѣнія. Филаретъ пригласилъ къ себѣ обвиненнаго, котораго впрочемъ любилъ за его бойкія способности. Надеждину не много стоило труда опровергнуть предъ старцемъ, мало знакомымъ съ жизнію мірянъ, возведенное на него обвиненіе, онъ вышелъ чистъ, какъ изъ воды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слышно было, успѣлъ навлечь подозрѣніе на счетъ жизни самихъ ихъ высокопреподобій, которыя не всегда-то жили по монашескимъ правиламъ Василія Великаго. Вражда чрезъ это не уменьшилась, а увеличилась.

У многихъ начальниковъ духовныхъ семинарій и академій было въ обычаѣ приказывать какъ можно ранѣе запирать ворота и ключи держать у себя; все это, разумѣется, для того, чтобы сохранить подъ замкомъ въ цѣлости и неприкосновенности нравственность семинаристовъ. Наше начальство слѣдовало тоже этому благому обычаю. И потому Надеждинъ, считавшій себя въ правѣ приходить попозже того времени, въ которое запирались семинарскія ворота, находилъ ихъ уже запертыми. Надобно было теперь сту-

чаться, не всегда скоро могли услышать этотъ стукъ семинаристы въ ближайшихъ къ воротамъ комнатахъ; привратника же или ночнаго сторожа не было. Не достучавшись въ ворота, господа профессоры принимались стучать въ окна ученическихъ комнатъ; кто-нибудь просыпался, неохотно подходилъ къ окну, не вдругъ догадывался о томъ, кто это стучитъ; потомъ, догадавшись, долженъ былъ отправляться или къ инспектору, или къ старшему, или на кухню начальническую, чтобы посовѣтоваться, какъ отпереть ворота. А господинъ профессоръ стой да стой у воротъ, иногда на трескучемъ морозѣ, а иногда подъ проливнымъ дождемъ. Однажды мнѣ самому пришлось отыскивать ключъ въ такомъ случаѣ. Я еще не спалъ, живя съ богословами; одинъ изъ нихъ, возвратившись изъ корридора, сказалъ, что у воротъ стучится едва-ли не Надеждинъ, и посовѣтовалъ мнѣ выручить профессора изъ бѣды. Я подбѣжалъ къ воротамъ, увидѣлъ за ними (ворота были рѣшетчатыя) дѣйствительно Надеждина съ Виноградовымъ; оба меня просили поскорѣе бѣжать разбудить котораго-либо изъ ихъ келейниковъ и велѣть имъ отыскать ключъ. Нашелъ я келейника Надеждина, своего товарища Мизорова, тотъ отправился къ келейнику инспектора, доложили инспектору, получили ключъ, и наконецъ-то гг. профессоровъ впустили.

ГЛАВА XXXVII.

Объ ученикахъ Рязанской семинаріи во время моего ученья въ риторикѣ.

Обучаясь въ риторикѣ, я полтора года прожилъ на казенномъ въ семинарскомъ зданіи и въ это время успѣлъ хорошо ознакомиться съ жизнію и характеромъ не однихъ своихъ товарищей, но и гг. философовъ и богослововъ. Въ этомъ случаѣ помогло мнѣ то обстоятельство, что я жилъ съ своими товарищами только нѣсколько недѣль, а потомъ перемѣстился въ такъ называемую богословскую комнату, гдѣ жили гг. богословы и философы. Конечно, они сначала вели себя относительно меня довольно важно, не приближали меня къ своимъ особамъ, но привычка и время взяли свое;

они мало по малу не стали стѣсняться моимъ присутствіемъ, и я могъ видѣть всю домашнюю жизнь тѣхъ, на которыхъ мы, мальчики, смотрѣли, какъ на людей болѣе высшаго ранга въ сравненіи съ нами.

Относительно нашего содержанія пищею продолжалась прежняя система. Отъ голода намъ умереть было нельзя, но и избаловать свой, хоть и очень неприхотливый, вкусъ тоже не было возможности. Хлѣбъ почти всегда былъ хорошъ, по крайней мѣрѣ не дуренъ, кромѣ того только, что корки его сильно пригорали, но мы имѣли право ихъ не грызть и оставлять несъѣденными. Отличной и даже очень хорошей говядины и солонины мы не видали въ своей столовой, но не слишкомъ чиста была и скверная; избрана была такъ называемая золотая средина. Масло иногда дѣлало кашу болѣе вкусною, ну а иногда безъ него лучше бы ее ѣсть съ солью и съ квасомъ. Но въ постные дни почти никогда не было удовлетворительнаго стола; тутъ частенько приходилось довольствоваться чуть не однимъ хлѣбомъ, да кашею съ конопляным или льняным масломъ, если только послѣднее не было прогорклымъ.

Комнатная, ученическая администрація составлена была въ прежнемъ духѣ. Въ каждой комнатѣ старшій изъ богослововъ и помощникъ почти вездѣ изъ философовъ. Надъ ними возвышался главный старшій, разыгрывавшій роль помощника инспектора. Разумѣется, всѣ эти должности считались почетными; ими дорожили и старались поддержать себя на нихъ всѣми честными и безчестными средствами. Разсчетъ былъ вѣрный. Самыя должности служили уже выраженіемъ начальнической благосклонности, которая такъ нужна для всякаго семинариста. А потомъ были и нѣкоторыя выгоды. Старшій съ своимъ помощникомъ получали особую свѣчу и сидѣли отдѣльно отъ своихъ подчиненныхъ на особомъ столикѣ, который, впрочемъ, должны были сами добыть себѣ. Далѣе самъ старшій, а въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, его помощникъ ежедневно являлись къ инспектору съ рапортомъ о благосостояніи своей комнаты и, такимъ образомъ, могли постоянно отличаться своею ревностью и усердіемъ къ общественной службѣ, а главное могли мало по малу репутацію каждаго изъ подчиненныхъ возвысить или понизить передъ начальствомъ. Потому рѣдкій развѣ изъ подчиненныхъ философовъ

или богослововъ, если только имѣлъ лишнихъ нѣсколько гривенъ, не считалъ необходимымъ чѣмъ-либо угостить своего старшаго и помощника его. Кто побѣднѣе, тотъ довольствовался тремя парами чайку въ трактирѣ, а кто побогаче, тотъ прибавлялъ къ этому селяночку, подовые пирожки и пр. Кромѣ того, привезенные окорока ветчины служили завтракомъ не для однихъ своихъ владѣльцевъ, но и для старшихъ. О главныхъ же старшихъ нечего и говорить; его угощать, ему угождать считали нужнымъ даже сами старшіе.

Честолюбивые богословы тогдашней Рязанской семинаріи могли мечтать о занятіи не однѣхъ должностей старшихъ. Объ лекторствѣ, которое сближало лучшихъ изъ нихъ съ профессорами, я уже говорилъ. Но была еще должность, которой добивались и лекторъ, и старшій, и самъ главный старшій. Занимавшій ее могъ быть названъ различнымъ образомъ, напр. митроснимателемъ, клобукоснимателемъ, шапкодержателемъ, а лучше всего послушникомъ и даже лакеемъ. Несмотря на такія неблагозвучныя названія, они все-таки составляли pium desiderium каждаго лучшаго богослова. Вотъ въ чемъ они состояли: извѣстно, что во время богослуженія въ извѣстныхъ случаяхъ монашествующее и бѣлое духовенство снимаютъ митры, клобуки, камилавки и скуфьи и потомъ опять надѣваютъ ихъ. Протоіереи, священники и простые монахи употребляютъ для этого свои собственныя руки. Но архіереямъ и настоятелямъ монастырей, особенно архимандритамъ, когда на нихъ митры—не хочется себя безпокоить. Они только иногда развѣ наклонятъ немножко свою голову на бокъ, а тутъ уже готовы чужія руки, чтобы снять или надѣть митру. Наши благочестивые и смиренные ректоръ и инспекторъ не хотѣли отстать отъ этого обычая, только вмѣсто помощниковъ съ длинными распущенными волосами они брали съ собою для этой обязанности лучшихъ богослововъ, пользовавшихся особенною ихъ милостію. Но кстати уже приказывали имъ становиться на запятки своей кареты и въ качествѣ лакея прокатиться по городу, отворить и затворить каретную дверцу, потомъ своимъ отцамъ помочь даже выйти изъ кареты и подняться въ нее. И вотъ, бывало, въ субботу мы видимъ въ своемъ классѣ важныхъ богослововъ, которые, въ качествѣ лек-

торовъ, играютъ роль профессоровъ нашихъ по словесности, греческому, французскому и пр. языку, а поутру, въ воскресенье, тѣ же самые quasi-профессоры на запяткахъ семинарской кареты мчатся, покачиваясь, въ соборъ или другую церковь, гдѣ имъ придется отправлять должность послушниковъ. Но все это ничего не значило; за то митродержатель-лакей надѣвалъ на себя стихарь, шелъ смѣлою поступью за ректоромъ или инспекторомъ, какъ особа, принадлежащая къ служащимъ, могъ мечтать, что самъ преосвященный замѣтитъ его; о соборномъ же духовенствѣ, начиная съ псаломщика и звонаря до каѳедральнаго протоіерея—нечего говорить; онъ былъ имъ вполнѣ ужь извѣстенъ.

Мой туторъ Днѣпровъ, поступивши въ богословскій классъ, получилъ все, о чемъ только могъ мечтать самый честолюбивый тогдашній богословъ; онъ сдѣланъ былъ, какъ я уже говорилъ, лекторомъ словесности и, кромѣ того, главнымъ старшимъ, старшимъ въ богословской комнатѣ и, наконецъ, шапкодержателемъ или послушникомъ; кромѣ того, два его брата жили на казенномъ, кажется, не внося за себя ничего или, по крайней мѣрѣ, полной суммы. О другихъ болѣе честолюбивыхъ замыслахъ нельзя было мечтать. Правда, еще была должность, еще болѣе высокая, которая давала возможность пользоваться еще болѣе высокимъ значеніемъ въ семинаріи, но, къ чести моего тутора, надобно сказать, что онъ оказался неспособнымъ къ ней. Это была должность оберъ-шпіона, такъ сказать, начальника 3-го отдѣленія Рязанской семинаріи.

Ее, разумѣется, занималъ, бывшій уже и прежде того, Грифцовъ, о которомъ я уже говорилъ. И, надобно сознаться, что онъ исправлялъ ее съ полнымъ усердіемъ, con amore, какъ тогда говорили семинаристы. Конечно, на училищныхъ мальчишекъ онъ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе; главнымъ предметомъ его шпіонской дѣятельности были семинаристы, преимущественно же богословы и философы. Въ философской комнатѣ, гдѣ онъ старѣйшинствовалъ, онъ имѣлъ самый бдительный надзоръ. Но едва-ли проходилъ хоть одинъ день, въ который бы не заглянулъ и въ другія комнаты казенныхъ семинаристовъ, особенно въ богословскую. Придетъ бывало, окинетъ кошачьимъ глазомъ всѣхъ;

если кто очень пораскраснѣлся, особенно въ праздникъ и четвергъ, когда семинаристы увольняются въ городъ, то подойдетъ къ нему сладцѣ, какъ тогда выражались, побесѣдуетъ, или лучше обнюхаетъ. Если же кто-либо изъ подозрѣваемыхъ въ наклонности къ пьянству не въ урочное время лежитъ и особенно спитъ, то ужь при помощи какого-либо маневра найдетъ возможность о б н ю х а т ь его. Кромѣ того, въ каждой комнатѣ у него были одинъ или двое изъ учениковъ, которые въ качествѣ жандармскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, обязаны были доносить о всякомъ экстраординарномъ событіи. Иногда, бывало, придетъ просто, сядетъ на скамью, или на окно, посидитъ, посмотритъ, ни съ кѣмъ не сказавши ни слова, и потомъ уйдетъ; тогда кто-нибудь посмѣлѣе съ улыбкою говаривалъ:

— Что вѣрно не солоны (т. е. не соленыя) щи похлебалъ? Впрочемъ, дѣятельность его распространялась и на квартирныхъ учениковъ. Большею частію, по вечерамъ, онъ отправлялся въ городъ и прогуливался около тѣхъ трактировъ и пивныхъ лавочекъ, куда любили ходить семинаристы, посматривая, не попадется ли тутъ кто-нибудь ему на глаза. Шинель его гороховаго цвѣта, съ пятью уступами на капишонѣ, всѣмъ была извѣстна; завидѣвши ее издали, гуляки старались укрыться куда-либо въ безопасное мѣсто. Отъ этого иногда происходили смѣшныя сцены. Нѣкоторые изъ философовъ,—подчиненныхъ Гривцова, выпрашивали у него шинель для прогулокъ и разыгрывали роль барана, надѣвшаго на себя волчью шкуру. Завидѣвши грозную шинель и въ полутемнотѣ не разсмотрѣвши, кто въ нее облеченъ, семинаристы или бѣгали отъ нея, или встрѣчались и подобострастно съ ней раскланивались. Этимъ особенно любилъ пользоваться философъ тогдашній Липяговъ и преслѣдовать убѣгавшихъ отъ него. У него была скромная цѣль—догнать и, если возможно, выпить вмѣстѣ съ убѣгавшими.

Начальство наше и само любило за нами присматривать, дѣлая довольно часто торжественные обходы по комнатамъ. Разумѣется, только въ одну первую комнату оно могло войти неожиданно, потомъ уже вѣсть о визитаціи чрезъ стукотню въ стѣну или чрезъ отдѣльныхъ пословъ разносилась быстро по всѣмъ

комнатамъ. Бывали визиты и въ другіе дни, но въ четверги и праздничные дни мы всегда приготовлялись къ пріему своихъ отцовъ-командировъ, которые предъ ужиномъ ходили по комнатамъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли возвратились, какъ говорится, въ своемъ видѣ. Но эти рекогносцировки не всегда удавались. Догадливые приносили водку съ собою, дожидались визита начальническаго и послѣ него въ какомъ-либо уютномъ мѣстечкѣ выпивали ее. Въ комнаты начальство входило торжественно, размашисто. Само отворяло дверь и притомъ настежь, какъ будто досадуя на то, что она имъ помѣшала, но затворять ее никогда и не думало. Это уже было нашею обязанностію. Начиналась ревизія; большею частію прежде всего подходили къ старшему, спрашивали его, все ли исправно, и потомъ подходили къ общему столу посмотрѣть на занятія плебеевъ. Боже сохрани, если какой-либо простачокъ не успѣвалъ скрыть какой-либо свѣтской, такъ называемой неблагонамѣренной книги, особенно романа,—тутъ разражалась цѣлая буря отъ Иліодора; Гедеонъ умѣлъ себя сдерживать. Ежели кому хотѣлось заслужить благоволеніе отца-ректора, то нужно было читать «Христіанское чтеніе» или какую-либо душеспасительную книгу, и тутъ же показать сдѣланныя изъ нея выписки; и если въ числѣ ихъ находились затѣйливыя метафоры и особенно сравнительные періоды, тогда похвалы и спасибо лились на счастливца. Но, разумѣется, попадались, по пословицѣ, и въ просакъ! Читая что-либо не позволенное, мы клали около себя благочестивую книжку и, тотчасъ по входѣ начальства, первую отправляли подъ халатъ, или сюртукъ, а вторую клали предъ собою, но второпяхъ не всегда, какъ слѣдуетъ, а какъ говорится, вверхъ ногами. Начальство, замѣтивъ это, начинало слѣдствіе и, отыскавши контрабанду, приходило въ негодованіе. Едва-ли же не болѣе всего оно, особенно Иліодоръ, сердились, когда кто-либо при огнѣ занимался стоя у окна, хотя бы и со своею свѣчкою, или когда кто-либо не въ урочное время легъ на кровать и особенно заснулъ. Если лежавшій не спалъ или успѣвалъ во-время проснуться, то онъ обыкновенно оправдывался тѣмъ, что обдумывалъ сочиненіе. Отъ этого у насъ слова: лечь поразмыслить то же значили, что лечь заснуть.

Несмотря на всевозможные надзоры явной и тайной полиціи,

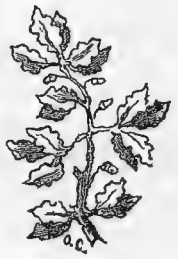
семинаристы находили возможность жить очень весело, если не всегда, то по крайней мѣрѣ урывками. Начальство наше, размышляя о причинахъ, поддерживающихъ пьянство въ семинаріи, приписало его главнымъ образомъ тому обстоятельству, что казеннокоштные ученики моются чрезъ каждыя двѣ недѣли въ торговой банѣ. Такая баня была единственная въ то время въ городѣ и, надобно сказать, не отличалась удобствами, и состояла изъ одной большой комнаты, гдѣ можно было париться и имѣть холодную воду; за теплой же слѣдовало ходить къ особому котлу на дворѣ. Раздѣваться надобно было или на дворѣ подъ небольшимъ навѣсомъ съ лавками и съ крышею изъ дранокъ, сквозь которую вода и отъ несильнаго дождя проходила, и еще въ какой-то пустой старой банѣ или избѣ. Лѣтомъ еще дѣло кое-какъ улаживалось. Мылись на открытомъ воздухѣ, раздѣваться и одѣваться въ сказанныхъ двухъ мѣстахъ не находили неудобнымъ, развѣ только въ сильный дождь иногда все платье и бѣлье намачивались. Но, зимою, особенно въ сильные морозы, дѣло принимало другой оборотъ. И париться и мыться въ одной, хоть и большой, комнатѣ было ужасно тѣсно; кромѣ того, за горячею водою надобно было отправляться на чистый воздухъ съ единственною добытою какъ-нибудь шайкою. Поэтому въ небольшой холодъ многіе находили лучшимъ мыться внѣ бани на морозѣ. Во время Крымской кампаніи, въ какой-то газетѣ съ особеннымъ паѳосомъ было разсказываемо, что наши солдатики-молодцы, для которыхъ приготовили въ Одессѣ даровую баню, одѣвались въ морозъ на открытомъ воздухѣ и, несмотря на замерзаніе въ это время волосъ на ихъ головѣ, не чувствовали никакихъ дурныхъ послѣдствій. Мнѣ смѣшнымъ показалось тогда это описаніе. Да мы въ 1822 и 1823 годахъ, при рязанскихъ, а не при одесскихъ, трескучихъ морозахъ каждую зиму по нѣсколько разъ выносили эту операцію. Добѣжишь бывало по снѣгу до своего платья, начнешь, конечно, поскорѣе одѣваться, но все-таки успѣешь почувствовать, какъ и волосы мерзнутъ на головѣ, какъ за ноги пощипываетъ холодъ, и какъ мало по малу дрожь чрезъ нѣсколько минутъ послѣ бани начинаетъ пробѣгать по всему тѣлу; и это выносили не молодцы въ 20, а даже дѣти въ 10—15 лѣтъ! Мы, мальчуганы, бывало, поскорѣе спѣшимъ домой, чтобы дорогою со-

грѣться; но старшіе семинаристы, у кого были лишнія копѣйки, отправлялись одни въ трактиры и харчевни напиться чаю, а другіе въ кабаки, чтобъ согрѣть себя зеленымъ виномъ. Этому-то обстоятельству начальство наше приписывало наклонность семинаристовъ къ пьянству.

Чтобы противодѣйствовать такому злу, оно рѣшилось выстроить на семинарскомъ дворѣ свою казенную баню и тѣмъ спасти отъ пьянства хоть казеннокоштныхъ учениковъ. Выстроили. Конечно, начальникамъ нашимъ открылась возможность сибаритствовать въ банѣ сколько угодно времени; за ними отправлялись г. г. профессоры; и тѣ, и другіе не очень-то торопились очистить для насъ баню; намъ, 150 человѣкамъ, предстояло вымыться почти во столько же времени, сколько потрачено было на начальниковъ и наставниковъ. Но это бы все ничего. Къ несчастью, и мытье не отличалось удобствами. Власти имѣли особую комнату, гдѣ они раздѣвались и одѣвались, и туда насъ почти никогда не пускали; а намъ отведена была комната, гдѣ человѣкъ 20 могло раздѣться и уложить свое платье и бѣлье, а насъ приходило заразъ по 40—50. Комната не отапливалась; отъ этого зимою отъ банныхъ паровъ, доходившихъ до нее изъ прихожей, и потолокъ, и стѣны были мокрыми. Холодная и горячая вода были внѣ бани, послѣдняя по крайней мѣрѣ саженяхъ въ 10; значитъ, точно также, какъ въ торговой банѣ, намъ въ холодъ приходилось знакомиться и съ снѣгомъ, и съ морозомъ. Прибавьте къ этому, что шаекъ никогда почти недоставало для всѣхъ, что холодной воды въ чану нисколько не оставалось, и надобно было ждать, пока ее привезутъ въ бочкѣ съ Трубежа, или принесутъ въ ушатѣ изъ колодезя; въ зимнее время мы собирали снѣгъ, чтобы горячую воду сдѣлать удобною для мытья,—а то и въ котлѣ, гдѣ должна бы быть горячая вода, она не была даже теплая, потому что не успѣвали ее нагрѣвать. И потому, сидишь, бывало, да ждешь той или другой воды. За то лѣтомъ мы, не стѣсняясь, въ адамовомъ райскомъ костюмѣ живописно располагались и расхаживали даже около бани. Конечно, изъ бани уже нельзя было идти въ трактиры, харчевни и кабаки; только это обстоятельство не очень повліяло на уменьшеніе пьянства въ семинаріи. При торговой банѣ далеко не всѣ за-

ходили въ кабакъ, а многіе, даже едва-ли не самая большая часть пила только чай по 10—15 чашекъ, съ двумя или тремя кусочками сахара. Дѣйствительно, были молодцы, которые, употребляя сахаръ въ прикуску, выпивали съ однимъ кусочкомъ его по пяти и болѣе чашекъ; отчего появилась даже поговорка: пить чай не только въ прикуску, но и въ приглядку, и въ придумку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ головы были свѣжи. А при казенной банѣ всѣ, кому хотѣлось погрѣться послѣ нея, старались добыть водки.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Очеркъ изъ исторіи религіознаго мистицизма въ царствованіе Александра I [1]).

Весьма значительнымъ явленіемъ нашей общественной жизни въ царствованіе императора Александра и особенно въ послѣднюю половину его царствованія съ 1812 года, было господство религіознаго мистицизма.

Въ Россіи религіозно-мистическое направленіе появилось въ прошломъ столѣтіи въ царствованіе императрицы Екатерины. Но въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и во все время царствованія Павла, оно находилось, по связи его съ масонствомъ и тайными обществами, въ подозрѣніи противоправительственной агитаціи и подвергалось преслѣдованію.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, оно снова возникло и привлекло къ себѣ много лицъ значительныхъ по своему положенію и образованію. Въ это же время возобновились и масонскія ложи, закрытыя при Екатеринѣ [2]). Таинственность сближала ихъ съ религіозной мистикой, такъ что многіе мистики были въ то же время и масонами и наоборотъ.

---

[1]) Изъ готовящагося къ выходу въ свѣтъ сочиненія покойнаго И. А. Чистовича.

[2]) „Послѣ Тильзитскаго мира въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства".

„Правительство, не поощряя его, не мѣшало, однакоже, его распространенію. Оно нравилось своею новизной; любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, многихъ людей привлекали къ нему". Записки Вигеля, ч. 5, гл. 4, стр. 53 (изд. „Русск. Архива").

Какъ мистическое направленіе пришло къ намъ съ запада, такъ и идеи, составляющія сущность мистики, заимствовались изъ сочиненій западныхъ мистиковъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ—Таулера (1361), Іоанна Арндта (1621), Якова Бема (1624) и французскихъ—Фенелона (1715) и г-жи Гіонъ (1717). Но за этими старыми мистиками, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., выступили и пріобрѣли извѣстность и вліяніе новые французскіе—Дю Туа Мамбрини († въ 1790 г.) и Сенъ Мартенъ и нѣмецкіе—Эккартсгаузенъ († 1813) и Юнгъ Штиллингъ (1817).

Послѣ мистиковъ Новиковскаго кружка, въ началѣ XIX вѣка особенно ревностнымъ распространителемъ мистическихъ идей въ Россіи, неутомимымъ переводчикомъ иностранныхъ мистическихъ сочиненій и вообще вліятельнымъ мистикомъ былъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ. (1766—1826)

Окончивъ въ 1784 г. курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ съ блестящимъ успѣхомъ проходилъ службу въ разныхъ вѣдомствахъ и разныхъ должностяхъ; съ 1799 г. состоя на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, поступилъ конференцъ-секретаремъ въ академію художествъ, а затѣмъ былъ въ ней вице-президентомъ.

Литературная дѣятельность его началась еще со студенчества; но съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, онъ сосредоточилъ свое вниманіе и свой трудъ исключительно на переводѣ и изданіи духовныхъ книгъ мистическаго содержанія. Не довольствуясь переводомъ и изданіемъ книгъ, онъ предпринялъ въ 1806 г. изданіе журнала «Сіонскій Вѣстникъ», съ тѣмъ же мистическимъ направленіемъ, взявъ эпиграфомъ слова: «кійждо, якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добри строителіе различныя благодати Божія». Но изданіе журнала продолжалось недолго. Выпустивъ съ января по октябрь всего 9 книжекъ, онъ принужденъ былъ прекратить изданіе журнала и принялся снова за переводъ и изданіе мистическихъ книгъ и въ этомъ поставилъ какъ бы задачу и призваніе своей жизни. Перечень его изданій находится въ біографіи его въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 годъ. Самую большую часть ихъ составляютъ переводъ сочиненій Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга и Бема. Лично онъ былъ человѣкъ весьма почтенный; по умственнымъ дарованіямъ и образованію стоялъ весьма высоко, а по рѣдкому дару слова мало имѣлъ соперниковъ [1]). Остав-

---

[1]) В. И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1814 г. „въ день Рождества у Державина собралось гостей человѣкъ 30, большею частью людей пожилыхъ, и одинъ изъ нихъ съ необыкновеннымъ даромъ слова обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Кто это, спросилъ я кого-то изъ сидѣвшихъ подлѣ меня. Тотъ отвѣчалъ: Лабзинъ. Тогда вниманіе мое удвоилось. Я вспомнилъ, что въ бумагахъ покойнаго отца моего множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ Безъерова, вѣроятно потому, что онъ нигдѣ еровъ

ляя въ сторонѣ крайности его мистическаго направленія, нельзя не признать искренности и горячности его въ вѣрѣ и его неутомимой и самоотверженной дѣятельности, направленной къ распространенію въ современномъ обществѣ понятій о живомъ и дѣятельномъ христіанствѣ, къ пробужденію въ немъ духа любви Христовой и къ отвлеченію его отъ низменныхъ интересовъ, къ исканію царства Божія. Лица, знавшія его, съ уваженіемъ отзываются о его нравственномъ характерѣ [1]).

Государь относился къ мистикѣ, какъ и къ масонству, съ полной терпимостью. Усиленное, при его воспитаніи, стремленіе сгладить въ его глазахъ всѣ разности, раздѣляющія людей, народы и религіозныя исповѣданія, образовали изъ него космополита, придававшаго мало значенія національнымъ особенностямъ народовъ и религіознымъ особенностямъ исповѣданій. Между тѣмъ природный складъ души устремлялъ его къ таинственному, мистическому. Великія событія двѣнадцатаго года усилили еще болѣе мистическое настроеніе. Въ девизѣ, принятомъ имъ послѣ этихъ событій и изображенномъ на побѣдной медали въ память 12 года (не намъ, не намъ, а имени Твоему), онъ прямо выражалъ, что считаетъ себя только орудіемъ, посредствомъ котораго дѣйствовала высшая божественная сила. Но дѣйствіе этой сверхъестественной силы не доступно чувственному взору. Оно созерцается внутреннимъ окомъ души, при размышленіи о Христѣ и таинственномъ соединеніи съ нимъ.

Ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ государя, которому онъ открывалъ сокровеннѣйшія движенія своей души, былъ любимецъ его съ дѣтства, въ то время оберъ-прокуроръ Сѵнода и главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ.

Проведши молодость въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и разнаго рода увлеченіяхъ, князь Голицынъ понялъ наконецъ всю пустоту своей жизни безъ правилъ и безъ цѣли, и обратился къ чтенію священнаго писанія, надѣясь въ немъ найти руководство и утѣшеніе. Въ своихъ

не ставилъ. Въ письмахъ этихъ, замѣчательныхъ по прекрасному изложенію, онъ постоянно сообщалъ отцу моему о современномъ ходѣ французской революціи. Впослѣдствіи я познакомился съ Лабзинымъ, и это знакомство составляетъ довольно любопытный періодъ въ исторіи моей петербургской жизни". Воспомин., стр. 246. „В. Евр." 1867, III.

[1]) См. напримѣръ отзывъ о немъ Ю. П. Бартенева въ „Рус. Арх." 1886, II, стр. 93. Кукольникъ (въ „Рус. Арх." 1874, I, стр. 608) говоритъ о немъ: „Лабзинъ, конечно, имѣлъ свои погрѣшности: онъ былъ честолюбивъ и усильно добивался того, чтобъ его уважали. Но это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, съ чистымъ стремленіемъ къ христіанскому самоусовершенствованію и принесъ большія услуги духовной литературѣ своими сочиненіями и переводами».

«воспоминаніяхъ» онъ подробно разсказываетъ, какъ они съ государемъ поощряли другъ друга къ чтенію слова Божія и какъ отыскивали и находили въ немъ тотъ смыслъ, который соотвѣтствовалъ ихъ душевнымъ состояніямъ. Въ словѣ Божіемъ заключалось для нихъ все—вѣра и церковь, оправданіе и спасеніе.

Этимъ состояніемъ ихъ религіозной экзальтаціи и обращенія къ слову Божію воспользовалось Великобританское библейское общество для пропаганды своего предпріятія. Въ 1812 году оно прислало въ С.-Петербургъ своего агента, пастора Патерсона, возложивъ на него порученіе объ образованіи въ С.-Петербургѣ Библейскаго общества. Миссія Патерсона увѣнчалась успѣхомъ. 6-го декабря государь утвердилъ докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князя Голицына объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Библейскаго общества «для изданія книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на иностранныхъ языкахъ для обитателей Россійской имперіи иностранныхъ исповѣданій». Такимъ образомъ, по первоначальной цѣли своего учрежденія С.-Петербургское библейское общество ограничивало кругъ своихъ дѣйствій живущими въ Россіи инородцами и иностранцами.

11-го января 1813 года было первое собраніе Общества въ домѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, т. е. въ которомъ жилъ князь Голицынъ [1].

Въ этомъ собраніи присутствовали всѣ члены Св. Сунода, ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ, католическій митрополитъ Сестренцевичъ, англійскій и голландскій пасторы, министры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и много другихъ знатныхъ свѣтскихъ лицъ.

---

[1]) Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ, жилъ на Фонтанкѣ, въ домѣ (нынѣ министра Имп. двора, въ 1812 г. пріобрѣтенномъ у Ѳ. Ѳ. Вадковскаго („Рус. Арх“ 1878, III стр. 249). Въ 1812 г. кн. А. Н. Голицынъ испросилъ Высочайшее соизволеніе имѣть, по смерть свою, домовую церковь съ подвижнымъ антиминсомъ. Государь пожаловалъ ему для этой церкви иконостасъ, хранившійся въ Эрмитажѣ. Сообщая митрополиту Амвросію 22 сентября, что освященіе церкви назначено на 1 октября и что совершать оное будетъ ректоръ академіи, архим. Филаретъ, князь просилъ прислать надлежащее число священнослужащихъ, ризницу и въ заключеніе писалъ: Я надѣюсь, что ваше высокопреосвященство почтите сію духовную церемонію вашимъ присутствіемъ и благословите хозяина“. Въ ноябрѣ того же года князь Голицынъ просилъ митрополита Амвросія опредѣлить священникомъ въ его церкви ключаря соборной церкви въ г. Софіи протоіерея Григорія Гомзина, на что митрополитъ изъявилъ полное согласіе, сохранивъ за Гомзинымъ положеніе и при Софійскомъ соборѣ (Канц. Об.-Прок. 1812 г. № 5293).

Тогда же образованъ былъ комитетъ для управленія дѣлами Общества. Президентомъ избранъ главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь А. Н. Голицынъ; вице-президентами: графъ В. П. Кочубей, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, оберъ-гофмейстеръ Род. А. Кошелевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, сенаторы: Данауровъ и Габлицъ; директорами: генералъ-суперъ-интендантъ Рейнботъ, англійскій пасторъ Питтъ, князь П. С. Мещерскій, графъ К. А. Ливенъ, баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. И. Фусъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій, А. А. Лѣнивцевъ и С. С. Уваровъ.

Комитетъ Библейскаго общества былъ центральнымъ учрежденіемъ въ Обществѣ. Кромѣ того, учреждены комитеты хозяйственный для завѣдыванія суммами и имуществомъ Общества и печатныхъ дѣлъ. Въ первый директорами избраны: графъ К. А. Ливенъ [1]), директоръ почтоваго департамента, Ник. Дм. Джулковскій и Ст. Сем. Джунковскій; въ комитетѣ печатныхъ дѣлъ главнымъ дѣятелемъ былъ Патерсонъ.

Секретарями Библейскаго общества избраны В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.

Государь принялъ на себя званіе члена Общества и 15-го декабря приказалъ кабинету отпустить въ распоряженіе Общества 25 тыс. руб. единовременно, а на будущее время производить ежегодно по 10 т. р., начиная съ 1-го января 1813 года [2]).

Въ Лондонѣ съ восторгомъ приняли извѣстіе объ открытіи Библейскаго общества въ Россіи и о сочувствіи къ нему государя и высшихъ правительственныхъ лицъ. Генеральное собраніе Великобританскаго общества, въ которомъ сдѣлано было сообщеніе объ учрежденіи С.-Петербургскаго библейскаго общества, было самое многолюдное, торжественное и блистательное изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ [3]). Въ собраніи присутствовало весьма много епископовъ, членовъ парламента и прочихъ знатныхъ особъ, канцлеръ казначейства и королевскіе сыновья, герцоги Кентскій и Суссекскій. «Я желалъ бы,—писалъ секретарь Великобританскаго общества Штейнкопфъ къ Патерсону,—чтобы Петербургскій библейскій комитетъ могъ быть свидѣтелемъ того священнаго

[1]) Графъ Карлъ Андреевичъ Ливенъ былъ впослѣдствіи (1828—1833) министромъ народнаго просвѣщенія. Въ русской грамотѣ былъ не силенъ. Въ 1814 г. онъ писалъ къ Джунковскому: „Я готовъ въ местѣ съ вами ети наши уже зделанныя щеты подписать. Я думаю, кто дѣло дѣлаитъ даромъ заслуживантъ по кранней мерѣ спасиба“.

[2]) Въ 1816 г. государь пожаловалъ Библейскому обществу каменный домъ и 15.000 р. на исправленіе его и, кромѣ того, 15.000 р. на бумагу для изданій Общества.

[3]) Великобританское и Иностранное библейскія общества учреждены въ 1804 г. Годовыя собранія происходили въ маѣ каждаго года.

восторга, какой объялъ цѣлое собраніе, когда возвѣщено было, что Его Императорское Величество принялъ званіе члена и благотворителя Петербургскаго библейскаго общества». Президентъ Великобританскаго библейскаго общества, лордъ Тегнмутъ, въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну, изъявлялъ удовольствіе по поводу того, что при учрежденіи С.-Петербургскаго библейскаго общества приняты главныя основанія Великобританскаго и Иностраннаго библейскихъ обществъ, и выражалъ надежду, что соединеніе христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ этомъ предпріятіи, столь священномъ и достойномъ человѣческихъ усилій, будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія.

Основнымъ правиломъ Библейскаго общества было то, чтобы при изданіи книгъ священнаго писанія на разныхъ языкахъ держаться текстовъ, употребляемыхъ по правиламъ того или другаго вѣроисповѣданія, безъ всякихъ поясненій или комментаріевъ, которыя неизбѣжно носили бы вѣроисповѣдный отпечатокъ. Посему князь Голицынъ озаботился собраніемъ свѣдѣній объ употребительныхъ, авторизованныхъ изданіяхъ Библіи въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ и самыхъ этихъ изданій, и для этого входилъ въ сношенія съ католическимъ митрополитомъ Сестренцевичемъ, епископами: подольскимъ — Маціевичемъ, виленскимъ — Стройновскимъ, луцкимъ — Цецишевскимъ, греко-уніатскимъ митрополитомъ Кохановичемъ и армяно-католическимъ епископомъ Кристофовичемъ. Въ первый же годъ своего существованія Петербургское общество приступило къ изданію книгъ священнаго писанія на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, армянскомъ и монгольскомъ языкахъ. Затѣмъ слѣдовало изданіе за изданіемъ отдѣльныхъ книгъ Новаго Завѣта на разныхъ инородческихъ языкахъ и пересмотры для новыхъ изданій полной Библіи на греческомъ, грузинскомъ и молдавскомъ языкахъ.

Сношенія С.-Петербургскаго общества съ Великобританскимъ были непрерывныя.

Лондонскій комитетъ присылалъ значительныя суммы С.-Петербургскому въ подкрѣпленіе издержекъ его по многочисленнымъ изданіямъ. Сношенія эти велись чрезъ Патерсона, который былъ, можно сказать, организаторомъ Общества и съ неутомимою ревностію и изумительною оборотливостію завѣдывалъ всѣми изданіями Общества на иностранныхъ языкахъ. Въ то же время агентъ Великобританскаго общества, Пинкертонъ, непрерывно путешествовалъ по Россіи съ рекомендательными письмами отъ князя Голицына къ архіереямъ и главнымъ мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, объяснялъ цѣль учрежденія Библейскаго общества и устроивалъ мѣстныя отдѣленія и комитеты Библейскихъ обществъ.

Письма членовъ Англійскаго библейскаго общества проникнуты

были какимъ-то религіознымъ экстазомъ, какъ-будто наступила новая эра и какъ-будто насталъ послѣдній и рѣшительный моментъ всеобщаго обращенія народовъ къ христіанству и къ сообразной съ христіанствомъ жизни въ духѣ мира, любви и блаженства. «Какія нынѣ времена! Господь воцарился. Кажется, что опять уже услышится гласъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень». Куда ни обратишься, повсюду совершается и преуспѣваетъ дѣло, котораго тотъ гласъ требовалъ. Безчисленное множество дѣлателей, впервые только извѣстныхъ свѣту и одинъ другому, трудятся надъ тѣмъ, дабы всяка дебрь исполнилась и всяка гора и холмъ смирились и были стропотная въ правая и острая въ пути гладки, да откроется слава Господня и узритъ всяка плоть спасеніе [1]). Великобританское общество хотѣло покрыть весь свѣтъ такими Обществами и съ помощію своихъ миссіонеровъ учредило множество ихъ во всѣхъ странахъ свѣта. Въ годовыхъ отчетахъ его сообщалось о Библейскихъ обществахъ Филадельфіи и Калькутты, Мадраса и Цейлона, о безчисленныхъ корреспонденціяхъ съ отдаленнѣйшими странами міра, о переводахъ Библіи на 26 индусскихъ языковъ, о путешествіяхъ агентовъ его на отдаленные острова океана для изученія языковъ тамошнихъ жителей и перевода на нихъ Евангелія. Только католическія государства—Австрія, Баварія, Испанія не только не показывали сочувствія Библейскимъ обществамъ, но относились къ нимъ даже враждебно. Тѣмъ болѣе, они дорожили союзомъ съ Россіей, которая приняла дѣло ихъ такъ близко къ сердцу, и увлекали ее къ славѣ быть провозвѣстницею слова Божія для многочисленныхъ народовъ, ее населяющихъ, на ихъ родныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. «Какой это безпримѣрный союзъ,—писалъ секретарь Великобританскаго общества Овенъ къ Патерсону,—который сближаетъ и связуетъ Лондонъ съ Петербургомъ и съ Москвой, съ Черкасскомъ и съ Ѳеодосіей, и я не знаю еще, съ какими мѣстами другихъ наименованій. Какая честь для меня начертывать здѣсь въ моемъ кабинетѣ, на берегу Темзы, письмо, коего содержаніе можетъ возвеселить сердца любителей Библіи на берегахъ Невы, Москвы, Дона, Чернаго моря. Уже концы земли обращаютъ взоры свои на сію книгу, которая благодатію Святаго Духа поведетъ ихъ къ Истинному Мессіи и даруетъ имъ умудриться во спасеніе. Я разсматриваю теперь карту Россіи, которую вы мнѣ прислали, съ чрезвычайнымъ и безпредѣльнымъ удовольстіемъ. Россійское библейское общество не перестанетъ существовать и тогда, когда знаменитѣйшія на свѣтѣ учрежденія придутъ въ упадокъ. Благословенные дары, которые оно разливаетъ между обитателями Россіи, переживутъ и самое время и перейдутъ въ вѣчность». «Я каждый день болѣе и бо-

[1]) Письмо секр. Великобр. общ. Овена къ Патерсону 3 декабря 1874 г.

лѣе удостовѣряюсь,—писалъ къ нему же Р. Стевенъ, директоръ Лондонскаго миссіонерскаго общества,—что послѣ нашего любезнаго отечества, Россіи предоставлено отъ промысла Божія быть наибольшею благотворительницею на землѣ. Счастливое государство! Сколько въ немъ князей и властей духовныхъ и свѣтскихъ, боящихся Бога и приступившихъ съ такимъ горячимъ усердіемъ къ священному дѣлу — сѣянію слова жизни! Счастливая земля, въ которой верховные начальствующіе различныхъ вѣроисповѣданій съ такою для себя честію и пользою для великаго дѣла подвизаются на служеніе религіи».

Въ томъ же возвышенномъ тонѣ составлялись и отчеты Библейскаго общества. Дѣйствія его описывались въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, какъ-будто наступило наконецъ давно ожидаемое царство Христово, полились источники благодати во всѣ концы земли и на всѣхъ людей безъ различія, было бы только желаніе къ принятію ея. Подъ буквою слова Божія, какъ подъ открывшеюся апокалипсическою печатью, найдены и возвѣщались новыя тайны духовнаго вѣдѣнія.

Въ 1814 году С.-Петербургское библейское общество переименовано въ Россійское. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенъ его составъ и расширенъ кругъ дѣйствій. До сего времени Общество издавало священныя книги только на иностранныхъ языкахъ; а для снабженія священными книгами православныхъ русскихъ покупали оныя изъ запасовъ Святѣйшаго Синода. Но такъ какъ требованій было много, а запасовъ недоставало, то Библейское общество само предприняло изданіе Библіи и особо Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ. Но, чтобы оно сохранило за собою авторитетъ церковнаго изданія, для этого въ составъ комитета Библейскаго общества избрано нѣсколько лицъ изъ православнаго духовенства: митрополиты с.-петербургскій Амвросій и кіевскій Серапіонъ и присутствовавшіе въ Святѣйшемъ Синодѣ архіепископы: черниговскій Михаилъ и тверской Серафимъ съ званіемъ вице-президентовъ; архимандриты-ректоры духовной академіи Филаретъ и семинаріи Иннокентій — съ званіемъ директоровъ. Тогда же избранъ былъ въ директоры Библейскаго общества изъ свѣтскихъ А. Ѳ. Лабзинъ, принимавшій потомъ самое живое участіе въ дѣлахъ и изданіяхъ Общества. Между прочимъ, онъ предлагалъ позволить раскольникамъ издать старинную Библію, которой они держатся. «Мѣра сія снисхожденія, — писалъ онъ, — произвела бы неимовѣрное соревнованіе ихъ къ нашему (т. е. Библейскаго общества) дѣлу. Мѣра сія не была бы предосудительна: истина всегда истина, какимъ бы нарѣчіемъ ее ни выговаривали: ни старый, ни новый переводъ жизни не дадутъ, ибо духъ животворитъ».

Это вторая ступень въ развитіи дѣйствій Библейскаго общества. Наконецъ, въ февралѣ 1816 года государь повелѣлъ президенту Рос-

сійскаго библейскаго общества князю Голицыну предложить Святѣйшему Сѵноду «по глубокому убѣжденію Его Величества во всеобщей великой пользѣ, отъ слова Божія пріобрѣтаемой, искреннее и точное желаніе его доставить и россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ языкѣ». Во исполненіе этой воли, тогда же начатъ былъ переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ съ Евангелій. Трудъ первоначальнаго перевода Евангелій возложенъ былъ на здѣшнюю духовную академію, а для редакціонной считки учрежденъ былъ высшій переводный комитетъ, въ которомъ членами были архіепископы Михаилъ и Серафимъ, архимандритъ Филаретъ, В. М. Поповъ и А. Ѳ. Лабзинъ. Главная доля труда упадала на Филарета. Собственно онъ велъ это дѣло; кромѣ непосредственнаго участія въ переводѣ, онъ былъ докладчикомъ въ комитетѣ и записывалъ предлагаемыя исправленія и наблюдалъ за печатаніемъ. Въ 1819 году онъ составилъ извѣстное предисловіе къ изданному въ томъ году переводу четвероевангелія, начинающееся словами: «Словомъ Божіимъ все сотворено и все сотворенное держится силою слова Божія». А въ февралѣ слѣдующаго 1820 г. предпринятъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, переводъ на русскій языкъ и книгъ Ветхаго Завѣта. Это третья и послѣдняя стадія въ дѣятельности Библейскаго общества. Изъ Ветхаго Завѣта переведены и напечатаны были только Псалтирь и Пятокнижіе Моисеево.

Современникъ событій того времени и во многихъ изъ нихъ принимавшій дѣятельное участіе Александръ Скурлатовичъ Стурдза [1]) писалъ объ учрежденіи Библейскаго общества въ Россіи: «съ 1812 по 1816 г., между тѣмъ какъ Александръ довершалъ умиротвореніе Западной Европы, начало тайкомъ пробираться къ намъ новорожденное въ Англіи Библейское общество. Дома у себя оно было предметомъ ненависти и подозрѣній церкви англиканской, съ которою боролось въ союзѣ съ тамош-

---

[1]) А. С. Стурдза (род. въ январѣ 1791 г.) служилъ сначала по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ 1812—1816 г. находился при графѣ Каподистріи заграницей въ Вѣнѣ и Парижѣ. Занимаясь въ то же время учеными и публицистическими трудами, онъ написалъ въ 1816 г. сочиненіе: Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe, а императоръ Александръ далъ средства на его напечатаніе заграницей, въ Германіи (Канц. Об.-Пр. 1816 г. № 5599). Въ 1818 г., не оставляя службы по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ приглашенъ былъ кн. Голицынымъ къ участію въ трудахъ главнаго правленія училищъ. Въ томъ же году онъ отправился заграницу по случаю Ахенскаго конгресса, но, напечатавъ тамъ записку о состояніи Германіи и о германскихъ университетахъ, возбудилъ противъ себя ненависть университетской молодежи и едва спасся отъ кинжала поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Россію. Съ 1822 г. находился въ безсрочномъ отпуску и жилъ въ Одессѣ. Сконч. 8 іюня 1854 г. („Чтенія въ Общ. Ист. и Древн." 1864 г. кн. 2. „Рус. Арх." 1867 г. стр. 866).

ними диссентерами. У насъ, напротивъ, первые агенты Библейскаго общества приняты были съ восторгомъ. По образцу и точной мѣркѣ Англійскаго общества поспѣшили основать у насъ «Россійское библейское общество»—самый рабскій сколокъ безъ всякаго примѣненія къ уставамъ и потребностямъ русской церкви. Князя Голицына обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго церковнаго надзора и съ устраненіемъ всѣхъ вообще истолкованій на божественный текстъ. Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго общества новое изліяніе Св. Духа на всяку плоть, что съ помощью одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ. Первымъ шагомъ къ цѣли было приглашеніе въ составъ Общества духовныхъ сановниковъ всѣхъ исповѣданій, подъ предсѣдательствомъ самого Голицына и подъ секретарствомъ В. М Попова, у котораго духъ сектъ страннымъ образомъ омрачилъ слабый разсудокъ. Всѣмъ памятно, съ какою быстротою такъ называемое библейское дѣло воплотилось у насъ на Руси въ видѣ мѣстныхъ библейскихъ отдѣленій, распространявшихъ наперерывъ слово Божіе по слову и мановенію человѣческому. Тогда же разосланы по всей Россіи вѣстники библейскаго дѣла, заѣзжіе къ намъ англичане, между которыми извѣстный Пинкертонъ занималъ первое мѣсто. Ему поручили объѣхать почти всѣ епархіальные города, имѣть совѣщанія съ мѣстными архіереями, требовать у нихъ отчета въ успѣхахъ распространенія слова Божія и, въ случаѣ надобности, побуждать ихъ къ новой дѣятельности. Само собою разумѣется, что Пинкертона, большею частію, принимали съ подобострастіемъ. А въ иныхъ мѣстахъ послѣ обычныхъ библейскихъ засѣданій, на которыхъ Пинкертонъ предписывалъ законъ, къ нему подходили тайкомъ и пожимали руку нѣкоторые лже-братья изъ духовенства, которые, будучи смѣтливѣе толпы, предугадывали всю обширность и глубину затѣваемаго церковнаго переворота. И подлинно, хотя съ одной стороны усилія сдѣлать библію доступною каждому христіанину представлялись полезными и похвальными, съ другой, однакоже, упорство, съ какимъ общество отвергало всякое законное истолкованіе текста и размножало изданія и переводы мимо всякаго надзора іерархіи, не обличало ли коварное стремленіе къ разрушенію всякаго чина и порядка въ составѣ православной церкви. Безпристрастный наблюдатель, ничуть не вдаваясь въ крайность, проповѣдуемую Римомъ [1]), долженъ былъ однако же сознаться въ томъ, что новое на Руси Библейское общество влекло всѣхъ и каждаго прямою дорогою на сторону протестанства» [2]). Въ приведенныхъ словахъ Стурдзы есть,

[1]) Римская церковь не дозволяетъ мірянамъ читать библію.

[2]) „Русск. Стар.“ 1876 г. т. XV, стр. 272.

конечно, преувеличенія; не только Пинкертонъ съ Патерсономъ, но и силы, болѣе ихъ значительныя, не могли бы произвесть никакого крупнаго переворота въ русской церкви въ направленіи къ протестантству. Однакожъ то вѣрно, что образъ дѣйствій Библейскаго общества не былъ соображенъ ни съ народными понятіями и обычаями, ни съ чиномъ и порядкомъ нашей церкви. Не говоря уже о избраніи въ члены и на всѣ начальственныя и распорядительныя должности по Россійскому Библейскому обществу духовныхъ и свѣтскихъ лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, въ члены и директора Библейскаго общества принимались и избираемы были лица и не христіанскихъ исповѣданій—магометане и буддисты.

Между тѣмъ совершавшіяся въ Европѣ великія событія производили сильное впечатлѣніе на императора Александра, занимавшаго центральное положеніе въ этихъ событіяхъ, и наклоняли душевное настроеніе его, въ сложившемся уже направленіи, болѣе и болѣе къ мистицизму. Свиданіе въ 1814—1815 гг. съ Юнгомъ Штиллингомъ и госпожею Криднеръ, съ своей стороны, усиливало въ немъ это настроеніе. Государя сблизила съ ними находившаяся заграницей въ свитѣ императрицы фрейлина ея, Роксана (Александра) Скарлатовна Стурдза, сестра того А. Стурдза, отзывъ котораго о Библейскомъ обществѣ мы привели выше. Роксана Стурдза обладала высокими душевными качествами и пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ государя [1]). Когда и какъ сама она подпала подъ вліяніе мистиковъ, мы не знаемъ, но въ разсматриваемое время въ 1814—1815 гг. она уже глубоко проникнута была мистицизмомъ и находилась въ сношеніяхъ съ мистиками. Въ іюнѣ 1814 г., когда, на обратномъ пути изъ Голландіи, государь остановился на короткое время въ Брухзалѣ (въ Баденскомъ герцогствѣ), куда выѣхали на встрѣчу ему императрица, Стурдза устроила представленіе ему знаменитаго мистика Юнга Штиллинга. Это былъ религіозный мечтатель, но добродушный филантропъ, въ ту пору уже престарѣлый (75 лѣтъ), вѣрившій въ общеніе душъ съ подземными духами, проповѣдовавшій близкій конецъ свѣта (хиліазмъ) и имѣвшій множество адептовъ. На другой день послѣ представленія, государь пригласилъ его къ себѣ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, а послѣ этого свиданія говорилъ Стурдзѣ: «Сегодня утромъ я видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ. Я понялъ, что вы заключили съ нимъ во имя Бога союзъ любви и милосердія, долженствующій остаться неразрывнымъ. Я просилъ его принять меня, третьяго, въ этотъ союзъ, и мы дали другъ другу въ знакъ

---

[1]) Роксана С. Стурдза вышла потомъ замужъ за графа Эделинга, оберъ-гофмейстера Саксенъ-Веймарскаго двора, поселившагося въ южной Россіи. См. о ней записки Вигеля, ч. 6, гл. IX, стр. 129.

нашего единенія руку. Согласны ли вы на такой союзъ?» —«Государь, отвѣчала Стурдза, союзъ этотъ уже существуетъ между нами». При этихъ словахъ, говоритъ графиня Эделингъ въ своихъ мемуарахъ,— императоръ взялъ съ нѣжностью мою руку, и я замѣтила, какъ слезы катились изъ его глазъ» [1]). Ровно чрезъ годъ послѣ этого, въ іюнѣ 1815 г. Александръ встрѣтился съ г-жею Криднеръ, съ которою также давно уже старалась сблизить его Стурдза. Великая пророчица находилась въ это время, можно сказать, въ апогеѣ своей славы. Вотъ нѣсколько біографическихъ подробностей о ней. Дочь лифляндскаго барона, д. т. с. Фитингофа и правнучка фельдмаршала Миниха, она была женою барона Криднера, русскаго посланника въ Венеціи, Копенгагенѣ и наконецъ въ Берлинѣ († 14 іюня 1802 г.). Даровитая по природѣ и образованная литературно, она имѣла извѣстность и успѣхъ, какъ писательница. Въ особенности ея романъ «Валерія» сдѣлалъ ея имя довольно популярнымъ въ Европѣ. Поэтическія увлеченія ея молодости смѣнились, послѣ того какъ она сдѣлалась вдовою, религіознымъ настроеніемъ съ сильною мистическою экзальтаціею. Юнгъ Штиллингъ былъ ея вдохновителемъ на этомъ новомъ пути. Но, блиставшая въ свѣтѣ, она не желала и въ своемъ новомъ положеніи оставаться незамѣченной и употребляла всѣ способы къ тому, чтобы сдѣлаться извѣстной и занять мѣсто въ первыхъ рядахъ. По настроенію вѣка тогда всѣ имѣли сверхъестественныя видѣнія, получали откровенія и пророчествовали, и Криднеръ сдѣлалась пророчицей, но, какъ обращавшаяся въ высшихъ общественныхъ и политическихъ кругахъ, предсказывала преимущественно важныя политическія событія. Одно изъ такихъ предсказаній съ намеками, которые могли относиться къ Александру, находилось въ письмѣ Криднеръ къ Стурдзѣ, которая показала его императрицѣ, а императрица Александру. Государь уже былъ заинтересованъ въ ея пользу, но она явилась къ нему тогда, когда онъ всего менѣе ожидалъ ее, именно на пути его изъ Вѣны въ Гейдельбергъ, гдѣ были расположены его войска и находилась главная квартира. Внезапность ея появленія поразила его, тѣмъ болѣе, что оно произошло въ такую минуту, когда, послѣ смутъ Вѣнскаго конгресса, утомленный заботами и непріятностями, онъ особенно живо и съ грустью чувствовалъ, что нѣтъ подлѣ него дружеской души, съ которою онъ могъ бы раздѣлить свои думы и чувствованія [2]).

---

[1]) Надлеръ. „Религіозно-нравственное развитіе Александра и идея священнаго союза". „Вѣра и Разумъ", 1891 г. № 18, стр. 327.

[2]) Разсказывая объ этомъ первомъ свиданіи государя съ Криднеръ, бывшемъ 4 іюня 1815 г., кн. А. Н. Голицынъ говорилъ: „Многія причины располагали государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Криднершу. Съ одной стороны собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ

Сама Криднеръ объясняла свое появленіе предъ государемъ указаніемъ свыше. Бесѣды ихъ, начавшіяся въ Гейльбронѣ, продолжались въ Гейдельбергѣ. Когда, послѣ вторичнаго пораженія Наполеона и уничтоженія арміи его при Ватерлоо, государь вступилъ съ своими войсками въ Парижъ, Криднеръ, по его приглашенію, прибыла туда же и помѣстилась въ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцомъ, въ которомъ государь имѣлъ пребываніе. Здѣсь возобновились ихъ духовныя бесѣды. Государь навѣщалъ ее и проводилъ съ нею вечера въ молитвѣ и чтеніи священнаго писанія. Это было преклоненіе могущественнѣйшаго монарха, въ періодъ наивысшей его силы, съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества предъ высшею силою Божіею. Его какъ бы подавляли величіе происходящихъ событій и его собственное, какъ главнаго дѣятеля въ нихъ, и чѣмъ болѣе онъ внѣшнимъ образомъ возвышался, тѣмъ болѣе смирялся въ своей душѣ и въ своихъ чувствахъ и предавался на волю Божію. Онъ считалъ дѣломъ особаго милосердія Божія, что получилъ склонность и привычку къ чтенію Библіи. Каждый день, каковы бы ни были его занятія, онъ читалъ три главы: одну изъ пророковъ, одну изъ евангелій и одну изъ посланій апостольскихъ. По его собственнымъ словамъ, даже во время войны, даже при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ не оставлялъ своего обычнаго чтенія. Въ словѣ Божіемъ онъ видѣлъ основу и опору вѣры, а въ вѣрѣ единственный законъ, съ которымъ должны сообразоваться въ своей жизни люди и народы. Это было то настроеніе Александра, выраженіемъ котораго явился знаменитый историческій актъ начала вѣка, актъ Священнаго союза. Конечно, не восторженная въ своихъ мистическихъ созерцаніяхъ Криднеръ была виновницей этого настроенія, образовавшагося въ государѣ прежде свиданія съ нею, но она дѣйствовала въ отношеніи къ государю, въ моментъ зарожденія въ его душѣ идеи священнаго союза, совершенно въ

религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой—увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по инымъ иновѣрственнымъ поколѣніямъ Европы, какъ съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала и сопровождала громкая молва народная; наконецъ знать, что сія женщина есть и русская подданная: все это, можетъ быть, заставило государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Криднершею... Въ это самое время государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ: „Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“ пер. съ нѣмецкаго, А. Лабзина, которую государь, хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія“. Изъ записокъ Ю. П. Бартенева. „Рус. Арх.“ 1886, II, стр. 92.

тонъ этого его настроенія, и въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ происхожденіи знаменитаго акта.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, государь издалъ 25-го декабря 1815 года манифестъ съ приложеніемъ акта Священнаго союза для прочтенія въ церквахъ. По Высочайше утвержденному опредѣленію Святѣйшаго Сунода положено было, напечатавъ его, поставить на стѣнахъ храмовъ; а въ 1817 году 22-го октября, по докладу князя А. Н. Голицына, Высочайше повелѣно было читать его въ градскихъ и сельскихъ церквахъ каждое 14-е сентября вмѣстѣ съ манифестомъ, по случаю его послѣдовавшимъ [1]).

Начала священнаго союза сдѣлались руководящими въ направленіи дѣятельности государя. Распространеніе свѣта вѣры Христовой, усиленіе способовъ къ распространенію въ народѣ священнаго писанія, воспитаніе юнаго поколѣнія въ духѣ вѣры и благочестія, расширеніе христіанской благотворительности, заботливость объ обращеніи ко Христу израильтянъ заблудшихся, но бывшихъ нѣкогда носителями великихъ откровеній и хранителями таинъ Божіихъ [2])—были предметами самыхъ

---

[1]) „Сборн. Археол. Общ.," кн. 2, 109, Спб. 1873 г.

[2]) Заслуживаетъ вниманія и упоминанія слѣдующее учрежденіе, характерно выражающее духъ того времени. Въ 1817 г. Высочайшимъ манифестомъ, послѣдовавшимъ 25-го марта, въ самый день Пасхи, утвержденъ былъ по докладу кн. Голицына Комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ. Комитетъ этотъ имѣлъ цѣлью обращеніе евреевъ въ христіанство и образованіе изъ нихъ особыхъ колоній, обезпеченныхъ значительнымъ земельнымъ надѣломъ. Кн. Голицынъ опредѣленъ въ званіе опекуна, В. М. Поповъ назначенъ президентомъ комитета, кн. Мещерскій и Пинкертонъ утверждены членами комитета. Комитетъ этотъ значился въ адресъ-календарѣ еще въ 1830-хъ годахъ, но успѣха въ дѣйствіяхъ не имѣлъ. Покойный А. М. Ѳаддеевъ писалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „неизлишнимъ считаю упомянуть о фантастическихъ колоніяхъ въ Екатеринославской губерніи, около Маріуполя, которыя вздумалъ основать покойный князь А. Н. Голицынъ, въ пылу разгара своихъ благочестивыхъ стремленій. Онъ вообразилъ, что будетъ очень спасительно и душеполезно основать Общество израильскихъ христіанъ. Для этой цѣли было отведено близъ Азовскаго моря 24.000 десятинъ самой лучшей плодоносной земли: тамъ онъ предположилъ водворить обращающихся въ православіе евреевъ. Имъ были предназначены большія льготы, былъ назначенъ управляющій надъ ними съ большимъ содержаніемъ. Слишкомъ 20 лѣтъ эти земли, въ ожиданіи обитателей изъ погибшихъ и возвращенныхъ на путь истины сыновъ Израиля, оставались впустѣ; казна издержала многіе десятки тысячъ рублей на содержаніе управленія, но переселенцевъ въ 20 лѣтъ нашлось одно семейство, да и то изъ спекуляціи, чтобы торговать землею. Только въ 30-хъ годахъ земля возвращена въ казенное вѣдомство". („Рус. Арх." 1891, 2, стр. 325). Поповъ оставался президентомъ этого комитета, кн. Мещерскій и М. Пилецкій директорами комитета до самаго закрытія его.

искреннихъ желаній и попеченій государя. Въ этихъ мысляхъ, желая соединить образованіе народа съ воспитаніемъ его въ духѣ вѣры и благочестія, государь поручилъ оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну, исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія послѣ вышедшаго въ отставку графа А. К. Разумовскаго; а князь Голицынъ, сдѣлавшись министромъ, пригласилъ въ члены главнаго правленія училищъ ректоровъ Духовной академіи, архимандрита Филарета и семинаріи архимандрита Иннокентія. Такимъ образомъ, въ лицѣ князя А. Н. Голицына соединилось управленіе духовными дѣлами православнаго и прочихъ исповѣданій и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ учрежденіе мистическаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было только юридическою формулою соединенія этихъ учрежденій въ одномъ управленіи, фактически находившихся уже въ управленіи одного лица.

И. А. Чистовичъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

III [1]).

Отношеніе къ барону Корфу педагогическихъ дѣятелей.

Какъ ни разнообразна общественная дѣятельность барона Н. А. Корфа, но въ ней явно преобладаютъ педагогическія стремленія вообще, главнымъ же образомъ—неустанные труды на пользу собственно народнаго образованія. Въ первомъ нашемъ очеркѣ было уже указано, что именно въ области народнаго образованія барону Корфу принадлежитъ роль иниціатора и созидателя народной русской школы, а также—и организатора у насъ всего вообще дѣла народнаго образованія. Заслуга, очевидно, громадная въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ нашего государства, но слишкомъ, однако, недостаточно еще оцѣненная. Главное же—нѣтъ въ настоящее время двухъ мнѣній, согласныхъ между собою. Однимъ, напримѣръ, кажется, что барона Н. А. Корфа «слишкомъ захвалили, приписали ему несравненно больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ»; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что «русское общество въ долгу передъ нимъ, какъ передъ однимъ изъ заслуженнѣйшихъ сыновъ Россіи». Споръ этотъ, начавшійся въ общей печати еще при жизни барона Корфа, тянется уже черезъ все десятилѣтіе послѣ его смерти и обѣщаетъ стать безконечнымъ, такъ какъ обѣ стороны ведутъ его совершенно голословно.

Мы имѣемъ возможность разъяснить вопросъ о значеніи заслугъ барона Н. А. Корфа въ ряду другихъ русскихъ педагогическихъ дѣятелей, а также—о роли его, какъ иниціатора и организатора въ области народнаго образованія,—съ академическою объективностью и точностью, документально, подлинными письмами разнаго рода педагогическихъ дѣятелей къ барону Корфу. Очень жаль, что письма эти до сихъ поръ оставались подъ спудомъ: они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г., май.

значеніе заслугъ барона Н. А. Корфа. Читатели будутъ имѣть возможность вскорѣ же убѣдиться документально, что многіе изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи были безпощадно суровыми критиками барона Н. А. Корфа, въ дѣйствительности оказываются его в ы у ч е н и к а м и... Да, именно выучениками, а не просто у ч е н и к а м и.

Читателямъ извѣстно уже объ очень сочувственномъ отношеніи къ барону Н. А. Корфу гг. Бунакова, Гасаненко и Фесенко. Но отзывы этихъ почтенныхъ педагоговъ о дѣятельности барона Корфа—это лишь блѣдные штрихи, сравнительно съ тѣми пространно и разносторонне мотивированными мнѣніями всѣхъ наиболѣе крупныхъ, выдающихся представителей русской педагогіи, къ изложенію которыхъ (т. е. мнѣній) мы обращаемся теперь.

Придерживаясь, по возможности, хронологическаго порядка, начнемъ съ писемъ И. Бѣлова (теперь умершаго уже), бывшаго въ ту пору директоромъ учительской семинаріи въ Дерптѣ (нынѣшнемъ Юрьевѣ) и принимавшемъ, подобно барону Н. А. Корфу, довольно дѣятельное участіе въ общей и педагогической печати.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Считаю долгомъ высказать Вамъ совершенно откровенно, что, обращаясь въ своей статьѣ къ Вамъ съ просьбой выслать экземпляръ изданнаго Вами „Руководства“ [1]), я никакъ не предполагалъ получить въ отвѣтъ такое любезное, такое полное вниманія къ моей педагогической дѣятельности письмо, какимъ Вы удостоили меня. Искренно, глубоко благодарю Васъ и за письмо, и за книги, при немъ препровожденныя. Для меня составитъ дѣло въ высшей степени пріятное заняться подробнымъ изложеніемъ Вашихъ отчетовъ и Вашей дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ,—тѣмъ большее удовольствіе, что я давно уже знакомъ съ Вами заочно, по статьямъ Вашимъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Если бы я не раздѣлялъ Вашихъ взглядовъ на дѣло обученія, то, вѣрьте мнѣ, ни подъ какимъ видомъ не стѣснился бы высказать Вамъ и лично, и печатно; наконецъ, ничто не могло бы меня заставить писать о Вашей дѣятельности. Но до отъѣзда въ Петербургъ, что̀ послѣдуетъ около 15 декабря, я успѣю только прочитать Ваши отчеты, написать же о нихъ успѣю не ранѣе, какъ въ январѣ мѣсяцѣ, короче сказать, въ началѣ февраля статья моя будетъ помѣщена въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сотрудникомъ которыхъ состою много лѣтъ. Отчеты Ваши требуютъ и продолжительнаго, и внимательнаго чтенія. Ранѣе января мѣсяца не могу приступить къ статьѣ еще и по той причинѣ, что въ половинѣ декабря исполнится ровно два мѣсяца съ половиной, какъ Ваше „Руководство“ къ обученію грамотѣ приложено мною къ дѣлу; а я хочу написать непремѣнно о результатахъ обученія по Вашему „Руководству“. Для меня гораздо удобнѣе писать обо всемъ въ одной статьѣ. Въ настоящемъ же письмѣ позвольте высказать Вамъ слѣдующее. Мѣсяцъ и три дня, какъ мы

[1]) Дѣло идетъ объ извѣстномъ уже читателямъ „Руководствѣ къ обученію грамотѣ“. М. П.

учимъ по Вашему „Руководству“, и успѣхи поражаютъ даже меня, человѣка, говорю прямо, безъ хвастовства, учившаго не мало и въ этомъ дѣлѣ кое-что понимающаго. Всѣ замѣчанія, высказанныя Вами въ предисловіи къ „Руководству“, оправдались самымъ блистательнымъ образомъ: дѣти отъ удовольствія, что такъ скоро и легко научаются читать, смѣются, выражаютъ удивленіе; учившіеся по старой системѣ, дѣйствительно, идутъ труднѣе, чѣмъ тѣ, которые совершенно не учились. Занимается съ ними семинаристъ подъ моимъ надзоромъ. Семинаристъ этотъ мнѣ прямо высказалъ, что занятія по обученію грамотѣ доставляютъ ему истинное удовольствіе, ибо необыкновенно пріятно видѣть успѣхи дѣтей послѣ каждаго урока. Я самъ провожу время въ этомъ классѣ какъ нельзя болѣе отрадно. Да, говорю искренно, говорю, какъ можетъ говорить честный человѣкъ, который дорожитъ своими словами и знаетъ имъ цѣну, что Вы сдѣлали прекрасное дѣло; много-много добра принесетъ Ваша книга русской землѣ. Вѣрьте мнѣ, какъ педагогу, способному оцѣнить подобный трудъ. Считаю святымъ долгомъ все это высказать о ней печатно. Мнѣ хорошо извѣстны нѣмецкія руководства по этой части. Въ Вашемъ „Руководствѣ“ нѣтъ ничего такого, чего бы не было у нѣмцевъ; но дѣло въ томъ, что составлено-то оно необыкновенно просто, понятно, отлично прилажено и къ языку, и къ дѣтской природѣ. Нѣмцы умны, дѣльно пишутъ, прекраснаго въ ихъ литературѣ пропасть; но любятъ они перехитрить, любятъ мелочи, хотятъ объяснить все до тонкости, почему нерѣдко и затемняютъ сущность дѣла. Нѣкоторыя (самыя незначительныя) упущенія, которыя я нашелъ въ Вашей книгѣ, будутъ мною также высказаны печатно въ полномъ моемъ отчетѣ объ упомянутомъ „Руководствѣ“. Примите благодарность за него отъ лица всей нашей семинаріи. На-дняхъ войду съ оффиціальной бумагой, въ которой изложу попечителю необходимость пріобрѣсти его для нашихъ народныхъ школъ. Будучи отданъ дѣлу, я не могу не предложить Вамъ подумать о томъ, чтобы взять нашихъ семинаристовъ для вашихъ земскихъ школъ. Еслибы Вы знали, что за чудесное заведеніе наша семинарія! Какіе славные учителя выходятъ изъ нея! Только здѣсь я понялъ все великое значеніе семинаріи въ дѣлѣ народнаго образованія. Бѣдная Россія! Чего ты лишена! Надобно видѣть нашихъ семинаристовъ, чтобы вполнѣ понять, до какой степени они способны оправдать названіе полезнѣйшихъ дѣятелей. Я здѣсь два года и уже отправилъ двухъ въ Россію, оттуда получаю за нихъ одну благодарность. Наши семинаристы и здѣсь нарасхватъ, безъ хлѣба они не остаются; слѣдовательно, я хлопочу не о нихъ, а о дѣлѣ, о дорогой мнѣ Россіи. Министръ графъ Толстой загналъ меня въ эти края потому, что моя педагогическо-литературная дѣятельность показалась вредной,—загналъ съ тѣмъ, что я при немъ въ Россіи мѣста не получу. Онъ не думаетъ, конечно, что здѣсь я могу многому научиться, и я дѣйствительно научился многому въ семинаріи, для которой стоило нарочно пріѣхать, чтобы провести въ ней два года. Но, взявъ все съ нѣмцевъ что можно было взять, я, несмотря на самыя выгодныя матеріальныя условія, не въ силахъ болѣе вращаться на этой совершенно чуждой почвѣ, среди людей, раздѣляющихъ положительно другіе національные интересы. Здѣсь русскій чувствуетъ себя въ Германіи. Съ какимъ бы наслажденіемъ я посвятилъ свою дѣятельность родной земской почвѣ! Сколько разъ я останавливался на Вашемъ имени, когда читалъ Ваши отчеты! Часто-часто я завидовалъ Вамъ, сильно завидовалъ. Вы служите такому дѣлу, о которомъ, если даже только подумаешь, то дѣлается отрадно. Простите меня за эту непро-

шенную откровенность. Но мнѣ хотѣлось, чтобы Вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Я слышалъ въ Петербургѣ о Вашей дѣятельности, а потому рѣшился быть съ Вами откровеннымъ. Если вздумаете писать ко мнѣ, то считаю не лишнимъ увѣдомить Васъ, что возвращусь изъ Питера къ 8 января. Благодарю за распоряженіе о присылкѣ мнѣ 5 экземпляровъ Вашего „Руководства". Деньги за него немедленно доставлю, по полученіи книгъ, согласно съ сообщеннымъ Вами адресомъ. Г. Павленковъ былъ настолько любезенъ, что давно уже выслалъ мнѣ одинъ экземпляръ, на томъ основаніи, что газеты до Васъ доходятъ медленно. Къ марту мѣсяцу я напечатаю мое „Руководство" для сельскихъ учителей, съ краткимъ курсомъ педагогіи и дидактики. Позвольте препроводить экземпляръ онаго къ Вамъ, съ моею надписью, на память отъ автора.

Съ полнымъ моимъ уваженіемъ
честь имѣю быть
покорнымъ слугою
И. Бѣловъ.

4 ноября 1868 г.
Дерптъ.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

На Ваше, доставившее мнѣ огромное удовольствіе, письмо, отъ 22 ноября, долженъ отвѣчать, съ сожалѣнію, коротко, ибо пишу наканунѣ отъѣзда послѣ множества экзаменовъ и всѣхъ сопряженныхъ съ ними занятій. Видя, до какой степени Вы горячо относитесь въ Вашему „Руководству", не менѣе дорогому и для меня, я хочу прежде всего сказать нѣсколько словъ о немъ. Вотъ Вамъ святая истина: дѣти, не имѣющія понятія о грамотѣ, т. е. никогда не учившіяся ни читать, ни писать, занимались по Вашему руководству часъ въ недѣлю, ибо въ классѣ два отдѣленія—грамотныхъ и безграмотныхъ. Для русскаго языка полагается два урока въ недѣлю, каждый урокъ по часу. Изъ каждаго урока по получасу посвящается на каждое отдѣленіе; слѣдовательно, въ 10 недѣль (занятія начались съ 1-го октября и продолжались по 15-е декабря) пришлось на отдѣленіе безграмотныхъ 20-ть получасовъ или 10 часовъ. Въ 10 часовъ времени по Вашему „Руководству" сдѣлано слѣдующее: лучшій ученикъ думаетъ надъ словомъ не болѣе минуты и потомъ читаетъ его безъ запинки; останавливается только надъ буквой, ему еще неизвѣстной, ибо семинаристъ по Вашему руководству успѣлъ пройти только 20 уроковъ, остается еще 8 уроковъ. Лучшій ученикъ почти смаху, сразу пишетъ продиктованное ему слово. Худшій ученикъ, слабѣйшій, думаетъ надъ словомъ двѣ-три минуты, шепчетъ про себя, наконецъ, ошибочно произноситъ слово. Ошибка состоитъ въ томъ, что онъ одну букву принимаетъ за другую, особенно, если между буквами существуетъ сходство въ начертаніи; такъ: вмѣсто сито—онъ произнесетъ — сишо. Худшій ученикъ пишетъ скоро, хотя съ повтореніемъ сдѣланной имъ въ чтеніи ошибки Но когда ему замѣтятъ, что вмѣсто звука *ш* надобно написать *т*, или наоборотъ, то онъ самъ исправляетъ ошибку. Вообще замѣчено, что слабѣйшіе ученики пишутъ лучше, чѣмъ читаютъ, что согласно съ педагогическимъ закономъ, который говоритъ: дитя легче усваиваетъ форму того, что оно изображаетъ видимымъ для глаза знакомъ. Иначе сказать: дитя принимаетъ въ чтеніи

звукъ *т* за *ш*, но на письмѣ оно эти звуки не смѣшиваетъ. Вотъ результаты, достигнутые Вашимъ удивительнымъ, превосходнымъ „Руководствомъ“. Я не повѣрилъ бы всему выше упомянутому, если бы не видѣлъ результатовъ собственными глазами. Прямо говорю: честную, славную службу Вы, Николай Александровичъ, сослужили русской землѣ. Не побоюсь высказать все это печатно. И выскажу. Долженъ высказать для блага всего неграмотнаго русскаго люда. Честные люди настолько хорошо знаютъ меня и настолько убѣждены въ невозможности купить у меня похвалу или порицаніе, что въ этомъ случаѣ могу дѣйствовать совершенно свободно. Душевно сожалѣю, что Коршъ уже напечаталъ о Вашемъ отчетѣ. Въ бытность въ Петербургѣ, я переговорю съ нимъ: найдетъ ли онъ возможнымъ напечатать у себя мой разборъ о Вашемъ отчетѣ. Если согласится, то передамъ ему; если не согласится, то передамъ въ „Отечественныя Записки“, или въ новый журналъ Мѣдникова: „Народная Школа“, который будетъ выходить съ января и редакторъ котораго прислалъ мнѣ приглашеніе принять дѣятельное участіе въ его журналѣ. Съ истиннымъ наслажденіемъ я прочиталъ половину вашего отчета. Сколько горячихъ, задушевныхъ взглядовъ я могу высказать по поводу его. Я писалъ къ Коршу, чтобы онъ не печаталъ извлеченія изъ Вашего отчета, но въ тотъ день, когда я отправилъ мое письмо, былъ мною полученъ номеръ „СПБ. Вѣдомостей“, въ которомъ и напечатано сухое, мертвое извлеченіе изъ отчета. Лѣтомъ я въ состояніи отправить къ Вамъ прекраснаго семинариста. Вотъ его условія: 700 рублей жалованья, при готовой квартирѣ и дровахъ. Если возможно назначить какое-нибудь вознагражденіе по выслугѣ имъ извѣстныхъ лѣтъ, то хорошо; если же нельзя, то согласенъ ѣхать и безъ этого. Если вы никогда не видали семинарскаго обученія и вообще семинаріи, то не можете себѣ и представить, до какой степени будетъ полезенъ Вамъ бывшій семинаристъ. Онъ по Вашимъ указаніямъ можетъ ѣздить по деревнямъ и показывать учителямъ на самомъ дѣлѣ, к а к ъ и ч е м у должно учить. Онъ постепенно образуетъ Вамъ цѣлый рядъ прекрасныхъ учителей. Если земство не можетъ имѣть многихъ, то оно должно имѣть одного подобнаго учителя. Найдете полезнымъ воспользоваться моимъ совѣтомъ, то напишите мнѣ, согласно ли земство на условія, предложенныя семинаристомъ, который долженъ быть обезпеченъ какой-нибудь бумагой, что лѣтомъ займетъ мѣсто у Васъ, ибо наши семинаристы безпрестанно получаютъ предложенія. Я хлопочу объ одномъ: послужить добромъ Вашему краю и современемъ услышать отъ Васъ спасибо. Мое представленіе о Вашемъ „Руководствѣ“ уважено: канцелярія попечителя пишетъ въ Александровскій училищный совѣтъ о высылкѣ „Руководства“ для введенія его въ народныхъ училищахъ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы болѣе и болѣе расходилось его по русской землѣ. Я возвращусь изъ Питера къ 9 числу января. Простите за безсвязное письмо. Вѣрьте совѣсти, что многое хотѣлось бы сказать, да нѣтъ времени.

Глубоко уважающій Васъ

И. Бѣловъ.

16 декабря 1868 г.
Дерптъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Простите великодушно, что на письмо Ваше отъ 10 января я отвѣчаю только теперь: набравъ множество работы въ Петербургѣ, я былъ сильно за-

нятъ, въ томъ числѣ и Вашимъ отчетомъ, который разобралъ подробно, написавъ 2½ листа печатныхъ. Съ большимъ наслажденіемъ я занимался Вашимъ отчетомъ. Вчера препроводилъ мой отчетъ въ Петербургъ, въ редакцію „Народной Школы", которая убѣдительно просила меня написать разборъ Вашего отчета для нея. Редакторъ Мѣдниковъ—человѣкъ мнѣ близко знакомый, и человѣкъ хорошій. На убѣдительныя просьбы его я далъ слово. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" нельзя бы помѣстить уже потому, что два съ половиной листа—слишкомъ большая статья для читателей газеты, да и статья много потеряла бы, помѣщаемая по-фельетонно, иногда черезъ нѣсколько дней. Она будетъ напечатана въ мартовской книгѣ „Народной Школы" или въ апрѣльской. Я писалъ разборъ такъ, какъ человѣкъ, любящій свое дѣло, можетъ писать о книгѣ, въ которой п р а в д а такъ и бьетъ въ глаза. Паульсона я знаю близко. Какъ педагоги, мы в о м н о г о мъ расходимся. Какъ люди—также н е с о ч у в с т в у е м ъ другъ другу. Вотъ все, что я могу сказать. Въ воззрѣніяхъ на Вашъ отчетъ мы н е п р е м ѣ н н о разойдемся. Онъ хорошій теоретикъ, лучшій знатокъ нѣмецкой педагогической литературы, но а б с о л ю т н о не знаетъ ни народа нашего, ни русской исторіи. Онъ все пригоняетъ къ нѣмецкой мѣркѣ. Лѣтомъ я, вѣроятно, уѣду въ Вятку, куда, можетъ быть, земство вызоветъ меня для совѣщаній по тѣмъ преобразованіямъ, которыя оно предпринимаетъ по народному образованію. Оно просило меня разсмотрѣть его доклады. Я разсмотрѣлъ, составилъ записку, идеи которой приняты съ полнымъ сочувствіемъ земствомъ, послѣ чего и спросили меня, на какихъ условіяхъ я лѣтомъ соглашусь пріѣхать къ нимъ. О всемъ этомъ было напечатано въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Если я поѣду, то въ началѣ іюня, непремѣнно въ первыхъ числахъ, и пробуду до 20 чиселъ августа. Думаю, что Вы будете печатно отвѣчать мнѣ на мой разборъ. Въ разборѣ сказалъ и о Вашемъ „Руководствѣ".

Съ полнымъ моимъ уваженіемъ
честь имѣю быть
покорнѣйшій слуга
И. Бѣловъ.

13 марта 1869 г.
Дерптъ.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Безполезно было бы говорить, что на Ваше письмо я не могъ отвѣчать по недостатку времени: Вы сами знаете, что у меня и служебныхъ, и педагогическо-литературныхъ дѣлъ не мало. Меня удерживало отъ отвѣта и то обстоятельство, что я хотѣлъ вторично отправиться къ фотографу, но подобный подвигъ съ моей стороны не могъ совершиться скоро. Только на дняхъ я сдержалъ свое обѣщаніе и препровождаю Вамъ, при семъ прилагаемую, свою карточку. Въ настоящее время я занятъ большимъ педагогическимъ трудомъ, который можетъ быть будетъ конченъ къ Рождеству: я пишу курсъ педагогики для семинарій и сельскихъ учителей. Сижу я надъ нимъ ровно два года. Работа трудная, ибо я хорошо знаю степень умственнаго развитія нашихъ учителей и ихъ способность усваивать отвлеченныя истины. Для семинарій до сей поры не существуетъ курса педагогіи, который отвѣчалъ бы условіямъ нашей жизни. Употребляю всѣ силы, чтобы моя работа вышла хо-

рошей. Сейчасъ жена напомнила мнѣ о нѣмецкомъ письмѣ, о возвращеніи котораго прошу Васъ. Въ концѣ іюня я, если не уѣду за границу, куда страшно тянетъ, то отправлюсь на Уралъ, въ Пермскую губернію; меня просятъ, т. е. земство, устроить тамъ съѣздъ учителей и заняться съ ними на съѣздѣ. Я не писалъ еще о согласіи, ибо борюсь: тянетъ къ нѣмцамъ и швейцарцамъ досмотрѣть то, чего не успѣлъ досмотрѣть въ прошедшемъ году. Пишу объ этомъ только для того, чтобы Вы приняли на себя трудъ возвратить мое нѣмецкое письмо ранѣе конца іюня. Можетъ быть я сойдусь съ нѣмцемъ и вмѣстѣ съ нимъ устрою что-нибудь полезное для книжнаго дѣла. Въ наше педагогическое собраніе [1]) хоть не ходи. Никто не вноситъ рефератовъ, все идетъ мертво, вяло, едва держится. Разумѣется, безъ причины на бѣломъ свѣтѣ ничего не бываетъ. Говорить о нихъ и тяжело и долго. Сидѣть въ собраніи и молчать—самое удобное, что̀ я и исполняю.

Примите увѣреніе въ моемъ
искреннемъ уваженіи
Вашъ покорный слуга
И. Бѣловъ.

7 апрѣля 1872 г.

Позвольте поздравить Васъ съ великимъ праздникомъ и заочно похристосоваться съ Вами.

Всѣ четыре письма покойнаго И. Бѣлова отличаются такою ясностью, опредѣленностью мотивовъ, что не нуждаются ни въ какихъ дополнительныхъ разъясненіяхъ. Замѣтимъ лишь, что приведенныя письма Бѣлова имѣютъ нѣкоторую связь съ приведенными ниже письмами покойнаго Ѳ. Н. Мѣдникова (редактора «Народной Школы» и г. І. Ив. Паульсона (редактора журнала «Учитель»).

Письма Бѣлова, какъ убѣдимся сейчасъ, во многомъ совпадаютъ съ письмами К. Д. Ушинскаго. А это имѣетъ большое значеніе для оцѣнки педагогической дѣятельности барона Н. А. Корфа, такъ какъ покойный уже нынѣ Ушинскій, безспорно, одинъ изъ самыхъ видныхъ и авторитетныхъ русскихъ педагоговъ, имѣвшій обширную-научную и разностороннюю—практическую подготовку въ области всего вообще школьнаго и воспитательнаго дѣла. Замѣчательно, что спеціальная педагогическая критика барона Н. А. Корфа почти совершенно не коснулась писемъ къ нему Ушинскаго. Между тѣмъ именно авторитетъ послѣдняго прямо обязывалъ критиковъ исходить изъ этихъ писемъ, которыя, какъ увидимъ сейчасъ, дѣйствительно представляютъ большой интересъ, въ смыслѣ оцѣнки значенія барона Н. А. Корфа спеціально въ педагогическомъ отношеніи, и представляютъ, съ этой точки зрѣнія, весьма серьезное значеніе.

---

[1]) Здѣсь говорится о С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, которое во второй половинѣ 60-хъ годовъ было закрыто графомъ Д. А. Толстымъ. М. П.

К. Д. Ушинскій—самая крупная величина въ русскомъ педагогическомъ мірѣ. Истекаетъ уже 25-ти-лѣтіе со времени смерти Ушинскаго,—и онъ все-таки остается въ единственномъ числѣ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ нашей отечественной педагогической дѣятельности. Когда баронъ Корфъ успѣлъ выступить на арену общественной дѣятельности, Ушинскій сходилъ уже со сцены съ большимъ ореоломъ общественнаго уваженія и славы, но за то—съ окончательно разбитымъ здоровьемъ. Приводимъ шесть писемъ К. Д. Ушинскаго, захватывающихъ пору самаго яркаго и славнаго расцвѣта дѣятельности барона Н. А. Корфа.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Вы вѣроятно негодуете на меня за то, что я не отвѣчалъ на Ваше доброе письмо, писанное еще въ октябрѣ прошедшаго года. Но я въ этомъ нисколько не виноватъ, ибо получилъ его только пять минутъ тому назадъ отъ г. Корша, вмѣстѣ съ присланными Вами книгами.

Вы на самомъ себѣ знаете, безъ сомнѣнія, какъ пріятно въ настоящее тяжелое время, когда графъ Толстой давитъ народное образованіе тяжестью двухъ министерствъ, получить выраженіе сочувствія къ тому дѣлу, которому человѣкъ посвятилъ всю свою жизнь. Зная же это, Вы, конечно, не можете сомнѣваться, чтобы я не выполнилъ выраженнаго Вами желанія, тѣмъ болѣе, что я давно, съ истиннымъ наслажденіемъ слѣжу за Вашею дѣятельностью и, не будучи въ силахъ самъ, по совершенному разстройству моего здоровья, принять участіе въ практикѣ этого дѣла, находилъ много успокоенія въ томъ, что оно еще имѣетъ такихъ дѣятелей, какъ Вы.

Въ настоящее время я оканчиваю второй томъ моей „Антропологіи“, трудъ, какъ я и самъ знаю, въ высшей степени не совершенный, но который, какъ, я убѣжденъ, принесетъ со временемъ не малую пользу. Дѣло это поглощаетъ теперь меня всего, и я спѣшу его окончить, чтобы уѣхать изъ Петербурга поскорѣе, что̀ для меня необходимо. Вотъ почему я не могу немедленно же выполнить Вашего желанія, но обѣщаю выполнить его немедленно же, какъ только будетъ у меня свободное время и если силы мои хотя немного возстановятся, и выполню его, конечно, со всею любовью къ самому дѣлу и со всѣмъ уваженіемъ къ Вамъ.

Вы должно быть еще молодой человѣкъ: дай же Богъ Вамъ долго и успѣшно бороться на томъ поприщѣ, съ котораго я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный! Дай Богъ Вамъ принести гораздо болѣе пользы, не только болѣе того, чѣмъ я принесъ, но даже болѣе, чѣмъ я могъ бы принести подъ другимъ небомъ, при другихъ людяхъ и при другой обстановкѣ!

Извините, что я не самъ пишу къ Вамъ: къ болѣзни груди у меня еще присоединилась болѣзнь глазъ.

Примите же искреннѣйшее увѣреніе въ томъ глубокомъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть Вашимъ, Милостивый Государь,

покорнымъ слугою
К. Ушинскій

15 января 1869 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Извините, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо; но я спѣшилъ окончить второй томъ моей „Антропологіи“, чтобы поскорѣе уѣхать изъ Петербурга, и на-дняхъ собираюсь выѣхать. Я поѣду въ Крымъ, пить кумысъ и, слѣдовательно, туда и обратно долженъ проѣзжать недалеко отъ того мѣста, гдѣ Вы живете. Очень было бы пріятно, еслибы устроить дѣло такъ, чтобы я на обратномъ пути могъ повидаться съ Вами; можетъ быть изъ этого свиданія и вышло бы что-нибудь полезное. Пожалуйста, потрудитесь написать мнѣ въ Одессу до востребованія съ почты. Я увожу съ собою какъ Ваши отчеты, такъ и нѣсколько другихъ, чтобы на досугѣ подумать о нихъ хорошенько. Я полагаю, что земская школа должна, наконецъ, положить прочное основаніе народному образованію въ Россіи и что теперь именно настало время организовать разрозненныя попытки въ этомъ отношеніи всѣхъ честныхъ людей. Лучшимъ средствомъ для этого, какъ мнѣ кажется, было бы имѣть общій журналъ, въ которомъ бы сходились свѣдѣнія о результатахъ тѣхъ или другихъ попытокъ, сдѣланныхъ земствами различныхъ губерній, и въ которомъ могли бы обсуждаться эти попытки. Самъ я, при моей болѣзненности и безпрестанныхъ отлучкахъ изъ Петербурга, конечно, не могу издавать такого журнала, но могъ бы и желалъ бы отъ всей души принять въ немъ дѣятельное участіе, чтобы посвятить свои остальныя силы земскимъ школамъ, такъ какъ я жду отъ нихъ хотя не многаго, но по крайней мѣрѣ чего-нибудь дѣйствительнаго, а не только бумажнаго и форменнаго, чѣмъ до сихъ поръ угощала насъ администрація. Въ Петербургѣ, какъ Вамъ извѣстно, издаются два педагогическіе журнала: „Учитель“—Паульсономъ и „Народная Школа“—Мѣдниковымъ. „Учитель“ проводитъ нѣмецкую педагогику, мало пригодную для насъ, русскихъ; журналъ Мѣдникова, начавшійся только въ этомъ году и имѣющій самое ничтожное количество подписчиковъ, имѣетъ уже чисто русское направленіе или, лучше сказать, хочетъ его имѣть; кромѣ того, онъ избралъ своею спеціальностью народную школу, а по моему мнѣнію, въ настоящее время земская школа и народная школа—синонимы. Мѣдниковъ—человѣкъ очень честный, простой и, имѣя свое обезпеченное состояніе, вовсе не спекулируетъ на свой журналъ; но онъ полезенъ былъ бы тѣмъ, что, живя постоянно въ Петербургѣ и вращаясь въ педагогическомъ мірѣ, могъ бы быть очень хорошимъ редакторомъ. Еслибы объявить этотъ журналъ журналомъ земскихъ школъ и Вы приняли бы въ немъ дѣятельное участіе, то, можетъ быть, и вышло бы что-нибудь дѣльное. Вотъ о чемъ мнѣ хотѣлось бы очень переговорить съ Вами, хоть письменно, если уже нельзя лично.

Посылаю Вамъ двѣ первыя части моей „Антропологіи“. Когда выйдетъ третья—еще и самъ не знаю. Теперь же я намѣренъ окончить и приготовить къ печати русскую грамматику или лучше сказать первоначальный курсъ, который могъ бы дать ученику возможность не затрудняться въ употребленіи письменнаго языка.

Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить то мое искреннее уваженіе къ Вамъ, съ которымъ честь имѣю быть Вашимъ, Милостивый Государь,

покорнѣйшимъ слугою

К. Ушинскій.

28 мая 1869 г.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Стыдно и извиняться передъ Вами, что не отвѣчалъ Вамъ цѣлые три мѣсяца на Ваше письмо, а между тѣмъ и со мной въ сущности сдѣлалось то же, что съ Вами: хотѣлъ поступить лучше, анъ вышло хуже. Дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось послать Вамъ свое новое произведеніе—первоначальную грамматику, и я полагалъ, что она выйдетъ въ декабрѣ; но отчасти болѣзнь, а отчасти и безпрестанныя передѣлки корректуръ да и медленность типографіи протянули дѣло такъ, что только завтра или послѣ-завтра книга выйдетъ въ свѣтъ. Она мнѣ стоила много труда и тѣмъ не менѣе я ею очень не доволенъ и теперь уже вижу, что многое придется въ ней передѣлать при новомъ изданіи. Конечно, она не нужна для народныхъ школъ, гдѣ орѳографія, насколько ее нужно для того, чтобы понимать написанное, должна быть усваиваема практически. Но для учительскихъ семинарій и для учителей сельскихъ школъ знаніе русской грамматики я считаю необходимымъ и въ этомъ отношеніи и мою книгу не безполезною. Полагаю, кромѣ того, что толковый учитель найдетъ въ моей книгѣ много полезныхъ упражненій для учениковъ. Вы просите меня сказать мое мнѣніе насчетъ Вашего „Руководства къ обученію грамотѣ“. Это руководство имѣетъ чисто практическую цѣль, и потому Вы изъ самой практики могли убѣдиться, что оно составлено очень хорошо. Можетъ быть, моя книжка для учителей беретъ слишкомъ высоко, да я и не знаю такъ хорошо тѣхъ личностей, съ которыми Вы прямо имѣете дѣло. Цѣль звуковой методы—чисто практическая, и если эта цѣль достигается, то и все сказано. Что касается до примѣненій моего „Роднаго Слова“, о которыхъ я читалъ въ Вашихъ отчетахъ, то могу сказать, что примѣненій сдѣлано гораздо больше, чѣмъ я самъ могъ разсчитывать, особенно о. дьяконъ примѣнилъ книгу неожиданно для меня самого. Лучшимъ отвѣтомъ съ моей стороны на всѣ эти примѣненія будетъ то, что я, имѣя ихъ въ виду, передѣлаю нѣсколько и увеличу обѣ первыя части „Роднаго Слова“, назначивъ это изданіе уже чисто для сельскихъ школъ. Въ то время, когда я составлялъ „Родное Слово“ (отъ 1862—1865 гг.), земскія школы еще не существовали, и потому назначилъ мою книгу для школъ городскихъ, для дѣтей мѣщанства, чиновничества и мелкаго дворянства, что и отразилось сильно на моей книгѣ, особенно на 2-й ч. Теперь же я прямо буду имѣть въ виду земскую, т. е. сельскую школу, и притомъ съ 3-хъ-лѣтнимъ окончательнымъ курсомъ. Передѣлки эти я начну теперь же, но конечно издамъ книгу не раньше конца нынѣшняго или начала будущаго года. Я работаю вообще очень медленно: переправляю и передѣлываю безчисленное число разъ; да кромѣ того, болѣзни мои меня сильно одолѣваютъ. Въ эту зиму я почти не выходилъ изъ дому и рѣшился окончательно разстаться съ Петербургомъ, а гдѣ поселюсь—и самъ еще не знаю. Теперь думаю ѣхать и отыскивать мѣстечко, гдѣ бы могъ окончить свое существованіе, посвятивъ послѣднее время все тѣмъ же педагогическимъ трудамъ.

Въ прошломъ году я ѣхалъ къ Вамъ, да не доѣхалъ: добрался съ моими двумя мальчуганами до Кіева, но тамъ расхворался и еще пуще расхандрился и былъ радехонекъ добраться до своего хутора въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, гдѣ и прожилъ все лѣто. Такимъ образомъ я имѣлъ неблагоразуміе просить Васъ написать ко мнѣ въ Одессу, а въ Одессу не попалъ. Теперь я опять дѣлаю попытку проникнуть туда же; но намѣренъ ѣхать черезъ Вѣну, а на обратномъ пути, въ маѣ мѣсяцѣ, буду розыскивать Васъ,

чтобы и съ Вами познакомиться и хоть разъ въ жизни порадоваться на русскую школу. Врачи совѣтуютъ мнѣ поселиться въ Симферополѣ, ибо за границей жить я не хочу, и вотъ мнѣ хотѣлось бы взглянуть, что такое Симферополь.

Статью для „Народной Школы“ я написалъ, но плохую. Болѣзнь держитъ меня дотого далеко отъ всякой общественной жизни и дѣятельности, что я рѣшительно не могу написать теперь ничего живаго изъ области практики. Дѣло другое Вы: читая каждую Вашу статью, чувствуешь, что Вы говорите о дѣлѣ, въ которомъ сами вращаетесь и которому отдались безкорыстно и прямодушно. О, еслибы Васъ можно было помножить на число нашихъ губерній,—не говорю уже уѣздовъ,—черезъ 10 лѣтъ Россія была бы уже другая. Но Вы и такъ дѣлаете много однимъ своимъ примѣромъ, и имя Ваше будитъ не одно сонное земство.

Съ большимъ нетерпѣніемъ жду Вашей объявленной книги и жду отъ нея наставленія мнѣ самому, ибо прежде, чѣмъ написать общій учебникъ для земскихъ школъ, я хотѣлъ бы побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ, какъ Вы, да и въ самую школу заглянуть мнѣ было бы необходимо. Если здоровье мое потянетъ, то, какъ раздѣлаюсь съ 3-мъ томомъ „Антропологіи“, займусь исключительно народнымъ образованіемъ.

Другая цѣль поѣздки моей—пріискать гдѣ-нибудь имѣніе въ вашихъ же краяхъ, чтобы въ немъ проводить лѣто. Ищу имѣніе тысячъ въ сорокъ или пятьдесятъ, если бы оно было поближе къ Вамъ, то былъ бы радехонекъ.—Словомъ, плановъ много, а силъ и на одно не хватитъ, быть можетъ.

Если гдѣ-нибудь приткнусь, то напишу къ Вамъ, чтобы и отъ Васъ получить вѣсточку; но еслибы Вамъ понадобилось почему-либо написать ко мнѣ ранѣе, то пишите на имя жены моей, съ передачею мнѣ.

При семъ идетъ къ Вамъ посылочка съ двумя экз. грамматики. Она только-что вышла, дня четыре, а уже половина изданія распродана (2.500 экз.). Этого я не ожидалъ. Примите самыя искреннія увѣренія, что Васъ глубоко уважаетъ

преданный Вамъ
К. Ушинскій.

23 февраля 1870 г.

Крымъ. 28 мая.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Гоняясь долго за мною, письмо Ваше отъ 25-го марта нашло наконецъ меня въ 20-ти верстахъ отъ Симферополя, въ имѣніи иностранца Варле, гдѣ я, наконецъ, пью кумысъ послѣ долгихъ и неудачныхъ странствованій. Я поѣхалъ было встрѣчать весну въ Италію, но пролежалъ въ Вѣнѣ больной, пропустилъ время и по докторскому совѣту отправился пить кумысъ и пробрался въ Крымъ—по Дунаю и черезъ Одессу. Соображая различные маршруты, написанные Вами, какъ добраться до Васъ, съ моими истощенными силами, я вижу, что это для меня невозможно: и желѣзная дорога меня утомляетъ, а пуститься на проселокъ я рѣшительно не смѣю. Около 20-хъ чиселъ іюня я надѣюсь выѣхать уже изъ Одессы и пробраться черезъ Кіевъ къ себѣ въ деревню. Такимъ образомъ, несмотря на искреннее желаніе видѣться съ Вами,—это рѣшительно мнѣ не удастся; а многое хотѣлось бы переговорить съ Вами, многое высказать и многое выспросить. Съ Петербур-

гомъ я рѣшился окончательно разстаться и серьезно ищу здѣсь мѣстности, гдѣ бы поселиться, потому что тасканія за границу также надоѣли мнѣ и слишкомъ меня утомляютъ. Лучше прожить зиму хоть и не въ слишкомъ тепломъ климатѣ, но у себя дома. Можетъ быть, я куплю имѣньице здѣсь въ Крыму, а можетъ быть гдѣ-нибудь въ Новороссіи, если найдется подходящее и недалеко отъ желѣзной дороги, и, конечно, если успѣю купить и устроиться, потому что болѣзнь сильно меня одолѣваетъ.

Написать книгу для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту, но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить „Антропологію“, и потомъ только я хоть сколько-нибудь примѣню „Родное Слово“ къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе „Роднаго Слова“. Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего досаднѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что 3—4 мѣсяца прежняго здоровья—и я бы, кажется, все кончилъ.

Когда напишу программу „Роднаго Слова“ для земскихъ школъ, то пришлю къ Вамъ, надѣясь, что Вы не оставите ее безъ замѣтокъ.

До 17-го іюня я разсчитываю пробыть на кумысѣ, и если бы у Васъ нашлось время еще написать ко мнѣ, то адресуйте въ Симферополь „до востребованія“, а послѣ того, если Вы захотите обрадовать меня письмомъ своимъ, то адресуйте такъ: „въ Черниговскую губ., Глуховскій уѣздъ, Шостенскій пороховой заводъ, а оттуда—въ хуторъ Богданку“. Неужели намъ съ Вами никогда не придется свидѣться и побесѣдовать на пользу русской школы?

Очень радъ, что книга моя понравилась Вамъ (грамматика), и тѣмъ не менѣе я нахожу въ ней большіе дидактическіе недостатки; однако, и теперь, при второмъ изданіи, исправить ихъ не могъ: такая плетушка, что тронешь одно—и все надо передѣлывать, а на такую передѣлку силъ нѣтъ.

Искренно и глубоко Васъ уважающій,

Вашъ покорный слуга

К. Ушинскій.

На приведенномъ письмѣ не означено года, но оно несомнѣнно относится къ 1870 году. Ушинскій въ это время находился въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Ему такъ и не довелось окончить «Антропологію», т. е. выпустить третій томъ извѣстнаго его научно-педагогическаго сочиненія—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Въ виду такого состоянія здоровья, само собою разумѣется, несбыточною мечтою оказались и его порывы передѣлать «Родное Слово» спеціально для народной школы, а равно издать и «Первоначальную географію». Заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что К. Д. Ушинскій выбралъ барона Н. А. Корфа главнымъ цѣнителемъ программы задуманнаго имъ «Роднаго Слова» для сельскихъ школъ. Это—большой, такъ сказать, педагогическій цензъ, получающій еще большее значеніе въ виду слѣдующаго письма К. Д. Ушинскаго, заключающаго въ себѣ оцѣнку первой крупной книги барона Н. А. Корфа—«Русская начальная школа»:

16-го іюня 1870 г.
Симферополь.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Письмо Ваше отъ 20-го мая, посланное Вами въ Петербургъ, послѣ долгихъ странствованій, нашло меня въ Симферополѣ. Я уже писалъ Вамъ, какъ туда попалъ. Лѣченіе мое пошло неудачно: въ деревнѣ я заболѣлъ лихорадкой и долженъ былъ переѣхать въ городъ, гдѣ оканчиваю свое кумысное питье. Въ Симферополѣ я попалъ, конечно, въ педагогическій міръ: въ школу, на экзаменъ и на учительскій съѣздъ. Какое бы живое участіе принялъ я во всемъ этомъ, еслибы хоть сколько-нибудь поправился; но, кажется, мнѣ не суждено больше поправляться.

Здѣсь я нашелъ Вашу книгу „Русская начальная школа“ и прочелъ съ большимъ интересомъ. Она несомнѣнно принесетъ огромную пользу всѣмъ тѣмъ земствамъ, въ которыхъ есть порядочные люди, понимающіе всю важность народной школы. Я самъ нашелъ въ ней много новаго для себя, потому что Вы взглянули на дѣло глазами практика, не запутаннаго никакими предвзятыми теоріями, что большею частью случается съ людьми, пишущими по тому же предмету. Однакоже, особенно въ дидактической сторонѣ Вашего труда, я нашелъ нѣсколько мнѣній, съ которыми не согласенъ, о чемъ и намѣренъ потолковать въ журналѣ „Народная Школа“, если только будутъ силы. Но въ томъ-то и бѣда, что ихъ нѣтъ и ни откуда онѣ не приходятъ.

Прочитавъ всѣ маршруты Ваши, я увидѣлъ, что добраться къ Вамъ мнѣ невозможно, ибо Вы такъ далеко отъ желѣзныхъ дорогъ и въ особенности отъ одесско-кіевской, по которой я намѣренъ возвращаться къ себѣ въ деревню.

По этой же самой причинѣ мнѣ трудно было бы и поселиться во Времевкѣ: восемьдесятъ верстъ отъ желѣзной дороги—слишкомъ большое разстояніе для такого больнаго человѣка, какъ я.

23-го іюня я намѣренъ выѣхать изъ Симферополя, а 29-го изъ Крыма, и черезъ Одессу и Кіевъ воротиться къ себѣ въ деревню. Чрезвычайно мнѣ грустно, что я дошелъ до такого состоянія, что не могу преодолѣть и восьмидесяти верстъ, чтобы повидаться съ Вами, для чего въ другое время проѣхалъ бы и гораздо болѣе. Вѣрьте тому глубокому и искреннему уваженію, съ какимъ остаюсь, преданный Вамъ

К. Ушинскій.

Въ виду столь сильной похвалы «Русской начальной школѣ» со стороны такого глубокаго знатока педагогическаго дѣла, какъ Ушинскій, считаемъ необходимымъ хоть нѣсколько охарактеризовать этотъ новый трудъ барона Корфа, причины, вызвавшія его составленіе, и практическое значеніе. Заваливаемый со всѣхъ сторонъ запросами: какъ приступать къ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, баронъ Николай Александровичъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ названную книгу, весьма солидныхъ размѣровъ. Онъ совершенно справедливо назвалъ ее «Руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». Какъ сказано въ предисловіи къ этой

*

книгѣ, авторъ ея имѣлъ въ виду возбудить сочувствіе къ народной школѣ и создать дѣятелей для нея. Цѣль эта вполнѣ удачно достигнута имъ. Въ названной книгѣ баронъ Корфъ является передъ читателями и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ администраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной школы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. Естественно поэтому, что его «Русская начальная школа» сразу же стала необходимою настольною книгою для каждаго и всѣхъ, маломальски причастныхъ къ дѣлу народнаго образованія и желающихъ разумно, сознательно служить ему въ томъ или другомъ отношеніи. Въ этомъ именно смыслѣ Ушинскій и привѣтствовалъ появленіе въ свѣтъ этого почтеннаго труда, указывая на «огромную пользу» его.

Къ величайшему сожалѣнію, Ушинскому такъ и не удалось свидѣться съ барономъ Корфомъ. Всего на 47 году отъ рожденія, 21 декабря 1870 года, К. Д. Ушинскій скончался. Помимо тяжкаго физическаго недуга, кончину его ускорило еще и очень сильное нравственное потрясеніе, совершенно неожиданно обрушившееся на него. Старшій сынъ Ушинскаго, 18-ти-лѣтній юноша, подававшій блестящія надежды, ранилъ себя на охотѣ—и умеръ. Этотъ жестокій ударъ судьбы доконалъ Ушинскаго. Хоть онъ и крѣпился по наружному виду, но его окончательно уже оставили силы и энергія.

Вотъ что̀ писалъ, между прочимъ, Ушинскій въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ барону Н. А. Корфу:

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Вы, вѣроятно, недоумѣваете, почему я такъ долго не отвѣчалъ на послѣднее письмо Ваше. Но еслибы Вы знали, что̀ со мною случилось, то легко поняли бы это. Возвратившись изъ Крыма, въ деревню къ себѣ, въ самый день моего пріѣзда, я едва не засталъ похоронъ моего старшаго сына, юноши 18-ти лѣтъ, который за три дня до того, будучи на охотѣ, ранилъ себя смертельно. Скоро послѣ того я получилъ письмо Ваше и, недѣли черезъ двѣ, написалъ на него отвѣтъ; но отвѣтъ этотъ былъ таковъ, что я хорошо сдѣлалъ, что не послалъ его Вамъ: вы бы увидѣли изъ него только, какъ низко можетъ упасть человѣкъ подъ тяжкимъ и нежданнымъ ударомъ судьбы. Теперь рану нѣсколько затянуло, и я могу уже кое-какъ, насколько позволяетъ мнѣ мое, окончательно разбитое, здоровье, заняться своими обычными дѣлами.

Мы, наконецъ, совсѣмъ покинули Петербургъ и переселились въ Кіевъ, гдѣ покуда устроились кое-какъ и очень плохо; но ищемъ купить домъ, гдѣ уже и пристанетъ семья моя. Что же касается собственно до меня, то я въ будущемъ же мѣсяцѣ уѣду на зимовку въ Крымъ; кажется—въ Севастополь. Само собою понятно, что всѣ работы мои остановились, и еслибы только мнѣ удалось въ эту зиму хоть какъ-нибудь продиктовать третій томъ моей „Антропологіи“, который въ матеріалахъ уже готовъ... Въ первыхъ же главахъ этого тома вы найдете и разрѣшеніе показавшагося вамъ противорѣчія. Человѣкъ не потому говоритъ, что обладаетъ разсудкомъ, который есть и у животныхъ,

а потому, что обладаетъ самосознаніемъ, т. е. способностью наблюдать свое собственное душевное явленіе, чего нѣтъ у животныхъ. Эта-та способность даетъ человѣку даръ слова, свободу воли, нравственность и способность къ самоусовершенствованію, къ прогрессу.

Къ прогрессу!.. Но, Боже мой, неужели пришлось мнѣ, на склонѣ моей жизни, усумниться въ прогрессѣ! Какой же тутъ прогрессъ, когда въ настоящую минуту образованнѣйшія націи міра грызутся, какъ дикіе волки [1])?! Неужели образованіе такъ тяжело для человѣка, что онъ радъ-радехонекъ, когда ему удастся вырваться изъ ихъ стѣснительныхъ условій и, подъ благовиднымъ предлогомъ патріотизма и великихъ стремленій, разнуздать всѣ свои дикія, животныя страсти? Неужели школы нужны были только для того, чтобы раздуть коллективное самолюбіе племени и дать фразы для прикрытія самыхъ черныхъ дѣлъ? Все это способно подорвать вѣру въ образованіе и школу. А методическія постороннія рацеи, благословляющія именемъ Христа грабежъ, поджогъ, измѣну, убійство, блудъ, пьянство, месть, коварство—все, что есть чернаго на землѣ!..

И развѣ не видать, что Пруссія, эта многоученая и нравственная Пруссія, только еще раскрываетъ ворота въ ужасное будущее для всей Европы, никакъ не исключая и насъ?..

Разорвавъ одно мрачное письмо къ Вамъ, потому что оно было слишкомъ ужь мрачно, я написалъ Вамъ другое, едва-ли многимъ свѣтлѣе разорваннаго. Судите по этому о состояніи моей головы и сердца, и простите, что я на Васъ облегчаю ихъ.

Когда переѣду въ Крымъ, то напишу къ Вамъ. Напишите ко мнѣ: ваши письма дѣйствуютъ на меня очень успокоительно.

Преданный Вамъ

К. Ушинскій.

27-го сентября 1870 г.
Кіевъ.

Здѣсь необходимо исправить одну изъ капитальныхъ ошибокъ всѣхъ біографовъ покойнаго К. Д. Ушинскаго. Какъ видно изъ только-что приведеннаго письма его, матеріалы для третьяго тома «Антропологіи» были готовы. Другія изъ раньше приведенныхъ нами писемъ его заставляютъ предполагать, что, кромѣ того, были подготовлены матеріалы и для элементарной географіи, и для примѣненія «Роднаго Слова» къ потребностямъ народной школы. На этомъ основаніи, біографы утверждали, что послѣ смерти Ушинскаго остался громадный рукописный матеріалъ, требующій разработки и опубликованія. Но вотъ что́ пришлось намъ узнать по этому поводу отъ одного изъ дѣтей покойнаго К. Д. Ушинскаго. Дѣйствительно, послѣ его смерти, оставалась масса всевозможныхъ рукописей; но одинъ изъ его родственниковъ (также умершій уже), питавшій страшную зависть къ успѣхамъ покойнаго, самоуправно сжегъ всѣ его рукописи. Къ сожалѣнію, лицо, пере-

---

[1]) Рѣчь идетъ о франко-прусской войнѣ. *М. П.*

дававшее намъ это, какъ несомнѣнный фактъ, отказалось назвать фамилію родственника, такъ дико и сумасбродно расправившагося съ непринадлежащими ему рукописями.

Теперь мы должны обратиться къ письмамъ редактора-издателя «Народной Школы», Ѳ. И. Мѣдникова, на котораго, какъ на человѣка и редактора, нѣсколько разъ уже дѣлались ссылки въ письмахъ Бѣлова и Ушинскаго. Почтенный Мѣдниковъ (уже умершій) былъ педагогомъ по профессіи; при началѣ изданія имъ журнала, состоялъ инспекторомъ Введенской прогимназіи (на Петербургской сторонѣ), но затѣмъ вышелъ въ отставку. Имѣя довольно солидныя матеріальныя средства, онъ разумно затрачивалъ ихъ на пропаганду дѣла народнаго образованія.

Дѣловая переписка его съ барономъ Корфомъ—это своего рода педагогическая лѣтопись. Она, въ общемъ, обширный и весьма цѣнный матеріалъ для оцѣнки какъ общаго положенія и условій, въ которыхъ находилась въ ту пору спеціальная педагогическая печать, такъ и той роли, какую игралъ въ ней баронъ Н. А. Корфъ. По своей методичности и строгой выдержанности переписка, эта не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

12-го декабря 1868 г.
Петербургъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Препровождая при семъ объявленіе объ изданіи съ января 1869 года педагогическаго журнала, подъ названіемъ: „Народная Школа“, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, принять въ немъ Ваше просвѣщенное участіе.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ уваженіи

Ѳ. Мѣдниковъ.

9-го февраля 1869 г.

Извините меня, что я не тотчасъ же отвѣчалъ на Ваше письмо, полученное мною еще въ январѣ мѣсяцѣ. Причина тому—болѣзнь моихъ глазъ, вслѣдствіе которой мнѣ не позволено было ни читать, ни писать.

Я весьма Вамъ благодаренъ за ваше искреннее радушіе и Вашъ непрошенный совѣтъ. Совѣты такихъ лицъ, какъ Вы, не могутъ быть безполезными въ дѣлѣ народнаго образованія. А потому я покорнѣйше прошу Васъ не оставлять меня и на будущее время вашими совѣтами. О присоединеніи къ своему журналу отдѣла политическихъ извѣстій, внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ то дѣлается во французскихъ педагогическихъ журналахъ, я имѣлъ въ виду при самомъ началѣ своего изданія; но мнѣ сказали въ цензурномъ управленіи, что такой отдѣлъ, при неизвѣстномъ еще характерѣ журнала, едва-ли будетъ допущенъ. Надняхъ я говорилъ объ этомъ пред-

метѣ съ цензоромъ А. де-Роберти и просилъ его дозволить мнѣ издавать при журналѣ подобныя извѣстія въ видѣ приложенія, но онъ мнѣ рѣшительно отказалъ. Такимъ образомъ, вашъ добрый совѣтъ не можетъ быть осуществимъ въ настоящую минуту. Во всякомъ случаѣ, я вхожу съ прошеніемъ въ главное цензурное управленіе—о дозволеніи мнѣ издавать нѣчто подобное. И если найду хорошаго по сему предмету сотрудника, то постараюсь осуществить это дѣло еще въ настоящемъ году. Вообще, изданіе мое не предпринято съ корыстною цѣлью. На свои личныя средства я могу его продержать не болѣе двухъ лѣтъ. Потому желательно бы было, чтобы мое предпріятіе поддержали сами народные учителя. Всякая лишняя копѣйка, вырученная мною, будетъ употреблена на улучшеніе журнала. Въ нынѣшнемъ году я предполагаю сдѣлать слѣдующія приложенія:

1) Календарь для народныхъ училищъ (3 или 4 листа).

2) Лѣтопись комитета грамматика (постоянное приложеніе)

3) Библіографическій листокъ (тоже постоянное приложеніе).

4) Христоматія для народныхъ учителей (въ видѣ постояннаго приложенія при каждомъ № журнала).

5) Переводъ книги Дезилиньи „О вліяніи воспитанія на нравственность и благосостояніе рабочихъ классовъ“ (около 8 или 10 листовъ).

Кромѣ приложеній, самый журналъ, съ увеличеніемъ матеріала, будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться въ объемѣ. Изъ всего этого вы видите, что цѣна (4 руб.) журнала не только не велика, но даже крайне скудна, если, въ особенности, принять во вниманіе, что я, для привлеченія лучшихъ силъ къ журналу, плачу авторамъ по 40 руб. за листъ, т. е. то же, что и большіе журналы. Но при всемъ томъ я встрѣчаю много различныхъ препятствій. Во-первыхъ, недостатокъ хорошихъ сотрудниковъ, которые бы хоть нѣсколько были знакомы съ характеромъ народной школы; во-вторыхъ, противодѣйствіе въ нѣмецкихъ нашихъ педагогахъ, которые игнорируютъ русскую школу и русскую педагогію и потому не хотятъ принимать никакого участія, въ третьихъ... но всего не перечтешь! При такомъ состояніи дѣла, ваше радушное письмо и вашъ добрый совѣтъ были для меня самымъ благотворнымъ утѣшеніемъ и нравственною поддержкою. Примите же, многоуважаемый Николай Александровичъ, искреннюю душевную благодарность

глубоко Васъ уважающаго

Ѳ. Мѣдникова.

P. S. Я желалъ бы пожертвовать два экземпляра моего журнала въ тѣ изъ Вашихъ школъ, гдѣ оказываютъ успѣхи, и сами учителя не имѣютъ возможности выписывать его. Потрудитесь, если возможно, сообщить мнѣ адресъ этихъ школъ.

2-го іюня 1869 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Ваше письмо, отъ 15-го сего мая, съ препровожденіемъ дорогой для меня статьи, я получилъ 25-го числа того же мѣсяца. За вашу статью, равно какъ и за Ваше доброе расположеніе къ моему журналу, я приношу Вамъ мою искреннѣйшую и глубочайшую благодарность. Статья Ваша будетъ напечатана въ августовскомъ номерѣ. Что же касается до пересылки къ вамъ мо-

его журнала, то тутъ вся вина лежитъ не на редакціи, а на почтовомъ вѣдомствѣ. Журналъ мой, какъ Вы могли уже замѣтить, выходитъ весьма аккуратно и тотчасъ же по выходѣ сдается въ газетную экспедицію. Такъ, напримѣръ, два пожертвованныхъ мною экземпляра для Вашихъ училищъ, для доставленія къ Вамъ лично, сданы въ экспедицію еще 29-го марта. И что же? По Вашему письму оказывается, что Вы не только ихъ не получили, но не получили №№ 4 и 5 собственнаго своего экземпляра. А между тѣмъ, во власти редакцій вообще нѣтъ ни силъ, ни средствъ заставить почтовое вѣдомство исполнять свои обязанности добросовѣстно и честно. Лучшимъ средствомъ, по моему мнѣнію, было бы, еслибы Вы письменно отнеслись прямо съ жалобою въ почтовый департаментъ. Этимъ вы оказали бы услугу не только самой редакціи, но и вообще всѣмъ подписчикамъ. Въ настоящее же время на всѣ жалобы у газетной экспедиціи одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: „по книгамъ нашимъ значится, что отослано, а почему не получено— это ужъ не наше дѣло“. Впрочемъ, въ редакціи были и такіе случаи: подписчики увѣдомляютъ, что журналъ не получается, и чрезъ нѣсколько времени почтовое вѣдомство вдругъ почему-то вздумаетъ удовлетворить ихъ разомъ. Можетъ быть и Вы уже получили всѣ номера? Во всякомъ случаѣ, если Вамъ не выпало такого счастья, то я прошу Васъ увѣдомить меня съ первою почтою. Тогда я вышлю Вамъ всѣ №№, но уже не чрезъ газетную экспедицію, а обыкновеннымъ путемъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи преданнаго Вамъ

Ѳ. Мѣдникова.

8-го сентября 1869 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Статья Ваша „О распредѣленіи занятій въ трехклассной школѣ“—напечатана мною въ 8 № моего журнала. За эту статью я приношу Вамъ вторично глубочайшую мою благодарность. Присланная Вами замѣтка на статью г-на Бѣлова будетъ напечатана въ 10 №. Ранѣе помѣстить я не могъ, такъ какъ 9 № уже вышелъ, когда я получилъ отъ Васъ посылку. И за эту статейку я Вамъ благодаренъ. Что же касается статьи священника, то помѣщена она не будетъ. Причинъ весьма много: 1) Она слишкомъ велика для моего журнала. 2) Въ ней столько таблицъ, что печатаніе ихъ обошлось бы слишкомъ дорого. 3) Хотя она и математически доказываетъ, что священникъ не можетъ заниматься въ школѣ, но на опытѣ мы знаемъ, что есть и въ духовномъ сословіи лица, которыя преданы глубоко народному образованію и съ большимъ успѣхомъ занимаются въ школѣ. Таковъ, напримѣръ, священникъ Вятской губерніи, Н. Блиновъ. Не знаю, знакомы ли Вы съ его „О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ“? Книга весьма замѣчательная и прямо доказывающая, что участіе и этихъ лицъ можетъ быть весьма полезно. 4) Надобно имѣть дѣло съ духовною цензурою, и я предвижу, что здѣсь не обойдется безъ большихъ хлопотъ. Всѣ эти обстоятельства заставили меня отклонить печатаніе статьи. Тѣмъ не менѣе, я весьма благодаренъ Вамъ и автору статьи за присылку. Надѣюсь, что отказъ мой Вы не примете за нежеланіе имѣть дѣло съ духовными лицами или что-либо подобное... Съ своей стороны я послалъ автору статьи свой журналъ безвозмездно и, если онъ его не получаетъ, то тутъ

опять вина въ почтамтѣ. Слѣдующіе Вамъ 30 рублей за статью, помѣщенную въ 8 № журнала, равно какъ и требуемые Вами недосланные почтамтомъ №№, я высылаю нынѣ же. Вмѣстѣ съ недосланными №№ журнала я высылаю Вамъ нѣсколько своихъ брошюръ, которыя и прошу Васъ принять отъ меня въ даръ.

Журналъ мой идетъ плохо: подписчиковъ всего до четырехъ сотъ. На это число нѣтъ никакой возможности издавать журналъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы, т. е. съ большими практическими приложеніями. Я потерялъ уже своихъ денегъ до трехъ тысячъ рублей. Но и при всѣхъ такихъ невыгодахъ, я думаю продолжать его на будущій годъ. Съ этою цѣлью я дѣлаю кое-какія добавленія. Такъ главное правленіе по дѣламъ печати разрѣшило мнѣ издавать съ января „Политическія извѣстія для учителей народныхъ школъ“, въ видѣ отдѣльнаго постояннаго приложенія къ журналу. Кстати, еще новость: надняхъ я получилъ извѣстіе, что журналъ мой одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Давно бы пора!

Душевно Васъ уважающій

Ѳ. Мѣдниковъ

24-го іюня 1870 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Спѣшу увѣдомить Васъ, что я получилъ Ваши два письма и при нихъ „Русскую начальную школу“ и статью для помѣщенія въ моемъ журналѣ. Послѣдняя будетъ напечатана въ іюльской книжкѣ. Письма Ваши меня глубоко порадовали. Среди общей апатіи къ педагогическому дѣлу, среди тѣхъ трудностей, какія представляетъ изданіе вообще русскаго журнала и притомъ спеціальнаго, всегда находящагося въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ извѣстнаго правительственнаго учрежденія, — Ваше доброе, сердечное слово есть нравственная помощь, равносильная помощи друга. Знаете ли Вы, что я чуть-чуть не прекратилъ своего изданія изъ-за статьи уважаемаго нами К. Д. Ушинскаго? Чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, Т. А. Маевскій, въ качествѣ цензора, слѣдящаго за моимъ журналовъ, вздумалъ найти ее революціонерною и пожелалъ запретить ее въ печати или, по меньшей мѣрѣ, исказить по собственному соизволенію. Тогда я объявилъ, что прекращаю изданіе, а о самой причинѣ прекращенія печатаю во всѣхъ газетахъ. И только эта энергическая угроза могла спасти и статью, и мой журналъ. А что дѣлается здѣсь еще?.. Лучшихъ, способныхъ и дѣятельныхъ людей положительно гонятъ. Такъ, удаленъ изъ министерства В. Н. Водовозовъ, И. Д. Бѣловъ и др. Такъ, преслѣдуется нынѣ... извѣстный Вамъ В. Я. Стоюнинъ. Когда только кончится такое ненормальное, удушающее положеніе! Я думалъ уже бросить все и уѣхать навсегда за-границу.

Вашу книгу „Русская начальная школа“ я читалъ съ истиннымъ, непритворнымъ удовольствіемъ. Она, какъ и всякая дѣльная, самостоятельная книга, возбуждаетъ много новыхъ мыслей и чувствъ. Поэтому, мнѣ хотѣлось бы самому написать разборъ для моего журнала. Дать же кому-нибудь другому — я затрудняюсь въ выборѣ: такъ мало у насъ дѣльныхъ и притомъ неодносторонніхъ педагоговъ. Срочныя же мои занятія и тьма-тьмущая различныхъ непріятностей едва-ли дадутъ мнѣ возможность выполнить свое желаніе. Но, помимо разбора, который, во всякомъ случаѣ, долженъ появиться

на страницахъ моего журнала, мнѣ обѣщали народные учителя представить свои замѣчанія относительно практической стороны Вашего труда. Я думаю, что Вы противъ этого ничего не имѣете. Что же касается до Педагогическаго общества, куда Вы представили Вашъ трудъ для разбора, то едва-ли оно выполнитъ Ваше желаніе. Нѣтъ у него спеціалистовъ, да и само оно держится, благодаря энергіи какого-нибудь десятка педагоговъ.

Очень радъ, что журналъ мой выходитъ, по Вашему мнѣнію, на истинную дорогу. Съ 300 подписчиковъ я дошелъ въ нынѣшнемъ году до 600. Но и это число, при моей платѣ и обширности приложеній, не даетъ почти никакой возможности продолжать изданіе безъ личной денежной траты. Средства истекаютъ, но держусь до послѣдняго гроша. Программа же моего журнала задумана мною такъ широко, что она можетъ быть выполнена только въ нѣсколько лѣтъ. Удастся ли ее выполнить—это другое дѣло.

Душевно Васъ уважающій

Ѳ. Мѣдниковъ.

24-го сентября 1870 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 16-го сентября, считаю долгомъ своимъ увѣдомить Васъ, что № 7 моего журнала посланъ былъ на Ваше имя своевременно. Въ неполученіи Вами этого номера виновата, конечно, почта. Во всякомъ случаѣ, надняхъ я вышлю Вамъ другой экземпляръ. Что же касается до слуховъ, дошедшихъ до Васъ, о присужденіи Педагогическимъ обществомъ преміи въ 1.000 руб. Вашей „Русской народной школѣ“, то я долженъ сообщить Вамъ, что въ Педагогическомъ обществѣ не было и рѣчи о какихъ бы то ни было присужденіяхъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что одинъ изъ почетныхъ членовъ Общества пожертвовалъ эту сумму за лучшее сочиненіе для народныхъ учителей, не предъявивъ никакихъ условій. Поэтому Общество еще въ маѣ составило коммиссію для обсужденія правилъ конкурса. Въ ней участвовалъ и я. Окончательно составленная программа или, лучше сказать, условія конкурса были прочитаны въ собраніи въ маѣ мѣсяцѣ. Но предсѣдатель общества, П. Г. Рѣдкинъ, находя неудобнымъ присуждать къ наградамъ напечатанныя уже сочиненія, порѣшилъ дѣло тѣмъ, что предложилъ условія оставить неутвержденными Обществомъ до сентября мѣсяца, и тѣмъ дать членамъ Общества обсудить все дѣло во время каникулъ. Но вотъ наступилъ и сентябрь, никто не заявилъ ни одного мнѣнія, а дѣло, между тѣмъ, лежитъ. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ В. Я. Стоюнинъ. Условія конкурса, какъ онъ ихъ формулировалъ, мнѣ крайне не нравятся. Я глубоко уважаю В. Я. Стоюнина, но думаю, что назначеніе его предсѣдателемъ коммиссіи болѣе чѣмъ неудачно. Да и все дѣло, правду сказать, ведено было не раціонально и не практично. Вотъ все, что я могу сообщить Вамъ по дѣлу о конкурсѣ. Съ своей стороны, я готовъ всячески содѣйствовать въ пользу Вашего полезнаго и достойнаго труда. Но едва-ли я пойду въ новую какую-нибудь коммиссію. Я ихъ вообще избѣгаю, какъ редакторъ журнала, чтобы, съ одной стороны, быть безпристрастнымъ, а съ другой—совершенно свободнымъ по отношенію къ своему журналу.

Душевно Вамъ преданный

Ѳ. Мѣдниковъ.

30-го октября 1870 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Я получилъ Ваше письмо, съ предложеніемъ о помѣщеніи въ моемъ журналѣ особаго, неизвѣстнаго мнѣ, приложенія, въ тотъ самый день, когда только-что отправилъ къ Вамъ письмо съ объясненіемъ о недоставленіи Вамъ № 7 журнала. Очень благодаренъ Вамъ за ваше предложеніе. Продолжать свой журналъ, конечно, я буду до послѣдней возможности, до послѣдняго, въ моемъ карманѣ, гроша. Но, во-первыхъ, мнѣ неизвѣстно вовсе, въ чемъ заключается Ваше приложеніе. Программа моего изданія, какъ Вамъ извѣстно, слишкомъ широка и можетъ быть выполнена только въ нѣсколько лѣтъ. Поэтому, мною уже заказанъ чуть не цѣлый десятокъ различныхъ приложеній. Можетъ быть, Ваше приложеніе будетъ, по цѣли и содержанію, совпадать къ однимъ изъ заказанныхъ мною приложеній. Во-вторыхъ, мнѣ неизвѣстно, какое количество денежныхъ подписчиковъ я буду имѣть въ 1871 году. А вѣдь это—самый существенный вопросъ для редакціи. Я не желаю барышей для себя, но журналъ мой, въ теченіе двухъ лѣтъ, не окупилъ издержекъ на изданіе, даже при сильной поддержкѣ министерства народнаго просвѣщенія. Очень естественно, что если дѣло такъ продолжится, то я приду въ крайнюю необходимость сократить объемъ своего журнала, сократить число приложеній или, по крайней мѣрѣ, не быть такъ роскошнымъ въ ихъ выдачѣ. Что дѣло изданія педагогическаго журнала трудное и неблагодарное, это Вы можете видѣть изъ того факта, что журналъ „Учитель“, который Вы поддерживали своими лучшими статьями по народному образованію, и который издавался уже много лѣтъ, прекращается съ будущаго года.

На основаніи всѣхъ такихъ соображеній, заданный Вами мнѣ вопросъ, во избѣжаніе могущихъ случиться, независимо отъ меня, недоумѣній и пререканій, можетъ быть рѣшенъ только условно. Мнѣ нужно знать содержаніе Вашего приложенія и Ваши условія за трудъ. Съ своей стороны, я предполагалъ бы, если мы сойдемся въ условіяхъ, начать Ваше приложеніе ранѣе, а именно—съ апрѣля. Тогда легче бы было редакціи помѣщать по одному листу ежемѣсячно. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи отъ Васъ отвѣта, я приношу Вамъ здѣсь глубочайшую свою благодарность за Ваше лестное для меня предложеніе.

Вашъ Ѳ. Мѣдниковъ.

P. S. Статья Ваша въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Учителѣ“ по поводу у Васъ учительскаго съѣзда, произвела здѣсь весьма грустное впечатлѣніе. Въ редакціи имѣется уже нѣсколько возраженій отъ различныхъ педагоговъ. Стоя твердо за гласность въ дѣлѣ образованія, хотя и въ извѣстныхъ условіяхъ (а меня почему-то ошибочно считаютъ за ея противника), я вынужденъ дать мѣсто въ своемъ журналѣ одному изъ присланныхъ возраженій. Увѣдомляя Васъ о семъ, я считаю необходимымъ присовокупить, что, съ своей стороны, какъ и всегда, я открываю Вамъ страницы моего журнала для возраженій, которыя, впрочемъ, редакціей не уплачиваются. Упомянутое возраженіе будетъ помѣщено въ 12 № журнала.

20-го декабря 1870 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Ваше письмо, съ дорогимъ для меня предложеніемъ, я получилъ въ концѣ ноября. Отвѣчать тотчасъ не могъ, потому что въ это время переѣзжалъ на

другую квартиру. Были, конечно, и другія обстоятельства, которыя помѣшали мнѣ ускорить свой отвѣтъ.

Предложеніе Ваше, помѣстить въ моемъ журналѣ, въ видѣ приложенія, образцовые уроки по каждому учебному предмету начальнаго обученія, я принимаю съ истиннымъ удовольствіемъ и душевною благодарностью. Такое приложеніе будетъ истиннымъ подаркомъ для нашихъ бѣдныхъ читателей—народныхъ учителей. Но я осмѣливаюсь просить Васъ только объ одномъ—уменьшить плату съ печатнаго листа до 40 руб., т. е. до той нормы, изъ которой я до сихъ поръ не выходилъ. Въ настоящее же время выйти изъ нея—значитъ, просто, зарѣзать свой журналъ.

О статьѣ, которую я думалъ помѣстить въ декабрьской книжкѣ журнала, я могу Вамъ сообщить, что она не оказалась удобною къ помѣщенію. По прочтеніи, я увидѣлъ, что она есть не болѣе, какъ полемика, и притомъ направленная не столько противъ Вашихъ мнѣній, сколько противъ Вашей личности. А такимъ статьямъ, какъ Вы сами знаете, я до сихъ поръ не давалъ мѣста. Авторъ статьи, извѣстный педагогъ, сообщилъ мнѣ, что она, въ такомъ случаѣ, будетъ помѣщена въ „Недѣлѣ“. Ну, и Богъ съ ней!

Я увѣренъ, что это мое сообщеніе останется между нами. Имя автора, по извѣстнымъ журнальнымъ правиламъ, я Вамъ, конечно, сообщить не могу.

Изъ педагогическихъ новостей я сообщу Вамъ о трехъ: 1) Гг. Ю. И. Симашко и А. І. Кочетовъ начинаютъ издавать новый пед. журналъ, подъ названіемъ „Семья и Школа“. Здѣшніе педагоги, впрочемъ, отказались отъ всякаго въ немъ участія, такъ какъ въ глазахъ ихъ и тотъ и другой не болѣе, какъ чиновники мин. нар. пр. 2) Педаг. общество едва-ли не на краю гибели за рефератъ, который былъ прочтенъ г. Ремезовымъ объ одеждѣ. Говорятъ, по крайней мѣрѣ, что гр. Толстой взбѣшенъ. Самый же рефератъ вытребованъ къ нему оффиціально. 3) Съ новымъ назначеніемъ генерала Шидловскаго главнымъ начальникомъ цензуры, становится просто даже омерзительно издавать журналъ. У Водовозова цензоръ вычеркнулъ, что у богача собака бываетъ сытая и жирная, а у бѣднаго—тощая и голодная. Это—фактъ. Сравните въ № 12 журнала, въ отдѣлѣ некрологъ, перепечатанную мною статью г. Фесенко о смерти учителя Зарича съ тою же статьею въ „Вѣстникѣ Европы“. Все, что у меня не помѣщено, вычеркнуто цензоромъ Голохвастовымъ. Даже и то мѣсто, гдѣ указывается, кому выслать пожертвованіе на имя бѣдныхъ малютокъ несчастнаго учителя! Пусть лучше они умираютъ съ голоду, а цензурная субординація сохранена! Въ ожиданіи отъ Васъ отвѣта остаюсь

Душевно преданный Вамъ

Ѳ. Мѣдниковъ.

P. S. № 7 мною посланъ по почтѣ.

23-го іюня 1871 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Статью Вашу о школѣ гг. Ильиныхъ жду съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что Вы доставите удовольствіе мнѣ и читателямъ моего журнала помѣщеніемъ Вашихъ наблюденій надъ школами въ Херсонѣ, Николаевѣ и Екате-

риноставѣ. Такое ознакомленіе съ педагогическою дѣятельностью истинныхъ тружениковъ въ глазахъ моихъ имѣетъ весьма важное значеніе въ практическомъ отношеніи.

Душевно Вамъ преданный

Ѳ. Мѣдниковъ.

Чтобы сдѣлать понятными послѣдующія письма Ѳ. Н. Мѣдникова, необходимо дать нѣкоторыя дополнительныя поясненія. Какъ намъ случалось уже указывать раньше, баронъ Н. А. Корфъ, со времени введенія земскихъ учрежденій, все время проводилъ въ своей провинціальной глуши, заваленный массою самыхъ разнообразныхъ обязанностей и сложныхъ, спѣшныхъ дѣлъ. Но какъ бы не довѣряя себѣ, или желая еще болѣе укрѣпиться въ своихъ начинаніяхъ въ области народнаго образованія, онъ предпринялъ въ 1871 году объѣздъ и осмотръ длиннаго ряда учебныхъ заведеній, представлявшихъ какую-нибудь характерную особенность по своей организаціи и постановкѣ. Со многими изъ дѣятелей этихъ учебныхъ заведеній баронъ Корфъ велъ дѣятельную переписку,—и они усиленно звали его, желая услышать отъ него авторитетную оцѣнку. Такъ, онъ посѣтилъ: элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя народныя училища города Харькова, а также и находящуюся тамъ частную воскресную женскую школу, основанную дамскимъ кружкомъ и находящуюся подъ главнымъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьевъ Милютиныхъ подъ Москвою; воскресныя школы московскаго общества распространенія техническихъ знаній; школу оборвышей Е. И. Чертковой въ Петербургѣ; женскіе педагогическіе курсы П. И. Чепелевской въ Москвѣ; новгородскую и московскую земскія учительскія семинаріи; наконецъ коммиссаровскую техническую школу въ Москвѣ. Эта добровольная педагогическая экскурсія, это инспектированіе чужихъ школъ изъ-за живаго интереса, любви къ дѣлу народнаго образованія и увлеченія имъ—настолько характерны въ дѣятельности барона Н. А. Корфа, что мы считаемъ необходимымъ повторить здѣсь раньше уже высказанное нами по этому поводу, въ извѣстной читателямъ брошюрѣ—«Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность»:

„Масса осмотрѣнныхъ барономъ Корфомъ въ 1871 году разнородныхъ заведеній была тщательно изучена имъ и описана въ рядѣ статей, органически связанныхъ между собою, хотя и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Семьѣ и Школѣ“ и „Народной Школѣ“. Помимо собственно педагогическаго значенія этихъ статей, въ смыслѣ указанія на хорошія и неудовлетворительныя стороны осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеній, онѣ представляютъ боль-

шой интересъ для оцѣнки той эпохи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прекрасный анализъ замѣчательнаго частнаго и общественнаго почина въ дѣлѣ учрежденія самыхъ разнообразныхъ школъ: начальныхъ, воскресныхъ, фабричныхъ, техническихъ, спеціально-рисовальныхъ, школъ для оборвышей и наконецъ семинарій для подготовленія народныхъ учителей и учительницъ. Ничего этого не было раньше: все это какъ бы само собою явилось по почину городовъ и земствъ, частныхъ лицъ и обществъ. Русское общество поняло свою отсталость въ дѣлѣ образованія массы и видимо торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояніе общества прекрасно очерчено барономъ Корфомъ, попутно указывающимъ, какъ поставлена за границей та или другая отрасль содѣйствія массѣ населенія въ дѣлѣ образованія и чего недостаетъ намъ въ томъ или иномъ отношеніи".

Какъ видно изъ приводимаго ниже письма Ѳ. Н. Мѣдникова и какъ увидимъ впослѣдствіи изъ множества другихъ писемъ, статьи барона Корфа по поводу осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній вызывали живѣйшій интересъ.

27 іюля 1871 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Спѣшу увѣдомить Васъ, что я получилъ Вашу рукопись о школѣ гг. Ильиныхъ, за что и приношу Вамъ мою искреннюю душевную благодарность. Всѣ Ваши желанія будутъ немедленно исполнены, за исключеніемъ одного. Рукопись Ваша не могла быть напечатана въ іюльской книжкѣ, точно такъ же, какъ и продолженіе статьи г. Миропольскаго, потому что первые листы журнала уже были отпечатаны, когда я получилъ статьи Вашу и Миропольскаго. Оттиски будутъ высланы.

Глубоко благодаренъ Вамъ за то участіе, которое Вы принимаете въ судьбѣ моего журнала. Но что Вамъ объ немъ сказать? Вы, конечно, лучшій и безпристрастный судья его внутреннихъ сторонъ. Но внутренняя сторона въ журнальномъ дѣлѣ находится во многомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Говоря откровенно, я не могъ бы издавать журнала ни въ прошломъ году, ни въ нынѣшнемъ, еслибы мнѣ не помогло мин. нар. пр. Въ прошломъ году я имѣлъ до 1.700 подписчиковъ, изъ которыхъ цѣлая тысяча взята однимъ министерствомъ. Въ настоящемъ же году у меня взято всего имъ 500 экз. и частныхъ около 800. Такимъ образомъ я неминуемо долженъ понести убытки И что-за равнодушіе! Представьте себѣ, изъ 50 инспекторовъ народн. уч. (считая въ томъ числѣ и по виленскому округу) н и о д и н ъ не выписываетъ журнала! Но это еще не все. Цѣлый виленскій округъ, гдѣ навѣрное болѣе 6-ти тыс. школъ и весьма достаточныя средства, не выписываетъ ни одного экземпляра! Вотъ, по истинѣ, гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Недавно я получилъ извѣстіе, что извѣстный Вамъ Д. Д. Семеновъ, посѣтивъ Ваши школы, которыми онъ приведенъ въ восторгъ, написалъ о нихъ статью, которую думаетъ препроводить ко мнѣ. Статьи, впрочемъ, я еще не получилъ. Что же касается Бѣлова, то онъ въ настоящее время уѣхалъ за границу, для осмотра преимущественно учительскихъ семинарій и народныхъ школъ. Отчеты свои предполагаетъ помѣщать у меня, въ „Дѣтскомъ Садѣ" и въ „Отеч. Зап.", смотря по роду ихъ содержанія.

Вашъ новый трудъ „Н а ш ъ Д р у г ъ" я еще не прочелъ вполнѣ. Читаю

же я его медленно, съ полнымъ вниманіемъ. Во многомъ онъ мнѣ очень нравится, но со многими сторонами я и не согласенъ. Впрочемъ, до времени, я боюсь высказать еще полное мнѣніе. Вотъ дочту, такъ и напишу Вамъ свое окончательное слово. Во всякомъ случаѣ, въ чемъ, конечно, согласитесь и Вы сами, въ немъ есть одинъ внѣшній недостатокъ, легко исправимый при новомъ изданіи,—это смѣшеніе самаго текста для учениковъ съ тѣми примѣчаніями, которыя назначены для учителей. Водовозовъ свою книгу, въ новомъ изданіи, раздѣлилъ на двѣ части и сдѣлалъ, конечно, очень хорошо.

Душевно Вамъ преданный

Ѳ. Мѣдниковъ.

P. S. Еще одна къ Вамъ покорнѣйшая просьба: желательно бы имѣть Вашъ портретъ въ видѣ карточки. За присылку ея глубоко былъ бы благодаренъ.

---

18 сентября 1871 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

За помѣщенную въ 8 № журнала „Народная Школа“ статью Вашу о школѣ гг. Ильиныхъ я имѣю препроводить при семъ сорокъ пять рублей. Разсчетъ сдѣланъ по 40 руб. за печатный листъ О полученіи денегъ покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ.

На полученное мною письмо Ваше я буду на-дняхъ отвѣчать Вамъ отдѣльно. Отдѣльные оттиски Вашей статьи посылаются Вамъ тоже на-дняхъ

Душевно Васъ уважающій

Ѳ. Мѣдниковъ.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Я получилъ отъ Васъ два письма. Въ одномъ изъ нихъ Вы просите меня увѣдомить Васъ, буду ли я въ ноябрѣ въ Петербургѣ? Я никуда не выѣзжаю изъ столицы и очень радъ съ Вами лично познакомиться. Со всѣми извѣстными педагогами я тоже могу Васъ свести у себя дома и въ педагогическомъ обществѣ. Что же касается до извѣстныхъ здѣсь учебныхъ заведеній, то, признаюсь откровенно, доступъ къ нимъ мнѣ, какъ лицу, нигдѣ не служащему, довольно труденъ, тѣмъ болѣе, что вообще впускъ въ нихъ совершается посредствомъ писемъ высшихъ административныхъ лицъ. По крайней мѣрѣ такъ бываетъ по мин. нар. пр. Доступъ въ военно-учебныя заведенія легче. Въ другомъ Вашемъ письмѣ Вы заявляете желаніе напечатать отдѣльною брошюрою Вашу статью о школѣ гг. Ильиныхъ. Противъ такого желанія я ничего не имѣю. Отдѣльные оттиски мною Вамъ посланы. Очень жаль, что Вы не заявили этого желанія ранѣе. Тогда бы я могъ Вамъ здѣсь напечатать, и Вамъ пришлось бы только заплатить за одну бумагу.

Разборъ о Вашей книгѣ „Нашъ Другъ“ пишетъ для педаг. общества, по Вашему личному желанію, г. Миропольскій.

Здѣсь, въ Петербургѣ, появилась глупѣйшая брошюрка, подъ названіемъ: „Народное образованіе въ Россіи“, нѣкоего Волженскаго. Въ ней авторъ рас-

ходился на Вашъ счетъ и притомъ самымъ пошлѣйшимъ образомъ. Брошюрка эта будетъ разобрана въ „Народной Школѣ".

Душевно Вамъ преданный

Ѳ. Мѣдниковъ.

1871 г. 4 окт.

Дѣйствительно, въ исходѣ 1871 года, баронъ Корфъ, какъ бы въ завершеніе предпринятой имъ педагогической экскурсіи, посѣтилъ и Петербургъ, гдѣ онъ былъ впервые послѣ окончанія имъ курса въ лицеѣ. Здѣсь ему былъ оказанъ замѣчательно радушный пріемъ не только педагогическимъ обществомъ, лучшими изъ столичныхъ педагоговъ, но и многими изъ высокопоставленныхъ лицъ; но объ этомъ будетъ документально же разсказано въ другомъ мѣстѣ.

Послѣднее изъ имѣющейся у насъ коллекціи писемъ Мѣдникова относится къ самому концу 1875 года. Вотъ его содержаніе:

Глубокоуважаемый

Николай Александровичъ!

Я получилъ нѣсколько писемъ отъ Васъ и ни на одно изъ нихъ, признаюсь откровенно, не отвѣчалъ. Первую половину года я проболѣлъ; думалъ даже, по совѣту докторовъ, ѣхать лѣтомъ заграницу, или на Кавказъ, на воды. Но тутъ приключилась болѣзнь моей жены, и я остался по-прежнему въ городѣ. Нужно было пить водѣ дома. Все это разстроило мои многочисленныя дѣла, и только съ августа я принялся приводить ихъ въ порядокъ и отвѣчать на присланныя мнѣ письма. Въ концѣ же года, какъ Вамъ извѣстно, дѣла увеличиваются. Вотъ тѣ причины, по которымъ я откладывалъ день за день отвѣчать Вамъ, пока не наступилъ новый годъ. Прежде всего я долженъ высказать Вамъ, что молчаніе мое нисколько не умалило моего къ Вамъ глубочайшаго уваженія и душевной благодарности. Въ этомъ отношеніи я принадлежу къ старому поколѣнію и твердъ, какъ камень. Какъ знакъ такого уваженія, я высылаю и буду высылать, пока состою редакторомъ-издателемъ, постоянно свой журналъ. О Вашей болѣзни я прочелъ съ соболѣзнованіемъ и желаю отъ души Вамъ полнаго выздоровленія. Теперь отвѣчаю на Ваши письма. Требуемыхъ Вами нумеровъ журнала, гдѣ помѣщенъ былъ Вашъ портретъ, у меня нѣтъ; но зато я нашелъ у себя отдѣльные оттиски Вашего портрета, которые и высылаю Вамъ всѣ безъ исключенія. Тутъ въ пакетѣ Вы найдете и нѣсколько оттисковъ написаннаго мною для 1 № будущаго года некролога достоуважаемаго А. С. Воронова, который, какъ Вамъ, вѣроятно, извѣстно изъ газетъ, скончался среди педагоговъ, въ педагогическомъ обществѣ. Сверхъ того, я посылаю Вамъ, при коротенькомъ письмѣ, съ тою же почтою, 55 руб. за двѣ Ваши статьи, помѣщенныя въ 1 и 2 №№ журнала текущаго года.

Затѣмъ желаю Вамъ встрѣтить новый годъ полнымъ здравія и новыхъ силъ. Время теперь самое неблагопріятное для истинныхъ педагоговъ; но пройдетъ это несчастное время, и найдутся справедливые и честные люди,

которые отдадутъ и Вамъ, и намъ хоть ту справедливость, что мы не унывали и работали въ самое тяжелое время.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ уваженіи и искренней преданности

Ѳ. Мѣдниковъ.

1875 г. 27 декабря
С.-Петербургъ.

Такимъ образомъ, приведенныя письма Ѳ. Н. Мѣдникова обнимаютъ собою, въ общей сложности, періодъ въ семь лѣтъ, представляющихъ, дѣйствительно, самое знаменательное время въ исторіи русскаго учебно-воспитательнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ частности. Прямота и простота этихъ писемъ, отсутствіе въ нихъ даже какой бы то ни было отдѣлки придаетъ имъ большой вѣсъ, для оцѣнки значенія указаннаго періода, и дѣлаетъ ихъ весьма выразительными. Перерывъ переписки на четыре года (съ 4 октября 1871 года до 27 декабря 1875 года) доказываетъ, прежде всего, что сохранились не всѣ письма Мѣдникова къ барону Корфу. Несомнѣнно, конечно, что пребываніе барона Корфа за границею съ осени 1872 года имѣло также нѣкоторое вліяніе на ослабленіе столь оживленныхъ прежде сношеній его съ «Народною Школою».

Послѣдовательно обозрѣвая переписку крупнѣйшихъ русскихъ педагогическихъ дѣятелей съ барономъ Н. А. Корфомъ, мы должны остановиться на письмахъ къ нему редактора-издателя другаго педагогическаго журнала—«Учитель», г. І. Ив. Паульсона, о которомъ уже нѣсколько разъ упоминалось вскользь. Письма эти также представляютъ большой интересъ, хотя нѣсколько въ другомъ отношеніи.

Послѣ юношески-горячихъ писемъ Бѣлова и Ушинскаго, послѣ замѣчательно простыхъ, сердечныхъ писемъ Мѣдникова, письма почтеннѣйшаго г. Паульсона могутъ показаться сухими, формальными, слишкомъ теоретичными, или даже—несправедливо высокомѣрными. Но было бы большою ошибкою отдаться впечатлѣнію первыхъ его писемъ и подъ этимъ угломъ смотрѣть на отношенія І. Ив. Паульсона къ барону Н. А. Корфу. Имѣя въ виду именно безпристрастное выясненіе вопроса объ отношеніи къ барону Корфу современныхъ ему педагогическихъ дѣятелей, мы совѣтуемъ читателю судить объ этомъ вовсе не по первымъ двумъ тремъ письмамъ, а по всей совокупности ихъ и тѣмъ болѣе—по послѣднимъ письмамъ Паульсона къ Корфу.

Не вдаваясь въ излишнія разсужденія, даемъ мѣсто самымъ документамъ, которые вполнѣ достаточно говорятъ сами за себя.

С.-Петербургъ, 27 декабря 1868 г.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Простите великодушно, что я замедлилъ отвѣтомъ. Письмо Ваше и посылка, за которую я Вамъ весьма благодаренъ, получены мною въ такое время, когда я былъ заваленъ работою.

Имя Ваше мнѣ очень хорошо извѣстно, и если я до сихъ поръ не говорилъ о Вашей дѣятельности въ журналѣ, то только потому, что боялся высказать о ней ошибочное мнѣніе, судя по однѣмъ газетнымъ статьямъ. Теперь же, получивъ Ваши отчеты, я не премину обсудить, по возможности безпристрастно, всѣ труды Ваши, и именно еще въ началѣ года, хотя и не могу теперь еще опредѣлить, въ которомъ именно нумерѣ появится первый отзывъ. Кромѣ того, мнѣ, въ теченіе года, неоднократно придется касаться дѣятельности Вашей, такъ какъ я намѣренъ всесторонне разсмотрѣть вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ.

Благодарю Васъ за сочувствіе журналу. Я возобновляю его, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы вести открытую войну съ нынѣшнимъ министерствомъ. Задача трудная, но, надѣюсь, исполнимая и не безполезная, если только общество, и въ особенности земства, хоть сколько-нибудь поддержатъ журналъ. Сотрудничество Ваше мнѣ очень пріятно, и всякую дѣльную статью, касающуюся серьезно той или другой стороны школьнаго дѣла, я напечатаю съ удовольствіемъ.

На-дняхъ я выслалъ Вамъ по почтѣ нѣсколько книжекъ моего изданія не знаю, получили ли Вы ихъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и готовности служить Вамъ.

І. Паульсонъ.

Спб., 23 января 1869 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Вчера я получилъ письмо Ваше отъ 10 января и спѣшу отвѣтить на него. Хотѣлось бы мнѣ о весьма многомъ побесѣдовать съ Вами; но, къ сожалѣнію, я такъ заваленъ различными работами, что поневолѣ долженъ буду ограничиться сообщеніемъ нѣсколькихъ мыслей. Впрочемъ, такъ какъ школьное дѣло вообще, а элементарное въ особенности интересуютъ меня столько же, какъ и Васъ, то мнѣ было бы весьма пріятно, еслибы между нами могла установиться постоянная переписка. Только въ такой перепискѣ я бы могъ вполнѣ высказать свой взглядъ какъ на первоначальное обученіе въ народныхъ школахъ вообще, такъ и на начинанія Ваши въ особенности. Въ журналѣ же, какъ я теперь вижу, читая Ваши отчеты, я едва-ли буду въ состояніи коснуться всѣхъ подробностей, обсужденіе которыхъ, однако, въ этомъ дѣлѣ чуть ли не важнѣе обсужденія общихъ принциповъ и принятыхъ Вами способовъ въ цѣлости.

Итакъ, если Вы непрочь, хоть разъ въ мѣсяцъ, дѣлиться со мной Вашими мыслями, сомнѣніями, предположеніями и т. д. относительно школъ, порученныхъ Вашему попеченію, то я готовъ, по мѣрѣ силъ и знанія, содѣйствовать Вамъ пока хоть словомъ, такъ какъ дѣломъ помочь не позволяетъ раз-

стояніе. Но въ такомъ случаѣ я попросилъ бы Васъ въ каждомъ письмѣ ограничиваться, по возможности, предложеніемъ двухъ, много трехъ фактовъ для обсужденія; иначе мнѣ опять-таки трудно будетъ входить въ подробности.

Въ настоящемъ же письмѣ я позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія относительно руководимаго Вами обученія:

1) Мнѣ кажется, что Вы немного увлеклись звуковымъ способомъ. Весьма понятно, что въ школахъ, гдѣ до того учили только по складамъ, быстрые успѣхи, полученные отъ звуковаго способа, должны были поразить Васъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что звуковой способъ есть единственный и лучшій, по которому бы можно было навѣрно и въ кратчайшее время обучить грамотѣ. Прежде всего, способъ этотъ, въ томъ видѣ, какъ Вы его примѣняете, представляетъ только одинъ моментъ процесса чтенія и, безъ дополненія его противоположнымъ моментомъ, т. е. разложеніемъ слова на звуки, весьма односторонень. Этимъ и объясняется тотъ неуспѣхъ, который имѣли нѣкоторые учителя при примѣненіи этого способа. Я бы, на Вашемъ мѣстѣ, отнюдь не требовалъ отъ учителей, чтобы они буквально придерживались предписаннаго способа; напротивъ, при неудачномъ примѣненіи его, я позволилъ бы учителю слѣдовать даже одному изъ другихъ способовъ, напр.: Золотова, Главинскаго, Ушинскаго, за исключеніемъ только буквослагательнаго. Я знаю, Вы мнѣ возразите, что учителя Ваши большею частью такого сорта, что имъ никакъ нельзя предоставить выборъ способа. Очень можетъ быть; но я все-таки увѣренъ въ томъ, что еслибы Вы снабдили каждаго учителя руководствомъ Главинскаго, Золотова, Орбинскаго, Ященко и нѣкоторыми другими изъ новѣйшихъ, рекомендуя имъ прочесть ихъ со вниманіемъ, то нѣкоторые съумѣли бы воспользоваться отдѣльными пріемами, а нѣкоторые освоились бы и совершенно съ однимъ изъ предложенныхъ способовъ. Какъ ни дико увѣреніе того нѣмца-учителя, который сказалъ Вамъ, что по буквослагательному способу легче научиться чтенію, нежели по звуковому, но въ этомъ увѣреніи есть доля правды: легче учиться по тому способу, которымъ учитель вполнѣ овладѣлъ, нежели по тому, который и мало знакомъ учителю, да еще и не по нраву ему. Итакъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ предоставить, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ учителей, на добросовѣстность и здравый смыслъ которыхъ Вы можете положиться, искать помощи и въ другихъ руководствахъ, и, въ случаѣ какой-либо неудачи въ томъ или другомъ отношеніи, побуждать къ примѣненію того или другаго новаго пріема. Только такимъ образомъ и можно предохранить учителей отъ рутинерства, которое возможно и при звуковомъ способѣ; только такимъ образомъ, т. е. ознакомивъ учителей съ различными пріемами, можно будетъ избѣгнуть и столкновеній съ родителями дѣтей, не могущими сразу примириться съ новымъ способомъ и съ новымъ учебникомъ. Такъ, напр., когда возникло столкновеніе съ Комарцами, я бы показалъ учителю, какъ учить грамотѣ по методѣ Жакото, велѣлъ бы выставить на доскѣ, посредствомъ подвижныхъ буквъ, нѣсколько предложеній божественнаго содержанія, раздагать каждое слово сперва на слоги, а потомъ на звуки, и т. д., и достигъ бы моей цѣли такъ же скоро, какъ при звуковомъ способѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно бы успокоилъ Комарцевъ. Еще хорошо, что дѣло это обошлось безъ дальнѣйшихъ столкновеній, но вѣдь родители могли бы настоять и на своемъ.

2) Мнѣ кажется, Вы напрасно налегаете такъ сильно на бѣглое чтеніе;

*

ученики, ознакомившіеся съ процессомъ чтенія посредствомъ звуковаго способа, никогда не разучатся читать, если только не забудутъ буквъ. На пріобрѣтеніе бѣглости въ чтеніи, поэтому, нѣтъ надобности тратить время; бѣглость эта пріобрѣтается, въ теченіе всего школьнаго ученія, сама собой. Гораздо полезнѣе употребить это время на упражненія въ послѣдовательномъ мышленіи. Ученическія работы, присланныя Вами, показываютъ мнѣ, что результаты могутъ быть названы удовлетворительными только въ графическомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи техники письма; но ни въ орѳографическомъ, ни въ логическомъ отношеніяхъ работы эти не удовлетворяютъ принимая въ соображеніе, что ученики эти учились 9 мѣсяцевъ и оба уже на возрастѣ (одному—13, а другому—15 лѣтъ, какъ значится на стран. 240 и 241 Вашего отчета).

3) Точно также, мнѣ кажется, не слѣдуетъ тратить время на писаніе печатныхъ буквъ; гораздо скорѣе достигается цѣль, если начать прямо со строчныхъ рукописныхъ буквъ (хоть бы и въ томъ порядкѣ, какой предлагается въ Вашемъ Руководствѣ); переходъ же отъ рукописныхъ къ печатнымъ вовсе не труденъ.

4) Предлагаемый мною способъ Фогеля и Бёме неудобо-примѣнимъ пока въ Вашихъ сельскихъ школахъ, но не потому, что по этому способу не довольно скоро можно научиться читать и писать (при умѣніи его можно значительно сократить), но потому, что большинство учителей Вашихъ не въ состояніи освоиться со всѣми пріемами этого способа, по крайней мѣрѣ не такъ скоро, какъ нужно. Но такъ какъ у Васъ есть о. Ананій Агаѳьевъ [1]), то я, на Вашемъ мѣстѣ, предложилъ бы ему, на досугѣ, изучить этотъ способъ; при удачномъ усвоеніи, другіе могли бы у него позаимствоваться.

5) Однихъ съѣздовъ учителей для совѣщанія съ ними и наставленія ихъ, по моему мнѣнію, недостаточно: имъ нужно показать различные пріемы на практикѣ. Еслибъ только можно было, то Вы бы устроили у себя небольшую школу, такъ сказать экспериментальную, въ которой или сами, или же, подъ надзоромъ Вашимъ, одинъ изъ самыхъ смышленыхъ учителей Вашихъ испытывалъ различные пріемы и способы. А чтобы родители не были въ претензіи, что съ ихъ дѣтьми дѣлаются эксперименты, то въ эту школу можно было бы набрать хоть человѣкъ 10 сиротъ или нищихъ, которыхъ, вѣроятно, и въ Вашихъ краяхъ найдется. Когда эта экспериментальная школа въ ходу, тогда бы можно было отъ времени до времени собирать учителей изъ другихъ школъ, чтобы ознакомить ихъ съ новыми пріемами, а не то еще того или другаго прикомандировать на недѣльку къ этой школѣ. Во всякомъ же случаѣ, всякій вновь поступающій учитель долженъ бы былъ хоть мѣсяцъ пробыть въ этой школѣ. Такой суррогатъ учительской семинаріи принесъ бы на первый случай значительную пользу и стоилъ бы очень немного.

Этимъ позвольте окончить мои замѣчанія.

Надѣюсь, что Вы теперь уже получили мою посылку. Еслибы Вы захотѣли снабдить учителей Вашихъ, по экземпляру, Ариѳметикой Грубе, то я могу прислать Вамъ экземпл. 30 безвозмездно. Отъ изданія, проданнаго мною московскому книгопродавцу Салаеву, у меня осталось еще нѣкоторое число, которое назначено мною для раздачи неимущимъ учителямъ. Что касается до моей „Первой книжки“, то она въ переплетѣ стоитъ не 20, а 25 коп. Я, впрочемъ, съ удовольствіемъ готовъ снабдить Васъ желаемымъ числомъ экзем-

[1]) Т. е. священникъ-учитель. *М. П.*

пляровъ за предложенную Вами цѣну — въ переплетѣ и съ пересылкой, потому что знаю, какъ скудны средства сельскихъ школъ. Въ настоящую минуту, впрочемъ, у меня нѣтъ переплетенныхъ экземпляровъ, потому потрудитесь увѣдомить меня заранѣе, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до того времени, когда они Вамъ понадобятся: одинъ мѣсяцъ нуженъ будетъ для переплетенья, а одинъ — для высылки съ конторою транспортовъ (по почтѣ посылка эта обошлась бы 736 рублей).

Затѣмъ простите за бѣглость замѣчаній и примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и всегдашней готовности служить Вамъ.

І. Паульсонъ.

Конечно, письмо это, при всей сдержанности, нельзя не назвать претенціознымъ... Баронъ Корфъ искалъ обмѣна мнѣніями, дорожилъ имъ, — а тутъ вдругъ какія-то «замѣчанія». Между барономъ Корфомъ и г. Паульсономъ, конечно же, могъ быть только товарищескій тонъ, но ни въ какомъ случаѣ не покровительственный...

На нашъ взглядъ, такой странный тонъ письма г. Паульсона объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ барономъ Корфомъ и его дѣятельностью. Поэтому, при дальнѣйшемъ ходѣ переписки, письма, относящіяся уже къ концу того же 1869 года, какъ и только-что приведенное письмо, имѣютъ уже совершенно иной тонъ,—какъ это мы и увидимъ сейчасъ.

Спб., 19 апрѣля 1869 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Прежде всего, считаю долгомъ извиниться передъ Вами въ томъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо. Я теперь уже не помню, что именно мнѣ помѣшало отвѣчать тотчасъ же по полученіи письма; а недѣлю спустя, я получилъ отъ александровскаго училищнаго совѣта требованіе на мою „Первую учебную книжку“, и тогда съ намѣреніемъ отложилъ отвѣтъ: хотѣлось сперва справить порученіе. Вчера, наконецъ, книги, переплетенныя, въ числѣ 1.200 экз., отправлены въ Александровскъ съ конторою транспортовъ Самохотова. Училищный совѣтъ просилъ меня обязать контору извѣстнымъ срокомъ для доставки книгъ въ Александровскъ; но здѣсь ни одна контора на срочную пересылку вещей не принимаетъ. Поэтому я и воспользовался предложеніемъ Комитета грамотности (пересылающаго всѣ свои книги съ конторою Самохотова) доставить книги въ Александровскъ къ началу іюня. Квитанція конторы, поэтому, будетъ выслана на дняхъ изъ Комитета грамотности. Потрудитесь предупредить объ этомъ совѣтъ. Книги высланы въ трехъ ящикахъ; онѣ застрахованы. Деньги за нихъ (192 рубля) я получилъ. А чтобы Вы видѣли, какъ онѣ переплетены, я посылаю Вамъ, въ одно время съ этимъ письмомъ, одинъ переплетенный экземпляръ, въ видѣ образца. Одно только я, кажется, упустилъ изъ виду: не послалъ „Объясненія“ къ книжкѣ. Вы, вѣроятно, объ этомъ не писали. Въ случаѣ же, если Вамъ нужно и „Объясненіе“, то напишите; я вышлю экз. 30 (у меня ихъ вообще мало осталось).

Перейду теперь къ Вашему письму. Замѣчаніе Ваше, относительно не-

удобства диспута на письмѣ, совершенно справедливо; но я думаю, что еслибъ намъ пришлось свидѣться, то диспутъ нашъ не продолжался бы слишкомъ долго, ибо взгляды наши далеко не такъ сильно расходятся, какъ это можетъ показаться въ первый моментъ. Я вовсе не такой односторонній теоретикъ, чтобы не принимать во вниманіе обстоятельствъ, встрѣчающихся на практикѣ. Напротивъ, моя собственная, 18-лѣтняя практика, въ теченіе которой въ рукахъ моихъ перебывали сотни дѣтей, начиная отъ ребенка петербургской судомойки-чухонки, отъ котораго въ первые 3 мѣсяца пребыванія его въ школѣ, кромѣ какого-то непонятнаго мычанія, ничего не услышишь, и до царскихъ дѣтей,—говорю, моя собственная практика убѣдила меня, что не только приходится дѣлать на каждомъ шагу уступки требованіямъ жизни, но что практика, въ ремеслѣ учительскомъ, неизмѣримо выше всякой теоріи; знаніе послѣдней тѣмъ только и хорошо, что избавляетъ новичка отъ множества безполезныхъ попытокъ и самыхъ грубыхъ ошибокъ. Поэтому-то, изъ рьяныхъ поборниковъ одной какой-нибудь (положимъ, лучшей, по моему мнѣнію) методы, какимъ я былъ еще въ 59 году, сдѣлался защитникомъ разнообразія методы. По моему мнѣнію, учительская семинарія должна знакомить учениковъ (будущихъ учителей) по возможности со всѣми методами, во-первыхъ, для того, чтобы будущій учитель могъ сознательно избрать лучшую методу, а во-вторыхъ, для того, чтобы онъ освоился съ возможно бо́льшимъ числомъ разнообразнѣйшихъ пріемовъ и сдѣлался способнымъ примѣниться ко всякой ученической личности. Вотъ почему я и не имѣю ничего возразить противъ прохожденія Вами нумераціи. Сколько помнится, я объ этомъ и не заикнулся въ моемъ предъидущемъ письмѣ. Что же касается до Вашего *звуковаго* способа обучать нумераціи, то я нахожу его не только остроумнымъ, но и вполнѣ раціональнымъ; только я бы назвалъ его не звуковымъ, а способомъ обучать нумераціи *по слуху*.

Получили ли Вы ариѳметику Грубе?—Получаете ли, наконецъ, журналъ „Учитель“. Въ № 5 есть статья по поводу Вашего отчета. Въ первомъ письмѣ Вашемъ Вы, помнится, предлагали мнѣ Ваше сотрудничество. Не знаю, отвѣчалъ ли я Вамъ на это предложеніе. Если нѣтъ, то прошу извиненія: я съ удовольствіемъ готовъ печатать все, что Вы мнѣ пришлете для журнала. Было бы не дурно, еслибъ Вы могли прислать рядъ вопросовъ, относящихся до устройства народныхъ школъ и требующихъ разрѣшенія. Такимъ образомъ мы вели бы переписку печатно.

До слѣдующаго письма!

Душевно преданный Вамъ

I. Паульсонъ.

2-го мая я ѣду въ Берлинъ, на общій учительскій съѣздъ, и возвращусь въ Петербургъ къ 20-му мая. Поэтому раньше конца будущаго мѣсяца къ Вамъ писать не буду.

Итакъ, сказавъ уклончиво въ первомъ письмѣ, что сотрудничество барона Корфа было бы «очень пріятно», подъ условіемъ однако «дѣльной статьи, касающейся серьезно той или другой стороны школьнаго дѣла», г. Паульсонъ, въ третьемъ своемъ письмѣ, менѣе даже чѣмъ черезъ годъ, заявляетъ уже, что онъ «съ удовольствіемъ готовъ напе-

чатать все, что пришлетъ для журнала» баронъ Корфъ. Очевидно, такимъ образомъ, что раньше дѣло заключалось не въ предубѣжденности или нерасположеніи, а только—какъ было уже замѣчено выше—въ недостаточномъ предварительномъ знакомствѣ г. Паульсона съ барономъ Н. А. Корфомъ, съ его публицистическимъ и педагогическимъ дарованіемъ.

Спб., 14 октября 1869 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Вчера получилъ я Ваше письмо отъ 1-го окт. и сегодня былъ у Кожанчикова. Онъ, повидимому, не прочь издать Вашу рукопись, только не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта, пока не условится съ Вами относительно продажной цѣны книги: по этой цѣнѣ только онъ въ состояніи сообразить, сколько ему дастъ книга и, слѣдовательно, какую сумму онъ можетъ предложить Вамъ. Онъ обѣщалъ мнѣ завтра же списаться съ Вами; такъ что, вслѣдъ за этимъ моимъ извѣщеніемъ, Вы, по всей вѣроятности, получите письмо и отъ него. Если дѣло Ваше съ нимъ уладится, то я готовъ принять на себя корректуру Вашей книги, т. е. если Вы не имѣете кого-либо другаго въ виду, на котораго Вы можете болѣе положиться, чѣмъ на меня.

Искренне уважающій Васъ

І. Паульсонъ.

Книга, о которой говорится въ этомъ письмѣ, есть «Русская начальная школа», изданная въ Петербургѣ и, какъ увидимъ вскорѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ именно г. Паульсона, такъ доброжелательно и предупредительно предложившаго свои услуги,—что еще опредѣленнѣе выражено въ слѣдующемъ его письмѣ, весьма характерномъ по сочувствію и доброжелательству къ начинанію барона Корфа:

Спб., 8 ноября 1869 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Только-что получилъ отчетъ и письмо Ваши, и тотчасъ же сажусь отвѣчать Вамъ.

Статью Вашу о нумераціи я помѣщу съ удовольствіемъ; прошу только во вступленіи объяснить, для кого именно статья назначается, такъ какъ читатели „Учителя“, пріобрѣвшіе уже извѣстный взглядъ на элементарное обученіе ариѳметикѣ, захотятъ конечно знать, съ какою цѣлью печатается статья о нумераціи, которую (т. е. нумерацію) редакція отвергала, какъ не соотвѣтствующую для первой ступени обученія. Поэтому необходимо указать на условія, требующія знакомства съ нумераціей при начальномъ обученіи ариѳметикѣ въ сельскихъ школахъ.

Теперь о Вашемъ руководствѣ. Я такъ и думалъ, что содержаніе его Вы почерпнете изъ Вашихъ отчетовъ, ибо въ нихъ дѣйствительно много положительнаго дидактическаго матеріала. Но на два обстоятельства позвольте обратить Ваше вниманіе. Во-первыхъ, въ упомянутомъ матеріалѣ, сколько я успѣлъ замѣтить по отчетамъ, довольно много пробѣловъ, которые въ руко-

водствѣ должны быть пополнены; во-вторыхъ, имя Ваше настолько уже извѣстно, что публика будетъ искать въ руководствѣ, носящемъ Ваше имя, особенно выдающихся достоинствъ: и критика отнесется къ вамъ строже, нежели къ кому-либо другому. Поэтому, при составленіи руководства, Вамъ нужно быть крайне осмотрительнымъ. Не безполезно было бы также, еслибъ Вы просмотрѣли тѣ, хотя немногія, но все-таки существующія уже руководства по этой же части. Недостатки чужаго сочиненія не только легче замѣчаются, но и нерѣдко предохраняютъ отъ ошибокъ того, кто собирается писать подобное же руководство. Такъ, напр., недавно въ Вяткѣ вышла книга: „О способахъ обученія предметамъ учебн. курса начальн. народ. училищъ“, свящ. Н. Блинова. Знакомы ли Вы съ этой книгой?—Отзывъ о ней помѣщенъ въ № 20 „Учителя“. Затѣмъ, на дняхъ выйдетъ еще руководство нѣкоего И. Бѣлова, того самаго, что̀ разбранъ Вашъ отчетъ въ „Народной школѣ“. Многаго я отъ его руководства не ожидаю, потому что г. Бѣловъ—человѣкъ, какъ говорится, съ гвоздемъ, но все-таки ознакомиться съ книгою не мѣшаетъ. Я, впрочемъ, тотчасъ по выходѣ ея, вышлю ее къ Вамъ. Вы бы сдѣлали мнѣ большое удовольствіе, еслибъ прислали мнѣ болѣе или менѣе подробную программу того, что Вы намѣрены внести въ руководство. Быть можетъ, я и нашелъ бы кое-что замѣтить, чѣмъ бы вы могли воспользоваться. Вы можете быть увѣрены, что не встрѣтите во мнѣ односторонняго критикана, который все хочетъ скроить по готовому теоретическому образцу и не признаетъ дѣйствительной обстановки, обусловливающей ту или другую форму, тотъ или другой пріемъ. Мнѣ бы только хотѣлось, ради самаго дѣла, чтобы руководство вышло по возможности практично.

Очень радъ, что Вы имѣете благое намѣреніе помочь „Народной Школѣ“ своими статьями; ибо до сихъ поръ она положительно полезнаго и годнаго для сельскихъ школъ ничего не давала.

Душевно преданный Вамъ

І. Паульсонъ.

Спб., 5 декабря 1869 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Спѣшу отвѣтить на письмо Ваше отъ 23 ноября. Противъ программы Вашей я ничего не имѣю возразить: въ нее вошло, насколько я понимаю дѣло, все необходимое. Замѣчу только слѣдующее: 1) въ § 6-мъ первой главы („Помѣщеніе и училищныя принадлежности“) не мѣшало бы обратить вниманіе на устройство классныхъ столовъ и скамей, т. е. не относительно отдѣлки и изящности, а относительно высоты ихъ, сообразно съ ростомъ учениковъ. Правильное устройство столовъ и скамей чрезвычайно важно не только для здоровья дѣтей (педагоги наши почему-то не считаютъ нужнымъ заботиться о здоровьѣ крестьянскихъ дѣтей,—не бѣда, если и искривятся прежде времени), но и для успѣха обученія письму. При нынѣшнемъ устройствѣ школьныхъ скамей (при которомъ ученику приходится, во время письма, сидѣть на самомъ краю скамьи и всѣмъ туловищемъ налегать на столъ, держа локти наравнѣ съ плечомъ и не достигая ногами пола), первыя упражненія въ письмѣ несказанно затрудняются и новичка-учителя могутъ привести въ отчаяніе. Не знаю, приходилось ли Вамъ это замѣчать и изыскивать средства, какъ-бы устроить столы и скамьи, которыя обошлись бы не дороже

тѣхъ столовъ и скамей, какія обыкновенно употребляются въ сельскихъ школахъ, и которыя тѣмъ не менѣе вполнѣ соотвѣтствовали бы цѣли. Не знаю также, есть ли у Васъ хоть одна изъ того большаго числа брошюръ, которыя въ послѣднее время появились по этой части въ Германіи. Изъ нихъ можно было бы почерпнуть всѣ необходимыя данныя. Выслать же теперь поздно, Богъ знаетъ когда получите. Впрочемъ, въ журналѣ „Учитель“ за 1865 г. (если онъ у Васъ есть) Вы найдете размѣры столовъ для всѣхъ возрастовъ (статья „Гигіеническія условія воспитанія“, стран. 413). 2) Къ первой же главѣ не мѣшало бы прибавить еще одинъ § о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ. Эта статья также весьма важная и въ экономическомъ, и въ педагогическомъ отношеніи. Въ экономическомъ: не нужно было бы заводить особыхъ школъ для дѣвушекъ; въ педагогическомъ: число грамотныхъ дѣвочекъ сравнялось бы съ числомъ грамотныхъ мальчиковъ (тогда какъ теперь, за недостаткомъ школъ для дѣвочекъ, большинство остается безграмотными); далѣе, дѣвочки внесли бы, гораздо скорѣе мальчиковъ, грамотность въ семью. 3) Къ 5-ой главѣ, къ закону Божію, слѣдовало бы прибавить § о религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ, которыя долженъ вести съ дѣтьми сельскій учитель сверхъ уроковъ, даваемыхъ имъ законоучителемъ. Прибавленія, означенныя мною подъ цифрами 2 и 3, могли бы сильно подѣйствовать на тѣхъ, отъ кого зависитъ измѣненіе нынѣшняго нелѣпаго порядка, запрещающаго дѣвочкамъ извѣстнаго возраста учиться вмѣстѣ съ мальчиками, а учителю—бесѣдовать о Божественномъ. Вотъ все, что́ я могу замѣтить относительно Вашей программы.

Первыя три главы Вашего руководства Вы можете прислать; я ихъ помѣщу въ журналѣ, переговоривъ объ этомъ предварительно съ Кожанчиковымъ. Отвѣтъ его Вы теперь вѣроятно уже получили. Онъ предлагаетъ Вамъ уменьшить цѣну; это онъ дѣлаетъ по моему совѣту.

Во-первыхъ, какъ человѣкъ, не владѣющій большимъ капиталомъ, онъ не можетъ предложить Вамъ за рукопись болѣе 1.000 рублей (да и никакой другой книгопродавецъ, какъ я знаю по опыту, не дастъ болѣе за книгу педагогическую; вѣдь это—не романъ); во-вторыхъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, онъ не можетъ, предлагая Вамъ тысячу рублей, претендовать на выгоду въ слишкомъ 5.000 рублей (печатаніе съ бумагой обойдется не болѣе 800 рублей, а выручится съ 5.000 экз., съ уступкою книгопродавцамъ 7.500 руб.); въ третьихъ, чѣмъ дешевле книга, тѣмъ болѣе шансовъ для распродажи ея. Къ тому же 2 рубля для сельскаго учителя—деньги очень большія, и рѣдкій изъ такихъ учителей не задумается, прежде чѣмъ рѣшится купить книгу, стоющую 2 рубля. Вообще, опытъ показалъ, что книга, назначенная для бѣднаго класса людей и стоющая дороже 1 рубля, продается туго, какъ бы хороша ни была. Главною же цѣлью Вашей должно быть и возможно большее и скорѣйшее распространеніе Вашей книги. А потому я совѣтую пустить ее никакъ не дороже, какъ по 1 р. 20 к. Тогда, пожалуй, ее пріобрѣтетъ и такой учитель, который прежде и не думалъ заводиться книгами.

Теперь еще нѣсколько словъ о высланныхъ Вамъ экземплярахъ „Первой учебной книжки“. Коммиссіонеръ „Комитета грамотности“ Самохотовъ оказался несостоятельнымъ, и комитету приходится теперь разыскивать посылки. Тотчасъ по полученіи Вашей жалобы, я отправился наводить справку, и вотъ что узналъ: „Первая учебная книга“ находится уже въ Екатеринославѣ, у купца Ульмана. Потрудитесь справиться, такъ ли это; если же нѣтъ, то по-

трудитесь извѣстить телеграммою. Если бы Вамъ пришлось заплатить за пересылку, то этотъ расходъ я возьму на свой счетъ, равно какъ и всѣ издержки, какія могутъ произойти по этому дѣлу. Наконецъ, если книги пропали совсѣмъ, то я вышлю Вамъ, при первой возможности, снова то же число экземпляровъ. Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что я, неосторожностью своею, ввелъ Васъ въ непріятность. Простите великодушно!

Душевно преданный Вамъ

I. Паульсонъ.

Спб., 3-го января 1870 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Признательность, которую Вы выражаете мнѣ въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ за содѣйствіе Вамъ, признаюсь, крайне конфузитъ меня: содѣйствіе мое Вамъ такъ ничтожно, что о немъ не стоило и упоминать.

Перехожу прямо къ отвѣту на Ваше письмо.

„Учитель“ за всѣ годы по 1868 включительно (7 томовъ) обойдется Вамъ рублей 25—въ переплетѣ и съ пересылкой. Впрочемъ, за первый годъ (1861) не существуетъ болѣе полнаго изданія, а есть только „Педагогическія статьи“, помѣщенныя въ журналѣ за 1861 г. Затѣмъ журналъ за 1862 годъ весьма трудно найти. Впрочемъ, я постараюсь добыть его для Васъ.

Изъ нѣмецкихъ педагогическихъ журналовъ, когда-то весьма практическимъ былъ—„Der praktische Schulmann“, но за послѣдніе годы въ немъ помѣщаются большею частію статьи, вовсе непримѣнимыя къ намъ; я бы посовѣтовалъ Вамъ выписать себѣ за нѣсколько лѣтъ „Jahresbericht, paedagogischer“ Lüben'a (примѣрно за 1864—1869 г., 6 томовъ), въ которомъ подробно разбираются всѣ выходящія въ Германіи педагогическія сочиненія и учебники по всѣмъ предметамъ и дѣлается обзоръ какъ содержанію педагогическихъ журналовъ, такъ и всего важнаго, совершившагося въ педагогическомъ мірѣ, въ теченіе года. Критикѣ книгъ, по каждой отрасли, предшествуетъ всегда вступительная статья, обсуждающая все, что̀ явилось новаго и замѣчательнаго по части дидактики и методики. Всѣхъ томовъ теперь 21, въ которыхъ чрезвычайно много матеріала по методикѣ элементарныхъ предметовъ. Всѣ 21 т. можно имѣть рублей за 30 съ пересылкою. Педагогическіе же журналы почти всѣ (я выписываю ихъ 25) имѣютъ характеръ и интересъ болѣе мѣстный, а потому весьма трудно рекомендовать какой-либо изъ нихъ. „Rheinische Blätter“—почти единственный, имѣющій общій интересъ.

Умственныя упражненія, помѣщенныя въ журналѣ за 1869 г., отдѣльно напечатаны не будутъ; но къ будущей осени я надѣюсь выпустить въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: „Изложеніе и оцѣнка всѣхъ извѣстныхъ системъ первоначальнаго наглядnаго обученія“, въ составъ которой войдутъ и умственныя упражненія Краузе. Какъ видите, и у меня есть извѣстная idée fixe, отъ которой я не могу избавиться и которая состоитъ въ слѣдующемъ: безъ знакомства съ тѣмъ, что̀ сдѣлали другіе народы, и въ особенности нѣмцы, по части преподаванія, мы своей порядочной дидактики и методики выработать не можемъ.

Рукописи Вашей жду съ нетерпѣніемъ. Отчетъ Вашъ я получилъ; по поводу его въ журналѣ будутъ помѣщены двѣ длинныя статьи.

Душевно преданный Вамъ

I. Паульсонъ.

С.-Петербургъ, 25 января 1870 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Извините, ради Бога, что я такъ долго не отвѣчалъ Вамъ. Вотъ уже три Вашихъ письма передо мною, а я теперь только собираюсь отвѣчать Вамъ. Но не лѣнь причиною моего долгаго молчанія, а скопленіе множества работъ, отымающее у меня и послѣдній досугъ. Но—къ дѣлу!

Въ письмѣ Вашемъ, отъ 27 декабря, Вы просите меня высказать обстоятельно мое мнѣніе о Вашемъ руководствѣ. По прочтеніи его въ корректурѣ, я это и сдѣлаю; теперь же, пока, могу сказать только кое-что о первыхъ двухъ главахъ, которыя успѣлъ прочесть до отсылки рукописи въ типографію. Впрочемъ, кромѣ похвалы я ничего сказать не могу. Всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе толковой школы въ селѣ, изложены Вами ясно, живо и обстоятельно, и могутъ быть неубѣдительными развѣ только для того, кто не знакомъ вовсе съ жизнью, не говорю уже — съ крестьянскимъ бытомъ. Могу замѣтить только одно, что слогъ Вашъ мѣстами немного тяжелъ. Но это я объясняю себѣ тѣмъ, что Вы торопились и желали сжать, по возможности, накопившійся и просившійся подъ перо матеріалъ; оттого и встрѣчаются иногда длинные періоды, изобилующіе вводными предложеніями. Но, несмотря на все это, темныхъ мѣстъ нѣтъ. Прочтенныя мною двѣ главы уже набраны для журнала; третью главу помѣщу, когда получу корректуру самой книги.

Что касается до заглавія, то я позволю себѣ предложить маленькое измѣненіе, т. е. назвать книгу „Русская начальная школа“, руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ, выпустивъ совсѣмъ выраженіе: для домашнихъ учителей. Хотя и я отъ всей души желаю книгѣ наибольшее распространеніе, но нахожу несправедливымъ вводить въ заблужденіе тѣхъ изъ учителей, которые менѣе всего могутъ вынести пользу для себя изъ книги. Кожанчиковъ же нисколько не въ претензіи, что книга назначается не для всего педагогическаго сословія: она и такъ отлично распространится. Вообще, я лично—врагъ всего, что̀ мало-мальски смахиваетъ на рекламу или спекуляцію и, по моему мнѣнію, притязательность заглавія умаляетъ достоинство книги.

Очень и очень благодаренъ Вамъ за статью объ учительскомъ съѣздѣ: я помѣщу ее при первой возможности; сперва, однако, надо пустить въ ходъ Ваши двѣ главы; кромѣ того, у меня набраны уже: во-первыхъ, отчетъ о дѣятельности Таврическаго земства, начало котораго уже отпечатано въ № 2 „Учителя“, а во-вторыхъ, отзывъ о Вашемъ послѣднемъ отчетѣ. Все это совершенно случайно скопилось и не можетъ быть отложено.

Книгу Бѣлова выслалъ Вамъ я, равно какъ и изданную мною новую книгу „Человѣческое тѣло“. Относительно книги Бѣлова мы не сошлись только въ одномъ: Вы ожидали отъ Бѣлова больше, а я, какъ уже писалъ Вамъ, многаго и не ожидалъ отъ него. Я совершенно согласенъ, что Бѣловъ обладаетъ прекраснымъ перомъ, но для составленія дидактическаго руководства необходимы преимущественно знаніе и практическій опытъ, а ни того, ни другаго у Бѣлова нѣтъ. Онъ самъ никогда не обучалъ въ элементарной школѣ и ничего не читалъ объ элементарномъ обученіи: до всего дошелъ своимъ собственнымъ умомъ, да въ Дерптѣ видалъ, какъ другіе обучаютъ. Всего этого недостаточно для составленія толковаго руководства. Посмотрите, напримѣръ, что̀ онъ нагородилъ въ отдѣлѣ по русскому языку; а это еще его спеціаль-

ность!.. Что же будетъ въ отдѣлѣ о естествовѣдѣніи, о которомъ онъ самъ и понятія не имѣетъ. Я знаю Бѣлова лично, и знаю его за честнаго человѣка; а между тѣмъ невольно въ душу вкрадывается сомнѣніе, когда видишь, что человѣкъ берется за дѣло, котораго не знаетъ, и невольно спрашиваешь себя: ограниченъ этотъ человѣкъ или честность его не настоящая?

Книгу Селитренникова (а не Стоюнина, какъ вы описались) я знаю: она разобрана во 2-мъ № „Учителя“. Получили ли Вы книгу Шарловскаго? Тоже—руководство для сельскихъ учителей... Ну, этотъ господинъ такъ положительно глупъ!..

Извините, пожалуйста, за несвязность письма: меня три раза прерывали въ письмѣ. Насилу успѣлъ окончить. Въ слѣдующій разъ скажу болѣе о Вашемъ руководствѣ.

Душевно преданный Вамъ
І. Паульсонъ.

Получили ли Вы, наконецъ, мою „Первую учебную книжку“ отъ Ульмана? Извѣстите, пожалуйста!

Спб., 24 апрѣля 1870 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Простите великодушно, что я такъ долго отмалчивался: работа меня совсѣмъ одолѣла. Теперь же, при наступленіи весны, я становлюсь совершенно неспособнымъ къ работѣ, особенно сидячей. Чувствую, что мнѣ крайне необходимо отдохнуть; а такъ какъ дома это невозможно, то хочу удрать недѣль на 6 заграницу. Для этого, однако, надо собраться съ послѣдними силишками, чтобы заготовить на это время нѣкій запасъ матеріала для журнала, который долженъ выходить и въ мое отсутствіе. Поэтому позволю себѣ быть краткимъ и въ этомъ письмѣ. Въ іюнѣ обѣщаю наверстать упускаемое теперь.

Книга Ваша готова и, повидимому, раскупается какъ нельзя лучше. Чтеніе корректуры и доставляло мнѣ много удовольствія, потому что я имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ содержаніемъ книги,—и бѣсило меня, потому что Кожанчиковъ, во-первыхъ, торопилъ меня, а, во-вторыхъ, попалъ въ мерзѣйшую типографію: при третьей корректурѣ я еще находилъ до 10—15 ошибокъ на каждой страницѣ; я ругался и устно, и письменно; только это нисколько не помогало. Поэтому не взыщите, если найдете нѣкоторое число опечатокъ; я, съ своей стороны, дѣлалъ, что могъ. Впрочемъ, надѣюсь, что опечатокъ, затемняющихъ смыслъ, нѣтъ.

Теперь нѣсколько словъ о самой книгѣ, которую я, при первой возможности, подробно разберу въ журналѣ.

Все, что относится до устройства школы, безукоризненно хорошо и практично; но дидактическая или, вѣрнѣе, методическая часть — слаба. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что предлагаемые вами способы обученія и отдѣльные пріемы слабы и не соотвѣтствуютъ раціональнымъ требованіямъ педагогики; я очень хорошо понимаю, что способы и пріемы эти вызваны необходимостью, обусловлены тою обстановкою, въ которой находится сельская школа. Не говорю также о нѣкоторыхъ явныхъ промахахъ, какъ, напримѣръ, совершенно неправильное объясненіе такъ называемаго „объяснительнаго чтенія“ (До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ педагоги подъ „объяснительнымъ

чтеніемъ" разумѣютъ только краткій ономатическій и вещественный разборъ—Wort-und Sach-Erklärung,а отнюдь не тотъ естественно-историческій винегретъ, который Вы находите полезнымъ, но неудобнымъ для сельской школы). Мнѣ ужасно хотѣлось поправить этотъ и ромахъ; но, къ сожалѣнію, не могъ потому, что Вы именно къ этому объясненію непосредственно примыкаете довольно длинное разсужденіе, которое исключить я не посмѣлъ. Независимо отъ всего этого, дидактическая часть все-таки слаба, и именно въ томъ, что не можетъ удовлетворить неподготовленнаго учителя. Вы разсуждаете о каждомъ учебномъ предметѣ, и иногда очень обстоятельно; но этого недостаточно. По моему мнѣнію, для неподготовленнаго учителя необходимо изложеніе, по крайней мѣрѣ, конспекта каждаго отдѣльнаго урока, иначе—онъ на каждомъ шагу будетъ спотыкаться. Въ этомъ отношеніи Вамъ могли бы оказать значительную помощь такіе учителя, какъ Агапьевъ и нѣкоторые другіе, разработавъ конспекты и отдѣльные образцовые уроки по всѣмъ предметамъ. Совѣтую Вамъ воспользоваться ихъ содѣйствіемъ при слѣдующемъ изданіи. Темы для письменныхъ работъ превосходны; описаніе стола и скамьи—очень швахъ; списокъ книгъ для библіотеки (въ концѣ книги) носитъ на себѣ характеръ случайности. Ограничиваюсь пока этими замѣчаніями. Несмотря, однако, на всѣ недостатки, книга все-таки въ цѣломъ хорошая и принесетъ свою долю пользы; а больше этого никто не въ правѣ требовать.

Первая учебная книжка моя была выслана Вамъ въ двухъ тюкахъ, а не въ трехъ; слѣдовательно, если Вами получены два тюка, то въ нихъ должны быть всѣ 1.200 экземпляровъ. Впрочемъ, если чего-либо не хватаетъ, то я вышлю недостающее тотчасъ, какъ вы того потребуете.

Такъ какъ покуда намъ нѣтъ никакой возможности познакомиться лично, то позволяю себѣ приложить при семъ мою физіономію и покорнѣйше прошу Васъ прислать мнѣ въ обмѣнъ Вашу.

Душевно преданный Вамъ
І. Паульсонъ.

Спб. 15 мая 1870 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Сегодня получилъ письмо Ваше отъ 20 апрѣля и не могу не отвѣчать на него, хотя дѣла пропасть, и я спѣшу удрать изъ этого омута. Мнѣ кажется, Вы не совсѣмъ меня поняли, или же я, второпяхъ, плохо выяснилъ мысль свою въ послѣднемъ письмѣ моемъ. Я нисколько не сомнѣвался, что учителя могутъ многому научиться изъ Вашихъ отчетовъ, а тѣмъ бо́льшему научатся изъ Вашего руководства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что учителя (т. е. неподготовленные) въ состояніи будутъ вести надлежащимъ образомъ и безъ затрудненія школьное обученіе въ теченіе всего года, не прибѣгая къ другой помощи, кромѣ Вашей книги. О необходимости образцовыхъ уроковъ, сколько помнится, я также не говорилъ, а желалъ и желаю изложенія уроковъ по всѣмъ предметамъ, за все учебное время.

Многолѣтній опытъ показалъ мнѣ, что учителямъ, мало образованнымъ и неопытнымъ, необходимо не столько пережевываніе, т. е. обстоятельное толкованіе извѣстныхъ дидактическихъ истинъ и пріемовъ (хотя и это нужно), сколько подробное указаніе распредѣленія и разработки всего учебнаго матеріала. Вы напрасно думаете, что неподготовленные учителя, руководствуясь

отдѣльными уроками, данными въ Вашей книгѣ, съумѣютъ по этимъ образцамъ разработать и весь остальной матеріалъ. Вѣковой опытъ показалъ, что это и въ Германіи было невозможно; а потому тамъ то и дѣло (даже до сихъ поръ) издаются методическія руководства, которыя, по справедливости, могутъ быть названы, да и называются тамъ ослиными подмостками (Eselsbrücken). И такія книги тамъ приносятъ большую пользу, а намъ и подавно будутъ полезны. Впрочемъ, предлагая Вамъ ввести въ книгу Вашу весь учебный матеріалъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, я вовсе не думаю, чтобы для этого необходимо было увеличивать ея объемъ. Многія объясненія и толкованія, которыя Вы теперь по необходимости даете, тогда окажутся лишними, другія же значительно сократятся. Но... объ этомъ я подробно поговорю при разборѣ Вашей книги.

Что же касается до объяснительнаго чтенія, то я очень хорошо знаю, что нѣкоторые русскіе педагоги такъ опредѣляютъ это чтеніе, какъ оно опредѣлено въ Вашей книгѣ; но я берусь доказать Вамъ, что эти педагоги дошли до этого опредѣленія своимъ собственнымъ умомъ. Изъ нѣмецкихъ же писакъ только одни послѣдователи прусскихъ регулятивовъ 1854 года опредѣляютъ объяснительное чтеніе по-Вашему; но они дѣлаютъ это не по невѣжеству, а съ извѣстною заднею мыслью. Не говоря уже о томъ, что прусскіе регулятивы стоятъ внѣ всякихъ педагогическихъ условій, замѣчу только, что пресловутая фраза: „die Realien werden im Anschlusse uns Lesebüch gelehrt“ заключаетъ въ себѣ просто тотъ скрытый смыслъ, что Realien исключаются изъ курса народной школы. Согласитесь сами, что составители регулятивовъ, хотя и плохіе педагоги, но нѣмецкій-то языкъ знаютъ и, слѣдовательно, не безъ намѣренія употребляютъ оборотъ рѣчи „in Anschlusse“, который можно толковать и такъ, и сякъ.

Что я не мечтаю о Кунцевыхъ столахъ для сельскихъ школъ, лучше всего покажетъ Вамъ моя брошюра, которую вы теперь, вѣроятно, уже получили. Повторю еще разъ, что книга Ваша все-таки хорошая книга, и я ее всячески буду рекомендовать.

Затѣмъ, извиняясь въ томъ, что не написалъ, а нацарапалъ предъидущія строки, остаюсь душевно преданный Вамъ и душевно уважающій Васъ

І. Паульсонъ.

Извѣстите, пожалуйста, объ участи моей „Первой учебной книжки“, высланной мною для Вашихъ школъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, нельзя не отдать справедливости громадной содержательности писемъ г-на І. Ив. Паульсона и глубокой педагогической образованности ихъ автора. Тѣ обвиненія г-на Паульсона, будто бы, въ излишнемъ пристрастіи къ нѣмецкой педагогіи, которыя, какъ мы знаемъ уже, высказывали нѣкоторые другіе авторы писемъ къ барону Корфу, сводятся, въ сущности (насколько это выразилось въ только-что приведенныхъ письмахъ), въ пристрастіи г-на Паульсона къ научности въ юной русской педагогіи. Такого рода «idée fixe» г-на Паульсона, какъ онъ самъ выражается, заслуживаетъ, конечно, полнаго уваженія.

По связи съ «Народной Школой» и «Учителемъ», намъ необходимо еще сказать о третьемъ педагогическомъ журналѣ—«Семьѣ и Школѣ» Юліана Симашко. Очень широко задуманъ былъ этотъ журналъ. Обширная программа его замѣтно выдвигаетъ это изданіе изъ ряда всѣхъ другихъ, существовавшихъ въ ту пору и раньше педагогическихъ журналовъ. Самому Юл. Симашкѣ (умершему уже) также нельзя отказать въ чуткости, отзывчивости и талантливости журналиста. Отъ «Семьи и Школы», по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія этого журнала, вѣяло страстью, жизнью, общественными интересами, и журналъ этотъ быстро занялъ-было довольно видное и вліятельное положеніе. Но, къ несчастью, разныя такъ-называемыя «неблагопріятныя обстоятельства» сгубили и этотъ журналъ, подобно другимъ педагогическимъ журналамъ, традиціонно отличавшимся у насъ, въ Россіи, крайне незначительною распространенностью, весьма слабою матеріальною обезпеченностью и изумительною недолговѣчностью.

Слѣдующія пять писемъ Юл. Симашка къ барону Н. А. Корфу одинаково характерны и въ отношеніи физіономіи «Семьи и Школы», какъ педагогическаго журнала, и тѣхъ порывовъ, которые вдохновляли недюжиннаго его редактора-издателя, и въ отношеніи личности барона Корфа, какъ общественнаго дѣятеля вообще и литератора-педагога въ частности.

26-го января 1871 г.
Спб.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Душевно сожалѣю, что подписка Ваша предупредила выходъ моего журнала. „Семья и Школа“ должна выйти дня черезъ 3—4, по миновaніи нѣкоторыхъ цензурныхъ затрудненій. Мое желаніе было послать Вамъ № тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ и просить принять не только участіе въ „Семьѣ и Школѣ“ своими трудами, но, что̀ гораздо серьезнѣе, отнестись къ нему критически и съ тою энергіею и практичностью, которыя привели уже труды Ваши къ такимъ результатамъ, какіе считались невозможными въ Россіи. Но обратиться съ подобною просьбою я не считалъ себя въ правѣ, пока не выражу, по крайней мѣрѣ, своего образа мыслей, такъ какъ дѣятельность моя предыдущая Вамъ, вѣроятно, неизвѣстна. Все, что я дѣлалъ подъ псевдонимомъ Я Фонъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, можно считать пробами; серьезнѣе дѣло становится теперь: я желаю не только издавать пособія, но журналъ, въ которомъ бы нуждающіеся въ педагогическихъ указаніяхъ нашли возможно удовлетворительное рѣшеніе своихъ желаній. Предпринять подобное изданіе безъ нѣкоторой надежды на содѣйствіе, подобное Вашему, было бы большою ошибкою съ моей стороны.

Позвольте просить Васъ и надѣяться, что Вы примете дѣятельное участіе словомъ и дѣломъ въ журналѣ, который имѣетъ единственную цѣль быть практически полезнымъ дѣлу народнаго образованія. Народнымъ школамъ я придаю главное значеніе, и мѣсто для разработки вопросовъ ея всегда

найдется въ „Семьѣ и Школѣ“. Я не затрудняюсь въ приложеніяхъ и буду радъ, если Вы, въ видахъ пользы дѣлу, найдете возможнымъ прислать рисунки, прописи или что-либо подобное. Полагая, что Васъ будетъ интересовать мысль о монхъ Дѣтинцахъ, я посылаю корректурный листъ. Мнѣніе Ваше объ этомъ дѣлѣ особенно мнѣ дорого, и выраженія его будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать

глубоко уважающій,
Вашъ
Юл. Симашко.

P. S. Если найдете удобнымъ отвѣчать на мысль о Дѣтинцахъ, то я бы просилъ Васъ приписать, можно ли будетъ печатать Ваши соображенія въ „Семьѣ и Школѣ“ или въ газетахъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Статью Вашу я получилъ, читалъ ее съ удовольствіемъ человѣка, преданнаго дѣлу, и душевно Вамъ благодаренъ за доставленіе ея въ редакцію. Она будетъ напечатана до Святой, въ четвертомъ номерѣ, такъ какъ третій уже заключенъ.

Послѣ завтра, въ среду, пойдетъ къ Вамъ второй номеръ. Вы увидите, что, начиная съ него, я открываю „Листокъ для самообразованія учителей народныхъ школъ“. Позвольте просить Васъ и надѣяться, что Вы примете мою просьбу близко къ сердцу—принять ближайшее участіе въ этомъ листкѣ. Заглавіе знакомитъ съ цѣлью: это—листокъ для педагогическаго, дидактическаго и методическаго самообразованія учителей. Выборъ сотрудниковъ для этого листка будетъ чрезвычайно серьезенъ,—какъ серьезно дѣло о народныхъ школахъ,—будутъ помѣщаемы статьи съ большимъ выборомъ, которыя дѣйствительно могли бы быть статьями полезными и руководящими для народныхъ учителей. Я усиленно обращаюсь къ Вамъ съ просьбою потому, что Вы были въ Петербургѣ и видѣли его скудныя педагогическія силы и знаете, какъ мало изъ этихъ силъ могутъ быть дѣйствительно полезны народному дѣлу. Между прочимъ, въ этомъ же отдѣлѣ я бы желалъ имѣть и статьи о Дѣтинцахъ. Не удосужитесь ли возобновить этотъ вопросъ, съ тою живою силою, которою владѣетъ Ваше перо? Въ каждомъ номерѣ полагаю отводить мѣсто 2—4 листа на „Листокъ“, если хватитъ хорошаго матеріала. Если отдѣлъ „Листка“ разовьется, то съ будущаго года онъ можетъ имѣть отдѣльныхъ подписчиковъ рубля по два за годовое изданіе.

Извините за эти мелочи, но, я полагаю, онѣ Васъ могутъ интересовать. Во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятно знать Ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи
Вашего покорнаго слуги
Юл. Симашко

12-го января 1872 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Вы знаете, что всякое періодическое изданіе только тогда стоитъ прочно, когда оно имѣетъ болѣе или менѣе тѣсный кружокъ постоянныхъ сотрудни-

ковъ, стремящихся къ проведенію въ публику извѣстныхъ убѣжденій съ тою энергіею, настойчивостью и выдержкою, какія должны руководить всякаго общественнаго дѣятеля; поэтому письмо Ваше произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Имѣть въ журналѣ рядъ трудовъ лица, дѣйствующаго съ такою энергіею, успѣхомъ, твердостью и независимостью мнѣній, какими Вы извѣстны цѣлой Россіи,—есть для редакціи пріобрѣтеніе, нравственно вознаграждающее ее за тѣ непріятности, интриги, клеветы и др. мелкія огорченія, какими зависть, въ сообществѣ другихъ мелкихъ чувствъ, устилали путь перваго года „Семьи и Школы". Слава Богу, путь пройденъ—и пройденъ честно, безъ подкупа, безъ поддержекъ и безъ брани.

Вамъ ближе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстны практическія нужды народной школы, и потому Вашимъ статьямъ, какъ оригинальнымъ, такъ и переводнымъ, всегда найдется мѣсто въ ближайшемъ къ полученію оригинала номерѣ. Мнѣ остается жалѣть, что гонорарій „Семьи и Школы", имѣющій пока до 1.000 подписчиковъ, долженъ быть скроменъ (40 руб. за оригинальный и 25 за переводный листъ печати „Семьи и Школы"), но я увѣренъ, что это не удержитъ Васъ, дѣйствующаго не по денежнымъ побужденіямъ Деньги высылаются немедленно по отпечатаніи статьи.

Что касается печатанія отдѣльными оттисками статей, помѣщенныхъ въ журналѣ, то я придерживаюсь общаго правила: для редакціи всегда пріятнѣе, ежели отдѣльно въ продажѣ статьи являются по заключеніи годоваго изданія. Впрочемъ, это обстоятельство не особенно затруднитъ, такъ какъ, быть можетъ, Вы найдете удобнымъ войти въ такія соглашенія, по которымъ передадите редакціи право продажи извѣстнаго числа отдѣльныхъ оттисковъ. Это мелочь, во всякомъ случаѣ, которая не затруднитъ.

Таковы условія редакціи, какими она руководится относительно всѣхъ сотрудниковъ; я бы просилъ Васъ, не стѣсняясь, изложить Ваши мнѣнія объ этихъ условіяхъ. Я надѣюсь, что въ нынѣшнемъ году гонорарій будетъ вообще нѣсколько увеличенъ, потому что подписка до сихъ поръ идетъ бойко, и журналъ сталъ хорошо, какъ въ литературномъ кругу, такъ и въ общественномъ мнѣніи. Не скрываю, что Ваше участіе мнѣ особенно дорого уже и потому, что со втораго года будетъ обращено особенное вниманіе на нашу бѣдную народную школу; я полагаю открыть листокъ для народныхъ учителей, который помогъ бы ихъ самообразованію практическими указаніями.

Примите увѣреніе, уважаемый баронъ, въ истинномъ уваженіи

Вашего

Юл. Симашко.

P. S. Стенографія (о дебетахъ въ пед. обществѣ) будетъ напечатана во второмъ номерѣ; первый выходитъ 15-го января.

---

21 апрѣля 1872 г

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Статья и письмо Ваше получены; статья набрана уже и находится у меня на 1-й корректурѣ для 4-го нумера. Ранѣе напечатать ее было невозможно, потому что она получена была, когда 3-й нумеръ былъ заключенъ вполнѣ; замедленіе 3-го нумера произошло отъ обстоятельствъ, совершенно внѣ редакціи лежащихъ: типографія Головина обанкрутилась, и мнѣ стоило

большаго труда дотянуть и вырвать оттуда тѣ оригиналы, которые въ нее попали. 4-й нумеръ будетъ около 1-го мая у Васъ.

Такъ какъ Вы желаете печатать Вашу статью отдѣльною брошюрою, то не признаете ли удобнымъ сдѣлать отдѣльные оттиски съ того же набора, съ котораго будетъ печататься въ журналѣ. Заглавіе и обертку можно напечатать по Вашему усмотрѣнію и желанію. Если это предложеніе Вамъ удобно, то я бы просилъ Васъ поспѣшить письмомъ, чтобы предупредить разборъ набора. Не далѣе 15 мая долженъ будетъ выйти 5-й № „Семьи и Школы“ и это заставляетъ меня просить Васъ ускорить высылкою окончанія Вашей превосходной статьи. Иначе окончанію придется быть напечатаннымъ въ августѣ, такъ какъ въ іюнѣ и іюлѣ журналъ не выходитъ.

Со 2-го нумера открылся „Листокъ для самообраз. нар. уч. Если онъ будетъ идти хорошо,—я думаю, это—одинъ изъ полезнѣйшихъ отдѣловъ журнала долженъ бы быть; а чтобы онъ шелъ хорошо, необходимо, чтобы въ немъ приняли участіе люди, подобно Вамъ, компетентные въ дѣлѣ. Позвольте надѣяться, что Вы не откажете въ содѣйствіи цѣлямъ Листка, который печатается и отдѣльно и разсылается по весьма многимъ мѣстностямъ сотнями для учителей народныхъ школъ по разнымъ земствамъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи

Вашего
покорнаго слуги
Юл. Симашко.

---

24 апрѣля 1872 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Письма наши въ дорогѣ разошлись. Я получилъ Ваше въ тотъ день вечеромъ, въ который утромъ послалъ свое; даже содержаніе отчасти общее, и я радуюсь, что Вамъ пришло благое намѣреніе для „Листка“ доставить переводъ. Мнѣ остается только просить Васъ удѣлить „Листку“ возможно болѣе времени и труда. За переводъ я согласенъ платить по 40 рублей съ листа, хотя обыкновенная плата здѣсь далеко не та. Я убѣжденъ, впрочемъ, какъ то доказываетъ Ваша предшествовавшая дѣятельность, что не денежныя побужденія вызываютъ Ваши работы, и потому надѣюсь, что Вы примете участіе со свойственною Вамъ энергіею, независимо отъ платы за статьи.

Въ тотъ же день, какъ получилъ я Ваше письмо, было напечатано въ „Петерб. Вѣд.“ и Ваше заявленіе о Миропольскомъ. Ваше желаніе о перепечаткѣ, конечно, будетъ исполнено, такъ какъ безпристрастіе есть одинъ изъ основныхъ моихъ принциповъ и въ жизни частной, а тѣмъ болѣе—при редактированіи журнала. Это безпристрастіе и свойство называть предметы настоящими ихъ именами, очень не нравящееся нашему обществу, любящему разбиваться на партіи и кружки, не обладающему терпимостью мнѣній чужихъ, нажило мнѣ много враговъ, но, тѣмъ не менѣе, я останусь вѣренъ самому себѣ. Конечно, г. Миропольскій будетъ печатать разъясненіе; но теперь его здѣсь нѣтъ, онъ гдѣ-нибудь въ вологодской или пермской глуши. Ожидая съ нетерпѣніемъ Вашихъ статей, остаюсь истинно уважающій

Вашъ
Юл. Симашко.

Заключительныя строки послѣдняго письма вызываютъ на разъясненіе «заявленія» о г. Миропольскомъ. Но это, однако, было бы излишнимъ, такъ какъ мы не замедлимъ привести подлинныя письма г. С. И. Миропольскаго. Здѣсь же, однако, для заключенія вопроса объ участіи барона Н. А. Корфа въ педагогической журналистикѣ необходимо привести слѣдующія письма къ нему В. А. Евтушевскаго (нынѣ умершаго), взявшагося за изданіе «Народной Школы», послѣ смерти Ѳ. Н. Мѣдникова. Покойный Евтушевскій—очень крупная педагогическая величина, и письма его заслуживаютъ, конечно, серьезнаго вниманія. Вотъ эти прекрасныя письма, адресованныя барону Корфу во время нахожденія его за границей, почти исключительно въ Швейцаріи—этой родинѣ всемірной народной школы. Они исполнены того же божескаго огня, какимъ согрѣта была и вся вообще дѣятельность барона Корфа.

9 февраля 1878 г.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

По смерти моего добраго друга, Ѳ. Н. Мѣдникова, который еще при жизни убѣждалъ меня взять отъ него журналъ „Народная Школа“, я нравственно обязанъ былъ принять на себя большой и неблагодарный трудъ изданія педагогическаго журнала. Я употреблю всѣ усилія, чтобы поддержать это доброе дѣло, полезное для русской начальной школы. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Прежніе сотрудники журнала, помѣщавшіе статьи за послѣдніе два-три года, не могутъ быть причислены къ разряду людей, могущихъ сказать цѣнное слово для русской школы, а потому я всячески стараюсь собрать около журнала такія силы, которыя могли бы оживить его, ввести въ него энергическую струйку, чтобъ журналъ дѣйствительно былъ полезенъ читателямъ. Вотъ почему я обращаюсь и къ Вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, съ поклономъ до земли и съ убѣдительною просьбою—примкнуть къ числу сотрудниковъ журнала, который я считаю не своимъ, а общимъ, находящимся только въ моемъ редакторскомъ и издательскомъ завѣдываніи. Вы много послужили начальной русской школѣ и теперь стоите у источника большаго развитія народной школы, въ странѣ, дающей въ этомъ отношеніи законы народамъ начинающимъ. Если изъ Вашихъ наблюденій и соображеній Вы найдете время извлечь замѣтки для журнала, то тѣмъ окажете большую любезность мнѣ, какъ редактору, и великую пользу русской школѣ, которая Вамъ такъ много обязана и такъ безконечно благодарна.

Глубоко и искренно Васъ уважающій
В. Евтушевскій.

Глубокоуважаемый
Николай Александровичъ!

Радостно раскрывалъ я Ваше письмо, но первыми строками его былъ сильно огорченъ, именно извѣстіемъ о болѣзни Вашей. Да, Вы правы: болѣзнь и упадокъ силъ по большей части служатъ единственною наградою труженниковъ. Душевно благодарю Васъ за доброе участіе къ редактируемому мною

*

журналу и за полезный совѣтъ. Я вполнѣ съ Вами согласенъ, что изъ моего журнала, служащаго органомъ народной школы, нужно изгнать сухой педантически-педагогическій тонъ, оживить его практическими статьями. Мы такъ много уже наплодили теоретическихъ измышленій, что давно пора проводить ихъ въ практику и разъяснять на дѣлѣ. Какъ Вы замѣтили, политическія извѣстія уже съ № 1 приняли характеръ хроники, а съ № 2 и педагогическимъ извѣстіямъ приданъ тотъ же характеръ. Но, какъ я уже говорилъ въ первомъ письмѣ, силъ нѣтъ, работниковъ подходящихъ мало; большинство — или туманные психологи, скорѣе даже педагогическіе психіатры, или практики-самоучки, съ шаткою системою въ головѣ. Матеріалу множество, на чтеніе его уходитъ гибель времени, а печатать, то-есть преподносить бѣдному учителю—нечего. Поднялъ на ноги все, что можно было поднять, и жду помощи отовсюду.

Прискорбно то, что вообще педагогическая журналистика наша худо себя зарекомендовала. Общество смотритъ на это дѣло недовѣрчиво и ждетъ всякихъ камуфлетовъ. Даже десятый годъ изданія не можетъ служить гарантіей, что дѣло поставлено прочно; а казалось бы, могли существовать десятки такихъ журналовъ; между тѣмъ какъ одинъ—десятый годъ даетъ только убытки. Тѣмъ не менѣе, полагаю, что, при настойчивости и улучшеніи содержанія журнала, года черезъ два-три всѣ эти убытки вознаградятся. Съ нетерпѣніемъ жду Вашей статьи и напередъ благодарю Васъ за нее. Будьте такъ добры, сообщите, какимъ образомъ и въ какой формѣ пересылать Вамъ въ Женеву гонораръ за статьи. Съ этимъ вопросомъ я незнакомъ, такъ какъ денегъ заграницу не приходилось посылать.

Отъ души желаю Вамъ вполнѣ оправиться отъ болѣзни и своими полезными трудами еще много лѣтъ приносить пользу русской школѣ, которая такъ много Вамъ обязана и такъ мало Васъ вознаградила.

Искренно преданный Вамъ

В. Евтушевскій.

12 марта 1878 г.

Спб., 18 сентября 1878 г.

М. Г.

Николай Александровичъ!

Прежде всего считаю долгомъ выразить Вамъ благодарность за своевременную доставку статей. Статью Вашу для ноябрьской книжки и два письма я получилъ. Употреблю въ дѣло все отъ меня зависящее, чтобы все присланное было помѣщено въ ноябрьской книжкѣ, хотя навѣрное обѣщать этого не могу, такъ какъ есть статьи, составленныя по моему заказу и которыя надо напечатать непремѣнно въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что наслѣдство отъ прежней редакціи было и скудное, по части журнальнаго матеріала, и мало подходящее къ программѣ журнала. Чтобы поднять и оживить журналъ, пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ добрымъ людямъ (Обращеніе было удачное; Вы сами можете служить тому достаточнымъ доказательствомъ). А нѣкоторыя статьи просто пришлось заказать.

Посылаю Вамъ, согласно Вашему желанію, двѣсти рублей.

Оттиски Вашей первой статьи, напечатанной въ № 9, готовы. Я ихъ не посылалъ Вамъ, разсчитывая, по окончаніи всего описанія выставки, сбро-

шюровать всѣ статьи и выслать. Если же Вы желаете получить оттиски по мѣрѣ печатанія, то потрудитесь извѣстить меня,—немедленно вышлю.

Замѣтка изъ Типографіи. Наборщики и корректоръ нижайше Вамъ кланяются и усерднѣйше просятъ: 1) если можно писать нѣсколько разборчивѣе и 2) писать на одной страницѣ листа, оставляя другую чистою, чтобы наборъ можно было дѣлать скорѣе.

Предоставляю вполнѣ на ваше благоусмотрѣніе исполнить или не исполнить эту просьбу.

Душевно преданный Вамъ

В. Евтушевскій.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Прочитавъ первое Ваше неокопченное письмо, я былъ сильно опечаленъ, полагая, что Вы даже не сочли нужнымъ и оканчивать его. Но, къ счастію, сегодня получилъ второе дополнительное письмо, вполнѣ меня успокоившее. Изъ него я убѣдился, что не даромъ обращался къ Вашей справедливости и не напрасно былъ откровененъ. Вы поняли меня такъ, какъ я того желалъ: именно, что люди, стоящіе у одного обоимъ имъ близкаго дѣла и вполнѣ согласные въ общихъ основаніяхъпо становки этого большаго дѣла, могутъ расходиться въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и это несогласіе не можетъ служить поводомъ къ житейскимъ недоразумѣніямъ. Я радуюсь, что Вы намѣрены помѣстить Вашъ отзывъ о рецензіи Гербача въ одной изъ газетъ и, когда отзывъ появится, то я предоставлю Гербачу, если онъ пожелаетъ, перенести полемику на страницы этой газеты, а въ журналѣ ее не допущу.

Итакъ душевно благодарю Васъ за обѣщаніе продолжать Ваше полезное и освѣжающее участіе въ моемъ журналѣ, надѣюсь, что Вы вскорѣ найдете возможность исполнить это обѣщаніе, и остаюсь душевно преданный Вамъ и глубоко Васъ уважающій.

В. Евтушевскій.

4 февраля 1879 г.
Петербургъ.

P. S. Посылаю № 2 журнала.

С.-Петербургъ, 24 ноября 1879 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Рукопись Вашу, составляющую начало статьи „Обученія по Бену“, я получилъ, прочелъ съ удовольствіемъ и весьма благодарю Васъ за нее. Къ сожалѣнію, я долженъ заявить Вамъ мнѣніе моего соредактора по журналу, А. П. Пятковскаго, завѣдывающаго между прочимъ печатаніемъ журнала, что присланной рукописи хватитъ болѣе чѣмъ на три печатные листа, что, слѣдовательно, ее нельзя помѣстить въ двухъ номерахъ журнала, а придется распредѣлить на 3 номера, такъ какъ для Вашей статьи разсчитано мѣсто въ 5 книгахъ, по одному листу въ каждой. Г. Пятковскій убѣдительно проситъ Васъ умѣстить остающійся матеріалъ въ 2 печатные листа, такъ какъ иначе ему нѣтъ возможности извернуться со статьями, находящимися на очереди и давно ждущими помѣщенія въ журналѣ. Еслибы была хотя ма-

лѣйшая возможность расширить объемъ журнала, то мы убѣдительнѣйше просили бы Васъ занять въ каждомъ № по печатному листу, но, къ глубокому сожалѣнію, мы лишены этой возможности. При томъ числѣ подписчиковъ, которое было въ этомъ году, мы понесемъ, какъ показываютъ сводимые счеты, убытку до тысячи рублей, что̀ составитъ по 500 р. на брата. При этомъ мы не считаемъ массы кропотливаго труда, потраченнаго на изданіе журнала и ничѣмъ не оплаченнаго. Отъ души желаю Вамъ добраго здоровья и остаюсь

Искренне уважающій Васъ

В. Евтушевскій.

Не сложна переписка В. А. Евтушевскаго съ барономъ Корфомъ, но всѣ его пять писемъ занимаютъ очень видное мѣсто, какъ яркая и вѣская характеристика первородныхъ недостатковъ нашей педагогической печати. Указанный Евтушевскимъ путь, чтобы вывести періодическую педагогическую печать изъ обычнаго ея рутиннаго состоянія,—надежный, вѣрный путь.

Чтобы закончить нашъ очеркъ объ отношеніи къ барону Корфу педагогическихъ дѣятелей, необходимо еще остановиться на письмахъ къ нему г. С. И. Миропольскаго, занимающихъ совершенно самостоятельное мѣсто во всей остальной перепискѣ съ барономъ Корфомъ. Но съ начала—нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Въ первомъ письмѣ г. Миропольскаго нѣтъ помѣтки ни года, ни мѣсяца и числа; но, повидимому, письмо относится къ 1869 году. Послѣднее же письмо его относится къ концу 1881 года. За этотъ промежутокъ времени въ положеніи г. Миропольскаго произошла весьма значительная перемѣна. Первоначально онъ былъ преподавателемъ харьковской духовной семинаріи и завѣдывалъ мѣстною семинарскою воскресною школою, въ которой по его указаніямъ, подъ его наблюденіемъ и руководствомъ, занимались преподаваніемъ воспитанники духовной семинаріи. Для того времени, когда на всю имперію имѣлись только двѣ учительскихъ семинаріи: одна—въ мѣстечкѣ Молодечнѣ (Виленской губ.), другая—въ нынѣшнемъ Юрьевѣ (Дерптѣ), преподаваніе педагогики въ нѣкоторыхъ духовныхъ семинаріяхъ и практика семинаристовъ въ воскресныхъ школахъ представляли, такъ сказать, импровизированные разсадники педагогики, правда, очень скороспѣлые, незаконченные, но не лишенные, однако, полезнаго значенія въ жизни. Въ качествѣ преподавателя и спеціалиста—педагога духовной семинаріи, г. Миропольскій очень выдвинулся въ мѣстномъ обществѣ и обратилъ на себя большое вниманіе своимъ горячимъ и любовнымъ увлеченіемъ семинарскою воскресною школою и успѣшнымъ веденіемъ ея, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Это дало ему возможность сдѣ-

лать большой шагъ—изъ Харькова прямо въ Петербургъ, въ тѣхъ же роляхъ при столичной духовной семинаріи, какъ и въ Харьковѣ, но съ придачею, однако, должности товарища редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Преемникомъ же его въ Харьковѣ былъ назначенъ г. В. К. Ѳеоктистовъ.

Какъ человѣкъ даровитый, владѣющій перомъ и устнымъ словомъ, свѣдущій въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и работящій, С. И. Миропольскій быстро подвигался по службѣ,—какъ все это, впрочемъ, видно будетъ изъ весьма характерныхъ писемъ его къ барону Корфу. Мы называемъ эти письма «характерными» потому, что въ нихъ, безъ всякаго, конечно, посторонняго вліянія, отразилось то же самое колебательное отношеніе къ барону Корфу, которое всю жизнь преслѣдовало этого великаго общественнаго работника, то вынуждая его даже покинуть Россію, то вновь привлекая его на родину и балуя громкою славою, но опять-таки съ новыми и новыми терніями. Такъ, напримѣръ, послѣ страстнаго увлеченія дѣятельностью барона Корфа, С. И. Миропольскій вдругъ какъ бы разошелся съ барономъ Корфомъ, но затѣмъ, вновь, воздалъ должное заслугамъ его съ такимъ же горячимъ, глубокимъ порывомъ, какъ и раньше.

Къ сожалѣнію, не только обыкновенной читающей публикѣ, но даже и педагогическому міру, не исключая даже и лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ барону Н. А. Корфу при его жизни, извѣстны, строго говоря, лишь двѣ первыя фазы, такъ какъ онѣ оставили рѣзкій слѣдъ въ печати, въ формѣ полемики, въ которой принимало участіе много лицъ, и которая поэтому имѣетъ невѣрное направленіе. Послѣдняя же изъ указанныхъ фазъ отношенія г-на Миропольскаго къ барону Корфу такъ и осталась только въ письмахъ,—вовсе не была даже затронута въ печати. Это, понятно, представляетъ большой пробѣлъ, вызывающій, въ общемъ, даже прямо ошибочное освѣщеніе отношеній между г-номъ Миропольскимъ и барономъ Корфомъ.

Къ величайшему сожалѣнію, при составленіи авторомъ этихъ строкъ брошюры—«Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность», автору также не были извѣстны тѣ письма, которыя касаются именно послѣдней фазы отношеній между г. Миропольскимъ и барономъ Корфомъ, а потому и освѣщеніе этой стороны дѣла не чуждо въ названной брошюрѣ той же односторонности, какою грѣшатъ всѣ существующія сужденія печати по этому предмету, представляющему немаловажный біографическій интересъ и значеніе. Поэтому, какъ уваженіе къ памяти барона Н. А. Корфа, такъ и простая справедливость въ отношеніи С. И. Миропольскаго, требуютъ, чтобы полностью были возстановлены всѣ письма его къ барону Корфу, со всѣми эпизодически привходящими сюда письмами другихъ педагогическихъ дѣятелей,—

и только тогда получится совершенно правильное освѣщеніе всего дѣла, не поддающееся извращенію въ ту или иную сторону.

Вотъ эти интересныя письма, полныя горячаго увлеченія общественнымъ дѣломъ:

Милостивый Государь, многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Ваше письмо было для меня одною изъ лучшихъ минутъ моей труженической жизни, вообще очень бѣдной свѣтлыми и радостными минутами. Я былъ очень нездоровъ, когда получилъ письмо Ваше, вотъ причина, отъ чего мой отвѣтъ такъ запоздалъ.

Да. Ваше имя давно мнѣ было извѣстно, какъ извѣстно оно, конечно, всякому, кто слѣдитъ за нашей литературой и журналистикой; Ваши труды по вопросу и дѣлу народнаго образованія такъ же не могли быть неизвѣстны мнѣ, какъ спеціалисту, все равно, какъ и Ваше прекрасное „Руководство“ [1]) я не только знаю, но давно уже рекомендовалъ въ своей студіи и практически прилагалъ въ школѣ съ большимъ успѣхомъ (здѣсь получено уже и второе его издан., у Масловича); Вашъ „Земскій вопросъ“ я читалъ съ большимъ наслажденіемъ и въ выдержкахъ даже познакомилъ съ нимъ слушателей своихъ общедоступныхъ лекцій. Знакомъ былъ я и съ отчетами Вашими. Не разъ приходилось мнѣ завидовать краю, который имѣетъ у себя истинно „земскаго выборнаго“, которыхъ еслибы побольше было на Руси, то вопросъ о народномъ образованіи давно перешелъ бы изъ области спорныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ въ область дѣла и жизни. Тѣмъ важнѣе, тѣмъ дороже было для меня Ваше сочувственное слово, тѣмъ освѣжительнѣе и живѣе повѣяло на меня отъ него и подкрѣпило мои, правду сказать, не очень крѣпкія силы. Солидарность и живое общеніе тружениковъ одного поля вообще благодѣтельны для дѣла; но то и другое пріобрѣтаетъ особенное значеніе для меня, при исключительной обстановкѣ и нѣкоторыхъ условіяхъ моей дѣятельности. Вы правы. Я глубоко и искренно заинтересованъ своимъ дѣломъ. Я живу имъ, я вѣрю въ него, сила моего дѣла во мнѣ, моя сила—въ дѣлѣ. Но сколько пришлось мнѣ здѣсь вытерпѣть и пережить, сколько потрачено силъ, труда, энергіи непроизводительно въ глухой темной борьбѣ. Отрадно слышать человѣку, одиноко блуждающему въ непроходимомъ лѣсу, голосъ другаго живаго человѣка. А скоро ли наши семинаріи перестанутъ быть глухимъ лѣсомъ?—Но это—старая исторія, какъ говоритъ Гейне, хотя она всегда нова. Благодарю Васъ за присылку Вашего „Отчета“. Онъ не только интересенъ, но и въ высшей степени полезенъ для моего дѣла. Въ немъ столько практическихъ полезныхъ замѣтокъ, выводовъ, соображеній, опытовъ и примѣровъ; онъ показываетъ такое знаніе дѣла, поставленнаго совершенно практически, что можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для всякаго учителя народной школы.

Вы просите сказать мое сужденіе о „Руководствѣ“. Я сказалъ уже, что въ школѣ оно дало прекрасные результаты, а это лучшее достоинство каждаго учебника. Простое и необыкновенно ясное изложеніе, упрощеніе методы,

[1]) Дѣло идетъ о „Руководствѣ къ обученію грамотѣ“, но не о „Русск. начальн. школѣ“, которая, какъ извѣстно, тоже была названа „Руководствомъ“. *М. Ц.*

удачный выборъ матеріала для первыхъ звуковыхъ упражненій и истинно-педагогическая постановка всего дѣла-дѣлаютъ это „Руководство“ прекраснымъ пособіемъ для преподавателя. Несущественныя же дополненія и измѣненія не лишни мѣстами, хотя это относится болѣе къ самодѣятельности учителя, чѣмъ къ руководству. Въ настоящее время я приготовляю свой отчетъ о школѣ, который располагаю помѣстить въ журн. м. н. просв. Я работаю по-прежнему, хотя силы подъ часъ измѣняютъ. Ваше письмо сообщило новую силу моей энергіи. Какъ жаль, повторяю, что въ Харьковѣ нѣтъ своего Николая Александровича. У насъ здѣсь тишь да гладь. Все больше въ писаніи разныхъ оффиціальныхъ бумагъ упражняются, а никто не думаетъ, какъ и чѣмъ поощрить трудящуюся молодежь. Есть у насъ и „педагогич. курсы“ отъ земства, при уѣздномъ училищѣ,—но они сами должны заявить чѣмъ-нибудь о своемъ существованіи. Еще разъ выражая мою искреннюю признательность за Ваше обязательное участіе и сочувствіе моему труду, выражаю надежду, что наши отношенія не окончатся съ этимъ письмомъ и заранѣе прошу у Васъ позволенія по временамъ безпокоить Васъ нѣкоторыми изъ вопросовъ по народному образованію, въ рѣшеніи которыхъ такъ важно и незамѣнимо слово спеціалиста-знатока.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и готовности служить Вамъ,
Милостивый Государь,
Вашего покорнѣйшаго слуги
Сергія Миропольскаго[1]).

М. Г.,
Многоуважаемый Николай Александровичъ!

Продолжительное мое молчаніе въ отвѣтъ на Ваше снисходительное вниманіе ко мнѣ свидѣтельствовало бы о моемъ крайнемъ невѣжествѣ, еслибы оно зависѣло отъ меня. Только на-дняхъ я получилъ изъ Харькова Вашъ „Отчетъ“, высланный на мое имя едва-ли не полгода назадъ. Дѣло въ томъ, что въ августѣ прошлаго года, по распоряженію высшаго начальства, я переведенъ въ Петербургъ, гдѣ состою на службѣ и по настоящее время. Понятно, что все адресованное на мое имя должно бы высылаться въ Петербургъ изъ Харькова; но такъ какъ дѣло касалось школы, то правленіе Харьковской семинаріи книгу задержало, предварительно сдавъ ее на просмотръ педагогу, принявшему отъ меня воскресную школу въ завѣдываніе; увѣдомленіе ко мнѣ пришло очень поздно, а книга выслана только на-дняхъ. Являясь къ Вамъ съ столь позднимъ выраженіемъ искренней признательности за дорогую присылку, слѣдую пословицѣ—„лучше поздно, чѣмъ никогда“—и оправдываю себя случайностью совпаденія независѣвшихъ отъ меня обстоятельствъ, поставившихъ меня въ столь неловкое положеніе. Хотя Вашъ „Отчетъ“ вышелъ по времени ранѣе, чѣмъ „Русская начальная школа“, но, вслѣдствіе разъясненныхъ выше обстоятельствъ, я ранѣе познакомился съ послѣднимъ Вашимъ замѣчательнымъ трудомъ, чѣмъ съ первымъ; тѣмъ не менѣе я прочелъ Вашъ „Отчетъ“ съ истиннымъ наслажденіемъ: Ваша неутомимая дѣятельная энергія и просвѣтительная дѣятель-

---

[1]) Письмо это, какъ сказано выше, относится, по всей вѣроятности, къ 1869 году. *М. П.*

ность на пользу края не могутъ не вызывать горячаго сочувствія въ каждомъ, кто заинтересованъ успѣхомъ великаго дѣла образованія нашего народа. Читая Вашъ отчетъ, невольно проникаешься сочувствіемъ и раздѣляешь опасенія и радости, которыя испытываете Вы, подъ вліяніемъ препятствій дѣлу и успѣшной побѣды надъ ними. Еслибы каждое земство имѣло своего Николая Александровича, то дѣло народнаго образованія находилось бы въ вѣрныхъ рукахъ и оно изъ вопросовъ будущаго стало бы скоро дѣломъ настоящаго; къ сожалѣнію, до настоящаго времени не много представляетъ земля русская „выборныхъ", идущихъ Вашимъ путемъ. Но то, что Вы сдѣлали, есть доброе начало и живой капиталъ, который всегда будетъ давать вѣрную прибыль родному краю. Ваша „Начальная Школа"—единственный въ нашей элементарной педагогической литературѣ опытъ самостоятельной обработки нашего училищевѣдѣнія, и хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ мы можемъ не сходиться, но это вполнѣ дорогой вкладъ въ нашу педагогическую литературу; Ваши отчеты представляютъ столько богатаго и интереснаго матеріала, что я лично обязанъ имъ многимъ въ своемъ знакомствѣ съ нашими школами и ихъ дѣйствительными условіями, безъ знанія которыхъ невозможно правильное пониманіе ихъ веденія и руководства. Добрая извѣстность, которою Вы пользуетесь въ педагогическомъ мірѣ, вполнѣ Вами заслужена, и мнѣ, какъ человѣку, особенно заинтересованному успѣхомъ дѣла, которому Вы посвятили себя, позвольте съ другими выразить Вамъ глубокое мое уваженіе—не только отъ себя лично, но и отъ лица тѣхъ педагоговъ, которыхъ я воспитываю и которымъ хорошо знакомо Ваше имя и Ваши труды, столь полезные для нашихъ занятій по школѣ. Я и въ настоящее время преподаю педагогическій курсъ и завѣдую школами—воскресной и ежедневной при С.-Петербургской семинаріи, состоя въ то же время товарищемъ редактора „Журн. Мин. Нар. Просв." по учебно-педагогическому отдѣлу, слѣдовательно, вполнѣ посвящаю свое время и силы педагогич. трудамъ.

Еще разъ выражаю искренно благодарность за присылку Вашего „Отчета", съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью честь имѣю быть

всегда готовый къ услугамъ

Сергій Миропольскій.

С.-Петербургъ.
1870 г., іюня 7.
(С.-П.-Бургская дух. семинарія).

М Г.

уважаемый Николай Александровичъ!

Я у Васъ рѣшительно въ долгу и, кажется, неоплатномъ. Съ глубокою признательностью получилъ я Вашу книгу и Ваше уважаемое письмо. Съ своей стороны я всегда готовъ дѣлиться всѣмъ, но мой опытъ невеликъ, мои труды незамѣтны, и я, пока, живу будущимъ, тружусь и работаю по мѣрѣ силъ. Совѣты столь опытнаго и практическаго человѣка, какъ Вы, для меня всегда будутъ дороги, и я уже многимъ обязанъ Вамъ въ своихъ трудахъ. Исключительно занимаясь довольно долгое время философскою студіей, я и въ педагогіи больше теоретикъ, хотя искренно желаю стать живою и практическою рабочею силою. Въ этомъ отношеніи я Вамъ обязанъ вдвойнѣ,—мой теоретическій складъ мыслей исправляется и направляется Вашимъ практическимъ и жизненнымъ опытомъ. Что касается до „Антропологіи"

Ушинскаго, то я съ Вами вполнѣ согласенъ. Это—лучшая въ своемъ родѣ у насъ книга. Единственный разборъ ея (кажется, Владиславлева, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“) неудаченъ и схоластиченъ. Автора упрекаютъ въ эклектизмѣ, но, кромѣ того, что онъ не задавался чисто оригинальнымъ трудомъ, онъ болѣе самостоятеленъ, чѣмъ показываетъ внѣшній видъ книги (я разумѣю цитаты, заимствованія, сличенія, чужія воззрѣнія и пр). Конечно, съ авторомъ далеко не вездѣ можно соглашаться, но онъ вездѣ одинаково вызываетъ мысль читателя на работу, а это великая заслуга, особенно у насъ, гдѣ больше эха и отголосковъ, чѣмъ самостоятельныхъ голосовъ. При томъ же это—едва-ли не единственная книга (кромѣ Троицкаго—„Нѣмецкая психологія“ и пр., трудъ солидный, чисто ученый, впрочемъ, и отчасти парадоксальный), изъ которой у насъ можно получить нѣкоторое знакомство съ психологіей, въ ея современной обработкѣ.

Что касается до моего разбора „Начальной школы“, то Вы, конечно, можете, и вполнѣ основательно, возразить на него многое (онъ будетъ напечатанъ въ іюльской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“), и если Васъ не затруднитъ, то я съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ бы Ваши замѣчанія на мою статью. Я писалъ по убѣжденію и имѣлъ въ виду одно только дѣло.

Еще разъ выражаю мою искреннюю признательность за Ваше снисходительное вниманіе ко мнѣ и за присылку Вашего уважаемаго труда, съ глубокимъ уваженіемъ и всегдашнею готовностью служить

честь имѣю быть преданный

С. Миропольскій.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Съ благодарностью получилъ я и съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ присланный мнѣ Вашъ послѣдній отчетъ. На всемъ пространствѣ обширной Россіи нѣтъ другаго человѣка, который бы съ тою же энергіею и успѣхомъ, подобно Вамъ, трудился бы въ воздѣлываніи большаго и долго заброшеннаго, и потому заросшаго сорными травами, поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилій, чтобы совершить этотъ трудъ, и нельзя не выразить при этомъ сожалѣнія, что мало существуетъ общенія и сотрудничества между служителями этой миссіи. Будемъ надѣяться на лучшее будущее.

Присланная Вами въ редакцію „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ инструкція уже отпечатана и появится въ ноябрьской книжкѣ журнала; Вашъ „Отчетъ“ также будетъ напечатанъ въ видѣ отдѣльной статьи (въ извлеченіи) въ декабрѣ или въ одной изъ первыхъ книжекъ нашего журнала за 1871 г.

Какъ жаль, что Вы не здѣсь (хотя, собственно говоря, Вы вездѣ нужны и прежде всего въ Васъ сила и жизнь руководимаго и созданнаго Вами дѣла въ Вашемъ краѣ): засѣданія С.-Петербургскаго педагогическаго общества въ настоящее время весьма интересны, и оно нынѣ особенно нуждается въ дѣятелѣ съ Вашею опытностью и компетентностью, такъ какъ пренія послѣднихъ засѣданій затронули самыя живыя и, надо сказать, далеко не вполнѣ рѣшенныя проблемы относительно нашей народной школы, которая Вамъ такъ хорошо и такъ спеціально извѣстна.

Мнѣ приходитъ на мысль, нельзя ли устроить дѣло хотя посредствомъ письменныхъ сообщеній—по поводу рефератовъ,—что, конечно, обществомъ примется съ благодарностью. Мнѣ кажется, что можно бы даже было, разумѣется, если Ваши, столь многосложныя, занятія позволятъ, приславъ письменно тезисы, поручить ихъ защиту и развитіе въ засѣданіяхъ кому-либо изъ членовъ Общества (на что, напримѣръ, всегда согласенъ съ удовольствіемъ). Я говорю это, имѣя въ виду, что Общество наше, безспорно, много теряетъ, не имѣя возможности непосредственно пользоваться трудами одного изъ компетентнѣйшихъ своихъ членовъ по самому важному изъ спеціальныхъ вопросовъ педагогіи.

Еще разъ выражая искреннюю признательность за присылку Вашего „Отчета", съ душевнымъ уваженіемъ и готовностью служить, честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

С. Миропольскій.

Ноябрь 1870 г.
Спб.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше писемъ, тонъ ихъ остался неизмѣннымъ, но значительно измѣнилась, почему-то, форма «обращенія». Судя же по нижеслѣдующему письму г-на Миропольскаго, въ отношеніи его къ барону Корфу какъ бы начало проглядывать нѣкоторое недоразумѣніе изъ-за харьковской семинарской воскресной школы. На письмѣ этомъ не означено года, мѣсяца и числа; но такъ какъ въ немъ говорится о смерти Ушинскаго, послѣдовавшей 21-го декабря 1870 года, то письмо несомнѣнно относится къ началу 1871 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Не извиняюсь, что такъ замедлилъ отвѣтомъ на Ваше послѣднее письмо: мнѣ хотѣлось отвѣчать Вамъ по прочтеніи Вашей корреспонденціи о моей бывшей воскресной школѣ, но, къ сожалѣнію, эта корреспонденція не появилась и до нынѣ. Я выписываю „С.-Петербургскія Вѣдомости" и потому имѣю возможность регулярно слѣдить за каждымъ номеромъ этого изданія, но и до нынѣ искомаго не нашелъ. А жаль. Конечно, два года въ учебной жизни—великое дѣло, тѣмъ болѣе, что весь успѣхъ его обусловливается личностью; но мнѣ хотѣлось бы узнать именно отъ Васъ, осталось ли и безъ меня то, что такъ дорого было мнѣ, когда я работалъ въ школѣ. Вашему отзыву о Ѳеоктистовѣ я удивляюсь... Ваше мнѣніе о немъ объясняю только краткостью времени, которое Вы провели съ нимъ. Впрочемъ, можетъ и послѣдовало нѣкоторое улучшеніе, но, убѣжденъ, не изъ любви къ великому дѣлу, а развѣ изъ другихъ мотивовъ. О школѣ я имѣю свѣдѣнія, и очень грустныя, отъ многихъ бывшихъ учениковъ. И потому-то мнѣ особенно интересно было услышать Вашъ отзывъ. Моя школа знала Васъ, и какъ жаль, что Ваше посѣщеніе не застало меня! Я бы Вамъ показалъ своихъ ребятъ: право, одно воспоминаніе о нихъ живитъ меня, это было самое лучшее мое время. Теперь я работаю, какъ рабочая лошадь, и почти изнемогаю подъ бременемъ труда, и нѣтъ уже тѣхъ глубокихъ и живыхъ симпатій вокругъ,

чѣмъ жилъ я въ Харьковѣ. Да, если мнѣ приведется побывать въ Харьковѣ, тамъ у меня много маленькихъ друзей, я искренно люблю ихъ. Уѣзжая въ Петербургъ, я съ тоскою покидалъ труды многихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что я оставлялъ свое дѣло схоластику, эгоисту въ самомъ грубомъ смыслѣ и бурсаку, въ самомъ непривлекательномъ значеніи этого слова. Радъ, если дѣло еще стоитъ. Но чего стоила мнѣ эта школа! Вы не повѣрите, что, когда я пріѣхалъ, для школы не было мѣста, считалось до сорока человѣкъ, а ходило семь, кто несъ сочиненіе Вонляра, кто ариѳм. Кусовникова, кто Бову въ классъ. Мнѣ запирали классы, чтобы дѣти „не портили половъ!“ Ректоръ съ проніей относился къ педагогіи: „это“, говоритъ, „слово происходитъ отъ п е с ъ—собака, и а г о—(гр.) веду“. Тупоуміе создавало массу препятствій. У меня есть дневникъ того времени. Конечно, ему нельзя нынѣ появиться. Но я болѣлъ душою и ратовалъ за дѣло, пока не овладѣлъ полемъ сраженія. Я получалъ 21 рубль жалованья въ мѣсяцъ, и полгода—болѣе я содержалъ школу на свой счетъ, самъ голодая. Я создалъ ей средства и библіотеку, а меня уличали въ распространеніи вредныхъ идей, архіерей—это фактъ—велѣлъ удалить изъ школы „Родное Слово“ Ушинскаго, потому что ректоръ сообщилъ ему: „родное“—это-де сепаратизмъ! Объ этомъ было формальное дѣло, хранящееся въ архивѣ семинаріи. И только пріѣздъ ревизора (чего всѣ боятся) поставилъ меня на ноги. Да, школа моя была для меня самымъ жизненнымъ нервомъ моего существованія. Но довольно объ этомъ. Общественное положеніе мое и сила вещей заставляли и нынѣ заставляютъ меня молчать и, быть можетъ, я неловко дѣлаю, раскрывая Вамъ всѣ эти дрязги; но я надѣюсь, Вы извините меня за откровенность,—невольно сказывается боль и легче становится, когда выскажешься. Вѣдь наши семинаріи—вообще трущобныя мѣста... Вы просили увѣдомить о томъ, какое впечатлѣніе произвели Ваши корреспонденціи на высшія власти? Я не могъ этого порученія выполнить, потому что редакторъ вотъ уже два мѣсяца боленъ, и я даже не вижу его, а прежде ѣздилъ онъ въ Москву. Но могу Вамъ сказать, что министръ народнаго просвѣщенія имѣетъ много еще болѣе рѣдкихъ документовъ по этой части. Напримѣръ, въ недавно поступившемъ отчетѣ инспектора училищъ Пермской губерніи (изъ министерства всѣ отчеты по учебной части поступаютъ къ намъ въ редакцію) есть такія картинки, что прелесть, и, переходя къ школамъ министерства народнаго просвѣщенія, инспекторъ прямо заявляетъ, что онѣ хуже другихъ, а въ учебномъ отношеніи—феноменъ безобразія и старовѣрства. Министерство чувствуетъ эти больныя мѣста и скоро представитъ въ Государственный Совѣтъ, законодательнымъ порядкомъ, для утвержденія, проектъ новой организаціи школъ; но симпатіи его лежатъ къ гимназіямъ, и преимущественно классическимъ... Es ist eine alte Gischichte. Впрочемъ, на будущее время едва-ли будутъ оставлены излишки по бюджету на народное образованіе. Корреспонденціи имѣютъ значеніе не столько для центральныхъ правительственныхъ инстанцій, сколько для начальствующихъ лицъ, и, я увѣренъ, Ваши корреспонденціи послужатъ во благо харьковскимъ школамъ.

Отъ живыхъ обратимся въ умершимъ. Смерть К. Д. Ушинскаго составляетъ невознаградимую потерю для русской педагогіи. С.-Петербургское педагогическое общество почтило память его и добрымъ словомъ, и полезнымъ дѣломъ, назначивъ премію за лучшее педагогическое сочиненіе въ текущемъ году.

До свиданія, глубоко уважаемый Николай Александровичъ, сожалѣю, что

не пришлось прочесть Вашего слова о моей школѣ—бывшей. О многомъ по поводу этого предмета хотѣлось бы сказать, но въ письмѣ это неудобно.

Съ душевною преданностью честь имѣю быть покорнымъ слугою

С. Миропольскій.

23-го мая 1871 г.

Спб.

Глубоко извиняюсь въ моемъ молчаніи, уважаемый и дорогой Николай Александровичъ. Много работы, нездоровье, наконецъ, я все ждалъ и статей о Харьковѣ, и „Нашего Друга“. Послѣдняго и теперь не получилъ, хотя Вы пишете, что я, при полученіи Вашего письма, вѣроятно его получу. Съ удовольствіемъ встрѣчу новый вкладъ Вашъ въ небогатую сокровищницу нашей педагогіи, но не могу обѣщать скораго разбора, хотя употреблю съ своей стороны усилія, чтобы дѣла не замедлить. Дѣло въ томъ, что я буквально заваленъ работой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я преподаю т р и науки, и самъ изготовляю по нимъ руководства для воспитанниковъ, именно: психологію, исторію философіи и педагогіи; руковожу школою; въ текущемъ году, по предложенію учебнаго комитета, изготовилъ и представляю на конкурсъ учебникъ по исторіи философіи. Недавно, по приглашенію славянскаго комитета, читалъ публичную лекцію о Коменскомъ (статья довольно интересна, самостоятельная, обработанная по латинскому оригиналу соч. Кам. въ публичной библіотекѣ, первая часть ея печатается уже въ майской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, а вторая въ іюньской). Затѣмъ я редактирую цѣлую половину учено-педагогическаго журнала. Теперь же началъ печатать кое-что изъ своихъ чтеній по педагогіи при „Народной Школѣ“ (хотѣлъ бы знать Ваше мнѣніе объ этомъ опытѣ; въ этомъ родѣ у меня обработана вся элементарная методика). Пишу и въ „Семью и Школу“. Пишу въ „Бесѣду“. У меня же на рукахъ сестра въ гимназіи (14-ти лѣтъ), а здоровье мое хилое, недавно почти двѣ недѣли пролежалъ—и времени мало. Итакъ, не осуждайте за медленность отвѣтовъ. Я работаю—и много. А съ сентября кое-что готовлю для Педагогическаго общества—и не бездѣльное. Еще просятъ о публичныхъ чтеніяхъ по воспитанію, а недавно директоръ здѣшнихъ училищъ просилъ руководить курсами въ Петербургѣ,—я отказался, ни времени, ни силъ нѣтъ.

Познакомился и я съ г-жею Алчевскою. Она очень увлечена и педагогіею, и особенно Вами. Она съ такимъ восторгомъ говорила и о Вашемъ посѣщеніи, и о Вашихъ урокахъ, что, не стѣсняясь, заявила, что обоготворяетъ Васъ. Это ея слова. Фактъ этотъ для меня интересенъ тѣмъ, что въ немъ я вижу разгадку того вліянія, какое Вы имѣете на Ваши школы, на Вашъ учительскій персоналъ, даже на Вашихъ сотрудниковъ. Эта обаятельная сила личнаго вліянія и есть та живая сила, которою должна и можетъ жить школа и наша наука, столь нераздѣльная съ искусствомъ. Не менѣе глубокое впечатлѣніе произвели Вы и на моихъ бывшихъ воспитанниковъ. Пономарева, который такъ Вамъ понравился, я выписываю въ Петербургъ. Онъ—бѣднякъ, но даровитый и умный, это одинъ изъ вѣрныхъ моихъ слушателей, и мой долгъ помочь ему. Это будетъ живая сила жизни.

До свиданія, глубоко уважаемый Николай Александровичъ, жду „Нашего Друга“ съ нетерпѣніемъ и приму, какъ дорогаго гостя.

Уважающій и преданный

С. Миропольскій.

2-го іюня.

Спб.

Удивительная вещь, многоуважаемый Николай Александровичъ,—писали Вы, что „Нашъ Другъ“ посланъ—не получалъ и слуху не имѣю. Я вѣдь уже съ мѣсяцъ навѣдываюсь въ магазинъ Кожанчикова, разсчитывая пріобрѣсти Вашу книгу, но ея выходѣ, но все нѣтъ, и вчера заходилъ—нѣтъ. Видно по пословицѣ „обѣщанное долго ждется“. Но корреспонденцію Вашу прочелъ и пишу по ея поводу. Я буду говорить только о моей бывшей школѣ. Вашъ отзывъ о ней не удовлетворилъ меня. Я ожидалъ встрѣтить болѣе подробное и внимательное ея изученіе. О методѣ обученія—ничего, о средствахъ—тоже, о пособіяхъ—тоже, объ отношеніи руководителя къ дѣлу—тоже. Я не принимаю за вещь слова, что на засѣданіяхъ-де обсуждается то и то,—а что это за засѣданія? А какъ они ведутся? Гдѣ? А какъ обсуждается? И какіе результаты именно этихъ обсужденій? Вотъ, видите ли, мнѣ кажется, что въ Ѳеоктистовѣ Вы положительно ошиблись. Вы говорите, школа мнѣ многимъ обязана, но вѣдь это слова, чѣмъ же? Если не замѣтили чѣмъ, то лучше бы не упоминать и обо мнѣ, а то выходите ex officio. Конечно, Вы нашли моего пріемника не только достойнымъ выполнителемъ моего труда, но и способнымъ развить его. Откровенно скажу, для меня весьма конфузно было это сопоставленіе. Ужь если такой педагогъ, какъ Ѳеоктистовъ, развилъ и усовершилъ мое дѣло, то должно быть оно было изъ рукъ вонъ плохо. Это все равно, какъ еслибы г-нъ Столпянскій, занявъ Ваше мѣсто, подвинулъ впередъ созданныя Вами школы. Моя школа и Ѳеоктистова—это вещи разныхъ порядковъ. И то, что другимъ казалось недостаткомъ, то составляло для меня лучшую сторону дѣла. Я—педагогъ не по книжкамъ, а по духу, и въ формахъ школьной жизни не признаю униформизма. Для меня не та школа хороша, которая выполняетъ извѣстный типъ, данный идеалъ, но которая сама по себѣ хороша. Школа—вѣдь это живое существо, это нравственная личность (коллективная); но можно ли мѣрить достоинство личности тѣмъ, что она походитъ или не походитъ на другую образцовую? Размѣстить на группы—это значитъ посадить нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ,—это вѣдь еще не развитіе. Правда, Вы застали еще людей, слушавшихъ меня, шедшихъ со мною,—и я вѣрю, что они сохранили духъ мой и они способны къ развитію—въ нихъ я допускаю движеніе впередъ, но въ духѣ дѣла, а не въ формѣ. Вѣдь форма создается духомъ. Но это—„послѣдніе могиканы“. Я получилъ недавно отъ нихъ (40 человѣкъ) коллективное письмо и общую карточку; они пишутъ мнѣ, что хотя сила вещей не даетъ имъ возможности всѣмъ выбиться изъ жалкой ихъ колеи, но они надѣются вездѣ и всегда быть честными и любить тотъ трудъ, въ которомъ мы вмѣстѣ работали, и надѣются сохранить нашу нравственную связь. Да, я убѣжденъ, что „разъ добромъ налите сердце—вікъ не прохолоне“ (Шевченко). Это жизнь, это духъ; здѣсь и сила созидающая, и развитіе. Школа же въ жалкомъ положеніи—это они мнѣ пишутъ, и я имѣю много фактовъ. Вы могли бы содѣйствовать ея возрожденію или улучшенію, обративъ вниманіе на ея слабыя стороны, а Вы закрѣпили своимъ авторитетомъ ея положеніе, возвѣстивъ что она стоитъ на прямомъ пути и идетъ впередъ,—да, впередъ, но подъ гору. Жалко, что не могу переслать Вамъ (не имѣю права) тѣхъ писемъ, какія мнѣ писались по поводу бѣдной моей школы. Особенно тронули меня письма моихъ воспитанниковъ и одной дамы, М. И. Ильяшевой, на кото-

рую я весьма разсчитывалъ въ устройствѣ женскаго отдѣленія воскресной школы, для которой все уже было готово. Дѣло стало за Ѳеоктистовымъ. И меня удивляетъ, почему Вы не поинтересовались узнать на мѣстѣ, что эта идея—почему не осуществилась. Алчевская была въ школѣ раньше и писала, что ее поразило нищенство школы въ учебномъ отношеніи,—нищенство? А гдѣ же все, мною собранное? Затѣмъ—„неумѣнье нѣкоторыхъ". Впрочемъ, если Вамъ выставили лучшихъ, то немудрено, что Вы и не замѣтили многаго: вѣдь это—моя старая армія, слушавшая у меня философію, психологію и—privatim et gratim—педагогію. Но, вообще, мое убѣжденіе,—извините меня,—что Вы отнеслись къ дѣлу слегка...

Не могу окончить—сейчасъ нужно ѣхать, пришли по мою душу. Скажите свое мнѣніе о моемъ дидактическомъ трудѣ въ „Народной Школѣ». Я Коменскаго пришлю въ оттискѣ. А еще Гербарта и его педагогическія идеи готовлю, а тамъ за „Обученіе грамматикѣ" засяду. Матеріалу много. Преданный и уважающій

покорный слуга

С. Миропольскій.

Статью барона Корфа, о которой говорилъ г-нъ Миропольскій, каждый желающій можетъ прочитать въ книгѣ «Наше школьное дѣло», представляющей собраніе статей барона Н. А. Корфа по училищевѣдѣнію. Статья эта представляетъ обыкновенную газетную корреспонденцію, безъ всякихъ претензій на изслѣдованіе, а потому, естественно, въ ней и не могло быть того, чего искалъ г-нъ Миропольскій, слишкомъ ужь близко принимавшій къ сердцу интересы своей бывшей школы. Впрочемъ, онъ самъ же вскорѣ и пожалѣлъ объ этомъ, какъ видно изъ слѣдующаго его письма, безъ означенія года и мѣсяца, но несомнѣнно относящагося къ лѣту 1871 года, какъ и предыдущее его письмо, помѣченное лишь: «2-ое іюня»

Привѣтъ и спасибо за добрую память, уважаемый Николай Александровичъ!

Былъ на дачѣ и только вчера вернулся, а сегодня получилъ и второе Ваше письмо. О первомъ. Я жалѣю, что писалъ о Ѳеоктистовѣ, о школѣ и пр. Но это было сдѣлано подъ первымъ впечатлѣніемъ. Выходитъ, будто я обвинитель, будто иду подъ чужую добрую славу. Все это не то. Два—три неловкихъ выраженія,—и сейчасъ дѣлаешься непонятнымъ. Я сознаю это. Впрочемъ, вовсе не находя ни полезнымъ, ни интереснымъ продолжать истреблять непроизводительно время и Васъ утруждать рѣчами о дѣлѣ, въ сущности не важномъ, скажу только, что я вовсе не отрицалъ того, что г. Ѳеоктистовъ разсадилъ учен. по разнымъ классамъ,—только я прямо и писалъ, что это еще не дѣло. Я желалъ бы знать, что это классное обученіе—е ж е д н е в н о е или нѣтъ? Если н ѣ т ъ, то я здѣсь ровно еще ничего не вижу толковаго. Что это—к л а с с н а я сист.? О д и н ъ у нея учитель?.. Мы можемъ расходиться въ этомъ и это даже естественно. Но для меня форма—хотя она и dat rei esse—ничего не значитъ. Итакъ, я вовсе не отрицаю этой заслуги или усовершенія дѣла, т. е. размѣщенія въ большія группы учен. Ѳеоктистовымъ;

да и вообще я ничего не отрицалъ—и мнѣ просто объ этомъ писать не хочется, и Вы, надѣюсь, извините за безсвязность моей рѣчи. У меня и такъ завязались пренія, къ сожалѣнію, печатныя, съ нѣкіемъ защитникомъ г. Столпянскаго, г. С—имъ. Пустое дѣло, а время тратится. А время дорого.

Къ сентябрю я намѣренъ нашему Обществу предложить образовать при немъ „С.-Петерб. Общ. распростран. грамотности въ народѣ". Комит. грамотн.—на в с ю Россію, а это—чисто м ѣ с т н о е будетъ учрежденіе, и задачи его—вокругъ и около вліять на успѣхи дорог. дѣла. А также предложу Общ. справить 200-лѣтній юбилей Коменскаго, для чего изготовлю рѣчь и еще кое-что. Вчера получилъ просьбу отъ западн. славянъ изъ Загреба, гдѣ въ текущемъ году предполагается 15 авг. сдѣлать съѣздъ слав. учителей и просятъ личнаго участія, а также помощи для выписки и пересылки лучшихъ русскихъ руководствъ, преимущ. для народн. школъ, а также и гимназій. Я вошелъ въ сношенія съ Славян. Комит. Пересылка учебн. пособій, книгъ, картъ и т. п. туда и обратно—на счетъ Комитета. Ваша „Русск. Школа" и „Нашъ Другъ", конечно, займутъ тамъ почтенное мѣсто, тѣмъ болѣе, что эти труды о р и г и н а л ь н ы е. Это будутъ вполнѣ н а ш и представители заграницей. На дняхъ съѣзжу къ Θед. Ник. Мѣдникову и переговорю съ нимъ, какъ дѣло устроить. Работы много, право нѣтъ мочи.

Своего Коменскаго оканчиваю. Вышелъ длинный, будетъ помѣщенъ въ 3-хъ книжкахъ „Ж. М и н. Н а р. П р."—май, іюнь и іюль. Вашу корреспонденцію о школѣ Ильиныхъ читалъ. Весьма любопытно будетъ прочесть подробный отчетъ: это едва-ли не единственное въ своемъ родѣ учрежденіе у насъ.

Да, я изготавливаю и многое готово для методич. руководства, но нѣтъ времени переработать, а я же мнителенъ, и что ни писалъ,—ей-ей, ничѣмъ ни мало не доволенъ. Но нужно теперь не стѣсняться при обработкѣ педагог. учебника данными учительскими силами. Мы имѣемъ теперь 5, даже 6 учит. семинарій, правильно организованныхъ, гдѣ дидактика должна преподаваться вполнѣ разумно и широко. Обуч. письму будетъ всего листовъ 5 печатныхъ У меня и литература будетъ изложена, наша и заграничная. Это необходимо. Я конечно стараюсь писать просто, но для спеціалистовъ нужно дать руководство къ самостоят. обработкѣ дѣла. Мнѣ пришлось одинъ „Pädagoscher Iahresbericht" прочесть за в с ѣ годы съ 1846 года. Богатая вещь этотъ журналъ,—у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Теперь нужно за „обученіе грамотѣ" браться бы, но просто рука не беретъ, трудно очень, хотя матеріала бездна. И планъ обдуманъ. Притомъ же это трудъ будетъ обширный, я полагаю, не менѣе 10 печатныхъ (листовъ), а можетъ и больше.

Сейчасъ меня отозвали—и я спѣшу окончить.

„Нашъ Другъ" прочтенъ мною, но писать о немъ буду особо, такъ какъ дѣло это весьма серьезное, а о такихъ предметахъ или все писать, или ничего не писать...

На дняхъ получилъ отъ министра приглашеніе поступить въ члены нашего учебнаго комитета—ревизоромъ. Колебаюсь, не хочется литературнаго дѣла бросать, это вѣдь кочевая жизнь, а если придется, то объѣзжу всю Россію и вѣроятно буду имѣть удовольствіе видѣться съ Вами лично, чего я давно желалъ бы.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

преданный слуга

С. Миропольскій.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что баронъ Н. А. Корфъ нисколько не ошибся насчетъ г. В. К. Ѳеоктистова, какъ руководителя воскресной семинарской школы. Какъ видно изъ слѣдующаго письма его къ барону Корфу, онъ серьезно и сердечно относился къ принятымъ на себя обязанностямъ и принималъ едва-ли даже не болѣе горячее участіе въ судьбѣ своихъ питомцевъ, оканчивающихъ курсъ Харьковской духовной семинаріи, чѣмъ г. Миропольскій.

Харьковъ, 1871 г. іюля 4-го.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

При личномъ свиданіи со мною, Вы были такъ добры, что дали мнѣ право обращаться къ Вамъ письменно по поводу того, что касается интересовъ школьнаго образованія, оставивъ при этомъ мнѣ и свой адресъ. Спѣшу воспользоваться этою возможностію и правомъ. И, поблагодаривъ Васъ за то сочувствіе, съ которымъ Вы отнеслись къ нашей семинарской воскресной школѣ, приступаю прямо къ сущности дѣла. Въ настоящее время въ нашей семинаріи окончили свое образованіе многіе изъ тѣхъ воспитанниковъ, которые занимались въ этой школѣ. Прослушали они и курсъ педагогики, насколько позволяло это время, назначенное въ семинаріи на преподаваніе ея. Не касаясь внутренней стороны всего дѣла, о чемъ не мнѣ судить, я съ увѣренностію однакожъ могу указать на тотъ фактъ, что изъ всего знакомства, какъ съ практикою, такъ и съ теоріею воспитанія, нѣкоторые изъ этихъ воспитанниковъ настолько вынесли сочувствія къ дѣлу воспитанія и преимущественно народнаго образованія, что желали бы себя посвятить этому дѣлу, употребивъ въ дѣло и тѣ познанія, которыя имъ удалось пріобрѣсть, и ту молодую силу, которую имѣютъ они. Положеніе народной школы и преимущественно народнаго наставника у насъ, въ Харьковской губерніи, не слишкомъ завидно. Говорю на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя удалось собрать мнѣ на прошедшемъ съѣздѣ, хотя опубликовать эти данныя я не имѣлъ возможности. Это обстоятельство, не безъизвѣстное и нашимъ воспитанникамъ, поставляетъ ихъ въ затрудненіе. Имъ конечно хотѣлось бы и выгоднѣе, и благопріятнѣе затратить свои силы. Въ этомъ отношеніи вашъ Александровскій округъ представляетъ несомнѣнно болѣе благопріятныхъ условій, благодаря Вашему неутомимому содѣйствію, и потому естественно, что нѣкоторые изъ нихъ лучше бы желали именно въ немъ начать свою учительскую обязанность, если конечно въ Вашемъ округѣ найдутся свободныя мѣста для нихъ и если по Вашимъ соображеніямъ они дѣйствительно могутъ принесть пользу Вашему округу. Вслѣдствіе этого, я, по заявленію нѣкоторыхъ воспитанниковъ, рѣшился обратиться къ Вамъ съ просьбою о томъ, чтобы Вы потрудились извѣстить меня: есть ли въ настоящее время вакантныя учительскія мѣста въ Вашемъ округѣ и могутъ ли наши воспитанники разсчитывать на замѣщеніе ихъ, какія условія матеріальныя представляютъ эти мѣста и каково вообще Ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ?.. Съ своей стороны я не могу не замѣтить того, что окончившіе полный курсъ семинаріи желали бы, конечно, имѣть такія учительскія мѣста, которыя бы по возможности обезпечивали ихъ матеріальный бытъ. Я поручился бы во всякомъ случаѣ за то, что буду рекомендовать Вамъ только тѣхъ воспитанниковъ, которые имѣютъ дѣйствительное желаніе служить дѣлу народнаго образованія. Что касается до познаній ихъ, могу отчасти ручаться за то, что они во всякомъ случаѣ

относительно правилъ воспитанія и обученія стоятъ не ниже уровня знаній воспитанниковъ такъ называемыхъ „Педагогическихъ курсовъ". Насколько я знаю также своихъ воспитанниковъ, съ которыми мнѣ удалось сойтись ближе другихъ преподающихъ и начальствующихъ, могу сказать также, что такихъ типовъ, о которыхъ вы говорили мнѣ, при личномъ свиданіи, едва-ли можно ожидать между ними. Не могу при этомъ не сказать, наконецъ, и того, что въ послѣднее время мнѣ удалось нѣсколько возвысить ихъ уровень въ преподаваніи счетоводства, недостатокъ въ которомъ былъ прежде,—тотъ недостатокъ, на который Вы указали въ своей замѣткѣ о нашей школѣ. Прошу великодушно извинить меня въ томъ, что я обращаюсь къ вамъ съ такою, быть можетъ, назойливою просьбою, а также и за то, что я счелъ необходимымъ при этомъ изложить Вамъ все дѣло откровенно.

Въ надеждѣ, что вы почтите меня отвѣтомъ въ этомъ, столь важномъ для интереса моихъ воспитанниковъ, дѣлѣ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и готовностію къ услугамъ, преподаватель педагогики при Харьковской семинаріи

Василій Ѳеоктистовъ.

P. S. Хотѣлось бы мнѣ знать Ваше мнѣніе о нашемъ Харьковскомъ съѣздѣ учителей, бывшемъ въ прошедшемъ году. Мой отчетъ о немъ напечатанъ былъ въ 46, 48, 49 и 50 №№ „Харьковскихъ Вѣдомостей". Къ сожалѣнію, мнѣ „Общ. Грам." не дало позволенія напечатать его въ другомъ какомъ-либо журналѣ. А измѣнять этого отчета я не имѣлъ времени; между тѣмъ дѣло учительскихъ съѣздовъ весьма и весьма интересуетъ меня.

Но возвратимся, однако, къ письмамъ г. С. И. Миропольскаго, представляющимъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что они приближаются къ той именно фазѣ, когда совершенно неожиданно послѣдовалъ нѣкоторый разрывъ его съ барономъ Корфомъ.

С.-ПБургъ, 4 сентября 1871 г.

Отвѣчаю сейчасъ же по полученіи Вашего письма, многоуважаемый Николай Александровичъ. Въ ноябрѣ, даже въ декабрѣ, сверхъ моего ожиданія я буду еще въ Петербургѣ, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія министра, утвержденіе мое затянулось. Въ серьезныхъ преніяхъ я всегда готовъ принять живое участіе, особенно же въ дѣлѣ, столь близкомъ мнѣ и дорогомъ. Впрочемъ, Ваша репутація и Ваши труды такъ всѣмъ извѣстны, особенно нашему обществу, котораго Вы состоите почетнымъ членомъ, что защита для Васъ совершенно лишнее дѣло. Я по крайней мѣрѣ того мнѣнія. Но если пріѣдете въ Петербургъ, чему я очень радъ, то всего лучше обо всемъ переговорить лично. Въ эту субботу – завтра, значитъ – начнутся засѣданія, и между прочимъ я буду возражать по реферату г. Волкова – о собраніи коллекцій. Если Вы писали предсѣдателю, то тѣмъ лучше, хотя я еще не слыхалъ, чтобы кто заявилъ желаніе реферировать о „Другѣ". Кстати о немъ. Я послалъ Вамъ своего Коменскаго и письмо, гдѣ между прочимъ нѣчто высказалъ о моемъ взглядѣ на Вашъ почтенный трудъ. Мы нѣсколько расходимся въ этомъ случаѣ, то это нисколько не уменьшаетъ въ моихъ глазахъ значенія и пользы Вашего вполнѣ добросовѣстнаго труда. У всякаго свои идеалы, и еслибы люди

дошли до тождества ихъ, то остановилось бы всякое развитіе. Но нѣкоторые „литературщики“ отнеслись къ дѣлу иначе. Недавно мнѣ сообщили нумеръ одной газеты, которую я, признаться, и не выписываю, и рѣдко вижу („Голосъ“, я же выписываю „Спб. Вѣд.“), гдѣ нѣкто Г. П. разбираетъ „Друга“. Но и тонъ статьи—фельетонный, и очевидная некомпетентность педагогическая автора не даютъ ей значенія; правда, тамъ указаны нѣкоторые промахи, но существо дѣла осталось въ сторонѣ, и авторъ больше остритъ, чѣмъ разбираетъ и судитъ. На меня непріятно подѣйствовало такое отношеніе къ дѣлу. Впрочемъ, о такихъ вещахъ много и говорить не стоитъ. „Общество“ же, конечно, радо будетъ привѣтствовать Васъ и безъ всякихъ рефератовъ, а тѣмъ лучше, если Вы что-нибудь предложите. Можетъ я что-нибудь къ тому времени изготовлю. Теперь я работаю надъ вопросомъ объ инспекціи народныхъ училищъ и ея задачахъ. Дѣло въ томъ, что масса инспекторскихъ отчетовъ, которые я nolens-volens обязанъ разсматривать въ качествѣ помощника редактора „Ж. М. Н. Пр.“, представляютъ такую неурядицу, такую пустошь и часто непониманіе дѣла, что я нахожу необходимымъ напечатать статью, которая хотя нѣсколько направила бы ихъ на путь истины и дѣла. Благодаря любезной внимательности г. дѣлопроизводителя ученаго комитета (нынѣ временно завѣд. редакціею нашего журнала), я имѣлъ случай познакомиться съ проектами инстр. для инспектор. народн. училищъ, и только недостатокъ времени меня давитъ и задерживаетъ.

Пріѣзжайте, Николай Александровичъ, но на меня, какъ на чичероне въ петербургскихъ школахъ, не разсчитывайте,—я домосѣдъ и почти нигдѣ не бываю, такъ что Вы, пріѣхавъ сюда, какъ энергичный человѣкъ дѣла, скорѣе будете для меня полезны въ этомъ случаѣ, чѣмъ я для Васъ. Завтра я справлюсь въ обществѣ, заявилъ ли кто желаніе реферировать о Вашемъ трудѣ, доселѣ же я объ этомъ ни отъ кого ничего не слыхалъ.

Преданный и готовый къ услугамъ

С. Миропольскій.

---

5 сентября 1871 г., С.-ПБургъ.

Достоуважаемый,

Николай Александровичъ!

Вчера было первое наше засѣданіе, гдѣ было прочтено присланное Вами предсѣдателю письмо. Я думалъ, что кто-нибудь заявилъ уже о желаніи реферировать о „Нашемъ Другѣ“, когда Вы писали, что просите отложить его обсужденіе до Вашего пріѣзда. Изъ дѣла же оказалось, что такого заявленія не было, и только Ваше письмо побудило Общество назначить рефератъ. Выборъ Общества палъ на меня, и хотя я не разсчитывалъ браться за это дѣло, но просьбы заставили меня согласиться. Итакъ, я долженъ буду изготовить рефератъ о „Нашемъ Другѣ“ въ первой половинѣ ноября, о чемъ Васъ и извѣщаю. При множествѣ дѣла, я не рѣшился бы взяться за дѣло это, еслибы срокъ былъ назначенъ короче. Если успѣю изготовить статью раньше, то я постараюсь ее гдѣ-нибудь напечатать. Впрочемъ, объ этомъ еще рано говорить, сперва нужно написать. Итакъ, мы ждемъ Васъ въ первой половинѣ ноября. Я уже писалъ Вамъ, что кое въ чемъ расхожусь съ Вами; но я увѣренъ, что и для Васъ, какъ для меня, всего важнѣе дѣло, которому Вы такъ давно и съ такимъ добрымъ успѣхомъ служите. При такихъ условіяхъ, я увѣренъ, сужденіе въ Обществѣ о Вашей книгѣ будетъ содѣйствовать вы-

ясненію важнѣйшаго изъ вопросовъ училищевѣдѣнія, вопроса о книгѣ для народныхъ школъ.

Преданный и готовый къ услугамъ
С. Миропольскій.

Послѣ такой переписки о «Нашемъ Другѣ» и предстоящемъ рефератѣ о немъ же въ педагогическомъ обществѣ, большой неожиданностью является слѣдующее письмо, написанное послѣ уже реферата г. Миропольскаго въ педагогическомъ обществѣ, гдѣ лично присутствовалъ баронъ Н. А. Корфъ и блестяще защищалъ свою книгу. Пишущій эти строки былъ въ этомъ засѣданіи педагогическаго общества и живо помнитъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ баронъ Корфъ своимъ участіемъ въ засѣданіи, какой восторженный пріемъ былъ оказанъ ему въ собраніи, сколько оживленія внесъ онъ въ дебаты, какъ мастерски говорилъ въ собраніи и какой эффектъ произвела его защитительная рѣчь, вызвавшая положительный фуроръ.

С.-П.-Бургъ. 1872 г., февр. 11.

Приношу Вамъ душевную благодарность, многоуважаемый Николай Александровичъ, за Вашъ портретъ и весьма радъ, что могу сейчасъ же отвѣтить и своею карточкой на Вашу цѣнную для меня присылку.

Въ Петербургѣ мы не сошлись,—это столько же для меня ясно, сколько и тяжело. Но факта нельзя отрицать. Теперь я не буду вдаваться въ анализъ этого, по-моему, чрезвычайно сложнаго явленія; скажу, что я не писалъ сейчасъ послѣ Вашего отъѣзда и теперь не пишу объ этомъ, потому что нахожусь подъ силою исключительныхъ ощущеній и потому весьма боюсь быть крайне одностороннимъ. Но тѣмъ не менѣе и теперь, и всегда мнѣ дорого Ваше расположеніе; расходясь съ Вами во многомъ, я никогда не забуду того, что Вы сдѣлали для нашей народной школы; Вы начали свой трудъ, когда тьма и мракъ царили надъ нашею школой, и много послужили тому пробужденію, которое обѣщаетъ ей лучшее будущее. Глубоко уважая въ Васъ честнаго труженика святаго и великаго дѣла, я—повторяю—вполнѣ цѣню Вашъ подарокъ и отъ души желаю, чтобы слѣдующая наша встрѣча была тою, о которой я мечталъ давно и которая не осуществилась, быть можетъ, по моей винѣ, быть можетъ, по силѣ независящихъ обстоятельствъ.

О дѣлѣ я буду писать послѣ. Новая должность моя тяжела именно тѣмъ, что не даетъ работать по педагогіи въ литературѣ. Вотъ Вы и въ малое время успѣли уже сдѣлать многое. „Обязательность образованія“—мнѣ по душѣ, а съ взглядомъ на инспекцію народныхъ школъ я не согласенъ и буду писать пространную статью объ этомъ предметѣ. Ваши педагогическія замѣтки въ газетахъ вызываютъ живой интересъ. Недавно „Русскій Міръ“, редактируемый Комаровымъ, обругалъ наши пед. общ., въ виду того, что общ. избрало почетнымъ членомъ воен. министра Милютина, почему-то ненавистнаго Комарову.

Находясь въ тискахъ обязательно-канцелярской работы, я не могъ многаго сдѣлать, но съ новаго года написалъ въ „Семью и Школу“ „О самообразованіи нар. учителя“, и по моей иниціативѣ при журналѣ открытъ „Ли-

стокъ",—вотъ желательно бы матеріала. Въ „Народной Школѣ" помѣщаю двѣ статьи: педаг. этюдъ „Дитя" и „Народн. учитель и его задачи". Затѣмъ написалъ статью „О преподав. логики въ нашихъ гимназіяхъ" и выработалъ программу логики, печатаю въ „Журн. М. Н. Пр."

До свиданія, глубокоуважающій Васъ и благодарный

С. Миропольскій.

Къ тому «не сошлись», о которомъ говоритъ г. Миропольскій, довольно близкое отношеніе имѣютъ слѣдующія два письма: одно—профессора П. Г. Рѣдкина (умершаго уже), какъ предсѣдателя педагогическаго общества; другое—И. Ѳ. Рашевскаго, какъ ближайшаго помощника Рѣдкина по педагогическому обществу.

24 апр. 1872 г. СПБ.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Много благодарю Васъ за Вашу карточку, въ замѣнъ которой посылаю свою, какая теперь есть налицо,—и еще премного благодарю Васъ за сообщеніе о результатахъ обученія по Вашей книгѣ, превзошедшихъ Ваши ожиданія и утвердившихъ Васъ въ практичности „Нашего Друга".

Однакоже Вы не станете отрицать, что все въ мірѣ нашемъ усовершится. А потому, не отступая отъ своихъ принциповъ, справедливость которыхъ блестяще подтверждается опытомъ, Вы, конечно, не перестанете усовершенствовать и Ваше любимое дѣтище. Въ чемъ можетъ состоять такое усовершенствованіе?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ Вамъ, разумѣется, опять опытъ, но не въ узкомъ смыслѣ опыта индивидуальнаго, а въ смыслѣ широкаго общечеловѣческаго опыта. На послѣдняго рода опытъ укажетъ, думалъ я, г. Миропольскій въ историческомъ отдѣлѣ своего реферата, — въ отдѣлѣ, пропущенномъ имъ при чтеніи въ педагогическомъ обществѣ—и я ошибся. Я воображалъ себѣ, что онъ прослѣдитъ исторически и съ надлежащею полнотою все, что до сихъ поръ сдѣлано было по вопросу, какъ должна быть составляема книга для чтенія въ народныхъ училищахъ,—и вмѣсто того нашелъ, что авторъ удовольствовался сказать о двухъ-трехъ книгахъ, случайно попавшихъ ему подъ руку. Послѣ этого я понимаю Ваше недовѣріе „къ иностраннымъ схемамъ"; но убѣжденъ, что еслибъ Вамъ показала исторія все добытое по сказанному вопросу, то Вы достойно оцѣнили бы иностранное, насколько въ немъ есть общечеловѣческаго.

Искренно преданный Вамъ покорный слуга

П. Рѣдкинъ.

---

14 мая, 72 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

За вседневными заботами какъ-то день за день откладывалъ я пріятную возможность сказать Вамъ нѣсколько словъ. Выходитъ, самъ наказалъ себя.

Ваше недоумѣніе относительно разногласія между тезисами, поставлен-

ными г. Миропольскимъ въ педагог. обществѣ, и содержаніемъ статьи, помѣщенной во 2 № „Семьи и Школы", раздѣляютъ многія лица въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, непонятно преднамѣренное искаженіе однихъ фактовъ и умолчаніе о другихъ. Гдѣ же нужно искать причины подобнаго разногласія,— положительно сказать трудно; вѣроятно, она лежитъ, съ одной стороны, въ Вашихъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми господами, а съ другой—въ отсутствіи литературной добросовѣстности этихъ нѣкоторыхъ лицъ, пишущихъ и печатающихъ свои писанія. Протоколъ педагогич. общества выражаетъ то, что было въ засѣданіи общества. Слѣдовательно, пед. общество сдѣлало свое дѣло. Если же въ настоящее время появляются уколы тупыхъ булавокъ, Вы должны переносить ихъ, потому что не присылаете статей въ „Семью и Школу" и „Народную Школу". Значитъ, Вы—врагъ изданіямъ, живущимъ жизнью, бѣдною содержаніемъ.

Я очень радъ, что Вы еще разъ на опытѣ убѣдились въ блестящихъ результатахъ занятій по Вашей книгѣ. Съ своей стороны, я считаю необходимымъ передать Вамъ, что и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень хорошихъ успѣховъ учениковъ, занимавшихся по книгѣ „Нашъ Другъ". Значеніе „Нашего Друга", я убѣдился въ этомъ, въ настоящее время велико у насъ именно потому, что въ этой книгѣ не только находится извѣстный матеріалъ пригодный для народной школы, но и разъясненъ учителю способъ передачи учебнаго матеріала: взявъ Вашу книгу за руководство, учитель народной школы знаетъ, что дѣлать и какъ, и не теряется въ пустыхъ опытахъ, часто оканчивающихся ничѣмъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

Вашего слуги

И. Рашевскаго.

Софія Константиновна Кавелина послала Вамъ свою карточку черезъ редакцію „Петербургскихъ Вѣдомостей".

Но, какъ справедливо говорится, «конецъ вѣнчаетъ дѣло». Заключительныя же письма г. Миропольскаго къ барону Н. А. Корфу исполнены такого же горячаго сочувствія и задушевности, какъ и первыя его письма. Они, можно сказать, сглаживаютъ недоразумѣніе, имѣвшее, повидимому, случайный, какъ бы эпизодическій характеръ, нисколько не нарушая общей гармоніи сочувственныхъ, солидарныхъ отношеній въ теченіе не менѣе 12-ти лѣтъ. Это сильно говоритъ само за себя, и тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два письма, относящіяся къ исходу 1881 года, т. е. писанныя чуть не черезъ 10-ть лѣтъ послѣ приведеннаго выше письма отъ 11-го февраля 1872 года, вслѣдъ за рефератомъ о «Нашемъ Другѣ» въ педагогическомъ обществѣ.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Сегодня мнѣ доставлены, при Вашемъ уважаемомъ письмѣ, двѣ книги— „Нашъ Другъ" и „Руководство" къ нему.

Душевно признателенъ за добрую память и за присылку книгъ. Сожалѣю, что не могу теперь же выслать Вамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ работъ. По-

стараюсь сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ. Письмо Ваше вызвало во мнѣ много воспоминаній. Наши добрыя старыя отношенія какъ-то круто порвались. Не знаю, можетъ быть вина была и на моей сторонѣ, но смѣю Васъ увѣрить, что я не переставалъ всегда глубоко уважать Васъ, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей эпохи по народному образованію и какъ одного изъ талантливыхъ нашихъ писателей - публициста и педагога. Кажется,—всего болѣе причиною охлажденія были недоразумѣнія. Я же съ своей стороны очень сожалѣлъ о перерывѣ нашихъ отношеній, особенно когда увидѣлъ, что у Васъ есть враги, люди недостойные, даже низкіе, съ мелочной завистью, способные агитировать за спиною человѣка, которому подаютъ руку и навязываются въ друзья [1])... Мнѣ было тяжело даже и подумать, что я, самъ того не замѣчая, могъ какъ-нибудь послужить этимъ людямъ интриги. Вы уѣхали за границу. Это было укоромъ для людей, которые не могли, не съумѣли оцѣнить человѣка, столь много сдѣлавшаго для нашей школы, высоко поднявшаго знамя педагогики и привлекшаго къ нему сочувствіе общества. Услыхавъ о Вашей болѣзни, я хотѣлъ писать Вамъ; но адреса Вашего у меня не было, да и мысль о томъ, какъ Вы примете письмо, меня удержала. Теперь Вы явились на родину, и я сердечно привѣтствую Васъ, радуясь, что Вы опять воскресите то, что безъ Васъ замерло. У насъ такъ мало людей дѣла, безкорыстно трудящихся на пользу общества, что возвращеніе такого дѣятеля, какъ Вы, должно всякаго порадовать.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, много пережито, и въ какое трудное время живемъ мы теперь! Отъ нашего „Педагогич. Общества“ остались одни воспоминанія. Сошелъ со сцены Рѣдкинъ, замѣнить его было некому, все пошло врозь. Въ засѣданіяхъ пошла неурядица, выдвинулись какія-то темныя личности, съ пріемами башибузуковъ, люди дѣла и мысли стали рѣже и рѣже заглядывать въ засѣданія; катастрофа довершила остальное. Теперь педагоги идутъ въ разбродѣ, никакого единства, солидарности. Правда, у насъ составился кружокъ, и общими силами намъ удалось составить „Систем. обзоръ нар. уч. литературы“, но послѣ изданія опять разошелся. Теперь собираемся вновь для продолженія изданія и новой его переработки; но это все не то. Воскреснетъ ли когда „Педаг. общество“—сказать трудно. Одни изъ педагоговъ разбогатѣли, не хотятъ работать; другіе, отдаваясь урокамъ и гешефтамъ, мало интересуются разработкой педагогики и ея вопросовъ. Я по-прежнему полгода странствую, да и работою заваленъ. Иниціативы нѣтъ, нѣтъ и надеждъ. Главное же, пошла между педагогами рознь, несогласія, даже вражда. Съ грустью смотрю я на все, что вокругъ дѣлается. Пришлось и мнѣ пострадать. Я почти прервалъ теперь сношенія съ нашими педагогами. Мало сталъ я и работать для педаг. журналистики. Не скажу, чтобы я сидѣлъ безъ дѣла, нѣтъ, къ этому я не способенъ; скажу больше, по жаждѣ къ работѣ я набираю ея сверхъ силъ; но тоскливо чувствуется это одиночество. Только поѣздки и работа спасаютъ меня. Теперь я объѣздилъ 26 губерній, въ текущемъ году былъ въ Сибири, недавно только возвратился. Приготовляю кое-какія изданія, пишу 20-лѣтіе комитета грамотности, статью о нар. образованіи за 25 лѣтъ для будущей выставки и много другихъ вещей. Словомъ, времени не хватаетъ; но грустно подумать, что мы—

---

[1]) Въ письмѣ полностію названъ даже и „типъ“ такого человѣка, но мы выпускаемъ эту подробность. *М. П.*

педагоги, какъ послѣ крушенія, всѣ разсѣялись, и нѣтъ у насъ общаго центра, единства, мира, любви, согласія.

Простите, что я утруждаю Васъ рѣчами о томъ, что Вы, можетъ быть, лучше меня знаете. Вы всегда были не только человѣкомъ ума, но и сердца, которое такъ и привлекало къ Вамъ всѣхъ. Вотъ еслибы Вы стали въ Петербургѣ во главѣ нашего педагогическаго міра, можно было бы надѣяться на лучшее будущее. Къ разладу среды присоединяется еще угнетающее положеніе всего русскаго общества. У меня братъ жилъ въ Америкѣ болѣе 8-ми лѣтъ. Пріѣхавъ сюда, онъ почти захворалъ, глядя на наши порядки. Но унывать нечего, работать все-таки надо, и надо сдѣлать все, что можно сдѣлать. Вы предлагаете мнѣ сдѣлать разборъ „Нашего Друга“. Не отказываюсь, но заранѣе извиняюсь, что скоро сдѣлать это я не могу, время все уже занято. „Нашего Друга“ дѣйствительно узнать нельзя,—онъ измѣнился, выросъ, похорошѣлъ къ лучшему. Книжка чрезвычайно изящна и производитъ наилучшее впечатлѣніе. Отдѣленіе „Руководства“ я нахожу весьма цѣлесообразнымъ. Полагаю, что книга эта привьется нашимъ школамъ. Издатели нашихъ книгъ для чтенія вообще лѣнивы на переработку и усовершенствованіе (примѣръ—Водовозовъ); Ваше изданіе составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, къ сожалѣнію, едва-ли не единственное. Примите увѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

Всегда готовый служить

С. Миропольскій.

С.П.Б. 10 сент. 1881 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Я получилъ Ваше доброе письмо и душевно сожалѣю, что никакъ не могу сегодня воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ Если изволите вспомнить, то я заранѣ увѣдомлялъ Васъ, что на этой недѣлѣ я положительно несвободенъ. Что дѣлать! Приходится ждать лучшаго времени. Еще разъ приношу Вамъ душевную признательность за Ваше вниманіе и прошу извинить глубоко Васъ уважающаго Вашего покорнаго слугу

С. Миропольскаго.

10 дек. 81.

Какъ было уже указано выше, баронъ Н. А. Корфъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ, въ концѣ 1881 года, когда именно и было написано послѣднее письмо къ нему г. Миропольскаго.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ массою писемъ, написанныхъ педагогическими дѣятелями, въ разное время, подъ различными вліяніями и условіями и по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, мы видимъ, однако, изумительное совпаденіе взглядовъ въ отношеніи оцѣнки значенія и заслугъ барона Н. А. Корфа. А потому указанная въ началѣ нашей статьи рознь въ воззрѣніяхъ на барона Корфа, до сихъ поръ еще царящая въ печати, – не выдерживаетъ никакой критики.

Замѣчательно, что г. С. И. Миропольскій, въ превосходномъ письмѣ

своемъ отъ 10-го сентября 1881 года, въ сущности, повторилъ тѣ же мотивы, которые раньше были высказаны Ушинскимъ 12-ть лѣтъ тому назадъ. Конечно же, г. Миропольскій и не подозрѣвалъ даже о существованіи этого письма Ушинскаго, относящагося притомъ къ тому времени, когда г. Миропольскій не вступалъ еще въ переписку съ барономъ Корфомъ. Какъ Ушинскій въ письмѣ отъ 28 мая 1869 года и послѣдующихъ, такъ и г. Миропольскій въ письмѣ отъ 10 сентября 1881 года возлагали особыя, исключительныя надежды на барона Н. А. Корфа, признавая въ немъ особенный даръ возбуждать жизнь въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ вообще и народномъ образованіи въ частности.

Послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ не только не прошелъ безслѣдно, но вызвалъ даже нѣкоторое движеніе въ педагогической средѣ. Вотъ что, напримѣръ, мы узнаемъ изъ письма В. А. Евтушевскаго по этому поводу:

10 декабря 1881 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Въ воскресенье, 20 декабря, въ 8 часовъ вечера, нѣкоторые педагоги соберутся у К. К. Сентъ-Илера, для обсужденія проекта устава новаго педагогическаго общества, которое предполагается открыть. Можетъ быть, Вы признаете этотъ вечеръ болѣе удобнымъ для свиданія съ Сентъ-Илеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ другими педагогами. Если же Вы распредѣлили Ваше время такъ, что назначили именно воскресенье, 13 декабря, для этого свиданія, то потрудитесь отвѣтить мнѣ тотчасъ по полученіи этого письма, чтобы я успѣлъ распорядиться. О принцессѣ, пріютахъ и прочемъ извѣщу Васъ въ воскресенье, 13 декабря.

Душевно преданный Вамъ
В. Евтушевскій.

Но, къ несчастію, «проекту» новаго общества такъ и суждено было остаться только «проектомъ устава». Учрежденіе это, однажды закрытое графомъ Д. А. Толстымъ, такъ и не увидѣло больше свѣта, несмотря на всѣ усилія лучшихъ представителей русскаго педагогическаго міра.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ.

Скончавшійся въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года И. А. Чистовичъ родился въ 1828 году. Окончивъ курсъ въ Петербургской духовной академіи въ 1851 году, онъ уже черезъ три года былъ профессоромъ въ академіи и членомъ комитета, учрежденнаго для историческаго и статистическаго описанія с.-петербургской епархіи, и результатомъ его дѣятельности была «Исторія С.-Петербургской духовной академіи». Это былъ трудъ въ полномъ смыслѣ фундаментальный. Трудъ былъ посвященъ Григорію, митрополиту с.-петербургскому, который сдѣлалъ самый лестный отзывъ какъ о книгѣ, такъ и о ея авторѣ. О трудѣ этомъ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, и авторъ ея удостоился Высочайшей благодарности государя императора, а Императорская академія наукъ удостоила его демидовской преміи. Покойный профессоръ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ: среди своихъ ученыхъ работъ онъ находилъ время для журнальныхъ статей, и духовные журналы его времени то и дѣло пестрятъ его почтеннымъ именемъ. Въ немъ вообще замѣчательнымъ образомъ сочеталась способность къ кропотливой работѣ ученаго съ способностью литературнаго популяризатора. Съ 1866 года покойный профессоръ расширилъ свою преподавательскую дѣятельность и сталъ преподавать логику, психологію и философію исторіи въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, и результатомъ этой дѣятельности былъ его «Учебникъ опытной психологіи», удостоенный макарьевской преміи и введенный въ качествѣ общеобязательнаго учебника во всѣ духовныя семинаріи. Нужно замѣтить, что покойный, кромѣ учено-литературныхъ талантовъ, обладалъ еще замѣчательными административными дарованіями—твердымъ и ровнымъ характеромъ, тактомъ въ обхожденіи съ высшими и низшими, и въ связи съ этимъ совпало счастливое обстоятельство, что онъ уже съ молодыхъ лѣтъ былъ

вхожъ въ дома многихъ вліятельныхъ лицъ. Даровитый, тактичный и видный собою, онъ, еще будучи баккалавромъ, былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ покойнаго протопресвитера В. Б. Бажанова, на дочери котораго онъ потомъ женился, и это знакомство и родство съ такимъ важнымъ лицомъ сразу открыло ему двери и въ дома многихъ другихъ вліятельныхъ лицъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго общества, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ даже при Высочайшемъ дворѣ. Понятно, что обладая подобными связями, покойный всегда могъ найти для себя выходъ на широкое поприще государственной дѣятельности, и дѣйствительно, закончивъ свою служебную карьеру въ академіи и чувствуя въ себѣ полноту силъ, онъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ему ввѣренъ былъ важный постъ управляющаго канцеляріей министерства по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія (1873 года); но вскорѣ покойный счелъ нужнымъ перейти изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство св. Синода, и въ 1875 году назначенъ былъ вице-директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода. Въ 1883 г. И. А. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сохранивъ за собою должность въ св. Синодѣ. Всѣ возлагавшіяся на него порученія онъ исполнялъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, и въ награду за это ему предоставленъ былъ, въ 1888 году, самостоятельный постъ управляющаго контролемъ при св. Синодѣ, каковое положеніе онъ и занималъ до своей преждевременной кончины, получивъ за свою службу всѣ ордена до Бѣлаго орла включительно.

Помѣщенная въ настоящей книжкѣ статья покойнаго Чистовича составляетъ главу изъ капитальнаго труда, готовящагося къ печати.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Матеріалы и замѣтки.

I.

Донской атаманъ Денисовъ.

Помѣщаемые ниже рескрипты и другія бумаги А. К. Денисова служатъ дополненіемъ къ его интереснымъ запискамъ, помѣщеннымъ въ «Русской Старинѣ» 1874 и 1875 гг.

Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ тому времени, когда Адріанъ Карповичъ былъ занятъ извѣстнымъ комитетомъ, учрежденнымъ по его мысли и долженствовавшимъ, какъ сказано въ рескриптѣ отъ 30-го марта 1819 г., исправить нѣкоторыя части военнаго и внутренняго войсковаго управленія.

Этотъ же комитетъ и былъ причиною удаленія Денисова отъ должности войсковаго атамана. Высшіе войсковые чины въ огражденіе своихъ интересовъ, хотя и въ ущербъ всего войска, вступили въ борьбу съ своимъ атаманомъ-реформаторомъ. Въ этой борьбѣ они нашли себѣ опору въ лицѣ генералъ-адъютанта Чернышева, съ которымъ рѣзкій и прямой Денисовъ не могъ поладить и благодаря которому и состоялось неожиданное увольненіе Денисова отъ должности атамана. Изъ помѣщаемыхъ рескриптовъ императора Александра видно постепенное охлажденіе государя къ этому, столько послужившему своей родинѣ, герою.

Послѣ своего удаленія въ 1821 г. Денисовъ поселился въ своемъ имѣніи Анастасіевкѣ-Денисовѣ (Міускаго, нынѣ Таганрогскаго округа) и посвятилъ себя хозяйству и воспитанію внука, сына единственной дочери своей Екатерины, Адріана Ивановича Егорова. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ почти безвыѣздно въ Анастасіевкѣ († 1841 г.) и тамъ же погребенъ въ оградѣ имъ самимъ выстроенной церкви.

Остается пожелать, чтобы дѣло, по которому, совершенно напрасно,

пострадалъ Денисомъ, было наконецъ разработано и опубликовано, дабы снять съ него послѣднюю тѣнь, наброшенную на него удаленіемъ отъ должности.

Отъ брака А. К. Денисова съ Персидскою была одна дочь Екатерина, вышедшая замужъ за полковника Ивана Аѳанасьевича Егорова, бывшаго въ 1821 и 1822 гг. сѣвскимъ предводителемъ дворянства, у которыхъ были двѣ дочери и сынъ Адріанъ Ивановичъ, которому принадлежали записки А. К. Денисова, напечатанныя въ «Русской Старинѣ». Адріанъ Ивановичъ не умеръ въ 1857 г., какъ ошибочно сказано въ «Русской Старинѣ» (1874 г. № 5, стр. 21), въ 1857 г. онъ женился на донской дворянкѣ Надеждѣ Рафаиловнѣ Бобриковой, а скончался только въ 1866 г., оставивъ двухъ сыновей, Николая Адріановича (нынѣ мировой судья Таганрогскаго округа), владѣльца Денисовскаго архива, съ разрѣшенія котораго и помѣщаются настоящіе документы, Александра Адріановича и дочь Надежду Адріановну, вышедшую замужъ за (коротоякскаго предводителя дворянства) Леонида Михайловича Савелова.

Сообщилъ **Л. М. Савеловъ.**

Аттестатъ.

Войска Донскаго Полковникъ Арміи г. Премiеръ-Маіоръ Андріанъ Денисовъ, во время взятья штурмомъ крѣпости Измаильской прошлаго 790-го декабря въ 11-й день находясь со ввѣреннымъ Ему полкомъ при четвертой колонѣ г-на бригадира и кавалера Орлова, достигши до рва, взошелъ первый на бастіонъ, гдѣ поступая сотличною храбростію и мужествомъ бывъ примѣромъ подчиненнымъ завладѣлъ спротчими, онымъ и пушками, почему свидѣтельствуя Его Денисова таковые неустрашимые подвиги нахожу достойнымъ отъ вышней команды всякаго награжденія. Данъ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба печати. Февраля 11 дня 1791 года. № 146. Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни отъ арміи Генералъ-Аншефъ, фанагорійскаго Гранадерскаго полку шефъ, командующій корпусами, орденовъ россійскихъ С-го Апостола Андрея Первозваннаго, С-го Александра Невскаго, С-го Великомученика побѣдоносца Георгія, С-го равноапостольнаго князя Владиміра первыхъ степеней, и великокняжескаго Голстинскаго, С-я Анны кавалеръ обеихъ имперій. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Божіею Милостію
МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.
Великій Магистръ Державнаго Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго
и прочая, и прочая, и прочая.

Намъ любезновѣрному войска Донскаго Полковнику Денисову.

Храбрость и подвиги ваши противъ французовъ обратили на васъ вниманіе Наше. Въ изъявленіе особливаго благоволенія Нашего всемилостивѣйше

пожаловавъ васъ командиромъ Державнаго Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго съ командорствомъ по тысячѣ рублей ежегоднаго дохода, повѣлеваемъ вамъ прилагаемый у сего Командорскій Крестъ возложить на себя, поручая впрочемъ Божію храненію. Данъ въ Павловскѣ іюня 6 дня 1799 года; Царствованія же Нашего въ третіе лѣто а великаго Магистерства въ первое.

Павелъ.

Великій канцлеръ Графъ ..

Господинъ Генералъ-Маіоръ Денисовъ 5-й.

Храбрость Вами оказанная при пораженіи непріятеля подъ Нови, гдѣ вы съ вашимъ полкомъ спомоществовали истребленію непріятельской линіи, преобретаетъ вамъ Монаршее Наше Благоволеніе, во изъявленіе котораго, жалуемъ вамъ знакъ ордена Нашего Святыя Анны 2-го класса Алмазами украшенной, которой при семъ доставляя, Повелѣваемъ вамъ возложить на себя. Удостовѣрены Мы въ прочемъ, что вы получа сіе со стороны Нашей одобреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоится Монаршаго Нашего Благоволенія. Пребывая вамъ благосклонный

Павелъ.

Въ Городѣ Гатчинѣ
Сентября 18-го дня
1799 года.

Мемель, 15-го іюля 1807 г.

Ваше превосходительство, любезнѣйшій генералъ!

Узнавъ о томъ, съ какою доблестью вы дѣйствовали и какъ вы отличились во всѣхъ сраженіяхъ минувшей войны, я охотно желалъ бы доказать вамъ, публично, мое уваженіе и признательность, на которыя вы пріобрѣли, этими дѣйствіями, столь несомнѣнныя права; поэтому, съ особеннымъ удовольствіемъ, жалую васъ, нынѣ, кавалеромъ моего ордена Краснаго Орла. Впрочемъ, увѣряю васъ въ неизмѣнномъ уваженіи, съ какимъ я пребываю всегда вамъ благосклонный Фридрихъ-Вильгельмъ.

Состоящему на россійско-императорской службѣ генералу Денисову 6-му [1]).

Господинъ Генералъ Маіоръ Денисовъ 6-й.

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ противу Французскихъ войскъ, гдѣ вы 28-го Маія, находясь съ бывшими въ командѣ вашей полками въ Аренсдорфѣ и 30 м. мерфельдѣ, обезпечивали слѣдованіе отряда Генералъ-Маіора Графа Каменскаго и удерживали непріятельскія покушенія на армію нашу, и 29-го и 30-го Маія при Геильбергѣ, когда онъ силился обойтить правый нашъ флангъ, вы ударили на него съ тремя казачьими полками съ такою храбростію, что не только остановили его, но получа потомъ подкрѣпленіе, нанесли ему жестокое пораженіе, жалую вамъ золотую саблю съ надписью: за храбрость, алмазами укра-

---

[1]) Переводъ.

шенную; увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію ревностной службы вашей, Пребываю вамъ Благосклонный

Александръ.

С.-Петербургъ.
20-го Маія 1808г.

Военный Министръ Г. Аракчеевъ.

Господинъ Войска Донскаго Генералъ-Маіоръ Денисовъ 6-й.

Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости оказанныхъ вами въ дѣйствіи противу Турокъ 8-го числа Марта сего года за Дунаемъ, гдѣ вы посланы будучи отъ начальства съ нѣсколькими казачьими полками въ поискъ непріятельскихъ силъ къ сторонѣ Манкалы, Базарджику и Коварны и открывъ въ разныхъ мѣстахъ толпы Турецкихъ войскъ, атаковали оныя рѣшительно, разсыпали и разбили совершенно; при чемъ множество положивъ на мѣстѣ, взяли въ плѣнъ сто шестьдесятъ семъ человѣкъ отборнаго наѣзднаго войска, въ коемъ числѣ семъ чиновниковъ, четыре Болюбаша, и три байракшира да пятдесятъ восемъ Булгаръ и захватили довольное количество скота.—Жалую вамъ препровождаемые у сего знаки Ордена Святыя Анны перваго класса Алмазами украшенные; Увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію усердной службы вашей, Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ
Марта 31-го дня
1810 г.

Военный Министръ Барклай де Толли.

Господину Генералъ-Маіору, войска Донскаго Наказному Атаману и Кавалеру Денисову 6-му.

Возвращая присланнаго отъ Васъ нарочнаго, препровождаю у сего за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ Высочайшій рескриптъ на имя Вашего Превосходительства съ изображеніемъ Монаршаго благоволѣнія какъ собственно Вамъ, такъ и всему Донскому войску. Войско сіе во всѣ времена и вездѣ отличало себя вѣрностію и любовію къ отечеству, а мужествомъ и храбростію было страшно врагамъ своимъ. Теперь предстоитъ ему обширнѣйшее полѣ къ ознаменованію себя похвальными подвигами и къ увѣнчанію новою славою.—Нѣтъ сомнѣнія, что при помощи Вышняго, прѣ-осѣняющаго оружіе наше и при благоразумныхъ распоряженіяхъ военно-начальниковъ непріятель падетъ предъ нами, чему есть уже предзнаменованіе двѣ знаменитые побѣды одержанныя 24-го и потомъ 26-го числа Августа мѣсяца и тогда всѣ поднявшіе оружіе къ защитѣ Любезнаго Отечества возвратятся въ домы свои, въ нѣдра семействъ своихъ. Все изложенное здѣсь мною прошу Ваше Превосходительство объявить на Дону.

Изъ донесеній войсковаго Атамана Генерала отъ Кавалеріи Платова усматривая, что все Донское войско уже выступило въ походъ, я буду ожидать отъ Васъ увѣдомленія, когда имянно и сколько выступило, къ какому мѣсту

и подъ чьимъ начальствомъ, дабы я бывъ о томъ извѣстенъ, могъ дѣлать свои соображенія по Министерству мною управляемому.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ Князь Горчаковъ.

№ 574.

С.-Петербургъ
31-го Августа, 1812 г.

Помѣта: получ. Сентября 13.—1812.

Господину Генералъ-Маіору и Кавалеру Денисову 6-му.

Усердная Ваша служба давно мнѣ извѣстная, а еще болѣе отличіе къ продолженію оной оказанное Вами во время бывшей къ Италіи компаніи, подъ предводительствомъ покойнаго Генералиссимуса Князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, вмѣнили мнѣ въ пріятную обязанность при изложеніи Государю Императору донесенія Вашего о успѣшномъ Вами сформированіи донскихъ казачьихъ полковъ, ходатайствовать у Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Вамъ за труды Ваши вознагражденія.

Государь Императоръ съ свойственнымъ Благоволеніемъ, ко всѣмъ вѣрнослужащимъ Его Престолу, воизъявленіе особенной къ Вамъ милости, удостоилъ Васъ пожаловать орденомъ С-го равноапостольнаго князя Владиміра Большаго Креста 2-й степени.—Препровождая при семъ знакъ сего ордена и высочайшую на оной грамоту, я желаю, да послужатъ оныя предъ лицемъ всего донскаго войска нынѣ Вами командуемаго, доказательствомъ, что заслуга не остается безъ награжденія. Да усугубится Ваше рвеніе на пользу службы; мнѣ же по долгу моего начальства пріятно будетъ давать оной полную цену.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ Князь Горчаковъ.

№ 902.

С.-Петербургъ.
Ноября 6-го дня
1812 года.

Получ. іюля 11-го въ Новочеркаскѣ.

Милостивый Государь мой
Андреянъ Карповичъ!

Государь Императоръ снисходя на прошеніе Вашего Превосходительства, и уважая долговременную службу Вашу сопровождаемую отличнымъ усердіемъ и ревностію Вашею къ Высочайшей службѣ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: произвесть васъ въ Генералъ-Лейтенанты, о чемъ вмѣстѣ съ симъ отдано уже въ Высочайшемъ приказѣ

Поставляя пріятнымъ удовольствіемъ извѣстить о семъ Ваше Превосходительство, я имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства
Покорнѣйшій слуга
К. Петръ Волконскій.

№ 2078.
17-го Маія 1813 г.
М. Швендницъ.
Его Прев. А. К. Денисову.

Господинъ Атаманъ Денисовъ! Изъ письма вашего съ удовольствіемъ узнала я о возведеніи васъ Государемъ Императоромъ на степень главнаго начальника въ войскѣ Донскомъ. Зная что достоинство сіе принадлежитъ отличнымъ заслугамъ и опытности, искренно поздравляю васъ съ полученіемъ сей награды. Желаю чтобы Всевышній подкрѣпилъ силы ваши на понесеніе трудовъ сопряженныхъ съ новымъ званіемъ вашимъ для пользы отечества и знаменитаго подвигами войска вамъ ввѣреннаго, Пребываю съ моимъ всегдашнимъ благоволеніемъ вамъ доброжелательною.

Елисавета.

Брюссель,
8 (20) Октября, 1818 г.

Андреянъ Карповичъ!

Письмо ко мнѣ вашего Превосходительства отъ 23-го числа минувшаго Августа месяца, я имѣлъ честь получить, и со всемилостивѣйшимъ назначеніемъ васъ войсковымъ Атаманомъ имѣю честь поздравить. Благодаря ваше Превосходительство за сдѣланную мнѣ онымъ честь, какъ равно и за пріятное вспоминаніе прошедшихъ дѣлъ въ Италіи; и затѣмъ прошу ваше превосходительство принять увѣреніе моего истиннаго къ вамъ уваженія.

Константинъ.

Парижъ.
25-го Октября
1818 года.

Андреянъ Карповичъ! Поздравленіе ваше съ наступившимъ новымъ годомъ и добрыя ваши желанія пріемлю я съ искреннею признательностью какъ изъявленіе вашего усердія которое умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ. Я желаю чтобы сей годъ и всѣ послѣдующія ознаменованы были для васъ продолженіемъ здравія и благоденствія и пребываю съ совершеннымъ уваженіемъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С-Петербургѣ
Генваря 24-го дня.
1819 года.

Войска Донскаго Войсковому Атаману Господину Генералъ-Лейтенанту Денисову.

Начальный приступъ вашъ къ исполненію обязанностей званія Войсковаго Атамана дѣлаетъ особливую Вамъ честь. Я съ удовольствіемъ принимаю и одобряю намереніе Ваше собрать воедино всѣ узаконенія относительно Войска Донскаго, въ различныя времяна по различнымъ случаямъ изданныя, и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіяся разсмотреть оныя въ особливомъ комитетѣ; сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ мнѣ новое войсковое положеніе.

Желая содѣйствовать вамъ въ семъ достохвальномъ труде, я почелъ нужнымъ назначить военнаго чиновника, извѣстнаго мнѣ своими похвальными качествами для заседанія въ семъ Комитетѣ, коего работа должна

имѣть весьма важное вліяніе на будущее устройство войска, столь много и полѣзно всегда содействующаго успѣхамъ Россійскаго оружія Выборъ мой палъ на Генералъ-Адъютанта моего Чернышева, онъ извѣстенъ храбрымъ донскимъ казакамъ по воинскимъ его дарованіямъ. Подъ Его начальствомъ они во многихъ случаяхъ торжествовали надъ непріятелемъ и по его представленіямъ награждались чинами и украшались знаками отличія. Любимый ими на поприщѣ воинской славы и въ запмно къ нимъ душевно привязанный, онъ конечно заслужитъ и въ семъ мирномъ трудѣ ихъ уваженіе, тѣмъ болѣе, что ему извѣстны предположенія мои по разнымъ частямъ устройства вообще Арміи нашей, и онъ можетъ передать вамъ общія соображенія, кои съ пользою вы приложите къ Войску Донскому. По симъ причинамъ я его назначилъ для присудствія подъ вашимъ предсѣдательствомъ въ томъ Комитетѣ, который вами учрежденъ будетъ, и вместѣ съ нимъ отправляю его въ Черкаскъ.

Я увѣренъ, что вы совершитѣ сей трудъ съ тою же ревностію, съ какою оный на себя приняли, и что самая разборчивость какую имѣлъ я при назначеньи вамъ достойнаго сотрудника, послужитъ доказательствомъ сколь высоко ценю я заслуги и сколь много желаю видеть Войско Донское благоденствующее подъ сенію закона, опредѣляющаго ясно его права и обязанности.

Александръ.

С.-Петербургъ
10 Марта 1819.

Подлинной рескриптъ отправленъ на храненіе въ войсковую канцелярію при предложеніи отъ 3-го Маія 1819 подъ № 3248-мъ.

Войска Донскаго Войсковому Атаману Господину Генералъ-Лейтенанту Денисову 6-му.

Я читалъ письмо ваше, писанное на имя начальника Главнаго моего Штаба отъ 13-го Марта, касательно сдѣланной прибавки двухъ членовъ въ комитетѣ, учреждаемый для исправленія нѣкоторыхъ частей военнаго и внутренняго войсковаго управленія.

Содержаніе сего письма я пріемлю доводомъ вашего попеченія о благѣ ввѣреннаго вамъ Донскаго Войска, а въ отвѣтъ на оное щитаю нужнымъ сказать вамъ, что основаніемъ учрежденія сего комитета принято собственное ваше представленіе не для измѣненія какихъ либо правъ и преимуществъ войску дарованныхъ, и подтвержденныхъ уже нѣсколькими моими грамотами, но для изысканія удобнѣйшихъ способовъ въ точномъ ихъ исполненіи, для собственной пользы, чести и славы самаго Донскаго войска и каждаго изъ его сочленовъ, для единаго же только содѣйствія въ трудахъ предлежащихъ комитету и приспособленія правилъ, кои вами обще съ комитетомъ признаны будутъ необходимыми, къ общей системѣ воинскаго порядка и Гражданскаго управленія, назначилъ я для присудствія двухъ членовъ въ видѣ депутатовъ однаго со стороны департамента Гражданскаго, или Министерства Юстиціи.—Выборъ перваго въ лицѣ Генералъ-Адъютанта Чернышева, безъ сомнѣнія будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ вашимъ и самаго войска подробно изъясненнымъ въ указѣ моемъ, послѣдовавшемъ на имя ваше отъ 10 Марта и въ копіи у сего прилагаемомъ. Выборъ чиновника гражданскаго такъ же не менѣе будетъ полезенъ потому, что посредствомъ его совѣщаній ходъ дѣлъ тяжебныхъ и аппеляціонныхъ можетъ получить

*

успѣшнѣйшее направленіе къ собственному удовольствію всего войска. Временное его участіе въ дѣлахъ комитета и потому не можетъ возраждать какого-либо недоразумѣнія, что войско издавна имѣло, и нынѣ имѣетъ прокурора, постоянно участвующаго въ дѣлахъ Войсковой канцеляріи и опредѣляемаго изъ постороннихъ чиновниковъ, а не изъ среды своего сословія.

Присудствіе же Армейскаго Генерала въ комитетѣ вашемъ, коего окончательное устройство сохранитъ Донскому войску всѣ старые его обычаи и образованіе, будетъ служить вящимъ и лутшимъ доказательствомъ о непоколебимости оныхъ.

Я совершенно увѣренъ, что по образу мыслей вашихъ и всѣ чины Донскаго войска, зная настоящую цель учрежденія комитета, будутъ охотно содѣйствовать оному всеми мѣрами къ совершенію предпріятія. на желаніи ихъ основываемаго и обезпечивающаго собственное ихъ благосостоявіе.

Александръ.

С.-Петербургъ
30 Марта 1819.

Подлинной рескриптъ отправленъ на храненіе въ Войсковую Канцелярію при предложеніи отъ 3 Маія 1819 подъ № 3248-мъ.

Господину Войска Донскаго Войсковому Атаману Генералъ-Лейтенанту Денисову.

Возвращаю на Донъ моего Генералъ-Адъютанта Чернышева. Я желаю, чтобы при немъ совершено было, съ нимже начатое новое войсковое положеніе, и чтобы онъ, подъ вашимъ предсѣдательствомъ, присудствовалъ въ комитетѣ, на сей предмѣтъ учрежденномъ, по указу 10-го Марта вамъ данному, при окончательныхъ его занятіяхъ. Онъ предварительно представлялъ мнѣ свои предположенія. Прочитавъ ихъ, я нахожу, что они вообще имѣютъ цѣлію: упрочить на вѣчныя времена благосостояніе храбрыхъ Донскихъ казаковъ, и въ устройствѣ, имъ свойственномъ по мирному времени, возвысить ихъ славу въ войнѣ. Цѣль достойная и его извѣстной привязанности къ Донцамъ и отечеству, и моего искренняго желанія видѣть ихъ на высочайшей степени чести, славы и благоденствія! Желаю однако же, чтобы, за всемъ тѣмъ, были они внимательнѣйше разсмотрены и соображены со всѣми мѣстными объстоятельствами, и на сей конецъ велѣлъ Генералъ-Адъютанту Чернышеву предложить оныя на уваженія Коммитета. Нестѣсняясь ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, комитетъ можетъ по своему усмотрѣнію перемѣнить оныя или дополнить своими правилами и изъ всего того извлечь истинно полезное. Я увѣренъ что предположенія, кои послѣ таковаго зрѣлаго разсмотрѣнія признаны будутъ въ комитетѣ удобными ко введенію въ новое войсковое положеніе, всѣ благомыслящіе съ признательностію и довѣренностію пріимутъ.

Увѣренъ не менѣе и въ томъ, что вы какъ начальникъ, отвѣтствующій заблагоустройство и порядокъ въ войскѣ, конечно непозволите въ нарушеніе оныхъ распускать неправыхъ толковъ людямъ неблагомѣреннымъ, и упредите всякое съ сей стороны безпокойство въ войскѣ, благоразумными внушеніями объ истинной цѣли занятій Коммитета, вами учрежденнаго и мною одобреннаго.

Я не могу не поставить вамъ при семъ случае на видъ множество жалобъ въ настоящемъ управленіи войска Донскаго, доходящихъ къ правительству отъ крестьянъ, поселенныхъ на войсковой землѣ.

Жалобы сіи, вѣроятно, произходятъ отъ жестокаго обращенія съ ними помѣщиковъ и непомѣрнаго пзнуренія работами.

Объстоятельство, заслуживающее всю внимательность правительства, и я надѣюсь, что вы употребите все ввѣренные вамъ способы для искорененія сего зла, и займетесь въ томже коммитетѣ разсмотрѣніемъ онаго.

Александръ.

С.-Петербургъ
10 Декабря 1819.

Адріанъ Карповичъ. Я получила принесенное вами отъ имени войска Донскаго и вашего поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и отдавая полную справедливость изъясненнымъ вами чувствованіямъ, благодарю васъ за усердіе ваше и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ изъявить мою признательность Храброму Воинству, вами предводительствуемому. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ и непремѣннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ
Января 21-го дня
1820 года.

Андріянъ Карповичъ! Поздравленіе ваше съ новымъ годомъ принимаю я доказательствомъ усердія вашего и заслугами украшеннаго храбраго Донскаго войска, за что и изъявляю вамъ и всему войску Донскому особенную мою признательность, пребываю на всегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ
23 Генваря 1820.

Андреянъ Карповичъ!

Имѣвъ честь получить письмо Вашего Превосходительства, коимъ изволите поздравлять меня съ новымъ годомъ, я пріятнымъ долгомъ обязываюсь благодарить васъ за сіе и взаимно поздравить Ваше Превосходительство съ онымъ, прося затѣмъ принять увѣреніе моего къ Вамъ уваженія.

Константинъ.

13 Февраля 1820 года
Г. Варшава.

Господину Войска Донскаго Войсковому Атаману Генералъ-Лейтенанту Денисову 6-му.

Учредивъ подъ вашимъ предсѣдательствомъ Комитетъ, вами же предположенный, для соображенія предметовъ, долженствующихъ поспѣшествовать лучшему устройству, порядку и благодѣнствію храбрыхъ донскихъ казаковъ подъ сѣнію законовъ, опредѣляющихъ ясно ихъ права и обязанности, я надѣялся, что самая цѣль сего комитета будетъ ручательствомъ за успѣшныя его дѣйствія, а ваше званіе и тѣ первыя порывы усердія къ благу общему,

коимъ ознаменовали вы вступленіе во оное, не оставляли мѣста ни малѣйшему сомнѣнію. Вы сіе видѣли изъ указовъ вамъ данныхъ 10 Марта и 10-го Ноября, истекшаго года. Къ сожалѣнію послѣдствія не оправдываютъ моего ожиданія. Я извѣщаюсь только объ однихъ затрудненіяхъ, даже и по такимъ предметамъ, неукоснительное которыхъ разсмотрѣніе сообразно съ изъявленной Мною волею.—Не хочу думать, чтобъ сіе происходило отъ другой причины, кромѣ недоразумѣнія вашего, въ такомъ дѣлѣ, совершеніе коего должно возвысить славу Войска и немѣнее послужить къ собственной чести вашей; иначе я бы невольнымъ образомъ заключить долженъ, что ни ваше званіе, ни ваша прежняя служба, неимѣютъ болѣе права на Мою къ вамъ довѣренность въ семъ дѣлѣ: ибо оно слишкомъ важно, чтобъ могли въ немъ участвовать люди, равнодушные къ Благу Войска отличнаго, заслужившаго всю мою признательность.

Отлагать окончаніе въ комитетѣ предпринятыхъ уже дѣлъ, значитъ удалятся отъ благонамѣренной цѣли его учрежденія. Я на сіе не согласенъ. Но въ подтвержденіе изъявленной уже вамъ воли моей. Повелѣваю: немедленно занятся въ немъ разсмотрѣніемъ нынѣшней винной въ войскѣ продажи, умноживъ число его засѣданій, еже исполненіе повеленныхъ дѣлъ въ означенное время будетъ того требовать.

Генералъ-Лейтенанту Карпову и Генералъ-Маіору Черевкову, участвующимъ въ нынѣшнемъ винномъ откупѣ, не свойственно быть членами комитета: они были бы судьями въ дѣлѣ собственномъ Повелѣваю вовсѣ ихъ уволить отъ засѣданія въ комитетѣ, а на мѣста ихъ заступить вмѣмъ Генералъ-Маіорамъ Алексѣю Иловайскому 3-му и Дмитрію Кутейникову.

Положенія, въ комитетѣ сдѣланныя: 1-е о чрезвычайныхъ засѣданіяхъ по предмѣту винаго откупа, и 2-е о приглашеніи къ совѣщаніямъ онаго,—сверхъ помѣщаемыхъ нынѣ членамя Генералъ-Маіоровъ Иловайскаго 3-го и Кутейникова,—еще Генералъ-Маіоровъ Степана Грекова и Василья Сысоева; полковника Петра Тацына; подполковниковъ Федора Шамшева, Ивана Кирпичева и Войсковаго Старшину Якима Машлыкина: нахожу я полезными.

Приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ земли Войска Донскаго, въ должное повиновеніе своимъ помѣщикамъ, нахожу неразлучнымъ съ благосостояніемъ цѣлаго Войска, на которые труды комитета должны имѣть непосредственное вліяніе. Я нынѣ же возложилъ оное на члена Комитета, моего Генералъ-Адъютанта Чернышева. Вы должны ему содѣйствовать немедленнымъ удовлетвореніемъ тѣхъ требованій, кои признаетъ онъ за нужное сообщить вамъ.

Александръ.

С.-Петербургъ
28 Апрѣля 1820.

Милостивый Государь мой Андреянъ Карповичъ!

Получа письмо Вашего Превосходительства отъ 2-го Маія, я долженъ отвѣчать со всею откровенностію, свойственною моему прямодушію.

До сего времяни я былъ для Васъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ чуждый, посторонній. Ваше Превосходительство не имѣли со мною никакой переписки съ самаго вступленія вашего въ званіе войсковаго Атамана. Можете представить какъ я былъ изумленъ, увидя нынѣ, что вы нетолько пишите ко мнѣ, но избираете меня даже судіею дѣлъ вашихъ. Такая довѣренность во всякое время слишкомъ много сдѣлала бы мнѣ чести, чтобъ я съ благодарностію

отъ нее не отказался: тѣмъ рѣшительнѣе долженъ здѣлать сіе теперь, когда дѣйствія ваши обратили на себя справедливое негодованіе правительства.

Ежели бы и гораздо прежде угодно вамъ Милостивый Государь мой было знать по дѣламъ вашимъ мое мнѣніе, то я бы ничего болѣе совѣтовать немогъ, какъ стараться исполнять Высочайшую Всемилостивѣйшаго нашего Государя волю, объявленную вамъ чрезъ такого Генералъ-Адъютанта Его Величества, который заслужилъ къ себѣ полное довѣріе не только отъ васъ, но и отъ всѣхъ любящихъ Государя и отечество Увѣренъ, что тогда бы дѣла войска донскаго шли успѣшно и хорошо къ общему удовольствію. Не скрою наконецъ отъ вашего Превосходительства, что я всегда удивлялся и непонималъ тѣхъ, кои бывъ облечены отъ Государя въ важное званіе Начальниковъ, смѣшиваютъ себя съ людьми частными и пользы общія, Государственныя, съ видами корысти, на которой основаны, напримѣръ, дѣянія частныхъ откупщиковъ.

Надѣюсь, что Ваше Превосходительство любя, какъ говорите, правду конечно извините и мнѣ тѣ истины, кои съ симъ отвѣтомъ связаны, и позволите мнѣ просить себя объ увольненіи меня отъ такой переписки которая не можетъ уже, кажется не быть излишнею.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства покорный слуга
Графъ Аракчеевъ.

31 Маія 1820.
Его Пре-ву А. К. Денисову.

Полу. 31 декабря 1820 года, доложить. Докладывано 2-го генва. 1821-го.

Милостивый Государь мой Андреянъ Карповичъ,

Разсмотрѣвъ доставленную ко мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ выписку изъ журнала Комитета о устройствѣ войска Донскаго 29-го октября сего года, считаю нужнымъ сообщить вамъ, Милостивый Государь мой, что хотя въ журналѣ семъ я нахожу дѣйствительно нѣкоторыя колкія на счетъ вашъ выраженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу незамѣтить, что вы сами подали Комитету къ тому поводъ, сдѣлавъ въ оный такое отношеніе, которое имѣетъ видъ почти приказанія, и требуя въ противность Высочайше установленныхъ для комитета правилъ, чтобы изготовленныя къ рѣшительнымъ постановленіямъ дѣла, въ случаѣ небытности вашей въ комитетѣ, присылаемы были къ вамъ въ домъ преждѣ утвержденія положеній: по сей причинѣ не осталось мнѣ ничего болѣе, какъ отнестись къ члену Комитета Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Болгарскому, чтобы комитетъ въ журналахъ своихъ избѣгать всякой колкости, какъ останавливающей успѣхъ самаго дѣла, и изъяснялся бы съ должнымъ приличіемъ, что нынѣ мною и исполнено.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Вашего Превосходительства покорный слуга
Князь Д. Лобановъ-Ростовскій.

№ 10155
Декабря „14“ 1820.
Его Прев. А. К. Денисову.

Войска Донскаго Господину Генералъ-Лейтенанту Денисову 6-му.

Донесеніе ваше отъ 12-го Ноября истекшаго года я получилъ. Вниманіе мое къ долговременной службѣ вашей ознаменовано было назначеніемъ васъ Войска Донскаго, Войсковымъ атаманомъ.—Я Надѣялся что вы оправдаете такую довѣренность и съ неутомимою ревностію и безпристрастіемъ приведете въ исполненіе предположенія Мои нащетъ лучшаго устройства и благосостоянія Храбрыхъ Донскихъ Козаковъ. Желаніе Мое видѣть будущее благоденствіе отличнаго Войска сего основаннымъ на твердыхъ и незыблемыхъ правилахъ побудило меня утвердить Комитетъ подъ предсѣдательствомъ вашимъ, для яснаго изложенія Его правъ и обязанностей.

Извѣстясь между тѣмъ о вновь введенномъ питѣйномъ откупѣ на Дону, безъ испрошенія нато дозволенія Вышняго Правительства, совершенно не согласномъ съ дарованными Войску привиллегіями и довершившимъ нарушеніе оныхъ прежде уже сего допущенное, единственно по превратному истолкованію существующихъ узаконеній. Изъ уваженія къ вашему званію, Я повелѣлъ тому же Комитету, въ коемъ вы предсѣдательствовали, разсмотрѣть дѣло сіе и принявъ въ соображеніе всѣ мѣстныя обстоятельства, права и привиллегіи, представить мнѣ правила на коихъ часть сія, по мнѣнію членовъ онаго, существовать должна, не упуская изъ виду что бы доходъ съ оной падалъ уравнительно на всѣхъ Донскихъ обитателей. Вы присемъ случаѣ, не только открыто противились дѣйствію вышеозначеннаго Комитета; но даже не выполнили изъявленной вамъ Воли Моей въ такомъ дѣлѣ, при первомъ обозрѣніи коего Комитетъ Министровъ нашелъ въ ономъ разныя злоупотребленіи при заключеніи контракта, не соблюденіе должнаго притомъ порядка и незаконность представленныхъ залоговъ. Вникнувъ же нынѣ во всѣ подробности противузаконныхъ дѣйствій Войсковой Власти по сему дѣлу, столь не свойственныхъ съ прямою ея обязанностію, Комитетъ Министровъ находя необходимымъ немѣдленно отрѣшить васъ отъ исправленія настоящей вашей должности, представляетъ Мнѣ объ ономъ.

Сверхъ сего огласка въ непристойномъ видѣ Указа моего на имя ваше отъ 10-го Декабря 1819-го года вопреки прямаго смысла Моихъ повелѣній и словесныхъ и письменныхъ совѣтовъ до васъ дошедшихъ, была главною причиною столь необычайнаго развитія духа неповиновенія и своевольства между помѣщичьими крестьянами на Салу, и въ Міузскомъ Начальствѣ, недѣятельность же въ пресѣченіи дѣйствія сей неосторожной огласки и слабости въ мѣрахъ Войсковаго Правительства когда обнаружилось зло сіе, такъ же совершенно падаютъ на вашу отвѣтственность. На конецъ неосновательное сопротивленіе ваше по Дѣламъ Комитета, затрудняя на каждомъ шагѣ его дѣйствія и удаляя достиженія благотворительной цѣли его учрежденія, равно и замѣченныя безпорядки и упущенія по части рыбной ловли, во взиманіи питѣйнымъ откупщикомъ поборовъ сверхъ условія съ нимъ заключеннаго и вообще по военному и внутреннему управленію Войскомъ; къ сожалѣнію вынуждаютъ Меня, согласно съ представленіемъ Комитета Министровъ, во все уволить васъ отъ службы и повелѣть съ полученія сего всѣ дѣла по занимаемому вами званію, здать на законномъ основаніи, назначенному Мною Войска Донскаго Наказному атаману Генералъ-Маіору Иловайскому 3-му.

Александръ.

въ Г. Лейбахѣ
27 Генваря 1821.

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь!

Я отставленъ отъ службы, жить на свободѣ въ уединеніи и забвеніи; въ Италіи тѣмъ же былъ я угражаемъ,—чему причина зависть и злоба. Ежели казакъ украинецъ осмѣлился открыто бить регулярную пехоту и брать стремительнымъ нападеніемъ укрепленныя города казаками жъ, онъ долженъ неминуемо за сіе терпѣть. Нынѣ разсматривая строгимъ заключеніемъ себя нахожу, что я дѣйствительно виноватъ и потому только, что твердымъ голосомъ оправдывалъ справедливость, но и это надо причесть винѣ. Уволнть меня отъ службы слѣдовало, но по старости, чего весьма я и желалъ, а не съ обидою моей чести; я более сорока пяти лѣтъ служилъ и более нежели въ восмидесяти сраженіяхъ былъ, и всегда оставался побѣдителемъ. Покойный Графъ Платовъ, ненавидя фамилію Денисовыхъ и меня, но и завсемъ тѣмъ принужденъ былъ поручать мнѣ важнѣйшія занятія, а нынѣ я и незнаю вины моей. Усердіе же мое на пользу Государя Императора заставляло трудиться день и ночь, въ чемъ свидѣтельствуюсь, кромѣ завистниковъ которыхъ весьма мало, всѣмъ войскомъ, а чувствуя себя таковымъ и оставаяся въ твердомъ увѣреніи сего, я еще препоручаю себя въ покровительство Вашего Сіятельства и покорнѣйше прошу исходатайствовать у Великаго нашего Монарха, не службы и поста Атаманскаго, а Его милостивѣйшее, на долговремянную усердную и безпорочную службу мною, воззреніе.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Милостивѣйшій Государь, Вашего Сіятельства Покорнѣйшій слуга
Андреянъ Денисовъ.

26 Февраля 1821
Ново-Черкаскъ

Милостивый Государь мой, Андріанъ Карповичъ!

Въ пакетѣ на мое имя, конечно, по ошибкѣ отправителя, дошедшее до меня сего Марта 27-го числа письмо Вашего Превосходительства, отъ 26-го прошедшаго февраля, по содержанію своему мнѣ не принадлежащее, при семъ къ Вамъ возвращаю, имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства покорный слуга
Графъ Аракчеевъ

№ 45
С.-Петербургъ
29 Марта 1821 г.
Его Пр-ву А. К. Денисову.

Милостивый Государь мой Адріанъ Карповичъ!

На письмо ко мнѣ Вашего Превосходительства отъ 14-го минувшаго Генваря, коимъ просите меня довести до свѣдѣнія Государя Императора о вашей невинности,—имѣю честь отвѣтствовать вамъ, Милостивый Государь мой, что при всей готовности моей удовлетворить таковую просьбу вашу, я не нахожу къ тому возможности: ибо вы уволены отъ службы и преданы суду по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по положенію Комитета Гг. Министровъ за противузаконные поступки, найденные Комитетомъ по дѣлу о быв-

шемъ на Дону питейномъ откупѣ, но судъ сей, какъ надъ вами, такъ и надъ прочими бывшими членами войсковой канцеляріи, въ послѣдствіи высочайше повелѣно отложить до того времени, пока таковый же надъ ассесорами Золотаревымъ и Бобриковымъ, дьякомъ Прохоровымъ, повытчикомъ Котовымъ и бывшимъ откупщикомъ Слюсаревымъ совершенно не окончится. Послѣ чего Всемилостивѣйше дозволено Г. Генералъ-Адъютанту Чернышеву войти съ представленіемъ на щетъ Вашъ и другихъ лицъ, надъ которыми судъ остановленъ. По всему оному я не въ правѣ нынѣ свидѣтельствовать о вашей невинности.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Вашего Превосходительства покорнѣшій слуга
Князь Д. Лобановъ-Ростовскій.

№ 1166
9 Февраля 1826 года.
Его Пре-ву А. К. Денисову.

Милостивый Государь.
Андріанъ Карповичъ!

По случаю принесеннаго Вашимъ Превосходительствомъ на Высочайшее имя прошенія объ освобожденіи васъ по Всемилостивѣйшему Манифесту отъ суда по дѣлу о бывшемъ на Дону винномъ откупѣ, въ слѣдствіи Высочайшей воли, по порученію Г-на Управляющаго Главнымъ Штабомъ Его Величества имѣю честь увѣдомить васъ, что какъ дѣло сіе производится въ Правительствующемъ Сенатѣ, то и должны вы ожидать отъ онаго общаго какъ объ васъ, такъ и о прочихъ прикосновенныхъ лицахъ, рѣшенія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Милостивый Государь
Вашего Превосходительства покорный слуга
Алексѣй П...

№ 319
3 Марта 1827 г.
С.-Петербургъ.
Его Превосходительству
А. К. Денисову.

II.

Письма Ѳ. Глинки къ И. И. Хатову.

Милостивый Государь
Иванъ Ильичъ!

Сей часъ освѣдомился я, стороною, что Его Императорское Высочество затрудняется сдѣлать или утвердить обо мнѣ представленіе по той только причинѣ, что одному чиновнику нельзя быть на двухъ окладахъ, т. е. удержать за собою все свое по чину и получить, что слѣдуетъ, по мѣ-

ст у. Если только за этимъ дѣло, то горю пособить еще можно. До сихъ поръ дѣйствовалъ благодѣтельный Графъ Петръ Петровичъ, который, какъ добрый геній, отыскалъ меня и хотѣлъ сблизить съ собою; теперь настаетъ минута мнѣ дѣйствовать и показать: достоинъ ли я высокаго вниманія Графа и могу ли оправдать его мнѣніе. По милости Божіей, испытаніе со стороны корысти (а говоря свѣтскимъ нарѣчіемъ: со стороны интереса) для меня неважно. Рожденный въ бѣдности я, до 32-лѣтняго возраста, все ходилъ съ нею рука объ руку по тернистымъ путямъ жизни. И такъ бѣдность мнѣ своя, а корысть всегда была чужою. Повѣрьте, почтеннѣйшій! еслибы я захотѣлъ жить нетѣмъ чѣмъ должно, а чѣмъ можно... то въ 4-хъ лѣтнее служеніе при графѣ М-чѣ имѣлъ бы вѣрно до 60.000 рублей; это могу доказать актуально. Я теперь ничего (въ полномъ смыслѣ сего слова) неимѣю, кромѣ ясности душевной!

Послѣ сего предисловія, скажу (вамъ) откровенно, что я согласенъ перейти къ вамъ съ тѣмъ, что теперь за мною, т. е. съ жалованьемъ по чину и столовыми деньгами, которыми я пользовался бывши и у Г. Сипягина. Въ двухъ словахъ: свое съ собой несу. Но если и за этимъ затруднятся, то, желая соотвѣтствовать вполнѣ ласкамъ и привѣту Графа Петра Петровича, я даю ему полную довѣренность уступать сколько потребуютъ и принять меня на чемъ ему угодно. Покоряясь произволу добродѣтельнаго начальника, я вѣрю, что покоряюсь самому Провидѣнію. Потеряю экипажъ? есть ноги! Буду получать нѣсколькими тысячами менѣе?—есть умѣренность! Для юношества нужны не слова, а примѣры: я буду имѣть счастіе показать собственнымъ, какъ должно презирать корысть, привязывающую безсмертную душу человѣка къ сей мертвой землѣ и ея мутнымъ наслажденіямъ. Въ душѣ моей, я служу Тому, кто сказалъ: «Царство мое несть отъ міра сего!» Въ тишинѣ душевной, я найду себѣ такое богатство, котораго земля ни дать, ни похитить не можетъ. Вотъ мои мысли, мои чувства! Сердце мое излилось въ этихъ строкахъ: я готовъ положить ихъ предъ испытующимъ взоромъ Вѣчнаго. Мимо пройдетъ шумъ страстей и клеветы: чистое останется чистымъ!—«Покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ!» сказалъ Спаситель. Такъ, по дѣламъ, а не по злорѣчію сильныхъ, надо судить человѣка неимѣющаго ни связей, ни опоры. Но я слишкомъ записался... Извините! Будьте довольны и счастливы! сего желаетъ любящій васъ

Ѳедоръ Глинка.

14-го генваря
въ 2½ часа пополудни.

P. S. Прочитайте надпись на моей печати: «Терплю, укрѣпляясь въ вѣрѣ, надеждѣ и любви!»

Почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ!

Уважая 2-ой кадетскій корпусъ и служащихъ въ оном, могу ли не принять, съ уваженіемъ, и мундиръ сего корпуса? Вынужденный симъ случаемъ, скажу уже вамъ откровенно, что я потому только не хотѣлъ оставлять гвардейскаго мундира и гвардейской линіи, по которой въ полковничьемъ чинѣ иду 4 года, чтобъ, какъ-нибудь, не загородить собою линіи почтеннѣйшихъ полковниковъ 2-го кадетскаго корпуса, изъ коихъ многіе старше меня всемъ. Еслижъ настоитъ необходимость, я ей непротивлюсь; ибо имѣю правило: ни на что не напрашиватся и ни отъ чего неотказыватся, съ упрямствомъ. Итакъ, предаю судьбу мою въ руки благодѣтельнаго графа! Если вѣрить, такъ вѣрить, если полагатся, такъ полагатся вполнѣ! Вотъ мой отвѣтъ. Но письмо это написано слишкомъ наскоро и неопрятно: Оставте его только для собственнаго вашего свѣдѣнія!

Я бы осмѣлился попросить объ одномъ: нельзя ли уже кончить всего этаго поскорѣе? Нерѣшимость томитъ душу. Будьте покойны и счастливы, сего желаетъ вамъ весь вашъ

15 утромъ. Ѳедоръ Глинка.

Сообщ. **Д. Гофштеттеръ.**

III.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

Во вторникъ іюня 25 дня 1745 года.

ИЗЪ ПЕТЕРГОФА ІЮНЯ 21 ДНЯ.

Его Величество Король Польскій и Курфирстъ Саксонскій, нынѣшней въ Германской имперіи въ земляхъ къ Саксонскому праву принадлежащихъ Викаріусъ, надлежащимъ и конституціями имперскими установленнымъ образомъ совершеннолѣтствіе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Всероссійскаго, яко владѣющаго Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго въ наслѣдныхъ Его Императорскаго Высочества родительскихъ Голштинскихъ земляхъ призналъ, и потребной на то дипломъ для поднесенія ея императорскому величеству, на сихъ дняхъ къ своему здѣсь пребывающему Тайному посольства Совѣтнику и резиденту господину Пецолду прислалъ, которой для того сего мѣсяца 17 числа предъ полуднемъ въ Петергофѣ къ ея императорскому величеству, въ присудствіи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя, на приватную аудіенцію допущенъ, при чемъ Саксонской Комисіонъ-Совѣтникъ Функъ несъ на золотомъ блюдѣ дипломъ о совершеннолѣтствіи, а Резидентъ Пецолдъ ея императорскому величеству говорилъ нижеслѣдующую рѣчь, на которую, высочайшимъ ея императорскаго ве-

личества именемъ, Государственный Канцлеръ Его Сіятельство Графъ Бестужевъ-Рюминъ отвѣтствовалъ; послѣ чего онъ Резидентъ взявъ дипломъ съ блюда, оной поднесъ ея императорскому величеству; ея жъ величество Его Императорскому Высочеству соизволила отдать, а Его Высочество Оберъ-Маршалу Графу Бриммеру, и въ тоже время Государыня императрица, Государя Великаго Князя обнявъ поздравила. Потомъ внѣ присудствія ея императорскаго величества, онъ Резидентъ къ Его Императорскому Высочеству поздравительную рѣчь говорилъ, на что Его Императорское Высочество самъ отвѣтствовать изволилъ. По окончаніи аудіенціи Его Императорскому Высочеству принесены поздравленія отъ всѣхъ находящихся тогда въ Петергофѣ знатныхъ особъ, и Резидентъ Пецолдъ того дни обѣдалъ при Ихъ Императорскихъ Высочествъ столѣ, во время котораго пристойные здоровьи питы при пушечной стрѣльбѣ, а Комисіонъ Совѣтникъ Функъ при столѣ Оберъ Маршальскомъ.

Рѣчь къ ея императорскому величеству отъ Резидента Пецолда говоренная на Нѣмецкомъ языкѣ:

Его Королевское Величество, мой всемилостивѣйшій Государь, ничего болѣе не ищетъ, ниже желаетъ, какъ частой случай имѣть, дабы ваше императорское величество о Своей совершеннѣйшей преданности и высокопочитаніи вящще и вящще удостовѣрить; и потому сколь скоро только Онъ увѣдомился, что вашему императорскому величеству не непріятно будетъ, ежели Онъ яко нынѣшней имперской Викаріусъ Его Императорское Высочество Великаго Князя, яко Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго совершеннолѣтнымъ объявитъ, то Онъ ко мнѣ сей для того въ обыкновенной формѣ изготовленной дипломъ, съ такимъ всемилостивѣйшимъ указомъ прислалъ, чтобъ оной по нижайше изпрошенномъ къ тому позволеніи вашему императорскому величеству подать. Его Королевское Величество съ толь большею готовостію сіе учинилъ; ибо къ тѣмъ преизящнымъ качествамъ, которыми природа Его Императорское Высочество Великаго Князя одарила, и то присовокупляется, что Онъ предъ очьми вашего императорскаго величества, слѣдовательно же такой Монархини пребываетъ, которая всему свѣту совершеннѣйшей примѣръ добродѣтели, премудрости и разума подаетъ. Причемъ же Его Королевское Величество повелѣваетъ, свое истиннѣйшее желаніе о благополучіи вашего императорскаго величества повторить, и въ тожъ время наиприлѣжнѣйше просить, чтобъ ваше величество, а особливо при нынѣшнихъ дальновидныхъ конюнктурахъ, такъ какъ по сіе время склонною пріятельницею и сильною защитительницею Его Величества быть изволили.

ваше императорское величество позволите, чтобъ я въ превысочайшую щедрость и милость съ глубочайшею униженностію себя самого препоручить дерзнулъ.

Отвѣтъ высочайшимъ именемъ ея императорскаго величества, на оную рѣчь учиненной чрезъ Его Сіятельство Государственнаго Канцлера, Графа Бестужева-Рюмина, на Россійскомъ языкѣ:

Воспріятое намѣреніе Его Величествомъ Королемъ Польскимъ яко нынѣшнимъ Римской имперіи Викаріусомъ, Его Императорское Высочество Великаго Князя Всероссійскаго, какъ Герцога Голштинскаго по важнымъ къ тому побудительнымъ причинамъ совершеннолѣтнымъ объявить, ея императорскому величеству Всероссійской неинако, но служитъ ко особливой благодарности, которой ея величество, такъ какъ до нынѣ, при всякихъ случаяхъ истиннѣйшіе опыты Его Королевскому Величеству подавать крайнѣйше стараться изволитъ.

Рѣчь къ Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Всероссійскому:

Коль больше высокопочитаніе Его Королевскаго Величества моего всемилостивѣйшаго Государя къ высокой персонѣ Вашего Императорскаго Высочества, толь вящше Онъ радовался, во свидѣтельство того и нынѣшнее свое Имперское викаріатство къ тому употребить, дабы совершеннолѣтство яко Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, до котораго Ваше Императорское Высочество, Вашими отличными души и разума качествами уже давно достигли, объявить еще и чрезъ дипломъ, которой я ея величеству Императрицѣ поднесть честь имѣлъ. Его Королевское Величество притомъ мнѣ повелѣлъ наисильнѣйшее обнадеживаніе присовокупить, что яко Онъ взаимно отъ Вашего Императорскаго Высочества всякой склонности и дружбы уповаетъ, тако Онъ никакого случая не пропуститъ, чтобъ Ваше Высочество о сихъ Его сентиментахъ еще далѣе не удостовѣрить.

Яже съ моей малой стороны дерзая мое нижайшее поздравленіе Вашему Императорскому Высочеству принести, себя въ Вашу милость и протекцію наіуничиженнѣйше препоручаю.

Отвѣтъ, который Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь на оную рѣчь Самъ на Нѣмецкомъ языкѣ учинить изволилъ.

Его Королевскому Величеству Польскому, яко Курфирсту Саксонскому и нынѣшнему Римской имперіи Викаріусу, Я за данной для Меня о совершеннолѣтствѣ дипломъ весьма Себя обязаннымъ признавая, никакого случая не упущу. Его Величество о Моей всегда къ Нему имѣющей особливой преданности и высокопочитаніи наикрѣпчайше удостовѣрить.

IV.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

Въ пятницу ноября 22 дня 1745 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ НОЯБРЯ 18 ДНЯ.

Вчерашняго числа предъ полуднемъ Королевско-Прусской Полномочной Министръ, баронъ Мардефельдъ, сперва къ ея императорскому величеству, для подачи поздравительной грамоты Короля, Государя его, во отвѣтъ на здѣшнюю нотификацію о благополучно совершившемся Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Великаго Князя и Государыни Великой Княгини, брачномъ сочетаніи, а потомъ къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ на аудіенціи допущенъ, и при такомъ случаѣ отправилъ слѣдующія поздравительныя рѣчи:

Рѣчь къ ея императорскому величеству держанная на Нѣмецкомъ языкѣ:

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАЯ, ДЕРЖАВНѢЙШАЯ И НЕПОБѢДИМѢЙШАЯ ИМПЕРАТРИЦА!

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ИМПЕРАТРИЦА И ГОСУДАРЫНЯ!

Имѣющая отъ Его Королевскаго Величества Прусскаго, моего всемилостивѣйшаго Государя, къ вашему императорскому величеству вѣрная дружба и совершеннѣйшая преданность побуждаютъ Его Величество во всемъ томъ, что къ умноженію вашего императорскаго величества славы, благополучія и удовольствія касается, толикоежъ участіе принимать, якобы Ему Самому то случилось; слѣдовательноже Онъ о щастливо совершившемся супружествѣ обоихъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, о чемъ ваше императорское величество Его Королевскому Величеству нотификацію учинить соизволили, сердечную радость возъимѣлъ. И тако Его Величество онымъ высокимъ брачнымъ сочетаніемъ наиобязательнѣйше поздравляетъ, желая, чтобъ всемогущій Богъ Великокняжескія сочетавшіяся Особы изобильнѣйшимъ Своимъ благословеніемъ къ приращенію вашего императорскаго величества Императорскаго Дома и для всегдашняго процвѣтанія вашихъ государствъ и земель одарить, а Высочайшую вашего императорскаго величества Особу даже до позднѣйшихъ лѣтъ человѣческой жизни при всякомъ удобвымышленномъ удовольствіи содержать благоволилъ, какъ то въ сей Королевской грамотѣ пространнѣе изображено, кою я имѣю честь съ глубочайшимъ респектомъ подать, и себѣ неоцѣненную вашего императорскаго величества милость всенижайше испросить.

Отвѣтъ высочайшимъ именемъ ея императорскаго величества на оную рѣчь учиненной чрезъ Его Сіятельство Канцлера, Графа Бестужева-Рюмина, на Россійскомъ языкѣ:

Государыня Императрица, какъ сумнѣваться не изволила о томъ соучастіи, съ которымъ Его Величество Король Прусской учиненную Ему нотификацію о происшествіи брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя и Великой Княгини услышалъ, такъ къ наиобязательнѣйшему ея императорскаго величества признанію служитъ, учиненное отъ Его Королевскаго Величества о томъ поздравленіе, и повторительное чрезъ господина полномочнаго Министра обнадеживаніе о сказанныхъ при семъ случаѣ склонныхъ Королевскихъ сентиментахъ.

Рѣчь къ Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Всероссійскому, держанная на Французскомъ языкѣ:

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Король пріемля искреннее участіе во всемъ, что до Вашего Императорскаго Высочества касается, повелѣлъ мнѣ Васъ имянемъ Своимъ, и самыми изобразительными словами поздравить, по случаю брака Вашего Императорскаго Высочества съ Государынею Великою Княгинею. Радость, которую Король отъ толь желаемаго происшествія восчувствовалъ, есть слѣдствіе тѣхъ сентиментовъ, почтенія и дружбы наполненныхъ, которые Онъ къ Вашему Императорскому Высочеству имѣетъ, и которые желаніе въ немъ возбуждаютъ, дабы Всевышшій всѣ Божественные Свои на Ваше Императорское Высочество благословеніи изліять благоволилъ, такъ чтобъ Вы совершеннымъ щастіемъ пользовалися, и чтобъ потомство Ваше благополучіемъ сей обширной имперіи было даже до скончанія вѣка. Король будучи обнадеженъ, что Вы, яко Внукъ Петра Великаго, и Сынъ усыновленный Великія Сѣверныя Героини, со тщаніемъ по стопамъ Ихъ слѣдовать будете; Онъ же ласкаетъ себе, что Вы Ихъ примѣру подражать не оставите, особливо въ томъ, что принадлежитъ до тѣснаго между обоими областьми соединенія, основаннаго на согласіи интересовъ, которые во всемъ почти равны. Героическіе Вашего Императорскаго Высочества качества, кои толь много съ качествами Короля, Государя моего, согласуются, подаютъ мнѣ надежду, что Вы мнѣ позволите Его Величество точно обнадежить, что Ваше Императорское Высочество ожиданіе Его исполните.

Отвѣтъ Высокимъ именемъ Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя, на оную рѣчь, учиненной чрезъ Камергера Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини, Князя Голицына на Французскомъ языкѣ:

Государь Великій Князь, признавая съ наипочтительнѣйшими сентиментами то участіе, которое Его Величество Король Прусской изволилъ принять въ происшествіяхъ до Его Императорскаго Высочества касающихся, главнѣйше

же по случаю брака Его съ Государынею Великою Княгинею Всероссійскою, не престанетъ и Самъ интересоваться въ славныхъ Его Величества дѣйствахъ, такожде и поспѣшествовать все, что отъ Него зависитъ, къ удовольствію Его Величества.

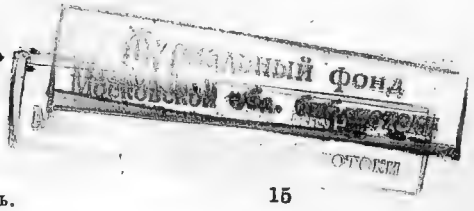
Рѣчь къ Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Всероссійской, держанная на Французскомъ языкѣ:

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Высокопочитаніе меня удерживаетъ Вашему Императорскому Высочеству изображать тѣ высокіе Ваши качества и совершенства, которые, однакожъ Ваше проницаніе, не взирая на Ваше смиреніе, невѣдать вамъ никако не дозволитъ, и потому имѣю я токмо честь имянемъ Королевскимъ обнадежить, что въ слѣдствіе отличнаго почтенія, и дражайшія дружбы къ Вашему Императорскому Высочеству имѣющихъ, съ несказанною радостію Онъ извѣстіе получилъ о совершеніи Вашего брака съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Всероссійскимъ. Онъ Васъ тѣмъ, Государыня! отъ всего Своего сердца поздравляетъ. Всемогущій Боръ да благословитъ сіе изрядное сочетаніе такимъ образомъ, чтобъ оное было неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ радостей, щастій и благополучій, и чтобъ обширнѣйшая во всемъ свѣтѣ имперія, наипознѣйшіе вѣки, восчувствовать могла, полезные дѣйства того избранія, которое высокая мудрость, нынѣ славно государствующей Императрицы, въ Вашей удивленія достойной особѣ учинила.

Отвѣтъ, высокимъ имянемъ Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини, на оную рѣчь учиненной чрезъ Ея Камергера, Князя Голицына на Французскомъ языкѣ:

Поздравленіе господиномъ полномочнымъ Министромъ учиненное, имянемъ Короля Государя своего Государынѣ Великой Княгинѣ, имѣетъ Ея толь вящше ласкать, что оное изображаетъ сентименты Великаго Короля, и такого Принца, къ дому котораго Она природою принадлежать честь имѣетъ, и Ея Императорское Высочество съ особливымъ удовольствіемъ поспѣшествовать будетъ, во всемъ, что отъ Нея зависѣть можетъ, къ содержанію тѣснаго соединенія и благополучнаго согласія, которые отъ толь давнаго времяни между обоими дворами продолжаются.


Исторический фонд
Московской обл.
ОТДЕЛ

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1894 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стран.
I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго Главы I—XVI, январь стр. 1—61, февраль 1—45, мартъ 1—38, апрѣль 36—59, май 1—28, іюнь	33— 62
II. За полстолѣтія 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ. Часть первая. Гл. I—V. Часть вторая. Гл. VI—VII. Доктора А. И. Ильинскаго, январь стр. 62—100, февраль 46—69, мартъ 39—62, апрѣль 1—35, май 29—51, іюнь	1— 32
III. Изъ воспоминаній А. А. Харитонова, январь стр. 101—132, февраль 96—120, мартъ 63—93, апрѣль 124—156, май . .	170—201
IV. Записки М. Я. Ольшевскаго. Кавказъ съ 1841—1866 гг. Части вторая и третья, гл. I—II, январь стр. 133—182, февраль 131—171, іюнь	63— 94
V. За много лѣтъ. Воспоминанія Неизвѣстнаго, февраль стр.	172—190
VI. Записки Мухаммеда-Неджати-эфенди,	

стр.

турецкаго плѣннаго въ Россіи въ 1771—1775 гг. Профес. В. Д. Смирнова, мартъ стр. 113—134, апрѣль 179—208, май. . . 144—169

VII. Записки Д. И. Ростиславова, профессора С.-Петербургской духовной академіи, гл. XXXVI—XXXVII, іюнь . . . . . 95—119

Портреты.

I. Портретъ В. А. Инсарскаго. Грав. И. И. Матюшинъ. (При 1-й книгѣ).

II. Портретъ А. С. Даргомыжскаго. Грав. въ Лейпцигѣ Геданъ. (При 2-й книгѣ).

III. Портретъ Г. А. Леера. Грав. К. Адтъ (При 3-й книгѣ).

IV. Портретъ Н. А. Корфа. Грав. К. Адтъ. (При 4-й книгѣ).

V. Портретъ Юрьевск. архим. Фотія. Грав. Л. Сѣряковъ. (При 5-й книгѣ).

VI. Портретъ И. А. Чистовича Грав. К. Адтъ. (При 6-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Къ исторіи русскаго раскола. I. Свѣтопреставленіе. — II. Дѣяніе Бѣлокриницкаго собора въ 1846 г.—III. Замѣчанія и соображенія, служащія къ опроверженію дѣянія Бѣлокриницкаго монастыря въ каноническомъ смыслѣ власти лжеепископовъ. Сообщ. П. Л. Юдинъ, январь. 183—196

стр.

II. Итальянскіе историческіе документы о Россіи К. Шварсалона, январь . . . . . 197—203
III. Къ исторіи Крутицъ въ Москвѣ. Свящ. В. Жмакина, январь . . . . . 204—209
IV. Соликамскія преданія. I. Бритье бородъ.—II. Соликамскій воевода и разбойники.—III. Случай. Сообщ. М. А. Коѣстанскій. январь . . . 210—214
V. Выписка изъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, къ В. Д. О. о столоверченіи, январь . . . . . 214—217
VI. Екатерина II и графъ Румянцовъ. Сообщ В. А. Бильбасовъ, февраль 70—95, мартъ 94—112, апрѣль 157—178, май . . . . . 76— 90
VII. Петръ Великій и Вальтеръ-Скотты-могильщики. Н. Н. Соколова, февраль 191—209, мартъ. 164—192
VIII. А. С. Даргомыжскій. По поводу 25-ти-лѣтія со времени смерти, февраль . . . . . 210—211
IX. Дѣло о чародѣйствѣ во второй половинѣ XVIII вѣка. А. Голомбіовскаго, февраль . . . 238—244
X. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга первая, мартъ 135—163, апрѣль 99—123, май. . . . . 91—114
XI. Баловень счастья (эпизодъ изъ русской исторіи конца XVIII вѣка). Н. Л. Ширяева, мартъ . 193—205
XII. Изъ бумагъ стараго помѣщика. I—II. Наставленіе сыну моему Н. М. Палицыну.—III. Наказъ сыну моему Н. М. Палицыну. Сообщ. М. Лопатина, мартъ . . . . . 206—214
XIII. Преосвященный полонофилъ (эпизодъ изъ временъ польскаго возстанія 1831 г.) Сообщ. А. В Арсеньевъ, мартъ . . . . . 215—222
XIV. Бытовыя черты XVII вѣка. Сообщ. Н. Оглоблинъ, мартъ . . . . . 223—236
XV. Генрихъ Антоновичъ Лееръ. По поводу 35-тилѣтія литературной и профессорской дѣятельности, мартъ . . . . . 237—239
XVI. Переписка объ одной трети копѣйки. Сообщ. графъ К. Н. Ламздорфъ, мартъ 240
XVII. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. М. Л. Шесковскаго, апрѣль 60—98, май 115—143, іюнь 135—202

стр.

XVIII. Тридцать третія годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-е февраля—1894 г., апрѣль. 229—236

XIX. Письмо кіевскаго военнаго губернатора М. А. Милорадовича черниговскому губернскому предводителю дворянства Н. М. Стороженкѣ, апрѣль 237

XX. Царь Иванъ IV Грозный и папа Григорій XIII. Г. Воробьева, май . . . . . 52— 75

XXI. Письма Растопчина, Нелидова, Каховскаго и Ливенъ къ Ивану Петровичу Ляпунову. Изъ бумагъ А. И. Ляпунова. Сообщ. Д. Гофштеттеръ, май . . . . . 231—233

XXII. Пять рескриптовъ императора Павла I къ Ивану Петровичу Ляпунову. Изъ бумагъ А. И. Ляпунова. Сообщ. Д. Гофштеттеръ, май . . . 233—234

XXIII. Челобитная императору Петру I, поданная въ 1718 г. дѣвкою Аграфеною Тимоѳеевой дочерью Ляпуновою. Изъ бумагъ А. И. Ляпунова. Сообщ. Д. Гофштеттеръ, май. . . . . 234—235

XXIV. Письмо графа К. Толя къ А. И. Хатову, май. 235—236

XXV. Очеркъ изъ исторіи религіознаго мистицизма въ царствованіе Александра I. И. А. Чистовича, іюнь . . . . . 120—134

XXVI. Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, іюнь . . . 203—204

XXVII. Донской атаманъ Денисовъ. Сообщ. Л. М. Савеловъ, іюнь. . . . . 205—218

XXVIII. Письма Ѳ. Глинки къ И. И. Хатову, іюнь . . 218—220

XXIX. Прибавленіе къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. Во вторникъ, іюня 25 дня 1745 года, іюнь . . . . . 220—222

XXX. Прибавленіе къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. Въ пятницу, ноября 22 дня 1745 года, іюнь . . . . . 223—225

Обозрѣніе историческихъ журналовъ и статей.

I. «Кіевская Старина» 1893 года. Особенности организаціи и карательныя мѣры въ Запорожьи.—Гайдамацкія движенія въ XVIII столѣтіи и уча-

стр.

стіе въ нихъ монаховъ кіевскихъ монастырей.— Состояніе бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго столѣтія. — Духовныя училища: Армейская и Александро-Невская семинаріи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — С.-Петербургская духовная академія и ея знаменитые преподаватели: Иннокентій, Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, Г. П. Павскій и Григорій, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій.— Гражданскія учебныя заведенія: Зеньковское повѣтовое училище, Полтавская гимназія и Кременецкая гимназія, переименованная потомъ въ лицей. Н. Ѳ. Д—ина, февраль . . . . . 212—237

II. Отношенія Петра Великаго къ расколу.—Императрица Екатерина I по документамъ вѣнскаго архива.—Вопросъ объ избраніи кн. Меншикова герцогомъ курляндскимъ.—Учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта.—Кругъ его дѣятельности.— Кабинетъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.— Конференція при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.—Совѣтъ «въ высочайшемъ присутствіи» при Екатеринѣ II. Н. Ѳ. Д—ина, мартъ. . . 241—264

III. Петръ Великій во Франціи.— Евреи въ Россіи и законоположенія, до нихъ относящіяся.— Дипломатическія сношенія передъ войною съ Турціею въ 1877—1878 гг. (Путь къ Берлинскому трактату). Н. Ѳ. Д—ина, апрѣль. . . . . 209—228

IV. Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVIII вѣка («Кіевская Старина» №№ 1 и 2).—Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году («Историческій Вѣстникъ» № 3).—Исторія евреевъ въ Россіи («Русскій Архивъ» №№ 3 и 4). Н. Ѳ. Д—ина, май. 202—230

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. Сост. Н. А. Орловъ. Спб. 1892 г. (На оберткѣ январьской книги).
2 Севастопольскій разгромъ. Воспоминанія участника славной обороны

Севастополя. М. А. Врочепскаго. Кіевъ 1893 г. 256+IV стр. Цѣна 1 рубль (тамъ же).

3. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. I Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ В. А. Мякотина. Ц. 25 к. (на оберткѣ февральской книги).
4. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. II. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова и многими рисунками. III. А. С. Пушкинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ Пушкина и многими рисунками (на оберткѣ мартовской книги).
5. Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Сост. К. А. Ивановъ. Изд. 2-е, исправл., цѣна 80 к. (тамъ же)
6. Сборникъ Пензенскаго губернскаго статистическаго комитета. Изданіе Комитета подъ редакціею секретаря В. П. Попова. Выпускъ I. Пенза. 1893 г. Цѣна 50 к. Выпускъ II. 1894 г. Цѣна 30 к. (тамъ же).
7. Л. М. Савеловъ. Опытъ библіографическаго указателя по исторіи и генеалогіи россійскаго дворянства (корректурное изданіе). Москва, 1893 г. 156 стр. +II (тамъ же).
8. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. IV. С. П. Боткинъ, его жизнь и медицинская дѣятельность. Біографическій очеркъ доктора А. Н. Бѣлоголоваго. Съ портретомъ Боткина, гравир. К. Адтомъ (на оберткѣ апрѣльской книги).
9. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ V. Судебныя рѣчи (1867 — 1874). Спб. 1893 г. 355+II (тамъ же).
10. П. А. Гейсманъ. Оборона Севастополя. По поводу сочиненія П. Алабина: Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—1856 и 1877—78 годахъ. Часть III. Защита Севастополя (1854—1856) Спб. 1893 Цѣна 30 к. (на оберткѣ майской книги).
11. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VI. Судебныя рѣчи (1875—1882). Спб. 1894 г. (тамъ же).
12. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. V. П. А. Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Л. К. Дитерихса. Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній (на оберткѣ іюньской книги).
13. Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго. 1876 — 1887. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1893. Съ портретомъ князя П. П. Вяземскаго. 644 стр. (тамъ же).
14. По бѣлу-свѣту. Очерки и картинки изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта доктора А. В. Елисѣева. Съ иллюстраціями академика Н. С. Самокишъ, художниковъ: Е. П. Самокишъ-Судковской, В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. С. Полякова и др. Спб. 1893 г. Томъ 1-й. 374+4 (тамъ же).

Вышли и разосланы подписчикамъ I—IV выпуски шестаго тома

И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА СЛѢДУЮЩІЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО РОСКОШНАГО ИЗДАНІЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи **К. К. Сентъ-Илера.**

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Лёше при содѣйствіи доктора Гааке.

☞ **ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ** безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго нѣмецкаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по **6** р., съ перес. **6** р. **50** к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ **ДЕСЯТИ ТОМАХЪ**, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на полученіе **ШЕСТАГО** *тома, который будетъ разосланъ въ Іюль 1894 года, высылаютъ нынѣ же* 5 *руб., съ пересылкой* 5 *руб.* **50** *коп. Въ отдѣльной продажѣ* **ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ ТОМЫ** *стоятъ* 6 *руб., съ пересылкою* 6 *руб.* **50** *коп.*

Чтобы дать возможность каждому пріобрѣсти это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ шестой томъ *получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:*

1) При подпискѣ вносится **1** руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній **ШЕСТОЙ** выпускъ будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО.**

Для служащихъ допускается разсрочка, со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на **слѣдующіе томы.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39 и въ Москвѣ, въ магазинѣ Картографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія линіи № 17.

☞ **Подписывающіеся на VI томъ** изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпусковъ не получаютъ ☜

Подписывающіеся теперь же на шестой томъ могутъ подписаться и на первые пять томовъ, при чемъ какъ за первый, такъ за второй, третій, четвертый и пятый томы высылаютъ по 5 руб. 50 коп. съ пересылкою.

☞ Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплетахъ съ кожанымъ корешкомъ и углами приплачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фун.

рилловой книги. III. Братчины, какъ среда для распространенія Бесѣды.—Текстъ Бесѣды. Вопросы и отвѣты).—Рукописный сборникъ, принадлежащій г. Суворову.—А. С. Пушкинъ. 1816—1837. По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ (I. Выдержки изъ писемъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ, кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева. II. Изъ біографіи О. С. Павлищевой, написанной сыномъ ея, Л. Н. Павлищевымъ. III. Записки графа Корфа. IV. Время съ 1822 по 1825 годъ. V. 1826—1837 гг.—Пушкинъ и Скобельцынъ).—Монастыри на Ладожскомъ и Кубенскомъ озерѣ.—Сборникъ графа А. В. Бобринскаго.—О запискѣ Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверитинова.—Иконописный подлинникъ краткой редакціи.—Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль въ 1840 г.

Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно: на отличной слоновой бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; портретъ князя Вяземскаго исполненъ превосходно.

По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта доктора А. В. Елисѣева. Съ иллюстраціями академика Н. С. Самокишъ, художниковъ: Е. П. Самокишъ-Судковской, В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина и В. С. Полякова и друг. Спб. 1893 г. Томъ 1-й. 374+4 стр.

Нельзя не быть признательнымъ редакціи журнала „Природа и Люди“ за счастливую мысль — дать въ видѣ безплатнаго приложенія къ своему журналу за прошлый годъ — очень интересный трудъ извѣстнаго путешественника и писателя д-ра А. В. Елисѣева. Трудъ этотъ представляетъ собою довольно полный и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатый очеркъ многочисленныхъ экскурсій автора, написанный прекраснымъ литературнымъ языкомъ и довольно обильно украшенный иллюстраціями выдающихся художниковъ.

Среди картинъ природы и описанія различныхъ странъ, авторъ, не обременяя и не разсѣявая вниманія читателя, вставляетъ нѣкоторыя научныя данныя, дѣлаетъ ссылки на свои спеціальныя замѣтки и статьи. Относительно научныхъ изысканій, впрочемъ, самъ авторъ въ предисловіи оговаривается, что онъ не можетъ похвалиться особымъ обиліемъ полученныхъ результатовъ. „Нерѣдко приходилось мнѣ слышать даже отъ людей серьезныхъ и стоящихъ во главѣ науки о недостаточности моихъ научныхъ результатовъ и коллекцій, но это обвиненіе падаетъ само собою при разсмотрѣніи матеріальныхъ условій всѣхъ моихъ путешествій“. Путешествовать же автору, по его словамъ, приходилось въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: пробираясь обыкновенно въ одиночку или съ однимъ проводникомъ, нерѣдко неся на себѣ весь свой багажъ, дѣлая цѣлыя сотни верстъ пѣшкомъ, частенько голодая, не говоря уже объ отсутствіи всякаго комфорта, которымъ болѣе или менѣе обставляютъ себя почти всѣ экскурсанты. При такихъ условіяхъ, конечно, немыслимо было и думать о съёмкахъ, барометрическихъ наблюденіяхъ, фотографированіи видѣнныхъ народовъ и странъ, а тѣмъ болѣе о коллектированіи, и все-таки въ трудѣ д-ра Елисѣева мы находимъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ, преимущественно антропологическихъ и этнологическихъ.

По содержанію своему, трудъ г-на Елисѣева можно раздѣлить, главнымъ образомъ, на три отдѣла: Европа, Африка, Азія. Первому отдѣлу посвящено авторомъ тринадцать главъ, въ которыхъ описывается Финляндія, озерная страна, Олонецкая губернія, Чердынскіе лѣса, Ильменскій бассейнъ и Бѣлозерье. Второй отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ Египетъ, причемъ авторъ болѣе подробно останавливается на Александріи и Каирѣ, описываетъ экскурсіи къ пирамидамъ, Нильскую долину, Верхній Египетъ. Въ третьемъ отдѣлѣ особенно интересны главы, гдѣ авторъ говоритъ о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, съ которыми связано такъ много событій изъ священной исторіи.

Многочисленные рисунки въ текстѣ, сдѣланные извѣстными художниками отчасти по наброскамъ самого А. В. Елисѣева, отчасти же позаимствованные изъ другихъ сочиненій, — встрѣчаются буквально на каждой страницѣ. Благодаря такому обилію рисунковъ, самое описаніе выигрываетъ не только въ живости и образности представляемыхъ имъ картинъ, но и въ томъ интересѣ, который оно можетъ вызывать въ читателѣ.

Съ внѣшней стороны трудъ д-ра Елисѣева изданъ роскошно: на хорошей бумагѣ, рисунки и виньетки воспроизведены прекрасно; жаль только, что шрифтъ слишкомъ мелокъ. Въ заключеніе остается только пожелать, чтобы почаще появлялись такія прекрасныя безплатныя приложенія къ нашимъ журналамъ, подчасъ дающимъ самыя невозможныя „преміи“, подраздѣляемыя изобрѣтательными на рекламу издателями на многочисленныя рубрики,—имъ-же имя легіонъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (*40 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (*22 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (*3 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (*14 экз.*),	съ портр., 9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (*32 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (*41 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (*30 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг.,	12 книгъ,	съ портретами, 9 руб.

Редакторъ-издатель: С. Зыковъ.